Элизе Реклю

Земля и люди

Всеобщая географія

А 42 ~~6~~ ~~2~~
3/2

ЗЕМЛЯ И ЛЮДИ.

ВСЕОБЩАЯ ГЕОГРАФІЯ.

ЭЛИЗЕ РЕКЛЮ.

I.

ГРЕЦІЯ. — ЕВРОПЕЙСКАЯ ТУРЦІЯ. — БОЛГАРСКІЯ ЗЕМЛИ. — РУМЫНІЯ. — СЕРБІЯ. — ЧЕРНОГОРІЯ. — ИТАЛІЯ. — ИСПАНІЯ И ПОРТУГАЛІЯ.

Съ 71 гравюрою и 1 картою.

Изданіе 2-е исправленное и дополненное.

7044

~~№ 504.~~
VI. 1950.

Географическое Общество
БИБЛИОТЕКА
Союза ССР

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія Высочайше утвержд. Товарищества «Общественная Польза»,
Б. Подъяческая, № 39,
1892.

Рисунки дозволены цензурою.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЕЙ.

Въ виду значительныхъ перемѣнъ въ политической жизни Европы, послѣдовавшихъ со времени перваго изданія и коснувшихся, главнымъ образомъ, описываемыхъ въ настоящемъ томѣ странъ, мы сочли необходимымъ выпустить второе изданіе перваго тома, исправленное и дополненное согласно новому, недавно закончившемуся французскому изданію.

Издатели.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе автора I
Главные источники. IV
Сравнительная таблица мѣръ. VI

ГЛАВА I.

Общій взглядъ 1

ГЛАВА II.

Европа.

I.

Границы 7

II.

Естественные раздѣлы и горы 10

III.

Морской поясъ 14

IV.

Климатъ 18

V.

Племена и народы 21

ГЛАВА III.

Средиземное море.

I.

Формы и воды бассейна 27

II.

Фауна, рыболовство и соляные промыслы 34

III.

Торговля и мореплаваніе 38

ГЛАВА IV.

Грецiя.

I.

Общій видъ 44

II.

Континентальная Грецiя 55

III.

Морея или Пелопонезъ 70

IV.

Острова Эгейскаго моря 86

V.

Іоническіе острова 93

VI.

Настоящее и будущее Грецiи 100

VII.

Правленіе, администрація и политическое дѣленіе 109

ГЛАВА V.

Европейская Турцiя.

I.

Общій видъ 113

II.

Критъ и острова Архипелага 122

III

Поморье Эллинской Турцiи: Ѳракія, Македонія и Олимпъ 131

IV.

Албанія и Эпиръ 152

V.

Правительство и администрація 169

ГЛАВА VI.

Болгарскія земли.

I.

Деспото-Дагъ и Восточная Румелія 179

II.

Балканы и собственно Болгарія 183

ГЛАВА VII.

Румынія 197

ГЛАВА VIII.

Сербія и Черногорія.

I.

Сербія 225

II.

Черногорія 238

ГЛАВА IX.

Италія.

I.

Общій видъ 244

II.

Бассейнъ По 253

III.

Лигурія или Генуэзскій берегъ 310

IV.

Долина Арно, Тоскана 322

V.

Римскія Апеннины, долина Тибра, Мархіи и Абруццы 350

VI.

Южная Италія, Неаполитанскія Провинціи 384

VII.

Сицилія 422

VIII.

Сардинія 458

IX.

Настоящее положеніе Италіи 481

X.

Правительство и администрація 495

ГЛАВА X.

Мальта и Гоццо 504

ГЛАВА XI.

Корсика 509

ГЛАВА XII.

Испанія.

I.

Общій взглядъ. 523

II.

Плоскогорья Кастилій, Леона и Эстрамадуры. 538

III.

Андалузія 573

IV.

Мурція и Валенція 621

V.

Балеарскіе острова 640

VI.

Долина Эбро, Арагонія и Каталонія 652

VII.

Баскскія провинціи, Наварра и Логровьо 683

VIII.

Сантандеръ, Астурія и Галиція 704

IX.

Нынѣшнее состояніе Испаніи 724

X.

Правленіе и администрація 733

ГЛАВА XIII.

Португалія.

I.

Общее обозрѣніе 740

II.

Сѣверная Португалія, долины Минго, Дуро и Мондего 747

III.

Долина Таго, Эстремадура 767

IV.

Южная Португалія, Алемтейхо и Алгарвія 782

V.

Статистика Португаліи 789

VI.

Правленіе и администрація 795
Алфавитный указатель 799

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА.

Изданіе всемірной географіи можетъ показаться предпріятіемъ слишкомъ смѣлымъ, но оно оправдывается замѣчательными успѣхами, сдѣланными въ послѣднее время и продолжающими совершаться въ научномъ завоеваніи нашей планеты. Въ странахъ, находящихся съ давняго времени во владѣніи цивилизованнаго человѣка, раскрыта большая часть тайнъ; обширныя пространства, еще не посѣщавшіяся европейцемъ, присоединены къ міру извѣстному; самые законы, которымъ повинуются земныя явленія, изслѣдованы нынѣ съ большою точностью. Пріобрѣтенія науки такъ многочисленны и такъ важны, что врядъ-ли можно ихъ ввести въ видѣ резюме въ какое-нибудь старое сочиненіе, какъ бы ни было оно замѣчательно, какъ, напримѣръ, сочиненіе знаменитаго Мальтъ-Брэна. Въ новое время нужны новыя книги.

Мнѣ хотѣлось-бы описать всѣ страны Земли и представить ихъ глазамъ читателя такъ, какъ будто я самъ объѣхалъ ихъ всѣ и лично ознакомился съ ними съ различныхъ сторонъ; но для отдѣльнаго человѣка Земля почти безконечна, и я принужденъ воспроизводить безконечный рядъ земныхъ картинъ лишь при посредствѣ путешественниковъ. Впрочемъ, я старался не слѣдовать слѣпо моимъ путеводителямъ, а провѣрялъ ихъ описанія и разсказы непрерывными чтеніями, и привожу чужія слова лишь послѣ строгаго обсужденія, сопоставляя ихъ съ представленіемъ о живой природѣ.

Но сама природа постоянно измѣняется вмѣстѣ съ людьми, которыхъ она питаетъ. Внутреннія движенія то поднимаютъ, то опускаютъ горы; текучія воды сносятъ землю и влекутъ ее въ море; теченія подмываютъ скалы и строятъ архипелаги; жизнь кипитъ въ волнахъ и безпрестанно измѣняетъ поверхность земли; сами, наконецъ, люди — земледѣліемъ, промышленностью, торговыми путями измѣняютъ видъ и первичныя условія материковъ, на которыхъ они живутъ, и въ то же время не пере-

стаютъ измѣняться сами вслѣдствіе переселеній и смѣшенія народностей. Подвижность всего окружающаго насъ — безконечна, но тѣмъ не менѣе слѣдуетъ попытаться дать объ ней понятіе, изобразить какъ среду первичную такъ и среду измѣняющуюся. Уже въ книгѣ „*Земля*“, составляющей въ нѣкоторомъ родѣ предисловіе къ настоящему сочиненію, я пытался описать въ общемъ всѣ движенія, происходящія на поверхности земнаго шара; теперь же слѣдуетъ прослѣдить ихъ въ подробностяхъ на материкахъ и на морѣ. Я чувствую, что подобное сочиненіе не легко довести до конца, но извиненіе своей смѣлости нахожу въ самой громадности задачи, которой я искренно посвящаю быстро летящіе часы моей жизни. Почти незамѣтная капля паровъ, блеснувшая на минуту въ пространствѣ, отражаетъ въ себѣ вселенную, которая окружаетъ ее своею неизмѣримостью. Такъ и я постараюсь отразить окружающій міръ.

Формальная географія, состоящая въ указаніи долготъ и широтъ, въ перечисленіи городовъ, деревень, политическихъ и административныхъ дѣленій, займетъ въ моемъ трудѣ второстепенное мѣсто. Всѣ желательныя свѣдѣнія для этой части географической науки найдутся въ атласахъ, словаряхъ, оффиціальныхъ документахъ. Я не желалъ бы увеличивать безполезно размѣры сочиненія, которое будетъ и безъ того уже весьма пространно, нетрудною выпискою многочисленныхъ таблицъ цифръ и именъ, и боюсь вдаться въ область картографіи и чистой статистики. Присоединяя къ своей книгѣ значительное число картъ, я вовсе не имѣлъ претензіи составить что-нибудь въ родѣ атласа, и тѣмъ избавить читателя отъ надобности прибѣгать къ спеціальнымъ изданіямъ. Обыкновенныя карты имѣютъ цѣлію дать изучающему ихъ всѣ безъ исключенія свѣдѣнія, относящіяся къ очертанію земли и расположенію морей; рисунки-же и чертежи *Новой Всемірной Географіи* назначены исключительно для того, чтобы рельефнѣе изобразить явленія, о которыхъ говорится въ текстѣ. Поэтому, сохраняя обязательныя условія точности, я устраню изъ нихъ всѣ второстепенныя подробности. Такимъ образомъ, мои карты, вовсе не замѣняя атласа, должны, такъ сказать, комментировать и объяснять внутренній смыслъ явленій природы и событій исторіи.

Въ моемъ долгомъ путешествіи отъ береговъ Греціи, гдѣ начинается европейская цивилизація, до грозныхъ ледяныхъ горъ, заграждающихъ человѣку доступъ къ землямъ Антарктическимъ, я не буду принуждать себя къ абсолютно строгому порядку. Сама природа представляется весьма разнообразною и не подчиняется какой-либо условной правильности, а поэтому и рутинный порядокъ, которому обыкновенно слѣдуютъ при

описаніи различныхъ странъ, есть порядокъ чисто-внѣшній. Мнѣ кажется болѣе вѣрнымъ руководствоваться въ своемъ трудѣ относительною важностью описываемыхъ явленій и отличительнымъ характеромъ и состояніемъ культуры тѣхъ народовъ, которые будутъ проходить другъ за другомъ въ моихъ описаніяхъ.

Приступая къ столь пространному труду, я долженъ дать читателю обязательство крайней воздержанности въ языкѣ. Было бы слишкомъ много—обѣщать избѣгнуть всякаго лишняго слова, но я буду кратокъ, на сколько это будетъ возможно безъ вреда для ясности изложенія. Земля такъ велика и тысяча четыреста милліоновъ ея жителей представляютъ столько разнообразія и контрастовъ, что врядъ ли возможно будетъ избѣжать иногда безполезныхъ повтореній.

Несмотря на тщательное составленіе и редакцію, мое сочиненіе, къ несчастію, не будетъ свободно отъ многочисленныхъ ошибокъ, изъ коихъ нѣкоторыя неизбѣжно произойдутъ вслѣдствіе непрерывныхъ видоизмѣненій самой природы и человѣчества, и, слѣдовательно, не потребуютъ съ моей стороны никакого извиненія, такъ какъ я не могу имѣть претензіи опережать время. Правда, я предвижу еще и другія ошибки, которыя могутъ произойти или отъ незнакомства съ какими-либо трудами моихъ предшественниковъ, или, что еще важнѣе, отъ какого-нибудь предразсудка, отъ котораго я еще, быть можетъ, не совсѣмъ отдѣлался—поэтому заранѣе прошу у читателей извиненія. Впрочемъ, я могу обѣщать имъ строгость въ работѣ, прямоту въ сужденіяхъ, постоянное уваженіе къ истинѣ. Вотъ что позволяетъ мнѣ обратиться къ нимъ съ полной довѣрчивостью и пригласить ихъ къ изученію вмѣстѣ со мною той „*Благодатной Земли*“, которая носитъ всѣхъ насъ и на которой такъ хорошо было бы жить братьями!

Элизэ Реклю.

ГЛАВНЫЕ ИСТОЧНИКИ,

ПОСЛУЖИВШІЕ МАТЕРІАЛАМИ ДЛЯ СОЧИНЕНІЯ.

Полная библіографія странъ южной Европы занимаетъ цѣлые томы и, кромѣ того, разбросана по разнымъ спеціальнымъ сборникамъ. Ниже указанные источники суть тѣ, которые оказали мнѣ наибольшую пользу, почему добросовѣстность, столько же какъ и признательность, обязываютъ меня указать на нихъ.

Я долженъ также выразить мою благодарность лицамъ, оказавшимъ мнѣ свое содѣйствіе и сдѣлавшимъ поправки. Въ числѣ такихъ лицъ я долженъ назвать: гг. Рейе, Шико, Мортилье, Манцони, Альберта Гейма, Іокима Торреса и барона Давилье. Г. Эрнестъ Дежарденъ простеръ свою любезность до того, что просмотрѣлъ большую часть корректуръ и, благодаря его драгоцѣннымъ указаніямъ, мною были передѣланы цѣлыя страницы.

Въ слѣдующихъ томахъ источники будутъ указаны въ самомъ текстѣ.

Европа.

Houzeau, Histoire du sol de l'Europe.—Carl Ritter, *Europa.*—Kohl, *Die geographische Lage der Hauptstadt Europa's.*

Средиземное море.

W. H. Smith, the Mediterranean.—Dureau de la Malle, *Géographie de la mer Noire et de la Méditerranée.*—Böttger, *das Mittelmeer.*

Грецiя.

Archives des Missions scientifiques, mémoires de Burnouf, Mézières Beulé, Heuzey. Foucart, About, etc.—Leake, *Travels in Northern Greece.*—Bursian, *Geographie von Griechenland.*—Puillon Boblaye, Virlet, *Expédition scientifique de Morée.*—Bory de Saint-Vincent, *Voyage en Morée.*—Curtius, *Peloponnesos.*—Beulé, *Études sur le Péloponnèse.*—Ludw. Ross, *Griechische Inseln.*—J. Schmidt, *Vulkanstudien. Santorin*, 1866 *bis* 1872.

Турцiя.

R. Pashley, *Travels in Crete.*—Raulin, *Description physique de l'île de Crète.*—G. Perrot, *l'Ile de Crète.*—Viquesnel, *Voyage dans la Turquie d'Europe.*—Ami Boué, *la Turquie d'Europe.*—Albert Dumont, *le Balkan et l'Adriatique.*—Lejean, *Ethnographie de la Turquie d'Europe.*—Von Hammer, *Konstantinopel und der Bosporus.*—P. de Tchihatchef, *le Bosphore.*—Heuzey, *Voyage archéologique en Macédoine.*—Fanshawe Tozer, *Researches in the Hightands of Turkey.*—Barth, *Reisen in der Europäischen Turkei.*—Von Hahn, *Albanesische Studien.*—Hecquard, *Histoire et description de la Haute-Albanie.*—Dora d'Istria, *Nationalité albanaise.*—Fr. Maurer, *Reise durch Bosnien.*—E. de Sainte-Marie, *l'Herzégovine.*—Kanitz, *Donau-Bulgarien und der Balkan.*

Румынія.

Vaillant, *la Roumanie.*—Bolliac, *Mémoires pour servir à l'histoire de la Roumanie.*—Fr. Damé, *la Roumanie contemporaine.*—V. Durruy, *De Paris à Bucharest*—Von Rœssler, *Romanische Studien.*—E. Desjardins, *Embouchures du Danube et projet de canalisation maritime.*

Сербія и Черногорія.

Kanitz, *Sérbien.*—Ubicini, *les Serbes de Turquie.*—Cyprien Robert, *les Slaves de Turquie.*—Louis Léger, *le Monde slave.*—Lejean, *Visite au Montenegro.*

Италія.

Zuccagni Orlandini, *Corografia fisica, storica e statistica dell' Italia e delle sue Isole.*—Marmocchi, *Descrizione d'Italia.*—Amato Amati, *l'Italia sotto l'aspetto, fisico, storico, artistico e statistico.*—Taine, *Voyage en Italie.*—Gregorovius, *Wanderjahre in Italien; Geschichte der Stadt Roms.*—Ann. di Saluzzo, *le Alpi che cingono l'Italia.*—Cattaneo e Lombardini, *Notizie naturali e civili su la Lombardia.*—Lombardini, *Pianura subapenninna*—Lombardini, *Condizione idraulico del Po.*—Martins, Gastaldi, *Terrains superficiels de la vallée du Po.*—De Mortillet, *Anciens glaciers du versant méridional des Alpes, et Mémoires divers.*—Bertolotti, *Liguria marittima.*—Targioni Tozzetti, *Voyage en Toscane.*—Salvagnoli Marchetti, *Maremme Toscane.*—Noël der Vergers, *l'Etrurie et les l'Etrusque.*—Beulé, *Fouilles et découvertes.*—Giordano, *Roma e suo territorio.*—Ponzi, *Histoire naturelle du Latium.*—De Prony, *Marais Pontins.*—Ouvrages d'Ampère et de Stendhal, etc.—Davies, *Pilgrimage of the Tiber.*—Francis Wey, *Rome.*—Spallanzani, *Voyage dans les Deux-Siciles.*—Smyth, *Sicily and its Islands.*—Dolomieu, *Voyage aux îles de Lipari.*—De Quatrefages, *Souvenirs d'un naturaliste.*—La Marmora, *Voyage en Sardaigne, Description statistique, physique et politique de l'île.*—Mantegazza, *Profili e paesaggi della Sardegna.*—Von Maltzan, *Reise auf der Insel Sardinien.*—Spano, *Itinerario della Sardegna.*—Correnti e Maestri, *Statistica dell' Italia.*

Корсика.

Marmocchi, *Géographie de la Corse.*—Cregorovius, *Corsica.*—Pr. Mérimée, *Voyage en Corse.*

Испанія.

Coello, *F.* de Luxan y A. Pascual, *Reseñas geográfica, geológica y agrícola de España*—Baron Davillier et Gust. Doré *Voyage en Espagne.*—De Laborde, *Itinéraire descriptif de l'Espagne.*—Bory de Saint-Vincent, *Résumé géographique de Péninsule ibérique.*—De Verneuil et Collomb, *Mémoires géologiques sur l'Espagne.*—Ford, *Handboak for travellers in Spain.*—Fern. Gerrido, *l'Espagne contemporaine.*—Cherbuliez, *l'Espagne politique.*—Ed. Quinet, *Mes Vacances en Espagne.*—Th. Gautier (*Tras los Montes*), *Voyage en Espagne.*—M. Willkomm, *die Pyrenäische Halbinsel; Strand und Steppengebiete der iberischen Halbinsel*—George Sand, *Un Hiver à Majorque.*—Ludw. Salvator. *Balearen in Wort und Bild.*—Bladé, *Études géographiques sur la vallée d'Andorre.*—W. von Humboldt, *Urbewohner Spaniens.*—Eug. Cordier, *Organisation de la famille chez les Basques.*—Paul Broca *Mémoires d'anthropologie.*

Португалія.

Link und Hoffmannsegg, *Voyage en Portugal.*—Minutoli, *Portugal und seine Kolonien.*—Vogel, *le Portugal et ses Colonies.*—Lady Jackson, *Fair Lusitania*—Latouche, *Travels in Portugal.*

Le Bulletin de la Société de géographie, la Revue des Deux-Mondes, l'Ausland, le Globus, la Revue d'anthropologie.

Для того, чтобы читатели, при встрѣчѣ съ метрическими мѣрами и различными монетными единицами, могли имѣть подъ рукою справку объ отношеніяхъ этихъ мѣръ къ русскимъ, мы прилагаемъ здѣсь сравнительную таблицу.

1 метръ равенъ 3,28 рус. или англійск. футамъ.

1 километръ=1000 метр.=0,93 р. версты.

1 миріаметръ=10,000 м.=9,37 р. в.

1 льё равно 4 километрамъ.

1 кв. метръ=10,76 рус. квадр. футовъ.

1 кубич. метръ=35,31 рус. кубич. футовъ.

1 гектолитръ=100 метр.=3,81 четвер.=8,13 р. ведра.

1 килограммъ=2,44 р. фунта.

1 гектаръ=10,000 кв. метровъ=0,91 р. десят.=2,197 кв. саж.

1° Цельзія=0°,8=Реом.; а 1 Реом.=1,25 Цельзія.

4° Реомюра=5° Цельзія=9° Фаренгейта.

1 нов. франц. футъ=$^1/_3$ метра.

1 нов. туазъ=2 метрамъ.

1 франкъ=25 к.=40 австр. крейцерамъ, (которыхъ въ гульденѣ 100) =80 герм. пфеннигамъ; 5 франковъ=1 доллару; 100 пфениговъ=1 маркѣ; 3 марки=1 талеру; 1 ф. стерлинговъ=25 франкамъ. Разсчетъ вѣренъ при сравненіи съ металическимъ рублемъ.

Примѣчаніе. При переводѣ мѣръ приняты только двѣ десятичныя цифры.

ЗЕМЛЯ ВЪ ПРОСТРАНСТВѢ.

НОВѢЙШАЯ

ВСЕМІРНАЯ ГЕОГРАФІЯ.

ГЛАВА I.

ОБЩІЙ ВЗГЛЯДЪ.

Земля есть ни что иное, какъ точка въ пространствѣ, одна изъ звѣздныхъ молекулъ; но для людей, ее населяющихъ, эта молекула все такъ же безгранична, какою казалась и въ отдаленныя времена нашимъ дикимъ предкамъ. Говоря относительно, она безконечна, потому что ея никто еще не обошелъ всю и невозможно предвидѣть, когда она станетъ извѣстна намъ окончательно. Геодезистъ и астрономъ говорятъ намъ, что наша планета кругла и сжата у обоихъ полюсовъ; метеорологъ и физикъ изучили въ неизвѣстномъ полярномъ поясѣ, по научнымъ даннымъ, вѣроятное направленіе вѣтровъ, теченій и льдовъ; но ни одинъ изслѣдователь не видалъ этихъ концевъ Земли; никто не можетъ сказать,—моря или материки простираютвя за великими ледяными преградами, перешагнуть чрезъ которыя не удалось еще никому. Правда, смѣлые моряки, честь нашего времени, сократили постепенно таинственное пространство въ сѣверномъ поясѣ, такъ что въ наше время остается подтвердить тамъ круглоту земли только на пространствѣ сотой части земной поверхности, но за то по другую сторону Земли изслѣдованіямъ мореплавателей остается еще громадное пространство, на которое луна могла бы упасть, не коснувшись даже границъ доступныхъ и изслѣдованныхъ нами областей.

Впрочемъ, не одни только полярныя моря, представляющія столько препятствій предпріимчивости человѣка, принадлежатъ къ числу неизвѣстныхъ пространствъ земли: даже между извѣстными намъ странами есть такія, которыя были бы намъ вполнѣ доступны, если бы только дѣло

шло о природѣ; но, какъ это ни странно при нашей цивилизованной гордости, сами же люди не даютъ къ нимъ доступа. Есть много народовъ, которые имѣютъ города, законы и, относительно, просвѣщенные нравы, но живутъ изолированно и такъ же незнакомы намъ, какъ жители другой планеты, ибо война со всѣми ея ужасами, рабство, религіозный фанатизмъ и наконецъ торговая конкуренція сторожатъ ихъ границы и преграждаютъ туда доступъ. Только по неопредѣленнымъ слухамъ знаемъ мы о существованіи этихъ народовъ; но между ними есть и такіе, о которыхъ намъ неизвѣстно ничего, кромѣ басень. И даже въ наше время, въ вѣкъ паровыхъ машинъ, печати, непрерывной, лихорадочной дѣятельности, центръ Африки, часть Австралійскаго материка, столь прекрасный и вѣроятно столь же богатый островъ Новая Гвинея, обширныя плато внутренней Азіи—принадлежатъ все еще къ области неизвѣстнаго. Даже тѣ мѣста, которыя бо́льшая часть ученыхъ считаютъ обыкновенно колыбелью нашихъ первоначальныхъ предковъ, арійцевъ—изслѣдованы еще весьма недостаточно.

Что касается до странъ, уже посѣщавшихся путешественниками и изображенныхъ на нашихъ картахъ съ сѣтью дорогъ, то подробности ихъ внутренней географіи могутъ сдѣлаться извѣстными лишь послѣ длиннаго ряда сравнительныхъ изслѣдованій. Сколько времени понадобится для устраненія противорѣчій и исправленія ошибокъ всякаго рода, допущенныхъ изслѣдователями въ ихъ описаніяхъ и разсказахъ! Какой громадный трудъ потребуется для полнаго изученія климата, рѣкъ и горъ, растеній и животныхъ! Сколько нужно систематическихъ и серьезныхъ наблюденій чтобы объяснить медленныя видоизмѣненія, совершающіяся во внѣшнемъ видѣ и физическихъ явленіяхъ различныхъ странъ! Сколько предосторожностей придется принять, чтобы съумѣть вѣрно констатировать перемѣны, происходящія вслѣдствіе самопроизвольной игры природы, и видоизмѣненія, производимыя хорошимъ или дурнымъ вліяніемъ человѣка! Вотъ, что́ нужно сдѣлать для того, чтобы осмѣлиться сказать, что мы знаемъ Землю.

Но и это еще не все. Вслѣдствіе естественной склонности нашего ума, всякое изслѣдованіе мы пытаемся свести на изученіе самихъ себя, самаго человѣка, какъ центра вещей, и такимъ образомъ изученіе планеты должно необходимо дополняться, оправдываться, такъ сказать, изученіемъ населяющихъ ее народовъ. Но если Земля, которая носитъ на себѣ людей, мало извѣстна, то люди — относительно еще меньше. Не говоря уже о первоначальномъ происхожденіи племенъ и расъ, которое намъ совершенно неизвѣстно, ихъ ближайшая родословная, родственныя свя-

зи, смѣшеніе большой части племенъ и народовъ, мѣста ихъ исхода и остановокъ—составляютъ еще тайну для самыхъ противорѣчивыхъ мнѣній. Какое вліяніе испытываютъ различныя народности отъ окружающей ихъ природы, отъ среды, въ которой жили ихъ предки, отъ инстинктовъ расы, отъ различныхъ смѣшеній, отъ внесенныхъ извнѣ традицій?— Неизвѣстно,—и развѣ только иногда блеснетъ лучъ свѣта въ этомъ мракѣ. И важнѣе всего то, что не одно только незнаніе составляетъ причину нашихъ заблужденій: антагонизмъ страстей, инстинктивная ненависть между племенами и народами часто также представляютъ людей въ превратномъ видѣ, а не такими, каковы они на самомъ дѣлѣ. Дикари отдаленныхъ странъ представляются нашему воображенію какими-то призраками, и даже наши сосѣди, наши соперники въ цивилизаціи—являются намъ въ искаженномъ видѣ. Чтобы видѣть ихъ въ истинномъ свѣтѣ, намъ нужно сперва отрѣшиться отъ всякихъ предразсудковъ, отъ всѣхъ разъединяющихъ народы чувствъ презрѣнія, ненависти, страха и т. д. Еще нашими мудрыми предками сказано, что самое трудное дѣло это—познать самого себя; на сколько же труднѣе изучить человѣка разомъ во всѣхъ племенахъ человѣческихъ!

И такъ, въ настоящее время невозможно написать истинно Всемірной Географіи, т. е. представить полное описаніе Земли и Людей. Это дѣло предстоитъ соединенному труду будущихъ наблюдателей со всѣхъ концовъ міра, которые соединятся для составленія великой книги человѣческихъ познаній. Отдѣльный работникъ нашего времени можетъ отважиться лишь на составленіе небольшой картины, и притомъ долженъ твердо держаться правилъ перспективы, т. е. отводить мѣста различнымъ странамъ, смотря по степени ихъ значенія и глубинѣ знакомства съ ними.

Всякій народъ, конечно, склоненъ думать, что первое мѣсто въ описаніи земли принадлежитъ его странѣ. Всякое ничтожное дикое племя, ничтожная группа людей, пребывающая еще въ чисто—первобытномъ состояніи, воображаетъ себя центромъ вселенной, совершеннѣйшимъ представителемъ человѣческой породы. И его языкъ непремѣнно свидѣтельствуетъ объ этой наивной иллюзіи, происходящей отъ крайней узкости его умственнаго горизонта: рѣка, орошающая его поля, называется „Отецъ Водъ“; гора, защищающая его лагерь,—„Пупъ Земли“. Имена, которыми эти, находящіеся въ младенчествѣ народы называютъ сосѣднія племена, выражаютъ презрѣніе: они ставятъ иностранцевъ ниже себя, называя ихъ „Глухими“, „Нѣмыми“, „Бармоталами“, „Неряхами“, „Дураками“, „Дьяволами“. Такъ китайцы, которые, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, дѣйствитель-

но, представляютъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ народовъ и превосходятъ всѣ другіе народы, по крайней мѣрѣ численностью, не довольствуясь тѣмъ, что видятъ въ своей прекрасной странѣ „Срединный Цвѣтокъ“, приписываютъ ей такое превосходство, что вслѣдствіе высказываемаго ими къ другимъ презрѣнія, назвали себя „Сынами Неба“. Что же касается народовъ, разбросанныхъ вокругъ „Небесной Имперіи“, то ихъ только четыре: „Собаки“, „Свиньи“, „Дьяволы“ и „Дикари“! Да и заслуживаютъ-ли они, чтобы давать имъ какое — нибудь имя? Не проще-ли называть ихъ „Погаными“, по четыремъ странамъ свѣта: западные, сѣверные, восточные и южные?

Если мы отводимъ въ нашемъ описаніи Земли первое мѣсто цивилизованной Европѣ, то это вовсе не вслѣдствіе предразсудковъ: это мѣсто принадлежитъ ей по праву. Прежде всего европейскій материкъ—единственный, котораго поверхность вся обойдена и изслѣдована научно, карта почти полна, матеріальный перечень почти законченъ. Не имѣя столь густаго населенія, какъ Индія и Центральный Китай, Европа заключаетъ въ себѣ тѣмъ не менѣе около четверти всего населенія земного шара, и ея народы, не смотря на ихъ недостатки и пороки, не смотря на состояніе варварства, въ которомъ они пребываютъ еще во многихъ отношеніяхъ, все-таки руководятъ остальное человѣчество въ трудахъ промышленности и мысли. Именно въ Европѣ, въ теченіе почти двадцати-пяти вѣковъ, не потухалъ главный свѣточъ, испускавшій свѣтъ для наукъ, искусствъ и новыхъ идей, перемѣщаясь постепенно съ юго-востока къ сѣверо-западу. Даже смѣлые европейскіе переселенцы, перенесшіе за моря свои языки и нравы и имѣвшіе громадное преимущество свободно разселиться на дѣвственной землѣ, вовсе не доставили Новому Свѣту того значенія въ развитіи современной исторіи, какимъ пользуется маленькая Европа.

Болѣе дѣятельные, болѣе смѣлые, сбросившіе съ себя часть тяжелаго груза феодальнаго прошлаго, наши американскіе соперники еще слишкомъ немногочисленны, чтобы сумма ихъ трудовъ могла равняться съ нашею. Они могли узнать лишь незначительную часть богатствъ своей новой родины, и даже дѣло предварительнаго изслѣдованія у нихъ далеко еще не окончено. „Старая“ же Европа, гдѣ каждый кусокъ имѣетъ свою исторію, гдѣ каждый человѣкъ по своимъ преданіямъ и по мѣсту своей дѣятельности является уже наслѣдникомъ сотни послѣдовательныхъ поколѣній, сохраняетъ все-таки первое мѣсто, и сравнительное изученіе народовъ убѣждаетъ насъ, что нравственная гегемонія и промышленное превосходство останутся за нею еще надолго. Однако, не подлежитъ

сомнѣнію, что равенство наконецъ возьметъ верхъ не только между Америкою и Европою, но и между всѣми частями свѣта. Благодаря непрерывному скрещиванію народа съ народомъ, племени съ племенемъ, благодаря совершающимся въ огромныхъ размѣрахъ переселеніямъ, благодаря возрастающей легкости обмѣна и путямъ сообщенія, — въ различныхъ странахъ установится постепенно равновѣсіе населенія, каждая страна доставитъ часть своего богатства въ великое достояніе человѣчества, и такъ называемая цивилизація распространится на землѣ такъ, что не будетъ имѣть ни „центра, ни предѣла“.

Извѣстно, какъ могущественно было благодѣтельное вліяніе географической среды, въ смыслѣ климатическихъ условій, на успѣхи европейскихъ націй. Ихъ превосходство не обусловливается, какъ гордо воображаютъ нѣкоторые, свойствами тѣми народовъ, къ которымъ они принадлежатъ, ибо тѣ же самыя племена въ другихъ странахъ древняго міра были далеко не такъ способны къ воспріятію цивилизаціи. Именно счастливыя условія почвы, климата, формы и положенія материка доставили европейцамъ честь стать первыми въ познаніи земли въ ея цѣломъ и оставаться долгое время во главѣ человѣчества. Не безъ основанія историко-географы упираютъ обыкновенно на очертанія различныхъ материковъ и на вытекающія отсюда послѣдствія для судебъ народовъ. Форма возвышенностей, высота горъ, направленіе и обиліе рѣкъ, сосѣдство океана, изгибы береговъ, температура атмосферы, обиліе или недостатокъ дождей, тысячи взаимныхъ отношеній почвы, воздуха и воды, всѣ явленія планетной жизни—имѣютъ въ ихъ глазахъ смыслъ и служатъ къ объясненію, по крайней мѣрѣ отчасти, характера и первобытной жизни народовъ. Они объясняютъ такимъ образомъ бо́льшую часть различій между народами, подчиненными различнымъ вліяніямъ, и указываютъ на землѣ тѣ пути, которымъ неминуемо должны были слѣдовать люди въ своихъ историческихъ приливахъ и отливахъ, переселеніяхъ и войнахъ.

Но во всякомъ случаѣ, нельзя забывать, что общая форма материковъ и морей и всѣ особенныя черты земли имѣютъ въ исторіи человѣчества чрезвычайно измѣнчивое значеніе, смотря по состоянію культуры, достигнутому народами. Если собственно географія, занимающаяся только формою и рельефомъ планеты, выставляетъ намъ пассивное состояніе народовъ въ ихъ прошлой исторіи, то, наоборотъ, географія историческая и статистическая представляютъ людей въ ихъ дѣятельной роли, побѣждающими своимъ трудомъ окружающую среду. Такъ рѣка, которая для какого-нибудь народца, чуждаго цивилизаціи, составляла непреодолимую

преграду, для племени болѣе просвѣщеннаго превращается въ торговый путь, а впослѣдствіи, быть можетъ, обратится въ простой оросительный каналъ, направленіе котораго человѣкъ измѣнитъ по своему произволу. Такъ гора, которую переходили только пастухи и охотники, и которая преграждала путь народамъ, въ болѣе цивилизованную эпоху привлекла рудокоповъ и промышленниковъ, а затѣмъ, благодаря перерѣзавшимъ ее дорогамъ, вовсе перестала быть препятствіемъ. Такъ маленькая морская бухточка, въ которой стояли небольшія суда нашихъ предковъ, теперь уже покинута, а другая, глубокая бухта, когда-то страшная для судовъ, защищенная нынѣ громадною плотиною, построенною изъ обломковъ скалъ, сдѣлалась пристанищемъ для большихъ кораблей.

Эти безчисленныя измѣненія, производимыя человѣческою промышленностью на всѣхъ точкахъ земного шара, обусловливаютъ одинъ изъ важнѣйшихъ переворотовъ въ отношеніяхъ человѣка къ самимъ материкамъ. Форма и высота горъ, размѣръ плоскогорій, извилистость береговой линіи, расположеніе острововъ и архипелаговъ, пространность морей—мало по малу теряютъ свою относительную важность въ исторіи народовъ, по мѣрѣ того, какъ послѣдніе выигрываютъ въ силѣ и свободѣ дѣйствій. Подчиняясь вліянію среды, человѣкъ въ то же время видоизмѣняетъ ее въ свою пользу; онъ, такъ сказать, смягчаетъ природу, и силы земли обращаетъ въ служебныя для себя силы. Можно привести въ примѣръ высокія плоскогорья Центральной Азіи, отнимающія нынѣ всякое географическое единство у окружающихъ ихъ земель и полуострововъ, но будущее изслѣдованіе и промышленныя побѣды дадутъ въ результатѣ для Азіи ту цѣлостность, которая до сихъ поръ существуетъ только по виду. Даже тяжелая и массивная Африка, однообразная Австралія, наполненная лѣсами и сѣтью водъ Южная Америка—будутъ пользоваться впослѣдствіи тѣми же выгодами и достигнутъ той же подвижности, какъ и Европа, когда торговые пути, прорѣзавъ эти страны во всѣхъ направленіяхъ, преодолѣютъ рѣки, озера, пустыни, горы и возвышенности. Съ другой стороны, преимущества Европы, которыми она обязана расположенію горъ, развѣтвленію рѣкъ, очертанію своихъ береговъ, общему равновѣсію своихъ формъ, утратили свое относительное значеніе съ тѣхъ поръ, какъ къ первобытнымъ средствамъ, доставляемымъ природою, люди присоединили свои промышленныя механическія орудія.

Чтобы понять общую географію Европы, надо помнить именно этотъ главный фактъ постепеннаго измѣненія въ историческомъ значеніи внѣшняго вида земель. Изучая пространство, надо принимать въ соображеніе и другой, столь же важный элементъ—время.

ГЛАВА II.

ЕВРОПА.

I.

ГРАНИЦЫ.

Уже со времени первыхъ военныхъ и торговыхъ экспедицій, жители восточныхъ береговъ Средиземнаго моря должны были научиться отличать три встрѣчающіеся здѣсь другъ съ другомъ материка. Въ этомъ центрѣ древняго міра Африка едва соединяется съ Азіею узкою полосою безплодныхъ песковъ, а Европа отдѣляется отъ Малой Азіи непрерывнымъ рядомъ морей и проливовъ съ опасными теченіями. Дѣленіе извѣстной земли на три отдѣльныя части зародилось въ умѣ еще юныхъ народовъ, и когда мифы и устныя преданія, съ возмужалостью эллинскаго племени, замѣнились письменною исторіею, имя Европы являлось уже пережившимъ вѣроятно длинный рядъ поколѣній. Геродотъ наивно утверждаетъ, что ни одному смертному не суждено узнать когда-либо истинное значеніе этого слова. Новѣйшіе ученые однако же пытались истолковать это завѣщанное праотцами названіе, и одни видятъ въ немъ древнее названіе „широкихъ равнинъ“, примѣнявшееся первоначально къ Франціи, которое распространилось впослѣдствіи на всю Европу; другіе же производятъ его отъ прозвища Зевса „широкоглазый“—древній богъ солнца, покровительствующій материку. Нѣкоторые этимологи думаютъ, что Европа была названа такъ финикіянами, обозначавшими этимъ названіемъ страну „Бѣлыхъ людей“. Но во всякомъ случаѣ вѣроятнѣе, что слово Европа имѣло первоначально смыслъ „запада“, въ противоположность Азіи, странѣ солнечнаго восхода. Точно такимъ же образомъ Италія, а потомъ Испанія, назывались Гесперіей, западная Африка названа мусульманами Магребъ, а долины за рѣкою Миссисипи уже въ наше время стали называться „Far West“ т. е. Дальній Западъ.

Но каково бы ни было первоначальное значеніе этого слова, Европа, по всѣмъ древнимъ миѳамъ,—дочь Азіи. Финикійскіе мореплаватели первые изслѣдовали европейскіе берега и при помощи мѣновой торговли ввели ихъ народонаселенія въ сношенія съ народами восточнаго міра. Когда же дочь превзошла въ цивилизаціи свою мать, и когда эллинскіе путешественники продолжали открытія, начатыя тирскими моряками, то всѣ земли къ сѣверу отъ Средиземнаго моря стали уже считаться принадлежностью Европы. Эта часть свѣта, заключавшая въ себѣ первоначально, можетъ быть, только большой Фракійско-эллинскій полуостровъ, увеличиваясь постепенно, стала обнимать Италію, Испанію, Галлію и всѣ сѣверныя страны, лежащія по ту сторону Альповъ и Дуная. По Страбону, Европа, уже извѣстная въ своей наиболѣе неровной и „оживленной“ части, ограничивалась на востокѣ Меотійскими болотами и рѣкою Танаисомъ.

Новѣйшіе географы отодвинули границу между Европою и Азіею дальше къ востоку, но конечно и это дѣленіе весьма условно, ибо Европа, ограниченная со всѣхъ другихъ сторонъ морями, на востокѣ сливается съ территоріею Азіи такъ, что начиная отъ границъ Сибири и Кавказа, она на самомъ дѣлѣ есть не что иное, какъ просто полуостровъ Азіатскаго материка. Однако же различіе между этими двумя частями свѣта слишкомъ значительно, чтобы наука могла устранить раздѣленіе Европы и Азіи, какъ двухъ особыхъ континентальныхъ массъ. Но гдѣ же истинная линія раздѣла? Картографы держатся обыкновенно административныхъ границъ, которыя угодно было провести русскому правительству между своими громадными европейскими и азіатскими владѣніями, то есть руководствуются просто капризомъ. Другіе же принимаютъ границею двухъ материковъ Кавказскій хребетъ и Уральскія горы; это дѣленіе кажется на первый взглядъ разумнѣе, но оно тѣмъ не менѣе также неосновательно. Склоны одной и той же горной цѣпи не могутъ быть разсматриваемы какъ принадлежащіе къ различнымъ формаціямъ, и всего чаще они бываютъ населены народами одного происхожденія. Истинный поясъ раздѣла между Европою и Азіею опредѣляется вовсе не горными системами, а напротивъ рядомъ низменностей, которыя занималъ нѣкогда морской рукавъ, соединявшій Средиземное море съ Ледовитымъ океаномъ. Степи Маныча, къ сѣверу отъ Кавказа, отдѣляющія Черное море отъ Каспійскаго, и теперь еще частію покрытыя солеными озерами, само Каспійское, а также Аральское и другія озера, раскинутыя по направленію къ Обской губѣ, представляютъ собою остатки древ-

няго моря, и ихъ промежуточныя пространства сохраняютъ еще слѣды наполнявшихъ ихъ когда-то водъ.

Не говоря уже о перемѣнахъ, которыя должны были совершиться во внѣшнемъ видѣ Европы въ предшествовавшіе геологическіе періоды, можно сказать положительно, что форма материка значительно измѣнилась и въ новѣйшую эпоху. Если Европа была отдѣлена прежде отъ западной Азіи морскимъ рукавомъ, то, съ другой стороны, было время, когда она соединялась съ Анатоліею посредствомъ перешейка, въ которомъ открылся впослѣдствіи Константинопольскій проливъ. Даже Испанія соединялась съ Африкою, пока воды океана не ворвались въ Средиземное море; а Сицилія, вѣроятно, соединялась съ Мавританіею. Наконецъ Британскіе острова составляли часть материка. Размываніе земли моремъ, равно какъ поднятіе и пониженіе земель не переставали и не перестаютъ еще измѣнять очертанія морскихъ береговъ. Многочисленныя измѣренія, произведенныя въ моряхъ, омывающихъ западную Европу, открыли существованіе подводнаго плато, которое съ геологической точки зрѣнія должно быть разсматриваемо какъ составная часть материка. Окруженный безднами въ нѣсколько тысячъ метровъ глубины и покрытый водою въ высоту отъ 50 до 200 метровъ, этотъ пьедесталъ Франціи и Британскихъ острововъ есть ничто иное, какъ основаніе древнихъ земель, разрушенныхъ постепенною работою волнъ, разрушенный фундаментъ исчезнувшаго континентальнаго зданія. Если бы присоединить къ Европѣ всѣ подводныя отлогости берега океана, то онѣ увеличили бы материкъ приблизительно на четверть его поверхности, но въ то же самое время онѣ отняли бы у Европы то богатство полуострововъ, которое доставило ей историческое превосходство надъ другими частями свѣта.

Если бы мы вообразили себѣ, что материкъ, вмѣсто поднятія на 200 метровъ, опустился бы на столько же къ низу, то Европа занимала бы только половину своего теперешняго протяженія: всѣ низменныя равнины, бо́льшая часть которыхъ составляли нѣкогда морское дно, вновь погрузились бы въ океанъ, такъ что надъ водою остался бы только остовъ изъ возвышенностей и горъ, гораздо болѣе изрѣзанный заливами и окаймленный полуостровами, чѣмъ нынѣ существующій берегъ. Вся западная и средиземная Европа составила бы огромный островъ, окруженный на половину затопленными землями, какъ напр. Сицилія и Великобританія, и отдѣляемый широкимъ проливомъ отъ слегка приподнятыхъ равнинъ внутренней Россіи. Эта-то масса какъ для исторіи, такъ и для геологіи, и есть истинная Европа. Россія, на половину азіатская, уже по своему исключительному климату, по виду своихъ однообразныхъ равнинъ и без-

конечныхъ степей, соединена весьма тѣсно съ Азіею, какъ своими племенами, такъ и историческимъ развитіемъ; можно даже сказать, что она стала частью Европы только немного болѣе вѣка тому назадъ. И такъ, новѣйшая цивилизація, результатъ безчисленныхъ цивилизацій, счастливо соединившихся въ одинъ общій потокъ, родилась среди острововъ, полуостововъ, долинъ, небольшихъ бассейновъ, среди различныхъ уровней морской и гористой Европы, среди ея живой и исполненной неожиданныхъ контрастовъ природы. Подобно тому, какъ воды, стекая съ горъ, удобряютъ окружающія равнины плодоноснымъ иломъ, — прогрессъ во всѣхъ его видахъ распространялся изъ этого центра мало по-малу по материкамъ до крайнихъ предѣловъ Земли.

II.

ЕСТЕСТВЕННЫЕ РАЗДѢЛЫ И ГОРЫ

Европа, заключая въ себѣ, кромѣ трехъ средиземныхъ полуострововъ, Францію, Англію и Германію, дѣлится естественнымъ образомъ на нѣсколько частей. Британскіе острова, благодаря окружающему ихъ морю, представляютъ первую, совершенно отдѣльную группу. Испанскій полуостровъ также не менѣе отдѣленъ отъ остальной Европы, ибо граничитъ съ Франціею настоящимъ горнымъ валомъ, который принадлежитъ къ числу самыхъ неприступныхъ во всемъ материкѣ; кромѣ того, непосредственно къ сѣверу отъ Испаніи, лежитъ глубокая низменность, которая соединяетъ океанъ съ Средиземнымъ моремъ и имѣетъ раздѣльный порогъ, недостигающій и двухсотъ метровъ высоты. Полное географическое единство существуетъ только для Альпійской системы и примыкающихъ къ ней горныхъ цѣпей Франціи, Германіи, Италіи и Эллинскаго полуострова: — это и есть остовъ континентальнаго зданія.

Альпійская система, обязанная своимъ старымъ кельтскимъ названіемъ вѣроятно бѣлизнѣ своихъ высокихъ снѣговыхъ вершинъ, тянется громадною кривою линіею, болѣе чѣмъ въ 1,000 километровъ, отъ береговъ Средиземнаго моря къ бассейну Дуная. Въ дѣйствительности, она представляетъ десятка три каменныхъ грядъ, образующихъ столько же различныхъ геологическихъ группъ, соединенныхъ другъ съ другомъ весьма высокими порогами; ея скалы, состоятъ ли онѣ изъ гранита, шифера, песчаника или известняка, расположены непрерывнымъ валомъ

надъ низкими равнинами. Въ предшествовавшія намъ времена Альпы были гораздо выше, какъ въ этомъ можно убѣдиться изъ изученія обваловъ и полуразрушенныхъ естественными силами слоевъ; но какъ бы они ни понизились, они все-таки еще сотнями вершинъ восходятъ въ область постоянныхъ снѣговъ, и въ верхнія долины ихъ текутъ со всѣхъ высокихъ гребней огромныя ледяныя рѣки. Изъ Пьемонта и Ломбардіи ледники эти представляютъ собою блестящую діадему, покрывающую вершины горъ.

Въ западной части альпійской системы, т. е. отъ Средиземнаго моря до Монъ-Блана, высочайшаго пункта въ Европѣ, средняя высота горныхъ группъ увеличивается постепенно отъ 2,000 метровъ до 4,000 и болѣе. Къ востоку отъ большого углового узла Альпъ, образуемаго Монъ-Бланомъ, система измѣняетъ свое направленіе и, за двумя могучими твердынями Монъ-Розы и Оберланда, начинаетъ постепенно понижаться, такъ что къ востоку отъ швейцарскихъ Альпъ ни одна вершина не достигаетъ высоты 4,000 метровъ, а средняя высота горъ уменьшается приблизительно на цѣлую треть; но, понижаясь, горная область за то постепенно расширяется, вслѣдствіе расширенія горныхъ массъ и расхожденія цѣпей. Между тѣмъ, какъ главная ось Альпъ сохраняетъ направленіе къ сѣверо-востоку, швейцарскія Альпы отдѣляютъ отъ себя къ сѣверу, къ востоку и къ юго-востоку весьма значительныя цѣпи, ширина которыхъ становится вдвое болѣе, такъ что, приближаясь къ Вѣнѣ, собственно Альпы стаиовятся не менѣе 4,000 километровъ шириною.

Растягиваясь, такимъ образомъ, Альпійская система теряетъ свой первоначальный характеръ и видъ: въ ней уже нѣтъ ни большихъ горныхъ массъ, ни ледниковъ, ни снѣжныхъ полей; къ сѣверу она опускается постепенно въ долину Дуная, а къ югу развѣтвляется на второстепенныя цѣпи, расходящіяся по плоской возвышенности Турціи. Не смотря на крайнее различіе, представляемое картиною великихъ Альпъ и видами Черногоріи, Гемуса, Родопа, Пинда, тѣмъ не менѣе, всѣ эти горные хребты принадлежатъ къ одной и той же орографической системѣ: весь Фракійско-эллинскій полуостровъ долженъ быть разсматриваемъ, какъ естественное продолженіе Альпъ. То же самое надо сказать и объ Итальянскомъ полуостровѣ, ибо, изогнутый по длинной кривой, Апеннинскій хребетъ составляетъ продолженіе цѣпи Приморскихъ Альпъ, такъ что нельзя сказать навѣрно, гдѣ должна быть проведена между ними условная граница. Наконецъ, къ числу горныхъ цѣпей, примыкающихъ къ Альпійской системѣ, надо причислить и Карпаты, которые отдѣлены отъ нихъ постепенною дѣятельностью воды уже въ позднѣйшій геологическій пері-

одъ. Несомнѣнно также, что полукругъ горъ, образуемый Малыми Карпатами, Бешкидами, Татрою, Большими Карпатами и Трансильванскими Альпами, нѣкогда соединялся съ одной стороны съ австрійскими Альпами, съ другой — съ передними отрогами Балканъ. Дунай пробилъ въ этихъ каменныхъ валахъ двое воротъ, но ворота эти узки, утесисты и обставлены высокими стѣнами.

Форма альпійскихъ группъ и лабиринта восточныхъ цѣпей должна была имѣть самое рѣшительное вліяніе на исторію Европы, а слѣдовательно и на исторію всего міра. Единственными дорогами для варваровъ были дороги, устроенныя самою природою; азіатскіе народы могли проникнуть въ Европу двумя путями: или моремъ, или черезъ равнины сѣвера. Къ западу отъ Чернаго моря они находили прежде всего озера и непроходимыя болота долины Дуная; но, преодолѣвъ эти препятствія, они встрѣчали высокія горы, за которыми начинается лабиринтъ лѣсистыхъ ущелій и стремнинъ, а затѣмъ и недоступныя тогда области великихъ снѣговъ. Такимъ образомъ Карпаты, Балканы и всѣ выдвинутыя впередъ цѣпи альпійской системы составляли для западной Европы громадный валъ почти въ 1,000 километровъ длиною, наталкиваясь на который кочующія завоевательныя племена рисковали потерять свою силу. Привыкнувъ къ степямъ, къ безграничному горизонту сплошныхъ равнинъ, они не рѣшились карабкаться на эти обрывистыя горы, и поэтому имъ не оставалось ничего болѣе, какъ только повернуть къ сѣверу, на великія германскія равнины, гдѣ послѣдовательныя переселенія могли совершаться свободнѣе. Что же касается завоевателей, увлекаемыхъ слѣпою страстью къ побѣдамъ, которые, не смотря ни на что, пускались въ горныя ущелья, то они оказывались какъ бы въ западнѣ и запутывались въ лабиринтѣ долинъ. Вотъ откуда происходитъ то множество народовъ и отрывковъ племенъ, которые кишатъ въ придунайскихъ странахъ. Въ этомъ уголкѣ материка, какъ въ водоворотѣ рѣки, въ которомъ скопляются всѣ обломки, занесенные туда теченіемъ, перемѣшались остатки почти всѣхъ пришедшихъ съ востока народностей.

Къ югу отъ великой горной преграды, движеніе народовъ между Европою и Азіею могло совершаться только моремъ, т. е. такимъ путемъ, который былъ открытъ только для тѣхъ народовъ, которые уже на столько искусились въ цивилизаціи, что умѣли строить суда. Были-ли они разбойники, купцы или воины,—они давно уже стояли выше первобытнаго варварства и даже своими завоевательными экспедиціями вносили всегда какую-нибудь прибавку къ человѣческимъ знаніямъ. Впрочемъ, вслѣдствіе трудностей снаряженія судовъ и самаго плаванія, группы эмигран-

товъ никогда не могли быть многочисленны. Приставая то къ одному, то къ другому мѣсту, эти новые немногочисленные пришельцы приходили въ столкновеніе съ различными племенами первоначальнаго населенія, и изъ этихъ встрѣчъ рождались мѣстныя цивилизаціи, имѣвшія каждая свой особенный характеръ; но никогда вліяніе иноземцевъ не достигало въ нихъ преобладанія. Всякій островъ архипелага, всякій полуостровъ, всякая долина Эллады отличались отъ сосѣднихъ какъ соціальнымъ устройствомъ, такъ и языкомъ, и нравами, и однако же всѣ оставались греческими, вопреки финикійскимъ и другимъ вліяніямъ, которымъ они подвергались. Такимъ образомъ, благодаря расположенію горъ и береговъ, цивилизація, развивавшаяся постепенно въ средиземномъ мірѣ, на южныхъ склонахъ Альпъ, въ цѣломъ должна была отличаться большею самобытностью стремленій, бо́льшимъ разнообразіемъ и контрастами, нежели остававшаяся значительно позади цивилизація сѣверныхъ народовъ, передвигавшихся то въ одну, то въ другую сторону на великихъ однообразныхъ равнинахъ.

И такъ Альпійскія горы и предгорья, отъ Пинда до Карпатъ, дѣйствительно составляли границу двухъ отдѣльныхъ міровъ, въ которыхъ историческій ходъ былъ совершенно различенъ. Однако, не смотря на отсутствіе путей сообщенія, раздѣльность двухъ склоновъ не была полною. Альпійская система вовсе не представляетъ такихъ большихъ, холодныхъ и пустынныхъ плоскогорій, которыя, какъ въ Андахъ и въ Тибетскихъ горахъ, образовали-бы своими громадными массами непреодолимую преграду. Альпійскія горныя массы всюду прорѣзаны долинами, и климатъ страны вообще довольно мягокъ, такъ что здѣсь возможно не только существованіе, но и увеличеніе народонаселенія. Горцы, покровительствуемые самою природою, охранявшую ихъ независимость, служили нѣкогда посредниками между народами противоположныхъ равнинъ: черезъ нихъ именно совершался обмѣнъ между сѣверомъ и югомъ и проложены между вершинами первыя торговыя тропинки. Направленія долинъ и ущелій давно уже показывали тѣ мѣста, въ которыхъ впослѣдствіи должны были пройти чрезъ горы широкіе пути и желѣзныя дороги, и которыя должны были поставить населенія въ дружескія или во враждебныя между собою отношенія. Та часть Альпъ, которая направляется съ сѣвера на югъ, между кряжами Савойи и горами береговой полосы Средиземнаго моря, раньше другихъ должна была перестать останавливать движеніе вооруженныхъ народовъ, ибо въ этомъ мѣстѣ альпійская система, при большой высотѣ, имѣетъ наименьшую ширину; сверхъ того, климаты обоихъ склоновъ группъ Сениса и Визо совершенно сходны, а вслѣдствіе этого и населенія

ихъ болѣе близки другъ другу по нравамъ и образу жизни. По ту сторону Монъ-Блана, въ направленіи къ сѣверо-востоку, простирается часть Альпъ, составляющая уже препятствіе болѣе серьезное, такъ какъ она представляетъ границу двухъ различныхъ климатовъ.

Другія горныя цѣпи, по сравненію съ Альпами, играютъ въ исторіи Европы совершенно второстепенную роль и имѣютъ лишь мѣстное значеніе, хотя и онѣ также оказывали очевидное вліяніе на судьбы народовъ. Такъ, раздѣльною стѣною между шведами и норвежцами служатъ Скандинавскіе Альпы: четырехугольный бастіонъ горъ Богеміи, населенный сплошь чехами и почти окруженный нѣмцами, представляетъ какъ бы островъ въ центрѣ Европы, осаждаемый волнами моря. Горы Уэльса и высокой Шотландіи, въ Англіи защищали кельтское племя отъ англосаксовъ, датчанъ и норманновъ, а во Франціи бретонцы не офранцузились совершенно только благодаря своимъ скаламъ и ландамъ; плато же Лимузэна, Овернскія горы и Севенны составляютъ главную причину разительной противоположности, существующей еще между населеніемъ сѣвера и юга. Пиренеи изъ всѣхъ горъ Европы, послѣ Альпъ, представляли наибольшее препятствіе къ движенію народовъ: они и до сихъ поръ были бы неприступнымъ валомъ Испаніи, если бы ихъ нельзя было легко обходить моремъ.

III.

МОРСКОЙ ПОЯСЪ.

Долины, расходящіяся по всѣмъ направленіямъ отъ великой горной массы Альпъ, расположены такъ счастливо, что почти всей Европѣ придаютъ замѣчательное единство, не смотря на крайнее разнообразіе ея внѣшняго вида и физическихъ условій. По, Рона, Рейнъ, Дунай текутъ въ самыхъ различныхъ климатахъ, и однако же берутъ начало въ одной и той же области горъ, и наносы, которыми онѣ удобряютъ землю своихъ бассейновъ, происходятъ отъ разрушенія тѣхъ же самыхъ скалъ. Между этими основными большими долинами, Альпы и ихъ предгорія, во всемъ ихъ объемѣ, прорѣзаны еще множествомъ различныхъ другихъ долинъ, которыя несутъ къ морю свои воды съ перетертыми обломками горъ. Текучія воды всюду даютъ природѣ жизнь и движеніе: въ Европѣ нѣтъ ни пустынь, ни большихъ сухихъ плоскогорій, ни запертыхъ бассейновъ, какихъ много на материкахъ Африки и Азіи; нѣтъ также и разливающихся на огромныя пространства рѣкъ, какія на половину затопляютъ

нѣкоторыя части Южной Америки. Рѣки Европы отличаются извѣстною умѣренностью, которая должна была благопріятствовать поселенію земледѣльцевъ, и облегчить такимъ образомъ зарожденіе мѣстной цивилизаціи въ каждомъ бассейнѣ. Впрочемъ, бо́льшая часть рѣкъ, хотя достаточно широки для того, чтобы задерживать переселеніе народовъ, были не въ состояніи останавливать ихъ на долго, такъ что даже въ то время, когда человѣческая промышленность не овладѣла еще почвою Европы посредствомъ дорогъ и мостовъ, варварскимъ переселенцамъ было не трудно пробраться отъ береговъ Чернаго моря къ берегамъ Атлантическаго океана.

Къ числу преимуществъ передъ другими частями свѣта, доставляемыхъ Европѣ строеніемъ горъ и расположеніемъ рѣчныхъ бассейновъ, со времени начала мореплаванія она могла присоединить еще превосходство извилистой формы своихъ береговъ. Двойственный характеръ единства и разнообразія Европы, отличающій ее отъ другихъ материковъ, объясняется главнымъ образомъ очертаніемъ ея берега. Она едина по своей центральной массѣ, но „разнообразна“ по многочисленнымъ, входящимъ въ составъ ея, полуостровамъ и островамъ; можно сказать, что она *организована* и представляетъ какъ бы большое тѣло, снабженное членами. Страбонъ сравнивалъ Европу съ дракономъ, а географы Возрожденія представляли ее обыкновенно коронованною дѣвою, голова которой — Испанія, сердце — Франція, а Англія и Италія — руки, держащія скипетръ и державу. Россія же, тогда еще неизвѣстная и смѣшиваемая съ неизслѣдованными странами Азіи, представляла громадныя складки ея влачащагося платья.

По поверхности своей Европа вдвое меньше Южной Америки и втрое менѣе обширной Африки; но она превосходитъ оба эти материка развитіемъ своего берега: пропорціонально пространству берега ея равны два раза взятымъ берегамъ южной Америки, Африки и Австраліи и немного меньше, чѣмъ берега Сѣверной Америки, у которой, впрочемъ, бо́льшая часть этихъ береговъ приходится на страны холода и постоянныхъ льдовъ. Такимъ образомъ, Европа, какъ это можно представить себѣ по чертежу, имѣетъ то преимущество надъ двумя другими, омываемыми Арктическимъ Ледовитымъ моремъ, материками, что почти весь ея берегъ удобенъ для мореплаванія, между тѣмъ какъ бо́льшая часть береговъ Азіи и Сѣверной Америки не имѣютъ въ настоящее время для человѣка никакой цѣны. Притомъ же море не только глубоко проникаетъ во внутрь уширенной Европы и разрѣзываетъ ее на длинные полуострова, но и въ каждомъ изъ этихъ полуострововъ вырѣзываетъ множество заливовъ и

средиземныхъ морей въ миніатюрѣ. Такимъ образомъ, всѣ берега Греціи, Ѳессаліи, Ѳракіи изрѣзаны полукруглыми заливами и широко вдающимися въ землю бассейнами; Италія и Испанія, на всемъ своемъ наружномъ краѣ, представляютъ также рядъ заливовъ и дугообразныхъ вырѣзокъ; наконецъ сѣверные полуострова Европы: Ютландія и Скандинавія, точно также изрѣзаны морскими водами на множество второстепенныхъ полуострововъ.

Отношеніе береговаго протяженія къ общему контуру видно изъ слѣдующей сравнительной таблицы:

	Европа	Азія.	Африка.	С. Америка.	Ю. Америка.	Австралія
Пространство	9.860,000	43.440,000	29.820,000	20.500,000	18.000,000	7.709,000
Геометр. контуръ	11,153	23,342	19,122	16,084	15,037	9,834
Береговая линія	31 900	57,7 0	28,500	48,240	25,770	14,440
Полезные берега	30,900	47,000	28,500	40,000	25,700	14,400
Отношеніе геометрическаго контура къ берег. протяж.	1:2,86	1:2,47	1:1,49	1: 3	1:1,71	1:1,46

Острова Европы должны быть разсматриваемы равнымъ образомъ какъ части материка, тѣмъ болѣе, что бо́льшая часть ихъ отдѣляются отъ него неглубокими водами. Критъ и многочисленные острова, усѣявшіе Эгейское море, архипелаги Іоническаго моря и далматскаго берега, Сицилія, Сардинія, Корсика, островъ Эльба, острава Балеарскіе — не составляютъ ли въ дѣйствительности продолженій или выдвинутыхъ впередъ морскихъ постовъ сосѣднихъ полуострововъ? Острова Зеландія и Фіонія, при входѣ въ Балтійское море, представляютъ собою земли, доставившія Даніи огромное политическое и торговое значеніе. Великобританія и Ирландія, составлявшія нѣкогда части материка, тѣмъ не менѣе, входятъ въ составъ Европы, хотя неглубокія воды двухъ рукавовъ моря и уничтожили соединявшіе ихъ перешейки. Англія стала даже торговымъ складочнымъ мѣстомъ европейскихъ странъ, и въ движеніи торговли цѣлаго міра играетъ теперь такую же роль, какую нѣкогда Греція играла въ ограниченномъ мірѣ Средиземнаго моря.

Замѣчательно, что каждый полуостровъ Европы пользовался въ исторіи торговымъ преобладаніемъ по очереди. Сперва Грецію, „эта самая прекрасная индивидуальность древняго міра“, въ эпоху своего величія, пользовалась господствомъ надъ Средиземнымъ моремъ, составлявшимъ тогда почти весь міръ. Въ средніе вѣка Амальфи, Генуя, Венеція и другія республики Италіи сдѣлались посредницами обмѣна между Европою и Индіею. Съ открытіемъ морского пути вокругъ Африки и съ открытіемъ Новаго Свѣта монополія крупной торговли перешла въ Кадиксъ,

Севилью, Лиссабонъ, на Иберійскомъ полуостровѣ. Затѣмъ негоціанты маленькой Голландской республики сосредоточили въ своихъ рукахъ часть наслѣдства Испаніи и Португаліи — и богатства всего міра стали стекаться на ихъ, осажденные моремъ, острова и полуострова. Въ наше время главнымъ міровымъ рынкомъ сдѣлалась Великобританія. Лондонъ, самый населенный городъ на землѣ, есть въ то же время и самый сильный центръ притяженія сокровищъ человѣческаго рода. Но, рано или поздно, центръ этотъ начнетъ перемѣщаться въ другое мѣсто, и хотя Англія расположена удивительно хорошо, въ самомъ центрѣ половины земного шара, обнимающей почти всѣ континентальныя массы, но измѣненіе на материкѣ, открытіе новыхъ торговыхъ путей, измѣненія равновѣсія въ группировкѣ народовъ могутъ заставить Лондонъ занять второстепенное мѣсто. Быть можетъ, цивилизація, какъ предсказываютъ американцы, въ своемъ постоянномъ движеніи къ западу, замѣнитъ Лондонъ какимъ-нибудь городомъ Соединенныхъ Штатовъ, а можетъ быть, вслѣдствіе обратнаго движенія къ востоку, родъ человѣческій изберетъ центромъ торговли и главнымъ мѣстомъ сношеній Константинополь или Каиръ.

Какъ бы то ни было, столь замѣчательныя измѣненія, совершившіяся въ короткій періодъ двадцати вѣковъ въ относительномъ значеніи полуострововъ и острововъ Европы, ясно доказываютъ, что значеніе географическихъ чертъ мало по малу измѣняется съ теченіемъ исторіи. Самыя преимущества, которыми природа надѣлила извѣстныя страны, могутъ превратиться съ теченіемъ времени въ серьезныя неудобства. Такъ напримѣръ, маленькія и узкія долины, горные пояса, безчисленные изгибы береговъ, которые нѣкогда благопріятствовали развитію греческихъ городовъ и доставляли аѳинскому порту господство надъ всѣмъ Средиземнымъ моремъ, теперь удаляютъ Элладу отъ остального материка и не позволятъ ей еще долго примкнуть къ сѣти европейскихъ путей сообщенія. И такъ, что́ доставляло нѣкогда силу странѣ, то теперь составляетъ ея слабость. Въ первобытныя времена, когда человѣкъ еще боялся ввѣрять себя судну и слѣдовать опаснымъ морскимъ путямъ, бухты и внутреннія моря составляли непреодолимыя препятствія движенію народовъ; позднѣе же, благодаря развитію мореплаванія, тѣ же самыя бухты и моря сдѣлались главными дорогами для торговыхъ народовъ и весьма благопріятствовали цивилизаціи, а теперь онѣ снова мѣшаютъ проложенію путей и желѣзныхъ дорогъ.

IV.

КЛИМАТЪ.

Если рельефъ почвы и очертаніе береговъ принадлежатъ къ числу элементовъ, имѣющихъ въ исторіи народовъ значеніе измѣнчивое, то свойства климата, наоборотъ, производятъ постоянное и неизмѣнное вліяніе. Въ этомъ отношеніе Европа поставлена въ наиболѣе благопріятныя условія между всѣми странами свѣта: съ незапамятныхъ временъ она пользуется, говоря вообще, самымъ умѣреннымъ, самымъ ровнымъ, самымъ здоровымъ климатомъ на всемъ земномъ шарѣ.

Прежде всего, всѣ части Европы, благодаря заливамъ и внутреннимъ морямъ, глубоко вдающимся въ землю, открыты умѣряющему вліянію океана. За исключеніемъ средины Россіи, представляющей страну на половину азіатскую, въ Европѣ нѣтъ ни одной точки, отстоящей отъ моря болѣе чѣмъ на 600 километровъ, и дѣйствіе морскихъ вѣтровъ, вслѣдствіе однообразія общаго склона отъ центра къ окружности материка, чувствуется повсюду. Такимъ образомъ, не смотря на большую поверхность, европейская территорія пользуется тѣми же преимуществами, какъ и острова: дыханіе океана смягчаетъ одинаково какъ лѣтній зной, такъ и зимній холодъ.

Благодаря постоянному движенію съ юго-запада на сѣверо-востокъ, воды сѣверной части Атлантическаго океана вліяютъ также самымъ благопріятнымъ образомъ на омываемыя ими земли Европы. Теченіе, извѣстное подъ именемъ Гольфстрёма, выходя изъ большого теплаго бассейна Антильскаго моря, гдѣ оно кружится подъ лучами тропическаго солнца, направляется прямо къ Европѣ. Его громадная масса воды, равная двадцати тысячамъ такихъ рѣкъ, какъ Рона, заключая въ себѣ большое количество теплоты, сообщаемой солнцемъ тропическимъ морямъ, несетъ эту теплоту къ западнымъ и сѣвернымъ берегамъ Европы. Притокъ этихъ теплыхъ водъ дѣйствуетъ на климатъ такъ, какъ будто удаляетъ материкъ отъ ледяного пояса и приближаетъ его къ экватору, замѣняя непосредственную теплоту солнечныхъ лучей. И этимъ повышеніемъ нормальной температуры пользуются не только прибрежныя страны Пиринейскаго полуострова, Франціи, острововъ Британскихъ, Скандинавіи, но теченіе это согрѣваетъ постепенно всю Европу до самаго Каспія и Урала.

Воздушныя теченія, какъ и теченія океана, оказываютъ на общій климатъ Европы также благодѣтельное вліяніе. На берегахъ материка

преобладаютъ вѣтры, направленные съ юго-запада, надъ Гольфстрёмомъ, которые, какъ и океаническое теченіе, отдаютъ теплоту, собранную ими въ тропическихъ областяхъ. Вѣтры же сѣверо-западные, сѣверные и сѣверо-восточные, дующіе меньшую часть года, охлаждаютъ меньше, чѣмъ можно было бы ожидать, вслѣдствіе того, что должны проходить надъ поверхностью водъ, согрѣтыхъ Гольфстремомъ. Наконецъ Европа согрѣвается еще частью сосѣдствомъ Сахары, этой истинной печи Стараго Свѣта.

Подъ этимъ двойнымъ вліяніемъ морскихъ и воздушныхъ теченій, средняя температура материка возвышается такъ, что при одной и той же широтѣ превосходитъ температуру другихъ частей свѣта на 5, на 10 и на 15 градусовъ, вслѣдствіе чего изотермы, т. е. линіи одинаковой средней теплоты, нигдѣ, даже на западныхъ берегахъ Сѣверной Америки, не подходятъ такъ близко къ полярному поясу. Сверхъ того, при переходѣ отъ юга къ сѣверу температура уменьшается здѣсь далеко не такъ быстро, какъ въ другихъ частяхъ земного шара. Но главная выгода Европы состоитъ въ томъ, что по своему климату, вся она заключена въ поясѣ умѣренной температуры, между изотермами отъ 20 до 0 градусовъ по стоградусному термометру, между тѣмъ какъ въ Америкѣ и въ Азіи этотъ благодѣтельный поясъ имѣетъ вдвое меньшую ширину.

То-же замѣчательное единство, представляемое годичною температурою Европы, замѣчается и въ распредѣленіи ея дождей. Море, омывающее бо́льшую часть ея окружности, даетъ всѣмъ странамъ необходимую влажность, такъ что въ Европѣ нѣтъ ни одной мѣстности, которая бы не получала ежегодно своей доли дождей, и, за исключеніемъ части Каспійскаго берега и маленькаго уголка на Иберійскомъ полуостровѣ, полныхъ неурожаевъ вслѣдствіе недостатка влажности не бываетъ. Всѣ страны Европы пользуются дождями не только вообще, но и почти во всякое года, за исключеніемъ береговъ Средиземнаго моря, гдѣ дождливыми періодами бываютъ по преимуществу осень и зима, тучи, въ теченіе всего года, распредѣляютъ носимую ими влагу почти совершенно правильно. Впрочемъ, не смотря на большое разнообразіе рельефа и очертаній различныхъ странъ Европы, вообще говоря, дожди бываютъ умѣренны, хотя иногда они увлажняютъ почву въ видѣ тонкихъ тумановъ, какъ въ Ирландіи, а иногда разражаются быстрыми ливнями, какъ въ Провансѣ и на южномъ склонѣ Альпъ. Если не считать крутыхъ скатовъ горъ, о которые разбиваются влажные токи, то среднее количество дождевой воды не превышаетъ одного метра въ годъ. Относительное же постоянство и умѣренность дождей обезпечиваютъ Европѣ весьма правильный порядокъ

рѣчнаго орошенія, такъ что не только рѣки и рѣчки, но даже маленькіе ручьи, по крайней мѣрѣ на сѣверѣ Пиреней, Альпъ и Балканъ, текутъ цѣлый годъ, и прибыль и убыль ихъ воды колеблются обыкновенно въ весьма тѣсныхъ предѣлахъ, вслѣдствіе чего поля рѣдко затопляются на большія пространства, и рѣдко бываютъ лишены всякаго орошенія. Благодаря болѣе равномѣрному естественному распредѣленію воды, изъ меньшаго количества ея Европа можетъ извлекать бо́льшую пользу для земледѣлія и мореплаванія, нежели другія, обильнѣе орошенныя части свѣта. Высокія Альпы въ высшей степени способствуютъ поддержанію правильности стока воды въ рѣчныя ложа. Излишекъ получаемой ими влажности сгущается въ снѣга и льды, которые медленно текутъ въ долины и таютъ въ самое жаркое время года, т. е. именно тогда, когда рѣки питаются водою всего слабѣе и теряютъ наибольшее количество воды посредствомъ испаренія, такъ что они часто высыхали бы вовсе, если бы горные льды не являлись къ нимъ на помощь съ небесными водами. Такимъ образомъ въ общей экономіи рѣкъ устанавливается извѣстное равновѣсіе.

Слѣдовательно, климатъ Европы представляетъ наибольшее разнообразіе въ цѣломъ и наибольшее равновѣсіе въ противоположностяхъ. Океаническія теченія, вѣтры, тепло и холодъ, дожди и текучія воды имѣютъ въ Европѣ правильный и умѣренный ходъ, чего не представляютъ другія части свѣта. Вотъ въ чемъ заключаются тѣ великія преимущества, которыми пользовались народы въ своей прошедшей исторіи и которыя не перестанутъ покровительствовать имъ въ будущемъ. Какъ ни малъ материкъ Европы, однако онъ представляетъ наибольшую поверхность легкой акклиматиціи: люди могутъ безъ большой опасности перемѣщаться изъ Россіи въ Испанію, изъ Греціи въ Ирландію, и, благодаря этой же относительной мягкости переходовъ, народы, пришедшіе съ Кавказа и съ Урала, были въ состояніи перейти равнины и горы до самыхъ береговъ Атлантическаго океана, и вездѣ приспособиться къ окружающей ихъ средѣ. Одинаково благопріятные людямъ, почва и климатъ поддерживали въ нихъ полноту физическихъ и интеллектуальныхъ силъ, и переселяющійся народъ во всякой странѣ Европы находилъ себѣ отечество. Товарищи его труда: собака, лошадь, быкъ, не покидали его на пути, и сѣмена, принесенныя имъ съ собою, приносили жатву, на какомъ бы полѣ они ни были посѣяны.

V.

ПЛЕМЕНА И НАРОДЫ.

Изъ изученія почвы и терпѣливаго наблюденія климатическихъ явленій мы можемъ понять въ общихъ чертахъ, каково было вліяніе природы на развитіе народовъ; но гораздо труднѣе опредѣлить для каждаго племени, для каждой націи, степень ея участія въ успѣхахъ европейской цивилизаціи. Конечно, различныя группы первобытныхъ и невѣжественныхъ людей, находившихся въ борьбѣ съ жизненными нуждами, должны были воздѣйствовать на нее различно, смотря по физической силѣ и ловкости, по степени природнаго ума, по вкусамъ и стремленіямъ духа. Но кто были эти первобытные люди, которые умѣли пользоваться средствами, представляемыми средою, и научились побѣждать препятствія?—Неизвѣстно: факты, совершившіеся нѣсколько тысячъ лѣтъ тому назадъ, скрыты отъ насъ густымъ мракомъ временъ доисторическихъ.

Неизвѣстно даже, каково было происхожденіе европейскихъ народовъ. Были ли мы „сынами Земли“, „отростками дубовъ“, какъ говорили на своемъ поэтическомъ языкѣ древнія преданія, или же наши настоящіе предки были обитатели Азіи, которые принесли намъ наши языки и зачатки нашихъ искусствъ и наукъ? Наконецъ, если Европа была населена своими первобытными жителями, когда въ ней поселились пришельцы изъ сосѣдняго материка, то въ какой пропорціи произошло между ними смѣшеніе? Азіатское происхожденіе европейскихъ народовъ еще недавно считали фактомъ почти неопровержимымъ, и даже отыскивали на картѣ Азіи то мѣсто, въ которомъ жили наши первые прародители; но въ настоящее время большинство ученыхъ ищетъ слѣдовъ нашихъ предковъ на той самой землѣ, на которой живутъ потомки. Почти во всѣхъ частяхъ Европы, въ способахъ окладки гротовъ, на берегахъ озеръ и морей, въ наносахъ древнихъ рѣкъ, геологи находятъ остатки человѣческой промышленности и даже скелеты, которые свидѣтельствуютъ о существованіи промышленнаго населенія гораздо болѣе давняго, чѣмъ предполагаемыя переселенія изъ Азіи. Уже со времени перваго лепета исторіи, многіе народы считались первобытными жителями Европы, и между ихъ нисходящими потомками есть такіе, которые, какъ напримѣръ баски, не имѣютъ ничего общаго съ пришлыми завоевателями сосѣдняго материка. Затѣмъ, еще далеко не всѣми учеными признано, что арійцы, т. е. предки пелазговъ, грековъ, латинянъ, кельтовъ, нѣмцевъ, славянъ,—азіатскаго

происхожденія. Родство языковъ заставляетъ предполагать родство европейскихъ арійцевъ съ персами и индусами, но отсюда еще далеко до сомнительной гипотезы объ общемъ отечествѣ, находившемся, будто бы, на берегахъ Оксуса. По Латаму, Бенфею, Кюно, Шпигелю и другимъ— арійцы были первобытными жителями Европы. Значитъ, тутъ невозможно сказать чего-либо опредѣленнаго. Конечно, не подлежитъ сомнѣнію, что въ доисторическія времена совершались многочисленныя переселенія изъ одного материка на другой, но въ какомъ направленіи они совершались— мы не знаемъ, и потому должны держаться относительно движенія народовъ того, что разсказываетъ намъ исторія. Со времени начала европейскихъ лѣтописей эта часть свѣта дала другимъ материкамъ галатовъ, македонянъ, грековъ и безчисленное множество переселенцевъ уже въ позднѣйшее время; сама же приняла въ себя гунновъ, аваровъ, турокъ, монголовъ, евреевъ, армянъ, цыганъ, мавровъ, берберовъ и негровъ всякихъ племенъ, а теперь принимаетъ японцевъ и китайцевъ.

Не принимая въ разсчетъ второстепенныхъ по значенію группъ населенія, а также племенъ, представители которыхъ не представляютъ собою націй, можно сказать вообще, что Европа раздѣляется на три большія этнографическія области, имѣющія своими общими границами горные кряжи Альпъ, Карпатовъ и Балкановъ. Горы эти, отдѣляющія рѣчные бассейны и служащія границами климатовъ, должны были опредѣлять частью и распредѣленіе племенъ.

Первая группа европейскихъ народовъ занимаетъ южный склонъ альпійской системы: Пиренейскій полуостровъ, Францію и половину Бельгіи. Эта совокупность племенъ греко-латинскихъ языковъ, числомъ всего около ста милліоновъ человѣкъ. Внѣ этого этнологическаго пояса, заключающаго въ себѣ почти всѣ европейскія земли древняго Рима, есть еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ латинскія земли, окруженныя со всѣхъ сторонъ народами другого языка. Таковы румыны нижнихъ равнинъ Дуная и Трансильваніи, а также романцы—верхнихъ альпійскихъ долинъ. За то и среди совершенно латинизованнаго населенія есть два острова: одинъ, сохранившій кельтскій языкъ, въ Британіи, другой — иберійское нарѣчіе въ Пиренеяхъ. Но, взятыя въ цѣломъ, всѣ юго-западныя племена Европы— кельты, иберы и лигуры—подчинились романскимъ нарѣчіямъ. Каковы бы ни были ихъ первоначальныя отличія, нѣтъ никакого сомнѣнія, что родство языковъ мало по малу замѣнило или сильнѣе закрѣпило родство происхожденія.

Группа народовъ германскихъ языковъ занимаетъ меньшій поясъ и по пространству и населенію; она населяетъ весь центръ Европы къ сѣ-

веру отъ Альпъ и примыкающихъ къ нимъ цѣпей и простирается чрезъ Нидерланды и Фландрію до входа въ Ла-Маншъ. Данія и большой Скандинавскій полуостровъ по ту сторону Балтійскаго моря принадлежатъ къ той же группѣ, въ которой они занимаютъ отдѣльное мѣсто вмѣстѣ съ отдаленною Исландіею. Что касается до Британскихъ острововъ, разсматриваемыхъ обыкновенно какъ отрывокъ германской этнографической области, то ихъ скорѣе слѣдуетъ считать мѣстомъ смѣшенія между восточными и южными племенами и языками. Древнее кельтское населеніе Великобританіи, сохранившееся еще въ чистотѣ въ нѣкоторыхъ отдаленныхъ провинціяхъ, тѣмъ не менѣе всюду смѣшалось съ завоевателями — англичанами, саксами и датчанами, и языкъ этихъ побѣдителей смѣшался съ французскимъ языкомъ среднихъ вѣковъ, результатомъ чего вышло смѣшанное нарѣчіе, происшедшее на столько же отъ латинскаго, на сколько и отъ древне-германскаго языка. Находясь въ изолированномъ положеніи среди морей, англичане выработали мало по малу въ своихъ чертахъ, въ своемъ языкѣ и нравахъ замѣчательную національную индивидуальность, которая рѣзко отличаетъ ихъ отъ сосѣдей материка нѣмцевъ, свандинавовъ или кельто-латиновъ.

Славяне образуютъ третью группу европейскихъ народовъ, нѣсколько меньшую численностью въ сравненіи съ греко-латинскою, но занимающую гораздо большее пространство: почти всю Россію, Польшу, бо́льшую часть Балканскаго полуострова и половину Австро-Венгріи. Къ востоку отъ Карпатовъ всѣ великія равнины населены славянами, чистыми или смѣшанными съ татарами и монголами; къ западу же и къ югу отъ этихъ горъ племя раздѣляется на множество отдѣльныхъ народностей, находящихся среди цѣлаго хаоса другихъ націй. Въ этомъ лабиринтѣ придунайскихъ странъ славяне встрѣчаются съ румынами языка латинскаго, равно какъ и съ двумя расами азіатскаго происхожденія — турками и мадьярами, имѣющими по числу значеніе второстепенное. Съ этой стороны міры славянскій и греко-латинскій большею частью отдѣлены другъ отъ друга посредствующимъ поясомъ народовъ различнаго происхожденія, а съ сѣвера между славянами и германцами помѣщаются финны, ливы и латыши.

Впрочемъ, предполагаемыя границы европейскихъ племенъ вовсе не совпадаютъ съ границами ихъ языковъ. Въ мірѣ греко-латинскомъ, а также между германцами и славянами есть много племенъ иного происхожденія, но говорящихъ на томъ же языкѣ, и много родственныхъ племенъ, непонимающихъ другъ друга. Что же касается до политическихъ дѣленій, то они уже вовсе не согласуются съ естественными границами,

установившимися вслѣдствіе добровольнаго выбора народовъ. За исключеніемъ границъ, образуемыхъ высокими горами или водами, лишь немногія границы имперій и государствъ представляютъ въ то же время границы племенъ и языковъ. Тысячи превратностей нападенія и сопротивленія, а также дипломатическія сдѣлки рѣзали европейскія земли на части совершенно случайныя. Нѣкоторые народы, защищенные неровностями почвы и личнымъ мужествомъ, успѣвали сохранить свое независимое положеніе въ эпоху великихъ переселеній; но за то сколько ихъ погибло въ послѣдовательномъ ряду нашествій! Сколько народовъ бывали то побѣжденными, то побѣдителями, и видѣли, какъ ихъ отечество то уменьшалось, то увеличивалось, то снова сокращалось и измѣняло свои границы нѣсколько разъ на глазахъ одного и того же поколѣнія!

„Европейское равновѣсіе“, основанное на правѣ войны и на соперничествѣ честолюбія,—уже по существу своему непрочно Съ одной стороны оно насильственно раздѣляетъ такіе народы, которыесо зданы для того, чтобы жить одною политическою жизнью; съ другой—насильно соединяетъ такіе, которые не чувствуютъ другъ къ другу никакого естественнаго сродства; оно старается смѣшать въ одной и той же націи притѣснителей и притѣсняемыхъ, которыхъ раздѣляютъ другъ отъ друга воспоминанія кровопролитныхъ битвъ и войнъ. Оно вовсе не принимаетъ въ соображеніе свободную волю самого народонаселенія; а эта воля есть сила, которая никогда не исчезаетъ, а продолжаетъ дѣйствовать и, рано или поздно, разрушаетъ искусственное зданіе воиновъ и дипломатовъ, и политическая карта Европы, столь часто предѣлывавшаяся со времени древняго варварства, должна будетъ неминуемо передѣлаться снова. Истинное равновѣсіе установится только тогда, когда всѣ народы будутъ въ состояніи рѣшать свои судьбы сами, откажутся отъ претензіи на завоеванія и станутъ свободно вступать въ союзы съ своими сосѣдями для преслѣдованія общихъ интересовъ. Произвольныя политическія дѣленія имѣютъ переходное значеніе, котораго, конечно, нельзя игнорировать, но мы, въ своихъ послѣдующихъ описаніяхъ, постараемся держаться главнымъ образомъ естественныхъ дѣленій, на которыя указываютъ намъ и рельефъ почвы, и форма рѣчныхъ бассейновъ, и группировка народовъ, соединяемыхъ единствомъ происхожденія и языка. Впрочемъ, и эти дѣленія сами собою теряютъ свое значеніе въ такихъ странахъ, какъ Швейцарія, жители которой, принадлежащіе къ различнымъ племенамъ и говорящіе различными языками, соединены въ одинъ союзъ самою могущественною связью — пользованіемъ общею свободою.

Съ точки зрѣнія исторіи и успѣховъ человѣческаго знакомства съ

Землею, намъ слѣдуетъ начать описаніе Европы съ прибрежныхъ странъ Средиземнаго моря, и именно съ Греціи съ Ѳракійскимъ полуостровомъ, которая должна стать во главѣ всѣхъ другихъ странъ внутренняго морского бассейна. Въ началѣ нашей европейской цивилизаціи Эллада была центромъ всего извѣстнаго въ то время міра; въ ней жили поэты, которые воспѣвали экспедиціи странствующихъ мореплавателей; историки и ученые, которые повѣствовали объ открытіяхъ и классифицировали всѣ факты о странахъ отдаленныхъ. Позднѣе, Италія, расположенная въ самой серединѣ Средиземнаго моря, сдѣлалась, въ свою очередь, центромъ великаго „Круга извѣстныхъ земель“, и ей именно принадлежитъ иниціатива географическихъ изслѣдованій. Роль эта принадлежала ей въ теченіе пятнадцати вѣковъ. Риму наслѣдовали Генуя, Венеція, Флоренція — города, управлявшіе цивилизованнымъ міромъ и служившіе точками отправленія путешествій и открытій въ отдаленныхъ странахъ. Народы группировались вокругъ Средиземнаго моря и Италіи до тѣхъ поръ, пока сами итальянцы не порвали этого круга открытіемъ Новаго Свѣта за океаномъ, котрымъ закончился циклъ собственно средиземной исторіи. Иберійскій полуостровъ, получившій на короткое время преобладающую роль, завершилъ движеніе, начатое въ другомъ концѣ Средиземнаго бассейна Греческимъ полуостровомъ. Послѣдній служилъ посредникомъ между просвѣщенными уже націями Азіи и Африки и варварскими еще народами Европы, а Испанія и Португалія, благодаря своимъ мореплавателямъ, сдѣлались представителями европейскаго міра въ Америкѣ и на крайнемъ востокѣ. Исторія слѣдовала въ своемъ ходѣ вокругъ Средиземнаго моря, какъ около оси.

Поэтому весьма естественно соединить въ одномъ томѣ описанія трехъ южныхъ полуострововъ Европы, тѣмъ болѣе, что они почти цѣликомъ принадлежатъ группѣ народовъ греко-латинскихъ. Франція же, хотя она и латинизована, тѣмъ не менѣе занимаетъ отдѣльное мѣсто, ибо она прилежитъ къ Средиземному морю только оконечностями Прованса и Лангедока, всею же остальною территоріею обращена къ океану; по своему географическому очертанію, а равно и по своей роли въ исторіи, она представляетъ великое мѣсто перехода, обмѣна и столкновенія между прибрежными народами двухъ морей. Благодаря движенію идей, сходившихся сюда изъ всѣхъ частей Европы, она играетъ совершенно спеціальную роль общаго посредника между народами Сѣвера и латинами Юга. Поэтому изслѣдовать Францію и сосѣднія съ нею страны слѣдуетъ въ особомъ томѣ. Затѣмъ мы перейдемъ къ описанію странъ германскихъ,

Британскихъ острововъ, полуострововъ Скандинавскихъ, и закончимъ географію Европы изученіемъ обширной Россіи.

Населеніе Европы въ 1885 г. считалось въ 337.000,000 душъ.

Греко-латины.		Славяне		Германцы.	
Греки и албанцы.	6 000,000	Сѣверные		Нѣмцы, нѣмцы нѣмецкой Швейцаріи и евреи нѣмецкой рѣчи	60.000,000
Итальянцы	29.000,000	славяне .	75 000,000		
Французы.	38.000,000	Южные		Голландцы и фламандцы	7 000,000
Испанцы и португальцы.	21.000,000	славяне .	24 000,000	Скандинавы.	9.000,000
Румыны	8 000,000				
Швейцарцы, бельгійцы и др. . . .	3.000,000				
	105.000,000		99.000,000		76.000,000

Англо-кельты	36.000,000
Мадьяры, турки, финны, кельты, баски и пр.	21.000,000

ГЛАВА III.

СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ.

I.

ФОРМА И ВОДЫ БАССЕЙНА.

Примѣръ Греціи и окружающихъ ее острововъ доказываетъ, что измѣнчивыя волны Средиземнаго моря имѣли больше значенія для историческаго развитія людей, нежели земля, на которой люди жили. Дѣйствительно, западная цивилизація никогда не родилась бы, еслибы Средиземное море не омывало береговъ Египта, Финикіи, Малой Азіи, Эллады, Италіи, Испаніи и Карѳагена. Безъ этого моря, служившаго связью между тремя континентальными массами: Европы, Азіи и Африки, между арійцами, семитами и берберами, безъ этого великаго посредствующаго агента, который умѣряетъ климаты всѣхъ прибрежныхъ странъ и облегчаетъ къ нимъ доступъ, носитъ корабли и распредѣляетъ богатства, ставитъ народы во взаимныя отношенія другъ къ другу, — весь нашъ Западъ оставался бы въ состояніи первобытнаго варварства. Давно уже полагали, что существованіе человѣчества связано съ сосѣдствомъ этого „Средиземнаго моря“, ибо внѣ его бассейна находили только племена, которыя были въ упадкѣ или не родились еще для умственной жизни. „Мы сидѣли на берегу моря, какъ лягушки вокругъ болота“, говоритъ Платонъ, разумѣя при этомъ Средиземное море. Поэтому его слѣдуетъ описать, такъ же какъ и омываемыя имъ земли, населенныя человѣкомъ. Къ сожалѣнію, однообразная поверхность его водъ представляетъ для насъ еще много таинственнаго.

Какъ изученіе береговъ, такъ и преданія народовъ показываютъ намъ, что Средиземное море часто измѣняло свои очертанія и пространство, и ворота, чрезъ которыя воды его смѣшиваются съ водами океана;

часто перемѣщались съ сѣвера на югъ и съ запада на востокъ. Кода полуострова, какъ напримѣръ Грецiя, и даже малые острова, напримѣръ скалистая Мальта, составляли въ позднѣйшую геологическую эпоху часть великихъ сплошныхъ континентальныхъ поверхностей, какъ это доказываетъ ихъ ископаемая фауна,—обширныя пространства африканскихъ земель, южной Россiи, даже Азiи были покрыты водою. Изысканiя Спратта, Фукса и другихъ ученыхъ почти несомнѣнно доказали, что отъ береговъ Аральскаго моря до Сиракузъ, чрезъ Россiю, Валахiю, низменныя равнины Дуная и Эгейское море — тянулось громадное озеро прѣсной воды. Это было около конца міоценоваго перiода. Въ послѣдующее же время прѣсную воду смѣнили соленыя воды океана. Было также время, когда Греческое море соединялось съ Обскою губою посредствомъ Понта Эвксинскаго и Гирканскаго моря. Въ другую эпоху, а можетъ быть и въ то же самое время, Сиртскiй заливъ вдавался далеко въ низкiя равнины, извѣстныя нынѣ подъ именемъ Ливiйской пустыни и Сахары. Гибралтарскiй проливъ, который, какъ говорили древнiе, былъ открытъ рукою Геркулеса, въ дѣйствительности есть результатъ новѣйшаго переворота; Суэцкiй же перешеекъ нѣкогда соединялъ Средиземное море съ Индѣйскимъ океаномъ, а не раздѣлялъ ихъ, и древнiй проливъ такъ ясно обозначался самою природою, что человѣческаго труда оказалось достаточнымъ для его возстановленiя. Непостоянство сосѣднихъ материковъ, на которыхъ горы то разсѣдаются, то подымаются, то опускаются въ воду, измѣняетъ, съ теченiемъ времени, береговую линiю. Кромѣ того, „рѣки-работники“, каковы Нилъ, По, Рона, безпрерывно прибавляютъ все новые и новые наносы къ тѣмъ равнинамъ, которыя онѣ уже образовали въ заливахъ. Форма Средиземнаго моря съ большей или меньшей приблизительной точностью занесена на географическiя карты лишь со времени работъ Делисля, въ 1725 году, Благодаря ему прежняя примитивная система и въ морской гидрографiи, въ силу постоянныхъ и непосредственныхъ наблюденiй, произошелъ рѣзкiй переворотъ. Грубыя, чуть не произвольныя указанiя береговыхъ линiй уступили мѣсто болѣе точнымъ и близкимъ къ истинѣ картамъ. И только съ этихъ поръ явилась возможность болѣе или менѣе точныхъ исчисленiй морской поверхности.

Въ настоящее время Средиземное море и его второстепенныя моря, отъ Гибралтарскаго пролива до Азовскаго моря, занимаютъ поверхность равную, приблизительно, шести площадямъ французской территорiи. Ни размѣръ этотъ, по отношенiю къ протяженiю морей, въ дѣйствительности гораздо меньше, чѣмъ мы можемъ представить себѣ при первомъ взглядѣ на развитiе береговъ Средиземнаго моря, на многочисленность омывае-

мыхъ имъ составныхъ частей материка, на живой и стройный видъ, придаваемой имъ цѣлой трети древняго міра. И все-таки Средиземное море, которое, по своей исторической роли, занимаетъ первенствующее мѣсто между всѣми другими морями и къ которому склоняются рѣчные бассейны значительнаго прибрежнаго пояса Азіи и большей части Африки*), представляетъ только пространство не болѣе одной сто-двадцать-шестой части Тихаго океана. Притомъ поверхность его вовсе не представляетъ цѣлаго, а раздѣляется на отдѣльныя моря, изъ коихъ нѣкоторыя такъ малы, что мореплаватель, въ хорошую погоду, не теряетъ изъ виду береговъ. На востокѣ находится Черное море съ двумя побочными морями: Азовскимъ и Мраморнымъ; между Греціею, Малою Азіею и Критомъ расположено Эгейское море, усѣянное такъ же богато островами и островками, какъ сосѣдніе берега изрѣзаны заливами и бухтами; между полуостровами Апеннинскимъ и Балканскимъ—Адріатическое море, которое тянется къ сѣверо-западу, подобно тому, какъ континентальная Италія вдается въ море; наконецъ, собственно Средиземное море раздѣляется на два бассейна, которые, по историческому воспоминанію, можно обозначить именами морей: Финикійскаго и Карѳагенскаго, или Средиземнаго греческаго и Средиземнаго римскаго, изъ которыхъ каждое, въ свою очередь, подраздѣляется на части: первое островомъ Критомъ, второе — островами Сардиніею и Корсикою.

Эти бассейны, неравные по своему пространству, еще больше различаются по глубинѣ. Маленькое Азовское море почти заслуживаетъ названія „Palus“, болота, которое дали ему древніе, ибо въ немъ корабль не могъ бы затонуть такъ, чтобы мачты не были видны на поверхности воды. Черное море, въ самыхъ низкихъ мѣстахъ своего дна, имѣетъ около двухъ километровъ глубины, а изливается въ Мраморное море просто рѣкою, которая мельче многихъ рѣкъ материка. Глубину же Мраморнаго моря едва можно сравнивать съ глубиною иныхъ внутреннихъ озеръ, а Дарданеллы, равно какъ и Босфоръ, представляютъ собою обыкновенныя рѣки. Въ Эгейскомъ морѣ и восточномъ бассейнѣ собственно Средиземнаго моря, неровности глубины пропорціональны неровностямъ выходящихъ изъ воды земель. Среди „круга“ Цикладъ, ямы и пропасти до 500

---

*) Поверхность Средиземнаго бассейна:

Европейскій склонъ	1.770,000
Азіатскій	600,000
Африканскій.	4.500,000
Морская поверхность	2.987,000
Всего	9 857,000

и даже до 1,000 метровъ встрѣчаются въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ обрывистыми островами, между тѣмъ какъ при берегахъ Египта дно морское нечувствительно опускается къ центральной впадинѣ Сирійскаго моря, гдѣ глубина достигаетъ, по измѣреніямъ, до 3,000 метровъ. Это уже такія бездны, которыя можно сравнивать только съ безднами океана; но къ востоку отъ Мальты есть мѣсто въ 4 километра глубиною. Такимъ образомъ, глубочайшее мѣсто Средиземнаго моря почти совпадаетъ съ географическимъ центромъ всего бассейна. Если бы все Средиземное море обратилось въ шаръ, то шаръ этотъ имѣлъ бы въ діаметрѣ около 140 километровъ, т. е., упавъ на Землю, этотъ шаръ не покрылъ бы вполнѣ даже такую страну, какъ Швейцарія.

Іоническое море ясно отдѣляется отъ впадины Адріатическаго моря порогомъ, возвышающимся въ Отрантскомъ проливѣ, но съ запада оно ограничено еще рѣзче мелями, соединяющими Сицилію съ Тунисомъ и образующими подводный перешеекъ, упоминаемый уже Страбономъ. Такимъ образомъ, Средиземное море оказывается въ геологическомъ отношеніи перерваннымъ, ибо единственныя ворота, соединяющія оба его бассейна, представляетъ лощина глубиною не болѣе 200 метровъ. Западный бассейнъ, который меньше восточнаго и по пространству, и по глубинѣ, представляетъ однако пропасти: въ Тирренскомъ морѣ—болѣе 2,000 метровъ глубиною, а въ Балеарскомъ до 2,500 и даже до 3,000 метровъ,— и затѣмъ оканчивается испано-африканскимъ порогомъ, находящимся не между Гибралтаромъ и Цеутою, гдѣ глубина достигаетъ 920 метровъ, а дальше къ западу, въ томъ мѣстѣ, гдѣ проливъ расширяется къ океану *).

Это раздѣленіе великаго моря на озерныя пространства, между которыми сообщеніе затрудняется подводными порогами, островами и мысами, служитъ объясненіемъ того различія, которое замѣчается въ явленіяхъ океана и Средиземнаго моря, изъ коихъ послѣднее, какъ извѣстно, представляетъ почти у всѣхъ своихъ береговъ неправильность и непостоянство приливовъ и отливовъ. Къ востоку отъ Гибралтарскаго пролива и пространства между берегомъ Андалузіи и Марокко, приливъ и отливъ такъ слабы, нарушенія ихъ правильности вѣтрами и теченіями до того

---

*)

	Западная часть Средиземнаго моря.	Восточная часть Средиземнаго моря.	Адріатическое море.	Эгейское море.	Черное и др.	Все Средиземное.
Поверхность . . .	920,000	1 300,000	130,000	157,000	480,000	2.987,000
Наибольшая глубина	3,000	4,000	900	1,000	1,800	5,000
Средняя глубина. .	1,000	1,500	200	500	500	1,000

часты, что наблюдатели чрезвычайно затруднялись въ опредѣленіи истинной амплитуды прилива и часто противорѣчатъ другъ другу. Однако же повышеніе и пониженіе воды, вслѣдствіе прилива и отлива, на столько ощутительны, что моряки Греціи и Италіи должны были всегда принимать ихъ въ соображеніе. На берегахъ Каталоніи, Франціи, Лигуріи, Неаполитанской области Малой Азіи, Сиріи и Египта колебанія почти незамѣтны, но на берегахъ Западной Сициліи и въ Адріатическомъ морѣ вода можетъ подниматься болѣе чѣмъ на одинъ метръ; когда же приливъ поддерживается бурею, повышеніе водъ изъ обыкновеннаго уровня въ нѣкоторыхъ мѣстахъ можетъ доходить даже до трехъ метровъ. Близъ острова Родоса, въ юго-западномъ углу Малой Азіи, амплитуда приливовъ и отливовъ доходитъ до 60 сентиметровъ. Мессинскій проливъ и проливъ Эврипійскій острова Эвбеи имѣютъ свои правильныя перемѣны въ приливѣ и отливѣ; наконецъ, въ Габесскомъ заливѣ явленіе совершается наиболѣе нормально, съ тѣмъ же самымъ ритмомъ, какъ и въ океанѣ. Еще въ очень недавнее время полагали, что приливы совершенно незамѣтны въ Черномъ морѣ, но Видаль-Накэ открылъ тамъ, у южныхъ береговъ, близъ Инеболи, хоть и незначительное, но несомнѣнное присутствіе прилива, доходящее, смотря по силѣ вѣтра, отъ 9 до 12 сентиметровъ. Увѣряютъ, что явленіе прилива и отлива замѣтно и въ озерѣ Мичиганѣ, которое въ пять или въ шесть разъ меньше Чернаго моря.

Отличаясь отъ океана слабостью и неодинаковостью приливовъ и отливовъ, Средиземное море отличается отъ него и недостаткомъ нормальнаго теченія, которое бы правильно передвигало всю массу воды. Его разные бассейны слишкомъ раздѣлены другъ отъ друга, чтобы теченія значительнаго объема могли поддерживать постоянное передвиженіе воды отъ Гибралтара къ берегамъ Малой Азіи. Поэтому на различныя теченія изъ одного бассейна въ другой надо смотрѣть, какъ на дѣйствіе явленій мѣстныхъ, независящихъ непосредственно отъ великихъ законовъ планеты. По гипотезѣ одного итальянскаго географа нынѣшняго вѣка, Монтанари, береговое теченіе, проникающее въ Средиземное море чрезъ Гибралтарскій проливъ, идетъ вдоль береговъ Варварійскихъ владѣній, Киренаики, Египта, и, обогнувъ берега Азіи, входитъ въ Архипелагъ, затѣмъ обтекаетъ моря Адріатическое, Тирренское, французскіе берега и, совершивши такимъ образомъ полный кругъ, возвращается въ океанъ. Подробныя карты даже изображаютъ это предполагаемое теченіе, но самые авторитетные наблюдатели напрасно старались подтвердить его существованіе: они признали только существованіе частныхъ теченій, обусловливаемыхъ либо притокомъ воды изъ Атлантическаго океана,

либо общимъ направленіемъ вѣтровъ, переполненіемъ рѣчными водами, или наконецъ чрезмѣрнымъ испареніемъ. Таково правильное движеніе моря, распространяющееся отъ запада къ востоку, вдоль береговъ Марокко и Алжира. Другое ясно замѣтное теченіе, теченіе Адріатическаго моря, направляется къ Сетту и Портъ-Вандру. Впрочемъ, если бы въ Средиземномъ морѣ и существовало общее теченіе, то оно могло бы быть только поверхностнымъ, именнно вслѣдствіе высокаго порога, соединяющаго Сицилію съ Тунисомъ и раздѣляющаго, такимъ образомъ, Восточный и Западный бассейны.

Изъ мѣстныхъ теченій Средиземнаго моря всего лучше опредѣлены теченія, передающія воды Азовскаго моря въ Черное чрезъ Эникальскій проливъ и выносящія избытокъ воды изъ Чернаго моря въ Эгейское— посредствомъ проливовъ Константинопольскаго и Дарданельскаго. Тутъ мы имѣемъ дѣло съ настоящими рѣками. Донъ, восполняющій съ избыткомъ испареніе Азовскаго моря, продолжаетъ свое теченіе чрезъ Эникальскій проливъ, а Днѣстръ, Днѣпръ, Кубань, Раіонъ, рѣки сѣвернаго склона Малой Азіи, и въ особенности Дунай, который одинъ вливаетъ въ Черное море столько воды, сколько всѣ остальные его притоки, взятые вмѣстѣ, должны продолжать теченіе чрезъ Босфоръ и Геллеспонтъ, такъ какъ это есть необходимое слѣдствіе равновѣсія воды въ двухъ сообщающихся бассейнахъ. Архипелагъ же и Мраморное море, въ свою очередь, посредствомъ глубокихъ противотеченій и боковыхъ водоворотовъ, взамѣнъ получаемой ими въ изобиліи прѣсной воды, возвращаютъ Понту Эвксинскому нѣкоторое количество соленой. Иначе невозможно было бы объяснить соленость Чернаго моря, ибо, потерявъ съ незапамятныхъ временъ свободное сообщеніе съ Каспійскимъ моремъ и Ледовитымъ океаномъ, его воды, благодаря Дунаю и другимъ рѣкамъ, сдѣлались бы совершенно прѣсными, если бы не было притока болѣе тяжелой соленой воды чрезъ глубокія части дна Дарданеллъ и Босфора. Простое вычисленіе показываетъ, что притоки Чернаго моря, въ тысячу лѣтъ, очистили бы его совершенно отъ всѣхъ соленыхъ частицъ.

На другомъ концѣ собственно Средиземнаго моря происходятъ подобныя же явленія. Въ этомъ закрытомъ морѣ, расположенномъ на югѣ Европы близъ горна Сахары и Ливійской пустыни, испареніе очень сильно, и свободно несущіеся надъ моремъ вѣтры быстро поглощаютъ пары и разсѣеваютъ брызги волнъ. Эта потеря жидкости не можетъ быть меньше двухъ метровъ въ годъ, такъ какъ уже на югѣ Франціи теряется въ пространствѣ почти такое же количество влажности. Возмѣщеніе же воды дождями можетъ быть опредѣлено не болѣе, какъ въ полметра, а слой

воды, доставляемый ежегодно рѣками, едва достигаетъ и 25 сентиметровъ, изъ чего слѣдуетъ, что Атлантическій океанъ долженъ доставлять своему побочному морю ежегодно слой воды по крайней мѣрѣ въ одинъ метръ толщиною, т. е., говоря примѣрно, бо́льшую массу воды, чѣмъ Амазонская рѣка во время своихъ разливовъ. Этотъ притокъ воды изъ океана чрезъ Гибралтарскій проливъ такъ силенъ, что даетъ себя чувствовать далеко въ Средиземномъ морѣ, даже можетъ быть у береговъ Сициліи, и притомъ, какъ и всѣ теченія, ограничивается боковыми водоворотами, идущими въ противоположномъ направленіи. Въ часы отлива, проливъ, во всю свою ширину, бываетъ занятъ водою, идущею изъ Атлантическаго океана; во время же прилива Средиземное море борется энергичнѣе противъ давленія океана, слѣдствіемъ чего являются два противотеченія: одно, идущее вдоль береговъ Европы, другое, вдвое шире и сильнѣе перваго, слѣдуетъ африканскимъ берегомъ отъ оконечности Цеуты къ мысу Спартелю. Сверхъ того, нижнее противотеченіе выноситъ въ Атлантическій океанъ болѣе соленыя и, слѣдовательно, болѣе тяжелыя воды Средиземнаго бассейна.

Весьма возможно, что всѣ эти теченія и противотеченія зависятъ отъ извѣстной неровности уровня, такъ какъ результаты геодезическихъ нивеллировокъ, произведенныхъ въ Испаніи, Франціи, Германіи и Австро-Венгріи, по берегамъ океана и заливовъ Ліонскаго и Венеціанскаго, даютъ несомнѣнное повышеніе по направленію къ Атлантическому океану. Средняя разность уровня, по исчисленіямъ Бурдалу, Ибаннеца и Тило, достигаетъ семи дециметровъ.

Смѣшеніе водъ, принадлежащихъ различнымъ бассейнамъ, происходящее въ Средиземномъ морѣ вслѣдствіе встрѣчи теченій, совершается не такъ быстро, чтобы придать имъ одинаковую соленость. Среднее содержаніе соли въ немъ больше, чѣмъ въ Атлантическомъ океанѣ, вслѣдствіе излишка испаренія, особенно при берегахъ Африки; въ Черномъ же оно вдвое меньше и сильно водоизмѣняется въ разныхъ мѣстахъ, вслѣдствіе изливающихся въ него рѣкъ *). Пороги и проливы, мѣшающіе полному сліянію водъ, устанавливаютъ въ Средиземномъ морѣ совершенно иныя, чѣмъ въ Атлантическомъ океанѣ, законы и для температуры подводныхъ глубинъ его. Свободный ходъ теченій въ океанѣ несетъ подъ всѣми широтами слои воды различнаго происхожденія, какъ согрѣтыя тропическимъ солнцемъ, такъ и охлажденныя полярными льдами; но эти

*) Содержаніе соли въ Атлантическомъ океанѣ. . . . . 36 тысячныхъ.
Среднее содержаніе соли въ Средиземномъ морѣ . . . 38 »
» » » » Черномъ морѣ . . . . . 16 »

слои воды неравной плотности правильно располагаются другъ надъ другомъ, смотря по температурѣ: сверху теплые, снизу—приближающіеся къ точкѣ замерзанія. Въ Средиземномъ же морѣ подобное распредѣленіе слоевъ воды замѣчается только въ слоѣ приблизительно въ 200 метровъ толщиною, равной толщинѣ теченія, проникающаго изъ Атлантическаго океана въ Гибралтарскій проливъ. На большей глубинѣ Средиземнаго моря термометръ не показываетъ никакого пониженія температуры: громадная масса воды почти неизмѣнно держится между 12 и 13 градусами по Цельзію, и въ глубинахъ отъ 200 метровъ до 3 километровъ наблюденія даютъ тотъ же самый результатъ. Только Карпентеръ полагаетъ, что въ глубокихъ мѣстахъ, сосѣднихъ съ вулканическими областями, вода на нѣсколько десятыхъ градуса теплѣе, чѣмъ въ другихъ частяхъ Средиземнаго бассейна, и быть можетъ это обстоятельство связано съ подводнымъ вліяніемъ лавы на дно морское.

II.

ФАУНА, РЫБОЛОВСТВО И СОЛЯНЫЕ ПРОМЫСЛЫ.

Другое замѣчательное явленіе глубины Средиземнаго моря—это бѣдность животной жизни. Конечно, нельзя сказать, чтобы ея совсѣмъ не было; о жизни свидѣтельствуютъ телеграфные кабели, вытащенные съ морскаго дна съ цѣлымъ грузомъ раковинъ и полиповъ, но все-таки въ сравненіи съ безднами океана глубины Средиземнаго моря можно назвать настоящими пустынями. Эдвардъ Форбсъ, изслѣдовавшій воды Архипелага, полагаетъ даже, что глубины совершенно „лишены органической жизни“; но онъ впалъ въ ошибку, желая возвести въ законъ то, что было только исключеніемъ Если самые низшіе слои Средиземнаго моря такъ бѣдны животными видами, то причина этого, какъ полагаетъ Карпентеръ, заключается въ большомъ количествѣ, приносимыхъ рѣками бассейна, органическихъ остатковъ, которые, поглощая содержащійся въ водѣ кислородъ, выдѣляютъ угольную кислоту въ ущербъ животной жизни, и притомъ такъ, что одинъ газъ во многихъ мѣстахъ убавляется, по сравненію съ Атлантическимъ океаномъ, до четвертой части своего нормальнаго содержанія, а другой увеличивается на половину. Быть можетъ, это же обиліе остатковъ, скопившихся на днѣ, придаетъ Средиземному морю тотъ прекрасный голубой цвѣтъ, которымъ оно отличается отъ темныхъ водъ океана, а слѣдовательно, эта синева, которую справед-

ливо воспѣваютъ поэты, вѣроятно, есть не что иное, какъ нечистота зоды. Сравнительныя изслѣдованія Делесса доказали, что дно Средиземнаго моря почти повсюду покрыто тиною.

Подъ верхнимъ слоемъ воды, особенно въ мѣстахъ, прилежащихъ къ обѣимъ Сициліямъ, животная жизнь чрезвычайно богата, но почти всѣ породы: рыбы, чернокожія и др. суть атлантическаго происхожденія, и, такимъ образомъ, въ отношеніи фауны, не смотря на свое огромное пространство, Средиземное море есть не что иное, какъ простой заливъ Лузитанскаго океана. Его общее положеніе въ направленіи отъ запада къ востоку, при мало отличающихся другъ отъ друга климатахъ его разныхъ частей, способствовало эмиграціи животныхъ изъ Гибралтарскаго пролива въ Сирійское море, но, въ сосѣдствѣ съ точкою отправленія, органическая жизнь является въ большемъ числѣ формъ, и индивиды, населяющіе западныя воды, вообще больше объемомъ, нежели представители восточныхъ бассейновъ. Весьма же слабая пропорція неатлантическихъ видовъ свидѣтельствуетъ о существовавшемъ въ древности соединеніи Средиземнаго моря съ Аравійскимъ заливомъ и Индѣйскимъ океаномъ, но и то на восемьсотъ слишкомъ видовъ малюсковъ, проникшихъ въ моря Греціи и Сициліи черезъ Гибралтарскій проливъ, приходится лишь около тридцати явившихся сюда чрезъ Суэцкій проходъ, быть можетъ еще въ пліоценовый періодъ, когда проходъ этотъ еще не былъ загражденъ песками [1]). Число видовъ уменьшается постепенно по направленію отъ запада къ востоку и достигаетъ своего минимума за двумя шлюзами, которые образуютъ Дарданеллы и Босфоръ. Черное море совершенно отличается отъ собственно Средиземнаго своею температурою. Скользящіе по его поверхности сѣверо-восточные вѣтры тякъ охлаждаютъ его, что оно покрывается иногда у береговъ тонкимъ льдомъ, а Азовское море часто совсѣмъ исчезаетъ подъ толстымъ слоемъ льда, да и самое Черное море въ нѣкоторые исключительные года замерзало совершенно. Холодная вода поверхности, смѣшиваясь съ водою, приносимою большими рѣками, спускается на дно и понижаетъ тамъ температуру въ ущербъ животной жизни. Лучистыхъ животныхъ и животнорастеній въ фаунѣ Чернаго моря совсѣмъ нѣтъ; нѣкоторыя моллюски, относительно рѣдкія уже и въ Сирійскомъ морѣ и Архипелагѣ, также вовсе не встрѣчаются въ Понтѣ Эвксинскомъ, такъ что видовъ моллюсокъ въ немъ девятью десятыми меньше. Даже рыбы, встрѣчающіяся вообще въ большомъ числѣ

[1]) Рыбы Средиземнаго моря . . . . . 444 видовъ (Годвинъ Аустенъ).
Моллюски . . . . . 850 — Джефрей.
Скорлупники (Faraminifera) . . . . . 200 (?)

*

особей, по сравненію съ Средиземнымъ моремъ представляютъ здѣсь весьма ограниченное число видовъ. По своей фаунѣ, Черное море больше походитъ, можетъ быть, на Каспійское, отъ котораго оно въ настоящее время отдѣлено, чѣмъ на моря Греціи, съ которыми соединяютъ его проливы Мраморнаго моря.

Кромѣ видовъ, свойственныхъ Средиземному морю, въ немъ есть и такіе, которые слѣдуетъ считать уже только гостями. Таковы акулы, проплывающія Сицилійскія моря и встрѣчающіяся даже въ Адріатическомъ морѣ и у береговъ Египта и Сиріи, большія китообразныя, киты обыкновенные и гренландскіе, кашалоты, которые, впрочемъ, являются только мѣстами въ Тирренскомъ бассейнѣ, и посѣщенія которыхъ изъ вѣка въ вѣкъ становятся все рѣже и рѣже. Тунцы Средиземнаго моря суть также путешественники, являющіеся отъ береговъ лузитанскихъ. Эти чрезвычайно сильные пловцы заходятъ сюда весною, чрезъ Гибралтарскій проливъ, обходятъ все Средиземное море, огибаютъ Черное и осенью возвращаются въ Атлантическій океанъ, совершивъ, такимъ образомъ, путь въ 9.000 километровъ. Рыбаки думаютъ, что тунцы проплываютъ море тремя большими стаями, и что средняя изъ этихъ стай, блуждающая около береговъ Тирренскаго моря, состоитъ изъ самыхъ крупныхъ и самыхъ сильныхъ особей. Во всякомъ случаѣ, каждый отрядъ составленъ, повидимому, изъ особей одного и того же возраста, плывущихъ вмѣстѣ огромными массами, неимѣющими въ морѣ никакого защитника противъ безчисленныхъ непріятелей, такъ что ихъ яростно преслѣдуютъ дельфины и хищныя рыбы; но главный истребитель ихъ—человѣкъ. При берегахъ Сициліи, Сардиніи, Неаполя, Прованса, многія бухты бываютъ заняты лѣтомъ заколами, или *тоннаромъ*, то есть сѣтями, обнимающими собою пространство въ нѣсколько километровъ, которые мало-по малу съуживаются вокругъ попавшихъ въ нихъ животныхъ, при чемъ послѣднія переходятъ изъ одной сѣти въ другую и оканчиваютъ „камерою смерти“, подвижный полъ который поднимается и передаетъ ихъ въ руки убійцъ. Массы мяса, вытаскиваемыя рыбаками на свои пловучія бойни, считаютъ милліонами килограммовъ, и все-таки тунцы-путешественники каждый годъ являются во множествѣ къ знакомымъ берегамъ. Вѣроятно, число ихъ нѣсколько уменьшилось, но, тѣмъ не менѣе, еще въ наше время, какъ и двадцать-пять вѣковъ тому назадъ, они наполняютъ еще своими густыми стаями Византійской Золотой Рогъ и другія бухты, въ которыхъ ихъ наблюдали древніе греческіе натуралисты.

Кромѣ ловли тунца, важное экономическое значеніе представляетъ также ловля сардинокъ и анчоусовъ. „Плоды моря“: морскіе ежи и ось-

миноги составляютъ также весьма важное подспорье къ прокормленію прибрежныхъ жителей, особенно въ Италіи; но въ Средиземномъ морѣ вовсе нѣтъ такихъ мѣстъ, въ которыхъ бы животная жизнь представлялась въ такихъ огромныхъ размѣрахъ, какъ на мелѣхъ Ньюфаундленда, у береговъ Португаліи и Канарскихъ острововъ въ Атлантическомъ океанѣ. Бо́льшая часть рыбачьихъ флотилій употребляется не на рыбныя ловли, а на собираніе предметовъ убранства и туалета. Нынѣ уже не ловятъ пурпуровыхъ раковинъ на берегахъ Финикіи, Пело́понеза и Великой Греціи, но за то многія суда заняты постоянно въ хорошую погоду исканіемъ коралловъ и губокъ.

Кораллъ встрѣчается преимущественно на западныхъ моряхъ: ловцы, большею частью итальянцы, собираютъ его не только у неаполитанскихъ береговъ и Сициліи, въ Мессинскомъ „Маякѣ“, при берегахъ Сардиніи, но и въ проливѣ Бонифаціо, въ открытомъ морѣ Сэнъ-Тропеца, около мыса Креуса въ Испаніи и въ Варварійскихъ моряхъ. Обыкновенныя губки собираются въ заливѣ Габесъ и на другомъ концѣ Средиземнаго моря, при берегахъ Сиріи, Малой Азіи и въ рукавахъ моря, извивающихся между Цикладами и Спорадами. Губки живутъ обыкновенно на меньшей глубинѣ, чѣмъ кораллы, а именно—на глубинѣ отъ 5 до 50 метровъ, такъ что иногда можно вырывать ихъ, просто ныряя въ воду, между тѣмъ какъ кораллы собираются весьма грубымъ способомъ, посредствомъ желѣзныхъ инструментовъ, которые ломаютъ ихъ и подбираютъ остатки, смѣшанные съ тиною, водорослями и мелкими морскими животными. Промыселъ этотъ находатся еще, какъ видно, въ состояніи варварства, и прибрежные жители далеко еще не ознакомились съ моремъ и его обитателями, чтобы для нихъ было возможно методическое добываніе коралла и губокъ. Имъ нужно ухитриться отнять у перемѣнчиваго бога Протея надзоръ за его морскими стадами.

Важнѣйшимъ, послѣ рыболовства, промысломъ на берегахъ Средиземнаго моря является соляной промыселъ; но и опъ, какъ и рыбная ловля, во многихъ мѣстахъ находится еще въ первобытномъ состояніи, и только въ нынѣшнемъ вѣкѣ начали производить научнымъ образомъ добываніе соли изъ растенія солянки и другихъ веществъ, содержащихся въ морской водѣ. Средиземное море удивительно удобно къ добыванію соли, какъ по высокой температурѣ воды, по большому содержанію въ ней соли, такъ и по слабости явленій прилива и отлива, и по большому пространству почти горизонтальныхъ прибрежій, смѣняющихся скалистыми мѣстами и выступами его береговъ. Самые производительные и всего удобнѣе расположенные солончаки находятся вѣроятно во Франціи, на

берегахъ озера То (Thau), въ Камаргѣ и на берегахъ Гіерскихъ острововъ. Но есть также весьма обширные и на берегахъ Испаніи, Италіи, Сардиніи, Сициліи, Истрійскаго полуострова, и въ „соленыхъ лиманахъ“ Бессарабіи, при Черномъ морѣ. Количество соли, собираемое ежегодно на берегахъ Средиземнаго моря, можно считать болѣе чѣмъ въ милліонъ тоннъ, т. е. болѣе всего груза, какой можетъ поднять весь французскій коммерческій флотъ. Но относительно морскаго богатства это количество чрезвычайно мало: это ничто по отношенію къ тѣмъ сокровищамъ, которыя наука дастъ возможность добывать когда нибудь изъ этихъ „безплодныхъ“ безднъ.

Добыча морской соли на берегахъ Средиземнаго моря распредѣляется такъ:

Испанія.	200,000 тоннъ.
Франція.	250,000
Италія	300,000
Австрія.	70,000
Россія	600,000
Другія страны.	200,000 (?)
	1.620,000 (?) тоннъ.

Рыбная ловля приноситъ въ годъ приблизительно.	80.000,000 фр.
Добываніе коралловъ	12.000,000 —
„ губокъ	3.000,000 —
„ соли и пр.	15.000,000 —

III.

ТОРГОВЛЯ И МОРЕПЛАВАНІЕ.

Выгоды, которыя человѣкъ можетъ извлекать изъ непосредственной эксплуатаціи Средиземнаго моря, имѣютъ весьма малое значеніе въ сравненіи съ выгодами экономическими, интеллектуальными и моральными, доставлявшимися человѣчеству плаваніемъ по внутреннему морю. Такъ историки указывали неоднократно на то, что берега, острова и полуострова греческаго и финикійскаго Средиземнаго моря расположены удивительно хорошо для того, чтобы способствовать первымъ началамъ морской торговли. Близость земель, бѣлѣющія вершины которыхъ мореходецъ видитъ еще не выѣхавши изъ своего порта; изгибы берега, въ которыхъ

можетъ спастись захваченное бурею судно; правильные береговые и общіе вѣтры, дующіе поперемѣнно то съ земли, то съ моря; одинаковость климата, позволяющая матросамъ чувствовать себя вездѣ какъ на родинѣ; наконецъ разнообразіе произведеній всей природы, обусловливаемое столь разнообразнымъ внѣшнимъ видомъ береговыхъ странъ — все это способствовало тому, чтобы Средиземное море сдѣлалось колыбелью европейской торговли. Но что-же такое обмѣнъ, съ извѣстной точки зрѣнія, какъ не встрѣча народовъ на нейтральной почвѣ мира и свободы, какъ не свѣтъ, распространяющійся въ умахъ, при общеніи идей? Форма береговъ, благопріятствующая взаимнымъ сношеніямъ народовъ, помогала уже сама собою развитію цивилизаціи. Смотря на многочисленные острова Эгейскаго моря, на извилистость береговъ, окаймленныхъ полуостровками, и на большіе полуострова: Пелопонезъ, Италію, Испанію, естественно сравниваютъ ихъ со складами мозга, въ которыхъ вырабатывается человѣческая мысль.

Ходъ цивилизаціи долго слѣдовалъ направленію съ юго-востока на сѣверо-западъ: Финикія, Греція, Италія и Франція были послѣдовательно центрами человѣческой интеллигенціи. Главная причина этого историческаго явленія заключается въ счмомъ очертаніи моря, служившимъ руководителемъ народовъ въ ихъ движеніи; ось цивилизаціи, если можно такъ выразиться, сливалась съ центральною осью Средиземнаго моря, отъ Сирійскихъ водъ до Ліонскаго залива. Но съ тѣхъ поръ, какъ средиземный міръ пересталъ быть единственнымъ центромъ тяготѣнія для Европы, и требованія торговли влекутъ корабли въ обѣ Америки и на крайній востокъ, общее движеніе цивилизаціи уже не слѣдуетъ однообразному направленію съ юго-востока на сѣверо-западъ, а расходится по всѣмъ направленіямъ. Если бы нужно было обозначить ея главные токи, то слѣдовало бы указать на одинъ—направляющійся изъ Англіи и Германіи въ Сѣверную Америку, и другой—изъ латинизованныхъ странъ Европы—въ Южную; но, направляясь постоянно къ западу, оба эти тока отклоняются къ югу, и это измѣненіе въ направленіи общаго движенія народовъ обусловливается климатомъ, формою материковъ и распредѣленіемъ морей.

Интересно прослѣдить перемѣны, происшедшія въ исторической роли Средиземнаго моря. Такъ какъ это внутреннее море всегда составляло большую дорогу для сообщенія народовъ, то коммерческія республики заботились только о продолженіи ея на востокъ посредствомъ караванныхъ путей, по направленію къ Персидскому заливу, въ Индію и Китай. Въ средніе вѣка генуэзскія конторы окружали берега Чернаго моря и про-

должались въ Закавказьѣ до Каспійскаго моря. Европейскіе путешественники, и въ особенности итальянцы, держались дорогъ Малой Азіи и слѣдовали многими путями, которые въ наше время уже неизвѣстны, но ту эпоху были весьма оживлены. Но уже пятьсотъ лѣтъ, какъ сфера торговли въ центральной Азіи сократилась и сношенія народовъ стали тамъ затруднительны.

Въ этотъ промежутокъ времени Средиземное море перестало быть великимъ моремъ для мореплаванія. Мореплаватели, освободившись отъ страха, внушаемаго имъ безбрежными морями, пустились на своихъ корабляхъ по всему океану. Сухопутныя дороги, всегда затруднительныя и усѣянныя опасностями, были оставлены; посредствующіе рынки центральной Азіи опустѣли, и Средиземное море превратилось для торговли въ настоящій глухой переулокъ. Такое положеніе вещей продолжалось довольно долго, и только начиная съ половины настоящаго вѣка отношенія стали мало-по-малу возобновляться, и новое завоеваніе потерянной почвы совершилось быстро. Сверхъ того, одно великое событіе, которое можно считать на столько же геологическимъ, на сколько коммерческимъ переворотомъ, снова открыло древнія ворота Средиземнаго моря, которое еще недавно не имѣло никакого выхода къ востоку; теперь оно вновь сообщается съ Индѣйскимъ океаномъ посредствомъ Суэцкаго канала, ставъ большою дорогою для пароходовъ между западною Европою, Индіею и Австраліею. Надо надѣяться, что въ близкомъ будущемъ будутъ прорыты другіе каналы, между Чернымъ моремъ и Каспійскимъ и Аральскимъ, къ рѣкамъ центральной Азіи, Аму и Сыру, и дадутъ возможность проникнуть морской торговлѣ прямо въ сердце древняго материка.

И такъ, великіе центры человѣческихъ сношеній, которые можно назвать жизненными точками планеты перемѣщаются, съ теченіемъ исторіи, по берегамъ морей и по поверхности материковъ. Портъ-Саидъ, импровизированный городъ на пустынномъ морскомъ берегу, сдѣлался однимъ изъ тѣхъ мѣстъ, къ которымъ стремится движеніе людей и всякаго рода товаровъ, между тѣмъ какъ недалеко отсюда, на берегу Сиріи, древніе царственные города Тиръ и Сидонъ—теперь не болѣе-какъ жалкія деревни, въ которыхъ тщетно ищешь остатковъ ихъ прежняго величія. Такъ же погибъ Карѳагенъ, такъ же упала Венеція. Прибрежные наносы земли, употребленіе гораздо болѣе крупныхъ, чѣмъ въ древности, кораблей, политическія перемѣны всякаго рода, потеря свободы, насильственныя разрушенія—подавили многіе живые пункты на берегахъ Средиземнаго моря; но почти вездѣ въ замѣнъ разрушеннаго порта открывается гдѣ-нибудь по сосѣдству другой или замѣняется нѣсколькими вто-

ростепенными гаванями. Бо́льшая часть торговыхъ путей сохранила свое первоначальное направленіе, и точки ихъ соединенія и порты находятся въ тѣхъ же моряхъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, лежащихъ на пути кораблей или въ мѣстахъ необходимой ихъ встрѣчи, неизбѣжно должны возникать значительные города. Таковы проливы Гибралтарскій и Мессинскій, таковы конечныя бухты заливовъ, глубоко вдающихся въ землю, какъ Генуэзская. Тріестская, Салоникская. Порты, представляющіе собою удобные пункты для легчайшей перегрузки товаровъ, назначаемыхъ въ иноземныя моря, точно также становятся естественными центрами притяженія, въ которыхъ долженъ стекаться торговый людъ, каковы Марсель и Александрія. Наконецъ, въ Средиземномъ морѣ ость одинъ городъ, который соединяетъ въ себѣ разомъ всѣ географическія преимущества, такъ какъ расположенъ въ проливѣ, въ точкѣ соединенія двухъ морей и двухъ материковъ— это Константинополь. Не смотря на подавляющую его жалкую администрацію, одно положеніе дѣлаетъ его однимъ изъ великихъ городовъ міра.

Хотя порты Средиземнаго моря не обладаютъ уже болѣе торговою гегемоніею, какъ въ теченіе истекшихъ тысячъ лѣтъ, однако это внутреннее море, говоря относительно, населено всегда бо́льшимъ количествомъ судовъ, чѣмъ большіе океаны. Не считая рыболовныхъ судовъ, въ его портахъ имѣется не менѣе 35,000 судовъ, коихъ общая вмѣстимость составляетъ 2.730,000 тоннъ, что́ составляетъ четвертую часть всего коммерческаго флота въ мірѣ, но только съ шестою частью вмѣстимости, ибо, въ силу привычки, въ греческихъ и итальянскихъ портахъ дольше сохранились древніе типы судовъ съ слабою вмѣстимостью; впрочемъ, незначительная длина рейсовъ, относительная ихъ безопасность, близость удобныхъ пристаней, во всякомъ случаѣ способствуютъ легкому каботажному плаванію.

Къ собственно средиземному флоту слѣдуетъ присоединить и суда, присылаемыя сюда для торговли портами океана, преимущественно англійскими. Для покровительства торговлѣ своей націи, правительство Великобританіи само постаралось стать въ число средиземныхъ державъ, и овладѣло испанскимъ Гибралтаромъ, составляющимъ западныя ворота бассейна, и итальянскою Мальтою, составляющею центральное его укрѣпленіе, и хотя оно не обладаетъ выходомъ, т. е. искусственнымъ проливомъ Портъ-Саидъ въ Суэцѣ, но за то можетъ, если пожелаетъ, запереть его въ концѣ длиннаго наружнаго корридора, образуемаго Краснымъ моремъ, ибо ея гарнизоны расположены на островѣ Перимѣ и на скалѣ Адена,

при входѣ въ Индѣйскій океанъ. Кромѣ того, Египетъ въ настоящее время занятъ англійскими войсками и самъ хедивъ является не только вассаломъ, но почти плѣнникомъ англійскаго правительства. Надо, однако, думать, что захватъ этотъ лишь временной, такъ какъ врядъ-ли европейскія державы согласятся на постоянное владѣніе Англіи Египтомъ, этой промежуточной станціей между Великобританіей и Индіей.

Хотя въ рукахъ Англіи сосредоточивается бо́льшая часть торговли Средиземнаго моря, но тѣмъ не менѣе, почти каждый прибрежный народъ имѣетъ также значительную долю участія въ движеніи мѣновой дѣятельности. Съ торговой точки зрѣнія, море, простирающееся отъ Гибралтара до Египта, на столько же французское озеро, какъ называлъ его одинъ государь, добивавшійся всемірной имперіи, на сколько эллинское, далматское, испанское и еще болѣе итальянское. Послѣдними хозяевами его были варварійскіе пираты, которые появлялись внезапно на своихъ легкихъ судахъ въ прибрежныя селенія, хватали жителей и уводили ихъ въ рабство. Съ истребленіемъ этихъ хищническихъ флотилій, торговля сдѣлала Средиземное море общею собственностью, въ которой петли международной навигаціонной сѣти становятся все меньше и меньше. Корабли не соединяются, какъ было нѣкогда, въ вооруженные караваны, чтобы перевезти свои товары изъ одного порта въ другой; море стало такъ безопасно, что одинокія суда могутъ пускаться во всякое время. Не измѣнилась только всегда грозящая опасность отъ рифовъ и бурь, и хотя искусство мореплаванія сдѣлало огромные успѣхи, хотя большая часть мысовъ, по крайней мѣрѣ при берегахъ Европы, освѣщаются маяками, входы въ портъ указываются огнями, вѣхами, баканами, кораблекрушенія въ Средиземныхъ водахъ бываютъ все-таки очень часто. Даже большіе корабли не разъ исчезали такъ, что не могли найти даже негодной выброшенной доски.

Въ наше время, пароходы, слѣдующіе изъ гавани въ гавань по начертанному пути, все болѣе и болѣе вытѣсняютъ собою парусныя суда. Нѣкоторыя навигаціонныя линіи, соединяющіяся своими концами съ желѣзными дорогами береговъ Средиземнаго моря, сдѣлались какъ бы торными дорогами, по которымъ корабли ходятъ взадъ и впередъ, какъ паромы на рѣкахъ. Правильность и быстрота этихъ паровыхъ паромовъ, легкость, съ которою совершаются на нихъ всякаго рода экспедиціи, возрастающее число желѣзныхъ дорогъ, которыя оканчиваются въ портахъ и несутъ къ нимъ товары, наконецъ подводныя телеграфныя линіи, развѣтвившіяся уже по всѣмъ направленіямъ, которыя соединяютъ другъ съ другомъ различные берега и объединяютъ человѣческія мысли — все

это способствуетъ развитію торговли на Средиземномъ морѣ, которая и теперь уже, не считая транзита чрезъ Гибралтаръ и Суэцъ, представляетъ обороты приблизительно на одиннадцать съ половиною милліардовъ франковъ. Въ сравненіи съ оборотами Англіи, Бельгіи и Австраліи, торговля эта для прибрежнаго населенія, почти во сто милліоновъ человѣкъ, еще не такъ велика; но она съ каждымъ годомъ значительно увеличивается. Впрочемъ, надо принять въ соображеніе, что рядомъ съ живымъ организмомъ европейскихъ полуостововъ, существуетъ еще знойная Африка, которая въ большей своей части является относительно торговли еще мертвою массою. За исключеніемъ пространства отъ Орана до Туниса и отъ Александріи до Портъ-Саида, ея берега рѣдко посѣщаются и почти не имѣютъ населенія; моряки нашего времени избѣгаютъ ихъ, какъ и древніе эллинскіе мореплаватели. Но удивительно, что области, къ которымъ направлялись прежде массы судовъ, каковы Киренаика, Кипръ и прелестный островъ Критъ, находящійся при самомъ входѣ въ Эгейское море, оставались долго въ сторонѣ отъ всякихъ линій новѣйшаго мореплаванія

Навигація Средиземнаго моря въ 1885 г. (приблизительное исчисленіе) безъ рыболовныхъ судовъ.

Коммерческій флотъ.

	Парусный.	Паровой.	Тонны.	Движеніе груза.	Сумма оборотовъ.
Испанія	2 500	100	350,000	6.000,000 тоннъ.	900.000,000 фр.
Франція	2,000	250	350,000	8.000,000 »	3.000.000,000 »
Италія	11,000	150	1.080,000	28.000,000 »	2.500.000,000 »
Австро-Венгрія	8,500	110	350,000	12.000,000 »	1.000.000,000 »
Греція	5,100	20	250,00	10.000,000 »	300.000,000 »
Турція Европ. и Азіат.	2,200	10	210,000	25.000,000 »	600.000,000 »
Румынія	100(?)	(?)	10,000	1.700,000 »	300 000,000 »
Россія	2,100	100	200,000	2.500,000 »	1.000.000,000 »
Египетъ	1,200	56	(?)	12.000,000 »	500.000,000 »
Кипръ, Мальта и Гибралтаръ	(?)		(?)	12.000,000 »	1.000.000,000 »
Алжиръ и Тунисъ	450		25,000	14.000,000 »	450 000,000 »
Триполи, Барка, Марокко и др.	200		5,000	1.500,000 »	150 000,000 »
Итого	35,350(?)	776 ?)	2 730,000	132 700,000 тоннъ.	11.700.000,000 фр.

ГЛАВА IV.

ГРЕЦІЯ.

I.

ОБЩІЙ ВИДЪ.

Политическая Грецiя, въ своихъ тѣсныхъ границахъ къ югу отъ Олимпа и залива Воло Арта, занимаетъ около 65,000 квадратныхъ километровъ и представляетъ не болѣе 1/7800-ой части земной поверхности. Въ огромныхъ территоріяхъ, какова напримѣръ Россійская имперія, болѣе обширныя области, чѣмъ Грецiя, не представляютъ ничего такого, что бы отличало ихъ отъ сосѣднихъ областей, и названіе ихъ не возбуждаетъ въ умѣ почти никакого представленія; — но, напротивъ, сколько воспоминаній вызываетъ въ насъ эта маленькая, незначительная на нашихъ картахъ, въ сравненіи съ большими государствами, страна Элліновъ! Нигдѣ человѣчество не достигало столь стройной въ цѣломъ и столь благопріятной для развитія индивидуальной свободы цивилизаціи. Даже въ наше время, вступивъ въ несравненно болѣе обширный циклъ исторіи, чѣмъ греческій, мы всегда принуждены оглядываться назадъ къ этимъ маленькимъ греческимъ народамъ, которые все-таки остаются нашими учителями въ искусствахъ и были первыми начинателями въ наукахъ. Городъ, бывшій „школою Греціи“, по своей исторіи и примѣрамъ, представляетъ все еще школу для цѣлаго міра, которая, черезъ двадцать вѣковъ послѣ своего паденія, не перестала еще просвѣщать насъ, какъ тѣ звѣзды, которыя уже потухли, но еще продолжаютъ освѣщать землю.

Столь важное значеніе народовъ Греціи, которымъ они пользовались въ теченіе долгаго періода всемірной исторіи, очевидно объясняется географическимъ положеніемъ страны. Дѣйствительно, племена того же самаго происхожденія, но живущія въ странѣ не столь счастливой, напри-

мѣръ пелазги въ Иллиріи, которыхъ считаютъ предками албанцевъ, не могли подняться выше варварскаго образа жизни, между тѣмъ какъ эллины стали во главѣ просвѣщенныхъ націй, для которыхъ они проложили еще невѣдомые до того времени пути. Если бы Греція, такъ удивительно изрѣзанная моремъ въ настоящемъ геологическомъ періодѣ, была бы, какъ въ третичномъ періодѣ, обширною континентальною равниною, соединенною съ пустынями Ливіи, по которой бѣгаютъ львы и носороги, то могла-ли бы она быть родиной Фидія, Эсхила, Демосѳена? Конечно, нѣтъ. Она оставалась бы тѣмъ же, чѣмъ остается понынѣ Африка, и не приняла бы на себя, какъ это было въ дѣйствительности, иниціативы цивилизаціи, а дожидалась бы какого нибудь толчка извнѣ. Правда, вслѣдствіе прогрессивнаго расширенія горизонта посредствомъ путешествій, открытій, торговыхъ путей, сама Греція начинала казаться все меньше и меньше въ сравненіи съ извѣстнымъ міромъ, и кончила тѣмъ, что утратила тѣ преимущества, которыя первоначально доставляли ей ея географическое положеніе и счастливая форма ея очертаній.

Греція, представляющая полуостровъ Балканскаго полуострова, была защищена съ сѣвера лучше, чѣмъ Ѳракія и Македонія, поперечными горами, благодаря которымъ эллинская культура могла развиваться, не опасаясь быть задавленною въ своемъ зародышѣ послѣдовательными нашествіями варваровъ. На сѣверѣ и на востокѣ Ѳессаліи Олимпъ, Пеліонъ, Осса, представляютъ, уже со стороны Македоніи, первыя грозныя препятствія; на границахъ Ѳессаліи возвышается второй барьеръ—обрывистая цѣпь Отриса; при заворотѣ Ламисскаго залива новое препятствіе: проходъ запертъ рядомъ горъ Эты, такъ что пробраться можно только между скалами и моремъ чрезъ узкое Ѳермопильское ущелье. Перейдя горы Локриды и спустившись въ котловину Ѳивъ, остается еще перейти черезъ Парнасъ или переднія горы Каѳерона, чтобы достигнуть равнинъ Аттики. Далѣе, перешеекъ защищенъ еще другими поперечными горами, наружными валами великой горной цитадели Пелопонеза, этого «акрополя Греціи». Элладу часто сравнивали съ рядомъ комнатъ, двери которыхъ крѣпко заперты; трудно войти въ нихъ, но еще труднѣе выйти, если ихъ сторожатъ. «Греція устроена какъ ловушка съ тремя днами, говоритъ Мишле. Вы можете войти въ нее, но вы будете заперты сперва въ Македоніи, потомъ въ Ѳессаліи, потомъ между Ѳермопилами и перешейкомъ». Но проникнуть за перешеекъ еще труднѣе, почему Лакедемонъ и былъ долгое время неприступенъ.

Въ ту эпоху, когда мореплаваніе, даже въ почти закрытыхъ водахъ Архипелага, было весьма опасно, море также защищало Грецію отъ напа-

деній восточныхъ народовъ; но за то ни одна страна не привлекала столько мореходцевъ къ мирнымъ торговымъ экспедиціямъ. Открытая къ Эгейскому морю своими заливами и портами и окруженная многочисленными островами, удобными для пристаней и стоянокъ, Грецiя легко могла вступить въ торговыя сношенія съ болѣе цивилизованными народами, жившими напротивъ, на извилистыхъ берегахъ Малой Азіи. Колонисты и путешественники восточной Іоніи приносили своимъ братьямъ, ахеянамъ или пелазгамъ, не только съѣстные припасы и товары, но и миѳы, поэмы, науку и искусства своей родины. По общей формѣ своихъ береговъ и по расположенію горъ, Грецiя смотритъ преимущественно на востокъ, откуда исходилъ для нея свѣтъ: именно съ этой стороны всего дальше выдаются въ море ея полуострова и всего больше разсѣяно острововъ; къ востоку же открываются ея удобныя и хорошо защищенныя гавани; на восточномъ же берегу, въ полукругѣ горъ, раскидываются равнины, расположенныя какъ нельзя болѣе удобно для построенія многолюдныхъ городовъ. И въ то же время Грецiя не имѣетъ неудобствъ Турціи, лишенной прямаго сообщенія съ западомъ широкою полосою трудно проходимыхъ горъ и обрывистыми берегами. Іоническое море на западѣ Пелопонеза, правда, довольно широко и нелюдимо, но за то Коринѳскій заливъ, прорѣзывающій почти весь эллинскій полуостровъ, и рядъ Іоническихъ острововъ, съ которыхъ видны горы Италіи, должны были побуждать къ мореплаванію и по западнымъ морямъ. Въ древнія времена акарнанцы гораздо раньше римлянъ умѣли строить суда и, при помощи торговли, научили этому искусству итальянскіе народы, а впослѣдствіи греки легко сдѣлались цивилизаторами всего западнаго средиземнаго міра.

Отличительную черту Эллады, въ отношеніи ея рельефа, составляютъ множество небольшихъ самостоятельныхъ котловинъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга скалами и горными кряжами. Прежде всего такое расположеніе земли способствовало раздробленію греческихъ племенъ на множество самостоятельнымъ республикъ. У всякаго города была своя рѣка, свой амфитеатръ холмовъ или горъ, свой некрополь, свои поля, сады и лѣса, а также и свой выходъ къ морю. Въ этихъ независимыхъ группахъ соединялись всѣ элементы, необходимые для существованія свободнаго общества, а сосѣдство другихъ городовъ, обладавшихъ такими же преимуществами, поддерживало постоянное соперничество между ними, превращавшееся слишкомъ часто въ вооруженную борьбу и битвы. Острова Эгейскаго моря еще болѣе увеличивали политическую раздробленность: каждый изъ нихъ, какъ и котловины эллинскаго полуострова,

представлялъ собою республику; мѣстная иниціатива всюду имѣла свободное развитіе, а самый маленькій островокъ Архипелага могъ давать исторіи великихъ людей.

Но если по рельефу почвы, по множеству острововъ и котловинъ полуострова, Греція представляетъ безконечное разнообразіе, то она въ то же время и едина, такъ какъ одно и то же море, омывая ея берега, проникаетъ внутрь ея, изрѣзываетъ ее на полуострова и даетъ ея берегамъ необыкновенное развитіе. Бухты и безчисленные порты Эллады сдѣлали изъ ея прибрежныхъ жителей моряковъ, „амфибій“, какъ говорилъ Страбонъ. И дѣйствительно, греки восприняли въ себя извѣстную дѣлю подвижности морскихъ волнъ. Во всѣ времена они увлекались страстью къ путешествіямъ. Когда жители какого нибудь города становились на столько многочисленны, что земля уже недостаточно обезпечивала ихъ существованіе, они начинали роиться какъ пчелы, обходили берега Средиземнаго моря и, высмотрѣвъ себѣ мѣсто, напоминавшее родину, возводили тамъ новый акрополь. Такимъ образомъ всюду возникали эллинскіе города, отъ Меотискихъ болотъ до Геркулесовыхъ столбовъ, отъ Танаиса и Понтикопеи до Гадеса и Тингиса, нынѣшняго Танжера. Благодаря этимъ разсѣяннымъ всюду колоніямъ, изъ которыхъ многія значительно превосходили славою и могуществомъ свои древнія метрополіи, истинная Греція, Греція наукъ, искусствъ и республиканскаго самоуправленія вышла далеко за предѣлы своей колыбели и раскинулась по всей окружности Средиземнаго моря. По отношенію къ тому, что у древнихъ считалось вселенною, греки были тѣмъ же, чѣмъ теперь англичане для всего міра. Такимъ образомъ, замѣчательное сходство маленькаго полуострова Греціи и ея сосѣднихъ острововъ съ архипелагомъ Великобританіи, находящемся какъ разъ на противоположномъ концѣ материка распространяется и на историческую роль населяющихъ ихъ народовъ. Одинаково выгодныя географическія условія привели къ одинаковымъ результатамъ, не смотря на разность мѣста и времени: воды Эгейскаго моря и воды, омывающія берега Англіи, придали своимъ материкамъ одну и ту же историческую миссію.

Чувство восторженности, съ которымъ путешественники смотрятъ на Грецію, является главнымъ образомъ вслѣдствіе воспоминаній, связанныхъ съ каждою развалиною, съ каждымъ ручейкомъ, съ каждымъ подводнымъ камнемъ ея морей. Мѣстности Прованса или Испаніи, которыя не уступаютъ лучшимъ изъ пейзажей Эллады или даже превосходятъ ихъ граціею и смѣлостью очертаній, извѣстны лишь немногимъ цѣнителямъ; индифферентная же толпа проходитъ мимо, почти не замѣчая ихъ потому,

что онѣ не носятъ знаменитыхъ именъ Марабона, Левктровъ или Платеи; о нихъ не трубила молва прошедшихъ вѣковъ. Впрочемъ, берега Греціи, если-бы они и не отличались отъ всѣхъ другихъ отражающимся на нихъ блескомъ прошедшей славы, все-таки были бы не менѣе прекрасны и достойны удивленія. Въ пейзажахъ Аѳинскаго и Аргосскаго заливовъ художника увлекаетъ не только синева моря, „нескончаемая улыбка волнъ“, прозрачность неба, перспектива убѣгающихъ береговъ и ихъ рѣзкіе выступы, но и чистый и ясный профилъ горъ съ ихъ слоями известняка и мрамора; это, можно сказать, архитектурныя громады, и многіе увѣнчивающіе ихъ храмы кажутся не болѣе, какъ повтореніемъ формъ самихъ горъ.

Но чего недостаетъ берегамъ Греціи, такъ это—зелени и свѣтлыхъ источниковъ. Почти всѣ приморскія горы лишены большихъ деревьевъ; остаются только кустарники, ракитникъ, мастиковыя деревья, дикій виноградъ и олеандръ; даже ароматныя травы, одѣвающіе отлогости и общипанныя козами, во многихъ мѣстахъ представляютъ какіе-то жалкіе лоскутья, такъ какъ проливные дожди сносятъ растительность до-чиста вмѣстѣ съ землею, и обнаженная скала на своихъ скатахъ представляетъ издали сѣрый видъ съ раскиданными тамъ и сямъ пятнами тощаго кустарника. Почти всѣ прибрежныя горы потеряли свои лѣса еще во времена Страбона, а въ наше время, по словамъ одного писателя, „Греція представляетъ теперь только скелетъ того, чѣмъ она была нѣкогда“. И какъ бы въ насмѣшку, имена, заимствованныя отъ названій деревьевъ, чрезвычайно многочисленны во всѣхъ частяхъ Эллады и Эллинской Турціи: Карія—городъ орѣховъ, Валанидія—городъ дубовъ, Кипарисси—кипарисовъ, Платаносъ или Платаники—городъ платановъ; всюду встрѣчаются мѣстности, названія которыхъ къ несчастію не оправдываются.

Лѣса существуютъ исключительно лишь на внутреннихъ горахъ и на іонійскомъ берегу. Гора Эта, нѣсколько горъ Этоліи, высоты Акарнаніи и Пелопонеза, Аркадія, Элида, Трифилія, склоны Тайгета сохранили еще на себѣ большіе лѣса. Только въ этихъ лѣсистыхъ мѣстахъ, посѣщаемыхъ одними пастухами, удержались и дикія животныя: волки, лисицы, шакалы. Серны, говорятъ, еще не совсѣмъ исчезли и встрѣчаются на Пиндѣ и Этѣ; что же касается эриманскаго вепря, представлявшаго здѣсь, судя по древнимъ скульптурнымъ изображеніямъ, совершенно особенную породу, то онъ уже не встрѣчается болѣе въ Греціи, а левъ, о которомъ упоминаетъ еще Аристотель, не существуетъ здѣсь уже болѣе двухъ тысячъ лѣтъ. Изъ мелкихъ животныхъ въ нѣкоторыхъ частяхъ Пелопонеза весьма обыкновенна черепаха, на которую жители смотрятъ

ВИДЪ ПАРНАСА И ДЕЛЬФЪ.

съ такимъ же отвращеніемъ, какое многіе у насъ испытываютъ при видѣ жабы или саламандры.

Греція не велика, но различіе климатовъ въ разныхъ ея мѣстахъ довольно значительно. Противоположности горъ и равнинъ, лѣсистыхъ мѣстностей и сухихъ долинъ, береговъ обращенныхъ къ сѣверу, и береговъ, обращенныхъ къ югу — производятъ замѣчательныя различія въ мѣстныхъ климатахъ. Но, не принимая въ соображеніе этихъ различій, можно сказать, что Греція, въ цѣломъ, представляетъ, въ направленіи отъ сѣвера къ югу—такую климатическую гамму, богаче которой врядъ ли можно найти гдѣ либо въ другихъ странахъ. Сѣверныя горы Этоліи, склоны которыхъ покрыты буками, принадлежатъ къ умѣреннымъ странамъ центра Европы, между тѣмъ какъ южные и восточные острова и полуострова, со своими оливковыми полями и рощами лимонныхъ и апельсинныхъ деревъ, а иногда и группами пальмъ, кактусами и агавами, представляютъ уже часть тропическаго пояса. Нѣкоторыя мѣстности, находясь въ непосредственномъ сосѣдствѣ другъ съ другомъ, имѣютъ весьма различные климаты: такъ напримѣръ, озерная впадина Беотіи имѣетъ холодную зиму и знойное лѣто, а площадь Аттики то освѣжается, то согрѣвается морскими вѣтрами. И такъ, Греція на маленькомъ пространствѣ совмѣщаетъ значительный поясъ Земли. Нѣтъ сомнѣнія, что это чрезвычайное разнообразіе климатовъ со всѣми происходящими отъ него различіями въ результатѣ возбуждало живѣе умственную дѣятельность и безъ того уже подвижныхъ эллиновъ, подстрекало ихъ любопытство и развивало склонность къ торговлѣ и промышленный духъ.

Впрочемъ, это большое разнообразіе въ климатѣ суши вознаграждается въ Греціи единствомъ морскаго климата. Вѣтеръ, дующій въ Эгейскомъ морѣ, переходитъ въ перемежающіеся вѣтерки, такъ же какъ и въ горныхъ долинахъ. Большіе очаги африканскихъ пустынь въ теченіе почти всего лѣта притягиваютъ къ себѣ атмосферическіе токи изъ восточной Европы, вслѣдствіе чего съ сѣвера Архипелага и Македоніи воздухъ несется въ видѣ стремительнаго вѣтра къ югу, и такъ быстро гонитъ корабли, что завоеватели, обладавшіе сѣверными берегами моря, не разъ пользовались этимъ вѣтромъ, чтобы нападать внезапно на жителей болѣе южныхъ мѣстностей Малой Азіи или Греціи. Этотъ правильный атмосферный токъ, извѣстный подъ именемъ пассатнаго, или „годичнаго“ вѣтра, оканчивается съ прекращеніемъ теплоты, когда солнце становится надъ тропикомъ. Но независимо отъ этого, онъ прерывается каждую ночь, когда свѣжій морской воздухъ притягивается къ согрѣтымъ во время дня берегамъ. Послѣ заката солнца вѣтеръ этотъ мало-по-малу стихаетъ,

атмосфера остается въ теченіе нѣсколькихъ минутъ спокойною, затѣмъ воздухъ незамѣтно начинаетъ двигаться въ противоположномъ направленіи,—и суда, направляющіяся къ сѣверу, подымаютъ паруса. Этотъ-то тихій вѣтеръ и воспѣвали древніе поэты. Впрочемъ, какъ главные вѣтры, такъ и мѣстные вѣтерки измѣняютъ свой ходъ и направленіе у береговъ, слѣдуя формѣ и расположенію заливовъ и горныхъ цѣпей. Такъ Коринѳскій заливъ, надъ которымъ съ юга и сѣвера возвышаются высокіе горные хребты, остается открытымъ воздушнымъ теченіямъ съ обоихъ концовъ, такъ что вѣтеръ дуетъ въ немъ поперемѣнно то туда, то обратно, „подобно дыханію животнаго“, какъ говоритъ Страбонъ.

Дожди, такъ же какъ и вѣтры, во многихъ мѣстахъ не выдерживаютъ своего нормальнаго хода, и въ нѣкоторыхъ долинахъ, окруженныхъ со всѣхъ сторонъ обрывистыми горами, льются какъ изъ ведра, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ, напротивъ, тучи проходятъ, не роняя ни капли. Слѣдовательно, ко всѣмъ мѣстнымъ контрастамъ, вытекающимъ изъ различія рельефа и разнообразія климатовъ, присоединяются еще другія различія въ процентѣ ежегоднаго осадка влаги. Впрочемъ, говоря вообще, дожди гораздо обильнѣе на западныхъ берегахъ Греціи, чѣмъ на восточныхъ,—отсюда тотъ веселый видъ, который представляютъ косогоры Элиды, въ сравненіи съ голыми скатами Арголиды и Аттики. Точно также на западѣ полуострова съ большею правильностію разражаются бури, приносимыя вѣтрами съ Средиземнаго моря, такъ что въ Элидѣ и Акарнаніи, весною, въ бурное по преимуществу время года, громъ гремитъ часто по цѣлымъ недѣлямъ, регулярно каждый день послѣ полудня. Молніи сверкаютъ безпрерывно. Инструментальное счисленіе опредѣляетъ ихъ въ 56.000 на четверть часа времени. Нигдѣ не могло быть лучше мѣстъ для храмовъ Юпитера Громовержца.

Древніе обитатели Цикладъ, а вѣроятно также и береговъ Эллады и Малой Азіи, еще задолго до исторической эпохи, достигли уже довольно высокой степени цивилизаціи, какъ это доказали раскопки, произведенныя въ вулканическомъ пеплѣ Санторина и Теразіи. Санторинцы, въ ту эпоху, когда дома ихъ были засыпаны, начинали уже выходить изъ каменнаго періода и выступать въ періодъ чистой мѣди, умѣли строить каменные своды при помощи разведенной извести, фабриковали известку, употребляли гири, сдѣланныя изъ обломковъ лавы, знали ткацкое и горшечное производства, искусство красить матеріи и расписывать свои дома фресками, воздѣлывали ячмень, горохъ, чечевицу и торговали съ дальними странами.

Были ли эти люди одинаковаго происхожденія съ эллинами—неиз-

вѣстно; но вѣрно то, что съ самыхъ первыхъ началъ исторіи греки различныхъ родовъ жили по берегамъ и на островахъ Эгейскаго моря, между тѣмъ какъ пелазгическія племена обитали внутри и по западнымъ берегамъ полуострова. Впрочемъ, пелазги или „древніе“, происходили отъ одного корня съ греками и говорили на языкахъ того же происхожденія, какъ и эллинскія нарѣчія. Тѣ и другіе, будучи арійцами по языку, должны были распространиться по Греціи, придя изъ Малой Азіи черезъ Геллеспонтъ и Ѳракію, или чрезъ острова Архипелага, если только они не были первобытными жителями этой самой страны. По преданіямъ, пелазги родились изъ горы Лицеи, въ центрѣ Пелопонеза, и хвалились тѣмъ, что они „аутохтоны“, „люди Черной Земли“, „Дѣти Дубовъ“, „люди, родившіеся прежде Луны“. Вокругъ нихъ жили многочисленныя племена того же происхожденія, называвшіяся эолійцами и лелегами, къ которымъ впослѣдствіи присоединились іонійцы и ахейцы, или „Добрые“. Іонійцы, которые позднѣе должны были оказывать столь значительное вліяніе на судьбы міра, занимали только полуостровъ Аттику и Эвбею. Что же касается до ахейцевъ, то они долгое время пользовались преобладаніемъ надъ всѣми греческими народами и сообщили имъ свое имя. Впослѣдствіи же, когда дорійцы, переправившись черезъ Коринѳскій заливъ, въ самомъ узкомъ его мѣстѣ, поселились какъ побѣдители въ Пелопонезѣ, всѣ жители полуострова и острововъ получили отъ Амфиктіоній, находившихся въ Ѳермопилахъ и Дельфахъ, родовое имя эллиновъ, которое принадлежало прежде маленькому народу Ѳессаліи и Фтіотиды. Названіе же „греки“, составляющее синонимъ слова „горцы“, а можетъ быть и имѣющее смыслъ словъ „Гревніе Сыны Земли“, распространилось мало по малу въ самомъ народѣ, и наконецъ, сдѣлалось общеупотребительнымъ. Іонійцы Малой Азіи и карійцы Спорадъ, соперники Финикіянъ, плавали изъ однаго порта въ другой, торгуя съ этими полудикими племенами, и какъ пчелы, разносящія плодотворную цвѣточную пыль, распространяли между этими народами египетскую и восточную цивилизацію.

Финикійскіе купцы и римскіе завоеватели мало измѣнили элементы эллинскаго населенія, но за то варвары, со времени начала своихъ переселеній, стали во множествѣ проникать въ Грецію. Болѣе двухъ вѣковъ владѣли Пелопонезомъ авары, затѣмъ пришли славяне, отъ которыхъ нѣсколько разъ избавляла страну чума, но всетаки Греція сдѣлалась „Славоніею“, а славянскій языкъ, вѣроятно сербскій, сталъ главнымъ нарѣчіемъ, какъ это доказываетъ еще и теперь множество мѣстныхъ названій. Что бы ни говорили иные писатели, но суевѣрія и легенды грековъ

не есть престое наслѣдіе отъ древнихъ эллинновъ: ихъ сверхъ естественный міръ значительно обогащенъ призраками и вампирами славянскаго происхожденія, и самый костюмъ грековъ завѣщанъ имъ ихъ сѣверными завоевателями. Впрочемъ, развитой эллинскій языкъ постепенно вступилъ въ свои права, и самая раса достигла такого преобладанія, что въ настоящее время невозможно найти въ населеніи сербскихъ элементовъ. Но послѣ почти полнаго ославяненія, Эллада, въ особенности во время венеціанскаго господства, чуть было не сдѣлалось албанскою. Еще въ началѣ нынѣшняго вѣка, албанскій языкъ преобладалъ въ Элидѣ, Аргосѣ, Беотіи и Аттикѣ, и въ настоящее время болѣе ста тысячъ мнимыхъ эллиновъ говорятъ еще на этомъ языкѣ. Нынѣшнее населеніе Греціи весьма смѣшано, и трудно сказать, въ какой именно пропорціи соединились въ немъ эллинскій, славянскій и албанскій элементы. Думаютъ, что самыхъ чистыхъ грековъ по крови представляютъ майноты или миніоты полуострова Тенаре, которые сами называютъ себя прямыми потомками спартіатовъ, и еще до сихъ поръ между своими укрѣпленными замками показываютъ замокъ „царя Ликурга“. Съ незапамятныхъ временъ до самой войны за независимость ихъ собранія старѣйшинъ сохраняли названіе „Лакедомонскаго Сената“, и всякій клялся любить до смерти „первое благо и наслѣдіе своихъ спартанскихъ предковъ—свободу“. Между тѣмъ названія множества мѣстностей Майны суть сербскаго происхожденія и свидѣтельствуютъ о долгомъ пребываніи въ странѣ славянъ. У майнотовъ существуетъ „vendetta“ (кровная месть); какъ у черногорцевъ; но этотъ обычай свойственъ почти всѣмъ еще варварскимъ племенамъ.

Какъ бы то ни было, греческая національность, вопреки нашествіямъ и смѣшеніямъ, быть можетъ подъ вліяніемъ климата, въ которомъ она живетъ, возставовила наконецъ большую часть своихъ отличительныхъ чертъ. Прежде всего она съумѣла сохранить свой языкъ; и дѣйствительно, стоитъ удивляться тому, что народный греческій языкъ такъ мало отличается отъ древняго литературнаго. Всѣ измѣненія, подобно измѣненіямъ въ языкахъ новолатинскихъ, сводятся почти только къ сокращенію словъ посредствомъ сліянія гласныхъ, не стоящихъ подъ удареніемъ, и къ употребленіи въ спряженіяхъ вспомогательныхъ глаголовъ. Слѣдовательно, современнымъ грекамъ стоитъ только очистить понемногу свой языкъ отъ варварскихъ оборотовъ и иностранныхъ словъ, чтобы возвратиться къ языку Фукидида. Физически раса также ни мало не измѣнилась; во многихъ мѣстахъ новой Греціи вы узнаете древній типъ: у беотійца та же тяжелая походка, которая была предметомъ насмѣшекъ между другими греками; молодой аѳинецъ обладаетъ тою же гибкостью, строй-

ностью и осанкою, которымъ мы удивляемся въ скульптурныхъ всадникахъ на фризахъ Пантеона: спартанская женщина сохранила ту здоровую и гордую красоту, которую воспѣвали поэты въ дорійскихъ дѣвушкахъ. Въ моральномъ отношеніи происхожденіе новыхъ Эллиновъ — также очевидно. Современный грекъ, какъ и его предки, любитъ перемѣны, любопытенъ къ новостямъ, очень любитъ разспрашивать иностранцевъ; происходя изъ свободныхъ гражданъ, онъ сохранилъ чувство равенства и всегда опьяненъ своею діалектикою, предается безконечнымъ преніямъ, какъ будто онъ еще на форумѣ; онъ спускаетя иногда до лести, но безъ убѣжденія, а ради краснаго словца. Наконецъ, какъ и древній грекъ, интеллектуальное достоинство онъ очень часто ставитъ выше моральнаго: по примѣру „мудраго Улисса“, героя гомеровыхъ пѣсень, онъ лжетъ умно и обманываетъ ловко; для него правдивый акарнанецъ и „тугой на обѣщанія, но крѣпкій въ словѣ“ майнотъ — грубые чудаки. Одна изъ характерныхъ чертъ, отличающихъ какъ древняго, такъ и новаго грека отъ другихъ европейцевъ, состоитъ еще въ томъ, что онъ рѣдко увлекается сильными страстями, за исключеніемъ патріотизма, но и не знаетъ меланхоліи, а любитъ жизнь и хочетъ наслаждаться ею: онъ добровольно отдаетъ ее въ день битвы, но въ этомъ случаѣ и сама смерть составляетъ актъ, въ которомъ сосредоточиваются всѣ силы въ жизни. Самоубійство неизвѣстно у современныхъ грековъ: какъ бы ни былъ несчастенъ человѣкъ, онъ все таки привязанъ къ своему существованію. Сумасшествіе въ Греціи точно также — явленіе чрезвычайно рѣдкое.

Въ настоящее время греческая національность, не смотря на различіе составляющихъ ее элементовъ, принадлежитъ къ числу такихъ, которыя въ цѣломъ представляютъ наиболѣе однородный характеръ. Албанцы, люди пелазгическаго происхожденія, не уступаютъ эллинамъ въ патріотизмѣ и, быть можетъ, именно суліоты, гидріоты, спецціоты — всего мужественнѣе сражались за общее дѣло національной независимости. Восемьсотъ семействъ куцо-валахскихъ или румынскихъ зинзаровъ, пасущихъ свои стада въ горахъ Акарнаніи и Этоліи и извѣстные подъ именемъ Кара-Гунисовъ или „Черныхъ Капотовъ“, говорятъ разомъ на двухъ языкахъ и часто женятся на гречанкахъ, но никогда не отдаютъ своихъ дочерей замужъ за эллиновъ: — они горды и свободны, но слишкомъ малочисленны и разрознены, чтобы имѣть большое значеніе. Что касается собственно иностранцевъ, то греки не отличаются по отношенію къ нимъ большою терпимостью и ни мало не заботятся сдѣлать ихъ пребываніе у себя пріятнымъ. Турки, нѣкогда столь иногочисленные въ нѣкоторыхъ частяхъ Пелопонеза, Беотіи и на островѣ Эвбеѣ, должны были бѣжать

всѣ до единаго изъ страны, въ которой присутствіе ихъ вызвало печальныя воспоминанія рабства, и единственнымъ свидѣтельствомъ ихъ пребыванія здѣсь остались только феска, кальянъ и туфли. Евреи, которые встрѣчаются во множествѣ во всѣхъ городахъ славянскаго и мусульманскаго Востока, не осмѣливаются появиться между греками, которые, между прочимъ, представляютъ для нихъ опасныхъ соперниковъ по денежнымъ сдѣлкамъ. Въ сколько нибудь значительномъ числѣ ихъ можно встрѣтить только на Іоническихъ островахъ, куда они проскользнули, благодаря британскому покровительству. Въ этомъ же архипелагѣ живутъ потомки древнихъ венеціанскихъ переселенцевъ и нѣкоторое число эмигрантовъ изъ разныхъ частей Италіи. Нѣсколько семействъ французскаго и итальянскаго происхожденія на островѣ Наксосѣ составляютъ другую отдѣльную группу населенія. Что касается мальтійскихъ носильщиковъ и садовниковъ въ Аѳинахъ и Корфу, находящихся почти всегда въ положенія подчиненныхъ, то они живутъ отдѣльно, какъ иностранцы.

Недавнее присоединеніе части Ѳессаліи къ Греціи придало ей нѣсколько десятковъ тысячъ турецкихъ подданныхъ, но не успѣли еще во вновь присоединенномъ краѣ появиться греческія власти, какъ началась усиленная эмиграція турокъ. Мусульмане перешли греческую границу и эмигрировали въ Македонію. Ихъ мѣсто въ Ѳессаліи заняли вернувшіеся на родину константинопольскіе греки, а также переселенцы изъ Аѳинъ.

Однородность населенія Греціи не позволяетъ раздѣлить эту страну на этнологическія провинціи, какъ Австро-Венгрію и Турцію, но она дѣлится географически на четыре совершенно отдѣльныя естественныя области: Грецію континентальная, извѣстная подъ именемъ Румеліи, названной такъ въ воспоминаніе Византійской „римской“ имперіи; древній Пелопонезъ, называемый въ наше время Мореею—слово, представляющее, быть можетъ, искаженіе слова „Romée“ или скорѣе славянскаго названія „морскаго берега“, прикасавшагося нѣкогда въ Элидѣ; затѣмъ Спорадскіе и Цикладскіе острова Эгейскаго моря, и острова Іоническіе. При описаніи различныхъ частей Греціи намъ часто придется употреблять преимущественно древнія названія горъ, рѣкъ и городовъ, ибо сами нынѣшніе эллины, ревнуя о бывшей славѣ Греціи, стараются понемногу очистить карту своей страны отъ названій славянскаго или итальянскаго происхожденія.

Греція въ своихъ политическихъ границахъ, включая присоединенія 1881 года, заключаетъ:

	Поверхность.	Населеніе въ 1885 г.	Населеніе на 1 килом.
Новѣйшія присоединенія	13,369 кв. кил.	299,953 чел.	22 чел.
Континентальная Греція	19,856 „ „	452,848 „	23 „
Пелопонезъ	22,201 „ „	743,494 „	33 „
Острова Эгейскаго моря	6,634 „ „	227,156 „	34 „
Іоническіе острова . .	2,628 „ „	363,194 „	152 „
Всего . . .	64,688 кв. кил.	2.086,645 чел	32 чел.

II.

КОНТИНЕНТАЛЬНАЯ ГРЕЦІЯ.

Горы Пинда, образующія средній хребетъ южной Турціи продолжаются въ Греціи и придаютъ ей подобный же орографическій характеръ. По обѣимъ сторонамъ условной границы суть тѣ же скалы, та же растительность, одинаковые пейзажи, и населеніе почти всюду одного и того же происхожденія. Раздѣляя Эпиръ и придавая Греціи Ѳессалію, европейская дипломатія не заботилась о согласованіи своего дѣленія съ указаніями природы. По трактату 1881 года, восточная граница начинается отъ южной подошвы Олимпа, какъ бы огибаетъ всю внутреннюю долину Пенея, затѣмъ пересѣкаетъ его притокъ Сарандапоросъ и по линіи водораздѣла идетъ на Кассіонскія горы, вплоть до Пинда. Къ западу отъ Пинда политическая граница идетъ по глубокой долинѣ Арты, заканчивающейся заливомъ того-же имени. На востокѣ, турецкій Олимпъ отдѣленъ отъ Пинда Титаресскою долиною, но Осса и Пеліонъ принадлежатъ Греціи. Эти двѣ массы, извѣстныя въ настоящее время подъ именами Киссово и Цагора, красотой не отличаются благодаря дикости долинъ, обрывистости и скалистости. Эта цѣпь, заканчивающаяся на сѣверѣ острова Евбеи оригинальнымъ полуостровомъ Магнезіей, имѣющимъ форму крючка, была для древней Греціи однимъ изъ вѣрнѣйшихъ оплотовъ. Варварскіе набѣги останавливались предъ нею и разбивались какъ волны о крѣпкій утесъ. Они могли только проникнуть къ западу отъ этой цѣпи, чрезъ долину Пенея, часто разсматриваемую какъ существенную границу Греціи. Отсюда та чрезвычайная важность, которую имѣла въ стратегическомъ отношеніи Фарсальская позиція — она прикрывала на югѣ Ѳес-

саліи доступъ въ проходы Отриса и въ ущелье Спершіусъ. На совершенно такомъ-же основаніи охранялось и Петрасское ущелье „семирогаго“ Олимпа.

Перистери или „Голубиная гора“, этотъ угловой столбъ теперешней Греціи, къ величайшимъ вершинамъ, Пинда не принадлежитъ но даетъ начало массѣ рѣкъ: къ сѣверо-западу съ него сбѣгаетъ Віюза къ Адріатическому океану, къ сѣверо-востоку бѣжитъ Вистрица къ Салоникскому заливу, къ юго-востоку Саламбрія — верхній притокъ Пенея, къ юго-западу и югу двѣ рѣки—Арта и Апро-потамосъ текутъ къ Іоническому морю.

Одинокая вершина горы Тимфрестъ или Велуки, подымающаяся въ томъ углу, гдѣ Отрисъ отдѣляется отъ большой цѣпи Пинда, тоже хотя и не представляетъ самой высокой вершины въ континентальной Греціи, но составляетъ, такъ сказать, центръ, отъ котораго расходятся въ разныя стороны и рѣки, и горы. Къ югу и юго-востоку, ея отроги, ограждающіе собою прекрасную долину Карпенизи, соединяются посредствомъ высокаго хребта съ самою значительною горною группою новой Греціи, группою, увѣнчанною пирамидами почти всегда снѣжныхъ вершинъ Вардуссіи, и Кіоны, съ черными отъ еловыхъ лѣсовъ склонами, и наконецъ величественною Катавотрою, древнею Этою, гдѣ возвышался костеръ Геркулеса. Горы Вардуссіи и Кіона стоятъ прямо противъ красивыхъ и также лѣсистыхъ и снѣжныхъ горныхъ группъ сѣверной Мореи.

Къ западу отъ Велуки и Вардуссіи горы Этоліи, хотя и не столь высокія, но обрывистыя и непроходимыя, представляютъ настоящій хаосъ хворостника, скалъ и дикихъ ущелій, въ которыя осмѣливаются пускаться только валахскіе пастухи. Въ южной Этоліи мѣстность становится доступнѣе по берегамъ озеръ и рѣкъ, но тамъ также возвышаются горы, которыя посредствомъ извилистыхъ отроговъ соединяются съ системою Пинда. Горы Акарнанскаго побережья, противъ Іоническихъ острововъ, обрывисты, покрыты деревьями и кустарниками; — это горы того самого „Чернаго материка“, о которомъ говоритъ Улиссъ. Къ востоку отъ Ахелоя тянется другая береговая цѣпь, хорошо извѣстная морякамъ, — Цигосъ, — южные склоны котораго, суровые и голые, возвышаются надъ Миссолунги; далѣе же къ востоку другая цѣпь выступаетъ въ море, и мысами своими образуетъ узкій проливъ Коринѳскаго залива. У самаго входа въ проливъ, между прибрежными горами Этоліи, возвышается Варассова, которая своими грубо обтесанными гранями походитъ на громадную глыбу или чудовищный камень. Это та самая скала, которую, какъ говоритъ народъ, древніе титаны хотѣли бросить въ средину пролива,

МАЙНОТЫ ЖИТЕЛИ СПАРЫ.

чтобы она служила мостомъ между обоими берегами; но камень оказался слишкомъ тяжелымъ, и они бросили его на то самое мѣсто, гдѣ онъ находится и понынѣ.

Горная группа Катавотры продолжается на востокъ, къ Эгейскому морю, параллельно горамъ острова Эвбеи, въ видѣ прибрежной цѣпи или скорѣе въ видѣ ряда отдѣльныхъ группъ, отдѣляющихся другъ отъ друга глубокими проломами, широкими впадинами и даже рѣчными долинами. Хотя горы эти не высоки и перерѣзаны многими проходами, но по своимъ крутымъ скатамъ, рѣзкимъ выступамъ и неожиданнымъ обрывамъ, и они весьма трудно доступны, такъ-что во время войнъ древней Греціи нужно было весьма небольшое число людей для защиты ихъ отъ цѣлыхъ армій. На одномъ изъ концевъ этой цѣпи находится Ѳермопильскій проходъ, а на другомъ, при подошвѣ Пентеликона, съ восточной ея стороны— знаменитое Мараѳонское поле.

Группы вершинъ, возвышающихся на сѣверномъ берегу Коринѳскаго залива, на югѣ Беотіи, или Віотіи, составляютъ также, въ своей совокупности, нѣчто въ родѣ горной цѣпи, идущей параллельно грядѣ, которая тянется вдоль Эвбейскаго пролива, но только красивѣе и живописнѣе послѣдней. Нѣтъ ни одной изъ этихъ вершинъ, которая не пробуждала бы самыхъ пріятныхъ поэтическихъ воспоминаній и не воскрешала бы образовъ древнихъ боговъ. На западѣ прежде всего является Парнасъ „съ двойною головою“, на которомъ укрылись Девкаліонъ и Пирра, предки всѣхъ грековъ, и гдѣ аѳиняне, потрясая своими факелами, плясали по ночамъ въ честь Бахуса. Съ вершинъ Парнаса, равняющихся по высотѣ Кіонѣ, которая возвышается пирамидою на сѣверо-западѣ, видна вся Греція, со всѣми заливами, берегами и горами отъ Олимпа въ Ѳессаліи до Тайгета на оконечности Пелопонеза; подъ ногами можно различить восхитительную долину Дельфъ, составлявшую нѣкогда „пупъ“ Земли— мѣсто мира и согласія, гдѣ греки забывали всякую взаимную вражду. Не менѣе прекрасна и группа, слѣдующая за Парнасомъ къ востоку. Геликонъ Музъ, какъ и во времена античной Греціи, представляетъ собою горную группу съ самыми пріятными и плодородными долинами; въ особенности восточные склоны его имѣютъ чрезвычайно привлекательный видъ: ихъ рощи, луга, сады, въ которыхъ журчатъ ключи, представляютъ совершенную противоположность съ голыми и изсушенными равнинами Беотіи. Съ Парнаса течетъ Кастальскій источникъ, а съ Геликона— источникъ Гипокрены, брызжущій подъ копытомъ Пегаса. Длинный горный кряжъ Киферона, на которомъ по миѳу родился Бахусъ, соединяетъ горы южной Беотіи съ горами Аттики, представляющими мраморныя скалы,

которыя прославились, благодаря сосѣдству защищаемаго ими города. Къ сѣверу отъ Аѳинъ лежитъ Парнесъ, профиль котораго отличается правильностью и чистотою, къ востоку — Пентеликонъ, въ которомъ находятся знаменитыя ископаемыми костями Пикермійскія пещеры, къ югу — гора Гиметъ, пчелъ которой воспѣвали древніе поэты; далѣе Лавріонъ, замѣчательный богатствомъ серебряной руды, тянется къ юго-востоку и оканчивается прелестнымъ мысомъ Суни, посвященнымъ Минервѣ и Нептуну и сохранившимъ еще на себѣ двѣнадцать колоннъ древняго храма.

На югѣ Аттики находится другая отдѣльная группа, занимающая Мегарскій перешеекъ во всю его ширину и служившая валомъ, защищавшимъ аѳинянъ отъ нападеній пелопонезскихъ сосѣдей — это Геранея, нынѣ Пера-Кора. За нею слѣдуетъ собственно Коринѳскій перешеекъ, сжатый Коринѳскимъ и Эгинскимъ заливами, представляющій просто порогъ, шириною не болѣе шести километровъ между обоими берегами, безплодныя и безводныя известковыя скалы котораго возвышаются надъ моремъ лишь на высоту отъ 40 до 70 метровъ. Этотъ перешеекъ, составляя нейтральное пространство, раздѣляющее двѣ различныя географическія области, былъ назначенъ самою природою для собраній, празднествъ и торговли. Еще и теперь на перешейкѣ можно замѣтить остатки поперечной стѣны, защищавшей пелопонезцевъ, а на берегу Коринѳскаго залива — слѣды канала, начатаго по распоряженію Нерона, затѣмъ заброшеннаго, а теперь вновь начатаго современными инженерами.

Главныя высоты континентальной Греціи суть слѣдующія:

Цигосъ	1,600 метр.	Варассова	2,459 метр.
Перистери	2,100 „	Ліакура (Парнассъ).	917 „
Осса (Киссово) . . .	1,600 „	Палеовуна	1,749 „
Пеліонъ (Цагора) . .	1,564 „	Элатеа	1,411 „
Велуки (Тимдереста).	2,319 „	Парнесъ	1,476 „
Конія	2,495 „	Пентеликонъ	1,126 „
Вардусси	2,512 „	Гиметъ.	1,036 „
Катавотра (Эта) . . .	2,000 „	Пера-Кора (Геранея)	1,366 „

Известковыя горы Греціи, какъ и горы Эпира и Ѳессаліи, богаты котловинами, въ которыхъ вода собирается въ озера, между тѣмъ какъ вся окружающая ихъ земля, разсѣченная пропастями, въ которыя свергаются источники, суха и безплодна. Южная Акарнанія, часть которой, вслѣдствіе недостатка текучей воды, получила названіе *Ксеромеросъ*, т. е. „сухой страны“, также богата озерами. Артскій заливъ представляетъ

собою ничто иное, какъ озеро, соединенное съ моремъ посредствомъ узкаго пролива, порогъ котораго запираетъ входъ всѣмъ судамъ, имѣющимъ болѣе 4-хъ метровъ посадки. Вулканическія проявленія въ заливѣ Арта совершаются и теперь. Недавно г. Декигалла констатировалъ поднятіе подводнаго холма, на днѣ залива, въ 30 метровъ ширины и 7 метровъ вышины. Къ югу отъ Артскаго залива находится множество озеръ,—остатковъ внутренняго моря, загроможденнаго наносами Ахелоя. Самое значительное озеро этой страны получило отъ туземцевъ даже названіе *Пелагосъ*, т. е. море, вслѣдствіе своей величины и силы бьющихся о скалы волнъ,—это древній *Трихонисъ* этолійцевъ. Оно считалось неизмѣримымъ,—и дѣйствительно оно очень глубоко и воды его чисты, но оно медленно изливается въ другой, не столь обширный бассейнъ, который по краямъ зараженъ болотами и самъ изливается посредствомъ мутнаго потока въ Ахелой. Берега озера Трихониса покрыты деревьями и обработанными полями, между тѣмъ какъ вокругъ нижняго озера мѣстность безлюдна вслѣдствіе лихорадокъ. Тѣмъ не менѣе однакоже, мѣстность эта очень красива. Сейчасъ же по выходѣ изъ узкаго ущелья или *клиссура* Цигосскихъ горъ, дорога на протяженіи почти двухъ километровъ идетъ черезъ мостъ, построенный прежде турецкимъ губернаторомъ чрезъ болота, раздѣляющія оба озера. Мостъ этотъ, на половину уже опустившійся въ тину, еще достаточно высокъ для того, чтобы съ него можно было свободно отматривать воды и берега: дубы, платаны, дикія маслины переплетаются надъ нимъ своими вѣтвями; дикій виноградъ спускается сѣтью съ этихъ деревьевъ, и его фестоны красиво окаймляютъ картины голубой поверхности озера и огромныхъ горъ.

Къ югу отъ Цигоса, между наносными землями Ахелоя и Фидариса (Эноса), находится другое озеро, представляющее на половину болото прѣсной или солеватой воды, на-половину соленый заливъ, который со времени древнихъ грековъ, вслѣдствіе небрежности жителей, значительно увеличился на счетъ обработанныхъ земель. Героическій Миссолунги получилъ свое названіе, обозначающее „средину болотъ“, именно благодаря своему положенію на этой большой лагунѣ. Узкая береговая полоса, или „*рамма*“, мѣстами разорванная волнами, отдѣляетъ бассейнъ Миссолунги отъ Іоническаго моря. Во время войны за независимость, всѣ входы озера защищались небольшими фортами и свайными перемычками; теперь же они загорожены камышевыми плетнями, которые рыбаки открываютъ весною, чтобы впустить изъ моря рыбу, и задѣлываютъ лѣтомъ, чтобы закрыть ей выходъ. Миссолунги, хотя и лежитъ среди соленыхъ водъ, имѣетъ, однако, благодаря морскому вѣтру, не нездоровый климатъ,

между тѣмъ какъ болѣе оживленный торговлею городокъ Этолико (Анатолико), построенный на западѣ, на самомъ болотѣ, и соединенный съ твердою землею двумя мостами, имѣетъ воздухъ тяжелый и наполненный міазмами. Между Этолико и Ахелоемъ замѣтно множество скалистыхъ холмовъ, возвышающихся на равнинѣ подобно пирамидамъ: очевидно, это древніе островки, подобные архипелагу между берегомъ материка и островомъ св. Мавры. Наносы Ахелоя постепенно загромоздили отдѣлявшіе ихъ другъ отъ друга промежутки и присоединили ихъ къ твердой землѣ. Древній торговый городъ Эніадъ находился на одномъ изъ этихъ острововъ, т. е. занималъ „землю, которая не была еще землею“. Эта геологическая работа, которую наблюдалъ уже Геродотъ, совершается и на нашихъ глазахъ: быстрота рѣки, доставившая ей нынѣшнее названіе *Аспросъ*, „бѣлой“, не перестаетъ еще и нынѣ расширять своими наносами землю въ ущербъ морю.

Ахелой, который, вслѣдствіе силы теченія и обилія воды, древніе сравнивали съ дикимъ быкомъ, представляетъ самую значительную рѣку въ Греціи. Вырвать у него одинъ рогъ, т. е. запрудить рѣку и отвоевать у ней когда-то затопленныя ея блуждающими волнами земли — было однимъ изъ великихъ подвиговъ Геркулеса. Съ нею невозможно сравнивать ея сосѣдокъ—быструю Фидарисъ, которую перешелъ центавръ Несъ, неся Геркулеса и Деяниру, и Морносъ (Морнапотамосъ), берущій начало изъ снѣговъ Эты. И что такое послѣ этого рѣки Аттики, текущія по склону Эгейскаго моря: Оропъ, два Цефиза и Иллиссусъ, русло котораго „смачивается только тогда, когда идетъ дождь“?

Главная рѣка восточной Греціи, Саламбрія или Пеней, недавно возвращенный отъ Турціи, въ смыслѣ многоводности уступаетъ Ахелою. Берущій начало также близъ Цигоса, онъ собравъ въ себя всѣ воды Θессаліи, отъ Олимпа до Отриса, прорывается межъ отроговъ Олимпа и Оссы, по узкому проходу, названному древними эллинами Темпейской долиной. Этотъ проходъ, обязанный своимъ образованіемъ, безъ сомнѣнія, медленному, но безпрерывному разрушающему дѣйствію горныхъ водъ, считался у грековъ лучшимъ, прекраснѣйшимъ уголкомъ міра. Такое высокое понятіе о достоинствахъ Темпейской долины беретъ свое начало, надо думать, изъ преданія о томъ, что каждыя девять лѣтъ сюда направлялось посольство изъ Дельфъ, съ порученіемъ именно здѣсь, а не гдѣ либо иначе, сорвать лавры для украшенія будущихъ побѣдителей на пиѳійскихъ играхъ. Долина, дѣйствительно, очень хороша: ясныя воды Пенея, вѣтвистая зелень платановъ, лавры, олеандры, красноватые откосы скалъ—все это создаетъ виды столь-же прекрасные, сколь и гран-

діозные Но, въ общемъ, Темпейская долина слишкомъ мертва и мрачна, и совершенно заслуживаетъ своего теперешняго наименованія: Ликостомская (Волчья Пасть). Въ самой Θессаліи, особенно-же въ долинахъ Пинда, есть масса мѣстностей болѣе красивыхъ, оживленныхъ и веселыхъ.

Подобно долинѣ Ахелоя, и Пенейская долина была нѣкогда покрыта стоячими водами. Озера Карлаское и Бебейское, совершенно высыхающія въ случаѣ безводнаго лѣта, суть ничто иное, какъ остатки того огромнаго бассейна, въ который стекали воды болотистой и лихорадочной Ларисской долины. Жители Карласа разсказываютъ, что часто слышатъ громкіе, глухіе стоны, выходящіе откуда-то изъ глубины. Этотъ шумъ, происходящій очевидно отъ проникновенія наружнаго воздуха въ подземные каналы, суевѣріе жителей приписываетъ рычанію какого-то невидимаго звѣря. Нѣсколько озерныхъ впадинъ окружаютъ съ запада и сѣверо-запада подошву Олимпа и многія, наконецъ, долины верхнихъ бассейновъ Пенея и его притоковъ обязаны своимъ образованіемъ рѣчнымъ наносамъ. Θессалійскія озера осушены, по однимъ миѳамъ, Геркулесомъ, а по другимъ—Нептуномъ, при проложеніи Темпейскаго ущелья.

На югѣ Θессаліи, заливъ Воло, отдѣленный отъ моря узкой, загибающейся на подобіе крючка полосой, сильно напоминаетъ собою внутренне море. Въ этомъ отношеніи онъ вполнѣ соотвѣтствуетъ заливу Арта, расположенному на той-же высотѣ съ западной стороны. Разница между ними та, что входъ въ Артскій заливъ затрудненъ порогомъ, а въ заливъ Воло имѣютъ свободный доступъ большія, глубокосидящія суда.

Лишь только Θессалія вернулась во власть Греціи, какъ города ея почти совершенно утратили турецкую часть своего населенія. Изъ всѣхъ греческихъ областей ни одна не возмущалась такъ часто, какъ Θессалія, съ цѣлью низвергнуть ненавистное турецкое иго, ни одну область не отстаивали такъ греки, какъ эту—живой осколокъ своей родины, колыбель своей націи. По своимъ традиціямъ,, по своему языку, климату, и небу Θессалія, дѣйствительно, естественная часть Греціи и даже лучшая ея часть—болѣе живописная, болѣе плодородная, болѣе богатая. Правда, у береговъ Θессаліи, какъ въ нижней Македоніи, нѣтъ той изумительной прозрачности атмосферы, той глубокой синевы неба, которой удивляются въ южной Греціи. Вѣчныя испаренія Эгейскаго моря, подымающіяся къ вершинамъ Олимпа и другихъ горъ, являются порой причиною туманной и пасмурной погоды, но эти-же испаренія спасаютъ

внутренность страны, препятствуя лѣтнему зною сушить и пепелить ее, какъ дѣлается это съ Аттикой и Арголидой.

Греческое населеніе Θессаліи довольно сильно перемѣшано съ другими, постепенно слившимися съ нимъ, элементами, такъ что теперь нѣтъ болѣе въ странѣ ни сербовъ, ни болгаръ, хотя одинъ изъ главнѣйшихъ рукавовъ Титарезы и носитъ названіе Вургариса, т. е. „рѣка болгаръ". Что-же касается зинзаръ или македоно-валаховъ, столь многочисленныхъ въ средніе вѣка на обоихъ склонахъ Пинда, то они занимаютъ всего нѣсколько деревень, преимущественно на южной группѣ Олимпа. Хотя они и очень гордятся своимъ римскимъ происхожденіемъ, тѣмъ не менѣе они должны мало по малу эллинизоваться, благодаря вліянію окружающей среды. Почти всѣ слова ихъ нарѣчія, обозначающія предметы цивилизованной жизни, слова, такъ сказать, позднѣйшей формаціи, имѣютъ греческіе корни; ихъ священники и учителя проповѣдуютъ и учатъ по-гречески; сами они всѣ знаютъ греческій языкъ и, какъ національность, они теряются еще вслѣдствіе чрезмѣрной любви къ переселеніямъ, ибо даже земледѣльцы сохранили въ своихъ нравахъ нѣчто кочевое: имъ нравится бродячая жизнь пастуховъ и странствующихъ торговцевъ. До присоединенія Θессаліи къ Греціи низменныя равнины, окружающія Ларисcу, были плотно населены турками, да и самая Ларисса была городомъ преимущественно мусульманскимъ. Точно также населены были турками и гористыя мѣстности, лежащія далѣе къ сѣверу между долиною Инджe-Карасу и озерами Острово и Касторія; но эти турки отличались, впрочемъ, отъ всѣхъ другихъ османлисовъ имперіи: это коньяриды. Согласно нѣкоторымъ писателямъ, коньяриды, призванные восточными императорами въ качествѣ колонистовъ, водворились въ Македоніи и Θессаліи съ одиннадцатаго вѣка. Тѣ изъ нихъ, которые остались и понынѣ въ Θессаліи, управляются сами собою республиканскими общинами и пользуются общимъ уваженіемъ за свою честность, гостепріимство и простоту.

Греки уступаютъ этимъ турецкимъ земледѣльцамъ въ нравственныхъ качествахъ, но значительно превосходятъ ихъ за то живою смѣтливостью и подвижностью. Въ семнадцатомъ столѣтіи у нихъ проявилось даже нѣчто въ родѣ эпохи Возрожденія, какъ въ западной Европѣ, и любовь къ искусствамъ развилась на столько, что въ деревняхъ Олимпа возникла своя школа живописи. Вѣрные своимъ древнимъ преданіямъ и историческимъ инстинктамъ своей націи, θессалійскіе греки, какъ и вообще всѣ греческія племена, находившіяся подъ турецкой властью, старались устроиться общинами, управляющимися собственными законами,

маленькими республиканскими городками—подобіемъ древнихъ *полисовъ*, для полнаго сходства съ которыми имъ недоставало только политической независимости. Въ *келафокоріяхъ*, или вольныхъ деревняхъ, они избираютъ своего собственнаго начальника, организуютъ школы, выбираютъ какихъ имъ надо учителей и, благодаря крѣпкой и тѣсной взаимной связи и денежнымъ взносамъ, находятъ средства отклонить пашей отъ всякаго вмѣшательства въ управленіи ихъ городами. Подобно тому, какъ предки ихъ платили дань аѳинянамъ или другимъ грекамъ, они вносятъ налоги туркамъ, но во всемъ остальномъ управляются сами и являются свободными гражданами. Но совсѣмъ не то, по сравненію съ этими свободными общинами, представляютъ *чифлики*, въ которыхъ собственниками земли являются мусульмане, а греки только ихъ арендаторы. Здѣсь греки находятся въ полной зависимости и въ нихъ нѣтъ уже ни ихъ кипучей дѣятельности, ни поражающейэнергіи. И это понятно: свобода—могучій рычагъ. При свободѣ самая безплодная земля, холодный и голый камень становится плодороднымъ, даетъ обильныя жатвы, обогащаетъ земледѣльца.

Благородство ума и похвальное честолюбіе Ѳессалійскихъ грековъ доказываются главнымъ образомъ ихъ особенною, ни предъ какими жертвами не останавливающейся заботою объ образованіи молодаго поколѣнія. Не говоря уже о богатыхъ селеніяхъ, самыя бѣдныя горныя деревни Пинда содержатъ на свой счетъ школы, которыя посѣщаются юношествомъ до пятнадцатилѣтняго возраста. Чтобы дать понятіе о практическомъ умѣ ѳессалійцевъ, необходимо привести тотъ замѣчательный фактъ, что съ прошлаго столѣтія ткачи прелестнаго города Амбеланіи, расположеннаго среди фруктовыхъ садовъ и виноградниковъ на высотахъ, господствующихъ съ юга надъ Тимпейскою долиною, образовали ассоціацію мелкихъ товариществъ взаимнаго участія въ барышахъ и выгодахъ. Эта огромная ассоціація, выдавая благоразумно ежегоднаго дивиденда лишь десять процентовъ на сто, остатокъ прибыли употребляла на расширеніе дѣлъ и долго пользовалась значительнымъ благосостояніемъ; но войны Турецкой имперіи разорили ее, закрывъ ей германскій рынокъ, куда сбывались почти всѣ ея ткани. Частью благодаря этой же самой ассоціаціи, двадцать-четыре богатыя греческія деревни полуострова Магнезіи, къ сѣверу отъ залива Воло, могли доставить благосостояніе не только своимъ ткацкимъ фабрикамъ, но всѣмъ вообще жителямъ. Это положительно самый зажиточный округъ во всей Греціи. Не малую роль играло здѣсь и то обстоятельство, что благодаря своему счастливому положенію внѣ главныхъ

стратегическихъ путей, онъ вѣчно оставался въ сторонѣ отъ театра военныхъ дѣйствій и счастливо избѣгалъ разорительныхъ ужасовъ войны.

Ларисса сохранила за собою названіе столицы Θессаліи. Переходъ ея территоріи къ Греціи лишилъ ее половины населенія, но эта потеря была быстро вознаграждена большимъ числомъ грековъ, переселившихся сюда съ юга и сѣвера, и безконечно довольныхъ вернуться сюда, на родину своихъ предковъ. Быстрый ростъ Лариссы ручается за то, что въ ближайшемъ будущемъ она станетъ вторымъ городомъ въ королевствѣ: въ ней будетъ вскорѣ свой университетъ, какъ въ Аѳинахъ, и она уже владѣетъ желѣзно-дорожной линіей, которая соединяетъ ее съ одной стороны съ садами Валестины, а съ другой съ портомъ Воло, ставшимъ за послѣднее время одною изъ главныхъ гаваней Эгейскаго моря—отсюда нѣкогда отправились аргонавты за Золотымъ Руномъ. Пути сообщенія, страшно прежде затруднительные въ Θессаліи по причинѣ внутреннихъ болотъ, нынѣ улучшены, и Фарсалъ, Кардица, Домокосъ и Турнавосъ принимаютъ видъ вполнѣ греческихъ городовъ. Трикала, главный пунктъ западной Θессаліи, расположена на верхней равнинѣ Саламбріи, близъ Пинда, знаменитаго своими теоктистами (божественными твореніями), т. е. уцѣлѣвшими обломками скалъ, возвышающимися въ видѣ столбовъ, башенъ и призмъ. Нѣкоторые изъ нихъ оканчиваются площадками и монахамъ, ревностнымъ подражателямъ Симеона Столпника, пришла идея построить тамъ монастыри. Поселившись въ нихъ и осужденные никогда не спускаться внизъ, они получаютъ съѣстные припасы и принимаютъ посѣтителей лишь посредствомъ сѣти, которая, крутясь, качается на концѣ веревки, поднимающейся при помощи воврота. Въ Валаамскій монастырь приходится подниматься такимъ образомъ по воздуху, качаясь во всѣ стороны и стукаясь о камни, на высоту до 67 метровъ Ведутъ туда, кромѣ того, и связанныя одна съ одной лѣстницы, но этотъ способъ еще опаснѣе Религіозное рвеніе, увлекавшее монаховъ жить тамъ, куда залетаютъ лишь орлы, нынѣ мало по малу ослабѣваетъ, такъ что изъ двадцати бывшихъ тамъ монастырей, въ настоящее время ихъ только семь, изъ которыхъ болѣе или менѣе значителенъ только одинъ—Метеоръ, насчитывающій въ своихъ стѣнахъ до двадцати монаховъ.

Къ югу отъ Отриса, въ древней Румеліи, Сперкіусъ, который такъ же какъ Ахелой и Пеней, много поработалъ для измѣненія вида низкой равнины. Въ ту эпоху, когда Леонидъ со своими храбрецами защищалъ Θермопильское ущелье отъ персовъ, Ламійскій заливъ гораздо глубже вдавался къ землю, но рѣка мало по-малу отодвинула берегъ и приняла въ себя, въ качествѣ притоковъ, нѣсколько рѣчекъ, изливавшихся прямо

въ море. Перемѣщая постепенно свою дельту, Спелькіусъ расширилъ на нѣсколько километровъ тѣсный прежде проходъ между подошвою Каллидромосомъ и моремъ такъ, что теперь здѣсь могли бы свободно маневрировать цѣлыя арміи. Бьющіе изъ скалъ теплые сѣрные ключи также способствовали увеличенію Ѳермопильскаго морскаго берега наносомъ каменистаго слоя. Впрочемъ, эта вулканическая мѣстность въ теченіе двухъ тысячъ лѣтъ могла быть измѣнена и землетрясеніями. Въ сосѣднемъ морѣ и теперь еще матросы показываютъ скалу Лихасъ, которая представляетъ небольшой кратеръ съ окалиною, и въ которой древніе видѣли товарища Геркулеса, сброшеннаго разгнѣваннымъ полубогомъ съ высоты Эты. Насупротивъ этого мѣста, на берегу острова Эвбеи, теплые источники бьютъ въ такомъ изобиліи, что образовали по склонамъ громадное количество осадковъ, которые издали кажутся ледникомъ. Основанное въ Ѳермопилахъ терапевтическое заведеніе утилизируетъ сѣрныя воды и даетъ поводъ иностранцамъ посѣщать столь богатыя историческими воспоминаніями мѣстности. Пьедесталъ, на которомъ стоялъ мраморный левъ, воздвигнутый въ честь Леонида, былъ видѣнъ еще недавно до 1856 года, но теперь онъ разрушенъ для устройства мельницы.

Бассейнъ Цефиза, который представляетъ какъ бы межу между цѣпями Эты и Парнаса, такъ же весьма замѣчателенъ съ гидрологической точки зрѣнія. Рѣка течетъ сперва по дну существовавшаго нѣкогда озера; затѣмъ, по выходѣ изъ ущелья, образуемаго отрогами Парнаса, огибаетъ скалу, на которой стоялъ древній городъ Орхоменъ, и вступаетъ въ обширную равнину, на которой болота и резервуары глубокихъ водъ окружены воздѣланными полями и камышемъ. Множество ручьевъ, изъ коихъ одинъ, Ливадія, получаетъ обильную воду изъ знаменитыхъ источниковъ „Памяти“ и „Забвенія“ — Мнемозины и Леты — стекаютъ въ этотъ болотистый бассейнъ съ Геликона и сосѣднихъ горъ. Лѣтомъ большая часть этой равнины высыхаетъ, и ея поля даютъ удивительные урожаи маиса, стебли котораго сладки, какъ сахарный тростникъ; но, послѣ сильныхъ дождей, осенью и зимою, уровень воды поднимается на 6, даже на $7^1/_2$ метровъ, такъ что вся низкая равнина затопляется водою и становится озеромъ, поверхность котораго равняется 230 километрамъ; миѳъ же объ Огигесовомъ потопѣ заставляетъ думать, что вода заливала иногда и всѣ обитаемыя долины, открывающіяся въ этотъ бассейнъ. Цефизомъ называлась у древнихъ только западная часть бассейна; болѣе же глубокія мѣста его на востокѣ имѣли названіе Копаиса; а теперь озеро называется по имени города Тополіаса, расположеннаго на одномъ изъ мысовъ его сѣвернаго берега.

Понятна необходимость урегулировать движеніе воды и предотвратить внезапные разливы озера по обработаннымъ землямъ его береговъ;— поэтому еще древніе греки предпринимали въ этомъ отношеніи нѣкоторыя попытки. Къ востоку отъ большаго Копаисскаго озера есть другое озеро, лежащее на 40 метровъ ниже послѣдняго и окруженное со всѣхъ сторонъ неудобными для обработки скалистыми крутизнами, — это *Гилиса* віотійцевъ,—резервуаръ, назначенный повидимому самою природою принимать въ себя избытокъ водъ Копаиса; и теперь еще замѣтны на равнинѣ слѣды канала, который долженъ былъ отводить излишнюю воду въ огромную впадину Гилиса, но незамѣтно, чтобы эта работа была въ древности доведена до окончанія. Ее выполнили только недавно посредствомъ прорытія тоннеля въ 760 метровъ длины. Нужно было бы также очистить различныя воронки или *катавотры*, въ которыя изливается вода озера Копаиса и выносится въ море посредствомъ подземныхъ каналовъ. Первый подземный резервуаръ, на сѣверо-западѣ, противъ Орхоменской скалы, изъ которой вытекаетъ Мела, принимаетъ въ себя эту послѣднюю рѣку и несетъ ее въ Аталантскій заливъ (Таланди); другіе, скрытые проводники, на востокъ, направляются къ озерамъ Гилису и Паралимни, по главныя пропасти находятся на сѣверо-востокѣ въ заливѣ Коккино. Въ этомъ углу озера, представляющемъ собственно Копаисъ древнихъ, рѣка Цефизъ, прорѣзывающая болотистую площадь во всю ея ширину, ударяется о подошву горы Скропонери и раздѣляется на подземные рукава. На югѣ вода проходитъ въ отверстіе скалы, которое есть нечто иное, какъ прорѣзывающій мысъ тоннель, въ которомъ могутъ ходить въ сухое время года пѣшеходы. Но за этою фальшивою воронкою есть въ скалахъ другая дверь, въ которой исчезаетъ, одна изъ главныхъ вѣтвей Цефиза, которая выходитъ на востокѣ, вѣроятно въ видѣ сильныхъ ключей, изливающихся прямо въ море. На какой нибудь километръ къ сѣверу два другіе рукава рѣки уходятъ въ скалу, а затѣмъ вскорѣ соединяются вмѣстѣ и текутъ къ сѣверу, какъ бы подъ излучистою долиною, которая въ древности служила ложемъ для водъ, текущихъ теперь подъ землею. Греческіе инженеры вырывали здѣсь нѣкогда колодцы, чрезъ которые спускались къ уровню воды для очищенія ложа, въ случаѣ засоренія. Отъ начала *катавотръ* до того мѣста, гдѣ вода снова появляется наружу, считаютъ шестнадцать такихъ колодцевъ, изъ которыхъ нѣкоторые имѣютъ до 10 или даже до 30 метровъ глубины, но большая часть ихъ завалена мелкимъ камнемъ и обвалившеюся землею. Сооруженія эти, разрушившіяся тысячи лѣтъ тому назадъ и безуспѣшно исправлявшіяся въ эпоху Александра инженеромъ Кратесомъ, относятся вѣроятно еще

къ почти миѳическимъ временамъ Миньеновъ Орхоменскихъ. Осушеніе болотъ вокругъ Копаиса и регуляризація подземныхъ рѣкъ доставили этому древнему народу тѣ громадныя богатства, о которыхъ свидѣтельствуетъ Гомеръ. И такъ, греки уже гомеровыхъ временъ умѣли производить такія искусственныя сооруженія, предъ которыми рѣшительно останавливается даже новѣйшее искусство.

Вся западная часть Румеліи, занятая горами Акарнаніи, Этоліи и Фокиды, по самой природѣ своей, должна была имѣть весьма ограниченное значеніе въ сравненіи съ восточными провинціями. Еще во времена древнихъ грековъ страны эти считались варварскими, и дѣйствительно, этолійцы и въ наше время—самые невѣжественные изъ грековъ. Торговое движеніе замѣтно было лишь въ нѣсколькихъ привиллегированныхъ мѣстностяхъ на берегу моря, какъ напр. въ Миссолунги, Этоликѣ, Салонѣ, Галаксиди. Послѣдній изъ этихъ городовъ, расположенный на берегу бухты, въ которую изливается Плейстосъ,—дельфійскій ручей, посвященный нѣкогда Нептуну, хотя почти всегда безводный,—до войны за независимость былъ верфью и самымъ оживленнымъ торговымъ мѣстомъ въ Коринѳскомъ заливѣ, которому даже далъ свое имя. Что касается Навпакта, названнаго итальянцами Лепантомъ, имя котораго также служитъ для обозначенія Коринѳскаго залива, то онъ имѣетъ только стратегическое значеніе, благодаря своему положенію при входѣ въ проливъ. Много морскихъ сраженій происходило за обладаніе этимъ морскимъ проходомъ, который защищаютъ теперь два форта: Ріумъ—со стороны Мореи и Анти-Ріумъ—со стороны Румеліи. Въ этомъ каналѣ, составляющемъ входъ въ Коринѳскій заливъ, замѣчается любопытное физико-географическое явленіе. Порогъ, имѣющій, впрочемъ, въ самомъ глубокомъ мѣстѣ не болѣе 66 метровъ глубины, постоянно измѣняется въ своей ширинѣ вслѣдствіе противоположныхъ дѣйствій земляныхъ наносовъ и морскихъ теченій: что приносится одною силою, то уносится другою. Во время Пелопонезской войны проливъ имѣлъ семь стадій, т. е. около 1,255 метровъ ширины; во времена Страбона онъ съузился до пяти стадій, а въ настоящее время ширина его удвоилась, такъ что отъ выступа одного берега до выступа другаго теперь около 2 километровъ. Во входѣ въ заливъ Арто, между турецкимъ Эпиромъ и греческою Акарнаніею, не замѣчается уже подобныхъ явленій, и ширина его остается такою же, какъ ее опредѣляли всѣ древніе писатели, т. е. немного менѣе одного километра. Арта, главный городъ Эпира, присоединенная теперь къ Греческому королевству, расположена не на самомъ берегу залива, но въ долинѣ рѣки того-же имени (Аркта).

Долины и озерные бассейны восточной Румеліи, и въ особенности ея почти совершенно полуостровное положеніе между Коринѳскимъ заливомъ, Эгинскимъ моремъ и длиннымъ Эвбейскимъ каналомъ, должны были создать изъ этой области самую оживленную часть Греціи. И дѣйствительно, страна, гдѣ возвышаются города Ѳивы, Аѳины, Мегара, есть страна по преимуществу историческая. Между двумя самыми главными частями этой области, Беотіею или Віотіею и Аттикою, существуетъ большая противоположность. Первая изъ нихъ представляетъ закрытую котловину, въ которой обильныя воды скопляются въ озера и носятся въ видѣ густыхъ тумановъ, а жирная наносная почва питаетъ богатую растительность. Аттика же, напротивъ, безплодна, терассы ея горъ покрыты весьма тонкимъ слоемъ плодоносной земли; долины ея совершенно открыты къ морю, горы съ ихъ вершинами ясно рисуются на ея чистомъ небѣ, а подошвы ихъ омываютъ голубыя воды Эгейскаго моря; весь полуостровъ глубоко вдается въ море и продолжается въ немъ цѣпью Цикладовъ. Если бы греки, избѣгая опасностей моря, должны были заниматься, какъ въ первобытныя времена, преимущественно обработкою своихъ полей, то Беотія, безъ сомнѣнія, сохранила бы то преобладаніе, которымъ она пользовалась во времена миньенскаго царства и багатаго Орхомена; но успѣхи мореплаванія и непреодолимое стремленіе эллиновъ къ торговлѣ должны были мало по малу доставить главную роль населенію Аттики. Городъ Аѳины, построенный на самой открытой равнинѣ полуострова, занималъ именно то положеніе, которое было ему заранѣе предназначено для великой исторической роли.

Часто порицали выборъ мѣста, сдѣланный греческимъ правительствомъ для построенія своей столицы при подошвѣ Акрополя. Конечно, времена перемѣнились и движенія племенъ перемѣстили мало по малу естественные центры торговли. Мѣсто Коринѳа, господствующаго разомъ надъ двумя морями и стоящаго въ точкѣ соединенія континентальной Греціи съ Пелопонезомъ, выбрано лучше; отсюда были бы гораздо удобнѣе сношенія съ одной стороны съ Константинополемъ и всѣми греческими берегами Востока, оставшимися подъ властью турокъ, съ другой — съ западнымъ міромъ, откуда теперь притекаетъ въ Грецію цивилизація, которую нѣкогда распространяла она сама. Если бы Эллада, вмѣсто того чтобы сдѣлаться маленькимъ централизованнымъ королевствомъ, образовала бы изъ себя федеративную республику, что согласовалось бы съ духомъ народа и его преданіями, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что другіе города Греціи, расположенные выгоднѣе Аѳинъ для поддержанія быстрыхъ сношеній съ европейскими странами, легко превзошли бы ихъ по

населенію и торговому богатству. Тѣмъ не менѣе, разростаясь постоянно на своей равнинѣ и соединяясь съ Пиреемъ посредствомъ желѣзной дороги, Аѳины снова пріобрѣли весьма важное естественное значеніе, сдѣлались снова морскимъ городомъ, какъ во дни своего античнаго величія, когда они, благодаря своей тройной стѣнѣ, своимъ „ногамъ", упиравшимся въ море, составляли одинъ организмъ съ своими двумя портами: Пиреемъ и Фалерою.

Уже въ настоящее время Пирей занялъ видное мѣсто, но вскорѣ онъ сдѣлается однимъ изъ самыхъ оживленныхъ мѣстъ въ Европѣ, благодаря тому узлу, которымъ сходятся въ немъ желѣзнодорожные и морскіе пути *). Два южные порта: Цеа и Муничіа слишкомъ мелки для того, чтобы принимать значительныя суда, но западный портъ замѣчательно защищенъ и достаточно глубокъ для судовъ большой посадки. Близъ набережной находится центральный вокзалъ греческихъ желѣзныхъ дорогъ, который рано или поздно, но протянетъ свою вѣтвь къ портамъ Эпира, противъ Бриндичи, и станетъ такимъ образомъ конечною станціей чрезъевропейскаго желѣзнодорожнаго пути къ Африкѣ и Азіи.

Аѳины, ограниченны съ одной стороны амфитеатромъ холмовъ, раскидываютъ свои новые кварталы въ верхнихъ долинахъ Илиса, къ откосамъ горы Гимета. Но главнымъ образомъ они расширяются на западъ и на сѣверо-западъ, по направленію къ оливковой долинѣ, орошаемой Цефизомъ, и къ плоскому холму Колона. Здѣсь возвышаются могилы Готфрида Миллера и Шарля Ленорманъ. Въ Аѳинахъ есть и широкія улицы, и изящныя мраморныя зданія — университетъ, напримѣръ, но какая разница между памятниками новаго города и развалинами античнаго. Храмъ Парѳенона, хотя и разбитый бомбами венеціанца Морозини, лишенный своихъ самыхъ лучшихъ скульптурныхъ украшеній, по своей чистой и простой красотѣ, такъ прекрасно гармонирующій съ окружающею его скромною природою, остается все-таки первымъ изъ всѣхъ великихъ архитектурныхъ произведеній. Рядомъ съ этими величественными остатками, на Акропольскомъ плато, на которомъ мореходцы, входившіе въ Эгинскій заливъ, еще издалека видѣли золотое копье Аѳины-Паллады, возвышаются другіе памятники, хотя не столь прекрасные, но относящіеся къ тому же великому періоду искусства, а именно Эрехтейонъ и Пропилеи. За городомъ на выступѣ горы возвышается храмъ Тезея,—зданіе, сохранившееся лучше всѣхъ другихъ остатковъ греческой древности; далѣе, не-

*) Движеніе навигаціи въ Пирейскомъ портѣ за 1882 годъ:
15.312 суд. съ вмѣстимостью въ 2.540,703 тоннъ.
Оборотъ: 71.576,616 франковъ, изъ коихъ 37.422,058 фр. вывоза.

далеко отъ Иллиссуса группа колоннъ напоминаетъ величіе храма Юпитера Олимпійскаго, на постройку котораго аѳиняне потратили семьсотъ лѣтъ и который для потомковъ ихъ послужилъ простою каменоломнею. Во многихъ другихъ мѣстахъ, занимавшихся древнимъ городомъ, замѣтны еще замѣчательные остатки древности, видѣть которые тѣмъ интереснѣе, что съ ними связываются воспоминанія о великихъ людяхъ: на этой горѣ былъ ареопагъ, въ которомъ судили Сократа; съ этой каменной трибуны говорилъ Демосѳенъ; въ этомъ саду училъ Платонъ!

Тотъ же самый историческій интересъ представляетъ и остальная Аттика: будетъ-ли это деревня Элевзисъ, прославившаяся таинствами Цереры, и городъ Мегара съ своимъ двойнымъ акрополемъ, или поля Мараѳона и берега острова Саламина. Точно также и за предѣлами Аттики воспоминанія путешественниковъ возбуждаютъ Платея, Левктры, Херонея, Ѳивы Эдипа и Орхоменъ. Но въ сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ мѣста эти были нѣкогда, они нынѣ представляютъ почти пустыри. Кромѣ Аѳинъ и Ѳивъ, между находящимися на материкѣ городами восточной Греціи, имѣютъ еще въ наше время нѣкоторое значеніе Ламіа (Цейтуни), расположенный среди низменностей Сперкіуса, и беотійская Ливадія, нѣкогда знаменитая пещерою Трофонія, которую археологи не могутъ еще указать съ достовѣрностью. Принадлежащій къ Аттикѣ островъ Эгина точно также находится въ упадкѣ и безлюденъ, какъ и сосѣдняя съ нимъ великая земля; въ древности на немъ тѣснилось болѣе двухъ сотъ тысячъ жителей, теперь же остается не болѣе трети этого числа. По крайней мѣрѣ островъ сохранилъ живописныя развалины своего храма Минервы и удивительный пейзажъ полукруга гористыхъ береговъ Арголиды и Аттики.

III.

МОРЕЯ ИЛИ ПЕЛОПОНЕЗЪ.

Пелопонезъ, въ географическомъ отношеніи, вполнѣ заслуживаетъ даннаго ему древними названія острова, ибо это особый міръ, совершенно отдѣленный отъ гористаго полуострова Греціи низкимъ Коринѳскимъ перешейкомъ,—міръ не большой, если судить по занимаемому имъ на картѣ мѣсту, но великій по той роли, которую онъ игралъ въ исторіи человѣчества.

Вступая въ Морею черезъ Коринѳскій перешеекъ, вы прежде всего видите Онеинскія горы, которыя, возвышаясь какъ валъ, защищали входъ

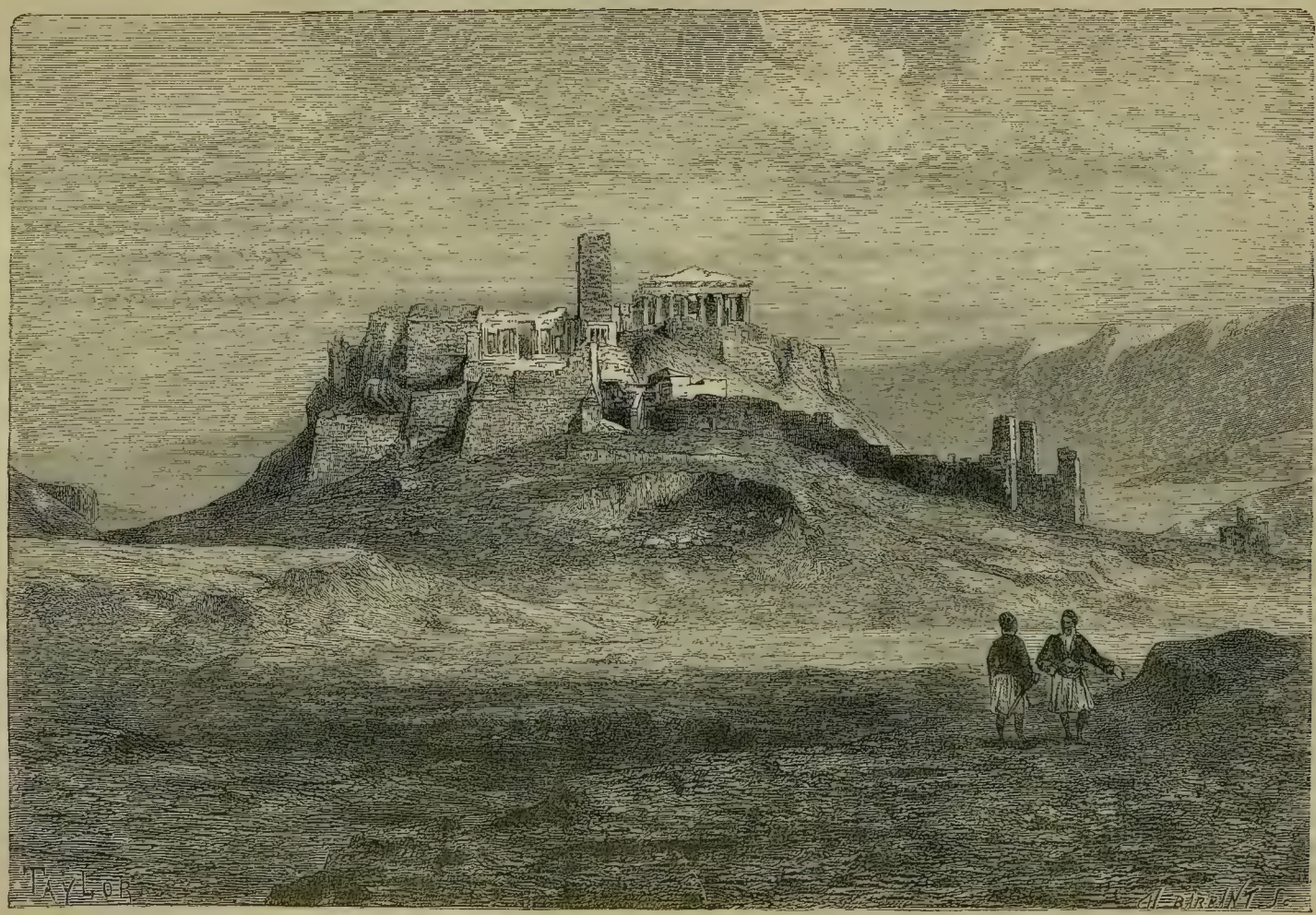
на полуостровъ, и на одномъ изъ выступовъ которыхъ была расположена крѣпость Акрокориноъ, главный стратегическій пунктъ Пелопонеза (второй—Итомея). Горы эти, за которыми жители Пелопонеза жили въ безопасности отъ всякаго нападенія, не представляютъ отдѣльной горной группы, а соединяются съ общею системою горъ всего острова. Прямо на западъ отъ Коринѳа, километровъ на пятьдесятъ во внутренность Мореи, возвышается главная группа горъ, или „узелъ“, изъ котораго расходятся всѣ горныя цѣпи къ оконечностямъ полуострова. Тутъ возвышаются Килленъ древнихъ грековъ, или Цирія, съ черными отъ еловаго лѣса склонами, и Кельмосъ, или группа Ароанійскихъ горъ, изъ снѣговъ которыхъ свергается къ сѣверу въ мрачную долину, въ видѣ каскада, или скорѣе въ видѣ длинной туманной завѣсы, „рѣка“ Стиксъ—съ холодною водою, страшная когда-то для клятвопреступниковъ, которая исчезаетъ затѣмъ въ извилинахъ ущелья, превратившихся въ миѳологіи въ девять круговъ ада. На западѣ Кельмосъ соединяется, посредствомъ ряда лѣсистыхъ вершинъ, съ группою Олоносъ,—древнею Эриманѳою, знаменитою охотами Геркулеса. Всѣ эти горы, отъ Коринѳа до Патраса, образуютъ какъ бы стѣну, параллельную южному берегу залива, къ которому постепенно спускаются ихъ отроги, заключающіе между своими склонами весьма наклонныя боковыя долины. На склонѣ одной изъ этихъ долинъ, Бурайкосъ, открывается огромный гротъ Мега-Спилеонъ, который служитъ помѣщеніемъ для монастыря и при входѣ въ который прилѣплены въ скалѣ чрезвычайно странныя постройки, въ родѣ павильоновъ всевозможныхъ формъ и цвѣтовъ, имѣющія видъ ячеекъ огромнаго „осинаго гнѣзда“.

Гранича къ сѣверу величественными горами побережной цѣпи, центральное плоскогоріе Пелопонеза съ западной стороны ограничивается другою цѣпью, начинающеюся также отъ Киллена, а именно Гауріасъ, извѣстною на югѣ больше подъ именемъ Малеоо, или Артемизія, а затѣмъ подъ именемъ Парфеніона. Разорванная широкими проломами, цѣпь эта снова возвышается на высотѣ Спарты и образуетъ гряду Гагіосъ-Петросъ или Парнонъ, а затѣмъ, понижаясь мало по малу, оканчивается противъ Чериго длиннымъ выступомъ мыса Мале или Маліи. Здѣсь, разсказываетъ легенда, скрылись послѣдніе центавры, т. е. варварскіе предки нынѣшнихъ цаконовъ. Для эллидскихъ моряковъ не было ничего опаснѣе мыса Мале, вслѣдствіе рѣзкихъ порывовъ вѣтра: „Обогнувъ мысъ, забудь имя твоей родины“, говорила древняя пословица. Здѣсь была открыта богатая желѣзная руда, которую разрабатывали древніе.

Горы, возвышающіяся на западѣ Мореи, не имѣютъ уже той пра-

вильности въ направленіи, какую представляетъ восточная цѣпь полуострова. Изрытыя въ различныхъ направленіяхъ стекающимя съ нихъ рѣками, онѣ развѣтвляются, къ югу отъ Ароаньенскихъ горъ и Эриманты, на множество небольшихъ цѣпей, которыя мѣстами соединяются въ узлы и придаютъ этой части плоскогорья весьма разнообразный видъ. Въ долинахъ всюду открываются неожиданные пейзажи, которымъ часто придаютъ удивительную прелесть какая нибудь простая группа деревьевъ, ручей, стадо овецъ и пастухъ, сидящій на развалинахъ;—эго и есть та прекрасная Аркадія, которую воспѣвали древніе поэты. Она все еще прекрасна, хотя частію уже лишена своего лѣса и стала слишкомъ сурова; но западные склоны плоскогорья, обращенные къ Іоническому морю, отличаются еще большею прелестью, потому что тамъ къ голубымъ волнамъ, отдаленнымъ островамъ и чистому небу присоединяются еще богатые лѣса съ обильными водами—элементъ красоты, котораго почти нѣтъ на всѣхъ другихъ берегахъ Греціи.

Къ югу отъ Аркадскаго плато, на западѣ котораго возвышаются вершины Меналя, есть нѣсколько довольно-высокихъ группъ, служащяхъ точкою развѣтвленія для различныхъ отдѣльныхъ цѣпей. Одна изъ этихъ группъ, Котильонъ, или Палеокастро, даетъ начало Мессенскимъ горамъ, между которыми возвышается знаменитая Итомея, и горамъ Эгалеи, которыя продолжаются въ видѣ полуострова съ западной стороны Коронскаго залива и затѣмъ вновь появляются въ морѣ въ видѣ скалистыхъ острововъ Сапіенцы, Кабреры и Венетико. Другая горная группа, Лицей или Діафорти, Олимпъ Аркадіи, который пелазги считали своею колыбелью, возвышается почти въ центрѣ Пелопонеза и тянется къ западу отъ Лаконіи въ видѣ длиннаго кряжа горъ, который образуетъ самую характерную и самую высокую цѣпь Мореи. Главная вершина его—знаменитый Тайгетъ, называемый также Пентедактилосъ (пять пальцевъ), вслѣдствіе увѣнчивающихъ его пяти большихъ вершинъ, и св. Илія, названнаго такъ вѣроятно въ воспоминаніе Геліоса, Солнца или Аполлона дорійскаго. Лѣса каштановъ и орѣховыхъ деревъ, къ которымъ примѣшиваются кипарисы и дубы, покрываютъ бо́льшую часть нижнихъ склоновъ горы; голая же вершина бываетъ покрыта спѣгомъ три четверти года: поэтому снѣжный Тайгетъ еще издалека указываетъ морякамъ землю Греціи. Подъѣзжая къ берегу, они видятъ подымающіяся изъ синевы воды переднія горы и пригорки „Дурной Горы“, или Какавуни, затѣмъ выступъ Тенаръ, съ двумя его мысами Матапаномъ и Грассо, представляющій громадную глыбу бѣлаго мрамора высотою до двухсотъ метровъ, на которую садятся милліоны усталыхъ, перелетѣвшихъ изъ Египта и Бар-



АФИНСКІЙ АКРОПОЛИСЪ.

ки и совершившихъ путь надъ моремъ перепелокъ. Ва гротахъ же его основанія вода бьется съ глухимъ рокотомъ, который древніе принимали за лай Цербера. Матапанъ, какъ и мысъ Мале, страшенъ морякамъ, какъ большой „истребитель людей“.

Такимъ образомъ, три южныя оконечности Пелопонеза заняты горами и высокими скалистыми уступами. На востокѣ, на всемъ протяженіи полуострова Арголиды, точно также возвышаются ряды высотъ, соединяющихся съ Килленомъ: Гауріасъ и горы Аркадіи. Слѣдовательно, вся Морея сплошь состоитъ изъ плоскогорій и горъ.

Главныя высоты Пелопонеза суть:

Средняя высота полуострова. .	600	метровъ.
Килленъ (Цирія)	2,402	„
Ароаньенскія горы (Кельмосъ).	2,361	„
Эриманта (Олоносъ)	2,118	„
Артемизіонъ (Малево). . . .	1,672	„
Парнонъ (Гагіосъ Петросъ). .	1,937	„
Лицей (Діафорти).	1,420	„
Итомея.	(778?) 802	„
Тайгетъ.	2,408	„
Арахнейонъ (Арголида). . .	1,199	„

За исключеніемъ равнинъ Элиды, состоящихъ изъ наносовъ, принесенныхъ потоками Аркадіи, и внутреннихъ озерныхъ бассейновъ, которые постепенно засоряются, полуостровъ всюду представляетъ мѣстность гористую. Скалы, составляющія главныя горныя группы: Килленъ, Тайгета, Гагіосъ Петросъ, какъ и горы континентальной Греціи и на Цикладахъ, состоятъ изъ кристаллическихъ сланцевъ и метаморфическихъ мраморовъ Рядомъ съ этими формаціями мѣстами залегаютъ слои юрской эпохи и огромные известковые пласты мѣловаго періода. Въ прибрежной полосѣ, въ Арголидѣ и на склонахъ Тайгета, въ верхнихъ скалахъ показывается серпентинъ и порфиръ Наконецъ на сѣверо-восточномъ берегу Арголиды, именно на маленькомъ полуостровѣ Метанѣ, есть вулканы и, между прочимъ, вулканъ Каймепипетра, въ которомъ Фуке узналъ ту огнедышащую пасть, о которой говоритъ Страбонъ и которая въ послѣдній разъ выбрасывала лаву двадцать-одинъ вѣкъ тому назадъ Безъ сомнѣнія, эти вулканы представляютъ собою отдушины подводнаго горна, простирающагося на югѣ Эгейскаго моря, чрезъ острова Милосъ, Санторинъ и Низиросъ. Гротъ Сузаки, изъ котораго истекаетъ настоящій газовый потокъ угольной кислоты, многочисленные теплые источники, а также сѣр-

нистыя породы, свидѣтельствуютъ, что вулканическая дѣятельность въ Арголидѣ еще не совсѣмъ не прекратилась.

Многочисленность сѣрныхъ ключей, бьющихъ на западномъ берегу Пелопонеза быть можетъ, указываетъ на то, что тамъ происходитъ нѣкоторое внутреннее давленіе на почву. Нѣкоторые геологи полагаютъ, что западные берега Греціи незамѣтно поднимаются,—и дѣйствительно во многихъ мѣстахъ, особенно въ Коринѳѣ, древніе морскіе гроты и морскіе берега теперь на нѣсколько метровъ выше уровня воды. Такимъ образомъ, быстрое появленіе изъ воды наносныхъ земель Ахелоя и наростаніе береговъ Элиды, присоединившее къ материку четыре скалистые острова, объясняются не только рѣчными наносами, но, быть можетъ, и этимъ поднятіемъ почвы. Въ другихъ мѣстахъ, главнымъ образомъ въ заливѣ Марѳонизи или Лаконскомъ, и на восточныхъ берегахъ Греціи замѣчаются явленія пониженія почвы, о которомъ свидѣтельствуетъ превращеніе полуострова Элафонизи въ островъ, между тѣмъ какъ наносы рѣкъ тамъ также сильно оттѣсняютъ воды Средиземнаго моря. Городъ Каламата, при заливѣ того же имени, теперь вдвое дальше отъ моря, чѣмъ былъ во времена Страбона. Точно также Лаконскій заливъ оставилъ далеко на сушѣ слѣды древняго Гелосскаго порта.

Известковыя горы внутренняго Пелопонеза не менѣе богаты подземными водовмѣстилищами, чѣмъ Беотія и западныя области всего полуострова. Одни изъ нихъ суть простыя рѣшета каменистой почвы, которыя трудно распознать подъ травою и булыжникомъ, другія же представляютъ широкія ворота, пещеры, въ которыхъ можно слѣдить за подземнымъ теченіемъ ручья. Зимою, у входа ихъ, часто сидятъ стаями хищныя птицы, дожидаясь добычи, которую принесетъ имъ волна; лѣтомъ же въ этихъ пещерахъ поселяются лисицы и шакалы, изгоняемые оттуда половодьемъ. Вода, поглощенная разсѣлинами плоскогорья, появляется съ другой стороны горъ въ видѣ источниковъ, или *кефаларій (kephalorrysis)*; она всегда бываетъ очищена, имѣетъ температуру земли и бьетъ или изъ трещинъ скалъ, или изъ наносной почвы равнинъ, или, наконецъ, среди водъ морскихъ. Но подземная географія Греціи не на столько извѣстна, чтобы можно было всегда опредѣлить, какому подземному источнику въ горномъ кряжѣ соотвѣтствуетъ та или другая кефаларія у подножія горы.

Древніе очень заботились о прочищеніи этихъ естественныхъ воронокъ, чтобы облегчать выходъ водѣ и тѣмъ предупреждать образованіе нездоровыхъ болотъ. Во времена же варварства, которому впослѣдствіи подпала Греція, пренебрегали этими предосторожностями, и вода во мно-

гихъ мѣстахъ скопилась, во вредъ общественному здоровью страны. Такъ равнина Фенеосъ, или Фоніа, представляющая сама широкую воронку между горными группами Киллена и Ароаньенскихъ горъ, часто обра, щалась въ озеро, и не далѣе какъ въ половинѣ прошлаго столѣтія вода наполняла всю огромную котловину и покрывала поля слоемъ воды болѣе ста метровъ глубиною. Въ 1828 году, уже сильно уменьшившееся, озеро имѣло, однако, еще семь километровъ ширины и до пятидесяти метровъ глубины; черезъ нѣсколько лѣтъ, наконецъ, подземныя отверстія открылись, и все-таки въ самыхъ низкихъ мѣстахъ равнины, около выходныхъ разсѣлинъ, оставались два небольшія болота, а въ 1850 году озеро снова достигло шестидесяти метровъ глубины. Геркулесъ, разсказываетъ древняя легенда, прорылъ каналъ, чтобы очистить равнину и открыть воронки; теперь же довольствуются просто тѣмъ, что помѣщаютъ во входахъ воронокъ рѣшетки, чтобы останавливать увлекаемые водою стволы деревьевъ и другіе крупные предметы.

Къ востоку отъ впадины Фенеосъ и южнѣе подошвы горы Киллень естъ другая котловина, знаменитая въ греческой миѳологіи пожирающими людей птицами, которыя истреблены стрѣлами Геркулеса: это Стимфала. Зимою вода наполняетъ около трети котловины, но въ исключительно дождливые годы случается, что она доходитъ до полныхъ размѣровъ древняго озера. Въ настоящее время правильной канализаціей эта мѣстность осушена совершенно, и проведенныя оттуда воды служатъ для орошенія Коринѳской равнины. Къ югу, между горами Аркадіи и цѣпью Гауріасъ, есть множество котловинъ озернаго происхожденія, усѣянныхъ также болотами и сырыми впадинами, превращающихся въ временныя озера; но подземные источники у нихъ достаточно многочисленны, чтобы можно было бояться полнаго затопленія. Самая большая изъ такихъ равнинъ, знаменитое Мантинейское поле, на которомъ происходило столько сраженій, представляетъ съ гидрологической точки зрѣнія одно изъ самыхъ любопытныхъ мѣстъ въ мірѣ, ибо собирающіяся на немъ воды стекаютъ въ два противоположныя моря: къ востоку—въ Навплійскій заливъ, а къ западу—въ Алфей и въ Іоническое море; можетъ быть также, какъ думали древніе греки, у него есть нѣсколько подземныхъ ручьевъ, которые направляются на югъ къ Эвротасу и Лаконскому заливу.

Исчезновеніе дождевой и снѣжной воды въ подземныхъ жилахъ обрекло на безплодіе многія мѣстности Пелопонеза. Вода отъ проливныхъ дождей, льющихся на землю, быстро исчезаетъ подъ камнями между группами олеандръ. Между тѣмъ гдѣ нибудь въ глубинѣ течетъ

постоянный ручей, скрытый отъ всякаго взгляда, и тамъ, гдѣ онъ наконецъ явится на поверхность земли, воспользоваться имъ почти всегда бываетъ поздно, потому что онъ выходитъ на свѣтъ Божій уже гдѣ нибудь на берегу. Такъ равнина Аргаса, окруженная полукругомъ величественныхъ горъ, съ обильно орошаемыми склонами, на самомъ дѣлѣ еще суши бѣднѣе влагою, чѣмъ Мегара и Аттика, ибо ея всегда сухая почва пропускаетъ воду, какъ рѣшето. Вотъ откуда происходитъ древняя басня о бочкѣ Данаидъ. Но къ югу отъ этой равнины, тамъ, гдѣ горы, приблизившись къ морю, оставляютъ для полей лишь узкую полосу, изъ скалъ струится сильный потокъ, Эразиносъ или „Любезная“, названный такъ за красоту своихъ водъ, восхищавшую аргосцевъ. На южномъ концѣ равнины, въ Лернскомъ ущельѣ, есть множество другихъ источниковъ, которые происходятъ, какъ полагаютъ, подобно Эразиносу, изъ бассейна Стимфалы, бьютъ изъ подножія горы на краю пропасти, называемой „неизмѣримою“, въ которой плаваетъ множество черепахъ, и разливаются въ видѣ болотъ, наполненныхъ ядовитыми змѣями. Эти кефаларіи есть головы той Лернейской гидры, которыя укротитель чудовищъ, Гуркулесъ, находилъ столь труднымъ преодолѣть или скорѣе „перехитрить“, какъ сказали бы наши инженеры. Наконецъ далѣе къ югу, есть еще одинъ сильный ключъ, который не нашелъ себѣ необходимаго выхода въ твердой землѣ и пробился сквозь дно морское, болѣе чѣмъ въ трехстахъ метрахъ отъ берега. Этотъ ключъ, древній Доине, или Анавуло, какъ называли его греческіе мореходцы, есть не что иное, какъ одинъ изъ ручьевъ, поглощенный Мантинейскими подземными источниками; когда заливъ спокоенъ, то струя, выбрасываемая Доине, поднимается такъ высоко, что обусловливаетъ клокотанье моря на пространствѣ пятнадцати метровъ шириною.

Подобныя же явленія происходятъ и въ другихъ южныхъ долинахъ полуострова, а именно—въ долинахъ Спарты и Мессеніи. Такъ рѣка Ири или Эвротасъ, выходя изъ длиннаго ущелья, прорытаго въ мраморныхъ горахъ водами Спартанскаго озера во время какого нибудь древняго наводненія, впадаетъ въ Лаконскій заливъ, но въ немъ рѣдко бываетъ достаточно воды, чтобы преодолѣть порогъ, мѣшающій его впаденію, и рѣка теряется въ пескахъ побережья. Напротивъ, Базили-Потамо, или Царская рѣка, выходящая изъ подошвы одной горы недалеко къ западу отъ Эвротаса и имѣющая всей длины не болѣе десяти километровъ, во всякое время года несетъ значительную массу воды въ свое всегда широкое устье. Что касается до Мессенской рѣки, древняго Памизосъ, называемаго нынѣ Пирпацою, то она вмѣстѣ съ Алфеемъ пред-

ставляетъ единственную рѣку, которая образуетъ портъ и по которой могутъ подыматься километровъ на десять вверхъ небольшія суда; но этимъ преимуществомъ она обязана могучимъ источникамъ Гагіосъ Флоросъ, вытекающимъ изъ горъ восточнаго берега. Эти ключи, образующіе при своемъ выходѣ изъ земли довольно общирное болото, представляютъ настоящую рѣку, такъ что орошаемая и оплодотворяемая ими земля была прозвана древними за ея плодородіе „Благодатною“.

Западныя области Пелопонеза, наиболѣе орошаемыя дождями, представляютъ также весьма значительный рѣчной басейнъ, а именно—басейнъ Алфея, называемый нынѣ Руфія, по имени одного изъ своихъ значительнѣйшихъ притоковъ, древняго Ладона. Этотъ послѣдній потокъ, который, по своему объему, можетъ считаться настоящею рѣкою, былъ прославляемъ греками наравнѣ съ Θессалійскимъ Пенеемъ, за прозрачность воды и прелестные виды береговъ. Онъ питается частью снѣгами Эриманты, но, какъ большая часть рѣкъ Мореи, имѣетъ и свои подземные притоки, текущіе изъ водовмѣстилищъ центральнаго плоскогорья, и принимаетъ въ себя, между прочимъ, воды озера Фенеоса. Самъ же Алфей получаетъ воду изъ подземныхъ источниковъ, открывающихся на берегахъ древнихъ озеръ Орхомена и Мантинеи; пробѣжавъ котловину Мегалеполисъ, бывшую въ доисторическую эпоху также озеромъ, и цѣлый рядъ живописныхъ ущелій, онъ вступаетъ въ свою низменную долину и затѣмъ впадаетъ въ море, окаймленный прибрежьями болотами; рѣчные наносы простираются въ море на 3—4 километра отъ берега и этимъ уменьшаютъ на половину ширину залива, ограниченнаго съ запада длиннымъ скалистымъ полуостровомъ мыса Ихтюсъ; берега озера Агуленица указываютъ на мѣсто нахожденія древняго морскаго побережія. По одному поэтическому преданію, которое вспоминаетъ древнія торговыя и дружественныя отношенія между Элидою и Сиракузами, Алфей погружался въ море и снова появлялся въ Сициліи у своей возлюбленной, источника Аретузы. При такомъ множествѣ подземныхъ источниковъ въ Пелопонезѣ, это подводное путешествіе Алфея едва ли было чудомъ въ глазахъ древняго грека.

Какъ Алфей, такъ и всѣ другія рѣки Элиды, при выходѣ своемъ изъ горъ, часто мѣняли русло и покрывали прибрежныя поселенія наносами. Геологическія изслѣдованія, сдѣланныя во время раскопокъ развалинъ Олимпіи, показали, что исчезновеніе остатковъ храмовъ и статуй обусловлено не наносами Алфея, а обвалами сосѣдней горы; горный песокъ и массы растительныхъ остатковъ мало по малу скрыли подъ собою памятники Олимпіи и сохранили эти драгоцѣнныя сокровища для со-

временныхъ изслѣдователей древности. Со времени раскопокъ, предпринятыхъ на средства Германіи въ 1875 г., возстановленъ планъ древняго города съ его площадями, колоннадами и храмами и, среди тысячи различныхъ произведеній скульптуры, найдены великолѣпная Викторія Пеонійская и статуя Гермеса—произведеніе Праксителя. Всѣ единичные экземпляры хранятся въ Олимпійскомъ музеѣ, двойные же принадлежатъ берлинскому музею. Такія перемѣны теченія болѣе всѣхъ рѣкъ испыталъ Пеней, называемый нынѣ Гастуни. Прежде онъ изливался къ сѣверу отъ гористаго мыса Хелопатасъ, на которомъ находятся однѣ изъ наиболѣе красивъ развалинъ Греціи, именно, замокъ Кломуци, называемый также Кляренца и Кастель-Торнецъ; теперь же рѣка эта круто поворачиваетъ къ югу и изливается въ море по крайней мѣрѣ въ двадцати километрахъ отъ своего прежняго устья. Можетъ быть, перемѣнѣ русла способствовали ирригаціонныя работы, но и природа съ своей стороны сдѣлала, конечно, много для постепеннаго измѣненія вида этой части Греціи. Острова, находившіеся далеко отъ первоначальнаго берега, приблизились къ землѣ; многія бухты постепенно отдѣлились отъ моря естественными песчаными плотинами и обратились въ пруды прѣсной воды, принесенной изливающимися въ нихъ ручьями. Одна изъ такихъ лагунъ въ разстояніи нѣсколькихъ миль къ югу отъ устья Алфея, окаймлена со стороны моря прекраснымъ сосновымъ лѣсомъ. Этотъ величественный лѣсъ, въ которомъ древніе Трифилійцы поклонялись „Спокойной Смерти“, окрестные берега, усѣянные группами деревъ и прелестная на склонахъ горы Лицея долина, въ которую льется водопадъ Неда, „первая дочь источниковъ Аркадіи и кормилица Юпитера“, доставляютъ величайшее наслажденіе любителю природы, путешествующему въ этой части Мореи.

Пелопонезъ, какъ и континентальная Греція, представляетъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ примѣровъ того, какое вліяніе видъ страны имѣетъ на историческое развитіе населенія. Соединяясь съ Элладою узкою полосою и защищенный при входѣ двойнымъ поперечнымъ валомъ горъ, „островъ Пелопса“, въ тѣ времена, когда мѣстныя препятствія еще могли удерживать арміи, естественно долженъ былъ сдѣлаться родиною независимаго народа: перешеекъ былъ свободнымъ путемъ для торговли, но запирался при вторженіи непріятеля.

Распредѣленіе и роли различныхъ народовъ внутренности полуострова такъ же, большею частію, объясняются рельефомъ страны. Все центральное плоскогорье, представляющее совокупность закрытыхъ бассейновъ, которые не имѣли никакого видимаго выхода къ морю, должно

было принадлежать именно такимъ племенамъ, какъ аркадцы, которые не вступали въ сношенія ни съ сосѣдями, ни другъ съ другомъ. Коринѳъ, Сикіонъ и Ахайя занимали весь сѣверный склонъ Аркадскихъ горъ по берегу залива, но населенія отдѣльныхъ долинъ, будучи раздѣлены другъ отъ друга высокими поперечными горными отрогами, оставались изолированными, и уже слишкомъ поздно оказалось въ нихъ наконецъ достаточно связи, чтобы соединиться въ одинъ союзъ противъ чужеземцевъ. На западѣ, Элида, со своими широкими устьями долинъ, нездоровымъ, на прибрежьѣ морскимъ климатомъ, не имѣя гаваней, могла играть въ исторіи полуострова лишь самую второстепенную роль. Ея жители, неспособные защищать свою, открытую для всякихъ вторженій, страну, были бы заранѣе обречены на рабство, если бы не успѣли поставить себя подъ покровительство всѣхъ грековъ и сдѣлать свою Олимпійскую равнину мѣстомъ соединенія всѣхъ эллиновъ Европы и Азіи, материка и острововъ, которые здѣсь, въ нѣсколько дней празднествъ, забывали свое соперничество и взаимную ненависть. На другой сторонѣ Пелопонеза Аргосская котловина и гористый полуостровъ Арголиды представляли, напротивъ, совершенно ограниченную и удобозащищаемую естественную область; поэтому-то аргосцы и были въ состояніи сохранить свою автономію въ теченіе многихъ вѣковъ и еще въ гомерическую эпоху пользоваться гегемоніею надъ всѣми греческими народами. Ихъ мѣсто заступили спартанцы. Географическая область, въ которой они помѣстились, имѣла двойное преимущество: она была совершенно защищена отъ всякаго нападенія и вполнѣ доставляла жителямъ все необходимое. Укрѣпившись прочно въ прекрасной долинѣ Эвротаса, они легко могли овладѣть прибрежьемъ и несчастнымъ Гелосомъ; затѣмъ съ высокихъ горъ Тайгета спуститься на западъ въ равнины Мессеніи. Но эта часть Греціи составляла такъ же естественную, совершенно отдѣльную котловину, защищенную высокими горными валами, и потому мессенцы, равные братья съ спартанцами по крови и по мужеству, противились имъ въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ. Итомея съ своими крутыми склонами (802 метра) была ихъ главной крѣпостью; Филиппъ Македонскій, чтобы покорить Пелопонезъ, долженъ былъ прежде всего завладѣть Итомеей и Акро-Коринѳомъ, этими двумя главными стратегическими пунктами полуострова. Когда же они покорились наконецъ, и весь югъ полуострова подчинился Спартѣ, то послѣдняя могла уже надѣяться на господство во всей Греціи. Тогда-то „танцовальный залъ Марса“, — опоясанное горами плоскогорье, которое находится на дорогѣ изъ Лакедемона въ Коринѳъ и на которомъ

возвышаются города Тегей и Мантинея, стало служить полемъ битвъ между враждующими народами.

По замѣчательному географическому противорѣчію, этотъ островъ Пелопса, съ извилистыми берегами, представляетъ, по сравненію съ Аттикою, существенно континентальный характеръ, который и отразился въ исторіи его народовъ. Въ древнія времена пелопонезцы были больше горцами, нежели моряками, и, за исключеніемъ Коринѳа, въ которомъ почти касаются другъ съ другомъ два моря, и нѣкоторыхъ изолированныхъ пунктовъ прибрежья, именно въ Арголидѣ, представляющей вторую Аттику, населеніе вовсе не имѣло склонности къ морской торговлѣ, а напротивъ, въ своихъ горныхъ долинахъ или замкнутыхъ рѣчныхъ бассейнахъ должно было находить себѣ всѣ средства или въ пастушескомъ занятіи или въ земледѣліи. Аркадія, занимавшая центральную часть полуострова, была населена только пастухами и хлѣбопашцами, и ея имя, обозначавшее первопачально „Страну Медвѣдей“, осталось за сельскими по преимуществу мѣстностями и прилагается еще и нынѣ ко всѣмъ странамъ, богатымъ рощами и лугами. Поэтому жители Лаконіи, отдѣленные отъ моря горными группами, стѣсняющими въ концѣ долину Эвротаса, долго сохраняли нравы воиновъ и земледѣльцевъ и съ трудомъ привыкали къ случайностямъ моря. „Если спартанцы, говоритъ Эдгаръ Кине, ставили во главѣ своихъ героевъ Эвротаса и Тайгета, то дѣлали это умышленно, ибо признавали одинъ и тотъ же характеръ и въ природѣ долины, и въ судьбѣ занимавшаго ее народа“.

Въ самыя древнія времена, до которыхъ доходитъ преданіе, финикіяне имѣли значительныя конторы на берегахъ Пелопонеза, а именно въ Навпліи, въ Аргосскомъ заливѣ и въ Кранэ, въ Лаконіи, сдѣлавшемся нынѣ портомъ Мараѳонизи или Гиціумѣ; въ послѣднемъ они скупали раковины для окраски пурпурныхъ тканей. Сами греки имѣли нѣсколько довольно дѣятельныхъ портовъ, какъ напр., „песчаный Пилосъ“, городъ древняго Нестора, замѣненный нынѣ городомъ Навариномъ, по другую сторону залива. Впослѣдствіи, когда Грецiя сдѣлалась центромъ торговли Средиземнаго моря, первое мѣсто между греческими городами занялъ столь хорошо расположенный у входа въ Пелопонезъ между двумя морями, Коринѳъ, но не по своему политическому значенію, не по любви къ искусствамъ, не по ревности къ свободѣ, а просто по богатству жителей и по количеству народонаселенія: въ его стѣнахъ заключалось, говорятъ, до трехсотъ тысячъ человѣкъ. Даже срытый до основанія римлянами, онъ вновь достигъ своего значенія; но его открытое положеніе и впослѣдствіи подвергало его столькимъ опустошеніямъ, что онъ пре-

кратилъ всякую торговлю и представлялъ уже просто жалкое мѣстечко къ тому времени, когда былъ уничтоженъ землетрясеніемъ (въ 1858 г.). Онъ выстроенъ вновь подъ названіемъ Нео-Коринѳа въ семи километрахъ отъ берега того залива, которому сообщилъ свое имя; но сомнительно, чтобы онъ достигъ своего прежняго значенія, пока не будетъ прорытъ между двумя морями каналъ. Съ прорытіемъ же канала пути изъ Марселя и Тріеста въ Смирну и Константинополь должны сосредоточиться въ Коринѳскомъ проливѣ, и движеніе въ немъ будетъ равняться движенію въ другихъ подобныхъ же естественныхъ или прорытыхъ каналахъ, каковы: Зундъ, Босфоръ, Суэцкій каналъ. Но въ ожиданіи прорытія, которое уже начато въ іюнѣ 1882 г. и, вѣроятно, будетъ окончено въ близкомъ будущемъ, дороги перешейка служатъ только для перехода путешественниковъ и перевозки товаровъ, привозимыхъ греческими пароходами въ два маленькіе порта противоположныхъ береговъ, Нео-Коринѳъ и Калемаки: количество земли, которое нужно вынуть для прорытія канала, равняется 8 милліонамъ кубическихъ метровъ. Древніе, которые не могли осуществить своихъ проектовъ соединенія Коринѳскаго залива съ Эгинскимъ и которые, впрочемъ, до попытки Нерона, боялись предпринять подобное дѣло, полагая, что которое-нибудь изъ морей выше другого и затопитъ противоположный берегъ, напали по крайней мѣрѣ на остроумную идею способствовать торговлѣ посредствомъ механизмовъ, которые перевозили маленькіе корабли съ одного берега на другой [1]).

Послѣ Крестовыхъ походовъ, когда могущество Венеціанской республики сдѣлало ее хозяйкою на берегахъ Мореи, она естественно привлекла населеніе къ берегамъ, которые вскорѣ оказались окаймленными торговыми колоніями, каковы: Аркадія, островъ Продано, Протей грековъ, Наваринъ, Модонъ, Коронъ, Каламата, Мальвазія, Навплія Арголидская. Такимъ образомъ, Пелопонезъ, сдѣлавшись, благодаря венеціанскимъ купцамъ, страною вывоза и торговли, мало-по-малу утратилъ свой континентальный характеръ, сообщенный ему горами и плоскогорьями, и принялъ роль морской страны, каковою онъ былъ отчасти въ эпоху финикіянъ. Турецкое иго, истощеніе почвы и бывшія ихъ послѣдствіями гражданскія войны снова принудили населеніе отказаться отъ внѣшнихъ торговыхъ сношеній и запереться на своемъ островѣ, какъ въ тюрьмѣ. Тогда жители сгруппировались главнымъ образомъ въ самомъ центрѣ полуострова, въ городѣ Триполисѣ, или Триполицѣ, названномъ такъ, го-

[1]) Наименьшая ширина перешейка 5,940 метровъ.
» высота » 40 » (76 метровъ въ части перешейка, выбранной для прорытія канала.

ворятъ, потому, что онъ представляетъ собою преемника трехъ древнихъ городовъ—Мантинеи, Тегеи и Палланціума. Съ возстановленіемъ греческой независимости, жизнь, какъ будто повинуясь какой-то ритмичности, снова перешла къ окраинамъ Пелопонеза. Въ настоящее время надъ большею частью городовъ первенствуетъ по своему значенію Патрасъ, расположенный далеко отъ входа въ Коринѳскій заливъ, при устьѣ самыхъ плодородныхъ и наиболѣе обработанныхъ долинъ западнаго берега. Предвидя великое будущее, обѣщаемое новому городу и теперь уже значительною его торговлею съ Англіею и другими европейскими странами, онъ такъ распланировалъ свои кварталы, какъ будто долженъ современемъ поравняться съ Тріестомъ и Смирною.

Въ сравненіи съ этимъ торговымъ центромъ Пелопонеза, всѣ другіе города полуострова, даже тѣ, которые отличались наибольшею дѣятельностью въ венеціанскую эпоху, являются уже совершенно второстепенными рынками. Эгіумъ, или Востица, расположенная на берегу Коринѳскаго залива, на пронизанной ущельями террасѣ,—есть простая гавань, замѣчательная не столько своею торговлею, сколько удивительнымъ платаномъ или чинаромъ, стволъ котораго, въ 15 метровъ въ окружности, служилъ недавно еще тюрьмою. Пиргосъ же на Алфеѣ богатъ коринкой (коринѳскій виноградъ) и другими продуктами плодородной Пизатиды; онъ не имѣетъ своего порта и пользуется гаванью Катаколонъ, которая соединена съ нимъ желѣзной дорогой и защищена плотиною, выстроенною французскими инженерами. Въ прекрасной бухтѣ Наварина, защищенной съ открытаго моря отъ волнъ и вѣтра длиннымъ скалистымъ островомъ Сфактеріею, все еще гораздо больше турецкихъ кораблей, потопленныхъ въ войну 1828 г., чѣмъ плавающихъ на ея водахъ торговыхъ судовъ. Модонъ и Коронъ — также въ упадкѣ. Каламата, при выходѣ плодоносныхъ долинъ Мессеніи, ведущая торговлю шелкомъ и смоквами, идущими на поддѣлку кофе, представляетъ лишь плохой рейдъ, въ которомъ суда могутъ стоять не всегда. Знаменитая Монемвазія или „Единственный портъ“, Мальвазія народовъ Запада,—есть не болѣе, какъ полуразрушенная крѣпость, и ея окрестные виноградники, производившіе превосходное вино, имя котораго присвоено теперь другимъ винамъ, давно уже не существуютъ. Наконецъ, Навплія, вспоминающая немногіе годы, въ которые она служила столицею новорожденнаго королевства, хотя и обладаетъ хорошимъ и хорошо защищеннымъ портомъ, но ея стѣны, форты и бастіоны дѣлаютъ ее скорѣе военнымъ городомъ, нежели торговымъ.

Внутренніе города, какъ бы ни велика была соединенная съ ихъ

именами слава, представляютъ большею частью не что иное, какъ большія деревни. Самый знаменитый изъ нихъ Спарта, или „городъ Генетовъ“ или, можетъ быть, „Epatse“, названная такъ по кучкамъ домовъ, разбросанныхъ среди тутовой рощи у подножія высокой горы, обѣщаетъ, благодаря плодородію долины, сдѣлаться однимъ изъ самыхъ цвѣтущихъ городовъ Пелопонеза. Въ средніе вѣка Спарта отступала на второй планъ предъ своею сосѣдкою Мистрою, готическія постройки которой, на половину уже разрушившіяся и опустѣлыя, дома, дворцы, церкви и укрѣпленные замки покрываютъ крутой холмъ на западѣ долины Эвротаса; въ настоящее же время Спарта вторично начинаетъ занимать мѣсто первенствующаго города Лаконіи. Аргосъ, который еще древнѣе Лакедемона, могъ бы, какъ и послѣдній, возродиться изъ своихъ развалинъ вслѣдствіе своего положенія въ долинѣ, хотя часто засыхающей, но по природѣ весьма плодородной. Впрочемъ, если многіе иностранцы и проѣзжаютъ Пелопонезъ, то не для того, чтобы посѣтить эти возстановленные города, гдѣ кой-какіе камни напоминаютъ о древности, — ихъ привлекаютъ лишь древніе памятники искусства.

Въ этомъ отношеніи Арголида — одна изъ самыхъ богатыхъ провинцій Эллады. Около самаго Аргоса, на крутомъ скатѣ холма Лариссы, высѣчены ступени театра. Между Аргосомъ и Навплією, среди равнины, возвышается небольшая скала, на которой былъ древній акрополь Тиринѳа съ могучими циклопическими стѣнами, изъ которыхъ нѣкоторыя достигаютъ 18 метровъ толщины; древніе греки считали ихъ произведеніемъ боговъ. Къ сѣверу, на каменистыхъ склонахъ стоятъ древнія Микены, съ знаменитыми гробницами, въ которыхъ Шлиманъ открылъ драгоцѣнные памятники искусствъ. Тамъ же находятся извѣстныя „Львиныя ворота“, грубо высѣченныя еще въ первобытныя времена греческаго искусства, и обширное подземелье, извѣстное подъ именемъ сокровища Атридовъ. Этотъ памятникъ есть одинъ изъ самыхъ любопытныхъ остатковъ первобытной архитектуры аргивянъ и онъ сохранился всѣхъ лучше, такъ что въ немъ можно любоваться всѣми подробностями тяжелой постройки, въ которой одинъ изъ камней, составляющій притолку входной двери, вѣситъ не менѣе 169 тоннъ. Въ той же Арголидѣ, въ Эпидаврѣ, на берегу Эгинскаго залива, рядомъ съ древнимъ святилищемъ Эскулапа, находится наименѣе пострадавшій отъ времени во всей Греціи, театръ, въ которомъ, среди зарослей и кустарниковъ, можно еще различить пятьдесятъ-четыре ступени бѣлаго мрамора, на которыхъ могло помѣститься двѣнадцать тысячъ зрителей. Между прочими остатками древности въ Арголидѣ замѣчательны развалины храма Юпитера, въ Немеѣ, и семь дорическихъ

*

колоннъ въ Коринѳѣ, которыя считаются самыми древними во всей Греціи. Но самый замѣчательный памятникъ полуострова находится на противоположномъ концѣ Пелопонеза, въ очаровательной долинѣ Неды, близъ Фигалеи въ Аркадіи—это храмъ Аполлона Защитника, построенный Иктиніемъ, и храмъ Бассы. Окружающіе его большіе дубы и величественныя горы еще болѣе усиливаютъ красоту этого изящнаго зданія.

Самыя многочисленныя постройки въ Пелопонезѣ—цитадели, изъ которыхъ многія, съ стѣнами и акрополемъ, находятся еще совершенно въ томъ же состояніи, какъ во времена древней Греціи. Такъ стѣны Фигалеи и Мессены сохранились со своими башнями воротами и редюитами. Другіе акрополи, которыми пользовались прежде франки во время Крестовыхъ походовъ, венеціанцы и турки, усажены зубчатыми башнями и башенками. У самаго входа въ Пелопонезъ возвышается одна изъ такихъ древнихъ крѣпостей, обращенныхъ въ средневѣковую цитадель—это Акро-Коринѳъ, стражъ всего полуострова, съ укрѣпленій и развалинъ котораго видна почти вся Греція, заключенная въ голубоватомъ кругѣ горизонта.

Нѣкоторые изъ греческихъ острововъ Эгейскаго моря должны быть разсматриваемы какъ естественныя принадлежности Пелопонеза, соединенныя съ нимъ подводными перешейками и цѣпями рифовъ; поэтому они справедливо присоединены къ полуострову и въ административномъ отношеніи.

Острова при берегахъ Арголиды, населенные албанскими моряками которые во время войны съ турками были самыми храбрыми защитниками эллинской независимости, утратили большую часть своего прежняго коммерческаго и политическаго значенія. Во время этой войны, красивый маленькій албанскій городъ Поросъ, находящійся на островѣ того же имени и расположенный на полуостровѣ вулканическаго происхожденія, служилъ столицею возставшему народу. Онъ и теперь еще довольно оживленъ, благодаря своему порту и своему вполнѣ защищенному, прекрасному рейду, который правительство избрало мѣстомъ стоянки своихъ морскихъ силъ. Но Гидра и сосѣдній съ ней островокъ, извѣстный подъ итальянскимъ именемъ Спеціи, со времени возстановленія самостоятельнаго существованія Греціи пришли въ упадокъ. Они представляютъ скалистыя массы, почти совершенно лишенныя плодородной земли, не имѣющія ни деревьевъ, ни текучей воды, и все-таки на этихъ скалистыхъ островахъ могли существовать торговлею болѣе пятидесяти тысячъ жителей. Чудо это произвела относительная свобода. Въ 1730 г. нѣсколько албанскихъ поселенцевъ, утомленныхъ непомѣрными вымогательствами Морейскаго паши, убѣжали на островъ Гидру, гдѣ они и оставались въ покоѣ

платя небольшую подать тѣмъ, что должны были доставлять 50 матросовъ въ оттоманскій флотъ; вслѣдствіе этого у нихъ быстро возросла торговля, смѣшанная иногда съ морскимъ грабежемъ. Правда, Гидра занимаетъ весьма счастливое положеніе, господствующее надъ входомъ двухъ заливовъ Арголиды и Аттики, но не имѣетъ ни порта, ни пристани сколько нибудь достойной этого названія, и все-таки, вопреки самой природѣ, гидріоты сдѣлали изъ своего острова торговый центръ, въ которомъ корабли должны были тѣсниться въ излучинѣ берега, прижавшись одинъ къ другому и держась на мѣстѣ посредствомъ четырехъ канатовъ. Передъ войною за независимость, одни только судохозяева Гидры владѣли почти четырьмя стами кораблей, отъ ста до двухсотъ тоннъ каждый, и во время войны выставили противъ турокъ болѣе ста кораблей, вооруженныхъ двумя тысячами пушекъ. Но, сражаясь за независимость Греціи, гидріоты, сами того не желая, способствовали упадку своего города; и, когда ихъ цѣль была достигнута, торговое движеніе должно было постепенно перемѣститься и сконцентрироваться въ лучше расположенныхъ портахъ Сирѣ и Пиреѣ. Герои въ борьбѣ за независимость, Леіолисъ, Булгарисъ, Кондуріотти были гидріоты.

Болѣе крупный, чѣмъ острова Арголиды, Лаконскій островъ Цитера, получившій свое новое названіе Чериго, быть можетъ, отъ славянскихъ завоевателей, недавно составлялъ часть семи-островной республики, паходившейся подъ управленіемъ англичанъ. Но онъ расположенъ не въ Іоническомъ морѣ и очевидно принадлежитъ Пелопонезу, соединяя его съ островомъ Критомъ посредствомъ подводнаго порога и островка Черигото, населеннаго критскими сфакіотами. Цитера уже не островъ Венеры и не имѣетъ соблазнительныхъ рощей, а напротивъ—издали кажется громадою обнаженныхъ скалъ; однако все-таки на немъ бываютъ богатые урожаи, а его маленькія долины, усѣянныя домами и деревнями, имѣютъ довольно густое населеніе. Туземные крестьяне ежегодно на время жатвы отправляются цѣлыми партіями въ Грецію и Малую Азію. Положеніе Чериго между двумя морями, Іоническимъ и Архипелагомъ, составляло нѣкогда его гавани большое значеніе; но съ тѣхъ поръ, какъ мысъ Мале пересталъ быть страшилищемъ для моряковъ, портъ этотъ почти опустѣлъ совершенно. На берегахъ его найдены кучи раковинъ, выброшенныхъ изъ финикійскихъ мастерскихъ, приготовлявшихъ пурпуръ. Сирійскіе купцы и промышленники ввели на этомъ островѣ культъ Венеры Астарты, сдѣлавшейся впослѣдствіи, подъ именемъ Афродиты, богинею всѣхъ грековъ.

IV.

ОСТРОВА ЭГЕЙСКАГО МОРЯ.

Среди пѣнистыхъ волнъ, доставившихъ вѣроятно „Великому Морю“ Греціи, или „Архипелагу“ названіе Эгейскаго, т. е. „Козлинаго моря“, разбросаны въ совершенномъ безпорядкѣ острова и островки, которые такъ многочисленны, что названіе Архипелага, по странной метафоричности, вмѣсто того, чтобы обозначить морскіе бассейны, перенесено теперь на группы множества острововъ. На сѣверѣ, Спорады раскинулись въ длинный рядъ, загибающійся къ Аѳонской горѣ; далѣе, къ югу, возвышается совершенно отдѣльно островъ Скиросъ, на которомъ, по преданію, родился герой Ахиллъ и умеръ Тезей; большой островъ Эвбея подошелъ къ материку и протянулся вдоль берега, а затѣмъ въ открытомъ морѣ Пелопонеза со всѣхъ сторонъ виднѣются бѣлѣющія горы Цикладъ, или „круга острововъ“ которые древніе греки сравнивали съ хороводомъ Океанидъ, танцующихъ вокругъ бога.

Всѣ острова греческаго архипелага состоятъ въ связи съ материкомъ или по своей геологической формаціи, или посредствомъ поддерживающаго ихъ общаго подводнаго плато. Сѣверные Спорады представляютъ отроги цѣпи Пеліона. На островѣ Эвбеѣ господствуютъ довольно высокія известковыя горы, главное направленіе которыхъ параллельно цѣпямъ Аттики, Арголиды, Олимпа и Аѳона. Скиросъ представляетъ каменистый кряжъ, параллельный горамъ центральной Эвбеи. Вершины Цикладъ, составляющихъ юго-восточное продолженіе горныхъ цѣпей Эвбеи и Аттики, принадлежатъ къ одной и той-же съ послѣдними формаціи. „Горы Греціи, потерявшіяся въ морѣ“, состоятъ также изъ пластовъ слюды и глины, изъ скалъ известковыхъ и кристаллическаго мрамора. Въ Аѳинахъ есть Пентеликонъ, а на Цикладахъ блестящіе мраморы Наксоса или еще лучше Пароса, гдѣ были изваяны статуи героевъ и боговъ. Въ известковыхъ слояхъ существуютъ любопытные гроты, а именно: гротъ Антипароса, котораго древніе вовсе не знали, такъ какъ не упоминаютъ о немъ, и еще болѣе правильный Силлакскій гротъ, на островѣ Цитносѣ или Терміи, знаменитомъ своими теплыми водами. На нѣкоторыхъ островахъ встрѣчается также гранитъ, особенно на маленькомъ Делосѣ, священной землѣ грековъ. Наконецъ, на южномъ концѣ ряды Цикладъ, направляющіеся съ сѣверо-запада къ юго-востоку, перерѣзаны цѣпью острововъ и островковъ огненнаго происхожденія, покры-

тыхъ лавой, слоями базальта, пемзой и пепломъ; эта цѣпь острововъ продолжается съ одной стороны до Арголидскаго полуострова Метаны, съ другой до острова Коса и береговъ Малой Азіи.

Эвбея всегда считалась землею полу-континентальною. Это островъ, но морской проливъ, отдѣляющій его отъ Беотіи и Аттики, въ дѣйствительности есть не что иное, какъ продольная и весьма неглубокая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ долина, представляющая, какъ и материковыя долины, правильный рядъ ущелій и котловинъ. Самое узкое ущелье этой морской долины имѣетъ не болѣе шестидесяти-пяти метровъ ширины, такъ что уже двадцать три вѣка тому назадъ легко можно было перекинуть съ берега материка къ столицѣ Эвбеи - Халцису (Эврипо) — мостъ, замѣняемый нынѣ плотомъ, отводимымъ для пропуска судовъ. Эврипійскій проливъ пользовался нѣкогда большою извѣстностью, благодаря проявленіямъ въ немъ прилива и отлива, совершающихся довольно неправильно; это явленіе считалось однимъ изъ великихъ чудесъ Греціи, и, благодаря ему, весь островъ получилъ свое простонародное названіе *Негрипона*, искаженнаго итальянцами въ Негропонте. Островъ Эвбея такъ тѣсно связанъ съ материкомъ, что не могъ вообще не испытывать на себѣ превратностей благосостоянія и упадка въ судьбахъ сосѣднихъ странъ Аттики и Беотіи. Когда греческіе города были въ періодѣ своей славы и могущества, Эвбейскіе города: Халцисъ, Эретрія и Кумы также были центрами, изъ коихъ народонаселеніе расходилось въ колоніи по всѣмъ берегамъ Средиземнаго моря. Впослѣдствіи же, различные завоеватели, разорявшіе Аттику, опустошали одинаково и Негропонтъ; и теперь этотъ островъ, представляющій простую принадлежность сосѣдняго полуострова, участвуетъ во всѣхъ его политическихъ и соціальныхъ движеніяхъ.

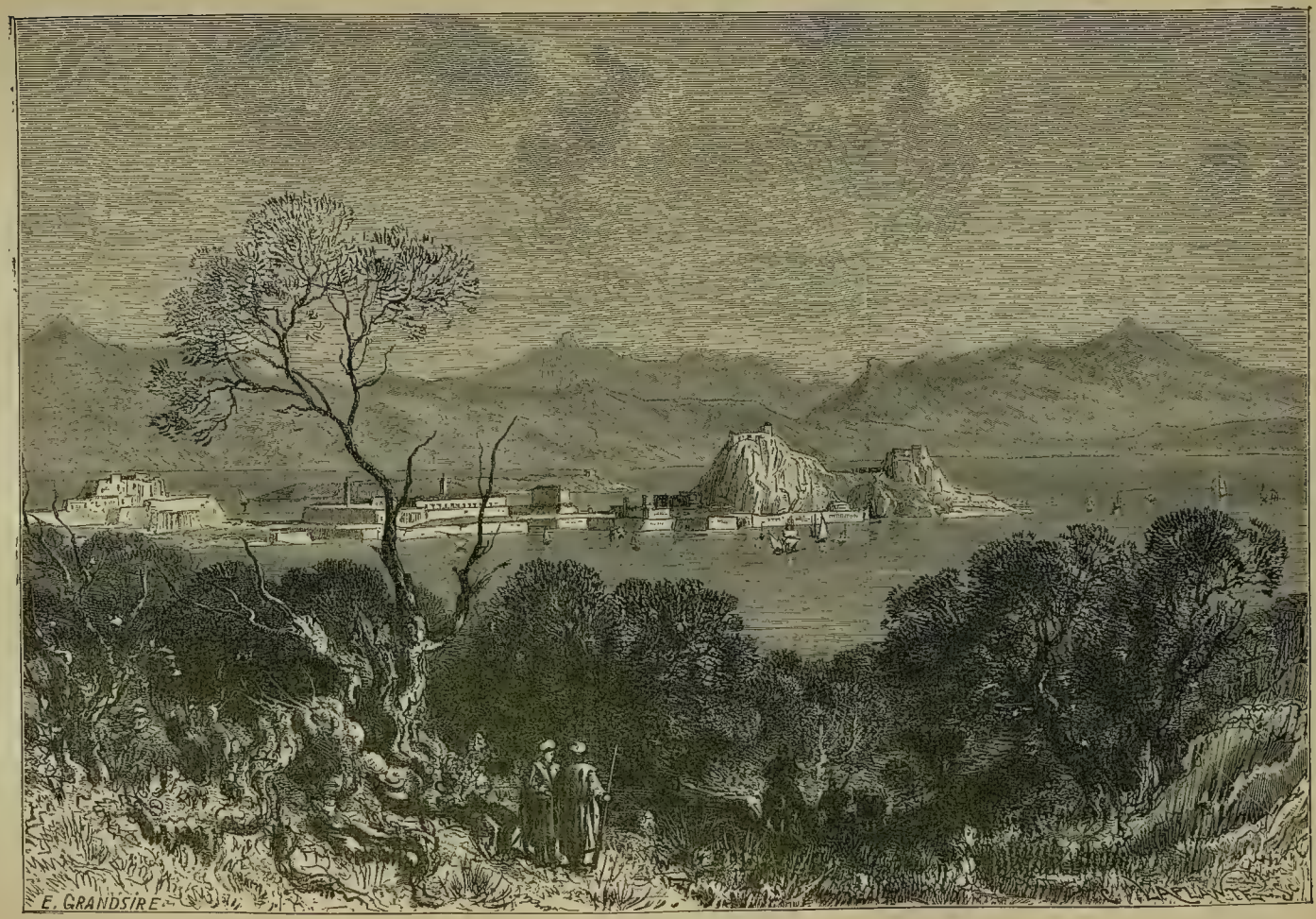
Южную часть Эвбеи украшаютъ лѣса различныхъ деревъ—дуба, сосны, ольхи, чинары; всѣ деревни окружены группами плодовыхъ деревъ, и видъ ихъ окрестностей напоминаетъ пейзажи Элиды и Аркадіи. Но напрасно вы стали бы искать этихъ пріятныхъ сельскихъ картинъ на Цикладскихъ островахъ, изъ которыхъ лишь немногіе мѣстами сохранили остатокъ природной красоты, придаваемой тѣнью и текучею водою. Большая часть ихъ какъ будто окаменены головою Медузы, какъ разсказываетъ легенда объ островѣ Серифосѣ; маслины, группы дубовъ, нѣсколько сосновыхъ лѣсковъ, финиковыя деревья—вотъ все, что вы встрѣтите на самыхъ тѣнистыхъ островахъ. Но за то какъ голы, сѣры и угрюмы скалы остальныхъ! Мысы Греціи безплодны, но большая часть этихъ острововъ Архипелага имѣютъ еще меньше зелени, и все-таки на нихъ,

смотришь съ чувствомъ нѣкотораго расположенія, ибо ихъ имя раздавалось въ исторіи. Большая часть высокихъ вершинъ на греческихъ Цикладахъ, а равно и Цикладахъ эллинской Турціи посвящены пророку Иліи, библейскому преемнику Аполлона, бога солнца,—и, дѣйствительно, солнце царитъ на этихъ суровыхъ скалахъ, сожигаетъ ихъ, пожираетъ траву и кустарникъ.

Одинъ изъ этихъ необитаемыхъ человѣкомъ острововъ, Антимилосъ, даетъ еще убѣжище каменному барану (capra caucasica), который уже исчезъ въ остальной Евровѣ и встрѣчается только на Критѣ и, можетъ быть, на Родосѣ. Внутри того же острова Антимилоса водятся также дикія свиньи. Въ пещерахъ нѣкоторыхъ Цикладскихъ острововъ живетъ множество кроликовъ, занесенныхъ туда съ Запада, которые особенно расплодились на Миконосѣ и Делосѣ, и странно, что нигдѣ не упоминаютъ объ нихъ древніе греческіе писатели. Полибій, видѣвшій ихъ въ Италіи, даетъ имъ латинское названіе. Любопытно, что зайцы и кролики не живутъ на однихъ и тѣхъ же островахъ, а каждый видъ живетъ на своемъ отдѣльномъ островѣ, при чемъ исключеніе составляетъ только островъ Андросъ, да и на немъ обѣ породы совершенно отдѣлены другъ отъ друга: зайцы живутъ на сѣверной оконечности острова, а кролики роютъ себѣ норы въ южной части. Относительно зоологическихъ странностей надо замѣтить еще, что одинъ крупный видъ ящерицы, извѣстной въ народѣ подъ именемъ „крокодила“, вовсе не встрѣчается на материкѣ, а исключительно на нѣкоторыхъ островахъ Архипелага, изъ чего надо заключить, что уже много времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ Циклады отдѣлились отъ ѳрако-эллинскаго полуострова.

Цѣпь вулканическихъ острововъ, ограничивая съ юга кругъ Цикладъ, тянется вдоль большаго морскаго канала, отдѣляющаго Архипелагъ отъ Критскаго моря. Самый большой изъ этихъ, покрытыхъ пепломъ и лавою, острововъ, Милосъ, извѣстный своей „Венерою“ и другими замѣчательными статуями, недавно найденными, представляетъ неправильный кратеръ, разорванный съ сѣверо-запада, вслѣдствіе чего морская вода проникаетъ во внутреннюю его котловину, представляющую одинъ изъ самыхъ обширныхъ и безопасныхъ портовъ Средиземнаго моря. Милосъ не имѣлъ изверженій въ позднѣйшія времена; но еще дымящаяся мѣстами сѣрная почва и теплые ключи, бьющіе на берегу и въ самомъ морѣ, свидѣтельствуютъ о дѣятельности подземной лавы. Другіе теплые источники, на Серифосѣ, Сифносѣ и на островкахъ этихъ частей моря, точно также имѣютъ связь съ вулканическимъ очагомъ.

Въ настоящее время центръ внутренняго давленія обнаруживается



КОРФУ.

почти на равномъ разстояніи отъ береговъ Европы и Азіи, въ маленькой группѣ острововъ, обозначаемыхъ вообще именемъ Санторина, или Святой Ирины. Геологамъ они представляютъ обширное поле для изслѣдованій. Острова эти, главную основу которыхъ составляютъ скалы мрамора и тѣ же формаціи, какъ и на другихъ Цикладахъ, расположены въ видѣ круга около обширнаго кратера, глубина котораго не менѣе 390 метровъ. Полукругъ Ѳеры, на востокѣ, со стороны кратера, представляетъ большіе отвѣсные утесы, съ которыхъ сыплется окалина, а со стороны открытаго моря—отлогіе склоны, покрытые превосходными виноградниками. На западъ отъ кратера возвышается, какъ полуразрушенная стѣна вулкана, маленькій островокъ Теразія, а рифъ Аспронизи указываетъ на существованіе подводной стѣны. Почти въ центрѣ этого бассейна, въ глубинѣ моря, еще дѣйствуетъ подземный огонь, который подолгу остается почти усыпленнымъ, но затѣмъ просыпается вдругъ и начинаетъ выбрасывать груды шлака. Скоро будетъ двадцать-одинъ вѣкъ, какъ выдвинулся здѣсь первый островокъ, который удивленные древніе назвали „Святымъ“, а нынѣ онъ называется Палеа-Каймени (древній горѣвшій). Въ шестнадцатомъ вѣкѣ, изверженія, продолжавшіяся три года, съ 1570 по 1573 г., породили меньшій островъ Микра-Каймени. Въ 1650 г. поднялся новый островокъ съ такимъ шумомъ, что Кіоты, на разстояніи 200 километровъ, приняли это явленіе за морское сраженіе; шумъ былъ слышенъ даже въ Дарданеллахъ, на разстояніи 400 километровъ. Болѣе значительный конусъ лавы, Неа-Каймени, выдвинулся въ 1707 г., и еще недавно, съ 1866 по 1870 г., этотъ островъ увеличился двумя новыми мысами Афроесса и горою Георгія, которые болѣе чѣмъ удвоили первоначальный объемъ вулканической массы, прикрывъ собою маленькую деревню и портъ Вулкано и приблизившись къ самому берегу Микра-Каймени. Въ теченіе пяти лѣтъ было болѣе пятисотъ тысячъ частныхъ изверженій, выбрасывавшихъ пепелъ иногда на высоту 1,200 метровъ, такъ что даже съ острова Крита можно различить массы пепла, которыя днемъ казались черными, а ночью красными.

Тысячи зрителей, и въ томъ числѣ нѣсколько первостепенныхъ ученыхъ: Фуке, Горсей, Рейсъ и Штюбель, Шмидтъ и другіе, стеклись изъ всѣхъ частей міра, чтобы присутствовать при этомъ удивительномъ зрѣлищѣ рожденія новой земли, и ихъ тщательныя наблюденія представляютъ большое пріобрѣтеніе для науки. Благодаря имъ доказано, что изъ вулкановъ выходитъ настоящее пламя, и что изверженія имѣютъ свои періоды покоя и возбужденія, имѣющія связь съ перемѣною дня и ночи и временами года. Весьма вѣроятно, что пропасть Санторина есть резуль-

татъ взрыва, который еще въ доисторическія времена заставилъ взлетѣть, въ видѣ пепла, всю центральную часть горы; по крайней мѣрѣ громадное количество обваливающагося туфа на внѣшнихъ склонахъ острова говоритъ изучающему ихъ геологу именно о такомъ разрушеніи. Θера, Θерачія, Аспронизи были остатками великой земли, населяемой нѣкогда народомъ значительно культурнымъ; изверженія вулкана поглотили все это; слой пемзы, достигающій въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 50 метровъ толщины, покрываетъ остатки жилищъ народа, которому извѣстны были золото и, по всей вѣроятности, мѣдь, который пользовался орудіями изъ обсидіана и украшалъ вазы изображеніями растеній и животныхъ.

Албанцы населяютъ южную часть Эвбеи и колоніи вокругъ порта Гавріона, на островѣ Андросѣ; во всемъ же остальномъ Архипелагѣ населеніе греческое или, по крайней мѣрѣ, совершенно эллинизованное. Нѣсколько итальянскихъ и французскихъ семействъ Скироса, Сиры и Санторина слишкомъ малочисленны чтобы ихъ принимать въ разсчетъ; послѣдніе считаютъ себя французами, и на Архипелагѣ ихъ называютъ Франками. Во время войны за независимость Греціи они всегда пользовались протекторатомъ Франціи. Классъ землевладѣльцевъ состоитъ почти исключительно изъ выходцевъ запада, которые поселились здѣсь въ средніе вѣка. Господству крупной собственности, поддерживаемому этими семействами, слѣдуетъ приписать повидимому относительную малочисленность населенія Наксоса. Нѣкогда островъ этотъ легко прокармливалъ сто тысячъ человѣкъ; во времена Геродота онъ могъ выставить 8.000 солдатъ; теперь же онъ сталъ слишкомъ малъ даже для двѣнадцати-тринадцати тысячъ жителей.

Циклады болѣе удалены отъ береговъ Греціи, чѣмъ Эвбея, а потому и ихъ политическая жизнь отличается отъ политической жизни Эллады, и даже вся исторія ихъ часто имѣла совершенно особый ходъ. По своему положенію въ срединѣ Архипелага, острова эти должны были естественно служить станціями для всѣхъ занимающихся мореплаваніемъ народовъ Средиземнаго моря, а слѣдовательно жители ихъ должны были подвергаться самымъ разнообразнымъ вліяніямъ. Нѣкогда останавливались на Цикладахъ ходившіе въ Грецію мореходцы Малой Азіи и Финикіи; въ средніе вѣка ихъ властителями были византійцы, потомъ крестоносцы, венеціанцы, генуэзцы, родосскіе рыцари; затѣмъ черезъ нихъ прошли турки, и наконецъ, въ наше время, благодаря торговлѣ, въ Архипелагѣ преобладаютъ народы западной Европы вмѣстѣ съ самими греками.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ историческихъ превратностей, центръ Цикладъ перемѣщался то на одинъ, то на другой островъ. Населенный іо-

нійцами, островъ Аполлона, Делосъ, былъ священною землею, куда стекались всѣ правовѣрные и купцы. Делійскія игры повторялись каждое четырехлѣтіе; Аѳины отправляли туда каждую весну торжественное посольство. Такъ какъ Латонія, Великая Мать, на этомъ именно островѣ родила солнце и луну, то здѣсь не позволялось ни рождать, ни хоронить мертвыхъ. Въ мѣстномъ храмѣ Греція, во время нашествія персовъ, хранила накопленныя ею сокровища, и частныя лица сносили туда свои драгоцѣнности, желая охранить ихъ отъ случайностей во время войнъ и гражданскихъ междоусобій. Святилище играло, такимъ образомъ, роль банка; оно предлагало за умѣренные, сравнительно, проценты тѣ слитки, которые стекались въ его склады; его операціи продолжались еще послѣ разрушенія Коринѳа. Со всѣхъ сторонъ стекались туда вѣрующіе и заемщики, а за ними купцы, главнымъ образомъ, торгующіе рабами. Торговля человѣческимъ мясомъ сдѣлалась, наконецъ, главною спеціальностью Делоса, такъ что во времена римскихъ императоровъ, въ одинъ день сбывалось по десяти тысячъ рабовъ. Но рынки, храмы, памятники исчезли какъ въ Делосѣ, такъ и на сосѣднемъ островѣ, Ренейя, который служитъ послѣднему кладбищемъ и соединялся съ священною землею мостомъ. Делосъ представляетъ теперь лишь каменистыя пространства, на которыхъ нѣсколько стадъ овецъ щиплютъ тощую траву: въ этой каменистой почвѣ М. Гомолль открылъ храмъ Аполлона делійскаго. Въ средніе вѣка гегемонія принадлежала большому Наксосу, или Нозосу, то есть острову, обладавшему любимой Бахусомъ землей, острову виноградниковъ и садовъ. Нынѣ же Тиносъ самый священный изъ острововъ, благодаря своей почитаемой церкви Панагіи, привлекаетъ къ себѣ громадный притокъ богомольцевъ и эллинскихъ патріотовъ; во время праздниковъ туда отправляются корабли подъ конвоемъ. Но по отношенію къ торговлѣ главнымъ центромъ Цикладъ сдѣлался маленькій островъ Сира или Сиросъ, хотя на немъ нѣтъ ни деревьевъ, ни воды. Городъ его, извѣстный подъ названіемъ острова, хотя оффиціально называемый Германополисъ, есть третій городъ Греціи по населенію и второй по торговлѣ. До войны за независимость городъ Сира не имѣлъ никакого значенія, но его нейтральность во время войны, протекторатъ французскихъ эскадръ, скопленіе многозначительныхъ бѣглецовъ съ турецкихъ острововъ Хіоса и Сиры, наконецъ его счастливое положеніе въ центрѣ Цикладскихъ острововъ, сдѣлали его главнымъ складочнымъ мѣстомъ, верфью и центральною пристанью Эгейскаго моря. Въ портѣ Сиры сходятся узлы всей сѣти навигаціонныхъ линій восточнаго Средиземнаго моря, такъ что Германополисъ представляетъ неизбѣжную станцію для путешественниковъ,

отправляющихся въ Салоники, Смирну и Константинополь. Дѣятельность порта Сиры въ 1881 г.: 8,783 корабля, вмѣстимостью въ 1.791,506 тоннъ. Поэтому и городъ, построенный первоначально изъ страха пиратовъ на возвышенности, мало по малу спустился по склону и устроилъ набережныя и магазины по берегу. Съ рейда весь Гермуполисъ видѣнъ раскинувшимся по склону горы, какъ бы по ступенямъ пирамиды ослѣпительной бѣлизны.

Торговля населила дикую скалу Сиры; но она еще далеко не воспользовалась всѣми источниками Архипелага и не возвратила всѣмъ его островамъ того значенія, какое они имѣли въ древности. Островъ Эвбея уже болѣе не „богатъ быками“, какъ утверждаетъ его названіе, и вывозитъ только зерновые хлѣба, вина, плоды и нѣсколько тоннъ лигнита (ископаемый бурый уголь), добываемаго въ Кумскихъ копяхъ. Сады Наксоса даютъ апельсины, лимоны, цедры; Скопелосъ, Андросъ, Тиносъ, наиболѣе обработанный изъ острововъ—производятъ вина; тѣ же продукты даетъ Санторинъ, который греки, за его превосходныя произведенія, называли нѣкогда Каллисте, „лучшій“. Сверхъ того этотъ островъ и другіе вулканическіе Цикладскіе острова доставляютъ торговлѣ лавы, жерновые камни, пуццолановую землю, цимолосскую глину, или „валяльную землю“, употребляемою для бѣленія тканей; Наксосъ даетъ наждакъ, Тиносъ—жильчатые мраморы. Вотъ и все. Даже паросскіе мраморы не эксплуатируются, и рѣдко-рѣдко какой нибудь корабль покажется въ прекрасномъ портѣ этого острова. За исключеніемъ земледѣлія и мѣстами разведенія шелковичнаго червя, жители Цикладъ не имѣютъ никакой промышленности, и острова, переполненные населеніемъ, каковы Тиносъ и Сифносъ, должны выдѣлять ежегодно въ Константинополь, Смирну, въ города Греціи, извѣстное число эмигрантовъ, которые и занимаются тамъ разнымъ дѣломъ въ качествѣ ремесленниковъ, поваровъ, горшечниковъ, каменщиковъ и скульпторовъ. Но если нѣкоторые изъ острововъ имѣютъ излишекъ населенія, то иные, наоборотъ, вовсе необитаемы или даютъ только убѣжище пастухамъ. Такъ, большая часть острововъ между Наксосомъ и Аморгосомъ представляютъ ничто иное, какъ пустынныя скалы. Антимилосъ, какъ и Делосъ, представляетъ собою лишь усѣянныя камнями пастбища. Наконецъ, Серифосъ и Гіура, древній Гіаросъ,—все тѣ же угрюмыя пустыни, какъ и во времена римскихъ императоровъ, сдѣлавшихъ ихъ мѣстами ссылки; впрочемъ, надѣются, что островъ Серифосъ получитъ скоро нѣкоторое значеніе, благодаря своимъ желѣзнымъ рудамъ, считающимся превосходными. Островъ же Антипаросъ разсчитываетъ на свои богатыя свинцовыя копи.

Главныя высоты острововъ суть:

Дельфы на остр. Эвбеѣ.	1,743	метра.
Св. Иліи „ „	1,404	„
Гора Юпитера (Наксосъ). . . .	1,007	„
Св. Иліи (Сифносъ)	850	„
„ на Сапторинѣ	800	„

V.

ІОНИЧЕСКІЕ ОСТРОВА.

Островъ Корфу, лежащій въ открытомъ морѣ при берегахъ Эпира, кефалонійскій архипелагъ на западѣ отъ континентальной Греціи и ея полуострова, и, наконецъ, островъ Цитера, омываемый разомъ волнами Іоническаго и Эгейскаго морей, испытали въ теченіе послѣдняго столѣтія наиболѣе исключительныя превратности въ политическомъ отношеніи. Изъ всѣхъ естественныхъ составныхъ частей Балканскаго полуострова только одному Корфу удалось отразить всѣ приступы магометанъ и остаться европейскою землею, благодаря покровительству Венеціанской республики. Когда послѣдняя была предоставлена Бонапартомъ Австріи въ 1797 г., то Корфу и Іоническіе острова были заняты французами. Черезъ нѣсколько лѣтъ распорядителями ихъ сдѣлались русскіе, которые ограничились повидимому только тѣмъ, что организовали здѣсь нѣчто въ родѣ аристократической республики подъ верховною властью Турціи. Въ 1807 г. французы снова овладѣли Іоническими островами, но они были отняты у нихъ одинъ за другимъ англичанами, за исключеніемъ Корфу, который они удержали за собою до 1814 года. Но затѣмъ Іоническіе острова, подъ именемъ „Семи-островной республики“, сдѣлались чѣмъ-то въ родѣ леновъ, которыми управляли фамиліи крупныхъ землевладѣльцевъ во имя Англіи и при помощи ея войскъ. Дарованную англичанами конституцію два раза предполагалось измѣнить въ болѣе демократическомъ духѣ, но греческій патріотизмъ жителей не захотѣлъ ни за что подчиняться Великобританіи, которая наконецъ рѣшилась покинуть свое пріобрѣтеніе, и населеніе Семи Острововъ слѣдуя естественному родству, присоединилось къ Греціи, составляя самыя образованныя, состоятельныя и дѣятельныя ея общины, и, несмотря на пророчества нѣкоторыхъ пессимистовъ, оно много выиграло отъ этой перемѣны управленія. Конечно, предоставляя свободу своимъ

іоническимъ подданнымъ, Англія имѣла въ виду свой собственный интересъ; но она съумѣла понять, что нравственное вліяніе выше пушекъ, и поступила въ этомъ случаѣ съ замѣчательнымъ благородствомъ, возвративъ не только Цитеру и Архипелагъ Кефалоніи, представлявшіе для нея только торговый интересъ, но и крѣпость Корфу, которая давала ей возможность господствовать надъ входомъ въ Адріатическое море, какъ она господствуетъ надъ входами Средиземнаго, Сицилійскаго и Краснаго морей. Вотъ политика великодушія, которая находила не много подражателей между правительствами міра и которую сама Англія имѣла бы случай если-бъ захотѣла, приложить во многихъ другихъ мѣстахъ земнаго шара!

Корфу, Керкира у грековъ и Корцира у римлянъ, всегда имѣла наибольшее между Іоническими островами значеніе, благодаря сосѣдству Италіи и торговымъ выгодамъ, доставляемымъ ей ея превосходнымъ портомъ и большимъ рейдомъ, похожимъ на обширное озеро. По мнѣнію его жителей, которые любятъ въ этомъ случаѣ ссылаться на свидѣтельство Ѳукидида, Корфу есть тотъ самый островъ Феакійцевъ, о которомъ говоритъ Одиссей; они разсказываютъ даже, будто найденъ и источникъ Кressида, тотъ самый ручей, въ которомъ Навзикая полоскала бѣлье своего отца; а тѣ великолѣпные сады, въ которыхъ жители прогуливаются по вечерамъ около города, носятъ названіе садовъ Алкиноя. Изъ всѣхъ Іоническихъ острововъ только одинъ Корфу,—группа возвышенныхъ островковъ, которые окружаютъ центральную площадь,—имѣетъ маленькую рѣку, Мессонги, которая не высыхаетъ лѣтомъ и по которой на нѣкоторое разстояніе могутъ подниматься вверхъ барки. Холмы, расположенные экраномъ противъ равнинъ нижняго Эпира, совершенно открыты бурямъ, приносимымъ юго-западнымъ вѣтромъ, и получаютъ большое количество дождевой воды, почему растительность ихъ чрезвычайно богата: вокругъ города тянутся ароматныя рощи апельсинныхъ и лимонныхъ деревъ; виноградники и оливковыя деревья покрываютъ своими вѣтвями и листьями сѣроватые холмы, а въ равнинахъ, прорѣзанныхъ хорошими дорогами, волнуются густыя нивы зерновыхъ хлѣбовъ. Къ несчастію, Корфу очень открытъ для юго-восточныхъ вѣтровъ, между которыми часто дуетъ и сироко, что значительно уменьшаетъ его преимущество, какъ мѣста зимовокъ для больныхъ. Раньше вся земля принадлежала высшему классу общества, но мало по малу число фермеровъ и арендаторовъ увеличилось; послѣдніе дѣлаются собственниками и уже не такъ заботливо воздѣлываютъ землю.

Городъ, расположенный на треугольномъ полуостровѣ, прямо про-

тивъ берега Эпира, представляется самымъ значительнымъ и первымъ по торговлѣ изъ всѣхъ городовъ древней Іонической республики; это разсадникъ цивилизаціи для Альбанцевъ и Эпиротовъ; въ смыслѣ географическомъ, это маленькій сателлитъ твердой земли, но тѣмъ не менѣе онъ служитъ очагомъ жизни для сосѣдняго материка [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ представляетъ также сильную крѣпость, которую попеременные обладатели ея: венеціанцы, французы, русскіе и англичане, старались сдѣлать неприступною. Съ ея бастіоновъ можно любоваться весьма красивымъ видомъ, который однако значительно уступаетъ картинѣ, открывающейся съ горы Пантократора или „Властелинъ“, съ которой въ хорошую погоду можно разглядѣть надъ проливомъ даже Отрантскія горы Италіи. Близость послѣдняго полуострова, торговыя сношенія и преданія, оставленныя господствомъ Венеціи, сдѣлали изъ Корфу полуитальянскій городъ, въ которомъ многія семейства принадлежатъ разомъ къ двумъ національностямъ по происхожденію и по языку, и итальянскій языкъ пересталъ быть оффиціальнымъ языкомъ острова и всего архипелага только около 1830 г. Среди космополитическаго населенія, тѣснящагося въ стѣнахъ города, можно замѣтить также много мальтійцевъ, служащихъ здѣсь носильщиками и садовниками, которые послѣдовали на островъ за своими британскими хозяевами.

Корфу владѣлъ нѣкогда городами Бутринто и нѣсколькими деревнями на Эпирскомъ берегу, но англійскій губернаторъ подарилъ ихъ свирѣпому Али-Пашѣ, такъ что теперь къ острову принадлежатъ только окрестные островки: на сѣверѣ — Фано, Самоѳраки, Мерлера, а на югѣ — Паксосъ, съ гротами въ скалахъ, и Антипаксосъ, скалы котораго выдѣляютъ асфальтъ. Паксосъ производитъ, говорятъ, самое лучшее растительное масло во всей западной Греціи.

Противъ Патрасскаго залива, вдоль береговъ Акарнаніи и Элиды раскинулись красиво изгибающимся архипелагомъ: Левкада (Санта Мавра), Кефалонія, Итака, Занте и нѣсколько сосѣднихъ съ ними островковъ. Взятые вмѣстѣ, островки составляютъ цѣпь известковыхъ горъ, попеременно то омываемыхъ дождями, то сожигаемыхъ солнцемъ. Ихъ воздѣланныя долины, какъ и долины Корфу, производятъ апельсины, лимоны, коринку, вино, масло, составляющіе предметъ довольно оживленной торговли. По населенію острова эти походятъ также на своихъ сѣверныхъ сосѣдей: въ греческомъ населеніи ихъ довольно силенъ итальянскій элементъ, за исключеніемъ острова Итаки.

---

[1]) Альфредъ Усильеронъ, *Греція и Турція*.

Островъ Левкада или „Бѣлый“, названный такъ по цвѣту своихъ мѣловыхъ мысовъ, составляетъ въ дѣйствительности продолженіе материка. Древніе называли его Актэ или „полуостровъ“, и разсказывали, что коринѳскіе переселенцы превратили его въ островъ, прокопавъ каналъ въ соединявшемъ его съ материкомъ перешейкѣ; но изслѣдованіе мѣстности вовсе не подтверждаетъ этой легенды. Вѣроятно коринѳцы просто прорыли, какъ недавно англичане, ровъ для навигаціи въ лагунѣ, отдѣляющей островъ отъ материка, глубина которой не превышаетъ шестидесяти сентиметровъ, такъ что если бы Іоническое море имѣло приливы и отливы, то островъ Левкада, какъ Нуармутье во Франціи, два раза въ день обращался бы въ полуостровъ. Въ самомъ узкомъ мѣстѣ пролива, въ южной части лагуны, берега соединялись нѣкогда мостомъ, остатки котораго сохранились еще и теперь; къ сѣверу же отъ него, на островкѣ, находится капелла и охраняющая входъ въ каналъ крѣпость Санта-Мавра, имя которой часто дается и всему острову Левкадѣ. Этотъ островъ еще недавно былъ единственнымъ въ Греціи мѣстомъ, въ которомъ была рощица финиковыхъ деревъ. Великолѣпный водопроводъ въ двѣсти шестьдесятъ арокъ, служившій также шоссе, соединялъ крѣпость съ городомъ Амаксики, главнымъ портомъ и столицею Левкады, но этотъ памятникъ турецкаго искусства, сооруженный въ царствованіе Баязета, сильно пострадалъ отъ землетрясеній. Можно было бы подумать, что среди солончаковъ и мелкихъ лагунъ, въ которыхъ можно плавать только въ челнокахъ или плоскодонныхъ лодкахъ, господствуетъ непрерывная лихорадка, но между тѣмъ Амаксики, какъ и Миссолунги, на своей затопляемой равнинѣ представляетъ собою городъ, относительно говоря, здоровый, въ которомъ женщины замѣчательно свѣжи и красивы. На югѣ острова начинаютъ показываться покрытыя лѣсомъ горы, оканчивающіяся противъ Кефалініи знаменитымъ мысомъ Нерикосъ, на которомъ стоялъ прежде храмъ Аполлона. Мысъ этотъ „Левкадская скала“, представляетъ утесъ въ шестьдесятъ метровъ высоты, съ котораго бросали въ море приговоренныхъ къ смерти, къ ногамъ и рукамъ которыхъ привязывали нѣчто въ родѣ крыльевъ изъ птичьихъ перьевъ, подвергая ихъ въ нѣкоторомъ родѣ Божьему суду; съ него же бросались любовники, — между прочими сброшена была одна женщина по имени Сафо; — дѣлалось это съ той цѣлью, чтобы несчастные въ страхѣ смерти или въ самой смерти нашли забвеніе своей страсти.

Кефалленія — самый большой изъ Іоническихъ острововъ, а возвышающаяся на немъ гора Айносъ, или Элатосъ, у итальянцевъ Монтенеро, представляетъ самую высокую вершину архипелага, такъ что со

средины Іоническаго моря, въ хорошую погоду, матросы могутъ видѣть съ одной стороны Этну въ Сициліи, а съ другой—Айносъ на Кефалленіи. Хвойные лѣса, отъ которыхъ гора получила названіе Монтенеро, большею частію истреблены пожарами, но въ нѣсколькихъ, уцѣлѣвшихъ еще частяхъ ихъ растетъ великолѣпная ель особой породы. На самой вершинѣ горы видны еще остатки жертвенника Юпитера. Островъ плодороденъ и населенъ; но величайшее его несчастіе — недостатокъ воды, такъ какъ большая часть ручьевъ лѣтомъ высыхаетъ и жители находятся иногда въ совершенно бѣдственномъ положеніи. Известковая почва вся въ расщелинахъ, пробуравленная безчисленными воронками, пропускаетъ, какъ рѣшето, всю дождевую воду, которая бьетъ ключами въ самомъ морѣ, далеко отъ береговъ, измѣнившихъ свое положеніе. Но за то море въ Кефалленіи представляетъ явленіе странное и, быть можетъ, единственное, а именно, оно льетъ въ гроты острова два большіе ручья соленой воды, которые теряются гдѣ-то далеко въ неизвѣстныхъ галлереяхъ.

Мѣсто этого страннаго изліянія морскихъ водъ находится недалеко къ сѣверу отъ Аргостоли, города, который, благодаря своему прекрасно защищенному, хотя не глубокому порту, сдѣлался однимъ изъ лучшихъ торговыхъ городовъ острова и имѣетъ великолѣпное шоссе отъ одного берега залива къ другому. Два морскіе ручья имѣютъ достаточно сильное теченіе, чтобы ворочать колеса большихъ мельницъ, которыя не переставали правильно дѣйствовать—одна съ 1835, а другая съ 1859 г. Общее количество воды, доставляемой обоими источниками, равно, приблизительно, двумъ кубическимъ метрамъ въ секунду, или точнѣе—160,000 кубическихъ метровъ въ день. Но куда дѣвается эта вода? Собирается ли она подъ землю въ обширныя озера, въ которыхъ одинаковый уровень воды поддерживается однимъ ея постояннымъ испареніемъ, а соль скопляется на днѣ толстыми слоями, или, какъ думаетъ геологъ Вибель, излишекъ этихъ морскихъ водъ, распредѣляясь въ трещинахъ почвы по безчисленнымъ жиламъ, поступаетъ, вслѣдствіе гидростатическаго явленія втягиванія, въ подземные ручьи прѣсной воды, протекающіе въ пещеристой почвѣ острова, и образуетъ вмѣстѣ съ ними ключи солоновато-прѣсной воды, бьющіе въ разныхъ мѣстахъ у подножія холмовъ? Это неизвѣстно; но вѣроятно то, что это подземное царство прѣсныхъ, соленыхъ и сѣрныхъ водъ составляетъ одну изъ главныхъ причинъ столь частыхъ и опасныхъ на Кефалленіи землетрясеній, хотя не столь частыхъ, какъ въ Санта-Маврѣ. Дома въ Аргостоли, для большей устойчивости при сотрясеніяхъ почвы, строятся обыкновенно низкіе. Островъ Астерія,

между Кефалоніею и Ѳеаки, у котораго, какъ описываетъ Гомеръ, было два порта, и на которомъ позднѣе стоялъ Алалкоменасъ, теперь уже не существуетъ; вѣроятно онъ разрушенъ землетрясеніемъ, ибо въ простомъ Даскаліонскомъ рифѣ нельзя видѣть остатковъ этой населенной нѣкогда земли.

Ѳеаки, знаменитая Итака „божественнаго Улисса", можетъ быть разсматриваемъ какъ продолженіе Кефалоніи, отдѣляемой отъ него каналомъ Вискардо, съ параллельными берегами, названнымъ такъ въ воспоминаніе завоевателя Роберта Гюискара. Островъ такъ малъ, что на немъ легко можно было найти всѣ мѣста, о которыхъ говоритъ Одиссей: источникъ Аретузы, высокую скалу, у подошвы которой Эвмей пасъ свое стадо и даже, говорятъ, дворецъ Улисса; но не такъ давно пришлось разочароваться въ достовѣрности всѣхъ этихъ фактовъ: какъ есть двѣ Трои, двѣ Пергамы, двѣ Скамандры и два Симоиса, — говоритъ путешественникъ Жильеронъ, — такъ же точно надо признать двѣ Итаки, два источника Аретузы и два грота Нимфъ. Неутомимый Шлиманъ, котораго заслуги въ дѣлѣ изслѣдованія вѣка Гомера столь велики, открылъ городъ, который, по всей вѣроятности, былъ столицей Итаки и мѣстонахожденіе котораго вовсе не было изслѣдовано прежними путешественниками. Между циклопическими остатками этого древняго города, гдѣ видны еще развалины 190 домовъ, но гдѣ ихъ могло бы помѣститься тысячи двѣ, особенно замѣчательны волы и башни „замка Улисса" и акрополь, расположенный на треугольной площадкѣ вершины Аэтоса, на высотѣ 360 метровъ надъ поверхностью моря. Остатки глиняной посуды, найденные въ развалинахъ древняго города, не похожи на тѣ, которые открыты во время раскопокъ Микенъ; они скорѣе приближаются къ памятникамъ Трои; нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ надписи, еще не разобранныя. На островѣ уже нѣтъ тѣхъ черныхъ лѣсовъ, которые покрывали склоны горы Нериты. Жители Итаки очень гордятся своею маленькою, воспѣтою Гомеромъ, родиною, и въ каждой семьѣ есть по крайней мѣрѣ одна Пенелопа, одинъ Улисъ, одинъ Телемакъ, хотя, къ сожалѣнію, они вовсе не потомки хитроумныхъ сыновей Лаэрта. Въ средніе вѣка островъ этотъ былъ совершенно обезлюженъ завоевателями, и венеціанскій сенатъ, въ 1504 г., долженъ былъ предлагать даромъ земли Итаки колонистамъ съ материка, съ цѣлію обратить эту пустыню въ коммерческій портъ. Большая часть переселенцевъ пришли съ береговъ Эпира, почему и греческое нарѣчіе островитянъ сильно переполнено албанскими словами. Въ настоящее время островъ Итака хорошо обработанъ, и его портъ, называемый Бати, т. е. „глу-

бокій", производитъ довольно значительную торговлю коринкою, виноградомъ, масломъ и виномъ. Какъ во времена Гомера, островъ Итака есть по преимуществу „кормилица храбрыхъ мужей". Жители его крупны и сильны, и, если вѣрить энтузіасту Шлиману, добродѣтельны до того, что даже не знаютъ своей добродѣтели и не имѣютъ никакого понятія о злѣ. Они серьезны, нѣкоторые даже съ меланхолическимъ оттѣнкомъ въ характерѣ, и многіе изъ нихъ заболѣваютъ сумасшествіемъ, столь рѣдкимъ среди остальныхъ грековъ. Шлиманъ видитъ въ нихъ потомковъ финикіянъ и причисляетъ ихъ къ семитской расѣ; слово Итака, также какъ и африканское „Утика"—происхожденія финакійскаго и означаетъ „колонія". Между ѳіакотами нѣтъ ни богатыхъ, ни бѣдныхъ, но любовь къ путешествіямъ заставляетъ значительное число ихъ удаляться изъ своего отечества, почему ихъ можно встрѣтить во всѣхъ многолюдныхъ городахъ Востока, особенно въ Галаццѣ и Браиловѣ, гдѣ они торгуютъ хлѣбомъ. Ѳіакоты владѣютъ большими кораблями на Дунаѣ.

„*Zante fior del Levante*" (Занте — цвѣтокъ Леванта) — говорятъ итальянцы, и дѣйствительно, древній Закинѳъ богаче всѣхъ Іоническихъ острововъ фруктовыми садами, воздѣланною почвою и загородными домами; на немъ находятся также рощи, остатки лѣсовъ, о которыхъ упоминаютъ Гомеръ и Виргилій. Средину „Золотаго острова" занимаетъ большая равнина, расположенная между двумя рядами холмовъ средней высоты и представляющая обширный садъ, усаженный виноградниками, которые даютъ превосходный коринѳскій виноградъ (коринку); получаемыя изъ него вина могутъ соперничать съ лучшими винами Испаніи. Промышленные жители его не ограничиваются воздѣлываніемъ своихъ собственныхъ земель, а пользуются еще полями въ Акарнаніи, либо за плату, либо за часть урожая. Они выдѣлываютъ также шелковыя ткани, отличающіяся прочностью и красотою рисунка и очень цѣнимыя на Востокѣ. Городъ Занте, расположенный на восточномъ берегу острова, противъ берега Эпира, имѣетъ видъ вполнѣ итальянскаго города; можно подумать, что онъ до сихъ поръ представляетъ венеціянскую колонію, какъ въ прошломъ столѣтіи, во время рожденія тамъ поэта Гуго Фосколо. Надъ городомъ возвышаются развалины крѣпости, откуда можно видѣть „всю Грецію отъ Тайгета до Парнаса". Занте—самый богатый и самый чистенькій изъ городовъ Кефалонскаго архипелага, но многія строенія, разрушенныя землетрясеніями, еще не востановлены. Около юго-восточной оконечности острова, т. е. около „Восковаго мыса" (Кири), существуютъ нефтяные источники, которые эксплоатируются со времени Геродота,—и все-таки

*

дают, при ежегодномъ сборѣ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, около ста бочекъ нефти. Кромѣ того, есть источники нефти, эксплоатируемые одно время промышленными англичанами, открывающіеся на морскомъ берегу и даже подъ водою:—такъ, около мыса Скинари, на сѣверной сторонѣ острова, вода постоянно бываетъ покрыта жирнымъ, вонючимъ слоемъ этой жидкости.

Занте принадлежатъ островки Стривали, древніе Строфады, на которыхъ, по миѳологическимъ разсказамъ, летали отвратительныя гарпіи.

Поверхность и населеніе Іоническихъ острововъ:

Имена острововъ.	Поверхность.	Самыя высокія горы.		Населенія. въ 1870 г.
Корфу	580 кв. кил.	Пантократоръ.	1,000 мет.	72,450 ч.
Паксосъ и Антипакосъ	70 „ „	„	—	3,600 „
Левкада	475 „ „	Номали . . .	1,180 „	21,000 „
Кефалонія	757 „ „	Элатосъ . . .	1,620 „	67,500 „
Итака	110 „ „	Неритонъ . .	807 „	10,000 „
Занте	420 „ „	Скопосъ . . .	396 „	44,000 „

VI.

НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ ГРЕЦІИ.

Греческій народъ, безъ сомнѣнія, сдѣлалъ большіе успѣхи съ тѣхъ поръ, какъ онъ свергнулъ турецкое иго; но онъ далеко еще не достигъ всего того, чего ожидали отъ него рьяные эллинофилы. Считая его по мужеству равнымъ грекамъ Мараѳона и Платеи, полагали, что онъ могъ бы въ короткое время подняться до умственнаго и художественнаго уровня тѣхъ поколѣній, которыя произвели Аристотеля и Фидія. Но эти великія надежды далеко еще не осуществились. Невозможно, чтобы народъ въ теченіе одного поколѣнія могъ освободиться вполнѣ отъ варварства, отдѣлаться отъ давившихъ его духъ всякаго рода предразсудковъ, перемѣнить нравы, привыкшіе во время рабства къ насилію, вѣроломству, лѣности, усвоить себѣ научныя пріобрѣтенія двадцати вѣковъ и занять мѣсто въ ряду руководящихъ народовъ Европы. Впрочемъ, надо принять въ соображеніе, что число эллиновъ въ Греціи едва равняется населенію двухъ департаментовъ Франціи, и при томъ слишкомъ разсѣяно по гористой, суровой и неимѣющей дорогъ территоріи. Изрѣзанные заливами, берега полуострововъ и острововъ Греціи удивительно благопріятны для торговли, и жители ея не преминули воспользоваться ими съ извѣстнымъ уже

успѣхомъ, но за то мало странъ въ Европѣ, рельефъ которыхъ былъ бы менѣе благопріятенъ для извлеченія земледѣльческихъ и промышленныхъ выгодъ страны. Свойства почвы всюду мѣшаютъ устройству дорогъ, а глубокое море всюду улыбается въ заливахъ и манитъ вдаль, къ путешествіямъ и торговлѣ,—потому-то эмиграція идетъ не изъ Оттоманской имперіи въ Грецію, а наоборотъ,—масса грековъ, особенно съ Іоническихъ и Цикладскихъ острововъ, отправляется ежегодно искать счастія въ Константинополѣ, Каирѣ и даже въ Индіи. Люди работящіе и предпріимчивые удаляются, а остается толпа интригановъ, которые изъ политики дѣлаютъ себѣ доходное ремесло, и миролюбивые чиновники, будущее которыхъ зависитъ отъ милости министра. Изъ этого выходитъ результатъ весьма странный: самыми богатыми, состоятельными и даже болѣе свободными и благоустроенными являются общины грековъ, которыя развиваются за границею. Какой нибудь ничтожный новогреческій городокъ Ѳракіи или Македоніи, на зло надзирающему за нимъ пашѣ, могъ бы служить образцомъ веденія общественныхъ дѣлъ для самостоятельнаго и державнаго королевства Греціи. Значитъ, онъ непосредственно заинтересованъ въ хорошемъ управленіи своими дѣлами, которыя составляютъ, такъ сказать, дѣла семьи, между тѣмъ какъ въ Элладѣ безпокойная и жадная бюрократія не упускаетъ случая попользоваться общественными грошами, подкупаетъ избирателей, чтобы удержать свое положеніе, и старается возвратить свои расходы, поддерживая, подъ всѣми возможными стѣснительными и болѣе или менѣе печальными формами традиціи, такъ давно свойственнаго ихъ странѣ пиратства и грабительства.

Нынѣшнее населеніе Греціи, вмѣстѣ съ присоединенными недавно областями, можетъ быть опредѣлено въ два милліона сто тысячъ человѣкъ, т. е. составляетъ около половины всѣхъ эллиновъ Европы и Азіи. При равной поверхности, Эллада, положеніе которой такъ выгодно для торговли, населена не только слабѣе цивилизованныхъ странъ западной Европы, но даже стоитъ въ этомъ отношеніи ниже Турціи. Между тѣмъ, если вѣрить писателямъ, хорошо изучившимъ прошлую исторію эллиновъ, то собственно Греція, въ эпоху своего наибольшаго благосостоянія, имѣла по крайней мѣрѣ отъ шести до семи милліоновъ жителей. Одна Аттика уже была населена вдесятеро гуще, нежели нынѣ, а нѣкоторые острова, на которыхъ теперь едва увидишь лишь нѣсколькихъ пастуховъ, были покрыты многолюдными городами; среди самыхъ пустынныхъ плато, ничтожнаго ручья, на всякомъ мысѣ, замѣтны слѣды древнихъ городовъ; однимъ словомъ, карта эллинскаго міра отъ Кипра до Корфу и отъ Ѳазоса до Крита испещрена разными *palæochori*, *palæcastro*, и *palapoli*, при чемъ коп-

тинентальная Греція не менѣе богата подобными воспоминаніями, чѣмъ ея острова и берега Малой Азіи. Въ настоящее время число рожденій значительно превышаетъ смертность [1]); по оффиціальнымъ статистическимъ даннымъ число мужчинъ значительно превышаетъ число женщинъ; вѣренъ ли этотъ фактъ, стоящій въ противорѣчіи съ тѣмъ, что мы видимъ во всей остальной Европѣ? [2])

Хотя страна заселяется вновь съ нѣкоторою медленностью, но тѣмъ не менѣе прогрессъ въ этомъ отношеніи неоспоримъ. До войны за независимость число жителей Греціи, съ Іоническими островами, было, можетъ быть, больше милліона, но битвы и въ особенности рѣзня въ Морѣ значительно уменьшили населеніе, такъ что въ 1832 году грековъ и іонійцевъ вмѣстѣ было не болѣе 950,000. Съ того времени ежегодное приращеніе населенія колебалось между 9,000 и 14,000 человѣкъ, но довольно неодинаково. Если быстро возрастало населеніе городовъ, то многіе города Архипелага и Іоническаго моря, какъ-то: Андросъ, Санторинъ, Гидра, Занте, Левкада, теряли вслѣдствіе эмиграціи болѣе, чѣмъ давалъ перевѣсъ родившихся надъ умершими. На материкѣ всего болѣе задерживаютъ возстановленіе населенія Греціи болотныя лихорадки. Почва ея совершенно здорова по своему естественному климату, но во многихъ мѣстахъ она стала весьма вредною вслѣдствіе застоя въ болотахъ воды; — поэтому возращеніе почвы земледѣлію было бы въ одно и то же время и обогащеніемъ страны, и удаленіемъ ужаснаго зла.

Населеніе городовъ Греціи, имѣющихъ болѣе 5,000 жителей:

Аѳины	(1884)	84,900	Спеція	(1879)	6,495 ч.
Пирей		24,600	106,500 ч.	Гидра	»	6,450 »
Патрасъ	(1883)	25,495 »	Миссолонги	»	6,325 »
Гермуполисъ или Сира	(1879)	21,245 »	Мессина	»	5,850 »
Корфу	»	16,515 »	Ликсури (Кефалленія)	»	5,820 »
Занте	»	16,250 »	Краниди, въ Арголидѣ	»	5,630 »
Ларисса	(1881)	13,170 »	Триккала	»	5,560 »
Триполисъ или Триполица	(1879)	10,050 »	Ламія	»	5,500 »
Аргосъ	»	9,860 »	Поросъ	»	5,410 »
Пиргосъ или Летрини	»	8,790 »	Мегара	»	5,350 »
Аргостоли (Кефалленія)	»	7,870 »	Эгіонъ или Востица	»	5,300 »
Каламата	»	7,600 »	Агриніонъ	»	5,220 »
Халцисъ (на Евбеѣ)	»	6,875 »	Воло	»	5,000 »

[1]) Движеніе населенія въ Греціи въ 1882 г:
43,159 рожденій; 31,194 смерт.; излишекъ 11,965 чел.

[2]) Населеніе Греціи въ 1879 г: 1.679,470 чел.
Мужчинъ 880,952, или 52,45 на 100.
Женщинъ 798,518, или 47,55 на 100.

Населеніе Греціи безъ Іоническихъ остр. въ 1832 г. . .	713,000	ч.
„ „ „ „ „ „ 1870 . .	1.226,000	„
„ „ съ Іоническими островами „ . .	1.458,000	„
„ „ приблизительное въ 1885 г. . . .	2.080,000	„

Поверхность поля, занятаго маслинами въ 1875 г. 168,000 гект., 12.200 000 оливк. дер. даютъ 28.000,000 литровъ оливк. масла. Съ 1870 г. обрабатывается болѣе 200,000 гектаровъ земли, тѣмъ не менѣе продуктовъ недостаточно для прокормленія населенія. Удобныя для обработки земли чрезвычайно способны для произрастанія виноградниковъ, плодовыхъ деревъ, промышленныхъ растеній, какъ напримѣръ: хлопчатника, марены, табаку. Фиги и апельсины—превосходны; вина Санторина и другихъ Цикладскихъ острововъ—одни изъ лучшихъ, производимыхъ на берегахъ Средиземнаго моря. Масла Аттики, хотя не такъ чисты, какъ прованское, но такъ же хороши, какъ и въ тѣ времена, когда богиня Аѳина посадила своими руками священную маслину. За исключеніемъ коринки, которая вывозится изъ Патраса и съ Іоническихъ острововъ, оливковаго масла и свинца, Греція продаетъ за границу лишь ничтожную часть своихъ земледѣльческихъ продуктовъ, которые, между прочимъ, требуютъ и ничтожнаго труда. Почти всѣ виноградники, дающіе коринку, принадлежатъ крупнымъ собственникамъ. Одинъ изъ главныхъ предметовъ вывоза составляютъ желуди большаго дуба, собираемые въ лѣсахъ; ихъ употребляютъ красильщики. Поверхность поля, занимаемаго маслинами въ 1875 г. 168,000 гект., 12.200,000 оливк. дер. даютъ 28.000,000 литровъ оливк масла. Поверхность виноградниковъ въ 1875 г. 115,000 гект. Сборъ коринки въ 1884 г. 30.000,000 килограм. стоимость сбора: отъ 40 до 80.000,000 фран., смотря по году. Вывозъ сушенаго винограда изъ Пиреи въ Марсель въ 1882 г. 17.627,298 килогр.

Въ странѣ, гдѣ земледѣліе развито такъ слабо, естественно, что и промышленность должна быть почти ничтожна, если не считать Пиреи, гдѣ въ 1876 было 19 паровыхъ заводовъ. Поэтому всѣ необходимые мануфактурные предметы Греція получаетъ изъ-за границы, особенно изъ Англіи, и не имѣетъ даже необходимыхъ орудій для эксплоатаціи своихъ мраморныхъ ломокъ, которыя богаче Каррарскихъ. На всемъ пространствѣ Греціи существуетъ только одинъ значительный разрабатываемый рудникъ, именно Лавріонскій. Еще древніе въ теченіе многихъ вѣковъ пользовались въ этой части Аттики копями сереброноснаго свинца, около которыхъ теперь, въ разныхъ мѣстахъ, возвышаются еще цѣлые холмы шлака. Эти-то кучи перерабатываютъ съ 1863 г. на Эргастирій-

скомъ заводѣ, — одной изъ самыхъ большихъ свинцеплавиленъ во всемъ свѣтѣ, и извлекаютъ изъ этихъ остатковъ ежегодно до десяти тысячъ тоннъ свинца, не считая значительнаго количества серебра. Около завода образовался небольшой промышленный городъ, портъ котораго принадлежитъ къ числу самыхъ оживленныхъ во всей Греціи. Но это замѣчательное заведеніе Эргастиріи создалось не безъ труда: завидуя иностраннымъ промышленникамъ, эксплоатировавшимъ всѣ эти богатства, греки начали строить тысячи козней, такъ что по поводу Лавріонскихъ кучъ шлака эллинское правительство чуть было не поссорилось совершенно съ Франціею и Италіею.

Такъ какъ греки извлекаютъ изъ земли лишь такое количество продуктовъ, котораго имъ недостаточно для собственнаго потребленія, а промышленность ихъ не имѣетъ большаго значенія, то они должны были бы умереть съ голоду, если бы ихъ пять тысячъ кораблей, находящихся постоянно въ движеніи, не занимались въ Средиземномъ морѣ прибыльнымъ перевозочнымъ ремесломъ. Ихъ торговый флотъ въ пять разъ больше торговаго флота Бельгіи; къ этому надо присовокупить еще, что большая часть кораблей подъ турецкимъ флагомъ принадлежатъ также эллинамъ.

Торговое положеніе и мореходство Греціи:

Торговый флотъ въ 1883 г.: 60 пароходовъ, 3,164 парусн. корабл., вмѣстимостью въ 250,155 тоннъ.

Движеніе въ портахъ:

Вошло: 6 872 нагруженныхъ корабля вмѣстимостью въ 2.061,682 т.
Вышло: 4 874 „ „ „ „ 1.991,865 „
Итого: 11,746 нагруженныхъ кораблей вмѣстимостью въ 4.053,547 т.

Ввозъ въ 1883 г. . . . . 136.337,000 франковъ.
Вывозъ „ . . . . . 92.857,000 „
Всего ввоза и вывоза . . . . . 229.194,000 франковъ.

Древняя наклонность племени къ мореходству выражается только въ каботажномъ плаваніи. Крупные пароходы со скорымъ ходомъ принадлежатъ большимъ западно-европейскимъ компаніямъ; эллинскія же суда, съ ограниченною вмѣстимостью и разнообразнымъ грузомъ, плаваютъ только около берега изъ одного порта въ другой, не выходя обыкновенно за предѣлы древняго Греческаго міра; но за то ни одно судно не плаваетъ

КРЕСТЬЯНЕ ИЗЪ ОКРЕСТНОСТЕЙ АѲИНЪ.

съ меньшими расходами, чѣмъ греческое, ибо всѣ матросы сами заинтересованы въ нагрузкѣ и всѣ живутъ чрезвычайно воздержно, чтобы получить больше прибыли; притомъ одни изъ нихъ доставили лѣсъ, другіе—такелажъ, третьи—ту или иную часть клади, а необходимыя деньги на покупку товаровъ дали имъ ихъ же сограждане или однодеревенцы просто на-слово. На многихъ корабляхъ весь экипажъ состоитъ изъ товарищей, братски раздѣляющихъ труды и неимѣющихъ надъ собою никакого хозяина: — всѣ одинаково равны. Капитанъ — глава корабля, только оффиціально.

Но каковы бы ни были умѣренность и предпріимчивость эллинскихъ моряковъ, имъ грозитъ та же участь, которой подвергается вообще мелкая торговля и мелкая промышленность. Экономическія перевозочныя суда Греціи могутъ долго еще состязаться съ пакетботами большихъ компаній, но, рано или поздно, они должны будутъ уступить имъ свое мѣсто, или преобразоваться въ рыболовныя судна, годныя только для ловли коралловъ и губокъ. Тогда Греція рискуетъ утратить свое торговое значеніе, если не усилитъ быстро свои внутреннія средства развитіемъ земледѣлія и промышленности и устройствомъ дорогъ для перевозки продуктовъ. Въ настоящее время Греція еще очень бѣдна проѣзжими дорогами, но не только вслѣдствіе препятствій, представляемыхъ скалами и горами, а главнымъ образомъ вслѣдствіе беззаботности жителей, которые всегда довольствовались моремъ. Телемакъ не проѣхалъ бы нынѣ въ своей колесницѣ, какъ въ гомерическія времена, — если только они не басня — изъ Пилоса въ Лакедемонъ, ибо ему пришлось бы пробираться по краямъ стремнинъ, по опаснымъ тропинкамъ. Изъ всѣхъ независимыхъ странъ Европы, Греція, вмѣстѣ съ Сербіею, оставалась дольше всѣхъ безъ желѣзныхъ дорогъ. Въ наше время Аѳины соединены съ Пиреемъ, Лоріономъ, Коринѳомъ и Навпліей; Воло соединенъ съ Лариссой и Триккалой, Катаколонъ съ Пиргосомъ; въ ближайшемъ будущемъ предполагается проложить желѣзную дорогу по южному берегу Коринѳскаго залива и затѣмъ по берегу Элады.

Желѣзнодорожнаго пути въ Греціи къ концу 1884 г.: 175 километр.
Телеграфнаго пути въ 1883 г.: 5,952 километра.

Телеграммъ отправлено	617,525.
Писемъ „ (2,5 на 100 жит.)	5.081,739.
Періодическихъ изданій отправлено (1,6 на 100 жит.)	3.185,388.

Если эти великія общественныя сооруженія такъ запоздали въ Греціи, то главная причина этого заключается въ непрерывномъ банкротствѣ

Эллинскаго правительства: равновѣсіе греческаго бюджета есть совершенная фикція. Долгъ, который уплатить невозможно, дошелъ бы болѣе чѣмъ до полу-милліарда, т. е. болѣе трехсотъ франковъ на человѣка, если бы уже давно не перестали платить процентовъ по первымъ займамъ [1]).

Общей бѣдности страны соотвѣтствуетъ и частная бѣдность большинства жителей Греціи. Разоряемые уплатою налоговъ, которые казна увеличиваетъ иногда вдвое или даже втрое противъ нормальнаго размѣра, бо́льшая часть поселянъ ведетъ жалкій образъ жизни: не смотря на крайнюю природную воздержность, поселяне не имѣютъ достаточной пищи; ихъ жилища — нездоровыя лачуги; жители часто не могутъ удѣлить себѣ ничего на одежду и на предметы первой необходимости. Потому-то молодые люди бѣднѣйшихъ мѣстностей толпами и выселяются изъ Греціи, либо на годъ, либо на неопредѣленное время. Аркадія въ этомъ отношеніи можетъ быть сравниваема съ Овернемъ, Савойею и большею частью гористыхъ странъ центральной Европы. У этолійцевъ, которые съ большимъ трудомъ рѣшаются покинуть свои прекрасныя дикія долины для чужестранныхъ городовъ, существуетъ одинъ обычай, показывающій до какой безнадежности доведены они требованіемъ податей. Вмѣсто того, чтобы бороться противъ рабства, какъ сдѣлали бы ихъ грубые предки, эти несчастные, разоренные сборщиками податей, выходятъ изъ своей деревни и складываютъ на краю большой дороги кучу камней, которая навсегда должна оставаться свидѣтельствомъ совершенной надъ ними несправедливости. Эта куча значитъ „анаѳема“, и каждый поселянинъ, проходя мимо этого памятника нѣмаго проклятія, набожно кладетъ въ кучу и свой камешекъ: общая мать — Земля — должна отомстить за обиженныхъ

Обычный спутникъ нищеты — невѣжество, также велико въ деревняхъ Греціи, особенно въ труднодоступныхъ мѣстахъ, каковы: Этолія и Майна или полуостровъ Тайгетскій. Еще въ 1870 году было 55 общинъ, въ которыхъ ни одна женщина не умѣла ни читать, ни писать; въ то же время число неграмотныхъ въ арміи простиралось до половины. Въ Греціи, какъ и въ Албаніи и Черногоріи, вѣрятъ въ водяныхъ, которые появляются въ видѣ драконовъ, въ русалокъ, которыя заставляютъ молодыхъ людей полюбить себя и увлекаютъ ихъ въ волны; вѣрятъ въ вампи-

---

[1]) Бюджетъ за 1874 годъ: Приходъ 86.122,950 фр. Расходъ 85.814,598 фр. Государственнаго долга къ 31 декабря 1881 г.: 469.909,160 франковъ.

ровъ, въ дурной глазъ, въ чудеса магіи и т. д. Обычай запрещаетъ заключать браки въ маѣ мѣсяцѣ, велитъ откапывать умершихъ черезъ три года послѣ смерти, очищать и натирать благовонными мазями ихъ кости, заставляетъ каменьщиковъ при постройкѣ домовъ помѣщать угловой камень на трупѣ пѣтуха или какого либо другаго животнаго [1]). Между стариками и людьми зрѣлыхъ лѣтъ грамотные еще и теперь рѣдкость; также мало распространена грамотность среди женщинъ. Но за то почти всѣ мальчики и значительная часть дѣвушекъ обучаются въ настоящее время чтенію и письму.

Процентъ неграмотныхъ въ 1879 г.:

мужчинъ 69 на 100, женщинъ 93 на 100.

Къ счастію для грековъ, не смотря на нищету, въ которой влачитъ свое существованіе бо́льшая часть населенія, у нихъ есть желаніе учиться, есть стремленіе къ знанію, хотя бы и неглубокому. Такъ, на островѣ Итакѣ жители останавливаютъ образованныхъ путешественниковъ и заставляютъ ихъ читать себѣ пѣсни Гомера.

Бѣдность правительства не помѣшала основанію первоначальныхъ школъ почти во всѣхъ деревняхъ Греціи, а во многихъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ для школъ помѣщеній, преподаваніе совершается подъ открытымъ небомъ, и дѣти не только не прогуливаютъ классовъ, а даже едва отрываютъ глаза отъ тетрадей, чтобы взглянуть на проходящихъ иностранцевъ или на порхающихъ птицъ. Воспитанники гимназій и университетовъ въ Аѳинахъ и Корфу посвящаютъ себя труду совершенно добросовѣстно, хотя часто только затѣмъ, чтобы научиться разглагольствовать. Среди молодыхъ людей, посѣщающихъ аѳинскій университетъ, есть и такіе, которые, чтобы заниматься днемъ наукою, часть ночи проводятъ за какою нибудь механическою работою, и даже такіе, которые поступаютъ въ лакеи или кучера, чтобы заработать средства пріобрѣсти себѣ дипломъ юриста или доктора.

Подобная любовь къ ученію можетъ обезпечить греческому народу болѣе значительное вліяніе, чѣмъ можно было бы полагать при небольшой его, въ сравненіи съ сосѣдними народами, численности. Греки всѣхъ восточныхъ частей отъ Эпира до Кипра, смотрятъ на Аѳины какъ на свой умственный центръ, куда и посылаютъ учиться свою молодежь. Даже больше: чтобы способствовать славѣ и благоденствію возраждающагося народа, они удѣляютъ часть своихъ доходовъ на основаніе или

---

[1]) Bikelas. De Nicopolis à Olimpie.

на поддержаніе аѳинскихъ школъ, и не только богатые негоціанты Марсели, Тріеста, Салоникъ, Смирны и другихъ мѣстъ такъ заботятся объ истинныхъ интересахъ родины, но и простые земледѣльцы, неграмотныя вдовы Ѳракіи и Македоніи точно также употребляютъ свои сбереженія на дѣло общественнаго образованія. Народъ самъ устраиваетъ себѣ школы, музеи и платитъ профессорамъ. Аѳинская академія, политехническая школа, университетъ, Арсакейонъ—великолѣпная коллегія для воспитанія дѣвицъ, обязаны своимъ существованіемъ не правительству, а усердію эллинскихъ гражданъ всей страны. Понятно, съ какимъ интересомъ весь народъ слѣдитъ за этими заведеніями, основанными на самопожертвованія всѣхъ, и какое здоровое вліяніе производятъ, въ свою очередь, на отдаленныя провинціи молодые люди и молодыя дѣвушки, вышедшіе изъ школъ общей родины.

И такъ, общая связь грековъ, заключающаяся въ общности языка, преданій и надеждъ,—вотъ что дѣлаетъ изъ нихъ націю, осуществляетъ лучше всякихъ трактатовъ то единство національности, которое они называютъ „великою идеею“. Проведенныя дипломатіею границы не имѣютъ никакого смысла съ точки зрѣнія эллинскаго патріотизма. Живутъ-ли собственно въ Греціи, или въ Европейской и Азіатской Турціи, греки все-таки составляютъ одинъ народъ, живутъ общею національною жизнью, не зависящею отъ константинопольскаго и аѳинскаго правительства. Быть можетъ, за границею-то и сохранились лучше всего преданія и порядокъ общинной жизни, и тамъ греческій гражданинъ дѣйствуетъ всего свободнѣе. Націю же должно составлять все племя, взятое въ его совокупности, а оно простирается до четырехъ милліоновъ человѣкъ. Вотъ то, уже значительное и возрастающее съ каждымъ днемъ, населеніе, которое должно имѣть важное вліяніе на будущія судьбы Средиземной Европы.

Часто полагали, что греки, вслѣдствіе единства религіи, совершенно расположены благопріятствовать русскимъ притязаніямъ и старались предоставить царю путь въ Константинополь. Но это неправда: эллины вовсе не думаютъ жертвовать своими интересами для чуждой имъ націи. У нихъ есть естественныя связи, на которыхъ основываются истинные союзы, но не союзъ съ Россіей. Климатъ, географическое положеніе, историческія воспоминанія, торговыя отношенія и въ особенности внутреннія связи единства цивилизаціи соединяютъ Грецію съ группою народовъ латинскихъ: съ Италіею, Испаніею и Франціею. Въ великомъ раздѣлѣ Европы, совершающемся постепенно силою вещей, эллины займутъ мѣсто не между славянами, а между латинами. Недавно, когда

Франція, во время нашествія на нее, билась за свое національное существованіе, къ ней пришло на помощь больше тысячи греческихъ волонтеровъ: франкофиллы уплатили долгъ эллинофиламъ сдѣланный Греціей въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія.

Начальныя школы въ Греціи:

Въ 1830 г.	. .	110 школъ,	1,000 учащихся.
Въ 1880 г.	. .	1,528 „	100,000 „

Аѳинскій университетъ въ 1885 г. имѣлъ 2,600 слушателей.

Издательская дѣятельность за шестилѣтній періодъ, съ 1874 по 1880 г.: 1,010 изданій, не считая журналовъ; 122 типографіи, 54 періодич. изданій въ Аѳинахъ въ 1884 г.

VII.

УПРАВЛЕНІЕ, АДМИНИСТРАЦІЯ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ДѢЛЕНІЕ.

Покровительствующія державы, въ подражаніе государствамъ западной Европы, дали Греціи парламентарное и конституціонное правительство. По теоріи, греческій король „царствуетъ, но не управляетъ“,—его министры отвѣтственны передъ палатами, перемѣнное большинство которыхъ даетъ преобладаніе то одной, то другой партіи, слѣдуя колебаніямъ общественнаго мнѣнія. На самомъ же дѣлѣ, «королевская власть умѣряется только дипломатіею“. Кромѣ того, формы государственнаго устройства, внесенныя въ Элладу, не имѣютъ ничего соотвѣтствующаго преданіямъ и духу грековъ, и со времени объявленія ихъ независимости они три раза передѣлывали свою хартію, не успѣвъ сдѣлать ее удобоисполнимою.

Въ силу конституціи 1864 г., всѣ греческіе граждане, владѣющіе какою нибудь собственностью или имѣющіе какой либо независимый родъ занятій, могутъ быть избирателями, въ возрастѣ отъ двадцати пяти лѣтъ, и, избираемыми—отъ тридцати. Депутаты, въ числѣ 209 избираются на каждые четыре года и во время сессіи получаютъ жалованье. Исполнительная власть сосредоточена въ министерствѣ, состоящемъ изъ семи членовъ; государственный совѣтъ изъ 15—25 человѣкъ, созываемый монаршей властью по представленію министровъ, разсматриваетъ законы, предлагаемые палатой и дѣлаетъ поправки. Сумма, отпускаемая на содержаніе государя, вмѣстѣ съ субсидіею покровительствующихъ

державъ, простирается до 1.125,000 франковъ. Армія, набираемая путемъ обязательной воинской повинности, по образцу великихъ армій Европы, состоитъ въ мирное время изъ тридцати тысячъ солдатъ; въ началѣ 1886 г., во время войны, она состояла изъ 72,000 человѣкъ. Флотъ состоитъ изъ 23 кораблей, изъ которыхъ 2 броненосца; морской экипажъ—въ 1,600 человѣкъ. Всѣхъ епископовъ 34; въ этомъ числѣ два митрополита, одинъ въ Аѳинахъ, другой въ Корфу, 15 архіепископовъ и 17 епископовъ.

Православная греческая церковь въ Элладѣ не зависитъ отъ константинопольскаго патріарха и управляется святѣйшимъ синодомъ, засѣдающимъ въ столицѣ подъ предсѣдательствомъ епархіальнаго архіепископа. Королевскій комиссаръ присутствуетъ въ засѣданіяхъ синода безъ права голоса, и контрассигнируетъ акты собранія. Всякое рѣшеніе, не скрѣпленное оффиціальною подписью комиссара, не имѣетъ никакой силы. Съ другой стороны, король не можетъ ни отставить, ни смѣнить епископа иначе, какъ съ вѣдома синода и согласуясь съ каноническими правилами. Хотя, по силѣ конституціи, всѣ вѣроисповѣданія свободны, но оффиціальныя права православной церкви часто позволяютъ ей пользоваться инквизиціонною властію и опираться въ этомъ случаѣ на власть гражданскую; синодъ надзираетъ за точнымъ исполненіемъ догматовъ; отъ него зависитъ признаніе авторитетности проповѣдниковъ и иновѣрныхъ писателей, преслѣдованіе ересей и цензура религіозныхъ книгъ и картинъ, а также возбужденіе преслѣдованія противъ авторовъ въ гражданскихъ судахъ.

Единственное вѣроисповѣданіе, кромѣ оффиціальной церкви, имѣющее значительное число послѣдователей—римско-католическое, которое господствуетъ въ буржуазныхъ семействахъ Наксоса и другихъ Цикладъ. Духовное управленіе состоитъ изъ двухъ архіепископовъ и четырехъ епископовъ.

Грецію раздѣляется на восемнадцать номъ, или номархій, которыя въ свою очередь подраздѣляются на семьдесятъ епархій. Округа епархіи носятъ названіе димы, или димархіи, и различныя, составляющія ихъ, сельскія общины управляются паредрами или помощниками димарха. Всѣ они назначаются королемъ и получаютъ небольшое жалованье. Число чиновниковъ въ Греціи, около 19,000 въ 1875 г., сравнительно больше, чѣмъ во всякой другой странѣ Европы: они составляютъ шестидесятую, а со своими семьями двѣнадцатую часть всего населенія королевства, и хотя жалованье ихъ весьма скромно, но, по бюджету, они поглощаютъ болѣе половины всѣхъ доходовъ.

Полуостровъ.	**Аркадія**	Мантинея.
		Кинурія.
	Пов. 3,253 кв. кил.	Гортинія.
		Мегалеполисъ.
	Лаконія.	Лакедемонъ.
		Гитіонъ.
	Пов. 4,346 кв. кил.	Итилосъ.
		Эпидаурось Лимера.
	Мессенія.	Калашэ
		Мессини.
		Пиліа.
	Пов. 3,176 кв. кил.	Тридоллія.
		Олимпія.
	Арголида и Коринѳія.	Навплія.
		Аргосъ.
		Коринѳъ.
	Пов. 3,749 кв. кил.	Спеціа и Герміонисъ.
		Гидра и Трезена.
		Цитера.
Континентальная Греція.	**Аттика и Беотія.**	Аттика.
		Эгина.
		Мегара.
	Пов. 6,426 кв. кил.	Ѳивы.
		Ливади.
	Фтіотида и Фокида.	Фтіотисъ.
		Парназисъ.
	Пов. 5,316 кв. кил.	Локрисъ.
		Дорисъ.
	Акарнанія и Этолія	Мессалунги.
		Валтосъ.
		Трихонія.
	Пов. 7,833 кв. кил.	Эвританія.
		Навпаксія.
		Воница и Ксеромеросъ.
	Ахайя и Элида.	Патрасъ.
		Эгиліа.
	Пов. 4,942 кв. кил.	Калаврита.
		Иліа (Элисъ).

Острова.	**Эвбея и Спорадскіе.** Пов. 4,076 кв. кил.	Халцисъ.
		Ксерохоріонъ.
		Каристія.
		Скопелосъ.
	Циклады. Пов. 2,399 кв. кил.	Сиросъ.
		Цеа.
		Андросъ.
		Тиносъ.
		Наксосъ.
		Тира (Санторинъ).
		Милосъ.
	Корфу. Пов. 1,107 кв. кил.	Корфу.
		Мези.
		Оросъ.
		Паксосъ.
		Левкада (Санта-Мавра).
	Кефалонія. Пов. 781 кв. кил.	Кранея.
		Пали.
		Зами.
		Итака.
	Занте. Пов. 719 кв. кил.	Занте.

Новѣйшія присоединенія	**Арта.**
	Трикала.
	Кардица или Оессалія.
	Ларисса.
	Воло.

ГЛАВА V.

ЕВРОПЕЙСКАЯ ТУРЦІЯ.

I.

ОБЩІЙ ВИДЪ.

Изъ трехъ полуострововъ южной Европы, самое счастливое географическое положеніе имѣетъ Балканскій полуостровъ, который поэтому и пользуется наибольшими, предъ остальными полуостровами, естественными преимуществами. Контуръ его гораздо богаче контура Испаніи и даже Италіи; берега его, омываемые четырьмя морями, изрѣзаны заливами и бухтами, окаймлены какъ бахромою, вѣтвями полуострововъ и окружены многочисленными островами. Многія изъ его долинъ и равнинъ такъ плодородны, какъ берега Гвадалквивира и равнины Ломбардіи; на немъ встрѣчаются два растительные пояса и смѣшиваются въ красивыхъ пейзажахъ флоры двухъ разныхъ климатовъ. Горы въ Турціи, живописная красота которыхъ не прославляется только потому, что въ ней рѣдко бываютъ путешественники, тѣмъ не менѣе не уступаютъ, по своему величію, цѣпямъ другихъ полуостровъ, и большею частью отличаются еще тою прелестью, которую придаютъ имъ лѣса. Правда, почти совершенное отсутствіе дорогъ дѣлаетъ ихъ въ настоящее время не столь доступными, какъ Апеннины въ Италіи или Сіерра въ Испаніи, но во всякомъ случаѣ средняя высота ихъ меньше и хребты ихъ пересѣчены многочисленными проходами, а составляющія ихъ подножіе плоскія возвышенности уже и болѣе изрѣзаны долинами, чѣмъ высокія равнины Кастиліи. Наконецъ, Испанія и Италія совершенно замкнуты съ сѣвера трудными для перехода горными стѣнами, турецкій же полуостровъ соединяется съ тѣломъ материка незамѣтными переходами, не имѣя никакихъ естественныхъ границъ. Цѣпи австрійскихъ Альпъ продолжаются непрерывно

въ Босніи; Карпаты переходятъ черезъ Дунай и связываются съ системою Балкановъ, прорѣзанныхъ многочисленными проходами.

Турція пользуется почти единственнымъ на землѣ преимуществомъ, доставляемымъ ея полуострову Ѳракіи близостью и параллельностью береговъ двухъ материковъ. Европа и Азія сходятся другъ съ другомъ и раздѣляются только морскою рѣкою, соединяющею Черное море съ Эгейскимъ, у турокъ „Бѣлымъ". Такимъ образомъ въ этой части древняго міра пересѣкаются двѣ оси,—ось материковъ и внутреннихъ морей. Представляя разомъ и перешеекъ, и проливъ, Босфоръ и Дарданеллы, въ одно и то же время, служатъ путемъ для коммерческихъ флотовъ и мѣстомъ перехода при движеніяхъ народовъ съ одного материка на другой. Если бы Черное море вдавалось дальше во внутрь земель и представляло бы, какъ было нѣкогда въ древніе геологическіе періоды, бассейнъ, соединенный съ Каспійскимъ и другими азіатскими морями. Константинополь былъ бы несомнѣнно „Средиземнымъ городомъ" всего древняго міра. И онъ былъ имъ въ теченіе тысячи лѣтъ, и если даже никогда не заслужитъ вновь этого названія, то во всякомъ случаѣ всегда останется центромъ тяготѣнія, вокругъ котораго будутъ вращаться судьбы народовъ. Самый городъ можетъ быть уничтоженъ, но онъ скоро возродится въ томъ или другомъ мѣстѣ, на берегу того или другаго пролива, въ этой области обмѣна между Европою и Азіею. Въ началѣ нашей исторіи Иліонъ господствовалъ надъ входомъ въ Дарданеллы. Теперь онъ перемѣстился на Босфоръ, но мѣсто его могутъ занять, въ ущербъ Византіи, многіе другіе города, хотя и не столь облагодѣтельствованные природою, каковы—Александрія, Халкедонъ, Никея, Никомидія.

Эта посредническая роль области проливовъ естественнымъ образомъ должна принадлежать, хотя и въ меньшей мѣрѣ, всему побережью Эгейскаго моря. Извѣстно, чѣмъ была Греція въ исторіи человѣчества; но, оставляя въ сторонѣ эту, политически-отдѣльную отъ Турціи, страну, нельзя не признать того первостепеннаго значенія, которое имѣли въ лѣтописяхъ міра Ѳракія и Македонія. Отсюда именно, послѣ нашествія персовъ на Грецію, направилось обратное движеніе народовъ въ страны Эвфрата и Инда. Здѣсь держалось римское могущество еще тысячу лѣтъ послѣ того, какъ оно пало въ самомъ Римѣ, и здѣсь же сохранилось то драгоцѣнное сокровище греческой цивилизаціи, которое должно было „возродить" западную Европу. Правда, что пришествіе турокъ вдругъ прервало въ странѣ всякую исторію и всякое цивилизаторское вліяніе. Эти завоеватели туранскаго племени успѣли утвердиться на полуостровѣ Ѳракіи, благодаря общему волненію, которое три тысячи лѣтъ не пере-

ставало увлекать народъ съ востока на западъ. Прошло уже болѣе пяти вѣковъ, какъ они поселились здѣсь, и болѣе четырехъ вѣковъ, какъ сдѣлались хозяевами всего полуострова,—и во все это время восточный Римъ былъ какъ бы отрѣзанъ отъ остальной Европы. Непрестанныя войны между христіанскимъ міромъ и магометанами, необходимо вызываемыя присутствіемъ послѣднихъ, роковое униженіе побѣжденныхъ и даже обращенныхъ въ рабство народовъ, наконецъ беззаботный фатализмъ самихъ хозяевъ страны— совершенно остановили нормальный прогрессъ въ этихъ странахъ, которымъ такъ покровительствуетъ сама природа. Но уже пришло время для столь важной части Европы возстановить свое значеніе въ общей экономіи Земли. „Міръ клонится къ Востоку“,—сказалъ Викторъ Гюго, величайшій поэтъ нашего вѣка.

Обширный ѳрако-эллинскій полуостровъ такъ же мало извѣстенъ, какъ центральная Африка. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, путешественникъ Каницъ удостовѣрилъ, что обозначенныя на картахъ наобумъ рѣки, холмы и фантастическія горы около Виддина, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Дунаемъ—вовсе не существуютъ, и, напротивъ, указалъ въ различныхъ частяхъ центральной Болгаріи втрое или вчетверо больше деревень, чѣмъ обозначалось до сихъ поръ на самыхъ подробныхъ картахъ. Другой ученый, французъ Лежанъ, убѣдился, что мнимое ущелье, перерѣзывающее поперекъ Балканскую горную систему,—совершенный миѳъ. Затѣмъ, русскіе геодезисты, на которыхъ было возложено измѣреніе продолженія дуги меридіана на пространствѣ всего полуострова, нашли, что извѣстный городъ Софія находится почти въ суткахъ пути отъ того мѣста, на которомъ онъ значился по лучшимъ картамъ, и, сверхъ того, по ихъ же измѣреніямъ, оказалось, что положеніе всей цѣпи Балканскихъ горъ сѣвернѣе, чѣмъ принимали до сихъ поръ. Сколько же подобныхъ важныхъ ошибокъ придется исправить относительно горъ Пинда и плоскогорій Албаніи, куда до сихъ поръ заглядывало такое ничтожное число ученыхъ? А если не кончена еще предварительная работа простыхъ открытій, то тѣмъ болѣе должно быть не полно ближайшее изслѣдованіе страны во всѣхъ ея топографическихъ подробностяхъ и скрытыхъ богатствахъ.

Во всякомъ случаѣ, благодаря путешествіямъ и трудамъ многихъ ученыхъ, между которыми слѣдуетъ упомянуть главнымъ образомъ: Пальму, Водонкура, Ляпи, Буэ, Викнеля, Лежана, Каница, Барта, Гохштеттера и Абдулъ-Бея, почва Турціи уже извѣстна во всѣхъ наиболѣе крупныхъ чертахъ ея рельефа и геологическаго строенія. Это было дѣломъ не легкимъ, ибо горныя группы и цѣпи полуострова не представля-

ютъ никакой правильной системы; въ нихъ нѣтъ какой либо центральной гряды, отъ которой бы вѣтви расходились направо и налѣво и опускались постепенно въ равнины. Напротивъ, центръ Турціи далеко не представляетъ самой ея возвышенной мѣстности, и самыя высокія вершины группируются весьма не одинаково въ разныхъ частяхъ страны. Расположеніе горныхъ хребтовъ не менѣе разнообразно: они направляются во всѣ стороны горизонта. Можно только сказать вообще, что цѣпи западной Турціи развиваются параллельно берегамъ морей Адріатическаго и Іоническаго, а гряды горъ восточной Турціи идутъ перпендикулярно Черному морю и Архипелагу. По своему рельефу горъ и общему склону Турція, такъ сказать, оборачивается къ европейскому материку спиною: ея высочайшія вершины, самыя обширныя плоскогорія и непроходимые лѣса находятся на западѣ и сѣверо-западѣ и какъ бы удаляютъ ее отъ Адріатическихъ береговъ и равнинъ Венгріи; точно также и всѣ ея рѣки, направляющіяся къ сѣверу, къ востоку, къ югу,—въ концѣ концовъ изливаются въ Черное и Эгейское море, орошая своими водами прибрежныя области, обращенныя къ Азіи.

Крайній безпорядокъ горныхъ цѣпей и группъ влечетъ за собою подобный же безпорядокъ и въ распредѣленіи народовъ полуострова. Различныя группы переселенцевъ, были-ли то дикія орды или мирные колонисты, шли ли чрезъ проливы изъ Малой Азіи, или чрезъ равнины Скиѳіи по долинѣ Дуная, они вскорѣ оказывались разсѣянными по замкнутымъ долинамъ и безвыходнымъ котловинамъ. Самыя различныя племена, запутавшись въ этомъ лабиринтѣ горъ, сходились другъ съ другомъ какъ бы случайно, и почти всегда вступали въ столкновеніе. Одни изъ нихъ, болѣе многочисленные, болѣе храбрые въ войнѣ или болѣе искусные въ мирныхъ промыслахъ, мало-по-малу увеличивали свои владѣнія на счетъ сосѣдей; другіе же, напротивъ, побѣжденные въ борьбѣ за существованіе, теряли всякую связь и раздѣлялись на безчисленныя партіи, переставшія даже знать другъ друга. Населеніе Австро-Венгріи, не смотря на смѣшеніе племенъ и языковъ, можетъ быть названо однороднымъ, въ сравненіи съ населеніемъ Турціи, въ нѣкоторыхъ округахъ которой есть общины, состоящія изъ представителей восьми или десяти различныхъ расъ, которыя живутъ рядомъ другъ съ другомъ на пространствѣ нѣсколькихъ миль.

Тѣмъ не менѣе, однако-же, не могло не произойти, наконецъ, въ этомъ хаосѣ какого нибудь общаго уклада, а мирныя торговыя сношенія завершаютъ мало-по-малу дѣло сліянія расъ. Въ настоящее время, если не принимать въ соображеніе безконечной чрезполосности всякаго рода

и величины, территорія Европейской Турціи можетъ быть раздѣлена на четыре большіе этнологическіе пояса. Критъ и острова Архипелага, прибрежье Эгейскаго моря и восточный склонъ Пинда и Олимпа – населены греками; пространство между Адріатическимъ моремъ и Пиндомъ—албанцами; область Иллирійскихъ Альпъ, на сѣверо-западѣ, занята славянами, извѣстными подъ разными именами:—сербовъ, кроатовъ, босняковъ, герцеговинцевъ, черногорцевъ; наконецъ, оба склона Балканъ, Деспото-Дагъ и равнины восточной Турціи принадлежатъ болгарамъ, которые, и по крови, и по языку, почти совсѣмъ ославянились Что же касается самихъ завоевателей и хозяевъ, страны—турокъ, то они разсѣяны по разнымъ мѣстамъ болѣе или менѣе значительными группами, въ особенности около столицы и укрѣпленныхъ мѣстъ. Но единственное пространство, въ которомъ они являются обладателями въ этнологическомъ смыслѣ,—это сѣверо-восточный уголъ полуострова, между Балканами, Дунаемъ и Чернымъ моремъ.

Иллирійскій полуостровъ и турецкіе острова въ 1881 г.:

	Поверх. въ кв. кил.	Населеніе
Собственно Турція.	165,438	4.490,000
Сербія, Болгарія, Восточная Румелія, Черногорія.	160,938	4.765,000
Всего:	326,376	9.255,000

Предсказанія на счетъ Турціи, которыми Европа услаждаетъ себя уже полвѣка, все еще не исполнились. Давно уже минуло четыре вѣка со времени „нечестиваго“ взятія Константинополя, а Турція все еще „не переброшена черезъ перешеекъ“. „Больной человѣкъ“—какъ называютъ дипломаты имперію Османовъ, борется съ смертью гораздо успѣшнѣе, чѣмъ это предполагалось и сосѣднія державы никакъ не могутъ подѣлить его ризъ. Положимъ, что это вина не „больнаго человѣка“ – безъ могучей поддержки Англіи и безъ вѣчнаго соперничества Австріи съ Россіей относительно „сферъ восточнаго вліянія“, Турція давнымъ-давно обратилась-бы уже въ прахъ. Вопреки трактатамъ „вѣчнаго мира“ ей грозитъ вѣчная опасность отъ враговъ,—а враги Турціи—это всѣ пограничныя съ ней государства,—опасность тѣмъ бо́льшая, что въ сербскомъ, болгарскомъ и греческомъ элементахъ своего народонаселенія Турція имѣетъ крайне горючій матеріалъ, готовый ежеминутно вспыхнуть въ грозное возстаніе. Лучшая защита Турціи—это интересы европейскаго „равновѣсія“, другими словами—вѣчная сумятица и завистливый раздоръ европейскихъ державъ. Но, тѣмъ не менѣе, очевидно каждому, что громадная

имперія, простирающаяся до самой Аравіи и благодаря вассальному хедифу Египта, владѣющая яко-бы Нубіей, Дарфуромъ, и частью Абиссиніи,—треснула по всѣмъ швамъ и заживо разлагается. Весь сѣверный склонъ Балканъ развѣ только номинально подчиняется владычеству Турціи; ни единая капля дунайскихъ водъ не течетъ по турецкой территоріи, и даже истоки многихъ рѣкъ, впадающихъ въ Эгейское море, перестали орошать землю Османовъ. Батумъ отошелъ къ Россіи и причисленъ къ Закавказью, Кипръ сталъ англійскимъ островомъ, Тунисъ принадлежитъ французамъ. Центръ тяжести Оттоманской имперіи перемѣстился, онъ болѣе уже не въ Европѣ и Малая Азія, въ серединѣ которой онъ нынѣ находится, истощена, въ конецъ разорена голодомъ и совершенно беззащитна относительно Россіи.

Оттоманская Имперія занимаетъ громадное пространство, отъ пяти до шести милліоновъ квадр. километровъ,—пространство, точныя границы котораго указать невозможно, ибо къ югу и юго-западу владѣнія султана теряютъ въ неизслѣдованныхъ пустыняхъ Судана. Пространства Нильскаго бассейна къ турецкимъ областямъ причислять врядъ-ли слѣдуетъ: внутренняя Аравія принадлежитъ веггабитамъ; южные берега Гадрамаута населены или свободными, или подчиненными Англіи народцами. Наконецъ, большинство областей между Сиріей и Евфратомъ, хотя и управляются номинально турецкими пашами, но, въ сущности, совершенно открыты набѣгамъ и грабежамъ бедуиновъ.

Собственно Оттоманская имперія заключаетъ въ себѣ, кромѣ европейскихъ провинцій, Малую Азію, Сирію, Палестину, двойной бассейнъ Тигра и Евфрата, Геджасъ и Іеменъ въ Аравіи и Триполи въ Африкѣ. Эта территорія занимаетъ пространство въ 400 милліоновъ гектаровъ, т. е. приблизительно въ восемь разъ больше Франціи, но населеніе ея далеко не такъ густо, какъ населеніе западной Европы и едва доходитъ до 28 милліоновъ человѣкъ, при чемъ нѣкоторые статистики полагаютъ что число это милліона на два или на три превышаетъ истинную цифру населенія.

Европейская Турція, отъ которой Боснію, Герцеговину, Болгарію и восточную Румынію слѣдуетъ считать изъятыми, представляетъ собою государство средней величины, поверхность котораго не болѣе двухъ пятыхъ территоріи Франціи.

Со временъ Шатобріана вошло въ поговорку выраженіе, что турки остановились въ Европѣ лишь временнымъ лагеремъ и что они сами ждутъ не дождутся, какъ бы имъ поскорѣе вернуться въ степи, изъ которыхъ они нѣкогда явились. И словно изъ предчувствія этого, многіе стамбуль-

скіе турки завѣщаютъ погребать себя на Скутарійскомъ кладбищѣ, какъ будто желая спасти прахъ свой отъ грязнаго, нечестиваго поруганія *гяурами*, когда таковые явятся въ Константинополь въ качествѣ хозяевъ. Во многихъ мѣстахъ и живые подражаютъ въ этомъ отношеніи мертвымъ: незначительное, но постоянное переселеніе съ острововъ Архипелага и побережья Ѳракіи ежегодно уноситъ въ Азію извѣстное количество старотурецкихъ семействъ, недовольныхъ вліяніемъ европейской цивилизаціи, все глубже и глубже вторгающейся въ ихъ неподвижную, восточно-лѣнивую атмосферу. Но переселенія эти слишкомъ единичны и не могутъ идти въ сравненіе съ тѣмъ огульнымъ „исходомъ", который произошолъ въ Балканахъ, благодаря послѣдней русско-турецкой компаніи. Число выселившихся со времени русской оккупаціи мусульманъ простирается до милліона. Нѣкоторые округа совершенно измѣнили свое населеніе; турки ушли, взамѣнъ ихъ явились славяне и все стало другое — языкъ, религія, нравы. Интересно знать, повторится-ли и въ какихъ именно размѣрахъ это явленіе, въ случаѣ полнаго изгнанія турокъ изъ Европы? Быть можетъ—да, быть можетъ — нѣтъ, но крайней мѣрѣ „юруки" въ Македоніи и тѣ Коньяриды, которые живутъ въ горахъ Румеліи съ одиннадцатаго вѣка, вовсе не думаютъ покидать землю, издавна ставшую ихъ родиной. Что-бы подавить турецкій элементъ на ѳрако-эллинскомъ полуостровѣ, пришлось-бы приступить къ ихъ полному искорененію, т. е. поступить съ магометанами свирѣпѣе, чѣмъ поступали они нѣкогда, въ эпоху завоеванія, въ ту эпоху, когда они говорили, что тамъ, гдѣ прошелъ ихъ конь, не выростетъ и трава. Надо принять къ соображенію и то обстоятельство, что какъ-бы ни были турки Балканскаго полуострова малочисленны, по сравненію съ другими племенами, они, во всякомъ случаѣ, опираются на милліоны магометанъ албанскихъ, боснійскихъ, болгарскихъ, черкесскихъ и ногайскихъ. Мусульманъ въ Европейской Турціи около трети всего населенія и, не смотря на различіе племенъ, ихъ скрѣпляетъ другъ съ другомъ общая религіозная ненависть къ остальнымъ народностямъ. Не надо забывать также и того, что турецкіе мусульмане являются представителями ста пятидесяти милліоновъ своихъ единовѣрцевъ остальнаго міра и что эти народы принимаютъ все большее и большее участіе въ общемъ движеніи человѣчества въ Азіи и Африкѣ.

Приблизительная статистика племенъ и религій Европейской Турціи до войны 1878 г.:

ПЛЕМЕНА.		Приблизительное населеніе.	Мусульмане.	Православные.	Католики.	Армяне	Другіе христіане.	Еврейскаго вѣроисповѣданія.
Славяне	Сербы	1.775,000	650,000	945,000	180,000	—	—	—
	Болгары	4.500,000	60,000	4.400,000	40,000	—	—	—
	Рус. казаки	10,000	—	—	—	—	10,000	—
	Поляки	5,000	—	—	5,000	—	—	—
Латины	Румыны	75,000	—	75,000	—	—	—	—
	Зинзары	200,000	—	200,000	—	—	—	—
Греки		1.200,000	—	1.200,000	—	—	—	—
Албанцы	Геги	600,000	400,000	50,000	150,000	—	—	—
	Тоски	800,000	600,000	200,000	—	—	—	—
Турки	Османлисы	1.500,000	1 500,000	—	—	—	—	—
	Татары	35,000	35,000	—	—	—	—	—
Семиты	Арабы	5,000	5,000	—	—	—	—	—
	Израильтяне	95,000	—	—	—	—	—	95,000
Армяне		400,000	—	—	20,000	380,000	—	—
Черкесы		90,000	90,000	—	—	—	—	—
Цыгане		140,000	140,000	—	—	—	—	—
Зап.-европ.		50,000	—	—	45,000	—	5,000	—
Все населеніе		11.480,000	3.480,000	7.070,00	440,000	380,000	15,000	95,000

Не подлежитъ сомнѣнію, что не въ далекомъ будущемъ не магометанское населеніе Турціи, стоящее далеко выше турокъ какъ по численности, такъ и по промышленной дѣятельности, по уму и развитію, достигнетъ превосходства надъ своими теперешними властителями и по политическому значенію: это неизбѣжный результатъ исторіи. Приверженцы добраго стараго времени, турки, сохранившіе еще зеленую чалму своихъ предковъ, съ отчаяніемъ ждутъ наступленія этой, и на ихъ взглядъ, неминуемой раздѣлки. Поэтому они противятся всѣми силами всякимъ административнымъ или матеріальнымъ передѣлкамъ, могущимъ, по ихъ мнѣнію, ускорить полную эмансипацію презрѣнныхъ „райевъ“, и прибѣгаютъ съ этой цѣлью или къ открытому противодѣйствію, или къ намѣренной медленности. Всѣ европейскія новшества представляются имъ, какъ это есть и на самомъ дѣлѣ, прелюдіею большаго соціальнаго пре-

ВХОДЪ ВЪ УЩЕЛЬЕ ХАГІО-РУМЕЛИ.

образованія, которое совершается противъ нихъ. И дѣйствительно, не райямъ-ли въ особенности приносятъ пользу книги и школы; не райи-ли пользуются путями и желѣзными дорогами, торговыми портами и всѣми новыми фабричными и земледѣльческими машинами? Благодаря европейскимъ искусствамъ и наукѣ, босняки, болгары и сербы начали уже сознавать свое родство; албанцы и валахи стали сближаться съ греками, всѣ давніе подданные султана — сознавать себя европейцами, готовя такимъ образомъ, въ будущемъ Дунайскую конѳедерацію.

Между матеріальными переворотами, совершающимися въ Турціи, наибольше значеніе для общихъ интересовъ Европы и всего міра представляетъ открытіе желѣзной дороги изъ Вѣны въ Константинополь, въ концѣ 1886 года. Эта давно предположенная желѣзная дорога, устройство которой замедлялось изъ году въ годъ финансовыми стѣсненіями, дополняетъ собою большую діагональ материка на пути изъ Англіи въ Индію. Полуостровъ разомъ, такъ сказать, повернется лицомъ къ непріятелю. Онъ смотрѣлъ до сихъ поръ къ Архипелагу и Малой Азіи, а теперь начинаетъ обращаться и къ Европѣ, отъ которой онъ отдѣленъ Скаромъ и Балканами, — а это влечетъ за собою весьма важную экономическую перемѣну. Путешественники и товары, вмѣсто того чтобы дѣлать большой крюкъ по Дунаю или Средиземному морю, будутъ слѣдовать прямымъ путемъ изъ Босфора въ Центральную Европу и Константинополь утилизируетъ всѣ сходящіеся въ немъ торговые пути, а слѣдовательно и измѣненіе торговаго равновѣсія отзовется постепенно во всѣхъ концахъ міра. Но совершенно другаго рода значеніе будутъ имѣть тѣ измѣненія, которыя имѣютъ совершиться въ средѣ самаго населенія. Для связанныхъ другъ съ другомъ различныхъ народностей Балканскаго полуострова и Австро-Венгріи откроется тогда болѣе обширное поле столкновеній. Всѣ эти народы, или вѣрные — обрывки народовъ, занимающіе болѣе четверти Европы, отъ береговъ Балтійскаго до береговъ Эгейскаго морей, заявляющіе о равенствѣ правъ и политической автономіи, будутъ сгруппировываться соотвѣтственно своему естественному родству и подготовятъ себя нравственною солидарностью къ учрежденію свободныхъ федерацій. Каковъ-бы ни былъ исходъ готовящихся въ Турціи событій, можно сказать съ увѣренностью, что страна эта вообще по своему политическому движенію, по соціальнымъ условіямъ, нравамъ и идеямъ, становится все болѣе и болѣе страною европейскою. Теперь уже не то время, когда стамбульскіе дипломаты, вовсе не понимавшіе слова „республика“, рѣшились признать французскую *республику* только потому, что она, какъ особа женскаго рода, не могла жениться на австрійской принцессѣ.

II.

КРИТЪ И ОСТРОВА АРХИПЕЛАГА.

Критъ, при поверхности въ 7,800 кв. кил., самый обширный послѣ Кипра изъ острововъ съ греческимъ населеніемъ, представляетъ естественное продолженіе Эллинскаго полуострова, хотя трактаты, тасующіе народы, не совѣтуясь съ ними, сдѣлали его островомъ турецкимъ. Критъ—греческій островъ, не только по стремленіямъ большинства его народонаселенія, но и по своей почвѣ, климату и географическому положенію, ибо, будучи окруженъ со всѣхъ сторонъ глубокими морями, на сѣверо-западѣ онъ соединяется съ Цитерою (Чериго) и Пелопонезомъ посредствомъ подводныхъ рифовъ.

Не много странъ въ мірѣ, которыя были бы такъ облагодѣтельствованы природою, какъ островъ Критъ. Климатъ его пріятенъ, хотя лѣтомъ часто бываетъ слишкомъ сухъ; земля плодородна, не смотря на недостатокъ рѣкъ на его известковыхъ плоскогорьяхъ; порты просторны и хорошо защищены; виды мѣстностей очаровательны и грандіозны. По своему поперечному положенію въ устьѣ Архипелага, между Европою, Азіею и Африкою, онъ видимо долженъ быть главнымъ торговымъ складочнымъ мѣстомъ этой части моря, и уже самою природою предназначенъ, какъ замѣтилъ еще двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ Аристотель, служить главнымъ посредникомъ торговаго обмѣна для востока Средиземнаго моря. Такова, дѣйствительно, и была роль этого острова, по всѣмъ греческимъ преданіямъ, уже болѣе трехъ тысячъ лѣтъ тому назадъ. Ему принадлежала въ то время „θαλассократія“, т. е. господство надъ морями: Циклады были „островами Миноса“, критскія колоніи были распространены въ Сициліи, критскіе корабли ходили ко всѣмъ берегамъ Средиземнаго моря. Но, къ сожалѣнію, Критъ не въ состояніи былъ долго сохранять свое торговое преобладаніе, ибо раздѣлялся на множество соперничавшихъ другъ съ другомъ маленькихъ республикъ, почему имъ и завладѣли другіе греческіе народы дорійскаго племени, а коренные жители его сдѣлались ихъ „кліентами“ и наемниками. Впослѣдствіи островъ былъ порабощенъ римлянами, и съ того времени не могъ уже возстановить своей самостоятельности,—византійцы, арабы, венеціанцы и турки владѣли поочередно опустошеннымъ и разореннымъ Критомъ.

Продолговатая форма острова и проходящій по немъ отъ одного конца до другаго горный хребетъ достаточно объясняютъ, почему Критъ,

въ тѣ древнія времена, когда родина большей части грековъ ограничивалась стѣнами его города, долженъ былъ раздѣлиться на множество отдѣльныхъ республикъ, и какъ всѣ попытки конфедераціи и „синкретизма“ разныхъ маленькихъ государствъ должны были оканчиваться неудачами. Въ дѣйствительности, жители острова были болѣе раздѣлены другъ отъ друга, чѣмъ жители различныхъ островныхъ группъ Архипелага, такъ какъ прибрежныя долины острова почти всѣ заперты между высокими выступами и имѣютъ только одинъ легкій выходъ — къ морю. Великъ или малъ былъ городъ, занимавшій средину каждой долины, онъ не могъ сообщаться съ сосѣдними иначе, какъ посредствомъ узкихъ тропинокъ, которыя одно какое-нибудь простое укрѣпленіе дѣлало недоступными. Поэтому, если бы какому-нибудь городу и удалось овладѣть силою или хитростью одною или нѣсколькими прибрежными долинами, то препятствія почвы мѣшали бы ему расширить дальше свои завоеванія, такъ какъ вокругъ всего острова, между небольшими равнинами и долинами, возвышаются крутые горные отроги. На всемъ Критѣ есть только одна плоскость, которая заслуживаетъ названіе настоящей равнины — это житница острова — Мессара, къ югу отъ центральной горной группы, по которой протекаетъ не совсѣмъ высыхающая лѣтомъ рѣка Іеропотамо, т. е. „Святая“.

Внѣшняя форма Крита удивительно соотвѣтствуетъ рельефу его горъ. Длинный прямоугольникъ острова, почти геометрически правильный по своимъ основнымъ очертаніямъ, то расширяется, то съуживается, смотря по высотѣ горныхъ вершинъ цѣпи. Въ центрѣ Крита, именно въ томъ мѣстѣ, которое представляетъ наибольшую ширину, возвышается главная группа вершинъ, надъ которыми господствуетъ Ида (Псилорити), гдѣ, по эллинской миѳологіи, родился нѣкогда Юпитеръ. Ея отдѣльная высокая и почти всегда покрытая снѣгомъ вершина, напоминающая величественную фигуру Этны, ея могучіе отроги и зеленѣющія долины у подошвы придаютъ ей грандіозный видъ; но она была еще прекраснѣе въ древности, когда лѣса оправдывали ея названіе Иды, „Лѣсистой“. Съ вершины ея весь островъ, какъ на ладони: къ сѣверу видны раскиданные по безконечному горизонту острова и полуострова, отъ высотъ Тайгета до горъ Малой Азіи, а къ югу — за голымъ и лишеннымъ заливовъ островомъ Гаудо, или Гоццо, — нельзя разглядѣть береговъ Киренаики только вслѣдствіе относительно слабаго ихъ возвышенія.

Въ западной части острова возвышается другая, еще болѣе неприступная, по своимъ крутизнамъ, главная группа горъ, которая среднею высотою превосходитъ группу Иды, но, вѣроятно, уступаетъ послѣдней

въ величіи остроконечныхъ вершинъ: это и есть Бѣлыя горы, или Леука-Ори, названныя такъ или вслѣдствіе ихъ снѣжныхъ вершинъ, или вслѣдствіе бѣловатыхъ известковыхъ стѣнъ. Горы эти совсѣмъ безлѣсны, и развѣ только нѣкоторая зелень замѣтна внизу спускающихся съ нихъ долинъ. Бѣлыя горы называются еще также Сфакіотскими горами, по имени древняго дорійскаго населенія, сохранившагося въ горахъ чистымъ отъ всякой примѣси и живущаго тамъ какъ въ крѣпости. Въ самомъ дѣлѣ, немного найдется горныхъ группъ, которыя были бы такъ круты и такъ хорошо защищены природою отъ всякаго внѣшняго нападенія: въ нѣкоторыя деревни можно пробраться по каменистымъ русламъ ручьевъ, спускающихся съ горъ каскадами, такъ что во время дождей, когда овраги наполняются шумящею водою, прекращается всякое сообщеніе, и тогда говорятъ „ворота заперты“. Таково ущелье или „фаринксъ“ (*pharynghi*) Гагіо-Румели, на южномъ склонѣ Бѣлыхъ горъ: когда тучи угрожаютъ разразиться ливнемъ, то никто не смѣетъ пуститься въ узкое ущелье, изъ опасенія быть подхваченнымъ и унесеннымъ теченіемъ ручья. Во время войны за независимость турки напрасно пытались взять эту дверь горной цитадели. Но на высотахъ тянутся довольно ровныя мѣстности, которыя въ состояніи были бы прокормить большое населеніе, если бы тамъ не было такъ холодно. Такъ, необитаемыя зимою, вслѣдствіе весьма высокаго ихъ положенія, деревни Аскифо занимаютъ равнину окруженную со всѣхъ сторонъ горнымъ валомъ и представлявшую нѣкогда озеро, какъ показываютъ древніе откосы мѣстами замѣтныхъ еще и теперь береговъ и скалы, возвышающіяся островами по срединѣ бассейна. Вода, падающая въ эту огромную воронку, находитъ себѣ катавотры (khonos), чрезъ которыя и изливается теперь прямо въ море; одинъ изъ значительныхъ ключей бьетъ въ самомъ ущельѣ Гагіо-Румели.

Другія горныя цѣпи и группы острова уже не такъ высоки и суровы, какъ Бѣлыя горы.

Ида (Псилорити) . . .	2,498 метр.
Бѣлыя горы	2,462 „
Лассити	2,155 „

Самыя замѣчательныя изъ нихъ—горы Лассити и еще далѣе къ востоку—горы Диктэ, или Ситія, которыя возвышаются на восточной оконечности острова, составляя пару съ группою Сфакіотскихъ вершинъ; но онѣ не защитили, какъ послѣднія, отъ рабства населяющихъ ихъ жителей. На сѣверномъ склонѣ этихъ горъ замѣтенъ древній морской берегъ, раковины котораго, совершенно сходныя съ раковинами нынѣш-

нихъ песчаниковъ, доказываютъ, что островъ обсохъ по крайней мѣрѣ на 20 метровъ уже во время позднѣйшаго геологическаго періода.

Сѣверный берегъ острова, отъ Бѣлыхъ горъ до горъ Диктэ, извилистѣе южнаго: его мысы или „конечности“, выступая далеко въ море, образуютъ больше заливовъ, бухтъ и безопасныхъ гаваней. Поэтому на этомъ же берегу построены и всѣ торговые города, такъ что берегъ, обращенный къ Эгейскому морю, наполненному кораблями, можно назвать живымъ берегомъ, по сравненію съ относительнымъ пустыннымъ южнымъ, который обращенъ къ еще болѣе пустыннымъ берегамъ Африки. Всѣ города сѣвернаго берега стоятъ на тѣхъ же мѣстахъ, которыя занимали древніе города-республики. Мегало Кастронъ, извѣстный болѣе подъ именемъ Кандіи, которымъ обозначаютъ также и весь островъ, есть Гераклейонъ грековъ, знаменитый портъ Киоссъ Ретимо, при подошвѣ горы Иды, съ западной стороны, почти не измѣнилъ даже древняго имени „Ритимносъ“; наконецъ Канея, бѣлые дома которой почти сливаются съ безплодными склонами Бѣлыхъ горъ—древняя Кидонія грековъ, знаменитая своими лѣсами. Теперь это главный, хотя и не самый многолюдный городъ на островѣ, и важенъ какъ главное торговое складочное мѣсто Крита. Онъ старается пополнить свои коммерческія средства посредствомъ другаго порта, Ацицирге, основаннаго къ востоку отъ Канеи, на берегу Суда, естественной и совершенно защищенной гавани, которая обѣщаетъ сдѣлаться одною изъ главныхъ морскихъ станцій Средиземнаго моря. Лакусъ, окруженный померанцевыми рощами, излюбленное дачное мѣсто Канейцевъ. Одно изъ предмѣстій Канеи исключительно занято прокаженными. Больныхъ этого рода здѣсь масса и Зиберъ полагаетъ, что собственно островъ Критъ и есть первоначальный разсадникъ проказы (лепры).

По населенію и богатству, Критъ конечно теперь стоитъ ниже, чѣмъ былъ нѣкогда; онъ уже далеко не заслуживаетъ своего названія „Стограднаго Крита“, даннаго ему древними греками. Жалкія деревни, построенныя изъ однихъ остатковъ стѣнъ, стоятъ теперь на мѣстѣ древнихъ городовъ, для которыхъ когда-то высѣчены были такія же огромныя каменоломни, какъ тѣ, которыя выдаютъ за „лабиринтъ“ съ южной стороны горы Иды. Не смотря на свое плодородіе, Критъ производитъ ничтожное количество земледѣльческихъ продуктовъ, такъ что въ немъ теперь нельзя узнать уже плодороднаго острова, на которомъ Церера родила Плутуса на ложѣ изъ сноповъ. Земледѣльцы считаются собственниками своихъ полей, но они не свободны и лѣниво обработываютъ землю, такъ что ихъ оливки даютъ горькое масло, а виноградники, хотя и про-

изводятъ, впрочемъ помимо воли воздѣлывателей, хорошее вино, но не даютъ уже превосходной „мальвазіи“; хлопокъ, табакъ, плоды всякаго рода воздѣлываются съ полнымъ пренебреженіемъ, и единственный успѣхъ, достигнутый ими въ настоящемъ вѣкѣ, представляетъ разведеніе апельсинныхъ деревъ, превосходные плоды которыхъ высоко цѣнятся на всемъ востокѣ. Путешественникъ Перро сообщаетъ одинъ любопытный фактъ, а именно, что за исключеніемъ винограда и оливокъ, всѣ породы разводимыхъ деревъ произрастаютъ въ различныхъ частяхъ острова: каштаны растутъ только на западномъ концѣ острова, дубъ и кипарисъ—единственныя деревья высокихъ Сфакіотскихъ долинъ; въ провинціи Ретимо растутъ дубы уже другой породы, ливанской; въ горахъ Диктэ пирамидальная сосна и рожковое дерево; наконецъ, на одномъ изъ мысовъ юго-восточной оконечности Крита, со стороны Африки, существуетъ лучшій во всемъ греческомъ архипелагѣ финиковый лѣсъ.

Населеніе Крита и сосѣднихъ острововъ въ большинствѣ не перестало быть эллинскимъ, не смотря на послѣдовательныя нашествія народовъ различныхъ племенъ, и говоритъ языкомъ, въ которомъ узнаютъ испорченное дорійское нарѣчіе. Слѣды славянъ, овладѣвшихъ островомъ въ началѣ среднихъ вѣковъ, остались только въ названіяхъ нѣсколькихъ деревень. Арабы и венеціанцы точно также слились съ коренными критянами, но осталось еще значительное число албанцевъ, потомковъ арнаутскихъ солдатъ, которые сохранили свои языкъ и нравы. Что касается мусульманъ, мѣстныхъ турокъ, составляющихъ почти пятую часть всего населенія, то въ большинствѣ—это потомки критянъ, обратившихся нѣкогда въ магометанство, во избѣжаніе преслѣдованій, и изъ всѣхъ восточныхъ эллиновъ только одни они приняли въ столь значительномъ числѣ вѣроисповѣданіе завоевателей. Но когда миновалъ страхъ религіознаго преслѣдованія, многія магометанскія семейства греческаго происхожденія возвратились къ религіи своихъ предковъ. Превосходя численностью, эллины превосходятъ остальное населеніе и по промышленности, торговлѣ и богатству; они скупаютъ земли, и мусульманинъ отступаетъ предъ ними шагъ за шагомъ. Всѣ критяне, за исключеніемъ албанцевъ, говорятъ на греческомъ языкѣ, и только въ столицѣ и въ нѣкоторыхъ частяхъ Мессары, гдѣ мусульмане поселились довольно густыми массами, господствуетъ турецкій языкъ. Между всѣми критянами, особенно выдѣляются сфакіоты. Ихъ женщины поражаютъ путешественниковъ красотою своего лица и изяществомъ движеній.

Не удивительно поэтому, что греки домогались возвращенія въ свое владѣніе страны, въ которой такъ сильно ихъ преобладаніе; но, не смо-

тря на свою храбрость, будучи изолированы, они не могли восторжествовать надъ посылавшимися противъ нихъ турецкими и египетскими войсками. Можетъ быть, и правильно обвиняютъ критянъ въ сходствѣ со своими предками по купеческой жадности и по презрѣнію къ истинѣ, можетъ быть, они и на самомъ дѣлѣ „греки изъ грековъ, лжецы изъ лжецовъ“, но въ сущности они не заслуживаютъ упрека въ равнодушіи къ своему отечеству, который дѣлали ихъ предкамъ, когда тѣ толпами нанимались въ солдаты къ чужимъ народамъ. Напротивъ, они много страдали за отечество; почти во всѣхъ частяхъ острова, особенно между горою Идою и Бѣлыми горами, видны мѣста сраженій, въ которыхъ они проливали свою кровь за независимость. Обширныя пещеры Мелидони, на западныхъ склонахъ Иды, были театромъ одного изъ ужасныхъ событій войны. Въ 1822 г., болѣе трехсотъ эллиновъ, почти все женщины, дѣти и старики, скрылись въ пещерѣ. Турки же разложили предъ узкимъ входомъ ея большой огонь, такъ что вѣтеръ, помогавшій имъ въ этомъ истребленіи, гналъ дымъ въ подземелье. Несчастные забрались въ самую глубину пещеры; но напрасно:—они всѣ задохлись. Трупы оставались на землѣ, не имѣя другаго гроба, кромѣ покрывшаго ихъ мало-по-малу известковаго осадка, и даже еще нынѣ мѣстами виднѣются кости, не покрытыя еще сѣроватымъ каменнымъ саваномъ.

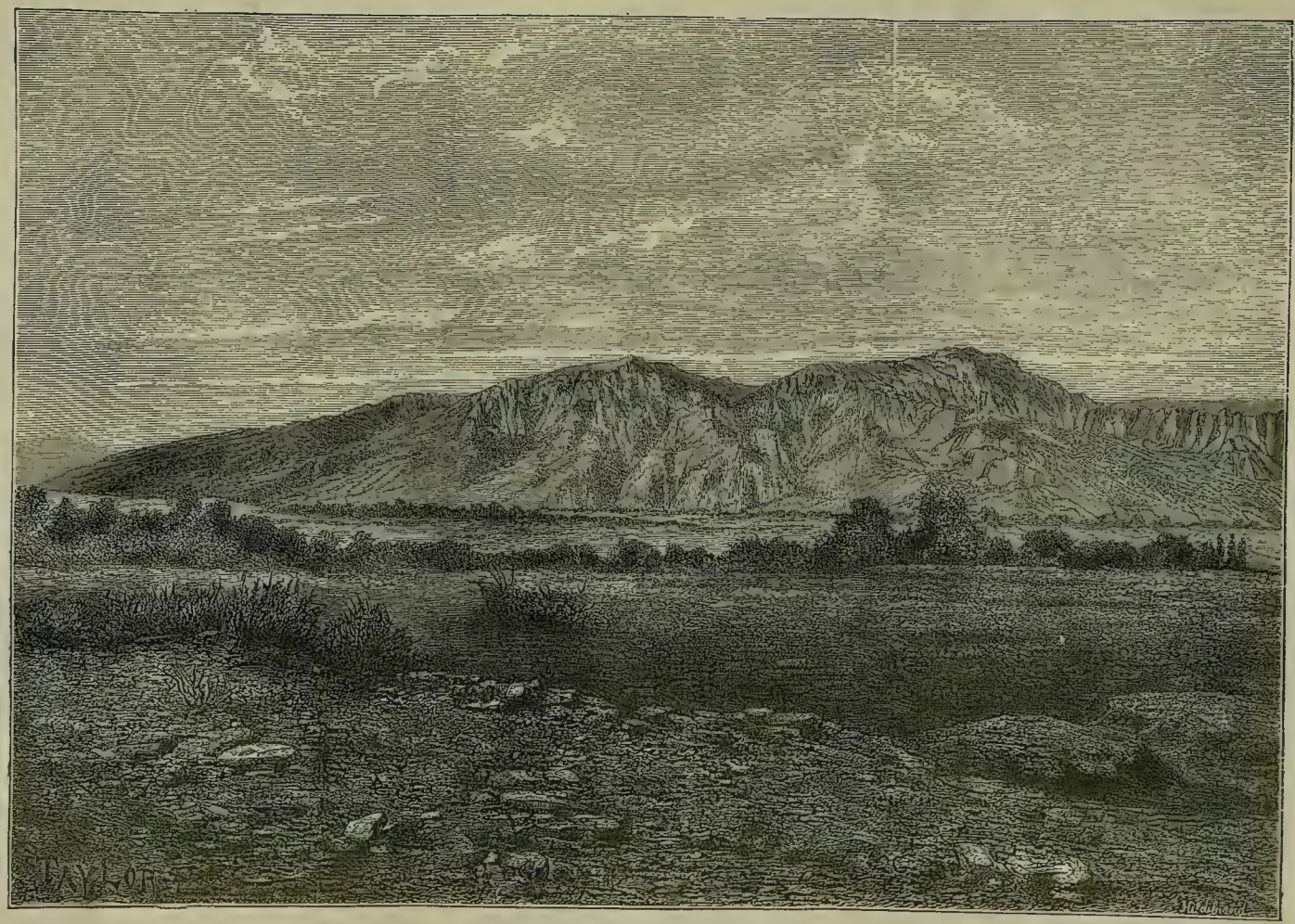
Съ 1878 года, христіанскіе греки получили непосредственное участіе въ управленіи островомъ. *Вали* или губернаторъ Крита, назначаемый султаномъ, избирается непремѣнно изъ христіанъ и два изъ четырехъ *муташерифовъ* должны быть также этого вѣроисповѣданія. „Всеобщее собраніе“ состоитъ изъ 49 христіянъ и 31 мусульманина. Губернаторскій совѣтъ представляетъ собою собраніе шести членовъ, на половину христіанъ. Трибуналъ Сфакіотовъ составленъ всецѣло изъ христіанъ и ни одинъ турецкій солдатъ не имѣетъ права вступить въ ихъ владѣнія.

На сѣверѣ Критъ отдѣляется отъ острововъ Архипелага глубокими безднами древняго „моря Миноса“, центральная впадина котораго имѣетъ болѣе 1,000 метровъ глубины. Почти всѣ эти острова принадлежатъ Греціи, и только одинъ изъ Цикладскихъ острововъ, какъ и Критъ, остался подъ властью турокъ, а именно Астипалея, называемый въ просторѣчіи Астропалея, или Стампалія, который древніе, за его удивительное плодородіе, называли „Столомъ Боговъ“. Хотя островъ этотъ, по геологической природѣ своей почвы и по расположенію подводныхъ рвовъ, принадлежитъ неоспоримо къ восточной цѣпи Цикладъ, но дипломатія сочла себя обязанною предоставить его Турціи со всѣми окружающими

его островами, такъ что болѣе полуторы тысячи эллиновъ остаются здѣсь подъ властію турокъ.

Между прочими островами съ греческимъ населеніемъ принадлежитъ Турціи и островъ Ѳазосъ, который лежитъ ближе всѣхъ къ берегу Европы и геологически можетъ быть разсматриваемъ какъ часть ея, ибо отдѣляется отъ берега Македоніи проливомъ не болѣе пяти километровъ шириною, въ которомъ, сверхъ того, лежитъ островъ Ѳазопуло и существуетъ песчаная мель, почему парусныя суда въ сильныя бури съ трудомъ лавируютъ въ этомъ проходѣ. Хотя онъ составляетъ собственную принадлежность Македоніи, но управляется мудиромъ вице-короля египетскаго, которому Порта подарила его. Когда Магометъ II положилъ конецъ существованію Византійской имперіи, островъ этотъ, вмѣстѣ съ сосѣдними островами, составлялъ княжество итальянской фамиліи Гателлуцци.

Ѳазосъ — одно изъ тѣхъ мѣстъ древняго греческаго міра, настоящее положеніе которыхъ представляетъ самую печальную противоположность съ прошедшимъ. Будучи финикійскою колоніею, Ѳазосъ былъ сперва соперникомъ, а потомъ богатымъ и могучимъ союзникомъ Аѳинъ; его жители, число которыхъ простиралось, можетъ быть, до ста тысячъ, разрабатывали богатые рудники золота и желѣза и ломки прекраснаго бѣлаго мрамора, воздѣлывали виноградники, славившіеся своими произведеніями, и вели значительную торговлю со всѣми берегами Эгейскаго моря. Теперь же рудники и каменоломни заброшены, такъ что и не знаютъ даже, гдѣ находились золотоносныя залежи, доставлявшія столько сокровищъ древнимъ ѳазійцамъ; виноградники даютъ лишь посредственное вино; земледѣльческихъ продуктовъ недостаточно для десяти тысячъ жителей, а древній портъ Ѳазоса, съ сѣверной стороны острова, посѣщаютъ теперь только несчастные каики. Съ тѣхъ поръ, какъ Магометъ II велѣлъ переселить въ Константинополь почти все его населеніе, островъ заселялся вновь весьма медленно, а страхъ пиратовъ, сдѣлавшихъ островъ мѣстомъ своихъ сборищъ, заставлялъ жителей строить себѣ жилища вдали отъ береговъ, въ высокихъ долинахъ и на крутыхъ скалахъ. Жители греческаго происхожденія, но говорятъ на „ужасномъ греческомъ языкѣ, переполненномъ варварскими оборотами и турецкими словами“. У нихъ вовсе нѣтъ того сильнаго желанія образованія, которое обнаруживается во всѣхъ грекахъ, какъ на материкѣ, такъ и на островахъ: это павшіе греки. Впрочемъ, они и сами сознаются въ этомъ; разговаривая съ путешественникомъ Перро, они часто повторяли: „Мы — бараны, вьючныя животныя“.



ГОРА ОЛИМПЪ.

Но Θазосъ сохранилъ то, что отличаетъ его отъ всѣхъ острововъ Архипелага, а именно—красоту своихъ лѣсистыхъ горъ, своихъ зеленѣющихъ пейзажей. Дожди, приносимые вѣтрами въ глубину Македонскаго залива, выливаются на высоты Θазоса и доставляютъ растительности всю необходимую влажность. Въ долинахъ журчатъ ручьи; склоны горъ покрыты тѣнью большихъ деревъ; деревни, расположенныя на первыхъ выступахъ горъ, прячутся въ тѣни кипарисовъ, орѣховыхъ и масличныхъ вѣтвей, а выше—великолѣпные чинары, высокоствольный лѣсъ лавровъ, бѣлые буки и каменные дубы, разбросанные группами въ безпорядкѣ, наполняютъ долины, расходящіяся по всѣмъ направленіямъ въ окружности острова. Наконецъ, верхнія крутизмы покрыты сосновымъ лѣсомъ разныхъ породъ, темная листва которыхъ составляетъ рѣзкую противоположность мрамору скалъ. Обнажены только высокія вершины св. Иліи и Инсаріо, возвышающіяся на 1,000 метровъ и болѣе; стѣны ихъ, состоящія изъ кристаллическаго известняка, гнейса, слюдянаго сланца и омываемыя частыми дождями, сверкаютъ необыкновеннымъ блескомъ, отражая солнечные лучи.

Островъ Самоѳракія, хотя не такъ обширенъ, какъ Θазосъ, но за то гораздо выше его. Возвышающаяся на немъ гора св. Иліи представляетъ величественную массу трахита, которая господствуетъ на востокѣ Эгейскаго моря, какъ Аѳонъ на западѣ. Съ сѣвера или съ юга островъ Самоѳракія, съ его могучимъ горнымъ хребтомъ, имѣющимъ во всю длину почти одинаковую вышину, походитъ на колоссальный гробъ, поставленный на морѣ, а съ востока и съ запада профиль его кажется возвышающеюся надъ волнами гигантскою пирамидою. Возсѣдая на этой именно высотѣ, говоритъ намъ Гомеръ, Посейдонъ смотрѣлъ чрезъ болѣе низкій островъ Имбросъ на борьбу грековъ съ троянцами, и именно въ этихъ почти исключительно дубовыхъ лѣсахъ черной горы кабиры совершали свои таинства, заимствованныя изъ тайныхъ культовъ Азіи. Понятно, что гора, имѣющая столь грандіозный видъ, не могла не сдѣлаться въ эллинскомъ мірѣ предметомъ совершенно особеннаго почитанія; и дѣйствительно, Самоѳракія была для древнихъ грековъ тѣмъ же, чѣмъ Аѳонъ для ихъ потомковъ, т. е. „Святою Горою“. Многочисленные остатки и надписи свидѣтельствуютъ еще о томъ усердіи, съ которымъ стекались сюда со всѣхъ сторонъ набожные путешественники. Но съ тѣхъ поръ, какъ языческіе боги лишились своихъ алтарей, островъ Самофракія сталъ пустынею; на немъ есть только одна деревня, жители которой, посѣщаемые только лѣтомъ нѣсколькими собирателями губокъ, живутъ здѣсь какъ узники, не зная, что творится на бѣломъ свѣтѣ. Совершенное отсутствіе

при берегахъ его заливовъ и опасное теченіе, отдѣляющее его отъ острова Имброса, отвратили отъ него мореплаваніе, и хотя долины его такъ плодородны, что могутъ, по словамъ туземцевъ, „оживить человѣка только что погребеннаго“, однако ни одинъ переселенецъ съ материка не чувствуетъ влеченія къ этой покинутой землѣ.

Имбросъ и Лемносъ, отдѣленные отъ Самоѳракіи морскими безднами въ тысячу метровъ глубины, составляютъ какъ бы юго-западное продолженіе цѣпи Херсонеса Ѳракійскаго. Имбросъ есть ближайшій къ материку и въ то же время самый высокій изъ двухъ этихъ острововъ, но, тѣмъ не менѣе, возвышающаяся на немъ гора св Иліи едва достигаетъ трети высоты пика Самоѳракіи. Склоны ея совершенно безлѣсны, долины голы и каменисты, и едва лишь одна восьмая часть почвы острова годна для обработки. И, однако же, положеніе острова на великомъ пути народовъ, почти при входѣ въ Дарданеллы, всегда обезпечивало за нимъ нѣкоторое значеніе. Его народонаселеніе гуще всего группируется въ сѣверо-восточной части острова, въ долинѣ небольшаго, часто высыхающаго, ручья, которому дано уже слишкомъ напыщенное названіе Мегалосъ-Потамосъ—„Великой-Рѣки“.

Лемносъ (Лимно), по новому Ста – Лименъ, есть самый большой изъ острововъ Ѳракіи, но за то и самый низкій, и самый голый: по немъ можно проходить нѣсколько часовъ —и не найти ни одного дерева; на его поляхъ нѣтъ даже маслины и деревенскіе сады бѣдны фруктовыми деревьями; дрова же приходится получать съ Ѳазоса и съ материка. Между тѣмъ Лемносъ весьма плодороденъ: онъ въ изобиліи производитъ ячмень и другіе зерновые хлѣба, а луга на его холмахъ прокармливаютъ больше сорока тысячъ овецъ. Въ дѣйствительности островъ состоитъ изъ многихъ, врѣзывающихся въ море глубокими мысами, отдѣльныхъ горныхъ группъ отъ трехъ до четырехсотъ метровъ вышиною, которыя были нѣкогда вулканами и между которыми лежатъ низкія равнины, покрытыя окалиною. Во времена древнихъ грековъ подземные огни Лемноса были еще въ дѣйствіи: свергнутый съ неба Вулканъ работалъ со своими циклопами въ горныхъ пещерахъ острова. Незадолго до нашей эры на немъ провалились въ воду одинъ холмъ, гора Мозихлосъ и мысъ Хризэ, и мѣсто, гдѣ стояли эти высоты, обозначаются теперь вѣроятно тѣми обширными подводными плоскогорьями и рифами, которые тянутся на востокъ отъ острова по направленію къ Имбросу. Со времени же исчезновенія Мозихлоса, Лемносъ не испытывалъ ни изверженій, ни землетрясеній и его довольно многочисленному населенію бояться было нечего, кромѣ людей. Жители его суть въ большинствѣ греки; турки же,

постепенно вытѣсняемые завоеваннымъ ими, по превосходящимъ ихъ, по интеллигенціи и дѣятельности, племенемъ, уменьшаются въ числѣ все болѣе и болѣе. Торговля, находящаяся вся въ рукахъ эллиновъ, сосредоточивается главнымъ образомъ въ древнемъ Миринѣ, извѣстномъ нынѣ подъ именемъ Кастро и находящемся на мысѣ, который возвышается между двумя бухтами въ западной части острова. Между предметами лемносской торговли замѣчательна особаго вида глина, извѣстная на всемъ востокѣ и во всей древности, какъ вяжущее средство. Ее собираютъ въ центрѣ острова, но она имѣетъ силу, говорятъ, только тогда, когда собрана утромъ въ Спасовъ день, 6 августа, передъ восходомъ солнца, и притомъ при совершеніи молитвъ и разныхъ церемоній.

Маленькій островъ Стратіо (Гаіосъ Эвстратіосъ), къ югу отъ Лемноса, зависитъ отъ послѣдняго какъ въ политическомъ, такъ и въ торговомъ отношеніяхъ и населенъ также греками. Что касается до острововъ, окаймляющихъ берегъ Малой Азіи и геологически составляющихъ часть послѣдней, какъ-то: Митиленэ, Хіосъ, Родосъ и группа азіатскихъ Спорадовъ, то они, хотя въ административномъ отношеніи и зависятъ отъ европейской Турціи, но въ дѣйствительности это только фикція, до которой вовсе нѣтъ дѣла географіи.

Величина острововъ Ѳракіи, а также населеніе и высоты ихъ видны изъ нижеслѣдующей таблицы:

	Поверхность.		Высочайшія горы.		Населеніе.
Ѳазосъ. . .	192 кв. кил.	Ипсаріо. . .	1,000 метровъ		10,000 чел.
Самоѳракія.	170 „ „	Фенагори .	1,646 „		2,200 „
Имбросъ. .	220 „ „	Св. Иліи . .	595 „		3,600 „
Лемносъ. .	440 „ „	Скопія . . .	430 „		13,000 „

III.

ПОМОРЬЕ ЭЛЛИНСКОЙ ТУРЦІИ; ѲРАКІЯ, МАКЕДОНІЯ И ОЛИМПЪ.

Замѣчательно, что все Эгейское поморье Турціи принадлежитъ въ этнологическомъ отношеніи эллинскому племени, что́ доказываетъ, какое большое значеніе имѣло море въ распредѣленіи средиземныхъ народовъ и въ ходѣ исторіи. Подобно тому, какъ при посредствѣ острова Кандіи Греція продолжается подъ водою къ Египту, такъ на сѣверѣ, по направленію къ придунайскимъ странамъ, она продолжается длиннымъ рядомъ земель, окружающихъ Эгейское море. Ѳессалія, Македонія, Халцидика,

Ѳракія—суть земли греческія, и даже Константинополь этнологически находится въ Элладѣ. Отсюда и происходитъ несогласіе географіи племенъ, имѣющей наиболѣе важное значеніе, съ географіею горъ, рѣкъ и климатовъ. Эллинская Турція, состоящая изъ столькихъ различныхъ естественныхъ бассейновъ, не имѣетъ географическаго единства, если не принимать въ соображеніе омывающихъ ея берега водъ Архипелага.

Полуостровъ Турціи, всюду столь богатый неожиданностями въ своихъ формахъ и случайностями своего рельефа, становится еще болѣе разнообразнымъ, болѣе подвижнымъ, такъ сказать, на берегахъ Эгейскаго моря и его передоваго бассейна—Мраморнаго моря. Пригорки, холмики, группы горъ возвышаются неожиданно среди равнины; заливы вдаются далеко въ землю; развѣтвленные полуострова выступаютъ въ глубокія воды, и кажется, будто материкъ старается образовать такіе же архипелаги, какими усѣяно море далѣе къ югу.

Узкая полоса земли, на которой стоитъ Константинополь, представляетъ замѣчательный примѣръ независимости формъ, отличающей берега этой части Европы. Въ геологическомъ отношеніи, весь Константинопольскій полуостровъ представляетъ совершенно азіатскій характеръ и имѣетъ свой рядъ холмовъ, отдѣленный отъ гранитныхъ горъ Европы широкою равниною новѣйшей формаціи. Истинную границу между двумя материками представляютъ приблизительно развалины стѣны Аѳанасія, защищавшей въ прежнія времена окрестности столицы. Скалы по обѣ стороны Босфора принадлежатъ къ одной и той же формаціи, содержатъ одинаковыя ископаемыя, имѣютъ одинаковый видъ и образованіе ихъ относится къ одной и той же эпохѣ. Клочекъ вулканической почвы, при сѣверномъ входѣ въ проливъ, представляетъ также одинаковый характеръ на обоихъ берегахъ; вообще, совершенно ясно, что европейскій полуостровъ составлялъ первоначально часть Малой Азіи и былъ отдѣленъ отъ нея впослѣдствіи вторженіемъ водъ.

По словамъ византійской легенды, самъ Аполлонъ указалъ мѣсто, гдѣ должна была возникнуть столица, сдѣлавшаяся впослѣдствіи Константинополемъ. И мѣсто это не могло быть выбрано лучше; городъ расположился какъ нельзя болѣе удачно на берегу большой разсѣлины Босфора. Въ этомъ мѣстѣ отлогіе холмы покрываютъ полуостровъ, выдающійся между Мраморнымъ моремъ и извилистою бухтою, которая, благодаря своей формѣ и богатству своей торговли, получила названіе «Золотаго Рога». Быстрое теченіе Босфора, проникающее въ гавань и очищающее ее отъ грязи, стекающей изъ города, теряется далѣе въ морѣ, у поворота внѣшняго полуострова, позволяя, такимъ образомъ, парусным

судамъ доплывать до мѣста якорной стоянки безъ особенной борьбы съ силою водъ. Превосходное якорное мѣсто порта, такъ удобно расположенное для помѣщенія безчисленнаго множества судовъ, представляетъ въ то же время естественный резервуаръ для рыбной ловли, ибо не смотря на непрерывное волненіе воды отъ веселъ каиковъ и отъ винтовъ и колесъ пароходовъ, въ Золотой Рогъ входятъ ежегодно длинными фалангами тунцы и другія рыбы. Наконецъ, Константинопольскій портъ, столь доступный для мирнаго торговаго флота [1]), легко можетъ запереться для судовъ военныхъ: берега его, хотя и не слишкомъ круты, тѣмъ не менѣе достаточно высоки, чтобы видѣть всякое пристающее судно, а суживающійся входъ въ якорное мѣсто представляетъ родъ пролива, черезъ который осажденные жители не разъ протягивали запорную цѣпь. Самый городъ, занимая возвышенный полуостровъ, отдѣленный отъ тѣла материка низменностями, весьма легко можетъ быть укрѣпленъ противъ всякаго нападенія извнѣ. Чтобы рискнуть на осаду, непріятель долженъ располагать и Дарданельскимъ проливомъ, и Босфоромъ, и, въ то же время, имѣть въ своемъ распоряженіи какъ флотъ, такъ и сильную сухопутную армію. Ко всѣмъ этимъ удобствамъ мѣстоположенія, которыя должны были упрочить за Константинополемъ его важное значеніе, присоединяются еще преимущества климата, который здѣсь нѣсколько теплѣе, чѣмъ въ городахъ по берегу Чернаго моря или на азіатскомъ берегу Босфора, ибо, благодаря массѣ возвышенностей, находящихся къ сѣверу отъ города, Константинополь защищенъ въ нѣкоторой степени отъ суровыхъ полярныхъ вѣтровъ.

Въ первыя времена исторіи, когда великія движенія народовъ и торговли происходили медленно, благопріятное положеніе Византіи могло привлекать лишь сосѣдніе народы; но какъ только открылось обширное торговое мореплаваніе, то только „слѣпые“, какъ говоритъ древній оракулъ Аполлона, могли не замѣчать удобствъ, представляемыхъ берегами Золотаго Рога. Именно, въ Константинополѣ перекрещиваются континентальная ось европейско-азіатскаго міра и морская ось Средиземнаго моря. Кромѣ того, естественный путь, идущій съ сѣвера на югъ отъ Дунайскаго залива къ Босфору, продолжается снова за Дарданеллами въ направленіи

[1]) Движеніе по Константинопольскому порту въ 1882—1883 г.:

Вошло	32,716	судовъ, вмѣстимостью въ	6.535,797 тоннъ.
Вышло	29,605	» »	» 6.401,549 »
Итого	62,321	» »	» 12.937,346 »

Денежный оборотъ порта за это-же время:

Импортъ	185.956,679 франковъ.
Экспортъ	45.627,837 »

къ Смирнѣ, Самосу и Родосу. Такимъ образомъ, Константинополь стоитъ и на главномъ континентальномъ пути народовъ, и на нѣсколькихъ большихъ морскихъ путяхъ; географически можно сказать, что онъ расположенъ при устьяхъ Дуная, Днѣстра, Днѣпра, Дона, Ріона и Кизиль-Ирмака, ибо сторожитъ ихъ общій оттокъ черезъ проливъ Босфоръ. Избранная для того, чтобы сдѣлаться Римомъ востока, и такъ дивно расположенная, Византія должна была быстро достигнуть процвѣтанія и заслужить названіе города по преимуществу (Polis), что́, въ сущности, означаетъ и теперешнее ея названіе Стамбулъ ('s tèn Polin). Для отдаленныхъ племенъ, живущихъ въ горахъ Малой Азіи и по ту сторону Евфрата, Константинополь прямо занялъ мѣсто древняго Рима, такъ что они и не называютъ его иначе, какъ „Румъ", а страну, которой онъ сдѣлался столицею, „Румеліей".

По красотѣ своего внѣшняго вида, Константинополь представляетъ собою также одинъ изъ первыхъ городовъ въ мірѣ; это „Райскій городъ восточныхъ народовъ". Его можно сравнить съ Неаполемъ и съ Ріо де-Жанейро; но многіе путешественники признаютъ его лучше этихъ послѣднихъ. Когда входишь въ устье Золотаго Рога на легкомъ каикѣ, который граціознѣе венеціанской гондолы, то съ каждымъ ударомъ веселъ видъ громадной панорамы измѣняется. За бѣлыми стѣнами сераля и массою окружающей его зелени, на семи холмахъ полуострова, возвышаются амфитеатромъ дома Стамбула, башни, огромные главные купола мечетей, окруженные множествомъ мелкихъ куполовъ и изящные минареты, испещренные балконами. По другую сторону порта, черезъ который перекинуты пловучіе мосты, сквозь снасти и испещренныя флагами мачты, виднѣются также мечети и башни, поднимающіяся другъ надъ другомъ, по склонамъ холма, на которомъ возвышаются правильные дома и дворцы Перы. На сѣверѣ, по обоимъ берегамъ Босфора, тянется цѣлый городъ загородныхъ домовъ; на востокѣ подобныя же постройки, окруженныя садами и тѣнистыми деревьями, покрываютъ выдающійся мысомъ азіатскій берегъ. Тамъ же и Скутари, азіатскій Константинополь, со своими розовыми домами и обширнымъ кладбищемъ, усаженнымъ прелестными кипарисовыми деревьями, далѣе видѣнъ Кады-Кіой, древняя Халкедонія, и мѣстечко Принчипо; расположенное на одномъ изъ острововъ архипелага Принцевъ, зеленыя рощи и желтыя скалы которыхъ рисуются надъ синими водами Мраморнаго моря. Между всѣми этими городами, купающими въ водахъ свои подножія, снуютъ безпрестанно взадъ и впередъ пароходы и всѣ возможныя другія весельныя, парусныя и паровыя суда, одушевляющія своимъ движеніемъ все пространство и придающія жизнь

этой великолѣпной картинѣ. Съ высотъ, господствующихъ надъ Константинополемъ и Скутари, открывается еще болѣе красивый видъ; отсюда видны всѣ очертанія, какъ европейскаго, такъ азіатскаго береговъ, взоръ обнимаетъ всѣ извилины Босфора и Никомидійскаго залива, а вдали, надъ тѣнистыми долинами, воздвигается, почти всегда покрытая снѣгомъ, пирамида Виѳинійскаго Олимпа.

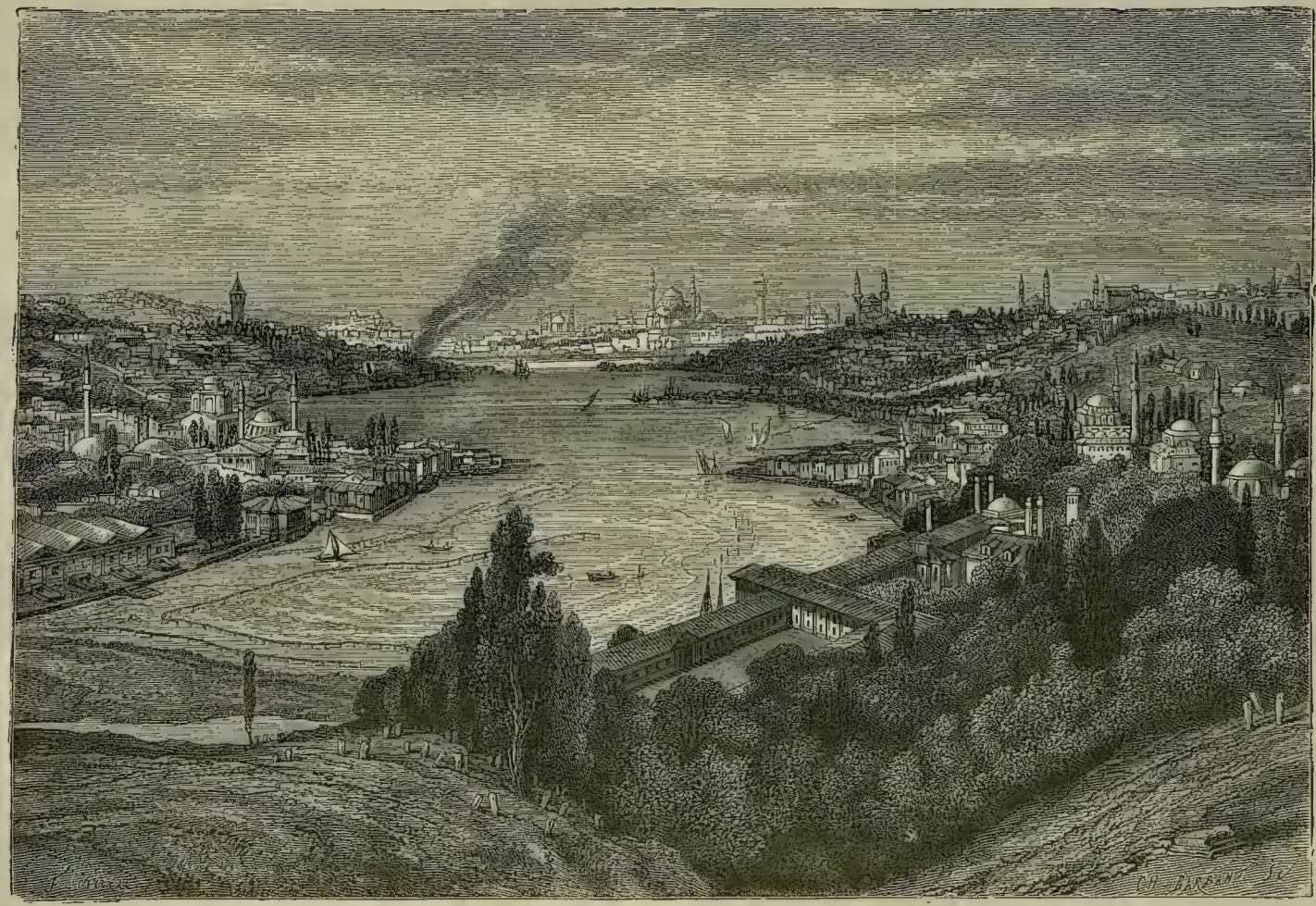
Но столь очаровательный извнѣ, Константинополь, какъ извѣстно, большею частью весьма грязенъ внутри. Во многихъ частяхъ города посѣтитель не рѣшается продолжать свой путь между скверными домишками, по извилистымъ гадкимъ переулкамъ, въ которыхъ бѣгаютъ скитающіяся собаки и проживаютъ свиньи; турецкая беззаботность даетъ полную свободу среди этого хаоса лачугъ зарожденію всякихъ болѣзней, почему очищающіе городъ частые пожары составляютъ, пожалуй, своего рода благополучіе въ отношеніи общественнаго здоровья. Даже въ Россіи, даже въ Сѣверной Америкѣ нѣтъ города, въ которомъ бы дома такъ часто превращались въ цѣлое море пламени. Случается, что сторожъ, осматривающій съ высоты Сераскирской башни раскинувшійся подъ его ногами городъ съ его предмѣстьями, подаетъ сигналъ о пожарѣ десять и двѣнадцать разъ въ недѣлю, и не проходитъ года, чтобы цѣлыя тысячи построекъ не уничтожались пламенемъ. Такимъ образомъ, Константинополь, очищаемый огнемъ, мало по малу возобновляется; но пока франки не построили своего каменнаго города на холмѣ Перы, т. е. „по ту сторону“, уничтоженные кварталы возстановлялись почти въ такомъ же жалкомъ видѣ, какой они имѣли въ день своего пожара. Къ счастію, употребленіе камня распространяется все болѣе и болѣе и въ настоящее время деревянные дома замѣняются строеніями болѣе прочными, сдѣланными изъ бѣловатаго известняка, богатаго ископаемыми, который находится въ изобиліи у самыхъ воротъ Константинополя. Для роскошныхъ зданій архитекторы имѣютъ въ своемъ распоряженіи синій и сѣрый мраморъ Мраморнаго моря и прекрасный тѣлеснаго цвѣта мраморъ Сизикскаго залива въ Малой Азіи. Пера соединена нынѣ съ Галатой подземной канатной дорогой.

Многочисленные пожары Стамбула, а также военныя нападенія, которымъ столько подвергался городъ до завоеванія магометанами, уничтожили почти всѣ памятники древней Византіи, и только на площади Ипподрома еще можно видѣть драгоцѣнный бронзовый треножникъ съ тремя обвившимися змѣями, который платейцы поставили въ Дельфійскомъ храмѣ, въ память своей побѣды надъ персами. Даже отъ эпохи византійскихъ цезарей остались только колонны, обелиски, арки водопроводовъ, частію попорченныя городскія стѣны, недавно найденные остатки дворца Юсти-

ніана, да еще двѣ церкви святой Софіи, обращенныя нынѣ въ мечети. Большая церковь святой Софіи, возвышающаяся на послѣднемъ склонѣ Константинопольскаго полуострова, рядомъ съ сералемъ, не представляетъ уже, какъ во времена Юстиніана, самаго великолѣпнаго зданія въ мірѣ. Она далеко не имѣетъ той граціи и того удивительнаго изящества какъ Ахмедіэ и другія мечети съ арабскими минаретами, построенныя мусульманами; напротивъ, ея громадныя подножія, подпорныя стѣны, наружные контрфорсы, чередующіеся съ лавочками и домами прокаженныхъ, даютъ зданію чрезвычайно тяжелый видъ. Внутри же подпорные столбы и турецкая окраска стѣнъ поверхъ блестящей мозаики измѣнили характеръ церкви; но могущественный куполъ производитъ удивительный эффектъ, представляя собою чудо силы и легкости. Четыре колонны изъ зеленой брекчіи, между колоннами главнаго купола, взяты, какъ говорятъ, изъ Эфесскаго храма.

Сераль стоитъ на мѣстѣ древней Византіи и имѣетъ прелестные павильоны, прекрасные тѣнистые сады, но также и ужасныя воспоминанія преступленій и убійствъ; такъ, напримѣръ, еще нынѣ показываютъ за наружною его стѣною крутую наклонную плоскость, на которую рабы бросали, по ночамъ, мѣшки съ живыми султаншами и одалисками. Вода поглощавшая тѣла ихъ, течетъ подъ этимъ каткомъ такъ же быстро, какъ рѣка, и крутится зловѣщими водоворотами. Но гораздо замѣчательнѣе древняго дворца султановъ тѣ дивныя зданія арабской и персидской архитектуры, которыя окаймляютъ берега Босфора, украшая ихъ кіосками, фонтанами, мостами, арками и зелеными рощами. Эти чудныя зданія, кажущіяся еще болѣе прекрасными отъ окружающей ихъ природы, отъ сіянія неба и водъ, придаютъ предмѣстьямъ главнаго города самый привлекательный видъ восточнаго великолѣпія.

Самыя интересныя для посѣтителя зданія внутри Константинополя—базары; но они интересны не по богатству и разнообразію нагроможденныхъ тамъ товаровъ, но въ особенности по собравшемуся тамъ люду всѣхъ возможныхъ племенъ и климатовъ. Между странами Европы, Турція представляетъ наиболѣе удивительные контрасты въ населеніи и языкѣ, и нигдѣ, даже въ Добруджѣ, нельзя встрѣтить бо́льшаго хаоса націй, чѣмъ въ Стамбулѣ, ибо въ качествѣ метрополіи Оттоманской имперіи онъ привлекаетъ къ себѣ обитателей Анатоліи, Сиріи, Аравіи, Египта, Туниса и даже оазисовъ, равно какъ и обитателей самаго Турецко-Эллипскаго полуострова. Кромѣ того, франки цѣлой Европы: итальянцы и французы, англичане и нѣмцы, цѣлыми толпами стремятся принять выгодное участіе въ возрастающей торговлѣ Босфора. Разнообразіе



КОНСТАНТИНОПОЛЬ.

типовъ всѣхъ цвѣтовъ и всѣхъ племенъ увеличивается еще благодаря контрабандной торговлѣ невольниками, за которыми отправляются караваны внутрь Африки, даже къ самымъ истокамъ Нила. Оффиціально продажа человѣческаго мяса запрещена въ Константинополѣ; но, не смотря на всѣ возможныя дипломатическія увѣренія, „почтеннѣйшая корпорація торговцевъ невольниками“ отлично богатѣетъ, благодаря негритянкамъ, черкешенкамъ и бѣлымъ и чернымъ евнухамъ. Да и можетъ ли быть иначе въ странѣ, гдѣ самъ государь и главные сановники полагаютъ, что самый санъ ихъ требуетъ богатыхъ гаремовъ? Число рабовъ въ Константинополѣ, привезенныхъ большею частью изъ центральной Африки, англичанинъ Миллингенъ опредѣляетъ въ 30,000. Замѣчательно съ антропологической точки зрѣнія, что негритянскія семейства, привезенныя въ Стамбулъ, не дали потомства. Въ теченіе четырехсотъ лѣтъ въ Турцію, конечно, было привезено болѣе милліона негровъ; но трудность аклиматизаціи, жестокость хозяевъ и нищета почти совершенно уничтожили этотъ элементъ населенія.

Приблизительныя статистическія таблицы, которыя пытались составить относительно шестисотъ тысячъ населенія Константинополя и его предмѣстій, не достаточно вѣрны, чтобы по нимъ можно было сказать, къ какому племени принадлежитъ большинство населенія. Главною причиною ошибокъ было то, что обыкновенно смѣшиваютъ мусульманъ съ турками. Въ провинціяхъ большею частью легко поправить такую ошибку, ибо босняка, албанца или болгарина легко узнаешь, какого бы вѣроисповѣданія они ни были; но въ круговоротѣ большаго города, гдѣ нравы измѣняются такъ быстро, гдѣ типы перемѣшиваются всевозможнымъ образомъ, всѣхъ кто посѣщаетъ мечети, въ концѣ концовъ соединяютъ подъ однимъ общимъ именемъ. Въ дѣйствительности же настоящихъ турокъ въ такъ называемомъ турецкомъ населеніи Константинополя можетъ быть не болѣе одной трети, остальные же суть арнауты, болгары или азіаты и африканцы различныхъ племенъ. Большая часть перевощиковъ — лазы изъ окрестностей Трапезунда. Впрочемъ, уже лѣтъ двадцать, по крайней мѣрѣ, магометане составляютъ меньшинство, и разность все увеличивается въ пользу „райа“, число которыхъ возрастаетъ болѣе и болѣе, благодаря ихъ предпріимчивости въ промышленности и торговлѣ. Въ старомъ Стамбулѣ, гдѣ еще недавно франки едва осмѣливались показываться, мусульмане всегда составляютъ большинство; но въ предмѣстьяхъ отъ Принчипо до Терапіи ихъ гораздо меньше, чѣмъ грековъ, армянъ и франковъ, а нѣкоторыя мѣстности населены исключительно христіанами.

Населеніе Константинополя въ 1885 г.

	Мужчинъ.	Женщинъ.	Всего.
Мусульманъ	205,329	179,581	384,910
Грекъ-райя	84,804	60,937	145,741
Армянъ, грегоріанцевъ и уніатовъ	83,870	65,720	149,590
Евреевъ	22,384	21,967	44,351
Католиковъ-райя	3,209	3,233	6,442
Болгаръ	3,977	400	4,377
Армянъ-протестантовъ	488	331	819
Армянъ латинцевъ	528	554	1,082
Иностранныхъ колоній	101,125	28,038	129,163
Итого	505,714	360,761	866,475

Между райями Константинополя и его округа, по значенію, и пожалуй даже по численности, первое мѣсто занимаютъ греки, которые, подобно самимъ туркамъ, имѣютъ въ Стамбулѣ свой особый кварталъ, Фанаръ, съ церквами и большими каменными домами, возвышающимися надъ водами Золотаго Рога. Здѣсь имѣетъ свою резиденцію константинопольскій патріархъ и живутъ знатныя греческія фамиліи. Благосклонность султана давно даровала имъ право политической и коммерческой эксплоатаціи значительной части христіанскаго населенія имперіи и преимущественно румынскихъ провинцій. И могущество фанаріотовъ, значительно упавшее послѣ того, какъ мятежная Греція достигла самоуправленіи, вытекало изъ религіозной зависимости, въ которой находились всѣ православные христіане Турціи: славяне, албанцы, румынцы и болгары въ отношеніи къ грекамъ. Всѣ послѣдователи православной церкви составляютъ для Порты „націю римлянъ“ и въ большей части случаевъ, даже чисто гражданскаго свойства, подчинены управленію греческихъ архіереевъ, къ которымъ они должны, обращаться по поводу браковъ, разводовъ, наслѣдствъ и которымъ подлежатъ всякаго рода распри и завѣдываніе школами и благотворительными заведеніями. Впрочемъ, независимость церквей Сербіи и Румыніи и отпаденіе части болгарскаго духовенства сильно ослабили политическое вліяніе Фанара на христіанское населеніе Востока, и если греки желаютъ удержать первенствующую роль, то не должны разсчитывать ни на что болѣе, какъ только на свою смѣтливость, коммерческую ловкость, любовь къ образованію, патріотизмъ и свойственный имъ духъ солидарности.

„Нація“ армянъ также весьма многочисленна въ Константинополѣ, пожалуй, даже многочисленнѣе турокъ, ибо, какъ говорятъ, она соста-

вляетъ до полутораста тысячъ человѣкъ; во всей же имперіи — до трехсотъ тысячъ. Подобно „націи римлянъ“, она управляется сама собою во всѣхъ своихъ внутреннихъ дѣлахъ и избираетъ исполнительный совѣтъ. Въ рукахъ армянъ находится главная часть торговли Константинополя. Хотя они водворились въ Турціи и въ столицѣ ея съ самыхъ первыхъ временъ мусульманскаго завоеванія, но всегда имѣли въ своихъ правахъ нѣчто чужеземное: они холодны, осторожны, держатся въ сторонѣ, уважаютъ свою собственную личность, имѣютъ приличный видъ, и отличаются съ выгодной стороны отъ своихъ соперниковъ по профессіи, евреевъ, которыхъ жители Константинополя называютъ базиргьянами или „купцами“, и которые населяютъ бѣдный кварталъ Балата, загромоздившій своими развалившимися лачугами верхній конецъ Золотаго Рога. Армяне охотно помогаютъ другъ другу и, подобно парсамъ Бомбея, любятъ дѣлать добрыя дѣла, но ихъ не поддерживаетъ, какъ грековъ, теплая вѣра въ судьбы своего народа. Бо́льшая часть изъ нихъ утратила даже свой языкъ, и если они говорятъ на своемъ національномъ гайканскомъ нарѣчіи, то примѣшиваютъ къ нему множество иностранныхъ словъ; обыкновенно же они говорятъ по-турецки или по-гречески, смотря по тому, среди какого населенія живутъ.

Совершенно особаго рода вліяніе имѣютъ на столицу Босфора „франки“, которые по численности еще значительно уступаютъ туркамъ, грекамъ и армянамъ, но именно они то и присоединяютъ Константинополь къ міру западной цивилизаціи и, благодаря своимъ журналамъ, обществамъ, предпріятіямъ, мало по малу одерживаютъ верхъ надъ старымъ фатализмомъ востока. Имъ обязаны своимъ происхожденіемъ заводы предмѣстьевъ на западѣ отъ Константинополя и около Скутари, а также желѣзныя дороги, имѣющія соединиться съ сѣтью европейскихъ линій и проникающія далеко внутрь Малой Азіи. Подобно армянамъ и грекамъ, франки также сгруппировались отдѣльными „націями“ и пользуются извѣстными привиллегіями самоуправленія, гарантированнаго посольствами. Всѣ цивилизованные народы имѣютъ своихъ представителей въ этомъ космополитическомъ мірѣ, не исключая даже сѣверо-американцевъ, которымъ принадлежитъ честь основанія, въ ихъ Робертсъ Колледжѣ, перваго геологическаго музея въ Константинополѣ. Но если судить по языкамъ, на которыхъ говорится въ Перѣ европейскомъ кварталѣ по преимуществу, то превосходство по вліянію и по численности принадлежитъ итальянцамъ и французамъ.

Благодаря эммиграціи франковъ, Константинополь расширяется все болѣе и болѣе, въ особенности послѣ Крымской войны, такъ что мно-

жество городовъ и деревень, расположенныхъ внѣ его стѣнъ, превратились въ простые кварталы столицы. Весь лиманъ Золотаго Рога окруженъ домами, и постройки тянутся далеко внутрь долинъ Сидариса и Барбизеса. По берегамъ Мраморнаго моря, на западъ отъ древняго Семи-Башеннаго замка и на юго-востокъ отъ Халкедоніи къ заливу Никомидійскому, тянутся промышленные кварталы. Наконецъ, вдоль обоихъ береговъ Босфора идетъ цѣлая набережная виллъ, дворцовъ, кіосковъ, кофеенъ и отелей. Босфоръ и предшествующій ему обширный бассейнъ между Константинополемъ и его азіатскими предмѣстьями имѣютъ протяженіе приблизительно въ тридцать километровъ и на всемъ этомъ пространствѣ дивное разнообразіе прелестныхъ ландшафтовъ. Проливъ извивается крутыми излучинами, подобно горной долинѣ; берега его образуютъ то заливы, то выступы, а самая рѣка морской воды то съуживается, то расширяется, затѣмъ снова съуживается и, наконецъ, разверзается въ безконечное Черное море, воды котораго часто вздымаются сѣверными вѣтрами. Это безпокойное море, окруженное мрачными скалами, въ которыхъ вьютъ гнѣзда морскія ласточки, и спокойный проливъ представляютъ полнѣйшую противоположность. Однообразному и дикому морю противополагаются пейзажи Босфора, которые со своею красотою соединяютъ еще прелесть неожиданности; группы скалъ, дворцы и сады, суда всѣхъ возможныхъ сортовъ, причудливыя приспособленія болгарскихъ рыболововъ и самая зыбь текучей воды—все это разнообразно до безконечности.

Изъ всѣхъ здѣшнихъ прекрасныхъ загородныхъ мѣстъ Балта-Лиманъ, Терапія и Буюкъ-Дере всѣхъ замѣчательнѣе по совершившимся въ нихъ событіямъ и по лицамъ, живущимъ въ нихъ; вообще же вся приморская долина такъ прелестна, что восхищенный взоръ не знаетъ на чемъ остановиться. Весьма вѣроятно, что въ самомъ непродолжительномъ будущемъ къ этимъ чудесамъ природы присоединится еще и чудо человѣческаго труда. Въ самомъ узкомъ мѣстѣ, между двумя замками, Румелійскимъ и Анатолійскимъ, построенными Магометомъ II, каналъ имѣетъ всего 550 метровъ одъ одного берега до другаго. Близъ этого мѣста Мадроклъ, изъ Самоса, построилъ тотъ мостъ, по которому Дарій, идя на скиѳовъ, перевелъ свою семьсотъ-тысячную армію, и быть можетъ когда нибудь здѣсь же будетъ построенъ желѣзнодорожный мостъ, который соединитъ европейскую желѣзнодорожную сѣть съ азіатскою.

Вся длина пролива.	30,000	метровъ.
Средняя ширина	1,600	„
Средняя глубина	27	„
Наибольшая глубина.	52	метра.

Жаль, что еще никогда не пробовали нивеллировать воды Босфора, и неизвѣстно: выше ли уровень воды въ Черномъ морѣ, чѣмъ въ Мраморномъ. По изслѣдованіямъ Венюкова, морское теченіе имѣетъ замѣтный склонъ отъ Чернаго Моря къ Золотому Рогу. Дѣйствительно, теченіе изъ Понта-Эвксинскаго въ Мраморное море имѣетъ скорость среднимъ числомъ отъ 3 до 8 километровъ въ часъ, но такая быстрота теченія возможна и безъ склона отъ одного моря къ другому. Босфоръ, какъ и Гибралтаръ, есть обмѣнный каналъ двухъ токовъ, одного, болѣе обильнаго, состоящаго изъ воды не столь соленой и текущаго сверху, и другаго, движущагося въ глубинѣ канала и состоящаго изъ болѣе соленой воды.

Два древніе замка при самомъ узкомъ мѣстѣ Босфора: Румили-Кавакъ и Анадоли-Кавакъ, могутъ считаться сѣверною границею непрерывнаго ряда дворцовъ и загородныхъ домовъ, который тянется отъ Константинополя къ Черному морю. Эта граница совпадаетъ вполнѣ съ геологическою границею почвъ. Здѣсь начинаются тѣ крутыя долеритовыя и порфировыя береговыя скалы, которыя продолжаются до входа въ Понтъ-Эвксинскій и оканчиваются Ціанейскими, или Симплегадскими скалами, знаменитыми подвижными рифами, упоминаемыми въ миѳѣ о походѣ Аргонавтовъ. На обоихъ берегахъ, какъ на европейскомъ, такъ и на азіатскомъ, вулканическія образованія голы, тогда какъ берега южной и гораздо большей части пролива покрыты прекрасною густою зеленью. Къ счастію, турки, въ противоположность испанцамъ и другимъ южнымъ народамъ, любятъ и уважаютъ природу. Они любятъ красивые лѣса и стараются сохранять ихъ по крайней мѣрѣ на столько, на сколько позволяетъ имъ ихъ безпечность. Благодаря имъ, чинары, кипарисы и терпентинныя деревья еще и теперь украшаютъ берега пролива а обширный Бѣлградскій лѣсъ, на востокѣ отъ Константинополя, занимаетъ цѣлую массу холмовъ, съ которыхъ стекаютъ воды, назначенныя для снабженія города. Птицы также болѣе уважаются въ Турціи, чѣмъ въ большей части христіанскихъ странъ: всюду слышится жалобное воркованье голубей, надъ поверхностью Босфора кружатся стаи ласточекъ и морскихъ птицъ, а мѣстами показывается величественный аистъ, сидящій на вершинѣ дерева или минарета. Этотъ своеобразный отрядъ голенастыхъ, вмѣстѣ съ общею физіономіею растительности и стилемъ построекъ, придаетъ этой части Европы совершенно южный видъ.

Между тѣмъ климатъ Константинополя гораздо суровѣе, чѣмъ можно было бы ожидать. Холодные вѣтры русскихъ степей свободно проникаютъ въ проливъ, устье котораго обращено прямо къ сѣверу, и зимы

въ Стамбулѣ бываютъ довольно холодны, такъ что термометръ спускается иногда на 20 градусовъ ниже точки замерзанія. Но еще важнѣе то обстоятельство, что, не смотря на уравновѣшивающее вліяніе сосѣднихъ морей, отсутствіе преградъ для вѣтровъ имѣетъ слѣдствіемъ чрезвычайно быстрыя измѣненія температуры. Средній климатъ въ различные года бываетъ поразительно разнообразенъ: то онъ бываетъ одинаковъ съ климатомъ Пекина или Балтиморы, то съ климатомъ Тулона или даже Ницы. Случались годы, правда совершенно исключительные, когда Босфоръ покрывался льдомъ, и слѣдовательно температура въ Константинополѣ была такая же низкая, какъ въ Копенгагенѣ. Но вскрытіе наступало быстро и глазамъ представлялась картина въ одно и то же время и страшная, и прекрасная; ледяныя глыбы ударялись о выступъ сераля и затѣмъ, крутясь, мчались далѣе по Мраморному морю. Въ 762 г. льдины, плывшія изъ Чернаго моря и изъ Босфора, были такъ многочисленны, что образовали въ Дарданелахъ громадный ледяной мостъ, и теплое Эгейское море представляло видъ залива полярнаго океана.

Подобно Константинопольскому полуострову, все поморье Мраморнаго моря представляетъ, по своему геологическому образованію, полнѣйшую независимость отъ остальной Турціи. Широкій бассейнъ Эршеника (Эркенъ) отдѣлятъ его отъ внутреннихъ горъ, и береговая область имѣетъ свою особую маленькую цѣпь холмовъ, окаймляющую море. Довольно низкія на сѣверѣ Мраморнаго моря высоты эти поднимаются по направленію къ западу, образуя крутизны Текиръ-дага, или Святыхъ Горъ, состоящихъ частію изъ гранита. Со стороны моря склоны ихъ сѣроваты, тамъ и сямъ покрыты кустарниками и возвышаются на семьсотъ или восемьсотъ метровъ.

Полуостровъ Галлиполи, древній Херсонесъ Ѳракійскій, соединяется также съ этою береговою цѣпью узкимъ и слабовозвышеннымъ перешейкомъ. Но самъ онъ состоитъ изъ земель новѣйшей формаціи, которыя тождественны по обѣимъ сторонамъ Дарданельскаго пролива, такъ что береговыя скалы европейскаго берега во всѣхъ своихъ слояхъ соотвѣтствуютъ скаламъ азіатскаго, и ископаемыя, собранныя Спратомъ и другими геологами по сю и по ту сторону пролива, принадлежатъ къ однимъ и тѣмъ же видамъ. Въ древнія времена, часть Ѳракіи и болѣе половины пространства, покрытаго нынѣ водами Эгейскаго моря, занимало большое озеро прѣсной воды; когда же эти мѣстности выступили изъ-подъ воды, то Херсонесъ составлялъ часть азіатскаго материка, и лишь впослѣдствіи воды, вытекающія изъ Понта-Эвксинскаго черезъ Босфоръ, проложили себѣ путь черезъ разсѣлину Геллеспонта, или Дарданельскій

проливъ, носящій названіе древнихъ дарданійцевъ. Измѣренія глубины сосѣднихъ морей показываютъ, что, по рельефу своей подводной плоской возвышенности, равно какъ и по своему географическому образованію, полуостровъ Галлиполи принадлежитъ къ Азіи,—и что длинный и глубокій заливъ Сарось отдѣляетъ его отъ берега Македоніи какъ настоящая пропасть. Быть можетъ, вулканическія изверженія, слѣды которыхъ видны на востокъ и на западъ отъ полуострова, какъ и на маленькомъ Мраморномъ архипелагѣ и около устья Марицы, совпадали со временемъ его отдѣленія.

Если измѣренія ширины пролива, данныя Плиніемъ и Страбономъ, точны, то Геллеспонтъ вѣроятно расширился со временъ древней Греціи вслѣдствіе дѣйствія теченій. Въ самомъ узкомъ мѣстѣ, у Абидоса, нынѣ Нагары, онъ имѣлъ всего семь стадій ширины, т. е. около 1,295 метровъ, между тѣмъ какъ теперь имѣетъ около двухъ километровъ. Въ этомъ именно мѣстѣ былъ построенъ Ксерксомъ двойной мостъ изъ судовъ для прохода его арміи. Ложе морской рѣки здѣсь весьма глубоко, и въ то же время, теченіе очень быстро, такъ что невозможно было бы, по крайней мѣрѣ для деревяннаго флота, взять Дарданельскій проходъ, если бы только батареи на обоихъ берегахъ, въ Европѣ и Азіи, были достаточно хорошо вооружены. Геллеспонтъ, какъ и Босфоръ, имѣетъ также два теченія. Зимою, когда рѣки, впадающія въ Черное море, скованы льдомъ и Мраморное море не снабжается водами Босфора, теченіе соленой воды изъ Архипелага проникаетъ въ Дарданелы съ большею силою, но вслѣдствіе тяжести, придаваемой солью, постоянно идетъ ко дну. Такимъ образомъ, въ проливѣ всегда текутъ двѣ рѣки, одна поверхъ другой: нижняя съ болѣе соленою водою, направляющаяся къ Мраморному морю, и верхняя, съ водою сравнительно прѣсною, идущая къ морю Эгейскому.

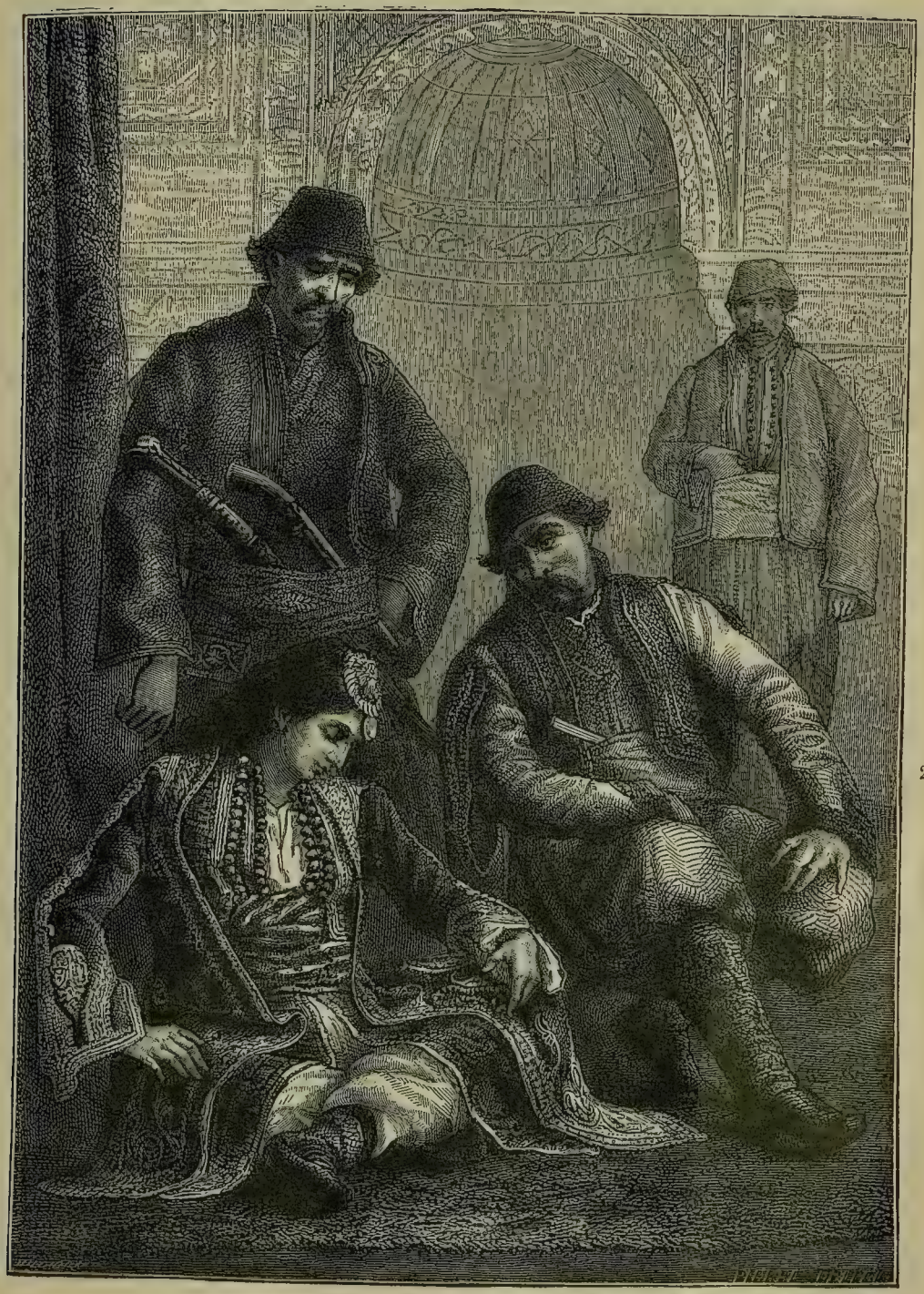
Вся длина Дарданельскаго пролива . .	68,000 метровъ
Средняя ширина	4,000 „
Наименьшая ширина	1,950 „
Средняя глубина	55 „
Наибольшая глубина	97 „

Галлиполи, Константинополь Геллеспонта, расположенный у западнаго края Мраморнаго моря, былъ первымъ городомъ, завоеваннымъ турками въ Европѣ. Они владѣли имъ около ста лѣтъ прежде чѣмъ овладѣли Стамбуломъ. Но, тѣмъ не менѣе, въ населеніи Галлиполи, какъ и въ столицѣ Турціи, османлисы не составляютъ большинства. Какъ въ Родосто и другихъ портахъ поморья Пропонтиды, здѣсь встрѣчаются мусульмане

различныхъ племенъ, греки, армяне, евреи, изъ которыхъ каждые живутъ хотя въ одномъ и томъ же городѣ, но совершенно особнякомъ. Населеніе селъ и деревень состоитъ почти исключительно изъ грековъ, которые являются собственниками обрабатываемой ими земли. Замѣчательно, что самыя обширныя этнологическія владѣнія грековъ, внѣ области Пинда, находятся именно въ виду Азіи именно въ той части Балканскаго полуострова, которая всего ранѣе занята турками: греки занимаютъ здѣсь не только поморье, но и всю внутреннюю часть страны, такъ что, за исключеніемъ большихъ городовъ и разбросанныхъ тамъ и сямъ немногочисленныхъ деревень болгаръ, имъ принадлежитъ вся восточная Ѳракія: отъ Босфора до Адріанополя и отъ Дарданеллъ до залива Бургасъ всюду находишься на землѣ эллиновъ.

Низменная часть этой области, большая треугольная равнина, ограниченная съ юга Текиръ-Дагомъ и холмами побережья, съ запада отрогами Родопа, а съ сѣверо-востока гранитными горами Странджа, представляетъ самую монотонную мѣстность въ Турціи. Болотистыя и запущенныя лощины напоминаютъ степи, а лѣтомъ, когда вѣтеръ поднимаетъ цѣлые столбы пыли, страна принимаетъ видъ совершенной пустыни. Угрюмое однообразіе равнины прерывается только далекими силуэтами горъ, да группами искусственныхъ холмовъ неизвѣстнаго происхожденія. Эти древніе памятники, служившіе, безъ сомнѣнія, могилами, столь многочисленны на поляхъ Ѳракіи и Болгаріи, что составляютъ необходимый элементъ пейзажа, и художникъ согрѣшилъ бы противъ дѣйствительности, если бы, рисуя видъ этой мѣстности, не изобразилъ на своей картинѣ одинъ или два *„тумули“*. На протяженіи какихъ нибудь 200 километровъ Вейзеръ насчиталъ болѣе трехсотъ двадцати такихъ холмовъ.

Городъ Адріанополь, расположенный почти на сѣверномъ краю этой неприглядной равнины, производитъ удивительный эффектъ зеленью своихъ садовъ, представляющихъ совершенную противоположность съ предшествовавшими обширными пространствами, совершенно лишенными деревьевъ. Ни одинъ городъ не имѣетъ такого улыбающагося вида и не содержитъ въ себя столько полей и рощъ, какъ Адріанополь. За исключеніемъ центра города, т. е. кварталовъ, окружающихъ цитадель, Адріанополь, у турокъ Эдирнэ, похожъ на совокупность отдѣльныхъ деревьевъ, такъ какъ группы домовъ раздѣляются между собою фруктовыми садами и рядами кипарисовъ и тополей, изъ-за которыхъ тамъ и сямъ возвышаются минареты его ста-пятидесяти мечетей. Журчащая вода водопроводовъ, многочисленные ручьи и три большія рѣки: Марица, Тунджа и Арда — оживляютъ предмѣстья и сады этого разбросаннаго города. Впрочемъ,



ТИПЫ:
1. Военный. 2. Мусульманка изъ Призрена. 3 и 4. Мусульмане изъ Адріанополя.

Адріанополь не только прекрасный городъ, но и самый важный центръ населенія внутренней Турціи. Стеченіе трехъ рѣкъ и соединеніе путей, идущихъ отъ верховьевъ Марицы, съ сѣвернаго склона Балкановъ и отъ морей Мраморнаго и Эгейскаго, однимъ словомъ, всѣ условія географическаго центра неизбѣжно предназначили мѣсто для построенія значительнаго города. Здѣсь возвышалась древняя Орестія, сдѣлавшаяся столицею королей Ѳракіи, здѣсь же построили римляне свой Адріанополисъ. Турки, когда они не владѣли еще Константинополемъ, сдѣлали этотъ городъ столицею своей имперіи и еще теперь можно видѣть прекрасный, но, къ сожалѣнію, плохо сохранившійся дворецъ персидской архитектуры, который былъ построенъ султанами въ концѣ четырнадцатаго столѣтія. Но и въ древней столицѣ, какъ и въ Стамбулѣ, османлисы составляютъ меньшую часть населенія и греки равняются имъ по числу и превосходятъ ихъ по дѣятельности. Болгары, находящіеся здѣсь на границѣ своей этнологической области, также многочисленны. Кромѣ того здѣсь, какъ и во всѣхъ восточныхъ городахъ, можно видѣть самую пеструю толпу людей всѣхъ возможныхъ племенъ, отъ музыканта цыгана до персидскаго купца. Евреи сравнительно многочисленнѣе въ Адріанополѣ, чѣмъ въ другихъ городахъ Турціи и представляютъ замѣчательное психологическое явленіе, отличаясь, какъ увѣряютъ, отъ своихъ единовѣрцевъ цѣлаго свѣта отсутствіемъ лукавства и торговою наивностью. По мѣстной поговоркѣ, „нужно десять евреевъ, чтобы сравняться съ грекомъ“; да и не только греки, а и болгары и валахи могли бы провести въ сдѣлкѣ бѣдныхъ сыновъ Израиля, что, въ сущности, составляетъ любопытное исключеніе въ исторіи еврейскаго народа.

Послѣ Адріанополя, значительнѣйшимъ городомъ является Киркъ-Килиссія (Саранта-Экклезія), населеніе которой состоитъ главнымъ образомъ изъ болгаръ, занимающихся винодѣліемъ. Этотъ городъ, расположенный на западномъ склонѣ горнаго хребта, параллельнаго горамъ Странча, какъ бы отдѣленъ отъ моря и не является связующимъ звеномъ между Адріанополемъ и Мидіей, древнимъ греческимъ городомъ съ подземными храмами и остальными портами Чернаго моря. Низменность, въ которой онъ находится, имѣетъ только два естественные выхода: дорога черезъ долину Эргине или Эршеника къ порту Родосто на Мраморномъ морѣ, и не легкій, излучистый путь къ югу, чрезъ Демотику, по долинѣ извилистой Марицы. Недавно еще моряки избѣгали устьевъ Марицы по причинѣ мелкихъ озеръ и топей, заражающихъ прибрежныя мѣстности; но компанія румелійскихъ желѣзныхъ дорогъ провела отъ Адріанополя къ Эгейскому морю желѣзную дорогу, которая оканчивается

именно въ этомъ мѣстѣ. Заливъ Эносъ далеко вдается здѣсь внутрь страны и доставляетъ судамъ прекрасное убѣжище отъ всѣхъ вѣтровъ, за исключеніемъ юго-западнаго. Въ скоромъ времени искусственная гавань Деде-Агачъ [1]) дастъ возможность судамъ, которыя пока останавливаются за километръ отъ берега, подходить къ самымъ насыпямъ пристани. Впрочемъ, жители Эноса ни чуть не спѣшатъ на призывъ торговли и не покидаютъ своего живописнаго горделиваго акрополя, окруженнаго валами и башнями, для смертельной атмосферы нижнихъ озеръ.

На западъ отъ Марицы полоса греческой территоріи сильно съуживается, такъ что только побережье занято моряками и рыболовами эллинскаго племени; горы же, возвышающіяся къ сѣверу, заселены почти исключительно турецкими крестьянами и болгарскими пастухами или земледѣльцами. Крутизны Родопа образуютъ въ этой части Турціи какъ бы разграничивающую стѣну между племенами. Болотистая береговая область, мелкіе рѣчные бассейны южнаго горнаго склона и нѣсколько уединенныхъ группъ вулканическихъ и кристаллическихъ скалъ составляютъ весьма узкую соединительную полосу между греками Ѳракіи и греками Халкедоніи и Ѳессаліи. Да и то въ нѣкоторыхъ мѣстахъ турки, сохранившіе здѣсь кочевые нравы и потому извѣстные между своими соотечественниками подъ названіемъ „юруковъ“ т. е. „ходоковъ“, проходятъ въ этихъ мѣстахъ до самаго морскаго берега, живутъ же собственно въ горной группѣ Панге или Пилавъ-Тепе, возвышающейся къ сѣверо-западу отъ Ѳазоса. Это тѣ самыя горы, которыя во времена македонскихъ царей были такъ богаты драгоцѣнными металлами. По народному преданію, „взятое лопатой золото тотчасъ же снова родилось въ нѣдрахъ земли, подобно тому, какъ въ поляхъ выростаетъ срѣзанная косою трава“. Къ сѣверу отъ Пилавъ-Тепе мѣстность, орошаемая рѣкою Карасу, уже нѣсколько лѣтъ какъ сдѣлалась главнымъ центромъ земледѣльческихъ продуктовъ. Между прочимъ тутъ культивируется шелководство и табаководство. Городъ Кавала, Неаполь древнихъ вѣковъ, построенъ на берегу залива противъ острова Ѳазоса. Кавала — родина Магомета-Али. Въ нѣсколькихъ льё отъ города находятся развалины Филиппи и знаменитое поле битвы, гдѣ рѣшилась судьба римской республики. Тотчасъ же къ западу отъ гранитныхъ массъ Пилавъ-Тепе, по берегамъ Стримона, или Струма, питаемаго многочисленными источниками долины Драмы, бью-

[1]) Оборотъ Деде-Агачъ въ 1884 г.:

Импортъ.	12.900,000 франковъ.
Экспортъ.	27.587.000 »
Итого	40.487,000 франковъ.

щими изъ земли настоящими рѣками, разстилается плодороднѣйшая равнина центръ которой занимаетъ большой городъ Сересъ. Вокругъ этого главнаго мѣста разбросаны цѣлыя сотни деревень среди плодовыхъ садовъ и полей хлопчатника и риса, отчего съ высоты горъ Родопа вся равнина имѣетъ видъ одного огромнаго города съ безчисленнымъ множествомъ садовъ. Къ несчастію, равнина эта въ иныхъ мѣстахъ весьма нездорова.

Тройной полуостровъ Халкедоніи, далеко выдающійся въ море, подобно гигантской простертой надъ водами рукѣ, совершенно отдѣленъ отъ отроговъ Родопа и соединяется съ материкомъ узкимъ и не высокимъ перешейкомъ. Почти все основаніе полуострова занято озерами, болотами и наносною землею. Этотъ полуостровъ походитъ на Грецію въ миніатюрѣ какъ по формѣ своихъ береговъ, затѣйливо испещреныхъ бухтами и мысами, такъ и по отдѣльнымъ группамъ горъ, возвышающимся среди низменныхъ мѣстностей, подобно островамъ среди водъ Архипелага. Одна такая группа сланцеватыхъ вершинъ, съ главною горою Кортачъ, возвышается на основной массѣ полуострова, а на каждомъ изъ его трехъ развѣтвленій проходятъ особыя системы крутыхъ высотъ. Походя на Грецію по внѣшнему виду, этотъ странный придатокъ материка представляетъ Грецію и по своему населенію, и, что́ весьма рѣдко въ Турціи, обитатели его принадлежатъ всѣ къ одному и тому же племени, за исключеніемъ маленькаго городка Нисворо, въ которомъ живутъ турки, и горы Аѳона, гдѣ нѣкоторые монахи славянскаго происхожденія.

Изъ трехъ лопастей Халкедоніи, выступающихъ въ Эгейское море, восточная, и безъ того уже почти совершенно изолированная, окончательно отдѣлилась отъ материка, когда чрезъ соединявшій ее перешеекъ былъ прокопанъ Ксерксомъ каналъ въ 1,200 метровъ длиною, для избавленія своего флота отъ опаснаго обхода мыса Акте, или же просто для того, чтобы дать изумленному населенію доказательство своего могущества. Этотъ полуостровъ называется Гагіонъ-Оросъ, у итальянцевъ Монте-Санто. На самомъ концѣ его возвышается гора изъ известковыхъ скалъ, быть можетъ самая красивая во всей восточной части Средиземнаго моря: это знаменитая Аѳонская гора, гдѣ зодчій Денократъ, или Демофилъ хотѣлъ высѣчь статую Александра, держащаго въ одной рукѣ городъ, а въ другой источникъ потока; на эту же вершину, по мѣстному преданію, дьяволъ переносилъ Іисуса, чтобы показать ему разстилающіяся подъ ногами страны міра. Но, что́ бы ни говорили греческіе монахи, панорама его не такъ обширна; тѣмъ не менѣе однако же, все побережье Халкедоніи, Македоніи и Ѳракіи, неясныя очертанія берега Азіи, крутой конусъ Са-

мооракіи и синева водъ морскихъ, представляютъ великолѣпное зрѣлище; взоръ обнимаетъ громадное пространство отъ Олимпа ѳессалійскаго до горы Иды въ Малой Азіи, рѣзкія же очертанія укрѣпленныхъ зданій, выдающихся тамъ и сямъ по склонамъ горы, среди каштановыхъ, дубовыхъ и еловыхъ лѣсовъ, представляютъ самый пріятный контрастъ съ сливающимся горизонтомъ и неясными очертаніями береговъ.

Высоты упомянутыхъ горъ побережья суть слѣдующія:

Гора Панге (Пилавъ-Тепе).	1,885	метровъ.
„ Кортачъ.	1,187	„
„ Аѳонъ	2,066	„

Гагіонъ-Оросъ, который одинъ путешественникъ сравниваетъ съ „сидящимъ на водѣ сфинксомъ“, принадлежитъ республикѣ монаховъ, избирающихъ свой собственный совѣтъ и управляющихся согласно своимъ обычаямъ. Благодаря платимой ими дани, они имѣютъ исключительное право жить на этомъ полуостровѣ, такъ что попасть на него можно только съ ихъ разрѣшенія. Отрядъ христіанскихъ солдатъ сторожитъ на перешейкѣ границу, чтобы ни одна женщина не осквернила своимъ присутствіемъ священной земли; даже турецкій губернаторъ долженъ оставлять свой гаремъ внѣ Гагіонъ-Ороса. Въ теченіе четырнадцати столѣтій, говоритъ исторія Аѳона, ни одна женщина не ступила на Святую Гору. Строго запрещено даже пребываніе на ней животныхъ женскаго рода: куры профанировали бы монастыри своимъ появленіемъ, почему яйца привозятся обыкновенно съ Ламноса. За исключеніемъ всякаго рода поставщиковъ, живущихъ въ деревнѣ Каріе, въ центрѣ полуострова всѣ остальные жители, въ числѣ приблизительно десяти тысячъ монаховъ и послушниковъ, живутъ въ монастыряхъ или скитахъ, разбросанныхъ вокругъ 935 церквей. Почти всѣ монахи—греки; впрочемъ изъ двадцати большихъ монастырей одинъ основанъ русскими и два выстроены на счетъ древнихъ государей Сербіи. Эти зданія, построенныя на выступахъ горы въ видѣ цитаделей, съ высокими стѣнами и оборонительными башнями, представляютъ большею частью весьма живописный видъ, а одно изъ нихъ, Симопетра, воздвигнутое на утесѣ на западномъ берегу, кажется положительно неприступнымъ. Въ этихъ то убѣжищахъ „добрые старцы“, или калугеры проводятъ свою жизнь въ бездѣятельномъ созерцаніи. По ихъ правиламъ, они должны молиться восемь часовъ днемъ и два часа ночью, никогда не садясь во время молитвы, отчего монахи не имѣютъ ни силы, ни времени на какое либо занятіе или даже на самую простую ручную работу. Книги ихъ библіотекъ были нѣсколько разъ раз-

смотрѣны учеными; но для нихъ самихъ эти книги совершенная тарабарщина. Не смотря на свою воздержность, они рисковали бы умереть съ голода, если бы мірскіе братья не работали для нихъ, и если бы они не имѣли на материкѣ многочисленныхъ мызъ. Орѣхи, увозимые отсюда на нѣсколькихъ судахъ, составляютъ все, что даетъ плодородный полуостровъ Аѳонской горы.

Два города, Олинѳъ и Потидея, находившіеся у основанія западнаго полуострова Халкедоніи, замѣняются въ настоящее время ничтожными деревнями; но древняя Терма, впослѣдствіи Ѳессалоники македонцевъ, а затѣмъ Салоники Востока и франковъ, не могла исчезнуть. Салоники занимаютъ слишкомъ счастливое положеніе, чтобы не возникать изъ своихъ развалинъ послѣ осадъ и пожаровъ; въ нихъ видны остатки всѣхъ эпохъ: циклопическія и эллиническія стѣны, тріумфальныя арки, остатки римскихъ храмовъ, византійскія сооруженія и венеціанскіе замки. Прекрасный портъ и отлично защищенный рейдъ, въ которомъ воды такъ же спокойны, какъ и въ озерѣ, сліяніе двухъ большихъ долинъ: долины Вардара и долины Инджe-Карасу, представляющихъ дороги въ Высокую Македонію и въ Эпиръ, наконецъ, положеніе въ углу Егейскаго моря, у самаго основанія греческаго полуострова, сдѣлали городъ Салоники необходимымъ и въ настоящее время онъ занимаетъ по значенію второе мѣсто въ Европейской Турціи. Какъ и въ другихъ городахъ востока, здѣсь имѣютъ своихъ представителей всѣ племена, но евреи сравнительно весьма многочисленны и происходятъ преимущественно отъ тѣхъ израильтянъ, которые изгнаны изъ Испаніи инквизиціею, такъ что ихъ обычный языкъ все еще кастильскій. Чтобы избѣжать новыхъ преслѣдованій, весьма многіе изъ нихъ сочли нужнымъ обратиться внѣшнимъ образомъ въ магометанство, но мусульмане всегда съ презрѣніемъ отталкивали ихъ отъ себя. Они вообще извѣстны подъ названіемъ „маминовъ“.

Салоники, около котораго возникло нѣкогда могущество македонянъ, уже и теперь отличается обширною торговлею, но его надежды на будущее еще шире. Подобно Марселю, Тріесту и Бриндизи, онъ желаетъ служить пунктомъ, участвующимъ въ торговлѣ Индіи съ Англіею и, дѣйствительно, когда будетъ окончена дорога черезъ материкъ отъ Ла-Манша до Эгейскаго моря, то Салоники будутъ исходомъ для той линіи европейской сѣти, которая направлена къ Суэзскому перешейку, а это преимущество, въ совокупности съ другими, не преминетъ утвердить за нимъ весьма важное значеніе въ міровой торговлѣ. Съ этнологической точки зрѣнія, торговый городъ Македоніи представляется также назначеннымъ

для значительной роли, ибо господствующее племя Турціи, ославянившіеся болгары, которые всюду, за исключеніемъ Бургаса на Понтѣ Эвксинскомъ, отдѣляются отъ моря населеніемъ другаго происхожденія, въ этой части Македоніи распространяется до самыхъ береговъ Средиземнаго моря и, при посредствѣ Салоникъ, находится въ сношеніяхъ съ остальною Европою. Главная причина, по которой Салоники такъ замедлили въ достиженіи своего великаго значенія,—это окрестныя болота. Лѣтомъ всякій, кто можетъ, бѣжитъ въ болѣе здоровую мѣстность Каламерію, къ западу отъ города. Впрочемъ, вредный и наполненный міазмами воздухъ тяготѣетъ надъ всѣмъ сѣвернымъ берегомъ Эгейскаго моря. По роскоши своего очертанія и многочисленности заливовъ, Македонія кажется страною, наилучшимъ образомъ расположенною для торговли, но пока, за исключеніемъ Салоникъ, она оставалась внѣ великаго торговаго движенія, ибо въ коммерческомъ отношеніи ея озера и ея болотистыя низины гораздо болѣе отдѣляли ея внутреннія долины отъ береговой полосы, чѣмъ самыя горы. На сѣверо-западѣ отъ Салоникъ почти вся Вардарская долина принадлежитъ болгарамъ, по ремеслу—пастухамъ или земледѣльцамъ. Верхнія мѣстности заняты отчасти сербами.

На западномъ берегу Салоникскаго залива, по ту сторону Вардара съ перемѣщающимся устьемъ, и Индже-Карасу или Быстрицы съ соленою водою, мѣстность, сначала низменная и болотистая, мало по малу возвышается: сначала идутъ холмы, потомъ слѣдуютъ настоящія горы и, наконецъ, громадныя высоты, едва оставляющія узкую тропинку около самаго берега, громоздятся одна за другою вплоть до прекрасныхъ вершинъ, увѣнчанныхъ Олимпомъ, „стройною вершиною Неба“. Изъ множества горъ, носившихъ названіе Олимпа, эта гора самая высокая и самая красивая и она есть именно та, которую воспѣвали греческіе поэты и которую, благодаря имъ, мы привыкли представлять себѣ мѣстомъ собранія боговъ. Въ тѣни этого Олимпа, по равнинамъ Θессаліи, жили эллины въ юную пору своей исторіи, и самыя дорогія ихъ традиціи были связаны съ этими прекрасными мѣстами. Горы, укрывавшія ихъ колыбель, остались для нихъ тропомъ ихъ боговъ-покровителей. Даже и въ наше время, хотя Юпитеръ, Бахусъ и другіе великіе боги исчезли, мѣсто ихъ на Олимпѣ заняли пророки и апостолы: святой Елисей, святой Діонисій, и монахи построили свои монастыри въ тѣхъ самыхъ священныхъ лѣсахъ, въ которыхъ когда-то ходили вакханки. Одна изъ вершинъ, Калогеросъ, по словамъ легенды, служитъ крышкою гроба святаго Діонисія; на другой же, пикѣ Метаморфозисъ, совершилось Преображеніе.

Недавно еще клефты или бандиты, между которыми греческія воз-

станія находили себѣ героевъ, были вмѣстѣ съ монахами единственными обитателями высокихъ долинъ Олимпа, гдѣ съ трудомъ могли преслѣдовать ихъ арнаутскіе солдаты. Горная масса дѣйствительно составляетъ какъ бы особый міръ, образуя со всѣхъ сторонъ грозныя крутизны: „сорокъ два пика служатъ зубцами этой крѣпости и пятьдесятъ два источника струятся въ ней“. Какимъ же образомъ проклятый турокъ могъ бы похитить у клефта „горную свободу“, которою онъ такъ гордится? Прекраснѣйшіе лѣса лавровъ, чинаръ, каштановъ и дубовъ покрывали и тѣ склоны нижняго Олимпа, которые обращены къ морю, и въ эпохи смутъ служили убѣжищемъ всему населенію; но они уступлены итальянскимъ опекуляторамъ и, быть можетъ, въ скоромъ времени Олимпъ будетъ представлять такую же голую пирамиду, какъ и бо́льшая часть горъ Архипелага. Къ тому же верхняя граница произрастанія деревьевъ довольно низка на Олимпѣ, какъ и на другихъ высокихъ горахъ полуострова. На скалистыхъ крутизнахъ верхняго Олимпа еще встрѣчаются серны, а ниже весьма многочисленны дикія кошки, медвѣди же всѣ исчезли: святой Діонисій, нуждаясь въ лошади, превратилъ всѣхъ ихъ въ лошадей.

Уже одинъ древній геометръ, Ксенагоръ, пытался измѣнить высоту Олимпа и нашелъ, что она равна десяти стадіямъ слишкомъ, т. е. приблизительно 1,877 метрамъ, но онъ ошибся на цѣлую треть, ибо высочайшая вершина имѣетъ вышину почти въ три километра. Весьма можетъ быть, что Олимпъ представляетъ самую высокую гору на фракійско-эллинскомъ полуостровѣ, ибо въ самыхъ верхнихъ своихъ ложбинахъ постоянно сохраняетъ нѣкоторое количество снѣга. Крутые выступы его верхнихъ скалъ дѣлаютъ восхожденіе на него весьма затруднительнымъ, такъ что, кажется, никто не восходилъ еще до высшей его точки, хотя существуютъ и противоположныя мнѣнія. Греческій миѳъ говоритъ, что Пеліопа, взгроможденнаго на Оссу, не было достаточно титанамъ, чтобы составить высоту Олимпа, и дѣйствительно эти двѣ горы, поставленныя одна на другую, были бы немногимъ выше Олимпа [1]). Олимпъ есть естественная граница греческаго міра, но греки перешли его на сѣверъ и разсѣялись по ту сторону. Но на югѣ до сихъ поръ (1886 г.) Олимпъ представляетъ собою политическую границу Турціи. Часть территоріи, заключенная между Θессаліей и Македоніей, небогата городами. Верріа,

---

[1]) Олимпъ . . . . . 2,972 метра.
Осса . . . . . 1,600 »
Пеліонъ . . . . . 1,564 »

стоящая на одной изъ „Черныхъ Рѣкъ“, впадающихъ въ Салоникскій заливъ, имѣетъ наибольшее число жителей [1]).

IV.

АЛБАНІЯ И ЭПИРЪ.

Названіе „Шкипери“, которое даютъ своей родинѣ сами албанцы, значитъ, по всей вѣроятности, „страна скалъ“, и никакое опредѣленіе не можетъ быть лучше, ибо каменистыя горы покрываютъ всю страну, начиная отъ Черногоріи до границъ Греціи. Единственную, довольно обширную равнину въ Албаніи представляетъ бассейнъ Скодры, или Скутари (Александрія), который ограничиваетъ съ юга плоскую возвышенность Черногорья и, дѣйствительно, можетъ считаться естественною границею албанской территоріи. Въ глубинѣ этого бассейна лежитъ обширное озеро Блато, или Скодра, остатокъ древняго, еще гораздо болѣе обширнаго внутренняго моря. Здѣсь же приходится и устье самой большой албанской рѣки Дрины, одной изъ немногихъ рѣкъ турецкаго полуострова, по которымъ суда могутъ подниматься вверхъ на нѣкоторое разстояніе отъ моря. Еще недавно Дрина, образующаяся изъ двухъ рѣкъ „Бѣлой“ и „Черной“, была только временнымъ притокомъ озера Скодры и наполняла въ половодье сначала нижнюю его равнину, а затѣмъ, не смотря на плотины, которыми пытались удержать ее, изливалась въ озеро съ боку, становясь такимъ образомъ данникомъ Бояны. Въ 1858 году рѣка избрала себѣ новый путь противъ деревни Мьетъ, километрахъ въ сорока отъ своего впаденія въ море и теперь направляетъ къ Скодрѣ наибольшую массу своихъ водъ, часто наводняя его низменныя окрестности. Болотистая мѣстность нижней Дрины съ ея неопредѣленною и измѣнчивою покатостью весьма опасна въ жаркое время года, такъ какъ лихорадки Бояны самыя страшныя и самыя смертельныя на всемъ побережьѣ.

---

[1]) Главные города эллинской и болгарской Турціи и ихъ приблизительное народонаселеніе:

Константинополь	865,000 чел.	Родосто	25,000 чел.
Адріанополь	121,000 »	Сересъ	22,000 »
Салоники	110,000 »	Кавалла	20,000 »
Галлиполи	28,000 »	Демотика	19,000 »
Киркъ-Килиссія	28,000 »	Верріа	10,000 »

Гомулджина. . . . . 5,400 чел.

АЛБАНСКІЕ ТИПЫ.

Бо́льшая часть южныхъ развѣтвленій Боснійскихъ Альпъ заселены албанцами, но они отдѣлены отъ собственной Албаніи, лежащей на востокъ отъ озера Скодры, ущельемъ, въ глубинѣ котораго течетъ Дрина и которое похоже на ущелье Скалистыхъ горъ Сѣверной Америки. Въ ущелье это не спускается ни одной тропинки, а пики стѣнъ его имѣютъ цѣлыя тысячи метровъ высоты. Двѣ эти системы горъ соединяются не прямо, а лишь посредствомъ ряда хребтовъ и плоскогорій, направляющихся къ юго-востоку отъ горы Глиба къ Скару, Скардусу древнихъ. Эта горная масса, отличающаяся отъ прочихъ цѣпей западной Турціи направленіемъ своего хребта, идущимъ перпендикулярно къ общей массѣ возвышенностей, можетъ быть разсматриваема, какъ центральный „узелъ“ горъ полуострова. Главныя вершины ея, между которыми особенно выдѣляется пирамида Любатринъ, не достигаютъ, правда, высоты гигантовъ турецкой Славоніи—Кома и Дормитора, но за то здѣсь соединяются система Балкановъ съ системами Босніи и Албаніи. Скаръ имѣетъ большое значеніе въ отношеніи водъ Турціи, ибо съ него стекаютъ двѣ большія рѣки, болгарская Морава и Вардаръ, изъ которыхъ первая направляется къ Дунаю, а вторая къ Салоникскому заливу. Здѣсь, какъ и въ цѣпяхъ Пинда и Родопа, встрѣчаются еще серны и каменные бараны, а г. Витъ, между красными звѣрями здѣшнихъ лѣсовъ, упоминаетъ одно животное, которое мирдитамъ извѣстно подъ именемъ lucerbal'a и которое, безъ сомнѣнія, принадлежитъ къ семейству леопардовъ.

На западъ отъ Скара, по другую сторону глубокой долины Черной Дрины, возвышается горная твердыня, хотя имѣющая не болѣе 1,000 метровъ вышины, но чрезвычайно недоступная: это цитадель Верхней Албаніи страна Дукачиновъ и Мирдитовъ. Громадные серпентиновые утесы выступаютъ здѣсь изъ известковой почвы, вокругъ долинъ поднимаются всюду высокія стѣны, а внѣшніе склоны, изрытые глубокими ложами потоковъ, отличаются крутизною. Въ общемъ, эти горы слѣдуютъ направленію къ югу и юго-востоку, параллельно южнымъ отрогамъ Скара, при чемъ онѣ мало по малу понижаются, принимая менѣе грозный видъ и уступая мѣсто обширнымъ бассейнамъ, въ которыхъ скопляются воды. Виды этой озерной области чрезвычайно живописны. Самое обширное въ Верхней Албаніи озеро, Окрида, не уступаетъ Женевскому, вода въ немъ и синѣе, и прозрачнѣе, чѣмъ въ послѣднемъ, такъ что на глубинѣ пятнадцати и двадцати метровъ видны гоняющіяся другъ за другомъ рыбы, отчего и происходитъ древнее греческое названіе озера Лихнидосъ. При истокѣ озера возвышаются хорошенькій городокъ Окрида, расположенный амфитеатромъ, и горы Пьеріа съ древнимъ римскимъ замкомъ; по сторонамъ

же разбросано около дюжины бѣлыхъ деревень, расположенныхъ среди дубовыхъ лѣсовъ. Весьма возможно, что прежде озеро Окрида, вмѣсто того чтобы стекать на сѣверъ, черезъ узкую, стѣснепную ущельями долину Черной Дрины, изливало избытокъ своихъ водъ къ юго-западу въ маленькое озеро Маликъ, черезъ которое протекаетъ рѣка Деволъ. Если вѣрить туземцамъ, то озеро Окрида имѣетъ своими данниками два озера Пресбу и Дреново, расположенныя на востокѣ, въ глубокой впадинѣ образовавшейся вслѣдствіе провала, а ключи, бьющіе могучими фонтанами голубой воды, представляютъ собою подземные оттоки этого двойнаго бассейна.

Къ югу отъ этой озерной области, надъ которою съ запада возвышается прекрасная изолированная вершина Томоръ, начинается цѣпь Пинда, называемая здѣсь Грамосъ. Сначала она довольно низка и перерѣзана многочисленными ущельями, представляющими легкій переходъ изъ Албаніи въ Македонію, но затѣмъ она постепенно поднимается и на востокѣ отъ Янины образуетъ горный узелъ Мецово, точку отправленія собственно Пинда. Эта группа, въ которой соединяются четыре цѣпи, ниже пиковъ Босніи и Скара, но красивѣе послѣднихъ: пирамиды ея разбросаны въ живописномъ безпорядкѣ; склоны, въ особенности восточные, покрыты сосновыми и буковыми лѣсами, а равнины, разстилающіяся у ея подножія, носятъ болѣе южный характеръ. Гора Цигосъ, Лакмонъ древнихъ грековъ, состоящая изъ эоценовыхъ скалъ и представляющая самый центръ группы, недостаточно высока, чтобы господствовать надъ этою прекрасною панорамою, но стоитъ взобраться на сосѣднія изрытыя, утесистыя вершины Перистера Вуна, или Смолику, чтобы увидѣть разомъ и воды Эгейскаго моря, и воды Іоническаго, и даже различить берега Греціи по ту сторону Артскаго залива.

Въ обширной известковой котловинѣ съ западной стороны, у подножія группы Мецово, находится знаменитое озеро Янина. Ни одна область во всей территоріи Эпира не представляетъ столь интересныхъ явленій, какъ берега этого озера. Имѣя, по измѣреніямъ Гвидо Кора, менѣе 10 метровъ средней глубины, оно принимаетъ въ себя обильные, бьющіе изъ основанія скалъ источники и не имѣетъ ни одного видимаго оттока. Но, по словамъ путешественника Леке, каждый изъ двухъ образующихъ его бассейновъ, соединенныхъ между собою болотистымъ каналомъ, загроможденнымъ островами и камышемъ, имѣетъ свой особый скрытый оттокъ. Сѣверное озеро, или Лабшистасъ, изливается въ пропасть и затѣмъ появляется на юго-западѣ въ видѣ большаго потока, который впадаетъ въ Іоническое море противъ Корфу: это Тіамисъ, нынѣш-

ній Мавропотамосъ. Далѣе къ югу струится изъ скалъ древній Ахеронъ, который ниже увеличивается отъ впаденія въ него другого, не менѣе знаменитаго, но вреднаго для здоровья потока Коцита, Бобоса у туземцевъ. Заливъ, въ который впадаютъ всѣ эти воды, въ древнія времена носилъ, благодаря имъ, названіе „Залива Прѣсныхъ Водъ“. Самое озеро Янина въ мелководье имѣетъ только одинъ оттокъ, ниспадающій каскадомъ въ пропасть, надъ которою вертятся колеса мельницы; надъ этою же наполненною клокочущими водами воронкою возвышаются циклопическія постройки пелазгійскаго города Геллы. На значительномъ разстояніи далѣе къ югу, подземный потокъ снова выходитъ наружу и течетъ не въ Іоническое море, какъ Ахеронъ, а въ Артскій заливъ. Но когда поверхность озера бываетъ выше, то избытокъ воды принимаютъ еще четыре другія „пасти“, открывающіяся въ скалахъ, въ видѣ рѣшетъ, которыя „проглатываютъ“ воду, какъ говорятъ мѣстные греки и относятъ въ тотъ же отточный каналъ. Маленькія же озера, расположенныя въ нѣкоторомъ разстояніи одно отъ другого надъ подземнымъ каналомъ, представляютъ какъ „окна“, въ которыя выглядываетъ скрытый потокъ. Большое значеніе, пріобрѣтенное въ миѳологіи Греціи оттоками Янины, этими грозными рѣками Коцитомъ и Ахерономъ, указываютъ на то вліяніе, которое должны были имѣть пелазги этихъ мѣстностей на цивилизацію эллиновъ. Миѳы древнихъ геллопійцевъ сдѣлались миѳами всѣхъ грековъ, и никакой храмъ Эллады не почитался больше Додонскаго лѣса, гдѣ, въ шелестѣ дубовыхъ листьевъ слышались предсказанія будущаго. Весьма можетъ быть, что это священное мѣсто находилось близь развалинъ одного изъ столь многочисленныхъ здѣсь циклопическихъ городовъ, но нѣкоторые писатели полагаютъ, что этотъ таинственный лѣсъ былъ расположенъ на самомъ берегу Янинскаго озера; нѣкоторые же, безъ сомнѣнія совершенно ошибочно, утверждаютъ, что онъ находился именно на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ укрѣпленный замокъ, въ которомъ жилъ въ началѣ столѣтія грозный паша Эпира-Али-Тепелени—чудовище, съ гордостью считавшее себя „горящимъ факеломъ для истребленія людей“. Въ настоящее время извѣстно, благодаря Карапаносу, изысканія котораго въ точности подтвердили гипотезы Дональдсона и Вордсворта, что развалины Додоны находятся въ 18 километрахъ къ юго-западу отъ Янины, въ долинѣ Чараковича.

Къ западу отъ бассейна Янины только горы страны Сули имѣютъ до тысячи метровъ вышины, другія же, хотя весьма круты и недоступны, но гораздо ниже ихъ, а около моря состоятъ лишь изъ небольшихъ скалистыхъ мысовъ, скудно поросшихъ низкимъ кустарникомъ, среди кото-

раго рыщутъ шакалы. Болота, сообщающіяся съ моремъ, запертыя долины, въ которыхъ скопляется дождевая вода, и ложа потоковъ, украшенныя олеандрами, перерываютъ горныя цѣпи и распространяютъ въ жаркое лѣто свои вредные міазмы по окрестнымъ деревнямъ. Но къ сѣверу отъ болота Бутринто и къ западу отъ величественной одинокой горы Кондовуни поморье начинаетъ подниматься, образуя суровую цѣпь Химера-Мала или Акро-Керонію, столь грозную для древнихъ вслѣдствіе бурь, разражавшихся около ея скалъ, и потоковъ, или „химеръ", низвергавшихся съ ея склоновъ. На вершинѣ этихъ самыхъ Акрокеронскихъ горъ и возсѣдалъ Юпитеръ-Громовержецъ. У основанія рѣзко выдающагося каменнаго мыса, имѣющаго видъ языка (linguetta) и указывающаго входъ въ Адріатическое море, вѣтеръ часто превращается въ неожиданный шквалъ: здѣсь-то и находятся тѣ „проклятые рифы", о которыхъ говоритъ латинскій поэтъ, и у которыхъ погибло столько матросовъ. Въ этомъ мѣстѣ каналъ, отдѣляющій Турцію отъ Итальянскаго полуострова, имѣетъ въ ширину всего 72 километра и менѣе 200 метровъ глубины. Быть можетъ, прежде эти двѣ сосѣднія земли соединялись между собою посредствомъ перешейка.

Главныя высоты описаннаго пространства суть:

Самая выс. верш. Скара	2,500 (?) мет.	Кондовуни	1,960 мет.
Томоръ	2,200 —	Акрокеронскія горы.	2,045 (?)—
Пигосъ, или Лакмонъ. .	1,678 —	Озеро Окрида.	655 —
Смолика	1,820 —	Озеро Янина	350 (?)—

Албанское или шкипетарское населеніе раздѣляется на два главныя племени: тосковъ и гёговъ, которыя оба происходятъ, безъ сомнѣнія, отъ древнихъ пелазговъ, но въ иныхъ мѣстахъ перемѣшались съ элементами славянскимъ, болгарскимъ и румынскимъ. Быть можетъ, впрочемъ, оно имѣло еще и другихъ этнологическихъ родоначальниковъ, ибо здѣсь встрѣчаются какъ лица самаго благороднаго эллинскаго типа, такъ и безобразныя, отталкивающія физіономіи. Гёги самаго чистаго происхожденія занимаютъ подъ разными названіями, всю Албанію съ сѣвера до рѣки Шкумба, къ югу же отъ этой границы простирается территорія тосковъ. Языкъ этихъ двухъ народовъ весьма различенъ, такъ что акрокеронiецъ съ трудомъ пойметъ мирдита или какого либо другого сѣвернаго албанца. Къ различію нарѣчій присоединяется большею частью и племенная вражда. Гёгъ и тоскъ ненавидятъ другъ друга до такой степени, что въ турецкихъ войскахъ принято разъединять ихъ, изъ опасенія, чтобы между ними не происходило дракъ и если приходится усмирять шкипетарское

возстаніе, правительство всегда употребляетъ для этого албанскія войска враждебнаго племени, употребляя такимъ образомъ ихъ взаимную ненависть въ свою пользу.

До переселенія варваровъ албанцы занимали всю западную часть полуострова Гемуса до Дуная, но были принуждены отодвинуться и тогда вся территорія Албаніи была занята сербами и болгарами. Множество славянскихъ именъ, встрѣчающихся во всѣхъ частяхъ страны, напоминаютъ о томъ періодѣ завоеваній, въ которомъ исторія не называетъ даже первобытныхъ населеній. Но какъ только могущество сербовъ было подавлено османами, албанцы выдвинулись снова, и съ тѣхъ поръ не переставали напирать на своихъ сосѣдей славянскаго происхожденія. На сѣверо-востокѣ они мало по малу добрались до долины болгарской Моравы, а одна изъ ихъ колоній проникла даже въ независимую Сербію. Они окружили, какъ море своими волнами, острова и архипелаги славянскаго населенія; оттого и произошло, что группы сербовъ, отдѣленныя отъ своей націи, все еще встрѣчаются по сосѣдству съ Акрокероніей, по берегамъ озера Охриды и на всѣхъ горахъ, окружающихъ роковую равнину Коссово, гдѣ были перебиты ихъ предки. Наплывы албанцевъ объясняются въ особенности выселеніемъ сербовъ изъ отечества. Чтобы избавиться отъ турецкаго владычества, эти послѣдніе эмигрировали сотнями тысячъ, подъ предводительствомъ своихъ патріарховъ, и находили себѣ убѣжище въ Венгріи; шкипетарскимъ завоевателямъ, по преимуществу мусульманамъ, оставалось только занимать пустыя пространства; но тамъ и сямъ все еще остаются мѣста незанятыя, ожидающія заселенія. Мѣстные сербы быстро становятся албанцами по языку, религіи и обычаямъ, называютъ себя турками, какъ и арнауты, и имя сербовъ становится приложимымъ у нихъ лишь къ христіанамъ по ту сторону границы. Впрочемъ, нравы гёговъ сходны съ нравами ихъ сосѣдей, славянъ, до такой степени, что ясно доказываютъ довольно значительное смѣшеніе обоихъ племенъ.

Но расширяя свои земли къ сѣверу, албанцы теряютъ ихъ съ юга. Будучи несомнѣнно эпирскаго, т. е. пеласгійскаго происхожденія, часть жителей южной Албаніи, тѣмъ не менѣе, говоритъ по гречески. Арта, Янина, Превеза—города эллинизованные, и только нѣсколько мусульманскихъ фамилій сохранили здѣсь албанскіе обычаи. Почти на всемъ пространствѣ между Пиндомъ и цѣпями прибрежныхъ горъ у Адріатическаго моря господствуетъ греческій языкъ, а въ областяхъ, которыя простираются къ западу до самаго моря, все населеніе говоритъ на обоихъ языкахъ. Таковы, напр., знаменитые суліоты, которые дома говорятъ на тоскскомъ языкѣ, а съ посторонними по-гречески. Впрочемъ,

тамъ, гдѣ встрѣчаются оба племени разомъ, всегда албанцы бываютъ принуждены учиться языку эллиновъ, которые не снисходятъ до изученія нарѣчія первыхъ и презираютъ его. Впрочемъ, значительное число тосковъ принадлежитъ къ православному вѣроисповѣданію и находятся такимъ образомъ въ духовной зависимости у греческаго духовенства, которое дѣятельно ведетъ политическую пропаганду. Это тѣмъ болѣе легко, что во всей странѣ существуютъ только однѣ греческія школы. Албанская литература характера строго національнаго, но еще очень бѣдна и заключается въ религіозныхъ книгахъ, эротической поэзіи, сказкахъ, народныхъ пѣсняхъ и отрывочныхъ былинахъ, повѣствующихъ о жаркихъ битвахъ съ турецкими полчищами.

Вліяніе грековъ въ южной Албаніи возрастаетъ тѣмъ легче, что можетъ опираться на другое племя, разсѣянное гораздо болѣе многочисленными группами среди шкипетарскаго населенія, чѣмъ среди грековъ Олимпа и Акарнаніи. Это племя зинзаровъ, называемыхъ также македоно-валахами, „хромыми валахами“, или, просто, южными румынами. Въ сущности, это братья тѣхъ румыновъ, которые живутъ на сѣверѣ равнинъ Валахіи и Молдавіи, но значительною сплошною массою, составляющею цѣлое племя; они населяютъ только оба склона Пинда, къ югу и къ востоку отъ озера Янины, гдѣ по нѣкоторымъ писателямъ, ихъ насчитывается до двухсотъ тысячъ. Подобно дунайскимъ румынамъ, это, по всей вѣроятности, латинизованные даки. Они похожи на валаховъ по чертамъ лица, по манерамъ, по характеру и подобно имъ, говорятъ на поволатинскомъ языкѣ, перемѣшанномъ, правда, со множествомъ греческихъ словъ. Въ долинахъ Пинда зинзары по преимуществу кочующіе пастухи и часто оставляютъ свои деревни на цѣлые мѣсяцы; но многіе изъ нихъ употребляютъ ловкость своихъ рукъ и свои весьма значительныя умственныя способности и на другія занятія. Почти всѣ каменьщики Турціи,—исключая столичные города,—изъ зинзаровъ. Часто одинъ и тотъ же человѣкъ составитъ планъ дома и самъ выстроитъ его, превращаясь постепенно изъ архитектора въ плотника, изъ плотника въ столяра, изъ столяра въ слесаря. Румыны Пинда бываютъ также отличными серебряниками.

Опытные въ веденіи всякаго рода дѣлъ, они исполняютъ внутри Турціи такую же роль естественныхъ посредниковъ торговли, какъ греки по берегамъ моря. Разсказываютъ, что прежде валахи Мецово находились подъ непосредственнымъ покровительствомъ Порты конечно потому, что они давали въ займы деньги. Всякій путешественникъ какъ христіанинъ, такъ и мусульманинъ, обязанъ былъ расковывать своихъ

лошадей передъ выѣздомъ изъ территоріи Мецово, „чтобы не унести нечаянно частицы не принадлежащей ему почвы“. Конторы валаховъ Пинда встрѣчаются во всѣхъ городахъ Востока и даже въ Вѣнѣ, гдѣ одинъ изъ самыхъ значительныхъ банкирскихъ домовъ основанъ однимъ изъ валаховъ. За границею ихъ обыкновенно принимаютъ за грековъ, потому что они всѣ говорятъ на этомъ языкѣ, и зажиточные изъ нихъ посылаютъ своихъ дѣтей въ аѳинскія школы Одинокіе среди мусульманъ зинзары Пинда чувствуютъ необходимость примкнуть къ партіи, отъ которой они могли бы ждать себѣ свободы. Партія эта представляетъ греческій міръ, къ которому, какъ они долго надѣялись, присоединится когда нибудь ихъ родина. Дѣйствительно, по договору 1881 г. часть ихъ земли отошла къ Греціи, но только часть Оставшіеся чувствовали себя какъ-бы изолированными и лишь въ самое недавнее время почувствовали себя солидарными съ сѣверными румынами и съ итальянцами. Вообще, они довольно дешево цѣнятъ свою собственную національность и вовсе не стремятся составить самостоятельное племя, такъ что множество македоно-валаховъ эллинизировались совершенно. Въ средніе вѣка почти вся Ѳессаліи была населена зинзарами, отчего византійскіе писатели и называли ее Великою Валахіею. Переселялись ли они въ нынѣшнюю Румынію, какъ полагаютъ нѣкоторые писатели, или же были постепенно ассимилированы греками, во всякомъ случаѣ, они въ настоящее время весьма малочисленны на восточномъ склонѣ Пинда и разбросаны маленькими отдѣльными колоніями. Наконецъ, тысячи румынскихъ семействъ, живущихъ въ приморскихъ городахъ, сдѣлались мусульманами, хотя еще сохранили валахскій языкъ.

Кромѣ этихъ зинзаровъ, греческихъ эпиротовъ, сербовъ и немногочисленныхъ османлисовъ въ большихъ городахъ, населеніе западной Турціи между горами Босніи и Греціею состоитъ изъ полу-варваровъ гёговъ и тосковъ, соціальное положеніе которыхъ не измѣнилось въ теченіе трехъ тысячъ лѣтъ. По своимъ нравамъ, по чувствамъ и мыслямъ, албанцы и нынѣ все еще представляютъ намъ пелазговъ древнихъ временъ; многія сцены, при которыхъ присутствуетъ путешественникъ, переносятъ его вполнѣ въ Одиссею. Георгъ Ганъ, всѣхъ лучше изучавшій шкипетарцевъ, считалъ ихъ настоящими дорійцами, какими должны были быть гераклиды, когда они покидали горы Эпира, отправляясь на завоеваніе Пелопонеза. Они имѣютъ то же мужество, ту же любовь къ войнѣ и къ господству, тотъ же племенной духъ и даже почти тотъ же костюмъ, ибо ихъ бѣлая фустанелла, изящно перетянутая въ таліи, не что иное, какъ древняя хламида. Между прочимъ гёги, какъ и дорійцы прежнихъ временъ, склонны къ той таинственной страсти, которую историки древ-

ности смѣшивали, къ несчастію, съ неестественнымъ порокомъ и которая привязываетъ взрослыхъ людей къ дѣтямъ чистою и преданною любовью, любовью идеальною, безъ всякаго участія чувственности.

Въ настоящее время нѣтъ ни одного народа, военныя лѣтописи котораго представляли бы болѣе удивительные примѣры мужества, чѣмъ лѣтописи албанцевъ. Въ пятнадцатомъ столѣтіи у нихъ былъ Скандербегъ, ихъ „Александръ Великій“, который, правда, не имѣлъ такой обширной арены для своей славы, какъ Александръ Македонскій, но не уступалъ послѣднему по своему генію и былъ великъ своею справедливостью и добротою. Какой народъ превосходилъ когда либо въ мужествѣ этихъ горныхъ суліотовъ, гдѣ изъ тысячъ не нашлось ни одного старика ни одной женщины, ни одного ребенка, который бы попросилъ милости у убійцъ, посланныхъ Али-Пашею? Героизмъ этихъ суліотскихъ женщинъ, поджигавшихъ ящики съ патронами, бросавшихся съ вышины скалъ или кидавшихся съ пѣніемъ погребальныхъ пѣсенъ, всегда останется однимъ изъ удивительныхъ историческихъ фактовъ.

Но къ этому мужеству у многихъ албанскихъ племенъ примѣшивается крайняя дикость. Человѣческая жизнь цѣнится весьма мало у этихъ воинственныхъ людей, и коль скоро кровь пролита, она требуетъ крови: жертвы отмщаютъ за себя новыми жертвами. Албанцы вѣрятъ въ вампировъ, въ привидѣнія, и случалось, что сожигали стариковъ, подозрѣваемыхъ въ способности убивать другихъ своимъ дыханіемъ. Рабства у нихъ не существуетъ, но женщина всегда бываетъ слугою, на нее смотрятъ какъ на существо низшее, безправное, неимѣющее собственной воли. Обычай воздвигаетъ между двумя полами преграду, которая непреодолимѣе бдительно охраняемыхъ стѣнъ гинекея. Дѣвушка не имѣетъ права говорить ни съ какимъ молодымъ мужчиною: это было бы преступленіе, которое отецъ или братъ омылъ бы, быть можетъ кровію. Родители, задумавъ женить сына, принимаютъ иногда во вниманіе его желаніе; съ дочерью же не совѣтуются никогда. Часто они просватываютъ ее еще съ колыбели; а когда она достигаетъ двѣнадцатилѣтняго возраста, уступаютъ ее избранному молодому человѣку за полное приданое и опредѣленную обычаемъ сумму денегъ, не превосходящую среднимъ числомъ двадцати пяти франковъ. За эту цѣну отцы отдѣлываются отъ своихъ дочерей, а покупатели становятся въ свою очередь безусловными властителями надъ ними, но при этомъ, согласно обычаю почти всѣхъ древнихъ народовъ, все-таки разыгрываютъ комедію тайнаго похищенія. Съ этого времени бѣдная проданная женщина, какъ раба, должна работать изо всѣхъ силъ за себя и за мужа; она въ одно и то же время и хо-

КОСТЮМЪ БОГАТЫХЪ АРНАУТОВЪ.

зяйка, и земледѣлецъ, и работница; въ поэзіи ее именно сравниваютъ съ „ткацкимъ челнокомъ, который постоянно въ движеніи“, тогда какъ отца семейства изображаютъ „въ видѣ величественнаго барана идущаго впереди стада и звенящаго своимъ колокольчикомъ“. Тѣмъ не менѣе эта презираемая женщина, это вьючное животное, поглупѣвшее отъ работы, совершенно ограждена отъ всякихъ оскорбленій; она могла бы пройти всю страну отъ одного конца до другаго, не боясь услышать ни одного неумѣстнаго слова, и несчастный, ставшій подъ ея покровительство, дѣлается существомъ священнымъ.

Семейныя узы весьма сильны у албанцевъ. Отецъ сохраняетъ права верховнаго владыки до самыхъ дряхлыхъ лѣтъ, и пока онъ живъ, все, что пріобрѣтаютъ его дѣти и внуки, принадлежитъ ему; часто семейная община не распадается и послѣ его смерти. Потеря члена семьи, въ особенности молодаго мужчины, служитъ для женщинъ поводомъ къ ужаснѣйшимъ слезамъ и рыданіямъ, которыя часто имѣли слѣдствіемъ продолжительные обмороки и даже сумасшествіе; но о тѣхъ умершихъ, которые достигли естественныхъ предѣловъ жизни, почти не плачутъ. Различныя семейства общаго происхожденія никогда не забываютъ своего родства, даже хотя бы имя предка давно забылось; они соединяются въ кланы, называемые *фисъ* или *фараевъ*, которые тѣсно сплачиваются для защиты, для нападеній и для веденія общихъ дѣлъ. У албанцевъ, какъ и у сербовъ и многихъ древнихъ народовъ, братство по выбору не менѣе крѣпко, чѣмъ и по крови; молодые люди, желающіе сдѣлаться братьями, произносятъ торжественныя клятвы въ присутствіи своихъ семействъ и, надрѣзавъ себѣ жилу, пьютъ другъ у друга по нѣсколько капель крови. Въ Албаніи до такой степени сильна потребность въ этомъ семейномъ единеніи, что часто дѣти, воспитанныя вмѣстѣ, остаются связанными на всю жизнь, образуя правильныя общества, имѣющія свои опредѣленные дни для собраній, свои праздники и общій бюджетъ.

Однако, вопреки этой замѣчательной склонности, заставляющей албанцевъ соединяться въ кланы и общины, вопреки ихъ страстной любви къ родинѣ, шкипетарское населеніе осталось безъ политической связи; физическія условія почвы, на которой они живутъ, и ихъ несчастная страсть къ битвамъ, обрекли ихъ на раздробленность силъ и, слѣдовательно, на порабощеніе. Къ тому же результату должна была привести и религіозная вражда между мусульманами и христіанами, между греками и латинами.

Обыкновенно полагаютъ, что число албанцевъ-магометанъ превосходитъ число албанцевъ-христіанъ различныхъ исповѣданій, но отсут-

ствіе серьезной статистики не позволяетъ утверждать въ этомъ отношеніи что либо положительно. Когда турки сдѣлались властителями страны и когда самые мужественные изъ албанцевъ эмигрировали въ Италію, чтобы спастись отъ притѣсненій своихъ враговъ, то бо́льшая часть оставшихся была вынуждена принять исламъ; кромѣ того, нѣкоторые предводители, жившіе разбоемъ, нашли выгоднымъ сдѣлаться мусульманами, чтобы безопасно продолжать свои грабежи; подъ предлогомъ священной войны, они не переставали увеличивать насиліемъ свои владѣнія и богатства. Вотъ причина того общаго правила, что магометанское населеніе Албаніи представляетъ аристократическій элементъ, по крайней мѣрѣ во всѣхъ городахъ. Имъ принадлежитъ земля, а земледѣлецъ-христіанинъ, хотя и свободный по закону, тѣмъ не менѣе, находится въ порабощеніи у господина, который даетъ деньги ему впередъ и всегда держитъ его въ своихъ рукахъ съ помощью голода. Впрочемъ, албанцы-мусульмане являются скорѣе воинственными фанатиками, чѣмъ ревнителями вѣры, и множество ихъ церемоній, въ особенности относящихся къ воспоминанію о родинѣ, ничѣмъ не отличаются отъ христіанскихъ. Они обратились въ магометанъ, но безъ малѣйшаго убѣжденія, и сами выражаются съ цинизмомъ: „гдѣ мечъ, тамъ и вѣра“.

Такимъ образомъ, во многихъ мѣстахъ обращеніе было только формальное и ревностные христіане продолжали втайнѣ держаться своего культа, и какъ только позволила терпимость правительства, множество албанцевъ, сдѣлавшихся магометанами по виду, поспѣшили открыто вернуться къ своимъ прежнимъ обрядамъ. Что же касается воинственныхъ горныхъ клановъ: мирдитовъ, суліотовъ, акрокеронцевъ, то имъ нечего было ждать разрѣшенія Турціи; они всегдя оставались христіанами греческой или римской церкви.

Еще въ концѣ послѣдняго столѣтія, южная Албанія и Эпиръ были землею совершенно феодальною. Предводители клановъ и турецкіе паши, полунезависимые сами по себѣ, жили въ построенныхъ на скалахъ укрѣпленныхъ замкахъ, изъ которыхъ они выходили по временамъ, въ сопровожденіи своихъ вооруженныхъ людей, или вѣрнѣе сказать разбойниковъ, находящихся въ ихъ распоряженіи. Война была постоянная и границы владѣній различныхъ племенъ и различныхъ властителей измѣнялись безпрестанно, смотря по успѣхамъ оружія. Но грозный Али-паша Янинскій измѣнилъ такой порядокъ вещей: это былъ Ришельё шкипетарской аристократіи, и какъ только онъ уравнялъ большихъ и малыхъ, воцарился миръ и центральная власть увеличилась на столько же, на сколько потеряли силы отдѣльные властители и главы семействъ.

Нужно отправиться въ сѣверную Албанію, къ независимому населенію, чтобы встрѣтить соціальное положеніе, напоминающее средніе вѣка. Пройдя Мати, къ сѣверу отъ Тиранны, тотчасъ же замѣчаешь перемѣну. Здѣсь всѣ вооружены: и пастухъ, и земледѣлецъ имѣютъ при себѣ карабинъ; женщины и даже дѣти носятъ за поясомъ пистолетъ, у каждаго въ рукахъ и жизнь другаго, и защита своей собственной. Семья, кланъ, племя—все организовано на военный ладъ и стоитъ кликнуть кличъ, какъ всѣ будутъ на ногахъ, готовые къ битвѣ. Ружья стрѣляютъ часто какъ будто сами собою; не хватитъ въ стадѣ одной штуки скота, произнесетъ кто нибудь бранное слово въ минуту гнѣва—и между племенами возгорается война. Недавно великимъ врагомъ ихъ былъ черногорскій сербъ, ибо бѣдный горецъ, уединившійся въ своихъ высокихъ долинахъ среди крутыхъ скалъ, часто бываетъ принужденъ для своего существованія заниматься разбоемъ и снимать жатву съ полей сосѣда. Турки восхищены этою ненавистью, разъединяющею албанцевъ и черногорцевъ, и тщательно стараются поддерживать ее. Племена Крайны между Черногоріею и озеромъ Скутари, кланы малисоровъ, клементи, дукачиновъ вознаграждаются за свои воинскія услуги освобожденіемъ отъ налоговъ. Но они только номинальные подданные Порты, и въ сущности, независимы такъ, что если коснуться ихъ привиллегій, то племена эти легко могутъ обратиться противъ пашей, соединившись со своими кровными врагами—черногорцами.

Мирдитовъ можно считать типомъ этихъ независимыхъ племенъ сѣверной Албаніи. Населяя высокія долины, поднимающіяся цитаделью къ югу отъ ущелья Дрины, они далеко не многочисленны и составляютъ всего какихъ нибудь двѣнадцать тысячъ, но ихъ независимость и воинственныя свойства даютъ имъ значительное вліяніе во всей западной Турціи. Запертые въ горномъ пространствѣ, въ которое можно проникнуть лишь черезъ три затруднительныя для прохода тѣснины, мирдиты господствуютъ въ ущельяхъ, черезъ которыя необходимо должны проходить турецкія войска, дѣйствующія противъ Черногоріи. Вотъ почему Высокая Порта, понимая, какъ трудно было бы побороть грозныхъ горцевъ, предпочла привязать ихъ къ себѣ почестями и признаніемъ ихъ полной административной автономіи. Съ своей стороны мирдиты, хотя и христіане, всегда съ величайшею преданностью сражались въ рядахъ турецкихъ войскъ и къ Морећ, и въ Крыму, и въ самой имперіи противъ своихъ единовѣрцевъ Черной Горы. Въ военномъ отношеніи, мирдиты раздѣляются на три горныя „знамени“ и два знамени равнинъ, а во время войны къ бандамъ мирдитовъ присоединяются еще пять знаменъ ок-

*

руга Леша, или Алессіо; во главѣ же всѣхъ стоитъ знамя клана Орошъ, самаго малочисленнаго, но особенно славящагося своею храбростью.

Мирдитія или Мирдита представляетъ олигархическую республику и управляется по древнимъ обычаямъ. Князь, или паша орошскій (варошскій)—первый по титулу, но не можетъ дать никакого приказанія; всѣ вопросы разрѣшаются старшинами каждой деревни, делегатами различныхъ знаменъ и предводителями клановъ, соединенныхъ въ совѣтъ; послѣдніе имѣютъ авторитетъ лишь благодаря нравственному вліянію, которое они умѣли пріобрѣсти. Впрочемъ, старыя традиціи клана имѣютъ достаточно силы, чтобы замѣнять всякій законъ. Жена должна быть похищена у врага и во многихъ деревняхъ равнины, мусульманскія дѣвушки, безъ особеннаго правда страха, ждутъ похищенія себя воинственными мирдитами въ какой нибудь мародерскій набѣгъ. Месть бываетъ самая неумолимая: у этихъ варваровъ кровь можетъ быть смыта только кровью. Злоупотребленіе гостепріимствомъ также наказывается смертью. Блудная жена закидывается грудою камней своими ближайшими родственниками, а голова соучастника заранѣе выдается мужу; вотъ вкратцѣ судъ мирдитовъ. Понятно, что образованія въ этой странѣ нѣтъ никакого и школъ вовсе не существуетъ. Въ 1866 году всего пятьдесятъ христіанъ Мирдитіи и всей области Лешъ умѣли кое-какъ читать и человѣкъ десять умѣли подписать свое имя. Но за то земледѣліе, по словамъ Вита, относительно развито у мирдитовъ; принужденные, ради существованія, старательно воздѣлывать долины своихъ суровыхъ горъ, они достигли того, что снимаютъ болѣе обильныя жатвы, чѣмъ въ равнинѣ, заселенной сравнительно съ ними безпечнымъ народомъ.

Замѣчательно, что самые прямые потомки тѣхъ древнихъ пелазговъ, которымъ мы обязаны началами нашей европейской цивилизаціи, являются среди самаго варварскаго населенія материка. Но и они должны измѣниться мало по малу подъ общимъ вліяніемъ постоянно измѣняющейся среды. Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ примѣровъ этого постепеннаго преобразованія представляютъ эмиграціи эпиротовъ и шкипетаровъ юга. Еще недавно эти страшные бойцы, совсѣмъ не похожіе на горцевъ другихъ племенъ, напримѣръ зинзаровъ, постоянно отправляющихся зарабатывать хлѣбъ трудомъ или торговлею, оставляли родину единственно для войны; подобно древнимъ, тяжело вооруженнымъ пѣхотинцамъ Эпира, которыхъ можно было видѣть на всѣхъ поляхъ битвы Греціи и Великой Греціи, они любили только легкій и унизительный промыселъ наемныхъ солдатъ. Въ послѣднемъ столѣтіи молодые люди Акрокероніи въ довольно значительномъ числѣ продавались неаполитанскому королю, и

образовали цѣлый „Королевско-Македонскій“ полкъ. Даже въ настоящее время множество тысковъ, какъ магометанскаго, такъ и христіанскаго вѣроисповѣдованій, продолжаютъ наниматься къ пашамъ и беямъ. Извѣстные подъ искаженнымъ названіемъ арнаутовъ, они встрѣчаются даже въ самыхъ отдаленныхъ частяхъ имперіи: въ Арменіи, въ Багдадѣ, на Аравійскомъ полуостровѣ, и прослуживъ болѣе или менѣе долгое время, ветеранами поселяются большею частью на уступаемыхъ имъ правительствомъ земляхъ, отчего и происходитъ такое множество арнаутскихъ деревень (арнаутъ-кеи), встрѣчающихся во всѣхъ турецкихъ владѣніяхъ.

Но войны становятся все болѣе и болѣе рѣдкими, промыселъ наемныхъ солдатъ постепенно потерялъ свои выгоды, вслѣдствіе чего число албанцевъ, эмигрирующихъ съ цѣлью зарабатывать хлѣбъ честнымъ трудомъ, возрастаетъ съ каждымъ годомъ. Подобно граубюнденскимъ швейцарцамъ и принуждаемые тою же экономическою необходимостью, шкипетары покидаютъ свои горы до начала зимы и отправляются на промыселъ далеко въ равнины; весною же бо́льшая часть изъ нихъ возвращается, заработавъ копѣйку, которой не могло бы дать имъ воздѣлываніе ихъ неблагодарныхъ скалъ; но случается, что они эмигрируютъ цѣлыми толпами безъ намѣренія когда-либо возвратиться.

Странствующіе ремесленники Эпира и южной Албаніи давно уже поняли выгоды раздѣленія труда; поэтому всякая долина здѣсь имѣетъ свою спеціальность: одна даетъ мясниковъ, другая булочниковъ, третья садовниковъ, а одна деревня окрестностей Аргиро-Кастро доставляетъ Константинополю всѣхъ нужныхъ ему фонтанщиковъ; округъ Загори, откуда, по всей вѣроятности, вышли греческіе Асклепіады, разсылаетъ изъ себя по всѣмъ городамъ Европейской и Азіатской Турціи — лекарей, или лучше сказать, „костоправовъ“. Бо́льшая часть разбогатѣвшихъ албанцевъ остатокъ дней своихъ проводятъ на родинѣ, гдѣ и строятъ себѣ красивые дома, которые такъ странно встрѣчать на дикихъ скалахъ Эпира. Въ нѣкоторыхъ уединенныхъ мѣстахъ такія богатыя жилища замѣняютъ собою древніе владѣльческіе замки, т. е. грубо построенныя башни, въ нижнихъ этажахъ которыхъ нѣтъ никакихъ отверстій, кромѣ бойницъ, въ которыхъ блестѣли часто ружейные стволы.

Вѣчныя междоусобицы между албанцами мало-по-малу стихаютъ. Главною причиною раздоровъ между албанскими племенами была рознь религій и, главнымъ образомъ, благодаря этому шкипетары до сихъ поръ еще не смогли завоевать своей независимости, какъ сдѣлали это Сербы и Болгары. Воинственные горные кланы, мирдиты, суліоты, акрокеронейцы, болѣе свободные и независимые сравнительно съ албанцами рав-

нинъ, принужденными принять магометанство, остались христіанами латинскаго или греческаго вѣроисповѣданія и религіозная вражда присоединилась къ племенной ненависти. Къ сѣверу отъ Шкумба живутъ албанцы-католики, къ югу православные и между ними, въ свою очередь, та же вражда, словно взаимной враждой они хотятъ смыть позоръ своей подчиненности турецкому полумѣсяцу. Такъ тянулось долго, пока наконецъ войны, превратившія Румынію, Сербію, Черногорію, Болгарію и Восточную Румелію въ независимыя государства, не показали шкипетарамъ, что они, какъ нація, сгинутъ навсегда, если не бросятъ своихъ раздоровъ. Подъ страхомъ увидать свое отечество раздѣленнымъ между Греками, сѣверными Сербами и Черногорцами, мусульманскіе албанцы соединились и сдѣлали воззваніе къ своимъ вчерашнимъ врагамъ-албанцамъ католикамъ. „Да будетъ трижды проклятъ,—провозгласило собраніе албанцевъ въ Призрендѣ,—да будетъ трижды проклятъ тотъ, кто думаетъ о себѣ тогда, когда отечество въ опасности. Да не будетъ въ нашемъ союзѣ ни мусульманъ, ни христіанъ—одни Шкипетари". Католическія племена: Пулаты, Малисоры, Касменты, Мирдиты и другіе соединились съ мусульманскими племенами въ лигу или „контру" и всѣ дали торжественную клятву вѣрности и союза „на вѣки вѣчные". На хоругвяхъ и знаменахъ изображеніе луны было сброшено и замѣнено краснымъ на золотомъ полѣ львомъ—гербъ Албаніи; каждый членъ союза обязывался уплачивать по 12 франковъ ежегодно въ общую кассу.

Такимъ образомъ, не называясь такъ оффиціально, они образовали федеральную республику: племена, совершенно самостоятельныя во внутреннихъ своихъ дѣлахъ, являются, въ случаѣ внѣшняго давленія, однимъ цѣлымъ. Ихъ армія, набирая изъ всего контингента албанцевъ, независимо отъ племени и клана, представляется весьма солидной—отъ 14 до 60 лѣтъ каждый Шкипетаръ воинъ и принадлежитъ отечеству. Благодаря этому они могли воспротивиться и отстоять отнятіе у нихъ Гуссинійской территоріи, отчужденной у нихъ берлинскимъ трактатомъ, но удержать Дульчиньо, присоединеннаго къ Черногоріи, не смогли. Не смотря на кровопролитныя ихъ схватки съ Турціей, вырвать отъ нихъ свою независимость имъ не удалось—турецкое золото съумѣло подкупить большую часть ихъ предводителей. Но во всякомъ случаѣ, какова бы ни была ихъ политическая будущность, они сплотились, изъ мелкихъ, безсильныхъ племенъ превратились въ одинъ народъ и это важный шагъ, шагъ, который поможетъ имъ встрѣтить всякое будущее, каково-бы оно ни было.

Такимъ образомъ, албанцы сами собою вовлекаются въ общее дви-

женіе процесса, и когда они вступятъ въ правильныя сношенія съ другими народами, то вполнѣ можно надѣяться, что будутъ играть важную роль, такъ какъ они отличаются вообще тонкостію ума, ясностію мысли и силою характера. Горцы Албаніи имѣютъ то преимущество предъ босняками и черногорцами, что обладаютъ морскимъ берегомъ; но они почти не пользуются этимъ преимуществомъ, не только вслѣдствіе разбоевъ, внутреннихъ распрей и недостатка промышленности, но также и вслѣдствіе крутизны горъ, недостатка мостовъ и дорогъ, вслѣдствіе береговыхъ лихорадокъ, и постояннаго затягиванія береговъ иломъ, наносимымъ грязными рѣками. Но какъ бы ни были велики эти затрудненія, все-таки нельзя не удивляться, до какой степени слабо мореплаваніе при берегахъ Албаніи. Эпироты и гёги принадлежатъ къ одному и тому же племени съ гидріотскими корсарами, которые, во время войны за независимость эллиновъ, съумѣли создать въ Архипелагѣ цѣлые флоты и съ тѣхъ поръ оставались первыми моряками въ Греціи. И однако же порты албанскаго берега производятъ лишь самую ничтожную мелочную торговлю, да и той двѣ трети отбиваютъ у нихъ тріестскіе корабли и ихъ австро-далматскіе экипажи; весь же оборотъ берега едва достигаетъ двадцати милліоновъ франковъ. За исключеніемъ акрокеронцевъ и жителей морскаго порта Скодры Дульцинье, ни одинъ турецкій албанецъ не пускается въ море ни для рыбной ловли, ни для торговли. Не смотря на плодородіе долинъ, предметовъ вывоза вовсе не существуетъ,—рудники въ Албаніи вовсе не разрабатываются, а земледѣліе находится въ первобытномъ состояніи. Въ Эпирѣ занимаются отчасти разведеніемъ козловъ и бараповъ и у каждой семьи ихъ бываетъ до сорока головъ.

Въ римскую эпоху, страны эти были также въ забросѣ, и только на мысѣ, къ сѣверу отъ нынѣшняго города Превезы, стоялъ великолѣпный городъ Никополь, построенный Августомъ, въ память своей побѣды при Акціумѣ;—на развалинахъ его теперь бродятъ стада. Турки укрѣпили Превезу, чтобы командовать входомъ въ заливъ Арта. Превеза находится какъ разъ противъ римскаго Аціума, принадлежащаго нынѣ Греціи. Она окружена огромнымъ оливковымъ лѣсомъ, къ сѣверу же отъ нея Пара, отданная нѣкогда англичанами неистовству Али-Паши, вся тонетъ въ лимонныхъ рощахъ. Бутринто, противъ Корфу, замѣчателенъ лишь какъ мѣсто рыбной ловли. Дирахіумъ, у итальянцевъ Дураццо, окружаемый цыганскими таборами, имѣлъ нѣкоторое значеніе, какъ мѣсто высадки римскихъ легіоновъ и какъ конечный пунктъ *Via Egnatia*, пролегавшей чрезъ весь Ѳрако-эллинскій полуостровъ съ востока къ западу; этотъ городъ, стало-быть, соединялъ Востокъ съ Италіею, въ настояще

время къ нему идетъ трансадріатическая телеграфная линія. Весьма возможно, что рано или поздно мѣсто Дирахіума, какъ посредника между двумя странами, займетъ портъ Авлона, который сдѣлается Калэ италіянскаго Дувра—Бриндизи, ибо Авлона, какъ точка отправленія поперечной желѣзной дороги полуострова, расположена такъ же хорошо, какъ и Дураццо, и, кромѣ того, представляетъ то преимущество, что гораздо ближе къ итальянскому берегу и имѣетъ глубокій и безопасный портъ, совершенно защищенный съ моря островомъ Сазено и „linguett'ою" (языкомъ) Акрокероніи. Это главный городъ племени Арберцевъ, страшнѣйшихъ и потому наиболѣе знаменитыхъ тогда наемниковъ между всѣми албанцами.

Въ ожиданіи же основанія на берегу торговаго города и замѣны имъ тѣхъ несчастныхъ пристаней, которымъ даютъ названіе портовъ, все торговое движеніе сосредоточивается въ нѣсколькихъ внутреннихъ городахъ. Самые значительные изъ нихъ: Призренъ, знать котораго щеголяетъ великолѣпіемъ своего наряда и красотою оружія. Къ юго-западу, въ верхней долинѣ Дрины, расположенъ мусульманскій городъ Дибре или Дибра, замѣчательный фанатизмомъ жителей и искусной выдѣлкой сафьяна. Къ сѣверо-западу отъ Призрена города: Ипекъ, Пристина, Дьякова, или Дьяковица—всѣ расположены при подошвѣ Скара, въ великолѣпныхъ долинахъ, въ которыхъ необходимо долженъ совершаться обмѣнъ между Македоніею и Босніею, между Сербіею и Албаніею. Къ востоку отъ бассейна Дрины находится „Коссово поле"—знаменитое мѣсто битвы 1389 года, гдѣ Сербы похоронили и свою славу, и свое могущество. Въ приморской области: живописная Кругія или „городъ фонтановъ", Тирана, Бератъ, Эльбассанъ, древній Альбанонъ, имя котораго смѣшивается съ именемъ самой страны, точно также имѣютъ нѣкоторое значеніе. Наконецъ, Корица, къ югу отъ Охридскаго озера, благодаря своему положенію на переходномъ порогѣ между склонами Адріатическаго и Эгейскаго морей, является также довольно оживленнымъ торговымъ мѣстомъ. Къ юго-востоку Касторія—незначительный, но живописный городъ. У восточной подошвы албанскихъ горъ города принадлежатъ уже на половину, по своему народонаселенію, болгарамъ. Здѣсь—Калканделo, Скопліа, Кіёприли, Кручево, Прилипъ и Бетоліа (Monastir).

Скадра и Янина, подобно Призрену, расположены при горныхъ выходахъ, въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ населеніе должно было скучиться вслѣдствіе соединяющихся въ нихъ единственныхъ удобствъ. Наиболѣе живописнымъ изъ этихъ двухъ городовъ является Янина, городъ Эпира, расположенный на берегу прекраснаго озера, противъ тяжелыхъ массъ

Пинда, но и въ виду „свѣтло-сѣрыхъ“ горъ Греціи, „блестящихъ какъ шелкъ“. Во времена Али-Паши, Янина, сдѣлавшись столицею, была гораздо многолюднѣе Скадры, но теперь послѣдняя одержала верхъ и называется уже не Скадрою, а Скутари. Расположена удивительно удобно, именно тамъ, гдѣ пути изъ дунайскихъ странъ и Эгейскаго плоскогорья слились съ дорогами нижней долины Дрины и Адріатическаго залива.

Скадра — первый восточный городъ, который встрѣчается на пути изъ Италіи и путника поражаютъ на первый разъ его многочисленные сады, обнесенные высокими стѣнами, пустынныя улицы, безпорядочность построекъ. За то съ вершины известковаго пригорка, на которомъ стоитъ замокъ Розафа, открывается удивительная панорама: куполы Скадры, ея двадцать минаретовъ, роскошная зелень, амфитеатръ причудливыхъ горъ, сверкающее на солнцѣ озеро, серебряная лента Дрины и Бояны — все это представляетъ великолѣпное зрѣлище.

Главные города Албаніи и греческаго Этро и ихъ приблизительное населеніе:

Призренъ	46,000 чел.	Эльбасанъ	12,000 чел.
Монастирь (Битолія)	45,000 „	Бератъ	12,000 „
Скадра (Скутари) . .	30,000 „	Артро-Кастро	12,000 „
Янина	29,000 „	Пристина	11,000 „
Дьякова	25,000 „	Тирапа	10,000 „
Скоплія	25,000 „	Горица (Корица) . .	9,000 „
Калканделэ	22,000 „	Метцово	8,500 „
Ипекъ	20,000 „	Превеза	7,000 „
Дибрэ	19,000 „	Касторія	6,000 „
Охрида	16,000 „	Авлона	6,000 „
Круя	6,000 чел.		

V.

ПРАВИТЕЛЬСТВО И АДМИНИСТРАЦІЯ.

Турецкая нація находится еще совершенно въ періодѣ среднихъ вѣковъ и ей предстоитъ еще много внутреннихъ переворотовъ, прежде чѣмъ она будетъ въ состояніи занять мѣсто въ ряду просвѣщенныхъ народовъ Европы и Америки. Территорію ея занимаютъ враждебныя племена, и если бы она не удерживала ихъ силою, то они кинулись бы другъ на друга: сербы вооружились бы противъ албанцевъ, болгары —

противъ грековъ, и всѣ соединились бы противъ турокъ. Къ племенной враждѣ присоединяется еще религіозная ненависть и во многихъ мѣстахъ босняки ничего не желали бы больше, какъ схватиться съ другими босняками, а тоски съ своими братьями по языку и происхожденію—гёгами. Впрочемъ, властители этихъ разныхъ племенъ давятъ ихъ всѣхъ безъ церемоніи и все искусство ихъ состоитъ въ томъ, чтобы возстановлять ихъ другъ противъ друга, основывая свое спокойное владычество на ихъ раздорахъ.

Да и не можетъ быть иначе въ такой имперіи, гдѣ царствуетъ произволъ. Падишахъ въ одно и то же время господинъ души и тѣла своихъ подданныхъ, главный полководецъ, великій судья и первосвященникъ. Прежде власть его ограничивалась практически дальними вассалами, которымъ часто удавалось добиться понемногу независимости, но съ паденіемъ Али-Паши и избіеніемъ янычаръ, султану уже нечего бояться выскочекъ и существеннымъ ограниченіемъ его произвола служатъ обычай, преданія предковъ и интересы европейскихъ правительствъ. Сверхъ того онъ самъ добровольно пожелалъ регулировать отправленія своей власти нѣкоторыми актами: такъ, онъ установилъ для всей имперіи бюджетъ, по которому беретъ себѣ около десятой части доходовъ. Онъ самый неограниченный изъ монарховъ Европы и получаетъ больше всѣхъ по отношенію къ доходамъ страны; но и этотъ особый бюджетъ недостаточенъ и очень часто приходится увеличивать дефицитъ займами за пятнадцать, даже за двадцать процентовъ на сто, обезпечиваемыхъ налогами, десятинами и таможенными сборами. Расходы на содержаніе дома султана и членовъ его семейства по-истинѣ непомѣрны. Во дворцѣ цѣлая армія слугъ и рабовъ обоего пола, число которыхъ простирается по крайней мѣрѣ до шести тысячъ, въ томъ числѣ восемьсотъ однихъ поваровъ; сверхъ того, сама прислуга окружена цѣлымъ скопищемъ лизоблюдовъ, проживающихъ около дворца и питающихся на императорскихъ кухняхъ, такъ что поставщики обязаны, по контрактамъ, поставлять ежедневно среднимъ числомъ по тысячи двѣсти штукъ барановъ; уже по одному этому предмету потребленія можно судить о громадности суммы, поглощаемой остальными. Текущіе расходы увеличиваются еще тратами на постройку дворцовъ и кіосковъ, на пріобрѣтеніе всякихъ чаръ востока, фабрикуемыхъ въ Парижѣ и Вѣнѣ, на фантастическія коллекціи, всевозможное мотовство и безконечныя кражи и расхищенія.

Министры, вали и другія высокія особы имперіи стараются изо всѣхъ силъ подражать своему повелителю и, подобно ему, поневолѣ должны выходить изъ предѣловъ своего фиктивнаго бюджета. Впрочемъ, имъ

платятъ очень щедро, ибо на Востокѣ принято, чтобы высшіе сановники отличались блескомъ богатства и расточительностью роскоши. Такимъ образомъ, на полезныя работы не остается ничего. Что касается до низшихъ чиновниковъ, то жалованье ихъ, конечно, если снизойдутъ заплатить его, является какою-то насмѣшкою; впрочемъ, за то существуетъ нѣмое разрѣшеніе удовлетворять себя какъ угодно на счетъ подчиненной имъ толпы. Поэтому въ Турціи все продажно и правосудіе въ особенности. Положеніе турецкихъ финансовъ до того плачевно, займы дѣлаются за такіе непомѣрные проценты и служебный безпорядокъ до того великъ, что не разъ предполагалось учредить особый синдикатъ отъ европейскихъ державъ для управленія оттоманскимъ бюджетомъ. Но много ли между этими державами такихъ, которыя бы сами могли похвастать, что у нихъ существуетъ полное равновѣсіе между приходомъ и расходомъ [1]).

При подобномъ управленіи, земледѣліе и промыслы должны развиваться, конечно, весьма медленно. Недостатка въ землѣ нѣтъ, напротивъ—огромныя пространства самой плодородной земли пустѣютъ и никто не знаетъ, кому онѣ принадлежатъ, такъ что всякій можетъ завладѣть ими; но горе тому, кто извлечетъ изъ нихъ хорошую выгоду или вздумаетъ обогатиться ею: обработанная имъ земля тотчасъ оказывается принадлежащею къ землямъ священнымъ или придется по вкусу какому нибудь пашѣ, который и завладѣваетъ ею, отдувши предварительно владѣльца палками. Поэтому во многихъ мѣстностяхъ иной, даже самый экономный и дѣятельный земледѣлецъ съ умысломъ уменьшаетъ свой урожай до самыхъ необходимыхъ размѣровъ, и былъ бы въ отчаяніи отъ обильной жатвы, ибо увеличеніе количества произведеній повлекло бы за собою увеличеніе налога и могло бы навлечь на него подозрительные розыски сборщика податей. Точно также въ маленькихъ городахъ купецъ, дѣла котораго пойдутъ на ладъ, опасается какъ нибудь обнаружить свое богатство: онъ будетъ прикидываться униженнымъ, покорнымъ и держать свой домъ въ крайней нищетѣ.

Что касается мусульманскихъ фамилій, то бо́льшая часть ихъ, для спокойнаго пользованія своею поземельною собственностью, уступили свои права собственности мечетямъ, оставивъ за собою только пользованіе доходами; но имѣютъ въ этомъ случаѣ ту выгоду, что имъ не нужно платить налоговъ, ибо земля стала священною, и ихъ потомки могутъ пользоваться доходами имѣнія до прекращенія рода. Земли эти, называе-

[1]) Внутренній и внѣшній долгъ въ 1880 г.—3.500,000,000 фр.

мыя *вакуфами*, составляютъ около трети всей территоріи и не приносятъ государству рѣшительно ничего. Онѣ имѣютъ ничтожную цѣну и для самихъ жертвователей, которые освободили себя отъ права собственности только вслѣдствіе недостатка всякой предпріимчивости, ибо когда церковныя земли увеличились до непомѣрныхъ размѣровъ, то бо́льшая часть ихъ стала оставаться невоздѣланною. Вся тяжесть налога, слѣдовательно, падаетъ на землю, обрабатываемую несчастными крестьянами, турками или христіанами, и все-таки доходъ съ этого налога долженъ необходимо уменьшаться по мѣрѣ распространенія *вакуфныхъ* земель. Такимъ образомъ, рано или поздно должна быть произведена секуляризація этихъ закрѣпощенныхъ имѣній, и уже турецкое правительство, къ большому скандалу старовѣровъ, протянуло тихонько руку къ землѣ, принадлежащей мечетямъ Стамбула.

Если сербскій, албанскій и болгарскій земледѣльцы успѣваютъ въ настоящее время удержать свою землю въ состояніи производительности, то это, можно сказать, происходитъ случайно Объ этомъ можно судить по одному слѣдующему факту. Для избѣжанія обмана, нѣкоторые сборщики десятины не нашли болѣе остроумнаго средства для контроля, какъ обязать земледѣльцевъ складывать вдоль поля всю собранную ими жатву, и такъ какъ агенты не отбираютъ своевременно каждый десятый снопъ, то выходитъ, что груды маиса, риса и ржи остаются на полѣ подъ вѣтромъ, дождемъ, на истребленіе животнымъ, такъ что часто, пока правительство отберетъ наконецъ десятину, сборъ жатвы теряетъ половину своей цѣны. Иногда крестьяне и не трогаютъ даже винограда и другихъ плодовъ, чтобы не платить налога. Впрочемъ, земледѣлецъ имѣетъ право жаловаться не на одну только казну,—его обираютъ и всѣ посредники, покупающіе у него его произведенія: „Болгаръ пашетъ, а грекъ держитъ соху“, говоритъ древняя пословица, которая и теперь еще довольно вѣрна, по крайней мѣрѣ на южномъ склонѣ Балканъ, гдѣ земледѣлецъ никогда не бываетъ собственникомъ засѣваемой имъ земли. Впрочемъ, даже и тамъ, гдѣ онъ владѣетъ собственнымъ полемъ и работаетъ не прямо на господина, грека или мусульманина, хлѣбъ его, часто еще до жатвы, принадлежитъ ростовщику; не имѣя надежды когда нибудь расплатиться съ нимъ, онъ работаетъ такимъ образомъ всю жизнь, какъ несчастный рабъ.

И между тѣмъ, не смотря на отсутствіе дорогъ и не смотря на мечети и казну, на грабительство и воровство, плодородіе почвы на обоихъ склонахъ Гемуса, во Ѳракіи и Македоніи таково, что земледѣліе доставляетъ торговлѣ весьма значительное количество продуктовъ. Ма-

исъ, или „турецкій хлѣбъ“, и всѣ зерновые хлѣба родятся въ изобиліи. Долины Карасу и Вардара производятъ хлопокъ и красильныя вещества; прибрежье и острова доставляютъ вино и масло, которыя, при небольшомъ умѣньѣ, можно было бы сдѣлать отличными; вино въ долинѣ Марицы превосходно; наконецъ, въ нѣкоторыхъ частяхъ Ѳракіи и Румеліи — цѣлые лѣса шелковицы, и вывозъ коконовъ въ Италію и Францію съ каждымъ годомъ принимаетъ все бо́льшіе и бо́льшіе размѣры. При такомъ плодородіи земли, при прекрасныхъ влажныхъ долинахъ, обращенныхъ къ югу, Турція должна будетъ въ недалекомъ будущемъ занять одно изъ первыхъ мѣстъ между странами Европы по доброкачественности и разнообразію своихъ произведеній. Что касается промышленности, то, при устройствѣ новыхъ путей, она должна будетъ вѣроятно мало-по-малу перейти въ другія мѣста, какъ и во всѣхъ странахъ, открытыхъ для свободной внѣшней торговли. Различныя мануфактуры внутреннихъ городовъ: фабрики оружія, матерій, ковровъ, галантерейныхъ вещей, должны будутъ много пострадать отъ иностранной конкуренціи и, безъ сомнѣнія, многія изъ нихъ закроются по крайней мѣрѣ если останутся въ рукахъ туземцевъ. Точно также большія годичныя ярмарки въ Монастырѣ, Сливно и другихъ мѣстахъ Турціи, куда собираются для обмѣна купцы со всей имперіи и куда разомъ наѣзжаетъ человѣкъ тысячъ до ста, будутъ замѣнены постепенно правильными отправленіями торговли.

Извѣстно, что въ послѣдніе годы торговое движеніе въ портахъ Турціи, благодаря эллинамъ, армянамъ и европейцамъ всѣхъ націй, увеличивается все болѣе и болѣе, такъ что торговый оборотъ во всей Европейской и Азіатской Оттоманской имперіи доходитъ приблизительно до милліарда франковъ. Но эта сумма весьма не велика для страны, обладающей такимъ плодородіемъ почвы, такимъ разнообразіемъ произведеній, такою многочисленностью портовъ, расположенныхъ такъ хорошо въ центрѣ древняго міра, въ точкѣ пересѣченія большихъ естественныхъ дорогъ, соединяющихъ материки [1]).

Сами европейскіе турки принимаютъ весьма незначительное участіе въ общемъ трудѣ населенія имперіи и эта ихъ меньшая, по сравне-

---

[1]) Движеніе турецкихъ портовъ. . . . въ 1878—183,750 суд. въ 19.515,000 тон.
„ Константинопольск. порта. „ „ — 37.454 „ „ 7.025,000 „

Оборотъ Оттоманской Имперіи во время 1882—1883.

Импортъ.	464.425,844 франк.
Экспортъ	252.173,178 „
Итого . .	716.599,022 франк.

Желѣзныя дороги Европ. Турціи и Болгаріи къ 1 янв. 1884 г.—1,394 килом.
Телеграфныя линіи въ 1882 г.:—23,388 килом.

нію съ представителями другихъ племенъ, активность объясняется многими особенными причинами. Прежде всего, только изъ нихъ выбираются управители страны и тщеславіе, конечно, влечетъ ихъ къ почестямъ и удовольствіямъ *кейфа*, т. е. вялаго бездѣйствія. Изъ презрѣнія ко всему немагометанскому, а также по беззаботности и вялости ума, они весьма рѣдко учатся иностраннымъ языкамъ и, слѣдовательно, много проигрываютъ въ сношеніяхъ съ другими племенами, изъ которыхъ бо́льшая часть говорятъ на нѣсколькихъ языкахъ. Собственный же ихъ языкъ представляетъ орудіе, владѣть которымъ довольно трудно, вслѣдствіе различныхъ системъ знаковъ и употребленія множества вошедшихъ въ литературный языкъ персидскихъ и арабскихъ словъ. Кромѣ того, фатализмъ, внушаемый туркамъ кораномъ, лишаетъ ихъ всякой предпріимчивости, такъ что они ничего не умѣютъ дѣлать иначе, какъ рутинными способами. Еще двѣ важныя причины ихъ деморализаціи составляютъ — многоженство и рабство. Хотя роскошествовать гаремомъ могутъ только богатые, тѣмъ не менѣе и бѣдные научаются, по примѣру своихъ господъ, не уважать женщину, развращаются, унижаются и принимаютъ участіе въ торговлѣ человѣческимъ мясомъ, которую необходимо влечетъ за собою многоженство. Впрочемъ, не смотря на безчисленность невольниковъ, которые уже болѣе четырехъ вѣковъ привозятся со всѣхъ окраинъ Оттоманской имперіи и увеличиваютъ турецкое населеніе, не-смотря на милліоны молодыхъ дѣвушекъ съ Кавказа, изъ Греціи, Архипелага, Нубіи, внутренняго Судана, которыя населили гаремы Турціи, число османлисовъ остается все-таки гораздо ниже другихъ этническихъ элементовъ полуострова: господствующее племя, если только можно назвать племенемъ людей, происходящихъ отъ такихъ различныхъ смѣшеній крови, едва составляетъ одну десятую часть всего населенія Европейской Турціи. И эта численность турокъ будетъ становиться все меньше и меньше, такъ какъ число выживающихъ дѣтей въ магометанскихъ семьяхъ, именно вслѣдствіе многоженства, меньше, чѣмъ въ христіанскихъ семействахъ. Хотя въ этомъ отношеніи нельзя опереться на какое нибудь точное вычисленіе, но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что турецкое населеніе дѣйствительно уменьшается. Рекрутскіе наборы, производившіеся исключительно въ турецкомъ населеніи, становились все труднѣе и труднѣе за недостаткомъ молодыхъ людей.

По закону, всѣ національности въ имперіи, безъ различія происхожденія и вѣроисповѣданія, считаются равными и христіане имѣютъ такое-же право на занятіе различныхъ должностей въ имперіи, какъ и мусульмане. Но само собой разумѣется, что турки вездѣ, гдѣ только представ-

ляется удобный случай, отлично обходятъ всѣ эти прекрасныя постановленія. При всей своей неповоротливости, паши умѣютъ очень тонко отбивать охоту у искателей законныхъ правъ своими формальностями, придирками и безконечными проволочками. Въ нѣкоторыхъ отдаленныхъ отъ Константинополя областяхъ, реформы представляютъ собою мертвую букву. Но было-бы несправедливо не признать, что Турція вообще сдѣлала весьма многое къ рѣшительному уравненію правъ. Впрочемъ, тутъ все дѣло въ настойчивости самаго населенія: оно достигаетъ свободы по мѣрѣ того, какъ приходитъ къ сознанію своей національной силы и своего достоинства.

Къ счастію, турецкій деспотизмъ не есть деспотизмъ просвѣщенный, основанный на знаніи людей и методически добивающійся порабощенія: османлисы не знаютъ еще того искусства „угнетать умно“, которое когда-то ставили себѣ задачею голландскіе управители Зондскихъ острововъ и которое вовсе неизвѣстно во многихъ другихъ странахъ. У турокъ главное дѣло въ томъ, чтобы паши и ихъ любимцы могли обогащаться сколько имъ угодно, продавать за дорогую цѣну свои милости и правосудіе и бить отъ времени до времени палками тѣхъ несчастныхъ, которые не успѣваютъ посторониться во-время, но, затѣмъ, они охотно предоставляютъ общество идти по своему усмотрѣнію. Они вовсе не любопытствуютъ о томъ, что дѣлаютъ имъ подвластные люди, и вовсе не входятъ въ отношенія частныхъ лицъ и семействъ. Господство ихъ выражается часто насиліемъ и жестокостью, но оно чисто внѣшнее и не касается, такъ сказать внутренняго міра человѣка. Конечно, при подобномъ управленіи не легко можетъ родиться и развиться общественный духъ, но частныя лица могутъ сохранять неприкосновенными свою личную сферу и сильныя національныя учрежденія, каковы: греческій приходъ, мирдитское колѣно, славянская община, которые легко могутъ существовать при такомъ капризномъ и неимѣющемъ никакого плана господствѣ, такъ что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ автономія различныхъ группъ населенія въ Турціи полнѣе, чѣмъ въ самыхъ передовыхъ странахъ западной Европы. При существованіи такого хаоса народностей и племенъ, который трудно было бы подчинить какому либо однообразному порядку, лѣность турецкихъ властей избрала самое простое—предоставила ихъ самимъ себѣ. Европейцы, которые служатъ турецкому правительству въ Константинополѣ, во многихъ случаяхъ оказываются для управляемыхъ безпокойнѣе, стѣснительнѣе, чѣмъ именитые мусульманскіе паши.

Султанъ, или *падишахъ*, который въ то же время и *эмиръ-эль-муменинъ*, т. е. глава правовѣрныхъ, совмѣщаетъ въ своей особѣ всѣ власти и

не имѣетъ никакихъ правилъ для своихъ дѣйствій, кромѣ предписаній корана и преданій своихъ предковъ. Самымъ значительнымъ послѣ него лицомъ въ имперіи является *шелькъ-уль-ислямъ* (старѣйшина Ислама)— глава духовнаго вѣдомства и юстиціи. Первый министръ, называемый прежде *великимъ визиремъ*, нынѣ утратилъ это званіе и уже не стоитъ во главѣ общей администраціи; совѣтъ министровъ или *мушировъ* сообщается прямо съ султаномъ. *Кизляръ-Агази*, или начальникъ черныхъ *эвнуховъ*, которому довѣренъ надзоръ за императорскимъ гаремомъ, является также однимъ изъ высокихъ сановниковъ Турціи и въ дѣйствительности пользуется самымъ большимъ вліяніемъ и надѣляетъ милостями по своему произволу. Члены юрисконсульты различныхъ совѣтовъ министерствъ называются *муфти*. Титулы: *эффенди*, *ага* представляютъ собою почетныя названія или титулы, съ которыми обращаются къ разнымъ чиновникамъ или къ важнымъ лицамъ; званіе *бей* соотвѣтствуетъ нашему полковнику. Точно также титулъ *паша*, обозначающій „великій глава", относится къ занимающимъ высшія гражданскія и военныя должности и ближе всего соотвѣтствуетъ нашему генералу. Извѣстно, что достоинство ихъ, смотря по рангу, обозначается однимъ, двумя или тремя развѣвающимися на концѣ копья лошадиными хвостами—обычай, напоминающій тѣ легендарныя времена, когда еще кочующіе турки разъѣзжали на лошадяхъ по степямъ центральной Азіи.

Государственный совѣтъ (*шурай давлетъ*) и другіе совѣты: военный, морской, народнаго просвѣщенія, полиціи и т. д. состоятъ при каждомъ министерствѣ и совокупность ихъ бюро составляетъ государственную канцелярію или *диванъ*. Сверхъ того верховный судъ, раздѣленный на два отдѣленія, вѣдаетъ дѣла гражданскія и уголовныя. Члены высшихъ оффиціальныхъ учрежденій назначаются непосредственно верховною властью. Единственный признакъ права, предоставленнаго различнымъ націямъ имперіи, состоитъ въ томъ, что въ высшемъ совѣтѣ администраціи, или въ государственномъ совѣтѣ, отъ каждой изъ нихъ засѣдаютъ по два представителя, впрочемъ тщательно выбираемые первымъ министромъ. Въ провинціяхъ то же самое. *Вали* управляетъ виляйетомъ, *мутесаривъ*—санджакомъ, *каймаканъ*—казою и *мудиръ*—общиной. При всѣхъ этихъ начальствахъ состоятъ, конечно, только для формы, совѣты, составленные изъ главныхъ гражданскихъ и духовныхъ чиновъ и нѣсколькихъ членовъ изъ мусульманъ и немусульманъ, которые выбираются по избирательному списку изъ почетныхъ жителей, хотя въ дѣйствительности назначаетъ членовъ совѣта вали. Поэтому на простонародномъ языкѣ совѣты эти называются „совѣтами поддакивателей", такъ какъ все дѣло

ихъ состоитъ только въ изъявленіи согласія. Положеніе, которое соизволило установить само себѣ высшее правительство, опредѣлено Гюльханейскимъ *гаттишерифомъ*, обнародованнымъ въ 1839 г. и *гатти-гумайуномъ* 1856 г. и въ конституціи 1876 г. Съ тѣхъ поръ обѣщанія, долженствующія гарантировать всякому жителю имперіи неприкосновенность жизни, чести и имущества обратились въ статьи закона, который отчасти и примѣняется.

Духовная и судебная организація, ревностно охраняемая шейкъ-уль-исламомъ, не могла подвергаться никакимъ измѣненіямъ. Собственно духовное сословіе, т. е. сословіе *имамовъ*, составляютъ: *шейки*, обязанность которыхъ состоитъ въ проповѣдываніи; *хатибы*, которые читаютъ оффиціальныя молитвы, и собственно *имамы*, которые совершаютъ браки и погребенія. Судьи, составляющіе вмѣстѣ съ имамами группу *улемовъ*, подчинены непосредственно *кази-аскеру*, или великому судьѣ, и раздѣляются іерархически на *муллъ*, *кази* (кади) и *наибовъ*. Они вовсе не получаютъ жалованья отъ государства, но имѣютъ доходы, взимаемые съ цѣнности спорныхъ имуществъ и наслѣдствъ, т. е. законъ самъ уполномочилъ ихъ на взятки. Въ Турціи существуютъ два вида судовъ: суды духовные, шеріаты, и суды реформенные, разбирающіе дѣла по кодексу, весьма схожему съ французскимъ. Немагометанскимъ жителямъ имперіи доставляютъ нѣкоторую гарантію смѣшанные суды.

Константинопольскій патріархъ, какъ глава греческой церкви въ Европейской Турціи и какъ гражданскій управитель общинъ своей націи, пользуется весьма значительнымъ вліяніемъ. Онъ назначается сунодомъ, состоящимъ изъ восемнадцати членовъ, который установляетъ церковный бюджетъ и рѣшаетъ неограниченно вопросы по предметамъ вѣры. Латинское вѣроисповѣданіе имѣетъ здѣсь трехъ главныхъ лицъ: патріарха, пребывающаго въ столицѣ, и двухъ архіепископовъ —въ Антивари и Дураццо. Оба армянскія вѣроисповѣданія имѣютъ каждое своего патріарха, живущаго въ Константинополѣ.

Для османскаго могущества въ Европѣ было бы слишкомъ опасно допустить въ армію много христіанъ, поэтому прежде они совсѣмъ исключались изъ войска и, взамѣнъ военной службы, должны были платить тяжелую поголовную подать. Въ настоящее же время оффиціально допущено, что „райи“ могутъ служить для національной защиты и дослужиться постепенно до степени *ферика* (генерала) и *мушира* (маршала), но въ дѣйствительности войска состоятъ все-таки почти исключительно изъ османлисовъ и магометанъ разныхъ племенъ. Для полученія свѣдѣній о числѣ подданныхъ, годныхъ въ рекруты и на работы, правительство по

временамъ приказываетъ произвести въ своихъ провинціяхъ общую народную перепись. Дѣйствующая армія (*низамъ*), организованная по прусскому образцу, составляетъ не болѣе 50,000 солдатъ, служащихъ по три года; добавленіемъ къ арміи являются два резерва, *идатіалъ* и *редифъ*. Общій составъ военныхъ силъ достигаетъ 120,000 человѣкъ, но въ случаѣ необходимости армія можетъ быть увеличена до неопредѣленнаго количества иррегулярнымъ войскомъ волонтеровъ, *баши-бузуковъ*, одно имя которыхъ напоминаетъ столько кровавыхъ и ужасныхъ сценъ.

Военный флотъ весьма значителенъ по сравненію съ коммерческимъ: въ 1877 году въ немъ считалось пятнадцать большихъ броненосныхъ судовъ, восемнадцать меньшаго размѣра и до сорока пяти паровыхъ судовъ различнаго вида, и если бы его вооружить вполнѣ, то потребовалось бы болѣе пятидесяти тысячъ экипажа.

За исключеніемъ Константинополя и его округа, состоящихъ въ вѣдѣніи министерства полиціи, страна раздѣлена на семь *вилайетовъ* или провинцій; кромѣ того острова Лемносъ, Имброзъ, Самоѳракія и Астипалея, вмѣстѣ съ Родосомъ и островами Анатолійскаго побережья — составляютъ восьмой вилайетъ. Впрочемъ, эти условныя дѣленія имперіи довольно часто мѣняются. Вилайеты раздѣляются на *мутезарифлики* или *санджаки*, которые въ свою очередь дѣлятся на *казы*, соотвѣтствующія французскимъ кантонамъ, а казы на общины или *нагіэ*. Европейскіе вилайеты, ихъ главные города и населеніе видны изъ слѣдующей таблицы (одинъ изъ главныхъ городовъ, Дарданеллы, находится въ Азіи):

Вилайеты.	Населеніе.	Главные города.
1. Эдирнэ или Адріанополь (Ѳракія) . . .	950,000	— Адріанополь.
2. Салоники (Македонія)	515,000	— Салоники.
3. Монастырь (Верхн. Македонія) . . .	550,000	— Монастырь.
4. Коссово (Верх. Албанія)	580,000	— Пристина.
5. Скутари или Скадра (Верх. Албанія). .	322,000	— Скутари.
6. Янина (Эпиръ и Ѳессалія)	698,000	— Янина.
7. Критъ или Кандія (о. Критъ)	278,000	— Канея.
Европейскіе острова вилайета на Архипелагѣ	40,000	— Дарданеллы.
Константинополь и его европейскій округъ	700,000	— Стамбулъ.
Санджакъ Новобазарный (съ австрійск. гарниз.)	125.000	— Новый-Базаръ.
Итого:	4.758,000	

ГЛАВА VI.

БОЛГАРСКІЯ ЗЕМЛИ.

I.

ДЕСПОТО-ДАГЪ И ВОСТОЧНАЯ РУМЕЛІЯ.

Въ силу Берлинскаго трактата часть Турціи, расположенная къ югу отъ главной цѣпи Балканъ и заключающая въ себѣ весь верхній бассейнъ Марицы, Тунджы и нѣсколько равнинъ, спускающихся къ Бургасскому заливу, была преобразована въ отдѣльное княжество. Данникъ и вассалъ Турціи, княжество это, въ дѣйствительности, находилось подъ непосредственнымъ покровительствомъ европейскихъ державъ; разъединенное политически отъ сѣверной Болгаріи, она оставалась тѣмъ не менѣе въ близкой съ нею связи, благодаря національному единству жителей,—болгаръ по преимуществу, твердо убѣжденныхъ, что это маленькое княжество рано или поздно приметъ въ себя родныя по духу и крови земли и образуется въ княжество Болгаріи, раскинувшись на сѣверѣ до гребня Балканъ, а на западѣ до холмистой черты между долинами Марицы и Искера. Въ 1885 году смѣлымъ и удачнымъ шагомъ они добились этого политическаго единства: болгаре сѣвера и юга разорвали оковы Берлинскаго трактата и у Сливницы, на полѣ битвы, подкрѣпили право силой. Въ центрѣ полуострова, отъ Дуная къ Деспото-Дагу, образовалась единая нація въ три милліона человѣкъ. Оффиціально объединеніе Болгаріи съ Румеліей было актомъ произвола, совершеннымъ по личной иниціативѣ князя и не закрѣпленнымъ согласіемъ европейскихъ державъ; но болгарскій народъ, не дожидаясь этого согласія, соединился и докончилъ это политическое преобразованіе—явилась администрація, министерства, армія.

По климату и общему характеру почвы, Восточная, Румелія является частью собственно Фракіи, слишкомъ незначительная по объему, что-

бы заключать въ себѣ весь горный кряжъ, она владѣетъ только склонами его;—на сѣверѣ эти склоны принадлежатъ Балканамъ, на юго-западѣ Деспото-Дагу. Нѣсколько небольшихъ отдѣльныхъ отроговъ, идущихъ параллельно Балканамъ, образуютъ на сѣверѣ страны рядъ длинныхъ, извилистыхъ равнинъ, прекрасно орошенныхъ и весьма плодородныхъ. Эти небольшія самостоятельныя цѣпи означены на картахъ ихъ болгарскими именами—„Средняя Гора“ и „Черная Гора“, сюда же принадлежитъ Водо-балканы и Кучукъ-Балканы. О незначительности этихъ горъ можно судить уже потому, что самыя высшія ихъ вершины, въ Средней-Горѣ, не превышаютъ 1,300 метровъ.

Къ юго-западу отъ Восточной Румеліи горы начинаютъ возвышаться. Горная страна Рюджица, прорѣзанная безчисленными долинами, представляетъ собою родъ передоваго вала Караколасъ-Дага и соединяется на западѣ съ горными массами Карлукъ-Балкана, превышающими 2,000 метровъ, и съ Деспото-Дагомъ, нѣкоторыя вершины котораго еще выше. Цѣпь эта, раздѣляющая бассейнъ Марицы отъ бассейна Месты и Восточную Румелію отъ Македоніи, принадлежащей Турціи, представляетъ собою главный кряжъ древняго Родопа. Ея вершины одѣты прекрасной растительностью,—пихты, лиственницы, буки, то группирующіеся въ цѣлые лѣса, укрывающіе медвѣдей и сернъ, то раскидывающіеся рощами, между которыми виднѣются обработанныя поля; деревни въ долинахъ окружены лугами, виноградниками и дубовыми рощами. По склонамъ разбросано множество монастырей, отчего собственно и происходитъ турецкое названіе Деспото-Дагъ, т. е. „Гора Священниковъ“, подъ которымъ вообще разумѣется древній Родопъ.

Въ странѣ, принявшей имя Восточной Румеліи, турецкій элементъ еще не утратилъ всего своего былаго значенія. Греки, также претендовавшіе нѣкогда на главенство, тоже все еще сильны и многочисленны. Во всякой деревнѣ можно встрѣтить одного или двухъ грековъ, которые занимаются торговлею и всякими ремеслами: они необходимы во всякой мѣстности, ибо умѣютъ все сдѣлать, на все готовы, оживляютъ край и населеніе своей подвижностью, энергіей, умомъ. Образуя въ странѣ что-то въ родѣ большаго франкъ-массонскаго общества, они, при своей взаимной солидарности и постоянной страстной дѣятельности, успѣли пріобрѣсти гораздо большее вліяніе, чѣмъ это можно было ожидать по ихъ численности. Мѣстами они образуютъ среди болгаръ и нѣсколько значительныхъ группъ. Такъ, напримѣръ, они довольно многочисленныя въ Филиппополѣ и Базарджикѣ, а въ одной изъ долинъ Родопа исключительно ими населенъ достаточно многолюдный городъ Стенимахо, въ которомъ

не смогли поселиться ни турки, ни болгары. Остатки древнихъ зданій и особенное нарѣчіе жителей, въ которомъ болѣе двухсотъ эллинскихъ словъ, неизвѣстныхъ въ ново-греческомъ языкѣ, доказываютъ, что городъ Стенимахо находится въ рукахъ грековъ уже болѣе двадцати вѣковъ. Судя по одной плохо сохранившейся надписи, археологъ Дюманъ считаетъ его эвбейскою колоніей.

Обитатели восемнадцати деревень Рюбжица, къ югу отъ Филиппополя, суть мусульмане, причисляемые, по ихъ племеннымъ признакамъ, къ болгарамъ. По Берлинскому трактату они подчинены Портѣ. Извѣстны они подъ именемъ помаковъ. Высокіе, черноволосые, порывистые въ движеніяхъ, веселые характеромъ, энтузіасты и поэты по натурѣ, они, по мнѣнію историковъ, являются потомками древнихъ ѳракійцевъ. Ученые сильно были заинтересованы ихъ богатой народной поэзіей. Ихъ пѣсни, бѣдныя по языку, но страстныя и образныя, запечатлѣны какой-то особой своеобразностью; онѣ отнюдь не походятъ на болгарскія и въ нихъ несомнѣнно видны слѣды древне-греческой миѳологіи. Наиболѣе пылкіе изъ изслѣдователей видятъ въ нихъ наслѣдіе эллинской миѳологической поэзіи и находятъ даже въ героѣ этихъ пѣсенъ—Орфенѣ, слѣды Орфея, божественнаго музыканта, заставлявшаго плакать деревья и камни, останавливавшаго звуками полетъ птицъ и чаровавшаго человѣка могущественною силою музыки.

Наиболѣе плотно населеніе сосредоточивается, конечно, на плодородной долинѣ Марицы, по которой проходитъ желѣзнодорожный путь въ Константинополь. Важнѣйшимъ населеннымъ пунктомъ верхней части этого края является здѣсь городъ Базарджикъ, называемый также Татаръ-Базарджикъ, хотя потомки татарской колоніи, расположившейся здѣсь въ концѣ пятнадцатаго вѣка, давно уже и совершенно смѣшались съ общею массою населенія. Дальше въ глубь страны, лежитъ главный городъ, основанный нѣкогда Филиппомъ, отцомъ Александра Македонскаго,—Филиппополь, просто Фелибъ у турокъ и Пловдивъ у болгаръ. Тутъ сходятся дороги Родопа, Стенимахо, Карлова, Калофра и путь, ведущій собственно въ Болгарію.

Между Филиппополемъ и Адріанополемъ, двумя важнѣйшими, хотя и расположенными вдали отъ желѣзной дороги городами, находятся Чирпанъ, къ сѣверу отъ Марицы, и Гаскіой къ югу. Наиболѣе богатыя по обработкѣ мѣстности Восточной Румеліи лежатъ у южной подошвы Шипкинскихъ Балканъ. Роскошная Казанлыкская долина славится на всемъ востокѣ. Самъ Казанлыкъ окруженъ великолѣпными орѣховыми рощами и розовыми плантаціями, гдѣ изъ 3,200 килограммовъ розъ добывается 1 килограммъ розоваго масла,—чрезвычайно дорогой эссенціи, служащей

цѣннымъ предметомъ торговли. Далѣе къ югу, Старо-Загора или, какъ зовутъ ее турки, Эски-Загра, производитъ лучшія шелковыя ткани и удивительную пшеницу, изъ которой готовится хлѣбъ къ столу султана. Лучшее вино на всемъ полуостровѣ производится виноградниками Сливницы. Этотъ городъ, расположенный также у подошвы Балканъ, на маленькомъ притокѣ Тунджы, знаменитъ своими ярмарками, но, къ сожалѣнію, не имѣетъ удобныхъ путей сообщенія съ другими городами полуострова, тогда какъ Ямболи, лежащій отъ него къ юго-западу, на Тунджѣ, соединенъ желѣзной дорогой съ Адріанополемъ и остальной Турціей. Карнабадъ и Аидосъ суть также болѣе или менѣе значительные города, благодаря своему положенію при морѣ. Наиболѣе оживленнымъ изъ портовъ является Бургасъ [1]) (Пиргосъ—у румелійскихъ грековъ), расположенный на небольшомъ полуостровѣ между озеромъ и заливомъ. Онъ былъ-бы еще болѣе оживленъ, главнымъ образомъ благодаря винной торговлѣ, если-бъ султанъ не наложилъ своего veto на постройку желѣзной дороги изъ Филиппополя въ Бургасъ, проектированную народнымъ собраніемъ. Кромѣ вышепоименованныхъ, не мало есть и другихъ, не столь значительныхъ, но весьма удобныхъ якорныхъ стоянокъ [2]).

На сѣверѣ Бургасскаго залива, составляющаго самую западную часть Чернаго моря, идутъ одинъ за другимъ три небольшихъ мыса треугольной формы. Два изъ нихъ заканчиваются песочными флешами, связывающими островокъ съ материкомъ. Каждый изъ этихъ островковъ является, такимъ образомъ, естественной крѣпостью, чѣмъ и воспользовались для постройки на нихъ городовъ: Агіолю и Мизиври (древняя значительная Мезембрія).

Восточная Румелія или „Автономія“, какъ любятъ называть жители свое „независимое“ отечество, оффиціально представляетъ изъ себя не что иное, какъ турецкій ленъ, управляемый генералъ-губернаторомъ, котораго султанъ назначаетъ на пять лѣтъ, и народнымъ собраніемъ, которое, какъ сказано выше, въ настоящее время одно для Восточной Румеліи и сѣверной Болгаріи. Страна дѣлится на шесть департаментовъ: Филиппополь, Татаръ-Базарджикъ, Хаскіой, Стара-Загора, Сливны и

---

[1]) Торговое движеніе въ Бургасѣ за 1883 г.:
223 судна, вмѣстительностью въ 106,302 тоннъ.

[2]) Торговый оборотъ Восточной Румеліи:

1882 годъ	. . . . .	17 010,000 франковъ.
1883 »	. . . . .	24.710,000 »

Бургасъ, подраздѣленные въ свою очередь на 28 кантоновъ и 1,343 общины [1]).

Въ 1881 году бюджетъ Восточной Румеліи превосходилъ 16 милліоновъ франковъ и армія, командуемая иностранными офицерами, достигла до 5,500 человѣкъ, набранныхъ изъ всѣхъ трехъ національностей. Впрочемъ, слѣдуетъ принимать въ разсчетъ и довольно хорошо подготовленную милицію, достигающую до 36,000 чел. Въ послѣднюю войну за независимость подъ знаменами встало до 50,000 людей.

II.

БАЛКАНЫ И СОБСТВЕННО БОЛГАРІЯ.

Вмѣшательство Россіи, въ 1879 году, въ дѣла Балканскаго полуострова имѣло главнымъ результатомъ созданіе независимаго княжества Болгарскаго, которое, какъ по пространству, такъ и народонаселенію, отнюдь еще не самое маленькое въ Европѣ. Но болгарскихъ патріотовъ это не удовлетворило. Они смотрятъ на свое настоящее княжество, даже считая захватъ Восточной Румеліи, лишь какъ на зародышъ будущей болгарской державы, долженствующей вмѣстить въ себѣ всѣ нѣкогда болгарскія земли, всѣ земли, принадлежащія имъ по историческому праву и нынѣ еще населенныя ихъ народомъ, всю территорію, разстилающуюся къ югу по Вардарской долинѣ, до окрестностей Салоникъ и даже до самыхъ Салоникъ включительно. И, какъ бы становясь уже ногой на македонскія земли, княжество болгарское захватило, на югѣ Сербіи, южные склоны Балканъ и весь верхній бассейнъ Стримона [2]).

Центральное плоскогорье Турціи, на западѣ котораго возвышаются высокія вершины Скара, представляетъ наименѣе изслѣдованную область полуострова, хотя именно здѣсь-то и перекрещиваются діагональ-

---

[1]) Главные города Восточной Румеліи съ ихъ приблизительнымъ населеніемъ:

Филиппополь (*Фелибе*)	80,000 чел.	Чирпанъ	12,000 чел.
Сливны (*Сливенъ*)	22,000 „	Казанлыкъ	10,000 „
Стара-Загора (*Эски-Загра*)	18,000 „	Сшепимахо	10,000 „
Татаръ-Базарджикъ	14,000 „	Ямбола	10,000 „
Хаскіой	12,000 „	Бургасъ	3,500 „

[2]) Болгарія въ 1881:

Поверхность.	Народонаселеніе къ 1 янв. 1883.	Число жителей на 1 километръ.
63,072 кил. кв.	1.998,980 чел.	31 чел.

ныя дороги изъ Ѳракіи въ Боснію и изъ Македоніи на Дунай. Это плоскогорье верхней Мезіи, называемое тамъ географами, за неимѣніемъ мѣстнаго названія, есть ничто иное, какъ обширная гранитная площадь въ шестьсотъ метровъ средней высоты, поверхность которой разнообразятъ многочисленныя *планины*, или горныя цѣпи, не представляющія ничего особенно грандіознаго, вслѣдствіе высоты поддерживающаго ихъ пьедестала; мѣстами возвышаются на ней нѣкоторыя трахитовыя вершины, остатки древнихъ вулкановъ. Нѣкогда всѣ впадины этого плоскогорья заполнялись многочисленными озерами, но они или постепенно загромождены напосами, или унесены пересѣкающими плоскогоріе рѣками, хотя очертанія ихъ еще совершенно замѣтны. Между этими озерными впадинами, обратившимися въ плодородныя поля, слѣдуетъ упомянуть въ особенности равнины Ниша, Софіи и Ихтимана.

Гордыя группы сіенитовыхъ и порфировыхъ горъ Витоха составляютъ восточный оплотъ плоскогорья Мезіи. Сейчасъ же къ востоку открывается глубокая долина рѣки Искера или Искры, которая пройдя равнину Софіи и перерѣзавъ Балканы во всю ихъ ширину, изливается въ Дунай. Недавно еще думали, что точно такъ-же перерѣзываютъ всѣ Балканы и другой притокъ великой рѣки — Видъ, и даже тщательно вычерчивали на большей части картъ это воображаемое пересѣченіе, но на самомъ дѣлѣ Видъ, какъ доказалъ впервые путешественникъ Лежанъ, беретъ начало просто на дунайскомъ склонѣ горъ. Высокая долина Искера и равнина Софіи могутъ быть разсматриваемы, какъ истинный географическій центръ Европейской Турціи. Софія представляетъ именно пунктъ, въ которомъ сходятся, посредствомъ легчайшихъ переходовъ, дорога отъ нижняго Дуная по долинѣ Искера, дорога изъ Сербіи по Моравѣ, дорога изъ Ѳракіи и Македоніи по Марицѣ и Стримону. Потому-то Константинъ, пораженный большими преимуществами Сардики, нынѣшней Софіи, возъимѣлъ мысль перенести сюда столицу своей имперіи, и если бы онъ избралъ Софію, вмѣсто Византіи, то ходъ исторіи значительно бы измѣнился. Сдѣлавшись нынѣ столицею новаго княжества, Софія значительно преобразовалась и въ нѣкоторыхъ частяхъ приняла физіономію города вполнѣ европейскаго

Турки называютъ Балканами всѣ цѣпи и горныя группы полуострова, какой бы формы и направленія онѣ ни были; географы же обозначаютъ этимъ именемъ обыкновенно только Гемусъ древнихъ. Этотъ валъ начинается на востокъ отъ Софійской равнины и вовсе не составляетъ горной цѣпи въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, а образуетъ скорѣе нѣчто въ родѣ террасы, которая легко наклоняется или спускается

ступенями къ придунайскимъ равнинамъ, между тѣмъ какъ южный склонъ ея представляетъ рѣзкую крутизну: какъ будто съ этой стороны плоскогорье обрушилось. Такимъ образомъ, Балканы имѣютъ видъ горной цѣпи только съ одной стороны, да и то, если смотрѣть съ простирающихся къ югу отъ него равнинъ и древнихъ озерныхъ бассейновъ, профиль его гребня представляется слабоволнистою, не имѣетъ ни рѣзкихъ выступовъ, ни скалистыхъ пирамидъ, и вершины его рисуются на всей сѣверной сторонѣ горизонта продолговатыми выпуклостями. Единственныя исключенія изъ этой мягкости очертаній представляютъ порфировыя горы Чаталъ, возвышающіяся къ югу отъ главной цѣпи, между Казанлыкомъ и Сливно. Хотя онѣ и уступаютъ по высотѣ вершинамъ Балканъ, но поражаютъ своими крутыми стѣнами, изорванными гребнями и безпорядкомъ нагроможденныхъ скалъ. Эта могучая горная группа, усыпанная скалами, составляетъ совершенную противоположность съ окружающими ее известково-мергелевыми холмами.

Сѣверные склоны Балкана такъ однообразны, что можно подняться на самую высокую вершину, не видавши горъ. Когда Гемусъ будетъ обезлѣсенъ,—а жители его, къ несчастію, имѣютъ неблагоразуміе вырубать лѣса на высотахъ,—то его склоны потеряютъ свою красоту; теперь же, пока еще растительность украшаетъ его, высокій Балканъ представляетъ одну изъ самыхъ привлекательныхъ областей Турціи. Во всѣхъ его долинахъ, среди зеленыхъ, какъ въ Альпахъ, луговъ, текутъ рѣки; довольно многочисленныя деревни расположены въ тѣни буковъ и дубовъ; видъ горъ вездѣ веселый, такъ что одинъ путешественникъ говоритъ, что природа здѣсь совершенно „райская“. Напротивъ, равнины, разстилающіяся къ Дунаю, голы и унылы; на нихъ не видно ни одного деревца, такъ что мѣстные жители, не имѣя дровъ и употребляя для топлива высушенный на солнцѣ коровій навозъ, должны вырывать въ землѣ логовища, чтобы согрѣваться зимою.

Основа Балканъ, отъ равнины Софіи до равнины Сливно, представляетъ гранитныя скалы; но различныя террасы, понижающіяся къ Дунаю, представляютъ весь рядъ геологическихъ слоевъ, отъ переходныхъ до четверныхъ формацій. Различныя скалы мѣловаго періода занимаютъ въ этой области Болгаріи наибольшее пространство въ ширину и изрѣзаны стекающими съ Балканъ рѣками наиболѣе живописно въ видѣ полукруговъ и ущелій. Древнія крѣпости охраняютъ проходы этихъ долинъ, въ устьяхъ которыхъ расположены города равнины. Самую замѣчательную изъ этихъ древнихъ крѣпостей представляетъ древній городъ болгарскихъ царей — Тырновъ. Янтра, при выходѣ своемъ изъ Бал-

канъ, развертывается и свертывается какъ лента, и образуетъ семь излучинъ, надъ которыми поднимаются амфитеатромъ высокіе прибрежные утесы и два скалистые острова, окруженные нѣкогда стѣнами и башнями. Дома города покрываютъ собою отлогость и тянутся въ предмѣстьяхъ у подошвы крутыхъ утесовъ. Въ Тырновѣ состоялось первое народное собраніе въ 1879 г.

На сѣверномъ склонѣ Балканъ замѣчается особенная параллельность всѣхъ видоизмѣненій почвы: округлыя высоты большихъ горъ, верхи второстепенныхъ цѣпей, границы геологическихъ образованій, лощины, въ которыхъ рѣки дѣлаютъ изгибы, наконецъ самое теченіе Дуная—выдерживаютъ одно и то же направленіе съ запада къ востоку. Поэтому и всѣ параллельныя долины, спускающіяся съ Балканъ, имѣютъ почти одинаковые выходы, одинаковые бассейны, одинаковые ряды изворотовъ, а также и самое населеніе распредѣлено одинаковымъ образомъ; города и деревни занимаютъ подобныя одно другому положенія. Единственное замѣчательное исключеніе представляетъ долина рѣки Ломы, которая, до входа своего въ долину Дуная, около Рущука, течетъ съ юго-востока на сѣверо-западъ. Прекрасные сады, расположенные по краямъ этой долины, ограничиваются известковыми, до тридцати метровъ средней высоты, стѣнами, бѣлизна которыхъ кажется изъ-за зелени ослѣпительною. Впадина, по которой течетъ Лома, представляетъ собою часть той общей линіи, по которой извивается и Камчикъ на черноморскомъ склонѣ. Параллельно съ этимъ течетъ и Девно, впадающій въ лиманъ, заканчивающійся Варнской бухтой. Съ этой стороны Балканы заканчиваются небольшой пограничной цѣпью — „Дели-Орманъ“, обитаемый до сихъ поръ турками, мирными потомками грозныхъ когда-то завоевателей. Дальше, къ сѣверо-востоку, начинаетъ уже проявляться степной характеръ поверхности.

На востокѣ Балканы заканчиваются не общимъ гребнемъ, а нѣсколькими параллельными рядами, идущими отъ запада къ востоку. Притокъ Камчика, Дели-камчика, отдѣляетъ эти ряды отъ собственно Балканъ. Сходя къ морю, Балканы образуютъ множество мысовъ; изъ нихъ наиболѣе выдающійся—мысъ Эмине, хребетъ изъ разсыпчатаго порфира, заканчивающійся такъ же остро, какъ и сосѣдніе мысы: на сѣверѣ Карабурунъ, на югѣ Мизиври, Ахіолю. Самая подошва спуска, омываемая волнами Чернаго моря, есть „Finis-Haemi“ Римлянъ. Мѣсто, гдѣ возвышался прежде храмъ Юпитера, занято теперь греческимъ монастыремъ Св. Николая. Дорога, идущая на вершину Гелюса, есть та самая, по кото-

рой шелъ Дарій во время своего похода на Скиѳовъ. Этой же самой дорогой шли и русскіе во время кампаніи 1829 г.

Въ торговомъ смыслѣ значеніе этого пути не меньшее, чѣмъ въ военномъ. По ней исключительно очень долго совершалось все торговое движеніе между Константинополемъ и скиѳскими, нынѣ русскими землями. Въ настоящее-же время она если и имѣетъ значеніе, то исключительно лишь мѣстное, для селеній, расположенныхъ при подошвѣ Эмине-Балканъ. Съ одной стороны пароходы, а съ другой двѣ дороги изъ Ямболи на Шумлу, чрезъ Карнабадъ и Сливны, имѣющія быть вскорѣ замѣненными желѣзной дорогой,—дали полную возможность торговому пути оставить Эмине въ сторонѣ.

Долго думали, что „великіе Балканы“ недоступны для перехода и древніе авторы говорили о переходѣ какой-то македонской арміи черезъ Гемусъ, какъ о чудѣ. Еще даже въ началѣ текущаго столѣтія историкъ Гаммеръ указывалъ только восемь проходовъ во всей Балканской цѣпи. Каницъ перечисляетъ тридцать проѣзжихъ дорогъ, самая высокая изъ которыхъ, въ Розалпейскомъ ущельѣ, между Калоферомъ и Ловетой, доходитъ до высоты 1,930 метровъ; высота наиболѣе многолюдной, идущей изъ Ломъ-Поланки въ Софію, по Глинчискому ущелью, равняется 1,475 метрамъ, средняя-же высота дорогъ не превышаетъ 1,000 метровъ, а дорога изъ Богасъ-дере возвышается всего на 138. Кромѣ этихъ, указанныхъ Каницомъ, дорогъ существуетъ еще нѣсколько второстепенныхъ, доступныхъ тѣмъ не менѣе какъ для верховаго, такъ и для экипажнаго прохода.

Къ западу отъ Средней-Горы, одной изъ этихъ параллельныхъ грядъ, Балканы соприкасаются съ группами Родопа посредствомъ горъ Ихтимана. Вообще, весь верхній бассейнъ Марицы, между Балканомъ и Родопомъ, имѣетъ форму продолговатаго треугольника, вершина котораго, направленная къ Софійской равнинѣ, указываетъ мѣсто соединенія двухъ системъ. Это большое треугольное пространство и его боковыя низменности занимали нѣкогда озера, замѣнившіяся теперь удивительно плодородными лощинами. Проходы этого раздѣла горныхъ системъ, при вершинѣ треугольника, представляютъ, конечно, чрезвычайно важные стратегическіе и торговые пункты. Чрезъ одинъ изъ нихъ, въ которомъ еще видны развалины знаменитыхъ „Траяновыхъ воротъ“ и который сохранилъ свое древнее названіе, проходила большая военная дорога римлянъ; здѣсь же пройдетъ между двумя склонами полуострова главная линія желѣзныхъ дорогъ. Съ самыхъ отдаленныхъ временъ исторіи, народы боролись между собою за обладаніе этими воротами Константино-

поля, и множество могильныхъ холмовъ, разсѣянныхъ по сосѣднимъ долинамъ, и теперь еще свидѣтельствуютъ о войнахъ, происходившихъ въ этой части Ѳракіи.

Развѣтвленія горъ Родопа перекрещиваются съ вѣтвями Балканъ и самый низкій, отдѣляющій ихъ проходъ—Дубница—имѣетъ болѣе одного километра высоты. Самая высока группа Родопа—Рило-Дагъ—занимаетъ самый сѣверный его конецъ и образуетъ, по выраженію Барта, „лопатку“ этого сочлененія. Его зубцы, пики, окружающія его утесистыя пирамиды и не вполнѣ горизонтальные столы его верхняго плоскогорья, столь отличные отъ продолговатыхъ вершинъ Балкана, поднимаются до высоты 3,000 метровъ, выступая далеко за предѣлы лѣсной растительности. Но къ низу отъ величественнаго амфитеатра большихъ обнаженныхъ вершинъ, второстепенныя вершины одѣты прекрасною растительностью пихтъ, лиственицъ, буковъ, которые то группируются въ лѣса, укрывающіе медвѣдей и сернъ, то раскидываются рощами, перемежающимися съ обработанными полями; деревни въ долинахъ окружены лугами, виноградниками и дубовыми рощами. По склонамъ разбросано множество монастырей, отчего и происходитъ турецкое названіе Деспото-Дагъ, т. е. „Гора Священниковъ“, подъ которымъ вообще разумѣется древній Родопъ. Рило-Дагъ, знаменитый своими богатыми монастырями Рило, или Рила, имѣетъ совершенно видъ швейцарской альпійской группы. Зимою и весною тучи съ Средиземнаго моря приносятъ ему большое количество снѣга; лѣтомъ же эти тучи разрѣшаются дождями, которые быстро уничтожаютъ на горныхъ склонахъ послѣдніе остатки снѣговъ. Эти внезапныя перемѣны представляютъ весьма замѣчательное зрѣлище. Послѣ полудня туманы, затягивавшіе высокія вершины, сгущаясь мало по малу, собираются наконецъ на склонахъ въ тяжелыя тучи бронзоваго цвѣта и около трехъ часовъ разражаются дождемъ; затѣмъ онѣ постепенно рѣдѣютъ и, сквозь разрывы паровъ, начинаютъ показываться одна за другою вершины, такъ что къ вечеру воздухъ очищается снова, и горы блестятъ отражаніями лучей заходящаго солнца.

Къ югу отъ Рило-Дага возвышается горная группа Перимъ, или Перинъ, которая развѣ немного уступаетъ ему въ высотѣ—это древній Орбелосъ грековъ и одна изъ тѣхъ многочисленныхъ горъ, гдѣ показываютъ еще кольца, за которыя держался Ноевъ ковчегъ, когда сбывали воды потопа; мусульмане ходятъ сюда на поклоненіе этому священному мѣсту. Это послѣдняя большая вершина Родопа съ южной стороны и за нею средняя высота горъ быстро понижается, такъ что до самыхъ береговъ Эгейскаго моря не превышаетъ 1,000 или 1,200 метровъ. Но за то

совокупность составляющихъ систему гранитныхъ горъ растягивается на огромную ширину, отъ равнинъ Ѳракіи до горъ Албаніи. Группы древнихъ вулкановъ съ могучими изліяніями трахита еще болѣе увеличиваютъ протяженіе горной области Родопа [1]). Рѣки, стекающія съ центральнаго плоскогорья Турціи, могли достигнуть Эгейскаго моря только прорѣзавши въ этихъ гранитахъ и лавахъ глубокіе проходы, каковы, напримѣръ, знаменитыя „Вардарскія желѣзныя ворота“, которыя подъ именемъ Демиръ-Капу, получили такую извѣстность, что когда-то на большей части картъ ихъ обозначали въ центрѣ Турціи значительнымъ городомъ.

По мнѣнію Викнеля и Гохштеттера ни въ одномъ изъ этихъ древнихъ озерныхъ бассейновъ не встрѣчается ледниковыхъ осадковъ, и склоны окружающихъ ихъ горъ не представляютъ никакихъ слѣдовъ теченія ледяныхъ рѣкъ. Любопытно, что такія невысокія горы, какъ Вогезы и Овернскія, имѣли свой ледяной періодъ, между тѣмъ какъ ни Перестери, ни Рило-Дагъ, ни Балканы, которые лишь немного южнѣе Пиринеевъ, не имѣютъ рытвинъ, которыя были бы когда нибудь наполнены двигавшимися льдами. Это есть замѣчательное явленіе въ геологической исторіи Европы.

Обширное четырехугольное пространство, занятое горными системами Гемуса и Родопа и ограниченное съ сѣвера Дунаемъ, составляющее около половины прежней Турціи, занимаетъ болгарская страна. Хотя названіе Болгаріи относится оффиціально только къ сѣверному склону Балканъ, увеличенному прибавкою Софійскаго плато, тѣмъ не менѣе настоящая Болгарія занимаетъ по крайней мѣрѣ вдвое большее пространство. Вся земля полуострова отъ береговъ нижняго Дуная до склоновъ Пинда—принадлежитъ болгарамъ, за исключеніемъ островковъ и архипелаговъ, занятыхъ турками, валахами, зинзарами или греками. Въ среднія вѣка они занимали еще большее пространство, такъ какъ вся Албанія входила въ составъ ихъ царства, столицею котораго была Охрида.

---

[1]) Приблизительныя высоты Болгаріи по Гохштеттеру, Викенслю, Буэ, Барту Капицу и измѣреніямъ русскаго и австрійскаго штабовъ:

Балканы.

Балканы (въ среднемъ)	1,700	метр.
Ущелье Розалита	1,932	»
Гумрукчалъ	2,376	»
Ущелье Глинчи	1,508	»
Шипка	1,407	»
Дефиле Богасъ-Дере	138	»
Бана (Эмпне)	437	»
Траянское ущелье	1,653	»
Траяновы ворота	800	метр.
Ущелье Дубницы	1,085	»
Ловница (Рило-Дагъ)	2,900	»
Перимъ-Дагъ	2,400	»

Другія группы.

Витошъ	2 462	метр.
Бассейнъ Софіи	522	»

Но что это за племя, которое и по численности, и по пространству своихъ владѣній, занимаетъ, очевидно, первое мѣсто на турецкомъ полуостровѣ? Ужасные опустошители, называвшіеся у византійцевъ болгарами, которые съ конца пятнадцатаго столѣтія разоряли равнины Ѳракіи и имя которыхъ, нѣсколько видоизмѣненное, сдѣлалось въ нашихъ западныхъ языкахъ, выраженіемъ позора, принадлежали, вѣроятно, къ угрскому племени, какъ и гунны; языкъ ихъ походитъ на языкъ нынѣшнихъ самоѣдовъ, почему и полагаютъ, что они были ближайшими предками этихъ несчастныхъ народцевъ сѣверной Россіи. Во всякомъ случаѣ, эти свирѣпые завоеватели, придя съ береговъ Волги, которой предки ихъ, какъ полагаютъ нѣкоторые писатели, обязаны своимъ названіемъ, измѣнились такъ сильно, что напрасно было бы искать въ нихъ слѣдовъ ихъ древняго происхожденія. Изъ туранцевъ они обратились въ такихъ же славянъ, какъ и сосѣди ихъ: сербы и русскіе.

Быстрая славянизація болгаръ, совершившаяся въ средніе вѣка, представляетъ замѣчательнѣйшее этнологическое явленіе. Съ половины десятаго вѣка всѣ болгары уже понимали по-сербски, а вскорѣ совершенно перестали говорить на своемъ родномъ языкѣ, и хотя они говорятъ не такъ правильно, какъ сербы, и произношеніе ихъ грубѣе, но теперь въ ихъ славянскомъ нарѣчіи съ трудомъ можно найти нѣсколько хозарскихъ словъ. Но, не имѣя ни литературы, ни политическаго единства, они не могли установить свой языкъ и придать ему своеобразный характеръ. Наибольшею чистотою нарѣчіе ихъ отличается, говорятъ, въ округѣ Калоферъ, къ югу отъ Балкана. Нѣкоторые писатели полагаютъ, что способность чрезвычайно легкаго усвоенія, которою отличаются болгары, достаточно объясняетъ ихъ постепенное превращеніе въ ославянившійся народъ; но гораздо проще предположить, что во время прилива и отлива переселеній и воинственныхъ набѣговъ, завоеванные сербы и завоеватели болгары перемѣшались другъ съ другомъ, при чемъ первые внесли въ смѣшанную народность свои нравы, свой языкъ, свои отличительныя черты, а вторые—дали ей свое имя. Какъ бы то ни было, населеніе Болгаріи составляетъ теперь часть славянскаго міра. Вмѣстѣ съ босняками и сербами, подчиненными еще власти Турціи, они даютъ южно-славянскому элементу большой перевѣсъ въ этнологическомъ отношеніи во всей Европейской Турціи. Если бы гегемонія въ имперіи должна была принадлежать самому многочисленному племени, то она осталась бы за сербо-болгарами, а вовсе не за греками, какъ думали еще недавно.

Вообще, болгары меньше ростомъ, чѣмъ ихъ сосѣди сербы, коренасты, крѣпко сложены, голова довольно большая, плечи широкія. Многіе

путешественники, и между прочими, Леженъ, бретонецъ, нашли въ нихъ поразительное сходство съ поселянами Бретани. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ напр. въ окрестностяхъ Филиппополя, они брѣютъ себѣ волосы на головѣ, оставляя только косу, которую отращиваютъ и старательно заплетаютъ, какъ китайцы. Греки и валахи смѣются надъ ними и въ насмѣшку имъ составлено много поговорокъ, въ которыхъ болгары выставляются безтолковыми и грубыми. Но эти насмѣшки несправедливы. Не обладая живостью румына и изворотливостью эллина, болгаринъ, тѣмъ не менѣе, имѣетъ понятливый умъ; но рабство отозвалось на немъ тяжело, и потому въ мѣстностяхъ, гдѣ его еще притѣсняетъ турокъ и эксплуатируетъ грекъ, онъ имѣетъ несчастный и пасмурный видъ; но въ сѣверныхъ равнинахъ и въ отдаленныхъ горныхъ деревняхъ, гдѣ онъ страдаетъ меньше, онъ веселъ, любитъ развлеченія, рѣчь его жива, отвѣтъ находчивъ. На томъ же сѣверномъ склонѣ Балкана народонаселеніе, быть можетъ, вслѣдствіе тѣснаго сліянія съ сербами, представляетъ самый красивый типъ лица и одѣвается съ большимъ вкусомъ. Болгаринъ носитъ вышитую рубаху съ широкими рукавами, шальвары, затянутыя поясомъ, суконную куртку, овчинную шубу и на головѣ — баранковую „чубару“.

Болгары, въ особенности болгары равнины, —вообще народъ мирный и вовсе не соотвѣтствуютъ тому представленію, которое составилось объ ихъ свирѣпыхъ предкахъ, опустошителяхъ Византійской имперіи. Въ отличіе отъ сербовъ, они не имѣютъ никакого военнаго тщеславія, не поютъ про древнія битвы и даже утратили всякую память о своихъ предкахъ. Въ пѣсняхъ своихъ они ограничиваются описаніемъ маленькихъ драмъ обыденной жизни или страданій угнетеннаго, какъ и подобаетъ порабощенному народу; власть, въ видѣ жандарма, „скромнаго *заптія*“, играетъ большую роль въ ихъ коротенькихъ стихотвореніяхъ. Настоящій болгаринъ является спокойнымъ, работящимъ и смышленнымъ селяниномъ, хорошимъ мужемъ и добрымъ отцомъ, любящимъ домашній комфортъ и обладающимъ всѣми семейственными добродѣтелями. Почти всѣми отправляемыми за границу земледѣльческими продуктами Балканскій полуостровъ обязанъ труду болгарскихъ земледѣльцевъ, ибо именно они обращаютъ южныя равнины Дуная въ обширныя маисовыя и ржаныя поля, которыя соперничаютъ съ полями Румыніи. Наконецъ, болгары, живущіе на сѣверномъ склонѣ Балканъ, между Пиротомъ и Тырновомъ, отличаются значительною промышленною дѣятельностью. Каждая деревня имѣетъ свой особый родъ труда: въ одной фабрикуютъ ножи, въ другой металлическія бездѣлки, въ третьей горшки, ткани, ковры, и вездѣ эти простые работники

обнаруживаютъ большую ловкость рукъ и чистоту вкуса. При сѣверномъ проходѣ Шипкинскаго ущелья, знаменитаго со времени геройской защиты его русскими войсками въ минувшую кампанію, въ недавнее время возникшій городъ Габрово живетъ самой дѣятельной жизнью—его ножи, ятаганы, кожи и сукна извѣстны всему полуострову. По словамъ Каница, въ Габровѣ, въ 1835 году, открылась первая болгарская школа. Къ западу отъ Габрова, находится Травна-болгарскій Нюренбергъ, городъ кузнецовъ, рѣзчиковъ по дереву и иконописцевъ. Самаковъ, къ югу отъ Софіи, является центромъ желѣзодѣлательнаго производства.

Но эти, столь мирные, столь привыкшіе къ труду и работѣ болгары начали тяготиться своею долгою зависимостью еще раньше, чѣмъ Россія, съ оружіемъ въ рукахъ, ополчилась на ихъ защиту. Они не думали, конечно, о революціи, и бывшія возстанія были произведены нѣсколькими горцами или молодыми людьми, принесшими энтузіазмъ свободы изъ Сербіи или румынскихъ странъ; но хотя болгары въ значительномъ еще числѣ остались покорными подданными Турціи, тѣмъ не менѣе они начинаютъ уже поднимать голову, начинаютъ сознавать другъ друга принадлежащими къ одной и той же народности, начинаютъ сплачиваться и соединяться для общей защиты; однимъ словомъ, они приходятъ въ себя послѣ тысячелѣтняго самозабвенія. И первый шагъ къ возстановленію своей національности сдѣланъ ими уже въ измѣненіи религіознаго порядка. Со времени нашествія турокъ, нѣкоторое число болгаръ, конечно, наиболѣе притѣсняемыхъ, обратились въ магометанство; но, посѣщая мечети, бо́льшая часть ихъ однако же сохраняли религію своихъ отцовъ, почитали тѣ же священные источники и вѣрили въ тѣ же талисманы, нѣкоторая же часть населенія, по завоеваніи, обратилась въ западный католицизмъ; большинство же племени принадлежитъ къ греческому вѣроисповѣданію. Недавно еще греческіе священники и монахи пользовались огромнымъ вліяніемъ, ибо они въ теченіе многихъ вѣковъ угнетенія хранили преданія побѣжденной вѣры и самымъ своимъ существованіемъ напоминали нѣкоторымъ образомъ прошедшую независимость, и такъ какъ ихъ церкви составляли для гонимаго поселянина единственное убѣжище, то народъ относился къ нимъ съ чувствомъ признательности. Однако, болгары не захотѣли болѣе оставаться подъ управленіемъ духовенства, которое не давало себѣ даже труда говорить съ ними на ихъ родномъ языкѣ и намѣревалось подчинить ихъ другой, отличной отъ нихъ націи—эллиновъ. Не желая заводить религіознаго раскола, они рѣшили выйти изъ-подъ власти константинопольскаго патріарха, какъ сдѣлали сербы и сами греки новаго Эллинскаго королевства и установить свою національную

ТИПЫ.

1. Болгаринъ-христіанинъ изъ Видина. 2. Христіанка изъ Скодры. 3. Болгаре-мусульмане изъ Видина. 4. Болгаринъ изъ Койютепе.

церковь, которая управляла-бы сама собою. И, не смотря на протесты константинопольскаго Ватикана—«Фанара», не смотря на неблагосклонность правительства, которое вовсе не любитъ эмансипаціи своихъ народовъ, отдѣленіе двухъ церквей уже почти совершилось еще до появленія русскихъ войскъ и греческое духовенство должно было удалиться, а изъ нѣкоторыхъ городовъ даже бѣжать съ поспѣшностію. Это событіе совершилось бы гораздо скорѣе, если бы не продолжили кризиса женщины, которыя больше мужчинъ привязаны къ древнимъ обычаямъ и которымъ малѣйшее измѣненіе въ обрядахъ и одеждѣ священника кажется ужасною ересью.

Эта мирная революція, совершившаяся противъ грековъ, имѣетъ однако же большое значеніе и относительно самихъ турокъ. Всѣ болгары, отъ Дуная до Вардара, дѣйствовали въ этомъ общемъ дѣлѣ согласно и, такимъ образомъ, не смотря на свою зависимость и, быть можетъ, сами того не зная, сдѣлали попытку образовать изъ себя впервые націю. Со времени возникновенія ихъ независимаго княжества, главное вниманіе болгаръ посвящено ихъ школамъ: обязательность обученія для каждаго, безплатное обученіе бѣдныхъ и неустанная заботливость о снабженіи каждой деревушки учителемъ.

Мягкое и воспріимчивое по натурѣ болгарское населеніе быстро, конечно, измѣнитъ свои нравы и привычки подъ вліяніемъ европейской цивилизаціи, свободно проникающей нынѣ на Балканскій полуостровъ. Болгарской же націи необходимо нравственно подняться. Насколько албанцы одичали отъ войны, настолько болгары принизились отъ вѣковаго рабства. Въ городахъ, гдѣ они ближе стояли къ мусульманамъ, ихъ нравственное паденіе особенно замѣтно. Безконечныя оскорбленія и подавляющее презрѣніе мусульманъ сдѣлали ихъ въ концѣ концовъ низкими, презрѣнными даже въ ихъ собственныхъ глазахъ.

Но, впрочемъ, многое и значительно уже измѣнилось со времени освобожденія сѣверной Болгаріи. Въ общемъ турки превосходятъ болгаръ честностью и твердостью разъ даннаго слова, но въ смыслѣ трудолюбія они стоятъ безконечно ниже. Лѣнивые и неподвижные, какъ истые сыны Востока, они спокойно отдаются въ распоряженіе „фатума“ и въ результатѣ теряютъ мало-по-малу свое положеніе хозяевъ и впадаютъ въ заслуженную нищету.

Но что̀ важнѣе всего—это стремленіе болгаръ къ самообразованію. Съ лихорадочной поспѣшностью основываютъ они школы, коллегіи, гимназіи, издаютъ книги, посылаютъ свою молодежь въ иностранные университеты. Въ высшихъ школахъ Константинополя лучшіе ученики—бол-

гары. Это знакъ весьма знаменательный. Если и въ будущемъ явленіе это не измѣнится, то можно съ увѣренностью сказать, что нація, столь долго исторически подавляемая и третируемая какъ стадо рабовъ, съ честью вернетъ свое мѣсто на сценѣ міра.

Въ деревняхъ земля постепенно переходитъ въ руки прежнихъ „райя"; тоже самое можно сказать и въ отношеніи торговли—она почти вся въ рукахъ православнаго населенія.

По количеству своему турки весьма немногочисленны въ селеніяхъ болгарской страны къ западу отъ долины Ломы, но въ городахъ, особенно въ тѣхъ, которые имѣютъ важное стратегическое значеніе, они составляютъ значительныя общества. Сверхъ того бо́льшая часть восточной Болгаріи, между Дунаемъ и Бургасскимъ заливомъ, населена турками и болгарами, которые до того слились съ своими побѣдителями по языку, костюму, привычкамъ и образу мыслей, что ихъ невозможно отличить отъ послѣднихъ и должно считать вообще представителями турецкой націи. Даже мѣстные греки и тѣ говорятъ по-турецки. Здѣсь нѣтъ ни одного христіанскаго монастыря, но много мѣстъ, почитаемыхъ мусульманами и пользующихся славою святости. Вотъ гдѣ самая прочная точка опоры для османлисовъ на всемъ полуостровѣ; въ остальныхъ же мѣстахъ хозяевами страны являются иностранцы. Но и здѣсь уже вѣчныя убійства и массовое эмигрантство поглотили бо́льшую часть населенія. Въ настоящее время число выселившихся отсюда надо считать близкимъ къ милліону.

Болгары и турки, греки и валахи, мѣстами колоніи сербовъ и албанцевъ, общества армянъ, довольно многочисленныя группы евреевъ—„испанцевъ", европейскіе купцы въ городахъ, поселенія румыновъ, зинзары и кочующія толпы цыганъ, считающихся мусульманами, представляютъ въ болгарской странѣ настоящее смѣшеніе народовъ; въ Добруджѣ, между нижнимъ Дунаемъ и моремъ, это смѣшеніе еще значительнѣе: тамъ къ представителямъ всѣхъ племенъ, живущихъ въ Болгаріи, присоединяются еще и ногайскіе татары, которые, не смѣшиваясь съ другими племенами, какъ ихъ братья по крови османлисы, сохранили еще довольно хорошо свой азіатскій типъ.

Послѣ Крымской войны, двѣнадцать тысячъ ногайцевъ, скомпрометировавшихъ себя оказанною ими союзникамъ помощію, покинули свою прекрасную горную страну и поселились колоніями, рядомъ съ своими татарскими соотечественниками Добруджи. Наоборотъ, нѣсколько тысячъ болгаръ, испугавшись крымскихъ ногайцевъ, которыхъ имъ описали—и совершенно ошибочно—какъ свирѣпыхъ и порочныхъ, ушли изъ своей

страны подъ покровительство русскаго царя, при чемъ имъ назначены были для жительства именно тѣ самыя мѣста, изъ которыхъ выселились татары. Двѣ имперіи помѣнялись, такимъ образомъ, народами, но, къ несчастію, бѣглецы обѣихъ націй должны были много выстрадать на своихъ новыхъ родинахъ отъ перемѣны климата и нищеты, и какъ съ той, такъ и съ другой стороны многіе погибли жертвами болѣзней и огорченія. Въ концѣ концовъ всѣ почти болгары принуждены были покинуть русскіе предѣлы и вернуться на родину, но ногайцы успѣли обжиться на новыхъ мѣстахъ, снискать общее уваженіе и вообще акклиматизироваться. Гораздо печальнѣе была участь черкесовъ и другихъ переселенцевъ съ Кавказа, которые, убѣгая отъ русскихъ или гонимые ими, просили въ 1864 и послѣдующіе года убѣжища у Порты. Ихъ было четыреста тысячъ; поэтому не легкое дѣло было приготовить для нихъ мѣсто въ Европейской и Азіятской Турціи. Паша, на котораго былъ возложенъ Портою надзоръ за переселеніемъ, озаботился водворить новыхъ пришельцевъ въ западной части Болгаріи, надѣясь — хотя напрасно — порвать такимъ образомъ этнологическую связь между сербами и болгарами. „Райевъ“, конечно, заставили уступить имъ земли, дать скотъ и сѣмена, построить имъ деревни и даже цѣлые города, но не такъ легко было имъ внушить любовь къ труду. Въ Болгаріи они встрѣтили недовѣрчивый пріемъ и вскорѣ, разочарованные, замкнулись въ своей высокомѣрной гордости и отказались приняться за работу. Разсказываютъ, что многіе предводители, прибывъ на мѣсто, втыкали свои сабли въ землю въ знакъ того, что земля принадлежитъ имъ и что отнынѣ населеніе стало ихъ рабами. Множество ихъ погибло отъ голода, эпидемій, отъ климата, который такъ не похожъ на ихъ горный климатъ, и въ первый же годъ вымерло болѣе трети этихъ выходцевъ. Ихъ молодыя дѣвушки и дѣти сдѣлались предметомъ отвратительной торговли, и барыши, извлеченные при этомъ случаѣ нѣкоторыми пашами, рождаютъ вопросъ, не умышленно ли былъ вымореъ голодомъ весь этотъ народъ? Гаремы такъ переполнились черкешенками, продававшимися за четвертую или даже за восьмую часть своей обыкновенной цѣны, что Константинополь уступилъ свой излишекъ Сиріи и Египту. Впослѣдствіи, когда болѣзни, праздность и распутство получили свою добычу, черкесское населеніе мало-по-малу начало приспособляться къ новой средѣ, но минувшая кампанія вновь пробудила ихъ дикіе, кровожадные инстинкты. Они-то главнымъ образомъ и образовали изъ себя тѣ таборы баши-бузуковъ, съ которыми пришлось столько разъ сталкиваться русскимъ казакамъ. Враги кавказскихъ ущелій, волею судебъ, опять столкнулись на высотахъ Балканъ.

*

Черкесы съ безумной отвагой отдались на служеніе новому отечеству, но слава, ими пріобрѣтенная, принадлежитъ не столько ихъ мужеству, сколько звѣрству, съ которымъ они вырѣзывали безоружное населеніе, женщинъ, старцевъ и дѣтей.

Современная Болгарія не превращена, однако, въ государство совершенно независимое. Она, вмѣстѣ съ Восточной Румеліей, находится подъ верховнымъ покровительствомъ султана, имѣющаго право, въ случаѣ необходимости, оккупаціи Балканъ. Кромѣ того титулъ князя болгарскаго можетъ быть возложенъ на то или другое лицо не иначе, какъ съ утвержденія европейскихъ державъ. Болгарская армія доходитъ до 17.000 чел., съ 27.000 резерва. Каждый болгаринъ до сорокалѣтняго возраста числится въ спискахъ народнаго ополченія. Бюджетъ княжества равняется 35 милліонамъ франковъ, изъ которыхъ 1.300.000 отчисляются въ личную собственность князя.

Болгарское княжество раздѣлено на 14 округовъ, которые въ свою очередь раздѣляются на 56 кантоновъ и 716 общинъ. Слѣдующая таблица даетъ списокъ этихъ административныхъ дѣленій и населенія Болгаріи въ 1881 году:

Округа:	Населеніе.	Число кантоновъ.	Число общинъ.	Главные города.	Населеніе.
Софія	226.490	8	68	Софія	20.540
Тырново . . .	216.731	5	98	Тырново	11.500
Шумла	178.725	5	53	Шумла	22.920
Варна	169.270	5	53	Варна	24.650
Вратица . . .	160.503	4	58	Вратица	10.925
Кустендили . .	143.172	4	55	Кустендили . .	10.000
Рущукъ	132.613	4	32	Рущукъ	26.870
Разградъ . . .	121.412	3	59	Разградъ . . .	11.030
Ломъ-Паланка .	102.983	3	40	Ломъ	5.000(?)
Силистрія . . .	101.225	3	41	Силистрія . . .	10.660
Виддинъ . . .	99.925	3	31	Виддинъ	13.600
Севліево . . .	119.254	3	50	Севліево	8.000(?)
Систово	76.680	2	33	Систово	11.440
Плевна	155.039	4	45	Плевна	11.120

ГЛАВА VII.

РУМЫНІЯ.

Румынскій народъ, наслѣдникъ великаго имени завоевателей древняго міра, представляетъ одну изъ самыхъ любопытныхъ національностей, какъ по своему происхожденію, такъ и по тому факту, что это единственная изъ всѣхъ латинскихъ расъ, такъ уединенно и далеко выдвинувшаяся на востокъ. Со стороны Азіи это самая передовая группа латинскаго племени, населяющая бо́льшую часть Западной Европы и бо́льшую половину американскаго материка. Еще нѣсколько лѣтъ назадъ румынская группа была почти неизвѣстна. Видя ее какъ бы затерявшеюся между самыми разнородными расами и языками, ее обыкновенно всѣ смѣшивали съ ними. Но послѣднія событія, происшедшія въ срединѣ нынѣшняго вѣка въ бассейнѣ нижняго Дуная, обратили на нихъ вниманіе сосѣдей: сербовъ, болгаръ, мадъяръ, турокъ, грековъ и русскихъ. Румыны имѣютъ большое значеніе въ этнографіи восточной Европы и по своей численности занимаютъ первое мѣсто среди дунайскихъ народностей. Если суждено когда-нибудь образоваться восточно-европейской конфедераціи, то новые народы найдутъ въ Румыніи естественный центръ тяготѣнія.

Съ точки зрѣнія племенной, а не съ офиціально-политической, истинная Румынія гораздо болѣе, чѣмъ ее обыкновенно представляютъ на картѣ. Она заключаетъ въ себѣ не только Молдавію и Валахію дунайскаго склона Карпатъ и русскую Бессарабію, но простирается на половину Буковины, а съ другой стороны горъ обхватываетъ значительную часть Трансильваніи и вдается широкою дугою въ Банатъ и восточную Венгрію. Кромѣ того румыны перешли и за Дунай, колонизовавъ многіе округа Сербіи и полуострова Добруджи, который теперь, по Берлинскому трактату, принадлежитъ имъ.

Наконецъ ихъ братья, зинзары или македоно-валахи, мѣстами заселяютъ Пиндъ и другія горы Албаніи, Ѳессаліи и Греціи; ихъ же можно встрѣтить до самой Истріи. Между тѣмъ какъ собственно Румынія, уменьшенная отнятіемъ Бессарабіи и увеличенная присоединеніемъ Добруджи, занимаетъ пространство въ 127, 584 кв. килом., равное четверти Франціи; всѣ-же земли, заселенныя румынами, занимаютъ пространство почти вдвое большее. При политическомъ объединеніи всего племени, населеніе румыновъ удвоилось бы противъ нынѣ считаемаго: отъ венгерскихъ равнинъ до горъ Греціи румынъ считается minimum до $8^1/_2$ милліоновъ.

По приблизительному разсчету, цифра эта выразится такъ:

Въ Румыніи	5.482.500	рум.
„ Австро-Венгріи	2.896.000	
„ Бессарабіи и др. русск. провинціяхъ.	600,000	
„ Сербіи	150,000	
„ Турціи	275,000	
„ Греціи	4,000	
	9.407.500	румынъ.

Патріоты, насилующіе статистику согласно своимъ желаніямъ, увеличиваютъ приведенную цифру до 15 милліоновъ.

Оставляя въ сторонѣ валаховъ, обитающихъ у Пинда, можно видѣть, что территорія латинскаго населенія дунайскихъ округовъ замыкается почти въ правильный кругъ около восточныхъ массъ Карпатскихъ горъ. Но только одна половина этого круга вошла въ составъ независимаго государства, другая же половина принадлежитъ Австро-Венгріи и Россіи. Если бы мечта румыновъ объ объединеніи всего своего племени въ одно политическое цѣлое могла осуществиться, то естественный центръ Румыніи не былъ бы уже въ нынѣшнихъ предѣлахъ, но его пришлось бы перенести въ какой-либо пунктъ верхней долины Ольты, на южный склонъ Карпатъ, гдѣ, въ былое время, центръ этотъ находился. Но заключенная нынѣ на внѣшнемъ склонѣ Карпатъ между „Желѣзными Воротами“ и верхними притоками Прута, Румынія приняла весьма странную и, такъ сказать, дурно уравновѣшенную форму: она состоитъ изъ двухъ частей, разграниченныхъ линіею, очерченною теченіемъ Серета и маленькаго притока, соединяющаго наиболѣе выдающійся изъ восточныхъ отроговъ Карпатъ съ большою дунайскою дугою. Къ сѣверу отъ этой границы лежитъ Молдавія, названная такъ по имени одного изъ притоковъ Серета, а къ юго-востоку и къ юго-западу—Валахія—*Равнины*

Вельхъ, то есть латинскія равнины. Эта равнина *tzara Romanesca*, или, собственно говоря, румынская земля, прорѣзывается параллельными рѣками, составляющими второстепенныя подраздѣленія; рѣкою Ольто или Алута Валахія раздѣляется на двѣ части: Большую Валахію къ востоку отъ Алуты и Малую—къ западу отъ нея. Нижнее теченіе Дуная составляетъ на югѣ политическую границу Румыніи. Такъ какъ Дунай, ниже „Желѣзныхъ Воротъ“, слишкомъ широкъ, окруженъ лѣсами, образуетъ озера и болота, то рѣка эта не могла здѣсь, подобно тому, какъ въ Австріи и Баваріи, служить путемъ передвиженія завоевательныхъ народовъ, которые, напротивъ, продолжая свое движеніе къ западу, обходили ее, направля свой путь чрезъ горныя дефиле. Дунай представляетъ огромное препятствіе и даже нынѣ еще могущественныя арміи не могутъ переходить чрезъ него, не подвергаясь большой опасности. Кромѣ того, крутой поворотъ къ сѣверу, который дѣлаетъ въ своемъ теченіи нижній Дунай, и значительное расширеніе его дельты всегда служили какъ бы щитомъ для валахскихъ равнинъ и заставляли завоевателей направлять свой путь къ Карпатамъ. Параллельныя теченія Днѣпра, Буга, Днѣстра и Прута, хотя и въ меньшей мѣрѣ, но все-таки также прикрывали земли нижней Молдавіи.

Фактъ, что румыны среди жестокихъ столкновеній на ихъ территоріи различныхъ расъ, опустошавшихъ эту землю, сохранили свои преданія, языкъ и національность—составляетъ весьма интересное явленіе, свидѣтельствующее о большой устойчивости и жизненности румынскаго народа. Со времени удаленія римскихъ армій, здѣсь проходило столько бандъ, оторваныхъ отъ главныхъ массъ опустошителей варваровъ: готовъ, аваровъ, гунновъ, печенѣговъ, славянъ, болгаръ и турокъ, поочередно давившихъ мирныхъ земледѣльцевъ, что совершенное исчезновеніе румынъ, какъ особаго племени, казалось неизбѣжнымъ. Но, не смотря на эти потоки разныхъ народностей, затоплявшихъ собою въ различныя эпохи латинизованную дакскую народность, она все-таки, вѣроятно благодаря болѣе высокой культурѣ своихъ предковъ, преодолѣвала эти потопы, которые ей грозили полнымъ потопленіемъ. И вотъ нынѣ, отдѣленные отъ чужихъ народностей, румыны являются среди другихъ народовъ и требуютъ себѣ между ними мѣста, какъ самостоятельная нація. Они оправдываютъ, такимъ образомъ, ихъ древнюю поговорку: „Romanoul nou rege“,—румынъ не погибнетъ. Къ тому же и численность ихъ постоянно возрастаетъ, не столько отъ естественнаго прироста, сколько благодаря эмиграціи, происходящей отъ переселенія сюда австро-венгерскихъ румынъ.

Трансильванскія Альпы заняты по обоимъ склонамъ ихъ румынами, но какъ по ту, такъ и по другую сторону этихъ Альпъ, высокія долины едва обитаемы; и можно путешествовать по нимъ цѣлые дни, не встрѣчая никакого жилья, кромѣ пастушескихъ хижинъ. Политическая граница между Румыніею и Австро-Венгріею, проходящая по главнымъ вершинамъ горъ, есть идеальная линія, идущая посреди обширныхъ пустынныхъ лѣсовъ. За исключеніемъ мѣстъ, прилежащихъ къ большой желѣзной дорогѣ, пока только единственной, и тропинокъ черезъ перевалы, высокія Альпы остаются вполнѣ дѣвственными и лѣса сохранили свою первоначальную прелесть, среди которыхъ охотникъ охотится за серпами и въ которыхъ еще недавно жилъ бизонъ, фигурирующій нынѣ въ гербѣ Молдавіи. Въ этихъ же лѣсахъ, цыгане ловятъ черныхъ и бурыхъ медвѣдей, которыхъ заставляютъ танцовать по деревнямъ. Обыкновенно они соблазняютъ животныхъ водкою и медомъ, которые ставятъ у ихъ берлоги. Когда медвѣди напьются мертвецки пьяными, являются цыгане— и берутъ медвѣдей на цѣпь.

На внѣшнемъ склонѣ Карпатъ общій видъ поверхности Румыніи имѣетъ самую простую форму. Въ Молдавіи низкія цѣпи, параллельныя главнымъ, тянутся отъ сѣверо-запада къ юго-востоку и, отдѣляясь другъ отъ друга долинами Быстрицы, Молдавы и Серета, нечувствительно понижаются и, наконецъ, вовсе исчезаютъ въ дунайскихъ равнинахъ. Въ Валахіи отроги трансильванскихъ Альпъ развѣтвляются къ югу съ замѣчательною правильностью и текущіе въ нихъ потоки имѣютъ одно и то же направленіе. Всѣ рѣки, берущія начало въ южныхъ долинахъ, и наиболѣе многоводные потоки, прорѣзывающіе Карпаты и раздѣляющіе ихъ на отдѣльные отроги, какъ-то: Силь или Шилъ, Ольто или Алута и Бузео, описываютъ однообразныя дуги, тѣмъ болѣе крутыя, чѣмъ ниже рѣка впадаетъ въ Дунай.

Отъ верхнихъ горныхъ склоновъ до Дунайской равнины средняя покатость различныхъ отроговъ почти одна и та же, почему поясы температуръ и растительности по направленію отъ сѣвера къ югу весьма однообразны. Въ верху, на трасильванской границѣ, поднимаются вершины, одѣтыя хвойными лѣсами и березою, которыя зимою покрываются снѣгомъ; затѣмъ— второстепенные хребты, на которыхъ господствуютъ букъ и каштанъ, между которыми живописно мѣшаются всѣ другія европейскія лѣсныя породы; наконецъ, еще ниже идутъ слегка всхолмленныя и усѣянныя кленовыми и дубовыми рощами долины, солнечные склоны которыхъ заняты виноградниками. Наконецъ, разстилается равнина съ береговыми дунайскими озерами, усѣянная самыми разнообразными пло-

ВАЛАХСКІЕ ТИПЫ.

довыми деревьями. Средній поясъ, заключенный между высокими Альпами, внизу изобилуетъ восхитительными видами. вслѣдствіе живописности скалъ, богатства и разнообразія зелени и прозрачности водъ. Именно здѣсь, въ этой „счастливой Аркадіи", находится большая часть монастырей, великолѣпныхъ, укрѣпленныхъ замковъ, украшенныхъ куполами и башнями и окруженныхъ парками и садами. Что же касается до равнины, то она во многихъ мѣстахъ гола и однообразна, но расположенныя въ ней деревни, на половину какъ бы вросшія въ землю и выглядывающія между травою, все-таки имѣютъ передъ собою прекрасный горизонтъ съ синѣющими вдали горами. Предметы, наиболѣе обращающіе на себя вниманіе среди общаго однообразія, суть стоги сѣна, которые изображены римскими скульптурами на колоннѣ Траяна.

Румынская равнина—вторая Ломбардія, конечно не по совершенству земледѣлія, а по чрезвычайному плодородію почвы, по красотѣ неба и хорошимъ видамъ. Къ сожалѣнію, она не защищена горнымъ валомъ, какъ Миланъ и Венеція, отъ слишкомъ часто дующихъ здѣсь сѣверо-восточныхъ вѣтровъ, почему и климатъ впадаетъ изъ одной крайности въ другую и бываетъ то очень тепелъ, то слишкомъ холоденъ [1]), такъ что для предохраненія виноградниковъ, виноградныя лозы покрываютъ на зиму слоемъ земли. Въ юго-восточной части валахской равнины, наиболѣе открытой для сильныхъ вѣтровъ, случается иногда, что цѣлыя стада быковъ и лошадей, испуганныя снѣжными бурями, мчатся отъ урагана и кидаются въ прибрежныя озера Дуная. Нѣкоторыя мѣстности, въ которыхъ не бываетъ достаточно дождей, представляютъ настоящія степи, какъ, напр., Бараганская степь, между Дунаемъ и Яломицею, въ которой живетъ большими стаями дрохва и въ которой на пространствѣ нѣсколькихъ миль нѣтъ ни одного деревца.

Въ геологическомъ отношеніи Румынія, начиная отъ горныхъ хребтовъ до равнины Дуная, представляетъ правильный рядъ земель отъ гранита вершинъ до новѣйшихъ наносовъ, отложившихся по берегамъ рѣкъ. Замѣчательно, что южный склонъ Карпатъ состоитъ изъ ряда такихъ же земель, какъ и сѣверный склонъ въ Галиціи, и представляетъ тѣ же минеральныя произведенія—цѣлыя горы каменной соли, гипсъ, литографскій известнякъ и чрезвычайно обильные нефтяные источники, ждущіе приложенія человѣческихъ рукъ. Большая часть равнинъ состоитъ изъ

---

[1]) Средняя температура Бухареста . . . . . 8° Ц.
Высшая » » . . . . . 45° »
Низшая » » . . . . . —30° »
Разность » » . . . . . 75° »

третичныхъ земель, по всѣ равнины, простирающіяся къ востоку отъ Плоешти и Бухареста, сплошь покрыты четвертичными слоями глины и округленнаго булыжника, въ которыхъ найдено множество костей мамонтовъ, слоновъ и мастадонтовъ. Мутныя рѣки, перерѣзывающія эти равнины, текутъ между крутыми каменистыми берегами въ извилистыхъ руслахъ, похожихъ на огромные рвы.

Какъ и Ломбардія, на которую такъ похожа Румынія по своимъ физическимъ чертамъ и даже по населенію, равнина послѣдней представляетъ древній морской заливъ, загроможденный принесенными водою остатками горъ. Но если море исчезло, то самъ Дунай, который тянется на югѣ валахской равнины кривою линіею въ 850 килом. длиною, представляетъ собою другое море, какъ по массѣ приносимой имъ воды, такъ и по удобствамъ для навигаціи. При самомъ вступленіи своемъ въ низкія равнины въ знаменитой тѣснинѣ „Желѣзныхъ Воротъ“, Дунай имѣетъ 50 метровъ глубины; средняя же сила его теченія превосходитъ соединенную силу теченія всѣхъ рѣкъ Западной Европы, отъ Роны до Рейна. И однако же, римляне перекинули черезъ Дунай, немного пониже Желѣзныхъ Воротъ,—мостъ, который, по справедливости, считается однимъ изъ чудесъ міра; но императоръ Адріанъ, изъ чувства низкой зависти велѣлъ, говорятъ, разрушить этотъ памятникъ, который долженъ былъ напоминать грядущимъ поколѣніямъ славу Траяна. Теперь видны только устои у береговъ рѣки, а когда вода очень низка, то и шестнадцать основаній колоннъ, которыхъ всѣхъ было двадцать и которыя поддерживали все сооруженіе. На валахской территоріи есть одна римская башня, сообщившая свое названіе маленькому городку Турну-Северину и обозначающая то мѣсто, гдѣ римскіе легіоны вступили впервые на землю Дакіи. Мѣсто перехода изъ Сербіи въ Румынію сохранило и понынѣ свое значеніе, но новѣйшее искусство ничѣмъ не замѣнило еще Траянова моста, и лишь во время войны перекинули русскіе свой понтонный мостъ у Зимницы и нѣкоторые другіе, сооруженные для перехода войскъ. Въ послѣднее время, до 1885 года, изъ постоянныхъ мостовъ былъ лишь одинъ желѣзнодорожный, ниже Юж-Видека; два другіе—близъ Бѣлграда и близъ Силистріи,—не были еще окончены.

Къ югу отъ румынскихъ равнинъ, Дунай, какъ и почти всѣ рѣки сѣвернаго полушарія, не перестаетъ напирать на правый болгарскій берегъ, послѣдствіемъ чего является замѣчательное различіе между обоими берегами. Изрытый водою, высокій южный берегъ подымается круто небольшими холмами и террасами; сѣверный же берегъ, уравненный разливами рѣки, тянется обширною плоскостью и сливается съ низменными

равнинами. Болота, озера, вымоины, остатки бывшихъ руслъ Дуная переплетаются здѣсь между собою и образуютъ сѣть ложныхъ рѣкъ, окружающихъ множество острововъ и полузатопленныхъ отмелей. На этомъ пространствѣ, по которому прежде свободно разгуливали воды, замѣтны, къ югу отъ Яломицы, слѣды даже цѣлой рѣки, которая, прекративъ свое самостоятельное существованіе, избрала себѣ ложе другой рѣки и оставила послѣ себя лишь лагуны и болота. Всѣ выровненныя и оставленныя рѣкою низкія земли присоединяются къ Валахіи и увеличиваютъ ея болотистый и пустынный поясъ, между тѣмъ какъ Болгарія постоянно утрачиваетъ землю, но за то обладаетъ здоровостью климата, прекрасными торговыми складочными мѣстами и прибрежными городами, которые почти всѣ построены на ея берегу. Говорятъ, что на полузатопленныхъ земляхъ валахскаго берега водится еще довольно много бобровъ, которые истреблены почти во всѣхъ другихъ частяхъ Европы.

Не доходя шестидесяти километровъ, по прямой линіи, до моря, Дунай наталкивается на гранитныя высоты Добруджи и, поворотивъ къ сѣверу, обходитъ ихъ и образуетъ дельту въ большомъ заливѣ Чернаго моря. При этомъ-то поворотѣ и изливаются въ него его послѣдніе большіе притоки: молдавскій Серетъ и на-половину русскій въ верхнемъ теченіи Прутъ. Но вздутый этими двумя рѣками Дунай сохраняетъ свой цѣлостный видъ только на протяженіи около 50 километровъ, а затѣмъ раздваивается. Большой рукавъ его, извѣстный подъ именемъ Килійскаго, несетъ около двухъ третей всей массы воды и образуетъ границу между Румыніею и турецкою Болгаріею. Южный же, раздваивающійся въ свою очередь рукавъ—Тульчинскій, весь течетъ по оттоманской территоріи и турецкимъ устьемъ своимъ, Сулиною, составляетъ большую торговую артерію.

Главный рукавъ рѣки имѣетъ большое значеніе въ нынѣшней исторіи земли, вслѣдствіе тѣхъ быстрыхъ измѣненій, которыя производятъ его наносы при берегѣ Чернаго моря. Къ низу отъ Измаила, Килійскій Дунай развѣтвляется на множество рукавовъ, которые безпрестанно измѣняются то отъ убыли воды и половодья, то отъ сносовъ и наносовъ песку. Дважды воды соединяются въ одинъ каналъ, прежде чѣмъ выступить въ море гусиною лапою и образовать второстепенную дельту, независимо отъ главной Наружный край этихъ новыхъ земель имѣетъ около двадцати километровъ и увеличивается каждый годъ новымъ количествомъ ила въ 200 метровъ шириною при глубинѣ не болѣе десяти метровъ [1]). Однако,

[1]) Средняя сила теченія Дуная по Ч. Гартлею. . 9,200 куб. метр. въ секунду.
Наибольшая сила „ „ „ „ „ . . . 28,000 „ „ „ „

(См. на обор.)

не смотря на быстрое увеличеніе наносовъ въ устьѣ Киліи, нормальная линія морскаго берега выдается въ этомъ мѣстѣ къ востоку меньше, чѣмъ въ южной части дельты, а отсюда можно заключить, что Килійскій Дунай — относительно новѣйшаго происхожденія и что бо́льшая часть воды изливалась нѣкогда чрезъ южныя устья. Разсматривая карту дунайской дельты, нельзя не видѣть, что береговая линія, идущая столь правильно поперекъ соленыхъ заливовъ русской и молдавской Бессарабіи, въ продолженіе своемъ на югъ чрезъ дельту, слегка отклоняется къ востоку: это и есть древній берегъ. Онъ возвышается надъ полузатопленной равниной въ родѣ плотины, которую должны были прорвать различныя устья рѣки, чтобы излиться въ море. Наносы, принесенные рукавами Сулины и Св. Георгія, распредѣлились за этою плотиною въ видѣ обширной равнины, между тѣмъ какъ большой новѣйшій рукавъ выдвинулъ за плотину только архипелагъ еще не вполнѣ установившихся острововъ, откуда и слѣдуетъ, что въ исторіи Дуная онъ — самый младшій.

Послѣ русско-турецкой кампаніи 1878 г., Румынія должна была уступить Россіи лѣвый берегъ сѣвернаго Килійскаго рукава, изливающаго болѣе половины всей воды Дуная и, такимъ образомъ, Россія сдѣлалась владѣтельницей всей дельты, поверхность которой составляетъ около 4,000 кв. кил. Килія загромождена при входѣ слишкомъ высокимъ песчанымъ порогомъ, такъ что здѣсь не могутъ проходить даже не глубоко сидящія въ водѣ суда, но русскіе инженеры работаютъ надъ устраненіемъ этого препятствія и рано или поздно, но преодолѣютъ его. Южное устье св. Георгія или Хидриллисъ, точно такъ же непроходимо; самый же легкій проходъ представляетъ среднее устье, извѣстное подъ именемъ Сулинскаго, которымъ съ незапамятныхъ временъ пользовались всѣ корабли. Между тѣмъ, Сулинское устье было бы такъ же закрыто для большихъ торговыхъ судовъ, если бы инженерное искусство не сдѣлало при его входѣ оригинальнаго улучшенія. Недавно еще, въ апрѣлѣ, іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ, глубина воды на порогѣ не превышала двухъ метровъ и въ половодье доходила только до трехъ и четырехъ метровъ. Но порогъ былъ опущенъ еще на три метра ниже, при помощи двухъ плотинъ, проводящихъ рѣчную воду прямо въ глубокое море, такъ что теперь во всякое время года здѣсь свободно могутъ проходить суда, сидящія въ водѣ на шесть метровъ. Сулинское устье сдѣлалось однимъ изъ важнѣйшихъ

Средняя	„ „	Килійскаго устья . .	5,800	куб. метр. въ секунду.
„	„ „	Святогеоргіевскаго . .	2,600	„ „ „ „
„	„ „	Сулины	800	„ „ „ „
Среднее количество наносовъ			60.000,000	„ „ въ годъ.

портовъ Европы и въ то же время великолѣпною гаванью Чернаго моря, которое такъ опасно для моряковъ своими внезапными шквалами. Правда, эта великая работа для общественной пользы совершена вовсе не Турціей, а европейской комиссіей, пользующейся въ Сулинѣ и во всей части Дуная къ низу отъ Исакчи въ нѣкоторомъ родѣ верховной властью. Это международный синдикатъ, имѣющій свое политическое существованіе, свой флотъ, свой флагъ, свой бюджетъ, а также, конечно, свои займы и долги. Такимъ образомъ, дунайская дельта въ дѣйствительности находится въ нейтральномъ положеніи и служитъ на пользу всѣмъ націямъ Европы. Около половины всего торговаго оборота принадлежитъ Англіи, но гегемонія въ комиссіи принадлежитъ Австро-Венгріи и прибрежныя государства, не безъ основанія опасаются, что со временемъ Дунай сдѣлается русской рѣкой, благодаря Килійскому рукаву, и австро-венгерской, т. е. нѣмецкой, благодаря Сулинскому проходу. Часть Дуная между Желѣзными Воротами и Браиловымъ, также нейтрализована.

Овладѣвая все болѣе и болѣе моремъ, рѣка отдѣлила отъ него постепенно значительной величины озера. Между устьемъ Днѣстра и дунайскою дельтою существуетъ множество соленыхъ, весьма неглубокихъ заливовъ, или „лимановъ“, въ которыхъ вода, испаряясь отъ теплоты, оставляетъ на землѣ тонкій слой соли. По своей общей формѣ, по свойствамъ окружающихъ ихъ земель и по расположенію изливающихся въ нихъ параллельныхъ ручьевъ, эти водные бассейны совершенно походятъ на тѣ озера, которыя замѣчаются къ западу отъ устья Прута, только послѣдніе наполнены прѣсною водою и отдѣлены песчаною полосою не отъ Чернаго моря, а отъ Дуная. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что эти прибрежныя озера и рѣки были нѣкогда лиманами съ соленою водою, какъ прибрежныя лагуны, но по мѣрѣ того какъ Дунай загромождалъ свой заливъ наносами, озера эти, отдѣляясь постепенно отъ моря, освобождались отъ соленой воды и наполнялись прѣсною, и такъ какъ рѣка продолжаетъ оттѣснять море, то прибрежныя соленыя лагуны, получающія сверху чистую воду ручья, испытываютъ и въ настоящее время точно такое же измѣненіе.

Непосредственно къ сѣверу отъ этихъ приморскихъ и придунайскихъ озеръ, входъ валахскихъ равнинъ былъ защищенъ линіею римскихъ укрѣпленій и рвовъ, извѣстныхъ подъ именемъ „Траянова вала“ или „стѣны“. Народъ приписываетъ ихъ обыкновенно Цезарю, хотя въ дѣйствительности они возведены гораздо позднѣе Траяномъ противъ визиготовъ. Этотъ охранительный барьеръ, почти совпадающій съ политическою границею между Молдавіей и русскою Бессарабіею, теперь трудно рас-

познать на весьма значительной части его протяженія. Вѣроятно, онъ продолжался къ западу отъ Прута, въ видѣ другаго вала, чрезъ всю нижнюю Молдавію и Валахію;—слѣды его мѣстами замѣтны еще и теперь и извѣстны подъ именемъ „Дороги Аваровъ“. Между Прутомъ и Днѣстромъ Траянова стѣна была двойная; вторая стѣна, слѣды которой находятся всѣ на русской территоріи, между Леовомъ и Бендерами, закрывала доступъ въ долину Дуная. И дѣйствительно, эти двойныя стѣны не были излишни, ибо защищали входъ въ плодородную долину, естественныя богатства которой должны были возбуждать зависть всѣхъ завоевателей.

Не смотря на то, что румынскую территорію проходили, завоевывали и опустошали самыя различныя племена, жители Румыніи сохранили гораздо бо́льшую, чѣмъ всѣ ихъ сосѣди, національную связь и обладаютъ тѣмъ, чего недостаетъ Венгріи, Трансильваніи, Буковинѣ и Болгаріи, а именно—единствомъ племени и языка Валахи и молдавы составляютъ одинъ народъ, и, не уступая своей территоріи другимъ, сами разселяются по окружающимъ ихъ странамъ. Нерумынскіе жители составляютъ въ провинціяхъ Румыніи меньшинство, за исключеніемъ Добруджи, какъ недавно присоединенной.

Происхожденіе этого народа латинскаго языка покрыто еще тайною. Представляютъ ли собою жители древней Дакіи, Румыны, исключительно потомковъ гетовъ или латинизованныхъ даковъ, или въ нихъ преобладаетъ кровь итальянскихъ поселенцевъ, приведенныхъ сюда Траяномъ? Въ какой пропорціи примѣшались къ румынскому народу различные элементы окружающихъ его племенъ, славянскихъ и иллирійскихъ? Какое участіе въ образованіи валахской національности принимали кельты? Были-ли ихъ потомками „мало-валахи“ береговъ Ольты, люди „съ двадцатью четырьмя зубами“, какъ названы они за свою храбрость? Навѣрное сказать нельзя; первостепенные ученые Шафарикъ и Миклошичъ—даютъ на эти вопросы противорѣчащіе отвѣты. Обширныя равнины, населяемыя нынѣ румынами, были если не вполнѣ, то большею частію оставлены ими, когда въ третьемъ столѣтіи, по приказанію императора Авреліана, они должны были переселиться на другую сторону рѣки. Если правда, что потомки этихъ изгнанниковъ возвратились когда нибудь на свою родину, то когда именно они пришли сюда и вытѣснили славянъ, мадьяровъ и печенѣговъ? Миклошичъ думаетъ, что это было около пятаго вѣка. Реслеръ-же полагаетъ, что на восемьсотъ лѣтъ позже, но мнѣніе его, очевидно, ошибочно, ибо хроники упоминаютъ о существованіи румыновъ въ области Карпатовъ съ одиннадцатаго вѣка. Наконецъ, другіе

писатели полагаютъ, что новаго переселенія вовсе не было, но что остатка романизованнаго народонаселенія было достаточно для постепеннаго возстановленія національности. Какъ бы то ни было, этотъ небольшой народъ, происхожденіе котораго такъ неопредѣленно, разросся удивительнымъ образомъ и сдѣлался преобладающимъ племенемъ на нижнемъ Дунаѣ и въ Трансильванскихъ Альпахъ.

Еще въ семнадцатомъ вѣкѣ румынскій языкъ считался простонароднымъ нарѣчіемъ; въ богослуженіи-же и въ судахъ сами валахи должны были употреблять славянскій языкъ. Въ настоящее время, напротивъ, румынскіе патріоты усердно стараются очистить свой языкъ отъ всѣхъ сербскихъ словъ, которыя составляютъ около десятой части всѣхъ словъ языка, и отъ турецкихъ и греческихъ терминовъ, вошедшихъ въ языкъ во время господства Османлисовъ. Какъ новые греки стараются приблизить свой ново-греческій языкъ къ языку классическихъ авторовъ, такъ и дунайскіе „римляне“ стараются отдѣлать свой латинскій языкъ и возвести его на ту же ступень, на которой стоятъ западные романскіе языки: французскій и итальянскій. Они отказались отъ славянскаго письма и приняли французскія буквы, но, къ сожалѣнію, реформа эта произведена нѣсколько насильственно, несогласно съ истиннымъ произношеніемъ словъ, и грамматики не согласились еще относительно правильной орфографіи, такъ что буковинцы, трансильванцы, валахи—всѣ пишутъ по своему, но послѣдніе, благодаря своей политической независимости, безъ сомнѣнія возьмутъ верхъ. Какъ бы то ни было, румынскій языкъ, какъ по своему словарю, такъ и по синтаксису, становится съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе новолатинскимъ, чему помогаетъ чтеніе французскихъ сочиненій, которыя составляютъ главнымъ образомъ литературу Румыніи. Замѣчательно, что въ городахъ, гдѣ прежде, вслѣдствіе посѣщеній иностранцами, нарѣчіе было испорченнѣе, чѣмъ въ деревняхъ, теперь оно стало наиболѣе латинскимъ и наиболѣе очищеннымъ отъ славянскихъ элементовъ. Но въ немъ остается еще масса—около двухсотъ словъ, которыхъ не встрѣчается ни въ какомъ извѣстномъ языкѣ и которыя считаются остатками древняго дакійскаго языка, употреблявшагося до занятія страны римлянами. Сверхъ того, валахскій языкъ существенно отличается отъ западныхъ романскихъ языковъ употребленіемъ члена и указательнаго мѣстоимѣнія послѣ существительнаго. То же самое явленіе представляется въ языкахъ албанскомъ и болгарскомъ и, по мнѣнію Миклошича, представляетъ черту древняго туземнаго языка страны, сообщившуюся впослѣдствіи и другимъ ея жителямъ. Не менѣе характери

стичную черту румынскаго языка составляетъ также способъ произношенія гласныхъ.

Но эти признаки драгоцѣнны только для лингвиста, масса же румынскаго народа не знаетъ ихъ, и если бы знала, то не останавливалась бы на подобныхъ мелочахъ. Самый послѣдній валахскій крестьянинъ, все еще гордясь славою древнихъ римскихъ завоевателей, воображаетъ себя потомкомъ римскихъ патриціевъ. Множество обычаевъ при рожденіи дѣтей, бракахъ и похоронныхъ церемоніяхъ напоминаютъ собою римскіе обряды: такъ пляска *калугаровъ* есть ни что иное, говорятъ, какъ пляска салійскихъ жрецовъ. Валахъ любитъ говорить о своемъ „отцѣ“ Траянѣ и приписываетъ ему все, что̀ онъ видитъ великаго въ своей странѣ—не только развалины мостовъ, укрѣпленій и дорогъ, но и такія сооруженія, которыя у другихъ народовъ приписывались бы Роланду, Фингалу и божественнымъ или адскимъ силамъ. Многія горныя ущелья произошли отъ удара мечемъ Траяна; оторванная съ вершины горы глыба снѣга производитъ „громъ Траяна“, даже млечный путь сдѣлался у нихъ „дорогою Траяна“; однимъ словомъ—съ вѣками совершилось полное обоготвореніе. Избравъ древняго императора даже представителемъ своей націи, румынъ не хочетъ считать своими предками готовъ и даковъ; онъ не знаетъ, что̀ такое были готы, и если правда, что онъ родня имъ по своему происхожденію, то онъ потерялъ сходство съ ними, за исключеніемъ развѣ только жителей горъ, гдѣ встрѣчается много людей большаго роста, съ голубыми глазами и развѣвающимися русыми волосами, каковы были, вѣроятно, первобытные жители страны. Но по стройности и гибкости какъ горцы, такъ и жители придунайскихъ селеній, отличаются отъ сѣвернаго населенія и приближаются къ южнымъ народамъ.

Вообще румыны равнины, а между ними въ особенности валахи, имѣютъ красивое смуглое лицо, выразительные глаза, изящно очерченный ротъ, показывающій при улыбкѣ два ряда ослѣпительно бѣлыхъ зубовъ, маленькія ноги и руки и утонченныя манеры. Они любятъ длинные волосы, и многіе молодые люди, какъ говорятъ, уклоняются отъ военной службы только затѣмъ, чтобы сохранить свои прекрасные, падающіе по плечамъ локоны. Стройные по складу тѣла, легкіе и граціозные въ движеніяхъ, они, кромѣ того, неутомимы въ ходьбѣ и выносятъ безъ жалобъ сильнѣйшую усталость. Платье свое они носятъ удивительно ловко, и даже валахскій пастухъ, со своею высокою *кошулею* или шляпою изъ овечьей шерсти, широкимъ кожанымъ поясомъ, служащимъ въ то же время и карманомъ, съ накинутою на плечо овчинною шкурою и въ штанахъ, напоминающихъ штаны даковъ, изображенныя на Траяновой ко-

лоннѣ—отличается благородствомъ осанки. Румынскія женщины —олицетвореніе граціи. Сохраняютъ-ли онѣ еще старинныя моды и носятъ широкія вышитыя рубахи, развѣвающіяся кофты, большой разноцвѣтный передникъ, съ преобладающими краснымъ и синимъ цвѣтами, на волосахъ сѣтку съ золотыми блестками и цехинами, или приняли новый нарядъ, — онѣ всегда очаровываютъ своимъ изяществомъ и вкусомъ. Къ этимъ внѣшнимъ преимуществамъ румынка присоединяетъ еще быстрый умъ, заразительную веселость и духъ противорѣчія, которыя дѣлаютъ изъ нея парижанку востока. Не волнамъ рѣки Бухареста сомнительной прозрачности, а прелестнымъ валахскимъ женщинамъ обязана своимъ происхожденіемъ поговорка: „О, Дембовица! кто испилъ твоей воды, тотъ не можетъ тебя покинуть!“

Среди однороднаго валахскаго населенія встрѣчаются мѣстами группы болгарскихъ переселепцевъ; въ недавно присоединенной Добруджѣ они численностью не уступаютъ румынамъ. Болгары, родившіеся въ Румыніи и происходящіе отъ древнихъ завоевателей страны, измѣнились, повидимому, особенно сильно вслѣдствіе браковъ съ туземцами и подъ вліяніемъ среды; теперь они здѣсь самые трудолюбивые земледѣльцы и въ окрестностяхъ большихъ городовъ занимаются спеціально садоводствомъ и огородничествомъ. Плоешти, одинъ изъ самыхъ цвѣтущихъ городовъ Валахіи, точно такъ-же началъ съ того, что былъ болгарскою колоніею. Въ городахъ болгаре, совершенно почти орумынившіеся, занимаются исключительно торговлей.

Румынскій крестьянинъ по натурѣ своей домосѣдъ. Онъ всей душой привязанъ къ своей родинѣ, къ тому мѣсту, гдѣ родился, выросъ и кормится; принудить его къ переселенію можетъ только или крайняя необходимость или сила. Въ этомъ отношеніи онъ совершенно не похожъ на своихъ сосѣдей, болгаръ и венгровъ, у которыхъ сильно развита страсть къ перекочевкамъ съ мѣста на мѣсто. Насколько въ румынѣ сказывается искони осѣдлый землепашецъ, настолько въ послѣднихъ замѣтны историческія черты номадовъ. Вотъ почему переселеніе въ Румынію значительно преобладаетъ надъ эмиграціей изъ оной. Нормальный приростъ населенія, преобладаніемъ числа рожденій надъ числомъ смертности, можно исчислить въ 60,000 человѣкъ. Впрочемъ, было нѣсколько лѣтъ неурожайныхъ и голодныхъ, и тогда смертность превышала рождаемость. Весьма оригиналенъ тотъ статистическій выводъ, что число незаконныхъ рожденій въ Румыніи значительно превосходитъ, соотвѣтственно, таковое число въ любомъ европейскомъ государствѣ.

Въ различныхъ частяхъ Молдавіи, главнымъ образомъ въ Яссахъ,

Берладѣ и въ Добруджѣ, находятся въ довольно значительномъ количествѣ и русскіе выходцы. Всѣ они почти исключительно торговцы и пользуются общимъ уваженіемъ за свою высокую честность. Это старовѣры-раскольники, принужденные около вѣка тому назадъ покинуть предѣлы Россіи, дабы избѣжать религіозныхъ преслѣдованій. Всѣ они говорятъ по-румынски. Часть ихъ принадлежитъ къ сектѣ оригенистовъ или *скопцовъ*. Эти фанатики, лишенные всякой семьи, пополняютъ свои общины только благодаря переселеніямъ ихъ преслѣдуемыхъ единовѣрцевъ. Ихъ легко узнать по дебелости и безбородому виду. Въ Бухарестѣ они славятся какъ лучшіе кучера.

Рядъ иноземныхъ народностей, поселившихся отдѣльными колоніями на румынской территоріи, завершается венграми, принадлежащими къ трансильванскому племени секлеровъ, посящихъ здѣсь какъ будто китайское названіе чангеевъ. Эти чангеи, пришедшіе въ центральную Молдавію въ то время, когда венгерскіе короли владѣли долиною Серета, въ количествѣ 170,000, мало-по-малу орумыниваются; они не отличаются уже отъ румыновъ своимъ костюмомъ, постепенно перестаютъ говорить на своемъ грубомъ мадьярскомъ нарѣчіи, и если не слились еще совершенно съ молдавскимъ населеніемъ, то, безъ сомнѣнія, только вслѣдствіе различія религій, ибо они римско-католики. Впрочемъ, они съ каждымъ годомъ пополняются нѣкоторымъ числомъ выселенцевъ изъ Трансильваніи, привлекаемыхъ болѣе пріятнымъ климатомъ и плодородными землями молдавской равнины. Весною и осенью венгерскіе земледѣльцы и жнецы спускаются въ равнины Молдавіи цѣлыми караванами. Около столѣтія тому назадъ нѣсколько тысячъ семей секлеровъ также перебрались на восточной склонъ Карпатъ, съ цѣлью избѣжать воинской повинности.

Между иностранцами цивилизованныхъ классовъ первое мѣсто по численности принадлежитъ австрійскимъ нѣмцамъ. Имъ принадлежитъ бо́льшая часть общественныхъ, промышленныхъ и коммерческихъ учрежденій, ими-же ведется постройка и управленіе желѣзными дорогами и, среди всѣхъ остальныхъ иностранныхъ языковъ, ихъ языкъ первенствуетъ, чему сильно способствуютъ евреи и венгерцы, владѣющіе имъ поголовно. Что касается французовъ, то, хотя они и образуютъ довольно значительную колонію, французское вліяніе на практической почвѣ почти не существуетъ. Вліяніе Франціи прежде всего—умственное и вообще духовное, но не промышленное. Въ Румыніи дѣйствуютъ не французскіе заводы и компаніи, а французская литература, французскій языкъ—языкъ родственный для Румынъ націи. Масса румынской молодежи воспиты-

вается во французскихъ университетахъ, и ни одного почти румына нѣтъ въ германскихъ.

Въ прошломъ вѣкѣ, когда управленіе румынскими княжествами было отдано султаномъ на откупъ фанаріотамъ, т. е. богатымъ греческимъ купцамъ константинопольскаго Фанара, въ Молдаво-Валахіи чрезвычайно усилился эллинскій элементъ; но въ настоящее время число ихъ не имѣетъ никакого значенія. Они составляютъ всего-на-всего тысячъ десять, если считать въ томъ-же числѣ и элинизованныхъ зинзаровъ изъ Македоніи; но они умѣютъ либо пристроиться управляющими у крупныхъ владѣльцевъ, либо сдѣлаться содержателями складовъ, отправителями товаровъ и оптовыми купцами. Сбытъ хлѣба въ городахъ нижняго Дуная находится почти исключительно въ ихъ рукахъ. Слѣды бывшаго фанаріотскаго господства остались только въ языкѣ и родственныхъ отношеніяхъ, происшедшихъ отъ браковъ ихъ съ боярскими семьями. Но гораздо многочисленнѣе грековъ и важнѣе по значенію въ будущихъ судьбахъ страны безродныя племена евреевъ и цыганъ, живущихъ на румынской территоріи. Израильтяне испанскаго происхожденія, очень немногочисленные и живущіе преимущественно въ большихъ городахъ,— вовсе не на дурномъ счету у населенія; но совсѣмъ другое дѣло главная масса евреевъ, пришедшихъ съ сѣвера, переселявшихся толпами изъ Польши, Малороссіи, Галиціи и Венгріи, и въ качествѣ шинкарей и посредниковъ всей мелочной торговли находящихся въ ежедневныхъ столкновеніяхъ съ бѣднымъ народомъ; ими всѣ гнушаются не только за ихъ религію, но и за удивительное искусство переводить народныя сбереженія въ свои кошельки. Кромѣ того, имъ приписываютъ всевозможныя воображаемыя преступленія, и часто населеніе съ яростью нападало на нихъ за мнимое убійство дѣтей, которыхъ они закалываютъ, будто бы, вмѣсто ягненка, къ празднику Пасхи. И все-таки румыны не умѣютъ обойтись безъ этихъ евреевъ, которыми они гнушаются, и съ каждымъ днемъ усиливаютъ торговую монополію наводняющаго ихъ страну племени. Съ недавняго лишь времени запрещено имъ закономъ пріобрѣтеніе поземельной собственности, практика въ извѣстныхъ профессіяхъ, вступленіе въ армію и разныя общины. Все это въ значительной, однако, степени парализуется займами Румыніи у европейскихъ банкировъ-жидовъ. При каждомъ займѣ банкиры эти требуютъ всевозможныхъ льготъ для своихъ сородичей и, въ случаѣ отказа со стороны Румынъ, угрожаютъ неудачею займа. Если только произведенное исчисленіе количества евреевъ не ошибочно—а ошибиться въ виду разсѣянности евреевъ по всей Румыніи очень легко,—то число ихъ достигаетъ седьмой части всего

*

населенія. Въ будущемъ можно ожидать, что отношеніе это увеличится, такъ какъ естественный приростъ евреевъ, т. е. превышеніе ихъ рождаемости надъ смертью,—всегда весьма значителенъ [1]).

Ихъ обычный языкъ—нѣмецкій жаргонъ съ примѣсью множества словъ, заимствованныхъ изъ всѣхъ восточныхъ языковъ, и самый этотъ языкъ заставляетъ ненавидѣть ихъ, ибо, благодаря этому языку, въ нихъ видятъ предшественниковъ нѣмцевъ и задаютъ себѣ вопросъ, не составляетъ-ли это коммерческое нашествіе только прелюдію другаго нашествія, которое могло бы затмить политическую независимость страны? Что касается другаго торговаго восточнаго племени, армянъ, то они имѣютъ здѣсь своими представителями нѣсколько цвѣтущихъ колоній, особенно въ Молдавіи. Эти гайканы, потомки переселенцевъ, пришедшихъ въ различныя времена, съ одиннадцатаго вѣка по семнадцатый, ничѣмъ не отличаются отъ своихъ буковинскихъ и трансильванскихъ единовѣрцевъ; они живутъ изолированно, и если народъ ихъ не любитъ, то по крайней мѣрѣ они не имѣютъ способности возбуждать къ себѣ ненависть. Небольшое число армянъ, переселившихся изъ Константинополя и говорящихъ по-турецки, живетъ также въ низовьяхъ Дуная. Затѣмъ въ Добруджѣ турки и татары составляютъ около одной трети общаго числа жителей.

Нѣкогда презираемое племя цыганъ начинаетъ понемногу сливаться съ массою населенія; благодаря относительной свободѣ, эти паріи дѣлаются румынами и патріотами. Недавно еще цыгане были рабами: одни изъ нихъ принадлежали государству, другіе составляли собственность бояръ и монастырей, и все таки бо́льшая часть ихъ шлялась, работала, торговала или воровала. Они раздѣлялись на настоящія касты, изъ которыхъ главныя были: *lingourari*, т. е. ложечники; *oursari*—вожаки медвѣдей; *ferrari*—кузнецы; *aurari*—золотыхъ дѣлъ мастера; *lautari*—хвалильщики. Послѣдніе, самые развитые изъ нихъ, были музыкантами, обязанными воспѣвать славу и добродѣтели бояръ; теперь же они либо деревенскіе скрипачи, либо городскіе музыканты—румынскіе трубадуры. Если они отличаются въ соціальномъ отношеніи отъ крестьянъ, то, можетъ быть, только большею свободою. Въ 1837 г. цыгане въ Валахіи были приравнены къ остальнымъ земледѣльцамъ, и затѣмъ совершилась эмансипація всѣхъ крѣпостныхъ безъ различія племенъ. Весьма немногочисленны цыгане *нетоци*—тѣ падшія существа, которыя скитаются

---

[1]) Приблизительное число евреевъ въ Румыніи 400.000, изъ которыхъ 360.000 принадлежатъ евреямъ изъ Польши и 40.000 евреямъ-испанцамъ.

полунагіе по лѣсамъ, живутъ въ шалашахъ, существуютъ воровствомъ, питаются всякою дрянью и не хоронятъ своихъ мертвецовъ. Теперь почти всѣ цыгане привязаны къ землѣ, которую они умѣютъ старательно воздѣлывать, или занимаются какими нибудь постоянными ремеслами. Сліяніе цыганъ съ румынами совершается тѣмъ легче, что религія у нихъ одна и та же, и что всѣ бывшіе кочевники говорятъ на мѣстномъ языкѣ. Какъ тѣ, такъ и другіе отличаются красивымъ типомъ, и браки между ними становятся все чаще и чаще, такъ что можно предположить, что черезъ нѣсколько поколѣній цыгане въ Румыніи перестанутъ существовать въ видѣ особаго племени. Въ этомъ-то и заключается главная причина того огромнаго скачка, съ 100 000 на 300.000, который дѣлается разными статистиками относительно численности цыганъ.

Приблизительное населеніе Румыніи въ 1885 г. было слѣдующее:

	Валахія.	Молдавія.	Добруджа.	Всего.
Румынъ	3.131,000	1.463,000	49,725	4.643,725
Болгаръ	—	30,900	28,720	59,620
Русскихъ и др. славянъ	—	10,300	26,420	16,720
Венгерцевъ	—	51,500	—	51,500
Цыганъ	103,000	51,000	1,050	155,050
Евреевъ	105,000	315,000	2,850	423,850
Армянъ	—	10,300	810	11,110
Турокъ	—	—	26,490	26,490
Татаръ	—	—	6,540	26,540
	3.339,000	1.932,000	152,605	5.423,605

Иностранцы:	Австрійцы всѣхъ нарѣчій	31,270
	Греки	13,160
	Нѣмцы Германіи	6,200
	Французы.	2,000
	Другихъ націй	6,310
		5.482,545

Румынская нація находится еще въ переходномъ состояніи между феодальнымъ періодомъ и новѣйшею эпохою. Революція 1848 имѣла, быть можетъ, бо́льшее значеніе въ придунайской Европѣ, чѣмъ во Франціи и Италіи, но онѣ только потрясли старый строй румынскихъ княжествъ, но не разрушили его совсѣмъ. Еще въ 1856 г. валахскіе и молдавскіе крестьяне были прикрѣплены къ землѣ. Не имѣя ни правъ, ни личнаго имущества, ни даже семьи, такъ какъ они находились въ распоряженіи чужаго произвола, эти несчастные проводили свою жизнь за

обработкою земли своихъ господъ или монастырей, а сами жили въ жалкихъ, грязныхъ логовищахъ, которыя часто нельзя было отличить отъ кучи хворостника или мусора. Владѣльцами земли и ея обитателей были пять или шесть тысячъ бояръ, потомковъ древнихъ „храбрецовъ“, или купившихъ дворянство за деньги; но и между самими господами существовало большое неравенство; бо́льшая часть были мелкими землевладѣльцами, и только семьдесятъ феодаловъ въ Валахіи и триста въ Молдавіи дѣлили съ монастырями владѣніе почти всею землею.

Подобное состояніе общества должно было имѣть своимъ послѣдствіемъ ужасную деморализацію, какъ между владѣльцами, такъ и между рабами, такъ что даже природныя свойства румына: его порывистость, великодушіе, дружелюбіе, совершенно извратились при этомъ общественномъ строѣ. Дворяне-землевладѣльцы бѣжали отъ своихъ земель, гдѣ стѣснялъ бы ихъ видъ страданій, жили вдали отъ нихъ, занимаясь интригами и разгуломъ, и сорили по игорнымъ столамъ западныхъ городовъ тѣ деньги, которыя высылали имъ управители, большею частью греки, удѣливъ предварительно изрядную долю себѣ. Что касается до порабощенной массы населенія, то она была лѣнива, ибо земля, хотя и плодородная, принадлежала не ей; народъ сталъ недовѣрчивъ и лживъ, ибо хитрость и ложь составляютъ оружія рабства; онъ былъ невѣжественъ и суевѣренъ, потому что все его воспитаніе давалось ему невѣжественнымъ и фанатичнымъ духовенствомъ. Ихъ священники были въ то же время и знахарями, лѣчили болѣзни чарами и наговоренными напитками. Одни изъ монаховъ, крупные владѣльцы рабовъ, обладавшіе шестою частью земель Румыніи, были боярами въ монашескомъ платьѣ, и отличались такою же жадностью, какъ и свѣтскіе господа; другіе же, жившіе милостынею, были, въ сущности, тѣ же крестьяне, промѣнявшіе рабство на нищенство.

Лишенные всякаго образованія, кромѣ переданнаго имъ *дойнами*, или пѣснями предковъ, подчиненные старымъ обычаямъ, румыны, еще въ недавнее время, должны были напоминать собою народъ, пребывающій во мракѣ среднихъ вѣковъ; да и теперь еще въ деревняхъ существуютъ многіе старинные обычаи. Такъ, наемныя плакальщицы на похоронахъ испускаютъ раздирающіе вопли, съ которыми смѣшиваются прощанія родныхъ. Въ гробъ кладутъ палку, съ которою мертвецъ долженъ переходить Іорданъ; кусокъ холста, который онъ будетъ носить вмѣсто платья; денежную монету, которую онъ дастъ св. Петру, чтобы онъ отворилъ ему двери рая; не забываютъ также положить въ гробъ хлѣба и вина, которые могутъ ему понадобиться въ дорогѣ. Но если у покойника

были рыжіе волосы, то боятся, чтобы онъ не вернулся на землю въ видѣ собаки, лягушки, блохи или клопа, не проникъ бы въ домъ, не сталъ бы сосать кровь у хорошенькихъ молодыхъ дѣвушекъ. Въ такомъ случаѣ гробъ заколачиваютъ какъ можно крѣпче или, еще лучше, протыкаютъ грудь мертвеца осиновымъ коломъ.

Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что умъ деревенскаго жителя скоро освободится отъ подобныхъ заблужденій. Съ тѣхъ поръ, какъ крестьянинъ обрабатываетъ свою собственную землю, умственный и нравственный прогрессъ народа по крайней мѣрѣ равняется прогрессу матеріальному, а послѣдній, по справедливости, замѣчателенъ. Освобожденный оффиціально въ 1856 г., крестьянинъ долго носилъ еще цѣпи полурабства, когда получилъ наконецъ клочокъ земли, и такъ какъ баринъ оставался владѣльцемъ земли, а слѣдовательно и „владѣльцемъ хлѣба“, то бывшій рабъ пользовался только лишь воображаемою свободою Наконецъ, по закону 1862 г., который примѣнялся болѣе или менѣе хорошо въ послѣдующіе годы, каждый глава земледѣльческой семьи получилъ частицу обработывавшейся имъ земли отъ 3 до 27 гектаровъ. Около 400,000 семей сдѣлались такимъ образомъ собственниками, сообразно количеству имѣющагося у нихъ скота: свыше 5 гектаровъ тому, у кого 4 быка, 4 гектара, имѣющему пару и 2 гектара всѣмъ, неимѣющимъ ни одной головы скота. Съ этого времени часть крестьянъ, сдѣлавшись свободною, энергично взялась за трудъ, но другая и, къ сожалѣнію, бблышая, не имѣвшая возможности сразу выплатить долги помѣщикамъ и повинности, впала въ крайнюю нищету. Въ будущемъ, если только правительство не объявитъ крестьянскихъ надѣловъ неприкосновенными, они снова станутъ рабами — не бояръ, но жидовъ. И теперь уже они владѣльцы только по имени — всѣ ихъ труды уходятъ на уплату неоплатныхъ долговъ.

Что касается самой земли, то она такъ плодородна, что, не смотря на дурную обработку старинным римскимъ плугомъ, безъ удобренія производитъ огромное количество хлѣбовъ [1]).

Румынія стала теперь одною изъ первыхъ странъ по вывозу хлѣба, и въ благопріятные годы, когда не пожираетъ полей саранча, являю-

---

[1]) Земледѣліе въ Румыніи:

Невоздѣланыхъ земель	4.433,000 гект.	Средняя производительность:	
Луговъ и пастбищъ	3.850,000 »	Маисъ	18.850,000 гектолитр.
Лѣсу	2.100,000 »	Пшеница	9.000,000 »
Земель, засѣвасмыхъ хлѣбами	2.225,000 »	Ячмень	7.000,000 »
Виноградниковъ	100,000 »	Рожь	1.100,000 »
Садовъ и проч.	50,000 »	Вино	800,000 »
	12.758,000 гект.		

(см. на об.)

щаяся съ востока, и не убиваютъ растительности рѣзкіе переходы температуры, она служитъ для западной Европы житницею, которая богаче Венгріи. Вывозъ хлѣбовъ, маиса, ржи, ячменя въ десять лѣтъ удвоился, и доставляемая ими ежегодная сумма колеблется между ста и двумястами милліоновъ франковъ. Къ сожалѣнію, самъ крестьянинъ вовсе не ѣстъ воздѣлываемой имъ пшеницы, а оставляетъ для себя маисъ, который служитъ ему для приготовленія обыкновенной *каши* или *мамалиги*, и плохой водки, которою онъ утѣшается во время ста девяноста четырехъ дней ежегоднаго поста. Добрую половину года румынскія деревни, особенно тѣ, которыя идутъ по берегамъ Дуная, полузатоплены смрадной грязью, въ которой копошатся и люди, и скотъ. Въ хижинахъ, незащищенныхъ ни отъ вѣтра, ни отъ дождя, свирѣпствуетъ лихорадка и приканчиваетъ то, что́ начинаетъ голодъ. Воздѣлываніе винограда, которымъ прежде совершенно пренебрегали, увеличивается, не смотря на филоксеру, съ каждымъ годомъ; низкіе холмы Карпатскихъ предгорій производятъ прекрасное вино. Теперь уже не то время, когда имя валаха, по отвращенію румыновъ къ труду, было на всемъ востокѣ синонимомъ пастуха, но все-таки непроизводительныя земли занимаютъ еще болѣе четверти всей Румыніи, и, при трехпольной полевой системѣ, земля каждый третій годъ гуляетъ подъ паромъ. Въ Молдавіи земли воздѣланы, повидимому, гораздо лучше, чѣмъ въ равнинахъ Валахіи, и это зависитъ главнымъ образомъ отъ того, что многіе крупные молдавскіе землевладѣльцы, въ противоположность сосѣдямъ своимъ, валахскимъ барамъ, живутъ на своихъ земляхъ и считаютъ честью лично управлять хозяйствомъ; но улучшенія мало-по-малу распространяются по всей Румыніи, и въ большей части крупныхъ имѣній уже дѣйствуютъ паровыя молотилки. Мелкіе землевладѣльцы также начинаютъ примѣнять мало-по-малу хорошіе методы обработки земли и во многихъ мѣстахъ имѣютъ благоразуміе соединять свои силы вмѣстѣ для разработки обширныхъ пространствъ. Часто значительныя земли арендуются цѣлыми общинами, при чемъ каждый участникъ платитъ пропорціонально величинѣ воздѣлываемаго имъ поля.

Румынія, страна по преимуществу земледѣльческая, почти не пользуется богатствами, доставляемыми ей самою природою. Многочисленныя

Домашнія животныя въ 1880 году:

Быки, коровы и пр.	253,000
Буйволы	112,000
Лошади	600,000
Свиньи	1.050,000
Овцы	4.250,000
Козы	500,000

залежи различныхъ металловъ въ Карпатахъ остаются безъ разработки, вслѣдствіе недостатка дорогъ; источники нефти текутъ почти безъ всякой пользы (въ 1882 г. добыто, напримѣръ, всего 30,000 тоннъ нефти) и большая часть слоевъ каменной соли остается подъ землею въ запасъ на будущія времена. Разработываются только четыре соляныя копи, и то на счетъ правительства: двѣ—вольными рабочими и двѣ каторжниками, которые проводятъ свою жизнь подъ землею. Соли добывается до 100,000 тоннъ, но ее легко можно было бы добывать во сто разъ больше. Рыбная ловля составляетъ также одинъ изъ промысловъ въ Румыніи. Жители низовьевъ Дуная солятъ и сбываютъ рыбу, которая ловится въ изобиліи какъ въ рѣкѣ, такъ и въ сосѣднихъ озерахъ, и приготовляютъ икру, получаемую отъ крупныхъ осетровъ. Вотъ почти все. Мануфактурная промышленность въ Румыніи можетъ существовать только въ сосѣдствѣ большихъ городовъ; истиннаго совершенства достигаютъ здѣсь только варенья—предметъ гордости здѣшнихъ хозяекъ.

Тѣмъ не менѣе однако торговля не перестаетъ усиливаться [1]). Понятно, что прежде Румынія не имѣла другаго средства для сбыта своихъ произведеній, какъ „самодвижущіяся дороги“. Дѣйствительно, Дунай былъ единственною дверью, открытою для большаго торговаго движенія, и почти всѣ товары должны были складываться въ Галацѣ, расположенномъ въ томъ углу рѣки, гдѣ сходятся на Серетѣ главные пути Валахіи и Молдавіи. Дунай долго еще останется торговою дорогою [2]); Прутъ, по которому пароходы подымаются до Скулянъ, находящихся немного сѣвернѣе Яссъ, точно такъ же не перестанетъ доставлять большія услуги отправителямъ товаровъ; Быстрица и другія стекающія съ Карпатъ рѣки останутся путями для сплава лѣса; но желѣзныя дороги дали Румыніи новый выходъ. Дельта Дуная связывается черезъ Яссы и Буковину съ

---

[1]) Торговля Румыніи:

	1873 г.	1882 г.	
Ввозъ	97.867,160 фр	268.851,000 фр.	(изъ нихъ 198.000,000 на хлѣбъ)
Вывозъ	157.570,700 »	244.730,200 »	
	255.437,860 фр.	513.582,120 фр.	

На долю Австро-Венгріи въ 1882 г. приходится . . . . . 209.000,000 фр.
» » Англіи » » » . . . . . 143.000,000 »
» » Франціи » » » . . . . . 50.000,000 »
» » Германіи » » » . . . . . 35.700,000 »

Торговое движеніе въ 1884 г.:

Ввозъ	294.986,270 фр.
Вывозъ.	184.115,540 „
	479.101,810 фр.

[2]) **Движеніе судовъ въ портѣ Сулина въ 1883 г.:**
2.889 судовъ, вмѣстимостью въ 1.661,000 тоннъ.

Польшею, Сѣверною Германіею и съ берегами Балтійскаго моря, а посредствомъ линіи изъ Яссъ на Прутъ она соединяется съ Одессою, съ Чернымъ моремъ и со всею русскою сѣтью дорогъ; на западѣ линія отъ Крайовы до Турнулъ-Северина соединяетъ близъ Орсовы румынскія желѣзнодорожныя сѣти съ венгерскими линіями. Еще другіе желѣзные пути скоро пройдутъ чрезъ Карпатскія ущелья до верхнихъ долинъ Трансильваніи и равнинъ Венгріи. Равнины Молдо-Валахіи, благодаря горизонтальности почвы, неминуемо должны сдѣлаться, какъ Піемонтъ и Ломбардія, весьма важнымъ въ Европѣ мѣстомъ соединенія и встрѣчъ желѣзныхъ дорогъ. Закарпатскія желѣзныя дороги будутъ приносить пользу главнымъ образомъ австрійцамъ, евреямъ и тевтонамъ, какъ уже служатъ имъ желѣзная дорога изъ Черновицъ въ Яссы и пароходы на Дунаѣ [1]).

Румыны жаловались недавно, что Парижскій трактатъ не восполнилъ ихъ территорію со стороны Чернаго моря, предоставивъ имъ одинъ берегъ Сулины. Нѣкогда Дунайская дельта принадлежала Молдавіи, какъ это доказываютъ развалины одного города, построеннаго румынами насупротивъ Киліи, на южномъ берегу рѣки. До конца послѣдняго вѣка Сулинскій портъ подчинялся юрисдикціи молдавскаго префекта въ Измаилѣ, который распоряжался и очисткою прохода. Тѣмъ не менѣе западныя державы предоставили всю дельту Турціи, оставивъ Румыніи только лѣвый берегъ Киліи и острова въ ея устьяхъ. Въ результатѣ выходитъ, что у Молдавіи нѣтъ прямаго выхода въ Черное море, по крайней мѣрѣ для большихъ кораблей, входъ которымъ совершенно прегражденъ песчанымъ порогомъ. Джарденъ и другіе инженеры выработали для румынскаго правительства проектъ канала для большой навигаціи, который соединялъ бы рѣку съ бухтою Джибріани къ сѣверу отъ дельты. Каналъ этотъ имѣлъ бы не болѣе двѣнадцати километровъ длины и представлялъ бы, безъ сомнѣнія, многія выгоды, но его конечный портъ, какъ бы тщательно онъ ни былъ устроенъ, былъ бы открытъ въ весьма бурную бухту, въ которой свободно дуютъ самые опасные въ Черномъ морѣ сѣверо-восточные вѣтры. Въ настоящее время территорія, на которой долженъ былъ по проекту находиться портъ Кароль, принадлежитъ Россіи, но за то Румынія имѣетъ въ своемъ распоряженіи Сулинское устье, открытое для всѣхъ державъ одинаково. Имъ-то Румынія главнымъ образомъ и пользуется для экспорта своего хлѣба [2]).

---

[1]) Экспортъ хлѣба по Дунаю въ 1882 г.: 19.294,467 гектолитровъ.

[2]) Главныя дороги въ 1876 г. . . . . 4,266 кил.
Желѣзныя » къ 31 декабря 1884 г. . . 1,602 »
Телеграфы въ 1883 г. . . . . 4,621 »
Телеграммы. . . . . 1.244,235 штукъ
Писемъ и почтов. листковъ въ 1882 г. . . 9.595,000 (1,9 на жителя).

Бухарестъ, или Букуреши, столица Валахіи и румынскаго союза, принадлежитъ въ настоящее время къ числу большихъ европейскихъ городовъ. Послѣ Константинополя и Пешта—это самый многолюдный городъ во всей юго-восточной части материка и самъ себя называетъ „Восточнымъ Парижемъ“. Однако-же еще недавно онъ представлялъ ни что иное, какъ собраніе деревень, которыя, благодаря своимъ башнямъ и блестящимъ среди зелени куполамъ, были весьма живописны, но внутри довольно непріятны: постройки были плохи, улицы всегда неопрятны и наполнены, смотря по времени года, либо пылью, либо грязью. Но, благодаря притоку населенія, быстрому развитію торговли и скопленію богатствъ, Бухарестъ измѣняется быстро. Большія чистыя улицы застроены красивыми отелями, весьма оживленныя площади, обширные и хорошо содержимые парки, придаютъ его центральнымъ кварталамъ видъ европейской столицы, которая заслуживаетъ своего названія, обозначающаго „веселый городъ“. Немногія зданія и архитектурныя украшенія въ турецкомъ или персидскомъ стилѣ напоминаютъ въ немъ обывшемъ турецкомъ владычествѣ.

Городъ Яссы, или Яши, который сдѣлался столицею Молдавіи, послѣ присоединенной нынѣ къ Австріи Сучавы, занимаетъ не столь центральное положеніе, какъ Бухарестъ; но плодородіе его полей, сосѣдство Прута и Россіи, для которой онъ служитъ торговымъ складочнымъ мѣстомъ, наконецъ—его положеніе на большой дорогѣ, соединяющей Балтійское море съ Чернымъ, должны были также привлечь къ нему многочисленное населеніе. Поэтому онъ, какъ и Бухарестъ, достигъ цвѣтущаго состоянія, хотя соединеніе двухъ румынскихъ княжествъ въ одно государство и лишило его титула столицы. Построенные на послѣднихъ развѣтвленіяхъ, обращенныхъ къ югу холмовъ, на маленькой извивающейся въ тѣни рѣчкѣ Балуй, Яссы представляютъ довольно граціозный видъ, которому соотвѣтствуютъ и прекрасные внутренніе кварталы. Населеніе, въ которомъ много евреевъ, армянъ, русскихъ, цыганъ, татаръ и секлеровъ, представляетъ уже полу-восточный характеръ; здѣсь какъ будто находишься на порогѣ Азіи.

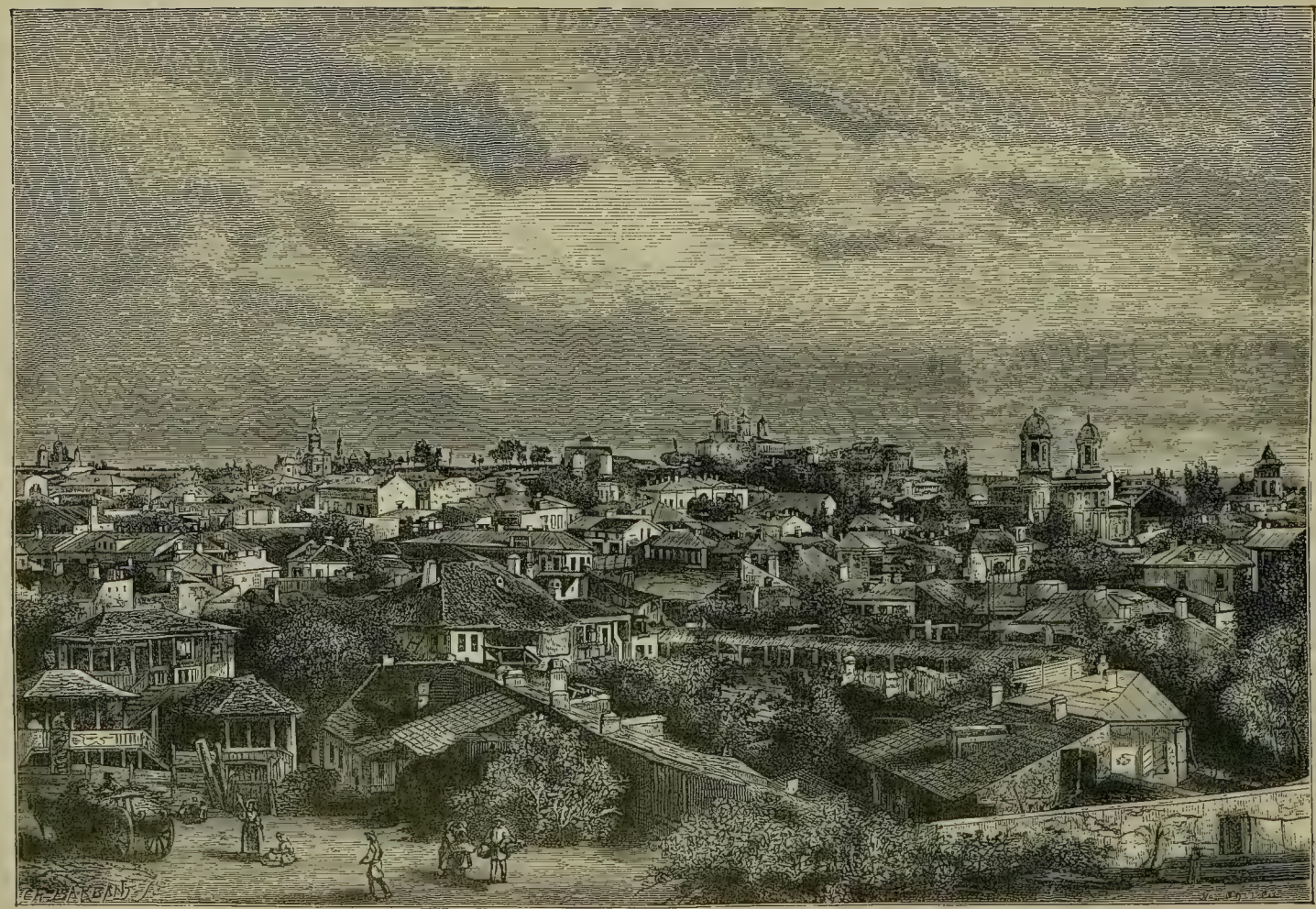
Всѣ другіе города Румыніи также обязаны своимъ значеніемъ тому положенію, которое они занимаютъ на торговыхъ пунктахъ. Батошаны, на сѣверѣ Молдавіи, транзитный городъ для Польши и Галиціи; то же самое можно сказать и о Фальтишени, въ которомъ бываютъ многолюдныя международныя ярмарки. Барбоши является, главнымъ образомъ, стратегическимъ пунктомъ, благодаря своимъ мостамъ на рѣкѣ Серетъ. Торговлѣ же обязаны своимъ возвышеніемъ и придунайскіе города: Га-

лацъ или Галати, который считаютъ древнею колоніею галатовъ и который нынѣ представляетъ главный торговый пунктъ на нижнемъ Дунаѣ по экспорту хлѣба; Браиловъ, представлявшій бѣдную деревню, когда былъ турецкою крѣпостью, теперь-же весьма важный коммерческій пунктъ. До освобожденія Болгаріи онъ былъ центромъ болгарской печати и литературы. Ниже идутъ Гирсова, Черновода, Рассова,—всѣ они на добруджинскомъ берегу. Черновода представляетъ собою рѣчной портъ, связанный съ Констанцой (Кюстенджи)—портомъ морскимъ, желѣзной дорогой. Стирбей или Каларази находится какъ разъ напротивъ болгарскаго города Силистріи, близъ которой стоитъ фортъ Арабъ-Табіа знаменитый тѣми кровопролитными сраженіями, которыя происходили подъ его стѣнами при каждомъ нашествіи русскихъ. Постройка моста у Арабъ-Табіи, проектированнаго Румыніей еще въ 1878 г., до сихъ поръ еще, однако, отлагается по причинамъ дипломатическимъ. Журжево или Санъ-Джоржіо генуэзцевъ,—портъ Бухареста на Дунаѣ и резиденція европейской комиссіи дунайскихъ устьевъ; Турнъ-Северинъ—входныя ворота Валахіи къ низу отъ великихъ тѣснинъ Дуная; Краіова, Питешти, Плоешти, Бузео, Фокшаны—стоятъ при исходахъ дорогъ, идущихъ изъ верхнихъ долинъ Трансильваніи. Новый городъ Александрія, построенный среди равнинъ, простирающихся отъ Бухареста къ Ольто, представляетъ складочное мѣсто земледѣльческихъ продуктовъ.

Прежде, во времена безконечныхъ средневѣковыхъ войнъ, когда сильное стратегическое положеніе представляло больше выгодъ, чѣмъ удобство торговли, столицы „Домніи“ строились въ самомъ центрѣ Карпатъ. Такъ, въ тринадцатомъ вѣкѣ столица была среди горъ, въ Кампу-Лунгу, которую замѣнила Куртея-Ардгеша, т. е. „дворъ Аргиса“, основанная въ началѣ шестнадцатаго вѣка князямъ Негоцемъ, или Ніагономъ Бессарабою; отъ нея остались только монастырь и удивительная церковь, у которой стѣны, карнизы и четыре башни съ блестящими оловянными крышами разукрашены, какъ издѣліе ювелира; нѣтъ ни одной индусской пагоды, которая была бы такъ нарядна, какъ этотъ большой византійскій ковчегъ. Что касается прекраснаго дворца, построеннаго *домнами* въ третьей столицѣ —Тирговиштѣ на Яломицѣ, то отъ него остаются только почернѣлыя отъ пожара стѣны.

Приблизительное населеніе главныхъ городовъ Румыніи въ 1879 г.:

Валахія.		Крайова . . . 22,760 жит.
Бухарестъ . . . 244,000 жит.		Журжево или Журжа 20,870 „
Плоешти . . . 33,000 „		Питешти . . . 15,000 „
Браиловъ . . . 28,272 „		Бузео . . . . 11,000 „



БУКАРЕШТЪ.

Кампу Лунгу . .	11,000 жит.	Піетра	20,000 жит.
Александрія . .	10,000 „	Гуши	18,000 „
Каларази(Стирбей)	5,000 „	Романъ	17,000 „
Турнъ-Северинъ.	3,000 „	Бакау	15,000 „
Молдавія		Фельтишани . .	15,000 „
Яссы	90,000 „	Догорой . . .	9,000 „
Галацъ	80,000 „		
Ботошаны . . .	40,000 „	Добруджа.	
Берладъ . . .	26,570 „	Тулчея	12,000 „
Фокшаны . . .	20,320 „	Бабадагъ . . .	10,000 „

Румынія, составленная изъ двухъ бывшихъ княжествъ Молдавіи и Валахіи и турецкой провинціи Добруджи, представляетъ одно соединенное и независимое государство, подъ покровительствомъ великихъ западныхъ державъ. Оно избрало себѣ наслѣдственнаго князя изъ прусской фамиліи Гогенцоллерновъ, который долженъ управлять имъ сообразно конституціоннымъ формамъ. Этотъ князь, провозглашенный въ 1881 году королемъ, имѣетъ право назначать должностныхъ лицъ на всѣ общественныя должности, производить во всѣ военные чины, командовать арміею, чеканить монету, санкціонировать законы или отказывать имъ въ утвержденіи, миловать преступниковъ или смягчать имъ наказанія. При немъ состоятъ министры. На содержаніе его ассигнуется ежегодно 1.200,000 франковъ.

Законодательная власть принадлежитъ двумъ палатамъ, составляемымъ посредствомъ довольно сложной процедуры, благопріятствующей въ особенности интересамъ богатыхъ. За исключеніемъ наемной прислуги, всѣ румыны, имѣющіе двадцать-одинъ годъ и платящіе государству какой бы то ни было налогъ, вносятся въ избирательные списки, но раздѣляются на четыре коллегіи, избирательныя права которыхъ весьма различны. Къ первой коллегіи во всякомъ округѣ принадлежатъ избиратели, имѣющіе поземельнаго дохода отъ 3,300 франковъ и болѣе; избиратели же, имѣющіе поземельнаго дохода отъ 1,100 до 3,300 франковъ, составляютъ вторую коллегію; къ третьей коллегіи относятся городскіе купцы и ремесленники, платящіе не менѣе 29 франковъ налога, государственные пенсіонеры, отставные офицеры, профессора и лица, имѣющія университетскія ученыя степени; наконецъ, всѣ остальные избиратели соединяются въ четвертую коллегію. Первыя двѣ коллегіи избираютъ по одному депутату отъ округа; третья, болѣе многочисленная, избираетъ въ маленькихъ мѣстечкахъ одного депутата, въ болѣе значительныхъ— двухъ, въ большихъ городахъ—трехъ, въ Яссахъ—четырехъ и въ Букарестѣ—

шестерыхъ. Что касается четвертой коллегіи, то она почти лишена прямаго голоса: по закону каждыя пятьдесятъ принадлежащихъ къ ней лицъ избираютъ извѣстное число делегатовъ, которые уже, въ свою очередь, избираютъ представителя; но на дѣлѣ оказывается, что она почти совсѣмъ лишена избирательной власти.

Сенатъ состоитъ преимущественно изъ представителей крупной земельной собственности. Депутатъ не обязанъ имѣть ценза выше, чѣмъ у его довѣрителей, между тѣмъ какъ кандидатъ въ первую камеру долженъ доказать, что онъ имѣетъ по крайней мѣрѣ 8,800 франковъ дохода, если только не занималъ какой нибудь высшей должности. Избиратели сенаторовъ раздѣляются въ каждомъ округѣ на двѣ коллегіи: землевладѣльцевъ сельскихъ и землевладѣльцевъ городскихъ, имѣющихъ, какъ тѣ, такъ и другіе, по крайней мѣрѣ 3,300 франковъ дохода. Въ городахъ, гдѣ число избирателей не достигаетъ сотни, они пополняются изъ менѣе состоятельныхъ собственниковъ, но мѣркою служитъ, во всякомъ случаѣ, степень богатства. Кромѣ того, профессора университетовъ въ Букарестѣ и въ Яссахъ имѣютъ право назначать отъ себя одного сенатора. Наслѣдникъ престола, архіепископы и епархіальные епископы — состоятъ членами сената по праву. Каждое законодательное собраніе существуетъ четыре года, и въ концѣ каждаго періода всѣ депутаты собираются снова; сенаторы же, избираемые на восемь лѣтъ, рѣшаютъ жребіемъ, кому изъ членовъ каждаго округа слѣдуетъ выбаллотировываться.

По буквѣ конституціи, румыны пользуются всѣми указанными въ ней правами: конституція же разрѣшаетъ свободу ассоціацій и собраній; печать не стѣсняется ни предварительными разрѣшеніями, ни цензурою, ни предостереженіями; городское управленіе—выборное, какъ и мэры, и только въ общинахъ, состоящихъ болѣе чѣмъ изъ тысячи семействъ, князь имѣетъ право прямаго вмѣшательства въ выборы городскихъ властей. Смертная казнь отмѣнена и можетъ примѣняться только въ военное время. Образованіе свободное, даровое и обязательное „въ тѣхъ обществахъ, гдѣ есть школы“. Наконецъ, всѣ вѣроисповѣданія свободны, хотя „восточно-православная“ религія объявлена господствующею, и, по старому, послѣ Берлинскаго конгресса утратившему свое значеніе закону, румынскими гражданами могутъ сдѣлаться только христіане. Румынская церковь, хотя и связана съ Восточною въ догматическомъ отношеніи, но совершенно независима отъ патріарха Константинопольскаго и управляется сама собою посредствомъ синодальныхъ собраній. Во главѣ ея стоятъ два архіепископа: бухарестскій и ясскій. Въ неупраздненныхъ еще монастыряхъ живутъ нѣсколько тысячъ монаховъ.

Въ судебномъ отношеніи страна раздѣляется на четыре округа апелляціонныхъ судовъ, находящихся въ Букарестѣ, Яссахъ, Фокшанахъ и Крайовѣ. Кассаціонный судъ засѣдаетъ въ Букарестѣ. Въ 1865 г. въ Румыніи введены нѣсколько видоизмѣненные французскіе кодексы.

Румынская армія въ большей своей части организована по прусскому образцу. Всѣ граждане обязаны служить въ войскѣ отъ двадцати до тридцати-шести лѣтъ: восемь лѣтъ въ дѣйствующей арміи и въ ея резервѣ, восемь лѣтъ въ ополченіи и въ запасѣ ополченія. Въ возрастѣ же отъ тридцати-шести до пятидесяти лѣтъ жители зачисляются въ національную гвардію. Собственно дѣйствующая армія, численностью до 200,000 ч., раздѣляется на армію постоянную и областную. Первая не имѣетъ опредѣленныхъ гарнизоновъ, и всѣ люди находятся постоянно въ строю, между тѣмъ какъ вторая имѣетъ постоянные гарнизоны и представляетъ кадръ въ третью часть людей. Въ которую изъ этихъ армій долженъ поступить молодой человѣкъ—рѣшаетъ жребій; срокъ дѣйствительной службы въ постоянной арміи продолжается четыре года, въ областной—нѣсколько больше трехъ лѣтъ. Двинувъ всѣ свои корпуса, Румынія легко можетъ выставить въ поле до ста тысячъ человѣкъ. Кромѣ того, у ней есть свой небольшой флотъ, состоящій изъ пароходовъ и канонирскихъ шлюпокъ, такъ что она можетъ показываться на Черномъ морѣ со своимъ флагомъ.

Румынскіе финансы разстроены не особенно, хотя правительство и должно было жить постоянными займами, за которые оно платитъ по восьми процентовъ. Почти весь приходъ поглощается ежегодно уплатою долговъ, содержаніемъ арміи и расходами по взиманію налоговъ, такъ что собственно для администраціи и общественныхъ работъ остается весьма немного. Тѣмъ не менѣе, румынское государство пользуется кредитомъ и займы его стоятъ хорошо на европейскихъ рынкахъ, потому что они обезпечиваются земельнымъ залогомъ въ видѣ болѣе чѣмъ двухъ милліоновъ гектаровъ, составлявшихъ часть огромныхъ секуляризованныхъ монастырскихъ имѣній. Правительство продаетъ изъ этихъ земель съ аукціона ежегодно по нѣсколько тысячъ гектаровъ. Продажа соли и табаку составляетъ монополію государства

Бюджетъ Румыніи въ 1881 г. былъ слѣдующій:

Доходы	123.180,000 фр.	
Расходы	130.675,000 „	
Государственный долгъ къ		
1 янв. 1884 г. . . .	619.000,000 „	(изъ нихъ)
за жел. дороги	345.000,000 „	

Въ административномъ отношеніи Румынія, не считая Добруджи, раздѣляется на 30 дистриктовъ или департаментовъ. До войны 1878 г. она состояла изъ 164 округовъ или *плазъ*, и заключала въ себѣ 62 общины городскихъ и 3,030 — сельскихъ.

ВАЛАХІЯ.

Департаменты.	Главные города.
Ардьешъ.	Питешти.
Браиловъ.	Браиловъ.
Бузео.	Бузео.
Дамбовица	Терговистъ.
Дольс.	Краіова.
Горджіу.	Тергутжиле.
Яломица	Каларашъ.
Мегединци.	Турнулъ-Северинъ.
Мучель.	Кампу-Лунгу.
Ольфовъ.	*Бухарестъ*.
Ольто.	Слатина.
Прахова	Плойешти.
Романешти.	Каракалъ
Рымникъ-Саратъ.	Рымникъ-Саратъ.
Вальцея.	Рымникъ-Вальцея.
Телеорманъ.	Турнулъ-Магурелли
Влашка	Журжа.

МОЛДАВІЯ.

Департаменты.	Главные города.
Бакау.	Бакау.
Дорогой.	Дорогой.
Ботошаны.	Ботошаны.
Фальчи.	Гуши.
Яссы	*Яссы*.
Ковурлуи.	Галацъ.
Нямцу.	Піатра.
Путна.	Фокшаны.
Романъ.	Романъ.
Сучава.	Фальтишепи.
Текучъ.	Текучъ.
Тутова.	Берладъ
Васлюй.	Васлюй.

ДОБРУДЖА.

Казы департаменты) — Килія, Сулина, Махмудіэ, Исакча, Тулчея, Мачинъ, Бабадахъ, Гирсово, Кустенджіэ, Меджидіэ.

ГЛАВА VIII.

СЕРБІЯ И ЧЕРНОГОРІЯ.

I.

СЕРБІЯ.

До русско-турецкой войны, войны освободительной и поглотившей многія тысячи жизней на берегахъ Дуная и на Балканскихъ переходахъ, Сербія была единственнымъ славянскимъ государствомъ на Балканскомъ полуостровѣ, занимающимъ, болѣе или менѣе, значительное пространство, хотя въ сущности ей принадлежала лишь небольшая часть сѣвернаго склона горъ, возвышающихся въ центрѣ полуострова. Рѣзко отдѣляясь отъ Австро-Венгріи Дунаемъ и Савою, она со всѣхъ сторонъ открыта для Болгаріи и Турціи и вовсе не имѣетъ естественныхъ границъ, на которыя могло бы опираться ея населеніе. Большая центральная долина Моравы и долины Дрины и Тимока, ограничивающія Сербію—одна съ запада, другая съ востока—точно такъ же не составляютъ преградъ для иноземныхъ вторженій и въ послѣднюю кампанію турецкія войска безъ малѣйшихъ затрудненій наводнили Сербію съ востока. Гораздо лучше защищена страна съ юга, благодаря тѣмъ горнымъ массамъ, въ которыя упирается съ этой стороны ея граница.

Своего прежняго доминирующаго положенія среди другихъ славянскихъ народностей полуострова, Сербія послѣ Берлинскаго трактата не сохранила. До русско-турецкой кампаніи на нее были обращены взоры всего славянскаго населенія Турціи, отъ нея ждали политическаго освобожденія, въ ней должна была, по ихъ мнѣнію, вспыхнуть и разгорѣться заря свободы. Но теперь центръ силы славянъ перемѣстился и Сербія заняла второстепенное мѣсто. Болгарія превосходитъ ее народонаселеніемъ, энергіей, вліяніемъ, средствами и своей недавней побѣдой, доказавшей

ея силу и слабость Сербіи, еще болѣе увеличила свое значеніе въ средѣ балканскаго славянства.

Значительныя ровныя пространства страна представляетъ только по берегамъ Савы, гдѣ низменныя равнины составляютъ собою южное продолженіе бывшаго моря, занимаемаго нынѣ венгерскимъ Альфольдомъ. Въ другихъ же мѣстахъ вся поверхность взбудоражена холмами, скалами и горами, лабиринты которыхъ были съ трудомъ изслѣдованы геологами [1]). Самая правильная изъ этихъ цѣпей та, которая составляетъ продолженіе Трансильванскихъ Альпъ чрезъ восточную Сербію, къ югу отъ Желѣзныхъ Воротъ и Казанской тѣснины. Ея известковые слои совершенно соотвѣтствуютъ другъ другу на обоихъ берегахъ рѣки и главный хребетъ сохраняетъ одно и то же направленіе съ сѣверо-востока къ юго-западу; средняя высота вершинъ, какъ на той, такъ и на другой сторонѣ, одинакова и составляетъ около тысячи метровъ. Къ сѣверу отъ этой гряды, въ томъ углу, который образуютъ долины Дуная и Моравы, возвышаются многія другія вершины, съ известковыми или шиферными утесами съ вкрапленнымъ порфиромъ. Эти горныя группы, соотвѣтствующія богатымъ металлами горамъ Оравицы, расположеннымъ по другую сторону Дуная, составляютъ обширную область сербскихъ рудниковъ, во многихъ долинахъ которой, какъ напримѣръ въ Майданпекѣ и Кучайнѣ, разрабатываютъ мѣдныя, желѣзныя и свинцовыя руды; но цинковыя и серебряныя копи оставлены. Долина Тимока, къ югу отъ цѣпи Сербскихъ Карпатовъ, точно такъ же богата металлами, и золотопромышленники еще и нынѣ занимаются въ ней промывкою песковъ. Въ то же время не много найдется долинъ, которыя были бы такъ плодородны и красивы, какъ долина Тимока, и въ особенности отличается красотою своихъ пейзажей бассейнъ Княжевацъ, орошаемый первыми притоками рѣки: его луга и плодовые сады оживляются ручьями, косогоры покрыты виноградомъ, а на верху всюду тянутся зеленые лѣса. Но эта очаровательная долина обращается вдругъ въ узкое ущелье, вырытое водами Тимока. Римскія войска, которыя должны были проходить чрезъ это дикое ущелье, чтобы выйти на Дунай, устроили здѣсь военную дорогу. У выхода изъ ущелья, въ долинѣ Зайчара, возвышается надъ всѣми окрестностями укрѣпленный лагерь Гамзиградъ, порфировыя стѣны и башни котораго сохранились еще замѣчательно хорошо. Къ юго-западу отъ этого

---

[1]) Поверхность Сербіи

Въ 1878 г.	37.560 кв. кил.	1.353,900 жит.	36 чел. на 1 кв. кил.
Въ 1885 »	48.589 » »	1.980,009 »	41 » » 1 » »

римскаго сооруженія видна на горизонтѣ одинокая пирамида, представляющая мѣловую глыбу, которую, по совершенной правильности профиля, такъ же можно принять за произведеніе человѣческихъ рукъ: — это Ртань или Ртани, у подошвы которой бьютъ теплые ключи Бани, самые цѣлебныя и наиболѣе посѣщаемые въ Сербіи.

Долина Моравы и ея главнаго притока, Моравы болгарской, дѣлитъ страну на двѣ неравныя части, горныя группы которыхъ не имѣютъ между собою никакой общей связи. Берега Моравы, за исключеніемъ нѣсколькихъ выступовъ, всюду представляютъ открытую естественную дорогу между Дунаемъ и внутренностію Турціи, и мѣновая торговля, которую желѣзная дорога, недавно сооруженная, сдѣлаетъ во сто разъ обширнѣе, необходимо должна производиться при посредствѣ этой долины и пограничнаго города Алексинаца. Древняя столица Сербской имперіи, Крушевацъ, занимала совершенно центральное положеніе въ срединѣ бассейна сербской Моравы, недалеко отъ ущелья Сталать, гдѣ обѣ рѣки соединяются другъ съ другомъ при подошвѣ одного выступа, увѣнчаннаго развалинами. Еще и теперь замѣтны остатки дворца сербскихъ царей. Говорятъ, что во времена славы, предшествовавшіе битвѣ на Косовомъ полѣ, Крушевацъ имѣлъ не менѣе трехъ миль въ окружности; теперь же онъ — жалкое мѣстечко.

Между двумя Моравами возвышается самая замѣчательная горная группа Сербіи, надъ которою господствуетъ вершина Капаоникъ, представляющая высшую точку изъ всѣхъ горъ, расположенныхъ между Савою и Балканами. Съ ея обнаженнаго и скалистаго гребня можно любоваться однимъ изъ самыхъ красивыхъ видовъ на всемъ Иллирійскомъ полуостровѣ; благодаря изолированности этой горы, съ нея виденъ къ югу огромный полукругъ равнинъ и долинъ до самыхъ вершинъ Скара и пирамидъ Дормитора. Но самъ Капаоникъ некрасивъ. Его скалы состоятъ изъ гранита, порфира и въ особенности изъ серпентина, и имѣютъ весьма унылый видъ, особенно тамъ, гдѣ онѣ обезлѣсены. Долины серпентиновыхъ горъ не такъ плодородны и населены, какъ сосѣднія мѣстности; жители угрюмѣе и бѣднѣе своихъ сосѣдей и большею частію страдаютъ зобомъ. На территоріи, присоединенной къ Сербіи въ послѣднее время, возвышаются другія горныя группы и плоскогорья, высоты не меньшей Капаоника.

Къ сѣверу отъ Капаоника, по обѣ стороны высокой долины Ибара, тянутся ряды горъ, которыя еще сохранили свою красу дубовъ, буковъ и хвойныхъ деревъ. Эти альпійскіе виды сербской Моравы прерываются бассейнами Чачака, Карановаца и другихъ, которые, по своему чрезмѣрному

богатству, могутъ быть сравниваемы съ равнинами Ломбардіи; но къ сѣверу отъ этой рѣки снова возвышаются горы, которыя, составляя продолженіе цѣпи Капаоника, образуютъ горную группу Рудникъ, представляющую собою мѣловыя скалы съ возвышающимися мѣстами гранитными куполами и съ тѣсными и излучистыми ущельями. Эта трудно-доступная область, недавно еще сплошь покрытая дубами, и есть знаменитая Сумадія, или „область лѣсовъ“, которая во время турецкаго ига, служила убѣжищемъ всѣмъ преслѣдуемымъ райямъ и, во время войны за независимость, когда „всякое дерево превращалось въ солдата“, была настоящимъ оплотомъ сербской свободы. Въ одной изъ ея долинъ стоитъ небольшой городокъ Крагуевацъ, который былъ столицею и плацдармомъ зарождающагося государства. Въ немъ и теперь еще существуетъ пушечная литейная, на которой употребляется каменный уголь изъ бассейна Чупрія. Но подобное мѣсто могло быть естественнымъ центромъ только для общества, находившагося въ состояніи войны, поэтому, какъ только высшіе интересы Сербіи обратились къ успѣхамъ промышленности и торговли, правительство должно было перенести свое мѣстопребываніе въ Бѣлградъ, этотъ прекрасный городъ, построенный на послѣднемъ возвышеніи замирающихъ Сумадійскихъ горъ. Благодаря своему положенію при сліяніи Савы съ Дунаемъ, на холмѣ, съ котораго далеко виднѣются обхватываемыя двумя рѣками низменныя земли Сирміи, Бѣлградъ, древній Singidunum римлянъ, Alba Graeca среднихъ вѣковъ, составляетъ въ одно и то же время и важное торговое складочное мѣсто между Западомъ и Востокомъ, и въ высшей степени важный стратегическій пунктъ. Въ Бѣлградѣ венгерская желѣзно-дорожная вѣтвь сталкивается съ Моравской. Желѣзнодорожный путь проходитъ по желѣзнодорожному мосту, переброшенному чрезъ Саву.

Къ западу отъ ряда тѣхъ высотъ, на сѣверной оконечности которыхъ стоитъ Бѣлградъ, тянутся богатыя равнины, орошаемыя Колубарою, и волнистые холмы, на которыхъ успокоивается взглядъ послѣ горныхъ и скалистыхъ видовъ; но далѣе къ Дринѣ возвышаются, почти на тысячу метровъ, другія, известковыя вершины, которыя на юго-западѣ соединяются съ отрогами Капаоника. Эта часть Сербіи, изрѣзанная расходящимися во всѣхъ направленіяхъ долинами и наполненная горами съ остроконечными гребнями, имѣетъ весьма живописный видъ. Сверхъ того, мѣстность украшена старинными и древними крѣпостями, какъ напримѣръ Ужица, обнимающими цѣлый горный склонъ въ своемъ либиринтѣ стѣнъ и башенъ. Къ сожалѣнію, эти укрѣпленія почти не доставляютъ защиты странѣ. Эта часть Сербіи всего чаще подвергалась опустошеніямъ

во время войнъ настоящаго вѣка, и послѣ пятидесяти лѣтъ мира она заселяется еще весьма слабо.

Главныя высоты Сербіи:

Капаоникъ	1,892	метра
Столъ, къ югу отъ Желѣзныхъ Воротъ	1,250	„
Ртань	1,233	„
Бѣлградъ	35	„

Нѣкогда Сербія была одною изъ самыхъ лѣсистыхъ странъ Европы; всѣ ея горы были покрыты дубами. „Кто убиваетъ дерево, тотъ убиваетъ серба“, говоритъ одна прекрасная пословица, происхожденіе которой относится вѣроятно къ той эпохѣ, когда угнетаемые райи спасались въ лѣсахъ, а „священныя деревья“ служили имъ церквами; но, къ несчастію, поговорка эта забывается: во многихъ горныхъ мѣстностяхъ лѣса уже совершенно вырублены и утесы обнажены, какъ на Альпахъ въ Карніоліи и Далмаціи. Когда крестьянину нуженъ сучокъ или пукъ вѣтвей, онъ срубаетъ цѣлое дерево; пастухи для поддерживанія своего ночнаго костра, не довольствуются сухимъ валежникомъ,—имъ нуженъ цѣлый дубъ. Величайшими послѣ пастуховъ врагами лѣсной растительности являются козы и свиньи: первыя изъ нихъ общипываютъ молодыя вѣтки, послѣднія подрываютъ и обнажаютъ корни деревьевъ. Упадетъ ли дерево, сломанное бурею, или срубленное дровосѣками, его не замѣняетъ ни одинъ новый отпрыскъ. Правда, новые законы стараются оградить лѣса отъ варварскаго истребленія, но они не примѣняются общинами и не имѣютъ почти никакой силы. Въ нѣкоторыхъ округахъ топливо привозится изъ Босніи. Естественнымъ послѣдствіемъ чрезмѣрнаго лѣсоистребленія является ухудшеніе климата. По разсказамъ одного англійскаго путешественника семнадцатаго вѣка, Эдварда Брауна, Морава въ большей части своего теченія была судоходна и множество торговыхъ судовъ поднимались и спускались по ней во всякое время года. Въ настоящее же время сила ея водъ слишкомъ непостоянна, чтобы возможно было организовать правильное судоходство. И это измѣненіе въ теченіи рѣкъ объясняется, быть можетъ, тѣмъ же истребленіемъ лѣсовъ на горахъ Сербіи.

Лишаясь красы своей, большихъ лѣсовъ, Сербія по крайней мѣрѣ избавилась отъ наводнявшихъ ее дикихъ звѣрей: весьма многочисленные когда-то волки, медвѣди, кабаны исчезли здѣсь, и тѣ, которые встрѣчаются еще по временамъ, приходятъ сюда вѣроятно изъ лѣсовъ Сирміи, переходя Саву по льду зимою. На поляхъ Сербіи царствуетъ обыкновенно удивительное безмолвіе; даже пѣвчія птички здѣсь рѣдки. Характеръ

сербской фауны и флоры теряетъ свою оригинальность. Распространеніе воздѣлываемыхъ растеній и домашнихъ животныхъ изъ Австро-Венгріи дѣлаетъ Сербію все болѣе и болѣе похожею по внѣшнему виду на южную Германію. Впрочемъ, климаты ихъ мало отличаются другъ отъ друга. Хотя Сербія лежитъ подъ тою-же широтою, какъ и Тоскана, тѣмъ не менѣе она пользуется далеко не итальянскою температурою. Горные валы Далмаціи и Босніи лишаютъ ее живительнаго вліянія теплыхъ и влажныхъ юго-западныхъ вѣтровъ, между тѣмъ какъ сухіе и холодные вѣтры русскихъ степей дуютъ свободно чрезъ валахскія равнины, вдоль подножія Трансильванскихъ Альпъ. Акклиматизироваться иностранцамъ здѣсь довольно трудно, вслѣдствіе рѣзкихъ переходовъ температуры.

Средняя температура въ Бѣлградѣ . . .	9° Ц.
Крайнія температуры	41° и— 16° „
Разница	57° „

Въ Сербіи живетъ лишь небольшая часть всѣхъ сербовъ восточной Европы; но, вѣроятно, не безъ основанія, жители ея считаются чистѣйшими представителями своего племени. Это, вообще люди статные, сильные, широкоплечіе; голову держатъ гордо, черты лица выразительныя; носъ прямой, часто орлиный; скулы немного выдавшіяся; волосы рѣдко черные, весьма густые и хорошо причесанные; взглядъ проницательный и строгій; усы представительныя и придаютъ всей фигурѣ воинственный видъ. Женщины, хотя не обладаютъ красотою, но имѣютъ благородную осанку, и ихъ полувосточный костюмъ отличается удивительною гармоніею цвѣтовъ. Нѣкоторыя сербки, даже въ городахъ, съумѣли устоять противъ всемогущаго вліянія французской моды и носятъ еще свои красивыя душегрѣйки, поясъ, вышитую бисеромъ и увѣшанную цехинами рубаху, маленькую шапочку, которую онѣ носятъ на головѣ очень красиво и украшаютъ бутономъ розы.

Къ сожалѣнію, обычай страны требуетъ, чтобы сербская женщина имѣла богатые черные волосы и ярко-румяный цвѣтъ лица. Поэтому, какъ въ деревняхъ, такъ и въ городахъ, во всеобщемъ употребленіи румяна и фальшивыя косы и даже крестьянки самыхъ отдаленныхъ деревень красятъ себѣ волосы, щеки, рѣсницы и губы часто вредными, разрушающими здоровье веществами. Самыя богатыя поселянки стараются показать на платьѣ свое богатство и поэтому портятъ свой костюмъ излишкомъ золотыхъ и серебряныхъ прикрасъ всякаго рода. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ невѣсты и молодыя женщины носятъ такую странную прическу, которая непремѣнно должна безобразить женскую голову. Во-

лосы покрываются опрокинутымъ полумѣсяцемъ изъ картона, который украшенъ букетами, листьями, павлиньими перьями и искусственными розами съ лепестками изъ серебряныхъ денегъ. Подъ этимъ тяжелымъ украшеніемъ, обозначающимъ вѣроятно „тяжесть супружества“, бѣдная женщина ходитъ переваливаясь и все таки должна проносить этотъ праздничный уборъ цѣлый годъ, часто до тѣхъ поръ, пока не сдѣлается матерью, во время пляски она должна подвергать себя мученіямъ, ибо этотъ грузъ скачетъ и бьетъ ее по головѣ при каждомъ движеніи. Но таковъ уже обычай.

Сербы занимаютъ весьма почетное мѣсто среди народовъ Востока, какъ по благородству своего характера, такъ и по достоинству, съ которымъ они себя держатъ, и по неоспоримой храбрости. Конечно, много нужно было пассивной энергіи, чтобы противостоять въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ угнетенію и завоевать себѣ независимость при условіяхъ изолированности и бѣдности, въ которыхъ они находились въ началѣ пынѣшняго вѣка. Отъ бывшаго рабства у нихъ остались, говорятъ, только лѣность и подозрительная осторожность, но они честны и правдивы; обмануть ихъ трудно, но они не обманутъ никогда. Бывши равными между собою при господствѣ турка, они остались равными и при общей свободѣ. „У насъ нѣтъ благородныхъ, повторяютъ они часто, потому что мы всѣ благородны“. Къ несчастію, за послѣднее время между ними стала развиваться страсть къ чиновничеству и вредному для дѣла чванству. Они говорятъ, впрочемъ еще до сихъ поръ, другъ другу по-братски „ты“ на своемъ прекрасномъ, звучномъ и чистомъ языкѣ, который весьма удобенъ для краснорѣчія и охотно даютъ другъ другу имена ближайшаго родства. Они даже колодника зовутъ братомъ. Когда приговоренный сербъ пайдетъ въ судѣ своихъ родныхъ, его отпускаютъ на честное слово проститься съ семьей и, не смотря на свободу отъ всякаго надзора, онъ непремѣнно возвратится въ тюрьму.

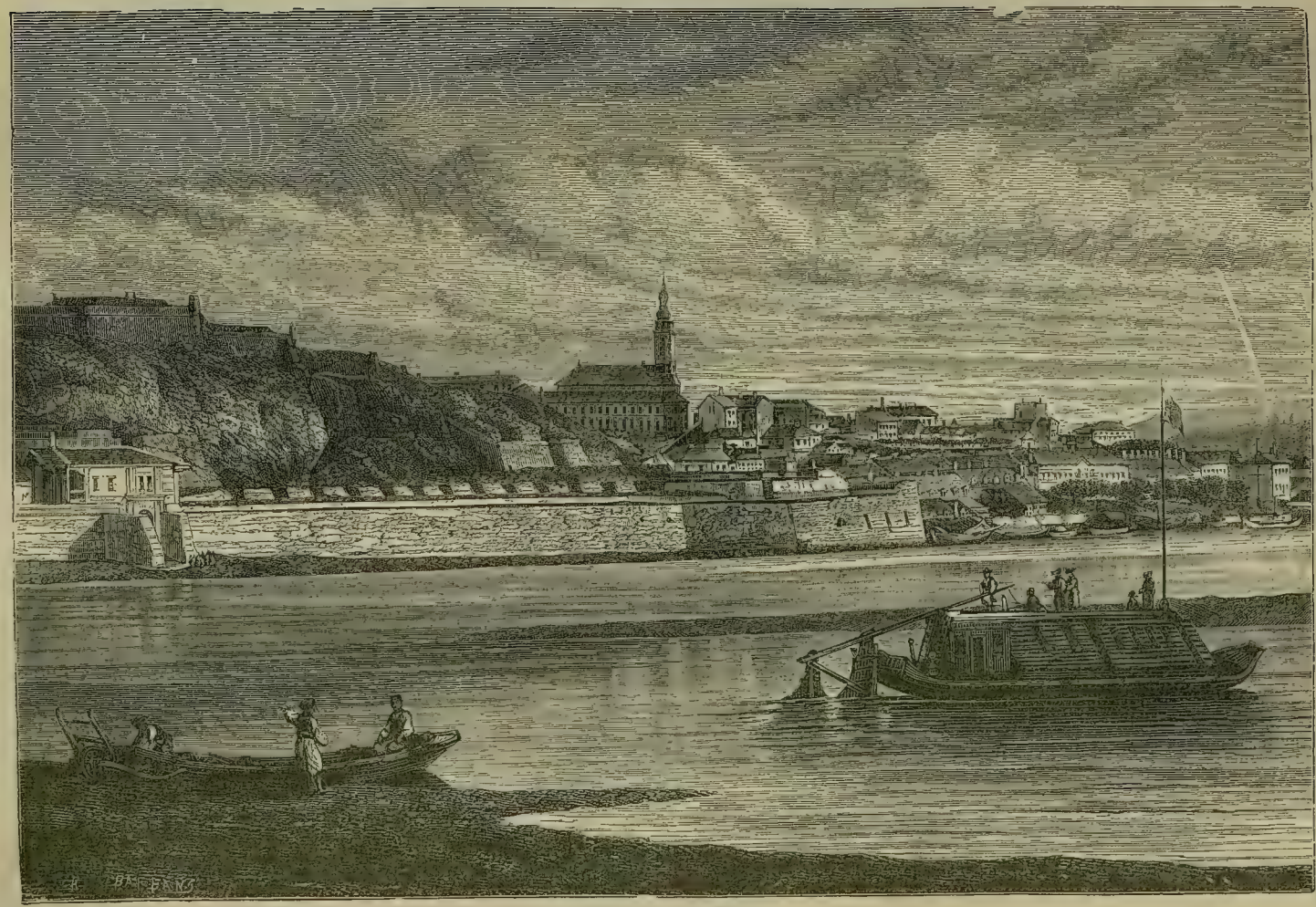
Семейныя узы въ Сербіи отличаются прочностью, какъ и отношенія дружбы. Хотя сербы вообще терпѣть не могутъ произносить клятвы, тѣмъ не менѣе часто случается, что молодые люди, испытавъ другъ друга въ теченіе года, клянутся въ братской дружбѣ, подобно братьямъ по оружію въ древней Скиѳіи, и это сердечное побратимство для нихъ священнѣе кровнаго. О нравственной высотѣ сербовъ свидѣтельствуетъ уже одинъ тотъ фактъ, что ихъ семейственный духъ и уваженіе къ дружбѣ не влекутъ за собою, какъ у сосѣдей ихъ албанцевъ, безконечной взаимной мести. Сербъ храбръ, всегда вооруженъ, но онъ миренъ и вовсе не любитъ крови. И однако же онъ не совершененъ, какъ и другіе люди. Сколько

рутины остается еще въ деревняхъ, сколько невѣжества и суевѣрій! Простолюдины твердо вѣрятъ въ вампировъ, колдуновъ, чародѣевъ и, чтобы обезопасить себя отъ дурныхъ вліяній, старательно натираются чеснокомъ въ рождественскій сочельникъ.

Земли въ общемъ воздѣланы очень плохо; главный продуктъ маисъ. Что касается остальныхъ знаковъ, то они культивируются слабо и, смѣло можно сказать, многіе изъ нынѣ существующихъ на поляхъ Сербіи видовъ хлѣба вовсе бы не воздѣлывались, если-бы каждый годъ, въ рабочую пору, не приходило въ Сербію отъ 70 до 80 тысячъ болгаръ-работниковъ.

Земледѣльцы въ Сербіи, какъ и во всѣхъ другихъ странахъ южнаго славянства, владѣютъ землею по общинно. Они сохранили древнюю *задругу* въ томъ же видѣ, какъ она была въ средніе вѣка, и счастливѣе своихъ сосѣдей, славонцевъ и далмацкихъ горцевъ тѣмъ, что имъ не приходится бороться съ путаницею, порожденною римскимъ и германскимъ правомъ. Напротивъ, сербскій законъ покровительствуетъ древней формѣ землевладѣнія и, въ отношеніи наслѣдствъ, ставитъ избранное, созданное ассоціаціею, родство выше связей родства естественнаго. Сербскій патріотизмъ требуетъ также сохраненія старинныхъ національныхъ обычаевъ, и представители парламента, или скупштины всегда стараются въ своихъ разсужденіяхъ уважать славянскій принципъ общиннаго землевладѣнія, видя въ немъ не безъ основанія самое вѣрное средство огражденія страны отъ пауперизма. Только въ Сербіи можно изучать нормальный бытъ земледѣльческой общины. Нигдѣ семейная жизнь не представляетъ столько радости, естественной простоты и внутренней нѣжности. Каждый вечеръ, послѣ тяжелаго дневнаго труда, является праздникомъ: дѣти тѣснятся вокругъ дѣдушки, слушаютъ воинственныя легенды изъ былыхъ временъ; молодые поютъ въ унисонъ подъ аккомпаниментъ *гузлы*. Всѣ, принадлежащіе къ общинѣ, считаются членами одной семьи. *Старѣйшина*, или управитель общины, есть естественный опекунъ всякаго ребенка и, какъ сами родители, обязанъ сдѣлать изъ него „добраго, честнаго и полезнаго отечеству гражданина“. И не смотря на всѣ эти выгоды, не смотря на покровительство закона и общественнаго мнѣнія, число задругъ уменьшается съ каждымъ годомъ. Торговля и промышленность и все сильнѣе, и сильнѣе крутящійся вокругъ нихъ вихрь соціальной жизни нарушаютъ обычный бытъ этихъ обществъ, и ихъ внутреннія отправленія становятся все труднѣе и труднѣе. Вѣроятно, они не будутъ въ состояніи удержаться въ свой настоящей формѣ.

Страна населена не исключительно сербами: бо́льшая часть восточ-



ВѢЛГРАДЪ.

ной Сербіи принадлежитъ этнологически завоевательному племени валаховъ. Зинзары или южные румыны издавна жили здѣсь мелкими колоніями каменьщиковъ, плотниковъ и кирпичниковъ, но въ настоящее время ихъ превосходятъ по численности сѣверные румыны. Послѣ войны за независимость, большія опустошенныя земли находились безъ хозяевъ, и сербскому правительству пришло на умъ предложить ихъ даромъ румынскимъ крестьянамъ, которые обязались бы ихъ воздѣлывать. Множество валаховъ поспѣшили принять предложеніе и, избѣгая „органическій регламентъ“, по которому родина обращала ихъ въ чистѣйшее рабство, вскорѣ населили покинутыя деревни и украсили поля своими нивами. Трудолюбивые, бережливые и болѣе богатые дѣтьми, чѣмъ сербы, румыны распространяются мало по малу, и нѣкоторыя ихъ колоніи уже перешли за Мораву; многія, когда-то сербскія, деревни обратились въ румынскія, какъ въ Банатѣ и другихъ южно-славянскихъ странахъ; многія семьи, названія которыхъ ясно указываютъ на ихъ славянское происхожденіе, забыли своихъ предковъ и совершенно латинизировались. Румынскіе поселенцы много стараются о воспитаніи своихъ дѣтей, и школы въ ихъ округахъ вдвое многочисленнѣе, чѣмъ въ остальной Сербіи, хотя обученіе въ нихъ идетъ на славянскомъ языкѣ. Замѣчательно, что румынскіе поселенцы въ Сербіи имѣютъ больше успѣха, чѣмъ сами сербскіе переселенцы славяне, переселившіеся сюда изъ Венгріи и Славоніи, чтобы избавиться отъ мадьярскаго правительства и присоединиться къ независимой націи; вообще говоря, они обѣднѣли въ своей новой средѣ.

Привлекаемые сербскою свободою, болгарскіе колонисты также переселились въ долины Тимока и Моравы. Ихъ цѣнятъ здѣсь за ихъ трудолюбіе, и тѣ изъ нихъ, которые сходятъ съ внутреннихъ горъ для скуднаго заработка, какъ овернцы, возвращаются домой обыкновенно съ значительными сбереженіями. Въ восточной части Сербіи нѣкоторые клочки земли населены исключительно болгарами, которые, находясь подъ вліяніемъ своихъ, болѣе цивилизованныхъ сосѣдей, отвыкаютъ постепенно отъ своего природнаго языка. Во многихъ несомнѣнно болгарскихъ деревняхъ говорятъ только на языкѣ страны, отъ которой они зависятъ политически; впрочемъ, и законъ требуетъ употребленія въ школахъ сербскаго языка. Граница языковъ мало отличается въ настоящее время отъ политической границы между двумя странами, тѣмъ болѣе, что новое разграниченіе присоединило къ Сербіи округа, гдѣ находятся почти исключительно болгарскія поселенія. Около Алексинаца, въ небольшой боковой долинѣ Моравы, есть также маленькая албанская колонія. Кромѣ того, по всей странѣ разсѣяно болѣе тридцати тысячъ цыганъ, которые почти

всѣ живутъ осѣдло и исповѣдуютъ греческую религію, какъ и сами сербы; главное занятіе ихъ производство кирпича. Что касается испанскихъ евреевъ, которыхъ когда-то было очень много въ Бѣлградѣ, то они почти всѣ удалились на австрійскую территорію, въ Земунъ, или Землинъ, и замѣнены нѣмецкими и венгерскими евреями.

Съ начала независимости населеніе болѣе чѣмъ удвоилось, не считая вновь присоединенныхъ провинцій и, благодаря перевѣсу рожденій надъ смертными случаями, оно прибываетъ отъ 20,000 до 40,000 человѣкъ въ годъ Но все-таки нужно еще много, чтобы страна сравнялась по плотности населенія съ венгерскими и валахскими равнинами. Обработанныя пространства составляютъ въ Сербіи не болѣе одной восьмой части всѣхъ земель и способъ обработки почти всюду варварскій, за исключеніемъ самыхъ плодородныхъ долинъ, какъ напр., долины нижняго Тимока, послѣ каждой жатвы поле цѣлый годъ остается подъ паромъ. Первобытное состояніе деревенскаго хозяйства въ Сербіи доказываетъ и ея вывозъ, состоящій главнымъ образомъ изъ плохо выкормленныхъ свиней, отправляемыхъ сотнями тысячъ изъ Бѣлграда и Смедерево въ Германію. Продажа этихъ животныхъ доставляетъ сербскимъ крестьянамъ самый вѣрный доходъ: впрочемъ, въ послѣдніе годы они стали поставлять на рынки западной Европы нѣкоторое количество зерновыхъ хлѣбовъ, сушеныхъ плодовъ и вина,—послѣдняго до милліона гектометровъ.

Торговля Сербіи, значительно увеличившаяся за послѣднее время, должна возрости еще болѣе теперь, когда желѣзная дорога изъ Ниша до Врапіи, почти уже законченная, соединитъ Сербію съ венгерскими линіями.

Торговля Сербіи въ 1882 г.:

Ввозъ	57.096,260 фр.
Вывозъ	33.190,430 „
Итого	90.286,690 „
Австро-венгерская часть въ сербской торговлѣ .	62.528,112 фр.
Болгарская „ „ „ „ .	4 500,000 „

Главные предметы экспорта:

	1879	1882	Стоимость (1882).
Свиньи . .	241,979 шт.	279,800 шт.	13.990,000 фр.
Черносливъ.	8.821,274 килогр.	23.743,784 килогр.	14 246,270 „
Хлѣбъ . .	11.118,995 „	30 418,000 „	6 083,600 „

Желѣзнодорожная сѣть Сербіи къ 31 декабря 1884 г. . 244 килом.

Телеграфная сѣть въ 1882 г. . . . . 2,252 „

Число депешъ 224,877

Промышленность страны, за исключеніемъ Бѣлграда, находится еще въ дѣтскомъ состояніи. Сербъ жестоко ошибается, презирая всѣ ручныя работы, кромѣ земледѣлія; если онъ имѣетъ нѣкоторое уваженіе къ нѣмцамъ, то, говорятъ, потому, что они являются въ города Сербіи въ качествѣ ремесленниковъ. Молодые люди, имѣющіе какое либо образованіе, домогаются мѣстъ въ администраціи, и тѣмъ способствуютъ къ развитію того бича бюрократіи, который сдѣлалъ столько зла въ Австро-венгерской монархіи. Но многіе студенты, вышедшіе изъ иностранныхъ университетовъ, занимаются также и распространеніемъ въ странѣ образованія, и въ этомъ отношеніи страна достигаетъ весьма большихъ успѣховъ, въ сравненіи съ тѣмъ недавнимъ временемъ (1839), когда самъ государь сознавалъ, что онъ не умѣетъ писать; успѣхи эти, можно сказать, громадны. Школы и коллегіи сдѣлали Сербію, до освобожденія Болгаріи, умственнымъ центромъ всей внутренности турецкаго полуострова и босняцкія и болгарскія дѣти шли сюда учиться толпами. Конечно, кора невѣжества и старинныя суевѣрія далеко еще не исчезли, но всякій сербъ знаетъ, по крайней мѣрѣ одно — полную исторію своихъ предковъ со времени пришествія славянъ въ греко-латинскій міръ.

Снаружи Бѣлградъ не дуренъ и имѣетъ видъ до извѣстной степени внушительный, но внутри это—грязная деревня, случайно сдѣлавшая столицею королевства. Но перестройка и улучшеніе города идутъ весьма быстро. „Турецкій“ Бѣлградъ уже не существуетъ: онъ замѣненъ западнымъ городомъ, какъ Вѣна и Буда-Пештъ. На мѣстѣ мечетей съ минаретами и куполами возвышаются дворцы европейскаго стиля; старые кварталы съ кривыми улицами перерѣзываютъ великолѣпные бульвары; на той площади, гдѣ турки ставили столбы съ окровавленными головами, разбитъ прекрасный паркъ. Шабацъ на Савѣ сдѣлался такъ же, какъ говорятъ его жители, „маленькимъ Парижемъ“. Точно такъ же преобразовался и Пожаревацъ на Дунаѣ, извѣстный въ исторіи трактатовъ подъ именемъ Пассаровица. Смедерево (Семендрія), въ которомъ поданъ былъ сигналъ къ борьбѣ за независимость въ 1806 г., долженъ былъ выстроиться заново, такъ какъ во время войны былъ весь разрушенъ. Во внутреннихъ мѣстностяхъ перемѣны идутъ медленно, но, тѣмъ не менѣе, совершаются, благодаря дорогамъ, которыя начинаютъ покрывать своею сѣтью всю страну.

Въ политическомъ отношеніи Сербія представляетъ наслѣдственную монархію, государственное устройство которой похоже на устройство другихъ представительныхъ монархій Европы. *Король* управляетъ Сербіею при посредствѣ отвѣтственныхъ министровъ, издаетъ законы,

вырабатываетъ ихъ вмѣстѣ съ сенатомъ, или государственнымъ совѣтомъ, назначаетъ чиновниковъ на государственныя должности, командуетъ войскомъ, подписываетъ трактаты. Получаетъ онъ 1.200,000 франковъ. Въ случаѣ неимѣнія нисходящаго мужскаго пола, наслѣдникъ ему выбирается непосредственно сербскимъ народомъ. *Скупщина*, или національное собраніе, происхожденіе которой восходитъ къ первымъ временамъ Сербской монархіи, состоитъ изъ 174 членовъ, четверть которыхъ назначается непосредственно государемъ. Всякій взрослый человѣкъ, платящій налогъ, можетъ быть избирателемъ; подача голосовъ почти всеобщая. Кромѣ этого національнаго парламента, которому, совмѣстно съ королемъ, принадлежитъ законодательная власть, каждая коммуна, или *община*, состоящая изъ различныхъ семейственныхъ ассоціацій, имѣетъ свой маленькій парламентъ, который въ мѣстныхъ дѣлахъ пользуется почти абсолютною автономіею. Въ этихъ-то деревенскихъ собраніяхъ и складывается общественный духъ и вырабатываются мнѣнія скупщины. На случай важныхъ политическихъ событій конституція предусматриваетъ прямое собраніе народомъ чрезвычайной скупщины, состоящей изъ учетвереннаго числа членовъ Сербія представила собою единственное государство во всей Европѣ, неимѣвшее въ 1875 г. государственнаго долга. Но въ продолженіе двухъ послѣднихъ войнъ—съ Турціей и съ Болгаріей, — ей пришлось заключить займы [1]). Ей пришлось равнымъ образомъ принять на себя часть турецкаго долга въ уплату за уступленныя ей Турціей земли.

Всѣ вѣроисповѣданія свободны, но религія греческая считается государственною. Главою церкви номинально признается патріархъ константинопольскій, но въ 1832 году церковь приняла титулъ „независимой“, каковою она уже была съ 1221 по 1765 г. Управляется она самостоятельно синодомъ, состоящимъ изъ архіепископа бѣлградскаго, митрополита сербскаго, и трехъ епархіальныхъ епископовъ: ужицкаго, неготинскаго и шабацкаго. Митрополитъ назначается непосредственно королемъ и вмѣстѣ съ синодомъ, замѣщаетъ вакантныя должности, но подъ условіемъ королевской санкціи. Высшія духовныя должностныя лица получаютъ жалованье, простые же священники живутъ случайными доходами. Монахи, которыхъ, впрочемъ, весьма немного, пользуются доходами съ принадлежащихъ монастырямъ земель; но недавнимъ рѣше-

---

[1]) Сербскій бюджетъ въ 1883 г.:

Доходы	34.480,000	фр.
Расходы	34 469,320	„
Государственный долгъ	130.000,000	„

ніемъ скупщины упразднены всѣ монастыри, за исключеніемъ пяти, въ которыхъ монахи будутъ жить до самой своей смерти. Доходы же съ бывшихъ монастырскихъ имѣній должны употребляться на содержаніе школъ. Новая монетная единица—франкъ.

Всѣ здоровые люди въ Сербіи служатъ въ войскѣ; по собственно такъ называемая постоянная армія не превышаетъ численностью 16,000 человѣкъ. На случай войны, армія эта можетъ быть немедленно доведена до 90,000 человѣкъ по меньшей мѣрѣ, посредствомъ перваго призыва, которому подлежатъ всѣ сербы, обязанные еще срокомъ дѣйствительной службы. Этотъ призывъ мобилизуется немедленно. Затѣмъ идетъ второй призывъ, могущій собраться подъ знаменами въ продолженіе одного мѣсяца. Въ случаѣ крайней опасности Сербія легко можетъ выставить до 200,000 человѣкъ.

Въ административномъ отношеніи Сербія раздѣлена на 21 департаментъ (*окружье*), заключающіе въ себѣ 81 уѣздъ и 1.400 общинъ.

Собственно Сербія.	Алексинацъ	Алексинацъ (5.100 чел.)	3	44	68,055
	Бѣлградъ	Бѣлградъ	5	56	84,691
	Черна-Рѣка	Зайчаръ (4.900)	2	76	62,458
	Ягодина	Ягодина (4.420)	3	68	76,904
	Княжевацъ	Княжевацъ	2	53	66,649
	Крагуевацъ	Крагуевацъ (9.100)	4	82	120,763
	Крайна	Негатинъ (4.750)	4	71	81,477
	Крушевацъ	Крушевацъ (5.200)	4	56	84,029
	Подрины	Лосница	3	28	60,416
	Пожаревацъ	Пожаревацъ (9.400)	7	150	180,897
	Рудникъ	Милановацъ	3	47	57,454
	Шабацъ	Шабацъ (9.240)	3	47	88,874
	Смедерево	Смедерево (6.600)	2	54	83,600
	Чачакъ	Чачакъ	4	49	64,974
	Чупрія	Чупрія	2	70	68,116
	Ужица	Ужица (5.620 чел.)	6	83	128,187
	Валіево	Валіево (4.750 ж.)	4	68	94,282
	Бѣлградъ (городъ)	Бѣлградъ (38.000)	1	1	36,172
Присоединеніе	Нишъ	Нишъ (16.200)	—	—	136,170
	Пиротъ	Пиротъ (8.870)	—	—	81,208
	Вранья	Вранья (8.920)	—	—	70,125
	Топлица	Лесковацъ (10.670)	—	—	68,144
					1.865,683

II.

ЧЕРНОГОРІЯ.

Эта страна Иллиріи извѣстна на Западѣ вообще подъ италіянскимъ именемъ Монтенегро, которое дала ей нѣкогда Венеція и которое, впрочемъ, составляетъ переводъ туземнаго славянскаго слова Черна-гора, т. е. „Черная гора“. Но какого происхожденія, это, повидимому, странное названіе, прилагаемое къ известковымъ горамъ, бѣлый или сѣроватый цвѣтъ которыхъ прежде всего кидается въ глаза подъѣзжающаго къ нимъ по Адріатическому морю путешественника? Одни полагаютъ, что слово Черная гора слѣдуетъ понимать въ фигуральномъ смыслѣ, и что оно обозначало гору ссыльныхъ или „Гору страшныхъ людей“; другіе же думаютъ, что оно происходитъ отъ скалъ, которыя теперь голы, но нѣкогда были черны отъ еловыхъ лѣсовъ. Въ концѣ пятнадцатаго вѣка, сербскій воевода Чероевичъ, спасаясь отъ мести турокъ, укрылся съ семьей и приверженцами на р. Ободѣ, впадающей въ озеро Скодра. Съ этихъ поръ Ободъ сталъ называться Чероевичъ. Нѣсколько времени спустя, воевода опять переселился и укрылся въ Зетской Планинѣ, названной поэтому сначала Чероевой Горой, а потомъ Черной-Горой.

Черногорцы никогда не были порабощены турками. Все велико-сербское царство подверглось нашествію Османлисовъ, и только одни черногорцы могли сохранить свою независимость, благодаря естественной горной крѣпости, въ которой они находили себѣ убѣжище. Они часто имѣли покровителей; еще въ давнія времена они были подъ покровительствомъ Венеціанской республики, но не зависѣли отъ нея; они не склонились предъ султаномъ и, благодаря частію силѣ своего оружія, частію поддержкѣ иностранныхъ державъ, продолжаютъ владѣть своими высокими долинами Иллирійскихъ Альпъ съ полною самодержавностію. Но эти, покровительствующія имъ и составлявшія ихъ силу противъ непріятеля, горы составляютъ теперь ихъ слабость, отрѣзывая ихъ отъ остальнаго міра и удерживая ихъ, при отсутствіи сообщенія, въ состояніи первобытнаго варварства. Съ одной стороны, черногорцы отдѣлены отъ своихъ сербскихъ братьевъ оградою весьма высокихъ горныхъ вершинъ и полосою турецкой территоріи; съ другой — австрійскія горы, при выходѣ у Каттаро, заграждаютъ имъ доступъ къ Адріатическому морю: моремъ служитъ имъ маленькое озеро Скодра (Скутари), питаемое національною рѣкою Зетою, которая сливается съ Морачею.

Восточная часть Черногоріи, называемая Берда или Брда, въ кото-

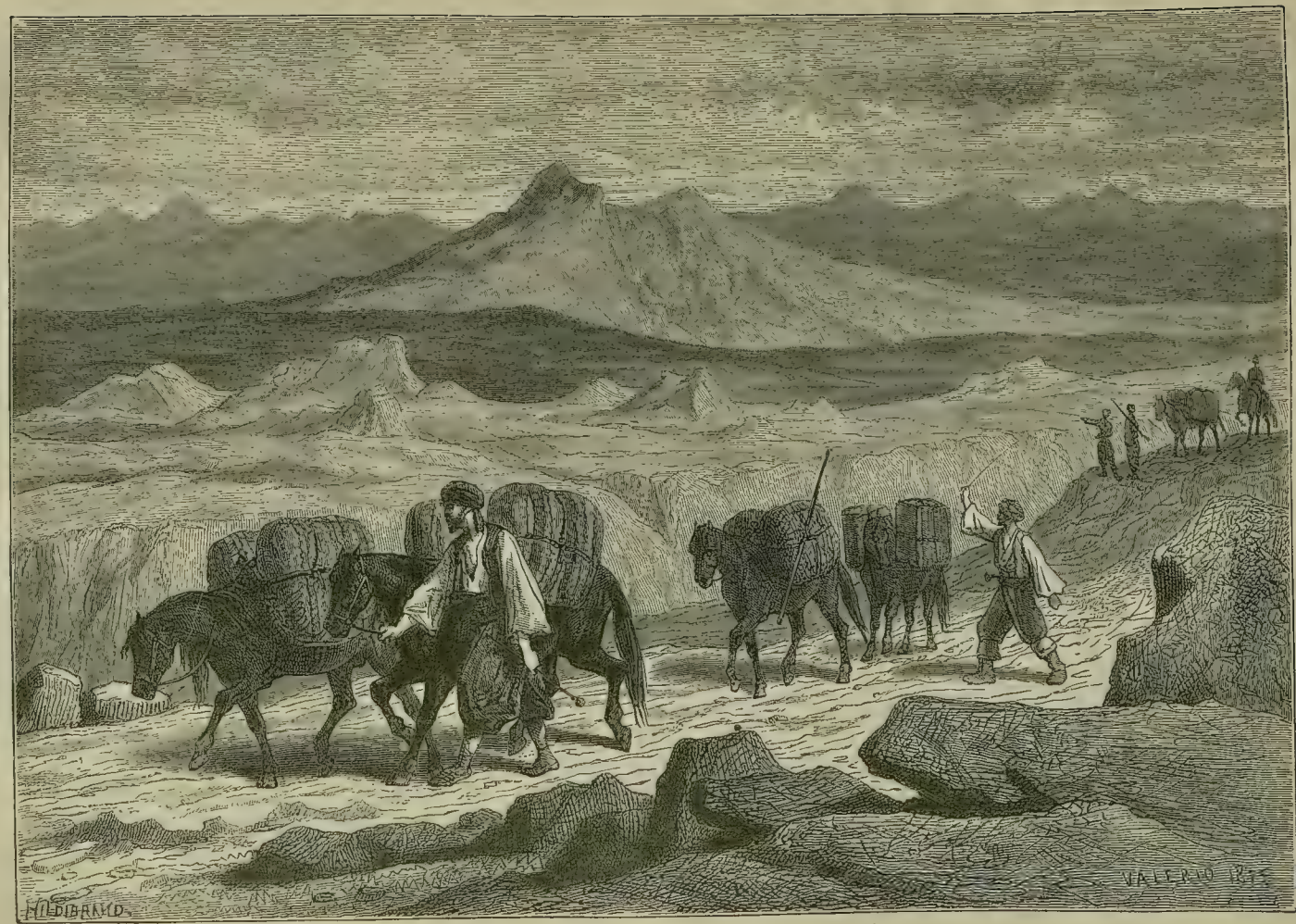
рой протекаетъ Морача со своими притоками, относительно еще довольно доступна. Ея долины, надъ которыми съ сѣвера возвышаются доломитовыя пирамиды Дормитора, а съ востока округленная масса Кома, похожи на долины большей части горныхъ странъ и представляютъ тѣ же котловины, переходящія послѣдовательно въ узкія ущелья, ту же извилистость, тѣ же боковыя долины, тѣ же рвы, въ которыхъ соединяются первыя воды потоковъ. Но западная часть страны, собственно „Черная Гора“, представляетъ совершенно иной видъ. Это—лабиринтъ впадинъ, долинъ, просто дыръ, отдѣленныхъ одна отъ другой известковыми валами неравной высоты, которыя усажены остроконечными вершинами, изрыты пропастями и изрѣзаны во всѣхъ направленіяхъ щелями, въ которыхъ пресмыкаются змѣи. Только одни горцы и въ состояніи не заблудиться въ этомъ безвыходномъ лабиринтѣ. „Когда Богъ создавалъ міръ“, говорятъ они въ шутку, у него въ рукахъ былъ мѣшокъ съ горами, но этотъ мѣшокъ прорвался какъ разъ надъ Черногоріею и изъ него выпала эта ужасная масса скалъ, которыя вы видите“.

Если бы посмотрѣть на Черногорію сверху, то она представилась бы въ видѣ „громадной соты съ тысячами ячеекъ“ или, скорѣе, въ видѣ ткани съ тысячами клѣточекъ:—такое множество скалистыхъ котловинъ вырыто на плоскогоріи дождевыми водами, которыя уносятся отсюда либо широкими долинами, либо исключительно узкими *рудинами*, представляющими собою настоящіе колодцы. Въ очень дождливыя времена, воды эти собираются во временныя озера, заливающія луга и нивы; обыкновенно же онѣ стекаютъ непосредственно сквозь кустарникъ въ сточныя ямы известковыхъ скалъ и вытекаютъ наружу въ видѣ тѣхъ прекрасныхъ источниковъ голубой воды, которые струятся изъ подошвъ горъ на берегахъ Каттарскаго залива. Сама Зета, рѣка по преимуществу черногорская, образуется изъ ручьевъ, которые на сѣверѣ поглощаются воронками въ долинѣ Никшица и текутъ по неизвѣстному ложу подъ горою Планиницею. Карніольское плоскогорье, нѣкоторыя мѣстности французскихъ нижнихъ Альповъ и многія другія горныя страны имѣютъ такое-же ячеистое строеніе, какъ и Черногорія; но нигдѣ нѣтъ такого множества мелкихъ котловинъ, соединенныхъ въ обширную систему, какъ здѣсь. Эти неровности плоскогорья, эти безчисленные спуски и подъемы тѣмъ болѣе поражаютъ путешественника, что дороги представляютъ собою или скверныя тропинки по катящимся камнямъ, или скалистыя лѣстницы съ пропастями по краямъ. Самая столица Черногоріи, маленькое мѣстечко Цетинье, въ которомъ считается немногимъ больше ста домовъ, расположена въ горахъ, въ одной изъ долинъ озернаго происхожденія, и, чтобы до-

браться до нея, надо карабкаться по крутизнамъ. Недавно еще черногорцы опасались улучшать дороги, боясь облегчить доступъ къ своимъ деревнямъ, ибо гдѣ можетъ проѣхать повозка, тамъ непріятель провезетъ и пушки. Впрочемъ, требованія торговли и приличій маленькаго черногорскаго двора заставили недавно устроить проѣзжую дорогу изъ Цетинье въ Каттаро.

Хотя жители Черной Горы и братья дунайскимъ сербамъ, но отличаются отъ нихъ своеобразными чертами, которыми они обязаны безконечнымъ битвамъ, возвышенности и суровости питающей ихъ почвы, а также и сосѣдству съ албанцами. Черногорецъ не имѣетъ той спокойной поступи, какъ сербъ равнины: онъ буенъ и сварливъ, всегда готовъ схватиться за оружіе; за поясомъ у него цѣлый арсеналъ пистолетовъ и ножей; онъ даже пашетъ съ карабиномъ за плечомъ. Недавно онъ еще любилъ кровь: всякая царапина требовала кровавой отплаты, за рану платилось раною, за смерть смертью. Месть между различными семьями переходитъ изъ поколѣнія въ поколѣніе до тѣхъ поръ, пока число головъ съ той и другой стороны не достигнетъ приличныхъ размѣровъ, или пока не будетъ уплачено достодолжнымъ образомъ денежное вознагражденіе, опредѣляемое обыкновенно третейскими судьями въ 10 цехиновъ за „кровь“. Въ наше время случаи наслѣдственной мести стали рѣдки, но изданный княземъ въ замѣну обычнаго права законъ долженъ былъ выразить собою ужасную жестокость: убійцы, измѣнники, бунтовщики, бѣглецы изъ военной службы, воры, попавшіеся во второй разъ, поджигатели, дѣтоубійцы, виновники въ оскорбленіи величества, въ кощунствѣ—всѣ одинаково приговариваются къ разстрѣлянію. Въ сравненіи съ дунайскимъ сербомъ, черногорецъ еще варваръ. Онъ и не такъ красивъ. Женщины не отличаются правильностію чертъ, фигуры, не представляютъ собою того благородства, какъ у ихъ сербскихъ землячекъ, но онѣ граціознѣе и эластичнѣе ихъ въ своихъ движеніяхъ. Онѣ очень плодовиты, и когда семья слишкомъ велика, то часто дѣти усыновляются друзьями дома.

До нашествія Османлисовъ высокія долины Черногоріи были еще необитаемы: по лугамъ и лѣсамъ бродили только пастухи и бандиты; но жители внутреннихъ долинъ, во избѣжаніе рабства, принуждены были скрываться среди этихъ высокихъ скалъ, въ суровомъ климатѣ высотъ, и поддерживать здѣсь свое существованіе обработкою земли и разведеніемъ скота, а часто и разбоемъ. Варварскій способъ обработки и безъ того мало плодородной земли доставляетъ черногорцамъ скудныя жатвы, страна-же населена непропорціонально ея слабымъ средствамъ, такъ что неурожаи часто доводятъ жителей до совершеннаго голода. Бѣдность еще



ТУРЕЦКІЕ ПОГОНЩИКИ МУЛОВЪ ИЗЪ ГЕРЦЕГОВИНЫ.

болѣе увеличивается, благодаря множеству ускоковъ, т. е. босняцкихъ бѣглецовъ, спасающихся отъ турецкаго ига, ибо часть обработанной земли, приходящейся на долю каждаго, соотвѣтственно уменьшается. Пахатную землю пришлось дѣлить на множество мелкихъ клочковъ, составляющихъ отдѣльную собственность; луга-же остаются еще въ общемъ владѣніи, согласно старинному сербскому обычаю. По оффиціальной переписи, въ Черногоріи около двухъ сотъ тысячъ жителей, но число это, вѣроятно, немного преувеличено для устрашенія турокъ фантастическимъ количествомъ солдатъ, какъ это дѣлается иногда на батареяхъ, гдѣ бревна изображаютъ собою жерла пушекъ; но если бы на самомъ дѣлѣ черногорское населеніе не превышало ста-сорока-тысячъ человѣкъ, то оно все-таки было бы слишкомъ значительно для этой горной страны, поверхность которой равняется 4,427 кв. километровъ.

Такимъ образомъ, набѣги черногорцевъ въ сосѣднія долины были, такъ сказать, слѣдствіемъ экономической необходимости. Часто приходилось выбирать одно изъ двухъ: или умирать съ голоду, или на полѣ сраженія, и черногорцы предпочитали послѣднее. Насильственная смерть ихъ пугала такъ мало, что они желали ея новорожденнымъ: „Дай Богъ, чтобъ не умирать ему въ постели!“—произносили родители и друзья у колыбели ребенка. И если съ кѣмъ нибудь случится несчастіе умереть отъ болѣзни, или отъ старости, то родъ смерти обыкновенно скрывался подъ смягченнымъ выраженіемъ: „Его убилъ старый убійца!“—вотъ какимъ образомъ извиняли умершаго.

Военныя экспедиціи черногорцевъ, совершавшіяся ежегодно до тѣхъ поръ, пока не положила имъ конецъ Европа, были въ дѣйствительности сборомъ жатвы вооруженною рукою. Набѣги на сѣверъ, въ Герцеговину, въ долины Грахово и Никшицъ, дѣлались для поддержанія существованія; попытки завоевать плодородныя земли на нижней Морачѣ и на берегахъ озера Скодры дѣлались изъ-за хлѣба, и, точно такъ же для обезпеченія своего существованія, черногорцы не переставали требовать себѣ маленькаго порта Спицы, который доставилъ бы имъ доступъ къ морю и далъ бы возможность провозить свободно соль, порохъ и другіе предметы, продаваемые имъ каттарскими купцами въ три-дорога. Въ виду этой-же дѣйствительной необходимости былъ отданъ имъ берлинскимъ трактатомъ портъ Антивари и полная свобода навигаціи по Бойянѣ. По настоянію же европейскихъ державъ, главнымъ образомъ Россіи, былъ имъ уступленъ албанцами портъ Дульчиньо. Необходимость заставляла иногда черногорскія семейства обработывать землю подъ пушками турецкихъ крѣпостей; гарнизонъ обстрѣливалъ ихъ сверху, а рабочіе держались на сво-

емъ постѣ, и кто бѣжалъ, тотъ долженъ былъ платить большой штрафъ и надѣвать женскій передникъ. Но когда вся Европа вмѣшалась въ происходившія при всякомъ случаѣ столкновенія между черногорцами и ихъ сосѣдями—мусульманами, граница Черногоріи была строго опредѣлена, и Черногорія теперь стала довольно безопасна, такъ что путешественники безъ боязни могутъ пускаться въ недавно еще недоступныя мѣстности на востокѣ Черногоріи. Горные жители принуждены вступать иногда въ сношенія съ своими сосѣдями равнины: лѣтомъ они позволяютъ жителямъ побережья приводить свой скотъ на ихъ высокія пастбища, а зимою—они сами спускаются къ нимъ, и ихъ принимаютъ дружески.

Законная торговля способствуетъ также прокормленію черногорцевъ. Черногорія доставляетъ въ Тріестъ и Венецію копченую козлятину и баранину, которая требуется тамъ для снабженія флота, и отправляетъ ежегодно около 200,000 головъ мелкаго скота, а также кожу, сало, соленую рыбу, сыръ, медъ, порошокъ отъ насѣкомыхъ. Ежегодный сбытъ ея простирается до четырехъ милліоновъ и вывозъ производится большею частію самими черногорцами, которые вступаютъ для торговли въ товарищество съ судохозяевами Каттаро. Кромѣ того, черногорецъ, какъ и сосѣдъ его албанецъ, отправляется въ большіе города на заработки, которыхъ онъ никогда не имѣетъ въ своей странѣ. Въ Константинополѣ черногорскихъ выходцевъ цѣлыя тысячи: они занимаются тамъ ремеслами носильщиковъ, землекоповъ, садовниковъ, и притомъ живутъ въ добромъ согласіи со своимъ „искоконнымъ врагомъ“—туркомъ. Въ мирное время они расходятся по всѣмъ большимъ городамъ Оттоманской имперіи и довольно многочисленны даже въ Египтѣ.

Единственные иностранцы, которые живутъ въ Черногоріи значительными группами—это цыгане; впрочемъ, они совершенно похожи на мѣстныхъ сербовъ; у нихъ тотъ же языкъ, та же религія, тѣ же нравы, и отличаются они только ремесломъ, ибо всѣ они кузнецы и слесаря. Ни одинъ черногорецъ не сталъ бы заниматься этимъ презрѣннымъ дѣломъ. Всѣ цыгане держатся въ отдаленіи и не имѣютъ права брать себѣ женъ изъ сербскихъ семействъ.

Правительство въ Черногоріи представляетъ странную смѣсь демократіи, феодализма и неограниченной власти. Граждане носятъ оружіе и относятся другъ къ другу какъ равные, но на самомъ дѣлѣ они далеко не равны. Различные классы націи всегда подчиняются авторитету вліятельныхъ фамилій; государь же, въ свою очередь, поддерживаемый вліяніемъ Россіи и получающій отъ нея денежныя пособія, какъ состоящій на государственной службѣ, не чуждается подражанія русскому царю,

сосредоточивая съ своей особѣ всѣ власти. Въ качествѣ „Августѣйшаго“, онъ пользуется двумя третями государственнаго дохода, который весь не превышаетъ 350.000 франковъ. Сенатъ, или *совѣтъ*, который вырабатывалъ декреты, замѣненъ нынѣ государственнымъ совѣтомъ, въ которомъ засѣдаютъ пять министровъ. *Скупщина* составляетъ простое собраніе старѣйшинъ отъ колѣнъ, собирающихся слушать ежегодную тронную рѣчь князя. Впрочемъ, съ 1851 г. князь пересталъ соединять титулъ епископа или *владыки* съ титулами великаго судьи и начальника войскъ. Правила греческой церкви запрещаютъ епископамъ вступленіе въ бракъ; поэтому князь Данило, чтобы жениться, долженъ былъ возложить епископство на одного изъ своихъ двоюродныхъ братьевъ.

Вся Черногорія имѣетъ военное устройство, почти такое же, какое имѣли еще недавно „Границы“ австро-венгерскихъ Кроаціи и Славоніи. Населеніе раздѣляется на воинскія группы, готовыя выступить по первому сигналу. Всѣ начальники, воеводы, капитаны, сотники, десятскіе—представляютъ въ одно и то же время и гражданскихъ администраторовъ и судей. Они налагаютъ штрафы и получаютъ изъ нихъ свою часть.

Въ военномъ и административномъ отношеніяхъ страна раздѣляется на восемъ *нахій*. Четыре изъ этихъ нахій, а именно: Бѣлопавличка, Пиперска, Морачка и Кучка, находятся въ долинѣ Морачи и составляютъ Берды; четыре же другія—Катунска, Рѣчка, Черница и Лѣшанска—занимаютъ высокія плоскогорія и образуютъ собственно Черную Гору. Всѣ нахіи, за исключеніемъ одной, раздѣляются на колѣна, состоящія изъ совокупности нѣсколькихъ „родовъ“, подраздѣляющихся, въ свою очередь, на семьи.

ГЛАВА IX.

ИТАЛІЯ.

I.

ОБЩІЙ ВИДЪ.

Итальянскій полуостровъ представляетъ одну изъ странъ, особенно рѣзко ограниченныхъ самою природою. Ограничивающіе ее съ сѣвера Альпы возвышаются непрерывною стѣною, которая тянется отъ лигурійскихъ мысовъ до гористаго полуострова Истріи и не имѣетъ никакихъ брешей, кромѣ проходовъ, расположенныхъ въ поясѣ сосновыхъ лѣсовъ, луговъ и снѣговъ. Такимъ образомъ, Италія, какъ и два другіе южные полуострова Европы: Греція и Испанія, была небольшимъ отдѣльнымъ міромъ, назначеннымъ уже по самой своей формѣ служить ареною спеціальнаго движенія человѣчества. Латинскій полуостровъ совершенно отличается отъ всѣхъ заальпійскихъ странъ не только рельефомъ почвы, но и прелестью своего климата, красотою неба и богатствомъ полей. Перейдя раздѣльный хребетъ и начиная спускаться по солнечнымъ склонамъ, человѣкъ замѣчаетъ, что вокругъ него все измѣнилось, что онъ попалъ на новую землю. Противоположность эта еще больше даже той противоположности, которая въ большей части странъ земли существуетъ между островами и сосѣднимъ материкомъ.

И такъ Италія, благодаря защищающему ее валу Альпъ и окружающимъ ее морямъ, представляетъ собою, такъ сказать, совершенно отдѣльную географическую особь. Всѣ ея пейзажи, отъ равнинъ Ломбардіи до береговъ Сициліи, имѣютъ сходныя черты и освѣщены одинаковымъ свѣтомъ: они представляютъ какъ бы одинъ фамильный типъ; но сколько дивныхъ противоположностей, сколько живописнаго разнообразія въ этомъ великомъ единствѣ! И главный агентъ всѣхъ этихъ проти

воположностей — есть Апеннинская цѣпь, примыкающая къ южной оконечности французскихъ Альпъ. Сперва она тянется вдоль моря, какъ громадная стѣна, опираясь мѣстами на могучія предгорья, а затѣмъ описываетъ чрезъ Итальянскій полуостровъ огромную дугу и идетъ то съуживаясь въ гребень, то расширяясь въ узелъ, то расплываясь въ плоскогорье, или развѣтвляясь на второстепенныя цѣпи и выступы. Ее перерѣзываютъ во всѣхъ направленіяхъ рѣчныя долины и равнины, у подошвы ея утесовъ разстилаются озерные бассейны, то наполненные еще водою, то уже загроможденные наносами; надъ равнинами возвышаются вулканическіе конусы, правильная форма которыхъ такъ рѣзко отличается отъ неправильныхъ откосовъ Апеннинъ. Море, то привлекаемое, то отталкиваемое извилистостью полуостровнаго рельефа, изрѣзываетъ побережье рядомъ бухтъ, слѣдующихъ одна за другою съ извѣстною ритмичностью; почти всѣ онѣ образуютъ правильныя дуги отъ одного мыса къ другому. На сѣверѣ полуострова онѣ слабо врѣзываются въ землю, но на югѣ онѣ вдаются глубоко и закругляются въ настоящіе заливы. Эти бухты, въ географическомъ смыслѣ, представляютъ обвалы береговъ по линіи, параллельной цѣпи Аппенинъ, почти подъ прямымъ угломъ къ другой линіи обваловъ, образуемой берегами Иберіи [1]). Впрочемъ, эта форма полуострова относительно недавняя; нѣкогда существовала, вѣроятно, гранитная Италія, но теперь ея нѣтъ, и почти вся нынѣшняя Италія имѣетъ повѣйшее происхожденіе, какъ это свидѣтельствуютъ скалы Апеннинъ, параллельныя цѣпи и посредствующія равнины. Лишь въ эоценовую эпоху отдѣльные островки соединились въ сплошной полуостровъ.

Въ сравненіи съ такъ странно изрѣзанною и изорванною Греціею, Италія отличается бо́льшею сдержанностью очертаній. Горы ея тянутся болѣе правильными цѣпями, берега ея изрѣзаны не такъ глубоко, острова ея маленькихъ архипелаговъ, которые можно сравнить въ нѣкоторомъ родѣ съ кругомъ Цикладъ, не многочисленны; ея большіе острова имѣютъ почти геометрическія очертанія и совершенно континентальный видъ. По общему очертанію своихъ береговъ, Италія представляетъ именно переходъ отъ веселой Греціи къ серьезной Иберіи, представляющей собою уже почти африканское плоскогорье. Географическое положеніе Италіи, такимъ образомъ, соотвѣтствуетъ развитію ея формъ.

Въ цѣломъ, Итальянскій полуостровъ представляетъ замѣчательную противоположность съ полуостровомъ Балканскимъ; послѣдній обращенъ

---

[1]) Ed. Süss, *Der Antlitz der Erde.*

преимущественно къ Эгейскому морю и смотритъ на востокъ, между тѣмъ какъ собственно полуостровная часть Италіи, къ югу отъ ломбардскихъ равнинъ, оживлена гораздо болѣе съ западной стороны: берега Тирренскаго моря представляютъ наибольшее число наиболѣе безопасныхъ портовъ; къ этому же морю, представляющему свободное сообщеніе съ океаномъ, открываются самыя обширныя и самыя плодородныя равнины и, слѣдовательно, съ этой же стороны къ западу отъ Апеннинъ расположены тѣ поля, которыя прокармливали самое дѣятельное, самое интеллигентное населеніе, политическая роль котораго была такъ замѣчательна. Эта же сторона есть сторона солнечная, между тѣмъ какъ адріатическій склонъ, обращенный къ почти закрытому морю, составляющему простой заливъ, можетъ быть названъ стороною тѣни. Правда, на востокѣ южной оконечности полуострова равнины Апуліи богаче и населеннѣе горныхъ мѣстностей Калабріи, но, тѣмъ не менѣе, близость Сициліи не можетъ не доставить рано или поздно полнаго преобладанія западному побережью. Во времена великаго вліянія Греціи, когда точкою отправленія всякой инціативы служили Аѳины, города Малой Азіи и острова Эгейскаго моря, неоспоримое преимущество надъ городами западнаго берега имѣли республики, обращенныя къ востоку—Тарентъ, Локры, Сибаритъ, Сиракузы, Катана. Такимъ образомъ, физическое строеніе Италіи необыкновенно способствовало движенію цивилизаціи, которая шла съ юго-востока на сѣверо-западъ, отъ Іоніи къ Галліи. Тарентскимъ заливомъ и восточными берегами Великой Греціи, Италія была совершенно открыта греческому вліянію, и именно съ этой стороны она получила великій толчокъ жизни. Далѣе къ сѣверу, полуостровъ, такъ сказать, оборачивается къ западу, чѣмъ значительно облегчается обмѣнъ идей съ западной Европой. Благодаря этому возникъ проходъ черезъ Апеннинскую цѣпь; физическая конфигурація Италіи обусловила распространеніе цивилизаціи исторически съ юго-востока на сѣверо-западъ, отъ Іоніи къ Галламъ.

Италія была центромъ цивилизованнаго міра въ теченіе почти двухъ тысячъ лѣтъ, отъ паденія Карѳагена до открытія Америки. Гегемонію свою она поддерживала то силою завоеванія и организаціи, какъ это дѣлалъ „Вѣчный Городъ“, то, какъ во времена Флоренціи, Генуи и Венеціи,—силою генія, относительною свободою учрежденій, развитіемъ наукъ, искусствъ и торговли. Главные дѣятели двухъ великихъ историческихъ событій: политическаго объединенія средиземныхъ народовъ подъ властью Рима и, позднѣе, обновленія человѣческаго духа, такъ удачно названнаго „Возрожденіемъ“, принадлежали Италіи. Поэтому важно

найти тѣ условія географической среды, которымъ обязанъ латинскій полуостровъ тою преобладающею ролью, которую онъ игралъ въ мірѣ въ теченіе этихъ двухъ періодовъ жизни человѣчества.

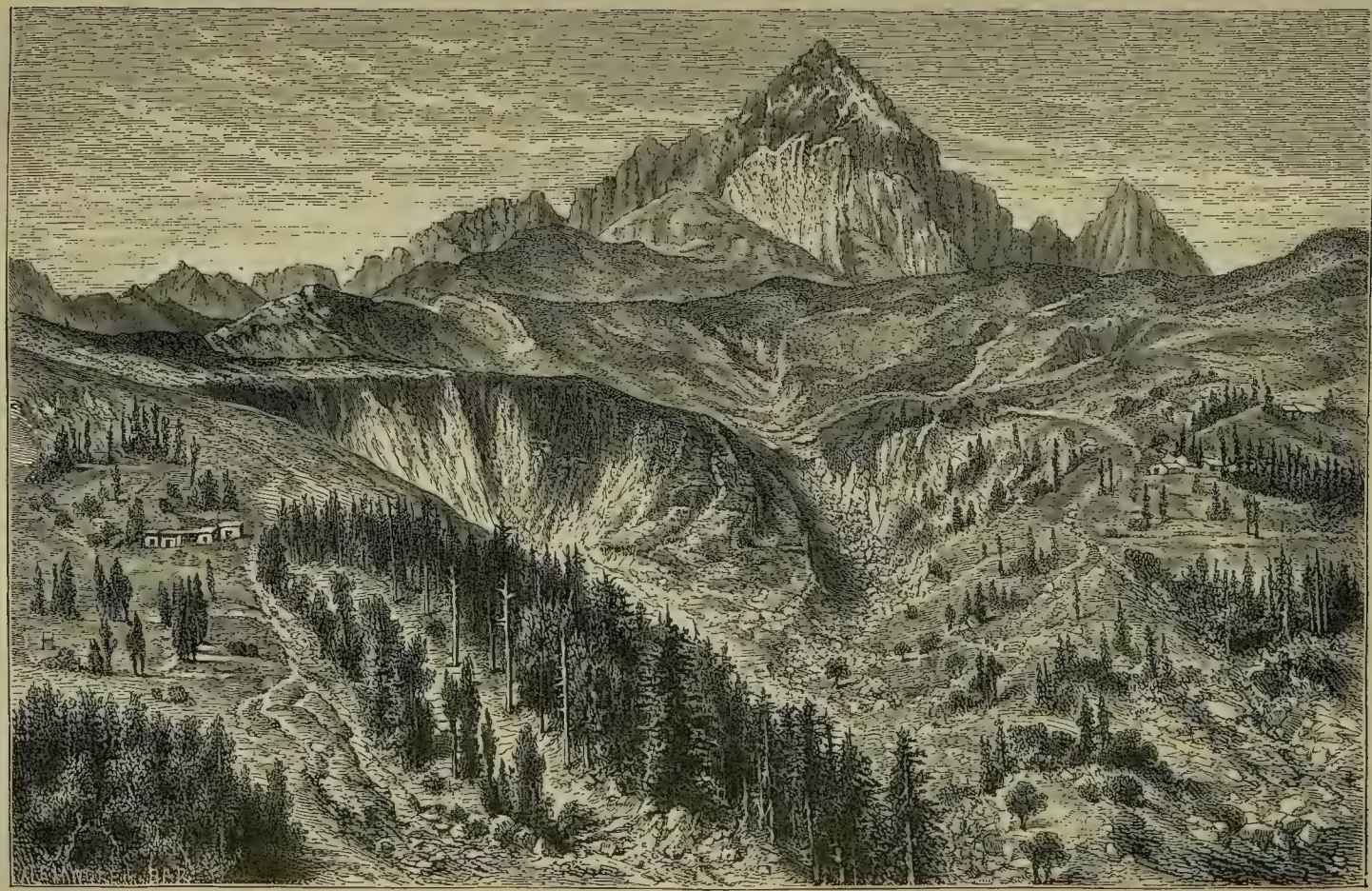
Момзенъ и другіе историки считаютъ счастливымъ положеніе Рима, какъ торговаго рынка Дѣйствительно, съ первыхъ временъ своей исторіи, онъ былъ складочнымъ мѣстомъ товаровъ для всего сосѣдняго населенія. Расположенный въ центрѣ круга, образуемаго холмами, на берегахъ судоходной рѣки, онъ обладалъ еще тѣмъ преимуществомъ, что стоялъ на общей границѣ трехъ народностей—латинянъ, сабинянъ и этрусковъ, и поэтому, когда онъ, благодаря завоеванію, сталъ хозяиномъ всей окружающей страны, значеніе его, какъ торговаго мѣста, не могло не сдѣлаться замѣчательнымъ. Но какъ бы ни было велико значеніе этой мѣстной торговли, этого еще не было достаточно для того, чтобы Римъ сдѣлался всемірнымъ городомъ. Городъ этотъ не имѣетъ того исключительнаго положенія, какъ Александрія, Константинополь или Бомбей, которое дѣлаетъ ихъ пунктами неизбѣжнаго стеченія товаровъ цѣлаго міра. Для общей торговли онъ расположенъ даже довольно дурно. Высокія Апеннины, окружающія полукругомъ область Рима, недавно еще были труднымъ для перехода валомъ, и купцы старались избѣгать его; прилежащее къ Риму море негостепріимно, а портъ Остія представляетъ лишь плохую гавань, въ которую не могли входить безъ опасности даже маленькія галеры древняго времени. Если бы не человѣческій трудъ, не прорытіе морскаго канала, искусственныхъ бассейновъ, не устройство набережныхъ и плотинъ,—устье Тибра никогда не могло бы служить для большой торговли. Въ настоящее время дѣйствительными портами Рима служатъ другіе города: Чивита-Веккія. Санто-Стефано, Неаполь и Анкона.

Поэтому, положеніе Рима, какъ торговаго центра, можетъ только отчасти объяснить могущество этого центральнаго города. Истинное же основаніе величія Рима, давшее ему изумительную силу политической ассимиляціи древняго міра, независимо отъ причинъ, кроющихся въ историческомъ движеніи самаго народа,—составляетъ его абсолютно центральное положеніе. занимавшееся имъ по отношенію къ тремъ большимъ концентрическимъ кругамъ, соотвѣтствующимъ, для города Рима, тремъ фазисамъ его историческаго развитія. Въ первыя времена борьбы за существованіе съ сосѣдними республиками, тотъ народецъ, который былъ предкомъ гордыхъ римскихъ гражданъ, находился, по счастію, въ центрѣ хорошо ограниченной равнины, которую окружаютъ хотя не высокія, но достаточно защищающія отъ внезапнаго нападенія горы. Когда Римъ,

восторжествовавшій послѣ нѣсколькихъ вѣковъ борьбы надъ всѣми своими сосѣдями, подчинилъ или, вѣрнѣе, истребилъ окрестныхъ горцевъ, онъ уже сдѣлался заранѣе распорядителемъ всей остальной Италіи, такъ какъ занималъ географическую ея средину, центръ естественнаго тяготѣнія. Къ сѣверу простирались обширныя равнины циспаданской и транспаданской Галліи, къ югу—гористыя области, усѣянныя препятствіями; но и съ этой стороны не могло быть серьезнаго сопротивленія, ибо варварскіе народцы этихъ плоскогорій и горъ были въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ просвѣщенными гражданами греческихъ городовъ по окраинѣ полуострова. Между этими двумя столь различными элементами невозможенъ былъ союзъ противъ общаго непріятеля, и даже сами эллинскіе города, разсѣянные на огромномъ протяженіи побережья, не умѣли соединиться для сопротивленія. Итальянскіе острова: Сицилія, Корсика, Сардинія, были населены недостаточно сплоченнымъ населеніемъ, чтобы противиться могуществу римлянъ. Такимъ образомъ, къ первоначальному владѣнію присоединяется второй кругъ, кругъ завоеваній, который можно назвать кругомъ возрастанія; при этомъ оказалась еще одна неоцѣненная выгода, именно,—что оба конца итальянскаго міра: паданская равнина и Сицилія, были двумя богатыми житницами.

Поэтому Римъ, обезпеченный необходимыми припасами, могъ продолжать свои побѣды. Какъ Римъ находится въ центрѣ Италіи, такъ Италія—въ центрѣ Средиземнаго моря. Притягательная сила великаго города заставляетъ себя чувствовать повсюду: на востокѣ—Иллирія, Греція, Египетъ, на югѣ—Ливія, Мавританія, на западѣ—Иберія, на сѣверо-западѣ—Галлія и на сѣверѣ альпійскія страны—наполнили собою вскорѣ третій кругъ, кругъ имперіи.

Пока продолжалось географическое равновѣсіе средиземнаго міра, Римъ сохранялъ свое могущество; но границы вселенной мало-по-малу раздвигались, и съ тѣхъ поръ, какъ Римъ своими войнами противъ парѳянъ и нашествіями на внутреннюю Германію, вступилъ въ столкновеніе съ одной стороны съ востокомъ, съ другой—съ тѣми неимѣющими опредѣленныхъ границъ странами, въ которыхъ бродили варвары.—„Городъ“ пересталъ быть міровымъ центромъ и великая жизнь европейскихъ народовъ сосредоточилась на сѣверѣ и сѣверо-западѣ. Уже въ концѣ имперіи Римъ въ Италіи замѣнился Миланомъ и Равенною, изъ которыхъ послѣдній сдѣлался столицею экзархата, а потомъ Готской имперіи. Паденіе города Цезарей было окончательное. Правда, императоровъ замѣнили папы—тѣ же высшіе жрецы, хотя и новаго культа. И какъ тѣнь слѣдуетъ за тѣломъ, такъ преданіе хотѣло продолжить политическія кон-



ВИДЪ МОНТЕ ВИЗО СЪ КІАФРЕДО.

ституціи далѣе предѣла ихъ природной живучести: единство церкви смѣнило собою единство имперіи. Верховность Рима сдѣлалась настоящимъ политическимъ и религіознымъ догматомъ. Но если папы, сохранял за собою управленіе душами, пребывали всегда въ Римѣ, то истинные властители „Священной Римской имперіи", какъ въ средніе вѣка, такъ и въ началѣ нынѣшняго вѣка, оставались по ту сторону Альпъ. Они искали въ Италіи только освященія своей власти, но самую власть получали инымъ путемъ. Народы, привыкшіе повиноваться, тщетно хотѣли-было поддержать власть, такъ долго господствовшаго надъ ними Рима, но попытка эта основывалась на одной иллюзіи: перемѣнилась не только ось цивилизованнаго міра, но и самой Италіи: отнынѣ иниціатива должна была исходить уже изъ Павіи, Флоренціи, Генуи, Милана, Венеціи, Болоньи и даже Турина. Если Римъ, хотя и павшій, силою вещей, получилъ снова нѣкоторое значеніе и даже сдѣлался столицею, то это потому, что Италія хотѣла, во что бы то ни стало, возвратить ему территорію и что вслѣдствіе нѣкотораго археологическаго предразсудка имя Рима она считаетъ символомъ будущаго могущества. Но, чтобы ни дѣлали, это все-таки искусственный центръ Италіи: тысяча пять сотъ лѣтъ исторіи совершенно измѣнили всѣ географическія условія полуострова.

Объединеніе Италіи въ теченіе послѣдняго столѣтія стало политическимъфактомъ и, за исключеніемъ нѣкоторыхъ цизальпинскихъ округовъ Швейцаріи и Тироля, административныя границы страны совпадаютъ съ границами естественными. Сила совершившагося факта освятила географическую индивидуальность Италіи и теперь удивляются, что эта страна была долго раздѣлена на отдѣльныя государства. Однако, это большое цѣлое полуострова представляло значительныя мѣстныя различія по расположенію бассейновъ и склоновъ. Острова, равнины, окруженныя горами, крутые берега, отдѣленные отъ внутренности страны обрывистыми скалами, составляли отдѣльныя страны, населенія которыхъ различнаго происхожденія: галльскаго, этрусскаго, латинскаго, пелазгійскаго, греческаго или сикульскаго,—естественно, стремились жить собственною жизнью, независимо отъ своихъ сосѣдей. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сообщеніе между долинами было такъ трудно, что море составляло самую обыкновенную дорогу. Форма полуострова, длина котораго отъ Альпъ до Іоническаго моря въ пять разъ больше средней ширины и который раздѣляется Апеннинами на двѣ отдѣльныя параллельныя полосы, дѣлала неизбѣжнымъ дробленіе территоріи на отдѣльныя и даже враждебныя государства. Правда, иногда итальянскія провинціи подчинялись господству одного властителя, но это единство всегда, до новѣйшихъ временъ, дости-

галось силою и разрушалось самими-же народами. Страсть національнаго единства, сдѣлавшая современную Италію театромъ столь великихъ событій, одушевляла весьма небольшое число гражданъ въ республикахъ среднихъ вѣковъ. Они умѣли соединяться противъ общаго врага, но какъ только проходила опасность,—ихъ интересы расходились снова и они ссорились изъ-за какой нибудь бездѣлицы и даже обращались къ чужеземной помощи.

Въ срединѣ четырнадцатаго вѣка, римскій трибунъ Кола-ди-Ріензи сдѣлалъ воззваніе ко всѣмъ итальянскимъ городамъ и заклиналъ ихъ „свергнуть иго тирановъ и образовать святое національное братство, освободить Римъ, а слѣдовательно вмѣстѣ съ нимъ и всю святую Италію". Стало быть, уже пятьсотъ лѣтъ тому назадъ говорили на языкѣ современныхъ апостоловъ итальянскаго единства. Вѣстники Ріензи ходили по всему полуострову съ серебрянымъ батогомъ въ рукѣ, разнося по городамъ выраженіе дружбы и приглашая ихъ посылать своихъ депутатовъ въ будущій парламентъ „Вѣчнаго Города". Всѣ итальянцы получали отъ Ріензи титулъ римскихъ гражданъ, который давали имъ Цезари. Но это были классическія подражанія. Полный воспоминаній о древнемъ владычествѣ, Ріензи объявлялъ, что Римъ не переставалъ быть „властелиномъ міра, что онъ вполнѣ обладаетъ правомъ управлять народами". Онъ хотѣлъ воскресить прошедшее, а не вызвать новую жизнь. Потому-то его дѣло исчезло, какъ мечта, именно самые дѣятельные и самые интеллигентные города Италіи: Флоренція и Венеція, видѣли въ трибунѣ лишь химеру мечтателя. *Siamo Veneziane, poi Cristiani* (Мы прежде всего Венеціянцы а потомъ уже христіане)—говорили гордые граждане Венеціи въ пятнадцатомъ вѣкѣ, не думая даже называть себя итальянцами и не зная, что дѣти ихъ должны будутъ страдать и сражаться такъ храбо за независимость полуострова. Впрочемъ, тутъ не слѣдуетъ заблуждаться: неопредолимое движеніе, толкавшее итальянскій народъ къ политической независимости, вовсе не исходило изъ глубины массъ, и милліоны людей въ Сициліи, Сардиніи, Калабріи и даже Ломбардіи не понимаютъ еще и нынѣ смысла совершившихся перемѣнъ.

Недавно еще Италія, по презрительному выраженію одного изъ ея повелителей, была простымъ „географическимъ терминомъ". Если выраженіе это превратилось въ живую дѣйствительность, то страна обязана этимъ, быть можетъ, столь частымъ нашествіямъ иностранцевъ. Подъ жестокимъ гнетомъ испанцевъ, французовъ, нѣмцевъ, которые поочередно кидались на ея равнины, итальянцы перестали наконецъ сознавать другъ друга братьями. Съ перваго взгляда казалось бы, что полуостровъ со

своей континентальной окраины совершенно защищенъ полукруглою стѣною Альпъ; но эта защита—призрачная. Дѣйствительно, хотя горы обращены къ итальянскимъ равнинамъ своимъ самымъ крутымъ и, повидимому, совершенно неприступнымъ склономъ, но за то наружный склонъ со стороны Франціи, Швейцаріи и нѣмецкой Австріи гораздо отложе, такъ что всѣ завоеватели, привлекаемые счастливымъ климатомъ и громадными богатствами Италіи, могли безъ особеннаго затрудненія подняться въ альпійскія ущелья, откуда они быстро спускались прямо въ равнины. Такимъ образомъ, альпійскій „барьеръ" составляетъ настоящій барьеръ только для самихъ итальянцевъ и, за исключеніемъ временъ римскихъ завоеваній, онъ всегда былъ уважаемъ ими, да и переходить его не стоило, ибо за нимъ ни одна страна не стоила Италіи. Напротивъ, французы, швейцарскіе союзники и нѣмцы смотрѣли на Италію какъ на рай: это была страна ихъ мечтаній, страна очарованная и столь прекрасная, что стоило спуститься и овладѣть ею, и исторія разсказываетъ намъ, какъ они, повинуясь жаждѣ завоеваній, обагряли кровью эти желанныя ими богатыя равнины. И самымъ возвращеніемъ своей независимости итальянская нація обязана не столько своей собственной энергіи, столько соперничеству своихъ сосѣдей.

Открытая для внѣшнихъ нападеній и постепенно лишенная исторіею занимаемаго ею нѣкогда центральнаго положенія, Италія окончательно потеряла *primato*, или принципатъ, который хотѣли возстановитъ для нея нѣкоторые ея, увлеченные исключительнымъ патріотизмомъ, сыны. Но если она не первая по политической власти, если другіе народы опередили ее въ промышленности, торговлѣ и даже въ литературномъ и научномъ движеніи, то за то она не имѣетъ соперниковъ по богатству памятниковъ искусства. Облагодѣтельствованная уже самою природою, Италія одна изъ всѣхъ странъ міра обладаетъ такимъ множествомъ городовъ, замѣчательныхъ своими дворцами, сокровищами статуй, картинъ и украшеній всякаго рода. Во многихъ провинціяхъ каждая деревня, каждая группа домовъ кидается въ глаза то фресками или скульптурными украшеніями, то какимъ нибудь рѣзнымъ карнизомъ, смѣло перекинутою лѣстницею или живописною галлереею; художественный инстинктъ вошелъ въ плоть и въ кровь населенія. Поэтому совершенно естественно, что итальянскій мужикъ строитъ себѣ жилище, раскрашиваетъ стѣны и садитъ деревья такъ, чтобы они эффектно гармонировали съ окружающею перспективою. Наибольшую прелесть дивной Италіи придаетъ то, что вездѣ искусство вторитъ природѣ для очарованія путешественника. Сколько есть ломбардскихъ, венеціанскихъ, тосканскихъ художниковъ, имена которыхъ

стали бы знаменитыми во всякой другой странѣ, но здѣсь забыты навсегда потому только, что ихъ много, или что случай заставлялъ ихъ работать въ какомъ нибудь мѣстечкѣ, вдалекѣ отъ большихъ дорогъ.

Но не только по красотѣ своихъ памятниковъ и по удивительному множеству художественныхъ произведеній, Италія остается въ теченіе двухъ тысячъ лѣтъ первою страною и заслуживаетъ того, что въ нее стекаются любознательные люди со всѣхъ концовъ земли, но и по воспоминаніямъ всякаго рода, оставленнымъ ей исторіею. Въ странѣ, гдѣ съ такихъ давнихъ временъ тѣснится просвѣщенное населеніе, начало каждаго города естественно должно теряться въ мракѣ преданій и миѳовъ. На мѣстѣ, гдѣ нынѣ возвышается совершенно новый городъ, находился нѣкогда городъ римскій, а не то стоялъ греческій, этрусскій или галльскій. Всякая крѣпость, всякій загородный домъ стоятъ на мѣстѣ крѣпостцы, виллы римскаго патриція; всякая церковь занимаетъ мѣсто древняго храма: религіи измѣнились, но алтари боговъ и святыхъ выстроились на освященныхъ мѣстахъ и мертвые хоронились вѣками одинъ за другимъ въ землѣ, которая освящена авгурами и жрецами различныхъ культовъ. Интересно изучать на мѣстѣ эти различные періоды, наслоенные, такъ сказать, какъ остатки зданій, воздвигавшихся одно за другимъ на одномъ мѣстѣ. Вліянію этой жизни націи, концентрировавшейся съ такою дѣятельностью въ историческихъ мѣстностяхъ Италіи, подвергаются всѣ, даже невѣжды, и всѣ чувствуютъ, что здѣсь нѣкогда была одушевлена всякая пылинка.

Послѣ долгаго періода забытья и порабощенія, итальянскій народъ снова занялъ одно изъ наиболѣе выдающихся мѣстъ среди современныхъ народовъ. Полуостровъ сильно измѣнилъ свой видъ съ тѣхъ давнихъ временъ, когда бродившія по немъ стада доставили ему, какъ говоритъ Момзенъ, имя Италіи (Виталія или Страна скота); нынѣ же ея такъ хорошо обработанныя земли, удивительные сады, торговые города могли бы доставить ей другое названіе. Выходы Альпъ и ея положеніе въ центрѣ Средиземнаго моря даютъ ей возможность управлять всѣми путями изъ Франціи, Германіи и Австро-Венгріи, которыя сходятся къ заливамъ Генуэзскому и Венеціанскому. Она располагаетъ огромными и возрастающими средствами въ своихъ каменоломняхъ, сѣрныхъ и желѣзныхъ рудникахъ, винахъ земледѣльческихъ продуктахъ всякаго рода. Ея ученые и изобрѣтатели не уступаютъ ученымъ другихъ странъ цивилизованнаго міра. Населеніе страны возрастаетъ быстро; по отношенію къ поверхности территоріи оно значительнѣе населенія Франціи; по гу-

стотѣ—одно изъ первыхъ въ Европѣ, и эмиграціи изъ Италіи болѣе всѣхъ другихъ странъ способствуютъ заселенію пустынь Южной Америки.

Поверхность Италіи	286,588 кв. километр.
	(по Стрельтицкому 288,539).
Населеніе 31 декабря 1884 г. . .	29.361,030 человѣкъ.
Вѣроятное въ 1886 г.	29.960,000 „
На километръ приходится . . .	105 „

II.

Бассейнъ По.

ПІЕМОНТЪ, ЛОМБАРДІЯ, ВЕНЕЦІЯ и ЭМИЛІЯ.

Большая долина По, называемая иногда Верхнею Италіею, такъ какъ занимаетъ сѣверную часть полуострова, должна была бы называться наоборотъ—Нижнею Италіею, потому что она занимаетъ болѣе низкую поверхность, чѣмъ другія группы провинцій. Эта область рѣзко ограничена, ибо входитъ въ составъ самаго корпуса материка и съ южной стороны обнесена длиннымъ валомъ Апеннинъ. Нынѣ это рѣчная долина, а еще, вѣроятно, въ пліоценовую эпоху она была морскимъ заливомъ. Заливъ этотъ мало-по-малу былъ загроможденъ наносами, принесенными рѣками, и постепенно приподнятъ дѣйствіемъ внутреннихъ силъ, между тѣмъ какъ выше ручьи увеличивали равнину, промывая и подтачивая основанія горъ. Такимъ образомъ, благодаря работѣ многихъ вѣковъ, бассейнъ получилъ весьма правильный наклонъ. Въ ту эпоху, когда воды Адріатическаге моря проникали въ долины между подошвами Монъ-Розы и Визо, Италія соединялась съ материкомъ только посредствомъ тонкаго стебелька Лигурійскихъ Апеннинъ, если только не принимать въ соображеніе неразрушеннаго тогда еще моремъ горнаго перешейка, соединявшаго Корсику и Сардинію съ континентальными Альпами.

Ни одна страна Европы не окружена такимъ горнымъ поясомъ и весьма немного странъ въ мірѣ, которыя можно было бы сравнить съ Италіею по величію горизонта. На югѣ Апеннины возвышаются надъ поясомъ лѣса и своими скалами, лѣсами и пастбищами составляютъ совершенную противоположность однообразной равнины; на западѣ и сѣверѣ отъ ущелья Тенде до проходовъ Истріи возвышаются во всемъ своемъ величіи покрытыя льдами Альпы. Надъ равнинами Салюса возвышается

Визо, названный такъ за красоту своего вида и господствующій надъ всѣмъ гребнемъ своею отдѣльною высокою пирамидою; изъ маленькихъ озеръ ея ледниковъ вытекаетъ журчащій ручей, который принимаетъ названіе По; къ сѣверо-западу отъ Турина, опирается на огромныя предгорья Большой Парадизъ съ громадными ледниками; недалеко отъ этой центральной группы является Гривола, представляющая, можетъ быть, самую изящную и наиболѣе граціозно-изваянную вершину Альпъ; въ углу всей горной альпійской системы возвышается, какъ островъ надъ моремъ горъ, куполъ Монъ-Блана; громадная масса Монъ-Розы, увѣнчанная своею семиконечною діадемою, выдвигаетъ свои выступы въ Швейцарію. Затѣмъ слѣдуютъ группа Сплюгена: Ортелесъ, Адамелло, Мармолата и многія другія вершины во всей свойственной имъ красѣ. Когда, въ ясное солнечное утро, вы видите съ миланскаго купола бо́льшую часть безконечнаго амфитеатра, раскинувшагося вокругъ зеленѣющей равнины и ея безчисленныхъ городовъ, вы можете восторгаться тѣмъ, что дожили до созерцанія этой величественной картины.

Альпы, опоясывающіе Италію, взятые въ цѣломъ, могутъ быть разсматриваемы, какъ географическая принадлежность сосѣднихъ странъ. Та же самая причина, которой итальянскій склонъ обязанъ своею прелестью, сдѣлала эти горы принадлежностью Галліи и Германіи. Весь склонъ Альпъ съ южной стороны можно охватить однимъ взглядомъ: вы созерцаете въ одно и то же время и поля, засаженныя виноградниками и шелковицею, и лѣса буковъ и лиственницъ, и луга, и обнаженныя скалы, и ослѣпительные льды; но земледѣлецъ рѣшается пускаться въ эти неприступныя мѣста только вслѣдствіе крайней бѣдности. На другомъ, болѣе длинномъ и, сверхъ того, обращенномъ къ сѣверу склонѣ горы представляется вообще не столь разнообразный видъ, земли здѣсь не столь плодородны, но за то жители верхнихъ долинъ и плоскогорій имѣютъ то преимущество, что могутъ легко переступать хребетъ и спускаться по южнымъ склонамъ. Причина этнологическаго преобладанія, выпавшаго на долю народовъ гальскаго и германскаго происхожденія, независимо отъ соблазновъ, порождаемыхъ въ завистливыхъ горцахъ видомъ равнинъ Италіи, заключается также и въ самомъ строеніи Альпъ. Внѣ альпійскаго пояса итальянскій языкъ слышится только въ отдѣльныхъ пунктахъ, между тѣмъ какъ элементы французскій и германскій весьма сильны на внутреннемъ склонѣ.

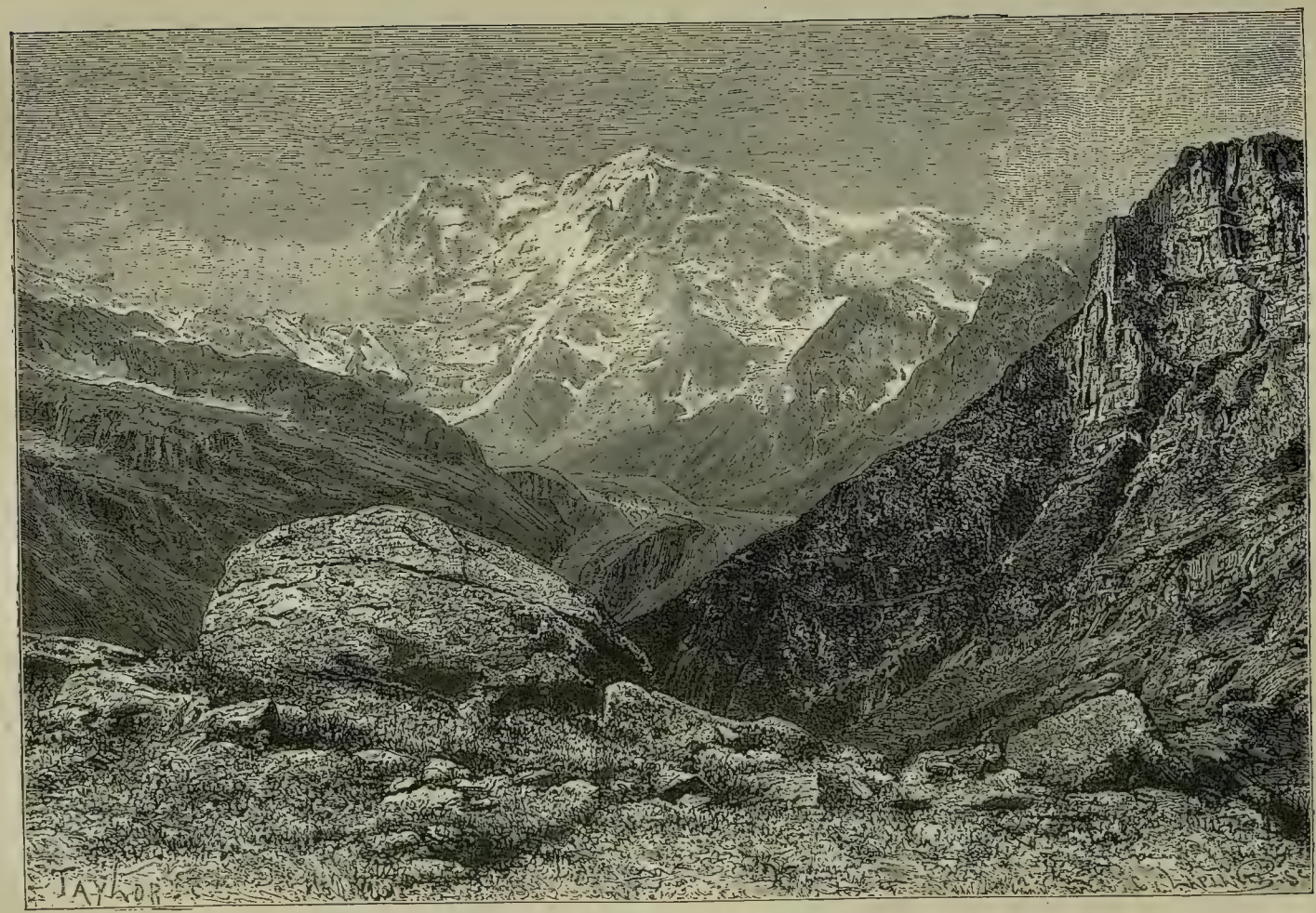
По сю сторону линіи, отдѣляющей бассейнъ По отъ Адижа и венеціанскихъ рѣкъ, Италія владѣетъ нераздѣльно лишь немногими изъ большихъ горныхъ группъ, образуемыхъ системою Альпъ. Самую значитель-

ную изъ нихъ по высотѣ своихъ вершинъ, по массивности предгорій, по количеству льдовъ и обилію водъ, представляетъ Большой Парадизъ, возвышающійся къ югу отъ Доры Балтеи, между группою Монъ-Блана и равнинами Пьемонта. Странно, что эта гордая группа смѣшивалась и теперь еще во многихъ документахъ смѣшивается съ другимъ, гораздо болѣе низкимъ гребнемъ, который находится въ 20 километрахъ къ западу, на французской границѣ, рядомъ съ ущельемъ или „горою“ Изераномъ. Но это мнимая гора Изеранъ, имя которой фигурируетъ на всѣхъ картахъ, вовсе не существуетъ, какъ доказалъ впервые англійскій путешественникъ Матью, и приписываемая горѣ высота, превышающая 4,000 метровъ, составляетъ въ дѣйствительности высоту Большаго Парадиза. Въ началѣ нынѣшняго вѣка въ этой области Альпъ были весьма немногіе посѣтители, и въ теченіе почти пятидесяти лѣтъ никто не былъ въ состояніи устранить то заблужденіе, которому подвергся геодезистъ Корабефъ, давшій названіе прохода измѣренной имъ большой вершинѣ. На картѣ инженера Бергоніо, относящейся къ концу семнадцатаго вѣка, есть также мнимая гора Изеранъ, обозначенная въ большомъ разстояніи къ сѣверо-востоку отъ называемаго этимъ именемъ ущелья.

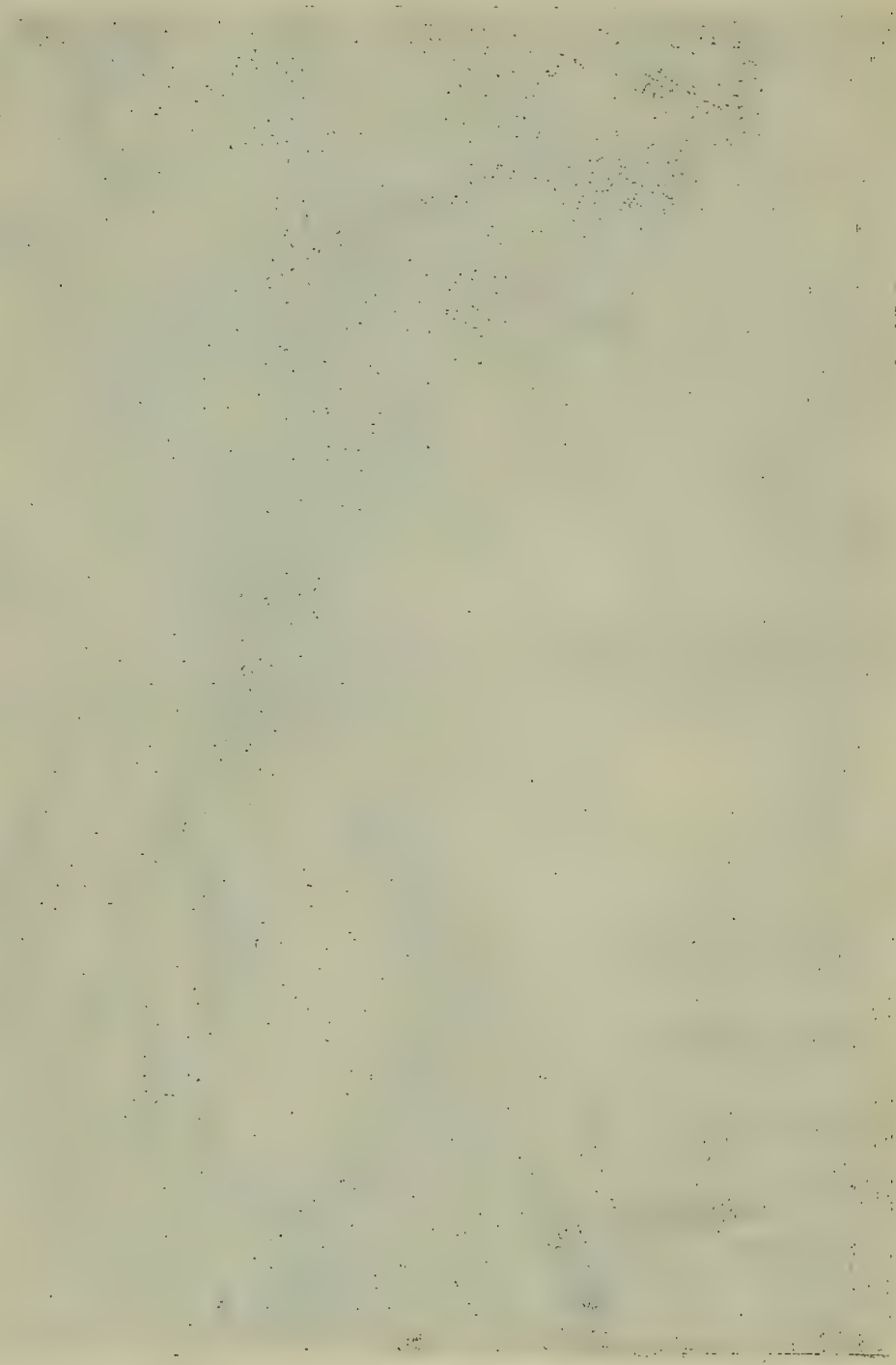
Другія группы итальянскихъ Альпъ, возвышающіяся отдѣльно къ югу отъ средняго хребта системы, уже не такъ высоки, какъ Большой Парадизъ. Правда, Италія въ этой части своихъ окраинъ лишена Швейцаріей и австрійскимъ Тиролемъ значительныхъ областей, которыя по склону водъ, а также по языку и нравамъ жителей, должны были бы принадлежать повидимому ей. Вся верхняя долина Тессина и даже нѣкоторыя изъ долинъ, изливающія свои воды въ Адду, сдѣлались гельветическими землями; весь верхній бассейнъ Адижа, до озера Гарда включительно—принадлежитъ политически Австріи, точно такъ же какъ и верхняя Брента. Двѣ единственныя альпійскія рѣки южнаго склона, которыя текутъ почти цѣликомъ по итальянской почвѣ,—это Піаве и Таліаменто. Вслѣдствіе этого нарушенія естественныхъ границъ, многія горы съ ледяными вершинами, хотя географически и расположены къ югу отъ центральной альпійской цѣпи, тѣмъ не менѣе приходятся либо въ Австріи, либо на границѣ. Таковы, между гигантами центральной Европы, Ортелесъ, Мармолата, Симонъ делла Пала, съ вертикальными склонами, которые такъ же грандіозны, какъ и склоны Сервена. Что касается до страшной Монте делле Дисграціе, къ югу отъ Бернины, то это вершина—итальянская; группа Камоника, которая ограпичиваетъ съ сѣвера ущелье горы Тональ, знаменитое въ народныхъ легендахъ и надъ, которымъ господствуетъ Адамо или Адамелло, весь покрытый ледниками

спускающимися къ верхнему Адижу,—главными вершинами своими точно такъ же принадлежитъ Италіи; наконецъ, далѣе на востокѣ, въ бассейнѣ Піаве, гора Антелао, представляющая громадную изрытую пирамиду, съ снѣжнымъ обелискомъ на вершинѣ, и многія другія, хотя и не столь высокія горы, выдвигаются своими выступами на венеціанскую территорію. Въ главныхъ ущельяхъ и у входа въ большія альпійскія равнины недавно построено нѣсколько метеорологическихъ станцій. Самая высокая изъ этихъ метеорологическихъ обсерваторій находится въ ущельѣ Вальдоббіа, къ югу отъ Монъ-Розы, на высотѣ 2,548 метровъ, почти на 300 метровъ выше станціи на Pic-du-Midi Бичорра.

Бо́льшая часть альпійскихъ группъ Ломбардіи и Венеціи, представляющихъ собою предгорья между главною цѣпью и равниной, по своей средней высотѣ почти равны Апеннинамъ и не достигаютъ границы постоянныхъ снѣговъ. Но за то видъ ихъ тѣмъ красивѣе. На вершинѣ ихъ вы находитесь между двумя поясами и контрастъ является полнымъ: во всѣхъ окружающихъ долинахъ виднѣются города и обработанныя земли, между тѣмъ какъ къ сѣверу рисуются на небѣ блестящіе профили снѣжныхъ вершинъ и пустынь, возвышающихся одни надъ другими. Нѣкоторыя изъ этихъ горъ, по своей удивительной панорамѣ, красивѣе большихъ вершинъ и ежегодно привлекаютъ къ себѣ толпу посѣтителей Италіи. Въ особенности любятъ обыкновенно взбираться на горы, окруженныя синими водами ломбардскихъ озеръ, какъ Моттероне, озера Маджоре, Женерозо, возвышающійся пирамидою среди равнинъ, въ которыхъ голубыя воды перемѣшиваются съ зеленью лѣсовъ и луговъ, на величественныя горы, возвышающіяся между двумя заливами озера Комо и моремъ зелени Бріанцы, на продолговатую вершину Монте Бальдо, выдвигающую свои выступы, какъ львиныя лапы, въ волны Гардскаго озера. Прекрасныя горы Вальтелины, или цѣпь Оробія, къ югу отъ впадины, по которой течетъ Адда въ своемъ верхнемъ теченіи,—уже не столь извѣстны, вслѣдствіе отдаленности отъ большихъ городовъ; но онѣ заслуживали бы такихъ же частыхъ посѣщеній, какъ и самыя знаменитыя вершины, расположенныя въ сосѣдствѣ съ равниною. Онѣ образуютъ настоящую *сіерру*, высотою среднимъ числомъ въ 2,800 метровъ, изрѣзаны весьма высокими ущельями и на сѣверныхъ своихъ склонахъ имѣютъ нѣсколько небольшихъ ледниковъ; у подошвы этихъ горъ можно подумать, что видишь Пиренеи. Что касается доломитовыхъ вершинъ, возвышающихъ свои стѣны между Тиролемъ и венеціанскими равнинами, то онѣ весьма своеобразны. Ихъ бѣлые утесы виднѣются сквозь зелень сосенъ и буковъ, и выдѣляющіеся изъ синевы озеръ и слегка окрашенные



ВИДЪ ГОРЫ РОЗЫ СЪ ГАЛЬКОРО.



въ розовый цвѣтъ и другіе тонкіе оттѣнки, онѣ производятъ удивительный эффектъ. Геологъ Рихтгофенъ и другіе ученые полагаютъ, что эти отдѣльныя группы представляютъ собою древніе коралловые острова, *атоллы*, поднявшіеся со дна моря до различныхъ высотъ отъ 2,000 до 3,300 метровъ. Какъ бы то ни было, горы эти придаютъ естественной красотѣ всѣхъ альпійскихъ мѣстностей чрезвычайную оригинальность цвѣта и вида.

Предгорья итальянскаго склона, точно такъ же, какъ и на сѣверномъ склонѣ Альпъ, въ Швейцаріи и Австріи, по мѣрѣ приближенія къ наносамъ равнины, представляютъ большею частью все болѣе и болѣе новѣйшія геологическія формаціи. Метаморфическія скалы, verrucano, доломиты и различные утесы въ высшихъ группахъ опираются на граниты, гнейсы, сланцы; затѣмъ слѣдуютъ преимущественно слои эпохъ тріасской и юрской; еще ниже—третичныя террасы и холмы мергеля, глины и скученнаго булыжника. Къ этой именно формаціи относится Монте Болька къ сѣверо-западу отъ Вероны, знаменитая въ геологическомъ мірѣ множествомъ открытыхъ въ ней ископаемыхъ животныхъ и растеній—Агассицъ насчиталъ тамъ не менѣе ста двадцати семи видовъ рыбъ, половина которыхъ существуетъ еще и въ настоящее время. Наконецъ, вся равнина Пьемонта и Ломбардіи, за исключеніемъ возвышающихся здѣсь отдѣльныхъ пригорковъ и рѣдкихъ клочковъ, оставшихся по ея краямъ морскихъ осадковъ, состоитъ изъ остатковъ, принесенныхъ потоками. Толщина ихъ еще вовсе неизвѣстна, ибо различныя измѣренія, произведенныя надъ глубинами этихъ кучъ, всѣ не доходили до твердой почвы. Если предположить, что отлогости Альпъ и Аппенинъ продолжаются однообразно подъ равниною, то дно громаднаго слоя булыжника приходилось бы на 1260 метровъ ниже поверхности! Очевидно, что масса осколковъ, оторванныхъ отъ боковъ Альпъ потоками и ледниками, не меньше по объему иной большой горной системы, и при этомъ сюда надо присоединить еще громадное количество ихъ, унесенное на дно морское.

Высоты нѣкоторыхъ вершинъ итальянскихъ Альпъ суть:

Монъ-Визо.	3,836 м.	Брюноне (цѣпь Оробіа)	3,161 м.
Большой Парадизъ . .	4,178 „	Моттероне (предгорье)	1,491 „
Монте делле Дисграція	3,680 „	Женерозо	1,728 „
Адамелло	3,556 „	Монте-Бальдо	2,228 „
Антелао	3,255 „	Монте-Болька	958 „

Большая равнина, которая, повидимому, составляетъ продолженіе горизонтальной поверхности Адріатическаго моря до подошвъ Монъ-Розы и Ви-

зо, окружаетъ собою, какъ море, полуострова, острова и мѣстами нѣсколько архипелаговъ. Третичные холмы сѣвернаго Монферата и Астезана, къ востоку и сѣверо-востоку отъ Турина, изрытые во всѣхъ направленіяхъ безчисленными ручьями, образуютъ горныя группы отъ пяти до семи сотъ метровъ высоты, совершенно отдѣленныя отъ Альпъ Лигуріи и Аппенинъ впадиною, по которой претекаетъ Танаро. У самаго основанія Альпъ, скалы Кавуръ и другія возвышенности изъ гранита, гнейса и порфира, возвышаются своими круглыми или пирамидальными вершинами надъ равнинами, которыя сглажены водами и правильно склоняются по теченію По. Къ югу отъ Піаве хребетъ Боско Монтелло въ венеціанскихъ равнинахъ представляетъ также совершенно островную массу; даже на берегу По, между Павіей и Піаченцою есть каменистый и песчаный холмъ, весьма богатый ископаемыми, на которомъ стоитъ деревня Санъ Коломбано съ виноградниками. Наконецъ, къ востоку отъ озера Гарда возвышаются среди равнины многія вулканическія группы, прикрытыя съ боковъ мѣловыми формаціями. Кратеры горъ Беричи около Виченца и холмовъ Эвганейскихъ неподалеку отъ Падуи не извергаютъ лавы уже съ незапамятныхъ временъ, но теплые и газовые источники, текущіе въ чрезвычайномъ изобиліи изъ трахитовыхъ и базальтовыхъ разсѣлинъ, свидѣтельствуютъ еще о значительной дѣятельности подземныхъ горновъ въ этой области Италіи. Въ сосѣднихъ Альпахъ, особенно въ окрестностяхъ Беллуно и Бассано, весьма часты землетрясенія, оттого ли что въ глубинахъ обрушивается и осѣдаетъ пещеристая почва, оттого ли, что скрытые горны лавы имѣютъ еще нѣкоторый жаръ.

Средній склонъ По:

Истокъ По	1,952 м.	Піаченца	66 м.
Салюсъ	366 »	Кремона	45 »
Туринъ	230 »	Мантуа	27 »
Павія (устье Тессина). .	100 »	Феррара	5 »

На сѣверномъ склонѣ Аппенинъ, по ту сторону По, обращенномъ къ вулканическимъ областямъ Вероны и Вицентина, тянется такой же поясъ, который хотя и не имѣетъ большаго значенія въ геологической исторіи полуострова, но весьма любопытенъ по совершающимся въ немъ явленіямъ. Въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ горнымъ хребтомъ, къ югу отъ Модены и Болоньи, изъ разсѣлинъ земли вырываются мѣстами струи водорода, особенно по близости серпентиновыхъ скалъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пользовались этимъ огнемъ для приготовленія извести и другихъ мелкихъ промышленныхъ работъ. Эти газовые токи—Пьетра Мала Порретта, Баригаццо—

представляютъ собою „горящіе фонтаны“, которые были такъ знамениты въ средніе вѣка, вслѣдствіе самопроизвольныхъ возгораній, свѣтившихъ по ночамъ путнику. Параллельно этому поясу горящихъ мѣстностей, но гораздо ниже, при самомъ переходѣ въ равнину, есть другая разсѣлина почвы, обнаруживающаяся рядомъ грязныхъ вулкановъ, изъ которыхъ самый знаменитый Сассуоло, близъ Модены. Самый большой изъ этихъ вулкановъ, Нирано, имѣетъ кратеръ около километра въ окружности: стѣнки кратера, изъ синей глины, достигаютъ 70 метровъ высоты, на внутренней его площадкѣ находится до сорока вторичныхъ мелкихъ кратеровъ. Другой вулканъ, Кверцола, расположенный въ 18 километрахъ къ югу отъ Реджіо, въ 1881 г. извергъ потокъ грязи длиною въ 400 метровъ; извержению предшествовало землетрясеніе. До Пьемонта включительно чрезвычайно изобильные теплые источники, особенно источники Акви, свидѣтельствуютъ, повидимому, объ остаткахъ вулканической дѣятельности.

Громадный полукругъ альпійскихъ долинъ, равнинъ и стелющихся у основанія амфитеатра горъ сохраняетъ еще многочисленные слѣды ледниковъ, которые съ начала нынѣшней геологической эпохи выступали изъ великой Сибири, снѣговъ занимавшей центръ Европы. Отъ долины Танаро въ лигурійскихъ Альпахъ, до долины Изонцо, спускающейся съ горъ Каринтіи, нѣтъ ни одного истока рѣки, который не представлялъ бы грудъ остатковъ принесенныхъ нѣкогда льдами и одѣтыхъ теперь растительностью. Большая часть древнихъ ледяныхъ потоковъ, изливавшихся въ равнины, превосходили длиною своею текущіе въ Швейцаріи по склонамъ Монъ-Розы и Финстераргона, и самые большіе изъ нихъ достигали такого развитія, что ихъ нельзя сравнивать даже съ ледниками Каракорума и Гималайя. Надо идти въ Гренландію или въ антарктическія полярныя страны, чтобы найти такія ледяныя рѣки, которыя могли бы напомнить тотъ видъ, какой представляли швейцарскія Альпы въ ледяной періодъ.

Уже одинъ изъ самыхъ маленькихъ потоковъ кристаллизованнаго снѣга, именно тотъ, который спускается съ горъ Тенде къ Кунео, имѣлъ не менѣе 46 километровъ длины. Ледникъ Доры Рипейры, въ которой стекались льды горъ Женевра, Табора и Сениса, былъ въ два раза длиннѣе и оставленныя имъ морены, возвышающіяся почти до самаго Турина представляютъ настоящій амфитеатръ холмовъ, мѣстами размытыхъ водою; простолюдины называютъ ихъ областью камней «*regione alle pietre*». Сѣвернѣе, всѣ ледяные потоки, родившіеся въ впадинѣ Пеннинскихъ Альпъ, отъ Большаго Парадиза до горной группы Монъ-Розы, соединялись въ одну рѣку въ 130 километровъ длиною, которая изливалась въ

*

равнину далеко за Иврею, и гигантскіе напосы которой оказываются на 330 и даже на 650 метровъ выше долины, въ которой текутъ теперь воды Доры Балтеи; простая боковая морена, „Заборъ“ или *Серра* Иврейская, скаты которой одѣты каштанникомъ, тянется на протяженіи 28 километровъ восточнѣе рѣки, подобно совершенно правильному наклонному валу. Большая же морена на западѣ, называемая холмомъ Броссо, не такъ замѣтна, потому что не столь высока, особенно въ сравненіи съ возвышающеюся за нею группою высокихъ Альпъ, но на югѣ, разорванный валъ передней морены тянется еще вполнѣ сохранившимся полукругомъ. Въ нагроможденныхъ остаткахъ, у подошвы древняго ледника, смѣшиваются разрушившіяся скалы Монъ-Блана съ скалами, составлявшими нѣкогда часть Маттергорна. И, однако же, этотъ удивительный, наиболѣе изслѣдованный въ своихъ подробностяхъ геологами Гюйо, Гастальди, Мартеномъ и др., ледяной потокъ значительно уступалъ близнецамъ-ледникамъ Тичино и Адды, которые, отъ Симплона до Стельвіо, текли къ югу въ котловины, занятыя нынѣ озерами Маджоре и Комо, наполняли боковыми своими вѣтвями извилистую впадину озера Лугано, и затѣмъ, пройдя отъ 150 до 190 километровъ, изливались въ равнины Ломбардіи, окружая многочисленными развѣтвленіями своей дельты, на подобіе острововъ, наиболѣе выдвигавшіеся впередъ отроги Альпъ. Къ востоку отъ этой сѣти ледниковъ, ледникъ Оліо или озеро Изео, длиною почти въ 110 километровъ, конечныя морены котораго, по измѣренію г. де-Мортилье, имѣютъ не менѣе 300 метровъ вышины, могъ быть второстепеннымъ потокомъ, но непосредственно за нимъ слѣдовала громадная и самая значительная въ южныхъ Альпахъ ледяная рѣка, именно рѣка долины Адижа. Отъ начала своего, въ горной группѣ Эцталя, до конечныхъ моренъ, къ сѣверу отъ Мантуи, эта твердая рѣка имѣла около 280 километровъ длины; одинъ изъ ея рукавовъ, выходившій въ долину Дравы, спускался въ равнины, гдѣ находится нынѣ Клагенфуртъ, между тѣмъ какъ главная масса направлялась къ югу по впадинѣ, въ которой течетъ Адижъ, затѣмъ обтекала двумя рукавами Монте-Бальдо, наполняла впадину Гардскаго озера и несла передъ собою настоящій полукруглый валъ высокихъ моренъ. Что касается другихъ ледниковъ, находившихся далѣе къ востоку, каковы ледники Бренты, Піаве, Тальяменто, то они, по необходимости, были сжаты въ болѣе тѣсныхъ границахъ, вслѣдствіе сравнительно небольшаго пространства ихъ бассейновъ.

Эрратическіе валуны, изъ коихъ нѣкоторые были величиною съ цѣлый домъ, теперь уже не очень многочисленны: ихъ разбиваютъ каменьщики, и если не позаботятся сохранить нѣкоторые ихъ образчики,

какъ національную собственность, то они скоро совсѣмъ исчезнутъ. Въ Піанеццѣ, при началѣ долины Сузы, есть одинъ серпентиновый валунъ, выдающаяся часть котораго, уже значительно обломанная, имѣетъ не менѣе 25 метровъ длины, 12 ширины, 14 вышины, приблизительно 2,500 кубическихъ метровъ въ объемѣ; на одномъ изъ его концовъ стоитъ часовня. Великолѣпные эрратическіе камни встрѣчаются также въ горахъ, которыя возвышаются между двумя развѣтвленіями озера Комо; одного такого валуна было бы достаточно на огромныя колонны окрестныхъ церквей и дворцовъ. Наконецъ, обращенный къ Альпамъ склонъ туринскихъ холмовъ точно также усѣянъ множествомъ блуждающихъ камней, но неизвѣстно еще, какимъ образомъ они могли попасть сюда, ибо морены древнихъ альпійскихъ ледниковъ остаются въ равнинѣ на значительномъ разстояніи къ сѣверу. Что касается мелкихъ ледниковыхъ остатковъ, то ихъ существуютъ такія огромныя кучи, что человѣкъ врядъ-ли былъ бы въ состояніи расчистить ихъ. Знаменитыя въ военной исторіи холмы Сольферино, Кавріана, Сомма-Кампанья состоятъ цѣликомъ изъ этихъ остатковъ упавшихъ съ боковъ центральныхъ Альпъ, которыя тогда были гораздо выше, чѣмъ нынѣ.

Отодвигаясь къ верхнимъ долинамъ, ледники южнаго склона Альпъ постепенно обнажали покрывавшуюся ими почву и открывали тѣ глубокія впадины, которыя заняты теперь прекрасными озерами Ломбардіи. Эти озерные резервуары, въ новѣйшія времена нашей планеты, имѣли весьма различную геологическую исторію. Когда равнина Пьемонта и Ломбардіи была заливомъ Адріатическаго моря, эти впадины, дно которыхъ ниже уровня моря, должны были представлять собою морскіе заливы, подобные нынѣшнимъ *фіордамъ* Шпицбергена и Скандинавіи. Есть даже одно весьма любопытное свидѣтельство этого древняго порядка вещей: во всѣхъ ломбардскихъ озерахъ водится видъ сардинки, *усатый головачъ*, который, по мнѣнію натуралистовъ, имѣетъ океаническое происхожденіе; въ Гардскомъ озерѣ, которое ближе всѣхъ къ морю и отдѣлилось отъ него не въ очень отдаленныя времена, водятся кромѣ того еще двѣ морскія рыбы, примѣнившіяся къ своей новой средѣ, и еще одно маленькое морское ракообразное—креветъ. Соленая вода, въ которой жили эти животныя, должна была постепенно исчезнуть отъ дѣйствія ледниковъ; бассейны фіордовъ въ концѣ концовъ должны были оказаться почти совершенно загроможденными и единственными остатками древнихъ морскихъ рукавовъ оказалось нѣсколько небольшихъ резервуаровъ прѣсной воды, удержавшихся тамъ и сямъ, между стѣпами горъ и наступающею массой льдовъ. Въ теченіе этого времени морены, ледніко-

вые остатки, разнесенные потоками наносы — совершили свое геологическое дѣло, и когда съ новою перемѣною климата, ледники начали отступательное движеніе, огромныя впадины бывшихъ фіордовъ были заняты постепенно, вмѣсто льдовъ, голубыми водами озеръ; наносы же, принесенные съ горъ, преградили всякое сообщеніе моря съ его бывшими заливами.

Число альпійскихъ озеръ съ тѣхъ поръ значительно уменьшилось, и оставшіяся изъ нихъ не перестаютъ убавляться. Въ тѣсномъ корридорѣ Пьемонта, куда стекаются потоки съ Аппенинъ, Монферата, западныхъ и гельветскихъ Альпъ, древнія озерныя впадины давно уже занесены толстыми слоями принесенныхъ водою наносовъ, и вмѣсто нихъ остаются только незначительные „озерки“. Первыя водныя пространства, заслуживающія названія озеръ, вы встрѣтите только въ нижнемъ Пьемонтѣ, среди равнинъ, простирающихся по обѣ стороны Доры-Балтеи. Маленькое озеро Кандія, къ западу отъ этой рѣки, представляетъ каплю на днѣ чаши, въ сравненіи съ тѣмъ внутреннимъ моремъ, которое вытекло изъ нея, когда Дора прорвала себѣ брешь въ полукругѣ большихъ моренъ, составлявшемъ южную плотину резервуара. Поверхность воды, изображенная на картѣ Пейтингера подъ именемъ *lacus Clisius*, растилалась тогда на пространствѣ нѣсколькихъ сотень квадратныхъ километровъ. Дора, пересѣкающая нынѣ равнину съ сѣвера къ югу, вытекала нѣкогда изъ озера гораздо восточнѣе, къ верху отъ невысокаго порога, ограничивающаго съ юга *laghetto* Виверонъ или Азельо. Равнина, обозначаемая еще и теперь именемъ „Мертвая Дора“ (*Dora morta*), свидѣтельствуетъ о значительныхъ перемѣнахъ, совершившихся въ географіи этой части Пьемонта. По лѣтописямъ, послѣдній актъ этого переворота въ теченіи Доры совершился въ четырнадцатомъ вѣкѣ: поля Азеліо, Альбіано, Страмбино, усѣянныя тогда торфяными ямами и болотами, еще только-что выходили изъ воды.

Съ истощеніемъ этого резервуара, рядъ значительныхъ озеръ сталъ начинаться на западѣ озеромъ Вербано или Маджоре, которое называется этимъ именемъ неправильно, такъ какъ уступаетъ въ протяженіи озеру Гардскому. Древніе морскіе берега, среднее возвышеніе которыхъ надъ уровнемъ моря превышаетъ 400 метровъ, показываютъ, что этотъ большой резервуаръ, равно какъ его западный данникъ, озеро Орта, и восточныя озера Варезе, Коммабіо и Лугано, ограниченныя съ юга древними передними моренами, составляли одну поверхность воды, разбитую на множество заливовъ, вдававшихся въ альпійскія долины. Но постоянное углубленіе русла выходной рѣки въ кучахъ щебня, сдерживающихъ озеро надъ

нижними равнинами, мало по малу понизило выходной протокъ и произвело исчезновеніе всего поверхностнаго слоя озерныхъ водъ. Ледниковыя террасы, подточенныя въ своемъ основаніи рѣкою Тичино, при выходѣ ея изъ озера Маджоре, возвышаются нынѣ крутымъ скатомъ болѣе 100 метровъ вышиною надъ рѣчнымъ ложемъ; точно также всякій изъ потоковъ, замѣнившихъ собою соединительные проливы, какъ-то Строна, озеро Орта, Треза, озеро Лугано и различные оттоки Варезе, текутъ между высокими берегами или, вѣрнѣе, по дну ущелій, промытыхъ постепенно дѣйствіемъ воды.

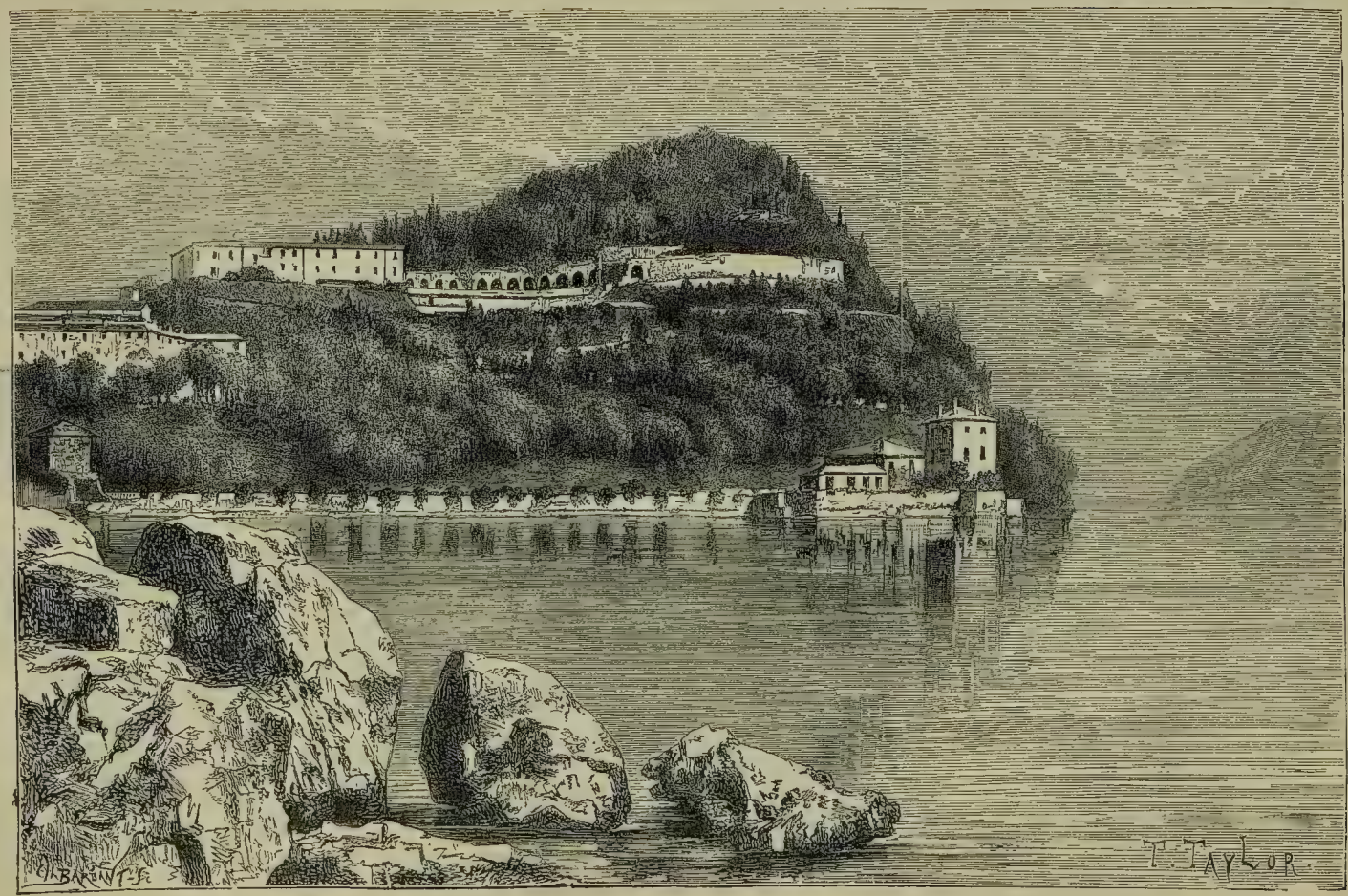
Эти значительныя перемѣны въ системѣ озеръ совершились въ теченіе неизвѣстнаго ряда вѣковъ, но ходъ ихъ все-таки на столько быстръ, что ихъ можно, говоря сравнительно, разсматривать, какъ настоящій геологическій переворотъ. Современная исторія разсказываетъ намъ, что наносы Тичино и Маджіо, на швейцарскомъ концѣ озера Маджоре, оттѣсняютъ озеро на нашихъ глазахъ, и что пристани должны перемѣщаться постепенно вслѣдъ за убѣгающимъ берегомъ. Деревня Гордола, расположенная почти въ двухъ километрахъ отъ берега, на Верзаскѣ, семьсотъ лѣтъ тому назадъ была пристанью. Въ наше время вода такъ быстро отступаетъ отъ дебаркадеровъ Магадино, при входѣ Тичино, что деревня безпрестанно должна передвигаться вдоль по берегу; дома нужно было бы дѣлать подвижные, чтобы слѣдовать отступательному движенію озера Маджоре. Шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ суда нагружались болѣе, чѣмъ на километръ далѣе къ верху, у пустынной набережной, окруженной нынѣ развалинами. Заливъ Локарно, наибольшая глубина котораго не болѣе сотни метровъ, назначенъ къ постепенному преобразованію въ отдѣльное озеро, ибо надвигающіеся въ него широкимъ полукругомъ наносы Маджіи уменьшили уже на половину серединное пространство, отдѣляющее оба его берега. Подобное же явленіе совершается съ заливомъ, въ которомъ расположены Барромейскіе острова. Соединенные наносы Строны и Точе отрѣзали озеро Мергоццо отъ главной массы воды и оставили его среди полей, какъ бы свидѣтелемъ бывшихъ очертаній Вербано.

Озеро Ларіо или Комо, соперникъ по красотѣ озеру Маджоре, точно также на пути быстраго засоренія. Адда, входящая въ озерную впадину съ боку, есть также, какъ и Тичино, одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ работниковъ. Въ римскую эпоху, навигація совершалась свободно до той деревни, которая по своему положенію на сѣверномъ концѣ озера получила, говорятъ, названіе *Summolacus*, нынѣ Самолако. Но пока потокъ Меры наполнялъ своими наносами верхнюю равнину, Адда перерѣзала постепенно озеро на двѣ части болотистою равниною. Къ сѣверу отъ дельты

остается поверхность воды, убывающая съ каждымъ вѣкомъ и имѣющая глубины не болѣе 50 метровъ,—*lacus dimidiatus*, называемое нынѣ Меццола. Рано или поздно, это озерное пространство перестанетъ существовать и замѣнится просто рѣчнымъ русломъ, извивающимся по равнинѣ. Подымающіеся изъ полузатопленныхъ еще земель міазмы часто обезлюживали окружающія мѣстности, такъ что старый бывшій испанскій фортъ Фуэнтесъ, защищавшій входъ долины Адды или Валь-Телипы (Valteline), служилъ не болѣе, какъ госпиталемъ для своего несчастнаго гарнизона.

Вѣтвь Лекко, чрезъ которую протекаетъ Адда, точно также, какъ и сѣверная оконечность Ларіо, была разрѣзана на части. Наносы, приносимые потоками съ Резегона и сосѣднихъ горъ, раздѣлили озерную долину на цѣлый рядъ маленькихъ водныхъ пространствъ, которыя связываетъ между собою Адда, какъ серебряная нить, на которую нанизаны жемчужины ожерелья. Одинъ трудъ природы, рано или поздно, неминуемо загромоздилъ бы всѣ эти впадины и озерную долину превратилъ бы въ рѣчную; но на помощь геологическимъ агентамъ явился человѣкъ—и доставилъ водамъ Адды правильное теченіе сквозь заграждавшія ее плотины обломковъ и умѣрилъ тѣмъ разливы озера Комо, которое часто подымалось метра на четыре выше обыкновеннаго уровня и грозило низкимъ частямъ прибрежныхъ городовъ затопленіемъ. Благодаря уничтоженію жилищъ рыбаковъ, которыя останавливали воду, и прорытію пороговъ, нижнее озеро, Бривіо, было уничтожено, а другія озера значительно уменьшены. Различныя озера Бріянцы, тянувшіяся цѣпью между вѣтвью Лекко и Комо и дополнявшія нѣкогда треугольную кайму водъ высокой горной группы Ламбро, большею частію осушены и покорены земледѣлію. Самыя значительныя изъ нихъ, по свидѣтельству Паоло Джіовіо, составляли одно озеро, именно озеро Эвпилійское.

Дно озера Комо достаточно изслѣдовано, чтобы судить о ходѣ его поднятія наносами. Измѣренія показали, что въ сѣверной части озера плъ наполнилъ всѣ первоначальныя неровности подводной долины и совершенно уравнялъ площадь резервуара. Даже въ среднихъ мѣстахъ и въ вѣтви Лекко, гдѣ наносы Адды могутъ отлагаться лишь въ весьма слабомъ количествѣ, дно почти горизонтально. Въ вѣтви, которая направляется къ Комо и въ которую не изливается ни одинъ значительный притокъ, дно бассейна уже гораздо неправильнѣе; конечно, оно не сохранило своей первоначальной формы потому, что земляныя частицы и мелкія животныя постоянно падаютъ съ поверхности, но впадина не превратилась еще отъ этого въ наносное ложе, какъ въ той части озера, куда изливается рѣка Адда. Эта разница между двумя разрѣзами дна представляетъ доказательство подводной работы рѣкъ, которыя всевозможнымъ образомъ



ВИЛЛА СЕРБЕЛЛОНИ НА КОМСКОМЪ ОЗЕРѢ.

способствуютъ къ опорожненію озернаго резервуара: внизу онѣ промываютъ ложе, вверху доставляютъ толстые слои наносовъ, а на днѣ постоянно отлагаютъ илъ. Вслѣдствіе послѣдней-то работы Комо и всѣ другія альпійскія озера имѣютъ относительно довольно незначительную глубину; глубочайшія мѣста озера имѣютъ не болѣе 400 метровъ. Глядя на крутизны скалъ, уходящихъ въ воду своими основаніями, можно было бы подумать, что озерныя впадины гораздо глубже, чѣмъ въ дѣйствительности: такъ, продолженные склоны Домассо и Монтеккіо въ сѣверномъ бассейнѣ дали бы глубину болѣе 700 метровъ.

Озеро Себино или Изео и озерцо Идро, къ востоку отъ Ларіо, питаемыя потоками, текущими изъ льдовъ Адамелло, представляютъ тѣ же явленія быстраго засоренія; но большое Бенако или Гардское озеро, самое обширное изъ альпійскихъ водъ, напротивъ, весьма постоянно въ своихъ очертаніяхъ и формѣ своего ложа, вслѣдствіе незначительнаго, въ сравненіи съ вмѣстимостью, количества получаемой имъ воды. Если бы сосѣдняя Адижъ слѣдовала древнему теченію громадной тирольской ледяной рѣки, а не нашла себѣ прохода сквозь ущелье известковыхъ Веронезскихъ горъ, Бенако навѣрное обратилось бы въ твердую землю на большей части своего протяженія. Что касается древнихъ озеръ венеціанскихъ Альпъ, то они давно уже исчезли, за исключеніемъ нѣсколькихъ небольшихъ бассейновъ, что должно приписать, вѣроятно, быстрому разрушенію разсѣлистыхъ утесовъ доломитовыхъ горъ. Бассейнъ нижняго Тальяменто, мѣсто котораго обозначается еще обширными торфяниками, представляетъ собою, повидимому, долѣе всѣхъ сохранившееся восточное альпійское озеро.

Итальянскія альпійскія озера, съ поверхностью болѣе 10 квадратныхъ километровъ, суть слѣдующія:

Озера.	Средняя поверхность.	Средняя высота.	Глубина.		Приблизительная вмѣстимость.
			Крайняя.	Средняя.	Куб. метр.
Озеро Орта. . . .	14 кв. кил.	342 мет.	147	100	1,400,000,000
Вербано или Маджіоре.	211 „	199 „	375	210	44,000,000,000
Озеро Варезе. . .	16 „	235 „	26	10	162,400,000
Черезіо или Лугано.	50 „	271 „	279	150	7,200,000,000
Ларіо или Комо.	156 „	202 „	406	247	35,000,000,000
Себино или Изео	60 „	197 „	298	150	9,000,000,000
Озеро Идро . . .	14 „	378 „	122	100(?)	14,000,000,000(?)
Бенако или Гардское озеро. . .	300 „	65 „	195	120(?)	36,000,000,000(?)

Озерные бассейны итальянскихъ Альпъ, какъ и всѣ резервуары этого рода, служатъ регуляторами водъ изливающихся въ нихъ рѣкъ. Они собираютъ въ себя избытокъ воды во время половодья, чтобы отдать его во время засухи. Ихъ собственный переходъ отъ высокой къ низкой водѣ служитъ мѣрою колебаній рѣчнаго уровня въ его оттокѣ. Въ Гардскомъ озерѣ, представляющемъ настоящее море въ отношеніи къ количеству получаемыхъ имъ водъ, скачекъ этотъ довольно незначителенъ, и Минчіо течетъ всегда спокойною и чистою волною подъ черными арками Пескьерскихъ горъ. Но не то представляютъ Комо и Вербано. Количество воды, приносимой притоками этихъ озерныхъ бассейновъ, таково, что разница между мелководьемъ и половодьемъ составляетъ нѣсколько метровъ, и выходныя рѣки въ своихъ измѣненіяхъ представляютъ отношеніе единицы къ восьми. Такъ Адда и Тичино, при выходѣ изъ альпійскихъ озеръ, имѣютъ, по Ломбардини:

	Средняя сила теченія.	Наименьшая.	Наибольшая.
Адда	187	16	817
Тичино	321	50	4,000

Переходя отъ крайняго мелководья къ сильнѣйшимъ разливамъ, озеро Комо поднимается почти на четыре метра на вышину и увеличивается на восемнадцать квадратныхъ километровъ въ поверхности. Вербано, еще болѣе непостоянное въ управленіи своими водами, подымается иногда болѣе чѣмъ на семь метровъ надъ уровнемъ низшей воды и тогда поверхность его бываетъ на одну пятую болѣе, чѣмъ при мелководьѣ. Во время этихъ опасныхъ наводненій, Тичино несетъ почти такое же количество воды, какъ Нилъ въ его обыкновенномъ состояніи, но этотъ потокъ не представляетъ даже и половины той массы воды, которая изливается въ озерной резервуаръ всѣми его притоками. Если бы озеро Маджіоре не умѣряло прибыль воды, удерживая ее въ своемъ резервуарѣ, то равнины Ломбардіи были бы попеременно то затоплены водою, то лишены необходимой влажности.

Поэтому, альпійскія озера Италіи имѣютъ весьма большое значеніе въ общей экономіи страны. Такъ они имѣютъ извѣстное умѣряющее вліяніе на климатъ, вслѣдствіе большей равномѣрности температуры, сохраняемой жидкими массами въ сравненіи съ атмосферой. Кромѣ того они, какъ естественные пути обмѣна между равниною и верхними долинами, и какъ резервуары животной жизни, должны были привлекать на свои берега населеніе и окаймить ихъ многочисленными деревнями. Причину же существованія по берегамъ большихъ озеръ множества дворцовъ и виллъ, какъ въ римскую эпоху, такъ и впослѣдствіи, послѣ

того какъ отхлынули толпы варваровъ, составляетъ главнымъ образомъ, красота береговыхъ пейзажей. И въ наши дни въ эту чудесную страну стремятся безпрестанныя толпы посѣтителей, чтобы насладиться видомъ этого чистаго и грандіознаго горизонта. И дѣйствительно, не много мѣстъ въ Европѣ могутъ сравниться съ этимъ очаровательнымъ заливомъ Палланца, въ которомъ раскинуты Борромейскіе острова съ ихъ рыбачьими селами, дворцами и почти тропическою растительностью! Не менѣе прекрасенъ и полуостровъ Белладжіо, который походитъ на садъ, повисшій прямо противъ большихъ снѣжныхъ Альпъ, и съ котораго видны двѣ неровныя вѣтви Комо, разбѣгающіяся между корридорами скалъ, нивами и виллами; но еще плѣнительнѣе, если только это возможно, чудный полуостровъ Сермида, который выступаетъ въ синеву Гардскаго озера подобно тонкому стебельку, развернувшемуся въ разноцвѣтный вѣнчикъ.

Горныя озера весьма не похожи на озера нижней равнины, которыя можно было бы сравнить съ постояннымъ наводненіемъ, но которыя большею частію исчезли, благодаря труду земледѣльцевъ, спустившихъ ихъ въ ближайшія рѣки. Такъ, большое озеро Джерондо, упоминаемое въ документахъ среднихъ вѣковъ и находившееся къ востоку отъ Адды, въ округахъ Кремоны и Лоди, оставило послѣ себя лишь болотистую лощину или *мози*, и многолюдный островъ Фулькерія, отдѣлявшійся водою отъ остальной равнины, нынѣ соединенъ съ нею. Озера на южномъ берегу По, къ сѣверу отъ Гвасталлы, точно также осушены, и если не перестали еще существовать два, впрочемъ не глубокія, Мантуанскія озера, то это потому, что въ двѣнадцатомъ вѣкѣ ихъ удержали плотинами, чтобы они не обратились въ болота. Но, конечно, было бы лучше спустить ихъ и избавить городъ отъ продолжительныхъ осадъ и ихъ несчастныхъ послѣдствій.

Болота Адріатическаго побережья, обозначаемыя вообще названіемъ *лагунъ*, точно также уменьшаются съ вѣками въ своихъ размѣрахъ; правда, за ними въ морѣ образуются новыя лагуны, но старыя мало-помалу исчезаютъ. Старинныя карты венеціанскаго берега сильно отличаются отъ тѣхъ, что мы видимъ нынѣ; и однако же эти значительныя перемѣны были дѣломъ немногихъ столѣтій. Каорлійскія болота, между устьемъ Піаве и заднею частью Тріестскаго залива, такъ измѣнили свою форму, что невозможно и возстановить истинную топографію страны; знаменитыя лагуны Венеціи и Кіоджіи сохранили нѣкоторое постоянство очертаній, только благодаря непрерывному вмѣшательству человѣка, но лагуна Брондоло засорена уже съ средины шестнадцатаго вѣка. Боль-

шая лагуна Комаккіо, къ югу отъ устьевъ По, раздѣлена на множество частей плотинами изъ наносовъ, построенными рѣками въ ихъ блуждающемъ теченіи, и почти все ея пространство состоитъ изъ *валли* или обширныхъ отмелей напосныхъ замель; впрочемъ, въ юговосточномъ углу ея есть нѣсколько и глубокихъ мѣстъ или *кіари*—не засоренныхъ еще остатковъ Адріатическаго моря. Лагуна Комаккіо, посредствующее пространство между землею и водою, продолжалась нѣкогда на большое разстояніе къ югу и образовывала лагуну Падузу, которая окружала своими каналами стоящій нынѣ на твердой землѣ городъ Равенну: описанія этого города, данныя Страбономъ, Апполинаріемъ Сидонскимъ, Іорнандесомъ и Прокопомъ, вполнѣ соотвѣтствуютъ полуостровному городу, какъ Венеція и Кіоджія. Падуза засорена уже давно, но все-таки не высохшія еще пространства Комаккіо занимаютъ около 30,000 гектаровъ; средняя глубина одинъ или два метра.

Несомнѣнно, что нѣкогда воды Адріатическаго моря отдѣлялись отъ внутреннихъ лагунъ полосою земли, стрѣлкою въ родѣ тѣхъ, которыя окаймляютъ берега Каролинъ и Бразиліи. Этотъ первобытный берегъ, тянувшійся километровъ на двѣсти, частями существуетъ еще теперь: Венеціанскія и Комакійскія *лиди*, прерываемыя тамъ и сямъ брешами, дающими доступъ животворному приливу и служащими для прохода кораблей, суть не что иное, какъ остатки этого наружнаго побережья. Въ другихъ мѣстахъ слѣдовъ этихъ должно искать не въ морѣ, а на твердой землѣ. Такъ низкій полуостровъ, выдвинутый въ море рѣкою По, пересѣченъ съ сѣвера на югъ рядами дюнъ, которыя составляютъ продолженіе венеціанскихъ *лиди* и даже продолжаются въ болотѣ Комаккіо, параллельными нынѣшнему берегу возвышеніями. Эти древніе берега, между Адижомъ и Червіей, относящіеся по крайней мѣрѣ къ римской эпохѣ, покрыты лѣсомъ мрачныхъ и величественныхъ сосенъ, съ почти всегда опущенными и стонущими отъ морскаго вѣтра вѣтвями. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ силу естественной смѣняемости произведеній почвы, сосны замѣняются дубами; кустарники подлѣска состоятъ, главнымъ образомъ, изъ боярышника и можжевельника. Здѣсь встрѣчается еще кабанъ. Зима 1879—1880 г. была гибельной для многихъ изъ этихъ береговыхъ рощъ.

По мѣрѣ того, какъ засоряются воды, охраняемыя этими естественными валами отъ волнъ открытаго моря и наносы выступаютъ наружу, море овладѣваетъ песками, точно также разноситъ ихъ и образуетъ постепенно новыя криволинейныя косы, подобныя первымъ; такъ, непосредственно къ югу отъ главнаго рукава По, расходятся вѣеромъ

три такія цѣпи дюнъ, начинающіяся въ одной точкѣ. Точно также къ востоку отъ Равенны, главная дюна, одѣтая сосновымъ лѣсомъ съ его мрачною зеленью на пространствѣ тридцати пяти километровъ въ длину, при измѣняющейся отъ пятидесяти до трехъ тысячъ метровъ ширинѣ, сопровождается двумя другими рядами дюнъ, изъ которыхъ одинъ уже законченъ, а другой на пути образованія. Для поднятія ихъ трудятся единодушно и волны, и вѣтеръ. Нормальное приращеніе берега, вдали отъ всякаго рѣчнаго устья, равняется, по мнѣнію Парето, 230 метрамъ въ столѣтіе, а по близости текучей воды—гораздо значительнѣе.

Такимъ образомъ, всѣ свои послѣдовательныя отступленія море само отмѣчаетъ рядомъ барьеровъ. Правда, оно производитъ иногда и обратныя затопленія, вслѣдствіе необъясненнаго еще пониженія береговъ Венеціанской области. Такъ, мель Кортеллаццо, представляющая подводную отмель изъ гравія, которая тянется параллельно по берегу Каорлійской лагуны, при глубинѣ двадцати метровъ, въ древнюю геологическую эпоху, составляла, повидимому, морской берегъ, исчезновеніе котораго возвратило открытому морю пространство болѣе, чѣмъ въ тысячу квадратныхъ километровъ. Цѣпь острововъ, окаймлявшихъ въ древнія времена и даже въ началѣ среднихъ вѣковъ побережье Аквилеи, нынѣ исчезла почти совершенно. Въ римскую эпоху острова эти были весьма населенны, имѣли строительныя верфи; на нихъ были лѣса и пашни. Хроники среднихъ вѣковъ разсказываютъ, какъ венеціанскій дожъ и аквилейскій патріархъ охотились на этихъ островахъ за оленями и кабанами, къ большому неудовольствію жителей. Теперь же отъ ряда земель и защищавшей ихъ полосы дюнъ остались только слабые слѣды: кустарники замѣнили собою лѣса и пашни, и Градо составляетъ единственную мѣстность, въ которой еще есть нѣсколько жителей. О бывшемъ протяженіи суши свидѣтельствуютъ молы, стѣны, мозаическія мостовыя и даже камни съ надписями, находимые подъ водою моря и подъ болотами. Далѣе къ западу венеціанскій берегъ опустился точно также. Подъ землею, на которой стоитъ нынѣ городъ лагунъ, сверленіе артезіанскихъ колодцевъ обнаружило существованіе четырехъ, расположенныхъ другъ надъ другомъ, слоевъ торфяника, изъ которыхъ одинъ, глубиною въ 130 метровъ, служитъ мѣрою совершившагося здѣсь необыкновеннаго осѣданія почвы. Уже въ историческую эпоху подземная церковь св. Марка стала подводною; мостовыя дороги и различныя другія сооруженія мало по малу спускаются подъ поверхность лагунъ, вслѣдствіе-ли естественнаго осѣданія ила, или вслѣдствіе совершенно иной геологической причины, и если море не затопляетъ постоянно

своихъ береговъ, то это только потому, что рѣчные наносы вознаграждаютъ съ избыткомъ пониженіе почвы. Равенна также осѣдаетъ: пьедесталы ея памятниковъ уходятъ постепенно въ мостовую улицъ. Г. Парето опредѣляетъ пониженіе по 15 сентиметровъ въ столѣтіе. Въ пліоценовую эпоху движеніе почвы совершалось въ обратномъ направленіи, потому что весь Пьемонтскій заливъ въ настоящее время выше Адріатическаго моря.

Наиболѣе дѣятельными геологическими агентами, работающими постоянно для измѣненія различныхъ отношеній земли и моря, сухости и влажности, являются рѣки и ручьи расположенной у подножія Альпъ равнины; они-то и служатъ главными представителями жизни. Перемѣны, производимыя ими во внѣшней формѣ планеты, такъ быстры, что, несмотря на краткость человѣческой жизни, мы можемъ быть ихъ непосредственными свидѣтелями. Ни одна страна въ Европѣ, кромѣ Голландіи, не измѣнялась такъ часто отъ дѣйствія воды, какъ Сѣверная Италія.

Одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ примѣровъ этихъ геологическихъ переворотовъ представляетъ ручей Изонцо, служащій въ части своего теченія границею между Австріей и Италіей, если только правда, что онъ въ римскую эпоху и въ началѣ среднихъ вѣковъ былъ, какъ это весьма вѣроятно, подземнымъ притокомъ истрійскаго Тимаво и самостоятельною рѣкою сдѣлался лишь въ недавнее время. Древніе писатели, знавшіе хорошо эту область Италіи, вовсе не причисляютъ Изонцо къ рѣкамъ, изливающимся въ Адріатическое море и упоминаютъ о ней въ первый разъ въ началѣ шестаго вѣка, какъ о простой рѣкѣ внутренней долины подъ именемъ Сонціусъ. На картѣ Пейтингера также показано мѣсто *Ponte Sonti* (моста на рѣкѣ Сонціусъ), но гораздо восточнѣе Аквилеи, около истоковъ Тимаво. О какихъ-нибудь внезапностяхъ ея образованія хроники умалчиваютъ. Геологическое изученіе окружающихъ горъ заставляетъ думать, что первоначальныя воды нынѣшняго бассейна наполняли нѣкогда долину Тольмейнъ на верхнемъ Изонцо и что избытокъ ихъ вытекалъ не къ югу, какъ нынѣ, а къ юго-западу, чрезъ ущелье Капоретто, дно котораго еще и теперь также ровно, какъ ложе рѣки, кромѣ одного мѣста, въ которомъ обвалы скалъ, повидимому, прерывали отточный каналъ. По выходѣ изъ этого ущелья, Изонцо впадалъ въ Натиссону, которая, соединясь съ другими рѣками этого склона Альпъ, омывала стѣны Аквилеи и несла въ море такую значительную массу воды, что суда могли подыматься далеко вверхъ по теченію. Принужденный перемѣнить теченіе и прорваться сквозь тѣснину, въ которой онъ имѣетъ

не болѣе 6 метровъ ширины, при глубинѣ 28 метровъ, Изонцо потекъ къ югу, чтобы излиться съ Виппахомъ въ другое озеро, бывшее нѣкогда данникомъ Тимаво и соединявшееся съ нимъ ходами. Но озеро это опорожнилось, какъ и первое, и Изонцо могъ вступить прямо въ низкую равнину и направиться къ морю независимою рѣкою по руслу, которое онъ не переставалъ перемѣщать постепенно къ востоку. Въ 1490 г. онъ ринулся по означенному направленію внезапно и причинилъ великія бѣдствія. Съ тѣхъ поръ онъ употреблялъ свое время на постройку въ морѣ полуострова Сдоббы, предъ Монфалькопскою бухтою, и на присоединеніе къ сушѣ многихъ острововъ.

Тальяменто, который беретъ начало среди горъ ближе Изонцо и верхнія долины котораго получаютъ ежегодно весьма значительное количество дождя, является еще болѣе дѣятельнымъ работникомъ, чѣмъ его пограничный сосѣдъ. По выходѣ своемъ изъ узкихъ ущелій, въ которыхъ сперто его верхнее теченіе, онъ отложилъ въ равнинѣ громадное поле наносовъ; отсюда онъ разливается то направо, то налѣво и опустошаетъ своими разливами все, оставляя послѣ себя лишь пустыню, усѣянную булыжникомъ вмѣсто луговъ и пашень. Лѣтомъ масса его воды доходитъ до самаго низкаго уровня и извивается среди камней, между тѣмъ какъ послѣ большихъ дождей онъ становится могучею рѣкою въ нѣсколько километровъ ширины и бываетъ тѣмъ ужаснѣе, что онъ какъ будто виситъ надъ побережными мѣстностями: такъ напр., почва города Кодроипо на 9 метровъ ниже его русла. Не менѣе опустошительны и верхніе притоки Ливенцы—Медуна и Целлина, къ западу отъ Тальяменто: ихъ соединительная дельта, неподалеку отъ Порденоны, представляетъ поле округленныхъ камней, величиною около тридцати квадратныхъ километровъ, а книзу, въ прибрежныхъ лагунахъ серпентиновые валы песку напоминаютъ о другаго рода работѣ потоковъ—это высокіе откосы, построенные ими съ каждой стороны ихъ бывшихъ руслъ. Замѣчательно, что всѣ эти ручьи, изливаясь въ море, оставляютъ свои полосы на западномъ берегу; илъ, приносимый прибрежнымъ теченіемъ, отлагается регулярно направо, и именно съ этой стороны совершается непрерывное приращеніе берега материка. Благодаря этому-то теченію и могъ сохраниться Монфальконскій заливъ, несмотря на громадное количество наносовъ Изонцо.

Піаве, самый значительный потокъ къ востоку отъ Адижа, представляетъ также грубую силу, опустошающую поля, загромождающую болота и образующую въ морѣ новые берега. Здѣсь, какъ и въ устьяхъ Изонцо, Тальяменто и Ливенцы, берегъ быстро выдвигается впередъ,

такъ что древняя Гераклея, впослѣдствіи Читтанова, осталась далеко на сушѣ, какъ на востокѣ города Порто-Груаро и Аквилея. Въ среднемъ, приращеніе береговъ составило около десяти километровъ въ двѣ тысячи лѣтъ.

Исторія Піаве представляетъ кромѣ того примѣръ не менѣе замѣчательнаго переворота, чѣмъ переворотъ, совершенный Изонцо: съ римской эпохи рѣка совершенно измѣнила свое ложе болѣе, чѣмъ на половинѣ своего теченія, какъ въ области горъ, такъ и въ низкой равнинѣ. Внизъ отъ дикаго ущелья доломитовыхъ Альпъ, въ томъ мѣстѣ, которое называется Капо ди-Понте, Піаве спускается теперь къ юго-западу, къ Беллуно, и соединяется съ Кордеволою долиною, которою она и течетъ до самаго моря; но долина Ран, которая открывается къ югу отъ Capo di Ponte и далѣе продолжается въ долину Мескіо, представляетъ, повидимому, естественное продолженіе верхняго русла Піаве. Таково, по крайней мѣрѣ, было преданіе, а венеціянскій Сенатъ поднималъ даже вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли направить воды Піаве въ ея древнее русло, чтобы этимъ ослабить силу наводненій, производимыхъ Кордеволой. Полагали, что вслѣдствіе землетрясенія или вслѣдствіе естественнаго осѣданія скалъ, откосы возвышавшейся надъ Піаве горы Пинеи, представлявшей границу между Ран и Мескіо, обрушились въ двухъ мѣстахъ, и поперекъ долины образовались два огромные барьера щебня. У подошвы этихъ кучъ осколковъ, на которыхъ теперь находятся пивы и деревни, есть маленькія озера, на которыя указывается, какъ на остатки древняго русла рѣки. Но наблюденія М. Мартиль разрушили окончательно эту гипотезу перемѣны теченія Піаве ниже Capo di Ponte. Оказалось, что предполагаемая преграда не есть слѣдствіе обвала, какъ раньше думали, а составляетъ произведеніе ледяной морены, натолкнувшейся на скалы, составлявшія неотъемлемую принадлежность страны.

Тѣмъ не менѣе слѣдуетъ считать достовѣрнымъ фактъ, что обвалы въ бассейнѣ этой рѣки имѣли мѣсто. Такъ, Кордевола, самый большой изъ притоковъ Піаве, испытала большія перемѣны уже въ совершенно недавнее время, именно въ 1771 г. Зеленѣющія террасы Пеццы, противъ громадной стѣны горы Чивиты, изборожденной вертикальными разсѣлинами, начали скользить по наклонной плоскости рыхлыхъ слоевъ, и сперва медленно, а потомъ разомъ грохнулись въ долину. Двѣ деревни были раздавлены, а двѣ другія затоплены превратившеюся въ озеро Кордеволою. Когда вода спокойна, въ ней видны еще остатки затопленныхъ домовъ древней метрополіи, долины Аллеге.

Рѣка Брента, берущая начало на тирольской территоріи, въ див-

ной долинѣ Суганы, всегда причиняетъ венеціанцамъ самыя горькія заботы вслѣдствіе того безпорядка, который производятъ ея воды и наносы въ лагунахъ. Прежде она изливалась при Фузинѣ въ венеціанскій лиманъ; но ея наносы запружали каналы и заражали атмосферу. Падуанцы и другіе жители низкихъ равнинъ были заинтересованы въ томъ, чтобы рѣка избрала себѣ самый прямой путь къ лагунамъ и, понизивъ свой уровень, не пугала бы ихъ наводненіями; венеціанцы же, напротивъ, хлопотали объ удаленіи Брепты и о сохраненіи глубины и здоровости въ лагунахъ. Это столкновеніе интересовъ было причиною многихъ войнъ, представлявшихъ настоящую борьбу за существованіе. Отвоеваніе берега у суши стало для Венеціи вопросомъ жизни и смерти, и съ тѣхъ поръ какъ республика одержала побѣду, она принялась за дѣло перемѣщенія рѣки. Посредствомъ двухъ каналовъ, сначала перваго, *Brenta nuova* или Брентона, а потомъ втораго, *Brenta nuovissima*, рѣку отвели такъ, что она обошла всю лагуну и стала изливаться, вмѣстѣ съ Бакильоне и небольшими падуанскими ручьями, въ портъ Брондоло, въ нѣсколькихъ километрахъ къ сѣверу отъ устья Адижа. Но Брента, теченіе которой такъ значительно удлинилось, должна была течь по поднятому руслу, и удерживать ее въ боковыхъ плотинахъ можно было только съ большимъ трудомъ. Съ 1811 по 1859 г. рѣка двадцать разъ прорывала эти гати, а постепенное поднятіе русла грозило еще болѣе частыми несчастіями. Тогда рѣшились укоротить теченіе на 16 километровъ, отведя ее въ одну изъ частей лагуны Кіоджіо. Дѣйствительно, опасность разрывовъ была на время отвращена и, кромѣ того, Брента, наносы которой овладѣваютъ постепенно соленою водою, дала Италіи площадь новой земли въ 30 квадр. километровъ; но рыбный промыселъ въ этой части озера совершенно исчезъ и въ городахъ сосѣдняго побережья появилась лихорадка. Болѣзненность среди населенія увеличилась въ пять разъ съ тѣхъ поръ, какъ прѣсныя воды Бренты стали смѣшиваться съ соленой водою лагуны. Техники не знаютъ, какъ устранить капризы этихъ ужасныхъ сосѣдей, стремительныхъ рѣкъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что безъ всѣхъ этихъ усилій венеціанскихъ инженеровъ лагуны Лидо, Маламокко, Кіоджія были бы съ вѣками засорены, какъ и находящіяся далѣе къ востоку лагуны Градо и Аквилея, но Венеція всегда понимала, съ какою заботливостью она должна хранить свое драгоцѣнное внутреннее море: она запретила даже обработывать *барены* или маленькіе, не покрываемые водою во время приливовъ островки, опасаясь, и основательно, чтобы жадность земледѣль-

цевъ не заставила ихъ овладѣть постепенно водною областью. Гидрологи республики не ограничились отведеніемъ всѣхъ ручьевъ, изливавшихся прежде въ венеціанскія лагуны, но удалили къ востоку, посредствомъ искусственныхъ каналовъ, и устья Сила и Піавы для огражденія порта Лидо отъ сосѣдства опасныхъ рѣчныхъ наносовъ; они обсуждали даже громадный проектъ о сведеніи всѣхъ альпійскихъ рѣкъ, отъ Изонцо до Брепты, въ одинъ большой обводный каналъ, который выносилъ бы всю массу ила къ югу отъ лагунъ. Но этотъ гигантскій планъ не могъ осуществиться; наносы, принесенные береговымъ теченіемъ, заперли портъ Лидо, и въ концѣ пятнадцатаго столѣтія пришлось его оставить и перенести на 12 километровъ къ югу, на „протокъ" Маламокко, большаго военнаго порта Венеціи. Для защиты отъ наносовъ мусора громадныя плотины или *murazzi*, которыми укрѣплена песчаная береговая коса, вооружены особыми откосами, и съ нѣкотораго времени изъ Маламоккскаго бара выдвигается въ море, какъ огромная рука, плотина въ 2,200 метровъ, которая задерживаетъ морскіе наносы.

Къ югу отъ общей дельты Адижа и По, большая часть потоковъ, стекающихся по параллельнымъ долинамъ Аппенинъ, точно также блуждаютъ въ своемъ теченіи, какъ и рѣки венеціанской Италіи и приводятъ инженеровъ въ такое же отчаяніе. Рѣки, орошающія округа Піаченцы и Пармы—Треббія, Таро, Энца и другіе сосѣдніе ручьи протекаютъ между Аппенинами и По въ слишкомъ узкомъ поясѣ равнины, чтобъ имъ возможно было видоизмѣнять топографію на большихъ протяженіяхъ. Но совсѣмъ другое дѣло въ большихъ равнинахъ Модены, Болоньи, Феррары и Имолы: тамъ всѣ рѣки перемѣщали на просторѣ свои всегда измѣнчивыя извилины, и страна покрыта развалинами плотинъ, между которыми прибрежные жители тщетно старались запереть рѣки. Самый городъ Модена былъ разрушенъ разливами Секкіи и другихъ рѣкъ, соединившихся въ общій потопъ. Танаро, Рено и параллельныя имъ рѣки, изливающіяся къ сѣверо-востоку либо въ обводный каналъ лагунъ Комаккіо, либо непосредственно въ море, также всѣ имѣютъ свою исторію разрушеній: ихъ то благословляютъ за плодоносные наносы, то проклинаютъ за опустошительныя наводненія. Одинъ изъ этихъ потоковъ, вѣроятно Фіумичино, представляетъ собою тотъ знаменитый Рубиконъ, который служилъ границею римской Италіи и который перешелъ Цезарь, произнося роковыя слова:—*Alea jacta est*. Устье Фіумичино находится въ 16 километрахъ отъ Римини, т. е. почти въ томъ разстояніи, какое показано на картѣ Пейтингера для Рубикона, но такъ какъ потоки этой области измѣняли весьма часто свои

русла въ прибрежныхъ наносахъ, то врядъ-ли кто отважится указать навѣрное пунктъ перехода Цезаря. Гуастуцци, Тонини и вслѣдъ за ними Дежарденъ, который изучалъ вопросъ на мѣстѣ, полагаютъ, что верхняя Писчіателло, называемая еще и нынѣ въ тѣхъ мѣстахъ Ургоною или Ругоною, поворачивала къ югу при своемъ входѣ въ равнину и соединялась съ нынѣшнею Фіумичино немного выше римскаго моста Савиньяно.

Изъ всѣхъ Аппенинскихъ рѣкъ всего измѣнчивѣе и опаснѣе—Рено. Слой наноса, принесенный ею въ равнину, имѣетъ отъ запада къ востоку не менѣе 30 километровъ, и если она прорывала гдѣ-нибудь въ слабомъ мѣстѣ свои плотины, то кидалась направо или налѣво отъ валовъ, построенныхъ ею же изъ ея собственныхъ наносовъ. Понятно, каковы должны были быть неожиданные капризы потока, масса воды котораго колеблется, смотря по временамъ года, отъ одного до 1,400 кубическихъ метровъ въ секунду и который въ нѣкоторыхъ мѣстахъ течетъ болѣе, чѣмъ на 9 метровъ надъ прибрежными равнинами. Въ теченіи нынѣшняго столѣтія опасность возрасла еще болѣе, вслѣдствіе почти полнаго обезлѣсенія склоновъ его бассейна. Инженеры, сбиваемые съ толку неправильностями наводненій, предпринимали самыя различныя работы и предлагали самые противорѣчивые проекты для укрощенія этого врага, который ужаснѣе побѣжденнаго Геркулесомъ Ахелоя. Сперва его отвели въ По, потомъ повернули къ востоку и пропустили прямо въ море; предполагали также предоставить ему лагуну Комаккіо, для сплавленія ила на одно или два столѣтія. Но каждый новый отводъ имѣетъ свои неудобства: одни радуются освобожденію отъ этого неудобнаго сосѣдства, другіе же, напротивъ, жалуются на наводненія, на приносимыя имъ лихорадки, на вредъ рыболовству и судоходству. Окончательное засореніе песками Феррарскаго По произошло преимущественно вслѣдствіе наносовъ того же Рено. Самый лучшій планъ гидрографическихъ улучшеній былъ предложенъ инженеромъ Манфреди и состоитъ въ томъ, чтобы вдоль подошвы Аппенинъ вырыть новую рѣку, въ которую впадали бы всѣ горные потоки. Этотъ каналъ слѣдовалъ бы общему склону равнины, сопровождая теченіе По съ юга, какъ Адижъ сопровождаетъ его съ сѣвера, а промежуточное пространство орошалось бы во всѣхъ направленіяхъ искусственною системою каналовъ. Проектъ грандіозенъ, но очень дорогъ и не можетъ скоро осуществиться.

Одно весьма любопытное географическое открытіе, сдѣланное знаменитымъ гидрологомъ Ломбардини, дастъ возможность узнать, просто по расположенію полей, въ какихъ мѣстахъ земля низкихъ равнинъ Эмиліи

*

была преобразована ручьями и гдѣ начинались берега нынѣ засоренной древней лагуны Падузы. По Эмилійской дорогѣ, между Чезеною и Болоньей, точно также какъ мѣстами около Модены и Пармы, путешественника удивляетъ видъ одинаковыхъ дорожекъ, идущихъ совершенно параллельно другъ другу, на одинаковомъ другъ отъ друга разстояніи и перпендикулярно большой дорогѣ въ направленіи къ сѣверо-востоку, къ Полезинѣ; всѣ онѣ пересѣкаются подъ прямыми углами съ другими, точно также правильными, дорожками, такъ что поля имѣютъ совершенно одинаковую поверхность. Съ предгорій Аппенинъ поля эти похожи на шахматную доску зелени или желтѣющихъ нивъ, и подробныя карты показываютъ, что земля въ этихъ мѣстахъ, дѣйствительно, раздѣлена на геометрически равные прямоугольники въ 714 метровъ длины и 51 гектаръ поверхности. Каждый такой квадратъ представляетъ именно римскую *центурію*, и Титъ Ливій разсказываетъ намъ, что всѣ эти земли, по отнятіи у галловъ, были измѣрены, оцѣнены и раздѣлены между римскими поселенцами. Слѣдовательно, не подлежитъ сомнѣнію, что эти столь правильныя сѣти дорогъ, каналовъ, бороздъ существуютъ двадцать вѣковъ, и сдѣланы, очевидно, римскими ветеранами. Извилистая линія, идущая въ направленіи По, параллельно берегу древняго озера, опредѣляетъ границу этого раздѣленнаго геометрически пространства и тѣхъ болѣе низкихъ земель, гдѣ начинается обыкновенный лабиринтъ канавъ и извилистыхъ тропинокъ: очевидно до этихъ мѣстъ и простиралась нѣкогда засоренная наносами потоковъ лагуна. Наконецъ, эта сѣть полей рѣзко прерывается около рѣкъ и причина этого заключается въ опустошеніяхъ, производимыхъ повторяющимися наводненіями. Конечно, можно думать, что границы обработанныхъ полей въ большей части странъ сохраняются безъ перемѣнъ въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ, но положительно утверждать этого нельзя; между тѣмъ на равнинахъ Эмиліи, среди мѣстностей, большая часть которыхъ измѣнена потоками, вы видите проведенныя римскимъ кадастромъ линіи вполнѣ сохранившимися въ своемъ первоначальномъ, правильномъ видѣ. Наводненія и войны, низвергшія столько памятниковъ и разрушившія столько городовъ, не могли въ теченіе двухъ тысячъ лѣтъ ни перемѣстить тропинокъ, ни уничтожить полевыхъ бороздъ. Равнины по другую сторону По, простирающіяся къ юго-востоку отъ Постумійской дороги, между Тревизой и Падуей, по правильности расположенія полей и дорогъ, представляютъ совершенное повтореніе эмилійскихъ колоній.

Рѣка По, по отношенію къ пространству своего бассейна и къ длинѣ своего теченія, испытала меньше измѣненій, чѣмъ Піава и Рено, но

богатство и населеніе окаймляющихъ ее городовъ, плодородіе ея полей, обиліе воды, громадность предпринятыхъ для ея регуляризаціи работъ даютъ исключительное значеніе всякому малѣйшему уклоненію ея теченія: По—великая рѣка древняго Адріатическаго лимана, это — „Отецъ“, какъ говорили римляне.

Потокъ, питаемый снѣгами Визо, вѣроятно вслѣдствіе красоты этой господствующей горы, считается главною вѣтвью великой рѣки и дастъ ей свое имя; но Макра, Варанта, Клузона могли бы оспаривать у него эту честь: воды у нихъ при выходѣ на равнину не меньше и въ равнинахъ, орошаемыхъ ихъ каналами, онѣ распространяютъ не меньшее плодородіе. Но общее ложе ихъ скоро изсякло бы, если бы на помощь имъ не являлись другія рѣки горнаго полукруга, какъ-то, Дора-Рипейра, Малая Стура, Орко, Дора-Балтея, питаемыя ледниками Монъ-Блана, занимающими поверхность въ 72 квадратныхъ километра, еще болѣе обширными ледниками Большаго Парадиза и нѣкоторыми ледниками Монъ-Розы. Затѣмъ въ нее текутъ съ сѣвера Сезія, съ юга Танаро, соединяющая въ своемъ руслѣ воды Аппенинъ и Альпъ, и наконецъ Тичино, важнѣйшій изъ притоковъ По. По массѣ воды, онъ далеко превосходитъ всѣ рѣки, вытекающія изъ альпійскихъ озеръ: Адду, Оліо, Минчіо: „безъ него, говорятъ судовщики, *il Po non sarebbe Po*“ (рѣка По не была бы По). Изъ всѣхъ рѣчныхъ бассейновъ Европы, равнина сѣверной Италіи изливаетъ въ море наибольшую, сравнительно съ протяженіемъ, массу воды: незначительныя по своей длинѣ рѣки, благодаря обилію альпійскихъ снѣговъ и дождей, несутъ весьма большое количество воды. Многіе изъ большихъ притоковъ По составляли нѣкогда весьма серьезныя препятствія для движенія армій, и не удивительно, что Тичино, Минчіо, Энца, точно также, какъ и самъ По, служили политическими границами.

Ниже отъ сліянія своего съ Тичино и въ особенности внизъ отъ устья Адды, По несетъ къ морю уже пять шестыхъ воды своего бассейна и совершенно теряетъ характеръ горнаго потока. Онъ не катитъ уже ни одного камня и самый песокъ его русла размельченъ въ тонкую пыль; на берегахъ его не видно никакого возвышенія, ни одного плато древнихъ переходныхъ мѣстностей, кромѣ небольшой группы Санъ Коломбано; онъ могъ бы свободно разгуливать по полямъ, если бы не удерживался справа и слѣва плотинами или *argini*, которыя, послѣ голландскихъ плотинъ, составляютъ самую полную и наилучшимъ образомъ расположенную систему охранительныхъ валовъ въ Европѣ. Вѣроятно, берега рѣки были защищены такимъ образомъ отъ разлитій еще во времена этрусковъ, ибо уже Луканъ описываетъ плотины такъ, какъ будто онѣ существовали съ

незапамятныхъ временъ; но во время нашествія варваровъ прибрежные жители перестали продолжать борьбу съ водою, ибо борьба эта, вслѣдствіе войны и бѣдности, стала для нихъ невозможна, и только съ девятаго вѣка начали приниматься за возобновленіе этихъ сооруженій. Въ 1480 г. работа была совершенно окончена, по крайней мѣрѣ на столько, на сколько это возможно. Понятно, какую громадную важность представляетъ хорошее содержаніе плотинъ, потому что пространство защищенныхъ ими мѣстностей составляетъ 1.200,000 гектаровъ; мѣстности эти даютъ земледѣльческихъ продуктовъ болѣе, чѣмъ на двѣсти милліоновъ, и представляютъ капиталъ въ нѣсколько милліардовъ, къ которому надо присоединить еще цѣнность прибрежныхъ городовъ и находящихся въ нихъ промышленныхъ заведеній. Впрочемъ, города защитить легко, благодаря предусмотрительности ихъ древнихъ строителей, этрусковъ и кельтовъ, которые заботились объ устройствѣ подъ городами искусственныхъ террасъ, превышавшихъ самый высокій уровень воды при наводненіи. Только въ началѣ нынѣшняго вѣка постоянное возвышеніе уровня половодья, происходящее частію вслѣдствіе обезлѣсенія горъ, заставило жителей Реверы, Сермиды, Остильи, Говерноло, Боргофорте и другихъ городовъ на берегахъ По окружить свои жилища другимъ дополнительнымъ поясомъ плотинъ. Съ 1801 по 1872 г., по Ланчіани, уровень половодья По у Понте-Лагоскуро возросъ съ 6,81 метр. на 7,94.

Сплошныя плотины по обоимъ берегамъ начинаются выше Кремоны. Во всѣхъ опасныхъ мѣстахъ онѣ усилены при помощи „траверзовъ“ или „противуплотинъ“ и вторичныхъ валовъ, построенныхъ за первыми на случай, если бы послѣдніе не выдержали. Въ нижней части теченія всѣ притоки По обставлены плотинами, точно также, какъ и бывшія рѣчныя русла и каналы, сообщающіеся съ водою въ половодье. Вся сѣть плотинъ, возведенныхъ въ нижней долинѣ По, составляетъ, по крайней мѣрѣ, тысячу километровъ. Кромѣ того, самое русло рѣки пересѣчено во всѣхъ направленіяхъ насыпями меньшей высоты, на которыхъ находятся поля, ивняки и даже виноградники. Дѣйствительно, немного мѣстъ, въ которыхъ вода течетъ непосредственно у основанія *froldo* или главной плотины: пространство, которому грозятъ разливы, имѣетъ нѣсколько километровъ ширины, а рѣка отъ одного берега до другаго имѣетъ обыкновенно отъ 200 до 500 метровъ. Значитъ, остается еще большое пространство свободной земли, которое прибрежные жители раздѣлили на *golene* и окружили ихъ плотинами для защиты отъ обыкновенныхъ разливовъ. Плотины голенъ по предписаніямъ синдикатовъ должны быть на полтора метра ниже большой охранительной плотины, съ тою цѣлію, чтобы сильные разливы могли

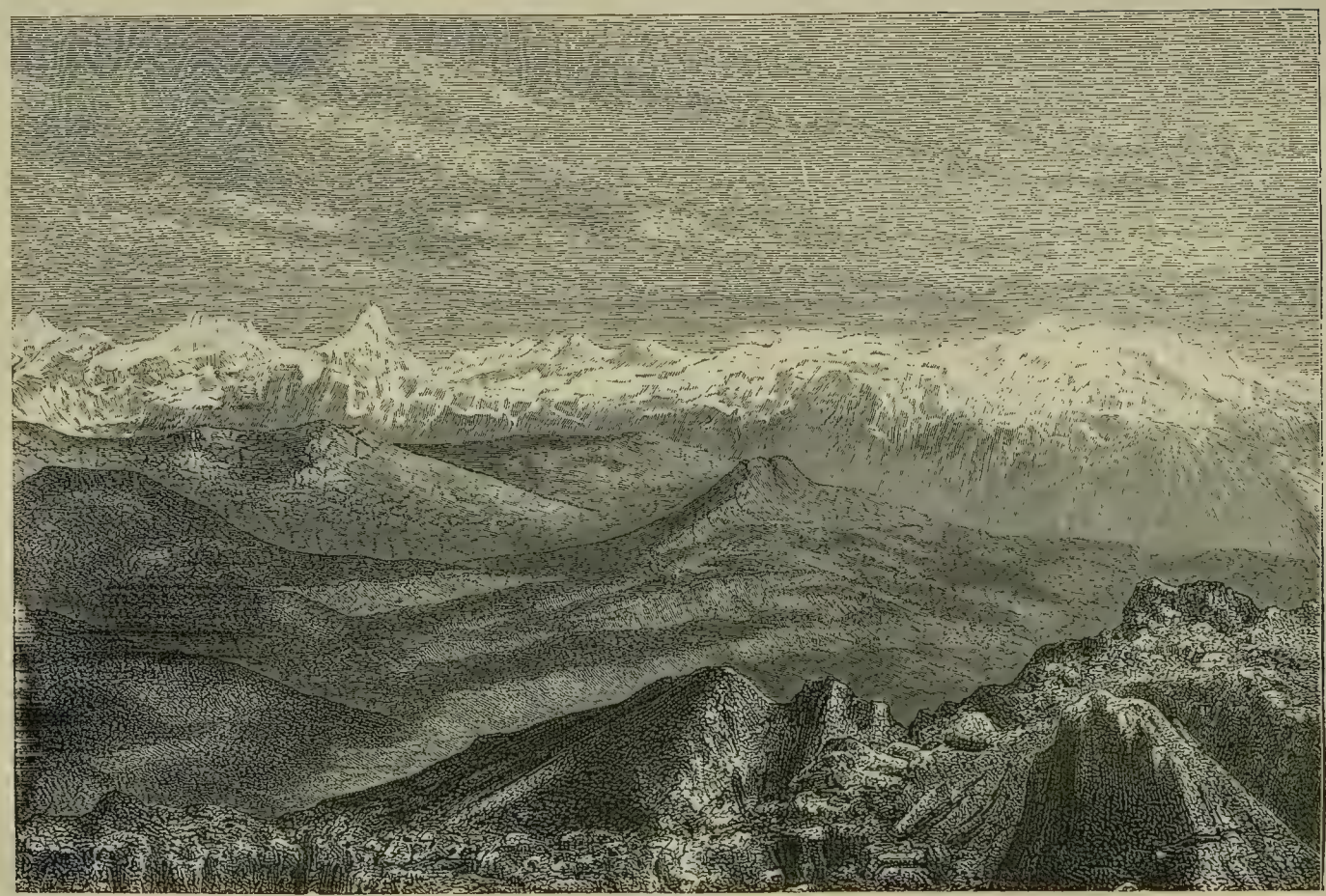
ослабляться, наполняя первоначально безчисленные резервуары, занимаемые прибрежными полями. Къ несчастію многіе землевладѣльцы, желая охранить свою частную недвижимость, хотя бы въ ущербъ всей странѣ, поднимаютъ свои плотины до уровня *froldo* и, сокращая такимъ образомъ русло рѣки, усиливаютъ опасности общаго наводненія. Несмотря на всѣ прекрасные проекты, предлагаемые во имя общественнаго интереса, между общинами и синдикатами еще слишкомъ сильна древняя система, выраженная въ ужасной поговоркѣ: *Vita mia, morte tua*! (Мнѣ жизнь, тебѣ смерть!) Артуръ Юнгъ и другіе писатели разсказываютъ, что фермеры часто умышленно проламываютъ бреши въ плотинахъ противуположнаго берега, чтобы, губя ближняго, сохранить свой урожай. Поэтому плаваніе по рѣкѣ По во время половодья дозволялось только нѣкоторымъ привилегированнымъ лодкамъ, и рѣчные стражи стрѣляли по всѣмъ остальнымъ.

Пространство, угрожаемое наводненіями рѣки, къ югу мало по малу сокращается; отъ 6 километровъ оно умепьшается до 3, до 2 и даже до 1 километра. Наконецъ, на каждомъ изъ рукавовъ дельты, пространство между плотинами имѣетъ уже только отъ 300 до 500 метровъ ширины. Но этого вовсе недостаточно для прохода воды въ наводненія, при которыхъ она подымается иногда до 8 и до 9, а иногда даже и до 9 съ половиною метровъ выше обыкновеннаго уровня. Впрочемъ, случалось зачастую, что прибрежныя общины, или по недостатку денегъ, или по беззаботности, не принимали необходимыхъ предосторожностей для поддержанія плотинъ, и потому цѣлыя области оказывались иногда опустошенными только потому, что не были задѣлываемы кротовыя поры. Когда оказывается трещина и ее не умѣютъ зачинить сейчасъ же, то происходятъ ужасныя несчастія: не только погибъ весь урожай, не только разрушены деревни и разрыта земля, но и спасшіеся тамъ и сямъ жители подвергаются голоду, а вслѣдъ за голодомъ людей подбираетъ тифъ. Разливы По, вмѣстѣ съ землетрясеніями въ Калабріи и болотными лихорадками морскаго набережія, составляютъ для Италіи величайшія бѣдствія. Въ 1872 г. все пространство между Секкіей и моремъ, отъ Мирандолы до Комаккіо, превратилось въ море, на которомъ тамъ и сямъ видпѣлись, подобно островамъ, стѣны и дворцы городовъ. Часть суши, завоеванная на время водою, составляла не менѣе 3,000 квадратныхъ километровъ съ 300,000 жителей и ограничивались съ сѣвера только плотинами Адижа и съ юга плотинами Рено. Два года спустя, паводненіе напоминали еще лужи и поля долго еще оставались бы подъ водою, если бы для осушенія этихъ разбросанныхъ озеръ не прибѣгли къ

пару. Не менѣе сильное наводненіе постигло побережія По въ 1882 г. Больше всего разрушеній оно произвело въ равнинахъ Адижа. У Вероны высота воды была на 1,32 метра больше, чѣмъ во время наводненія 1848 г., понесенныхъ убытковъ было исчислено больше, чѣмъ на 71 милліонъ франковъ.

Понятно, что при этихъ великихъ бѣдствіяхъ, только самое отважное и самое дѣятельное населеніе въ состояніи энергично бороться съ рѣкою и охранить свои жилища отъ волнъ. Такъ, во время ужаснаго наводненія 1872 г. маленькому промышленному городку Остильѣ удалось отвратить катастрофу, между тѣмъ какъ множество другихъ, менѣе подверженныхъ опасности, мѣстъ, были опустошены водами. Городъ этотъ построенъ у самаго края фрольдо, безъ сооруженій передовыхъ второстепенныхъ плотинъ, на выемкѣ бухты, на которую наталкивается теченіе. Насыпь начинаетъ подаваться, и люди сейчасъ же принимаются за устройство новой. Четыре тысячи здоровыхъ людей, во главѣ съ меромъ и инженерами, носятъ фашинникъ, вбиваютъ колья частокола, насыпаютъ землю. Ночь не останавливаетъ работъ: рядъ воткнутыхъ въ землю факеловъ освѣщаетъ балки. Но, по мѣрѣ возрастанія второй плотины, первая сносится водою и вода подкапывается уже подъ новую насыпь. Это—борьба на жизнь и на смерть человѣка съ стихіями. Инженеры спрашиваютъ себя всякую минуту, не бить ли набатъ къ бѣгству, но остильянцы держатся стойко. Армія работниковъ раздѣляется: одни укрѣпляютъ фрольдо, которое они уже окончили, другіе строятъ третій охранительный барьеръ. Они овладѣваютъ, наконецъ, рѣкою, и жители Остильи съ удовольствіемъ видятъ съ высоты своихъ побѣдоносныхъ плотинъ, что воды начинаютъ понемногу собираться въ свое ложе. Городъ же Ревера, находящійся противъ Остильи, и занимающій довольно счастливое положеніе на концѣ возвышенности, долженъ былъ для своего спасенія пожертвовать первымъ рядомъ домовъ и сбросить ихъ въ воду, чтобы сдѣлать изъ нихъ защитительную плотину.

Самыя знаменитыя бреши имѣли послѣдствіемъ продолжительныя измѣненія въ теченіи По. Одно изъ такихъ большихъ перемѣщеній водъ образовало островъ во сто слишкомъ квадратныхъ километровъ, къ низу отъ Гуасталлы, и оставило далеко къ югу изгибы По-Веккіо, преобразованной нынѣ въ простой каналъ. Поля во всю длину рѣки, какъ по правому, такъ и по лѣвому берегу, своимъ названіемъ *mezzano* напоминаютъ еще, что они находились когда-то среди потока. Но въ самой дельтѣ рѣки передѣлки оказались еще значительнѣе. Съ римской эпохи и до тринадцатаго вѣка главнымъ рукавомъ дельты былъ По-ди-



ВИДЪ ПЕНИНСКИХЪ АЛЬПЪ.

Волано, преобразованный въ сплавный каналъ, снабженный шлюзами. Два другіе рукава текли южнѣе чрезъ ту же лагуну, и слѣдъ ихъ древняго ложа обозначается извилистыми грядами, по которымъ устроены проѣзжія дороги. Въ какое время они исчезли—неизвѣстно, но въ восьмомъ вѣкѣ ихъ уже замѣнялъ другой рукавъ По-ди-Примаро, которой изливался въ море недалеко отъ Равенны, и все нижнее теченіе котораго нынѣ занято потокомъ Рено. Въ 1152 г. произошло новое раздвоеніе, но въ обратномъ направленіи. Плотина праваго берега была прорвана въ Фикароло, выше Феррары, какъ говорятъ, вслѣдствіе злоумышленности верхнихъ бережанъ, которые желали разорить своихъ нижнихъ сосѣдей,—и большой рукавъ, По-ди-Маэстра или Венеціанскій По, покинулъ Феррару среди ея болотъ и высохшихъ руслъ и, направясь къ сѣверу отъ всѣхъ другихъ рукавовъ, соединился съ каналами Нижняго Адижа. Разрывы дѣлаются обыкновенно въ тѣхъ же самыхъ мѣстахъ въ ноябрѣ, или октябрѣ и никогда не бывали въ январѣ. Наибольшей опасности разрыва подвергался всегда Корболо, между По-ди-Маэстра и ея притокомъ По-ди-Горо.

Не менѣе измѣненій въ теченіи представляетъ въ свою очередь и Адижъ. Едва только эта тирольская рѣка выходитъ изъ узкаго „клюза“ или „*chiusa*“ своихъ воротъ въ известковыхъ горахъ и искусственнаго ущелья фортовъ и стѣнъ Вероны, какъ непостоянная часть ея русла уже начинаетъ блуждать по равнинамъ. Во времена римлянъ, Адижъ текла гораздо сѣвернѣе, около самаго основанія Эвганейскихъ горъ, въ томъ самомъ ложѣ, которое занято нынѣ рѣкою Фразиною, и изливалась въ Адріатическое море при портѣ Брондоло. Въ 587 г. Адижъ прорвала свои плотины, и главная ея вѣтвь приняла то направленіе, въ которомъ течетъ еще и теперь и изливается въ устье Фоссоны, но продолжаетъ открывать себѣ новые ходы къ югу. Въ концѣ десятаго вѣка появилась Адигетто-де-Ровиго, которая и пересѣкла цѣпь дюнъ къ востоку отъ Адріи, а затѣмъ другой разрывъ смѣшалъ воды Адижа съ водами По въ общемъ руслѣ, которое называютъ каналомъ Біанко или По-ди-Леванте. Такимъ образовъ Адижъ и По составили часть одной и той же гидрографической системы, и суда свободно могли проходить изъ одной рѣки въ другую естественными каналами. Въ настоящее время эту сѣть внутренняго судоходства регулируютъ прямолинейныя плотины и рвы, но, въ геологическомъ отношеніи, эти двѣ большія параллельныя рѣки нельзя считать имѣющими общее устье. Полезина ди-Ровиго, т. е. пространство, находящееся между двумя рѣками, постепенно возвысилось отъ ихъ наносовъ, такъ что теперь оно немного ниже средняго уровня воды. Равнины

Полезины Феррарской также немногимъ ниже По, и слова Кювье, будто уровень рѣки выше „крышъ феррарскихъ домовъ“, повторяются совершенно ошибочно. Точныя измѣренія, произведенныя Ломбардини, ученымъ, который лучше всѣхъ знаетъ долину По, показываютъ, что самыя высшія наводненія только на 2 м. 75 с. выше двора замка. Во время большихъ наводненій, когда вся страна покрывается водою, Феррара служитъ главнымъ убѣжищемъ для сельскихъ жителей, именно вслѣдствіе относительной возвышенности ея мѣстоположенія.

И такъ, разлитія По и частыя перемѣны ею своего русла имѣли послѣдствіемъ почти полное уравненіе поверхности прибрежныхъ земель, но съ тѣхъ поръ, какъ всѣ рукава рѣки обставлены плотинами до самаго моря, наносы, приносимые наводненіями, отлагаются главнымъ образомъ на морскомъ прибрежьѣ и быстро выдвигаютъ дельту въ Адріатическое море. Прежде возрастаніе наносныхъ полуострововъ было, конечно, медленнѣе, ибо между цѣпью дюнъ, ограничивающею древній берегъ, и нынѣшнимъ берегомъ, не болѣе двадцати пяти километровъ, хотя образованіе этихъ земель началось уже въ средніе вѣка. Въ теченіе двухъ послѣднихъ вѣковъ среднее возрастаніе песчанаго полуострова увеличивается все болѣе и болѣе и въ настоящее время составляетъ около 70 метровъ въ годъ, такъ что присоединяемый ежегодно къ сушѣ поясъ земли составляетъ 113 гектаровъ. Въ исключительные годы рѣка выноситъ въ море болѣе 100 милліоновъ кубическихъ метровъ твердыхъ веществъ, а между тѣмъ уже 43 милліоновъ, т. е. средняго количества выносимаго ею ила достаточно для образованія острова въ 10 квадратныхъ километровъ, при 4 или 5 метрахъ глубины. Принимая во вниманіе незначительность протяженія бассейна, По является самою дѣятельною изъ всѣхъ „рѣкъ-работницъ“ Средиземнаго моря: Дунай и Рона не могутъ сравниться съ нею по количеству наносовъ, а Нилъ гораздо ниже ея. При нынѣшнемъ ходѣ работы, По въ тысячу лѣтъ образовала бы полуостровъ въ 10 километровъ ширины черезъ все Адріатическое море и уперлась бы въ берега Истріи.

Главныя рѣки сѣверной Италіи суть:

	Длина теченія.	Пространство бассейна.	Наибольшій приходъ.	Наименьшій приходъ.	Средній приходъ.
Изонцо. . .	130 кил.	1450 кв. кил.	(?)	(?)	85 (?)
Тальяменто.	170 „	2,590 „ „	1,400	(?)	64
Ливенца . .	115 „	2,690 „ „	1,000	(?)	67
Піава. . . .	215 „	4,100 „ „	3,000	(?)	60
Силъ. . . .	60 „	2,660 „ „	2,520	7	60

	Длина теченія.	Пространство бассейна.	Наибольшій приходъ.	Наименьшій приходъ.	Средній приходъ.
Брента . .	170 кил.	2,304 кв кил.	870	39	60
Баккильоне	120 „	1,600 „ „	770	(?)	30
Адижъ . .	395 „	11,080 „ „	2,500	2	247
По	672 „	74,907 „ „	5,156	186	1,720
Рено . . .	180 „	4,892 „ „	1,161	1	37

Кромѣ естественныхъ рѣкъ, сѣверная Италія обладаетъ еще удивительною сѣтью рѣкъ искусственныхъ. Это классическая страна канализаціи и служитъ образцомъ для всей Европы. Въ особенности Ломбардія, нѣкоторыя части Пьемонта, поля Турина, Ломеллина вверхъ отъ Тичино, Полезины, Феррары и Ровиго прекрасно орошены системою крупныхъ и мелкихъ артерій, разносящихъ жизнь въ формѣ текучей земли по всѣмъ истощеннымъ полямъ. Еще въ срединѣ среднихъ вѣковъ, когда почти вся Европа была въ состояніи варварства, ломбардскія республики примѣняли уже искусство развѣтвлять рѣки до безконечности посредствомъ ирригаціонныхъ каналовъ и осушать низменныя равнины посредствомъ сточныхъ каналовъ; онѣ не нуждались въ арабской учености для открытія секретовъ гидравлики. Въ концѣ двѣнадцатаго вѣка, Миланъ, освободившись отъ нѣмецкихъ стѣсненій, создалъ себѣ настоящую рѣку, Навильо Гранде, которая была проведена изъ Тичино, на протяженіи 50 километровъ, и которую умѣли вырыть съ сохраненіемъ вездѣ одинаковаго склона, сдѣлавъ ее удобною какъ для плаванія, такъ и для орошенія. По всей вѣроятности, это было первымъ въ Европѣ большимъ сооруженіемъ подобнаго рода. Въ началѣ тринадцатаго вѣка Адда давала еще большую массу воды и наполняла русло Муццы которая, до прорытія большихъ каналовъ въ Индустанѣ, была самою полноводною искусственною рѣкою во всемъ мірѣ. Впослѣдствіи Адда дала Милану другую рѣку, Мартезану, которую довершилъ великій Леонардъ-де-Винчи. Уже въ прошломъ вѣкѣ миланскими инженерами было открыто искусство подыматься водою вверхъ посредствомъ устройства шлюзовъ, и имъ начали пользоваться для проведенія въ странѣ цѣлой сѣти второстепенныхъ каналовъ. Наконецъ, съ успѣхами новѣйшей техники, сѣть большихъ искусственныхъ жилъ, присоединенныхъ къ естественной системѣ рѣкъ, увеличилась еще проведеніемъ *навильо* изъ Милана въ Павію и каналомъ Кавура, берущимъ начало въ По, ниже Турина, и орошающимъ 160 гектаровъ земли, каналомъ Вилорези, идущимъ отъ Тессина, а также каналомъ Веронскимъ, испускаемымъ рѣкою Адижемъ.

Средній приходъ воды въ ирригаціонныхъ каналахъ долины По:

Вилорези	70	куб. метр. въ секунду.
Муцца	61	„ „ „
Навильо Гранде .	51	„ „ „
Кавуръ	42	„ „ „
Мартезана	26	„ „ „

Къ орошенію въ сѣверной Италіи приспособлены не только большія рѣки, но и маленькіе источники, *fontanili*, струящіеся изъ подошвы альпійскихъ предгорій. Еще Виргилій говорилъ въ своихъ *Буколикахъ*: «Дѣти, останавливайте воду—луга довольно напоены». Благодаря этимъ-то ручьямъ, которые лѣтомъ бываютъ холодны, а зимою, относительно, теплы, Ломбардія обязана своими удивительными лугами или *marcite*, изъ которыхъ нѣкоторые могутъ дать до восьми покосовъ въ годъ. Какая разница въ двухъ послѣдовательныхъ состояніяхъ великой адріатической равнины—въ состояніи, данномъ ей природою и въ состояніи, созданномъ человѣкомъ! Прежде — это было обширное болото въ низкихъ частяхъ, лѣсъ—въ среднемъ поясѣ, и обширныя пространства вереска на каменистыхъ и глинистыхъ возвышеніяхъ, при подошвѣ Альпъ. Теперь же почти вся равнина По и ея притоковъ покрыта богатѣйшими нивами, рисомъ, пшеницею, кормовыми травами, шелковицею; правда, параллельность полей и монотонная ровность травъ часто утомительны для взора, но за то въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, особенно въ Бріанцѣ-де-Комо („садъ сада Италіи“), они украшены чрезвычайно изящно группами деревъ, маленькими озерками и извилистыми долинами. Необыкновенное разнообразіе, приданное странѣ поперемѣнными выступами и отступленіями древнихъ ледниковъ, усѣявшихъ ее озерами и холмами, отдѣльными горками и сплошными цѣпями, принудило земледѣльцевъ оставить полямъ часть той красоты, которую представляетъ свободная природа. Только на нѣкоторыхъ верхушкахъ моренъ виднѣются еще земли, которыя за недостаткомъ воды остались безплодными, и въ нынѣшнемъ состояніи даже не стоятъ обработки. Говорятъ, что въ нынѣшнемъ вѣкѣ эти, покрытыя верескомъ, пространства стали еще безплоднѣе, чѣмъ прежде, такъ какъ *авы* или профильтрованныя воды, текущія въ глубинахъ сквозь передвижные гравіи, по неизвѣстной еще геологамъ причинѣ, опустились, и вся влажность ушла съ поверхности вглубь.

Для уничтоженія этихъ пустынь, послѣднихъ остатковъ первобытнаго состоянія, инженеры предлагаютъ заимствовать воду прямо изъ большихъ альпійскихъ озеръ въ томъ количествѣ, какое необходимо для

орошенія пространствъ, покрытыхъ верескомъ. Они хотятъ утилизировать всю массу воды, которая теряется теперь въ атмосферѣ и въ Адріатическомъ заливѣ. Исчислено, что орошенная поверхность земли въ долинѣ По составляетъ 12,000 квадратныхъ километровъ, и что каждую минуту употребляется для орошенія около тысячи куб. метровъ воды. Такимъ образомъ, система орошенія уменьшаетъ средній объемъ воды въ рѣкѣ, приблизительно на одну треть, но это еще только начало и рано или поздно эта большая рѣка, разливы и наносы которой играютъ такую важную роль въ экономіи страны, будетъ доведена отводами до весьма скромныхъ размѣровъ, если не считать времени наводненій.

Эти обильныя воды, протекая по всей странѣ, то въ естественныхъ ложахъ, то искусственными каналами, наполняютъ атмосферу своими парами. Воздухъ всегда влаженъ, такъ какъ дожди здѣсь хотя вдвое или втрое рѣже, чѣмъ на океанической сторонѣ Франціи и Англіи, но по количеству изливаемой ими воды обыкновенно весьма значительны; гонимыя южнымъ вѣтромъ и почти всегда сопровождаемыя грозами, тучи разражаются на горныхъ склонахъ цѣлыми потопами. Уже въ Ломбардской равнинѣ, въ Миланѣ, Лоди, Бресчіи, средній слой дождевой воды таковъ же, какъ въ погруженной въ паровую ванну Ирландіи; а въ верхнихъ альпійскихъ долинахъ, гдѣ тучи, сгоняемыя вѣтромъ въ кучу, должны по необходимости разрѣшаться дождями, ежегодный слой дождевой воды можно сравнивать только съ количествомъ дождей нѣкоторыхъ исключительно сырыхъ мѣстностей Португаліи, Астуріи, Гебридскихъ острововъ и Норвегіи.

Средняя влажность воздуха въ Миланѣ въ метрахъ		0,745
Средніе ежегодные дожди въ Миланѣ (за 119 л.)	„	0,999
„ „ „ въ Туринѣ (за 15 л.)	„	0,826
„ „ „ въ Виченчѣ	„	1,158
„ „ „ въ Беллунѣ	„	1,433
„ „ „ въ Удинѣ	„	1,549
„ „ „ въ Тольмеццо на верхнемъ Тальяменто въ метр.		2,088.

Если справедливы измѣренія притока воды въ устьѣ Піаве, то среднее вытеченіе этой рѣки соотвѣтствуетъ выпаденію $1^1/_2$ метра воды на каждый квадратный метръ ея бассейна, не считая при этомъ воды, испаряющейся и поглощаемой растеніями. Эти дожди выпадаютъ безъ правильнаго порядка, но можно положительно сказать, что у нихъ есть два періода ежегоднаго усиленія: май и октябрь мѣсяцы, и два періода, въ

которые они бываютъ рѣже —февраль и іюль. Поэтому бассейнъ По составляетъ промежуточное пространство между поясомъ лѣтнихъ дождей и поясомъ дождей осеннихъ.

По направленію вѣтровъ, великая равнина, простирающаяся отъ Альпъ до Аппенинъ, взятая въ цѣломъ, походитъ на узкую горную долину; атмосферныя теченія, преломляясь въ своемъ движеніи сообразно формѣ бассейна, въ который они вступаютъ, распространяются главнымъ образомъ въ направленіи отъ востока къ западу или прямо наоборотъ; когда они исходятъ съ Альпъ, они рѣдко приносятъ дожди, такъ какъ изливаютъ ихъ на западномъ склонѣ; когда же подымаются съ Адріатическаго моря, то бываютъ, напротивъ, влажны. Но равнина такъ широка и въ горныхъ валахъ ея такъ много проходовъ, что этотъ нормальный токъ и оттокъ сухихъ и влажнымъ вѣтровъ долженъ подвергаться частымъ измѣненіямъ. Въ альпійскихъ долинахъ смѣняемость токовъ, идущихъ сверху и снизу, правильнѣе: каждое озеро имѣетъ свой порядокъ восходящихъ и нисходящихъ вѣтровъ, которымъ руководствуются матросы при плаваніи по ихъ водамъ.

По широтѣ долина По представляетъ страну по преимуществу умѣренную, такъ какъ рѣку въ нѣсколькихъ мѣстахъ пересѣкаетъ 45 градусъ широты, отстоящій одинаково отъ полюса и отъ экватора. И однако же климатъ сѣверной Италіи далеко не такъ мягокъ, какъ это обыкновенно думаютъ; онъ отличается неровностью и представляетъ весьма рѣзкіе переходы отъ крайняго тепла къ крайнему холоду. Въ Вальтелинѣ, или верхней долинѣ Адды, температура можетъ подниматься до 32 градусовъ и опускаться настолько же ниже точки замерзанія. Въ равнинѣ климатъ гораздо умѣреннѣе, благодаря вліянію Адріатическаго моря и Генуэзскаго залива; впрочемъ онъ всегда имѣетъ характеръ климата континентальнаго, и поэтому жизнь въ Туринѣ, Миланѣ и Болоньѣ въ этомъ отношеніи не особенно пріятна. На берегахъ альпійскихъ озеръ есть нѣсколько облагодѣтельствованныхъ природою мѣстностей, которыя какъ напр. Барромейскіе острова, составляютъ счастливое исключеніе и пользуются, относительно, весьма ровною температурою, вслѣдствіе умѣряющаго вліянія воды, которая ослабляетъ жары лѣтомъ и отвращаетъ холода зимою. Въ садахъ залива Палланцы термометръ никогда не опускается ниже 5 градусовъ стоградусника; надо пройти Римъ и вступить въ Неаполитанскую область, чтобы найти такой же климатъ, при которомъ могла бы родиться и развиваться такая же растительность. Венеція, благодаря омывающему ее морю, точно также представляетъ привилегированную мѣстность; несмотря на окружающія ее частью илистыя

лагуны, она отличается здоровостью. Замѣчательно, что соленыя озера и болота сѣверныхъ береговъ Адріатическаго моря безопасны отъ malaria — этого страшнаго бича береговъ Средиземнаго моря. Это преимущество лагунъ Венеціанскаго залива объясняется дѣйствіемъ приливовъ, которые здѣсь сильнѣе, чѣмъ въ Тирренскомъ морѣ, а можетъ быть также и дѣйствіемъ холодныхъ вѣтровъ, дующихъ съ Альпъ и препятствующихъ развитію міазмовъ: Комаккіо здорова не меньше Венеціи; когда молодому человѣку въ равнинахъ Полезины грозитъ сухотка, то его отправляютъ на работы въ рыболовняхъ Комаккіо. Но какъ только инженеры закрывали лагуну отъ свободнаго доступа морской воды и вводили въ нее прѣсную воду рѣкъ, всякій разъ появлялись болотныя лихорадки; болота Равенны и Червіи, къ югу отъ Рено, посѣщаются самыми злокачественными лихорадками, въ особенности въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ землевладѣльцы, изъ печальной страсти къ спекуляціи, вырубили защищавшіе страну сосновые и дубовые лѣса. Точно также наполненъ міазмами воздухъ окрестностей Феррары и Малальберго (непріятное убѣжище) при началѣ паданской дельты.

Самыя нездоровыя по климату мѣстности въ сѣверной Италіи представляютъ узкія альпійскія долины, въ которыя проникаетъ недостаточно свѣта. Значительную часть населенія составляютъ тамъ зобатые и кретины. Въ долинѣ Аосты, гдѣ растительность такъ прекрасна, а люди такъ противны, почти всѣ женщины имѣютъ зобы, вѣроятно, вслѣдствіе свойствъ воды, которая течетъ по скаламъ, содержащимъ магнезію. Жители равнинъ, пересѣкаемыхъ во всѣхъ направленіяхъ ирригаціонными каналами, точно также подвержены частымъ болѣзнямъ, вслѣдствіе вредныхъ міазмовъ, подымающихся съ парами изъ почвы; кромѣ того, пища рабочихъ слишкомъ однообразна и недостаточна для того, чтобы они могли противустоять ослабляющимъ причинамъ:—они старѣются прежде времени, и множество ихъ подвергаются неизлѣчимой болѣзни—миланской проказѣ, извѣстной только въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ главную пищу составляетъ *полента*, приготовляемая изъ маисовой муки. Въ провинціи Кремона этой болѣзни подвергается одинъ изъ двадцати четырехъ человѣкъ и въ другихъ провинціяхъ число это врядъ-ли меньше. Среди рисовыхъ полей Милана и Полезины жизнь еще труднѣе, чѣмъ въ другихъ частяхъ равнины. Женщины часто работаютъ здѣсь по цѣлымъ часамъ, стоя въ нагрѣтой солнцемъ и уже загнившей водѣ, гдѣ по временамъ имъ приходится наклоняться и отрывать отъ себя забравшихся на ноги піявокъ.

	Средняя температура.	Самый теплый мѣсяцъ.	Самый холодный мѣсяцъ	Разница.
Туринъ. .	11°,73	22°,85 (апрѣль)	0°,61 (январь)	23°,24
Миланъ .	12°,8	23°,8 (іюль)	0°,7 „	23°,10
Венеція .	13°,01	23°,92 „	1°,82 „	22°,10.

Но, не смотря на болѣзни, нищету и настоящіе голода, наступающіе вслѣдъ за наводненіями, плодородная равнина По представляетъ собою одно изъ самыхъ населенныхъ мѣстъ на землѣ. Все пространство, какимъ только можно было воспользоваться, занято: мѣста хватаетъ только для человѣка и для домашнихъ животныхъ, которыхъ сравнительно весьма немного. Въ лѣсахъ, которые почти всѣ превратились въ поросли, дичи уже не существуетъ, кромѣ развѣ лѣсовъ по горнымъ склонамъ. Птицы относительно рѣдки, ибо какъ бы мелки онѣ ни были, хотя бы составляли даже одинъ глотокъ, онѣ попадаютъ на обѣдъ крестьянина. Ихъ преслѣдуютъ ружьемъ, силками и всякими снарядами и истребляютъ не только бекасовъ, перепелокъ, пѣвчихъ дроздовъ, но и ласточекъ и соловьевъ. На берегахъ озера Маджіоре убивается ежегодно, по Чуди, около шестидесяти тысячъ пѣвчихъ птицъ, въ Бергамѣ, Веронѣ, Кіавеннѣ, Бресчіи ихъ истребляютъ милліонами; на всякомъ холмѣ альпійскихъ предгорій бываетъ протянута небольшая сѣть.

Населеніе всей равнины, орошаемой По, древнимъ Эриданомъ, весьма сложнаго происхожденія. Латинское по языку, оно считаетъ между своими предками лигуровъ, бывшихъ вѣроятно братьями нашимъ баскамъ; пеласговъ, жившихъ около устьевъ По; этрусковъ, группировавшихся въ многолюдныхъ городахъ и бывшихъ большими мастерами въ канализаціи воды; могущественныя галльскія племена, акцентъ которыхъ, если не слова, остались въ новѣйшемъ нарѣчіи сѣверныхъ итальянцевъ; кельтовъ умбрійскихъ, которыхъ историки считаютъ самымъ древнимъ народомъ Италіи, и наконецъ всѣхъ тѣхъ первобытныхъ народовъ, „родившихся отъ красныхъ дубовъ“, неизвѣстный языкъ которыхъ исчезъ еще быть можетъ не совсѣмъ, такъ какъ въ мѣстныхъ діалектахъ встрѣчаются нѣкоторыя слова, совершенно не объяснимыя этимологіей ни древнихъ, ни новыхъ нарѣчій. Широко открытыя къ востоку, равнины По, конечно, должны были быть посѣщаемы и наводняемы всѣми народами, переполнявшими берега Адріатическаго моря и высокія альпійскія долины. Вообще принимаютъ, что къ югу отъ По и въ долинѣ Танаро до Треббіи преобладало лигурійское племя, между тѣмъ какъ къ востоку страну занимали кельты и этруски.

Германскія нашествія первыхъ вѣковъ нынѣшней эры должны были

также произвести, посредствомъ смѣшеній, глубокое вліяніе на жителей сѣверной Италіи, и объ этомъ вліяніи заальпійскихъ народовъ свидѣтельствуетъ изобиліе людей высокаго роста, встрѣчаемыхъ въ долинѣ По. Чужеземцы: готы и вандалы, герулы и ломбарды вскорѣ слились съ латинизованною массою народа, но ихъ вліяніе на побѣжденныхъ, пріобрѣтенное побѣдою и обладаніемъ феодальною властью, имѣло болѣе значенія, чѣмъ они могли бы имѣть по своей численности. Древняя исторія Ломбардіи представляетъ борьбу между леномъ и коммуною, и когда послѣдняя побѣдила перваго, т. е. къ началу десятаго вѣка,—нѣмецкій языкъ былъ всюду замѣненъ итальянскимъ. Названія фамилій и мѣстъ ломбардскаго происхожденія весьма обыкновенны на пространствѣ отъ лѣваго берега По до подошвы Апеннинъ. Такъ, напримѣръ, Маренго соотвѣтствуетъ нѣмецкому имени Mehring. Потому, на множество названій мѣстностей, оканчивающихся на *ago* и на *ate*, какъ Лурнаго, Гаривате, Белджирате стали, было, смотрѣть какъ на нѣмецкія слова, въ которыхъ нѣсколько видоизмѣнено окончаніе *ach* Но гораздо вѣроятнѣе, что это слова кельтскія, такъ какъ они едва отличаются отъ названій мѣстъ съ окончаніемъ *ac*, которыхъ множество встрѣчается въ южной Франціи.

Дольше всего германское вліяніе на нравы и языкъ чувствовалось въ Фріулѣ или Фріули, по мѣстному, Фурланея—провинціи, ограниченной берегомъ Адріатическаго моря, Каринтійскими Альпами и плоскогорьемъ Карсо. Вліяніе это было такъ значительно, что жители Фріуля считались какъ бы отдѣльнымъ племенемъ, хотя предками ихъ, какъ и большей части другихъ сѣверныхъ итальянцевъ, были латинизованные кельты; многочисленные браки съ сосѣдними словенцами также способствовали образованію ихъ провинціальнаго характера, весьма отличающагося отъ характера венеціанцевъ и тревизанцевъ. Число ихъ доходитъ до пятидесяти тысячъ, не считая тѣхъ, языкъ которыхъ почти совершенно слился съ языкомъ собственно итальянскимъ.

Изъ многочисленныхъ германскихъ колоній, слѣды которыхъ встрѣчаются въ равнинахъ сѣверной Италіи и на первыхъ альпійскихъ склонахъ, самыя значительныя были двѣ: „Тринадцать Общинъ“, расположенная къ сѣверу отъ Вероны, недалеко отъ лѣваго берега Адижа, и „Семь Общинъ“, въ окруженной глубокими долинами горной группѣ, возвышающейся надъ Брентою къ сѣверо-западу отъ Бассано. Въ настоящее время *homines teutonici* этихъ мѣстностей, мнимые кимвры, въ которыхъ ученые хотѣли видѣть потомковъ варваровъ, побѣжденныхъ Маріемъ, обнаруживаютъ свое происхожденіе только голубыми глазами и русыми волосами; языкъ же и нравы—такіе же итальянскіе, какъ и у

жителей долины; врядъ-ли найдется какой-нибудь старикъ, который понималъ бы нарѣчіе своихъ предковъ, которое, говорятъ, очень походило на баварскій языкъ береговъ Тегернзее. Неизвѣстно хорошенько, каковы были точныя границы Тринадцати Общинъ, названія и очертанія которыхъ измѣнились; территорія же Семи Общинъ, или округъ Азіаго, древне-нѣмецкій *Schläge*, ограниченъ совершенно ясно самою природою. Но, несмотря на сосѣдство съ Австріей, онъ латинизованъ врядъ-ли менѣе, чѣмъ первый. Впрочемъ, жители германскихъ общинъ далеко не были борцами за нѣмецкое господство на итальянской почвѣ, какъ воображаютъ по ту сторону Альпъ, а напротивъ, были обязаны венеціанскою республикою защищать ея границы отъ нападеній съ сѣвера: они были избавлены отъ военной службы и пользовались административной автономіей, съ обязанностью не давать непріятелю прохода чрезъ ихъ долины; и они всегда мужественно исполняли эту обязанность, отчего и происходитъ названіе „вѣрнѣйшіе“, присоединенное венеціанцами къ посимому нѣкогда этимъ древнимъ ломбардскимъ населеніемъ прозвищу „бѣдняковъ“. Но ни покровительство Венеціи, ни покровительство Австріи впослѣдствіи не могли спасти нѣмецкія общины отъ нашествія «Вельховъ». Къ востоку отъ великихъ озеръ нѣтъ уже ни одной группы не итальянскаго населенія, и только къ сѣверу отъ Пьемонта, на южномъ склонѣ швейцарскихъ Альпъ, могли еще удержаться германскія колоніи. Эти колоніи, занимающія расходящіяся къ югу отъ Монъ-Розы долины и высокую долину Помматъ, въ которой только-что появившаяся на свѣтъ Тоза образуетъ одинъ изъ самыхъ прелестныхъ альпійскихъ водопадовъ, точно также давно бы измѣнили свой языкъ, если бы не были поддерживаемы одноплеменными народами, живущими въ сосѣднихъ долинахъ Швейцаріи. Недавно еще одна изъ этихъ нѣмецкихъ деревень, Аланья (Olen), сохраняла свои древніе правы: въ ней искони не бывало ни тяжбъ, ни контрактовъ, ни завѣщаній, никакихъ нотаріальныхъ актовъ—все управлялось обычаемъ, т. е. абсолютною властью главъ семействъ.

Французскій элементъ на итальянскомъ склонѣ Альпъ гораздо значительнѣе германскаго. Вся верхняя долина Аосты, между горною группою Большаго Парадиза и Монъ-Розы и съ другой стороны—Моріенскія горы, верхнія долины Доры Рипейры, Клюзона, Пелличе и Пелиса, Вароха или Варанты—населены народомъ французскаго языка и того же самаго происхожденія, какъ савояры и дофинцы противуположнаго склона. Этому мирному нашествію западныхъ кельтовъ, пришедшихъ сюда въ числѣ около 120,000, способствовало общее расположеніе альпійскихъ горныхъ группъ. Всего больше мѣста занимаютъ горцы къ западу отъ

горнаго гребня и составляютъ многочисленныя общины; господствуя надъ равнинами Италіи, какъ съ высоты крѣпости, они, естественно, спустились внизъ и заняли весь поясъ лѣсовъ и луговъ отъ тѣсныхъ долинъ до подошвы горъ. Во многихъ мѣстахъ ихъ границею было послѣднее ущелье, изъ котораго горный потокъ вливается въ равнину, и послѣднія скалы выступающихъ цѣпей сохраняютъ еще развалины замковъ, защищавшихъ древній французскій Дофине. Но усиливающаяся централизація итальянскаго государства, военная конскрипція, администрація, суды, школы все болѣе и болѣе оттѣсняютъ французскій языкъ къ политической границѣ: у каждой деревни два имени, и новое названіе мало-по-малу одерживаетъ верхъ. Изъ всего говорящаго по-французски населенія противятся итальянизаціи ваатланцы или барбеты, жители двухъ долинъ Пеллиса и Клюзона, въ верхъ отъ Пиньероля или Пинерола; только они и имѣютъ литературу, живучія преданія, исторію и религіозный національный патріотизмъ. Ихъ секта, которая гораздо старше реформаціи, была преслѣдуема съ тринадцатаго столѣтія, и жизнь ихъ съ того времени шла среди борьбы и страданій всякаго рода; часто можно было подумать, что истребленіе этого маленькаго народца совершилось; но онъ всегда поднимался снова и 1848 годъ далъ ему равенство правъ. Моральная сила, пріобрѣтенная привычкою жертвовать собою, доставляла изгнаннымъ ваатланцамъ нѣкогда большое вліяніе въ странахъ изгнанія, въ Швейцаріи, во Франціи, въ Англіи: такимъ образомъ „Израиль Альпъ“ занялъ въ исторіи болѣе важное мѣсто, чѣмъ могъ предполагать этотъ народецъ, составляющій въ настоящее время около двадцати пяти тысячъ человѣкъ.

Плодородіе почвы, богатство текучихъ водъ и громадныя земледѣльческія средства, завѣщанныя предшествующими поколѣніями, все еще привязываютъ большую часть населенія паданской Италіи къ земледѣлію. Напрасно пытались оцѣнить громадное количество труда, представляемаго сѣтью оросительныхъ каналовъ, содержаніемъ плотинъ, рвовъ, дорогъ, уравненіемъ поверхности полей, преобразованіемъ всѣхъ воздѣлываемыхъ горныхъ склоновъ въ совершенно правильныя террасы или *ronchi*. Огромныя землекопныя работы, которыми хвалится новѣйшая техника при устройствѣ желѣзныхъ дорогъ, ничтожны въ сравненіи съ тѣми обработанными ступенями, которыя устроены земледѣльцами, какъ гигантскія лѣстницы вокругъ всѣхъ холмовъ и при основаніи почти всѣхъ горъ, опоясывающихъ долину По. Обычный способъ обработки требуетъ сверхъ того непрерывнаго труда, потому что здѣсь земледѣлецъ работаетъ не желѣзнымъ плугомъ, а такъ сказать „заступомъ съ золотымъ остріемъ“ —его работа скорѣе садоводство, а не собственно хлѣбопашество. За то

*

и количество продуктовъ, доставляемыхъ великою равниной—хлѣбовъ, кормовыхъ травъ, шелковицы и коконовъ, овощей и плодовъ, сыровъ, называемыхъ пармезанъ, лодезанъ, горгонцола и др.,—простирается по крайней мѣрѣ до суммы двухъ милліардовъ, чего достаточно для поддержанія весьма значительной вывозной торговли. По нѣкоторымъ отраслямъ земледѣлія, Ломбардія и Пьемонтъ занимаютъ первое мѣсто во всемъ мірѣ и представляютъ почти единственныя страны въ Европѣ, въ которыхъ существуетъ полутропическое воздѣлываніе риса, введенное въ началѣ шестнадцатаго столѣтія. Что касается виноградниковъ, то вообще они содержатся плохо и даютъ лишь посредственное вино, за исключеніемъ холмовъ Асти и Монферрата, а также островнаго холмика Санъ-Коломбано, вина которыхъ пользуются заслуженною извѣстностью. Говорятъ также, что *пиколито* окрестностей Удины не уступаетъ токайскому.

Большія земледѣльческія полосы области По соотвѣтствуютъ естественнымъ дѣленіямъ почвы: горѣ, холму и равнинѣ. Различіе земель и климатовъ имѣло своимъ послѣдствіемъ не только различіе обработокъ, но и существенное различіе въ распредѣленіи собственности. Въ верхнихъ долинахъ, отъ ущелья Тенде до горы Трикорно или Триглавы, большая часть земли—луговъ и лѣсовъ была нераздѣльна между всѣми жителями одной и той же общины, и итальянскому закону, относящемуся враждебно къ этому способу землевладѣнія, съ трудомъ удалось измѣнить его постепенно. Но хотя почти всѣ горцы—совладѣльцы общихъ альповъ и лѣсовъ, у нихъ все-таки есть куски земли, принадлежащіе имъ въ собственность: у всякаго есть свой маленькій косогоръ луга, своя скала, которую онъ своимъ трудомъ превратилъ въ садъ; соціальное положеніе жителей похоже на положеніе французскихъ поселянъ, которые также пользуются выгодами мелкой собственности. Въ странѣ холмовъ, при подошвѣ горы, земля раздѣляются уже на болѣе крупныя фермы; земледѣлецъ уже не хозяинъ, а подчиненъ множеству обычаевъ и несетъ множество повинностей феодальнаго происхожденія, но по крайней мѣрѣ имѣетъ хоть часть произведеній, которою онъ можетъ располагать по своей волѣ. Въ низкой же равнинѣ, гдѣ прорытіе и содержаніе каналовъ обусловливаетъ употребленіе большихъ капиталовъ, поля хотя также раздѣлены на многочисленные участки, но почти всѣ принадлежатъ богатымъ землевладѣльцамъ, которые живутъ большею частью вдали отъ своихъ имѣній и отдаютъ ихъ въ аренду. Большинство крестьянъ остается безъ средствъ къ жизни и принуждено работать поденно на чужой землѣ. И вотъ, въ этой-то самой плодородной области сѣверной Италіи живутъ поселяне самые несчастные, всего чаще подвергающіеся болѣзнямъ, всего

менѣе заботящіеся объ образованіи. Какая разница въ этомъ отношеніи между ними и ваатландскими горцами окрестностей Пиньероля или жителями Вальтелины! Провинція Сондріо въ верхней долинѣ Адды имѣетъ меньше всего людей неграмотныхъ между всѣми мѣстностями Италіи. Она служитъ разсадникомъ учителей для другихъ провинцій.

Большая часть горцевъ итальянскихъ Альпъ отправляется ежегодно въ города, равнины и чужеземныя страны, оправдывая старую поговорку: „нѣтъ страны, въ которой бы не было воробьевъ и бергамцевъ“. Но послѣдніе, хотя и дѣйствительно весьма многочисленны, однако же составляютъ лишь незначительную часть тѣхъ странствующихъ горцевъ, которые ведутъ суровую борьбу за существованіе вдали отъ родной земли и бываютъ даже въ Америкѣ. Фріульцы, жители береговъ озера Маджіоре, и пьемонтцы точно также принуждены покидать свои родимыя лачуги. По весьма опаснымъ зимою, вслѣдствіе глубокихъ снѣговъ, ущельямъ западныхъ Альпъ проходятъ въ это время года пьемонтцы, спускающіеся въ Марсель и другіе города южной Франціи, гдѣ они принимаютъ участіе во всѣхъ большихъ публичныхъ работахъ вмѣстѣ съ французскими рабочими, которые, впрочемъ, не очень ихъ любятъ за пониженіе заработной платы, являющееся вслѣдствіе ихъ конкурренціи. Пьемонтцы же, привыкшіе къ строгой воздержности, могутъ довольствоваться нищенскою цѣною и овладѣваютъ такимъ образомъ, въ ущербъ провансальскимъ рабочимъ, большимъ числомъ мастерскихъ. Въ Швейцаріи строятъ дома и пашутъ землю тоже пьемонтцы, вмѣстѣ съ тессинцами. Они переселяются даже въ Швецію и Россію. Они же, вмѣстѣ съ мороканами строили желѣзную дорогу въ Сенегалѣ, между Сенъ-Луи и Дакаромъ.

Эмиграція изъ долины По:

Въ 1844 г.	103,920 чел.
„ 1885 г.	95,261 „

За исключеніемъ желѣзныхъ копей, служившихъ для фабрикаціи столь извѣстнаго оружія въ Бресчіи, и золотыхъ пріисковъ въ долинѣ Анзаскѣ, при подошвѣ Монъ-Розы, гдѣ еще во времена римлянъ работало до пяти тысячъ невольниковъ и гдѣ еще и нынѣ разработка доставляетъ нѣкоторую выгоду, Сѣверная Италія не имѣетъ значительныхъ металлическихъ жилъ, но у ней есть свои каменоломни мрамора, гнейса, гранита, горшечной и фаянсовой глины, которыя даютъ работу цѣлымъ населеніямъ различныхъ мѣстностей. Что касается собственно промышленности, то извѣстно, каково было ея значеніе во времена великихъ итальянскихъ республикъ; извѣстно, до какой степени совершенства

довели ломбардскіе и венеціанскіе рабочіе фабрикацію шелковыхъ тканей, бархата, золотаго и серебрянаго тканья, ковровъ, зеркалъ, стеклянныхъ и фаянсовыхъ издѣлій, металлическихъ чеканныхъ работъ и всякаго рода вещей, требующихъ вкуса и ловкости рукъ. Съ потерею свободы пала и промышленность, но въ наше время традиціи ея начинаютъ оживать, въ особенности въ фабрикаціи шелковыхъ тканей. Только на фабрикахъ недостаетъ необходимыхъ для машинъ дровъ и каменнаго угля, поэтому заводчики прибѣгаютъ къ водѣ потоковъ, составляющихъ великую двигательную силу, почему почти всѣ большіе заводы основаны при выходахъ рѣкъ изъ альпійскихъ долинъ.

Между древними промыслами, существующими еще и нынѣ и принадлежащими собственно Италіи, слѣдуетъ упомянуть рыбныя ловли въ лагунахъ Комаккіо. Все озеро, занимающее пространство въ 49,000 гектаровъ, представляетъ собою единственный въ мірѣ громадный аппаратъ для рыбной ловли. „*Грау*“ Маньявакка, сдѣлавшаяся нынѣ почти совершенно безполезною для плаванія, служитъ теперь входомъ для водъ канала Палотты, который можно назвать аортою лагуны. Каналъ этотъ, вырытый съ 1631 по 1634 г., вноситъ соленую воду внутрь материка, и посредствомъ развѣтвленій второстепенныхъ каналовъ, снабженныхъ затворами и шлюзами, заставляетъ проникать животворныя волны до самыхъ концовъ лагунъ. Такимъ образомъ большая лагуна Мецціано, занимающая всю западную часть *valli*, оказалась соединенною съ прибрежными лагунами, и ея вода изъ прѣсной обратилась въ соленую. Различные, обнесенные плотинами бассейны, изъ которыхъ въ каждый входятъ артеріи канала Палотты, составляютъ резервуары, въ которыхъ обсѣменяется и развивается въ изобиліи приносимая морскою водою рыба; лабиринтъ съ двойными и тройными стѣнками даетъ пришельцамъ изъ открытаго моря свободный доступъ сюда, но не выпускаетъ ихъ обратно; поэтому они остаются въ резервуарахъ, и когда наступаетъ время ловли, то ихъ налавливаютъ сѣтями столько, что нагружаютъ цѣлыя суда. Спалланцани видѣлъ, какъ въ одномъ такомъ „полѣ“, въ одну ночь наловили 60,000 фунтовъ рыбы. Но иногда вылавливаютъ и еще больше, и въ такомъ случаѣ всю массу мяса употребляютъ какъ удобреніе. Рыбачье населеніе Комаккіо составляетъ немногимъ болѣе пяти тысячъ человѣкъ, которые почти всѣ отличаются высокимъ ростомъ, силою и ловкостью. Костъ обратилъ вниманіе на тотъ замѣчательный фактъ, что цѣлая колонія, устроившаяся на уединенномъ островѣ Комаккіо, отдѣленная отъ всѣхъ сосѣднихъ мѣстъ обширными лагунами, принужденная существовать эксплоатаціей воды, точно также, какъ другіе

эксплоатируютъ землю, употребляя исключительную пищу, состоящую только изъ трехъ породъ рыбъ: головля, угря и аквадели, могла просуществовать длинный рядъ вѣковъ и сохранить типъ своего племени въ такомъ же цвѣтущемъ состояніи, какъ и населенія богатѣйшихъ мѣстностей. Къ сожалѣнію, рыбаки Комаккіо не имѣетъ права собственности на свои „поля“, которыя принадлежатъ государству и богатымъ частнымъ лицамъ. Рабочіе, обреченные на тяжелый трудъ, живутъ въ большихъ казармахъ среди острововъ, и ихъ жены и матери не имѣютъ даже права посѣщать ихъ, а сами они посѣщаютъ городъ въ опредѣленное, назначенное для того время.

Огромное населеніе долины По, почти не уступающее населенію всей остальной континентальной Италіи, распредѣлено неравномѣрно, смотря по различіямъ рельефа и плодородію почвы; но, за исключеніемъ высокихъ и холодныхъ альпійскихъ мѣстностей, жители ея всюду скучены въ мѣстечкахъ и городахъ. Сверху какой-нибудь башни вы увидѣли бы цѣлые десятки ихъ красныхъ и бѣлыхъ массъ, рѣзко рисующихся тамъ и сямъ среди зелени: но деревушекъ и поселковъ совсѣмъ нѣтъ. Собственно деревенскими жителями являются только арендаторы, деревенское же населеніе не можетъ скучиваться, и всѣ земледѣльческія семьи остаются изолированными, а многочисленные землевладѣльцы всѣ живутъ въ маленькихъ городахъ и придаютъ имъ такой богатый видъ, какого вовсе не имѣютъ столь же значительныя мѣста въ другихъ частяхъ Европы. При одинаковой поверхности ни одна область материка не населена такъ, какъ Сѣверная Италія; не говоря уже о земледѣльческихъ мѣстностяхъ, Ломбардія представляетъ часть материка, наиболѣе тѣсно застроенную городами; подобнаго скученія народа нельзя найти до самаго Ганга и Китая.

Вообще населеніе сѣверной Италіи представляется въ слѣдующемъ видѣ:

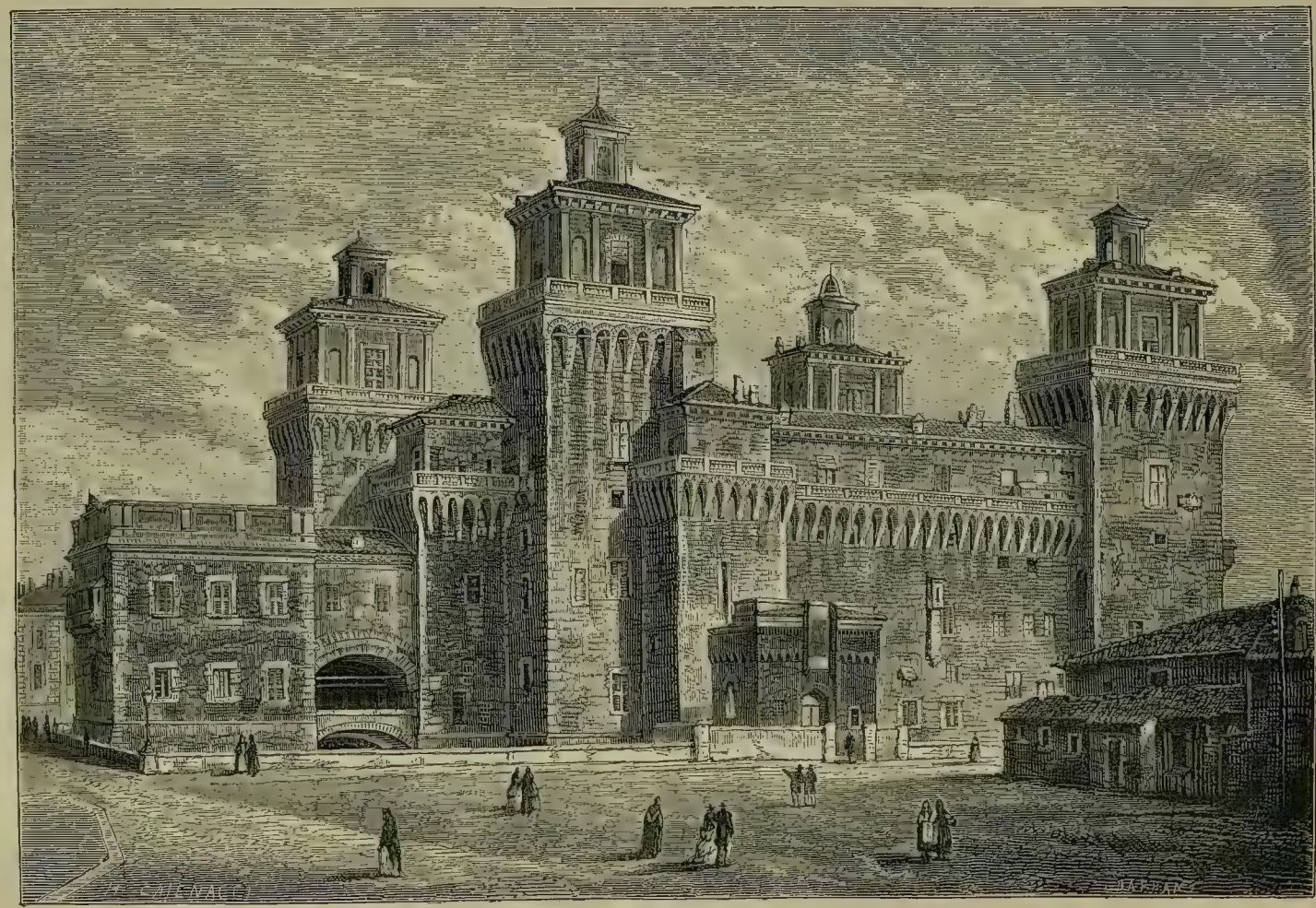
	Поверхность.		Населеніе 1 янв. 1884 г.	Населеніе на километръ.
	Цифры оффиц.	По Стрельбицкому.		
Пьемонтъ . .	29,349 кв. кил.	29,494 кв. кил.	3.115,280 жит.	107 жит.
Ломбардія . .	23,507 „	24,205 „	3.749,770 „	159 „
Венеціанская область. . .	23,464 „	24,025 „	2.873,700 „	120 „
Эмилія. . . .	20,515 „	20,749 „	2.213,600 „	111 „
	96,835 кв. кил.	98,473 кв. кил.	11.951,750 жит.	123 жит.

Здѣсь также многочисленны и большіе города, которые, благодаря своимъ памятникамъ, сокровищамъ искусства и историческимъ воспо-

минаніямъ, почти всѣ пріобрѣли себѣ почтенное имя между городами всего свѣта. Въ такой странѣ, какъ паданскій бассейнъ, гдѣ всюду сосредоточивается множество земледѣльцевъ и сообщенія были всегда необыкновенно легки, центры населенія передвигались безъ труда, вслѣдствіе случайностей войны и превратностей исторіи. Отсюда-то и происходитъ это множество городовъ, которые были знамениты, какъ главные центры древнихъ республикъ или какъ королевскія и герцогскія резиденціи.

Но при подошвѣ Альпъ и Апеннинъ есть города, мѣста которымъ были указаны заранѣе самою природою. Это именно тѣ мѣста, которыя находятся при выходахъ горныхъ проходовъ и служатъ разомъ и естественными торговыми складами, и военными стражами. Такъ древній Ариминумъ, въ новѣйшее время Римини, расположенный въ южномъ углу великой равнины По, въ римскую эпоху охранялъ узкое побережье между Адріатическимъ моремъ и подошвою Апеннинъ. Это былъ входъ въ сѣверную Италію; здѣсь выходила къ морю, спускавшаяся съ горъ, Фламиніева дорога; здѣсь брала начало дорога Эмилія, которая и теперь еще составляетъ большой путь сообщенія между Пьемонтомъ и Адріатическимъ моремъ; здѣсь же начиналась и шедшая по берегу дорога въ Равенну. Позднѣе, когда Римъ пересталъ уже быть столицею Италіи и всего міра и когда Италія была еще раздѣлена на враждебныя государства, огромное стратегическое значеніе имѣли города, расположенные при входѣ въ равнину съ южной стороны и при переправахъ чрезъ По, какъ Болонья и Феррара. Піаченца, расположенная въ тѣснинѣ По, между Пьемонтомъ и Эміліей, и теперь еще представляетъ военный пунктъ первостепенной важности. Александрія, расположенная при сліяніи Танаро и Бормиды, въ одной изъ самыхъ замѣчательныхъ кровавыми битвами равнинъ, была также, уже по своему положенію, назначена сдѣлаться грозною крѣпостью, хотя она еще носитъ данное ей въ насмѣшку названіе Александріи „Соломенной“. Наконецъ, въ сосѣдствѣ съ Франціей и Австріей, всякая долина имѣла при выходѣ укрѣпленную заставу: Винадіо, Шато-Дофинъ, Пиньероль, Фенестрелла, Суза и другія мѣста, которыя большею частью стали ненадежными при нынѣшнемъ могуществѣ артиллеріи, были нѣкогда крѣпостями, защищавшими Италію отъ ея могущественныхъ сосѣдей.

Но, со времени паденія римской имперіи, самой серьезной защиты требовалъ альпійскій выходъ, спускающійся съ Бреннера. Равнины, простирающіяся къ югу отъ Гардскаго озера между берегами Минчіо и Адижа, въ военномъ отношеніи составляютъ самый слабый пунктъ Италіи,



ФЕРАРРА.

что доказано и исторіей. Мирное деревенское населеніе посвящало Бреннерскій проходъ богамъ и торжественно отдавало его подъ покровительство смежныхъ племенъ; но алтари не останавливали являвшихся изъза горъ воинственныхъ ордъ, а напротивъ очень часто онѣ спускались на равнины Италіи, какъ потокъ, какъ рѣка, разливпаяся чрезъ слишкомъ низкую плотину, грабя города и убивая жителей. Ни одно мѣсто на землѣ не напоено столько кровью. Выходы верхней долины Адижа до послѣдней половины нынѣшняго вѣка были главнымъ театромъ сраженій, происходившихъ за обладаніе Италіей. Нѣтъ ни одного города, ни одной деревни на этомъ небольшомъ пространствѣ, которые не пріобрѣли бы печальной извѣстности въ исторіи человѣчества,—здѣсь именно находятся поля битвъ и смерти: Кастильоне, Лонато, Риволи, Сольферино, Кустоцца. Когда австрійцы владѣли Ламбардо-Венеціанскою областью, они позаботились укрѣпить большіе ворота Адижа четырьмя грозными крѣпостями, называемыми четыреугольникомъ, именно въ Веронѣ, Пескіерѣ, Мантуѣ, Леньяго и многими другими не столь значительными сооруженіями—это были „ключи отъ дома“. Сдѣлавшись сама себѣ госпожею, Италія снова возвратила ихъ себѣ: прежде эти ворота были заперты для нея, теперь они заперты для Австріи.

Тѣ же самыя условія почвы, которыя заранѣе предназначили проходамъ Альпъ и Апеннинъ важное стратегическое значеніе, должны были дать имъ также значительную роль и въ исторіи торговли: военные пункты и торговые города могли помѣщаться только при спускахъ проходовъ, одни для охраненія самаго прохода, другіе, напротивъ, для радушпаго пріема источника своихъ богатствъ—проѣзжихъ и товаровъ. Впрочемъ, воинскій геній и торговля не любятъ жить въ сосѣдствѣ другъ съ другомъ, и торговые склады основываются большею частію такъ, чтобы пользоваться выгодами, представляемыми большими естественными путями передвиженія народовъ, избѣгая всегда безпокойствъ и опасностей, которыя обыкновенно влечетъ за собою состояніе войны или вооруженнаго мира. Степень значенія торговыхъ городовъ опредѣляется естественно числомъ идущихъ къ нимъ торныхъ путей. Мѣсто на одной изъ этихъ большихъ дорогъ — составляетъ не болѣе, какъ простую станцію; при выходѣ двухъ или трехъ проходовъ — оно становится уже центромъ населенія и богатства; въ точкѣ же соединенія многихъ дорогъ — оно уже столица. Такъ, Туринъ, къ которому сходятся всѣ чрезъ-альпійскія дороги отъ группы Монъ-Блана до начала Апеннинъ, представляетъ уже по своему положенію одинъ изъ самыхъ оживленныхъ пунктовъ европейской торговли. Миланъ, къ которому сходятся семь большихъ альпійскихъ

дорогъ: съ Симплона, Готарда, Бернардина, Сплюгена, Юльера, Малойа, и Стельвіо, составляетъ также необходимый *etrogium*. Болонья, отдѣлявшаяся нѣкогда отъ Альпъ трудными для перехода болотами и русломъ По, нынѣ связана желѣзными дорогами со всѣми значительными проходами горнаго полукруга; въ ней соединяются линіи изъ Вѣны, Парижа, Марселя и Неаполя.

Безъ устройства дорогъ, долина По никогда не имѣла бы въ исторіи Европы такого относительно важнаго значенія, какое она имѣетъ теперь. Высокая эллиптическая стѣна Альпъ совершенно отдѣляла ее отъ Франціи, Швейцаріи и Германіи, а съ юга не столь высокій валъ Апеннинъ затруднялъ ея сношенія съ долинами Тибра и Арно. Она была открыта только со стороны Адріатическаго моря, прямо къ крутому, дикому берегу, на которомъ и теперь еще живетъ полуварварское населеніе. На всемъ материкѣ Европы нѣтъ естественной, болѣе замкнутой области, которая была бы обнесена болѣе высокою и болѣе трудною для перехода стѣною, по крайней мѣрѣ для жителей нижней долины; но открытіе большихъ проѣзжихъ и желѣзныхъ дорогъ измѣнило все — и сѣверная Италія стала для европейской торговли однимъ изъ главныхъ центровъ прилива и отлива. Черезъ Венецію она связана съ Адріатическимъ моремъ, а посредствомъ апеннинскихъ желѣзныхъ дорогъ съ Генуею, Савоною, заливомъ Спеція и Тирренскимъ моремъ; она господствуетъ разомъ надъ двумя морями, омывающими Италію. Желѣзныя дороги изъ Моданы, Сенъ-Готарда, Бреннера, Зиммеринга и Понтеббы привлекаютъ въ низменную Ломбардію часть торговли Франціи, Германіи, Австріи. Скоро и другія линіи большихъ европейскихъ сѣтей, спускающіяся съ Женевра и ущелья Тенде, соединятся въ цвѣтущихъ городахъ долины По, какъ въ центрѣ одного огромнаго пояса. А болѣе и болѣе центральное положеніе, доставляемое странѣ пересѣченіемъ дорогъ, вмѣстѣ съ удивительнымъ плодородіемъ ея полей и другими преимуществами, способствуетъ къ обращенію сѣверной Италіи въ одну изъ самыхъ жизненныхъ частей великаго организма Европы. Исторія, т. е. трудъ человѣческій, измѣнилъ первобытную географію: истинный центръ полуострова нынѣ оказывается уже не въ Римѣ, а въ древней цизальпинской Галліи. Если бы при выборѣ столицы итальянцы руководствовались дѣйствительнымъ значеніемъ мѣста въ исторіи труда, а не преданіями прошедшаго, то по крайней мѣрѣ четыре города сѣверной равнины могли бы оспаривать честь быть „первымъ между равными“ — Турипъ, Миланъ, Венеція и Болонья.

Турипъ, хотя онъ очень древенъ и былъ сожженъ Аннибаломъ, въ срав-

пеніи съ другими городами Италіи можетъ считаться городомъ новымъ; его широкія и прямыя улицы, пересѣкающіяся подъ прямыми углами, дѣлаютъ его похожимъ на импровизированныя столицы государствъ Новаго Свѣта; но до выбора его въ герцогскія резиденціи онъ былъ совершенно маленькимъ провинціальнымъ городомъ. Со времени римлянъ и даже частію въ средніе вѣка большая дорога изъ полуострова въ Галлію шла по берегу Генуэзскаго залива. Проходъ горы Женевръ былъ, какъ доказываютъ документы, путемъ относительно довольно торнымъ; но вѣрно и то, что съ перемѣщеніемъ торговыхъ сношеній между двумя альпійскими склонами въ сѣверо-западномъ направленіи, недостатокъ широкихъ дорогъ чрезъ склоны и снѣга заставлялъ путешественниковъ колебаться между различными альпійскими проходами отъ Аржантьера къ большому Сенъ-Бернарду, и не одинъ изъ выходовъ верхнихъ долинъ не могъ пріобрѣсти преобладающаго значенія въ торговлѣ Италіи. Впрочемъ, проѣзжающіе очень боялись Альпъ, и на долю каждаго изъ городовъ, расположенныхъ при выходахъ проходовъ, приходилась ничтожная часть торговли. И однако же этапные города были при спускѣ всякаго прохода точно также, какъ и при выходахъ Апеннинскихъ тропинокъ: Мондови—тройной городъ, построенный на трехъ вершинахъ; Копи (Кунео), прекрасно расположенный на своей треугольной террасѣ между Стурою и Гессу, гдѣ вытекаютъ изъ Вальдіери всегда дымящіеся сѣрные ручьи; Салюсъ, который возвышается на отлогомъ склонѣ при основаніи предгорій Визо; башня (Torre di Lurevna), построенная у самаго выхода изъ ваатландской долины, привлекаетъ въ эту мѣстность множество англійскихъ туристовъ; Пиньероль (Пинероло), надъ которымъ возвышается древній укрѣпленный замокъ, служащій часто вмѣсто государственной тюрьмы; Суза—итальянская дверь горы Сениса; Аоста, еще богатый остатками римскихъ временъ; Иврея, построенная на мѣстѣ древняго ледника, спустившагося съ Монъ-Розы; Бьелла—извѣстный своими 350 заводами шерстяныхъ издѣлій. Города, расположенные ниже въ равнинѣ, при встрѣчѣ нѣсколькихъ альпійскихъ путей, должны были также пріобрѣсти нѣкоторое мѣстное значеніе. Таковы въ верхнемъ Пьемонтѣ: Фоссано, построенный на каменистой террасѣ, при соединеніи дорогъ изъ Мондови и Кунео; Савильяно, въ которомъ къ предъидущимъ дорогамъ присоединяются дороги изъ долинъ Макры и По; Бра—центръ пересѣченія желѣзныхъ дорогъ; Карманьола, въ которомъ оканчивается главная дорога съ Апеннинъ. Самый многолюдный въ восточномъ Пьемонтѣ—городъ Новара, расположенный при озерѣ Маджіоре, среди самыхъ плодородныхъ полей, благодаря которымъ онъ сдѣлался главнымъ

хлѣбнымъ рынкомъ на западѣ Ломбардіи; Верчелли, построенный на Сезіи, ниже сліянія всѣхъ рѣкъ, стекающихъ съ горныхъ группъ Монъ-Розы, въ томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, происходило знаменитое сраженіе кимвровъ, пользуется такими же преимуществами, какъ и Новара; Казале древняя столица Монферрата, при одной изъ переправъ По, которую онъ защищаетъ во время войны своими укрѣпленіями.

Туринъ, благодаря своему центральному положенію между всѣми этими городами верхняго и нижняго Пьемонта и соединенію въ немъ всѣхъ путей изъ проходовъ, сдѣлался естественнымъ торговымъ центромъ верхней долины По до Тичино. Извѣстно, какую пользу принесло этому городу усилившееся торговое движеніе, особенно послѣ того, какъ онъ отдѣлался отъ опасной чести быть столицею королевства; пустота, оставленная дворомъ и высшей администраціей, восполнилась, и даже съ избыткомъ, переселенцами, пріѣхавшими сюда по желѣзнымъ дорогамъ. Его арсеналъ, библіотеки, прекрасный музей, университетъ, различныя общества дѣлаютъ его однимъ изъ умственныхъ центровъ полуострова, а по своимъ шелкопрядильнямъ и шерстопрядильнямъ, бумажнымъ и другимъ фабрикамъ, онъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ Италіи. Сверхъ того, въ его окрестностяхъ есть прелестные виды: его холмъ Суперга, находящійся въ нѣсколькихъ километрахъ къ востоку и украшенный великолѣпною церковью, господствуетъ надъ самой красивой панорамой итальянскихъ Альпъ. Въ его большомъ городскомъ округѣ множество маленькихъ городовъ, извѣстныхъ своими замками, парками, виллами, какъ Монкальери, Кіери Кариньяно, которые представляютъ еще болѣе живописные виды, чѣмъ Туринъ; служа дачами для жителей столицы, они дѣлаются участниками въ ея благосостояніи. Что касается городовъ, расположенныхъ въ бассейнѣ Танаро, къ югу отъ группы холмовъ Турина, то они образуютъ, конечно, отдѣльную группу и имѣютъ спеціальную географическую роль, а именно служатъ естественными посредниками между верхней долиной По, Ломбардіей и генуэзскими берегами. Александрія (Алессандріа), военный пунктъ, отличающійся скучною правильностью и замѣнившій собою, въ стратегическомъ отношеніи, Тортону и Нови, расположенныя въ той же равнинѣ, есть узелъ восьми линій желѣзныхъ дорогъ и, слѣдовательно, является однимъ изъ такихъ городовъ Италіи, гдѣ совершается наибольшее передвиженіе. Сосѣдніе города: Асти, знаменитый шипучими винами, и Акви, славящійся еще со временъ римлянъ своими обильными теплыми источниками, представляютъ также важныя торговыя мѣста. Евреи въ Акви, числомъ около

пятисотъ, обладаютъ значительной частью богатствъ страны; ихъ теперь не высылаютъ болѣе въ еврейскій кварталъ.

Производство винодѣлія въ Пьемонтѣ въ среднемъ: 2.700,000 гектолитровъ.

Населеніе главныхъ общинъ Пьемонта къ 1-му января 1882 г.

Туринъ (Торино)	252,832 жит.
Александрія (Алессандріа)	62,460 „
Асти	33,235 „
Новарра	30,750 „
Казале Монферрато	28,710 „
Верчелли	26,700 „
Кони (Кунео)	24,850 „
Фоссано	18,350 „
Мондови	17,900 „
Савильяно	17,150 „
Пиньероль (Пинероло)	17,040 „
Салюсъ (Салюццо)	15,640 „
Кіери	16,000 „
Біелла	14,710 „
Бра	14,540 „
Тотона	14,440 „
Нови	13,780 „
Карманьола	12,280 „

Столица Ломбардіи, Миланъ, является во всѣхъ отношеніяхъ одною изъ главъ Италіи: по населенію своему, включая предмѣстья, онъ уступаетъ только Неаполю; по торговлѣ уступаетъ только Генуѣ; по промышленности онъ равенъ этимъ двумъ городамъ, а по научному и литературному движенію, онъ, вѣроятно, первый изъ городовъ между Альпами и Сицилійскимъ моремъ. Двѣ главнѣйшія библіотеки Италіи находятся въ Миланѣ, именно библіотека Брера и Амвросійская; въ зданіи библіотеки Брера, кромѣ того, помѣщаются: школа изящныхъ искусствъ, картинная галлерея, обсерваторія, институтъ-ломбардъ и собраніе разныхъ коллекцій. Съ самаго начала исторіи, Миланъ, этотъ естественный исходный пунктъ двухъ озеръ, Маджіоре и Комо, является намъ важнымъ кельтскимъ городомъ; впослѣдствіи, выгоды его положенія доставляли ему то равенство съ важнѣйшими городами, то преимущество надъ всѣми городами Сѣверной Италіи. Въ средніе вѣка, по могуществу, его называли «вторымъ Римомъ» — такъ какъ уже къ концу тринадцатаго вѣка онъ

имѣлъ 200,000 жителей, между тѣмъ какъ Лондонъ не имѣлъ въ то время и шестой части этого числа. Милану недоставало воды, у него была только ничтожная рѣчка Олона, и онъ сдѣлалъ себѣ настоящія рѣки: Навильо Гранде и Мартезану, которыя несутъ вдвое больше воды, чѣмъ Сена въ Парижѣ въ періодъ мелководья. Онъ былъ обстроенъ также великолѣпными памятниками, но они погибли во время столь многочисленныхъ войнъ, опустошавшихъ Миланскую область—и почти весь городъ принялъ видъ новѣйшихъ западно-европейскихъ городовъ. Его знаменитое зданіе—Соборъ,—съ точки зрѣнія искусства, есть ничто иное, какъ громадное чеканное произведеніе, драгоцѣнная игрушка огромныхъ размѣровъ; но по красотѣ употребленныхъ на него матеріаловъ, по законченности деталей, по громадному множеству статуй, которыхъ, говорятъ, въ немъ до семи тысячъ, онъ представляетъ диво архитектуры. Недалеко отъ озера Маджіоре, около устьевъ Точе, есть двѣ большія каменоломни: одна бѣлаго мрамора, другая гранита, которыя съ конца четырнадцатаго вѣка служатъ исключительно для постройки и поддержанія этого громаднаго зданія.

Гордая своимъ прошедшимъ и свободно располагавшая своими судьбами, столица Ломбардіи считаетъ честью то, что она никогда не повиновалась рабски внѣшнимъ давленіямъ; у ней свои взгляды, свои нравы, свои особенныя моды, и даже все получаемое ею изъ-за границы носитъ черты мѣстной своеобразности. Точно также и всѣ города, тѣснящіеся въ равнинѣ, стараются сохранить свой самобытный характеръ—всѣ они держатся своихъ древнихъ преданій и хвалятся своими лѣтописями. Комо, на концѣ своего прекраснаго озера, также древній свободный городъ, соперникъ Милана, обогащенный нынѣ своими шелкопрядильнями и произведеніями Бріанцы; Монца, окруженная парками и дачами, городъ коронованія; Павія, съ низверженными нынѣ «пятьсотъ двадцатью пятью башнями», напоминаетъ собою, что она была резиденціею ломбардскихъ королей и съ гордостью показываетъ свой университетъ, одинъ изъ самыхъ старыхъ въ Европѣ, и свой великолѣпный Шартрезъ, чудо эпохи Возрожденія, и самый пышный монастырь во всей Италіи; въ Виджевано, по другую сторону Тичино — прекрасный замокъ и самыя лучшія въ странѣ нивы въ окружающихъ его поляхъ; Лоди, имѣющій еще весьма значительную торговлю, въ одиннадцатомъ вѣкѣ былъ самымъ могущественнымъ въ Италіи городомъ послѣ Милана и велъ съ нимъ ужасныя, истребительныя войны; Кремона, старая республика, бывшая также въ борьбѣ съ Миланомъ, славится своимъ torrazzo въ 121 метръ, который, до постройки большихъ готическихъ соборовъ, былъ высочайшею башнею въ

мірѣ; Бергамо, возвышающійся на своемъ холмѣ надъ богатыми равнинами Брембо и Серіо, хвалится тѣмъ, что если бы не существовало Флоренціи, то онъ былъ бы самымъ богатымъ великими людьми городомъ Италіи; еще болѣе гордая Бресчіа, городъ оружія, объявляетъ себя матерью героевъ.

Мантуя, расположенная на Минчіо и принадлежащая къ числу укрѣпленныхъ городовъ четырехугольника, можетъ считаться не входящею въ предѣлы собственно Ломбардіи, хотя она и принадлежитъ ей политически. Городъ этотъ, въ которомъ евреевъ сравнительно больше, чѣмъ въ другихъ непріморскихъ городахъ Италіи, представляетъ главнымъ образомъ большую военную крѣпость и много утратилъ своей древней коммерческой дѣятельности; жителей родины Виргилія уединяютъ болота, лѣса, рисовыя поля, сточныя канавы, и вообще весь лабиринтъ водъ, составляющій исключеніе даже въ сырой Ломбардіи. Наконецъ, города, расположенные въ горахъ, каковы Сондріо, главный городъ Вальтелины, на верхней Аддѣ, и прелестный Сало, съ деревенскими домами, разсѣянными среди лимонныхъ рощъ, на берегу Гардскаго озера, имѣютъ также свою особенную физіономію, совершенно отличающую ихъ отъ городовъ Ломбардской равнины.

Населеніе главныхъ общинъ (городъ съ округомъ) Ломбардіи къ 1 января 1882 г.

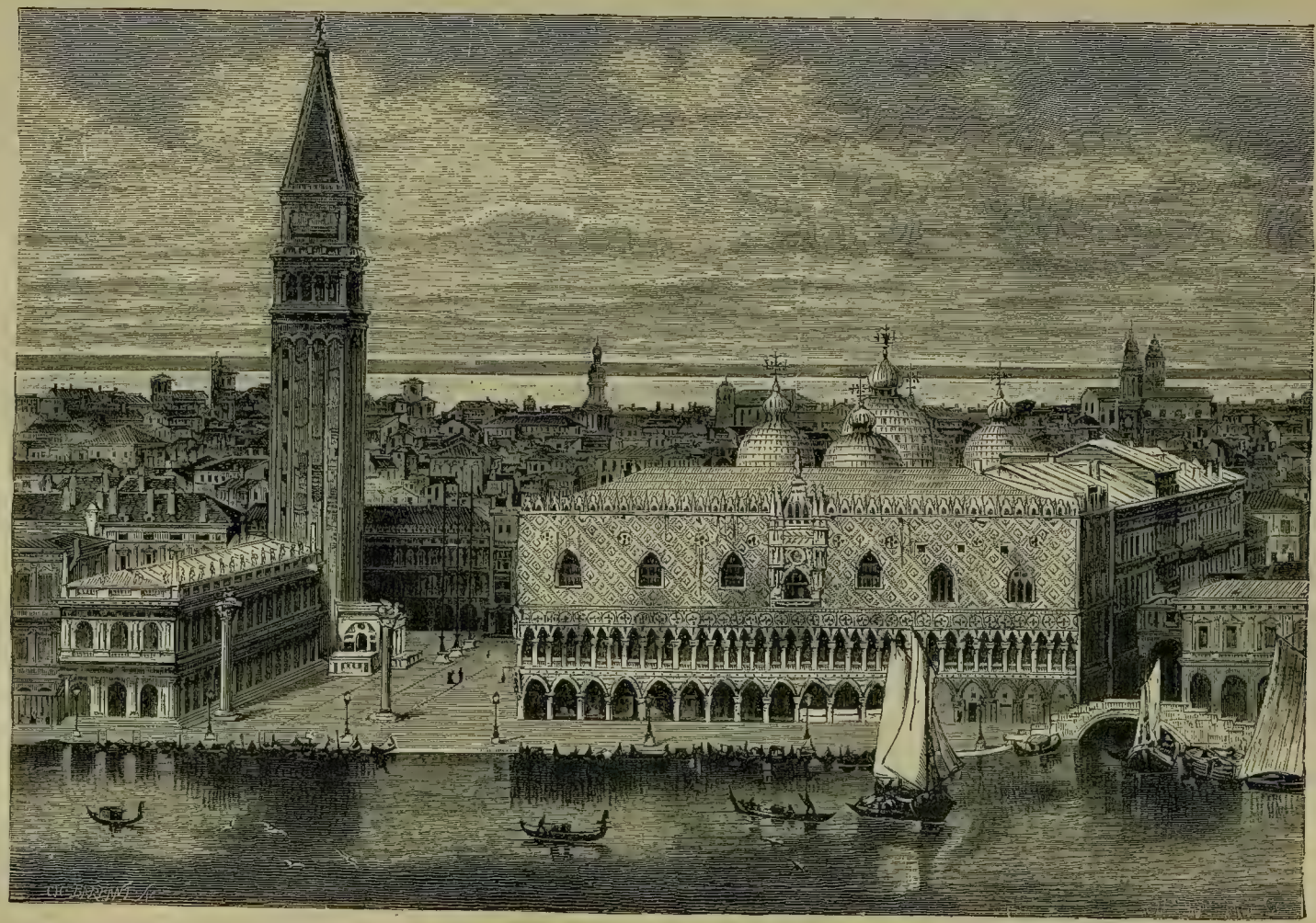
Миланъ (Милано)	321,840	жит.
Бресчіа	60,630	„
Бергамъ (Бергамо).	39,700	„
Кремона	31,930	„
Павія	29,940	„
Мантуа (Мантова)	28,050	„
Монца	28,010	„
Комо	25,560	„
Лоди	25,800	„
Виджевано	20,100	„

Большіе города по другую сторону По, въ Эмиліи, имѣютъ большею частью меньше своеобразности, чѣмъ города ломбардской равнины, и вѣроятно потому, что стоятъ на Эмилійской дорогѣ, при основаніи Апеннинъ, и что все оригинальное въ нихъ сглажено непрерывнымъ движеніемъ товаровъ и солдатъ. Піаченца — довольно скучный военный городъ, интересенъ своими памятниками и воспоминаніями и имѣетъ весьма важное значеніе какъ посредникъ торговли между Пьемонтомъ, Ломбардіей

и Эмиліей. Страделла—городъ, расположенный между правымъ берегомъ По и склонами горъ, покрытыхъ дубовыми рощами и виноградниками. Въ Пармѣ, бывшей герцогской резиденціи, есть богатая библіотека, музей и церкви съ удивительными фресками Корреджіо. Другая важная станція Эмилійской дороги, Реджіо, не имѣетъ уже знаменитой *Ночи* Корреджіо, который, вмѣстѣ съ Аріостомъ, былъ самымъ знаменитымъ сыномъ страны Модена, которая недавно еще, какъ и Парма, была столицею герцогства, имѣетъ также свою библіотеку и драгоцѣнное собраніе книгъ и рукописей, называемое библіотекой *Estense*. Наиболѣе сохранила свою оригинальность нынѣшняя столица Эмиліи—„ученая“ Болонья, родина Гальвани и другихъ великихъ людей, принявшая себѣ девизомъ слово *libertas*. Она остается однимъ изъ самыхъ любопытныхъ городовъ Италіи по своимъ дворцамъ, средневѣковымъ постройкамъ, по двумъ наклоннымъ башнямъ наклоненіе которыхъ увеличивается понемногу съ каждымъ вѣкомъ, по своимъ картинамъ болонской школы и другимъ археологическимъ остаткамъ римскаго, этрусскаго и до-этрусскаго періода, разсѣяннымъ въ окрестностяхъ; на кладбищѣ Вилановы находятся памятники, которымъ насчитываютъ около 3000 лѣтъ [1]). Болонья, какъ общій центръ всѣхъ желѣзныхъ дорогъ, спускающихся съ Альпъ и съ Апеннинъ, пользуется въ настоящее время большимъ торговымъ благосостояніемъ и населеніе ея быстро возрастаетъ Къ несчастію ея, сосѣднія поля часто опустошаются Рено, и именно благодаря этимъ бѣдствіямъ отъ наводненій, Болонья потеряла свое древнее прозваніе „Дородной“. Ни одинъ изъ городовъ сѣверной Италіи между Болоньей и Когерой не сообщается желѣзной дорогой съ Тирольской сторопою,—Парма, Реджіо и Модена должны были бы прокладывать себѣ дороги черезъ горную цѣпь. На одномъ изъ холмовъ, къ юго-западу отъ Реджіо, возвышается знаменитый замокъ Каносса, куда явился германскій императоръ Генрихъ IV для поклоненія папѣ Гильдебранду.

Другія древнія столицы, невдалекѣ отъ оживленной торговлею Болоньи, остаются нѣкоторымъ образомъ въ забросѣ и о бывшей ихъ славѣ свидѣтельствуютъ только постройки. Феррара, получившая извѣстность благодаря рожденію въ ней Аріоста и всѣмъ жестокостямъ дома Эсте, пала съ тѣхъ поръ, какъ пересталъ здѣсь течь По, отодвинувшійся отсюда дальше къ сѣверу. Впрочемъ, населеніе ея коммуны съ разбросанными домами еще довольно значительно. Равенна же, древній Римъ Гонорія и Теодорика Готскаго, избранная столицею имперіи, вслѣдствіе затрудни-

[1]) Цапони, Додзани, Дезоръ, — записки.



ДВОРЕЦЪ ДОЖЕЙ ВЪ ВЕНЕЦІИ.

тельности доступа къ ней черезъ болота, и наполненная, благодаря итальянскимъ экзархамъ, прекрасными византійскими постройками, представляющими по своему архитектурному стилю и удивительнымъ мозаикамъ столь любопытное и даже исключительное явленіе въ исторіи итальянскаго искусства, покинута уже не рѣкою, а самимъ морскимъ заливомъ. Во времена римлянъ она была въ прямомъ сообщеніи съ Адріатическимъ моремъ, а теперь соединяется съ нимъ лишь посредствомъ искусственнаго канала въ 11 километровъ длины, который доступенъ для судовъ, сидящихъ въ водѣ на 4 метра; портъ Корсини обязанъ своимъ существованіемъ точно также человѣческому труду; древніе же римскіе порты, одинъ военный, другой коммерческій, совершенно исчезли. Древнія постройки Равенны, вслѣдствіе рыхлости почвы, погружаются въ нее; крестильница четвертаго вѣка опустилась на 3 метра ниже поверхности нынѣшнихъ улицъ; предполагаютъ нынѣ поднять этотъ памятникъ на поверхность земли. Къ счастью для исторіи искусствъ, ни одинъ изъ древнихъ памятниковъ Равенны не былъ до сихъ поръ реставрированъ. Что касается древняго этрусскаго города Адріи, расположеннаго къ сѣверу отъ По, въ Венеціанской области, то онъ уже болѣе двухъ тысячъ лѣтъ не заслуживаетъ того, чтобы сосѣднее море называлось его именемъ. Онъ удаленъ отъ него почти на 22 километра. Но нельзя сказать, чтобы и въ римскую эпоху онъ былъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ моремъ. Самое названіе, данное Адріи „городъ семи морей“, доказываетъ, что онъ былъ окруженъ лагунами. Точно также одна изъ деревень, расположенныхъ въ равнинѣ при подошвѣ Эвганейскихъ холмовъ, названіемъ своимъ Порто обязана, вѣроятно, какому нибудь озерному или рѣчному порту. Мѣстечко Коппаро, расположенное въ Полезинѣ феррарской, на берегу большихъ и не высохшихъ еще болотъ нижней долины По, считаетъ въ себѣ около 30,000 человѣкъ только вслѣдствіе обширности общины, занимающей около 40,000 гектаровъ. Ченто, родина Гершена, также довольно большой городъ, имѣющій около 20,000 жителей.

Многолюдные и знаменитые историческими событіями города тѣснятся въ южномъ углу равнины, называемомъ Романья, между Апеннинами и моремъ. Имола, возвышающаяся своими зубчатыми башнями на берегу Сантерно, весьма богата минеральными водами; Луго, „городъ красивыхъ романьолокъ“, стоитъ въ самомъ центрѣ Равеннской области и, благодаря своему положенію, представляетъ весьма оживленный рынокъ съѣстныхъ припасовъ; Фаэнца, чрезъ которую прямо какъ стрѣла проходитъ Эмилійская дорога, представляетъ скорѣе земледѣльческій городъ, чѣмъ промышленный центръ, хотя онъ и сообщилъ свое имя фаянсовымъ

издѣліямъ, обогащающимъ нынѣ столько мѣстъ во Франціи и въ Англіи. Форли, главный городъ провинціи,—самый многолюдный послѣ Болоньи при подошвѣ романскихъ Апеннинъ. Чезена извѣстна въ особенности превосходными коноплями, растущими на ея поляхъ. Наконецъ, Римини, въ которомъ Эмилійская дорога выходитъ на морской берегъ, сохранилъ нѣсколько римскихъ развалинъ, и между прочимъ тріумфальныя ворота, указывавшія входъ во всю Сѣверную Италію. Населеніе этой мѣстности быть можетъ самое здоровое и самое энергичное на всемъ полуостровѣ. Романьолы обладаютъ сильными страстями и силой для удовлетворенія ихъ. Это—племя либо героевъ, либо злодѣевъ.

Населеніе главныхъ общинъ (городъ съ его округомъ) Эмиліи къ 1 января 1882 г.

Болонья. . . .	123,275 жителей.	Чезена	38,220 жителей.
Феррара. . . .	75,550 „	Фаэнца	36,040 „
Равенна. . . .	60,570 „	Римини	36,080 „
Модена	58,060 „	Піаченца . . .	34,990 „
Реджіо.	50,650 „	Коппаро. . . .	31,020 „
Парма.	45,220 „	Имола.	29,340 „
Форли.	40,950 „	Луго.	25,660 „
		Ченто	19,720 „

Многіе венеціанскіе города, будучи главными городами провинцій, имѣютъ важное значеніе: Падуа—весьма богата драгоцѣнными памятниками искусства, университетскій городъ, бывшій соперникъ Венеціи; Виченца, родина Пифагетты, который первый описалъ кругосвѣтное плаваніе, и Палладія, которому городъ обязанъ украшающими его памятниками; Тревиза—на Силѣ; Беллуно—въ верхней долинѣ Піавы; Удина, въ которомъ показываютъ холмъ земли, насыпанный по приказанію Аттилы, смотрѣвшаго отсюда на пожаръ Аквилеи; своимъ положеніемъ на столь живописной альпійской желѣзнодорожной линіи Понтеббы Удина сдѣлалась одной изъ главныхъ станцій сѣти желѣзныхъ дорогъ Европы. Пальманова, на границѣ Австро-Венгріи, представляетъ самую правильную на свѣтѣ крѣпость; она имѣетъ форму орденской звѣзды, украшенной рельефнымъ рисункомъ. Совсѣмъ въ другомъ родѣ могущественъ военный городъ Верона, расположенный на другомъ концѣ венеціанской территоріи и игравшій важную роль въ исторіи Италіи; но какъ торговый и промышленный городъ, Верона сильно упала въ сравненіи съ ея древнимъ благосостояніемъ. Между поясомъ стѣнъ и бастіоновъ ея, въ ней множество прекрасныхъ зданій средневѣковыхъ и эпохи Возрожденія и громадный римскій амфи-

театръ, въ которомъ могутъ разомъ помѣститься пятьдесятъ тысячъ зрителей. Но изъ всѣхъ венеціанскихъ городовъ, быть можетъ, въ наибольшемъ упадкѣ, по сравненію со своимъ прошедшимъ, находится сама Венеція, „царица Адріатическаго моря“.

Венеція городъ очень древній. Остатки римскихъ построекъ, найденные на островѣ Санъ-Джорджіо ниже уровня моря и приводимые въ доказательство любопытнаго явленія постепеннаго осѣданія венеціанскихъ лагунъ, доказали въ то же время, въ противность общему мнѣнію, что наносные островки залива были населены еще до нашествія варваровъ. Эти полузатопленныя земли могли служить убѣжищемъ для прибрежнаго населенія именно потому, что представляли собою удобства, какъ торговыя складочныя мѣста. Во всякомъ случаѣ, настоящая Венеція является только съ начала девятаго вѣка, съ той эпохи, когда правительство морской республики вступило въ свои права на большомъ островѣ. Извѣстно, какова была удивительная судьба города, населеннаго потомками древнихъ венетовъ. Расположенная въ промежуточной области, отдѣленная одновременно отъ моря посредствомъ *лиди* и отъ твердой земли лиманами и топкими пространствами, Венеція имѣла то неоцѣнимое преимущество, что во время безпрерывныхъ войнъ, опустошавшихъ Европу, она была почти неприступна для всякаго непріятеля, какъ съ сухаго пути, такъ и съ моря. Она же, съ своей стороны, могла свободно посылать свои торговыя и военныя экспедиціи ко всѣмъ берегамъ Средиземнаго моря и основывать тамъ конторы или крѣпости. Послѣ войнъ, выдержанныхъ ею съ самымъ горячимъ патріотизмомъ, она сдѣлалась самою могущественною и богатою изъ всѣхъ торговыхъ республикъ Италіи. Впрочемъ, она имѣла наилучшее положеніе для легкости торговаго обмѣна. Обладая выгодами болѣе высокаго, чѣмъ въ большей части средиземныхъ водъ, прилива, Венеція находится почти въ центрѣ областей, составлявшихъ въ средніе вѣка весь торговый міръ. Кромѣ того, занимаемое ею положеніе на концѣ Адріатическаго моря, недалеко отъ той части Альпъ, гдѣ горный порогъ понижается между плоскогорьями Иллиріи и снѣжными хребтами Каринтіи и Тироля, позволяло ей легко сообщаться со всѣми рынками Германіи, Фландріи и Скандинавіи. Сталкиваясь съ людьми всякихъ странъ, венеціанецъ смотрѣлъ на иностранцевъ безъ предвзятой ненависти; онъ принималъ армянъ и вступалъ въ браки съ турками. Во времена крестовыхъ походовъ, венеціанская республика была самымъ уважаемымъ государствомъ Европы, государствомъ, которое, по отсутствію всякаго религіознаго фанатизма, имѣло самую безпристрастную политическую роль и посланники котораго имѣли наибольшій авторитетъ. Но это вліяніе под-

держивалось громадною матерьяльною силою. Венеція имѣла до трехсотъ военныхъ кораблей съ тридцатью шестью тысячами мореходцевъ, и богатства міра, то пріобрѣтаемыя законною торговлею, то приносимыя въ дань, то добываемыя побѣдой, скоплялись въ ея двухъ тысячахъ дворцахъ и двухстахъ церквахъ; одинъ изъ ея островковъ могъ бы купить цѣлое царство въ Африкѣ или Азіи. На той грязи, гдѣ когда-то съ осторожностью ставилъ рыбакъ свой шалашъ изъ вѣтвей, выросъ пышный и самый красивый на Западѣ городъ. Цѣлые лѣса лиственницы, срубленные на горахъ Далмаціи, употреблены на укрѣпленіе почвы; болѣе четырехсотъ мраморныхъ мостовъ съ островка на островокъ соединили сѣть улицъ и площадей, а превосходныя гранитныя плотины, построенныя „на венеціанскія деньги и съ римскою смѣлостью“, явились на защиту великолѣпнаго города отъ ярости моря. Блескъ промышленности и великолѣпіе искусства способствовали тому, чтобы *Venezia la Bella* не имѣла себѣ подобныхъ.

Венеція, родина Марино Сапудо, братьевъ Дзено, Кадомосто, Рамузіо, много способствовала открытію новыхъ странъ при помощи своихъ путешественниковъ, во главѣ которыхъ слѣдуетъ поставить Марко Поло, „Христофора Колумба Азіи“, при своихъ мореплавателяхъ и караванахъ. Но географическія открытія, въ которыхъ сама Венеція принимала столь большое участіе своими мореплавателями и коммерческими караванами, нанесли рѣшительный ударъ могуществу итальянскаго города. Средиземное море перестало быть торговымъ по преимуществу, а объѣздъ вокругъ Африки и открытіе Новаго Свѣта перенесли крупную торговлю на берега сѣвернаго Атлантическаго океана. Съ тѣхъ поръ Венеція была обречена на погибель. Индѣйская дорога ей уже не принадлежала, и со стороны востока торговый кругъ ея тѣсно ограничивала возрастающая власть турокъ. Впрочемъ, она располагала еще такими средствами, и организація ея была такъ крѣпка что городъ могъ сохранять свою независимость болѣе трехсотъ лѣтъ послѣ потери своихъ торговыхъ конторъ. Она пала только отъ жалкой измѣны одного своего союзника, генерала Бонапарта.

Время австрійскаго управленія было періодомъ наибольшаго упадка. Въ 1840 г. городъ имѣлъ не болѣе ста тысячъ жителей; сотни его дворцовъ были въ развалинахъ; площади поростали травою; ступени набережныхъ покрывались водорослями. Со времени присоединенія къ Италіи благосостояніе его стало мало-по-малу возвращаться. Городъ, соединенный съ материкомъ замѣчательнѣйшимъ въ мірѣ мостомъ, имѣющимъ не менѣе 222 арокъ и болѣе 3,600 метровъ длины, можетъ отправлять и получать товары и съѣстные припасы прямо изъ внутренности страны. Его порты,

хотя и не такъ дѣятельные, какъ Тріестскій, и недавно еще лишенные льготы, позволявшей имъ конкуррировать съ ихъ истрійскимъ соперникомъ, производятъ однако же весьма серьезную каботажную и прибрежную торговлю, особенно съ тѣхъ поръ, какъ паруса замѣнились паромъ. Движеніе судовъ его составляетъ почти половину движенія судовъ въ Генуѣ. Оно было:

Въ 1865. . . . . 499,000 тоннъ.
„ 1884 г. 4,206 судовъ вмѣстимостью въ 1.292,400 „

Лѣтомъ цѣлыя толпы купальщиковъ отправляются въ Лидо. Наконецъ фабрикація зеркальныхъ стеколъ, кружевъ и другихъ издѣлій даетъ новую жизнь Венеціи и ближайшимъ, расположеннымъ въ лагунахъ, городамъ: Маламокко, Бурано, Мурано, Кіоджіо; тысячи рабочихъ постоянно заняты отливкою тѣхъ разноцвѣтныхъ стеклянныхъ мелочей, которыя отправляются во всѣ части свѣта и употребляются въ нѣкоторыхъ странахъ востока и въ центрѣ Африки вмѣсто денегъ. Впрочемъ, какъ бы ни упала Венеція по народонаселенію и дѣятельности сравнительно съ тѣмъ, что она была, развѣ не обладаетъ она всегда тѣмъ, за что такъ любятъ ее художники и поэты—своимъ пріятнымъ климатомъ, прекраснымъ небомъ, веселою жизнью, празднествами, площадью св. Марка, конной статуей Коллеони, драгоцѣнными библіотеками, архивами, заключающими до двадцати милліоновъ дипломатическихъ актовъ, а въ своихъ дворцахъ разомъ и итальянскою, и мавританскою архитектурою и удивительными картинами великихъ мастеровъ: Тиціана, Тинторета, Веронеза?

Изъ трехъ портовъ Венеціи на „Vecchia Mare“—Древнемъ или Суровомъ Адріатическомъ морѣ, Кіоджіо, Лидо и Маламокко, только послѣдній, расположенный въ 16 километрахъ отъ города, пригоденъ для большихъ кораблей; глубина его 9 метровъ, но внутренній каналъ лагунъ во время отлива имѣетъ только 7 метровъ и представляетъ опасность для судовъ. Съ 1882 г. работаютъ надъ устройствомъ порта, который долженъ замѣнить опасный рейдъ Лидо, къ востоку отъ города; двѣ плотины будутъ продолжаться въ море на 2 километра. Кромѣ того, стараются улучшить пути сообщенія вокругъ Венеціи проложеніемъ желѣзнодорожной линіи, которая будетъ направляться отъ Викторіи, Альпъ и Беллуно къ Бреннэ.

Общины Венеціи, имѣющія болѣе 15,000 жителей къ 1 янв. 1882 г.

Венеція . . . . . 132,825 жителей.
Падуа . . . . . 72,175 „
Верона . . . . . 68,740 „

Виченца	39,430 жителей.
Удина	32,020 „
Тревизо	31,250 „
Кіоджіо	28,015 „
Кавирцера	17,220 „
Викторія	16,325 „
Беллуно	15,660 „

III.

ЛИГУРІЯ или ГЕНУЭЗСКІЙ БЕРЕГЪ.

Лигурія, въ сравненіи съ широкимъ бассейномъ, въ которомъ соединяются воды По и его притоковъ, есть ничто иное, какъ узкая прибрежная полоса, простой горный склонъ. Но незначительность ея пространства не мѣшаетъ ей быть одною изъ наилучше ограниченныхъ самою природою областей Италіи и обладать своими особенными географическими чертами, почему и населеніе ея имѣетъ свою совершенно оригинальную исторію. На этомъ плоскомъ песчаномъ берегу, надъ которымъ возвышается суровая стѣна Апеннинъ, генуэзцы долго должны были вести жизнь не похожую на жизнь другихъ обитателей полуострова.

Лигурія съ нѣсколькими округами, лежащими къ сѣверу отъ Апеннинъ, имѣетъ:

Поверхность.	Населеніе къ 1 янв. 1882 г.	Населеніе на километръ.
5,324 кв. кил.	905,545	170

(5,407 по Стрельбицкому).

Между сѣверомъ и югомъ, между Паданской равниной и побережьемъ Средиземнаго моря существуетъ полная противуположность; но переходъ отъ запада къ востоку, отъ Прованса къ Тосканѣ, не представляетъ никакой рѣзкой перемѣны. Между Альпами и Апеннинами не существуетъ никакого яснаго разграниченія, и переходъ отъ одной орографической системы къ другой выражается нечувствительными градаціями. Когда миновавъ приморскія Альпы, вы слѣдуете по горамъ въ направленіи къ востоку, то замѣчаете, что они мало-по-малу принимаютъ общій видъ Апеннинъ: горный валъ, образуя мѣстами широкія пониженія, продолжается правильно вокругъ Генуэзскаго залива, безъ всякаго разрыва, безъ всякой перемѣны въ строеніи, которая позволяла бы сказать, что въ такомъ-то мѣстѣ въ образованіи рельефа дѣйствовалъ какой-нибудь другой законъ. Весьма

отличаясь другъ отъ друга вообще, Альпы и Апеннины соединены другъ съ другомъ также тѣсно, какъ стволъ съ вѣтвями. Если основываться на положеніи главной оси, то Лигурійскія Апеннины начинаются на границѣ Франціи, при истокахъ Тине и Везюби: здѣсь край французскихъ Альпъ и здѣсь расходятся провансальскія и лигурійскія цѣпи, образуя между собою равнину, гдѣ извиваются По и его притоки. Если же отличительными признаками альпійской системы слѣдуетъ считать высоту вершинъ, травы верхнихъ плоскогорій, постоянные снѣга и ледники, то начало Апеннинъ будетъ восточнѣе горной группы Тенде, такъ какъ красивыя горы Клапье, Фенетръ, Гордоласкъ, высота которыхъ мѣстами достигаетъ 3,000 метровъ, совершенно походятъ на Альпы, какъ по своимъ пастбищамъ, такъ и по маленькимъ окруженнымъ зеленью озерамъ, по своимъ ручьямъ, кучамъ камней, по сосновому лѣсу и снѣжнымъ лавинамъ. Въ нихъ есть даже небольшія ледяныя рѣки — самыя южныя, какія еще только существуютъ въ горахъ центральной Европы. Самую естественную границу геологи видятъ обыкновенно въ томъ мѣстѣ, гдѣ кристаллическія скалы западной части исчезаютъ и замѣняются болѣе новыми формаціями, въ особенности мѣловыми третичными слоями. Но и это дѣленіе только условное, потому что кристаллическія массы, составляющія хребетъ западныхъ горъ и одѣтыя съ боковъ осадочными слоями, продолжаются дальше на востокъ подъ прикрытіемъ новѣйшихъ формацій и, разрывая мѣстами свою оболочку, возвышаются такими же вершинами, какъ и Альпы. Нѣкоторыя вершины горъ Спеціи напоминаютъ своими гранитными скалами горную группу Тенде.

Валъ возвышеній, составляющій боковую цѣпь Лигуріи — далеко не однороденъ. Апеннины, какъ и Альпы, раздѣляются на отдѣльныя горныя группы, соединяющіяся другъ съ другомъ переходными порогами. Самый низкій изъ этихъ пороговъ находится къ западу отъ Савоны и называется именами трехъ окрестныхъ деревень: Альтаръ, Каркаръ и Кадибона. Этотъ проходъ, не имѣющій и 500 метровъ высоты, всегда считался въ народѣ самою естественною границею великихъ Альпъ — и это основательно, по крайней мѣрѣ съ военной точки зрѣнія. Во всѣ времена, когда война происходила на почвѣ Сѣверной Италіи, войска старались прочно занять эти горныя ворота, чтобы отсюда господствовать и надъ подступами къ Генуѣ и надъ верхними долинами пьемонтскаго склона. Двѣ Бормиды и Танаро, текущія къ западу отъ Альтарскаго прохода и соединяющіяся ниже Александріи, не разъ текли кровью, такъ какъ въ ихъ долинахъ, благодаря стратегическому значенію проходящихъ по нимъ дорогъ, происходили ужасныя битвы.

Къ востоку отъ Альтарскаго прохода, Лигурійскія Апеннины держатся высоты приблизительно 1,000 метровъ; затѣмъ за проходомъ Джіови, посвященнымъ нѣкогда генуэзцами богамъ въ благодарность за то, что проходъ этотъ открываетъ имъ доступъ въ сѣверныя равнины, цѣпь поворачиваетъ къ юго-востоку, выдвигая нѣсколько вершинъ выше 1,300 метровъ и отдѣляя къ сѣверу нѣсколько изрытыхъ потоками горныхъ цѣпей, изъ которыхъ одна раздавила своими обломками римскій городъ Веллейи. Въ то же время большая цѣпь удаляется отъ берега: въ томъ мѣстѣ, гдѣ дорога изъ Пармы въ Спецію идетъ чрезъ проходъ Понтремоли, т. е. въ порогѣ, отдѣляющемъ Лигурійскія Апеннины отъ Тосканскихъ, главный хребетъ проходитъ въ 50 километрахъ отъ берега. Въ этой восточной области генуэзскихъ горъ, отъ центральнаго горнаго хребта отдѣляется одна боковая цѣпь, которая, понижаясь съ вершины на вершину, образуетъ въ морѣ прекрасный мысъ Порто-Венере, представляющій гордую скалу чернаго мрамора, на которой стоялъ храмъ Венеры. Эта боковая цѣпь, защищающая своею оконечностью заливъ Спецію отъ западныхъ вѣтровъ, всегда была, какъ и главная цѣпь, большимъ препятствіемъ къ свободнымъ сообщеніямъ сосѣднихъ населеній, хотя вовсе не по высотѣ, а по крутизнѣ своихъ склоновъ. Во многихъ мѣстахъ разстояніе между Средиземнымъ моремъ и самымъ высшимъ гребнемъ Апеннинъ составляетъ, по прямой линіи, не болѣе 5 километровъ: склонъ подымается стало быть такъ круто, что является почти неприступнымъ, и дороги черезъ цѣпь дѣлаютъ многочисленные спуски и подъемы.

Главныя высоты Лигуріи суть:

Клапье-де-Шагаринъ.	3,070	метр.
Проходъ Тенде (Коль де Тенде) . .	1,908	„
Монте-Карсино	2,681	„
Проходъ Альтаръ	490	„
„ Джіови.	469	„
Монте-Пенна	1,740	„

Незначительная ширина морскаго склона Лигурійскихъ Апеннинъ не позволяетъ ручьямъ собираться въ большія постоянныя рѣки. Самыя значительныя изъ нихъ Таджіа и Чента, къ востоку отъ Ройи, текущей частію по французской территоріи, бываютъ похожи на настоящія рѣки, только во время таянія снѣговъ или въ сильные дожди; обыкновенно же онѣ текутъ простыми ручейками, журчащими по каменистымъ полямъ, и со стороны моря преграждены грядою валуновъ. Отъ Альбенги до Спеціи, на протяженіи берега почти на сто километровъ, ручьи представляютъ

ВИДЪ ГѢНУИ.

большую часть года сухіе рвы, и, только миновавъ холмы Спеціи, можно найти хотя перемежающуюся, но послѣ дождей грозную, рѣку. Это — Магра, которая образуетъ границу между Лигуріей и Этруріей, а у римлянъ до временъ Августа служила границей всей Италіи. Наносы этой рѣки образовали большую отмель, въ 1,200 метровъ ширины, передъ древнимъ тирренскимъ городомъ Луни, который когда-то стоялъ на самомъ берегу. Тѣ же наносы сдѣлали изъ маленькой морской бухты — озеро.

Если въ Лигуріи нѣтъ большихъ рѣкъ, то въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ихъ замѣняютъ подземные ручьи. Въ Лигуріи есть, хотя не въ такомъ множествѣ, какъ въ Провансѣ, ключи, которые бьютъ въ морѣ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега; причемъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ масса воды весьма значительна. Такъ два прѣсные источника Поллы, бьющіе въ заливѣ Спеціи около Кадимаре, при 15 метрахъ глубины, замѣтны еще издали по сильному клокотанью моря и даютъ такое количество прѣсной воды, что итальянское правительство приказало отдѣлить ихъ отъ соленой воды для снабженія кораблей.

Бѣдность ручьевъ, суровость обрывовъ и крутизна склоновъ придаютъ этой области береговъ Средиземнаго моря характеръ совершенно отличающій ее отъ другихъ мѣстностей умѣренной Европы и даже отъ непосредственно противуположнаго склона. Перейдя хребетъ, послѣ великолѣпныхъ каштановыхъ рощей, орошаемыхъ водами Эллеро, Танаро, Бормиды, вы оказываетесь какъ будто въ Африкѣ или Сиріи. Здѣсь совсѣмъ нѣтъ травъ, которыя по другую сторону Апеннинъ покрываютъ равнины своимъ дивнымъ, усѣяннымъ цвѣтами ковромъ: отъ Ниццы до Спеціи вы ихъ не найдете — развѣ встрѣтите нѣсколько естественныхъ полянъ и искусственные лужки, содержимые съ большими издержками въ дачныхъ садахъ, которые весьма мало напоминаютъ сѣнокосные луга Пьемонта и Ломбардіи. Если бы земледѣліе и садоводство не преобразили этихъ косогоровъ и узкихъ долинъ Лигуріи, то на Апеннинахъ здѣсь не было бы никакой иной зелени, кромѣ сосенъ и низкаго кустарника. Странно, что даже большія деревья на Апеннинскомъ склонѣ не достигаютъ той высоты, какъ на Альпійскомъ, хотя первый пользуется гораздо болѣе возвышенной средней температурой: на той самой высотѣ, на которой даже въ Швейцаріи встрѣчаются еще прекрасные буки, на скалистыхъ и крутыхъ склонахъ генуэзскихъ Апеннинъ тѣ же деревья являются совершенно хилыми, наконецъ, лиственницы въ Лигурійскихъ горахъ почти совсѣмъ нѣтъ.

Само море точно также безплодно по природѣ, какъ и земля: рыбы въ немъ мало, вслѣдствіе почти совершеннаго недостатка мелей, островковъ

и лѣсовъ водорослей; береговыя скалы спускаются обрывомъ до глубины нѣсколькихъ сотъ метровъ и представляютъ очень мало убѣжищъ для морскихъ животныхъ; узкія набережныя отмели, располагающіяся полукругами отъ одного мыса къ другому, состоятъ изъ мелкаго песку безъ всякихъ слѣдовъ раковинъ: отъ Порто-Фино до Лагуельи, на протяженіи 140 километровъ, Соссюръ не нашелъ ни одной. Поэтому генуэзскіе рыболовы должны отправляться для ловли рыбы на отдаленные берега: изъ Алассіо, на Понентскомъ берегу, они отправляются въ Сардинію, а изъ Камольи, на берегу Левантскомъ—въ притосканскія части моря. Безплодіе земли и моря имѣетъ соотвѣтствующія же и экономическія послѣдствія: изъ всѣхъ частей полуострова, изъ Лигуріи всего болѣе народу выселяется заграницу; болѣе десятой части населенія покинуло родину и переселилось въ чужія страны.

Но если земля и вода Лигуріи одинаково скудны естественными произведеніями, то онѣ имѣютъ неоцѣненный даръ, заключающійся въ красотѣ и живописности, и человѣкъ, который во множествѣ другихъ мѣстъ умѣлъ только портить природу, на Генуэзскомъ берегу способствовалъ своимъ трудомъ къ украшенію своего обиталища. Прибрежье раскидывается отъ мыса къ мысу рядомъ кривыхъ линій правильнаго очертанія; но всѣ эти линіи отличаются другъ отъ друга тысячами подробностей въ скалахъ, въ береговыхъ отмеляхъ, въ нивахъ и группахъ построекъ. Желѣзная дорога силой пробиваетъ себѣ проходъ, идя сквозь выступы галлереями и прокопами: между Генуей и Ниццой, на пространствѣ 140 километровъ, она проходитъ не менѣе 33 туннелей, между тѣмъ какъ обыкновенная дорога, легче приспособляющаяся къ неровностямъ почвы, вьется постоянными изгибами, то подымается, то опускается, и пейзажъ измѣняетъ свой видъ съ каждымъ ея поворотомъ. Тутъ она идетъ по самому низкому краю берега, въ тѣни тамарисовъ съ розовыми цвѣтами, и разбивающаяся волна обводитъ край дороги своею пѣнистою каймою; тамъ вы поднимаетесь по скаламъ, которыя земледѣлецъ обратилъ въ террасы плодоносной земли, и сквозь переплевшіяся вѣтви маслинъ, вы видите вдали голубоватый кругъ моря, уходящаго все далѣе и далѣе къ горизонту до туманныхъ очертаній горъ Корсики. Съ гребней мысовъ вы видите ритмическую волнистость берега по всей окружности залива со всѣми переходами освѣщенія и колорита, производимыми свѣтомъ и тѣнью, туманомъ и далью. Города, деревни, древнія башни, дачи, фабрики и верфи до безконечности разнообразятъ измѣнчивыя черты пейзажей. Здѣсь городъ занимаетъ вершину плато, и снизу его стѣны и куполы рѣзко рисуются на голубомъ небѣ; тамъ онъ раскинулся амфитеатромъ вдоль скло-

новъ и оканчивается на плоскомъ морскомъ берегу, унизанномъ вытащенными далеко на песокъ судами; а тамъ наконецъ онъ спрятался во впадинѣ между маслинами, виноградниками, лимонными и апельсинными садами. Нѣсколько финиковыхъ пальмъ, раскиданныхъ мѣстами, придаютъ общему виду восточную физіономію. Бордигьера, неподалеку отъ французской границы, совершенно окружена рощами пальмъ, вѣтви которыхъ составляютъ предметъ значительной торговли; плоды ихъ, впрочемъ, рѣдко успѣваютъ вызрѣвать. Бордигьера, послѣ испанскаго города Эльке, представляетъ въ Европѣ единственное мѣсто, въ которомъ африканское дерево удачнѣе всего нашло себѣ вторую родину.

Нѣкоторые города генуэзскаго побережья, въ особенности Албенга и Лоано, обладаютъ нездоровымъ климатомъ вслѣдствіе міазмовъ, подымающихся изъ грязи, оставляемой потоками послѣ разливовъ въ каменистыхъ ложахъ. Сама Генуя не отличается благопріятнымъ климатомъ: воздухъ въ ней не испорченъ болотными испареніями, но сильные вѣтры съ открытаго моря врываются сюда, какъ въ какую-нибудь воронку, со всѣмъ своимъ грузомъ влажности; вѣтры, дующіе вдоль Понетскаго берега, точно также, какъ и атмосферные токи, идущіе вдоль берега Леванскаго, одинаково останавливаемые горами, возвышающимися въ концѣ Генуэзскаго залива, должны разрѣшаться отъ избытка паровъ здѣсь же; поэтому число дождливыхъ дней составляетъ здѣсь болѣе трети года. Но если Генуя и нѣкоторыя другія мѣстности побережья весьма богаты дождями, то количество послѣднихъ постепенно уменьшается по мѣрѣ приближенія къ Понетскому побережію, вслѣдствіе направленія влажныхъ вѣтровъ, такъ что въ Санъ-Ремо, расположенномъ въ этой части лигурійскаго побережья, число дождливыхъ дней меньше, чѣмъ гдѣ-либо во всей итальянской территоріи. Многіе города Лигуріи, защищенные съ сѣвера горнымъ валомъ и стоящіе внѣ пути, которому слѣдуютъ тучи, пользуются совершенно исключительною въ Европѣ ровностью и мягкостью температуры. Такъ:

Средняя температура Генуи . .	15,9°	Санъ-Ремо .	17°
Число дождливыхъ дней . . .	123		58
Количество дождя. . . .	1 м., 307		0 м., 83

Бордигьера и Санъ-Ремо, около французской границы, являются по климату первыми соперниками Ментоны; Нерви, къ востоку отъ Генуи, точно также прекрасное мѣсто, какъ по красотѣ неба, такъ и по чистотѣ атмосферы. Вслѣдствіе мягкости климата и красоты видовъ на всѣхъ мысахъ, во всѣхъ долинахъ этихъ благословенныхъ мѣстъ строится множество зам-

ковъ и виллъ. Даже генуэзскій берегъ на двадцать километровъ въ обѣ стороны отъ города застроенъ сплошною линіею дачъ и дворцовъ. Населеніе города, слишкомъ многочисленное для его вмѣстимости, разливается въ обѣ стороны и распространяется по предмѣстьямъ. Эта длинная улица, извивающаяся между фабриками и садами, поднимающаяся на выступы мысовъ и спускающаяся въ долины, непремѣнно растянется по всему лигурійскому берегу, потому что не только генуэзцы, но и цѣлая толпа праздныхъ европейцевъ, чувствуютъ влеченіе къ этимъ очаровательнымъ мѣстамъ. Да и на самомъ дѣлѣ, весь генуэзскій берегъ, отъ Вентимильи до Спеціи, все болѣе и болѣе принимаетъ видъ одного города, въ которомъ многолюдные кварталы смѣняются группами виллъ и садовъ.

Вся исторія древнихъ лигуровъ, составлявшихъ, быть можетъ, отрасль иберійскаго племени и населявшихъ южный склонъ Апеннинъ до долины Магры, была заранѣе опредѣлена видомъ страны. Тѣ изъ нихъ которые не нашли себѣ мѣста на узкой полосѣ годныхъ для обработки земель, и даже такихъ ступеней на склонахъ горъ, которыя можно было бы выровнять, по неволѣ отступали къ морю и становились мореходцами и купцами. Въ римскую эпоху, Генуя, древній Анціумъ, упоминаемый Сцилаксомъ, былъ «emporium» лигуровъ, и моряки его ходили по всему Тирренскому морю; въ средніе вѣка, во время наибольшаго благосостоянія республики, флагъ ея развѣвался во всѣхъ портахъ извѣстнаго тогда міра; наконецъ, ей же, въ лицѣ одного изъ ея сыновъ, Христофора Колумба, принадлежитъ честь освященія новой исторіи открытіемъ Новаго Свѣта. Джіованни Габотто или Каботъ, который первый открылъ берега Сѣверной Америки, спустя пять вѣковъ послѣ нормандскихъ мореплавателей, былъ также генуэзецъ, какъ это доказано учеными изысканіями Авезака, а только по неизвинительнымъ претензіямъ національнаго тщеславія Венеція объявляла его своимъ, а англичане хотѣли сдѣлать своимъ соотечественникомъ. Правда, и Каботъ, и Колумбъ дѣлали свои открытія не на счетъ своей родины: корабли, которыми они командовали, принадлежали Англіи и Испаніи, которыя и раздѣлили между собою богатство новаго материка. Превосходные генуэзскіе моряки во всѣ времена ходили по свѣту на своихъ маленькихъ и прочныхъ корабляхъ, въ поискахъ за поживой; для примѣра можно сказать, что и нынѣ они обладаютъ монополіей плаванія въ водахъ Ла-Платскихъ республикъ, гдѣ почти на всѣхъ судахъ, плавающихъ по Паранѣ, Уругваю и лиману Ла-Платы, экипажи состоятъ изъ генуэзцевъ. Въ Европѣ почти во всѣхъ большихъ городахъ береговъ Средиземнаго моря встрѣчаются искусные садовники изъ генуэзцевъ.

Въ варварскія времена, когда человѣкъ не подчинилъ еще себѣ Апеннинъ удобными дорогами, Генуя, не имѣвшая внутри земель рынковъ снабженія съѣстными припасами, не имѣла никакихъ преимуществъ предъ остальными портами лигурійскаго берега; но какъ только искусство понизило горную стѣну, и равнины Пьемонта и Ломбардіи оказались въ свободномъ сообщеніи съ заливомъ, то географическое положеніе Генуи достигло своего полнаго значенія. Находясь подъ мышкой итальянскаго полуострова, въ ближайшемъ мѣстѣ отъ богатыхъ внутреннихъ равнинъ, она должна была овладѣть торговой монополіей въ этой части Европы. Изъ всѣхъ республикъ западныхъ береговъ Италіи одна только Пиза могла пытаться оспаривать у ней ея высокое положеніе; но послѣ кровавой борьбы Генуя восторжествовала надъ своей соперницей. Она овладѣла Корсикой, населеніе которой эксплоатировала жестоко, взяла у мавровъ Минорку и даже овладѣла многими городами Испаніи, которые возвратила потомъ за торговыя привилегіи. Въ Эгейскомъ морѣ ея аристократы сдѣлались владѣльцами Хіоса, Лесбоса, Лемноса и другихъ острововъ; въ Константинополѣ ея купцы получили такой авторитетъ, что дѣлили власть съ императорами. Они обладали нѣсколькими кварталами въ этой столицѣ Востока и сдѣлали ее вспомогательнымъ заведеніемъ для Генуи — по этому-то потеря Перы и Босфора была для нихъ началомъ паденія. Въ Крыму они занимали богатую колонію Каффу; ихъ укрѣпленные замки и конторы возвышались на всѣхъ торговыхъ путяхъ Малой Азіи, до самыхъ верхнихъ долинъ Кавказа, гдѣ мѣстами встрѣчаются построенныя ими и сохранившія свои имена башни; чрезъ Понтъ Эвксинскій, равнины Грузіи и Каспійское море, они держали въ своихъ рукахъ дорогу въ центральную Азію. Всѣ эти отдаленныя колоніи генуэзской республики объясняютъ причину существованія въ итальянскомъ нарѣчіи лигурійскихъ моряковъ небольшаго количества арабскихъ, турецкихъ, греческихъ, а также провансальскихъ и испанскихъ словъ; но въ цѣломъ языкъ ихъ — совершенно итальянскій, хотя по произношенію приближается къ французскому.

Превосходя могуществомъ Пизу, Генуя не доросла однако же до того, чтобы побѣдить въ борьбѣ за торговое преобладаніе Венецію, ибо послѣдняя имѣла надъ нею то громадное преимущество, что пользовалась свободнымъ сообщеніемъ съ германской и скандинавской Европой чрезъ альпійскій кряжъ. Такъ, хотя въ 1379 году генуэзцы и успѣли овладѣть Кіоджіей, и даже блокировать на короткое время своихъ противниковъ, но вліяніе Генуи въ политической исторіи было гораздо слабѣе, чѣмъ вліяніе Венеціи. Ея роль въ общемъ движеніи искусствъ, науки и лите-

ратуры была также относительно гораздо ниже: хотя Генуя и университетскій городъ, но писателей, живописцевъ и скульпторовъ въ ней было меньше, чѣмъ въ какихъ-нибудь маленькихъ городкахъ Ломбардіи и Венеціи. Про генуэзцевъ говорили, что они наглы и вѣроломны, жадны къ роскоши и власти и беззаботны ко всему тому, что не даетъ имъ денегъ и права командовать. „Море безъ рыбы, горы безъ лѣсу, мужчины безъ вѣры, женщины безъ стыда — вотъ Генуя"! говорила старая поговорка, повторявшаяся врагами лигурійскаго города. Распри между благородными генуэзскими фамиліями, желавшими захватить дѣла въ свои руки, были почти безпрерывны, но замѣчательно, что безмятежный банкъ Сенъ-Джорджа, составлявшій настоящую республику въ республикѣ, спокойно продолжалъ вести торговыя и денежныя операціи и богатства не переставали стекаться въ городъ. Вотъ почему Генуя могла построить себѣ эти дворцы, эти мраморныя колоннады и висячіе сады, за которые она получила прозвище „прекрасной". Однако же банкъ кончилъ тѣмъ, что дошелъ до паденія: онъ вздумалъ ссужать не только промышленныя предпріятія, но и царей во время войны и, какъ и слѣдовало ожидать, въ результатѣ вышло банкротство, которое въ восемнадцатомъ столѣтіи привело Геную къ политическому безсилію.

Не смотря на незначительную ширину, извилистость и покатость берега, не смотря на загроможденность и грязь слишкомъ узкихъ набережныхъ и на тѣсноту, производимую окружающими городъ стѣнами и фортами, столица Лигуріи представляетъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ городовъ въ мірѣ по своимъ дворцамъ, архитектура которыхъ отличается и роскошью, и въ то же время оригинальностью. Въ прошломъ вѣкѣ и въ началѣ нынѣшняго, Генуя была въ большомъ упадкѣ, и многія изъ ея прекрасныхъ зданій грозили разрушеніемъ; но съ возвращеніемъ благосостоянія, городъ началъ улучшаться. Въ настоящее время Генуя составляетъ самый дѣятельный портъ въ Италіи и главнѣйшія морскія компаніи полуострова имѣютъ здѣсь свои конторы. Половина итальянскаго коммерческаго флота принадлежитъ генуэзскимъ судохозяевамъ и три четверти всѣхъ ежегодно строющихся судовъ на всемъ полуостровѣ принадлежитъ имъ же.

Оборотъ морской заграничной торговли въ 1883 г. былъ: 480.407,500 фр., при чемъ, на долю ввоза пришлось 375.000,000 фр.

Заграничное движеніе судовъ: 783 парусныхъ корабля, вмѣстимостью въ 250,000 тоннъ и 1,739 пароходовъ, вмѣстимостью въ 1.596,600 тоннъ.

Каботажное движеніе судовъ: 2,636 парусныхъ и 560 паровыхъ судовъ, вмѣстимостью въ 408,000 тоннъ.

Движеніе въ бухтахъ: 1.050,000 тоннъ.

Генуэзскій портъ, поверхность котораго хотя и составляетъ болѣе 130 гектаровъ, все-таки недостаточенъ для всего количества посѣщающихъ генуэзскій рынокъ кораблей, число которыхъ доходитъ здѣсь иногда до семисотъ, не считая тысячъ мелкихъ судовъ—и, главное, недостаточно защищенъ: только четвертая часть его поверхности и притомъ самая неглубокая, защищена отъ всѣхъ вѣтровъ. Необходимо было бы удвоить размѣры порта и усилить защиту отъ вѣтра устройствомъ третьей линіи вѣтровыхъ загражденій, которая отдѣляла бы обширный наружный рейдъ отъ открытаго моря. Для расширенія своихъ набережныхъ городъ пожертвовалъ мраморной террасою, которая тянулась вдоль порта. Генуя убѣждена, что итальянское правительство пренебрегаетъ ея интересами и жалуется на то, что у ней только одна желѣзная дорога чрезъ Апеннины для участія въ торговлѣ съ равнинами Сѣверной Италіи черезъ Сен-Готаръ. Она настойчиво требуетъ другой линіи, предвидя огромное усиленіе торговыхъ дѣлъ, которое будетъ доставлено ей будущими желѣзными дорогами швейцарскихъ Альпъ. Она хочетъ сдѣлаться для западной Германіи и Гельвеціи тѣмъ, что Тріестъ для Австро-Венгріи, т. е. главнымъ центромъ средиземной торговли.

Въ ожиданіи достиженія своихъ цѣлей, Генуя, представляющая и безъ того уже весьма дѣятельный промышленный городъ, разрастается въ обѣ стороны побережья своими предмѣстьями, фабриками и верфями. Ей нужно все больше и больше мѣста для ея пекарныхъ заведеній, бумажныхъ, шелковыхъ и бархатныхъ фабрикъ, мыловаренныхъ, масляныхъ и горшечныхъ заводовъ, мастерскихъ искусственныхъ цвѣтовъ и другихъ предметовъ украшенія: *l'ovrär del Genoës* (генуэзская промышленность) составляетъ, какъ и въ средніе вѣка, одно изъ чудесъ Италіи. Санъ-Пьеръ д'Арена на западѣ стала настоящимъ промышленнымъ городомъ. Корнильяно, Риваролo, Сестри де Понente обладаютъ самыми большими строительными верфями въ Италіи и даже на всемъ Средиземномъ морѣ. Пельи, Вольтри — точно также многолюдные города съ прядильнями и литейными заводами и связаны другъ съ другомъ такъ, что представляютъ собою одинъ огромный муравейникъ. Савона, портъ которой былъ нѣкогда засыпанъ не хотѣвшими терпѣть никакой конкурренціи въ торговлѣ генуэзцами, точно также тянется вокругъ всей бухты длиннымъ промышленнымъ рядомъ кирпичныхъ и терракоттовыхъ заводовъ до самаго Вадо. Благодаря желѣзной дорогѣ, которая соединяетъ ее прямо съ Туриномъ, Савона сдѣлалась независима отъ Генуи и можетъ отправлять продукты внутреннихъ равнинъ прямо заграницу. Другіе города по берегу Понente,

хотя и совершенно отдѣльны, но отдѣляются другъ отъ друга только какимъ-нибудь рвомъ или скалою мыса. Таковы, напримѣръ, близнецы Онелья и Порто-Маурицiо, которые по своимъ обширнымъ оливковымъ садамъ названы „Маслянымъ бассейномъ“, хотя въ Санъ-Ремо масличныхъ садовъ еще больше.

Оба города, изъ которыхъ одинъ расположенъ на морскомъ берегу, а другой на крутомъ холмѣ, дополняютъ другъ друга какъ половины одного и того же города; у обоихъ ихъ порты одинаковой четырехугольной формы и выходятъ въ ту же бухту, такъ что когда подплываетъ къ берегу корабль, то кажется, что онъ колеблется—въ который изъ двухъ открывающихся передъ нимъ бассейновъ войти ему.

Левантскій берегъ поморья точно такъ унизанъ городами, какъ ожерелье жемчугомъ. Альбаро со своими прелестными дворцами Кварто, откуда отправилась экспедиція, отнявшая Сицилію у Бурбоновъ; Нерви, убѣжище чахоточныхъ—оба тянутся длиннымъ предмѣстьемъ, какъ продолженіе Генуи, къ городамъ Рекко и Камолья, населеннымъ судохозяевами и капитанами трехсотъ кораблей. Почти непрерывный рядъ домовъ внѣшней Генуи ограничивается мощною границею каменистаго мыса Порто-Фино, или порта Дельфиновъ, названнаго такъ по имени китообразныхъ, рѣзвящихся иногда въ заливѣ; но къ востоку отъ мыса, прорѣзаннаго галлереей, входныя ворота которой служатъ рамами для удивительныхъ картинъ, снова идутъ города: промышленный Рапалло, торговые Кіавари, Лаванья съ знаменитыми ломками сѣраго аспида, рабочій городъ Сестри-ди-Леванти,—которые образуютъ на своемъ великолѣпномъ заливѣ новую улицу зданій, прерывающуюся только скалистыми крутизнами побережныхъ горъ.

За Сестри берегъ уже не такъ населенъ, вслѣдствіе занимающихъ большую часть его прибрежныхъ скалъ, но за поворотомъ гордаго мыса Порто-Венере и за прелестнымъ островомъ Пальмаріей, съ своими залежами мрамора и своимъ „голубинымъ гротомъ“, богатымъ остатками каменнаго вѣка, открывается заливъ Спецiя, окаймленный сплошь фортами, верфями, арсеналами и различными постройками. Итальянское правительство хотѣло изъ него сдѣлать большой военный портъ для своего флота. Огромныя работы для превращенія Спецiи въ приморскій пунктъ перваго разряда были начаты въ 1861 г.; но это—трудъ многихъ поколѣній, и когда оканчивается одна часть сооруженій, искусство разрушенія дѣлаетъ такіе успѣхи, что инженеры должны начинать съизнова свою безконечную и дорогую работу. Два изъ такихъ сооруженій возвышаются среди открытаго моря, укрѣпляясь на подводной плотинѣ. Какъ

торговый рынокъ, портъ этотъ играетъ совершенно второстепенную роль между портами Италіи, такъ какъ хотя онъ и представляетъ безопасное убѣжище для кораблей, но не соединенъ еще желѣзными дорогами съ за-Апеннинскими странами; самъ же можетъ отправлять только произведенія своихъ богатыхъ окрестныхъ долинъ. Безъ желѣзной дороги, пересѣкающей Апеннины, онъ не можетъ представлять никакой пользы для Ломбардіи—этого огромнаго сада Европы. Но что ставитъ Спецію и сосѣдніе города на одно изъ первыхъ мѣстъ въ Италіи, такъ это красота ея залива, который соперничаетъ съ Неаполитанскимъ и Палермскимъ. Съ высоты мраморнаго холма, который господствуетъ надъ павшимъ городомъ Порто-Венере и развалинъ храма, построеннаго пизанами изъ бѣлаго и чернаго мрамора на мѣстѣ древняго храма Венеры, вы созерцаете дивный горизонтъ, мысы и бухты, слѣдующіе другъ за другомъ въ направленіи къ Генуѣ, горы Корсики, подобныя туману, остановившемуся на берегу голубаго моря, убѣгающіе берега Тосканы и на удивительномъ фонѣ Апеннинъ и Апуанскихъ Альпъ—лѣса маслинъ, рощи кипарисовъ и другихъ деревъ, окружающихъ живописные края противуположнаго берега. Прямо предъ вами — очаровательная Леричи, далѣе къ югу рисуется тотъ берегъ, на которомъ Байронъ обратилъ въ пепелъ тѣло своего друга Шелли—и дѣйствительно, нѣтъ мѣста прекраснѣе этого для печальнаго сожженія.

Общины Лигуріи, имѣющія болѣе 10,000 жителей къ 1 янв. 1882 г.:

Генуя (собств. городъ)	179,515 жит.
Спеція	30,750 „
Савона	29,615 „
Санъ-Пьеръ-Дарена	22,030 „
Санъ-Ремо	16,055 „
Вольтри	13,620 „
Кіавари	11,620 „
Сестри-Поненте	10,870 „
Рапалло	10,180 „

Движеніе судовъ въ портахъ Лигуріи въ 1884 г.:

Генуя	5,718	корабл.	вмѣстим.	въ 2.254,000 тоннъ.
Спеція	1,371	„	„	„ 227,698 „
Савона	3,186	„	„	„ 483,333 „
Порто-Маураціо	496	„	„	„ 25,397 „

IV.

ДОЛИНА АРНО, ТОСКАНА.

Тоскана, какъ и Лигурія, расположена при южномъ основаніи Апеннинъ, но только занимаемая ею полоса значительно шире. Позвоночный хребетъ полуострова направляется въ этой области Италіи наискось отъ Генуэзскаго залива къ Адріатическому морю и съ южной стороны даетъ отъ себя побочныя цѣпи, которыя удвоиваютъ нормальную ширину системы. Кромѣ того, къ югу отъ долины Арно возвышаются отдѣльныя плато и горныя группы, которыя расширяютъ землю къ западу, почему итальянскій полуостровъ именно въ этомъ мѣстѣ достигаетъ наибольшей ширины.

Поверхность Тосканы. . . .	25,053 кв. километра.
Населеніе къ 1 янв. 1884 г. .	2.246,500 человѣкъ.
Населеніе на квадр. километръ	93 „

Валъ Тосканскихъ Апеннинъ тянется отъ одного моря къ другому, но онъ извилистъ, весьма не одинаковъ въ различныхъ мѣстахъ по высотѣ и прорѣзанъ проходами, въ которыхъ пролегаютъ устроенныя между обоими склонами проѣзжія дороги. Въ общемъ горы Этруріи расположены продолговатыми и параллельными группами, отдѣляющимися другъ отъ друга бороздами, въ которыхъ текутъ потоки, образующіе Серкіо и Арно. На границахъ Лигуріи, первая группа главной цѣпи, въ которой возвышаются вершины Орсайо и Суккизо, сопровождаются Луниджіанскими горами, возвышающимися на западѣ по другую сторону долины Магры. Гарфаньянской цѣпи, составляющей вторую группу къ сѣверу отъ равнинъ Лукки, соотвѣтствуютъ на западѣ Апуанскіе Альпы или Масса Каррара. Далѣе къ востоку, параллельно Монте Чимоне, покрытой великолѣпными соснами, и другимъ вершинамъ Апеннинскихъ Альпъ, слѣдующимъ другъ за другомъ къ сѣверу отъ Пистойи и Прато,—идутъ цѣпи Монти Катини и Монте Албано, между пещеристыми боками которыхъ находится знаменитое теплое озеро Монсуммано. Наконецъ, четвертая группа, пересѣкаемая въ проходѣ Фута прямою дорогою изъ Флоренціи въ Болонью, точно также имѣетъ свои боковыя цѣпи: Монте Муджелло, къ югу отъ Сіевы, и Прато-Маньо, между верхнимъ и среднимъ теченіемъ Арно. Цѣпь Катенайскихъ Альпъ проходящая съ сѣвера на югъ, между верхними долинами Арно и Тибра, заканчиваетъ разомъ—съ восточной стороны главную гряду Апеннинъ, составляющую линію водораздѣла, и

не столь правильный рядъ южныхъ группъ, къ которымъ больше подходило бы названіе Анти-Апеннинъ, прилагаемое географомъ Мармокки спеціально къ прибрежнымъ горамъ. Черезъ скалы этихъ южныхъ горъ пробиваютъ себѣ путь всѣ ручьи, стекающіе съ большаго хребта, и разбиваютъ горы на отдѣльныя, не имѣющія никакой правильности, массы.

Въ большей части своего развитія, Тосканскіе Альпы представляютъ совершенно альпійскій видъ и даже въ дѣйствительности называются Альпами вслѣдствіе высоты своихъ вершинъ, имѣющихъ болѣе 2,000 метровъ. Высоты главныхъ вершинъ и наиболѣе торныхъ проходовъ Тосканскихъ Апеннинъ слѣдующія:

Апеннины.	Альпы Суккизо	2,019 метровъ
	Альпы Кампорагена (Garfagnana) .	2,000 „
	Монте Чимоне	2,621 „
	Монте Фальтероне или Фальтерона.	1,648 „
	Проходъ Абетоне (гора Чимоне) .	1,400 „
	Проходъ Понтремоли (дорога изъ Зарцаны въ Парму . .	1,039 метровъ.
	„ Фіумальбо (дорога изъ Лукки въ Модену). . .	1,200 „
	„ Фута (дорога изъ Флоренціи въ Болонью) . . .	915 „
	„ Камальдуле	1,004 „
Анти-Апеннины.	Пизанино (Апуанскіе Альпы) . .	2,014 метровъ.
	Піетра Марина (Монте Албано) .	575 „
	Прато Маньо	1,580 „
	Альпы Катенайя	1,401 „

Большую половину года верхніе склоны ихъ покрыты снѣгами, такъ что часто, проходя очаровательное дефиле Массы Каррары, между синѣющими водами Средиземнаго моря и подымающимися постепенно косогорами Апуанскихъ Альпъ, вы напрасно стараетесь отличить въ бѣлизнѣ вершинъ, гдѣ кончаются снѣга и гдѣ начинаются мраморные обвалы. Грандіозному виду Тосканскихъ горъ, или, какъ ихъ называетъ Амперъ, „горъ Данте“, способствуютъ обрывистая форма и причудливость очертаній известковыхъ скалъ Апеннинскаго хребта. Во многихъ мѣстахъ горы сохранили еще прелесть, придаваемую цѣпи — на нижнихъ склонахъ — каштановыми, а на высшихъ — сосновыми и буковыми лѣсами. И сколько поэтовъ воспѣвали чудные лѣса, покрывающіе склонъ Прато-Маньо, надъ тѣмъ бассейномъ, въ которомъ соединяются долины Сіевы

*

и Арно! Въ этой лѣсистой мѣстности, на лугахъ которой пасутся громадные бѣлые быки древней породы, возвышались три богатыхъ монастыря Валломброза, Камалдула и Верна. Прелестное имя Валломброзы, высокіе зеленые своды которой и разсѣянные осенью по ручьямъ листья воспѣвалъ Мильтонъ, вошло въ поговорку и стало обозначать собою все, что только есть самаго пріятнаго и упоительнаго въ поэзіи природы. Верна и Камалдуда „или Малдульское Поле“, по имени которой было названо столько монастырей въ остальной Европѣ, находятся въ мѣстности не столь восхитительной, среди скалъ и дикихъ откосовъ. Аріосто воспѣвалъ пейзажи той Апеннинской дороги, „съ которой разомъ видны моря Скіавонское и Тосканское“. И дѣйствительно поднявшись на одинъ изъ ближайшихъ къ монастырю холмовъ, можно видѣть оба моря, въ видѣ голубоватыхъ тумановъ.

Суровыя крутизны большихъ Апеннинъ и украшающіе ихъ склоны лѣса составляютъ самую счастливую противоположность съ долинами и мягко закругленными холмами низкой Тосканы: почти на всякой возвышенности стоитъ какая-нибудь старинная башня, развалины укрѣпленнаго средневѣковаго замка; среди зелени склоновъ разбросаны прелестныя виллы; между виноградниками и группами копьевидныхъ кипарисовъ виднѣются арендаторскіе домики, росписанные незатѣйливыми фресками; все годное для распашки пространство занято богатѣйшими нивами; надъ рѣчками шелестятъ своею листвою ивы. Историческія воспоминанія, природный вкусъ жителей, плодородіе почвы, обиліе воды, мягкость климата,— все способствуетъ къ тому, чтобы сдѣлать центральную Тоскану самымъ привилегированнымъ мѣстомъ въ Италіи и однимъ изъ самыхъ пріятныхъ на землѣ. Прекрасно защищенная отъ холодныхъ сѣверо-восточныхъ вѣтровъ стѣною Апеннинъ, она обращена къ Тирренскому морю, откуда дуютъ теплые и влажные вѣтры тропическаго происхожденія; но въ дождяхъ нѣтъ излишка, благодаря экрану, представляемому горами Корсики и Сардиніи и счастливому расположенію маленькихъ группъ холмовъ предъ Апеннинскою цѣпью. Климатъ Тосканы по преимуществу умѣренный, мягкій, не имѣетъ такихъ рѣзкихъ крайностей, какъ климатъ паданской равнины и, конечно, этому умѣряющему вліянію климата и природной красотѣ страны тосканцы обязаны большею частью своей простой веселости, ровностью расположенія духа, тонкимъ вкусомъ, чуткостью въ поэзіи и живымъ, но всегда сдержаннымъ, воображеніемъ.

Различныя группы горъ и холмовъ на югѣ Тосканы, обозначаемыя вообще названіемъ „Суб-Апеннинъ“, совершенно отдѣлены отъ главной горной системы нынѣшнею долиною Арно, которая, вмѣстѣ съ проры-

тыми ею ущѣльями и со своими древними озерами, составляетъ настоящій ровъ подъ стѣнами Апеннинъ. Первый широкій раздѣльный поясъ между Апеннинами и южно-тосканскими горами составляетъ долина Кіаны, бывшая сперва заливомъ Средиземнаго моря, а потомъ внутреннимъ моремъ; затѣмъ слѣдуетъ нѣкогда озерная флорентинская равнина, которую легко было бы снова затопить водою, заваливъ ущелье Гольфолину или Гонфолину, чрезъ которое прорывается Арно въ 15 километрахъ ниже Флоренціи и которое было сдѣлано рукою „Геркулеса Египетскаго". Въ началѣ четырнадцатаго столѣтія, знаменитый лукскій генералъ Кастручіо имѣлъ намѣреніе затопить такимъ образомъ гордый республиканскій городъ, но, къ счастію, его инженеры не съумѣли сдѣлать нивеллировки: они думали, что запруда не причинитъ никакого вреда Флоренціи, такъ какъ разница въ уровнѣ, по ихъ мнѣнію, была въ 88 метровъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ она только 15 метровъ. Къ низу отъ этой тѣснины начинаются большая равнина и древніе морскіе заливы.

Ограниченныя такимъ образомъ съ сѣвера суб-Апеннинскія горныя группы Тосканы состоятъ изъ однообразныхъ округлыхъ холмовъ тускло-сѣраго цвѣта, почти безъ зелени. Сами Апеннинскія горы принадлежатъ главнымъ образомъ къ юрской и мѣловой формаціямъ, между тѣмъ, какъ Суб-Апеннины состоятъ изъ третичныхъ земель, песчаниковъ, глины, мергелей и пудинговъ, которые очень богаты ископаемыми и пронизаны мѣстами серпентиномъ. Впрочемъ, узнать правильное расположеніе ихъ въ высотахъ Южной Тосканы было бы трудно. На нихъ слѣдуетъ смотрѣть, главнымъ образомъ, какъ на весьма неровное плоскогорье, которое, благодаря перерѣзывающимъ его рѣкамъ, текущимъ то параллельно, то перпендикулярно къ рѣкамъ Апеннинъ, обращено въ запутанный лабиринтъ холмовъ, пробуравленныхъ воронками, въ которыхъ исчезаютъ воды: таковы впадины „Инголлы", дѣйствительно поглощающія собою ручейки и дождевыя воды плоскогорья и образующія затѣмъ обильные источники одного изъ большихъ притоковъ Арно, Эльзы Вивы. Главная горная группа суб-Апеннинской области и есть та самая, которая раздѣляетъ три бассейна: Арно, Чечины и Омроны, и вершина которой Поджіо ди-Монтіери, съ богатыми мѣдными рудниками, возвышается болѣе чѣмъ на 1,000 метровъ. Еще выше поднимаются горы къ югу отъ долины Омброны, какъ-то Лаббро, Четона, Монте Аміата; но ихъ слѣдуетъ отнести уже къ геологической области центральной Италіи. Четона представляетъ юрскій островъ, окруженный новѣйшими землями; Монте Аміата—трахитовой конусъ и высочайшій вулканъ Италіи, который хотя и не извергалъ лавы въ историческія времена, но не можетъ считаться

угасшимъ, какъ показываютъ множество существующихъ еще теплыхъ источниковъ и сѣрныхъ земель. Радикофини—представляетъ другой вулканъ, лавы котораго похожи на окаменѣвшую пѣну и во многихъ мѣстахъ легко рубятся топоромъ.

Въ большой подземной лабораторіи, подъ всѣми скалистыми формаціями Тосканы, совершается еще по всей вѣроятности, весьма значительная работа: металлоносныя жилы развѣтвляются здѣсь въ громадную сѣть, и менеральные источники всякаго рода, соленые, сѣрные, желѣзистые, кисловатые здѣсь сравнительно гораздо обильнѣе и чаще, чѣмъ во всѣхъ другихъ частяхъ Италіи. На поверхности въ тринадцать разъ меньше здѣсь оказывается около четверти всѣхъ теплыхъ и цѣлебныхъ ключей полуострова и прилежащихъ острововъ, а между этими ключами есть самые знаменитые въ мірѣ, какъ напр. ключи Монте Катини, Санъ Джуліано и знаменитые Баньи ди-Лукка, около которыхъ выстроился многолюдный городъ, составляющій главную станцію между Луккой и Пизой. Естественные солончаки въ Тосканѣ также весьма производительны, но самые любопытные и въ то же время самые полезные съ промышленной точки зрѣнія водометы представляютъ собою знаменитые *lagoni*, въ бассейнѣ одного притока Чечины, при подошвѣ горной группы Монтіери, съ сѣверной стороны. Еще издали вы видите клубящіяся въ равнинѣ густыя тучи бѣлаго пара и слышите рѣзкое шипѣніе газовъ, которые со свистомъ вырываются изъ-подъ земли, производя клокотанье въ лужахъ воды. Лужи эти содержатъ различныя соли, кремнеземъ и борную кислоту, вещество, имѣющее такое значеніе въ торговлѣ, что его тщательно собираютъ для англійскихъ фаянсовыхъ и стеклянныхъ фабрикъ и которое для Тосканы сдѣлалось однимъ изъ главныхъ источниковъ дохода. Никакая другая страна въ Европѣ, за исключеніемъ развѣ кратера Вулкано на Эолійскихъ островахъ, не производитъ такого количества борной кислоты, чтобы стоило извлекать ее, но въ суб-Апеннинскихъ горахъ этого сокровища можно было бы собирать, вѣроятно, еще больше, такъ какъ въ различныхъ частяхъ Этруріи, въ особенности около Масса Маритима, къ югу отъ Монтіери, бьютъ еще другіе *soffioni*, содержащіе нѣкоторое количество этого драгоцѣннаго химическаго вещества. Продукція „Семи Деревень“: 14 тоннъ буры въ день.

Совершающееся въ Тосканѣ подземное броженіе происходитъ, вѣроятно, большею частію вслѣдствіе тѣхъ значительныхъ перемѣнъ, которыя произведены наносами въ взаимныхъ отношеніяхъ между землею и водами. Неподалеку отъ нынѣшняго берега, возвышается подобно островамъ среди моря множество группъ холмовъ, которые и дѣйстви-

тельно были нѣкогда морскими землями, но, благодаря рѣчнымъ наносамъ, присоединены постепенно къ сушѣ. Такъ, Пизанскія горы, между нижнимъ Арно и Серкіо представляютъ еще полуостровную группу вершинъ, такъ какъ окружены со всѣхъ сторонъ болотами и полями, которыя были осушены съ большимъ трудомъ. Древнее озеро Біентина, поверхность котораго составляла самое возвышенное мѣсто изъ окружавшихъ эту горную группу прѣсныхъ водъ, стояло не выше 9 метровъ надъ уровнемъ моря. Точно также высоты, которыя тянутся параллельно берегу, къ югу отъ Ливорно, хотя не совершенно отдѣлены отъ моря, но уже соединяются съ внутреннимъ плоскогорьемъ невысокимъ порогомъ. Что касается до мыса, на одномъ склонѣ котораго стоялъ древній городъ Популонія, а на другомъ стоитъ новый городъ Піомбино, противъ острова Эльбы, то это совершенно островная вершина, отдѣленная отъ суши низкою равниною, въ пескахъ которой теряются стекающіе съ внутреннихъ горъ ручьи. Но самый совершенный типъ земель, принадлежащихъ разомъ и полуострову Италіи, и Тирренскому морю, представляетъ гордая Монте Арджентаро или Арджентаріо, на южномъ концѣ тосканскаго побережья. Въ цѣломъ мірѣ найдется не много образованій этого рода, которыя представляли бы такую правильность въ своемъ общемъ расположеніи. Крутая и скалистая гора, окруженная скалами съ укрѣпленными замками и сторожевыми башнями, выдвигается далеко въ море, какъ будто для того, чтобы мѣшать проходу кораблей; двѣ низменныя полосы, обращенныя къ морю своими граціозными вогнутостями и составляющими темною зеленью своихъ сосновыхъ лѣсовъ такую противоположность съ голубыми водами и бурымъ цвѣтомъ скалъ, соединяютъ гору съ выступами континентальнаго берега и отдѣляютъ, такимъ образомъ, отъ моря правильной формы озеро, въ центрѣ котораго расположенъ маленькій городокъ Орбетелло, занимающій оконечность частію разрушеннаго волнами древняго берега. Можно подумать, что этотъ большой прямоугольный бассейнъ и окружающія его песчаныя плотины созданы какимъ нибудь гигантскимъ народомъ. Лагуна Орбетелло служитъ тѣмъ же, чѣмъ и лагуна Комаккіо: это большой рыболовный резервуаръ, въ которомъ угри ловятся сотнями тысячъ. Къ западу тянется къ Корсикѣ цѣпь острововъ съ вершинами Джильо, суровымъ Монте Кристо и рифомъ Формика. Расположенный сѣвернѣе, островъ Эльба составляетъ отдѣльный мірокъ.

Высоты Суб-Апеннинъ суть:

Поджіо ди-Монтіери	1,042 метра.
Лаббро	1,192 »

Монте Аміата	1,766	метровъ
Монте Серра (Пизанскія горы) .	914	»
» ди-Піомбино	199	»
» Арджентаро	636	»

Уже въ короткій промежутокъ времени, съ начала историческихъ временъ, различныя рѣки Тосканы: Серкіо, питаемая снѣгами Гарфаньяны и Апуанскихъ Альпъ, могучій Арно, Чечина, Омброна, Албенья произвели значительныя перемѣны во внѣшнемъ видѣ прибрежныхъ равнинъ и очертаніи морскаго берега. Матеріалы, необходимые для произведенной ими громадной геологической работы, доставляли имъ плохо укрѣпленныя земли, по которымъ протекали онѣ въ большей части своего теченія. Во многихъ мѣстахъ, горные склоны, не укрѣпленные ни лѣсами, ни кустарникомъ, при малѣйшемъ дождѣ превращаются въ полужидкое тѣсто, которое и стекаетъ понемногу внизъ, пока рѣки не унесутъ его своимъ быстрымъ теченіемъ. Въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, начиная съ добрыхъ временъ пизанской республики, устье Арно выдвинулось въ море на 5 километровъ. Впрочемъ, оно часто перемѣняло свое мѣсто; нѣкогда Серкіо и Арно имѣли въ низовьѣ общее русло, но, говорятъ, пизанцы отвели первую дальше къ сѣверу во избѣжаніе опасности отъ ея наносовъ. Изслѣдованіе мѣстъ доказываетъ, что внизъ отъ Пизы Арно долго текла къ морю по низкимъ землямъ Санъ Піетро дель-Градо, гдѣ течетъ нынѣ Коломбронъ, но съ тѣхъ поръ какъ природою или человѣкомъ, а можетъ быть и обѣими этими силами вмѣстѣ, рѣкѣ данъ былъ нынѣшній исходъ, она постоянно перемѣщалась по равнинамъ, снося аллювіальныя земли своихъ береговъ и приращая берегъ въ ущербъ Тирренскому морю. По Страбону, въ его время Пиза стояла въ двадцати олимпійскихъ стадіяхъ, т. е. въ 3,700 метрахъ отъ морскаго берега, между тѣмъ какъ нынѣ она отстоитъ отъ него въ три раза дальше. Когда въ концѣ одиннадцатаго вѣка былъ построенъ монастырь, впослѣдствіи *cascina* Санъ Россоре, то стѣны его возвышались надъ берегомъ, а въ наше время мѣсто этого древняго зданія отстоитъ отъ моря почти на 5 километровъ. Къ сушѣ присоединены такимъ образомъ обширныя равнины, занятыя дюнами или *tomboli* и частію покрытыя сосновыми лѣсами. На этихъ обширныхъ песчаныхъ земляхъ пасутся большія стада полудикихъ лошадей и быковъ и кромѣ того верблюдовъ, въ числѣ около двухсотъ, акклиматизированныхъ здѣсь съ успѣхомъ уже три столѣтія тому назадъ; это потомки тѣхъ верблюдовъ, которые были отняты у турокъ подъ стѣнами Вѣны. Впрочемъ, не все это приращеніе земель совершено наносами: весьма возможно, что Тосканскій берегъ былъ при-

поднятъ и внутренними силами. Камень, называемый *panchina*, употребляемый въ Ливорно на постройку зданій, есть ничто иное, какъ морская скала, состоящая частію изъ подобныхъ же раковинъ, какія встрѣчаются въ сосѣднемъ морѣ.

Одно изъ важнѣйшихъ измѣненій, совершившихся въ системѣ водъ бассейна Арно, составляетъ переворотъ, произведенный въ долинѣ Кіаны искусствомъ человѣка, направляющаго грубыя силы природы. Эта ложбина, служившая, вѣроятно, мѣстомъ прохода Арно, когда послѣдняя, будучи тогда притокомъ Тибра, не прорыла себѣ того ущелья выше Флоренціи, чрезъ которое она течетъ нынѣ, представляетъ собою природную дорогу, промытую водою между бассейнами Арно и Тибра; въ ней, какъ между Ореноко и Амазонскою рѣкою, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, существовалъ небольшой порогъ, отъ котораго воды текли какъ въ тотъ, такъ и въ другой бассейнъ, и точка водораздѣла была неподалеку отъ Арно. Часть водъ долины Кіаны впадала въ тосканскую рѣку, которая течетъ метрахъ въ пятидесяти ниже, а другая наибольшая часть воды, не имѣя опредѣленнаго теченія, разливалась въ длинныя болота, тянувшіяся къ югу до озеръ, на западѣ которыхъ, на одномъ изъ высокихъ ихъ береговъ, стоитъ маленькій городокъ Монтепульчіано; тутъ-то и начинаетъ ясно обнаруживаться наклонъ, несущій воду къ римскому Тибру. Нейтральная часть долины между двумя склонами была такъ неопредѣленна, что раздѣльный порогъ перенесли, по крайней мѣрѣ, на 50 километровъ, устроивъ поперечные барьеры, которые сдерживали разливы временныхъ озеръ, производимые большими дождями. Весь промежуточный поясъ, въ которомъ стояли наполовину прогнившія массы воды, приносимой боковыми ручьями, былъ гнѣздомъ заразы. Данте и другіе итальянскіе писатели называютъ его проклятымъ мѣстомъ, и даже ласточка не осмѣливается пускаться въ эту роковую атмосферу. Жители долины напрасно стараются осушить почву, устраивая сточные каналы: горизонтальность длинной равнины дѣлала недѣйствительными всѣ ихъ труды для очищенія воздуха. Знаменитый Галилей, къ которому обращались за совѣтомъ, объявилъ, что зло непоправимо, и послѣ него уже не предпринималось никакихъ мѣръ. Торричелли нашелъ, что для приданія долинѣ недостающаго ей наклона, и, слѣдовательно, для облегченія стока воды, можно воспользоваться силою ручьевъ, но до дѣла не дошло и при немъ, вслѣдствіе споровъ между двумя смежными государствами: Римомъ и Флоренціей, не позволявшими очищеніе Кіаны, такъ какъ каждое изъ двухъ правительствъ хотѣло, чтобы сточныя воды были проведены по территоріи сосѣда.

Наконецъ въ срединѣ восемнадцатаго вѣка работы начались подъ управленіемъ знаменитаго Фоссомброни. На концѣ каждаго боковаго рва были устроены бассейны для сплавливанія земли, куда и отлагаются ежегодно слоями принесенныя съ горъ частицы. Такимъ образомъ, болота мало по малу засорились и почва утвердилась, уровень долины, возвышенный постепенно въ избранной инженеромъ линіи раздѣла, сообщилъ водѣ движеніе, котораго она до того не имѣла, и гнилостную топь обратилъ въ чистый ручей. Общій склонъ возвышенной равнины былъ перевернутъ, и Арно обогатилась притокомъ въ 74 километра длины, который болѣе чѣмъ на двѣ трети своего теченія принадлежалъ прежде Тибру. Нѣкогда смертельный воздухъ долины сталъ однимъ изъ самыхъ здоровыхъ въ Италіи. Завоеванными вновь землями овладѣло земледѣліе и къ тосканской территоріи присоединилось тысяча триста квадратныхъ километровъ земли, которую прежде тщательно обходили. Деревни, населенныя еще недавно людьми, одержимыми лихорадкой, превратились въ богатыя мѣстечки съ здоровыми обитателями. Успѣхъ работы, названной такъ прекрасно „bonification“, былъ полный. Дикія воды должны были подчиниться дисциплинѣ для правильнаго распредѣленія своихъ наносовъ на пространствѣ 20,000 гектаровъ и на средней глубинѣ отъ 2 до 3 метровъ; ихъ заставили, какъ разумныхъ работниковъ, наложить насыпь въ 500 милліоновъ кубическихъ метровъ. Эта огромная операція спуска земли, въ которой человѣкъ такъ удивительно направилъ природу, стала образцомъ для всѣхъ подобнаго рода предпріятій. Такъ обширное болото Кастильоне, озеро Приліусъ римлянъ, расположенное между Гроссето и моремъ, около праваго берега Омброны, посредствомъ такого же процесса сплавливанія земли было обращено мало по малу въ твердую землю. Въ 1828 г. оно занимало пространство въ 95 квадратныхъ километровъ, изъ котораго перенесенные рѣкою наносы сдѣлали впослѣдствіи громадную и относительно здоровую прэрію. Сравненіе картъ различныхъ временъ свидѣтельствуетъ о значительныхъ измѣненіяхъ, испытанныхъ нѣкогда Омброною въ ея устьяхъ какъ бы случайно, но теперь силою этою управляетъ человѣкъ. Рѣка—второй быкъ Ахелой, укрощенный новымъ Геркулесомъ.

Изъ большихъ осушительныхъ работъ, также доставившихъ славу тосканскимъ гидрологамъ, слѣдуетъ упомянуть еще о сѣти безчисленныхъ отточныхъ каналовъ, вырытыхъ на низкихъ земляхъ Фучеккіо, Понтедеры, Пизы, Лукки, Ливорно, Віареджіо. Тутъ были обширныя внутреннія моря, которыя пытаются понемногу засорить и привести постепенно въ состояніе твердой земли. Одною изъ самыхъ трудныхъ

операцій этого рода было осушеніе озера Біентины или Сесто, которое было расположено среди болотистыхъ равнинъ къ востоку отъ Пизанскихъ горъ, и образовалось, какъ думаютъ, вслѣдствіе разлива водъ Серкіо. Прежде у озера этого было два естественные оттока, одинъ къ сѣверу въ Серкіо, другой къ югу въ Арно. Во время мелководья обѣихъ этихъ рѣкъ, теченіе Біентины совершалось безъ затрудненія, но какъ только въ нихъ чувствовалась прибыль воды, начиналось обратное движеніе, вода обоихъ притоковъ текла назадъ въ озеро и если бы не закрывались во время шлюзы, то Арно и Серкіо, при подошвѣ Пизанскихъ горъ, слились бы въ одно внутреннее море. Лишенная своихъ естественныхъ стоковъ, Біентина разрасталась такъ, что покрывала собою пространство въ 10,000 гектаровъ, т. е. въ шесть разъ больше, чѣмъ его обыкновенная поверхность, почему, для спасенія богатыхъ полей этой части Тосканы, нужно было дать Біентинѣ оттокъ, который былъ бы независимъ отъ двухъ сосѣднихъ рѣкъ. Поэтому явилась счастливая мысль прорыть каналъ, который выводилъ бы воду изъ озера чрезъ тунель, идущій подъ Арно, ширина которой въ этомъ мѣстѣ отъ плотины до плотины составляетъ 216 метровъ, а затѣмъ послѣ подземнаго пересѣченія канала съ рѣкою, новый оттокъ направляется къ морю по бывшему руслу Арно, замѣненнаго нынѣ Коломброною.

Главное препятствіе, съ которымъ приходилось бороться въ этомъ побѣдоносномъ дѣлѣ, представляла крайняя нездоровость климата. Атмосфера міазмовъ тяготѣла особенно надъ прибрежною мѣстностью, вслѣдствіе совершающагося здѣсь смѣшенія прѣсныхъ внутреннихъ водъ съ солоноватыми водами Средиземнаго моря. Вслѣдствіе происходившей отъ этого смѣшенія чрезмѣрной смертности между морскими и прѣсноводными породами животныхъ и растеній, воздухъ заражался, наполнялся смертоносными газами, происходящими отъ разложенія органическихъ веществъ, и истреблялъ прибрежное населеніе. Около половины прошлаго вѣка инженеръ Цендрини напалъ на мысль въ концѣ всѣхъ естественныхъ и искусственныхъ отточныхъ каналовъ, устроить отдѣлительные шлюзы между прѣсными и солеными водами. Лихорадки тотчасъ же исчезли, и воздухъ получилъ свою первоначальную чистоту. Въ 1768 году, вслѣдствіе дурнаго содержанія воротъ, снова началось смѣшеніе воды прѣсной и соленой, и сейчасъ же міазмы возобновили свое дѣло опустошенія, и здоровый климатъ въ прибрежныхъ деревняхъ возстановился только послѣ перестройки шлюзовъ. Съ тѣхъ поръ беззаботность флорентинскаго правительства была еще два раза вымещаема такимъ же образомъ на несчастныхъ прибрежныхъ жителяхъ каналовъ

и два раза приходилось прибѣгать къ тому же серьозному терапевтическому средству, т. е. лѣчить самую землю. Съ 1821 г., содержаніе шлюзовъ, несущихъ частію медицинскую службу, не оставляетъ ничего болѣе желать, а вслѣдствіе этого и климатъ остается здоровымъ Главный городъ этой области Віареджіо, который въ 1740 году былъ просто зачумленною деревушкой, въ настоящее время представляетъ городъ съ морскими купаньями, который лѣтомъ посѣщаютъ безнаказанно множество иностранцевъ. Разведеніе сосны и другихъ деревьевъ тоже много способствовало оздоровленію мѣстности.

Не смотря на всѣ успѣхи въ улучшеніи почвы, въ Нижней Тосканѣ есть еще много мѣстностей, нуждающихся въ осушеніи земли и очищеніи атмосферы. Пространство неосушенной земли простирается до 3000 квадр. километровъ; Маремма, большая часть которой приходится въ провинціи Гроссето, между двумя скалистыми границами Піомбино и Орбетелло, не смотря на всѣ ассенизаціонныя работы, остается одною изъ самыхъ нездоровыхъ мѣстностей въ Европѣ: ея непроницаемая земля задерживаетъ воду, которая портится отъ солнца и заражаетъ воздухъ. Средняя жизнь жителей здѣсь очень коротка, въ особенности же она ненадежна у „слишкомъ счастливыхъ земледѣльцевъ“, не смотря на то, что большая часть ихъ спускаются въ низкую равнину только для посѣва и уборки: они бѣгутъ оттуда, какъ только кончаютъ работу, и все-таки часто уносятъ съ собою зародышъ роковой болѣзни. Въ лѣта 1840 и 1841 гг. было 36,000 больныхъ лихорадкою изъ всего приблизительно 80-ти тысячнаго населенія, которое почти все живетъ на высотахъ и только изрѣдка спускается въ зараженную равнину. Для избѣжанія гибельнаго вліянія дурнаго воздуха, надо жить постоянно на высотѣ по крайней мѣрѣ 300 метровъ; но и этого не всегда достаточно; епископальный городъ Сована очень нездоровъ, не смотря на то, что находится именно на вышеозначенной высотѣ, въ верхней долинѣ Фіоры. Лихорадки чувствуются даже въ мѣстностяхъ весьма удаленныхъ отъ всякаго болота и причина этого заключается, вѣроятно, какъ полагаетъ Сальваньоли Маркетти, въ свойствахъ самой почвы. *Malaria* подымается на тѣ холмы, глинистая почва которыхъ проникнута пригорѣлыми веществами и поражаетъ также мѣстности, въ которыхъ обильны соленые источники, и въ особенности мѣстности съ залежами квасцовъ. Смѣшеніе прѣсной воды съ соленою, столь пагубное на берегу моря, оказывается не менѣе гибельнымъ и во внутренности страны. Наконецъ, гибельно и вліяніе южныхъ вѣтровъ, въ особенности сирокко, и лихорадки сильно распространяются во всѣхъ открытыхъ этому зараженному току воздуха долинахъ.

Напротивъ, мѣстности, свободно пользующіяся морскимъ воздухомъ, совершенно здоровы: такъ Орбетелло и Піомбино, не смотря на сосѣдство обширнаго болота, совершенно безопасны отъ болотныхъ міазмовъ.

Принимаютъ вообще, что въ эпоху благоденствія древнихъ тирренскихъ городовъ берега Этруріи вовсе не страдали отъ лихорадокъ. Дѣйствительно, при устройствѣ желѣзныхъ дорогъ въ Мареммахъ было открыто существованіе многихъ подземныхъ трубъ, проведенныхъ во всѣхъ направленіяхъ для осушенія почвы; вся равнина была изрѣзана сточными каналами. Большіе города, какъ знаменитая *Populonia mater* и многіе другіе, какъ Веи, Цере, Бола, Лабикумъ, Лавиніумъ, Лонгула, Толерія, Поллестія, отъ которыхъ въ настоящее время существуютъ только разбросанныя развалины или мѣста которыхъ еще не найдены, не могли бы возникнуть и развиваться, если бы мѣстный климатъ былъ до такой степени нездоровъ, какъ нынѣ. Этруски были извѣстны своимъ искусствомъ во всякихъ гидравлическихъ работахъ; они умѣли запружать плотинами рѣки, спускать болота, осушать поля, но когда они были порабощены, ихъ плотины и каналы скоро перестали существовать, снова появились болота, и природа возвратилась къ своему дикому состоянію. Но указываютъ также нѣкоторые города, которые въ средніе вѣка имѣли климатъ здоровый, а теперь страдаютъ отъ лихорадки. Такъ Масса-Маритима, къ сѣверо-востоку отъ которой возвышаются вершины горной группы Монтіери, была богата и многолюдна въ теченіе всего періода своей республиканской свободы, но какъ только ее разрушили пизанцы и сіеннинцы, какъ только она потеряла свою независимость, работы въ поляхъ остановились и воды ручьемъ собрались въ лагуны. Ассенизаціонныя работы настоящаго времени снова возвратили ему благосостояніе.

Между матерьяльными причинами, болѣе способствовавшими со временъ римлянъ ухудшенію климата, слѣдуетъ указать на обезлѣсеніе горъ и на явившееся вслѣдствіе того — безпорядочное увеличеніе наносныхъ земель. Наконецъ, въ теченіи всѣхъ среднихъ вѣковъ и даже въ новѣйшее время тосканскіе монастыри владѣли въ Мареммахъ большими рыбными сажалками и энергически противились всякимъ запруживаньямъ и спускамъ воды, которые могли бы лишить ихъ, совсѣмъ или частію, ихъ драгоцѣнныхъ запасовъ на время постовъ. Многіе тираны внутреннихъ городовъ были также очень рады владѣть какою-нибудь очень нездоровою деревней въ области болотъ, такъ какъ время отъ времени могли заключать туда тѣхъ, отъ кого желали отдѣлаться, не подвергая себя непріятнымъ угрызеніямъ совѣсти открытыхъ убійцъ. Даже испанскіе короли заботились о пріобрѣтеніи какого-нибудь самаго смертельнаго мѣста на

берегу, для устройства тамъ тюремъ или *presidios*; такъ, Таламонъ, бывшій большимъ портомъ Сіеннской республики, былъ вполнѣ обращенъ въ настоящее кладбище; всѣ ссыльные тамъ умирали. Отъ Монте-Леоне, древняго города этой страны ссылки, осталась только громадная стѣна, длиною около 20 километровъ.

Многія попытки улучшенія, предпринимавшіяся на основаніи ложныхъ понятій и безъ необходимой опытности, имѣли также не менѣе ужасныя послѣдствія. Различныя правительства Тосканы, воображавшія вмѣстѣ съ Макіавелли и другими государственными людьми, что для возвращенія древняго здороваго климата достаточно только снова заселить страну, посылали туда множество колонистовъ, вызванныхъ изъ разныхъ провинцій Италіи, Греціи, Германіи. Но эти иностранцы, которые, впрочемъ, не признавались собственниками земли и для которыхъ акклиматизація была вдвойнѣ опасна, при каждой попыткѣ гибли цѣлыми массами. Единственное средство возстановить климатъ древней Этруріи — это, прежде всего, заинтересовать въ улучшеніяхъ самихъ земледѣльцевъ, отдавая имъ землю даромъ, затѣмъ совершать продолжительныя работы сплавливанія земли, дренажа и начатаго съ такимъ успѣхомъ разведенія лѣсовъ. Устройство по берегу желѣзной дороги въ особенности способствуетъ дѣлу возстановленія климата: осушеніе и посадка деревъ очистили воздухъ около многихъ станцій. Для примѣра можно привести окрестности прежде необитаемой Популоніи, которая нынѣ постепенно заселилась. Металлургическій заводъ Фаллоника, обработывающій желѣзо съ острова Эльбы при помощи обильнаго лигнита сосѣднихъ копей, также получилъ гораздо большее чѣмъ прежде значеніе; но онъ почти всѣми покидается на время лихорадокъ.

Предки нынѣшнихъ тосканцевъ, этруски или тирренцы, задолго до господства римлянъ, были преобладающимъ населеніемъ Италіи. Они не только занимали весь южный склонъ Апеннинъ, до самыхъ устьевъ Тибра, но основали въ Кампаньѣ союзъ двѣнадцати городовъ, изъ которыхъ самымъ главнымъ была Капуа, а въ качествѣ купцовъ и пиратовъ обладали моремъ, которое и теперь называется по ихъ имени Тирренскимъ. Съ южной стороны, островъ Капри былъ передовымъ стражемъ. Адріатическое море принадлежало имъ же. Адрія, Болонья, которую они называли Фальзиною, Равенна, Мантуа—были этрусскими колоніями; въ высокихъ же альпійскихъ долинахъ жили реты или ретійцы, ихъ союзники, а можетъ быть и братья по крови. Но отъ какого великаго этническаго корня происходятъ сами этруски? Это самый спорный историческій вопросъ. Ихъ считали арійцами, угрійцами, семитами; ихъ роднили съ греками,

германцами, скиѳами, египтянами, турками, а по мнѣнію лорда Линдсея тирренцы тоже, что тюрингенцы! Въ вопросѣ о происхожденіи этрусковъ могли быть пока еще только гипотезы; даже языкъ ихъ, который легко читается по сходству буквъ его съ другими итальянскими алфавитами, но не легко объясняется, или скорѣе весьма различно переводится, также не даетъ никакого разрѣшенія. Ученые далеко не согласны съ толкованіями, предложенными недавно съ большою увѣренностью Корсеномъ; по мнѣнію этого лингвиста, а также и нѣкоторыхъ другихъ ученыхъ, тирренцы по языку принадлежатъ къ числу другихъ италійскихъ народовъ.

По различнымъ оставленнымъ этрусками портретамъ ихъ собственныхъ особъ на вазахъ подземныхъ кладбищъ, общій типъ ихъ представляетъ человѣка коренастаго, часто полнаго, сильнаго, широкоплечаго, съ лицомъ выдавшимся впередъ, съ горбатымъ носомъ, широкимъ, уходящимъ назадъ лбомъ, темнаго цвѣта, съ черепомъ немного сдавленнымъ, покрытымъ волнистыми волосами и всего чаще долихоцефалическимъ. Этотъ типъ не свойственъ ни большинству эллиновъ, ни большинству итальянцевъ. Между оставленными ими памятниками не встрѣчаются *nuraghi*, эти странныя постройки, возводившіяся въ такомъ большомъ количествѣ древними жителями Сардиніи; по словамъ Бостеттена, настоящихъ дольменовъ тоже нѣтъ. Надгробные памятники, которые открывались и еще открываются сотнями и тысячами не только въ предѣлахъ нынѣшней Тосканы, но даже непосредственно около Рима, показываютъ, что искусство рисованія стояло въ Этруріи на высокой степени развитія. Живописныя изображенія, украшавшія внутренности склеповъ, барельефы гробницъ, вазы, канделябры и различная глиняная и бронзовая утварь свидѣтельствуютъ о внутреннемъ родствѣ генія между художниками Этруріи, Греціи и Малой Азіи. Архитектура ихъ построекъ показываетъ, что они, отличаясь нѣкоторою оригинальностью, имѣли однако же внутреннюю связь, по общей цивилизаціи, съ эллинами первыхъ временъ. Они были первыми руководителями римлянъ въ искусствахъ; древнѣйшій памятникъ „Вѣчнаго Города“, сточныя трубы Тарквинія, стѣна, называемая стѣною Сервія Туллія, Мамертинская тюрьма, всѣ остатки древняго царскаго Рима были ихъ произведеніемъ. Храмы, статуи боговъ, самые дома, равно какъ и предметы украшенія—все было этрусское. Бронзовая волчица, которая теперь въ Капитолійскомъ музеѣ, и которая была символомъ самого римскаго народа, была, какъ кажется, снимкомъ съ подобнаго же произведенія этрусскихъ художниковъ.

Но историческія превратности, различныя вліянія смѣнявшихся въ странѣ цивилизацій и культовъ при помощи этническихъ смѣшеній, должны

были сдѣлать тосканцевъ весьма непохожими на своихъ предковъ этрусковъ. Если судить по живописнымъ изображеніямъ ихъ подземныхъ кладбищъ, они имѣли въ себѣ нѣчто грубое, чего вовсе нѣтъ въ тосканскомъ населеніи; тѣ любили, повидимому, постряпать и поѣсть, потомки же ихъ представляютъ собою, напротивъ, народъ воздержный. Нынѣшній типъ ихъ представляетъ человѣка любезнаго, привѣтливаго, умнаго, артиста, легко поддающагося увлеченію, и, быть можетъ, отчасти черезчуръ эластичнаго характера. Тосканцы равнины, но не Мареммъ, самые пріятные изъ итальянцевъ—они любятъ сами „жить и никому не мѣшать“ и, благодаря своей природной мягкости нрава, часто умѣли смягчать и своихъ монарховъ. Но вотъ довольно странная черта, отличающая ихъ отъ другихъ жителей полуострова: они очень храбры, когда увлекаются страстью, но имѣютъ необыкновенное отвращеніе къ смерти и съ ужасомъ отворачиваются отъ трупа, что должно отнести, конечно, къ живучести древнихъ предразсудковъ. Тирренцы всегда скрывали могилы — а между тѣмъ ихъ великій культъ былъ культомъ мертвыхъ.

Каковы бы ни были, впрочемъ, черты сходства тосканцевъ съ своими предками, они, какъ и послѣдніе, имѣли свою эпоху преобладанія въ Италіи, да и теперь еще въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ занимаютъ первое мѣсто во всей націи. Послѣ римской эпохи, когда движеніе цивилизаціи перемѣстилось къ сѣверу, оказалось, что долина Арно расположена удивительно хорошо для того, чтобы сдѣлаться большимъ центромъ дѣятельности не только для итальянскаго полуострова, но и для всего европейскаго материка. Сообщенія чрезъ Альпы были еще трудны и опасны, а слѣдовательно сношенія между народами, въ большей своей части, должны были совершиться моремъ между берегомъ Тосканы и берегами Франціи и Испаніи. Сверхъ того, Апеннинскія горы, ограждая жителей съ сѣвера отъ климата и варварскихъ нашествій, и обходя вокругъ большою дорогою, оберегали ихъ большія и плодородныя долины, обращенныя къ Тирренскому морю. Тоскана была, слѣдовательно, подъ покровительствомъ природы, и умные ея жители умѣли прекрасно воспользоваться всѣми преимуществами, доставляемыми имъ географическимъ положеніемъ. Трудъ у флорентинцевъ былъ великимъ закономъ; всякій безъ исключенія, долженъ былъ имѣть какой нибудь родъ дѣятельности. Пиза оспаривала у Генуи и Венеціи первенство на морѣ, Флоренція же болѣе, чѣмъ всѣ другіе города, была мѣстомъ большихъ коммерческихъ оборотовъ, городъ, по преимуществу богатый, который, благодаря своимъ денежнымъ оборотамъ, распространялъ сѣть своихъ операцій на всѣ страны Европы.

Но Тоскана была не только страною торговли и промышленности,

періодъ ея благосостоянія былъ въ то же время моментомъ истиннаго процвѣтанія и для человѣческаго ума: Флорентинская республика была въ свою очередь тѣмъ же, что двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ Аѳинская республика и это былъ второй изъ тѣхъ великихъ источниковъ свѣта, лучи котораго свѣтятъ намъ еще и теперь. Это было истинное обновленіе человѣчества. Свобода и предпріимчивость, а съ ними науки, искусства, литература,— все, что есть прекраснаго и благороднаго въ мірѣ— развернулось съ такою отрадною стремительностью, какой не бывало въ теченіи многихъ поколѣній. Гибкій геній тосканцевъ обнаружился во всѣхъ родахъ дѣятельности, и множество самыхъ великихъ историческихъ именъ флорентинцы могутъ назвать своими. Кто произвелъ болѣе могучее вліяніе въ мірѣ науки и искусства, чѣмъ Джіотто, Органья, Мазачіо, Микель-Анжелло, Леонардъ да Винчи, Андреа дель Сарто, Брунеллески, Данте, Саванаролла, Галилей, Маккіавелли? Флорентинецъ же Америго Веспучи далъ свое имя новому материку, открытому за Атлантическимъ океаномъ. Въ этомъ названіи Новаго Свѣта видѣли несправедливость судьбы, даже гнусный подлогъ въ подстановкѣ имени географа, астронома и путешественника Америго вмѣсто имени мореходца Колумба. Но съ исторической точки зрѣнія такъ и слѣдовало по справедливости. Флоренція, городъ республиканскій, гдѣ любили всего болѣе самую науку, гдѣ разсказы о путешествіяхъ находили всего больше читателей, и откуда новости распространялись по Европѣ всего свободнѣе, не имѣла никакого интереса хранить въ архивахъ разсказы и описанія своего сына Америго. А между тѣмъ, благодаря этимъ разсказамъ и въ особенности его знаменитому письму 1503 года, великое открытіе всего сильнѣе овладѣло умами его современниковъ: этотъ удивительный разсказъ, это ученое и вмѣстѣ съ тѣмъ образное описаніе странъ, „которыя должны быть близки къ раю, если только рай существуетъ на землѣ“—были переведены на всѣ языки. Поэтому было совершенно естественно назвать Новый Свѣтъ именемъ ученаго флорентинца. Впрочемъ Колумбъ до самой смерти претендовалъ на открытіе Японіи и восточныхъ береговъ Азіи, а Веспучи еще въ 1501 году называлъ вновь открытый материкъ novus mundus. Мартинъ Валдземюллеръ изъ Сенъ Дьё въ 1507 г. формально предложилъ названіе Америки—и оно было принято его современниками и потомствомъ. Пешель замѣчаетъ, что это названіе удержалось еще потому, что самое слово „Америка“ отличается благозвучіемъ и въ этомъ отношеніи представляетъ нѣкоторое подобіе названіямъ остальныхъ частей свѣта.

Тому же громадному преимуществу, заключающемуся въ свободѣ, тому же генію своихъ писателей и вліянію поэтовъ на умственное развитіе

Италіи Флоренція обязана тѣмъ, что сообщила свой языкъ всему полуострову отъ Альпъ до Сицилійскаго моря. Конечно, ни одинъ изъ удаленныхъ отъ центра городовъ, какъ Генуя, Венеція или Миланъ, Неаполь, Тарентъ или Палермо, не могли создать изъ своего языка обработанный языкъ всѣхъ итальянцевъ; но, на первый взглядъ, кажется удивительнымъ, какимъ образомъ не опередилъ Флоренцію въ созданіи литературнаго итальянскаго языка — Римъ, этотъ древній царственный городъ, откуда латынь навязывалась міру. Но это потому, что онъ, вмѣсто того, чтобы жить свободною жизнью итальянскихъ республикъ, былъ напротивъ, связанъ поклоненіемъ прошедшему; языкъ, который онъ силился поддержать, былъ языкъ мертвый. Папскій городъ не имѣлъ никакой иной литературы, кромѣ актовъ, издававшихся на латинскомъ языкѣ, поддѣлывавшемся болѣе или менѣе удачно къ Цицерону. Поэтому, народный итальянскій языкъ долженъ былъ оставаться для Рима провинціальнымъ нарѣчіемъ, между тѣмъ какъ во Флоренціи онъ былъ настоящимъ языкомъ, не смотря на унаслѣдованное отъ этрусковъ горловое произношеніе, а римляне были только участниками, хотя весьма важными, въ сообщеніи этому языку музыкальности. Тосканскіе поселяне представляютъ у себя мистеріи, эпопеи, какъ напр. *Энеида* и *Освобожденный Іерусалимъ*, и даже и пьесы изъ болѣе новой исторіи. Извѣстно, какая прелесть чистой и деликатной поэзіи звучитъ въ тѣхъ *ritornelli*, которые поются по вечерамъ тосканскими крестьянами; извѣстно также, какою силою оказался прекрасный флорентинскій діалектъ для вступленія Италіи въ число самостоятельныхъ народовъ. Фанатичные почитатели Данте въ извѣстной степени правы, что національное единство Италіи было заложено заранѣе, въ тотъ день, когда великій поэтъ, изъ всѣхъ употреблявшихся на полуостровѣ нарѣчій, сковалъ свой прекрасный, звучный и твердый языкъ. И не правда-ли, что великое интеллектуальное движеніе, изъ котораго главнымъ образомъ возникла политическая независимость націи, подготовлялось на флорентійскомъ нарѣчіи, въ самой Флоренціи, въ ея литературѣ и пропагандѣ съ 1815 по 1830 годы?

Какъ вліяніе Тосканы на Италію и на остальной міръ объясняется главнымъ образомъ ея географическимъ положеніемъ, такъ точно ея частная исторія объясняется ея внутреннимъ строеніемъ. Апеннины, Анти-Апеннины и группа горъ, возвышающаяся къ югу отъ Арно, раздѣляютъ ее на множество отдѣльныхъ бассейновъ, въ которыхъ должны были возникнуть отдѣльныя республики. И дѣйствительно, во времена тирренцевъ, Этрурія была конфедераціей городовъ; въ средніе вѣка и даже въ началѣ новыхъ временъ, когда начали образовываться крупныя политическія

аггломераціи, Тоскана была совокупностью демократій, которыя были то въ союзѣ, то въ борьбѣ; но по духу всегда походили другъ на друга. Впослѣдствіи, перемѣны всякаго рода, совершавшіяся въ политическихъ и экономическихъ условіяхъ страны, измѣнили какъ значеніе, такъ и населеніе коммунъ, но большая часть вольныхъ городовъ среднихъ вѣковъ и нѣкоторые изъ основанныхъ еще древними этрусками сохранили свое высокое положеніе между провинціальными городами Италіи.

Флоренція, которая недавно была временною столицею королевства и остается однимъ изъ главнымъ его естественныхъ центровъ, не относится къ числу городовъ, основанныхъ древними тирренцами, она недавняго происхожденія, сравнительно съ многими другими городами Италіи, и во все время имперіи была простой римской колоніей; господство принадлежало старому городу Фіезоле, входившему нѣкогда въ составъ двѣнадцати общинъ Этруріи; городъ расположенъ сѣвернѣе Флоренціи, на холмахъ, и содержитъ еще остатки тѣхъ величественныхъ построекъ, которыя когда-то флорентинцы разрушили сами и отобранными колоннами и статуями обогатили свои собственные памятники. Фіезоле—родина Жана фіезолійскаго, „божественнаго живописца“. Быстрое усиленіе Флоренціи въ теченіе среднихъ вѣковъ зависѣло отъ того, что она была тогда необходимой станціей на дорогѣ, которая вела изъ Германіи и Ломбардіи, чрезъ Болонью, въ южную Италію. Пока первенство принадлежало Риму, то тѣ, кто хотѣлъ перебраться изъ долины Тибра на противоположный склонъ Апеннинъ, спѣшили перейти горы поближе и спускались къ Адріатическому морю на Анкону или Аримінумъ. Во время же упадка Рима, когда волна варварскихъ народовъ шла въ направленіи съ сѣвера на югъ, естественнымъ путемъ сталъ путь, ведущій изъ ломбардскихъ равнинъ въ долину Арно чрезъ проходы Тосканскихъ Апеннинъ, и такъ какъ военная дорога была въ то же время и торговою, то въ этомъ удивительномъ бассейнѣ долженъ былъ возникнуть большой торговый и промышленный центръ. „Городъ Цвѣтовъ“ выросъ, расцвѣлъ и сдѣлался тѣмъ чудомъ, которое мы видимъ въ немъ и нынѣ. Но самыя его богатства стали для него роковыми. Банкиры, въ сундуки которыхъ стекалась большая часть сокровищъ Европы, сдѣлались господами республики. Медичи приняли титулъ „князей государства“, и толчекъ, данный первоначально свободой, былъ такъ силенъ, что ихъ господство совпадаетъ вначалѣ съ процвѣтаніемъ искусства. Но вскорѣ нравы начали падать, граждане обратились въ подданныхъ и перестали жить умственною жизнью.

Такъ, финансовыя дѣла города пришли въ упадокъ, но за то Фло-

*

репція нашла богатый источникъ доходовъ—въ трудѣ [1]). Она имѣетъ свои шелковыя и шерстяныя фабрики, мастерскія соломенныхъ шляпъ, мозаическихъ издѣлій, хрустальные заводы, гранильни „твердыхъ камней“ (камеи) и другія производства, въ которыхъ требуется вкусъ и механическая ловкость. Окрестные поселяне плетутъ соломенныя шляпы, а флорентійскіе садовники считаются одними изъ самыхъ искусныхъ. Но весь этотъ артистическій и промышленный трудъ, въ соединеніи съ земледѣльческими произведеніями равнины и съ торговымъ движеніемъ, возбуждаемымъ сходящимися въ ея стѣнахъ обыкновенными и желѣзными дорогами, дѣлали бы ее только большимъ итальянскимъ городомъ, если-бы она не отличалась еще красотою своихъ памятниковъ, благодаря которымъ она сдѣладась центромъ притяженія для всего міра и главнымъ пунктомъ стеченія художниковъ. „Прекрасная“ Флоренція богаче всѣхъ городовъ Италіи, не исключая и Венеціи, архитектурными произведеніями среднихъ вѣковъ и эпохи Возрожденія. Ея музей Уффици, дворецъ Питти, Академія искусствъ принадлежатъ къ числу самыхъ красивыхъ въ Европѣ и заключаютъ въ себѣ множество тѣхъ капитальныхъ произведеній, которыя составляютъ драгоцѣннѣйшее сокровище человѣческаго рода; особенно первый умѣлымъ подборомъ картинъ представляетъ настоящую школу вкуса; ея библіотеки, Лаврентійская и Мальябеккіанская богаты рукописями, документами и рѣдкими книгами. Самый городъ, не смотря на свой мрачный видъ, представляетъ собою музей своими дворцами, церквами, башнями, статуями на улицахъ и площадяхъ и домами, которые кажутся въ одно и то же время и крѣпостями, и дворцами. Соборъ Брунеллески, колокольня Джіотто, которая по распоряженію Республики должна быть „прекраснѣе, чѣмъ можетъ представить себѣ воображеніе“, Крестильница (Baptisteria) и ея ни съ чѣмъ несравнимая бронзовая дверь, площадь Сеньоріи, монастырь Санъ Марко, въ которомъ прогуливается тѣнь Савонаролы, храмъ Санта-Кроче, гордость флорентинцевъ, Санта-Марія-Новелла, которую Микель-Анжелло называлъ своей „супругою“, черный дворецъ Строцци съ его и скромной, и въ то же время прекрасной архитектурой, и множество другихъ памятниковъ дѣлаютъ Флоренцію очаровательнымъ городомъ. Проходя по этому дивному городу и смотря на его зданія, понимаешь благородныя слова общиннаго совѣта, сказанныя имъ своему архитектору Арнольфо ди Лапо: „Общественныя работы отнюдь не должны быть предпринимаемы, если онѣ задуманы не такъ, чтобы согласовались съ великимъ сердцемъ, со-

[1]) Долгъ города въ 1881 г.: 151.802.330 франк.

ставленнымъ изъ сердецъ всѣхъ гражданъ, соединенныхъ въ одномъ общемъ желаніи".

Чудная мѣстность, среди которой уютно расположился городъ, еще болѣе увеличиваетъ его красоту. Всѣ путешественники сохраняютъ неизгладимое воспоминаніе о своихъ прогулкахъ вдоль Арно, по холмамъ Санъ Миніато, Белло Сгуардо, по живописному косогору, на которомъ группируются виллы и развалины домовъ древней Фіезоле этрусковъ Къ несчастію, климатъ Флоренціи не вполнѣ удовлетворителенъ; вѣтры здѣсь часто перемѣняются внезапно и лѣтній жаръ не выносимъ: *il caldo di Firenze* вошло въ пословицу во всей Италіи. Надо сказать, что тѣснота улицъ и нѣкоторое пренебреженіе къ законамъ гигіены производятъ здѣсь бо́льшую годичную смертность, чѣмъ въ большей части большихъ городовъ материка. Въ средніе вѣка — это былъ одинъ изъ тѣхъ городовъ, въ которыхъ всего болѣе свирѣпствовала чума, и во время бѣдствія, описаннаго Боккачіо, погибло сто тысячъ жителей, т. е. двѣ трети населенія. Тарджіони Тоцетти, сравнивая географическое положеніе Флоренціи съ положеніемъ промышленнаго города Эмполи, древняго Emporium, находящагося западнѣе, въ обширной равнинѣ съ чрезвычайно здоровымъ воздухомъ, сожалѣетъ, что не дано было хода въ 1260 г. проекту о разрушеніи Флоренціи и переселеніи ея жителей въ мѣстность, занимаемую городомъ Эмполи.

Въ верхней долинѣ Арно, извѣстной среди антропологовъ черепомъ Ольмо, найденнымъ въ слоѣ постпліоценовой озерной глины, только одинъ городъ имѣетъ нѣкоторое значеніе, именно Ареццо — древній этрусскій городъ и центръ одной изъ наиболѣе благоденствовавшихъ средневѣковыхъ республикъ. Ареццо, какъ и Флоренція, хвалится тѣмъ, что онъ дышетъ „такимъ тонкимъ воздухомъ, что и самые умы его жителей сдѣлались тонкими". И дѣйствительно, списокъ его ученыхъ и художниковъ, начиная съ Петрарки, — одинъ изъ самыхъ длинныхъ, какимъ только можетъ похвалиться итальянскій городъ; но въ наше время Ареццо въ большомъ упадкѣ и остается только при своихъ великихъ воспоминаніяхъ и памятникахъ прошедшаго. Кортона, расположенная южнѣе, неподалеку отъ Тразименскаго озера, оспариваетъ у городовъ Италіи честь быть древнѣйшимъ изъ самыхъ древнихъ; но остатки его величія исчезли. Сіенна, городъ прекраснаго языка, городъ, который былъ когда-то властителемъ надъ всею областью холмовъ между бассейнами Арно и Омброны, долженъ былъ, какъ Ареццо и Кортона, вынести долгіе вѣка упадка, и большею частію по винѣ своихъ же собственныхъ жителей, которые населяли семнадцать отдѣльныхъ кварталовъ, составлявшихъ столько же городовъ въ

городѣ и вооруженныхъ другъ противъ друга непримиримою ненавистью. Теперь Сіенна не соперничаетъ, какъ прежде, съ Флоренціею, по населенію, по могуществу, по промышленности, но всегда можетъ сравниться съ городомъ рѣки Арно по красотѣ своихъ памятниковъ, представляющихъ идеалъ итальянскаго готическаго стиля, по своимъ художественнымъ произведеніямъ Содомы и другихъ живописцевъ собственной школы, по своимъ богатымъ архивамъ, содержащимъ 49,300 пергаментныхъ свертковъ, по оригинальности своихъ улицъ и площадей и по своему великолѣпному положенію на склонахъ трехъ холмовъ и на гребняхъ ихъ выступовъ; въ немъ есть университетъ. Кіузи, одинъ изъ самыхъ могущественныхъ городовъ древней Этруріи, замѣчателенъ только своими подземельями, по которымъ странствуютъ только археологи, и зависитъ нынѣ отъ Монтепульчіано, косогоры котораго, производящіе вино, называемое „царемъ винъ“, возвышаются на сѣверѣ надъ равниною и ея озерами. Свободный Жиминьяно, славившійся нѣкогда своимъ прекраснымъ мѣстоположеніемъ, усѣянный башнями эпохи коммуны и феодализма, нынѣ почти безлюденъ. Что касается до Вольтерры, то со времени нашествія на нее Ферруччія въ 16 вѣкѣ, это маленькій угрюмый городокъ, который безплодные склоны его холмовъ дѣлаютъ еще угрюмѣе. Расположенный въ формѣ руки съ растянутыми пальцами на гребняхъ своего изрытаго рвами плоскогорья, Вольтерра стоитъ въ сторонѣ отъ всякаго большаго естественнаго пути сообщенія и если-бы городъ не имѣлъ по сосѣдству солончаковъ, которые даютъ отъ семи до восьми тысячъ тоннъ соли ежегодно, своихъ важныхъ алебастровыхъ ломокъ, богатыхъ мѣдныхъ рудниковъ Монте-Катини, сѣрныхъ купаній и лагунъ богатыхъ бурой, то онъ представлялъ бы, вѣроятно, простую группу, раскиданныхъ среди развалинъ, домовъ. Впрочемъ, что въ немъ всего интереснѣе, такъ это остатки циклопическихъ стѣнъ, въ которыхъ уцѣлѣло еще двое большихъ воротъ и сотни гробницъ и другихъ остатковъ этрусскаго искусства, сохраняемыхъ въ богатомъ музеѣ.

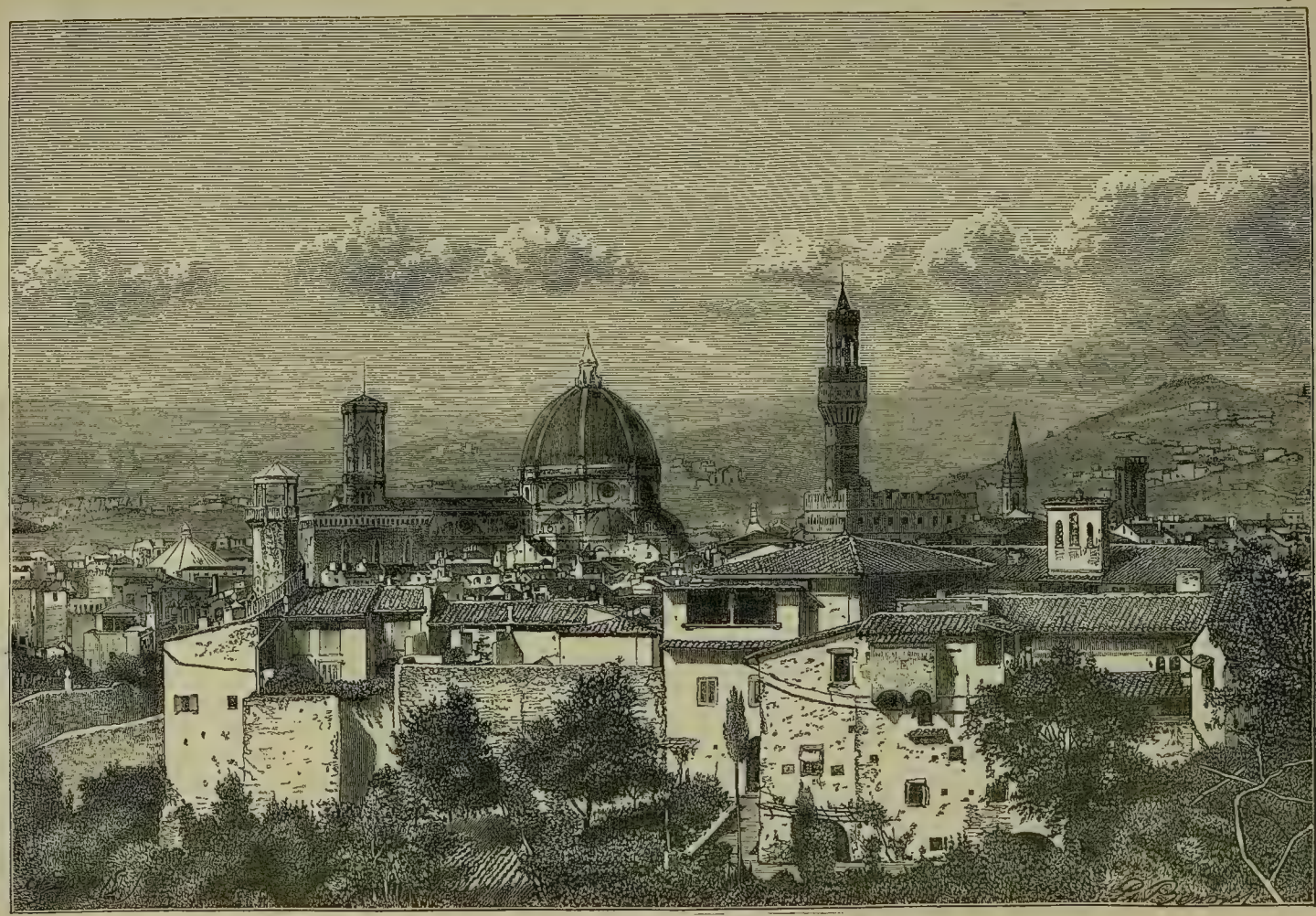
Города по другую сторону Арно, при южномъ основаніи Апеннинъ, имѣвшіе значеніе въ средніе вѣка, и теперь остаются промышленными и многолюдными, потому что ихъ торговое положеніе сохранило всю свою важность. Прато, при которомъ долина Арно имѣетъ наибольшіе размѣры, представляетъ важный земледѣльческій центръ, богатъ металлургическими заводами и, кромѣ того, имѣетъ богатыя ломки серпентина, который употреблялся на украшеніе лучшихъ зданій въ Тосканѣ и своей собственной церкви, знаменитой чудною каѳедрою Донателло, изваянною на наружномъ углу фасада. Пистойя, къ которой спускается съ Апеннинъ желѣзная дорога

(снизу видно, какъ она восходитъ вверхъ по склонамъ и переходитъ черезъ рвы длинными извилинами)—замѣчателенъ весьма дѣятельными мануфактурами. Песчія, Капаннори, „садъ Тосканы", со множествомъ домовъ, разбросанныхъ въ долинѣ, „промышленная" Лукка, знаменитая картинами фра Бартоломмео—представляютъ собою точно также общины, въ которыхъ идетъ непрерывная работа. Бассейнъ Серкіо, воздухъ котораго очищается огородниками, по истинѣ, не можетъ сравниться ни съ чѣмъ по красотѣ своихъ нивъ. Когда вы проходите по валамъ Лукки, подъ рядами могучихъ деревъ, обращенныхъ одною стороною къ городу съ башнями и куполами, а другою—къ полямъ, вы наслаждаетесь удивительнымъ зрѣлищемъ: луга и плодовые сады города, выдѣляющіеся изъ земли бѣлизною своихъ домовъ, отдаленные холмы съ башнями на вершинахъ, отрадная красота всего, что вы можете обнять взглядомъ на обширномъ горизонтѣ, производятъ на васъ глубокое впечатлѣніе мира: вамъ кажется, что въ такой прекрасной и плодородной странѣ населеніе должно быть счастливо. И дѣйствительно, если вѣрить энтузіастамъ-писателямъ, луккскіе крестьяне, крестьяне долины Ньеволе, въ бассейнѣ Песчіи, и земледѣльцы нижней Тосканы—вообще счастливы въ сравненіи съ земледѣльцами остальной Италіи. Они большею частію арендаторы и притомъ на долгіе сроки, такъ что дѣлаются полусобственниками земли; часть ихъ продуктовъ остается за ними по традиціоннымъ условіямъ; поэтому, работая, они убѣждены, что трудятся частію для самихъ себя, и земля воздѣлывается наилучшимъ образомъ. Однако земли имъ недостаточно, и они принуждены выселяться цѣлыми толпами на заработки, которые, впрочемъ, они находятъ легко, такъ какъ луккскіе жители славятся своимъ усердіемъ къ труду не только въ Италіи, но и заграницею. Большое число ихъ отправляется періодически на Корсику для посѣва и уборки за лѣнивыхъ владѣльцевъ, такъ что лѣтомъ болѣе двухъ тысячъ земледѣльцевъ Капаннори находятся постоянно въ отлучкѣ изъ своей родины. Луккскіе эмигранты извѣстны также, какъ точильщики. Лукка, кромѣ того, есть родина путешественника Піаджія.

Населеніе верхней долины Серкіо, извѣстной подъ именемъ Гарфаньяны, и естественнымъ выходомъ которой служитъ городъ Лукка, точно также трудолюбиво, какъ и населеніе ея метрополіи, бывшей недавно столицей самодержавнаго государства. Городъ этотъ своими извилистыми улицами, остроконечными крышами и неправильными постройками очень похожъ на фламандскій. Всѣ склоны холмовъ, выступающихъ предгорьями Апеннинъ и Апуанскихъ Альпъ, обработаны ступенями, правильная лѣстница которыхъ нисколько не мѣшаетъ красотѣ пейзажа, благодаря множеству деревьевъ и разнообразію нивъ. Главный городъ этой долины

Гарфаньяны, Кастельново, — одинъ изъ самыхъ красивыхъ и живописныхъ во всей Италіи—занимаетъ одно изъ самыхъ дивныхъ мѣстъ этой прелестной страны, на выступѣ горы между Серкіо и Торритой, при выходѣ изъ грозныхъ ущелій Альтиссимо. Въ окрестностяхъ его, говоритъ, самый лучшій народный итальянскій языкъ, который стоитъ еще выше Сіенскаго по смягченности горловыхъ звуковъ. Въ этой же мѣстности тосканскій геній создалъ лучшія изъ своихъ пѣсенъ.

Долина Магры, верхній бассейнъ которой въ Апеннинахъ замыкаетъ городокъ Пентремоли съ многочисленными деревнями его коммуны, гораздо люднѣе Гарфаньяны, благодаря большой дорогѣ изъ Пармы къ заливу Спеціи. Нижняя часть этой долины, называемая Луниджіана, по имени древняго исчезнувшаго города Луни, не хуже параллельной ей долины Серкіо, даже болѣе: она представляетъ великолѣпныя картины, образуемыя мысами, морскимъ берегомъ и приморскими городами, которые окружены масличными деревьями. При устьѣ этой самой долины, именно къ югу отъ прелестной Зарцаны, приближающіяся къ морю Апуанскія Альпы образуютъ то важное въ исторіи ущелье, гдѣ стоятъ города Каррара и Масса, которые въ административномъ отношеніи зависятъ отъ Эмиліи, хотя по склону горъ, по климату, по нравамъ и дѣловымъ сношеніямъ жителей связаны съ Тосканой. Каррара, имя которой обозначаетъ просто „каменоломню“, замѣнила собою Луни, какъ мѣсто продажи прекрасныхъ бѣлыхъ мраморовъ, которые добываются для скульптурныхъ произведеній въ сосѣднихъ горахъ и лучшіе сорта которыхъ продаются по нѣскольку тысячъ франковъ за кубическій метръ. Въ окружающихъ высотахъ пробито семьсотъ двадцать каменоломенъ, изъ которыхъ, приблизительно, въ трехстахъ работа въ полномъ ходу. Весь городъ представляетъ какъ бы огромную скульптурную мастерскую и обладаетъ академіей, которая производила знаменитыхъ мастеровъ. Масса, болѣе пріятная по климату, чѣмъ Каррара, имѣетъ уже не столь прекрасные мраморы, которые употребляются для обыкновенныхъ промышленныхъ работъ; разработка ихъ производится съ 1836 года. Что касается до мраморовъ Серавеццы, добываемыхъ съ Альтиссимо и въ другихъ южныхъ горахъ Апуанской цѣпи, около города Пьетра Санта, то они такъ же хороши, какъ и каррарскіе. Микель-Анджелло, который очень цѣнилъ ихъ, употребилъ три года на устройство дороги къ самымъ лучшимъ слоямъ. Впрочемъ, городъ Флоренція давно уже пользовался этимъ мраморомъ: бѣлыя плиты знаменитой кампанилы добыты въ каменоломняхъ Серавеццы. Въ окрестныхъ каменоломняхъ и минахъ добываются также аспидъ, желѣзо, олово и серебро.



ФЛОРЕНЦІЯ.

Въ мраморныхъ ломкахъ Апуанскихъ Альпъ съ 1873 по 1878 г.
извлечено: 513,044 тоннъ.
Приблизительная стоимость: 47.200,000 франковъ.

Всѣ описанные города приморскаго ущелья Апуанскихъ Альпъ должны были развиваться въ отношеніи общаго благосостоянія, между тѣмъ какъ Пиза, представлявшая въ Тосканѣ въ средніе вѣка большую торговую республику, должна была неминуемо пасть, какъ только исчезла причина ея величія. Если бы даже она не страдала отъ конкуренціи съ своей могучей соперницей, Генуей, если бы даже ея флотъ не былъ уничтоженъ генуэзцами около конца тринадцатаго вѣка и если бы башни и магазины порта не были разрушены, Пиза все-таки не могла бы избѣжать паденія. Наносы ея рѣки, выдвигаясь въ море постоянно все болѣе и болѣе засорили наконецъ совершенно древній *porto Pisano*, расположенный нѣкогда въ тринадцати километрахъ къ югу отъ устья Арно: въ 1442 г. въ немъ воды было не болѣе 5 футовъ, сто лѣтъ спустя, въ него могли входить уже только мелкія весельныя суда, почему онъ тогда же былъ окончательно оставленъ, и въ настоящее время отъ него не остается даже слѣда, и въ прошломъ вѣкѣ уже спорили о томъ мѣстѣ, на которомъ онъ долженъ находиться. Другіе города должны были замѣнить Пизу въ посредничествѣ тосканской торговли. Но *Pisa morta*, „мертвая Пиза“, сохранила по крайней мѣрѣ дивные остатки своего прошедшаго: въ ней есть удивительный соборъ — огромный ларецъ драгоцѣнныхъ вещей, — Крестильница весьма изящной формы, *Campo Santo*, т. е. кладбище и украшающіе его знаменитые фрески Органьи и Гоццоли, странная наклоненная башня, которая хотя и не нравится на взглядъ, но тѣмъ не менѣе составляетъ одну изъ крупныхъ рѣдкостей въ Италіи и господствуетъ надъ удивительной панорамой Пизанскихъ горъ и наносныхъ равнинъ Арно и Серкіо. Упавъ въ торговомъ отношеніи но, сохраняя всегда весьма важное значеніе земледѣльческаго центра, Пиза живетъ мыслью, благодаря своему университету, одному изъ лучшихъ въ Италіи. Наконецъ, она обладаетъ тѣмъ, чего не можетъ отнять у ней временная перемѣна въ торговомъ движеніи — это ея пріятный цѣлебный климатъ, которымъ пріѣзжаютъ наслаждаться зимою множество сѣверныхъ иностранцевъ.

Ливурно или Ливорно былъ наслѣдникомъ Пизы въ торговомъ отношеніи, и корабли его ходили постоянно тѣми же самыми путями къ Левантскимъ портамъ. Представляя естественный выходъ изъ богатыхъ бассейновъ Тосканы, онъ является болѣе дѣятельнымъ рынкомъ, чѣмъ можно было бы предполагать по формѣ берега; онъ недавно еще былъ

вторымъ портомъ Италіи и слѣдовалъ по своему значенію непосредственно за Генуей; но въ послѣднее время его превзошелъ Неаполь.

Движеніе въ портѣ Ливорно въ 1884 г. было:

6,695 судовъ, вмѣстимостью въ 2.308,250 тоннъ.

Средства этого города съумѣли широко развить тысячи укрывшихся здѣсь испанскихъ и португальскихъ евреевъ, которые впослѣдствіи привлекли сюда множество своихъ соотечественниковъ. Съ архитектурной точки зрѣнія—это одинъ изъ наименѣе интересныхъ городовъ Италіи, но онъ весьма любопытенъ какъ памятникъ человѣческаго труда: для основанія его нужно было укрѣпить болотистую почву, а для доступа судамъ нужно было вырыть резервуары и каналы. Такимъ образомъ, въ немъ устроена цѣлая сѣть лагунъ, окружающихъ искусственные острова, которые дѣйствительно достойны даннаго имъ названія „Маленькой Венеціи“. Входъ порта Ливорно еще издали указываетъ „вѣтровой заборъ“, (молъ) построенный въ открытомъ морѣ; далѣе въ открытомъ морѣ, на мели, построена башня Мелорія, которую неопытные моряки могутъ счесть за бѣлый парусъ и которая служитъ воспоминаніемъ ужаснаго морскаго сраженія, въ которомъ былъ уничтоженъ генуэзцами пизанскій флотъ.

Общины (городъ и его округъ) Тосканы, имѣвшія болѣе 12,000 жителей къ 1 Янв. 1882 г.:

Флоренція (Фиренце)	169,000	жителей.
Ливурно (Ливорно)	97,615	„
Лукка	68,060	„
Пиза	53,950	„
Пистойя	51,550	„
Капаннори (лукская Кампанья)	43,670	„
Прато	42,190	„
Арреццо	38,950	„
Каррара	30,100	„
Кортона	26,300	„
Сіена	25,200	„
Касчина	21,875	„
Баньи Сапъ-Джульяно	19,560	„
Санъ Касчіано въ Валь ди Пеза	18,830	„
Масса	20,030	„
Эмполи	17,485	„
Кимажоре	16,830	„
Санъ-Миніато	16,740	„

Казеллина и Торри	15,065	жителей.
Галуццо	14,790	„
Фивиццано	14,775	„
Піетра-Санта	14,380	„
Сесто-Фіорентино	14,220	„
Вольтерра	14,060	„
Фіезоле	13,890	„
Баньо и Риполи	13,695	„
Монтепульчіано	13,390	„
Песчіа	13,070	„
Віареджіо	12,735	„
Кастильонъ-Фіорентино	12,740	„
Борго Санъ-Лореццо	12,460	„
Кампи Бизенціо	12,100	„

Континентальная Тоскана дополняется еще Тосканою островною, составляющею остатокъ перешейка, соединявшаго нѣкогда острова Корсику и Сардинію съ твердою землею. Мореплаватель видитъ, какъ острова эти возникаютъ передъ нимъ изъ голубой воды, а потомъ постепенно понижаются и исчезаютъ въ отдаленности въ струѣ за кормою. Вообще они придаютъ много красоты тосканскимъ частямъ Тирренскаго моря.

Главный островъ тосканскаго архипелага — это бывшее маленькое королевство Наполеона, островъ Эльба. Пространство острова 22,000 гектаровъ, населеніе въ 1882 г. 24,000 чел. Она гораздо больше всѣхъ другихъ острововъ, взятыхъ вмѣстѣ, каковы: Джильо, съ прекрасными ломками гранита; Монте-Кристо, похожій на выступающую изъ моря, болѣе чѣмъ на 600 метровъ, пирамиду; прекрасная Піаноза, покрытая масличнымъ лѣсомъ; генузская Капрайя, съ бѣлыми домами, расположенными въ розовомъ гранитномъ полукругѣ; Горгона, простой холмъ, поросшій кустарникомъ. Островъ Эльба, составлявшій въ древности принадлежность этрусской Популоніи, представляетъ собою живописную горную группу. Неглубокій, но весьма опасный иногда, проливъ, въ которомъ бурныя волны разбиваются объ островки Черболи и Пальмаіола съ древними башнями, отдѣляетъ ея обрывистые берега отъ мыса Піомбино, гдѣ прежде суда должны были останавливаться для уплаты пошлинъ и для полученія „пломбы“ вмѣсто росписки.

На западной оконечности острова возвышается группа гранитныхъ Капанскихъ горъ, высотою болѣе 1,000 метровъ, а на противуположномъ

концѣ, обращенномъ къ материку, возвышаются закругленныя куполами вершины серпентиновыхъ скалъ, достигающихъ до 500 метровъ. Въ центрѣ острова также высятся горныя вершины различныхъ формацій, поросшія кустарникомъ. Не смотря на такую ограниченность пространства, скалы острова отличаются большимъ разнообразіемъ: рядомъ съ гранитами многихъ эпохъ и серпентинами здѣсь встрѣчаются также слои фарфоровой глины и различныхъ родовъ мрамора, въ особенности бѣлаго, какъ Каррарскій; островъ Эльбу сравниваютъ съ большимъ минералогическимъ кабинетомъ.

Жители острова, подвергавшіеся нѣкогда частнымъ набѣгамъ пиратовъ, должны были укрываться внутри острова и на обрывистыхъ мысахъ, на которыхъ видны и теперь красивыя развалины крѣпостей или еще населенныя деревни. Одно изъ такихъ населенныхъ еще мѣстечекъ представляетъ древній городъ съ гордымъ названіемъ Каполибери, т. е. „гора свободныхъ людей“, который считается въ нѣкоторомъ родѣ акрополемъ. Но, съ водвореніемъ мира на морѣ и съ развитіемъ торговли, большая часть жителей спустилась къ морю и къ прибрежнымъ городамъ, каковы Порто-Феррайо, обнесенный укрѣпленіями, Порто-Лангоне, Марчіана, Ріо. Моряки, рыболовы тунцовъ и сардинокъ, соловары, виноградари или садовники—всѣ находятъ себѣ здѣсь дѣла съ избыткомъ, потому что островъ богатъ всякаго рода источниками Жители гостепріимны—и настоящіе тосканцы по мягкости нрава.

Большое экономическое значеніе острова Эльбы обусловливается не ея винами, не рыбными и соляными промыслами, не морской торговлей [1]), а желѣзными рудниками, которые хотя и не принадлежатъ къ числу самыхъ богатыхъ, ноза то разрабатываются лучше, чѣмъ во всемъ Средиземномъ мірѣ, послѣ рудниковъ Моткавль-Надидъ въ Альгеріи. На сѣверо-восточной оконечности острова возвышаются, какъ скалы, могучія желѣзистыя массы, покрывающія поверхность около 250 гектаровъ. Съ самаго материка видны ржавые скаты, съ которыхъ текутъ красныя отъ охристыхъ веществъ воды, а прибрежный песокъ весь чернѣетъ остатками металла. Работники, между которыми встрѣчается множество «интерновъ» (заключенныхъ) изъ южной Италіи, прямо ломаютъ руду, которую затѣмъ таскаютъ къ дебаркадеру Ріо или просто спускаютъ по самокатной желѣзной дорогѣ. Громадныя ямы, въ которыхъ добывается руда, походятъ на обширные кратеры, а темно-красный, фіолетовый или чер-

[1]) Торговое движеніе въ портахъ острова въ 1884 г.

Ріо Марина	2,118	кораблей вмѣстимостью въ	24,300 тоннъ.
Порто Серайо	2,884	» » »	91,500 »

новатый цвѣтъ скалъ дополняетъ иллюзію. Количество всего выброшеннаго изъ этихъ кратеровъ сотнями послѣдовательныхъ поколѣній рабочихъ, въ теченіи двадцати пяти или тридцати вѣковъ, подавляетъ всякое человѣческое воображеніе. Одной желѣзистой пыли, легшей слоями, цвѣтъ которыхъ различается по свойствамъ составляющихъ ихъ остатковъ, нагромождены цѣлыя горы во 100 и въ 200 метровъ вышиною, склоны которыхъ заросли кустами. Для раскопки этихъ кучъ, заключающихъ по крайней мѣрѣ сто милліоновъ тоннъ руды, достаточно кирки и лопаты. Что касается собственно рудниковъ, то они могли бы доставлять на потребленіе міру въ теченіи еще двадцати столѣтій по милліону тоннъ въ годъ, т. е. въ пять или въ десять разъ больше, чѣмъ доставляютъ теперь [1]). Кромѣ того, руды, добываемыя въ залежахъ Эльбы и вывозимыя главнымъ образомъ во Францію, имѣютъ то огромное преимущество для нынѣшней промышленности, что легко могутъ быть превращаемы въ сталь. Въ одной изъ залежей, именно въ Каламитѣ, въ руду входитъ въ сильной пропорціи магнитъ или «каламитъ», которымъ мореходцы Средиземнаго моря пользовались для направленія своихъ кораблей, когда скрывалась Полярная звѣзда, кладя его на свободно плавающую въ чашѣ пробку.

---

[1]) Къ 1883 г. добыто минерала: 100,000 тоннъ. Стоимость добытаго минерала въ 1882 г., по статистическому ежегоднику: 2.189,184 франка.

V.

РИМСКІЯ АПЕННИНЫ, ДОЛИНА ТИБРА, МАРХІИ И АБРУЦЦЫ.

Та часть полуострова, главнымъ естественнымъ центромъ которой является Римъ, съ географической точки зрѣнія представляетъ собою торсъ великаго тѣла приморской Италіи: здѣсь Апеннинскія горы достигаютъ своей наибольшей высоты, здѣсь же развѣтвляется самая обширная на югъ отъ долины По гидрографическая система. Но какъ бы ни была важна принадлежащая этой части нѣкогда историческая роль, населеніе здѣсь рѣже и ежегодное количество труда меньше чѣмъ во всѣхъ другихъ большихъ областяхъ Италіи.

Пространство и населеніе этой части видны изъ слѣдующихъ цифръ:

	Поверхность.	Населеніе къ 1 Янв. 1879 г.	Населеніе на 1 кил.
Римъ. . . .	11,917 кв. кил.	916,650 чел.	77 чел.
Умбрія . . .	9,633 »	584,460 »	60 »
Мархіи . . .	9,703 »	955,600 »	98 »
Абруццы . .	12,686 »	980,000 »	77 »
	43,939 кв. кил.	3,436,710 чел.	78 чел.

Въ цѣломъ римскія Апеннины возвышаются въ видѣ вала, совершенно параллельнаго берегу Адріатическаго моря Горный хребетъ, который возвышается надъ зеленѣющимъ прибрежнымъ поясомъ, соотвѣтствуетъ слегка изогнутому берегу, который тянется съ сѣверо-запада къ юго-востоку, отъ Римини до Анконы, потомъ еще болѣе прямолинейному и едва отклоняющемуся отъ меридіана берегу между Анконой и устьемъ Тронто. Съ этой стороны цѣпь кажется совершенно правильною: вершина слѣдуетъ за вершиною, побочная цѣпь за побочною; всѣ, спускающіяся съ Апеннинъ, долины параллельны между собою и перпендикулярны къ берегу. Общій скатъ горъ вездѣ сильно наклоненъ къ морю и сохраняетъ одинъ и тотъ же порядокъ геологическихъ слоевъ:

юры, мѣлу и третичныхъ земель,—отъ убѣленныхъ снѣгами горныхъ гребней до мысовъ, омываемыхъ моремъ. Единственную неправильность въ этомъ характерѣ орографической архитектуры производитъ группа почти отдѣленныхъ отъ Апеннинъ холмовъ, образующихъ Анконскій мысъ. Впрочемъ, этотъ уголъ берега, похожій на замокъ въ сводѣ арки, соотвѣтствуетъ углу всей Апеннинской системы, такъ какъ именно въ этомъ мѣстѣ сгибается и сама горная ось. Эта область Италіи составляетъ естественное повтореніе Лигурійскихъ Апеннинъ: Анкона соотвѣтствуетъ Генуѣ, а два побережья, изъ которыхъ одно тянется къ Эмиліи, другое къ полуострову Монте Гаргано, напоминаютъ два поморья: Понентское и Левантское; только профиль берега и горъ очерченъ въ противуположномъ видѣ. Анконскія Апеннины, какъ и Лигурійскія, оставляютъ при своей подошвѣ только узкую полосу земли, такъ что идущая вдоль морскаго берега дорога должна обходить, какъ по карнизу, крутизны скалъ, и тѣснящіеся на берегу города должны громоздиться по выступамъ горъ. Но эта прибрежная страна Адріатическаго моря не такъ хорошо защищена природою, какъ Лигурія: съ сѣвера она широко открыта къ равнинамъ По, а съ запада—легко доступна съ боковыхъ плоскогорій главнаго хребта Апеннинъ; поэтому-то сосѣднія державы въ теченіи всѣхъ среднихъ вѣковъ и даже въ недавнее время безпрестанно боролись за обладаніе этой территоріею, вслѣдствіе чего и дано ей названіе Мархій, синонимъ спорной границы. Всякій городъ здѣсь—крѣпость, взгромоздившаяся на пригорокъ или горный гребень, такъ что мѣстные жители, если бы они не знали никакой другой страны на землѣ, могли бы думать, что всякая вершина должна быть увѣнчана куполами и башнями.

Апеннины, составляющія общую границу между склономъ Мархій и Римскимъ склономъ, раздѣляются, какъ и этрусскія Апеннины, на довольно явственно отдѣленныя другъ отъ друга горныя группы. Первая горная группа, возвышающаяся на востокѣ верхней долины Тибра, ограничивается съ сѣвера горами Монте Комеро и Фумайоло, гдѣ беретъ начало римская рѣка; съ юга же, на восточномъ склонѣ, горою Монте Нероне. Не смотря на то, что горы эти гораздо ниже многихъ другихъ Апеннинскихъ вершинъ, онѣ носятъ названіе Альпъ—это *Alpe* (а не *Alpi*) *della Luna*. Цѣпь прерывается брешью, чрезъ которую идетъ дорога изъ Перуджіи въ Фано, а потомъ снова начинается группою Монте Катрія. Въ этомъ мѣстѣ Апеннины раздвоются. Горные валы, нѣкогда расположенные параллельно, въ родѣ французско-швейцарской Юры, такъ изрыты и изрѣзаны водами, что трудно узнать ихъ первоначальное

строеніе: отдѣльные плато и массивы, боковыя развѣтвленія, соединительныя цѣпи къ востоку отъ бассейна Тибра и его притоковъ образуютъ обширный лабиринтъ. Но, если не обращать вниманіе на тысячи мелкихъ неправильностей, то все-таки можно сказать, что возвышенныя земли Умбріи и Абруццъ, на протяженіи около 200 километровъ въ длину и среднимъ числомъ въ 50 километровъ въ ширину, ограничены съ запада и съ востока двумя цѣпями, юрскаго и мѣловаго происхожденія, которыя, раздѣлившись при Монте Катрія, снова соединяются цѣпью Майелла, откуда расходятся во всѣхъ направленіяхъ Неаполитанскія горы. Ни одна изъ этихъ двухъ параллельныхъ цѣпей не составляетъ водораздѣла: западная цѣпь пересѣкается Нерою и другими рѣками, вливающимися въ Тибръ, восточная же изрѣзана еще больше и черезъ свои скалистыя ворота пропускаетъ множество рѣкъ, изливающихся въ Адріатическое море. Самая большая изъ нихъ, Пескара, берущая начало на плоскогорьѣ Абруццъ подъ именемъ Атерно, пересѣкаетъ восточныя Апеннины именно неподалеку отъ высочайшихъ ихъ вершинъ; масса ея водъ и увлекаемые ею камни вырыли глубокое ущелье, которымъ и воспользовались для проведенія соединительной желѣзной дороги между Адріатическимъ моремъ и бассейномъ Тибра.

Это высокое плоскогорье Абруццъ, перерѣзанное поперечными цѣпями и усѣянное впадинами бывшихъ нѣкогда озерныхъ бассейновъ, представляетъ собою естественную крѣпость центральной Италіи. На западѣ, между многими вершинами, возвышается двойною пирамидой Монте Велино; на сѣверѣ же хребетъ Сивиллинскихъ горъ, замыкаемый вершиною Ветторе; на востокѣ вздымается высочайшая вершина Апеннинъ, на которую всходили немногіе и которую справедливо назвали Гранъ Сассо д'Италія (Великая скала Италіи). Туземцы съ незапамятныхъ временъ знали, что эти гордыя, бѣлѣющія почти цѣлый годъ снѣгомъ вершины—самыя высокія на всемъ полуостровѣ; поэтому-то находящееся неподалеку отсюда маленькое озеро, съ плававшимъ на немъ островомъ листьевъ и травъ, римляне считали «пупомъ Италіи»; здѣсь же неподалеку, удрученные тяжкимъ римскимъ игомъ марсы, самниты и ихъ союзники избрали себѣ городъ Корфиніумъ и сдѣлали изъ него подъ именемъ Италики главный центръ всего свободнаго горнаго населенія. Здѣсь же, въ этомъ истинномъ центрѣ Апеннинскаго полуострова, общія страданія и возстаніе положили основу тому единенію, которое черезъ двѣ тысячи лѣтъ должно было обратиться въ итальянскую національность. Гранъ Сассо, известковыя стѣны которой громоздятся уступами до высоты 3,000 метровъ, представляетъ чрезвычайно грандіозный

Р И М Ъ.

видъ со стороны Адріатическаго моря; со стороны же Абруццъ онъ расширяется въ могучую массу, безъ особенной красоты очертаній, но за то внизу его здѣсь открываются прелестные альпійскіе пейзажи. Здѣсь водятся еще медвѣди и не вполнѣ еще истребленныя охотниками серны; пастбища съ рѣдкими травами напоминаютъ швейцарскія, но они красивѣе послѣднихъ, благодаря яркому освѣщенію, голубизнѣ неба, живописности развалинъ и яснымъ очертаніямъ дали. Наконецъ, тамъ и сямъ встрѣчаются еще буковые и сосновые лѣса, которые особенно привлекательны тѣмъ, что ихъ вовсе нѣтъ въ болѣе низкихъ мѣстностяхъ. Чрезмѣрное опустошеніе лѣсовъ составляетъ бѣдствіе Италіи: во многихъ мѣстахъ римскихъ Апеннинъ исчезла даже сама растительная почва. И если бы и захотѣли вновь развести лѣса, то было бы уже поздно, такъ какъ даже въ тѣхъ немногихъ расщелинахъ, гдѣ есть скопленіе пыли и мелкаго камня, могутъ произрастать только дрокъ и терновникъ.

Къ западу отъ главнаго Апеннинскаго хребта, каждая долина, въ которой течетъ какой-либо притокъ Тибра, обставлена съ обѣихъ сторонъ известковыми горами, иногда довольно значительной высоты, но въ среднемъ, общій склонъ страны понижается довольно равномѣрно къ нижней долинѣ рѣки. На концѣ Субъ-апеннинскихъ цѣпей возвышаются пирамидами двѣ высокія вершины, пропускающія между себя Тибръ, какъ чрезъ тріумфальныя ворота: на сѣверной сторонѣ рѣки—Соракъ древнихъ, названный по невинной игрѣ словъ св. Орестомъ среднихъ вѣковъ, а на южной—гора Дженнаро, составляющая переднюю горную группу Сабинскихъ высотъ. Эти прекрасныя вершины, вмѣстѣ съ ихъ выступами и окрестными вулканическими группами, образуютъ полукругъ горъ, съ которыхъ открывается удивительный видъ на окрестности Рима. Горы эти, и безъ того чрезвычайно красивыя по силѣ и гармоніи своихъ очертаній, еще болѣе выигрываютъ въ глазахъ историка и артиста совершившимися здѣсь замѣчательными событіями, картинами здѣшнихъ художниковъ и пѣснями и описаніями поэтовъ.

Нѣсколько цѣпей и отдѣльныхъ группъ известковыхъ, какъ и Субъ-Апеннины, формацій, окаймляютъ прибрежье Тирренскаго моря и прибрежныя болота. Таковы высоты, богатыя залежами квасцовъ, окружающія трахитовое жерло очень древняго вулкана Тольфы, источники котораго питаютъ Чивита-Веккію; таковы также monti Lepini, съ ихъ «ослинымъ хребтомъ» (*Schiena d'Asino*), которыя своими голыми скатами представляютъ настоящую стѣну на востокѣ Понтійскихъ болотъ. На нихъ, впрочемъ, мѣстами есть каштановые и буковые лѣса, гдѣ потомки вольсковъ пасутъ нынѣ свиней; но вообще почти всѣ горы лишены раститель-

ности, и ихъ сожженныя солнцемъ скалы естественно дѣлятся на угловатые куски, которые служили образцомъ для постройки циклопическихъ стѣнъ во многихъ древнихъ городахъ Лаціума. Къ западу отъ этихъ самыхъ болотъ возвышается десятиконечная вершина, покрытая густымъ лѣсомъ по склону со стороны материка, но суровая и голая со стороны моря; лишь тамъ и сямъ въ разсѣлинахъ скалы растутъ малорослыя пальмы, за которыми присылаютъ изъ Рима для украшенія садовъ. Это-то островная масса, столь же грандіозная, какъ Монте Арджентаро въ Тосканѣ, и есть Чирчелло, тотъ самый знаменитый мысъ, на которомъ волшебница Цирцея являла свои чары. Здѣсь и теперь еще показываютъ ту пещеру, въ которой она превращала людей въ животныхъ, а нѣсколько циклопическихъ построекъ, возвышающихся надъ деревней Санъ Феличе— напоминаютъ собою миѳическія времена Одиссея. Въ эпоху древнихъ эллинскихъ мореплавателей, когда Италія была извѣстна лишь по ея островамъ и мысамъ, она считалась архипелагомъ, а островъ Цирцея, съ ужаснымъ мысомъ, считался одною изъ самыхъ значительныхъ земель этихъ западныхъ Цикладъ.

Различныя высоты римскихъ Апеннинъ суть:

Монте-Комеро	1,167	метровъ.
„ Нероне.	1,526	„
„ Катрія	1,702	„
„ Ветторе	2,479	„
Гранъ Сассо д'Италіа	2,902	„
Монте-Маейлла	2,792	„
„ Велшпо	2,487	„
„ Комеро (Анконскіе холмы)	849	„
Соракгъ	692	„
Монте-Дженнаро	1,269	„
Чьепа д'Азпио	1,477	„
Монте-Чирчелло.	527	„
Проходъ Фоссато (туннель Анконско-Римской жел. дороги). . .	535	„

Среди морей, въ которыхъ отложились известь, мергель, глина и песокъ Суб-апеннинской области, во время ледянаго періода были дѣйствующіе вулканы, и, выбрасываемыя ими изъ подъ воды, расплавленныя вещества падали на низкія скалы. Такимъ образомъ образовался неправильный рядъ состоящихъ изъ лавы горъ, идущихъ параллельно самимъ Апеннинамъ и берегу Средиземнаго моря. Конусы изверженія соединены

другъ съ другомъ толстыми слоями туфа, которые стелются по всей равнинѣ при основаніи известковыхъ горъ, занимая пространство около 200 километровъ отъ Тосканской горы Аміаты до горной группы Альбано, и весь этотъ обширный поясъ слоевъ вулканическаго происхожденія прерывается только теченіемъ Тибра и отложившимися по его берегамъ наносами. Въ этихъ то кучахъ склеившагося пепла и находятся знаменитыя римскія катакомбы. По мнѣнію Понцы и большей части геологовъ, изучавшихъ свойства этого туфа, онъ выбрасывался изъ глубины внутреннихъ горновъ кратерами, которые были расположены вровень съ поверхностью воды, а затѣмъ теченія уже разносили туфъ по мелямъ. Во всѣхъ своихъ слояхъ туфъ этотъ состоитъ изъ вулканическаго пепла безъ всякихъ слѣдовъ ископаемыхъ, что объясняютъ существованіемъ льдовъ, которые отрывались отъ сосѣднихъ горъ и, бороздя морское дно, не позволяли развиваться здѣсь никакой животной жизни.

Область римскихъ вулкановъ отличается множествомъ находящихся въ ней озерныхъ бассейновъ. Самый большой изъ нихъ, озеро Больсена, представляющее внутреннее море съ тѣнистыми каштанами по берегамъ, считалось прежде кратеромъ, и если бы это была правда, то впадина его была бы удивительнѣйшимъ свидѣтельствомъ могущества подземныхъ силъ, даже въ сравненіи съ вулканическими жерлами Андовъ и Явы, такъ какъ озеро Больсена имѣетъ въ окружности не менѣе 40 километровъ и занимаетъ поверхность въ 114 квадратныхъ километровъ. Но новѣйшіе геологи считаютъ это кратеровидное озеро просто бассейномъ, происшедшимъ отъ провала и размыванія земли водою: оно, дѣйствительно, находится среди плоскогорья пепла, окалины и лавы, но плоскогорье это вовсе не образуетъ вокругъ него такого ребра, которое бы походило на бока вулканическихъ конусовъ. Разница строенія и образованія видна сразу, если сравнить озерную впадину съ настоящими кратерами страны,—напримѣръ, съ полулуннымъ островомъ Мортарою, съ круговою пропастью, надъ которой возвышается пикъ Монтефіасконе, съ жерломъ Джиліо, наполненнымъ водою маленькаго озера, и въ особенности съ громаднымъ кратеромъ Латеры, который находится въ западной части вулканическаго плоскогорья и въ центрѣ котораго выдвигается вулканическій конусъ Спиньяно. Окружность Латеры, хотя она и гораздо меньше озера Больсены, представляетъ тѣмъ не менѣе одинъ изъ большихъ кратеровъ земнаго шара: средняя ширина его отъ 7 до 8 километровъ.

Вулканическая мѣстность Больсены, которая такъ замѣчательна уже своимъ красивымъ озеромъ и его чудовищнымъ кратеромъ, весьма

*

любопытна еще по вертикальнымъ стѣнамъ туфа и лавы надъ окрестными рѣками. Города и деревни, взгромоздившіеся на эти мысы, удивительно живописны. Такъ, старый городъ Баньореа выступаетъ какъ на громадномъ молѣ, между двумя, производящими головокруженіе, пропастями, и соединяется съ новымъ городомъ такою дорогою, что иной робкій человѣкъ не отважится пройти по ней. Орвьетто занимаетъ отдѣльную скалу, походящую на крѣпость. Питтильяно окруженъ безднами и былъ бы доступенъ только птицамъ, если бы уничтожить соединяющій его съ остальнымъ плоскогорьемъ узенькій перешеекъ въ нѣсколько метровъ шириною. Въ средніе вѣка, во время безкопечныхъ войнъ между баронами и общинами, считалось большимъ торжествомъ овладѣть этими орлиными гнѣздами.

Къ югу отъ озера Больсена, изливающагося непосредственно въ Средземное море посредствомъ рѣки Марты, находится красивое озеро Брачіано, которое даетъ начало рѣкѣ Арронѣ и представляетъ собою, повидимому, также не кратеръ, а котловину, происшедшую отъ провала. Что же касается до озера Вико, имѣющаго прелестную округлую форму, то это уже настоящій вулканъ, хотя наружный край его лавы выломанъ съ западной стороны. Въ центрѣ его возвышается почти совершенно правильный конусъ Монте Венере съ отлогими лѣсистыми склонами, который нѣкогда былъ опоясанъ кольцеобразнымъ озеромъ, придававшимъ, вмѣстѣ съ зеленью и красными шлаками, удивительно красивый видъ всему пейзажу; но порогъ, черезъ который протекалъ его истокъ къ Тибру, понизился, и озеро вслѣдствіе этого обратилось въ замкнутый кругъ. Существуетъ легенда, что въ глубинѣ этого озера погребенъ разрушенный городъ.

Горы Лаціума, по другую сторону Тибра, въ Альбано и Неми, равно какъ и другіе бассейны, въ которыхъ тщетно ищешь исчезнувшихъ водъ, возвышаются великолѣпною группою вулкановъ, или скорѣе, составляютъ одинъ конусъ болѣе чѣмъ въ 6 километровъ къ окружности, большой кратеръ котораго, частію сгладившійся, заключаетъ въ себѣ нѣсколько кратеровъ меньшихъ размѣровъ. Въ самомъ центрѣ большаго наружнаго края вулкана возвышается главный изъ второстепенныхъ кратеровъ, именно Монте-Каво, которую легенда, на перекоръ исторіи, сдѣлала лагеремъ Аннибала. Наружные склоны горы состоятъ изъ разрытыхъ водою весьма правильными расходящимися бороздами слоевъ пуццолановыхъ земель, мелкаго вулканическаго камня и пепла, различіе строенія которыхъ показываетъ различные фазисы въ дѣятельности этого древняго римскаго Везувія, который, гораздо новѣе вулкановъ, расположенныхъ

съ сѣверной стороны Тибра. Лава его доходила до самаго Рима, и именно до того мѣста, гдѣ находится гробница Цециліи Метеллы.

Озеро Альбано отдаетъ избытокъ своей воды въ море посредствомъ подземнаго канала въ 2,337 километровъ длины, который сохранился въ одномъ и томъ же состояніи въ теченіи двадцати двухъ вѣковъ. Этотъ большой резервуаръ знаменитъ у зоологовъ одною породою краба, который водится въ немъ въ изобиліи и въ посты отправляется въ Римъ. Этотъ крабъ, единственное животное своего рода, живущее въ прѣсной водѣ, заставляетъ предполагать, что озерный кратеръ сообщался нѣкогда съ моремъ и отдѣлялся отъ него на столько постепенно, что крабы успѣли привыкнуть къ перемѣнѣ, совершившейся мало-по-малу въ составѣ воды. Вѣроятно, прошелъ длинный рядъ вѣковъ, прежде чѣмъ этотъ морской заливъ, обратившійся въ отдѣльный резервуаръ, а потомъ возвышенный кучами выброшеннаго въ него шлака, могъ достигнуть своей нынѣшней высоты 300 метровъ, если только онъ не былъ поднятъ цѣликомъ, какъ нынѣ берега Чивита-Веккіи и Порто д'Анціо. Впрочемъ, найденные подъ толстыми слоями вулканическаго *peperino* обдѣланные кремни и сосуды изъ обожженной глины показываютъ, что во время послѣднихъ изверженій страна была населена цивилизованнымъ народомъ, причемъ нѣкоторые сосуды вдвойнѣ драгоцѣнны, такъ какъ они изображаютъ дома этихъ доисторическихъ временъ. Монеты республики и бронзовыя вещи свидѣтельствуютъ объ относительно недавнемъ происхожденіи верхнихъ слоевъ лавы. Сколько смѣнилось различныхъ цивилизацій, сколько строено городовъ, деревень, дачныхъ дворцовъ въ этихъ древнихъ кратерахъ! Альба Лонга и другіе города латиновъ замѣнены были римскими виллами, затѣмъ папы и высшіе сановники церкви строили здѣсь свои замки, а теперь эти горы составляютъ мѣста прогулокъ и дачной жизни для толпы иностранцевъ, стекающейся сюда со всѣхъ концовъ міра, для созерцанія великаго Рима. На самой возвышенной точкѣ Монте-Каво стоялъ знаменитый храмъ Юпитера Лаціумскаго, гдѣ совершались празднества латинскаго союза; послѣдніе остатки его были разрушены въ 1783 г. Съ того мѣста, гдѣ онъ стоялъ, въ ясную погоду видны даже Сардинскія горы.

Высота римскихъ вулкановъ:

Монте Чимино	1,071 метр.
„ Каво	955 „

Озеро Неми, въ которомъ отражался ужасный храмъ Діаны, каждый жрецъ котораго долженъ былъ быть убійца своего предшественника,

не имѣетъ уже на склонахъ своей впадины осѣнявшихъ его нѣкогда большихъ лѣсовъ. Оно, какъ и озеро Альбано, понизилось посредствомъ подземнаго оттока. Что же касается озера Реджилла, знаменитаго побѣдою Рима надъ союзниками Тарквинія Гордаго, то это было ничто иное, какъ болото, расположенное при основаніи вулкана съ сѣверной стороны, которое теперь совершенно осушено. Наконецъ озеро Тартари, осаждающее накипь, и озеро Сольфатаръ или „Пловучихъ острововъ", названное такъ, вслѣдствіе плававшихъ по его водѣ кучъ слившихся листьевъ, въ сущности также простыя болота, которыя обязаны особенною извѣстностью сосѣдству своему съ Тиволи.

Всѣ еще существующія въ вулканической римской области озера отличаются вообще большою глубиною; озера же известковой области, напротивъ, имѣютъ видъ постояннаго розлива.

Одно изъ нихъ, озеро Фучино, совершенно опорожнилось; другое, Траземинское, скоро также опорожнится. Въ древнюю геологическую эпоху, озеро Фучино занимало пространство въ 270 квадратныхъ километровъ и избытокъ воды изливался къ сѣверо-западу черезъ порогъ Кампи Палентини, въ рѣку Сальто, текущую въ Велино, а потомъ въ Тибръ. Но въ неизвѣстную эпоху озеро изолировалось, вслѣдствіе уменьшенія дождей, и заключенная въ немъ вода не имѣла никакого другаго исхода, кромѣ испаренія. Съ перемѣною сухихъ и дождливыхъ годовъ озеро то сокращалось, то увеличивалось и вслѣдствіе этого то оставляло по берегамъ болота, то разливалось на обработанныя нивы и уничтожало жатвы такъ, что разница между уровнемъ воды въ разливы и мелководье была не менѣе 16 метровъ и, во время большихъ разливовъ, были уничтожены два города Маррувіумъ и Пинна. Уже древніе римляне пытались опорожнить это озеро для уничтоженія гнѣзда заразы и пріобрѣтенія въ пользу земледѣлія большаго пространства плодородной земли, но такъ какъ невозможно было возвратить ему древній оттокъ его въ долину Тибра черезъ слишкомъ широкій порогъ, то они сдѣлали оттокомъ одинъ изъ притоковъ Гарильяно, именно Лири, который одинъ сохраняетъ нынѣ имя древней рѣки *(Liris)* и течетъ на незначительномъ разстояніи отъ озера съ западной стороны. Во времена Клавдія 30,000 рабовъ работали одиннадцать лѣтъ надъ прорытіемъ туннеля въ 5,640 метровъ длины сквозь Менте Сальвіано, которая отдѣляетъ озерный бассейнъ отъ низкой долины Лири. Предпріятіе, руководимое жаднымъ Нарциссомъ, не могло быть вполнѣ успѣшнымъ, потому что прорѣзъ и дно канала были неодинаковы на всемъ протяженіи подземной галлереи, отводъ дѣйствовалъ всегда плохо и въ концѣ-концовъ засорился. Каналъ этотъ пробовали прочистить въ тринад-

цатомъ и восемнадцатомъ вѣкахъ, но, чтобы сдѣлать дѣло серьезно, было необходимо перерыть его весь снова—и этотъ трудъ былъ совершенъ въ новѣйшее время, благодаря капиталамъ князя Торлоніа и планамъ г. Монрише, исполненнымъ гг. Бермономъ и Бриссомъ. Въ шестнадцать лѣтъ, съ 1853 по 1869 г. былъ совершенно оконченъ новый каналъ, въ которомъ не осталось ни одного кирпича туннеля Клавдія, и чрезъ который въ Лири, а чрезъ этотъ потокъ въ Гарильяно и въ море вытекло болѣе милліарда кубическихъ метровъ воды; теперь все пространство бывшаго озера занимаютъ нивы. Здоровость и богатство мѣстности усилились разомъ, хотя въ первое время осушенія воздухъ былъ испорченъ миріадами оставшейся на мели рыбы, чешуя которой блестѣла по прибрежью громаднымъ серебрянымъ поясомъ. Отъ устроенной вокругъ равнины большой дороги, проведена цѣлая сѣть дорогъ болѣе чѣмъ на сто километровъ; прибрежныя деревни, осаждавшіяся періодически водою, часто обращались въ острова и полуострова, между тѣмъ какъ новыя группы жилищъ стоятъ теперь безопасно въ самыхъ низкихъ частяхъ равнины; группы плодовыхъ и другихъ деревъ очистили воздухъ и укрѣпили землю. Сравнивая съ технической точки зрѣнія безполезную работу Клавдія съ дѣйствительнымъ трудомъ г. Монрише, можно представить себѣ, какой громадный прогрессъ совершило въ этомъ отношеніи инженерное искусство со временемъ могущественнаго Рима [1]).

Озеро Перуджіа, извѣстное болѣе, по соединеннымъ съ нимъ ужаснымъ воспоминаніямъ, подъ именемъ Тразименскаго и находящееся на другомъ концѣ римскихъ провинцій, между верхнею долиной Тибра и долиной Кіаны, сохранило до настоящаго времени почти все то пространство, какое оно занимало въ началѣ исторіи. Это море Умбріи должно было бы подниматься на весьма незначительную высоту, чтобы отдавать излишекъ воды маленькому притоку Тибра—Трезѣ, но бассейнъ его такъ узокъ, что достаточно одного испаренія для исчезновенія всей воды, изливаемой въ него маленькими ручьями, изъ которыхъ одинъ представляетъ собою знаменитый Сангвинетто. Въ долинѣ этого-то ручейка и происходила битва между карѳагенянами Аннибала и римскими войсками Фламинія, во время которой были „не замѣчены раскаты“ землетрясенія, совершившагося „подъ полемъ битвы [2])“. На видъ озеро очень красиво,

[1]) Сравненіе двухъ подземныхъ каналовъ:

	Древній туннель.	Новый туннель.
Длина	5,640 метр.	6,303 метр.
Средняя профиль.	10 кв. метр.	20 кв. метр.
Стоимость сооруженія (по деньгамъ и по цѣнѣ рабовъ опредѣленная по Ротру).	247,000,000 фр.	30,000,000 фр.

[2]) . . . . . beneath the fray
An eartquake reeled unheededly away (Байронъ).

благодаря усѣявшимъ его островамъ и прекрасному очертанію береговъ, но окружающіе его низкіе холмы мало плодородны, климатъ нездоровъ, вода бѣдна рыбою—поэтому прибрежные жители съ нетерпѣніемъ ждутъ отъ инженеровъ исполненія ихъ обѣщаній и доставленія земледѣлію 12,000 гектаровъ превосходныхъ земель, находящихся еще подъ водою озера [1]).

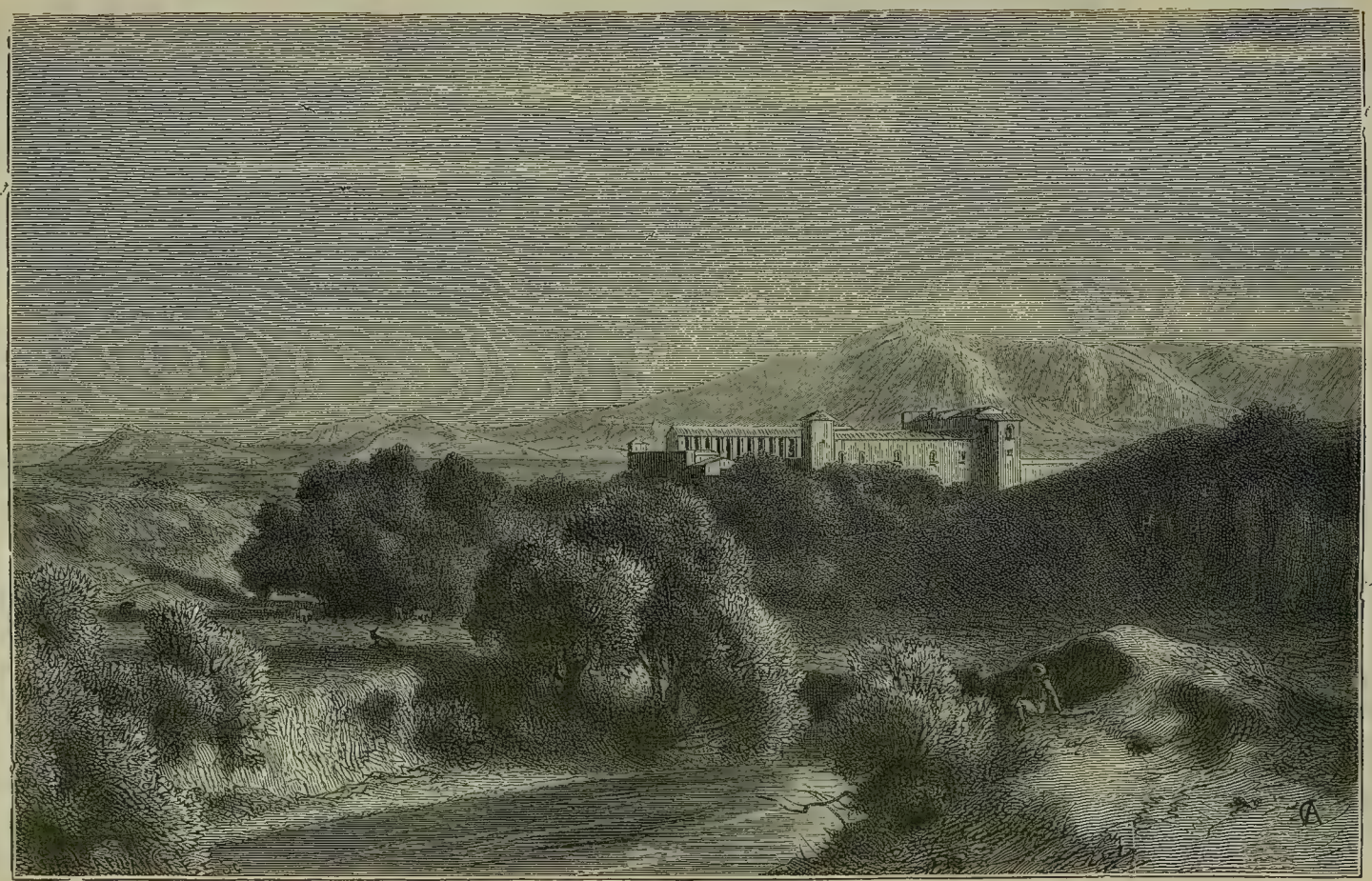
Но самыхъ неотложныхъ ассенизаціонныхъ работъ и земледѣльческихъ преобразованій требуетъ собственно такъ называемое „римское поле“, (Римская Кампанья) т. е. пространство, заключающееся между Тольфою Чивита-Веккіи, горою Соракгомъ, Сабинскими высотами и вулканами Лаціума. У самыхъ воротъ столицы Италіи начинается пустыня. Войны, рабство и дурная администрація обратили эту плодородную мѣстность вокругъ великаго Рима, которая могла бы кормить многочисленное населеніе, въ такую же пустыню, какъ Маремы древней Этруріи. Живописцы наперерывъ прославляютъ окрестности Рима, дивясь ихъ мрачнымъ пространствамъ, живописнымъ развалинамъ, окруженнымъ кустарниками, одинокимъ соснамъ съ распростертыми вѣтвями, лужамъ, въ которыхъ пьютъ буйволы и въ которыхъ отражаются вечеромъ пурпурныя облака. Эти пейзажи, надъ которыми возвышаются горы рѣзкихъ очертаній, конечно, великолѣпны своею величественностію и мрачностію, но воздухъ здѣсь смертеленъ. Испортились и земля и климатъ *Agro Romano*, и лихорадка царствуетъ здѣсь неограниченно.

Римская Кампанья, которая тянется на пространствѣ болѣе 200,000 гектаровъ къ сѣверу отъ Тибра, между моремъ и горами, двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ была богатою и обработанною мѣстностью. Но обработка ея перешла изъ рукъ свободныхъ людей въ руки рабовъ. Скупленная патриціями и раздѣленная на обширныя помѣстья, земля эта покрылась виллами, парками и садами, которые тянулись отъ горъ до моря, но когда великолѣпныя жилища были преданы пламени и рабочее населеніе рабовъ было разсѣяно, страна вдругъ превратилась въ пустыню. Съ тѣхъ поръ большая часть *Agro* была „закрѣпощенною“ собственностью религіозныхъ обществъ и большихъ княжескихъ фамилій. Когда остальная Европа двигалась впередъ въ земледѣліи, промышленности и богатствахъ всякаго рода, Кампанья становилась все пустыннѣе, угрю-

---

[1]) Горныя озера:

Вулканическія озера:	Больсено . .	108 кв. кил.	303 м.	140 м.	10,000,000,000 к. м.
	Браччіано .	58 „ „	151 „	250 „	8,700,000,000 (?) „ „
	Альбано . .	6 „ „	305 „	142 „	480,000,000 „ „
	Неми	2 „ „	338 „	50 „	40,000,000 „ „
Озеро Тразименское		112 „ „	257 „	6 „	576,000,000 „ „
„ Фучино въ 1860 году		158 „ „	700 „	28 „	2,370,000,000 „ „



ВИДЪ РИМСКОЙ КАМПАНЬИ.

мѣе, нездоровѣе; низкія мѣста затягивались болотами и даже холмы покрывались атмосферою міазмовъ; лихорадка, производимая частицами прѣсной воды, которыя заражаютъ атмосферу и не могутъ выноситься въ море вслѣдствіи холодныхъ вѣтровъ, перешла наконецъ за стѣны Рима и пожираетъ населеніе его предмѣстій.

Ни одна деревня, ни одинъ поселокъ этой изнеможенной мѣстности не имѣютъ достаточно значенія, чтобы организоваться въ общину; здѣсь есть только простыя складочныя лачуги въ различныхъ имѣніяхъ, занимающихъ среднимъ числомъ 1,000 гектаровъ. Эти огромныя имѣнія состоятъ только изъ пастбищъ, на которыхъ бродятъ полудикія стада большихъ сѣрыхъ воловъ, которые, какъ говорятъ, и вѣроятно ошибочно, представляютъ потомковъ воловъ, приведенныхъ въ Италію гуннами, и могучіе рога которыхъ, въ метръ длиною, тщательно сохраняются въ хижинахъ въ предупрежденіе „дурнаго глаза“. И однако же, почва этихъ полузаброшенныхъ земель состоитъ изъ жирныхъ наносовъ съ примѣсью вулканическихъ веществъ и глинистаго мергеля Апеннинъ; но жители ограничиваются только вспахиваніемъ каждые три или четыре года незначительной части земель для факторовъ, называемыхъ „деревенскими купцами“. Пахарей и жнецовъ, хотя они спускаются съ окрестныхъ холмовъ только для работъ, исполняемыхъ ими на скорую руку, преслѣдуетъ лихорадка, часто такъ, что они заболѣваютъ, не успѣвъ дойти до своей деревни. Что же нужно для того, чтобы возвратить почвѣ ея богатство, воздуху его чистоту и привлечь населеніе на римскую Кампанью. Конечно, дренировать землю, осушить болота, разсадить деревья, которыя, какъ eucaliptus, способны къ легкому поглощенію веществъ своими листьями и корнями, т. е. именно то, что уже дѣлается съ успѣхомъ съ 1870 года вокругъ аббатства Трехъ Фонтановъ. Но въ улучшеніи земли прежде всего слѣдовало бы заинтересовать самихъ обрабатывающихъ ее земледѣльцевъ. Нищета и послѣдствія ея—всякія болѣзни—пожираютъ населеніе даже въ такихъ римскихъ мѣстностяхъ, почва и климатъ которыхъ принадлежатъ къ самымъ здоровымъ. Такъ, въ долинѣ Сакко, составляющей продолженіе плодоносныхъ полей Терры ди Лаворо, и столь богатой зерновыми хлѣбами, винами и плодами, для самихъ земледѣльцевъ остается только маисъ, такъ какъ часть, вычитаемая предварительно крупнымъ землевладѣльцемъ, и проценты кредиторамъ поглощаютъ всѣ остальные продукты; богаты только тѣ крестьяне, которые, продавъ землю, сохраняютъ право собственности на деревья. На основаніи одного, недавно установленнаго закона, всѣ землевладѣльцы, владѣнія которыхъ лежатъ не далѣе десяти километровъ по окружности, центръ которой составляетъ

милевая граница форума, обязаны, подъ страхомъ экспропріаціи, выполнить всѣ, признанныя необходимыми, ассенизаціонныя работы. Въ вознагражденіе за это они на двадцать лѣтъ освобождаются отъ всякихъ пошлинъ и налоговъ.

Къ югу отъ Тибра поясъ необработанныхъ и нездоровыхъ земель тянется вдоль моря; задерживаемыя прибрежными дюнами, воды наполняютъ воздухъ опасными міазмами, и, чтобы избѣжать ихъ, надо отправляться или на внутренніе холмы, или на выступающія въ открытое море плотины, какъ въ Порто д'Анціо. Смерть царитъ надъ тѣми самыми берегами, которые нѣкогда были окаймлены отъ Остіи до Неттуно длиннымъ рядомъ дворцовъ, знаменитыхъ своими великими сокровищами искусствъ, изъ которыхъ намъ остались *Гладіаторъ* и *Аполлонъ Бельведерскій*. О совершонномъ болотами дѣлѣ разрушенія напоминаютъ только мозаичныя мостовыя и фундаменты, ушедшіе наполовину въ песокъ дюнъ или обмываемые моремъ. Но самую опасную изъ подверженныхъ лихорадкамъ мѣстностей представляетъ равнина, занимающая пространство между Порто д'Анціо и Террачине, при подошвѣ Липинскихъ горъ. Это—бывшая нѣкогда заливомъ Тиррепскаго моря равнина Понтійскихъ или „Помптинскихъ" болотъ, названныхъ такъ по имени уже не существующаго города Помеціи. Въ этой, нынѣ пустынной и смертельной, мѣстности когда-то процвѣтали двадцать три города; это была самая плодоносная страна могущественнаго союза вольсковъ, и, если судить по преданіямъ, сохраненнымъ въ поэтическомъ видѣ *Энеидою*—страна благоденствующая. Но сюда явились завоеватели римляне и внесли въ одно и то же время „миръ и запустѣніе". Мѣстность эта представляла болото уже въ 442 году отъ основанія Рима, когда цензоръ Аппій строилъ черезъ нее знаменитую дорогу, ведущую изъ Рима въ Террачину; съ тѣхъ поръ не разъ тщетно старались завоевать снова эту территорію, составляющую убѣжище кабановъ, оленей и полудикихъ буйволовъ, родоначальники которыхъ были вывезены въ седьмомъ вѣкѣ изъ Африки. Каналы, вырытые во времена Августа, не доставили, повидимому, большой пользы; работы же, предпринятыя Теодорикомъ, королемъ готовъ, были, говорятъ, дѣйствительнѣе, но стоячія воды и лихорадка скоро снова вступили въ свои права. Въ концѣ восемнадцатаго вѣка, папа Пій VI вновь предпринялъ ассенизаціонныя работы, приказавъ вырыть, сбоку возстановленной Аппіевой дороги, большой сточный каналъ, который долженъ былъ выносить воду всего болота; но разсчеты инженеровъ оказались ошибочны, и обширная низменность въ 750 квадратныхъ километровъ остается все такимъ же мѣстомъ отчаянія и смерти: когда сюда

скрывается разбойникъ, то его не преслѣдуютъ, предоставляя ему умереть спокойно своею собственною смертію.

Здѣсь соединились всѣ препятствія для осушительныхъ работъ. На западѣ Понтійскихъ болотъ, параллельно морскому берегу, тянется рядъ высокихъ, покрытыхъ лѣсомъ дюнъ, чрезъ которыя прежде рылись и теперь уже сгладившіеся сточные каналы; но за этою первою цѣпью дюнъ тянется другой поясъ болотъ, отдѣленныхъ отъ моря другимъ песчанымъ валомъ, примыкающимъ съ одной стороны къ мысу Астурѣ, а съ другой къ мысу Цирцеи (Чирчелло) и также покрытымъ лѣсами, въ которыхъ запасаются дровами и углемъ неаполитанскіе моряки. Такимъ образомъ, отводу воды въ ближайшія части моря мѣшаютъ два барьера, почему осушительные каналы должны направляться къ югу, къ Террачинѣ, но и тамъ берегъ окаймленъ цѣпью дюнъ. Сверхъ того общій склонъ почвы отъ края болотъ къ морскому берегу весьма слабъ и едва составляетъ шесть метровъ. Кромѣ того, вода задерживается въ каналахъ настоящими лѣсами водныхъ растеній, и для очищенія рвовъ отъ множества перепутавшихся травъ и возстановленія теченія, въ воду вгоняютъ стада быковъ, которые плепаютъ по дну и тѣмъ освобождаютъ нѣсколько капалъ отъ растительности. Правда, этотъ варварскій способъ портитъ откосы канала, почему и пытаются замѣнить его регулярнымъ скашиваніемъ; но какъ только скошенныя болотныя травы унесены теченіемъ, онѣ снова отрастаютъ въ изобиліи и требуютъ новаго скоса. И такъ, масса воды остается стоячею, а между тѣмъ въ этой части Италіи не только часты дожди, но еще оказывается, что, вслѣдствіе особаго геологическаго явленія, во впадину Понтійскихъ болотъ стекаетъ излишекъ водъ сосѣднихъ бассейновъ, проходя подъ горами. Г. Прони опредѣлилъ, что масса воды, изливаемой въ море чрезъ отточный каналъ Бадино, на половину болѣе количества получаемой ежегодно бассейномъ дождевой воды. И это именно оттого, что Сакко, притокъ Гарильяно, и Теверона, притокъ Тибра, изливаютъ часть своихъ водъ въ болота посредствомъ скрытыхъ ручьевъ, текущихъ подъ горами Липини и выходящихъ по другую сторону горъ въ видѣ весьма обильныхъ источниковъ. Въ большіе дожди затопляется все, въ сухое же время является другая опасность: беззаботные пастухи зажигаютъ на сухихъ пастбищахъ кустарникъ, торфяная почва загорается и выгораетъ до самаго уровня воды, отчего оказываются новыя болотистыя впадины, и именно въ тѣхъ мѣстахъ, которыя считались наиболѣе обезпеченными отъ наводненій. Впрочемъ, большую часть года Понтійскія болота имѣютъ видъ покрытой цвѣтами и травою равнины—и вы съ удивленіемъ спрашиваете себя, какимъ

образомъ такія плодородныя поля остаются необитаемыми. И однако же, городъ Нинфа, построенный около одиннадцатаго или двѣнадцатаго вѣка въ наименѣе нездоровой мѣстности, на сѣверномъ концѣ равнины, совершенно покинутъ: онъ почти весь еще цѣлъ, со своими стѣнами, башнями, церквами, монастырями, дворцами и домами, но онъ завитъ плющомъ, покрытъ разными ползучими растеніями и поросъ кустарникомъ.

Для осушенія Понтійскихъ болотъ, казалось бы, совершенно естественно прибѣгнуть къ помощи кольматажа [1]), оказавшаго такія услуги въ долинѣ Кіаны. И дѣйствительно, способъ этотъ испытанъ и здѣсь, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ далъ хорошіе результаты; но „слякоть“ сосѣднихъ горъ, какъ замѣтилъ Прони, почти совершенно изсякла, и воды несутъ только осколки скалъ, булыжникъ и гравій; мелкихъ же песковъ и глины, необходимыхъ для поднятія почвы, даютъ очень мало. Поэтому придется прибѣгнуть къ не столь простымъ и дешевымъ средствамъ ассенизаціи, а что средства эти существуютъ, въ этомъ не сомнѣвается ни одинъ инженеръ. Стало быть, возможно осушить и заселить вновь мѣстности, которыя представляютъ теперь гнѣздо заразы, и рѣдкое населеніе которыхъ трясется отъ лихорадки и подвержено малокровію. Употребленные дѣльно расходы будутъ съ избыткомъ вознаграждены произведеніями этой плодородной равнины, которая почти безъ всякой обработки доставляетъ уже прекраснѣйшіе сборы зерновыхъ хлѣбовъ и маиса. А когда совершится это возвращеніе расходовъ, то изъ земли возродятся тѣ древніе города вольсковъ, развалины которыхъ она покрываетъ.

Римская, по преимуществу, рѣка Тибръ также остается до настоящаго времени неисправимою, и ея внезапные разливы, хотя и не сравнятся съ разливами По, Лоары и Роны, тѣмъ не менѣе весьма опасны; теперь они, говорятъ, грознѣе, чѣмъ были во времена древней республики. Противъ ея рѣчныхъ наносовъ борются съ перемѣннымъ успѣхомъ и неудачами со временъ Анка Марція, стараясь перемѣстить ихъ и дать водамъ широкое и глубокое устье. Итальянскіе инженеры, которые отличаются смѣлостью своихъ предпріятій и воодушевляются примѣрами своихъ великихъ строителей предковъ, поработаютъ довольно для ругуляризаціи теченія рѣки и направленія ея наносовъ по своему желанію.

---

[1]) Кольматажемъ называется искусственное поднятіе низкой почвы, посредствомъ рѣчныхъ каналовъ, для чего рѣкѣ даютъ извѣстное направленіе, при которомъ она отлагаетъ свои наносы на опредѣленномъ мѣстѣ. Такой способъ искусственнаго возвышенія низменностей былъ впервые введенъ въ Тосканѣ при Леопольдѣ I въ 1781 году и даже сдѣланъ былъ обязательнымъ для нѣкоторыхъ мѣстностей. *Прим. Ред.*

Тибръ — самая многоводная рѣка полуострова Италіи и бассейнъ ея, широко развѣтвляющійся къ сѣверу и къ югу — самый обширный:

Поверхность бассейна составляетъ .	16,725 кв. кил.
Длина теченія	418 кил.
Судоходенъ Тибръ на протяженіи . .	96 „

Только одинъ онъ и судоходенъ въ своемъ нижнемъ теченіи на протяженіи отъ Остіи до Фиденъ и даже до притока Неры, хотя его быстрое теченіе и водовороты часто грозятъ опасностью мелкимъ судамъ. Онъ беретъ начало какъ разъ подъ широтой Флоренціи, въ тѣхъ самыхъ Лунныхъ Альпахъ (Alpi della Luna), съ противоположнаго склона которыхъ течетъ къ Римини Мареккія. Долина, которою онъ протекаетъ въ Апеннинахъ, чрезвычайно красива: она то расширяется въ пространныя и плодородныя котловины, то представляетъ пробитое въ скалахъ живою силою ущелье. Ниже очаровательнаго бассейна Перуджіи, Тибръ принимаетъ Топино, питаемую водами, скопляющимися въ нѣкогда озерной равнинѣ Фулиньо, лежащей при подошвѣ большаго Апеннина, около извилистой дороги, подымающейся въ проходъ Фіорито. Именно въ этой, самой дивной равнинѣ центральной Италіи, находится устье рѣки Клитумнусъ, „въ кристальной водѣ котораго когда-то купалась Нимфа“.

... the most living crystal that was e'er
The haunt of the river nymph, to gaze and lave
Her limbs. (Байронъ).

Надъ источникомъ возвышается еще хорошенькій храмъ, одинъ изъ наиболѣе сохранившихся памятниковъ римской эпохи; но, пьющія эту священную воду, стада не получаютъ уже яркой бѣлизны шерсти, какъ во времена Виргилія: священное свойство воды исчезло.

Соперникомъ верхнему Тибру по массѣ воды, является Наръ или Нера, которая, какъ говоритъ итальянская поговорка, „поитъ“ его, соединяя въ своемъ нижнемъ теченіи множество рѣкъ, текущихъ съ Сабинскихъ горъ, съ Монте Велино и Сабинскихъ высотъ. Двадцать одинъ вѣкъ тому назадъ, говорятъ, самыя сильныя изъ этихъ рѣкъ не достигали Тибра, а останавливались въ равнинѣ Ріэтѣ и образовали *lacus Velinus*, отъ котораго остаются теперь немногіе маленькіе бассейны и разсѣянныя тамъ и сямъ болота среди богатыхъ нивъ „Поля Розъ“. Но брешь, явившаяся въ известково-осадочныхъ утесахъ и прорываемая нѣсколько разъ со временъ римлянъ, открыла водамъ озера Велино свободный путь выше Терни и образовала тотъ удивительный водопадъ *delle Marmore*, который

наперерывъ прославляли художники и поэты. Рѣка падаетъ сперва сплошною массою съ вертикальной высоты 88 метровъ, затѣмъ съ клокотаньемъ прорывается сквозь нагроможденные камни и наконецъ, соединяется съ болѣе тихими водами Неры. Далеко не такъ грандіозны, но быть можетъ еще прекраснѣе, многочисленные каскады Аніо (Аньена или Теверона), послѣдняго, принимаемаго Тибромъ выше Рима притока. Съ зеленѣющаго холма, на которомъ возвышается живописный Тиволи, окруженный своими старыми стѣнами, вы со всѣхъ сторонъ видите серебряные водопады: одни скользятъ длинными скатертями по гладкимъ скаламъ, другіе вырываются изъ подъ тѣнистаго свода, мелькаютъ минуту въ воздухѣ, а потомъ снова исчезаютъ подъ листьями, и при этомъ всѣ они, будетъ ли то снопъ воды или простая струйка, отличаются чертами особенной красоты и въ цѣломъ составляютъ одну изъ самыхъ дивныхъ картинъ Италіи. Поэтому-то Тиволи, имя котораго во всемъ мірѣ стало синонимомъ очаровательной мѣстности, было всегда мѣстомъ стеченія римлянъ. Вопреки народной поговоркѣ:

> Tivoli di mal conforto,—o piove, o tira vento, o suona a morto.
> (Тиволи безъ комфорта,—вода, вѣтеръ и ледяная смерть).

Нѣкоторыя новѣйшія виллы замѣнили собою замѣчательныя или мнимыя дачи Мецената, Горація, Катулла, Проперція и огромную виллу Адріана, которая была нѣкогда самою пышною и развалины которой, къ западу отъ нынѣшняго Тиволи, занимаютъ нѣсколько квадратныхъ километровъ. Въ настоящее время воды Аньены примѣнены къ цѣлямъ промышленности, а также для освѣщенія электричествомъ Тиволи и нѣкоторыхъ зданій Рима. Рѣка эта въ половодье несетъ около 400 кубическихъ метровъ воды и въ мелководье никогда не ниже 30 или 25 метровъ; инженеры вычислили, что эта масса воды, падая съ высоты сотни метровъ, дала бы силу по крайней мѣрѣ въ 15,000 лошадиныхъ силъ, и строятъ планы для извлеченія изъ нея пользы. Древніе эксплоатировали водопады Тиволи въ промышленномъ отношеніи только для извлеченія „тибуртинскаго камня“ или травертинскаго туфа, отлагаемаго известковою водою рѣки по бокамъ ея ложа и достигающаго во многихъ мѣстахъ толщины 30 метровъ. Они употребляли его для устройства римскихъ памятниковъ. Цвѣтъ травертина, при извлеченіи изъ каменоломни, — бѣлый, но черезъ нѣсколько времени онъ превращается въ желтый, а впослѣдствіи принимаетъ очень пріятный для глаза красноватый оттѣнокъ, который придаетъ зданіямъ характеръ величія.

Ниже сліянія своего съ Аніо, Тибръ принимаетъ только незначи-

тельные ручейки. Онъ здѣсь вполнѣ сформировался, и воды его, всегда желтаго цвѣта отъ принесенной ими съ равнинъ Умбріи глины, катятся подъ мостами Рима уже со всею своею силою. Вскорѣ затѣмъ онъ обходитъ своими изгибами послѣдніе холмы, окаймляющіе бывшій загроможденный заливъ, и, уже поднимаемый идущею ему навстрѣчу волною прилива, раздвояется вокругъ Священнаго острова, бывшаго когда-то островомъ Венеры и который былъ знаменитъ своими розами, а теперь представляетъ угрюмую, болотистую пустыню, покрытую камышемъ и золотоцвѣтомъ. Древній Тибръ представляетъ рукавъ, текущій къ югу отъ острова; онъ и нынѣ несетъ въ море небольшое количество воды и выдвинулъ изъ материка весьма значительный наносный полуостровъ. Остія, которая въ первыя времена римской исторіи была „воротами“ рѣки, теперь покоится подъ полями зерновыхъ хлѣбовъ и чертополоха, въ шести съ половиною километрахъ отъ берега. Предпринятыя съ 1855 года раскопки воскрешаютъ ее мало-по-малу, какъ неаполитанскую Помпею: здѣсь можно посѣтить храмы Юпитера и Цибелы, войти въ святилище Миѳры, пройтись по древней дорогѣ могилъ и прогуляться по улицамъ съ арками мимо магазиновъ, которые заперты болѣе двухъ тысячъ лѣтъ тому назадъ. Римскіе купцы должны были оставить городъ вслѣдствіи удлиненія рѣчнаго ложа и песчанаго бара, преградившаго входъ. Остія не имѣла порта уже до временъ Страбона.

Для пріобрѣтенія выхода въ море, римскіе императоры велѣли вырыть каналъ сѣвернѣе рукава Остіи, который, благодаря размыванію и напосамъ Тибра, обратился постепенно въ небольшую извилистую рѣку;—это Фіумичино. Клавдій приказалъ вырыть обширный резервуаръ при одной довольно глубокой бухточкѣ, расположенной къ сѣверу отъ канала, гдѣ и возникла вскорѣ новая Остія. Траянъ открылъ другой портъ, немного юговосточнѣе канала, который въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ былъ настоящимъ торговымъ портомъ Тибра. Но портъ этотъ засорился уже тысячу лѣтъ тому назадъ; наносы выступаютъ безпрерывно въ море и удлиняютъ треугольникъ земель, образованный ими передъ естественною кривою линіею берега, между Чивита-Веккіей и Порто д'Анціо. Въ настоящее время древніе бассейны остаются на равнинѣ километрахъ въ двухъ отъ берега. Со стороны Фіумичино, гдѣ каналъ обозначается рядами свай, покрытыхъ водою при подошвѣ, приростъ дельты составляетъ около метра въ годъ, между тѣмъ какъ въ устьѣ древней Остіи онъ достигаетъ почти трехъ метровъ. На берегахъ большаго пруда, служившаго внутреннимъ докомъ порта Траяна, встрѣчается множество развалинъ дворцовъ, теплыхъ бань

и амбаровъ. Раскопки, предпринятыя здѣсь на счетъ фамиліи Торлоніа, привели къ открытію нѣкоторыхъ предметовъ искусства.

Такимъ образомъ, Тибръ, какъ и Арно, По, Рона, Эрбо, Нилъ и всѣ другія рѣки, изливающіяся въ Средиземное море, загроможденъ въ своемъ устьѣ песчаными мелями, непроходимыми для большихъ судовъ; и Римъ, вмѣсто того, чтобы пользоваться своею рѣкою для сообщенія съ заморскими странами, долженъ прибѣгать къ помощи отдаленныхъ портовъ; за неимѣніемъ Остіи, онъ сообщался съ Сициліей, Грецією и Востокомъ чрезъ Анціумъ, Анксуръ (Террачина) и даже Пуццоллу, но въ послѣднія времена огромное политическое и торговое значеніе сѣверныхъ странъ заставило перенести морской портъ долины Тибра въ Чивита-Веккію. Въ наши дни Римъ дѣлаетъ гигантскія усилія, чтобы преобразоваться въ большой приморскій торговый городъ. Ассенизаціонный каналъ, отдѣляющійся отъ Тибра, долженъ вынести всѣ стоячія воды римской равнины, между тѣмъ какъ болѣе широкое русло, въ которомъ наносы Тибра будутъ останавливаться шлюзами, выйдетъ въ обширный и глубокій портъ въ открытомъ морѣ. Предпріятіе грандіозное, но и трудное для исполненія, ибо открытое море при римскихъ берегахъ мелко и лишь на разстояніи 1,200 метровъ отъ берега зондъ показываетъ глубину 10 метровъ, необходимую для прохода большихъ судовъ.

Инженеры-гидрологи встрѣтятъ также, если не непреодолимыя препятствія, то чрезвычайныя затрудненія къ устраненію наводненій Тибра которыя становятся такъ опасны для прибрежныхъ городовъ. По древнимъ писателямъ, разливы Тибра были весьма гибельны не только вслѣдствіе непосредственно наносимаго ими вреда, но еще и потому, что они оставляли кучи разложившихся животныхъ и растеній и особенно утопленныхъ змѣй. Рѣка и теперь приноситъ въ наводненія эти испортившіеся остатки и всегда производитъ большія опустошенія. Въ Римѣ, который удаленъ отъ моря на 36 километровъ, уровень половодья поднимается на 12 и на 15 метровъ выше уровня обыкновенной воды, а въ декабрѣ 1598 рѣка вздулась даже болѣе чѣмъ на 20 метровъ. Но что же дѣлать для удержанія этихъ водъ и для постепеннаго пропуска ихъ подъ мостами Рима? Если правда, что обезлѣсеніе Апеннинъ составляетъ одну изъ главныхъ причинъ бѣдствія, то будетъ ли достаточною мѣрою возстановленіе лѣсовъ? Не слѣдуетъ-ли возстановлять при помощи плотинъ, по крайней мѣрѣ, на время дождей, нѣкоторыя изъ древнихъ озеръ, въ которыхъ оканчивались нѣкогда рѣки, неимѣвшія выхода? Во всякомъ случаѣ, затрудненіе будетъ велико, потому что западный склонъ Апеннинъ обращенъ именно къ дождливымъ вѣтрамъ, и частые разливы приточныхъ бассей-

ВОДОПАДЪ ТЕРНИ.

новъ Тибра соединяются обыкновенно вмѣстѣ, составляя одну общую волну наводненія. Притомъ, тѣ же западные и югозападные вѣтры, приносящіе зимою тучи и ливни, дуютъ въ дельтѣ какъ бы на встрѣчу рѣчнымъ водамъ и замедляютъ ихъ стокъ въ море.

Если большія зимнія наводенія Тибра объясняются легко, то за то лѣтнее состояніе этой рѣки представляетъ явленіе, оставшееся долгое время необъяснимымъ. Въ сухое время года вода въ Тибрѣ держится на гораздо высшемъ уровнѣ, чѣмъ это слѣдовало бы при незначительномъ количествѣ падающихъ въ предѣлахъ бассейна дождей; приходъ воды въ мелководье никогда не бываетъ меньше половины средняго прихода. Это фактъ, можетъ быть, единственный въ своемъ родѣ, котораго ученые не наблюдали ни въ какой другой рѣкѣ. Такъ, если взять для сравненія хорошо извѣстную и относительно постоянную рѣку Сену, бассейнъ которой впятеро больше бассейна Тибра, а количество воды почти вдвое, то часто, послѣ долгихъ засухъ, она уменьшается въ три или въ четыре раза. Чтобы объяснить постоянство Тибра, должно необходимо допустить, что въ сухое время года рѣка питается оттоками подземныхъ резервуаровъ, въ которыхъ вода собирается зимою. И если судить по воронкообразнымъ проваламъ, которые встрѣчаются мѣстами въ известковыхъ горахъ Апеннинъ, то этихъ резервуаровъ очень много. Одна изъ такихъ пропастей, называемая «Итальянскимъ Фонтаномъ» или Сантулловымъ колодцемъ, находится неподалеку отъ Алатри, близъ неаполитанской границы, и дѣйствительно представляетъ нѣчто въ родѣ колодца въ 50 метровъ глубины и 400 ширины, на днѣ котораго растетъ настоящій лѣсъ вытягивающихся къ свѣту деревьевъ; подъ зеленью журчитъ множество источниковъ, и овцы, которыхъ сводятъ туда привязанными на веревкѣ, ѣдятъ сочную траву, растущую въ тѣни этой удивительной рощи. Подобныя-то пропасти и питаютъ своими таинственными водами мѣстныя рѣки Сакко и Тиберъ. Инженеры Вентуроли и Ломбардини доказали своими вычисленіями, что болѣе трехъ четвертей тибрской воды въ мелководье исходитъ изъ неизвѣстныхъ озеръ, скрытыхъ въ известковыхъ пустотахъ Апеннинъ. Доставляемая ими ежегодно Тибру вода составила бы бассейнъ въ 63 квадр. километра при средней глубинѣ въ 100 метровъ.

Среднее количество дождей въ Римѣ. . . 0^{м},94 (наблюд. съ 1825 по 1882 г.)
» » » при подошвѣ Апеннинъ. . . 1^{м},10 (Ломбардини).
» » » на вершинахъ 2^{м},40

Средній приходъ воды въ Тибрѣ....	292	к. м.	въ сек. (Вентуроли).
Наибольшій » » » ...	4,500	»	»
Наименьшій » » » ...	160	»	»

Первобытный Римъ большею частью своего могущества обязанъ Тибру, если не какъ судоходной рѣкѣ, то по крайней мѣрѣ какъ срединной линіи обширнаго бассейна; да и теперь еще общее положеніе страны дѣлаетъ столицу естественнымъ рынкомъ значительной области Италіи. Къ этимъ преимуществамъ города присоединились впослѣдствіи преимущества его центральнаго положенія въ Италіи и въ *orbis terrarum*; но мы видѣли, что исторія, измѣняющая безпрестанно относительное географическое значеніе различныхъ мѣстностей, постепенно отодвинула Римъ отъ великаго пути народовъ. Правда, городъ этотъ расположенъ почти въ срединѣ полуострова и занимаетъ центръ общей фигуры островныхъ и континентальныхъ земель, окружающихъ Тирренское море. Римъ является центромъ и съ метеорологической точки зрѣнія, потому что средняя его температура (15,4°) ровно на 4 градуса выше, чѣмъ въ Туринѣ и на 4 градуса ниже, чѣмъ въ Катанѣ. Но ни геометрическое положеніе, ни преимущества климата, сильно компрометтируемыя, впрочемъ, нездоровостью полей и даже части города, не обезпечиваютъ Риму значенія великой столицы, которымъ онъ гордится. Составляя резиденцію двухъ монарховъ, короля Италіи и папы, Римъ, однако же, не составляетъ главу полуострова и еще менѣе главу странъ латинскихъ. Утверждаютъ, что въ средніе вѣка, во время пребыванія папъ въ Авиньонѣ, населеніе „Вѣчнаго Города“ спустилось до 17,000 человѣкъ. Хотя фактъ этотъ и кажется весьма спорнымъ г. Грегоровіусу, ученому, который лучше всѣхъ изучилъ этотъ періодъ римской исторіи, но вѣрно то, что послѣ разграбленія, допущеннаго конетаблемъ Бурбономъ, Римъ имѣлъ не болѣе 30,000 жителей. Въ настоящее время онъ быстро растетъ, но много уступаетъ Неаполю, и населеніе его не равняется даже населенію Милана, что, однако, не мѣшаетъ быть его библіотекамъ и музеямъ наиболѣе полными и богатыми. Римскій университетъ одинъ изъ многолюдныхъ, въ немъ до тысячи студентовъ.

Жители въ Римѣ съ самыхъ первыхъ временъ были различнаго происхожденія; объ этой первоначальной смѣшанности свидѣтельствуетъ легенда о Ромулѣ и Ремѣ, разсказъ о похищеніи сабинянокъ, который въ дѣйствительности примѣнимъ ко всякой эпохѣ римской исторіи, и безпрестанныя столкновенія народовъ, замкнутыхъ въ одномъ и томъ же кругѣ. Наконецъ, остатки городовъ, которые въ римской провинціи встрѣчаются еще чаще, чѣмъ въ собственной Тосканѣ, такъ называемыя циклопическія

стѣны, подземныя кладбища, надгробныя урны, сосуды всякаго рода, глиняная утварь и бездѣлки показываютъ, что на правомъ берегу Тибра этрусскій элементъ былъ по крайней мѣрѣ равносиленъ италійскому. Въ другихъ мѣстахъ, особенно на адріатическомъ склонѣ, преобладали галлы, и ихъ племя перемѣшалось различнымъ образомъ съ другими этническими отраслями, откуда и произошло первоначальное римское населеніе.

Смѣшеніе стало еще сильнѣе во времена римскаго могущества. Тогда къ латинскому населенію примѣшивались тысячи и милліоны иностранцевъ. Въ теченіе пяти вѣковъ въ міровую столицу не переставали стекаться галлы, испанцы, мавританцы, греки, сирійцы, люди различныхъ племенъ и странъ Востока, рабы, вольноотпущенные и граждане, которые и видоизмѣняли вновь ея этнологическіе элементы. Къ концу имперіи, Римъ, говорятъ, включалъ въ своихъ стѣнахъ больше иностранцевъ, чѣмъ римлянъ, и послѣдніе, конечно, какъ и всѣ постоянные жители большихъ городовъ, составляли меньшее число семействъ, чѣмъ переселенцы извнѣ. Такимъ образомъ, итальянское племя уже было смѣшано съ самыми разнообразными элементами, когда началось великое разстройство Западной имперіи и царственный городъ начинали грабить орды, приходившія поочередно изъ Германіи, Скиѳіи и азіатскихъ степей. Это безконечное смѣшеніе побѣдителей съ побѣжденными, господъ съ рабами, и есть, можетъ быть, главная причина той значительной перемѣны, которая совершилась въ теченіе двухъ тысячъ лѣтъ въ характерѣ и духѣ римлянъ. Впрочемъ транстиверинцы, т. е. римляне праваго берега Тибра, сохранили тотъ старый римскій типъ, который мы видимъ еще въ статуяхъ и медальонахъ.

Римъ величественнѣе своими воспоминаніями, чѣмъ своимъ настоящимъ, привлекательнѣе своими развалинами, чѣмъ новыми зданіями; онъ скорѣе гробница, чѣмъ живой городъ. Вы чувствуете себя сильно потрясеннымъ какъ бы чьей нибудь могучей рукою, когда вы находитесь лицомъ къ лицу съ памятниками, оставленными древними властителями міра. Видъ этого чудовищнаго и столь грознаго еще, хотя частью разрушеннаго, Колизея внушаетъ изумленіе и страхъ въ путешественникѣ, который видитъ въ человѣческихъ сооруженіяхъ не простую груду камней. Мысль, что эта громадная сцена была наполнена людьми, убивавшими другъ друга, что по всей окружности этихъ ступеней волновалось море головъ, слѣдя за перемѣннымъ ходомъ бойни, и что къ бойцамъ летитъ сверху ободряющій ихъ на убійство и ужасающій крикъ смерти, составленный изъ двадцати четырехъ тысячъ голосовъ, воскрешаетъ въ вообра-

женіи все прошедшее: низости, звѣрства и безумныя бѣшенства, на которыя должны были тратиться всѣ живыя силы римской цивилизаціи и которыя заранѣе обрекли ее на добычу варварамъ, отодвинувшимъ человѣчество на десять вѣковъ назадъ во мракъ первобытнаго невѣжества. Форумъ будитъ воспоминанія другаго рода: конечно, и тутъ совершались мерзости всякаго рода, но въ цѣломъ своей исторіи, это покрытое травою и неровное мѣсто, обращенное въ средніе вѣка въ коровій выгонъ *(Campo Vaccino)*, является намъ истиннымъ центромъ римскаго міра: это, нѣкогда священное, мѣсто, откуда въ теченіе многихъ лѣтъ исходилъ первый толчекъ для всѣхъ западныхъ народовъ, отъ Атласа до береговъ Эвфрата; здѣсь, какъ въ живомъ мозгу, волновались идеи, а къ концу имперіи — галлюцинаціи, сходившіяся со всѣхъ концовъ тѣла. Окружающія Форумъ стѣны, остатки колоннадъ, храмы, церкви разсказываютъ на своемъ нѣмомъ языкѣ о замѣчательнѣйшихъ событіяхъ въ Римѣ, а древніе остатки, открытые раскопками подъ разнообразными строеніями, даютъ намъ возможность проникнуть еще далѣе въ густой мракъ вѣковъ: какъ на полѣ мѣняются жатвы одна за другою, такъ на этомъ мѣстѣ, гдѣ волновалась безпрестанно зыбь римскаго народа, зданія смѣнялись зданіями; для ученаго—это лѣтописи, которыя стоютъ лѣтописей Тацита. Да и во всѣхъ мѣстахъ Рима и его окрестностей, гдѣ только найдется какой нибудь старый памятникъ, арка или сломанная колонна, нишь или цоколь, каждый камень напоминаетъ время, фактъ изъ исторіи Рима. Часто бываетъ трудно растолковать то или другое свидѣтельство прошедшаго, но изъ хаоса всѣхъ гипотезъ, изъ столкновенія всѣхъ противорѣчій мало по малу выясняется истина.

Несмотря на громадныя разграбленія и разрушенія, существуетъ еще множество, правда болѣе или менѣе поврежденныхъ, древнихъ памятниковъ, и между прочими Пантеонъ Агриппы—это чудо архитектуры. Вандалы, на счетъ которыхъ относили дѣло разрушенія, грабили, правда, до чрезвычайности, но ничего не разрушали. Систематическое разрушеніе началось гораздо раньше вандаловъ, именно съ постройки перваго храма св. Петра, когда матеріалы для него брались изъ цирка Калигулы и другихъ сосѣднихъ памятниковъ. То же самое дѣлалось и для другихъ возводившихся впослѣдствіи безчисленныхъ церквей, равно какъ и для свѣтскихъ памятниковъ и построекъ всякаго рода. Статуи, если онѣ не попадали подъ мусоръ, разбивались либо на известку, либо на постройку, такъ что въ началѣ пятнадцатаго вѣка въ Римѣ стояло на мѣстахъ только шесть статуй — пять мраморныхъ и одна бронзовая. Нашествіе норманновъ, въ 1084 году, и всѣ войны среднихъ вѣковъ, сопровождавшіяся гра-

бѣжами и пожарами, оставили послѣ себя также не мало развалинъ; но число дворцовъ, цирковъ, тріумфальныхъ арокъ, колоннъ, обелисковъ, водопроводовъ было такъ значительно, что Возрожденіе, увлеченное этимъ величіемъ прошедшаго, могло найти въ нихъ еще многое для изученія и воспроизведенія въ видѣ болѣе или менѣе удачныхъ подражаній. Съ тѣхъ поръ заботливо сохраняется заключающійся въ стѣнахъ Рима обширный архитектурный музей, который даже увеличился еще капитальными произведеніями Микель Анджело, Брамантэ и другихъ архитекторовъ. Но этого мало: надо поднять на свѣтъ Божій всѣ зарытыя еще сокровища искусства и свидѣтельства исторіи. Въ настоящее время занимаются раскопками всѣхъ сооруженій, какія только покрыты слоями мусора, копившагося въ теченіе пятнадцати столѣтій. Дѣло идетъ объ открытіи подъ нынѣшнимъ Римомъ древняго Рима, о возстановленіи изъ праха улицъ, какъ воскрешена изъ пепла Везувія Помпея.

Самые любопытные остатки — фундаменты дворцовъ Цезарей и стѣны древняго *Roma quadrata*,— частію уже отрыты на горѣ Палатинской, недалеко отъ Форума и Колизея; весь этотъ холмъ представляетъ собою собраніе драгоцѣннѣйшихъ памятниковъ. Именно здѣсь строили первые римляне городъ, чтобы защитить его разомъ и крутизною скалы, и водами Велабра и другихъ болотъ, въ которыя стекали тогда наводненія Тибра. Но, сдѣлавшись многолюднѣе, Римъ скоро спустился съ Палатина, растянулся въ низменности Велабра, осушенной сточными трубами Тарквинія этруска, и началъ развертываться по долинѣ Тибра и боковымъ рвамъ, а затѣмъ сталъ взбираться по склонамъ окружающихъ высотъ. Воды рѣки, среди разроставшагося города, раздѣляли островокъ, считавшійся у римлянъ мѣстомъ священнымъ. Откосы его были обдѣланы камнемъ въ родѣ подводной части судна, въ центрѣ стоялъ обелискъ, въ родѣ мачты, а корму занималъ храмъ Эскулапа. Островъ уподоблялся кораблю, носящему судьбу Рима.

Существуетъ еще другой Римъ,—Римъ подземный, который въ особенности интересенъ для изученія, такъ какъ по немъ лучше, чѣмъ по всякимъ книгамъ, можно узнать, что такое было христіанство первыхъ вѣковъ и судить о перемѣнахъ, произведенныхъ въ немъ съ того времени непрерывнымъ историческимъ движеніемъ. Склепы христіанскихъ кладбищъ занимаютъ вокругъ города поясъ въ два или три километра средней ширины, раздѣленный десятковъ на пять отдѣльныхъ катакомбъ, которыя изслѣдованы еще не вполнѣ. Длину всѣхъ галлерей, вырытыхъ христіанами въ вулканическомъ туфѣ, г. Росси опредѣляетъ въ 876 километровъ. Средняя ширина ихъ менѣе одного метра, но по числу компатъ,

служившихъ молельнями, и по числу этажей глубокихъ нишей, въ которыя клались тѣла, можно судить о громадности землекопной работы, представляемой этими подземельями. Надписи, барельефы и живопись этихъ могилъ были неприкосновенны для римскихъ язычниковъ, относившихся къ могиламъ съ большимъ уваженіемъ, и, къ счастью, подземелья были загромождены еще во время нашествія варваровъ, что и спасло ихъ отъ разрушеній, которымъ подвергались въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ памятники, находившіеся на поверхности земли: поэтому подземелья оставались нетронутыми до времени раскопокъ, начавшихся около конца шестнадцаго столѣтія. Эти христіанскія могилы обнаруживаютъ народную вѣру далеко не въ томъ видѣ, какъ она выражена въ описаніяхъ современниковъ, принадлежавшихъ почти всегда къ другому спеціальному классу, чѣмъ масса вѣрующихъ: они еще болѣе расходятся съ памятниками послѣдующихъ временъ христіанства. Въ нихъ все отличается свѣтлою радостью, печальныхъ эмблемъ нѣтъ: вы не найдете здѣсь ни изображеній мучениковъ и мученій, ни скелетовъ, ни образовъ смерти, не найдете даже креста, сдѣлавшагося впослѣдствіи великимъ символомъ христіанства. Самые обыкновенные изображенные здѣсь символы — „Пастырь добрый“, съ агнцемъ на плечахъ, вѣтка винограда съ листьями, веселый сборъ винограда. Фигуры въ первыхъ катакомбахъ втораго и третьяго вѣковъ, изваянныя лучше, чѣмъ послѣдующихъ вѣковъ, имѣютъ нѣчто греческое и представляютъ языческіе сюжеты: Пастырь добрый является разъ даже окруженнымъ тремя Граціями. Двѣ еврейскія катакомбы, вырытыя точно также въ римскомъ туфѣ, даютъ возможность сравнивать религіозныя идеи двухъ культовъ этой столь интересной исторической эпохи.

По странному суевѣрію къ мистическимъ числамъ, Римъ продолжаютъ называть „Семихолмнымъ городомъ“, названіемъ, которое уже не подходитъ къ нему съ тѣхъ поръ, какъ его обошла стѣна Сервія Туллія. Не считая горы Тестаккіо, состоящей изъ набросанныхъ на берегъ рѣки горшечниками и судовщиками черепковъ, которыми желающіе пользуются для питья, въ стѣнахъ нынѣшняго Рима возвышаются девять совершенно отдѣльныхъ холмовъ: Авентинскій, куда удалялись плебеи при своихъ покушеніяхъ на независимость, Палатинскій, на которомъ жили Цезари, Капитолійскій, на которомъ возвышался храмъ Юпитера, Целіусъ (Монте Челіо), Эсквилинскій, Виминальскій, Квиринальскій, Читоріо, невысокій пригорокъ, и Монте-Пинчіо — пригорокъ садовъ, служащій для прогулокъ. Наконецъ, по другую сторону Тибра, и все-таки въ нынѣшнемъ Римѣ, есть еще два холма: Яникульскій, самый высокій изъ всѣхъ хол-

мовъ, и Ватиканскій, названный такъ потому, что тамъ нѣкогда давались предсказанія оракуловъ.

Эта возвышенность и оставалась наслѣдницею древнихъ преданій, т. е. мѣстомъ „ватицинацій“ (предсказаніе). Отсюда христіанскіе пресвитеры, вышедши изъ мрака катакомбъ, гдѣ они держали свои тайныя собранія, господствовали надъ городомъ Римомъ и всѣмъ западнымъ міромъ. Здѣсь возвышается дворецъ папъ съ своими богатыми коллекціями, библіотекой, музеемъ, классическими произведеніями Микель-Анжело и Рафаэля, а съ боку его блистаетъ знаменитая базилика Святаго Петра— средоточіе католическаго христіанства. Длинною галлерею дворецъ соединяется съ мавзолеемъ Адріана, лишеннымъ своей высокой колоннады и сдѣлавшимся, подъ именемъ замка Святаго Ангела, большою папскою крѣпостью, которая возвышается на берегу Тибра и господствуетъ надъ его мостомъ. Теперь ея пушки не защищаютъ уже Ватикана; все матеріальное могущество папъ исчезло, но пышная церковь Святаго Петра, удивительный полукруглый портикъ передъ нимъ, вызвышающійся надъ соборомъ куполъ, который еще издалека видятъ съ моря пловцы, статуи, мраморы, мозаики, украшенія всякаго рода свидѣтельствуютъ о тѣхъ громадныхъ богатствахъ, которыя недавно еще стекались въ Римъ со всѣхъ концовъ христіанскаго міра. Одинъ соборъ Святаго Петра, — одна изъ трехъ сотъ шестидесяти пяти церквей папскаго города, — стоилъ около полу-милліарда. Но какъ бы ни было великолѣпно это зданіе, возбуждаемое имъ удивленіе не чуждо нѣкоторой посторонней примѣси. Пусть говорятъ судьи, что „геній Брамантэ и Микель-Анджело чувствуется здѣсь до такой степени, что все смѣшное и дурное сводится до самыхъ ничтожныхъ размѣровъ“, но нельзя не видѣть, что въ этомъ колоссальномъ созданіи есть несовершенства. Зданіе кажется меньше отъ многочисленности орнаментовъ и, что еще важнѣе, соотвѣтствуетъ по архитектурѣ только переходному и мѣстному фазису исторіи католицизма. Далеко не выражая собою всей эпохи съ ея вѣрою и съ ея единымъ и цѣлостнымъ пониманіемъ вещей, она резюмируетъ, напротивъ, время противорѣчій, когда паганизмъ Возрожденія и христіанство среднихъ вѣковъ стараются слиться въ напыщенный нео-католицизмъ, который ласкаетъ чувства и изо всѣхъ силъ поддѣлывается ко вкусу и капризамъ вѣка: подъ мрачными готическими нефами впечатлѣніе гораздо глубже. Любопытно то историческое явленіе, что кварталъ Рима, въ которомъ стоитъ церковь Св. Петра, составляетъ единственное мѣсто нынѣшняго города, которое было опустошено мусульманами въ 846 г. Они хвалятся тѣмъ, что разорили папскій Римъ и владѣютъ Іерусалимомъ, между тѣмъ какъ могила Магомета до

сихъ поръ остается во власти правовѣрныхъ. Что касается евреевъ, то они пришли въ Римъ далеко не побѣдителями. Водворенные въ грязномъ кварталѣ Гетто, на плистыхъ берегахъ Тибра, недалеко отъ арки Тита, напоминающей разрушеніе ихъ храма и избіеніе ихъ предковъ, они въ теченіе девятнадцати столѣтій несли бремя всеобщей ненависти и преслѣдованія. Они вынесли, однако это, благодаря могуществу золота, съ которымъ они умѣли обращаться лучше, чѣмъ ихъ притѣснители и, получивъ свободу выходить изъ Гетто, четыре тысячи римскихъ евреевъ принимаютъ больше участія въ преобразованіи столицы Италіи, чѣмъ сами христіане.

Направленіе идей въ послѣдніе вѣка слишкомъ измѣнилось, чтобы итальянскіе инженеры могли думать теперь о началѣ третьей эры исторіи украшенія Рима зданіями роскоши, которыя могли бы равняться по величію Колизею или храму Св. Петра. Италіи нужно прежде закончить разборъ всѣхъ тѣхъ сокровищъ искусства и науки, которыя до сихъ поръ еще безпорядочно ждутъ своей классификаціи въ различныхъ музеяхъ, училищахъ, ученыхъ обществахъ и въ библіотекѣ Виктора-Эммануила, одной изъ богатѣйшихъ въ мірѣ.

Если въ Римѣ что-либо и строится новое, то всѣ эти постройки возводятся не для удивленія міра, а въ силу настоятельной потребности. Онѣ не блещутъ ни великолѣпіемъ, ни оригинальностью, но вполнѣ удовлетворяютъ своему назначенію. Главные труды и maximum вниманія современныхъ инженеровъ были посвящены возведенію пятнадцати фортовъ, составляющихъ оборонительный кругъ Рима. Кромѣ того проведена цѣлая сѣть новыхъ улицъ, идущихъ на сѣверъ и на западъ, но отнюдь не на востокъ, гдѣ имъ пресѣкаютъ дорогу крутые откосы Яникула, и не на югъ, гдѣ монументы античнаго Рима остановили строителей девятнадцатаго вѣка. Затѣмъ современному инженерному искусству предстоитъ еще не мало труда и усилій, если они зададутся мыслью оградить Римъ отъ разливовъ Тибра и создать для него условія совершенной здоровости климата. Правда, навалепные остатки множества разрушенныхъ зданій возвысили уровень города по крайней мѣрѣ на одинъ метръ, но и русло Тибра поднялось вслѣдствіе удлиненія его дельты. Чтобы доставить водамъ разлива свободный стокъ въ правильный каналъ, нужно необходимо перерыть русло рѣки и окаймить его высокими набережными на всемъ протяженіи города. Кромѣ того, для ассенизаціи города, надо передѣлать сѣть подземныхъ трубъ и разумно распредѣлить чистую воду, доставляемую въ водоемы фонтановъ сооруженіями древнихъ эдилій.

Извѣстно, какую громадную массу воды получалъ прежде Римъ для своего ежедневнаго потребленія. Во времена Траяна, девять большихъ

КРЕСТЬЯНЕ РИМСКОЙ КАМПАНЬИ.

водопроводовъ, общая длина которыхъ составляла 422 километра, давали воды около 20 кубическихъ метровъ въ секунду, а проведенные впослѣдствіи другіе канады увеличили это количество воды болѣе чѣмъ на одну четверть. Еще и въ настоящее время, хотя Римъ имѣетъ только десятую часть искусственныхъ водопроводовъ и отъ большей части древнихъ водопроводовъ возвышаются среди необработанныхъ полей только разрушенныя арки, столица Италіи снабжается текучею водою обильнѣе всѣхъ другихъ городовъ. Но если когда-либо Римъ долженъ будетъ наполнить все пространство, заключающееся въ его стѣнахъ, и будетъ разростаться присоединеніемъ новыхъ кварталовъ, если форумъ, находившійся еще недавно за городомъ, сдѣлается снова центромъ города, то въ немъ можетъ оказаться такой же недостатокъ воды, какъ и въ большей части столицъ Европы.

Не говоря о нездоровости окружающихъ полей, нынѣшній Римъ, по сравненію съ древнимъ, имѣетъ еще одну слабую сторону: онъ уже не имѣетъ той прекрасной системы дорогъ, которыя расходились отъ золотой границы Форума во всѣ страны свѣта. Широкая Аппіева дорога, начинающаяся при выходѣ изъ Рима рядомъ столь любопытныхъ могилъ, представляетъ собою типъ этихъ прочно устроенныхъ и неуклонно правильныхъ дорогъ, которыя охватывали собою міръ и сокращали разстоянія къ выгодѣ господствующаго города. Правда, древнія мощеныя дороги замѣнены нынѣ частію желѣзными дорогами, но онѣ еще очень немногочисленны, не прямы въ своемъ направленіи и оставляютъ городъ въ сторонѣ отъ великихъ международныхъ путей. Самая фигура ихъ сѣти показываетъ, что движеніе по путямъ совершается далеко не такъ, какъ въ другихъ странахъ Европы, не отъ центра къ окружности, а наоборотъ: Италія шла на завоеваніе Рима изъ Флоренціи, Болоньи, Неаполя.

Не имѣя портовъ и городскаго округа, вслѣдствіе міазмовъ окружающихъ полей, Римъ представляетъ одинъ изъ такихъ городовъ, которые всего менѣе могутъ существовать отдѣльно: онъ долженъ дополняться отдаленными мѣстами, которыя онъ держитъ, такъ сказать, длинными руками своихъ дорогъ, какъ паукъ, сидящій въ срединѣ своей паутины. Мѣстами гуляній, промышленности и дачной жизни служатъ ему ближайшіе горные города: Тиволи, Фраскати, надъ которыми возвышаются стѣны кратера съ развалинами Тускулума; Марино, около котораго въ тѣни большихъ лѣсовъ собирались союзныя племена Лаціума; Альбано, который, посредствомъ новаго перекинутаго черезъ широкій ровъ моста на аркахъ, соединяется съ городомъ Ариччіа; Веллетри, древній городъ вольсковъ, дома котораго группируются по южнымъ склонамъ большой

горы Лаціума; Палестрина, который древнѣе Альба-Лонги и Рима и весь построенъ на развалинахъ знаменитаго храма Фортуны—слава древней Пренесты. Мѣстами купаній ему служатъ морскіе берега Пало, Фіумичино и Порто д'Анціо—мѣстечко, продолженіе котораго на югъ составляетъ маленькій городокъ Неттуно, знаменитый гордою красотою женщинъ. Изъ портовъ для заграничной торговли онъ сохранилъ на Тирренскомъ морѣ только Чивита-Веккію, скучный городъ съ прекрасно построеннымъ бассейномъ, который можетъ служить образцомъ морскимъ инженерамъ, но очень тѣсенъ.

Гавани, которыми владѣли древніе римляне къ югу отъ устьевъ Тибра, почти совершенно заброшены, и прекрасная Террачина—цукъ зелени при подошвѣ „бѣлѣющихъ скалъ", является дверью Рима только для пріѣзжающихъ съ юга по береговой дорогѣ [1]).

Почти всѣ другіе города Лаціума расположены по двумъ большимъ историческимъ дорогамъ, изъ которыхъ одна поднимается къ сѣверу, къ Флоренціи, другая же идетъ къ юго-востоку, въ долину Сакко, и спускается въ равнины Неаполитанскія. На сѣверѣ видна знаменитая Корнето-Тарквіана; на сѣверо-западѣ—главный городъ Витербо—„городъ красивыхъ фонтановъ и красивыхъ дѣвушекъ", на югѣ, на склонѣ Гарильяно—Вероли, Ферентино, Алатри, надъ которымъ господствуетъ гордый акрополь съ циклопическими стѣнами,—большой рынокъ и фабричное мѣсто для окрестныхъ поселянъ. На востокѣ, въ одной изъ чудныхъ Сабинскихъ долинъ, по которой течетъ Аніо „съ вѣчно холодными волнами", стоитъ другой знаменитый городъ, Субіако, древнія Сублакеумъ, названный такъ вслѣдствіе трехъ озеръ, созданныхъ посредствомъ плотинъ Нероном, который ловилъ въ нихъ форелей золотою сѣтью. Около Субіако св. Бенедиктъ основалъ „въ святой пещерѣ" (*Sacro speco*) знаменитый монастырь, который предшествовалъ еще болѣе славному монастырю горы Кассино, и который, послѣ Леринскаго монастыря въ Провансѣ, былъ колыбелью западнаго монашества.

Общины Лаціума и Сабины, въ которыхъ болѣе 10,000 жителей, суть:

Римъ (1885) . .	340,000 чел.	Чивита-Веккіа. . .	11,980 чел.
Витербо (1882) . .	19,655 »	Тиволи	10,295 »
Виллетри » . .	16,490 »	Вероли	10,275 »
Алатри » . . .	13,240 »	Ферентино	10,040 »

[1]) Движеніе грузовыхъ судовъ въ римскихъ портахъ въ 1884 г.:

Чивита-Веккіа	2439 суд. вмѣст.	въ	618,930 тон.
Фіумичино.	1163 „ „	„	51,030 „
Порто д'Анціо	693 „ „	„	25,140 „

Посредникомъ между Римомъ и Анконою, между долиною нижняго Тибра и областью Тосканскихъ Апеннинъ и Мархій, служитъ большой главный городъ Умбріи, древняя Перуза одинъ изъ могущественныхъ этрусскихъ городовъ первыхъ временъ исторіи, неподалеку отъ котораго раскопки открыли могилы, возбуждающія живѣйшій интересъ. Благодаря своему счастливому положенію на краю весьма плодородной равнины и въ точкѣ соединенія многихъ естественныхъ путей, городъ воскресалъ изъ развалинъ послѣ каждой войны, послѣ каждаго періода разрушенія. Въ эпоху Возрожденія онъ, какъ городъ одновременно и тосканскій, и римскій, сдѣлался мѣстопребываніемъ одной изъ великихъ школъ живописи и, благодаря Вануччи, „Перуджино“ пользуется самою блестящею славою въ Италіи. Въ Перуджіи есть еще прекрасные памятники этой знаменитой эпохи. Теперь она уже не принадлежитъ къ числу художественныхъ столицъ полуострова, но въ ней всегда есть свой кружокъ литераторовъ и ученыхъ. Она отличается также весьма оживленною торговлею шелкомъ—сырцемъ; чистота ея домовъ и улицъ, которыя однако же сохранили свой оригинальный видъ, чистота атмосферы и очаровательность населенія привлекаютъ въ нее каждое лѣто значительную часть колоніи богатыхъ иностранцевъ, проводящихъ зиму въ Римѣ. Перуджія далеко оставила за собою своего бывшаго соперника Фолиньо или Фулиньо, озерный бассейнъ котораго обращенъ въ чрезвычайно плодородныя поля, и который былъ нѣкогда главнымъ рынкомъ всей центральной Италіи; его весьма работящіе жители сохранили нѣкоторыя спеціальныя производства, и между прочимъ дубленіе кожъ. Что касается до города Ассизи, который имѣетъ столь прелестный видъ среди своего прелестнаго пейзажа, то онъ, по справедливости, знаменитъ своимъ прекрасно сохранившимся храмомъ Минервы и великолѣпнымъ монастыремъ, въ которомъ любуются фресками „послѣдняго изъ греческихъ живописцевъ“ Цимабуэ и продолжателя его „перваго изъ итальянскихъ живописцевъ“ Джіотто. Теперь это—мѣстечко, не отличающееся никакою дѣятельностью, но оно окружено земледѣльческимъ, богатымъ и многолюднымъ округомъ; здѣсь родился въ концѣ двѣнадцатаго вѣка Францискъ Ассизъ, основатель знаменитаго ордена францисканцевъ. Между Ассизи и Фолиньо находится городъ Спелло, осаждавшійся нѣкогда Карломъ Великимъ. Легенда разсказываетъ, что здѣсь былъ смертельно раненъ герой Роландъ.

Другіе второстепенные города Умбріи хотя и не имѣютъ большаго торговаго значенія, но отличаются за то либо замѣчательными въ исторіи именами, либо красотою своихъ памятниковъ и видовъ. Тоди, Маргіано съ ихъ ярмарками, Сполетто, котораго не могъ взять Аннибалъ, съ его

великолѣпнымъ соборомъ съ чрезвычайно оригинальною папертью, римскимъ мостомъ, перекинутымъ черезъ ущелье, и горами, покрытыми сосновыми и каштановыми лѣсами. Въ окрестностяхъ Терни существуетъ одинъ изъ самыхъ красивыхъ видовъ Италіи, а именно могучій водопадъ Велино, ложе котораго высѣчено римлянами въ глубоко уходящей въ землю скалѣ; Ріетти, прозывавшійся нѣкогда счастливымъ, имѣетъ озеро — остатокъ древняго моря, опорожненнаго водопадомъ Велино, съ рвомъ delle Marmore; Нарни съ великолѣпными развалинами и высокимъ замкомъ. Къ сѣверу отъ Тибра, на границахъ Тосканы стоитъ гордый и неопрятный Орвіетто, въ которомъ фабриковалось нѣкогда знаменитое лекарство *орвіетскій теріякъ*; это былъ старинный папскій городъ, колокольнями и башнями котораго былъ унизанъ, состоящій изъ окалины, горный выступъ; онъ имѣетъ соборъ съ удивительнымъ фасадомъ съ врѣзанными мозаиками, которыя дѣлаютъ изъ него образецъ орнаментаціи и почти ювелирнаго искусства. Наконецъ, два главные города Умбрійскихъ Апеннинъ: Читта ди-Кастелло, расположенный на берегу ручья, образующаго Тиберъ, и Джуббіо, построенный среди самыхъ горъ, оба богаты очаровательными и грандіозными мѣстностями и оба имѣютъ часто посѣщаемыя цѣлебныя воды. Ученые являются сюда осматривать хранящіяся въ муниципальномъ дворцѣ Джуббіо знаменитыя «Энгубинскія таблицы», семь бронзовыхъ дощечекъ, покрытыхъ умбрійскими знаками; это единственные, дошедшіе до насъ, памятники этого рода. Маленькій городокъ Фратта, переименованный недавно въ Умбертиду, на половинѣ пути между Перуджіей и Читта ди-Кастелло, въ одной изъ самыхъ плодородныхъ, омываемыхъ Тибромъ мѣстностей, имѣетъ только мѣстное торговое значеніе.

Общины Умбріи, имѣвшія болѣе 11,000 жителей къ 1 янв. 1882 г.:

Перуджія	51,355 чел.	Ассизи	16,200 чел.
Читта ди-Кастелло. .	24,000 »	Орвіетто	15,930 »
Джуббіо.	23,315 »	Терни	15,850 »
Фолиньо	22,900 »	Тоди	15,325 »
Сполетто	21,505 »	Нарни	11,670 »
Ріетти.	16,820 »	Марчіано.	11,625 »

Умбертида (Фратта) . . . . . 11,470 чел.

Портомъ для римскихъ странъ на Адріатическомъ морѣ служитъ Анкона, древній дорійскій городъ, называемый еще и нынѣ греческимъ именемъ, которымъ онъ обязанъ положенію своему на самомъ углу полуострова между Венеціанскимъ заливомъ и южно-Адріатическимъ моремъ.

АБРУЦКІЕ КРЕСТЬЯНЕ.

Красивая тріумфальная арка, возвышающаяся около большаго мола, составляетъ одну изъ самыхъ лучшихъ и наиболѣе сохранившихся построекъ этого рода и напоминаетъ собою, какое значеніе придавалъ Траянъ обладанію этого морскою дверью. Благодаря своему выгодному положенію и недавнему учрежденію порто-франко, а также углубленію до четырехъ метровъ порта, Анкона является однимъ изъ трехъ крупнѣйшихъ торговыхъ городовъ восточнаго берега Италіи и восьмымъ изъ городовъ всего побережья полуострова; она слѣдуетъ за Венеціей и оспариваетъ первенство у Бриндизи, хотя и не составляетъ, какъ послѣдній, станціи индійской дороги. Ея торговля держится не только тѣмъ, что идетъ къ ней изъ Рима и Ломбардіи, но и товарами Мархій, рѣдкими плодами, маслами и асфальтомъ Абруццъ, сѣрою Апеннинъ и «лучшимъ въ мірѣ шелкомъ», какъ думаютъ по крайней мѣрѣ мѣстные жители. По отчетамъ порта, торговля особенно усилилась въ послѣдніе годы; но это усиленіе въ значительной мѣрѣ только кажущееся и явилось, благодаря большимъ пароходамъ, заходящимъ въ пристани города.

Движеніе въ Анконскомъ портѣ было:

въ 1858 г. . . .	2,021	судно	въ	258,292 тоннъ.
» 1867 » . . .	2,024	»	»	372,877 »
» 1873 » . . .	2,129	»	»	751,803 »
» 1882 » . . .	2,657	»	»	699,880 »

Другіе порты весьма дурно защищены и имѣютъ слабую торговлю. Пезаро, родина Россини, посѣщается только судами въ двадцать и тридцать тоннъ; Фано—простыми барками, Сенигаллія, больше извѣстная иностранцамъ подъ именемъ Синигальи, посѣщалась довольно многочисленными судами только во время значительныхъ ярмарокъ, на которыхъ торговые обороты простирались до 25 милліоновъ; но ея маленькая рѣчная гавань, бывшая до 1870 г., т. е. до отмѣны ярмарокъ, вольною, доступна только судамъ, сидящимъ въ водѣ не глубже двухъ метровъ. Всѣ эти береговые города большую часть товаровъ должны отправлять въ Анкону.

Всѣ города внутреннихъ Мархій, за исключеніемъ Фабріано, Сан-Северино, расположенныхъ въ одной веселой Апеннинской долинѣ, и Асколи-Пичено, на берегу рѣки Тронто, стояли прежде на крутыхъ скалахъ и безмолвно созерцали другъ друга, теперь начинаютъ спускаться длинными предмѣстьями въ равнину и заниматься обработкою земли; таковы: Урбино, величайшая слава котораго состоитъ въ томъ, что въ немъ родился Рафаэль, и городъ производилъ нѣкогда, какъ и сосѣдъ его

Пезаро, великолѣпныя фаянсовыя издѣлія, такъ высоко цѣнимыя знатоками; Іези, Озимо. Чинголи, Мачерата, Реканати, родина Леопарди, Фермо и другіе. Одинъ изъ этихъ взгромоздившихся на горы городовъ, знаменитый Лоретто, былъ нѣкогда наиболѣе посѣщаемымъ въ христіанскомъ мірѣ мѣстомъ богомолья. До реформаціи, когда далекія странствованія были еще не такъ легки, какъ нынѣ, къ святынямъ Лоретто стекалось не менѣе двухъ сотъ тысячъ странниковъ въ годъ. Правда, они созерцали также одно изъ великихъ чудесъ христіанства—тотъ самый домъ, въ которомъ жила Пресвятая Дѣва, и который ангелы перенесли съ одного пригорка на другой, на то самое мѣсто, надъ которымъ возвышается теперь великолѣпно украшенный куполъ. Неподалеку отъ этого значительнаго мѣста, именно въ Кастельфидардо, была отнята у папы римскими войсками большая часть Церковной Области („вотчины Св. Петра"). Хотя самое сраженіе представляетъ ничтожное военное событіе, но оно отмѣчаетъ фактъ весьма важный въ исторіи полуострова.

Гористая область Абруццъ, составлявшая прежде часть Неаполитанской области, но связанная съ Римомъ своимъ Тирренскомъ склономъ, данникомъ Тибра, и въ особенности своею большою поперечною дорогою, имѣетъ немного городовъ на высотахъ своего плоскогорья. Главный изъ нихъ и въ то же время главный городъ провинціи,—Аквила, основанъ въ тринадцатомъ вѣкѣ императоромъ Фридрихомъ II, который хотѣлъ сдѣлать изъ него „орлиное гнѣздо"; другіе горные города всегда были слишкомъ недоступны, чтобы имѣть много жителей, но все-таки они отправляютъ въ города равнины сильныхъ и выносливыхъ въ трудѣ колонистовъ, *Aquilani*, которые считаются лучшими землекопами въ Италіи. Самыя многолюдныя мѣста находятся въ нижнемъ бассейнѣ Атерно, или на прибережной дорогѣ и среди плодородныхъ полей Адріатическаго склона. Солмона расположена въ огромномъ саду, который нѣкогда былъ озеромъ, и ограничивается съ юга крутыми склонами Монте-Майелла; Пополи, при выходѣ изъ ущелья, гдѣ Атерно принимаетъ имя Пескары, представляетъ самый дѣятельный рынокъ между Адріатическимъ берегомъ и горною областью; Кіети, построенный на той же рѣкѣ ниже,—также промышленный городъ;—это, говорятъ, первая изъ бывшихъ неаполитанскихъ провинцій, въ которой былъ примѣненъ паръ въ прядильняхъ и другихъ заведеніяхъ. Терамо и Ланчіано—точно также довольно значительные города. Но на всемъ протяженіи берега Абруццъ существуютъ только два маленькіе порта, да и тѣ посѣщаются немногими судами—Ортона и Васто.

Главныя общины Мархій и Абруццъ, имѣвшія къ 1 янв. 1882 г. болѣе 12,000 жителей:

Анкона	45,730	человѣкъ.
Асколи-Пичено	23,225	»
Сенигаллія	22,500	»
Кіети	21,835	»
Фано	21,340	»
Пезаро	20,910	»
Терамо	20,310	»
Мачерата	20,250	»
Реканати	19,525	»
Іези	19,460	»
Фермо	18,880	»
Аквила	18,425	»
Солмона	17,600	»
Озимо	17,345	»
Ланчіано	17,200	»
Фабріано	17,150	»
Урбино	16,810	»
Санъ-Северинъ	14,035	»
Васто	13,880	»
Чинголи	12,135	»
Ортона	12,120	»

Среди римскихъ Мархій есть одно маленькое государство, соединяющееся съ берегомъ только одною дорогою и сохранившее свое самостоятельное существованіе. На небольшомъ разстояніи отъ Римини къ югу, на гордой скалѣ горы Титана, основаніе которой изрыто съ незапамятныхъ временъ каменоломнями, на высотѣ 750 метровъ, стоитъ окруженный стѣнами и башнями знаменитый городъ Санъ-Марино. Въ ясное утро граждане его видятъ черезъ весь Адріатическій заливъ восходъ солнца изъ-за горъ Иллиріи. Санъ-Марино, вмѣстѣ съ окружающими мѣстностями, составляетъ „знаменитѣйшую“ республику, единственный муниципальный городъ, существующій еще самостоятельно въ Италіи.

Поверхность ея 86 кв. кил.; населеніе въ 1879 г. было 7997 чел. На километрѣ—130 человѣкъ.

По лѣтописямъ, *repubblichetta* Санъ-Марино, названная такъ по имени одного далматскаго каменьщика, жившаго отшельникомъ на скалѣ Титапо, была независимымъ и самодержавнымъ государствомъ съ четвертаго

вѣка. Какъ бы то ни было, маленькая республика успѣла сохранить свое существованіе въ теченіе по крайней мѣрѣ двухъ тысячъ лѣтъ, благодаря соперничеству своихъ сосѣдей и необыкновенному искусству, съ которымъ граждане ея умѣли хитрить предъ опасностью. Впрочемъ, въ устройствѣ государства нѣтъ почти ничего демократическаго. Народъ не подаетъ голосовъ, и право это потеряно уже неизвѣстно сколько вѣковъ тому назадъ; граждане, даже землевладѣльцы, имѣютъ только право представленія; тѣ же, у кого нѣтъ ни клочка земли, т. е. большая половина санмаринцевъ не могутъ осмѣлиться ни на какое заявленіе. Высшая власть принадлежитъ „князю-совѣту“, состоящему изъ шестидесяти членовъ, въ число которыхъ входитъ треть благородныхъ, треть горожанъ и треть поселянъ собственниковъ. Титулъ совѣтника наслѣдственъ, и когда родъ прекращается, то остальные пятьдесятъ девять выбираютъ фамилію, которая должна раздѣлять съ ними власть республики. Князь-совѣтъ выбираетъ изъ среды себя различныя комиссіи, равно какъ двухъ капитановъ-регентовъ, одного для города, другаго для земщины, на которыхъ лежитъ впродолженіи шести мѣсяцевъ власть исполнительная. Въ Санъ-Марино есть своя маленькая армія, въ 1,200 чел. милиціи, свой бюджетъ, который въ 1880 г. доходилъ до 89,000 фр. дохода и 79,000 расхода. Государственнаго долга нѣтъ. Но налоги—свободны: когда община нуждается въ деньгахъ, то граждане созываются барабаномъ и приглашаются, кто желаетъ, положить свое приношеніе въ государственную кассу. Плати что хочешь, и когда касса полна, приношенія не принимаются! Но какъ ни свободна республика, она все-таки получаетъ пособіе отъ Италіи и находится подъ особымъ покровительствомъ короля. Оффиціальные акты печатаются въ Италіи. Въ маленькомъ государствѣ нѣтъ ни одной типографіи — совѣтъ отказался отъ этого новаго изобрѣтенія, изъ котораго сосѣди ихъ романьольцы извлекаютъ значительныя выгоды; онъ боится, чтобы выходящія на его территоріи политическія книги не бросили тѣни на окружающее ее королевство. Боргези, основатель эпиграфической науки, имѣлъ въ Санъ-Марино свою удивительную коллекцію, столь важную для изученія римской администраціи.

VI.

ЮЖНАЯ ИТАЛІЯ, НЕАПОЛИТАНСКІЯ ПРОВИНЦІИ.

Изъ всѣхъ государствъ, сгруппировавшихся для образованія Италіи, Неаполитанское королевство, даже не считая составлявшихъ часть его Абруццъ и Сициліи, является самымъ значительнымъ по пространству, но не по цифрѣ народонаселенія и не по промышленности.

Пространство Неаполитанской области безъ Абруццъ — 72,630 кв. кил. Населеніе 6.764.000 человѣкъ. На километръ 93 человѣка.

Неаполитанская область занимаетъ всю южную половину полуострова, и берегъ ея, изрѣзанный заливами и бухтами, тянется на протяженіи болѣе 1,600 километровъ. Подъ именемъ Великой Греціи, она составляла нѣкогда самую извѣстную часть Италіи; нынѣ же, напротивъ, именно въ Неаполитанской области встрѣчаются наиболѣе неизвѣстныя мѣстности.

Къ югу отъ расходящихся горныхъ группъ Абруццъ и Сабины, Апеннины представляютъ весьма неправильное расположеніе и не могутъ уже считаться настоящею цѣпью: это отдѣльныя группы, соединенныя другъ съ другомъ второстепенными поперечными цѣпями и возвышенными порогами. Первая горная группа, отдѣленная отъ Абруццъ глубокою долиною Сангро, впадающею въ Адріатическое море, вздымаетъ свой острый гребень Мета надъ поясомъ деревьевъ. Далѣе къ югу, по другую сторону долины Изерніа, гдѣ беретъ начало Вольтурно, группируются горы Матезе, заключающія въ себѣ прекрасное озеро того же имени, надъ которымъ возвышается Милетто — послѣдній оплотъ самнитской независимости. Далѣе къ Беневенто и Авелино, возвышаются другія вершины, которыя, хотя и не такъ высоки, но такъ же круты и величественны на видъ; это горы съ дикими ущельями, въ которыхъ во время древнихъ войнъ происходили кровавыя битвы. По дорогѣ изъ Неаполя въ Беневенто и теперь еще извѣстны „Кавдинскія ущелья“, въ которыхъ попавшіеся въ сѣть римляне должны были смириться предъ самнитянами и дать имъ обѣщанія, которыя ими не были сдержаны; дорога Куадарола и деревня, называемая Форкія Арпайя, и теперь еще напоминаютъ это достопамятное событіе. Эта горная область, за которой можно было бы оставить названіе ея древнихъ обитателей, владѣльцевъ южной Италіи, оканчивается на югѣ поперечною горною цѣпью, гребень которой, неровный и изрѣзанный глубокими выемками, направляется съ востока къ западу гдѣ оканчивается между двумя заливами: Неаполитанскимъ и Салернскимъ, мысомъ Кампанелла — древній мысъ Минервы. Красивый островъ Капри, съ крутыми известковыми прибрежными скалами, въ которыя проникаетъ лазурное море, принадлежитъ къ этому же поперечному ряду самнитскихъ горъ.

Съ восточной стороны, различныя неаполитанскія группы мѣловаго происхожденія, какъ и почти всѣ южныя Апеннины, и извѣстныя вообще подъ именемъ Мурджіи, понижаются легкими склонами и послѣдними своими отлогостями исчезаютъ подъ глинистыми „столами“ (*tavoliere*),

отложенными моремъ въ пліоценовую эпоху. Эти невысокіе столы Апуліи, во всѣхъ своихъ частяхъ, не подвергнутыхъ обработкѣ, представляютъ, быть можетъ, самыя безплодныя и унылыя мѣста на всемъ итальянскомъ полуостровѣ. Глубокія русла узенькихъ рѣкъ Адріатическаго склона дѣлятъ эти равнины на параллельныя террасы; все населеніе сгруппировано въ городахъ при выходахъ долинъ, на пригоркахъ, удобныхъ для защиты, или на большихъ дорогахъ, а сама равнина представляетъ огромную пустыню, по которой бродятъ только кочующіе пастухи. Въ этихъ большихъ равнинахъ нѣтъ даже кустарника, и самое крупное растеніе здѣсь — одинъ видъ укропа, изъ котораго густые плетни означаютъ границы между пастбищами. Мѣстами, среди равнины возвышаются хижины, похожія на могилы или просто на груды камней. Но древніе феодальные обычаи, препятствовавшіе обработкѣ этихъ мѣстностей и обязывавшіе горныхъ жителей содержать чрезъ свои поля широкія дороги или *tratturi* для прохода овецъ, къ счастію, исчезли, и видъ „столовъ“ съ каждымъ годомъ измѣняется все болѣе и болѣе.

Эти *tavoliere* отдѣляютъ собою отъ системы Апеннинъ полуостровную горную группу Монте Гаргано, образующую собою именно то, что обыкновенно называютъ „шпорою“ итальянскаго „сапога“. Сѣверные склоны этой отдѣльной горной группы, съ дикими рвами, покрыты еще мѣстами лѣсомъ буковъ и сосенъ, составляющихъ лучшую смолу въ Италіи, кустами рожковаго дерева, ежевики и другихъ растеній, съ цвѣтовъ которыхъ пчелы собираютъ нѣжный медъ. Но уже самое названіе высшей вершины, Монте Кальво или Лысая гора, свидѣтельствуетъ объ уничтоженіи здѣсь лѣсовъ, какъ и почти на всемъ полуостровѣ. На Монте Гаргано, какъ въ крѣпости, укрывались нѣкогда сарацинскіе пираты, причемъ съ запада ихъ защищалъ родъ рва, образуемаго долиною Канделяро, составляющею нормальное продолженіе итальянскаго берега. Здѣсь они даже могли потѣшаться надъ христіанскимъ населеніемъ, хотя святыни, воздвигнутыя на крутизнахъ Гаргано, принадлежатъ къ числу самыхъ уважаемыхъ въ католической Италіи; церкви и монастыри замѣнили собою здѣсь древніе языческіе храмы, и съ самаго начала историческихъ временъ туда стремится непрерывный токъ богомольцевъ. Самое священное мѣсто — это церковь на горѣ С. Анджело (Св. Ангела), крутые склоны которой возвышаются къ сѣверу отъ залива Манфредоніи. До развитія мореплаванія, моряки, оставлявшіе безопасное убѣжище залива, не безъ безпокойства готовились огибать полуостровъ Гаргано и пускаться въ море между окрестными рифами и островами, составляющими продолже-

ніе полуострова въ открытомъ морѣ къ далматскому берегу, каковы Тремити, Піаноза, Пелагоза.

На южной границѣ Неаполитанскихъ Апеннинъ, къ югу отъ долины Офанто, возвышается древній вулканъ горы Вультуры. Начиная съ него, почва постепенно понижается и представляетъ не болѣе, какъ изрытое рвами плоскогорье, съ котораго воды расходятся въ трехъ направленіяхъ: въ западномъ по Селе—къ Салернскому заливу, въ юговосточномъ—къ Тарентскому заливу и въ сѣверовосточномъ къ Адріатическому морю. Самый Апеннинскій хребетъ, вовсе не раздваиваясь, какъ показано на старинныхъ картахъ, совершенно прерывается порогомъ Потенца, и длинный полуостровъ, образующій „каблукъ“ Италіи, представляетъ только возвышенія въ видѣ террасъ съ неопредѣленными очертаніями и холмы съ продолговатыми однообразными вершинами.

Другой полуостровъ, Калабрія, напротивъ, гористъ и имѣетъ весьма разнообразный видъ. Апеннинскій хребетъ здѣсь начинается снова къ югу отъ Лагонегро и поднимается крутыми откосами выше пояса деревьевъ. Гора Поллино, которая господствуетъ разомъ надъ двумя морями Іоническимъ и Эолійскимъ, выше Матезы и всѣхъ другихъ неаполитанскихъ вершинъ; группа, центръ которой она занимаетъ, перерѣзываетъ полуостровъ во всю ширину, отъ одного моря до другаго, и тянется по западному берегу стѣною скалъ, которыя круче и по совершенному отсутствію дорогъ неприступнѣе чѣмъ въ Лигуріи. На югѣ группа эта представляетъ красивыя лѣсистыя долины, въ которыхъ жители собираютъ на стволахъ ясеней лѣкарственную манну, отправляемую отсюда во всѣ страны свѣта. Долина Крати ограничиваетъ эту горную группу съ юга и отдѣляетъ ее отъ другой, не столь высокой, но имѣющей болѣе широкое основаніе, горной группы Силы, гранитныя и шиферныя скалы которой гораздо древнѣе Апеннинъ и сохранили еще свою красу—большіе еловые и сосновые лѣса, въ которыхъ бродятъ разбойники. Лѣса эти, доставившіе мѣстности названіе „Страны камеди“, доставляли эллинамъ Великой Греціи, а потомъ римлянамъ, необходимый на постройку кораблей лѣсъ, да и теперь еще строительныя верфи Италіи получаютъ отсюда большую часть дубоваго лѣса. Въ хорошее время года на прогалинахъ этихъ лѣсовъ пасутся стада, пастухи которыхъ считаются частію потомками, занимавшихъ нѣкогда эту мѣстность, сарациновъ.

Къ югу отъ отдѣльной группы Силы развертывается полукругомъ широкій заливъ Сквилаче, противъ котораго въ Тирренскомъ морѣ открывается другая полукруглая бухта, Санта Евфиміа, такъ что между двумя морями остается только узенькій перешеекъ, занятый маленькими

плоскогорьями, которыя расположены въ видѣ ступеней, и окаймленный древними прибрежными отмелями, отмѣчающими постепенное отступленіе моря. Но за этимъ порогомъ, который государи имѣли мысль прорыть морскимъ каналомъ, возвышается третья группа, съ основою изъ кристаллическихъ горныхъ породъ, называемая Аспромонте. Эта „суровая гора“, представляющая огромную округлую вершину, едва разрѣзанную на отдѣльныя горы, но изборожденную по всей ея окружности красноватыми рвами, въ которыхъ по зимамъ катятся потоки, и донынѣ еще одѣтую лѣсомъ, широко расходится въ Іоническомъ морѣ своими мысами, испещренными пальмами, и исчезаетъ, наконецъ, въ волнахъ, образуя мысъ, извѣстный у моряковъ подъ именемъ „Раздѣла вѣтровъ“ (Спартивенто).

Высоты Неаполитанскихъ Апеннинъ суть:

Мета	2,245	метровъ.
Монте Милетто (Матезе) . . .	2,047	„
„ Кальва (Гаргано) . . .	1,570	„
С. Анжело (мысъ Кампанелла) .	1,470	„
Капри (Монте Солара) . . .	597	„
Монте Поллино	2,344	„
Ла Сила	1,787	„
Аспромонте	1,909	„

Но кромѣ различныхъ, болѣе или менѣе отдѣльныхъ, горныхъ группъ, которыя можно разсматривать какъ часть Апеннинской системы, Неаполитанская область, какъ и римскія провинціи, имѣетъ свои вулканическія горы. Онѣ образуютъ два неправильные ряда: одинъ на сушѣ, другой въ Тирренскомъ морѣ, и соединяются, вѣроятно, подъ землею съ вулканами Липарскихъ острововъ и горою Этною. Одна изъ этихъ горъ, Везувій, представляетъ знаменитѣйшій вулканъ въ цѣломъ мірѣ, не потому, что онъ дѣятельнѣе или выше всѣхъ, но потому, что исторія его есть исторія цѣлаго народа, живущаго на его лавахъ. Онъ изученъ лучше всѣхъ вулкановъ, такъ какъ по своей непосредственной близости къ Неаполю является геологической лабораторіей, дѣйствующей на глазахъ Европы.

Едва вы успѣете выйти изъ ущелья Гаэты и вступить въ рай Терра ди Лаворо, какъ увидите первый вулканъ Рокка Монфина, возвышающійся между двумя известковыми горными группами, изъ которыхъ одна, Массико, замѣчательна превосходными винами, прославленными поэтомъ-гастрономомъ Гораціемъ. Вулканъ находится въ покоѣ съ до-историче-

скихъ временъ—по крайней мѣрѣ нѣтъ ни одного достовѣрнаго разсказа о его изверженіяхъ; въ богатую зелень его поломаннаго кратера довѣрчиво забралась деревушка, замѣнившая собою укрѣпленное мѣсто древнихъ противниковъ римлянъ—авронцевъ, хотя внѣшній видъ горы во многихъ мѣстахъ еще такъ же грозенъ, какъ будто на другой день послѣ изверженія. Главное жерло, окружающее трахитовый куполъ горы Санта Кроче, возвышающейся почти на 1,000 метровъ, представляетъ одинъ изъ обширнѣйшихъ кратеровъ Италіи и имѣетъ не менѣе 4,600 метровъ ширины; неподалеку отъ него открываются два другіе кратера, а нѣсколько побочныхъ вулканическихъ конусовъ, торчащихъ на наружныхъ склонахъ горы, образуютъ какъ бы ограду съ куполомъ по срединѣ. Почва Кампаньи. до невѣдомой глубины, состоитъ изъ пепла, выброшеннаго нѣкогда кратеромъ Рокка Монфина или въ воздухъ, или на дно вышедшихъ впослѣдствіи изъ воды бухтъ. Въ южныхъ частяхъ Терры ди Лаворо эти туфы содержатъ въ себѣ множество раковинъ, которыя во всемъ похожи на раковины сосѣдняго моря. Значитъ, вся эта страна поднялась изъ моря недавно.

Холмы, возвышающіеся на югѣ этой чудесной равнины, не имѣютъ величія Рокка Монфины, но ихъ близость къ морскому берегу и совершавшіяся тамъ замѣчательныя явленія доставили имъ знаменитость совсѣмъ другаго рода: съ самой глубокой древности они считались великимъ дивомъ на землѣ. Если смотрѣть на нихъ съ господствующихъ надъ Неаполемъ Камальдульскихъ холмовъ, то эти „Флегрейскія поля“, украшенныя зеленью и близостью моря, не кажутся намъ областью ужасовъ, съ тѣхъ поръ, какъ мы узнали въ мірѣ мѣста, несравненно болѣе опустошенныя лавами, мѣста, въ которыхъ изверженія причиняли гораздо болѣе ужасныя бѣдствія. Вулканы Явы, Сандвичевыхъ острововъ, центральной Америки и Андскихъ Кордильеровъ, уменьшаютъ въ нашемъ воображеніи значеніе вулкановъ залива Бай; но столь различныя явленія этой небольшой вулканической области должны были особенно поражать умы нашихъ первыхъ греко-романскихъ предковъ. Ихъ умъ не могъ понять этихъ чудесъ, почему и приписалъ ихъ богамъ;—это былъ для нихъ порогъ подземнаго міра. Эта дрожащая земля, это пламя, выходящее изъ тайнаго горна, эти зіяющія отверстія, сообщающіяся съ невѣдомыми пространствами, эти то вдругъ исчезающія, то наполняющіяся озера, эти пещеры, изрыгающія смертельные газы—все это въ значительной мѣрѣ вошло въ ихъ миѳологію, въ ихъ поэзію и невольно дало начало множеству и нашихъ представленій, сравненій и идей Во времена Страбона берега залива Бай были мѣстами сборищъ сластолюбиваго

люда, и на всѣхъ мысахъ, на всѣхъ окрестныхъ холмахъ были роскошныя виллы: вся мѣстность была роскошнымъ садомъ, который еще болѣе красилъ удивительный видъ моря и острововъ; но и тогда еще ходили разсказы объ ужасныхъ вещахъ, совершающихся въ мірѣ пещеръ, объ огнѣ, скрытомъ въ глубинахъ. Тамъ существовалъ грозный оракулъ, окруженный подземными людьми, миѳическими киммерійцами, къ которымъ должны были обращаться иноземцы, желавшіе вопросить боговъ: эти люди — троглодиты никогда не видали солнца и покидали свои подземелья только ночью. Разсказывали, что Флегрейскія поля были театромъ большихъ битвъ между гигантами; быть можетъ это было воспоминаніе о тѣхъ битвахъ, которыя происходили здѣсь за обладаніе плодородными землями Кампаньи. Въ средніе вѣка вѣрующіе считали Поццуоли мѣстомъ, чрезъ которое Іисусъ Христосъ сходилъ въ преисподнюю.

У этого горна или „пирифлегетона“ древнихъ было до двадцати кратеровъ, считая только тѣ, цѣлые или разрушенные края которыхъ еще ясно примѣтны; но есть еще много такихъ, которые сгладили другъ друга, втѣсняясь одинъ въ другой, перекрещиваясь другъ съ другомъ или громоздя однѣ стѣны на другія. Если бы посмотрѣть на нихъ сверху, безъ украшающей ихъ растительности, то мѣстность приняла бы видъ, подобный лунной поверхности, усѣянной неравными воронками. Самый Неаполь построенъ въ кратерѣ неопредѣленныхъ очертаній, сдѣлавшихся еще неопредѣленнѣе, вслѣдствіе восходящаго по его склонамъ амфитеатра построекъ, но на западѣ разсѣяно множество очерченныхъ вулканическихъ ровиковъ, изъ которыхъ одинъ опирается снаружи на длинный мысъ туфа, на которомъ находится будто бы могила Виргилія. Пройдя одно изъ древнихъ „чудесъ міра“, туннель Позилипо, вы очутитесь въ области собственно Флегрейскихъ полей. Налѣво, какъ крайняя граница этой кучи вулкановъ, возвышается правильный конусъ островка Низиты или Низиды, съ глубокимъ кратеромъ, разрѣзъ котораго, Порто Павоне, открываетъ доступъ водамъ открытаго моря.

Больше всѣхъ ихъ по величинѣ и дольше всѣхъ сохраняла свою бывшую дѣятельность Сольфатаре, *Forum Vulcani* древнихъ. Послѣднее его большое изверженіе было въ 1198 г.; но онъ продолжаетъ выдыхать еще нѣкоторое количество паровъ сѣрнистаго водорода и разлагать свои скалы дѣйствіемъ газовъ. Ночью, изъ сотни маленькихъ отверстій, въ которыхъ вырабатываются сѣра и сѣрнокислыя соли, вырывается неопредѣленный красноватый отблескъ, и когда вы идете по почвѣ кратера, то шаги ваши раздаются въ пористой землѣ, представляющей безчисленное множество пустотъ. Непосредственно къ сѣверу находится другая вулка-

ническая площадь, наполненная зеленью крупныхъ деревъ и отражающею ихъ водою — это паркъ Астрони, круглые склоны котораго до такой степени круты внутри, что составляютъ достаточный барьеръ для удержанія кабановъ и козуль. Единственный проходъ въ стѣнѣ составляетъ искусственная брешь. Другой, менѣе правильный кратеръ, заключаетъ въ себѣ большое глубокое пространство по временамъ кипящей воды— озеро Аньяно, которое, какъ полагаютъ, образовалось въ средніе вѣка. Въ окрестностяхъ его, изъ знаменитой „Собачьей пещеры“ течетъ источникъ угольной кислоты, посѣщаемый множествомъ иностранцевъ. Источники сѣрной воды струятся изъ всѣхъ окрестныхъ земель, чему и обязанъ Поццуоли своимъ названіемъ, если правда, что слово это значитъ „Вонючій городъ“. Городъ, въ свою очередь, далъ свое названіе „пуццола“ новой землѣ — размельченной водою лавѣ,—которая доставляетъ превосходный известковый растворъ, употреблявшійся въ древности при постройкѣ амфитеатровъ, храмовъ, виллъ, моловъ и резервуаровъ. Въ Поццуоли замѣтны еще остатки плотины, къ которой примыкалъ значительный мостъ Бай, построенный черезъ заливъ Калигулой.

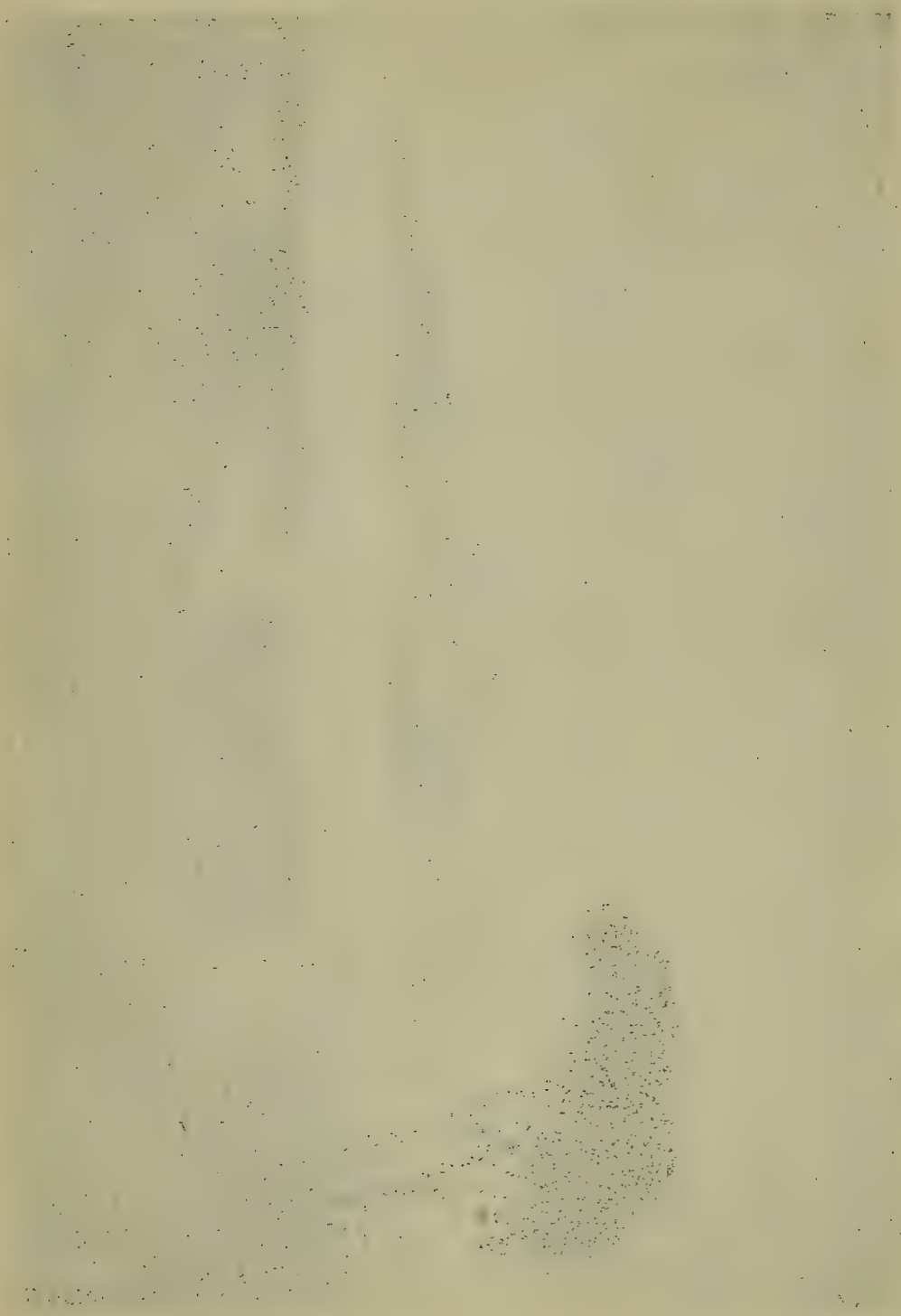
Берега Пуццуольской бухты часто мѣняли свой уровень, хорошо извѣстнымъ доказательствомъ чему служатъ три колонны храма Нептуна, называемаго храмомъ Сераписа. Послѣ римской эпохи, можетъ быть, во время какого нибудь неупоминаемаго въ исторіи изверженія, зданіе осѣло въ воду вмѣстѣ съ берегомъ, на которомъ оно стояло; колонны его должны были купаться въ морѣ въ теченіи многихъ лѣтъ или даже столѣтій, потому что на мраморныхъ ихъ стержняхъ, до высоты метровъ пяти съ половиною, видны оболочки кольчецовъ и многочисленныя дырки, просверленныя камнеточцами. Въ другую эпоху, о которой лѣтописи точно также умалчиваютъ, храмъ снова поднялся изъ воды и притомъ съ такою правильностью движенія, что колоннада частію устояла. Все заставляетъ думать, что этотъ выступъ изъ воды совершился въ 1538 г., когда внутренняя лабораторія лавы и пепла выбросила „Новую Гору“ (*Monte Nuovo*). На низкой равнинѣ, составлявшей продолженіе залива къ сѣверу, въ четыре дня выросъ огромный конусъ въ 130 метровъ высоты и въ нѣсколько километровъ въ окружности. Подъ пепломъ погибла деревня Трипергола; старый берегъ поднялся въ видѣ прибрежной скалы, а у подножья его образовался новый берегъ, называемый Старца, и двѣ водныя поверхности, находившіяся къ западу отъ Монте Нуово, переставъ сообщаться съ моремъ, приняли другую форму.

Ближайшею изъ нихъ къ заливу было знаменитое озеро Лукринъ, которое такъ высоко цѣнилось любителями устрицъ; отъ моря отдѣляла

его простая песчаная коса, разорванная однимъ естественнымъ „грау", чрезъ которое проходили небольшія суда; эта отмель, по преданію, составляла плотину, построенную Геркулесомъ, когда онъ возвращался изъ Иберіи, гоня передъ собою стада Геріона. Съ Лукриномъ, посредствомъ узкаго пролива, соединялось озеро—Авернское, изъ котораго Виргилій, по старинным легендамъ, сдѣлалъ входъ въ преисподнюю. Его прозрачныя и богатыя рыбою воды, глубиною до 120 метровъ, наполняютъ бывшій кратеръ, который теперь не представляетъ ничего страшнаго и не испускаетъ смертоносныхъ газовъ: вопреки этимологіи его названія, птицы свободно летаютъ надъ озеромъ и отдыхаютъ на его берегахъ. Тѣмъ не менѣе вокругъ озернаго кратера носятся еще классическія воспоминанія о языческомъ адѣ: болотистое пространство воды при Средиземномъ морѣ, т. е. озеро Фузаро—сдѣлалось Ахерономъ *ciceroni;* рядомъ съ нимъ существуетъ пещера Цербера; тихій ручей Мертвой Воды, протекающій изъ болота въ море, представляетъ собой Коцитъ; озеро Лукринъ, или скорѣе вытекающій изъ него источникъ—Стиксъ; искусственный гротъ, остатокъ прорытой древними отъ озера Авернскаго къ морю подземной дороги—пещера Сивиллы. Жители Кумъ, древняго халкидскаго города, нѣкоторые остатки котораго еще замѣтны на берегу Средиземнаго моря, между озерами Патрія и Фузаро, принесли въ новую родину миѳы Эллады, которыми овладѣла поэзія и заставила эти миѳы дожить до нашихъ дней.

Для контраста Тартару нужны были и Елисейскія поля,—и дѣйствительно, этимъ именемъ названа часть полуострова Байи, въ которомъ развратные римляне устроили самое очаровательное мѣстечко въ свѣтѣ: всѣ великіе люди имѣли здѣсь свои виллы: Марій, Помпей, Цезарь, Августъ, Тиберій, Клавдій, Агриппина, Неронъ—всѣ жили здѣсь, и дворцы ихъ бывали театромъ многихъ страшныхъ трагедій. Отъ всѣхъ этихъ зданій нынѣ остаются только развалины, на половину обвалившіяся въ воду. Природа взяла верхъ, и единственныя рѣдкости, кромѣ устричныхъ садковъ на озерѣ Фузаро, составляютъ холмы туфа и кратеры. Конечный мысъ, знаменитый мысъ Мизенскій, представляетъ одинъ изъ древнихъ вулкановъ и прежде составлялъ часть гораздо болѣе значительной вулканической группы, заключавшей въ себѣ прелестный островокъ Прочиду, отдѣляющійся отъ берега каналомъ менѣе восемнадцати метровъ глубины. Съ Мизенскаго мыса можно созерцать одинъ изъ самыхъ роскошныхъ видовъ на земномъ шарѣ; отсюда виденъ весь чудесный Неаполитанскій заливъ, этотъ „кусочекъ неба, упавшій на землю". Въ дивной рамѣ, образуемой и моремъ, и Апеннинами, развертываются пе-

ВИДЪ ОСТРОВА КАПРИ.



редъ вами: веселая Искія, грозный Капри, синѣющій вдали мысъ Сорренто, Везувій съ двойнымъ поясомъ, цѣпь городовъ, бѣлѣющихъ вокругъ залива, спускающіеся по склонамъ дома Неаполя и плодородныя равнины Кампаньи.

Островъ Прочида соединяетъ группу Флегрейскихъ полей съ цѣпью островныхъ вулкановъ, которая тянется въ открытомъ морѣ отъ Гаэтскаго залива. Важнѣйшій изъ этихъ острововъ—Искія, почти соперница Везувія по видимой высотѣ своего вулкана Эпомео, окруженнаго десятью или двадцатью побочными конусами, въ которыхъ происходили боковыя изверженія нѣсколько разъ уже въ историческія времена. Въ 1302 г. было большое изверженіе, въ которое трещина изрыгала такую густую лаву, что на ней до сихъ поръ нѣтъ никакой растительности. Замѣчено, что Везувій покоился тогда два столѣтія, и какъ только снова начались его изверженія, то, какъ бы въ силу чередованія вулканической дѣятельности, успокоился въ свою очередь Эпомео. Точно также, когда выступила изъ земли Новая Гора, большой неаполитанскій вулканъ впалъ снова въ состояніе сна, продолжавшагося сто тридцать лѣтъ. Существуетъ или нѣтъ эта предполагаемая поочередность въ движеніи подземныхъ лавъ, но островъ Искія спокоенъ уже пять съ половиною вѣковъ, и естественнымъ путемъ исхода вырабатываемыхъ въ его глубинахъ газовъ служатъ тридцать или сорокъ горячихъ источниковъ, которые, вмѣстѣ съ чистымъ воздухомъ и красотою острова, способствуютъ съ каждымъ годомъ къ усиленію сюда притока иностранцевъ; но въ 1883 г. ужасное землетрясеніе разрушило большую часть города Казамичіолы: 3075 человѣкъ было убито и до 800 раненыхъ вынуто изъ обломковъ. Думаютъ, что образовавшаяся глубокая расщелина произошла по прямой линіи отъ центра Эпомео къ берегамъ Казамичіолы. Быть можетъ, это и такъ, но землетрясеніе съ такою-же вѣроятностью можно объяснить разрушающимъ дѣйствіемъ водъ на скалы.

Островная масса поднялась несомнѣнно уже въ новѣйшую геологическую эпоху, такъ какъ ея трахитовыя лавы покоятся въ многихъ мѣстахъ на глинѣ и мергелѣ, содержащихъ въ себѣ раковины, которыя похожи на живущія еще и нынѣ въ Средиземномъ морѣ. Такія же явленія замѣчаются на берегахъ Поццуоли и Сорренто, но поднятіе острова Искіи было повидимому гораздо значительнѣе, такъ какъ здѣсь можно распознать свѣжіе слѣды раковинъ на высотѣ до 600 метровъ. Но, поднявшись отъ повышенія морскаго дна, нынѣ Искія уменьшается вслѣдствіе размыванія волнами туфовыхъ основаній ея мысовъ. То же самое дѣлается и съ другими вулканическими островами, рядъ которыхъ

продолжается къ сѣверо-западу. Вентотене, древняя Пандатарія, служившая мѣстомъ ссылки римскихъ принцессъ, представляетъ дикую трахитовую скалу, сохранившую на себѣ только нѣчто въ родѣ шапки изъ шлака и пеплу. Все же остальное снесено водою, и два острова, Вентотене и Санъ-Стефано. бывшіе прежде частями одного вулкана, сдѣлались двумя отдѣльными островами. Понца другое ссылочное мѣсто римскихъ временъ, вмѣстѣ съ двумя сосѣдними островами, Пальмаролою и Цанноне, были также обрывками разрушеннаго нѣкогда волнами вулканическаго пояса. Но вулканъ этотъ опирался на извѣстныя массы, какъ и сосѣдній материкъ, потому что восточная оконечность Цанноны состоитъ изъ юрасской скалы, совершенно похожей на Монте Чирчелло, возвышающуюся на римскомъ берегу, какъ разъ противъ послѣдняго острова.

Дорогая и въ то же время страшная для неаполитанцевъ гора Везувій была въ доисторическія времена также вулканическимъ островомъ; морскія раковины, смѣшанныя съ туфомъ Монте Соммы, доказываютъ, что эта часть вулкана была нѣкогда погружена въ воду, а со стороны суши гора и теперь еще окружена низкими равнинами, составляющими продолженіе водпаго моря въ видѣ моря зелени. Извѣстно, какъ эта мирная гора, покрытая прежде богатѣйшими нивами, доходившими до самой ея чернѣющей вершины, внезапно пробудила въ себѣ дремавшую въ ея глубинахъ ужасную силу. Скоро уже восемнадцать вѣковъ, какъ поднятый внезапно куполъ Соммы обращенъ былъ въ порошокъ и взброшенъ въ пространство. Туча пепла, вскинутая въ воздухъ, покрыла всю страну густымъ мракомъ, солнце померкло даже въ Римѣ; казалось, наступала на землѣ вѣчная ночь. Когда въ порыжѣвшемъ небѣ показался, наконецъ, неопредѣленный свѣтъ, все оказалось неузнаваемымъ: гора потеряла свою форму, всѣ нивы исчезли подъ слоемъ мусора и цѣлые города погребены со всѣми неуспѣвшими бѣжать жителями: они начали отыскиваться только въ наше время.

Послѣ этого ужаснаго событія Везувій часто извергалъ лаву и пепелъ; въ 472 году случилось даже, что пепелъ переносился вѣтромъ въ Константинополь, на 1600 километровъ. Въ двухъ послѣдовательныхъ пароксизмахъ никогда не замѣчалось періодичности: Везувій покоился иногда такъ долго, что успѣвали выростать лѣса, которые доходили до самыхъ краевъ кратера; но съ конца семнадцатаго столѣтія изверженія стали чаще: не проходитъ даже десятилѣтія, чтобы не было одного или двухъ изверженій. Каждое изъ нихъ видоизмѣняетъ профиль горы: большой конечный конусъ то имѣетъ самую правильную форму,

то перерѣзывается брешами на двѣ или на три отдѣльныя пирамиды, то въ немъ одинъ простой кратеръ, на днѣ котораго клокочетъ лава, то онъ усѣянъ озерами или бугорками изверженія, или получаетъ огромное жерло, закраины котораго какъ бы вложены одна въ другую или перекрещиваются различнымъ образомъ. Высота горы измѣняется такъ же, какъ и ея форма, и самыя точныя измѣренія при послѣдовательныхъ изверженіяхъ показываютъ различныя высоты, хотя всѣ онѣ вѣроятно уступаютъ высотѣ Соммы до ея большаго изверженія 79 года. Разрушенный остатокъ пояса, окружающаго полумѣсяцемъ древній кратеръ, называемый Атріо дель Кавалло, заставляетъ предполагать, что вулканъ былъ прежде гораздо значительнѣе. Всѣ эти великіе перевороты сопровождались внутренними перемѣнами въ составѣ и въ свойствѣ газовъ. Благодаря близости Неаполя, извѣстны всѣ эти различные фазисы вулканической дѣятельности. *Лѣтописи* Везувія, въ которыхъ подробно описаны всѣ эти явленія, уже настолько богаты, что могутъ служить для сравнительной исторіи всѣхъ вулкановъ, а обсерваторія, построенная на склонахъ конуса и окружаемая иногда огненными волнами лавы, даетъ ученымъ возможность изучать изверженія въ самомъ ихъ источникѣ.

Везувій, какъ и всѣ другіе вулканы, имѣетъ свой округъ горячихъ источниковъ и выходящихъ изъ земли паровъ, но у него вовсе нѣтъ второстепенныхъ конусовъ. Отъ Везувія до самаго центра и даже до восточнаго склона полуострова, нѣтъ ни одного вулкана, кромѣ вулкана Вультуръ. Эта отдѣльная и правильная коническая масса больше самого Везувія; она превосходитъ его высотою вершины и діаметромъ основанія, но въ историческія времена изъ нея, кажется, не было изверженій. Большой кратеръ ея, открытый съ сѣвернаго бока горы, испускаетъ только небольшое количество угольной кислоты при берегахъ двухъ озеръ, наполняющихъ дно воронки. Гора Вультуръ возвышается на продолженіи линіи, проведенной отъ Искіи къ Везувію, и на этой же самой линіи, на половинѣ пути между двумя большими горами, Везувіемъ и Вультуромъ, находится самый обильный въ Италіи источникъ угольной кислоты, которая исходитъ изъ маленькаго озера, или скорѣе лужи, Апсанто, т. е. „Безводушной“, названной такъ вслѣдствіе негодныхъ для дыханія газовъ. Струя кислоты вырывается изъ расщелины съ рѣзкимъ шумомъ, похожимъ на шумъ кузнечнаго мѣха; вокругъ вся земля покрыта остатками насѣкомыхъ, которыя погибали мгновенно, попавъ въ область смертоноснаго газа. На берегу озера римляне воздвигли храмъ „Юноны Мефитійской“.

Высоты неаполитанскихъ вулкановъ суть:

Везувій	1,250	метр.
Эпомео	768	„
Вультуръ	1,328	„
Монте Нуово	134	„
Камальдула	158	„
Рокка Монфина	1,006	„

Какъ ни ужасны бѣдствія, причиняемыя въ южной Италіи вулканическими изверженіями лавы и пепла, но они не такъ велики, какъ несчастія, производимыя землетрясеніями Нѣкоторыя изъ этихъ роковыхъ сотрясеній составляютъ, очевидно, непосредственное слѣдствіе внутренняго движенія лавы; такъ, когда Везувій въ дѣйствіи, то Торре дель Греко и другимъ городамъ, расположеннымъ при подошвѣ горы, грозитъ разомъ двоякая опасность: они могутъ быть разомъ стерты лавою или скорѣе погребены подъ пепломъ и могутъ быть разрушены сотрясеніями земли. Но Базиликата и Калабрія, т. е. области, находящіяся между двумя горами: Везувія и Этны, кромѣ вулканическихъ землетрясеній, испытывали не разъ еще ужасныя колебанія земли, причина которыхъ неизвѣстна. Изъ тысячи землетрясеній, наблюдавшихся въ южной Италіи въ теченіи трехъ послѣднихъ вѣковъ, большая часть обнаруживалась именно въ этой области и притомъ нѣкоторыя изъ нихъ съ ужасающею силою разрушенія.

Самое недавнее великое бѣдствіе было въ декабрѣ 1857 г. въ Потенцѣ и ея окрестностяхъ, и стоило болѣе чѣмъ 10,000 человѣкъ. Но самое ужасное изъ землетрясеній, о которыхъ разсказываетъ исторія, было землетрясеніе 1783 года, поколебавшее оконечность полуострова Калабріи Первый ударъ, начальная точка котораго приходилась почти подъ городомъ Оппидо, въ горахъ Аспромонте, продолжался только сто секундъ, но этого времени было достаточно, чтобы разрушить 109 городовъ и селеній, заключавшихъ въ себѣ 166,000 человѣкъ населенія, изъ которыхъ 32,000 человѣкъ были раздавлены подъ развалинами. Въ этомъ дѣйствіи много значило мѣстное расположеніе земель. Дѣйствительно, изрытые скаты, опирающіеся на бока гранитныхъ горъ Задней Калабріи, составлены изъ третичныхъ формацій, песку, мергеля и глины. Сотрясенія, направляющіяся чрезъ одаренную нѣкоторой упругостью, хотя и очень твердую скалу, распространялись безъ внезапныхъ скачковъ, но, дойдя до подвижныхъ земель, они вдругъ пріостанавливались, движеніе путалось, измѣняло направленіе, и происходили большіе обвалы;

обрушившіеся мергель и глина увлекали за собой нивы и зданія, стоящія на поверхности, и такимъ образомъ, сотрясенія относительно слабыя, какъ въ равнинѣ Санъ Сальвадоръ въ Америкѣ, оканчивались ужасными разрушеніями. Такова причина этихъ странныхъ расщелинъ и разрывовъ почвы, которымъ такъ удивляются ученые, и рисунки которыхъ приводятся во всѣхъ геологическихъ сочиненіяхъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ земля была искрещена трещинами какъ разбитое стекло, и щели эти имѣли недосягаемую для глаза глубину; ручьи свергались въ нихъ и появлялись въ другихъ мѣстахъ въ видѣ озеръ; разжиженный мергель текъ по склонамъ, какъ потокъ лавы, затопляя дома и покрывая поля своимъ безплоднымъ слоемъ. Развалины, перемѣны уровня земли и зіяющія разсѣлины сдѣлали многія мѣстности почти неузнаваемыми. Ко всѣмъ этимъ бѣдствіямъ отъ обваловъ присоединяются бѣдствія, причиняемыя сотрясеніями моря. Большая часть населенія Сциллы, боясь оставаться на колеблющемся берегу, спаслась на суда, но вдругъ обрушилась въ воду громадная масса земли, оторвавшейся отъ ближайшей горы —и волна ударилась въ берегъ уже съ остатками изломанныхъ судовъ. Затѣмъ наступилъ голодъ, вслѣдствіе недостатка провизіи, и естественное послѣдствіе подобныхъ бѣдствій—тифъ.

Если невозможно предвидѣть землетрясенія и потому предохранить себя отъ нихъ иначе, какъ болѣе разумнымъ устройствомъ домовъ, то по крайней мѣрѣ существуетъ еще причина нищеты и обезлюдѣнія, которую могутъ устранить жители Неаполитанской области такъ, какъ удавалось это ихъ предкамъ. Во времена грековъ, прибрежныя болота были, конечно, далеко не такъ многочисленны, какъ нынѣ; но войны и возвращеніе населенія къ состоянію варварства нарушили порядокъ распредѣленія водъ и, слѣдовательно, испортили самый климатъ. Байя, мѣсто по преимуществу здоровое, дачный городъ падкихъ къ наслажденіямъ римлянъ, сдѣлался нынѣ гнѣздомъ лихорадки. Точно также древній Сибарисъ, городъ роскоши и удовольствій, замѣнился лужами равнины лихорадокъ (*Febbrosa*) „гнилою землею, которая пожираетъ людей больше, чѣмъ можетъ прокармливать ихъ“. Болотные міазмы составляютъ тотъ бичъ, который, вмѣстѣ съ нищетою и невѣжествомъ, пожираетъ жителей Апуліи, Базиликаты и Калабріи. Азіятскія болѣзни, какъ элефантіазисъ и настоящая проказа, опустошаютъ населеніе, которому плодородіемъ почвы и превосходствомъ природнаго климата предназначено большое благосостояніе.

Дѣйствительно, неаполитанскія страны, названныя такъ удачно „континентальною Сициліею“ во времена господства норманновъ, осно-

вавшихъ королевства двухъ Сицилій, представляютъ счастливую область. Западный склонъ, орошаемый достаточнымъ количествомъ ежегодныхъ дождей, могъ бы въ особенности сдѣлаться громаднымъ садомъ, какъ сдѣлались уже садами нѣкоторыя его прибрежныя мѣста: Сорренто, Салерно и Реджіо. Средняя температура въ Неаполѣ—полутропическая; зимою она не бываетъ ни на одинъ градусъ ниже средней годовой температуры Парижа. Снѣгъ выпадаетъ здѣсь очень рѣдко и только на вершинахъ горъ иногда лежитъ по цѣлымъ недѣлямъ и мѣсяцамъ. Въ плодовыхъ садахъ на берегу моря растительность совмѣщаетъ въ себѣ все южное богатство: апельсинныя и лимонныя деревья, покрытыя прекраснѣйшими плодами, выростаютъ здѣсь до полныхъ, большихъ размѣровъ, финиковыя пальмы, группируясь въ рощи, развертываютъ здѣсь свои вѣерные листья, а иногда, какъ напримѣръ въ Реджіо, приносятъ зрѣлые плоды; американская агава вздымаетъ свои высокіе листья, идущіе сверху, какъ на капителяхъ колоннъ; сахарный тростникъ, хлопчатникъ и другія промышленныя растенія, которыя въ остальной Европѣ рѣдко выставляются изъ оранжерей, живутъ здѣсь въ поляхъ на полной свободѣ. Что касается маслины, дерева, свойственнаго по преимуществу берегамъ Средиземнаго моря, то въ Калабріи оно растетъ цѣлыми прекрасными лѣсами, которые также тѣнисты, какъ наши буковыя рощи. Даже скала, едва посыпанная плодородною землею и не имѣющая повидимому никакой влажности, обладаетъ большимъ плодородіемъ; на террасахъ многихъ мысовъ съ вертикальными скалами разведены виноградные и фруктовые сады, приносящіе превосходные плоды. Вмѣстѣ съ Сициліей, Андалузіей, нѣкоторыми мѣстностями Греціи и Малой Азіи, Неаполитанская область представляетъ по истинѣ идеалъ умѣренно-теплаго пояса. Только нѣкоторыя степи адріатическаго склона и высокія долины Апеннинъ напоминаютъ центръ Европы и составляетъ противоположность великолѣпію прибрежной растительности.

Климатическія данныя для Неаполя изъ наблюденій 1866—1882 гг. суть слѣдующія:

Наивысшая температура . . .	+ 40°
Наименьшая „ . . .	— 5°
Средняя годовая	+ 15°,9
Годовое количество дождя . .	0м,824

Эта дивная страна населена народомъ весьма различнаго происхожденія. Не восходя ко временамъ историческимъ, вы найдете самые разнообразные элементы въ племенахъ, смѣшавшихся для образованія нынѣшнихъ неаполитанцевъ.

Двѣ тысячи триста лѣтъ тому назадъ не только Апеннины, но и все пространство въ ширину полуострова отъ одного моря до другаго занимали самниты. Будучи многочисленнѣе римлянъ, владѣя болѣе обширными землями, они сдѣлались бы завоевателями Италіи, если бы обладали связью, духомъ организаціи и дисциплиною, составлявшими силу ихъ противниковъ. Но, раздѣляясь на пять отдѣльныхъ группъ, говоря пятью различными итальянскими нарѣчіями, они не представляли достаточно опредѣленной національной индивидуальности. Самниты горъ враждовали съ своими братьями равнинъ; самниты, сохранившіе свои варварскіе древніе нравы, вели открытую войну съ эллинизованными самнитами, жившими въ сосѣдствѣ прибрежныхъ греческихъ городовъ.

Всѣ южные берега итальянскаго полуострова, отъ древняго города Кумъ, основаннаго болѣе чѣмъ за тысячу лѣтъ до нашей эры купцами изъ Малой Азіи, до Сипунтума, отъ котораго теперь существуютъ кое-какія развалины, къ югу отъ новой Манфредоніи,—были окаймлены греческими городами. Основа населенія въ этихъ мѣстахъ южной Италіи сильно отличается отъ населеній другихъ частей полуострова. Къ сѣверу отъ Монте Гаргано, господствовали кельтскій, этрусскій и латинскій элементы, между тѣмъ какъ въ южныхъ частяхъ преобладали повидимому эллины, пелазги и союзныя съ ними племена. Не только цивилизованные греки, эолійцы и дорійцы основывали здѣсь достаточно колоній для образованія „Великой Греціи“, но и сами туземцы, варвары, япиги, говорили языкомъ, который, какъ полагаютъ, былъ весьма близокъ къ языку эллинскому; быть можетъ, и основательна гипотеза Моммзена, который видитъ въ нихъ потомковъ племенъ того же происхожденія, какъ и албанцы противуположнаго берега Адріатическаго моря, во всякомъ случаѣ, они были родственны грекамъ по крови, и это родство способствовало быстрой эллинизаціи народа.

Впослѣдствіи, всѣ южане Италіи, потомки япиговъ и грековъ, должны были преклониться предъ всемогуществомъ Рима и принимать къ себѣ его ветерановъ и колонистовъ, но никогда они вполнѣ не латинизировались. Они дали Риму почти всѣхъ первыхъ писателей и учителей поэзіи: Андроника, Эннія, Невія, но все-таки съ трудомъ говорили на языкѣ побѣдителей. Послѣ паденія римской имперіи, власть константинопольскихъ Цезарей, которая еще долго могла держаться въ южной имперіи, доставила греческому языку значеніе языка господствующаго, а затѣмъ мало по малу взяли верхъ латинизованныя нарѣчія. Но само невѣжество и варварство, въ которое снова впали жители полугреческихъ странъ, не позволили имъ примѣниться къ окружавшей ихъ новой средѣ,

они сохранили частію свой языкъ и свои нравы, и еще въ наше время многія мѣстности южныхъ провинцій кажутся итальянскими только по виду—и теперь еще указываютъ на восемь деревень Отрантской области, въ которыхъ говорятъ на пелопонезско-эллинскомъ нарѣчіи, но жители ихъ, вѣроятно,—потомки средневѣковыхъ бѣглецовъ. Не даромъ, конечно, Тирренское море сохраняетъ все-таки названіе Іоническаго. И города Неаполь или Наполи, Никестро, Тарентъ, Галлиполи, Монополи, сохраняя свои звучныя греческія названія, сохранили и въ своемъ населеніи такія черты, которыя напоминаютъ времена Великой Греціи.

Изъ всѣхъ неаполитанскихъ городовъ употребленіе греческаго языка держалось, повидимому, всего долѣе въ Реджіо или „Городѣ пролива“ (прорыва): патриціи города, которые хвалятся своею чистою іонійскою кровью, еще въ концѣ предшествовавшаго вѣка объяснялись, говорятъ, на языкѣ своихъ предковъ. Во многихъ внутреннихъ деревняхъ, гдѣ древнихъ нравовъ не измѣняли ни торговыя, ни военныя нашествія, греческій языкъ былъ также недавно мѣстнымъ нарѣчіемъ, и пѣсни, собранныя въ Бовѣ, мѣстечкѣ, расположенномъ близъ южной окопечности Италіи, представляютъ прекрасное іонійское нарѣчіе, которое приближается больше къ языку Ксенофонта, чѣмъ къ новогреческому. Въ Роккофортѣ дель Греко, въ Кондофури и Кардето всѣ крестьяне недавно еще говорили по-гречески, и когда являлись на суды въ качествѣ свидѣтелей или обвиняемыхъ, то чиновники должны были приглашать переводчиковъ. Нынѣ же всѣ молодые люди говорятъ по-итальянски, и родной языкъ забытъ, хотя древній типъ ихъ еще сохранился. Въ Кардето и мужчины, и женщины отличаются замѣчательною красотою: „здѣсь всѣ Минервы“, говоритъ историкъ страны. Главное занятіе и источникъ благосостоянія въ ихъ селеніи — это служитъ кормилицами реджійскихъ буржуа. Женщины Баньяры, между Сциллою и Пальми, точно также отличаются удивительною красотою, которая вошла въ пословицу, но типъ у нихъ нѣсколько суровый, что составляетъ, какъ думаютъ, черту арабскаго происхожденія; въ лицѣ ихъ нѣтъ благородной кротости греческаго лица.

Разсказываютъ, что женщины эллинскихъ селеній въ Калабріяхъ часто исполняютъ одинъ священный танецъ, который длится по цѣлымъ часамъ и совершенно похожъ на танецъ, изображаемый на древнихъ вазахъ; только онѣ танцуютъ передъ церковью, а не передъ языческимъ храмомъ, по благословенію священника. На похоронахъ, мертвеца провожаютъ плакальщицы, которыя испускаютъ крики и тщательно собираютъ свои слезы въ слезницы. Въ иныхъ мѣстахъ, напримѣръ въ

окрестностяхъ Тарента, дѣти посвящаютъ свои волосы душамъ умершихъ родственниковъ. Съ древними правами сохранилась, конечно, и древняя мораль. Женщина считается существомъ низшимъ относительно мущины, и положеніе ея въ этой части Великой Греціи въ теченіи двухъ тысячъ лѣтъ почти не измѣнилось. Даже въ Реджіо жены буржуа и благородныхъ, сообразуясь съ преданіемъ, живутъ въ гинекеяхъ, въ театръ вовсе не ходятъ, изъ дому выходятъ рѣдко и гуляютъ въ сопровожденіи не мужей, а босоногихъ горничныхъ.

Къ самнитскимъ, япигскимъ и греческимъ элементамъ, составившимъ главную массу населенія южной Италіи, надо присоединить еще этрусковъ Кампаніи, сарацинъ, поселившихся на полуостровѣ Гаргано, а также людей, которые считаются ихъ потомками въ Кампаньи, во „флотѣ“ Реджіо, на Бапьярѣ и во многихъ другихъ прибрежныхъ городахъ; потомъ ломбардовъ Беневента, которые еще восемьсотъ лѣтъ тому назадъ говорили на своемъ языкѣ; норманновъ, дѣти которыхъ теперь пасутъ скотъ въ горахъ; французовъ, наконецъ, испанцевъ, встрѣчающихся во многихъ прибрежныхъ городахъ, особенно въ Барлеттѣ въ Апуліи. Изъ всѣхъ инозем цевъ, поселившихся въ южной Италіи, самый значительный контингентъ въ послѣдніе вѣка составляли, вѣроятно, албанцы, которыхъ много на всемъ восточномъ склонѣ полуострова, отъ мыса Гаргано до оконечности Калабріи. Одинъ изъ ихъ клановъ основался въ Италіи въ 1440 г., но большое переселеніе совершилось во второй половинѣ пятнадцатаго вѣка, послѣ геройскихъ схватокъ, поддерживавшихся великимъ Скандербегомъ; побѣжденные шкипетары не имѣли тогда никакого инаго средства для избѣжанія мусульманскаго ига, кромѣ выселенія изъ отечества. Неаполитанскіе короли, довольные тѣмъ, что они могли набирать въ свою армію столь храбрыхъ солдатъ, уступали албанскимъ семействамъ много разрушенныхъ деревень и необработанныхъ земель, которыя теперь принадлежатъ къ числу наилучше воздѣланныхъ мѣстъ южной Италіи. Потомки шкипетаровъ, поселившіеся большею частію въ Базиликатѣ и Калабріи, принадлежатъ къ числу самыхъ полезныхъ гражданъ Италіи: они стояли во главѣ интеллектуальнаго движенія въ бывшемъ Неаполитанскомъ королевствѣ и, когда дѣло дошло до освобожденія его отъ Бурбоновъ, были въ числѣ первыхъ въ освободительной арміи Гарибальди. Множество албанцевъ совершенно итальянизировались, но и теперь еще существуетъ болѣе 80,000 человѣкъ, которые не забыли ни своего происхожденія, ни языка.

Какова бы ни была доля участія различныхъ этническихъ элементовъ въ составленіи неаполитанскаго народонаселенія, не подлежитъ

никакому сомнѣнію, что народъ этотъ самый красивый въ Европѣ. Калабрійцы, горцы Молизы, поселяне Базиликаты имѣютъ прекрасное тѣлосложеніе, прекрасную осанку и столько гибкости въ членахъ и живости въ походкѣ, что и не приходитъ въ голову упрекать ихъ за ихъ небольшой, по сравненію съ сѣверными народами, ростъ. Вы не замѣчаете также и того, что у многихъ неаполитанскихъ женщинъ черты лица не совсѣмъ правильны,—такъ подвижна и выразительна ихъ физіономія. Лица дѣтей, съ большими черными глазами и изящно сформированнымъ ртомъ, блестятъ живѣйшимъ умомъ, хотя пошлость нищенской жизни, на которую осуждена большая часть ихъ, заставляетъ наконецъ потухать этотъ взглядъ и придаетъ лицу униженное выраженіе. Но страшное невѣжество, тяготѣющее надъ народомъ, не мѣшаетъ ему быть прекрасно одареннымъ отъ природы. Страна, въ которой было столько великихъ людей, начиная съ почти миѳическихъ временъ Пиѳагора, не можетъ быть ниже никакой другой по правильному генію населенія. Ея философы, историки, юристы имѣли могучее вліяніе на движеніе человѣческой мысли; число первостепенныхъ музыкантовъ, доставленное ею міру, также относительно весьма значительно. Неаполитанцамъ свойственно пѣть природу и жизнь, да и есть ли на землѣ люди, которые бы дышали такимъ воздухомъ и были окружены такими полями и водами?

И однако же большинство жителей южной Италіи во многихъ отношеніяхъ занимаетъ еще послѣднее мѣсто между европейцами. Со временъ свободныхъ эллинскихъ городовъ, временъ подобныхъ періоду, который переживали въ другомъ циклѣ исторіи республики сѣверной Италіи, страна никогда не принадлежала сама себѣ—она только мѣняла господъ: всѣ завоеватели насильно опустошали ее или систематически притѣсняли. За исключеніемъ Амальфи, ни одинъ неаполитанскій городъ не имѣлъ счастія управляться долго самъ собою, какъ это дѣлали многіе города Сѣверной Италіи. Географическое положеніе страны, занимаемой Великою Греціею, ставило ее въ особенно опасное положеніе; находясь въ центрѣ Средиземнаго моря, она была на пути всѣхъ пиратовъ и грабителей: сарацинъ или норманновъ, испанцевъ или французовъ, а отсутствіе всякой естественной связи между различными областями страны не позволяло населеніямъ противустоять имъ. Югъ Италіи не имѣетъ большаго рѣчнаго бассейна, какъ Ломбардія, Тоскана, Умбрія и Римъ, онъ не имѣетъ, такъ сказать, центра тяжести и разбѣгается во всѣ стороны по отдѣльнымъ склонамъ. Этотъ недостатокъ географическаго единства

отнялъ у страны политическую индивидуальность и заранѣе предалъ ее иностранцамъ.

Политическое правленіе, подъ которымъ жило неаполитанское населеніе, недавно еще было однимъ изъ самыхъ унизительныхъ, почему всякое свободное стремленіе должно было заглохнуть. „Моему народу нѣтъ надобности думать!“ писалъ неаполитанскій король Фердинандъ II. Запрещенныя цензурою мысль и слово, изъ страха или изъ невѣжества, считались преступленіями и наказывались съ величайшею жестокостью. Никакого не было права, кромѣ пищенства и нравственнаго растлѣнія! Наука должна была уничижиться, исторія должна была скрываться въ археологическихъ катакомбахъ, остатокъ литературной жизни могъ держаться только своею испорченностью и мелочностью; немного было неаполитанцевъ, которые, не прибѣгая къ эмиграціи, добивались силою энергіи мѣста въ ряду знаменитыхъ людей Италіи. Внѣ большихъ городовъ школы были почти неизвѣстны и вездѣ состояли подъ бдительнымъ надзоромъ полиціи; на людей, умѣвшихъ читать и писать, смотрѣли дурно, и чтобы не быть обвиненными въ принадлежности къ какому нибудь тайному обществу, эти люди должны были прибѣгать къ лицемѣрію. Старые предразсудки сохраняли все свое владычество, и масса народа, по обрядамъ своимъ все еще япигская и греческая, т. е. языческая, предавалась настоящимъ галлюцинаціямъ въ вѣрованіи своемъ въ міръ духовъ: она стоила въ этомъ отношеніи далматскихъ морлаковъ и албанцевъ. Извѣстно, съ какимъ идолопоклонническимъ неистовствомъ населеніе Неаполя и теперь еще кидается на землю передъ статуею св. Януарія и какими оскорбленіями осыпаетъ его, когда онъ опаздываетъ источать свою чудесную кровь. То же самое и въ другихъ неаполитанскихъ городахъ: въ каждомъ изъ нихъ есть свой обожаемый патронъ, или скорѣе свой богъ; но если этотъ богъ не покровительствуетъ народу, его унижаютъ, какъ врага. Еще въ 1858 году калабрійскіе поселяне, раздраженные продолжительною засухою, сажали своихъ уважаемыхъ святыхъ въ тюрьму. Около того же времени, Барлетта въ Апуліи имѣлъ плачевную честь быть послѣднимъ городомъ въ Европѣ, гдѣ сжигались протестанты, и составилъ такимъ образомъ продолженіе традиціи о рѣзнѣ оставленныхъ истребителями ваатландцевъ Калабріи. Вотъ какой фанатизмъ существуетъ еще во второй половинѣ девятнадцатаго столѣтія!

Число вѣнчавшихся, не умѣвшихъ подписать свое имя, въ 1868 году было слѣдующее:

	мужчинъ	женщинъ
Кампанья, провинція наиболѣе образованная.	69 изъ 100	88 изъ 100
Базиликата, наименѣе образованная	85 — „	96 — „

Одинъ изъ главныхъ предразсудковъ неаполитанцевъ относится къ „дурному глазу“. Несчастный, котораго судьба наградила крючковатымъ носомъ и большими круглыми глазами, считается разносителемъ порчи, *jettatore*, и, какъ бы онъ ни былъ честенъ, его всякій избѣгаетъ, какъ существа роковаго. Если кто нибудь, по несчастію, подпадетъ подъ гибельное вліяніе его глаза, долженъ поспѣшить сдѣлать ему рога или оградить себя силою какого нибудь амулета, въ родѣ *fascinum* древнихъ; коралловые талисманы особенно сильны, и многіе, отрицающіе ихъ силу, первые пользуются ими Что касается калабрійскихъ поселянъ, то большая часть ихъ носятъ подъ рубашкою изображенія святыхъ, покрывая ими всю грудь, какъ щитомъ. Домашнія животныя и дома должны быть также защищаемы силою священныхъ предметовъ и домашнихъ боговъ. Въ Реджіо почти всѣ, а можетъ быть и всѣ, дома защищаются отъ нечистыхъ вліяній однимъ видомъ кактуса, который ставится около дверей или на балконѣ—и извѣстенъ во всей странѣ подъ именемъ *albero del mal'occhio*,—„дерево отъ дурнаго глаза“.

Послѣ суевѣрія, однимъ изъ сильныхъ бѣдствій южной Италіи является разбойничество. Имя Калабріи тотчасъ же возбуждаетъ въ умѣ представленіе о убійствахъ и вооруженныхъ схваткахъ; при разговорахъ объ этой странѣ тотчасъ же приходятъ въ голову бандиты, шляющіеся въ горахъ въ живописномъ костюмѣ съ винтовкой въ рукѣ. Къ несчастію, „калабрійскій разбойникъ“ не простой миѳъ, представляемый въ драмахъ и операхъ—онъ существуетъ на самомъ дѣлѣ, и ни перемѣны въ политическомъ управленіи, ни строгость законовъ, ни даже организованная столько разъ охота на человѣка не могли уничтожить его. Часто, послѣ продолжительныхъ облавъ и долгой ружейной пальбы, кажется, что разбойники совершенно истреблены, и власти мѣняются взаимными оффиціальными поздравленіями; но это всегда оказывается только непродолжительною отсрочкою, и убійства начинаются еще хуже.

Но не месть, какъ въ Сардиніи и Корсикѣ, а почти всегда бѣдность заставляетъ калабрійскаго крестьянина браться за оружіе. Въ этой странѣ, гдѣ феодализмъ отмѣненъ только юридически, а въ дѣйствительности тѣмъ не менѣе существуетъ, вся земля скуплена немногими крупными землевладѣльцами, и, слѣдовательно, крестьянинъ, или *cafone*, осужденъ жить обременительнымъ и плохо оплачиваемымъ трудомъ. Въ урожайные годы, когда ржи, каштановъ и вина довольно на содержаніе его и его семейства, онъ работаетъ безъ жалобъ, но какъ только начинаетъ чувствоваться недостатокъ, тотчасъ же появляются и разбойники. Соединяясь противъ общаго врага, феодальнаго собственника, *gualano*, они

поджигаютъ его домъ, крадутъ скотъ, хватаютъ, если можно, его самого, и выпускаютъ только за крупный выкупъ. Нѣкоторые изъ этихъ бандитовъ дѣлаются наконецъ дикими звѣрями, жаждущими крови; но пока только они ограничиваются своею первою ролью, ролью „защитниковъ утѣтенныхъ“, они могутъ разсчитывать на соучастіе всѣхъ другихъ крестьянъ: горные пастухи приносятъ имъ молока, провизіи, предупреждаютъ ихъ объ опасности и обманываютъ преслѣдующихъ ихъ карабинеровъ. Всѣ бѣдняки составляютъ за нихъ союзъ, всѣ отказываются доносить и свидѣтельствовать противъ нихъ. Большая часть весьма добросовѣстныхъ, по своему, неаполитанскихъ разбойниковъ отличается чрезвычайною набожностью: они даютъ обѣты Богородицѣ и своему спеціальному патрону, обѣщаютъ часть добычи и, въ случаѣ удачи, дѣйствительно приносятъ ее набожно къ алтарю Говорятъ, что многіе изъ нихъ, не довольствуясь покрывающими ихъ тѣло амулетами, дѣлаютъ на рукѣ надрѣзъ и вводятъ туда частицу св. даровъ, сообщая такимъ образомъ смертельную силу всякой пулѣ своего ружья.

Крайняя нищета поселянъ южной Италіи породила еще болѣе ужасное занятіе, чѣмъ разбои, а именно—торговлю дѣтьми. Въ неаполитанскихъ городахъ семьи многочисленны; но смертность между новорожденными чрезвычайно сильна, и тысячи ихъ предоставляются общественной благотворительности или безпечности. Кромѣ того, по деревнямъ, особенно въ Базиликатѣ, шляются иностранные промышленники, христіане и евреи, которые за какой нибудь жалкій кусокъ покупаютъ у голодныхъ родителей ихъ мальчиковъ и дѣвочекъ; чѣмъ дитя красивѣе и умнѣе, тѣмъ больше оно имѣетъ шансовъ попасть въ каторгу къ торговцу человѣческимъ мясомъ. Послѣдніе, хотя имъ и угрожаютъ недавно изданными законами, чувствуя себя подъ покровительствомъ обычая и гнусныхъ сообщниковъ, перевозятъ свой живой товаръ во Францію, въ Англію, даже въ Соединенные Штаты, и дѣлаютъ изъ дѣтей акробатовъ, шарманщиковъ, уличныхъ пѣвцовъ или просто нищихъ. Въ этой постыдной торговлѣ разсчитано все: предприниматели знаютъ напередъ, сколько имъ будетъ стоить перевозка и смертность, сколько принесутъ имъ трудъ и порочность ихъ маленькихъ невольниковъ. Мѣстечко Виджіано въ Базиликатѣ спеціально эксплоатируется ими, такъ какъ жители его отличаются способностью къ музыкѣ: всѣ играютъ на какомъ нибудь инструментѣ съ замѣчательнымъ природнымъ вкусомъ.

Добровольное переселеніе также начинаетъ все болѣе и болѣе усиливаться, и если бы правительство не приняло мѣръ противъ уклоненія молодыхъ людей отъ конскрипціи, то нѣкоторыя мѣстности быстро обез-

людѣли бы на пользу Южной Америки, и остались бы только самые бѣдные поселяне. Но каковы бы ни были препятствія, эмиграціонное движеніе стало уже весьма важнымъ средствомъ противъ разбойничьихъ нравовъ и, благодаря устанавливаемымъ имъ новымъ отношеніямъ между двумя полушаріями, оно, лучше всѣхъ оффиціальныхъ мѣръ, послужитъ къ умственному и нравственному обновленію этого грубаго населенія. Впрочемъ, дороги, проводимыя со всѣхъ сторонъ въ горную часть Неаполитанской области, желѣзныя дороги побережья и усиленіе промышленности близъ большихъ городовъ неминуемо должны уподобить постепенно южную Италію другимъ провинціямъ полуострова и остальной Европы. Это вовсе не будетъ, конечно, средствомъ устраненія нищеты, но, перемѣщаясь, она приметъ только другую форму: разбои и торговля дѣтьми прекратятся, но, увы! ихъ замѣнитъ рабочій пролетаріатъ.

Въ настоящее время неаполитанскія провинціи представляютъ почти исключительно страну скотоводства и хлѣбопашества. *Tavoliere* Апуліи и возвышающіяся надъ ними горы большею частію представляютъ еще, какъ мы видѣли, мѣста пастбищъ и выгоновъ скота; недавно еще пастухи Абруццъ должны были каждую зиму спускаться въ Апулію и занимать пастбища по старымъ феодальнымъ обычаямъ. Теперь это уже излишне, такъ какъ скотоводство уменьшается не по днямъ, а по часамъ — съ 5.000,000 головъ оно упало на 500,000. Между тѣмъ большая часть удобныхъ земель состоитъ въ распашкахъ. Какъ и во времена Рима, онѣ производятъ въ особенности зерновые хлѣба, и даже въ изобиліи, масла, вина, и кромѣ того на нихъ разводится табакъ, хлопчатникъ, марена и нѣкоторыя другія промышленныя растенія. Безъ особой заботы, всѣ эти продукты могутъ достигнуть рѣдкой степени совершенства; масла Апуліи требуются все больше и больше и начинаютъ входить въ конкурренцію съ маслами Прованса. Что касается винъ, то вина, производимыя на шлакахъ Везувія, всегда пользовались величайшею знаменитостью, и къ извѣстнымъ уже заводамъ начинаютъ присоединяться время отъ времени еще новые: такъ, фалернское Горація, получаемое на Флегрейскихъ поляхъ, на склонахъ Монте Барбаро, которое прежде едва можно было пить, нынѣ оспариваетъ первенство у лакрима кристи съ Везувія и бѣлаго вина съ острова Капри. Провинція Отрантъ, еще недавно не имѣвшая виноградниковъ, уже производитъ теперь значительное количество винъ.

Такъ какъ въ производствѣ земледѣльческихъ продуктовъ участвуетъ почти исключительно только прибрежный поясъ, то неаполитанская торговля, относительно впрочемъ весьма слабая, производится почти един-

ственно морскимъ путемъ; простыя же и желѣзныя дороги принимаютъ въ торговомъ движеніи весьма незначительное участіе. Внутреннія земли, обработываемыя еще первобытными способами, въ большей же части своего пространства и совсѣмъ необработываемыя, даютъ торговому движенію земель ничтожное количество продуктовъ, а почти полное отсутствіе металлическихъ рудъ дѣлаетъ эту часть непривлекательною для заселенія извнѣ. По торговлѣ, равно какъ по географическому рельефу и по историческому развитію, Южная Италія совершенно лишена естественнаго центра и живетъ только своими окраинами. Но эта страшная противуположность между прибрежнымъ поясомъ и внутренностью страны, при распространеніи торговли и обмѣна идей, должна неминуемо сгладиться въ недалекомъ будущемъ.

Такъ какъ жизнь южной Италіи была, въ сущности, такъ сказать, эксцентричною и морскою то, конечно, на берегу моря и были основаны ея самые богатые и многолюдные города. Двѣ тысячи пятьсотъ лѣтъ тому назадъ, когда цивилизація шла изъ Греціи, а западная Европа была еще населена варварами, самые значительные города должны были, какъ мы уже говорили, возникнуть на берегахъ Іоническаго моря; но когда властелиномъ Италіи и всего извѣстнаго міра сдѣлался Римъ, Великая Греція должна была, такъ сказать, повернуться кругомъ, и Сибарису и Таренту наслѣдовалъ Неаполь. Съ этого времени онъ всегда сохранялъ свое преобладаніе, такъ какъ обращенъ не только къ Риму, но и къ Италіи, Франціи и Англіи, однимъ словомъ,—къ западной Европѣ. Такова была, независимо отъ лютости завоевателей и безпечности мѣстныхъ жителей, причина, заставившая корабли покинуть прекрасный Тарентскій портъ и допустившая порости травою и лишаями развалины нѣкогда величайшаго въ Имперіи города Сибариса. Эти два города были расположены такъ прекрасно на внутреннихъ углахъ обширнаго залива! Но неопредолимое теченіе Имперіи прошло чрезъ нихъ и оставило ихъ за собою, какъ обломки разбитаго корабля!

Неаполь, „новый городъ“ кумцевъ, уже въ теченіе многихъ вѣковъ былъ многолюднѣйшимъ городомъ Италіи; и теперь число его жителей еще на треть болѣе, чѣмъ въ Римѣ. Уже во времена Страбона Неаполь былъ большимъ городомъ. Всѣ греки, получавшіе деньги за обученіе наукамъ или за какія либо другія занятія, и желавшіе провести послѣдніе дни свои въ покоѣ, выбирали себѣ именно прекрасный городъ съ эллинскими нравами, съ климатомъ, похожимъ на климатъ ихъ отечества. Многіе римляне слѣдовали ихъ примѣру, и Неаполь съ ближайшими къ нему, основанными вокругъ залива, колоніями сдѣлался такимъ образомъ

по преимуществу мѣстомъ мира и удовольствія. Въ настоящее время не только изъ Рима, но и изъ всѣхъ странъ Европы и Новаго Свѣта, свободные люди стекаются въ Неаполь наслаждаться прелестью жизни подъ благодатнымъ небомъ, среди природы, почти ни съ чѣмъ несравнимой по красотѣ, въ обществѣ шумно-веселыхъ людей,—„мастеровъ въ искусствѣ покричать“, какъ говоритъ Алфіери. Съ высотъ Каподимонте и со всѣхъ другихъ холмовъ, покрытыхъ виллами и рощами, окружающими огромный Неаполь, открывается дивное зрѣлище: эти разбросанные острова столь разныхъ очертаній, эти мысы, выступающіе города, что тянутся при подошвѣ прибрежныхъ холмовъ, корабли, которые плывутъ по морю, какъ большія птицы, парящія въ лазури, весь общій видъ этой чудной бухты, которую греки назвали „Чашею“,—составляетъ дѣйствительно очаровательную картину. Даже Везувій съ сѣрою вершиною днемъ, съ красною—ночью, съ дымомъ, извивающимся подъ вѣтромъ, съ своею вѣчною угрозою, прибавляетъ къ наслажденію жизнью что-то пикантное.

Неаполитанцы счастливый народъ, если только это можно сказать о какой нибудь части человѣчества. Во всякомъ случаѣ, они умѣютъ наслаждаться всѣми благами, какія пожелаетъ имъ удѣлить природа, а когда она обойдется съ ними, какъ мачиха, они довольствуются тѣмъ, что она даетъ имъ. Благодаря своему природному уму, они могутъ все понять и все предпринять, но, не любя усилій, они легко оставляютъ начатое дѣло и забавляются надъ своими собственными неудачами. Путешественники любили пространно описывать типъ *lazzarone*, этого лѣниваго гуляку, который, драпируясь въ какія нибудь холстинныя лохмотья, спалъ на берегу моря или на ступенькахъ церкви и отказывался съ спокойнымъ презрѣніемъ отъ всякаго труда, пока имѣлъ дневное пропитаніе. Представители этого типа существуетъ всегда, и не въ одномъ только Неаполѣ; но все болѣе и болѣе подавляющія требованія матерьяльной жизни, громадный механизмъ нынѣшняго общества, съ его тысячами колесъ, прибираетъ къ рукамъ большую часть этихъ праздныхъ оборванцевъ, пріучаетъ ихъ къ труду и даетъ понять имъ всю тяжесть нищенства; впрочемъ, смерть быстро подбираетъ ихъ, потому что гигіена имъ вовсе неизвѣстна, а жилищами имъ большею частію служатъ сырые и грязные подвалы или *bassi* подъ дворцами и городскими домами. Неаполь, раскинувъ свои дома вплоть до предмѣстій, яркимъ поясомъ опоясавшихъ подошву Везувія, кажется безконечнымъ городомъ, но, сравнительно съ своимъ населеніемъ, самый городъ въ сущности очень не великъ. Во всей Европѣ найдется немного городовъ, гдѣ-бы жители были такъ скучены, какъ въ Неаполѣ: въ городскихъ кварталахъ на

ВИДЪ НЕАПОЛЯ.

каждаго жителя приходится лишь отъ 15 до 16 кв. метровъ пространства, а въ Портовомъ кварталѣ небольше 7—8, тогда какъ въ Лондонѣ на каждаго обитателя считается до 344 кв. метровъ. Еще недавно чистой годной для питья воды было такъ мало, что ея часто не хватало жителямъ бѣдныхъ кварталовъ, и площадки городскихъ фонтановъ были мѣстомъ ожесточенныхъ схватокъ. Изъ десяти тысячъ колодцевъ, разсѣянныхъ по городу, четыре пятыхъ были осквернены сточными водами, которыя, соединяясь въ безчисленные каналы, почти не проточные, подходили къ самымъ фундаментамъ домовъ, распространяя вокругъ себя смрадъ и и заразу. Но послѣ холеры 1884 года, нашедшей себѣ въ этихъ нечистотахъ дѣятельнаго пособника, и необходимость улучшить гигіеническія условія города стала очевидна. Правительство ассигновало 100 милліоновъ франковъ на очистку Неаполя. Бѣднѣйшіе, наиболѣе скученные кварталы были разрѣжены, и излишекъ народонаселенія поселился взамѣнъ этого въ новыхъ кварталахъ, раскинувшись въ сторону Везувія и на сосѣднихъ съ городомъ высотахъ. Сѣть сточныхъ канавъ была улучшена, прочищена, и нечистоты болѣе не застаиваются. Что касается чистой воды, то теперь городъ снабжается въ изобиліи изъ источниковъ близъ Серино, къ югу отъ Авелино. Новый водопроводъ, длиною въ 85 километровъ, идетъ почти одною дорогою съ древнимъ водопроводомъ самнитянъ и римлянъ, такъ что при постройкѣ его нѣкоторыя части древняго водопровода были утилизованы. Качество воды, питающей теперь Неаполь (до 170,000 куб. метровъ въ день) болѣе чѣмъ удовлетворительно. Неаполь принимаетъ широкое участіе въ промышленномъ движеніи полуострова: онъ фабрикуетъ морскіе сухари, сукна, шелковыя ткани, называемыя „гроденапль“ (gros de Naples), стеклянныя и хрустальныя вещи, музыкальные инструменты, искуственные цвѣты, предметы украшеній всякаго рода и все то, въ чемъ нуждается большой городъ. Ни одинъ городъ на Средиземномъ морѣ, за исключеніемъ одного развѣ Торре-дель-Греко, не имѣетъ такихъ искусныхъ полировщиковъ коралла; въ окрестностяхъ того же Неаполя, въ пріятномъ Сорренто, дѣлаются рабочіе ящики, ларцы для драгоцѣнныхъ бездѣлушекъ изъ пальмоваго дерева изящной работы. Въ Кастелламаре ди Стабія находятся самыя дѣятельныя въ Италіи строительныя верфи послѣ верфей генуэзскаго берега и Спеціи. Въ Пуццолѣ также имѣются верфи и пушечный заводъ. Моряки Неаполитанскаго залива принадлежатъ къ числу первыхъ на всемъ полуостровѣ, по навыку къ морю они могутъ сравниться съ лигурійцами, а какъ рыбаки, по ихъ словамъ, они превосходятъ послѣднихъ. Жители Торре дель Греко, занимающіеся ловлею коралловъ,

такъ прекрасно знаютъ подводную топографію скалъ береговъ Сардиніи, Сициліи и странъ Варварійскихъ, что малѣйшее указаніе воды или воздуха открываетъ имъ такія явленія, которыя скрыты отъ всякаго другаго взора. Флотилія ихъ, теперь значительно уменьшившаяся, состоитъ болѣе чѣмъ изъ двухсотъ кораблей, которые всегда готовы сняться съ якоря и пуститься въ путь. Когда отправляется или, еще лучше, когда возвращается эта флотилія послѣ удачной кампаніи, то это представляетъ разомъ такое трогательное и живописное зрѣлище, какихъ сама Италія представляетъ немного. Въ 1884 г. кораблей, занятыхъ ловлею коралловъ въ Торре дель Греко, было 219 вмѣст. въ 1845 тоннъ.

Стоя на берегу такого залива, какъ Неаполитанскій, вблизи такой плодородной равнины, какъ Кампанья, настоящая „Страна Земледѣлія“ (Terra di Lavoro), Неаполь естественно долженъ быть большимъ торговымъ городомъ; но онъ не пользуется въ этомъ отношеніи первенствомъ въ Италіи, какъ можно было бы подумать при видѣ его огромнаго рейда, его моловъ и многолюдныхъ набережныхъ. Онъ уступаетъ Генуѣ и недавно еще уступалъ Ливорно и Мессинѣ. И это потому, что онъ не составляетъ необходимой станціи для судовъ и не можетъ пользоваться такимъ большимъ райономъ, для своей торговли, какъ Генуя и Ливорно. На незначительномъ разстояніи отъ него къ сѣверу, къ востоку и къ югу начинаются уже неправильныя Апеннинскія горныя группы, которыя перерѣзываютъ поперекъ во всю ширину три желѣзныя дороги, изъ Кампо-Бассо, Фаджіи и Потенцы, соединяющія Тирренское море съ Адріатическимъ. Самую большую внѣшнюю торговлю портъ ведетъ прежде всего съ Англіею, а потомъ съ Франціею [1]).

Неаполь славится своимъ университетомъ, который принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ въ Италіи [2]), такъ какъ основанъ въ первой половинѣ тринадцатаго столѣтія; но онъ пережилъ періодъ самаго постыднаго упадка. Еще недавно, когда одни только археологическія и нумизматическія изысканія не подозрѣвались въ революціонныхъ стремленіяхъ, университетъ этотъ служилъ, для большей части своихъ воспитанниковъ, не болѣе какъ мѣстомъ умственнаго разврата. Но возрожденіе ученыхъ занятій совершилось съ удивительною быстротою. Это былъ какъ бы взрывъ: молодые неаполитанцы кинулись на науку какъ голодные, и вскорѣ крас-

[1]) Торговое движеніе Неаполитанскаго залива въ 1884 г.:

Неаполь	5,730	судовъ, вмѣстимостью въ	2.425,315 тоннъ.
Весь заливъ (отъ Искіи до Капри) .	16 000	„ „	„ 4.000,000 „

[2]) Неаполитанскій университетъ въ $188^1/_2$ учеб. году:
3 148 студентовъ.
266 вольнослушателей.

порѣчіе, свойственное южанамъ, могло бы убѣдить, что Неаполь былъ однимъ изъ великихъ центровъ науки во всемъ мірѣ. Зоологическая лабораторія Неаполя, по своимъ открытіямъ и изысканіямъ, принадлежитъ къ числу выдающихся.

Для образованія Италіи и остальнаго міра, Неаполь имѣетъ еще прекрасный музей древностей, мраморовъ, бронзъ, надписей, медалей, рѣзныхъ камней, папирусовъ. Но еще болѣе драгоцѣнный музей его представляютъ развалины Поццуоли, Байи, Кумъ, его двухъ или трехъ-этажныя катакомбы, вырытыя въ туфѣ холмовъ, возвышающихся съ сѣверной стороны города, которыя, по своимъ изображеніямъ и надписямъ, любопытны не менѣе римскихъ. Ему же принадлежитъ римскій городъ Помпея, засыпанный пепломъ Везувія, покрывавшимъ его въ теченіе семнадцати вѣковъ. Безъ раскопокъ Геркуланума и Помпеи для насъ осталась бы почти неизвѣстною цѣлая отрасль античнаго искусства—живопись. Предъ нами воскресъ послѣ долгаго исчезновенія не только мертвый городъ съ его улицами, домами, могилами, съ его храмами, амфитеатрами, дворцами съ удивительными мозаиками, съ его форумами, лавками и мѣстами собраній,—воскресла сама жизнь провинціальнаго римскаго общества, открытая во всей ея дѣйствительности. Почернѣлыя надписи на стѣнахъ и на восковыхъ дощечкахъ, различныя, прерванныя внезапною катастрофою, работы, трупы, обратившіеся въ муміи въ минуту бѣгства, работы или воровства — дѣлаютъ насъ свидѣтелями самаго момента драмы. Изъ всѣхъ городовъ въ мірѣ, покрытыхъ песками дюнъ, вулканическимъ пескомъ или иломъ наводненій, и разысканныхъ впослѣдствіи трудомъ человѣка, ни одинъ не представляетъ такого дѣятельнаго контраста между жизнью всего населенія и внезапно охватившею его смертью. И все-таки мы знаемъ только часть тѣхъ достопримѣчательностей, которыя хранились неприкосновенно подъ пепломъ и лавою Везувія. Уже больше ста лѣтъ работаютъ надъ раскопкою Помпеи и все-таки отрыта только половина города; въ греческомъ же Геркуланумѣ, на которомъ лежитъ каменный слой твердой лавы въ двадцать метровъ толщиною, а на немъ стоятъ теперь дома и виллы Резины, Портичи и другихъ предмѣстій Неаполя, можно было открыть только незначительную долю его драгоцѣнныхъ тайнъ, и новыя раскопки производились тамъ недостаточно дѣятельно, чтобы дать серьезные результаты; наконецъ Стабія, покоящаяся на морскомъ берегу, подъ городомъ Кастелламаре, хранитъ еще совершенную тайну того, что такое была она прежде.

Неаполь окруженъ цѣлымъ кортежемъ многолюдныхъ и близкихъ одинъ къ другому городовъ, которые оспариваютъ у него первенство по кра-

сотѣ вида. На южномъ берегу вокругъ залива расположены знаменитые Портичи, Резина, Торре дель Греко, Торре дель Аннунціатта, Кастелламаре и изнѣженный Сорренто, съ превосходнымъ климатомъ и очаровательными виллами, которыя смотрятся въ воду среди зелени оливковыхъ деревьевъ. Въ открытомъ морѣ отъ мыса Кампанелла, противъ возвышающихся на другомъ концѣ бухты вулканическихъ острововъ Искіи и Прочиды, поднимаются крутыя стѣны острова Капри, сохраняющаго еще воспоминанія о Тиберіи, который у мѣстныхъ жителей называется *Тимберіо*. Здѣсь сохранились еще развалины двѣнадцати императорскихъ виллъ. Къ югу отъ этой суровой известковой горы сицилійскаго вида, въ расщелинахъ которой растутъ всѣ растенія южной Европы, развертываются берега другаго залива, входъ котораго охраняется островками Сиренъ, напрасно пытавшихся очаровать мудраго Улисса. По красотѣ этотъ заливъ врядъ-ли уступаетъ Неаполитанскому; берега его не менѣе плодородны, и все-таки ни одинъ изъ трехъ сообщавшихъ ему поочередно свои названія городовъ: Пестумъ, Амальфи и Салерно, не могутъ удержать за собою первенства. Могущественная республика среднихъ вѣковъ, Амальфи, города, торговые обычаи котораго были закономъ для всѣхъ моряковъ, представляетъ не болѣе, какъ мѣстечко, въ скалистой бухтѣ котораго укрываются теперь лишь кой-какія мѣстныя суда, даже самое названіе порта уступившее сосѣднему году Маіори; но прелестны виды его сосѣднихъ бухтъ и расположеннаго въ одной изъ очаровательныхъ окрестныхъ долинокъ древняго мавританскаго города Равелло, который почти такъ же богатъ памятниками арабской архитектуры, какъ и Палермо. Салерно расположенъ еще лучше чѣмъ Амальфи, такъ какъ находится въ концѣ дорогъ изъ старой Кампаньи, и хвалится тѣмъ, что онъ построенъ, по словамъ легенды, однимъ изъ сыновей Ноя; овладѣвшіе страною въ одиннадцатомъ вѣкѣ нормандскіе рыцари избрали его столицею своихъ владѣній, но онъ въ значительной степени потерялъ свой античный блескъ, приданный ему Робертомъ Гюискаромъ. Университетъ его, нѣкогда самый славный въ Европѣ своими профессорами медицины, бывшій прямымъ наслѣдникомъ арабской науки, безмолвствуетъ въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ, и Салерно не имѣетъ никакого основанія хвалиться названіемъ „Гиппократова (?) города“; не можетъ онъ особенно гордиться и торговыми успѣхами.

Около южной оконечности прямолинейнаго берега, который тянется къ юго-востоку отъ Салерно, находился древній владыка залива — Пестумъ или Посейдонія, городъ Нептуна, основанный вновь сибаритцами, послѣ владѣвшихъ имъ съ незапамятныхъ временъ тирренцевъ. Но Пестумъ, „городъ розъ“, воспѣтый римскими поэтами за его прекрасные

источники, тѣнь и пріятный климатъ, прекратилъ свое существованіе въ нашествіе сарацинъ, въ 882 г., и даже развалины его, до половины прошлаго столѣтія, были знакомы только пастухамъ и разбойникамъ, а между тѣмъ онъ принадлежитъ къ числу самыхъ интересныхъ въ Италіи, такъ какъ относится къ эпохѣ, предшествовавшей римскому могуществу. Три его храма, изъ которыхъ самый лучшій храмъ Нептуна,—святилище этого бога и должно было быть главнѣйшимъ памятникомъ въ городѣ Посейдона,—принадлежатъ къ числу самыхъ величественныхъ храмовъ континентальной Италіи, въ особенности, благодаря окружающей ихъ пустынѣ и бушующему у подножія ихъ морю. Но хотя теперь разбойники и перестали шляться около дороги, созерцать это зданіе все-таки не безопасно, такъ какъ, вокругъ Пестума и его прекрасно сохранившейся высокой стѣны въ 5 километровъ длиною, простираются болотистыя земли, въ которыхъ работа „бонификаціи“ далеко еще не окончена; при столь нездоровомъ воздухѣ съ трудомъ могутъ быть доведены до конца уже предпринятыя тамъ раскопки. Къ югу отъ Пестумской станціи желѣзная дорога продолжается къ Акрополю, названному такъ въ честь Аѳинскаго Акрополя, на который онъ очень похожъ. Здѣсь именно утвердились въ девятомъ вѣкѣ сарацины, наводнявшіе Кампанью въ продолженіи двадцати лѣтъ слишкомъ и совершенно уничтожившіе населеніе сосѣдняго берега. Дальше, при болотистомъ устьѣ Аленто, находятся копи Элеи, римской Веліи.

Отъ Соррента къ Неаполю, на пространствѣ, отдѣляющемъ Везувій отъ первыхъ предгорій Апеннинъ, тянется почти такая же непрерывная цѣпь городовъ и селеній, какъ по берегу залива между мысами Мизенскимъ и Кампанеллою. Подымаясь отъ маленькаго городка Віетри, составляющаго дальнее предмѣстье Салерно, старинныя постройки котораго расположены по краю узкаго рва, дороги, какъ простая, такъ и желѣзная, выходятъ чрезъ разрывы холмовъ къ тѣнистому Кава, съ превосходными виллами, составляющими любимое лѣтнее мѣстопребываніе иностранныхъ посѣтителей и богатыхъ неаполитанцевъ. Отъ Кава, знаменитаго въ мірѣ антикваріевъ архивами сосѣдняго монастыря, *la Trinita della Cava*, весьма богатаго хартіями на пергаментѣ и грамотами, вы спускаетесь въ равнину Сарно, гдѣ слѣдуютъ одинъ за другимъ множество городовъ: Ночера—мѣсто дачной жизни древнихъ римлянъ, Пагани—расположенный еще въ области лѣсовъ, Ангри—обрабатывающій хлопокъ на своихъ собственныхъ придильняхъ, Скафати—еще промышленнѣе предъидущаго. Но вы уже приближаетесь къ городскому округу Неаполя и замѣчаете около Помпеи городъ Торре дель Аннунціатта, а

на южныхъ склонахъ Везувія — полукруглый поясъ домовъ, составляющихъ Боско-Тре-Казе и Боско Реале. Въ жителяхъ Ночеры и другихъ ближайшихъ городовъ нѣкоторые ученые находятъ слѣды арабской и варварійской крови, оставленные поселенными здѣсь Фридрихомъ II двадцатью тысячами сарацинъ.

Вверхъ по долинѣ Сарно, отъ Ночеры и до подошвы Апеннинъ, мѣстность все еще весьма многолюдна: у подошвы горы Термино, по направленію высокихъ долинъ, слѣдуютъ другъ за другомъ Санъ-Северино и Солофра, на сѣверъ тянется другая цѣпь селеній къ городу Авеллино, съ полями, обнесенными орѣшникомъ; городъ этотъ важенъ какъ торговое мѣсто между горами и равниною; но наиболѣе скученные центры населенія находятся въ широкой полосѣ „Счастливой Кампаньи“, которая простирается къ сѣверо-западу между Везувіемъ и Монте Вирджине. Сарно, носящій названіе рѣки того же имени, хотя онъ и не стоитъ на ней,—весьма важный земледѣльческій центръ, ведущій торговлю не только хлѣбами, винами, плодами и овощами, но также шелкомъ сырцомъ и хлопчатникомъ. Пальма также окруженъ плодороднѣйшими полями; Оттаяно, городъ Октавія, расположенный на нижнихъ склонахъ Соммы Везувія, производитъ превосходныя вина; Нора, въ которомъ умеръ Августъ и родился Джіордано Бруно, замѣчателенъ также удивительно обработанными землями, но знаменитостью своею онъ обязанъ главнымъ образомъ прекраснымъ греческимъ вазамъ, найденнымъ въ его развалинахъ, и остатками своихъ древнихъ памятниковъ, изъ которыхъ одинъ—мраморный амфитеатръ больше, чѣмъ въ Капуѣ.

Древняя столица Кампаньи, знаменитая Капуа, которая была нѣкогда соперницею Рима и имѣла въ своихъ стѣнахъ до полу-милліона жителей, теперь находится въ упадкѣ и не пользуется даже своимъ именемъ, такъ какъ новая Капуа, угрюмая крѣпость, построенная на излучинѣ Вольтурно, есть не что иное, какъ древній *Casilinum* римлянъ. Городъ же Санта Марія ди-Капуа Ветере, замѣнившая настоящую Капую, не имѣетъ никакихъ другихъ прелестей, кромѣ уловольствій большаго и многолюднаго мѣстечка; но въ окрестностяхъ его еще посѣщаютъ красивыя развалины амфитеатра, тріумфальную арку и другіе остатки огромнаго города. Къ югу, неподалеку отъ двухъ большихъ городовъ, Маддалони и Аверсы, представляющихъ настоящихъ спутниковъ Неаполя, находится главное мѣсто дачныхъ удовольствій Кампаньи, городъ Казерта съ огромнымъ дворцомъ, тѣнистыми парками и обширными садами, которые украшены статуями и фонтанами. Недавно онъ былъ „Версалемъ“ неаполитанскихъ Бурбоновъ, и къ красотѣ длинныхъ ли-

ній и перспективы примѣшано слишкомъ много чрезмѣрной декоративности извращеннаго вкуса. Водопроводъ, несущій сюда воду изъ Маддалони, на разстояніе 40 километровъ, проходитъ чрезъ долину по прекрасному мосту съ тремя рядами расположенныхъ другъ подъ другомъ арокъ, построенному въ срединѣ прошлаго столѣтія Ванвителли. Это — образцовое произведеніе новѣйшей архитектуры.

Къ сѣверу отъ Капуи и изгибовъ Вольтурно, большая историческая дорога изъ Рима въ Неаполь раздвояется: одна дорога, не замѣненная еще рельсовымъ путемъ, поворачиваетъ къ берегу для избѣжанія горъ; другая же, идущая рядомъ съ желѣзною дорогою и мѣстами пересѣкающаяся съ нею, обходитъ вулканъ Рокка Монфина, идетъ въ долину Гарильяно и притока его Сакко, и выходитъ съ западной стороны къ подошвѣ вулкана Лаціума, откуда спускается въ Римъ. Береговая дорога, пересѣкаемая замѣчательными ущельями, принадлежитъ къ числу самыхъ знаменитыхъ въ исторіи. Она проходитъ сперва недалеко отъ Сессы, древняго города авронцевъ, которые поставили свой акрополь въ самомъ кратерѣ Рокка Монфины, затѣмъ, приближаясь къ морю, вслѣдствіе близости горъ, она пересѣкаетъ Гарильяно, окаймленную еще нездоровыми землями, остатками Минтурнскихъ болотъ, и входитъ въ ущелье Мола ди Гаэта, которое оффиціально называется Формія, въ воспоминаніе древней *Formiae*, въ которой жилъ и умеръ Цицеронъ. Отсюда, на пути изъ Рима, открывается чудная картина Кампаньи и всего Гаэтскаго залива съ вулканическими островами: Понца, Вентотена и отдаленною Искіею. Гаэта — крѣпость, защищающая входъ неаполитанскаго рая, построена на Монте Орландо, представляющей холмъ съ полуостровною вершиною, на которой возвышается мавзолей Мунація Планка, основателя Ліона. Этотъ конусъ, напоминающій форму Монте Арджентаро и мыса Цирцеи, соединяется съ твердою землею перешейкомъ въ 280 метровъ ширины. Гаэтскій портъ прекрасно защищенный отъ западныхъ и сѣверныхъ вѣтровъ, принадлежитъ къ числу самыхъ оживленныхъ въ Неаполитанской области по каботажному плаванію и по рыболовству его [1]). Но, кромѣ того, Гаэта была долгое время весьма важнымъ военнымъ городомъ. Здѣсь въ 1861 году Франциск II подписалъ свое отреченіе отъ королевства обѣихъ Сицилій.

На восточной дорогѣ изъ Неаполя въ Римъ есть точно также города, имѣющіе значеніе. Главный изъ нихъ Санъ-Джермано, переименованный

---

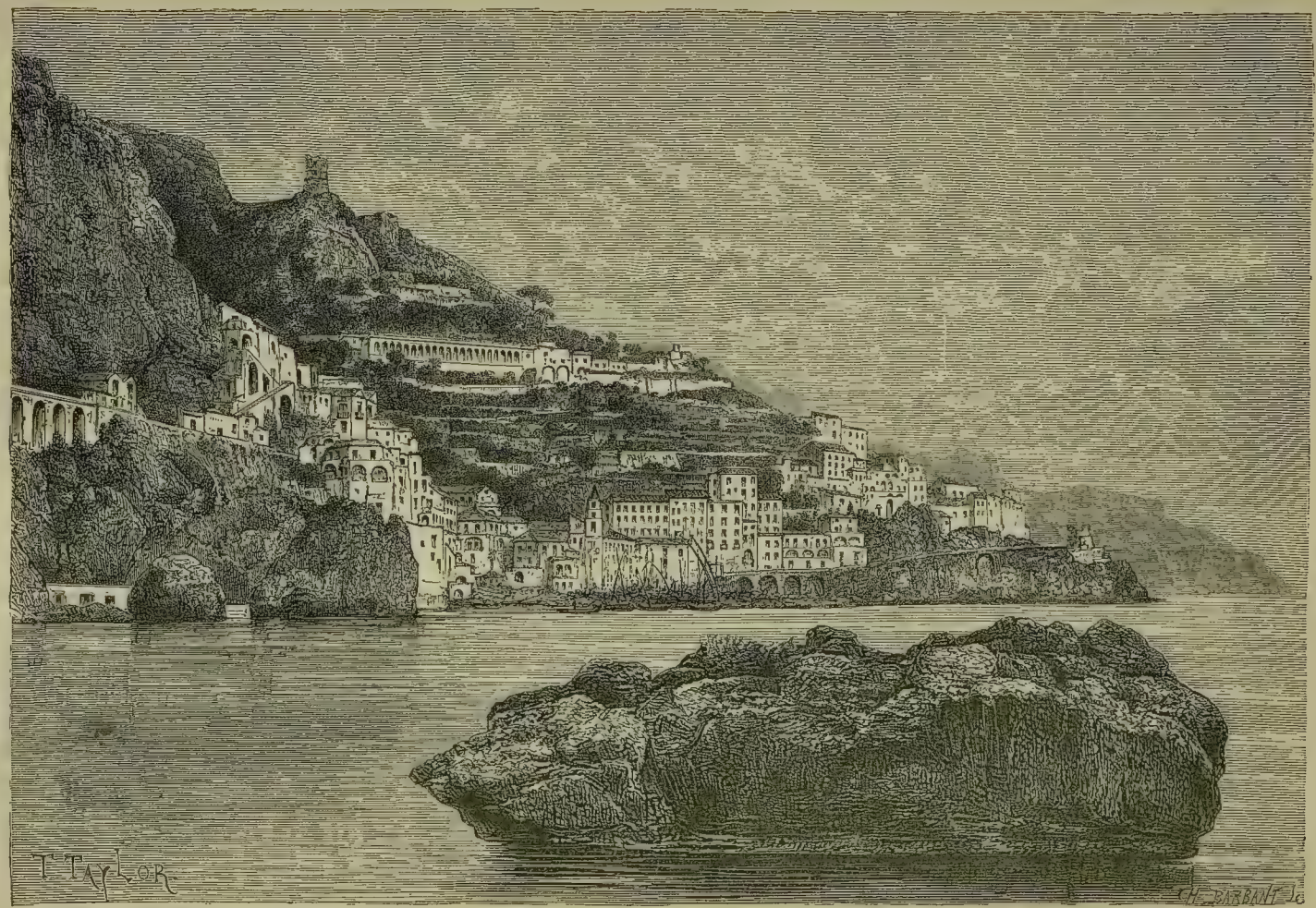
[1]) Торговое движеніе портовъ Гаэты и Форміи въ 1884 г.:

Гаэта	1,452 судна вмѣстим.	40,240 тоннъ	}	101,526 тоннъ.
Формія	2,184 „ „	61,286 „	}	

недавно въ Кассино, въ честь знаменитаго монастыря Монте-Кассино, возвышающагося къ сѣверо-западу, на площадкѣ, съ которой можно созерцать грандіозный видъ горъ и долинъ. Это тотъ самый знаменитый монастырь, который основанъ святымъ Бенедиктомъ въ началѣ шестаго вѣка и уставъ котораго сдѣлался образцомъ для всѣхъ монастырей западной церкви. Ни одно религіозное общество не имѣло такого вліянія на исторію католицизма, какъ бенедиктинцы Монте-Кассино. Во времена могущества ордена владѣнія его, раскиданныя по разнымъ частямъ Италіи, могли бы составить цѣлое королевство; изъ среды бенедиктинцевъ вышли многіе папы и тысячи прелатовъ. Въ Кассинской библіотекѣ находятся драгоцѣнныя рукописи, важныя грамоты и рѣдкія изданія, съ которыми часто справляются ученые. Въ память услугъ, принесенныхъ нѣкогда бенедиктинцами наукѣ, Кассинскій монастырь былъ пощаженъ законами отъ упраздненія, подобно монастырямъ Кавы и Павіи. Одинъ изъ воспитанниковъ Монте-Кассино былъ „докторъ Анжелинъ“, св. Ѳома Аквинскій, названный такъ по сосѣднему городу Аквино, гдѣ онъ родился. Аквино же является родиною и знаменитаго Ювенала.

Въ горной, внутренней части Неаполитанской области значительныхъ городовъ немного. Самое людное и замѣчательное мѣсто въ бассейнѣ верхняго Лириса, къ югу отъ горъ Матезе, — Арпинумъ, въ наше время Арпино, родина Цицерона и Марія, древняя крѣпость, циклопическія стѣны которой „были построены Сатурномъ“. Беневенто, входившій нѣкогда въ Церковную Область, есть центральный городъ всего бассейна Калоре, главнаго притока Вольтурно, и стоитъ въ пунктѣ естественнаго соединенія дорогъ, идущихъ чрезъ Апеннины изъ провинцій Молизы, Капитанаты и Апуліи. Будучи старѣе Рима, древній *Maleventum* принялъ названіе *Beneventum*, вѣроятно, для достиженія болѣе благопріятной участи, но во все время своей длинной исторіи онъ часто выносилъ осады и разрушенія или всего города или частей его, и начатое людьми дѣло разрушенія докончили землетрясенія. Въ Беневенто остается отъ прошедшаго только одно большое зданіе, красивая тріумфальная арка, символическіе барельефы которой сохраняютъ память о гипотечныхъ ссудахъ, сдѣланныхъ Траяномъ мелкой собственности. Окружающія городъ на протяженіи болѣе 5 километровъ, стѣны сдѣланы сплошь изъ обломковъ древнихъ памятниковъ.

Аріано, расположенный къ востоку отъ Беневенто, также въ бассейнѣ Вольтурно, на трехъ холмахъ, съ которыхъ открывается великолѣпный видъ на все пространство отъ часто снѣжныхъ вершинъ Матезе до конуса Вультура стоитъ почти на половинѣ разстоянія отъ Неаполя до



ВИДЪ АМАЛЬФИ.

Адріатическаго моря, на Фоджійской желѣзной дорогѣ, и, благодаря самому своему положенію, служитъ естественнымъ торговымъ посредникомъ между обоими склонами. Кампобассо, главный городъ провинціи Молизы, представляетъ также естественное торговое мѣсто между склонами Апеннинъ.

На Адріатическомъ склонѣ торговые центры многочисленнѣе и оживленнѣе. Фоджіа, въ которой сходятся шесть желѣзнодорожныхъ линій и многія большія дороги, представляетъ большой рынокъ съѣстныхъ товаровъ; если не по населенію, то по богатству — это второй городъ всей Неаполитанской области. Многіе города, въ той же земледѣльческой равнинѣ Апуліи, служатъ тѣлохранителями Фоджіи, каковы: Санъ-Северо, Черриньола, Лучера, которая была такъ богата и могущественна въ тринадцатомъ вѣкѣ, когда, изгнанные изъ Сициліи Фридрихомъ II, сарацины сдѣлали ее центромъ своей промышленности; но, не смотря на приманку къ торговлѣ столь граціозно раскинувшагося залива Манфредоніи, Фоджія и ближайшіе къ ней города не имѣютъ прямаго выхода къ морю. Весь берегъ, на пространствѣ болѣе 50 километровъ отъ Манфредоніи до устья Офанто, единственной пребрежной рѣки, въ которой бываетъ немножко воды даже въ срединѣ лѣта, окаймленъ нездоровыми лагунами, и, для свободнаго извлеченія громадныхъ природныхъ богатствъ южной Италіи, крайне необходима ассенизація этихъ маремъ. Самая большая изъ нихъ, лагуна Сальпи, занимавшая всю прибрежную полосу отъ устья Карапеллы до устья Офанто, на половину занесена наносами этихъ двухъ рѣкъ; но пока почва не будетъ укрѣплена и обработана, онѣ не перестанутъ испускать смертоносные міазмы. На южномъ концѣ болота находятся развалины древней Салапіи.

Къ сѣверу отъ этой болотистой мѣстности есть два порта, изъ которыхъ одинъ Манфредонія, основанная Манфредомъ, сыномъ знаменитаго Фридриха II, а другой — Віестъ, расположенный на оконечности полуострова Гаргано, по самому своему положенію уже весьма полезенъ для парусныхъ кораблей, которые должны заходить въ гавань вслѣдствіе перемѣнъ вѣтра. Первый портъ къ югу отъ лагунъ — это красивая Барлетта, къ западу отъ которой есть мѣсто, называемое Кампо де Сангве, гдѣ происходила кровавая битва при Каннахъ; жители ея отправляютъ значительное количество хлѣба, винъ, масла и плодовъ, получаемыхъ въ своемъ собственномъ округѣ и крупныхъ имѣніяхъ, еще феодальныхъ по своимъ обычаямъ, которыя окружаютъ внутренніе города Андріа, Корато, Руво Древній *Rubi*, нынѣ Руво, городъ, въ которомъ болѣе, чѣмъ гдѣ либо въ Италіи, найдено древнихъ остатковъ, идоловъ, вазъ, монетъ

и надписей. Другіе города, слѣдующіе съ небольшими промежутками къ юговостоку отъ Барлетты суть: Трани, который въ концѣ среднихъ вѣковъ велъ большую торговлю съ востокомъ, Бисчелье, Мольфетта, Битано, Бари, самый многолюдный городъ на всемъ Адріатическомъ склонѣ Неаполитанской области, наконецъ, Монополи; всѣ они представляютъ довольно оживленные порты каботажнаго плаванія. Неподалеку отъ Монополи расположенъ древній портъ Гнаціа, сдѣлавшійся нынѣ городомъ Фазано — мѣсто столь же важныхъ геологическихъ открытій какъ и Руво.

На сѣверномъ углу Отрантскаго полуострова расположенъ Бриндизи, который уже два раза, въ эпоху римлянъ и въ эпоху крестовыхъ походовъ, былъ одною изъ великихъ станцій между западною Европою и Востокомъ и который нынѣ снова начинаетъ играть ту же посредническую роль въ міровой торговлѣ. Дѣйствительно, Бриндизи, предпослѣдній городъ восточнаго берега Италіи, расположенъ при самомъ входѣ въ Адріатическое море; его столь дѣятельный въ римскую эпоху портъ, хотя и заваленный частію Цезаремъ, остается лучшимъ изъ портовъ Средиземнаго моря; его рейдъ превосходенъ, и когда корабли пройдутъ устье порта, то предъ ними открываются двѣ, уходящія далеко въ твердую землю, бухты „въ видѣ оленьяго рога“, откуда и происходитъ названіе города. Недавно еще входъ этого прекраснаго порта былъ загроможденъ обломками судовъ и кучами ила, но теперь, тщательно прочищенный для доступа крупныхъ судовъ, онъ даетъ возможность весьма значительнымъ пароходамъ высаживать пассажировъ и выгружать товары прямо на желѣзную дорогу, по которой они быстро доставляются въ Англію. Сдѣлавшись главнымъ пунктомъ индѣйской дороги на европейскомъ материкѣ, Бриндизи растетъ и улучшается сообразно своему новому назначенію; но онъ напрасно старается монополизировать восточную торговлю. Если четыре-пять тысячъ богатыхъ пассажировъ, для которыхъ однимъ изъ первыхъ условій является скорость, и рады бываютъ отправляться въ море и выходить на твердую землю именно въ Бриндизи, то, напротивъ, отправители товаровъ предпочитаютъ порты, расположенные въ такихъ заливахъ, которые вдаются всего глубже въ континентальную массу, каковы: Марсель, Генуя, Тріестъ. Впрочемъ, Бриндизи только временно является главнымъ пунктомъ европейскихъ желѣзныхъ дорогъ: съ окончаніемъ турецкой сѣти, ему наслѣдуютъ Салоники и Константинополь.

Движеніе судовъ въ Бриндизи и сосѣднихъ портахъ въ 1884 году:

Бриндизи	1,720	судовъ вмѣстимостью	1.035,750 тоннъ.
Бари	2,081	„ „	859,210 „
Барлетта	1,389	„ „	109,750 „
Мольфетта	806	„ „	108,500 „
Трани	861	„ „	76,725 „

Городъ Тарентъ, на берегу своего „маленькаго моря“ и своего залива точно также дѣлаетъ усилія воскресить въ себѣ торговую жизнь, какъ и сосѣдъ его Бриндизи. Портъ его, т. е. *piccolo mare*, глубокъ и совершенно защищенъ отъ всѣхъ вѣтровъ, правительство обратило на него вниманіе и создало изъ него военный портъ и арсеналъ; рейдъ, или *mare grande*, также защищенъ отъ волненій открытаго моря двумя островами; въ рейдѣ и въ портѣ, какъ и въ большой гавани Спеціи, есть прѣсные источники Читро и Читрелло, бьющіе среди соленой воды. Наконецъ, Тарентъ, по самому положенію своему въ глубинѣ полуострова, можетъ оспаривать у Бари и другихъ портовъ адріатическаго прибрежья торговлю внутреннихъ городовъ: Матеры, Гравины, Альтамуры; онъ назначенъ повидимому сдѣлаться главнымъ торговымъ центромъ іонической Италіи, когда вершина большаго треугольника желѣзныхъ дорогъ, основаніе котораго оканчивается въ Неаполѣ и Фоджіи, придется неподалеку отъ Тарента, около великолѣпныхъ развалинъ древняго Метапонте, разрушеннаго Спартакомъ. Поэтому ни одинъ городъ южной Италіи не представлялъ бы такихъ выгодъ, какъ Тарентъ, для устройства перворазряднаго порта, если бы природа и людская безпечность не засорили почти совершенно соединяющихъ „два моря“ каналовъ, одного естественнаго, другаго искусственнаго; даже мелкіе суда едва могутъ теперь проходить въ эти проливы. Впрочемъ, препятствія скоро должны исчезнуть и входъ во внутренній рейдъ будетъ открытъ даже для большихъ военныхъ кораблей. Новый Тарентъ, маленькій городъ, съ узкими улицами, стоитъ не на мѣстѣ знаменитаго греческаго города, нѣкоторые слѣды котораго замѣтны въ восточной части полуострова; всѣ дома его, для лучшей защиты, тѣснятся на известковой скалѣ, ограниченной двумя каналами. Его, еще недавно ничтожная, каботажная торговля начинаетъ понемногу усиливаться съ открытіемъ Барійской желѣзной дороги; его промышленность, за исключеніемъ рыбной и устричной ловли и сбора соли, почти ничтожна. Тарентцы, между прочимъ, пользуются печальной репутаціей самыхъ лѣнивыхъ людей на всемъ полуостровѣ. Кучи

*

раковинъ, покрывающихъ плоскій песчаный берегъ, не даютъ уже имъ, какъ нѣкогда, знаменитой пурпуровой краски.

На оконечности восточной Италіи, къ югу отъ Тарента и Бриндизи, нѣтъ значительныхъ городовъ, кромѣ Лекке, окруженнаго плантаціями хлопчатника, и Галлиполи (древній Каллиполисъ, т. е. «прекрасный городъ» грековъ), построеннаго живописно на скалистомъ островкѣ, который соединенъ съ сушею мостомъ. Окружающія поля, лишенныя необходимой влажности, представляются относительно пустынными. Городъ Отранто, дающій свое имя полуострову и проливу Адріатики, очень незначительный городокъ съ 2,300 жителей. У него ихъ было до 20.000, въ 1480 г., когда онъ выдержалъ двухнедѣльную осаду Магомета II. По взятіи города султанъ, какъ говорятъ, вырѣзалъ буквально всѣхъ жителей. Что касается западнаго полуострова Неаполитанской области, то хотя онъ орошенъ лучше области Отрантской, но имѣетъ свои невыгоды, заключающіяся въ гористой почвѣ и частыхъ землетрясеніяхъ. Такъ, городъ Потенца, занимающій одно изъ самыхъ счастливыхъ торговыхъ положеній, на самомъ основаніи полуострова, какъ разъ на полупути отъ Тарентскаго залива къ Салернской бухтѣ, часто былъ разрушаемъ до основанія.

На собственно Калабрійскомъ полуостровѣ не существуетъ уже такихъ большихъ городовъ, какъ Метапонте и Гераклеа, находившаяся близъ теперешняго Поликоро въ предѣлахъ нынѣшней провинціи Базиликаты. Могущественный Сибарисъ, стѣны котораго имѣли 10 километровъ въ окружности и предмѣстья котораго тянулись по берегамъ Крати на 12 километровъ, исчезъ подъ наносами и кустарникомъ, такъ что отъ него „не остается даже развалинъ“. Городъ Локры, находившійся къ югу отъ Гераклеи и существовавшій до десятаго вѣка, т. е. до разрушенія его сарацинами, сохранилъ по крайней мѣрѣ слѣды своихъ стѣнъ, нѣсколькихъ храмовъ и другихъ зданій. Изъ всѣхъ этихъ, могущественныхъ нѣкогда, греческихъ городовъ, остается только портъ Котрона, наслѣдникъ по имени знаменитаго Кротона, представляющій входъ въ „житницу Калабріи“. Вообще слѣдуя по берегамъ Великой Греціи, удивляешься малочисленности памятниковъ того прошедшаго, которое имѣло такое важное значеніе въ исторіи человѣчества.

Нынѣшніе города Калабріи почти ничтожны въ сравненіи съ древними республиканскими городами Великой Греціи. Россано, неподалеку отъ развалинъ древняго Сибариса, небольшой главный городъ округа, посѣщаемый только каботажными судами; Козенца, расположенный въ прекрасной долинѣ Крати, при подошвѣ лѣсистыхъ горъ Силы, сообщается

съ Неаполемъ и Мессиною посредствомъ порта Аментеа; Чиро, небольшой, но оживленный городокъ; Катанцаро, богатый маслами, шелковыми матеріями и плодами, отправляетъ товары своихъ полей съ одной стороны черезъ заливъ Сквилаче, на берегу котораго стоялъ Аннибалъ, а съ другой чрезъ Портъ Пиццо, на южномъ концѣ прекраснаго залива св. Евфиміи. Здѣсь въ 1815 г. погибъ Мюратъ. Самый важный городъ Калабріи это—очаровательный Реджіо, спрятавшійся въ свои лимонные и апельсинные сады при подошвѣ Аспромонте. Находясь противъ Мессины, на берегу канала, Реджіо не можетъ не принимать значительнаго участія въ движеніи, совершающемся въ этой центральной двери Средиземнаго моря, открывающей проходъ изъ Тирренскаго моря въ Іоническое.

Движеніе въ главныхъ портахъ Тарентскаго залива и Калабріи въ 1884 г.:

Реджіо	1,292	судовъ,	вмѣстим.	въ	328,795 тоннъ.
Тауро	2,085	„	„	„	128,900 „
Пиццо	1,106	„	„	„	166,020 „
Котрона	1,078	„	„	„	114,400 „
Галлиполи	780	„	„	„	307,989 „
Паола	751	„	„	„	112,650 „
Тарентъ	692	„	„	„	252,880 „
Санта-Евфимія	563	„	„	„	117,415 „
Амантеа	397	„	„	„	140,900 „
Марина-ди-Катанцаро	214	„	„	„	124,490 „

Главныя общины (городъ съ округомъ) Неаполитанской области, имѣвшія къ 1 января 1882 г. болѣе 20.000 жит.:

Неаполь	494 315 чел.	Торре-дель-Греко	27,560 чел.
Бари	60,575 „	Битонто	26,205 „
Фоджіа	40,820 „	Лечче	25,935 „
Реджіо ди Калабрія	39,300 „	Трани	25,645 „
Андріа	37,180 „	Черинъола	24,445 „
Тарентъ	33,940 „	Бисчелье	23,880 „
Барлетта	33,180 „	Авеллино	22,900 „
Кастелламаре-ди-Стабія	33,100 „	Торре-Аннунціата	22,010 „
Салерно	31,245 „	Беневентъ	21,630 „
Казерта	30,550 „	Аверзе	21,470 „
Корато	30,550 „	Кава де-Тиррени	21,360 „
Мальфетта	30,055 „	Монополи	20,920 „
Катанцаро	28,590 „	Санъ-Северо	20,380 „
Потенца	20.280.		

VII.

СИЦИЛІЯ.

Древняя Тринакрія, правильный островъ „съ тремя мысами“, составляетъ, очевидно, принадлежность итальянскаго полуострова, отъ котораго онъ отдѣляется лишь узкимъ морскимъ рукавомъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Мессинскій каналъ имѣетъ не болѣе трехъ километровъ, т. е. пространство, которое легко переѣхать на лодкѣ и которое переѣзжали нѣкогда на корабляхъ или на плотахъ лошади Тимолеона Коринѳскаго, Аппія Клавдія и Рожера, графа нормандскаго. Съ тѣми средствами, которыми располагаетъ теперь промышленность, нѣтъ ничего невозможнаго построить между Сициліей и твердой землею соединительный мостъ, ибо человѣкъ предпринималъ и совершалъ уже почти такія же гигантскія сооруженія, и если торговые интересы полуострова потребуютъ такой работы, то это не болѣе, какъ денежный вопросъ. Весьма возможно, что къ концу нынѣшняго вѣка Сицилія будетъ соединена съ Италіей либо туннелемъ, либо постояннымъ или плавучимъ мостомъ. Тѣмъ или другимъ способомъ, но человѣческая промышленность непремѣнно возстановитъ древній перешеекъ, соединявшій мысъ Фаръ съ итальянскими горами Аспромонте. Въ какую геологическую эпоху произошелъ разрывъ, неизвѣстно, хотя нѣкоторые путешественники, увлекаемые своимъ воображеніемъ, видятъ гдѣ-то на горахъ обоихъ береговъ слѣды его. Судя по данному ему древними названію Гептастадъ, можно думать, что онъ имѣлъ въ ихъ времена не болѣе семи стадій, т. е. около 1,300 метровъ ширины—значитъ былъ въ два раза уже, чѣмъ теперь.

Нынѣ онъ имѣетъ:

Наименьшую ширину въ	3,147	метровъ.
Наибольшую глубину въ	332	„
Среднюю глубину, на порогѣ пролива. . .	75	„

Какъ бы то ни было, съ исторической точки зрѣнія, Сицилію должно считать находящеюся въ условіяхъ страны континентальной. Переходъ черезъ проливъ не труднѣе переправы черезъ большую рѣку; только одна война часто изолировала Сицилію, и недавно еще, во время нашествія гарибальдійцевъ, весь островъ почти цѣлый мѣсяцъ былъ лишенъ всякаго сообщенія съ Италіей. Но эти исключительныя обстоятельства не мѣшаютъ острову быть географически дополненіемъ полуострова Италіи. Съ другой стороны, онъ пользуется и всѣми выгодами своего морскаго

положенія. Находясь въ самомъ центрѣ Средиземнаго моря, между двумя великими бассейнами морей Тирренскаго и Восточнаго, онъ господствуетъ надъ всѣми торговыми путями между Атлантическимъ океаномъ и Востокомъ. Его прекрасные порты привлекаютъ корабли къ его берегамъ; земли отличаются большимъ плодородіемъ и естественныя богатства всякаго рода обезпечиваютъ существованіе населенія, а счастливый климатъ благопріятствуетъ развитію жизни. Немного странъ въ Европѣ, которыя могли бы прокормить такое значительное населеніе. Вообще Сицилія гораздо многолюднѣе и богаче большаго сосѣдняго острова Сардиніи и всѣхъ Неаполитанскихъ провинцій, за исключеніемъ Кампаньи; она соперничаетъ въ этомъ отношеніи даже съ странами сѣверной Италіи. Всякій періодъ мира и свободы сообщаетъ ей удивительное движеніе впередъ, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что она была бы одною изъ самыхъ цвѣтущихъ странъ въ мірѣ, если бы не была столько разъ опустошаема войною и не находилась подъ гнетущимъ почти постоянно управленіемъ.

Поверхность и населеніе Сициліи къ 1 янв. 1884 г.:

Поверхность . . .	25,461 кв. кил.	(По Стрѣльбицкому . 25,798)
Населеніе. . . .	3.005,980 человѣкъ.	
Населеніе на 1 кил.	103 „	

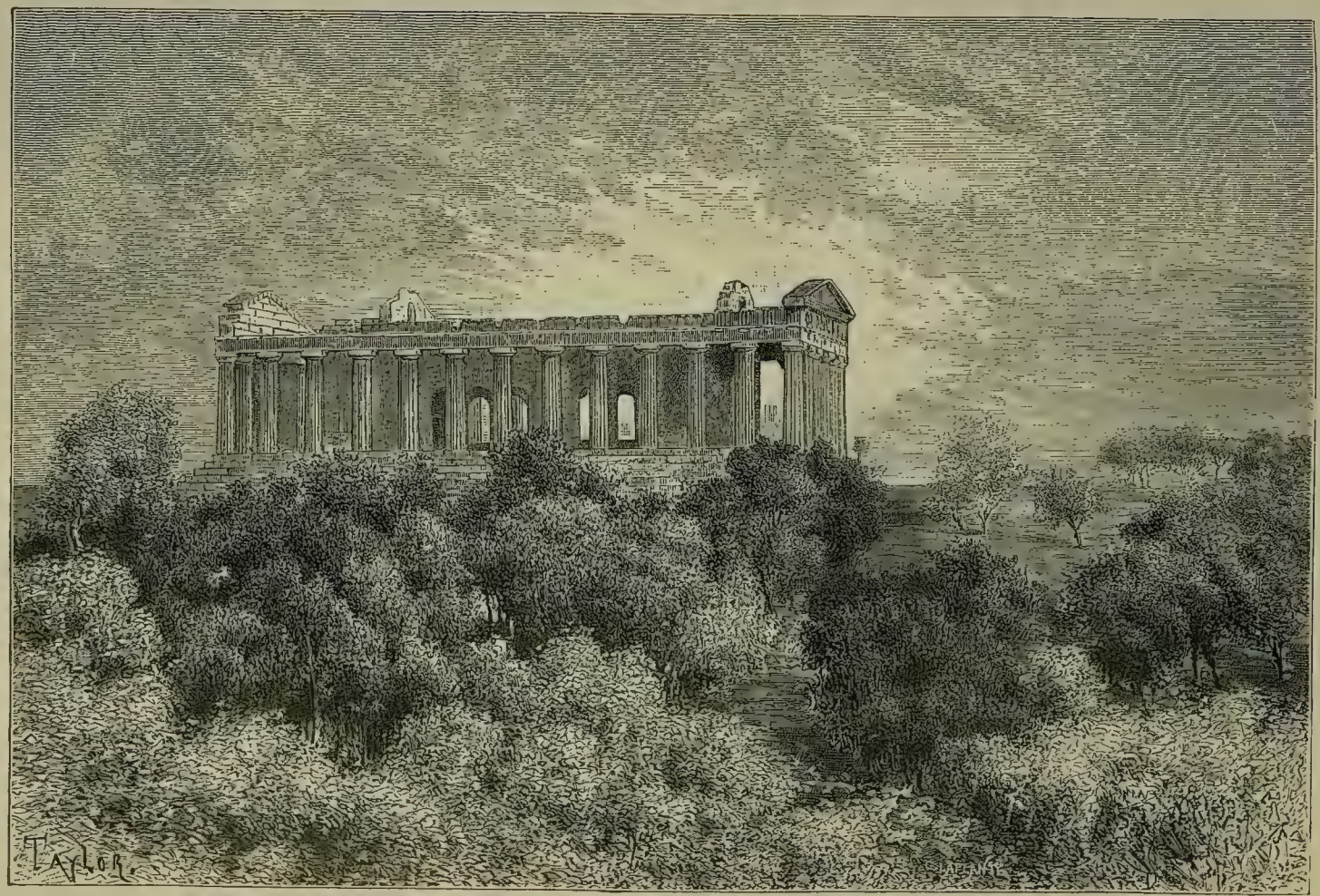
Треугольный островъ Сициліи представлялъ бы въ цѣломъ большую правильность строенія, если бы надъ берегами Іоническаго моря и входа въ Мессинскій проливъ не подымался могучею массою конусъ Этны. Громадный горбъ вулкана, отъ подошвы его до верхушечнаго кратера, образуетъ совершенно особую географическую область, которая отличается отъ остальной Сициліи не только своими произведеніями, обработанными землями, населеніемъ, но и своею геологической исторіей. Этна составляетъ отдѣльный міръ.

Древніе мореплаватели Средиземнаго моря представляли себѣ большею частію вулканъ Сициліи величайшимъ колоссомъ между всѣми горами на землѣ. Но они нѣсколько ошибались относительно странъ извѣстнаго міра, ибо на берегахъ Великаго моря, именно на двухъ его оконечностяхъ въ Испаніи и Сиріи, есть горы, превышающія Этну. Но сицилійская гора отличается отъ этихъ горъ своею величественною уединенностью, гордою чистотою своихъ очертаній, иногда также пылающимъ блескомъ своихъ лавъ и почти всегда высокимъ столбомъ извивающагося по небу дыма. Со всѣхъ окружающихъ Сицилію морей виденъ этотъ великій гигантъ, поднявшій свою снѣжную и дымящуюся голову высоко

надъ другими горами, составляющими его свиту. По космополитическимъ идеямъ древнихъ, уже одно положеніе Этны въ самомъ центрѣ Средиземнаго моря давало ей первенство предъ всѣми остальными горами: это былъ „столбъ неба“, „гвоздь земли“, а для арабовъ впослѣдствіи Джебель, т. е. „гора“ по преимуществу, и мѣстные жители еще и нынѣ даютъ ей, по преданію, имя Монджибелло.

Средніе склоны Этны, продолженные стоками изливавшейся во всѣхъ направленіяхъ лавы, весьма слабы и довольно правильно понижаются къ подошвѣ. При видѣ ея профилей, показывающихъ, какъ слаба общая покатость горы, удивляешься тому, что видъ ея все-таки такъ величественъ. Подымаясь до вертикальной высоты съ небольшимъ въ три километра, Этна занимаетъ въ основаніи громадное пространство около 1,200 километровъ, а окружность ея подошвы, не считая мелкихъ неправильностей очертанія, имѣетъ около 35 льё. Все это пространство совершенно ограничено долинами Алькантары и Симето; только одинъ порогъ въ 860 метровъ вышины связываетъ Этну съ горною системою остальной Сициліи; къ сѣверу отъ Алькантары, подымаются внѣ массы вулкана небольшіе вулканическіе конусы, а на западъ излились нѣсколько потоковъ лавы, загромоздивъ бывшую долину Симето, такъ что заваленная рѣка должна была прорыть себѣ въ базальтовой скалѣ новое ложе, образовавъ пороги и водопады.

Правильность склоновъ Этны со стороны Іоническаго моря нарушаетъ одна огромная впадина, занимающая пространство около 25 квадратныхъ километровъ и имѣющая до 1,000 метровъ глубины—это Валь-дель-Бове. Этотъ огромный вулканическій полукругъ весь усѣянъ побочными кратерами и состоитъ изъ возвышающихся одна надъ другою исполинскихъ ступеней, съ которыхъ потоки лавы во время изверженій свергаются огненными водопадами. По изслѣдованіямъ Ляйеля, въ долинѣ Бове открывался нѣкогда большой верхушечный кратеръ Этны, но, въ неизвѣстное время, центръ вулканической дѣятельности перемѣстился, и теперь высшее жерло горы находится въ нѣсколькихъ километрахъ къ западу. Быть можетъ даже этотъ второй кратеръ, мѣра и очертанія котораго измѣняются съ каждымъ изверженіемъ, часто самъ перемѣнялъ свое мѣсто, потому что широкая платформа, на которой стоитъ верхушечный конусъ, поддерживала прежде массу, которая была на пятьсотъ или на шестьсотъ метровъ выше и, вѣроятно, взорвана на воздухъ изверженіемъ. Бездны Валь-дель-Бове, во всякомъ случаѣ, могутъ быть разсматриваемы какъ истинный центръ Этны, ибо именно здѣсь ясно обнаруживается порядокъ расположенія лавъ однѣхъ надъ другими, ихъ взбросы, раз-



ХРАМЪ СОГЛАСІЯ ВЪ ДЖИРЖЕНТИ (ДРЕВНІЙ АГРИГЕНТЪ).

рывы, сводообразныя полости и вкрапленныя горныя породы. Ни въ какомъ другомъ мѣстѣ вулкана геологи не могли бы изучать лучше внутренее строеніе вулканическихъ горъ. Скалы на берегу моря, на которыхъ стоитъ городъ Ачи-Реале, точно также даютъ возможность обозрѣвать разомъ длинный періодъ исторіи вулкана. Плоскорье, которое оканчивается къ морю крутою стѣною въ 100 метровъ высоты, состоитъ изъ семи потоковъ лавы, выброшенныхъ послѣдовательно расщелинами Этны. Каждый потокъ, почти во всю свою толщину, представляетъ плотную массу, въ которую едва могутъ внѣдряться своими корнями растенія, но высшая часть каждаго слоя, благодаря дѣйствію атмосферы въ теченіе неизвѣстнаго ряда вѣковъ, обратилась въ слой туфа или даже растительной земли. Спустившись съ боковъ горы, каждый потокъ лавы имѣлъ время охладиться, покрыться черноземомъ и зарости древесною растительностью, которая впослѣдствіи была покрыта другою каменною рѣкою. Замѣчено также и то любопытное явленіе, что прибрежная скала, выростая все болѣе и болѣе сверху, при помощи наноса новыхъ слоевъ, увеличивалась и снизу чрезъ постепенное поднятіе всей массы, при чемъ мѣрою движенія, происходившаго подъ этими скалами Этны, служатъ рѣзко промытыя моремъ линіи на различныхъ высотахъ надъ нынѣшнею поверхностью Средиземнаго моря. Красивые гроты, обрамленные базальтовыми призмами, и Фаральони или Циклопическія скалы, неподалеку отъ Ачи-Трезы, точно также свидѣтельствуютъ о значительныхъ перемѣнахъ, совершившихся въ строеніи лавъ съ тѣхъ поръ, какъ гроты эти вышли изъ внутренности вулкана.

Въ теченіе двадцати пяти вѣковъ новаго періода, освѣщеннаго исторіею болѣе или менѣе неясно, Этна извергала расплавленныя вещества болѣе ста разъ, при чемъ изверженія длились иногда по нѣскольку лѣтъ. Въ этихъ пароксизмахъ горы, впрочемъ, нельзя было замѣтить ни какой либо правильности, ни совпаденія съ вулканическими движеніями Эолійскихъ острововъ. Разсѣлины по всей окружности вулкана происходятъ безъ всякаго порядка; количество выходящихъ изъ нихъ лавъ весьма неодинаково. Самый значительный потокъ, о которомъ говоритъ исторія—это тотъ самый, который излился на городъ Катану въ 1669 году. Выйдя изъ земли при весьма высокой температурѣ, онъ разлился сперва озеромъ по полямъ Николози, расплавилъ и унесъ, какъ льдину, часть преграждавшаго его движеніе холма Монпильери, потомъ раздѣлился на три потока, изъ которыхъ самый широкій, завернувъ къ юго-востоку направился на Катану, стеръ съ лица земли часть города, затопилъ сады въ потопѣ шлака и выдвинулъ въ море почти на цѣлый километръ мысъ,

который занялъ мѣсто бывшаго порта. Количество лавы, вышедшей тогда изъ Этны и обратившей въ каменную пустыню до сотни квадратныхъ километровъ необыкновенно плодородныхъ полей, на которыхъ въ четырнадцати городахъ и селеніяхъ жило болѣе двадцати пяти тысячъ жителей, опредѣляютъ въ милліардъ кубическихъ метровъ. Изъ пепла, выброшеннаго верхней отдушиной трещины во время большаго изверженія, образовался двойной конусъ Монти-Росси съ красивымъ кратеромъ, заросшій теперь лѣсомъ дрока съ золотыми цвѣтами. По наружнымъ склонамъ Этны раскиданы въ разныхъ мѣстахъ, какъ памятники бывшихъ изверженій, болѣе семисотъ побочныхъ конусовъ такого же происхожденія, какъ и Монти-Росси. Одни изъ нихъ, болѣе древніе, почти совершенно разрушены непогодами или погребены подъ позднѣйшими потоками лавъ, другіе же сохранили еще свою первоначальную коническую форму, представляя настоящія горы въ нѣсколько сотъ метровъ высоты. Многіе изъ нихъ покрыты лѣсами, а есть между ними и такіе, кратеры которыхъ обратились въ сады, въ очаровательныя котловинки, въ которыхъ среди зелени виднѣются дачные дома.

Поясъ отъ тысячи до двухъ тысячъ метровъ, въ которомъ тѣснится больше всего паразитныхъ конусовъ, указываетъ именно на ту область вулкана, гдѣ внутренняя сила дѣйствуетъ всего сильнѣе. Около вершины подземная дѣятельность бываетъ обыкновенно не такъ сильна, и верхушечный кратеръ, въ большей части изверженій, представляетъ нѣчто вродѣ трубы, изъ которой вырываются столбомъ водяные пары и вулканическіе газы. Дымовыя же скважины по всей окружности дѣлаютъ изъ почвы нѣчто вродѣ каши, и вслѣдствіи отдѣленія различныхъ веществъ пестрятъ окалину различными яркими цвѣтами: багрово-краснымъ, золотисто-желтымъ, изумрудно-зеленымъ. Жаръ внутренняго очага бываетъ обыкновенно весьма чувствителенъ на внѣшнихъ склонахъ конуса; онъ слѣпляетъ камни въ одну общую массу, по которой взбираться далеко не такъ трудно, какъ по подвижному пеплу Везувія. Посѣтителямъ рѣдко приходится бояться, при своемъ восхожденіи, паденія какой нибудь вулканической бомбы, хотя и бывали иногда изверженія камней, выбрасывавшихся снопами изъ верхняго жерла. Рекуперо видѣлъ даже каменныя глыбы, бросаемыя на высоту двухъ тысячъ ста пятидесяти метровъ; но это, конечно, явленія исключительныя. Если бы дожди изъ окалины были часты, то маленькое римское сооруженіе, называемое „Философской Башней“, стоящее на плечахъ горы, надъ самыми безднами долины дель-Бове, давно бы было погребено подъ обломками. Слѣдовательно, на этихъ высотахъ безопасно было бы построить метеорологическую обсерваторію,

которая была бы необыкновенно полезна, ибо на вершинѣ вы присутствовали бы при образованіи грозъ, разражающихся въ равнинѣ, и наблюдали бы сверху столкновеніе полярнаго и экваторіальнаго вѣтровъ, возвѣщающихъ погоду, которая готовится для нижнихъ областей Европы и Африки.

Вершина Этны не доходитъ до пояса вѣчныхъ снѣговъ, и теплота подземнаго очага растопляетъ большую часть снѣга, скопляющагося въ пустотахъ. Впрочемъ, верхняя половина горы большую часть года остается бѣлою. Таяніе этихъ снѣговъ и обильные дожди, приносимые морскимъ вѣтромъ, должны были бы повидимому образовать множество ручьевъ по бокамъ вулкана, но камни и пепелъ, покрывающіе откосы скалъ изъ твердой лавы, быстро поглощаютъ на высотахъ всякую влажность, и лишь изрѣдка встрѣчаются счастливыя мѣста, въ которыхъ бьетъ какой нибудь источникъ. Большіе источники появляются только при подошвѣ горы, а нѣкоторые изъ нихъ непосредственно около моря. Таковъ источникъ Ацисъ, вырывающійся изъ лабиринта скалъ, которыми „тысячеголосый“ исполинъ Полифемъ, т. е. сама Этна, бросалъ въ корабли мудраго Улисса; такова также рѣка Аменано, появляющаяся въ самомъ городѣ Катанѣ и изливающаяся въ море серебряными каскадами. При видѣ этихъ чистыхъ, свѣтлыхъ источниковъ, являющихся среди черныхъ песковъ и сожженныхъ скалъ, становится понятнымъ, почему древніе греки считали ихъ существами божественными, выбивали въ честь ихъ медальоны и воздвигали имъ статуи. Катана была подъ покровительствомъ бога Аменаноса, который напоялъ ее своими водами.

Хотя текущей воды на склонахъ Этны почти совсѣмъ нѣтъ, тѣмъ не менѣе влажность сохраняется въ пеплѣ въ такомъ достаточномъ количествѣ, что питаетъ богатую растительность: отлогости горы покрыты зеленью, повсюду гдѣ только кора потоковъ лавы не слишкомъ тверда для того, чтобы растенія могли пускать въ нее свои корни. Только верхнія области, покрытыя большую часть года снѣгами, сохранили, почти по всей окружности горы, свою первобытную наготу. Впрочемъ, довольно странно, что на вершинѣ Этны не существуетъ альпійской растительности, хотя средняя температура атмосферы и почвы здѣсь именно такая, какая для нея требуется. Геологи приходятъ поэтому къ заключенію, что Этна всегда была отдѣлена отъ Альпъ большими пространствами, которыя не могли перелетать птицы, несущія въ своихъ зобахъ или на перьяхъ лапокъ плодоносныя сѣмена.

Нѣкогда вулканъ былъ окруженъ полосою лѣсовъ: внизъ отъ области снѣговъ и пепла, и вверхъ отъ пояса пашенъ простиралась область боль-

шихъ дубовыхъ, буковыхъ, сосновыхъ и каштановыхъ лѣсовъ. Нынѣ же, по южнымъ склонамъ, по которымъ обыкновенно взбираются на гору посѣтители — лѣсовъ уже не существуетъ, и лишь тамъ и сямъ встрѣчаются толстые дубовые стволы съ обрѣзанными вѣтвями. На другихъ же склонахъ группы деревьевъ встрѣчаются чаще, а остатки высокоствольныхъ лѣсовъ на сѣверной сторонѣ придаютъ нѣкоторымъ пейзажамъ Этны совершенно альпійскій характеръ. Но дровосѣки съ ожесточеніемъ продолжаютъ свое дѣло лѣсоистребленія, такъ что можно опасаться, что въ непродолжительномъ времени отъ древнихъ лѣсовъ не останется ничего. Роскошные каштаны западнаго склона, между которыми недавно еще производилъ удивленіе каштанъ „Ста Лошадей“, который теперь отъ старости и непогоды распался на три отдѣльныя части, свидѣтельствуютъ о необыкновенной плодородности вулканическихъ лавъ. Прямые, гладкіе, разбухшіе отъ соковъ молодые побѣги порослей бѣгутъ изъ земли съ такою необыкновенною скоростью, что, если бы земледѣльцы захотѣли, то обезлѣсенная полоса Этны могла бы въ нѣсколько лѣтъ возвратить себѣ лиственную красу.

Что касается пояса обработанныхъ земель, которыя образуютъ широкую полосу вокругъ основанія горы, то многія мѣста его представляютъ прекраснѣйшій изъ садовъ. Рощи масличныхъ, апельсинныхъ, лимонныхъ и другихъ плодовыхъ деревьевъ, къ которымъ мѣстами примѣшиваются группы пальмъ, превращаютъ всѣ нижніе склоны въ огромный фруктовый садъ; надъ массами зелени всюду виднѣются виллы, куполы церквей и монастырей. Земля такъ плодородна, что произведеній ея достаточно для населенія, которое въ три или четыре раза гуще, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ Сициліи и Италіи. Болѣе трехсотъ двадцати тысячъ человѣкъ тѣснятся на пространствѣ въ 1,200 километровъ, на склонахъ той самой горы, которую, какъ и прежде, считали мѣстомъ ужасовъ, мѣстомъ неминуемой опасности, и которое дѣйствительно разверзается отъ времени до времени и покрываетъ свои поля огненнымъ потокомъ. Населеніе обитаемой полосы Этны составляетъ 550 человѣкъ на квадратный километръ, между тѣмъ какъ въ Италіи на километръ приходится не болѣе 90. При подошвѣ вулкана, города почти касаются другъ друга и нанизаны одинъ къ другому, какъ жемчугъ на ожерельѣ. Едва потокъ лавы успѣетъ покрыть собою какую нибудь часть этой цѣпи человѣческихъ жилищъ, какъ она снова возстановляется надъ остывшими камнями. Взобравшись на края кратера Этны, зритель съ удивленіемъ созерцаетъ эти людскіе муравейники, кишащіе при подошвѣ могучей горы. Концентрическій поясъ зелени и домовъ составляетъ странный контрастъ

ЧАСОВНЯ СВ. РОЗАЛІИ ВЪ СИЦИЛІИ.

съ пустынею снѣговъ и черпаго пепла, занимающею центръ картины, и съ необитаемыми крутизнами известковыхъ горъ по ту сторону Симето. Но это только часть громадной панорамы въ 200 метровъ въ окружности. Путешественники совершенно справедливо восхваляютъ почти ни съ чѣмъ несравнимое зрѣлище трехъ морей: Іоническаго, Сардинскаго и Африканскаго, которыя окружаютъ своими болѣе синими чѣмъ небо водами треугольную массу Сициліи, высокіе полуострова Калабріи и разбросанные Эолійскіе острова.

Горы Пелоръ, составляющія сицилійское продолженіе итальянскихъ Аспромонте, имѣютъ весьма скромную высоту въ сравненіи съ Этной, но онѣ существовали уже давно, еще въ то время, когда мѣстность, въ которой возвышается теперь вулканъ, была морскимъ заливомъ. Прежде думали, что высшая вершина Пелора, посвященная древними Нептуну, а нынѣшними сициліанцами „Пресвятой Маріи“ (*Dinna Mare*), имѣла нѣкогда кратеръ, но въ самомъ дѣлѣ ничего подобнаго не бывало. Горы эти, состоящія изъ первобытныхъ и переходныхъ каменныхъ породъ и одѣтыя по бокамъ известнякомъ и мраморомъ, тянутся сперва вдоль берега Іоническаго моря, который весь окаймленъ обрывистыми мысами, потомъ поворачиваютъ свой главный хребетъ къ западу и идутъ параллельно берегамъ Эолійскаго моря. Въ срединѣ своей длины цѣпь, извѣстная въ этомъ мѣстѣ подъ названіемъ Мадоніи, достигаетъ своей наибольшей высоты, а пощаженные еще топоромъ превосходные лѣса придаютъ ей совершенно сѣверный видъ; можно подумать, что это Апеннины или Приморскія Альпы. Къ сѣверу отъ горъ въ море выдаются почти совершенно изолированные известковые мысы, и, благодаря красотѣ ихъ профиля и разнообразію формъ, самый берегъ является однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ береговъ Средиземнаго моря. Посѣтивъ даже берега Прованса, Лигуріи и Неаполитанской области, вы поражаетесь видомъ гордыхъ мысовъ сицилійскаго берега и съ удивленіемъ смотрите на огромную четырехугольную глыбу Кефалу, на слегка волнообразный холмъ Термини, на отвѣсныя массы Кальтафано и, въ особенности, на естественную крѣпость Монте Пеллегрино, близъ Палермо, представляющую почти неприступную скалу въ 20 километровъ въ обходѣ, гдѣ старый Гамилькаръ Барка въ теченіи трехъ лѣтъ держался противъ всѣхъ усилій римской арміи. Гора Санъ-Джуліано, которою оканчивается цѣпь на западъ, представляетъ также почти изолированную остроконечную известковую вершину; въ древности гора эта называлась Эриксъ и была посвящена Венерѣ.

Всѣ горы, расходящіяся отъ главной цѣпи въ южныя части острова,

постепенно понижаются такимъ образомъ, что общая покатость Сициліи обращена къ морямъ Іонійскому и Африканскому, такъ что стокъ водъ совершается почти только по этимъ двумъ склонамъ; всѣ рѣки, имѣющія постоянное теченіе, какъ-то Платани, Сальсо, Симето текутъ къ югу отъ хребта горъ Небродскихъ и Мадоніи, потоки же сѣвернаго склона суть ничто иное, какъ *fiumare*, которыя бываютъ страшны только послѣ дождей, въ сухое же время года теряются въ каменныхъ поляхъ. Къ югу же отъ горъ находятся озера и болота острова, *pantani*, и озеро или *bivicre* Лентини, наибольшее водное пространство въ Сициліи, кромѣ того озеро Пергуза или Энна, окруженное цвѣтущимъ лугомъ, на которомъ играла Прозерпина, когда ее похитилъ черный Плутонъ, и „прудъ“ Терранова и многія другія болотистыя пространства, которыя были нѣкогда морскими заливами. На сколько сѣверный берегъ живописенъ, неожиданъ по своимъ очертаніямъ и богатъ обрывистыми мысами, на столько же южный однообразенъ и ритмически изрѣзанъ одинаково вдающимися въ землю песчаными бухтами, которыя не даютъ никакой защиты судамъ. Естественные порты при этихъ берегахъ немногочисленны и опасны, такъ что въ зимнія бури корабли подвергаются въ этихъ частяхъ моря большимъ опасностямъ.

Длинная покатость Сициліи къ югу отъ горъ Мадоніи состоитъ изъ третичныхъ земель и новѣйшихъ слоевъ, содержащихъ множество ископаемыхъ раковинъ, которыя въ сосѣднихъ моряхъ встрѣчаются еще въ живомъ состояніи. По большему или меньшему содержанію черепокожихъ, собираемыхъ какъ въ скалахъ, такъ и въ водѣ, различные геологи, и въ особенности Ляйель, могли опредѣлить относительную древность глинъ и известковыхъ брекчій въ этихъ мѣстностяхъ. Найдено, что во всей Европѣ нѣтъ ни одной мѣстности, въ которой новѣйшія формаціи были бы тверже, плотнѣе и возвышеннѣе, чѣмъ въ Сициліи: такъ постпліоценовыя горныя породы въ самомъ центрѣ острова, около Кастро-Джіованни, достигаютъ высоты 900 метровъ.

Различныя же высоты другихъ Сицилійскихъ горъ суть:

Гора Этна	3,313 метровъ.	Ченторби	736 метровъ.
Мадонія (Пиццо-ди-Казе) .	1,931 „	Монте Санъ Джуліано . .	700 „
Динпамаре	1,100 „	Монте Паллегрино . . .	600 „

Другая замѣчательная особенность состоитъ въ томъ, что третичные слои, составляющіе высокіе холмы на югѣ Катанской равнины, перемежаются съ слоями вулканическихъ веществъ, и эти слои, перемѣшанные съ известнякомъ и туфомъ, произошли, очевидно, вслѣдствіи подводныхъ изверженій. Глина, песокъ, кучи раковинъ отлагались на днѣ

морскомъ правильными слоями; открывавшіяся же внезапно вулканическія жерла извергали пепелъ и шлакъ, а затѣмъ море снова начинало свою работу, т. е. уравнивало выброски и образовывало новые аллювіальные слои, которые опять ломались и покрывались вулканическими веществами. Такимъ именно путемъ образовались подъ моремъ глубокіе слои, расположенные къ западу отъ банки Нериты, между Джирдженти и островомъ Пантелларіа, гдѣ съ начала историческаго періода время отъ времени появляется вулканъ Джуліа или Фердинандеа. Говорятъ, его видѣли въ 1801 году; тридцать лѣтъ спустя, онъ появился снова и былъ окруженъ островкомъ въ 6 километровъ въ окружности, который изучали Жюссье и Констанъ Прево; въ 1863 г. онъ появился въ третій разъ; но время окончательнаго его выхода изъ воды еще не пришло. Море всегда разметывало пепелъ и шлаки, разравнивало ихъ въ правильные слои и смѣняло ихъ своими собственными отложеніями. Въ 1840 году холмъ подводнаго вулкана былъ покрытъ не болѣе какъ двумя метрами воды, а нынѣ зондъ не достигаетъ здѣсь дна на глубинѣ 100 метровъ.

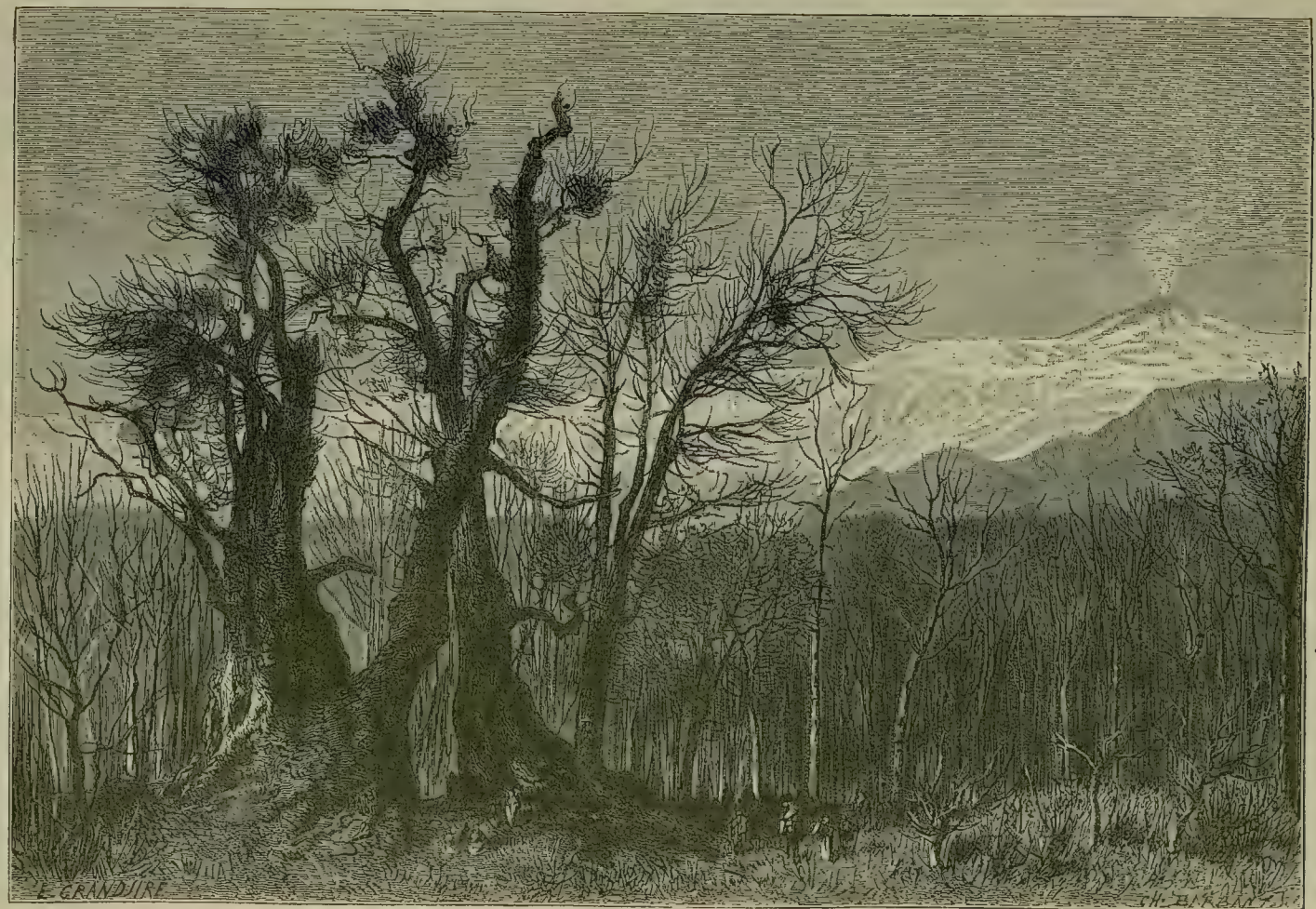
И эта вулканическая пасть, открывающаяся въ открытомъ Средиземномъ морѣ, является не единственнымъ свидѣтельствомъ дѣятельности подземнаго огня въ южныхъ частяхъ Сициліи. Различные минеральные источники выдѣляютъ угольную кислоту и другіе газы, происходящіе отъ внутренней работы. Въ перемежающемся озерѣ Нафта или Паличи, около Палагоніи, на югѣ Катанской равнины, существуютъ три небольшіе кратера, которые открываются среди нефтяныхъ водъ и испускаютъ большими клубами негодные для дыханія газы; птицы боятся перелетать озеро, а отъ маленькихъ животныхъ, которыя приближаются къ нему, остаются только одни трупы. Боги Паличи были такъ грозны въ глазахъ древнихъ, что скрывшійся въ ихъ святилище считался неприкосновеннымъ, а спасшіеся туда рабы получали право высказывать господамъ свои желанія. И въ наше время эти озерные кратеры внушаютъ еще туземцамъ большой страхъ, хотя послѣдніе и не замѣнили языческихъ храмовъ очистительной капеллой. Озеро Пергуза представляетъ, вѣроятно, иногда подобныя же явленія. Этотъ древній кратеръ, около 7 метровъ въ окружности, почти всегда бываетъ густо населенъ угрями и линями, но иногда всѣ эти рыбы погибаютъ, и поверхность озера покрывается ихъ разлагающимися трупами. Эту ужасающую смертность причиняютъ, безъ сомнѣнія, выдѣленія газа. Далѣе къ западу, около палаццо Адріано, въ декабрѣ 1870 г. билъ изъ земли новый газовый источникъ. Позднѣе, въ 1878 году, произошло большое изверженіе жидкой грязи и газовъ на южной

сторонѣ Этны, близъ Патерно. Вообще вся подпочва Сициліи находится въ состояніи химическаго броженія.

Главный центръ вулканической дѣятельности внѣ этнинской Сициліи находится въ окрестностяхъ Джирдженти, въ мѣстности, называемой „Маккалуби“. Видъ равнины здѣсь измѣняется съ каждымъ сезономъ: лѣтомъ маленькіе кратеры бываютъ наполнены глинистой кашей и безпрестанно испускаютъ пузырьки газа и изливаютъ на свои наружные склоны грязь; но когда наступаютъ зимніе дожди, всѣ конусы разжижаются и превращаются въ какое-то тѣсто, изъ котораго подымается паръ. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія почву колебали иногда небольшія землетрясенія, и фонтаны грязи и камней подымались снопами до высоты 10 или 20 метровъ; исключительное же изверженіе 1777 г. выбрасывало обломки на высоту 30 метровъ. Въ наше время Маккалуби спокойнѣе. Эти лабораторіи грязи, какъ и вулканы, извергающіе лаву, имѣютъ свои періоды покоя и возбужденія.

Залежи сѣры, составляющей одно изъ главныхъ богатствъ Сициліи, происходятъ, вѣроятно, косвеннымъ образомъ отъ тѣхъ же подземныхъ лавовыхъ горновъ, но ни на склонахъ, ни въ непосредственномъ сосѣдствѣ Монжибелло такихъ залежей нѣтъ ни одной. Массы сѣры, раскиданныя небольшими бассейнами, расположены отъ востока къ западу болѣе чѣмъ на четверти поверхности острова, въ третичныхъ земляхъ, простирающихся отъ Ченторби до Каттолика въ провинціи Джирдженти. Всѣ онѣ относятся къ послѣдней эпохѣ міоценоваго періода и лежатъ на слояхъ ископаемыхъ инфузорій, испускающихъ сильный запахъ нефти. Геологи расходятся еще относительно того, какимъ образомъ отложилась сѣра, но кажется весьма вѣроятнымъ, что она происходитъ отъ сѣрнистой известковой смѣси, принесенной изъ нѣдръ земли теплыми источниками и разложившейся отъ дѣйствія атмосферы. Геологическая формація, въ которой встрѣчается сѣра, богата въ то же время гипсомъ и каменною солью: во многихъ мѣстахъ близость соляныхъ слоевъ узнаютъ по виднѣющимся на поверхности солянымъ налетамъ, извѣстнымъ подъ названіемъ *occhi di sale* „соляные глаза“.

Сицилія, подобно Греціи, пользуется счастливѣйшимъ климатомъ. Высокая температура лѣта умѣряется морскими вѣтрами, которые дуютъ регулярно въ самые жаркіе часы дня. Зимніе холода чувствуются только вслѣдствіи полнаго недостатка комфорта въ домахъ, ибо морозы здѣсь неизвѣстны и снѣгъ весьма рѣдко падаетъ на низкіе склоны горъ. Осенніе дожди бываютъ весьма обильны, но они часто перемежаются съ прекрасными солнечными днями и не успѣваютъ вполнѣ охлаждать атмо-



КАШТАНЪ „СТА ЛОШАДЕЙ“ И ЭТНА.

сферу. Господствующіе вѣтры, дующіе съ сѣвера и съ запада, весьма здоровы, но сирокко, дующій главнымъ образомъ съ юго-востока, напротивъ, весьма опасенъ, какъ вѣтеръ смертельный, въ особенности на сѣверной сторонѣ, куда онъ достигаетъ, потерявъ почти всю свою влажность. Онъ продолжается обыкновенно три или четыре дня, въ которые опасаются очищать вино, солить говядину и красить комнаты или мебель. Этотъ вѣтеръ составляетъ главный недостатокъ климата. Въ нѣкоторыхъ частяхъ Сициліи также весьма опасны болотныя испаренія, но это уже вина человѣка, допускающаго порчу воды. Оттого-то въ Агосто и Сиракузахъ, на восточномъ берегу, и свирѣпствуютъ лихорадки.

Средняя температура въ Палермо и Мессинѣ	18° Ц.
„ „ въ Катанѣ и Джирдженти. . . .	20° „
Разница между зимней и лѣтней температурой отъ 2° до	33° „
Среднее количество дождя въ Палермо	0,595 м.

Благодаря условіямъ температуры и влажности, растительность въ равнинахъ и низкихъ долинахъ Сициліи представляетъ полу-тропическій характеръ. Здѣсь легко акклиматизировалось множество чужеземныхъ растеній изъ Азіи и Африки, до чайнаго дерева включительно. Финиковыя деревья растутъ группами не только въ садахъ, но и на открытомъ полѣ; равнины, окружающія Счіакко и имѣющія совершенно африканскій видъ, во многихъ мѣстахъ сплошь покрыты малорослыми пальмами или *giummare*, благодаря которымъ древней Селинунтѣ придали прозваніе *Palmosa*; различные виды хлопчатника растутъ на склонахъ холмовъ до высоты 200 метровъ; банановъ, сахарный тростникъ и бамбукъ цвѣтутъ безъ оранжерей; *Victoria regia* покрываетъ пруды своими широкими листьями и цвѣтами; нильскій папирусъ, неизвѣстный ни въ какихъ другихъ частяхъ Европы, растетъ здѣсь вмѣстѣ съ большими тростниками, запружывающими рѣку Анапусъ, въ окрестностяхъ Сиракузъ; недавно онъ росъ также въ Орето, около Палермо, но теперь исчезъ. *Cactus opuntia*, или варварійское фиговое дерево, хотя и не европейскаго происхожденія, сдѣлался самымъ характеристическимъ растеніемъ на прибрежныхъ поляхъ Сициліи: самые неуступчивые для обработки потоки лавы въ короткое время заростаютъ негостепріимными кустами этого кактуса съ зеленоватою, усаженною шипами мясистою поверхностью. При южной подошвѣ Этны эти южныя растенія, равно какъ и всѣ другія растенія сосѣднихъ тропическихъ странъ, подымаются до наибольшей высоты. Безъ особенно усиленнаго ухода крестьяне выращиваютъ апельсинныя деревья на высотѣ болѣе 500 метровъ, виноградъ свободно растетъ на двойной высотѣ,

а лиственница растетъ сама собою до высоты 2,250 метровъ. Эти склоны, обращенные къ африканскому солнцу,—самыя теплыя мѣста въ Европѣ, и не только вслѣдствіи своего положенія, но и вслѣдствіи полной защищенности вулканомъ отъ сѣверныхъ вѣтровъ и вслѣдствіи черноватаго цвѣта шлака и пепла, на которые падаютъ южные лучи солнца.

Мѣстности, покрытыя деревьями и кустами, всегда сохраняютъ зеленый видъ; даже зимою апельсинныя и лимонныя деревья, олеандръ, мастиковое дерево, тамарисъ, кипарисъ, сосна всегда сохраняютъ свою листву и придаютъ такимъ образомъ природѣ тотъ пріятный видъ, который такъ рѣзко отличается отъ угрюмости нашихъ сѣверныхъ зимнихъ пейзажей. Такимъ образомъ, при нѣкоторой заботѣ, садоводы постоянно поддерживаютъ жизнь въ своихъ садахъ: въ Сициліи не бываетъ плодовъ-первинокъ, потому что круглый годъ можно получать свѣжія овощи. По близости Сиракузъ сады отличаются особенною красотою, благодаря той противуположности, которую составляетъ ихъ дивная растительность съ обнаженными скалами. Въ особенности замѣчателенъ изъ нихъ одинъ, въ который вы попадаете какъ бы волшебствомъ, по выходѣ изъ одной разсѣлины: это волшебное мѣсто зелени, тѣни и благоуханія, и есть Intangliatella, или Latomia de'Greci,—одна изъ камнеломенъ, въ которой греческіе рабы тесали камни для сиракузскихъ храмовъ и дворцовъ. Апельсинныя и лимонныя деревья, японская ирга, персиковыя деревья, стручковый багряникъ, произрастающіе на открытомъ воздухѣ, тянутся къ свѣту и достигаютъ высоты 15 и 20 метровъ; стволы деревьевъ окружены густыми кустарниками; вѣтви перемѣшиваются съ гирляндами ліанъ; надъ аллеями висятъ цвѣты и плоды; въ вѣтвяхъ поютъ множество птицъ. А надъ этимъ элизіумомъ душистыхъ и цвѣтущихъ деревъ возвышаются отвѣсные утесы каменоломни, изъ которыхъ одни голы и бѣлы, какъ въ тѣ дни, когда здѣсь тесали камни аѳинскіе невольники, другіе же одѣты сверху до-низу плющемъ или же заросли на выступахъ рядами кустарниковъ.

Находясь на перепутьѣ всѣхъ націй, споривших другъ съ другомъ за владычество на Средиземномъ морѣ, Сицилія, въ своемъ нынѣшнемъ положеніи, должна представлять смѣсь самыхъ разнообразныхъ элементовъ. Не говоря о сиканахъ, сикулахъ и другихъ первобытныхъ жителяхъ, которымъ, по недостатку историческихъ свѣдѣній, нельзя отвести настоящаго мѣста среди другихъ европейскихъ народовъ, но которые говорили, вѣроятно, на языкѣ родственномъ латинскимъ нарѣчіямъ, побережье острова колонизировали, какъ извѣстно, финикіяне и карѳагеняне, а греки достигли почти такой же многочисленности, какъ на своей

родинѣ. Уже двадцать шесть вѣковъ тому назадъ Сицилія начала эллинизироваться основаніемъ Наксоса на морскомъ мысѣ, при подошвѣ Этны. Вскорѣ затѣмъ число греческихъ городовъ увеличили Сиракузы, ставшія впослѣдствіи столь могущественною республикою, а засимъ Лентини, Катана, Мегара, Хиблея, Мессина, Химера, Селинусъ, Камарина, Агригентъ. Вся окраина острова, какъ въ наше время берегъ Македоніи, Ѳракіи и Малой Азіи, составляла вторую Грецію, въ ущербъ оттѣсненному во внутрь туземному населенію. Да и не были ли берега Сициліи на самомъ дѣлѣ второю Элладою по климату, по прозрачности воздуха, по виду горъ и утесовъ? Мраморный портъ и Сиракузская бухта, акрополь и гора Гибла — не представляютъ ли собою пейзажа, какъ бы перенесеннаго изъ Аттики или Пелопоннеза? Источникъ Аретузы, который появляется изъ залива у морскаго берега на островкѣ Ортигіи и вода котораго идетъ изъ внутренности страны, подъ морскимъ проливомъ, походитъ на Эразиносъ и многіе другіе источники Эллады, которые теряются въ пропастяхъ плоскогорій и потомъ снова появляются на свѣтъ Божій у самаго морскаго берега. Сиракузцы говорили, что любовникъ нифмы Аретузы, рѣка Алфей, вовсе не смѣшивается съ Іоническимъ моремъ, а, выйдя изъ равнинъ Элиды, исчезаетъ подъ солеными водами и появляется снова на сицилійскомъ берегу. Иногда видали, разсказываютъ мореходцы, какъ Алфей вспѣнивалъ воду на поверхности моря около источника Аретузы, и въ его потокѣ кружились листья, цвѣты и плоды съ деревьевъ Греціи. Найдется ли другая подобная легенда, которая говорила бы о такой трогательной любви къ родинѣ? Вся природа, со своими рѣками, источниками и растеніями слѣдовала за эллиномъ на его новую родину.

Сицилія была тогда гораздо населеннѣе, чѣмъ въ наше время, и въ эпоху своего благоденствія должна была считать въ себѣ нѣсколько милліоновъ грековъ, если судить по громаднымъ цифрамъ населенія Сиракузъ, Селинуса и Агригента. Карѳагенскіе купцы и солдаты больше эксплоатировали страну, чѣмъ ее населяли, и хотя они господствовали въ различныхъ частяхъ острова въ теченіе трехъ или четырехъ вѣковъ, но оставили на немъ лишь слабые слѣды своихъ стѣнъ, монеты и надписи. Самые различные памятники ихъ господства въ Сициліи, какъ справедливо замѣтилъ Деннисъ, представляютъ опустошенныя мѣстности, въ которыхъ стояли города Химера и Селинусъ. Но какъ бы ни было ничтожно участіе карѳагенянъ, по сравненію съ греками, въ перекрещиваніяхъ племенъ сицилійскаго населенія и, слѣдовательно, въ будущихъ судьбахъ народа,—участіе это не слѣдуетъ оставлять безъ внима-

нія: пуническій элементъ все-таки вошелъ въ кровь націи. То же самое и съ гораздо большимъ основаніемъ должно сказать о римскихъ завоевателяхъ, которымъ островъ принадлежалъ около семи столѣтій. Вандалы и готы также оставили свои слѣды. Сарацины, люди столь смѣшанной крови, бывшіе въ одно и то же время и арабами и берберами, сообщили сицилійскому генію свой южный огонь, между тѣмъ какъ ихъ побѣдители и ученики въ цивилизаціи, норманны, внесли положительныя свойства, смѣлость и необузданную мощь, одушевлявшую въ то время суровыхъ сыновъ борейскихъ морей. Когда они осаждали Палермо, въ 1071 г., на островѣ говорили не менѣе, какъ на пяти языкахъ: на арабскомъ, на еврейскомъ, на греческомъ, на латинскомъ и на народно-сицилійскомъ; но арабскій, какъ языкъ цивилизованный, имѣлъ такое преобладаніе, что надписи на дворцахъ и церквахъ, даже во время нормандскаго господства, вырѣзывались именно на этомъ языкѣ: при дворѣ короля Рожера, Эдризи издалъ свою великую географію, одинъ изъ главныхъ памятниковъ науки. Въ 1223 послѣдніе арабы по языку были изгнаны въ Неаполитанскую область, но примѣсь ихъ крови уже глубоко измѣнила націю.

Впослѣдствіи, французы, нѣмцы, испанцы, арагонцы точно также способствовали, хотя и въ меньшей степени, образованію изъ сицилійцевъ народа, отличающагося отъ своихъ итальянскихъ сосѣдей какъ по виду, нравамъ и обычаямъ, такъ и по національному чувству. Всѣхъ континентальныхъ жителей, даже жителей Калабріи, островитянинъ считалъ иностранцами. А недостатокъ удобныхъ сообщеній давалъ возможность различнымъ группамъ населенія сохранять дольше свой языкъ и отличительныя племенныя черты. Такъ, по удивительной странности, изгнанные норманнами на островъ, ломбарды сохраняли свой языкъ въ Сициліи еще нѣсколько вѣковъ послѣ исчезновенія этого діалекта въ самой Ломбардіи. И еще въ настоящее время около пятидесяти тысячъ сицилійцевъ обнаруживаютъ въ языкѣ свое ломбардское происхожденіе; въ Піаццѣ, Армеринѣ, Айдонѣ, Санъ-Фрателло, Никозіи продолжаютъ говорить на испорченномъ ломбардскомъ языкѣ; всего же чище это древнее нарѣчіе въ Санъ-Фрателло, расположенномъ на крутомъ холмѣ къ сѣверной сторонѣ острова; въ Никозіи, внутри острова, ломбардскій акцентъ сохранилъ въ себѣ еще нѣчто похожее на акцентъ древнихъ франко-нормандскихъ завоевателей. Вообще сицилійскій языкъ, особенно въ самыхъ внутреннихъ мѣстахъ острова, не совсѣмъ еще итальянизированъ, а содержитъ въ себѣ также много греческихъ выраженій; сверхъ того, множество арабскихъ словъ и названій городовъ напоминаютъ бывшее

господство сарацинъ. Одно изъ самыхъ любопытныхъ выраженій—есть названіе „валь", прилагаемое къ различнымъ провинціямъ Сициліи и производимое отъ *вали*—древній титулъ политическихъ правителей. Сицилійское нарѣчіе не такъ звучно, какъ нарѣчія итальянскаго материка; въ немъ часто выбрасываются гласныя между согласными и *o*, и даже *a* и *u* переходятъ въ *y*, что дѣлаетъ выговоръ грубѣе и глуше, но тѣмъ не менѣе онъ удивительно поэтиченъ. Народныя пѣсни въ Сициліи, по своей естественностей прелести и изящному выбору выраженій, уступаютъ только дивнымъ тосканскимъ *rispetti*.

Изъ всѣхъ пришельцевъ, поселившихся волею или неволею въ Сициліи въ различныя времена, только албанцы, по мѣстному *Grecі*, не слились еще вполнѣ съ окружающимъ населеніемъ; въ нѣкоторыхъ внутреннихъ городахъ, и особенно въ Піана де Греки, на террасѣ, возвышающейся съ юга надъ Палермскою бухтою, они составляютъ отдѣльныя группы, какъ по языку, такъ и по религіознымъ обрядамъ. Но хотя сліяніе всѣхъ другихъ этническихъ элементовъ и кажется окончательнымъ, тѣмъ не менѣе разница между различными частями сицилійскаго населенія еще болѣе или менѣе значительна, смотря по преобладанію въ ихъ смѣшеніяхъ крови того или другаго племени. Этнинцы, особенно жители Катапы и Аче-Реале, эллинское происхожденіе которыхъ быть можетъ чище, чѣмъ самихъ грековъ, такъ какъ они чужды славянской примѣси, пользуются прекрасною репутаціею людей любезныхъ, гостепріимныхъ и доброжелательныхъ. Они умнѣе и образованнѣе всѣхъ сицилійцевъ. Жители же Трапани, говорятъ, всѣхъ красивѣе, и ихъ женщины очаровываютъ иностранца правильностію и пріятностію лица. Напротивъ, палермцы, на которыхъ арабское вліяніе отразилось сильнѣе чѣмъ на всѣхъ другихъ, представляютъ вообще черты тяжелыя, не красивыя, почти варварскія; они неохотно открываютъ свое жилище для иностранца и ревниво прячутъ своихъ женъ въ самые тѣсные уголки своего дома; нравы у нихъ въ нѣкоторой степени мусульманскіе.

Въ Палермо и его округѣ всего дольше сохранились дикіе, воинственные, пиратскіе и разбойничьи нравы. По законамъ *omerta* — „кодексъ благородныхъ людей"—месть обязательна. „*A chi ti toglie il pane, e tu toglili la vita!*" (Кто отниметъ у тебя хлѣбъ, у того ты отними жизнь!) — вотъ главная основа кодекса; но на дѣлѣ палермская месть вовсе не имѣетъ той простоты, какъ корсиканская *vendetta*, а соединяется иногда съ ужасными жестокостями. По нѣсколько можетъ быть преувеличенной статистикѣ, не менѣе четырехъ или пяти тысячъ палермцевъ составили въ серединѣ текущаго столѣтія тайное общество *maffia*, чле-

ны котораго обязываются взаимно жить обманами, мошенничествомъ и кражами всякаго рода. Еще въ 1865 году разбойники были почти полными хозяевами всѣхъ окружающихъ мѣстностей до смежныхъ провинцій Трапани и Джирдженти. Они пытались даже, такъ сказать, осадить Палермо и отдѣлить его отъ предмѣстій; ни одинъ иностранецъ не осмѣливался покидать столицу, боясь быть убитымъ или взятымъ въ плѣнъ бандитами; ни одинъ землевладѣлецъ не ходилъ собирать свой хлѣбъ, виноградъ, оливки, даже стричь свой скотъ, не купивъ у бродягъ права прохода. Не смотря на всѣ исключительныя мѣры, принимаемыя для ея подавленія, маффія, благодаря страху и ненависти къ полиціи, существуетъ до извѣстной степени и теперь.

Исторія маффіи неизвѣстна и рискуетъ остаться въ большей своей части тайною. Ее знаютъ только по сценамъ убійствъ и по возбуждаемымъ ими кровавымъ преслѣдованіямъ. Вѣрно только то, что маффія существовала подъ другими именами со временъ нормандскихъ королей, то увеличиваясь, то уменьшаясь, смотря по превратностямъ политической жизни. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ теченіи послѣднихъ двадцати лѣтъ положеніе дѣлъ ухудшалось вслѣдствіи увеличенія налоговъ, нищеты, рекрутскихъ наборовъ и всѣхъ рѣзкихъ перемѣнъ, послѣдовавшихъ за новымъ политическимъ строемъ. Народъ, привыкшій къ рутинѣ народныхъ злоупотребленій, не успѣлъ еще свыкнуться съ новымъ бременемъ, наложеннымъ на него присоединеніемъ его къ Итальянскому королевству. Тѣмъ не менѣе, каковы бы ни были трудности политическаго перехода, сицилійское населеніе навѣрное итальянизуется, сперва въ городахъ, а потомъ мало-по-малу и въ деревнѣ. Общность языка и интересовъ все болѣе и болѣе привязываетъ островъ къ полуострову, и отнынѣ обѣ страны не могутъ уже не слѣдовать по одному и тому же пути. Для Италіи присоединеніе Сициліи будетъ имѣть неоцѣнимое значеніе, если только установится взаимное доброжелательство, если сохранится миръ и если сами сицилійцы будутъ разумно эксплоатировать богатства своего острова. Значительное увеличеніе населенія, которое съ 1734 почти утроилось, составляетъ признакъ естественныхъ богатствъ страны. Что же произошло бы, если бы вмѣсто варварскихъ способовъ къ извлеченію этихъ богатствъ были приложены окончательно наука и искусство?

Извѣстно, что Сицилія была нѣкогда любимою страною Цереры; здѣсь, именно въ Катанской равнинѣ, добрая богиня научила людей пахать землю, бросать въ нее зерна и жать колосья. И сицилійцы не забыли уроковъ Деметры: большая половина территоріи острова обраба-

тывается подъ зерновые хлѣба; но надо сказать, что жители и не улучшили системы обработки, преподанной имъ богинею въ баснословныя времена, да почти и невозможно имъ работать лучше своихъ предковъ, ибо, въ силу ихъ условій съ благородными собственниками, наслѣдниками нормандскаго феодала, земледѣльцы должны слѣдовать въ работѣ древней рутинѣ. Почти всѣ ихъ инструменты сохранили еще свою первобытную форму, навозъ почти не употребляется, и, бросивъ въ землю сѣмена, крестьянинъ предоставляетъ обыкновенно заботы о своемъ полѣ благодѣтельной природѣ. Проѣзжая по полямъ Сициліи, вы удивляетесь совершенному отсутствію домовъ,—деревень нѣтъ вовсе, а существуютъ только многолюдные города на большихъ другъ отъ друга разстояніяхъ. Всѣ земледѣльцы здѣсь горожане, которые, какъ и въ древности, каждый вечеръ возвращаются въ городъ, и между ними есть такіе, которые обязаны дѣлать каждый день двойной конецъ, километровъ въ десять или больше, для посѣщенія своего поля и возвращенія на ночлегъ; впрочемъ, иногда имъ случается избавить себя отъ обратной ходьбы, проводя ночь въ какой нибудь пещерѣ или во рву, прикрытомъ вѣтвями. Во время жатвы и сбора винограда рабочіе укрываются подъ поставленными навѣсами. Благодаря этому отсутствію человѣческихъ жилищъ, обширныя хлѣбныя поля, покрывающія долины и склоны, представляютъ совершенно особый характеръ угрюмости и торжественности. Вы подумаете, что это страна безлюдная, и спросите себя, для кого же зрѣютъ эти колосья?

Среднее населеніе общинъ въ Сициліи въ 1882 г. было 8,201 чел.

Хотя хлѣбныя поля и обширнѣе земель, посвященныхъ другимъ произрастаніямъ, однако же они не имѣютъ большаго значенія по общей стоимости своихъ произведеній. Земли, прилежащія къ городамъ и занятыя виноградниками, фруктовыми садами, составляютъ весьма обильный источникъ богатства. Въ настоящее время питательная пшеница, какъ главный предметъ вывоза, замѣнена въ Сициліи апельсиномъ, этимъ золотымъ яблокомъ древнихъ. Сицилія нынѣ не „житница“,— она стремится обратиться въ огромный складъ фруктовъ. Семь главныхъ породъ апельсина, подраздѣляющихся на четыреста разновидностей, не считая множества помѣсей, представляютъ для Сициліи цѣнность около пятидесяти милліоновъ франковъ. Дивный садъ, окружающій Палермо, расширяется все болѣе и болѣе на счетъ древнихъ плантацій манны и другихъ культурныхъ растеній и покрываетъ склоны до высоты 350 метровъ. Плоды отправляются ежегодно на материкъ Европы, въ Англію

и въ Соединенные Штаты сотнями милліоновъ. За послѣднее время болѣзни фруктовыхъ деревъ и иностранная конкурренція неблагопріятно стали вліять на цифру вывоза. Апельсины низшаго достоинства, не находящіе себѣ покупателей на иностранныхъ рынкахъ, употребляются на приготовленіе эѳирныхъ маслъ, лимонной кислоты и известковой лимоннокислой соли, изъ которыхъ послѣдняя, употребляемая въ большомъ количествѣ для набивки матерій, составляетъ монополію Сициліи.

Сицилія занимаетъ также одно изъ первыхъ мѣстъ въ Европѣ и, какъ страна винограда, она важнѣйшая изъ провинцій Италіи, въ которыхъ воздѣлывается виноградъ, и одна производитъ вина около пятой части всего, производимаго націею, количества. Воздѣлываніе винограда производится большею частію подъ руководствомъ иностранцевъ и притомъ гораздо лучше, чѣмъ на сосѣднемъ полуостровѣ, хотя филоксера и здѣсь не миновала виноградниковъ. Марсала, Сиракузы, Алкамо, Милаццо отправляютъ множество винъ, которыя справедливо славятся своими превосходными качествами. Южные и западные склоны Этны, отъ Катаны до Бронте, производятъ вина, которымъ теплота почвы сообщаетъ необыкновенный букетъ и крѣпость; только воздѣлывателямъ приходится между виноградными лозами насыпать кучи земли, которыя, сохраняя въ себѣ влагу дождей, отдаютъ ее впослѣдствіи, въ засуху, корнямъ винограда. Главными покупщиками сицилійскихъ винъ, а равно и всѣхъ другихъ земледѣльческихъ произведеній: маслъ, миндаля, хлопка, шафрана и манны, выдѣляемой, какъ и въ Калабріи, однимъ видомъ ясеня, являются Англія и Франція. Шелкъ-сырецъ, который на большомъ средиземномъ островѣ сталъ производиться раньше всѣхъ другихъ странъ Европы, точно также идетъ за границу. Такимъ образомъ, Итальянское королевство, увеличивая въ Сициліи налоги, въ дѣйствительности большую часть ихъ беретъ съ англійскихъ и французскихъ потребителей [1]).

Главный минеральный продуктъ острова, сѣра, точно также сбывается почти исключительно на иностранные рынки. Содержаніе сѣрныхъ залежей весьма различно: въ нѣкоторыхъ скалахъ она составляетъ четверть; но даже тамъ, гдѣ ея 5 или 6 процентовъ, достаточно приблизить къ стѣнѣ мины зажженную лампу, чтобы стѣна закипѣла какъ смола. Для добыванія сѣры въ очищенномъ состояніи и употребляется именно этотъ простой процессъ вывариванія. Отколотыя въ минѣ глыбы кладутся въ кучи на открытомъ воздухѣ, гдѣ онѣ и остаются болѣе или менѣе долго

---

[1]) Винодѣліе Сициліи въ 1884 г. . . . . 3.782,000 гектолитра.
» среднее. . . . . 4 000,000 »

ТИПЫ И КОСТЮМЫ СИЦИЛІАНЦЕВЪ.

подъ разрушительнымъ дѣйствіемъ перемѣнной погоды, а затѣмъ остатки минерала сваливаются кучею надъ огнемъ печи. Камень трескается, и растаявшая сѣра стекаетъ въ приготовленныя для нея формы. Хотя при этой процедурѣ, совершающейся по рутиннымъ правиламъ, теряется около трети всей содержимой въ камнѣ сѣры, тѣмъ не менѣе ежегодное производство весьма прибыльно и не можетъ не расшириться по мѣрѣ улучшенія способовъ извлеченія сѣры и открытія удобныхъ путей сообщенія. Въ 1883 году сицилійскіе сѣропромышленники вывезли въ Европу 391,000 тоннъ сѣры, стоимостью на 37 мил. франковъ т. е. по количеству и стоимости Сицилія дала болѣе трехъ четвертей всего употребляемаго въ промышленности количества.

Къ сожалѣнію, работы по добыванію сѣры производятся главнымъ образомъ дѣтьми отъ 10 до 12 лѣтняго возраста и крайне тяжело отзываются на ихъ здоровьѣ. Исчислено, что однѣ только извѣстныя въ Сициліи залежи содержатъ въ себѣ отъ сорока до пятидесяти милліоновъ тоннъ сѣры и что при нынѣшнихъ размѣрахъ производства онѣ истощились бы только въ теченіе двадцати одного вѣка. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Сициліи, какъ напримѣръ, къ сѣверу отъ Джирдженти, деревни построены изъ сѣрнаго гипса, и атмосфера всегда пропитана запахомъ сѣры [1]).

Каменной соли, которая находится въ тѣхъ же формаціяхъ, какъ и сѣра, хватило бы на всю Европу на весьма значительное время, потому что въ центрѣ острова есть еще цѣлые холмы, состоящіе изъ этого минерала; но соль предметъ вовсе не рѣдкій, и въ Сициліи есть весьма обширныя прибрежья, на которыхъ соловарамъ остается только собирать кристаллы, доставляемые даромъ Средиземнымъ моремъ. На западной оконечности острова, въ Трапани, есть обширныя пространства, занятыя сплошь солончаками, которые попеременно то затопляются водою, то бѣлѣютъ солью; сюда пріѣзжаютъ за нею норвежскіе и шведскіе корабли. Въ морѣ, около того же Трапани, растутъ лучшіе кораллы при сицилійскихъ берегахъ. Тунцы, ловля которыхъ гораздо значительнѣе коралловой, ловятся въ особенности въ большихъ бухтахъ между Палермо и Трапани, между тѣмъ какъ меченосъ—въ Мессинскомъ заливѣ. Вообще, моря Сициліи очень богаты рыбою, и островитяне хвалятся тѣмъ, что они самые искусные рыболовы на западѣ Средиземнаго моря.

Морской путь недавно еще былъ для сицилійцевъ почти единственнымъ путемъ сообщенія, и только въ послѣдней крайности они рѣшались

[1]) Количество сѣрныхъ минъ въ 1882 г. 363
Стоимость добытой сѣры. . . . . 41.582,515 фр.

переѣзжать изъ одного порта въ другой сухимъ путемъ. Объ этомъ можно судить уже по тому, что по единственной проѣзжей дорогѣ на островѣ, соединяющей Палермо съ Мессиною, чрезъ Катану и Леонфорте въ теченіи 1866 г. проѣхало всего только четыреста человѣкъ. Въ большей части острова еще и нынѣ существуютъ совершенно первобытные способы передвиженія. Самыя важныя сѣрныя и соляныя копи соединяются съ моремъ только посредствомъ тропинокъ, по которымъ ѣздятъ на мулахъ, и сами мѣстные жители противятся устройству дорогъ, боясь, чтобы промыселъ погонщиковъ муловъ, употребляемыхъ обыкновенно при перевозкѣ, не замѣнился введеніемъ какихъ нибудь новыхъ проводниковъ. Дорога изъ торговаго порта Терранови въ городъ Кальтаницетту строилась больше двадцати лѣтъ, хотя была единственнымъ путемъ, соединявшимъ городъ съ внутренними мѣстностями. Сѣть желѣзныхъ дорогъ, которая соединяетъ три стороны сицилійскаго треугольника и вся длина оконченныхъ вѣтвей которой составляетъ около 800 километровъ, служитъ уже для торговаго движенія, которое вчетверо или впятеро больше движенія на Калабрійскихъ линіяхъ.

Столица Сициліи, „счастливый“ Палермо, городъ университетскій, есть одинъ изъ главныхъ городовъ Италіи; при арабскомъ господствѣ онъ превосходилъ, по количеству населенія, всѣ города полуострова, а теперь уступаетъ только Неаполю, Милану, Риму и Турину; каждая новая перепись свидѣтельствуетъ о быстромъ его возрастаніи. Ни одинъ городъ въ Европѣ не пользуется такимъ превосходнымъ климатомъ, не имѣетъ такой красоты издали и не расположенъ въ такомъ гнѣздышкѣ изъ цвѣтовъ и зелени, какъ Палермо. Его величественныя горы съ обнаженными боками и гротами при подошвѣ составляютъ раму дивнаго сада, знаменитый „Золотой Раковины“, среди котораго виднѣются башни и куполы, стволы пальмъ съ вѣерообразными вершинами и раскидистыя вѣтви сосенъ, и надъ которымъ съ юга возвышается огромная масса церквей и монастырей Монреаля. По красотѣ, съ Палермо можетъ сравниться только одинъ сицилійскій городъ, именно сосѣдній Термини, который, по справедливости, заслуживаетъ эпитетъ „блестящаго“, которымъ онъ себя величаетъ. Этотъ древній греческій городъ, въ которомъ струятся теплые источники, придавшіе членамъ божественнаго Геркулеса силу и ловкость, расположенъ амфитеатромъ по склонамъ террасы, которая соединяется зеленѣющимъ перешейкомъ съ величественною горою Санъ-Калогеро, испещренною бѣловатыми бороздами, съ поросшими травою выступами по бокамъ. Этотъ чудный пейзажъ служитъ восточнымъ дополненіемъ другой несравненной картины, развертывающейся на

западъ до горы Пеллегрино, близъ Палермо, именно—картины садовъ Багаріа и мыса, на которомъ стоялъ древній финикійскій городъ Солунто.

Но пышность окрестностей противуставляется бѣдности и безобразію большей части кварталовъ столицы. Въ Палермо есть великолѣпныя зданія, есть свой соборъ, который украшенъ чрезвычайно богато и покрытъ скульптурами самой удивительной отдѣлки, есть, въ королевскомъ дворцѣ, своя Палатинская капелла—памятникъ единственный въ своемъ родѣ, покрытый сплошь мозаиками и соединяющій въ себѣ разомъ самую гармоническую комбинацію различныхъ красотъ византійскаго, мавританскаго и римскаго искусства. Палермо можетъ соперничать съ Равенною по своему удивительному собранію мозаическихъ картинъ въ церкви Монреаля, города, который такъ близокъ къ нему, что можетъ считаться его предмѣстьемъ. Но кромѣ этихъ зданій, дворца арабской архитектуры, нѣсколькихъ новѣйшихъ памятниковъ и двухъ большихъ улицъ, которыя сдѣланы по приказанію одного испанскаго губернатора такъ, что пересѣкаются подъ прямымъ угломъ въ математическомъ центрѣ Палермо, образуя такимъ образомъ знакъ креста черезъ весь городъ,—этотъ многолюдный центръ представляетъ лишь мрачные переулки съ грязными и полуразвалившимися домами, у которыхъ окна завѣшаны разноцвѣтными тряпками. Недавно Палермо вовсе не заслуживалъ своего греческаго названія „портъ всѣхъ народовъ“. Стѣсненный горами и лишенный легкаго сообщенія съ внутренностію страны, онъ велъ заграничную торговлю только для своего мѣстнаго потребленія, продуктами своихъ рыбныхъ ловель и великолѣпнаго сада. Не смотря на то, что онъ на цѣлую треть населеннѣе Генуи, торговля его вдвое меньше; впрочемъ, дѣятельность порта быстро усиливается.

Два западные порта острова, Трапани, древній карѳагенскій городъ, какъ и самъ Палермо, построенный на полуостровѣ, выдающемся въ море въ видѣ косы, и Марсала, городъ знаменитый винами, ведутъ, по отношенію къ числу своихъ жителей, гораздо болѣе обширную торговлю, чѣмъ сама столица. Благодаря дѣятельности своего населенія, недурному порту и рейду, Трапани ведетъ весьма значительную торговлю; онъ весьма дѣятельно разработываетъ, какъ мы видѣли, окрестные солончаки, которые принадлежатъ къ числу самыхъ обширныхъ по всему побережью Средиземнаго моря; онъ съ успѣхомъ занимается ловлею тунцовъ, коралла и даже губокъ; его ремесленники весьма искусны въ фабрикаціи полотна и шерстяныхъ тканей, въ полировкѣ мрамора и алебастра, въ обдѣлкѣ каралловъ и драгоцѣнныхъ вещицъ. Портъ Мацара, бывшая столица провинціи или „вали“ Мацары и служащій исходнымъ пунктомъ для двухъ

значительныхъ городовъ—Кастельветрано и Салеми, съ тѣнистыми окрестностями, находится всего ближе къ Тунису и, благодаря желѣзной дорогѣ, которая связываетъ его съ Палермо и остальной Сициліей, является узломъ всей желѣзнодорожной сѣти, идущей изъ Европы въ Африку, но не представляетъ судамъ надежнаго убѣжища. Что касается до Марсалы, „*Mars-et-Allah*“, т. е. Божья пристань арабовъ, то ея портъ, заваленный Карломъ Пятымъ изъ страха варварскихъ нашествій и обратившійся въ теченіе трехъ столѣтій въ нездоровый прудъ, возстановленъ еще очень недавно и для большой торговли не достаточно глубокъ; онъ служитъ только для отправленія соли и мѣстныхъ винъ, которыя такъ цѣнятся въ Великобританіи и во Франціи. Марсала построенъ на мѣстѣ древняго Лилибеума, въ которомъ, по Діодору, было до 900,000 жителей; но знаменитость свою въ новой исторіи онъ получилъ, благодаря высадкѣ здѣсь Гарибальди и его легіоновъ въ 1860 году. Городъ Марсала былъ точкою отправленія того тріумфальнаго шествія, которое должно было окончиться битвою при Вольтурнѣ и взятіемъ Гаэты. Первое столкновеніе было при городѣ Калатафими, на дорогѣ, которая идетъ въ Палермо чрезъ многолюдные города: Алькамо, взгромоздившійся на голый скалистый холмъ розоваго или рыже-бураго цвѣта, и Партинико, въ богатой „раковинѣ“ садовъ, которая наклонена къ сѣверу, къ заливу Санъ-Вито и его тунцовымъ ловлямъ.

„Благородная“ Мессина, центральный городъ Средиземнаго моря, представляетъ собою неизбѣжную станцію для всѣхъ пароходовъ, участвующихъ въ громадной морской торговлѣ между западною Европою и Восточными странами. Рейдъ ея представляетъ превосходное убѣжище для судовъ; въ него могутъ безопасно входить корабли самой тяжелой нагрузки. Кромѣ того, если корабли, идущіе изъ Тирренскаго моря, во время бури, опасаются ввѣрять себя гибельнымъ теченіямъ пролива, то они имѣютъ безопасное преддверье въ портѣ Милаццо, служащемъ морскимъ выходомъ для богатыхъ и многолюдныхъ селъ Патти и Барцеллоны; рейдъ защищается здѣсь отъ опасныхъ западныхъ вѣтровъ изогнутымъ въ направленіи къ Эолійскимъ островамъ полуостровомъ, пещеры котораго, по Гомеровой легендѣ, служили хлѣвами для быковъ Солнца, бывшихъ родоначальниками здѣшнихъ крупныхъ рыжихъ быковъ. Мессинскій портъ, образуемый низменною отмелью, которая подъ прямымъ угломъ отдѣляется отъ берега и загибается серпомъ въ открытое море,— откуда и происходитъ названіе города Занкле, — расположенъ самою природою такъ счастливо, что вѣтровыя плотины кажутся какъ бы сдѣланными самимъ человѣкомъ; древніе видѣли въ этой косѣ косу отца

боговъ Сатурна, уроненную имъ въ Іонійское море. Къ сожалѣнію, Мессина открыта для сѣверныхъ и южныхъ вѣтровъ и, кромѣ того, расположена какъ разъ на линіи, соединяющей два вулканическіе горна въ Сициліи и Южной Италіи, а положеніе ея во рву, образуемомъ проливомъ, увеличиваетъ опасность, можетъ быть, еще больше. Немного городовъ въ Европѣ, которымъ такъ непосредственно грозила бы опасность землетрясенія, какъ Мессинѣ. Въ ней замѣтны еще нѣкоторые слѣды ужаснаго землетрясенія 1783 года, вслѣдствіе котораго потонули всѣ корабли въ портѣ, разрушились до основанія дворцы на берегу и болѣе тысячи людей погибло подъ водою и подъ развалинами. Съ первыми ударами, возвѣстившими землетрясеніе, почти всѣ мессинцы успѣли спастись бѣгствомъ.

Катана, т. е. „Подъ-Этнинская“, какъ обозначаетъ смыслъ ея греческаго названія, испытываетъ такую же опасность, какъ и Мессина, и не только отъ землетрясеній, но и отъ потоковъ лавы. Какъ и Мессина, это цвѣтущій торговый городъ; онъ отличается изобиліемъ земледѣльческихъ продуктовъ, какъ и сосѣдніе съ нимъ города, расположенные при подошвѣ вулкана, а именно: Ачи-Реале, окруженный апельсиновыми рощами, виноградниками и извѣстный теплыми источниками Санта-Веперы, является городомъ довольно значительнымъ, хотя и не имѣетъ порта; Джіарре, съ длинными улицами, по которымъ носится пыль ржавчиннаго цвѣта, у него только одинъ Рипостскій рейдъ (Рипосто), но къ этому рейду течетъ цѣлая „рѣка винъ“, скупаемая здѣсь негоціантами Цетты и Марселя; Патерно, богатый теплыми источниками; Адерно, возвышающійся на высокой скалѣ лавы; Бронте, на перешейкѣ между двумя потоками шлака; Рандаццо, въ которомъ господствуютъ еще старинныя нормандскія зданія. Но Катана пользуется сверхъ того монополіею сбыта всѣхъ товаровъ внутренности острова, это главное мѣсто самыхъ богатыхъ и цивилизованныхъ восточныхъ округовъ, центральная станція желѣзныхъ дорогъ острова и пунктъ соединенія весьма многихъ обыкновенныхъ дорогъ; ея портъ, образованный въ шестомъ вѣкѣ потокомъ лавы и завалепный впослѣдствіи новымъ такимъ же большимъ потокомъ 1669 г., въ настоящее время исправленъ и увеличенъ. Катана, также какъ и Мессина, городъ университетскій. Здѣсь родился Беллини.

Совершенно естественно, что на такомъ островѣ, гдѣ ни одно мѣсто не отстоитъ отъ моря далѣе 60 километровъ, всѣ большіе города, повинуясь силѣ притяженія торговли, должны основываться по берегамъ. Но и во внутренности острова, среди плодороднѣйшихъ полей и въ точкахъ пересѣченія если не дорогъ, то по крайней мѣрѣ естественныхъ направ-

леній торговли, есть много мѣстъ съ значительно скученнымъ населеніемъ. Такъ ломбардскій городъ Никозія, расположенный при южномъ выходѣ изъ горъ Мадоніа, составляетъ необходимое переходное мѣсто между богатою равниною Катаны и сѣверными городами Сициліи. Корлеоне есть точно также посредствующій пунктъ между Палермо и берегами африканскаго склона. Кастро-Джіовани, древняя Энна, занимаетъ также одно изъ привилегированныхъ положеній, ибо находится почти въ геометрическомъ центрѣ Сициліи, на плоскогорьѣ, съ котораго открывается неизмѣримый горизонтъ и который древніе назвали „пупомъ Сициліи“; около города жители и теперь еще показываютъ большой камень, который былъ будто бы алтаремъ Цереры. Піяца Армерина „*opalentissima*“ и Кальтаджироне „*la gratissima*“, названная такъ по плодородію полей, ведутъ довольно дѣятельную торговлю чрезъ посредство Терравовы, построеннаго среди столь знаменитыхъ своимъ плодородіемъ Гельскихъ полей, на мѣстѣ древней Гелы, и сохранившаго еще остатки дворцовъ и храмовъ послѣдней. Далѣе къ западу, Кальтаницетта, главный городъ провинціи того же имени, и сосѣдній съ нею Каникатти, также довольно населенный, снабжаютъ своими вывозными товарами, весьма значительную по торговлѣ, гавань Ликату.

Около вершины южнаго угла Тринакріи есть также довольно много отдаленныхъ отъ моря другихъ поселеній. Два значительные города, Модика и Рагуза, стоятъ въ нѣсколькихъ километрахъ другъ отъ друга; Спаккафорно и Сцикли, каждый километрахъ въ пятнадцати отъ Модики, стоятъ ближе къ морю; далѣе къ западу промышленный Комизо, окруженный полями хлопчатника, и Витторія, соленыя равнины которой доставляютъ марсельской торговлѣ въ изобиліи содовую золу, отдѣляются одинъ отъ другаго лишь долиною, съ которой течетъ по временамъ, воспѣтая Пиндаромъ, рѣка Гиппарисъ; Ното, главный городъ провинціи, составляющей южную часть Сициліи, построенъ, какъ и почти всѣ города этой части острова, на нѣкоторомъ разстояніи отъ берега, но близнецъ его—Авола—стоитъ на самомъ берегу Іонійскаго моря. Ното и Авола оба были низвергнуты землетрясеніемъ 1693 года и оба выстроены вновь съ геометрическою правильностью въ нѣсколькихъ километрахъ отъ занимавшихся ими прежде мѣстъ. Поля Аволы, не смотря на сравнительный недостатокъ естественнаго плодородія, по своей обработкѣ принадлежатъ къ числу наилучшихъ въ Сициліи; это единственная мѣстность въ Италіи, гдѣ производство сахарнаго тростника имѣло когда-то нѣкоторое промышленное значеніе.

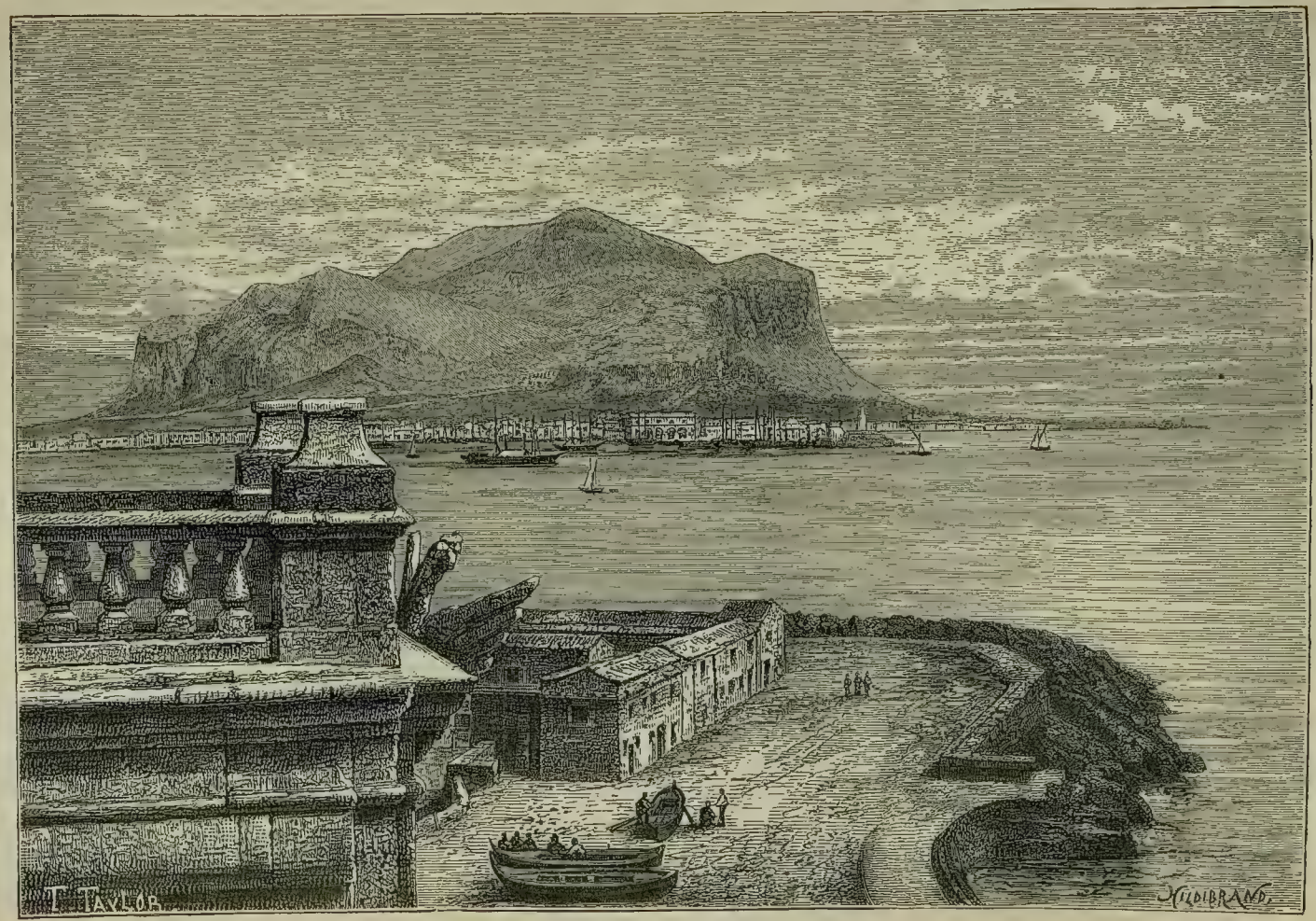
Другіе города, къ сѣверу отъ главнаго хребта холмовъ, понижаю-

щихся къ южному углу Сициліи, заключаютъ въ себѣ все земледѣльческое населеніе страны, Лентини, древній Леонціумъ, хвалился тѣмъ, что онъ древнѣйшій городъ во всей Сициліи, и жители его показываютъ пещеры, которыя были будто бы жилищами людоѣдовъ лестригоновъ; теперь это бѣдный городъ, перестроенный заново послѣ землетрясенія 1693 года. Милителло возникъ снова съ того же времени, а Гранмикеле основанъ въ восемнадцатомъ вѣкѣ для помѣщенія жителей города Оккіала, который былъ также разрушенъ землетрясеніемъ. Виццини и Ликодія-ди-Виццини замѣчательны особенно своими потоками лавы, чередующимися со слоями морскихъ ископаемыхъ, а Минео стоитъ по близости небольшаго кратера Паличи. Народныя пѣсни Минео славятся во всей Сициліи; въ одномъ изъ его окрестныхъ садовъ есть удивительный камень, „камень поэзіи“, всякій кто бы ни поцѣловалъ его, говоритъ легенда, дѣлается поэтомъ.

Южная часть Сициліи весьма богата земледѣльческими центрами, но, напротивъ, очень бѣдна естественными гаванями; на Африканскомъ морѣ у ней были недавно только открытые рейды и низменные берега, но на Іонійскомъ морѣ у нея есть два безопасные порта: Агоста и Сиракузы, которые удивительно похожи другъ на друга и общею формою своихъ очертаній, и положеніемъ стоящихъ при нихъ островныхъ городовъ. Агоста или Аугуста, наслѣдница греческаго города Мегары Гиблеи, нынѣ не болѣе какъ военный городъ, одолѣваемый лихорадками. Сиракузы, древній дорійскій городъ, который былъ въ одно время населеннѣйшимъ и богатѣйшимъ городомъ во всемъ бассейнѣ Средиземнаго моря, нынѣ просто главный городъ своей провинціи. Этотъ городъ, который еще въ прошломъ столѣтіи праздновалъ свою великую побѣду надъ Аѳинами, теперь ни что иное какъ развалина; къ его „мраморному“ и окруженному нѣкогда статуями порту теперь пристаютъ только лодки, а его „большой“ портъ, который могъ вмѣщать въ себѣ цѣлые флоты и въ которомъ происходили морскія сраженія, представляетъ почти пустыню. Все, что остается отъ города, сосредоточивается на островкѣ Ортигіи, который отдѣляется отъ Сициліи крѣпостями, частію искусственнымъ рвомъ, и, къ сожалѣнію, еще нездоровыми болотами Сирака, отъ которыхъ произошло названіе города: все населеніе группируется на этомъ холмикѣ, купленномъ когда-то за медовый сотъ. На известковыхъ скалахъ обширнаго полуострова, гдѣ стоялъ нѣкогда собственно городъ, нѣтъ никакихъ жителей, кромѣ нѣсколькихъ фермеровъ, въ деревенскихъ домахъ, расположенныхъ по краямъ оросительныхъ каналовъ. Колонны, возвышающіяся на берегу Анапуса, текущаго изъ источника Ціаны, т. е.

„Лазореваго“, укрѣпленія Эпиполесъ и Эвріэлумъ, построенныя Архимедомъ и извѣстныя нынѣ подъ болѣе достойнымъ ихъ названіемъ бельведера, остатки недавно открытыхъ бань, громадный жертвенникъ въ сто девяносто пять метровъ длины, на которомъ жрецы жарили и сожигали по цѣлой сотнѣ быковъ, амфитеатръ,—удивительный театръ, въ которомъ двадцать четыре тысячи зрителей, сидя на своихъ каменныхъ мѣстахъ, могли обнять однимъ взглядомъ весь городъ, его храмы и флотъ: вотъ грандіозные остатки зданій, воздвигнутыхъ нѣкогда сиракузцами. Но ничто не даетъ болѣе полнаго представленія о томъ, чѣмъ былъ нѣкогда этотъ многолюдный городъ, какъ глубокія каменоломни, или *latomie* (*lautumiae*), высѣченныя рабами, и подземные корридоры катакомбъ, гдѣ погребались милліоны труповъ, отъ которыхъ теперь нѣтъ и слѣда; эти галлереи значительнѣе неаполитанскихъ, но онѣ отрыты лишь на ничтожной части своего протяженія, и будущія раскопки дадутъ намъ, можетъ быть, важныя открытія. Вершина островка Ортигіи, названнаго такъ въ воспоминаніе цикладскаго Делоса, была увѣнчана акрополемъ, гдѣ возвышался храмъ Минервы, соперничавшій съ аѳинскимъ Парѳенономъ, и который выходящіе изъ порта моряки должны были созерцать, держа въ рукѣ вазу съ горящими угольями, взятыми на жертвенникѣ Юпитера. Храмъ этотъ частію еще существуетъ, но, къ крайнему прискорбію, его прекрасныя мраморныя колонны исчезли подъ слоемъ песчаника и известковаго раствора, въ стѣнѣ церкви весьма дурнаго вкуса; памятникъ еще существуетъ, но новые люди сдѣлали изъ него безобразную постройку.

Впрочемъ, здѣшнія греческія развалины, изъ которыхъ иныя удивительно прекрасны, дѣлаютъ Сицилію въ глазахъ художника соперницею самой Греціи; храмовъ здѣсь больше, чѣмъ даже въ послѣдней. Джирдженти, древній Акрагасъ, или Агригентъ, въ которомъ, какъ и Сиракузахъ, были сотни тысячъ жителей, и который нынѣ въ такомъ же упадкѣ, какъ и Сиракузы, обладаетъ развалинами и остатками, по крайней мѣрѣ, десятка священныхъ зданій, изъ которыхъ одинъ, храмъ Юпитера Олимпійскаго, самое большое зданіе во всей Сициліи, употребленъ на постройку мола въ Джирдженти; другой же, храмъ Согласія, сохранился лучше всѣхъ греческихъ храмовъ внѣ Эллады. Нынѣшній городъ занимаетъ только мѣсто древняго акрополя, на слоѣ раковистаго песчаника, откуда почва опускается къ морю ступенями. Главное его зданіе—соборъ, на вершинѣ холма Юпитера Атабиріосскаго, остатки котораго послужили на постройку новѣйшаго памятника; даже его купели суть ни что иное, какъ древній саркофагъ, получившій большую извѣстность, благо-



ПАЛЕРМО И ГОРА ПЕЛЛЕГРИНО.

даря изысканіямъ и спорамъ геологовъ: онъ представляетъ любовныя сцены Федры и Ипполита. Нѣкогда Агригентъ отстоялъ отъ моря километра на три: южную границу древней стѣны его показываютъ большіе храмы. Нынѣшній портъ, которому дано названіе порта Эмпедокла, въ честь одного изъ знаменитѣйшихъ сыновъ знаменитаго города, расположенъ западнѣе древняго эллинскаго порта или *emporium'a*, въ шести километрахъ отъ города; впрочемъ, онъ составляетъ на южномъ берегу портъ съ самымъ дѣятельнымъ торговымъ движеніемъ; онъ отправляетъ большое количество сѣры.

Далѣе къ западу расположенъ другой приморскій торговый и рыболовный и, съ недавнихъ поръ занимающійся ловлею коралловъ городъ, Сціакка, который занимаетъ одну изъ такихъ мѣстностей Сициліи, гдѣ землетрясенія случаются всего чаще и который считаетъ себя также наслѣдникомъ одного древняго города, Селинуса, или Селинунта, хотя послѣдній стоялъ на берегу на двадцать пять километровъ западнѣе, къ югу отъ Кастельветрано. Отъ Селинунта остаются только развалины, но развалины эти громадныя, которыя издали походятъ на башни. Семь храмовъ, возвышавшихся на берегахъ Африканскаго пролива, всѣ почти совершенно разрушены если не людьми, то землетрясеніями; но они представляютъ еще остатки чистѣйшаго дорійскаго стиля; метопы трехъ храмовъ, принадлежащія къ тремъ различнымъ эпохамъ, сохранились въ Палермскомъ музеѣ, для котораго они были первымъ вкладомъ и понынѣ составляютъ главнѣйшее его украшеніе.

Сегеста, на противуположномъ склонѣ острова, уже не существуетъ, но среди каменистой пустыни, гдѣ она стояла нѣкогда, возвышается хотя несовершенно оконченный, но вовсе нетронутый храмъ, который въ тишинѣ и уединенности пустыни кажется особенно величественнымъ. И сколько еще другихъ, не столь важныхъ, остатковъ греческаго искусства представляетъ Сицилія, не говоря уже объ огромныхъ подземныхъ кладбищахъ Панталики, Палаццоло, Испики, въ юго-восточной части острова, и римскихъ памятникахъ, въ которыхъ замѣтно вліяніе греческаго искусства, каковы театры: одинъ въ Тиндарисѣ, противъ Эолійскихъ острововъ, а другой въ Таорминѣ, въ виду конуса Этны! И какая разница между этими дивными развалинами прошедшаго Сициліи и всѣми памятниками, возведенными впослѣдствіи византійцами и арабами, норманами, испанцами и неаполитанцами. Сравнительное изученіе этихъ зданій свидѣтельствуетъ не о прогрессѣ, а, увы, о жалкомъ паденіи! Что такое нынѣшніе сиракузцы въ сравненіи съ согражданами Архимеда?

Сицилія представляетъ, быть можетъ, болѣе разительные примѣры,

чѣмъ Лигурія, Провансъ и Каталонія, того явленія постепеннаго перемѣщенія городовъ, которые влекутъ за собою перемѣны среды и нравовъ. Во времена своего могущества, древніе греческіе города могли смѣло спускаться къ морскимъ берегамъ; но когда явились безпрестанныя опасности войны и грабежа, особенно въ средніе вѣка, когда варварійскіе корсары пѣнили окружающія моря, а разбой царствовалъ внутри острова, какъ пиратство на морѣ, почти всѣ сицилійскіе города взбирались на высоты, и ихъ нижнія предмѣстья превращались въ развалины и, наконецъ, исчезали. Примѣръ этому Джирдженти. Нѣкоторые города располагались даже на такихъ природныхъ укрѣпленіямъ, которыя почти непреодолимы безъ помощи искусства. Таковъ Чентурипъ, или Ченторби, который тянется по самому острію гребня утесовъ, непосредственно къ западу отъ Симето и лавъ Этны; таковъ также въ своихъ древнихъ стѣнахъ Санъ-Джуліано, городъ Астарты, потомъ Венеры, который со своей богатой металлами пирамиды, въ 700 метровъ вышины, господствуетъ надъ Трапани. Но, благодаря возвращенію мира, жителямъ надоѣдаетъ ежедневное лазанье вверхъ и внизъ и тамъ, гдѣ болота не овладѣли еще низменными землями, люди покидаютъ свои орлиныя гнѣзда и селятся на морскомъ берегу или на дорогахъ, идущихъ въ равнину. По всему сѣверному берегу, отъ Палермо до Мессинскаго мыса, каждая *marina* (набережная) морскаго прибрежья мало по малу увеличивается на счетъ *borgo* (города) горнаго гребня, и древній городъ, въ концѣ концовъ, обращается въ развалины, которыя и возвышаются на сѣрыхъ скалахъ кучами бѣлыхъ камней,—и надъ живымъ городомъ оказывается лишь одинъ остовъ бывшаго города. Этотъ странный контрастъ двухъ послѣдовательныхъ перемѣщеній лучше всѣхъ другихъ сицилійскихъ городовъ представляетъ Кефалу, греческій Кефаладіонъ. Внизу стоитъ нынѣшній городъ, прикурнувъ къ основанію выступа, на узкой отлогости, покрытой обломками; вверху же весь скатъ скалы окайменъ еще зубчатою стѣною, но на самомъ плоскогорьѣ остается пустыня покрытая каменьями; всякая постройка исчезла, кромѣ самой почтенной по своей древности развалины небольшаго циклопическаго храма, существующаго тридцать вѣковъ и все еще не пожраннаго временемъ.

Порты Сициліи, движеніе въ которыхъ превосходило 100,000 тоннъ въ 1884 г.:

Мессина	8,258	суд.	вмѣстим.	2.246,850 тоннъ.
Палермо	7,421	„	„	2.236,990 „
Катана	6,012	„	„	1.353,400 „
Трапани	5,740	„	„	455,210 „

Портъ-Эмпедокла (Джирдженти).	1,841	суд. вмѣстим	400,375 тоннъ.
Рипосто (Джіарре)	1,305	„ „	340,715 „
Сиракузы	2,791	„ „	326,015 „
Милаццо	1,953	„ „	278,295 „
Марсала	2,586	„ „	269,800 „
Скоглитти	1,839	„ „	178,525 „
Поццало	1,254	„ „	176,040 „
Ликата	1,093	„ „	176,032 „
Мацарра	1,085	„ „	100,700 „

Общины (городъ съ округомъ) Сициліи, въ которыхъ было болѣе 18,000 жителей къ 1-му января 1882 года:

Палермо	244,990 чел.	Счіакка	22,195 чел.
Мессина	126,500 „	Кастельветрано. . .	21,550 „
Катана	100,420 „	Партинико	21,525 „
Модика	41,230 „	Монте-Санъ-Джуліано	21,390 „
Марсала	40,250 „	Агригентъ (Джирдженти).	21,275 „
Ачи-Реале	38,550 „	Барцеллона (Поццоди-Готто). . . .	20,960 „
Трапале	38,230 „	Джіарре	20,750 „
Алькамо	37,695 „	Адерно	20,160 „
Кальтаджироне . .	32,320 „	Каникатти	19,680 „
Кальтаницетта . .	30,030 „	Піацца-Армерина . .	19,590 „
Рагуза	24,340 „	Монреале	19,540 „
Витторіа	23,890 „	Комизо	19,330 „
Сиракузы	23,510 „	Кастроджіованни . .	19,980 „
Термини-Имерезе. .	23,150 „	Ното	18,240 „

ЭОЛІЙСКІЕ ОСТРОВА.

Эолійскіе острова, или Липарскіе, хотя и отдѣляются отъ Сициліи проливомъ болѣе 600 метровъ глубины, тѣмъ не менѣе могутъ быть разсматриваемы какъ дополненіе большаго острова: это, какъ говорили, маленькіе вулканы, родившіеся въ тѣни Этны. Находясь частію на линіи, соединяющей Везувій съ высокою, дымящеюся горою Сициліи, они отно-

*

сятся, вѣроятно, къ той же эрѣ образованія и представляютъ можетъ быть ничто иное, какъ отдѣльные душники одного и того же подводнаго горна, прорвавшаго дно Тирренскаго моря тремя звѣздчатыми щелями. Каждый изъ острововъ есть ничто иное, какъ груда выброшенныхъ веществъ: лавы, пепла или пемзы; всѣ они имѣютъ видъ или отдѣльныхъ, или слившихся въ группы вулкановъ, и два изъ нихъ, именно Вулкано и Стромболи и теперь еще находятся въ періодѣ дѣятельности и ихъ пламя и волнующійся дымъ служатъ матросамъ и рыбакамъ признакомъ перемѣнъ температуры и вѣтра. Весьма вѣроятно, что различныя вулканическія явленія, изъясняемыя разумно для предсказанія погоды, и были причиною того, что архипелагъ названъ Эоловымъ:—здѣсь именно богъ вѣтра открывался мореходцамъ.

Островъ Липари — самый большой во всей группѣ и находится въ центрѣ расхожденія подводныхъ трещинъ. Въ то же время онъ и самый населенный изъ острововъ и заключаетъ въ себѣ три четверти населенія всего архипелага. На восточномъ берегу стоитъ значительный городъ, спускающійся двойнымъ амфитеатромъ по склонамъ мыса, увѣнчаннаго стариннымъ замкомъ. Вокругъ города простирается, хорошо обработанная, равнина, на которой разведены маслины, апельсинныя деревья и виноградники, дающіе превосходные плоды; склоны окружающихъ горъ покрыты полями до самой вершины. Населеніе, какъ и въ Сициліи, составлялось изъ самыхъ разнообразныхъ элементовъ съ тѣхъ поръ, какъ явились греческіе колонисты изъ Родоса, Книда и Селинунта и заключили союзъ съ туземцами; теперь же кровь липаріотовъ подновляется болѣе чѣмъ когда либо постояннымъ притокомъ и оттокомъ людей, производимымъ торговлею и прибываніемъ множества изгнанныхъ изъ Калабріи бандитовъ, сдѣлавшихся мирными гражданами острова. Все это населеніе можетъ умножаться на маленькомъ островѣ спокойно, такъ какъ липарскіе вулканы остаются въ покоѣ уже много вѣковъ:—это самое и выражается, вѣроятно, липаріотскою легендою, по которой св. Калогеръ загналъ съ ихъ острова всѣхъ чертей въ огненную печь Вулкано, изъ чего можно заключить, что изверженія окончились уже по установленіи на Липари христіанства, т. е. около шестаго вѣка. Подземная дѣятельность, двумя главными центрами которой были Сантъ-Анжело и Монте делла Гуардія, обнаруживается теперь только теплыми источниками и выдѣленіемъ теплыхъ паровъ, которыми издревле пользовались для лѣченія болѣзней. Впрочемъ, почва острова подвержена частымъ землетрясеніямъ. Землетрясеніе 1780 года было такъ сильно, что испуганные жители острова предали себя Пречистой Дѣвѣ, и, годъ спустя,

Доломьё нашелъ, что всѣ они носятъ на рукахъ маленькія цѣпи въ знакъ того, что они стали рабами Мадоны „спасительницы“.

Для геологовъ, Липари—обѣтованная земля по чрезвычайному разнообразію лавъ. Одна изъ его высотъ, Монте делла Кастанья, составлена цѣликомъ изъ обсидіана; другой возвышенный холмъ, Монте или Кампо Біанко, состоитъ изъ пемзы, которая издали придаетъ ему видъ снѣжнаго поля. Длинные потоки ея, похожіе на лавины, наполняютъ всѣ рвы, отъ вершины горы до берега Средиземнаго моря; вода около острова бываетъ иногда покрыта этими плавающими камнями, которые походятъ на клочки пѣны и встрѣчаются даже у береговъ Корсики. Островъ Липари снабжаетъ пемзою всю Европу.

Величина и населеніе Эолійскихъ острововъ въ 1882 году были слѣдующія:

	Пространство.	Населеніе.
Липари	32 киллом.	14,000 человѣкъ
Вулкано	25 „	100 (?)
Панарія и сосѣдніе островки	20 „	200 „
Стромболи	20 „	500 „
Салина	28 „	5,635 „
Феликуди	15 „	800 „
Аликуди	8 „	300 „
	148 кв. кил.	21,535 человѣкъ.

Вулкано, къ югу отъ Липари, составляетъ странную противоположность съ этимъ цвѣтущимъ островомъ, отъ котораго онъ отдѣляется проливомъ, имѣющимъ въ самомъ узкомъ мѣстѣ менѣе одного километра. За исключеніемъ южнаго склона, гдѣ на красноватыхъ откосахъ есть нѣсколько зеленыхъ полосокъ маслины и винограда, Вулкано представляетъ голую окалину,—вотъ почему островъ былъ посвященъ въ древности Вулкану. Большая часть скалъ чернаго или красиваго, краснаго цвѣта, какъ желѣзо, а есть скалы и багроваго, и желтаго, и бѣловатаго цвѣта; въ этомъ адскомъ циркѣ есть почти всѣ цвѣта, за исключеніемъ зеленаго. Островъ—двойной: на сѣверѣ его возвышается небольшая вулканическая гора Вулканелло, которая явилась изъ воды въ неизвѣстную эпоху и соединилась съ главнымъ вулканомъ посредствомъ перешейка изъ красноватаго пепла, въ срединѣ шестнадцатаго столѣтія. Центральная гора имѣетъ кратеръ въ два километра въ окружности, откуда клубами вырываются пары. Воздухъ пропитанъ газомъ, въ которомъ преобладаетъ трудный для дыханія сѣрный запахъ По всей окрестности без-

прерывно слышатся вздохи и свистъ, и между камнями со всѣхъ сторонъ видны небольшія отверстія, изъ которыхъ вырываются пары. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ душниковъ температура выше 360 градусовъ. Другіе не столь горячіе воздушные фонтаны попадаются въ разныхъ частяхъ острова и даже около самаго моря. Съ краевъ большаго кратера виднѣются тучи паровъ, которые подымаются съ моря и крутятся широкими бѣлыми завитками, похожими на глинистую грязь. Сильныя изверженія бываютъ рѣдко,—въ восемнадцатомъ столѣтіи ихъ насчитано только три; изверженіе 1871 года произошло послѣ столѣтняго покоя; но съ этихъ поръ вулканъ сталъ чаще проявлять свою дѣятельность,—и въ 1878 и въ 1879 годахъ изверженія, хотя и не сильныя, повторились. Населеніе Вулкано еще недавно состояло только изъ нѣсколькихъ несчастныхъ ссыльныхъ, обязанныхъ собирать въ кратерѣ сѣру и боровую кислоту, а также фабриковать въ небольшомъ количествѣ квасцы, причемъ провизія привозилась имъ каждую недѣлю съ Липари. Но теперь этою большою лабораторіею химическихъ продуктовъ, представляемою кратеромъ Вулкано, недавно овладѣлъ одинъ предпріимчивый шотландецъ; онъ основалъ около порта значительное заведеніе, и нѣсколько деревъ, посаженныхъ около его резиденціи мавританской архитектуры, измѣнили нѣсколько грозный видъ мѣстности. Въ этой лаборатоpіи производятся, главнымъ образомъ, различныя изысканія съ вновь открытыми металлами — цезіумомъ и рубидіемъ.

Самый сѣверный островъ архипелага, Стромболи, древній Стронги, меньше Липари и Вулкано, но больше ихъ извѣстенъ своими частыми изверженіями; дѣйствительно, въ самой отдаленной древности немногіе моряки, плававшіе мимо острова, не видали его пылающей вершины. Въ устьяхъ кратера, среди трехъ, частію разрушенныхъ, концентрическихъ стѣнъ, составляющихъ высшую часть вулкана, въ изверженіяхъ замѣчается весьма часто правильная періодичность: каждыя пять минутъ или еще чаще, лава вздувается въ жерлѣ пузырями и затѣмъ дѣлается изверженіе клубящихся паровъ, сопровождаемыхъ твердыми обломками. Но изверженія эти, весьма красивыя по блеску своего огня, не имѣютъ ничего опаснаго, какъ и во времена Страбона, и стромболійцы живутъ при подошвѣ вулкана и не боятся, чтобы лава попортила когда-нибудь ихъ виноградники и маслины; однако, у вулкана бывали и свои моменты раздраженія, во время которыхъ пепелъ не разъ прилеталъ къ берегамъ Калабріи, т. е. на разстояніе болѣе 40 километровъ. Въ борьбѣ огня съ водою, послѣдняя, вѣроятно, брала перевѣсъ, потому что островокъ Стромболуццо, который возвышался, какъ маякъ, къ сѣверу отъ острова

и о который бѣшено разбивались бурныя волны, составлялъ прежде часть сосѣдней земли, а теперь отдѣляется отъ нея моремъ.

Группа острововъ Панарійскихъ, между Стромболи и Липари, точно также испытала много превратностей; если вѣрить Доломьё и Спаланцани, то она представляетъ остатки одного острова, занимавшаго прежде все пространство, на которомъ находятся нынѣ островки и песчаныя банки: Панарія, Базилуццо и Лиска Біанка. Общій кратеръ ихъ былъ неподалеку отъ острова Даттило, гдѣ теплый источникъ и по временамъ клокотаніе морской воды свидѣтельствуютъ еще объ остаткахъ его дѣятельности. Во времена Страбона, въ этихъ частяхъ моря нерѣдко замѣчали огни, бѣгающіе по поверхности воды. Тотъ же греческій географъ разсказываетъ также, что въ Липарской группѣ явился одинъ островъ лавы, положеніе котораго не соотвѣтствуетъ ни одному изъ нынѣшнихъ. Отъ этого же огненнаго горна Эолійской группы происходятъ, повидимому, нѣкоторые паровые фонтаны сицилійскаго берега между Милаццо и Кефалу.

Что касается западныхъ острововъ архипелага, Салины, называвшейся у грековъ за ея двойную вершину Двойникомъ (Дидимъ), Феликули, состоящаго, какъ и Вулкано, изъ вулкана, соединеннаго узкимъ перешейкомъ съ небольшимъ конусомъ, Аликуди, совершенно правильная вершина котораго издали кажется раскинутою на краю горизонта палаткою,—то всѣ они покоятся съ самаго начала историческихъ временъ. Островъ Устика, находящійся къ сѣверу отъ берега Палермо, точно также спокоенъ, хотя онъ также вулканическаго происхожденія и находится, повидимому, на концѣ той самой глубокой трещины, изъ которой возникли Липарскіе острова. Устика, затерявшаяся, такъ сказать, среди моря, представляетъ одно изъ самыхъ ужасныхъ ссылочныхъ мѣстъ для преступниковъ полуострова. На небольшомъ разстояніи отъ него къ сѣверо-западу находится пустынный островокъ Медико, древній *Osteodes*, на которомъ бѣлѣли кости карѳагенскихъ наемныхъ солдатъ, оставленныхъ тамъ карѳагенянами на голодную смерть.

ОСТРОВА ЭГАДСКІЕ И ПАНТЕЛЛЯРІЯ.

Западная часть Трипакріи не оканчивается, какъ два другіе ея угла, узкими выступами, вытянутыми въ полуострова, а притуплена въ видѣ широкаго носа, который какъ будто продолжается еще въ открытомъ

морѣ въ видѣ песчаныхъ мелей, рифовъ, выступающихъ изъ воды скалъ и известковыхъ острововъ той же самой формаціи, какъ и сосѣдняя большая земля: это и есть Эгады, т. е. Козлиные острова, названные, какъ и многіе другіе острова Средиземнаго моря, по имени скачущихъ на ихъ крутизнахъ животныхъ. Самый большой изъ Эгадовъ, Фавиньяна, при которомъ римляне одержали морскую побѣду, положившую конецъ первой пунической войнѣ, окруженъ частію скалами, въ пещерахъ которыхъ найдены груды раковинъ и изгрызанныя кости, перемѣшанныя съ каменнымъ оружіемъ и посудою, оставленныя здѣсь современниками мамонта и большаго пещернаго медвѣдя. Въ этомъ лабиринтѣ земель, каменныхъ рифовъ и банокъ, идущихъ отъ Сициліи въ открытое море, между морями Тирренскимъ и Африканскимъ, часто сталкиваются другъ съ другомъ противные вѣтры; волна здѣсь въ особенности страшна, а неправильность явленій прилива и отлива или, можетъ быть, неравномѣрность давленія атмосферы производятъ въ этихъ мѣстахъ, кромѣ того, опасныя теченія. Внезапныя измѣненія въ уровнѣ воды, извѣстныя въ архипелагѣ подъ именемъ *marubia*, т. е. „пьянаго моря“ (*mare ubbriaco*) были часто причиною кораблекрушеній.

Къ югу отъ большой банки Авантюры (Приключенія), которая тянется отъ берега Маццары къ Африкѣ, среди пролива, соединяющаго западное Средиземное море съ восточнымъ, возвышается довольно обширный островъ Пантеллярія. Здѣсь снова начинаются огнезданныя скалы. Пантеллярія, какъ и островъ Джуліа, который неподалеку отсюда показываетъ по временамъ изъ воды свою макушку, есть масса вулканическаго изверженія. Она богата теплыми источниками и, въ особенности, паровыми фонтанами. Такъ, одна изъ ея пещеръ, въ которой газы собираются изъ душниковъ въ изобиліи, превратилась по своей высокой температурѣ въ настоящую баню; вообще, количество воды, выходящей изъ земли въ видѣ газа, на столько значительно, что изъ нея образовалось довольно порядочное озеро. Находясь на порогѣ двухъ морей и на большой навигаціонной линіи между западомъ и востокомъ, Пантеллярія была бы весьма населена и получила бы большое значеніе въ европейской торговлѣ, еслибы обладала такимъ хорошимъ портомъ, какъ Мальта. Судя по открываемымъ тамъ и сямъ на склонахъ остаткамъ, островъ былъ прежде гораздо болѣе оживленъ людьми, чѣмъ нынѣ. Здѣсь существуетъ еще, можетъ быть, до тысячи странныхъ построекъ, которыя были, вѣроятно, древними жилищами и называются у туземцевъ *sesi*. Эти, какъ и сардинскій *nuraghi*, представляютъ собою какъ бы огромные ульи изъ камней. наложенныхъ безъ цемента на двойной пье-

десталъ, образующій нижнее жилье и первый этажъ. Нѣкоторыя изъ этихъ лачугъ имѣютъ однако же до восьми метровъ вышины и до четырнадцати ширины. Найденные въ одномъ изъ этихъ жилищъ обломки обдѣланнаго обсидіана заставили археолога делла-Розу придти къ заключенію, что онѣ относятся къ каменному періоду. Жители Пантелляріи говорятъ на языкѣ, представляющемъ изъ себя смѣсь арабскихъ и семитическихъ, вѣроятно, финикійскихъ корней. Въ настоящее время Пантеллярія служитъ мѣстомъ ссылки для преступниковъ.

Съ вершины горъ Пантелляріи, въ хорошую погоду, весьма ясно различаются мысы Туниса. И дѣйствительно, островъ ближе къ африканскому материку, чѣмъ къ Сициліи, но, однако же, если принять въ соображеніе форму морскаго дна, то Пантеллярія принадлежитъ скорѣе къ Европѣ. Но нельзя того же сказать ни про островокъ Линозу, представляющій потерявшуюся въ морѣ группу четырехъ вулканическихъ горъ къ западу отъ Мальты, ни, въ особенности, о „Пелагійскихъ“ островахъ. Лампедуза и ея сторожевая скала Лампіоне, хотя обѣ и зависятъ отъ королевства Италіи и даже отъ общины Ликаты, тѣмъ не менѣе по измѣреніямъ, не давшимъ и ста метровъ глубины, земли эти и сосѣдніе имъ жители должны причисляться къ берегамъ Сиртовъ. „Лампедуза и Лампіоне“ получили свои названія отъ огней, которые, по одной средневѣковой легендѣ, зажигались каждую ночь отшельниками и ангелами для руководства мореплавателямъ; нынѣ легендарная лампа замѣняется небольшимъ маякомъ, указывающимъ входъ въ Лампедузскій портъ, въ которомъ корабли въ триста и четыреста тоннъ могутъ найти превосходное убѣжище отъ сѣверныхъ вѣтровъ. Въ концѣ восемнадцатаго вѣка русскіе пытались было основать въ Лампедузѣ морское учрежденіе, которое соперничало бы по стратегическому значенію съ островомъ Мальтою и могло бы господствовать разомъ надъ обоими великими бассейнами Средиземнаго моря, но проектъ этотъ былъ оставленъ, а итальянцы сами этого не сдѣлали.

Большую часть населенія острова составляютъ солдаты, политическіе или государственные преступники и голодные колонисты, говорящіе по-итальянски и по-мальтійски.

Числовыя данныя для Сицилійскихъ острововъ:

	Высота вершины.	Пространство.	Населеніе въ 1871 г.
Пантеллярія . . .	638	103 кв. кил.	7,315 чел.
Линоза	100	12 „	1,261 „
Лампедуза	100	8 „	

VIII.

САРДИНІЯ.

Прежде, во времена пуническаго господства, Сардинія была, навѣрное, населеннѣе и производительнѣе, чѣмъ нынѣ; о многочисленности людей, жившихъ нѣкогда на этомъ большомъ островѣ, свидѣтельствуютъ уже римскіе историки, разсказывающіе намъ о чудовищныхъ избіеніяхъ людей. Паденіе было быстро и глубоко. Частію, оно объясняется конфигураціею самого острова, который со стороны Италіи, откуда онъ могъ бы заселяться, очень крутъ и недоступенъ, а со стороны открытаго моря окаймленъ нездоровыми болотами и лагунами. Но главная причина того историческаго сна, въ который погружена Сардинія въ теченіи столькихъ вѣковъ, заключается не въ природѣ, а въ человѣкѣ. Различные завоеватели, наслѣдовавшіе Риму и Византіи, какъ-то: сарацины, пизанцы, генуэзцы, аррагонцы, старались монополизировать въ свою пользу всѣ произведенія острова; на открытыя же части берега время отъ времени дѣлали свои внезапныя высадки варварійскіе пираты. И не далѣе какъ въ 1815 году тунисцы высадились на островъ Сантъ-Антіоко, между Иглезіасомъ и Кальяри, и всѣхъ жителей или перерѣзали, или увели въ рабство. По мѣрѣ того, какъ берегъ безлюдѣлъ, вслѣдствіи этихъ различныхъ причинъ, сардинцы отступали во внутреннія равнины и горныя долины и, подавляемые феодальными обычаями, жили, уединившись отъ остальнаго міра, какъ-будто ихъ островъ былъ не въ Средиземномъ морѣ Европы, а среди какого-нибудь отдаленнаго океана. И лишь не далѣе какъ одно поколѣніе тому назадъ, Сардинія начала, по своему прогрессу и культурѣ, вступать въ строй другихъ итальянскихъ провинцій.

Поверхность Сардиніи.	23,799	кв. кил.
Населеніе въ 1884 г.	690,570	чел.
Населеніе на километръ	29	чел.

Почти равняясь по величинѣ Сициліи, хотя населеніе послѣдней вчетверо больше, Сардинія географически независимѣе ея отъ итальянскаго полуострова, а между нею и африканскимъ материкомъ находятся почти океанійскія бездны отъ 500 до 1,000 метровъ глубиною. Вмѣстѣ съ близнецомъ своимъ Корсикою, она составляетъ группу острововъ, ко-

торая отдѣляется отъ тосканскаго архипелага довольно узкимъ проливомъ, наибольшая глубина котораго составляетъ 310 метровъ. Съ геологической точки зрѣнія, Корсика и значительная часть Сардиніи составляютъ одну и ту же землю, такъ какъ представляютъ однѣ и тѣ же формаціи, а островки, скалы и рифы, разсѣянные въ проливѣ Бонифачіо, суть ничто иное, какъ остатки разорваннаго моремъ перешейка. Но если оба острова и соединялись другъ съ другомъ, то, съ другой стороны, изученіе земель заставляетъ думать, что быть можетъ еще въ недавнюю эпоху Сардинія состояла изъ многихъ отдѣльныхъ островковъ. Главный изъ нихъ составлялъ южное продолженіе горной цѣпи Корсики, другіе же были разбросаны западнѣе и отдѣлялись другъ отъ друга неглубокими проливами, а потомъ были подняты постепенно напосами, вулканическими изверженіями и, можетъ быть, подземными толчками. Форма сандаліи, которой Сардинія обязана своимъ древнимъ именемъ *Ichnousa*, совершенно случайна, такъ какъ геологически островъ состоитъ изъ многихъ отдѣльныхъ земель. Отдѣлявшая ихъ промежуточная борозда всегда служила естественнымъ путемъ между Кальяри и Корсиканскимъ моремъ и теперь служитъ какъ для большой продольной дороги, такъ и для параллельной послѣдней желѣзной дороги.

Сардинскія горы начинаются уже въ водахъ пролива Бонифачіо въ видѣ вершинъ острововъ Маддалены и Капреры, а затѣмъ быстро повышаются, образуя горную группу Галлура, многочисленные пики которой, отдѣляющіяся отъ нея второстепенныя цѣпи и извилистыя долины хаотически перепутаны другъ съ другомъ, но въ цѣломъ представляютъ возвышенный валъ, направленный къ юго-западу. Съ южной стороны эту горную группу ограничиваетъ глубокая впадина, которая избрана простою и желѣзною дорогою для соединенія двухъ береговъ острова, но за нею уже круто подымается большая горная цѣпь, спинной хребетъ Сардиніи, идущій вдоль всего восточнаго берега острова, до мыса Карбонара, гдѣ горы уходятъ своими основаніями въ глубокія воды. Цѣпь эта, составляя не столь высокое продолженіе Корсиканской цѣпи, состоитъ, какъ и послѣдняя, изъ кристаллическихъ и шиферныхъ скалъ, но различается отъ нея расположеніемъ своихъ боковыхъ склоновъ. Самыя длинныя долины горъ Корсики открываются въ восточномъ направленіи, къ водамъ итальянскимъ, а самый крутой ихъ склонъ обращенъ къ западному морю, между тѣмъ Сардинская цѣпь обрывается круто съ востока, а другой склонъ ея, представляющій длинные отлогости и второстепенныя цѣпи, понижается постепенно. Можно сказать, что, вслѣдствіи такого расположенія горъ, Сардинія обращена къ Италіи спиною,

т. е. самыми обрывистыми берегами и самыми дикими мѣстностями. Вообще, мѣстность понижается къ западу, къ относительно пустынному бассейну, отдѣляющему ее отъ Испаніи. Поэтому, завладѣніе Сардиніею со стороны испанскаго правительства оправдывалось бы до нѣкоторой степени основательными географическими аргументами. Желѣзнодорожный путь изъ Терравовы повернулъ, такъ сказать, Сардинію къ Италіи.

Почти въ срединѣ кристаллической цѣпи подымаются высочайшія вершины острова. Здѣсь возвышается Дженарджентy (Серебряная гора), называемая также Пунта Флориза, представляющая единственный пикъ Сардиніи, въ неровностяхъ котораго сохраняется немного снѣгу даже въ срединѣ лѣта. Пока вершины не были еще измѣрены инженерами, сѣверные жители, одушевленные сильною ненавистью къ своимъ южнымъ сосѣдямъ, воображали, что глава сардинскихъ горъ находится на ихъ территоріи; но они сильно ошибались: ихъ хотя и гордый по своей формѣ Джигантину, т. е. „Гигантъ“, и сосѣдъ его Балестрери, господствующіе надъ горами сѣверной группы, Лимбарры, съ боку главной цѣпи, едва достигаютъ двухъ третей высоты главной вершины.

Къ западу отъ этихъ горъ, принадлежащихъ къ корсиканско-сардинской системѣ, есть еще второстепенныя группы, возвышающіяся на бывшихъ островахъ, которые присоединены новѣйшими формаціями къ главной массѣ Сардиніи. Одну изъ такихъ островныхъ мѣстностей представляютъ гранитныя скалы Нурра, которыя почти необитаемы, не смотря на плодородіе ихъ долинъ, и островъ Азинара, который расположенъ дугою на западѣ Сассарійскаго моря и густо населенъ черепахами. Другая горная группа, прерываемая очаровательною долиною Домусъ Новасъ, занимаетъ юго-западный уголъ Сардиніи, между заливами Ористано и Кальяри. По мнѣнію геологовъ, это самая древняя часть Сардиніи, которая присоединилась къ большому острову лишь въ четвертичную эпоху, быть можетъ, въ тѣ времена, когда Корсика отдѣлилась отъ него проливомъ Бонифачіо; но бывшій морской рукавъ, обратившійся въ равнину Кампидано, замѣтенъ еще въ видѣ низменной полосы около 20 километровъ средней ширины. Наконецъ, въ промежуточномъ поясѣ, простирающемся къ западу отъ большаго горнаго узла, развѣтвляется, параллельно горамъ Лимбарры, поперечный хребетъ Маргине. Здѣсь находятся также и широкія известковыя плоскогорья, пронизанныя вулканическими скалами, но бывшіе кратеры ихъ не извергаютъ уже ни лавы, ни даже газовъ; поселяне преспокойно строятъ себѣ хижины въ жерлахъ вулкановъ, и единственнымъ, повидимому, признакомъ подземной дѣятельности являются только теплые источники.

Новѣйшіе вулканическіе конусы возвышаются въ сѣверо-западной части, между Ористано и Сассари; нѣсколько такихъ вулкановъ существуетъ и на восточной сторонѣ, въ низменной равнинѣ потока Орозеи. Но къ гораздо болѣе древней эпохѣ относятся трахитовыя формаціи острововъ Санъ-Пьетро и Сантъ-Антіоко, лежащихъ къ юго-западу отъ Сардиніи; на нихъ находятся весьма многочисленныя горныя массы архитектурнаго вида, которыми особенно замѣчателенъ южный мысъ острова Санъ-Пьетро, называемый „мысомъ колоннъ“. Одни изъ его столбовъ, состоящихъ изъ грубыхъ и угловатыхъ, наложенныхъ другъ на друга камней, стоятъ одиноко, другіе же располагаются длинными колоннадами, ушедшими на-половину въ скалы; но ихъ мало-по-малу разрушаютъ, употребляя камень на мостовыя, такъ что на этой части берега скоро будетъ совершенно уничтоженъ этотъ рядъ грандіозныхъ обелисковъ. На Сантъ-Антіоко, который соединяется съ землею старинымъ мостомъ съ весьма высокою аркою, есть и другія рѣдкости природы: это глубокія пещеры, гдѣ живетъ множество морскихъ голубей-вяхирей. Охотники протягиваютъ у входовъ сѣти и, входя внезапно въ пещеры съ зажженными факелами, ловятъ испуганныхъ птицъ сотнями.

Главныя высоты Сардиніи суть:

Дженнарджентy	1,864	метра
Фонтана Конджіада около Арицо	1,507	„
Балестрери	1,310	„
Джигантину	1,310	„
Нуоро (городъ)	581	„
Темпіо	576	„
Озіери	371	„
Сассари	220	„

Кромѣ внезапныхъ движеній, произведенныхъ вулканическими силами, Сардинія представляетъ на своихъ берегахъ еще слѣды медленныхъ, до сихъ поръ необъяснимыхъ колебаній, происходившихъ вслѣдствіе осѣданія и сползанія слоевъ земной поверхности. Недалеко отъ Кальяри, на древнихъ берегахъ, Ла-Мармара нашелъ раковины Средиземнаго моря, подобныя еще живущимъ въ немъ и нынѣ, перемѣшанными съ глиняною посудою и другими произведеніями человѣческаго труда. Эти берега, имѣющіе нынѣ отъ 74 до 98 метровъ высоты, были нѣкогда подняты, по его мнѣнію, уже въ то время, когда мѣстность была обитаемою. Нѣкоторыя же мѣстности напротивъ, опустились ниже уровня моря, какъ напримѣръ древніе финикійскіе города Нора, къ

юго-западу отъ Кальяри, и Тарросъ—на сѣверномъ полуостровѣ залива Ористано: открытыя въ нихъ древности были отчасти погружены въ воду.

Изъ рѣкъ, которыя такъ любятъ пересчитывать сардинцы, только одна Тирсо или Фіуме д'Ористано заслуживаетъ этого названія, какъ по массѣ воды, такъ и по спокойствію своего нижняго теченія. Другія же рѣки, хотя съ такимъ же пространствомъ бассейна, но не пользующіяся снѣгами Дженнарджентy и дождями, выпадающими на западные бока большой цѣпи, представляютъ собою только потоки, которые то разливаются по полямъ, то струятся маленькими ручейками среди олеандровыхъ рощей. Большая часть стекающихъ съ внутреннихъ горъ ручьевъ высыхаютъ на цѣлые восемь мѣсяцевъ въ году и даже въ дожди не достигаютъ моря, а сливаются съ прибрежными лагунами. Впрочемъ, есть одна изъ нихъ, въ устье которой входятъ большія суда, благодаря предпринимавшимся въ различныя времена расчисткамъ:—это Фіуме, или потокъ Боза, между Альгеро и Ористано.

Всѣ лагуны Сардиніи солоноватыя или соленыя. Самыя обширныя изъ нихъ свободно сообщаются съ моремъ, по крайней мѣрѣ въ дождливое время года, посредствомъ проливовъ, или „grau", промытыхъ избыткомъ воды. Но есть между ними и такія, которыя получаютъ такъ мало текучей воды, что не въ состояніи промыть себѣ канала сквозь прибрежные пески,—и тѣмъ не менѣе онѣ остаются солеными и, благодаря подземному просачиванію морской воды, сохраняютъ одинаковый уровень. Наконецъ болота, находящіяся во внутренности равнинъ, точно также имѣютъ воду, насыщенную солеными веществами, благодаря свойствамъ окружающихъ ихъ и нѣкогда погруженныхъ въ море земель. Лѣтомъ отъ солнечной теплоты они обыкновенно высыхаютъ, и ихъ ложе бываетъ покрыто слоемъ бѣлой соли, которая походитъ на легкій снѣгъ. Этотъ соляной порошокъ такъ мелокъ и такъ перемѣшанъ съ нечистыми элементами, что казнѣ не стоитъ захватывать ее себѣ и перепродавать жителямъ, за то казна старается сдѣлать его негоднымъ для употребленія. Недавно еще сборщики соляной пошлины имѣли варварскій обычай созывать окрестныхъ поселянъ и заставлять ихъ вмѣстѣ со скотомъ топтать во всѣхъ направленіяхъ ложе болота, чтобы соль перемѣшалась съ грязью и съ глиною. Только солончаки Кальяри и Карло-Форте на островѣ Санъ-Пьетро, разработываются въ большихъ размѣрахъ французскою компаніею, которая извлекаетъ изъ нихъ соли ежегодно около 120,000 тоннъ. Нѣсколько сотенъ ея рабочихъ состоятъ изъ каторжниковъ, ссужаемыхъ ей кальярскою тюрьмою.

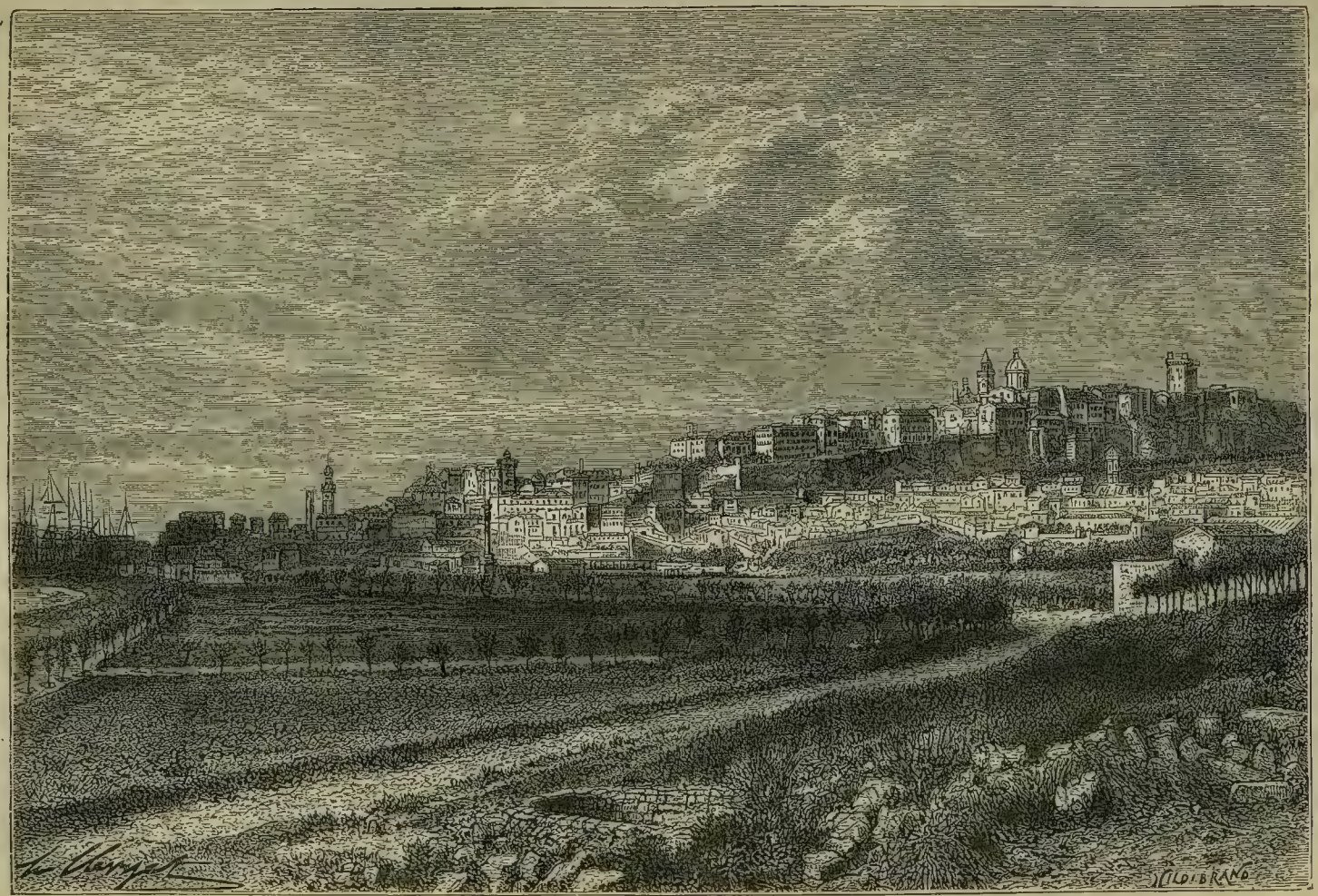
Лагуны и болота окружаютъ почти весь островъ полосою міазмовъ, къ которымъ присоединяются еще испаренія водъ, случайно оставшихся послѣ разлива въ рѣчныхъ долинахъ, а вѣтеръ переноситъ эти нечистыя испаренія даже на самые возвышенные склоны горъ, и несчастные жители трясутся отъ лихорадки даже на высокихъ внутреннихъ Альпахъ. Подымающіеся часто съ этихъ водныхъ пространствъ туманы, которые ползутъ по землѣ въ утренніе часы, способствуютъ своею нездоровою влажностью къ распространенію болѣзней, тѣмъ болѣе что около болотъ почти совсѣмъ нѣтъ ни деревьевъ, ни даже кустарниковъ, которые могли бы останавливать движеніе міазмовъ. Во многихъ мѣстностяхъ иностранцы, подышавши лѣтомъ зараженною атмосферою болотъ, подвергаются почти вѣрной смерти. По нездоровости прибрежья, гдѣ испорчена вся вода даже въ колодцахъ и источникахъ, Сардинія самая несчастная страна во всей Италіи: „непогода“ свирѣпствуетъ тамъ почти на четверти всей поверхности острова. За то, какъ бы въ награду, сардинцы, относительно, свободны отъ англійской болѣзни и даже миланской проказы, столь обыкновенной при подошвѣ Альпъ, и кретинизмъ почти вовсе неизвѣстенъ въ верхнихъ долинахъ острова; но достаточно уже и одной malaria, чтобы задержать развитіе Сардиніи и поставить ее несравненно ниже другихъ итальянскихъ провинцій. Слабость населенія острова и, вѣроятно, также интеллектуальная инертность жителей объясняются преимущественно крайнею нездоровостью побережья.

Съ римскихъ временъ нездоровость эта, вѣроятно, усилилась вслѣдствіи допущеннаго людьми распространенія блуждающихъ водъ, но и въ эпоху своего наибольшаго благосостоянія, когда островъ былъ одною изъ главныхъ житницъ Рима и доставлялъ ему свои сыры, свинину, шерстяныя издѣлія, свинецъ, мѣдь и желѣзо, берега его считались смертельными и императоры ссылали туда тѣхъ, отъ кого имъ нужно было отдѣлаться. Землевладѣльцы никогда не бывали тамъ въ поляхъ въ концѣ лѣта и съ половины іюля бѣжали отъ дурнаго воздуха въ города. Итальянскіе чиновники, впадавшіе въ немилость и назначавшіеся на опасные посты острова, считали себя большею частью осужденными на смерть, и тѣ изъ нихъ, которые не получали отпуска на вакаціи въ мѣста болѣе здоровыя, дѣйствительно погибали почти всѣ. Что касается жителей деревень, пріучавшихся къ климату изъ поколѣнія въ поколѣніе, то и они принуждены принимать для избѣжанія лихорадки величайшія предосторожности. Они всегда старались предохранить себя толстыми одеждами изъ дубленой кожи, которая непроницаема ни для солнца, ни для дождя, ни для утренней росы и тумана. Для огражденія себя отъ дурнаго кли-

мата, крестьянинъ одѣвается всего тяжеле именно въ самое теплое время; благодаря своему длинному овчинному одѣянію mastruca, придающему ему нѣкоторое сходство съ румынскимъ пастухомъ, сардинецъ создаетъ себѣ нѣчто въ родѣ своего внутренняго климата, который дѣлаетъ его не столь чувствительнымъ къ внѣшнимъ вліяніямъ. Говорятъ, что вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ опасность маларіи уменьшилась. Зараза болотъ значительно уменьшена осушкою и посадкою гигроскопическихъ растеній.

Древніе географы, какъ и сами жители Сардиніи, говорятъ, что одна изъ главныхъ причинъ нездоровости острова происходитъ вслѣдствіе недостатка сѣверо-восточныхъ вѣтровъ. По народному убѣжденію, горы Лимбарры, возвышающіяся на сѣверѣ, дѣйствуетъ въ родѣ экрана и, ко вреду всей нижней Сардиніи, измѣняютъ направленіе по преимуществу очищающаго вѣтра. Можетъ быть, въ этихъ словахъ древнихъ и туземцевъ есть своя доля правды, потому что благодѣтельный „сѣверный вѣтеръ“, т. е. нормальный вѣтеръ съ полюса, представляющій нисходящій токъ пассатовъ, въ южной части полуострова дуетъ рѣдко; его отклоняетъ въ южномъ направленіи тройной барьеръ Апеннинъ, горъ Корсики и цѣпи Лимбарры, или, что еще вѣроятнѣе, притяженіе горячихъ степей Ливіи. Экваторіальный вѣтеръ, или противупассатъ, извѣстный въ Сардиніи подъ именемъ *libeccio*, дуетъ здѣсь также рѣдко, и когда дуетъ, то обыкновенно съ бурною силою.

Вслѣдствіе этого-то, такъ сказать, закручиванія вѣтровъ, производимаго спеціальными метеорологическими условіями Средиземнаго моря и африканской пустыни, двумя правильными въ Сардиніи теченіями вѣтра оказываются не сѣверо восточный и юго-западный, а именно тѣ вѣтры, которые дуютъ подъ прямымъ угломъ къ этимъ нормальнымъ направленіямъ, т. е. сѣверо-западный (*maestrale*) —съ Севеннъ и Пиреней и *levante*, или *sirocco* - съ песковъ Ливіи. Южные сардинцы очень боятся этого послѣдняго вѣтра и называютъ его *maledetto levante*. Этотъ „проклятый“ вѣтеръ пропитывается влажностью при проходѣ своемъ чрезъ Средиземное море, и температура его въ дѣйствительности далеко не такъ высока, какъ можно было бы предполагать по тому состоянію изнеможенія, въ которое онъ приводитъ организмъ. Что касается до maestrale, то его встрѣчаютъ съ радостью, потому что онъ приноситъ съ собою тѣлу энергію и здоровье; впрочемъ, онъ дуетъ съ необыкновенною силою и подвергающіяся его дѣйствію деревья достигаютъ лишь незначительной высоты. Достигая западныхъ береговъ, онъ часто роняетъ нѣкоторое количество воды, которою запасается въ Средиземномъ морѣ, но при за-



ВИДЪ ГОРОДА КАЛЬЯРИ.

ливѣ Кальяри онъ бываетъ уже обыкновенно сухъ. Благодаря этому вѣтру, а также морскимъ вѣткамъ, средняя температура въ столицѣ Сардиніи не превышаетъ 17° по Цельсію.

Грозы въ Сардиніи бываютъ относительно довольно рѣдки, а градъ, который въ другихъ мѣстахъ производитъ такія опустошенія, почти не извѣстенъ. Дожди идутъ главнымъ образомъ осенью и въ декабрѣ обыкновенно оканчиваются, уступая мѣсто сухому и самому пріятному времени года, по ясности атмосферы и ровности температуры: это „зимородковые дни“, во время которыхъ, по древнимъ поэтамъ, море успокоивается, чтобы дать возможность священной птицѣ свить себѣ гнѣздо. Но за этими здоровыми и счастливыми зимними днями слѣдуетъ печальная весна. „Двуличный“, какъ говорятъ сардинскіе моряки, февраль, приноситъ капризные холода, за которыми, въ мартѣ и апрѣлѣ, слѣдуютъ поочередно то внезапные вѣтры, то жаръ, то холодъ. Запаздывающая отъ этой дурной погоды, растительность Сардиніи развивается гораздо медленнѣе, чѣмъ можно бы было ожидать по южной широтѣ страны; растенія начинаютъ здѣсь цвѣсти позднѣе, чѣмъ на берегу Прованса, хотя Сардинія южнѣе послѣдняго, среднимъ числомъ, градуса на три.

Растительность Сардиніи походитъ на растительность другихъ острововъ Средиземнаго моря. Невыжженные пастухами лѣса верхнихъ внутреннихъ долинъ и непроходимыхъ склоновъ состоятъ, какъ и лѣса Корсики, изъ сосенъ и особенно изъ обыкновенныхъ и каменныхъ дубовъ, перемѣшанныхъ мѣстами съ бѣлымъ букомъ и клепомъ; деревни окружены каштановыми и прекрасными орѣховыми рощами; округлыя вершины, на которыхъ высокоствольные лѣса уже исчезли, одѣты ароматическими растеніями и зарослями кустарниковъ, между которыми отличаются своими большими размѣрами мирты, ежовки и древовидные верески; въ этихъ чащахъ пчелы собираютъ тотъ горькій медъ, который такъ презиралъ Горацій. Обширныя невоздѣланныя пространства около моря покрываютъ *olivastro*, или дикая маслина, съ наклоненными стволами и согнутыми бурнымъ мистралемъ къ юго-востоку вѣтвями, которая дожидается только прививки, чтобы приносить превосходные плоды. Всѣ плодовыя деревья и всѣ полезныя растенія Средиземнаго моря находятъ себѣ въ Сардиніи благопріятную почву; миндальное и, въ особенности, апельсинное дерево, введенное здѣсь маврами въ концѣ одиннадцатаго или въ началѣ двѣнадцатаго вѣка, принялись здѣсь съ удивительной силою. Милисскіе сады, защищенные совершенно отъ мистраля древнимъ вулканомъ Монте-Ферру, къ сѣверу отъ Ористано, составляютъ въ цѣломъ одинъ изъ самыхъ прекрасныхъ въ мірѣ апельсинныхъ лѣсовъ и,

быть можетъ, самый большой и производительный садъ во всемъ бассейнѣ Средиземнаго моря: въ обыкновенные годы въ немъ вызрѣваетъ золотыхъ плодовъ до шестидесяти милліоновъ. Фруктовые сады въ Домусъ-Новасъ, Оціери и Сассари отличаются также удивительнымъ богатствомъ. Въ южныхъ частяхъ острова, вездѣ, гдѣ обработанныя земли распространяются по пустошамъ, покрытымъ ладонникомъ, укропомъ и золотоцвѣтникомъ, они окружены, какъ въ Сициліи, варварійскими фиговыми деревьями съ иглистыми лопастями; около городовъ, особенно въ окрестностяхъ Кальяри, много финиковыхъ пальмъ, распускающихъ свои вѣерные листья. Странно, что въ южныхъ низменностяхъ острова, не смотря на почти африканскій климатъ, нѣтъ малорослыхъ пальмъ, между тѣмъ какъ на сѣверѣ, въ пустыняхъ Альгеро, онѣ составляютъ цѣлые густые лѣса, какъ въ Алжиріи. Мѣстные жители Сардиніи, какъ и мавры, имѣютъ обыкновеніе ѣсть ихъ корни.

Хотя въ Сардиніи легко акклиматизировываются всѣ растенія сосѣднихъ странъ,—островъ, по природѣ, не такъ богатъ ботаническими видами, какъ континентальныя страны, расположенныя подъ тою же широтою. Это явленіе относительной бѣдности — обще всѣмъ островамъ; необходимымъ результатомъ ограниченности поля, на которомъ различные виды ведутъ борьбу за существованіе, является то, что изъ нихъ погибаютъ именно тѣ, которые либо слабо вооружены для борьбы, либо имѣютъ мало представителей. Но за то, большая часть острововъ, явившихся въ открытомъ морѣ и ничѣмъ ни соединенныхъ съ ближайшими континентальными массами, имѣютъ свою спеціальную небольшую флору, какой не найдешь въ другихъ мѣстахъ. Но это не имѣетъ мѣста въ Сардиніи, составляющей, впрочемъ, остатокъ земли, соединявшей Европу съ Африкою. Что касается знаменитаго растенія, о которомъ говорятъ древніе, и которое, если съѣсть его нечаянно, производило будто бы „сардоническій“ смѣхъ и смерть, то ничто не доказываетъ, чтобы эта трава была свойственна одной только Сардиніи. По описаніямъ Плинія и Павзанія, Мимо полагаетъ, что это—ибунка широколистная (Sium latifolium).

Число различныхъ породъ животныхъ въ Сардиніи также гораздо меньше, чѣмъ на материкѣ. Такъ, изъ млекопитающихъ здѣсь не встрѣчаются: медвѣдь, волкъ, барсукъ, каменная куница, кротъ, равно какъ ни виперъ и никакихъ ядовитыхъ змѣй; единственное опасное животное, встрѣчающееся на островѣ,—тарантулъ (*arza* или *argia*), отъ укушенія котораго вылѣчивается пляскою до изнеможенія или сидѣніемъ въ навозѣ. Обыкновенной лягушки, которая такъ распространена на итальянскомъ

материкѣ и даже на Корсикѣ, въ Сардиніи вовсе нѣтъ, между тѣмъ какъ здѣшнія бабочки составляютъ на островѣ спеціальный отдѣлъ европейской фауны. Въ горахъ корсико-сардинской системы водится еще каменный баранъ, животное, которое истреблено охотниками почти на всѣхъ островахъ Средиземнаго моря и которое представляетъ, можетъ быть, родоначальника нашихъ овецъ. Въ срединѣ прошлаго вѣка и еще въ началѣ нынѣшняго, на островѣ Сантъ-Антіоко, къ юго-западу отъ Сардиніи, свободно бѣгали одичавшія лошади; маленькіе же острова, окаймляющіе его берегъ, населены тысячами кроликовъ; наконецъ, на островкѣ Таволара, представляющемъ известковый столъ въ заливѣ Терановы, живутъ дикіе козлы, съ длинными рогами и золотисто-желтыми зубами, происходящіе отъ оставленныхъ здѣсь въ неизвѣстныя времена домашнихъ козловъ. Островъ Капрера, извѣстный по пребыванію на немъ Гарибальди, обязанъ своимъ названіемъ населявшимъ его нѣкогда стадамъ козловъ; привезенныя сюда недавно животныя того же вида одичали здѣсь въ нѣсколько лѣтъ.

Натуралисты замѣтили, что всѣ породы дикихъ млекопитающихъ, живущихъ въ Сардиніи, гораздо меньше ростомъ своихъ европейскихъ родичей; одна только коза составляетъ исключеніе изъ общаго правила. Олень, лань, кабанъ, лисица, дикая кошка, заяцъ, кроликъ, куница, ласка —всѣ гораздо меньше тѣхъ же видовъ на материкѣ. То же самое замѣчается и на домашнихъ животныхъ, за исключеніемъ свиней, которыя достигаютъ здѣсь большихъ размѣровъ, особенно въ дубовыхъ лѣсахъ, гдѣ онѣ бродятъ по цѣлымъ мѣсяцамъ; одна разновидность этихъ животныхъ отличается полнымъ копытомъ, почему ее слѣдовало бы отнести къ однокопытнымъ. Ослы и лошади въ Сардиніи, говоря относительно, просто карлики; но какъ ни мала сардинская лошадь, — она доставляетъ человѣку множество услугъ, отличаясь крайнею воздержностью въ ѣдѣ, удивительною вѣрностью шага, силою и выносливостью, и если бы искусство воспитанія могло сообщить ей красоту формъ, то сардинская порода лошади была бы одною изъ лучшихъ въ Европѣ. Что касается осла, который немножко больше дворовой собаки, то это — доброе маленькое животное, которое во многихъ мѣстахъ, какъ напримѣръ въ предмѣстьяхъ Кальяри, раздѣляетъ съ своими хозяевами единственную комнату лачуги. Съ шапочкою на головѣ, которая спускается ему на глаза, онъ медленно ходитъ обыкновенно вокругъ своего манежа, занимающаго средину комнаты, и мелетъ зерна. Ничто не измѣнилось съ римскихъ временъ: такіе же мулы изображены на барельефахъ Ватиканскаго музея. Какъ бы то

ни было, но Сардинія, по числу домашнихъ животныхъ, пропорціонально числу жителей, является первою провинціей Италіи [1]).

Доисторическими памятниками Сардинія, кажется, богаче всѣхъ странъ западной Европы. Какъ и въ Бретани, здѣсь встрѣчаются множество мегалитовъ, называемыхъ „Камнями Исполиновъ“, „Жертвенниками“, „Длинными“ или „Воткнутыми Камнями“, къ которымъ большею частію не прикасался рѣзецъ; но дольмены здѣсь рѣдки, — по крайней мѣрѣ несомнѣнный—только одинъ. Между этими памятниками неизвѣстныхъ временъ есть повидимому и такіе, которые напоминаютъ собою культъ какого-то восточнаго божества, такъ какъ на островѣ долго жили финикіяне и карѳагеняне; они основали здѣсь значительные города, каковы: Каралисъ, Нора, Тарросъ; даже въ римскія времена на могилахъ писались пуническія надписи. Послѣ одной счастливой находки, сдѣланной въ развалинахъ Таросса однимъ англійскимъ лордомъ, на этотъ полуостровокъ ористанскаго берега кинулись тысячи искателей сокровищъ и, дѣйствительно, нашли тамъ множество золотыхъ идоловъ и другихъ вещей, большею частію египетскихъ, завезенныхъ сюда финикійскими купцами. Но главное свидѣтельство цивилизаціи древнихъ сардовъ составляютъ постройки называмыя *нураги*, которыя издалека виднѣются на вершинахъ холмовъ, подобно остаткамъ древнихъ крѣпостей. По всей окружности плоскогорья Гіары, представляющаго чрезвычайно правильный известковый столъ недалеко отъ центра острова, на всякомъ его естественномъ бастіонѣ стоитъ по одной изъ такихъ развалинъ. Весь выемчатый овалъ, образующій край плоскогорья, обнесенъ, такимъ образомъ, настоящимъ поясомъ нураги. Такіе памятники встрѣчаются во всѣхъ частяхъ острова, то расположенные въ порядкѣ, то построенные какъ бы случайно. Число узнаваемыхъ нураги доходитъ до четырехъ тысячъ, а между тѣмъ сколько еще слѣдовъ этихъ построекъ должно было сгладить время! Всего больше и всего лучше сохранились онѣ въ базальтовыхъ мѣстностяхъ, въ особенности къ югу отъ Макомера. Въ одиночку онѣ встрѣчаются рѣдко, а расположены обыкновенно группами и большею частію на обработанныхъ земляхъ, а не въ голыхъ степяхъ.

Много было споровъ о происхожденіи и о назначеніи нураги: одни находили, что эти сооруженія были храмами, другіе — что это могилы,

---

[1]) Число домашнихъ животныхъ въ 1881 г.:

	Лошади	Ослы	Рог. Скотъ	Овцы	Козы
Сардинія	64,801	31,981	279,438	844,851	261,531
на 1000 жителей	95	47	410	1,239	384
Вся Италія	657,544	674,246	4.783,732	8.596,108	2.016,307
на 1000 жителей	23	23	178	302	71

„башни молчанія“, священныя мѣста, гдѣ поклонялись огню, жилища гигантовъ. Вѣроятными строителями этихъ таинственныхъ построекъ различные писатели считали финикіянъ, троянцевъ и иберійцевъ, тирренцевъ, феспійцевъ и пелазговъ, хананеянъ, неизвѣстныхъ народовъ восточнаго происхожденія, даже людей допотопныхъ. Благодаря неутомимому изслѣдователю сардинскихъ древностей, г. Спано, большая часть археологовъ сомнѣваются нынѣ только относительно имени строителей, назначеніе же самыхъ построекъ извѣстно; нураги были жилищами, и ихъ финикійское названіе обозначаетъ просто-на-просто „круглый домъ“. Грубѣйшія изъ этихъ сооруженій, подвергавшіяся дѣйствію непогоды быть можетъ въ теченіе сорока вѣковъ и болѣе, представляютъ только одну внутреннюю комнату; они относятся къ каменному періоду и, какъ человѣческія жилища, выражаютъ собою тотъ періодъ цивилизаціи, который слѣдовалъ за періодомъ пещерныхъ людей. Позднѣйшія нураги, т. е. нураги бронзоваго или даже желѣзнаго періода, построены съ гораздо большимъ искусствомъ, хотя безъ цемента, и состоятъ изъ двухъ или трехъ комнатъ, расположенныхъ другъ надъ другомъ, куда поднимались по лѣстницѣ, сложенной изъ необдѣланныхъ камней. Нѣкоторые изъ нижнихъ помѣщеній достаточно велики, чтобы помѣстить до сорока или до пятидесяти человѣкъ, и снабжены, сверхъ того, прихожими, редюитами и небольшими полукруглыми бастіонами. Недавно разрушенная нурага Су-Дому-С'Орку, около Домусъ-Новасъ, состояла изъ десяти комнатъ и четырехъ дворовъ; она была въ одно и то же время крѣпостью и группою домовъ, и могла помѣстить въ себѣ до сотни людей и защищаться во время осады, т. е. она походитъ на многія нынѣшнія жилища албанцевъ въ Турціи и сванетовъ—въ кавказскихъ долинахъ.

Остатки всякаго рода, скопившіеся въ почвѣ нураги, доставили множество предметовъ, которые разсказываютъ о жизни древнихъ обитателей этихъ построекъ и свидѣтельствуютъ объ ихъ относительной цивилизаціи. Нижніе слои содержатъ только каменное оружіе и, сдѣланную руками, глиняную посуду, между тѣмъ какъ верхніе, а слѣдовательно позднѣйшія кучи остатковъ, представляютъ уже много бронзовыхъ вещей. По близости всѣхъ нураги, встрѣчаются еще другіе памятники циклопическаго строенія:—это „могилы гигантовъ“. Называя ихъ такимъ образомъ, туземцы ошибаются только на-половину; эти кучи камней, помѣщающіяся на концѣ полукруга большихъ каменныхъ глыбъ, дѣйствительно —гробницы, такъ какъ всѣ тѣ, которыя вскрывалъ г. Спано, содержали въ себѣ человѣческій пепелъ.

У сардинцевъ нѣтъ никакихъ преданій относительно древнихъ жи-

лищъ первобытныхъ жителей; не смотря на свое суевѣріе, они не разсказываютъ даже легендъ объ этихъ развалинахъ: самое большое, что они приписываютъ ихъ постройку чорту— и больше ничего. Это молчаніе народа происходитъ безъ сомнѣнія отъ того, что поочередныя завоеванія острова и бойни людей прервали всякое національное преданіе. Карѳагеняне, въ своихъ войнахъ съ туземцами, были безпощадны, а въ первые вѣка римскаго господства совершались такія истребленія и выселенія жителей, что исчезла большая часть первоначальнаго населенія, которое было замѣнено вольными колонистами и особенно множествомъ ссыльныхъ. При такихъ условіяхъ неминуемо должна была сгладиться всякая память о древней исторіи страны.

Изъ множества предположеній о происхожденіи древнихъ сардовъ наиболѣе соотвѣтствуетъ физическому виду нынѣшнихъ островитянъ именно то, которое относитъ ихъ къ группѣ иберійцевъ, но, исторически, они являются аутохтонами страны. Они вообще небольшаго роста,—какъ будто вліяніе климата, вслѣдствіи котораго измельчали всѣ дикія и домашнія животныя, дѣйствовало такимъ же образомъ и на нихъ,—но они стройны и хорошо сложены; талія тонкая, мускулы крѣпкіе, волосы и борода всегда черные, очень густые и сохраняются обыкновенно до глубокой старости. Сардинцы обѣихъ провинцій одинаково граціозны и сильны, но имѣютъ нѣсколько различныя черты лица: сѣверяне имѣютъ болѣе овальное лицо и болѣе орлиный носъ, между тѣмъ какъ жители окрестностей Кальяри, подвергавшіеся быть можетъ большему смѣшенію, имѣютъ не столь правильныя черты лица и сильно выдавшіяся скулы. Такимъ образомъ, въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, между жителями двухъ частей, или „мысовъ“ острова существуетъ значительное различіе.

Жители внутренности Сардиніи сохраняли, повидимому, начиная съ среднихъ вѣковъ, болѣе чистую кровь, чѣмъ всѣ остальные европейцы. Въ числѣ ихъ предковъ были безъ сомнѣнія весьма различныя племена, смѣшанныя съ таинственнымъ народомъ, строившимъ нураги; но, послѣ римскихъ временъ, насильственныя вторженія и наплывы иноземцевъ ограничивались большею частію прибрежьемъ, оттѣсняя туземцевъ въ верхнія горныя долины и не слѣдуя за ними въ ихъ убѣжища. За исключеніемъ уже нѣсколько успокоившихся вандаловъ, ужасныя германскія орды, опустошившія почти всѣ другія страны западной Европы, пощадили Сардинію, и этотъ островъ могъ сохранить свое населеніе, свои нравы и языкъ; мавританскіе, пизанскіе, генуэзскіе, каталонскіе и испанскіе завоеватели смѣшивались только съ жителями окраинъ; можно привести

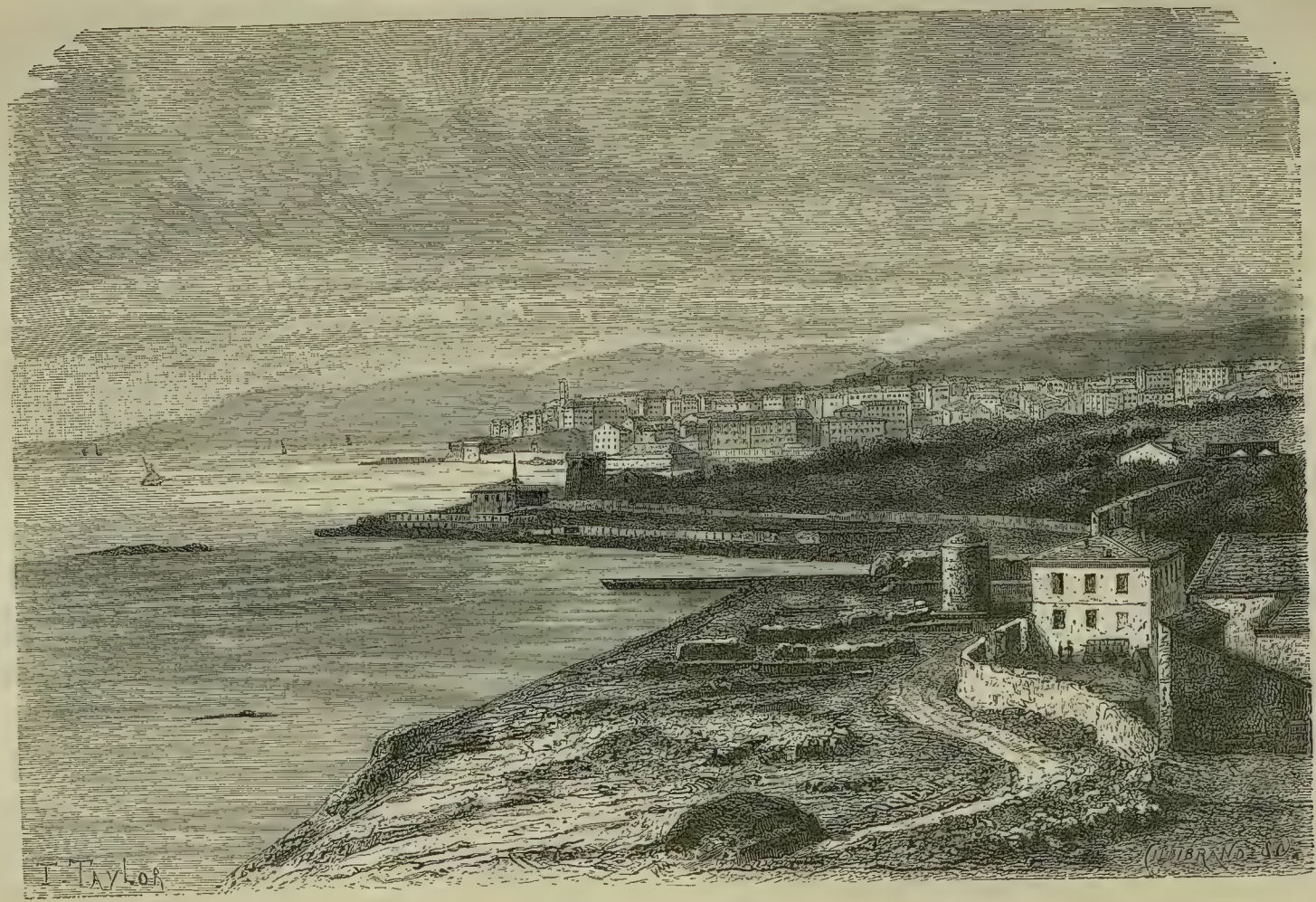
только одно исключеніе, именно—барбаричини, населяющихъ горную мѣстность въ самомъ центрѣ острова, называемую по ихъ имени Барбаджіею. Въ нихъ видятъ остатки одного варварійскаго племени, изгнаннаго вандалами изъ Африки и оттѣсненнаго во внутрь страны продолжительными войнами съ туземцами. Придя въ страну, они были еще язычниками и, сдѣлавшись сосѣдями точно также идолопоклонниковъ, ильензовъ, они смѣшались съ послѣдними, и обращеніе ихъ относится уже къ седьмому вѣку. Женщины въ Барбаджіи носятъ еще темный костюмъ, напоминающій одежду варварійцевъ.

Изъ всѣхъ нарѣчій латинскаго происхожденія, нарѣчіе сардинское всего болѣе походитъ на языкъ римлянъ, не по своей грамматикѣ, которая у нихъ весьма различна, а по самымъ словамъ, изъ которыхъ болѣе пятисотъ совершенно одинаковы какъ въ томъ, такъ и въ другомъ. Множество фразъ обыденнаго языка являются одновременно и латинскими, и сардинскими, такъ что бывали даже стихоплеты, которые пытались писать цѣлыя поэмы на языкѣ, принадлежащемъ и къ тому, и къ другому нарѣчію. Въ сардинскомъ языкѣ есть также, не встрѣчающіяся въ другихъ латинскихъ нарѣчіяхъ, греческія слова, которыя вошли въ него или во времена древнихъ греческихъ поселенцевъ, или въ византійскую эпоху; наконецъ, въ сардинскомъ языкѣ употребительны два или три слова, которыя не могутъ быть произведены ни отъ одного корня европейскихъ языковъ и представляютъ, быть можетъ, остатки древняго языка аутохтоновъ. Два главные говора сардинскаго языка, Логодурскій, или сѣверный, и Кальярійскій происходятъ прямо изъ латинскаго, какъ итальянскій и испанскій, но быть можетъ ближе къ послѣднему. Городъ Сассари и нѣкоторыя мѣстности сосѣдняго побережья принадлежатъ къ поясу итальянскаго языка. Здѣсь говорятъ на языкѣ, который весьма приближается къ корсиканскому и генуэзскому. Въ городѣ Альгеро, каталонскіе переселенцы, поселенные здѣсь въ большомъ числѣ около средины четырнадцатаго вѣка, вмѣсто бѣжавшаго въ Геную древняго населенія, говорятъ почти на чистомъ старинномъ провансальскомъ нарѣчіи. Наконецъ *Maurelli*, или *Maureddus*, въ окрестностяхъ Иглезіаса, представляющіе собою вѣроятно варварійцевъ, какъ предполагаютъ по ихъ узкому и продолговатому черепу, внесли въ мѣстный языкъ, по мнѣнію Ла-Мармора, нѣкоторое количество африканскихъ словъ. Мальтцанъ полагаетъ, что чистѣйшими представителями африканскихъ переселенцевъ являются жители громаднаго Милисскаго сада; они, какъ полагаютъ, занесли въ Сардинію апельсины.

Жители внутренней Сардиніи, вѣрные своему языку, остались ча-

стію вѣрны своимъ древнимъ нравамъ. Любимая пляска ихъ та же самая, что была и въ греческія времена. Въ сѣверной части острова, молодые люди при пляскѣ соразмѣряютъ тактъ съ человѣческими голосами стоящей по срединѣ круга кучки пѣвцовъ, которые ускоряютъ или замедляютъ ихъ па. Въ южныхъ же частяхъ Сардиніи движеніе танцующихъ управляется инструментомъ, называемымъ *launedda*, который есть ничто иное, какъ древняя флейта въ двѣ или три тростниковыя дудки. Та же живучесть замѣчается и во всѣхъ обычаяхъ, относящихся къ общественной жизни, и въ особенности въ церемоніяхъ и обрядахъ кумовства, свадьбы и похоронъ. Браку, какъ почти у всѣхъ древнихъ народовъ Европы, предшествуетъ нѣкоторое подобіе похищенія; коль скоро молодая женщина вступитъ въ домъ своего мужа, т. е. станетъ его плѣнницею, она должна пробыть цѣлый день не шевелясь, не произнеся ни единаго слова; нѣмая и неподвижная, какъ статуя, она представляетъ не живое существо, а только вещь, вещь, принадлежащую мужу: таково, вѣроятно, значеніе этого символа. На томъ же основаніи ей запрещается въ первые три дня супружества посѣщать своихъ родителей; въ южныхъ мѣстностяхъ острова большая часть женщинъ ходитъ съ полузакрытымъ лицомъ.

У сардинскихъ горцевъ точно также сохранилась еще печальная церемонія сидѣнія ночью у покойниковъ, извѣстная, подъ именемъ *titio*, или *attito*. Жены, родственницы, подруги или наемницы, входя въ комнату мертвеца, рвутъ себѣ волосы, кидаются на землю, рыдаютъ и произносятъ нараспѣвъ импровизированныя причитыванія. Эти старинныя языческія церемоніи принимаютъ по истинѣ ужасный характеръ, когда совершаются предъ тѣломъ убитаго родственника, за котораго присутствующіе клянутся пролить кровь убійцы. Еще въ концѣ прошлаго вѣка и въ началѣ нынѣшняго существованія *vendett*'ы стоило Сардиніи значительной части ея молодаго населенія, доходившей иногда до тысячи человѣкъ въ годъ. По статистическимъ, впрочемъ весьма неполнымъ, свѣдѣніямъ, число жителей острова въ послѣдніе сорокъ лѣтъ, предшествовавшіе 1816 году, уменьшилось болѣе чѣмъ на шестьдесятъ тысячъ человѣкъ, и главная причина этому была *vendetta*. Въ наше время этотъ ужасный обычай сохраняется только въ самыхъ отдаленныхъ горныхъ мѣстностяхъ острова, какъ напр. въ Нуоро и Галлурѣ, гдѣ ни одинъ отецъ, крестя ребенка, не забудетъ вкатить въ его пеленки нѣсколько пуль, такъ какъ эти освященныя пули не сдѣлаютъ промаха. Впрочемъ, теперь убійства изъ мести почти прекратились, и сардинцы стали забывчивѣе къ оскорбленіямъ, чѣмъ сосѣди ихъ корсиканцы. Но еще болѣе варварскій, по нашимъ понятіямъ, обычай исчезъ только въ началѣ прош-



ВИДЪ ГОРОДА БАСТІЯ.

лаго столѣтія. Существовали женщины, называемыя „довершительницами“ (*accubadure*), обязанность которыхъ состояла въ томъ, чтобы ускорять кончину умирающихъ, которые часто умоляли ихъ объ этомъ для избѣжанія страданій. Но подобное дѣло варварскаго благочестія часто давало мѣсто гнуснымъ дѣяніямъ съ весьма тяжкими послѣдствіями, такъ какъ сардинское населеніе весьма сутяжливо и изобилуетъ законниками. Мальтцанъ считаетъ эти разсказы старинныхъ путешественниковъ чистою клеветою, воображая, что „довершительницы“ были женщины, которыя должны были дѣлать жизнь стариковъ до того горькою, что дни ихъ сокращались сами собою, но онъ не думаетъ, что подобная практика была бы еще ужаснѣе, чѣмъ набожное довершеніе больныхъ.

Сардинскій земледѣлецъ имѣетъ то огромное преимущество надъ земледѣльцами большей части итальянскихъ провинцій, что онъ если не собственникъ земли, то по крайней мѣрѣ владѣлецъ ея доходовъ,—и это замѣтно и по его поступи, и по его гордому взгляду; онъ почти похожъ на кастильскаго крестьянина. Феодальная система существовала въ Сардиніи до 1840г. и оставила послѣ себя многочисленные слѣды. Крупные бароны, почти всѣ испанскаго происхожденія, были почти полными господами надъ общинами; еще въ 1836 году они имѣли право творить судъ и расправу, строили свои тюрьмы и ставили висѣлицы — символы своей власти. Тѣмъ не менѣе, крестьяне не были прикрѣплены къ землѣ и могли переходить изъ одного лена въ другой, а обычай почти всюду обезпечивалъ имъ болѣе чѣмъ достаточное участіе въ пользованіи землею обширныхъ имѣній сеньоровъ: въ силу *ademprivio*, они могли рубить въ лѣсу дрова, пасти своихъ овецъ на горахъ и пользоваться полями въ запущенныхъ земляхъ равнины; не имѣя права собственности, они пользовались по крайней мѣрѣ ежегодными доходами. Къ сожалѣнію, при такомъ господствѣ случайности и произвола, земля давала плохіе урожаи. Владѣльцы леновъ, живя почти постоянно внѣ предѣловъ острова, не могли заниматься улучшеніемъ земледѣлія и, для веденія хозяйственныхъ дѣлъ, держали жадныхъ управляющихъ, а крестьяне, съ своей стороны, пользуясь правомъ ademprivio, не могли заботиться о земляхъ, которыя постоянно переходили изъ рукъ въ руки: земледѣліе было хищническое. Въ настоящее время, государство, сдѣлавшись обладателемъ большей части пустыхъ земель бывшихъ леновъ, старается освободиться отъ нихъ для возстановленія частной собственности, и разомъ уступило 200,000 гектаровъ земли одному англо-итальянскому обществу, которое обязалось построить въ Сардиніи сѣть желѣзныхъ дорогъ.

Раздробленность земли въ мѣстностяхъ съ относительно густымъ на-

селеніемъ доходитъ до крайнихъ предѣловъ; земля тамъ искрошена, такъ сказать, на мелкіе кусочки, поля искрещены изгородями, и каждое изъ нихъ раздѣляется на столько клочковъ, сколько наслѣдниковъ. Случается иногда, что одинъ изъ двухъ братьевъ стережетъ землю, а другой собираетъ урожай. Кочующій же пастухъ почти пустынныхъ мѣстностей, напротивъ, вовсе не имѣетъ опредѣленной жизни, а имѣетъ только свое стадо: ланды и маки принадлежатъ ему, и если ему придетъ фантазія, то онъ можетъ, вмѣсто плодороднѣйшаго пастбища, завести себѣ клочокъ пашни. Конечно, при подобномъ ходѣ дѣлъ, серьезная эксплоатація земли совершенно невозможна. Зло это до такой степени вопіюще, что экономисты предлагали даже еще худшее средство,—именно экспропріацію всѣхъ мелкихъ участковъ, всѣхъ пустопорожнихъ земель и предоставленіе ихъ крупнымъ феодаламъ или промышленнымъ компаніямъ. Но подобный порядокъ, возобновляющій въ другой формѣ систему каталонскихъ леновъ, могъ бы только усилить и безъ того уже большую нищету. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ округа Ольястры, на восточномъ берегу, ѣдятъ еще хлѣбъ изъ желудей (quercus ilex), замѣшанный на водѣ, протекающей сквозь маслянистую глину разложившихся слоевъ сланца, причемъ тѣсто поливается слегка топленымъ саломъ. Такимъ образомъ, Сардинія представляетъ единственный, вѣроятно, въ Европѣ примѣръ населенія, которое отчасти ѣстъ землю, какъ это дѣлаютъ многія индѣйскія племена въ Колумбіи и Венецуелѣ.

Хотя сардинецъ и владѣетъ пастбищемъ и мелкими пашнями, но онъ не живетъ при своихъ поляхъ. На тирренскомъ островѣ, какъ и въ Сициліи, земледѣльческое населеніе сосредоточивается въ мѣстечкахъ и селахъ. Одинокихъ хижинъ и домовъ вовсе нѣтъ, потому что прежде было опасно жить въ сторонѣ вслѣдствіе грабежей магометанскихъ и христіанскихъ пиратовъ, а также вслѣдствіе лихорадокъ. Первая опасность, т. е. опасность войны, нынѣ уже не существуетъ; но, тѣмъ не менѣе, привычка осталась и сардинецъ продолжаетъ строить себѣ хижину или домъ въ томъ самомъ мѣстечкѣ, стѣны котораго давали убѣжище его предкамъ. Даже горные пастухи любятъ группировать свои хижины въ видѣ деревушекъ, хотя безъ всякаго плана, которыя называютъ *stazzi*; сами же они соединяются въ союзы для взаимной защиты и покровительства,—и составляютъ такъ называемый *cussorgil*, временныя республики, представляющія собою образецъ взаимнаго уваженія, справедливости и равенства. Когда какого нибудь пастуха постигнетъ несчастіе потерять свой скотъ отъ чумы или отъ пожара, то, по обычаю, онъ имѣетъ право требовать себѣ у каждаго изъ своихъ товарищей округа и окружающихъ кантоновъ,

по крайней мѣрѣ, по одному животному, и такимъ образомъ возстановляетъ себѣ стадо, не принимая на себя никакой иной обязанности, кромѣ обязанности сдѣлать то же самое, когда подобная бѣда случится съ кѣмъ нибудь другимъ. Кромѣ того, у нихъ существуютъ еще, какъ напр. въ окрестностяхъ Иглезіаса, фруктовые сады, состоящіе въ общемъ пользованіи. Не смотря на свою бѣдность, горные сардинцы съ истинною радостію соблюдаютъ древніе обычаи гостепріимства, и хотя живутъ безъ всякаго комфорта въ домахъ, сбитыхъ изъ глины или сложенныхъ изъ грубыхъ камней, но умѣютъ сдѣлать пребываніе у нихъ для иноземца пріятнымъ, причемъ гость даетъ иногда общинѣ случай устроить всегда желательныя для нихъ пиршества.

Произведенія Сардиніи составляютъ весьма незначительную часть въ общей суммѣ произведеній Италіи. Большая часть крестьянъ бываютъ трудолюбивы только тогда, когда имъ вздумается, и количество обработанныхъ земель составляетъ не болѣе четверти или трети всей поверхности острова. Случается также, что въ нѣкоторые исключительные годы весь урожай сгараетъ отъ засухъ или даже пожирается саранчею, тучи которой приносятся вѣтромъ изъ-за Африканскаго моря. За исключеніемъ Сассарійскаго округа, сардинцы употребляютъ еще первобытные способы обработки земли и вовсе не знаютъ искусства совершенствовать свои произведенія. Всего больше они заботятся объ оливковомъ деревѣ. Соблазняясь политическими правами, которыя, смотря по числу выращенныхъ деревьевъ, могли дойти до графскаго достоинства, тысячи собственниковъ превратили свои невоздѣланныя степи въ фруктовые сады, а нѣкоторыя мѣстности въ долинѣ рѣки Базы обратились въ огромныя масличныя плантаціи, масла которыхъ отправляются въ Италію. Что касается до милліоновъ апельсиновъ, доставляемыхъ садами Миллиса и другихъ сардинскихъ городовъ, то они считаются недостойными вывоза на материкъ и продаются только на самомъ островѣ странствующими купцами. Лучшіе плоды апельсинныхъ деревьевъ имѣютъ меньше значенія въ торговомъ островѣ, чѣмъ солянки и другія соляныя растенія, которыя растутъ въ низменныхъ мѣстахъ прибрежья и зола которыхъ отправляется въ Марсель, для фабрикаціи соды. Вся равнина Кальяри, слишкомъ безплодная для разведенія какихъ-нибудь другихъ растеній, представляетъ теперь обширное поле солянки.

Нѣкоторую выгоду даетъ также разработка гранитныхъ и мраморныхъ ломокъ, но собственно рудники, имѣвшіе огромное значеніе во времена римлянъ, недавно только вновь стали болѣе или менѣе значительно

эксплоатироваться[1]). Желѣзный рудникъ, Санъ-Леоне, серьезныя и правильныя работы въ которомъ начались съ 1862 г., даетъ ежегодно 50,000 тоннъ руды, содержащей около двухъ третей по вѣсу чистаго металла. Въ Санъ-Леоне, находящемся въ пятнадцати километрахъ отъ Кальяри, въ горахъ, возвышающихся къ западу отъ бухты, построена первая желѣзная дорога на островѣ Сардиніи. Округъ Иглезіасъ, обширное мѣсто разработки древнихъ рудниковъ, гдѣ римляне основали города Плумбею и Металла, и гдѣ пизанцы также рыли ямы для розыска серебра, съ 1867 г. началъ пріобрѣтать прежнее значеніе, благодаря своимъ свинцовымъ и цинковымъ рудникамъ. Здѣсь, какъ въ Лавріонѣ, въ Аттикѣ, занимаются также разработкой кучъ шлака, выброшеннаго древними изъ рудокопенъ; при этомъ весьма интересный сталактитовый гротъ, проникающій въ гору около Домусъ-Новасъ, превращенъ въ туннель для сообщенія шахтамъ свободнаго воздуха. Съ тѣхъ поръ какъ населеніемъ овладѣла лихорадка быстрой наживы, французскія, англійскія и итальянскія компаніи раздѣлили между собою землю согласно своимъ горнопромышленнымъ концессіямъ, Иглезіасъ обращается по виду въ современный городъ, деревня Гонесса пріобрѣтаетъ видъ города, а маленькая гавань Порто-Скузо, едва посѣщавшаяся прежде немногими каботажными судами, запружена теперь судами небольшой вмѣстимости, которыя являются сюда за 800,000 тоннъ свинцовой руды и 100,000 цинковой, добываемыхъ изъ сосѣднихъ копей, Монте-Пони, Монте-Веччіо и другихъ, и перевозятъ ихъ въ портъ Карло-Форте, который защищенъ отъ вѣтровъ открытаго моря островами Санъ-Піетро и Сантъ-Антіоко. Портъ этотъ, по своему торговому движенію, слѣдуетъ непосредственно за главнымъ портомъ острова, Кальяри [2]). Къ западу отъ маленькаго города Мюравера открыты, въ 1870 г., серебряные рудники [3]). Къ несчастію, горныя работы острова Сардиніи часто оказываются затруднительными вслѣдствіи нездоровости климата.

Рыбная ловля не соединяется съ такими опасностями, потому что преслѣдуемая рыбакомъ добыча живетъ по преимуществу въ открытыхъ для морскаго вѣтра заливахъ. Нѣкоторыя мѣста необыкновенно богаты,

---

[1]) Произвоводство рудниковъ Сардиніи:
Съ 1850 по 1870 г. . . 453,036 тоннъ. Стоимостью: 62.892.518 франковъ.
„ 1870 „ 1880 г. . 1.194,560 „ „ 129.725,440 „
Стоимость въ 1882 г. (62 рудника) . . . . . 14.789,360 „

[2]) Экспортъ изъ порта Карло-Форте въ 1881 г. : на сумму 9.445,230 франковъ.

[3]) Серебряные рудники въ 1871 г. . . 15 тоннъ. Стоимость: 50,890 франковъ.
„ „ 1879 г. . 1,409 „ „ 1.595,608 „

какъ напримѣръ бухта Кальяри и морскіе рукава, изливающіеся при основаніяхъ кристалическихъ скалъ, въ архипелагѣ Маддалены, гдѣ древніе ловили пурпуровыя раковины. Кромѣ того, въ Сардиніи есть мели, богатыя анчоусами и сардинками, или „сардинскими рыбами", посѣщающими ея берега періодически; къ ней приплываютъ также стаи тунцовъ, которые попадаются въ „камеры смерти" — огромные загоны, протянутые при входахъ западныхъ бухтъ; въ одинъ сезонъ ихъ вылавливаютъ до 50,000; къ сожалѣнію, тунцы не всегда постоянны въ своихъ переселеніяхъ и съ тѣхъ поръ, какъ они исчезли при берегахъ Андалузіи, около средины восемнадцатаго вѣка, къ берегамъ Сардиніи являются за ними испанскіе рыболовы. Кромѣ морской рыбной ловли, прибрежные жители занимаются также рыбною ловлею въ лагунахъ, во входныхъ проливахъ которыхъ ловится сѣтями множество рыбы различныхъ породъ: желѣзница — преимущественно въ лагунѣ Кальяри, головли и угорь — въ лагунѣ Ористано, золотая рыбка и щука — въ лагунѣ Альгеро. Поэтому рыбный промыселъ имѣетъ въ Сардиніи большое значеніе, но большая часть этого труда откуплена матросами съ материка; даже маддаленскіе рыбаки — корсиканскаго происхожденія, а рыбаки Карло-Форте, на островѣ Санъ-Пьетро, — генуэзцы, переселившіеся сюда въ началѣ восемнадцатаго вѣка съ африканскаго острова Табарка, который былъ занятъ ихъ предками четыреста лѣтъ тому назадъ; — въ обѣихъ колоніяхъ сохранился еще въ чистотѣ языкъ предковъ. Ловля коралловъ, для которой въ портъ Альгеро собирается иногда до двухсотъ судовъ, составляетъ исключительную монополію итальянцевъ. Они же занимаются собираніемъ *pinna nobilis*, раковины, шелковистый виссонъ которой служитъ для тканья различныхъ принадлежностей одежды. То же самое надо сказать и относительно мореплаванія. Но смотря на окружащія со всѣхъ сторонъ воды, сардинцы — вовсе не моряки: они боятся воды и охотно предоставляютъ морскую торговлю своихъ портовъ генуэзцамъ и другимъ итальянцамъ Замѣчательно, что изъ 2,400 собранныхъ Спано сардинскихъ пословицъ, только три относятся къ морю. Это отвращеніе сардинцевъ къ омывающимъ ихъ берега морямъ происходитъ вѣроятно оттого, что волны морей этихъ бороздили нѣкогда корабли завоевателей и пиратовъ. Что касается торговли, то она не могла быть значительна какъ вслѣдствіе слабости населенія, такъ и вслѣдствіе окаймляющихъ берегъ болотъ, да и въ наше время, не смотря на быстрое усиленіе торговаго движенія, торговля всего острова ниже торговли какого нибудь второразряднаго средиземнаго порта.

Движеніе въ главныхъ портахъ Сардиніи въ 1884 году:

Кальяри. . .	2,437	суд. вмѣст.	585,460	тоннъ.
Карло-Форте .	1,125	„ „	202,850	„
Тортоли. . .	755	„ „	192,400	„
Терранова . .	838	„ „	169,125	„
Маддалена . .	641	„ „	134,820	„
Порто-Торресъ.	1,029	„ „	133,220	„

Торговля Сардиніи въ 1881 г.:

Импортъ	34.620,000 франк.
Экспортъ	38.467,370 „
Всего . . .	73.087,370 франк.

Жители сѣвернаго „мыса“ считаются умнѣе, дѣятельнѣе и цивилизованнѣе жителей южнаго „мыса“, чѣмъ они и не упускаютъ случая похвастаться. Жители Сассари не называютъ себя сардинцами, предоставляя это, для нихъ нѣсколько варварское названіе, жителямъ внутренности и южныхъ береговъ острова. Прежде между жителями сѣвера и юга существовало большое соперничество и даже ненависть и тѣ, и другіе говорили о своихъ сосѣдяхъ не иначе, какъ въ презрительныхъ выраженіяхъ, а *vendetta*, раздѣлявшая столько семействъ и деревень, дѣлила и весь островъ на двѣ враждебныя половины. Слѣды этой вражды существуютъ еще и теперь, но ни одна часть не можетъ подавить другую своимъ превосходствомъ: если мысъ Сассари, т. е. Верхній (*di Sopra*), и имѣетъ перевѣсъ по своему земледѣлію, промышленности и по преданіямъ о свободѣ, за то мысъ Кальяри, т. е. Нижній (*di Sotto*), обладаетъ богатѣйшими рудниками и самыми разнообразными производствами, а также представляетъ столицу всего острова.

Въ настоящее время, какъ и во времена карѳагенянъ, городъ *Caralis*, имя котораго едва измѣнилось въ теченіи двадцати слишкомъ вѣковъ, представляетъ большой торговый рынокъ для товаровъ Сардиніи съ одной стороны и для иностранныхъ мануфактурныхъ предметовъ—съ другой. Отъ пуническихъ временъ въ немъ остаются только безобразные идолы, а отъ римскихъ временъ—множество погребальныхъ пещеръ, развалины водопровода и высѣченный въ скалѣ амфитеатръ, открытый г. Спано; но городъ всегда имѣлъ превосходный портъ, который почти сплошь окруженъ домами, и великолѣпный рейдъ, въ которомъ кораблекрушенія неизвѣстны. Какъ ни мало былъ Кальяри подъ мусульманскимъ господствомъ, однако онъ представляетъ собою одинъ изъ городовъ въ

Европѣ съ наиболѣе восточною физіономіею, благодаря множеству домовъ съ куполами и повисшими надъ улицами *мушарабами* различной формы. Кальяри занимаетъ превосходное торговое положеніе. Составляя самый ближайшій центрально-европейскій постъ къ африканскому берегу, онъ отстоитъ отъ карѳагенскихъ береговъ только на 200 километровъ, т. е. въ разстояніи, которое пароходъ можетъ проѣхать меньше чѣмъ въ день; кромѣ того, Кальяри расположенъ въ проливѣ, соединяющемъ Сицилійское море съ Балеарскимъ. Поэтому столица Сардиніи непремѣнно должна возрасти и получить большое торговое значеніе, въ особенности когда она дренируетъ нездоровыя болота своихъ окрестностей и превратитъ въ огромный садъ бывшій морской рукавъ Кампидано. На востокѣ, у залива Кварте, и на западѣ, у Санъ-Пьетро, находятся солеварни, дающія соли больше двухъ третей всего, добываемаго въ Сардиніи, количества соли.

Къ западу возвышается Ористано, „городъ горшечниковъ“, городъ знаменитый въ исторіи Сардиніи, такъ какъ въ средніе вѣка служилъ резиденціею самыхъ могущественныхъ на островѣ сеньоровъ, а *Элеонора*, „судья“ Арбореи, издала здѣсь знаменитую хартію страны (*carta de logu*), которая стала кодексомъ публичнаго права всей Сардиніи; плодородія полей, прекрасный, глубокій заливъ, защищенный съ запада полуостровомъ Фаросъ, гдѣ финикіяне основали свой торговый эмпоріумъ, возвратили бы Ористано все его бывшее благоденствіе, если бы только городъ не тревожили болота. Для очищенія атмосферы прежде былъ обычай зажигать, въ „нездоровое время года“, вокругъ города большіе огни, но средство это, хотя и могло приносить какую нибудь пользу, не замѣняло, для ассенизаціи страны, тѣхъ обширныхъ лѣсовъ, которые доставили этой части Сардиніи ея названіе Арбореи. Разсказываютъ, что въ болотахъ Нураки, находящихся въ Кампидано Маджоре, къ сѣверо-востоку Ористано, слышится иногда шумъ, похожій на мычаніе быка. Но это явленіе, происходящее вѣроятно вслѣдствіе прохода воздуха сквозь отверстіе какой нибудь подземной пещеры, свойственно не одной Сардиніи, и случалось не разъ, какъ говорятъ, въ болотахъ далматскаго берега. Вблизи желѣзной дороги, связывающей Кальяри съ Сассари черезъ Ористано, открыты мѣсторожденія каменнаго угля. Къ сѣверу отъ Ористано, незначительный Чиливани превратился въ довольно замѣтный городъ, какъ мѣсто раздвоенія двухъ желѣзнодорожныхъ линій: Сассарійской и Терранновской.

Соперникъ Кальяри, очаровательный Сассари, окруженный масличными плантаціями, садами и дачами, есть единственный изъ сардинскихъ городовъ, которому принадлежала слава быть въ числѣ итальянскихъ рес-

публикъ. Отъ этихъ временъ свободы онъ сохранилъ ту естественную живость, то стремленіе къ иниціативѣ, которыхъ нѣтъ въ другихъ мѣстахъ. Но въ сравненіи съ Кальяри, онъ имѣетъ одно большое неудобство, а именно — удаленъ отъ моря, отъ котораго его отдѣляетъ полоса низменностей и болотъ. Онъ могъ бы отправлять свои товары чрезъ портъ Альгеро и прекрасную гавань Порто-Конте, къ югу отъ горъ Нурры, но большая легкость сообщеній заставила его избрать себѣ портъ на глинистомъ берегу залива Азинара; портовый городокъ Порто-Торресъ представляетъ ничто иное какъ развалину одного древняго римскаго города, „плохо похороненнаго гиганта“, какъ говоритъ Мантегацца, такъ какъ изъ тонкой почвы и кустарника выступаютъ еще арки огромнаго водопровода и могучія колонны храма Фортуны, которыя мѣстные жители называютъ „Дворцомъ Короля Варвара“. Этотъ древній римскій портъ, на Корсиканскомъ морѣ, обращенный къ Франціи и Генуѣ, малъ и неудобенъ для входа судовъ. Нуженъ другой портъ на сѣверѣ Сардиніи. Въ настоящее время уже заняты постройкою порта, предназначеннаго сдѣлаться военною гаванью, какъ Спеціа, на островѣ Маддалены, этой „традиціонной колыбели лучшихъ моряковъ Италіи“.

Отсюда именно идетъ торговля винами, отправляемыми съ высокаго плоскогорья, изъ богатаго мѣстечка Темпіо, съ разбросанными домами изъ сѣраго гранита. Не имѣя на восточномъ берегу ни одного порта, кромѣ маленькаго Тортоли, Сардинія обзавелась здѣсь недавно новымъ портомъ, соединивъ сѣть дорогъ съ бухтою Терранови, ближайшаго къ Ливорно и Чивита-Веккіи сардинскаго мѣстечка. На томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ этотъ городокъ, прежде возвышался вѣроятно городъ *Olbia*, въ которомъ во времена римлянъ было не менѣе 150,000 жителей. Сардинцы, а вмѣстѣ съ ними и всѣ итальянцы, надѣются, что Терранова сдѣлается важнымъ emporium'омъ острова. Портъ очень тѣсенъ и неглубокъ при входѣ, но прекрасно защищенъ и со стороны открытаго моря имѣетъ превосходные рейды. Кромѣ того, неподалеку отъ Терранови находятся якорныя стоянки архипелага Маддалены, которыя въ дурную погоду могли-бы помѣстить цѣлые флоты. Располагая конечную станцію желѣзной дороги противъ Рима, жители острова разсчитываютъ приблизить Сардинію къ ея метрополіи, повернуть ее, такъ сказать, къ послѣдней и оживить восточный берегъ.

Главные города Сардиніи въ 1882 году:

Кальяри	38,600 жит.
Сассари	36,320 „

Иглезіасъ	12,095	жит.
Темпіо.	11,190	„
Альгеро	10,120	„
Оціери	8,570	„
Ористапо.	7,030	„

IX.

НАСТОЯЩЕЕ ПОЛОЖЕНІЕ ИТАЛІИ.

О націи можно судить только по ея коллективнымъ дѣяніямъ, потому что она заключаетъ въ себѣ всѣ крайности и всѣ послѣдовательные переходы отъ усиленнаго труда до отвратительной лѣности, отъ чистѣйшей нравственности до самаго гнуснаго униженія; разнородность отдѣльныхъ лицъ безконечна. Но общая составная сила этихъ милліоновъ различныхъ жизней ясно обнаруживается въ политическомъ и соціальномъ состояніи населенія, въ томъ отпечаткѣ, который оставляетъ оно на населяемой имъ землѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Италія заняла свое мѣсто среди независимыхъ народовъ, ни одинъ искренній человѣкъ не станетъ отрицать, что она назначена, повидимому, играть въ Европѣ великую роль. Уже дѣло ея политическаго возстановленія выдвинуло людей, выходящихъ изъ ряда по своему пониманію событій, по проницательности характеровъ, по мужеству, неутомимому одушевленію, по стойкости и великодушной самоотверженности. А между ними есть и такіе, которые заслужили названіе героевъ, которыхъ потомство, навѣрное, помѣститъ въ ряду людей, составляющихъ славу цѣлаго человѣчества. Быть можетъ, послѣ этого великаго усилія предшествовавшихъ переворотовъ и окончательной политической эмансипаціи, Италія снова впадетъ на время въ состояніе нѣкотораго моральнаго упадка. Это явленіе случается постоянно въ жизни народовъ послѣ всякаго перелома; но за поколѣніями, которыя отдыхаютъ отъ изнеможенія, слѣдуютъ поколѣнія, жаждущія труда и борьбы. Поэтому и нечего чрезмѣрно тревожиться о минутномъ ослабленіи этой видимой энергіи итальянскаго народа.

По наукамъ и искусствамъ, родина Вольты, Чіальди, Секки, Россини, Верди, Велы не равняется-ли уже самымъ передовымъ народамъ Европы? Итальянецъ можетъ теперь безъ стыда говорить о двухъ вели-

кихъ вѣкахъ Возрожденія, потому что онъ вступилъ во второй періодъ своего обновленія; рядомъ съ великими именами прошедшаго, онъ смѣло можетъ приводить и другія имена,—имена, принадлежащія къ современному періоду; рядомъ съ прежними научными изслѣдованіями и открытіями, онъ можетъ ставить не менѣе замѣчательные труды нынѣшняго вѣка. Въ Италіи есть искусные живописцы и архитекторы, великіе скульпторы и несравненные музыканты. Итальянскіе инженеры замѣчательны гидравлическими сооруженіями каналовъ, мостовъ, плотинъ, бриквaтеровъ, для изученія которыхъ являются сюда иностранцы. Между итальянскими физиками, метеорологами, геологами, математиками и астрономами есть нѣсколько величайшихъ именъ новѣйшей науки, а прилежное посѣщеніе университетовъ обѣщаетъ учениковъ, которые продолжатъ дѣло своихъ предшественниковъ. Географическое общество, которое въ нѣсколько лѣтъ заняло одно изъ первыхъ мѣстъ среди такихъ же обществъ Европы, помогаетъ своими сообщеніями и наградами изслѣдованію земнаго шара, а множество итальянскихъ путешественниковъ и естествоиспытателей въ Южной Америкѣ, Абиссиніи, въ центральной Азіи, Японіи, въ Зондскомъ архипелагѣ, Папуасіи снова занимаются трудомъ открытій, который доставилъ такую славу предкамъ ихъ—венеціанцамъ и генуэзцамъ. Поэтому вовсе несправедливо иронически повторять, какъ это дѣлается часто, что „Италія сдѣлана, но итальянцевъ еще остается сдѣлать!“ По достоинствамъ отдѣльныхъ лицъ, какъ въ этомъ легко убѣдиться, проникая въ толпу и наблюдая ея внѣшній видъ и слушая ея языкъ, можно сказать, что латинскій полуостровъ вовсе не ниже другихъ европейскихъ странъ; если онъ умѣлъ устроиться самъ собою, значитъ—въ немъ нѣтъ недостатка въ людяхъ твердаго закала.

Извѣстно, что, по относительному числу жителей, Италія занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ Европѣ; она уступаетъ въ этомъ отношеніи только Саксоніи, Бельгіи, Нидерландамъ и Британскимъ островамъ, хотя у ней есть обширныя, почти необитаемыя пространства, каковы: верхнія Апеннины и вся болотистая область побережья въ Тосканѣ, Лаціумѣ, Неаполитанской области и Сардиніи. Но возрастаніе итальянскаго народонаселенія не такъ быстро, какъ въ Россіи, Англіи и Германіи: въ этомъ отношеніи она представляетъ въ Европѣ нѣчто среднее; — ея періодъ удвоенія равенъ приблизительно вѣку, въ Россіи же—пятидесяти годамъ, а во Франціи — двумъ вѣкамъ. Ежегодный приростъ равенъ въ въ Италіи 250,000 чел. Рожденія всего многочисленнѣе въ двухъ бѣднѣйшихъ итальянскихъ провинціяхъ: Апуліи и Калабріи, и относительно

всего рѣже въ самыхъ богатыхъ провинціяхъ, въ Мархіяхъ и Умбріи [1]). Средняя жизнь итальянца не достигаетъ даже тридцати двухъ лѣтъ, а слѣдовательно уже по одной краткости своей возмужалой жизни житель полуострова можетъ дать лишь одну треть или четверть того труда, который доставляетъ англичанинъ или французъ.

Сравнительная съ Италіею населенность другихъ государствъ представляется въ такомъ видѣ:

Саксонія (1881 г.) . . .	198	человѣкъ	на 1 километръ.
Бельгія (1882 г.). . . .	192	»	»
Нидерланды (1883 г.) . .	128	»	»
Британскіе острова (1881 г.).	112	»	»
Италія (1883 г.)	98	»	»
Франція (1881 г.) . . .	70	»	»

Матеріальная дѣятельность Италіи еще и въ наше время клонится больше къ земледѣлію и извлеченію природныхъ богатствъ изъ земли и моря, къ добыванію минераловъ, соли, рыбы и коралловъ, чѣмъ къ собственно такъ называемой промышленности. Болѣе пяти шестыхъ всей поверхности страны вполнѣ производительны, хотя значительную часть ея занимаютъ горы и скалы. Земли Италіи распредѣляются слѣдующимъ образомъ (1882 г.):

Подъ зерновыми хлѣбами. . . .	13.121,000 гектаровъ.
» лѣсами и рощами	4.157,000 »
» пастбищами.	5.500,000 »
» виноградниками.	1.879,000 »
» лугами	1.200,000 »
» маслинами	895,000 »
» каштанами	496,000 »
» рисомъ	232,000 »
» льномъ и коноплей. . . .	200,000 »
Пустопорожнія земли и болота . .	3.920,000 »
Вся поверхность. .	31.600,000 гектаровъ.

Зерновыхъ хлѣбовъ, составляющихъ главный предметъ земледѣлія, недостаточно для внутренняго потребленія, не смотря на значительное уве-

---

[1]) Движеніе народонаселенія въ Италіи (выведенъ средній годъ изъ 1880—1884 гг.):

Рожденій.	Смертность.	Приростъ.
1.067,001	834,332	232,669.

личеніе ихъ производства за послѣдніе двѣнадцать лѣтъ; между тѣмъ какъ другія произведенія составляютъ предметъ значительнаго вывоза. Италія первая въ мірѣ страна по производству маслъ, и ея масличные рощи и лѣса занимаютъ пространство около 900,000 гектаровъ; къ сожалѣнію, только качество этого продукта не всегда соотвѣтствуетъ его количеству. По столовымъ плодамъ, фигамъ, винограду, миндалю и апельсинамъ, Италія также стоитъ во главѣ всѣхъ странъ Европы. По обилію каштановъ, собираемыхъ въ Апеннинскихъ и Альпійскихъ лѣсахъ, она также превосходитъ ихъ. Наконецъ, ей же принадлежитъ первенство и по разведенію шелковицы и производству коконовъ; въ отношеніи къ этому драгоцѣнному товару она превосходитъ Францію, полагаютъ даже,— хотя предположеніе это основывается на неточныхъ статистическихъ данныхъ,—что въ исключительные годы, какъ напр. въ 1873, она стояла по производству шелковъ выше центральнаго Китая. Въ 1884 г. Италія дала 2.810,000 килогр. шелка. Вотъ для примѣра сравнительное производство шелка-сырца во всемъ мірѣ.

	1882 г.	1883 г.
Италія	2.370,000 килогр.	3.200,000 килогр.
Китай (вывозъ)	4.029,000 »	3.647,000 »
Японія	1.436,000 »	1.612,000 »
Мусульманскій востокъ .	655,000 »	830,000 »
Франція	772,000 »	611,000 »
Бенгалія	456,000 »	536,000 »
Испанія	110,000 »	95,000 »
Греція	20,000 »	20,000 »

Она одна могла бы дать треть всего шелка въ мірѣ; шелководствомъ въ Италіи занимаются около 200,000 лицъ, но производство сильно стѣснено низкими цѣнами, образовавшимися вслѣдствіи конкурренціи крайняго Востока.

За свои вина полуостровъ всегда заслуживаетъ даннаго ему древними названія «Энотріи», хотя разводители винограда далеко еще не сравнялись въ искусствѣ съ французскими: — имъ остается сдѣлать еще многое, за исключеніемъ разводителей нѣкоторыхъ частей континентальной Италіи и Сициліи, гдѣ встрѣчаются превосходные виноградники [1]). Что касается разведенія полутропическаго хлопчатника, то онъ имѣетъ

[1]) Среднее производство вина въ Италіи . . . . . 27.530,000 гектол.
Продано въ 1885 г.: . . . . 22.699.000 „

весьма слабое экономическое значеніе. Гораздо болѣе серьезный источникъ богатства составляетъ вообще скотоводство; но итальянскія фермы отличаются только превосходствомъ нѣкоторыхъ сортовъ сыра.

Пространство обработанныхъ земель и приблизительная стоимость земледѣльческихъ произведеній Италіи, съ 1876 по 1882 г. по Annuario statistico italiano были:

Пахатныя земли, виноградн. и плодовые сады.	гект. 13.432,000	Хлѣбныя растенія: Зерновые хлѣба, рисъ, маисъ и пр.	110.900,000 гект.	франки. 1.674.000,000
		Картофель	7.189,400 центн.	32.000,000
		Вина	27.530,000 гект.	688.000,000
		Плоды	2.601.260,000 „	52.000,000
		Шелковица	33.905,000 кил.	136.167,000
		Конопля, лепъ, хлопокъ и пр.	150.000,000 „	92.860,000
		Табакъ	5.811,000 „	5.810 000
Маслина	805,130	Масло	3.320,000 гектол.	386.000,000
Каштановое дерево.	496,100	Каштаны	5.769,800 центн.	132.705,000
Лѣса	4.157,000	Дерево	?	?
Луга	1.200,000	Сѣно, произведенія скотоводства и пр.	—	1.178.90 ,000
Пастбища	5.500,000			

Число домашнихъ животныхъ въ 1869 г. было:

Быковъ, буйволовъ и коровъ	4.783,000 шт.
Лошадей, ословъ и муловъ	1.626,000 »
Овецъ	8.596,000 »
Козъ	2.016,000 »
Свиней	1.164,000 »

Добываніе, все болѣе и болѣе увеличивающееся, желѣзной руды на островѣ Эльбѣ, мрамора и гранита въ главныхъ и Апуанскихъ Альпахъ, буры и боровой кислоты въ тосканскихъ Суб-Апеннинахъ, свинца и цинка — въ Сардиніи и сѣры — въ Сициліи составляетъ переходъ отъ простаго извлеченія сокровищъ земли къ собственной промышленности.

Произведенія металлическихъ и соляныхъ копей, добытыя 52,326 рабочими (въ 1882 г.), составляли 73.815,000 франковъ; изъ этой суммы добыто:

Сѣры	445,918 тоннъ.
Руды желѣзной	242,083 »
» цинковой	91,366 »
» свинцовой	46,334 »
» мѣдной	24,060 »
Соли (не считая морской)	29,000 »

Соль морская въ 1879 г.: . . 320,000 тоннъ.
На приблизительную сумму. . 6.560,000 франк.

Цѣнность металлич. и сѣрныхъ добычъ въ 1882 г., по *Annali di Agricultura* 1885 года:

Сѣра	46.642,539	франк.
Свинецъ . . .	8 296,120	»
Цинкъ	4.519,529	»
Желѣзо . . .	2.897,367	»

Собственно промышленность обнимаетъ всѣ спеціальности новѣйшаго труда, отъ фабрикаціи булавокъ до постройки локомотивовъ и большихъ кораблей, но Италія пользуется первенствомъ только въ отношеніи нѣкоторыхъ предметовъ роскоши, каковы: шляпы изъ тонкой соломы, разные камни, инкрустированные мраморы и дерева, карлловыя и мелкія стеклянныя вещи, а также нѣкоторыя кухонныя произведенія печенія и соленія. За то въ шелковомъ производствѣ Италія обнаружила недавно весьма оживленную дѣятельность. Миланъ сталъ опаснымъ соперникомъ Ліону; фабрикація узорчатыхъ шелковъ развивается все болѣе и болѣе и пользуется большимъ уваженіемъ въ Швейцаріи и Германіи Фабрики шерстяныхъ издѣлій въ провинціи Новаррѣ, а особенно въ Біеллѣ, считаются сотнями и доставляютъ торговлѣ весьма цѣнныя произведенія. Хлопчато-бумажныя мануфактуры также распространяются, но еще уступаютъ въ числѣ испанскимъ и имѣютъ не болѣе милліона веретенъ, т. е. менѣе пятой части того, что представляетъ Франція. Что касается льняныхъ и пеньковыхъ тканей, то онѣ ткутся во всей Италіи преимущественно руками. Кромѣ тканья матерій, большая мануфактурная промышленность съ ея городами фабрикъ и населеніемъ движущихся машинъ въ Сѣверной Италіи еще слаба, а въ южной, за исключеніемъ Неаполя, и совершенно не извѣстна. Рабочій классъ, впрочемъ весьма многочисленный, такъ какъ составляетъ пятую часть народонаселенія, состоитъ большею частію изъ ремесленниковъ, которые работаютъ или дома, или въ маленькихъ мастерскихъ; они не попали еще въ громадный механизмъ раздѣленія труда, чтобы сгруппироваться въ армію для употребленія пара и приводимыхъ имъ въ движеніе машинъ. Выходитъ, что, въ современной исторіи экономической борьбы, Италія не представляетъ такихъ явленій, какъ Франція, Бельгія, Германія и Англія. Но различіе это уменьшается со дня на день, такъ какъ большая часть мелкихъ промышленныхъ заведеній, съ ихъ разбросанными мастерскими и рабочими, занимающимися своимъ дѣломъ дома, обречены на исчезновеніе предъ грозной фабрикою, вооруженною широкимъ кредитомъ разныхъ банковъ.

Торговлѣ итальянскаго полуострова предназначено пройти чрезъ такія же преобразованія, какъ и ея промышленности. Хотя торговый флотъ Италіи весьма значителенъ и уступаетъ только флотамъ Британскихъ острововъ, Соединенныхъ Штатовъ, Германіи и Франціи, хотя личный составъ его моряковъ и рыболововъ громаденъ и простирается до 200,000 человѣкъ,—однако торговая дѣятельность далеко еще не соотвѣтствуетъ вмѣстимости флота.

Статистика итальянскаго мореплаванія:

	Судовъ.	Вмѣстимость: тоннъ.
Коммерческій флотъ парусный въ 1883 г. .	7,220	865,881
» » паровой » » .	201	107,452
Итого .	7,421	973,333
Мелкихъ судовъ, вмѣстимостью меньше 6 тоннъ въ 1877 году		9,074
Движеніе навигаціи въ 1882 г.	219,349	35.045,046
Судовъ парусныхъ	166,876	6 869,177
» паровыхъ	52,473	28.175,869
Изъ нихъ: подъ итальянскимъ флаг. (1884 г.)	93,758	9.601,000
» англійскимъ » » .	4.314	3.993,350
» французскимъ » » .	2,145	1.669,350
» германскимъ » » .	483	425,475
» австрійскимъ » » .	1,429	262,220
Моряковъ и рыбаковъ по спискамъ 1882 г.	181,381 чел.	
Кораблестроеніе въ 1882 г.: 233 суд вмѣстимостью 17,809 тоннъ, на сумму. .	4.818,670 франковъ.	

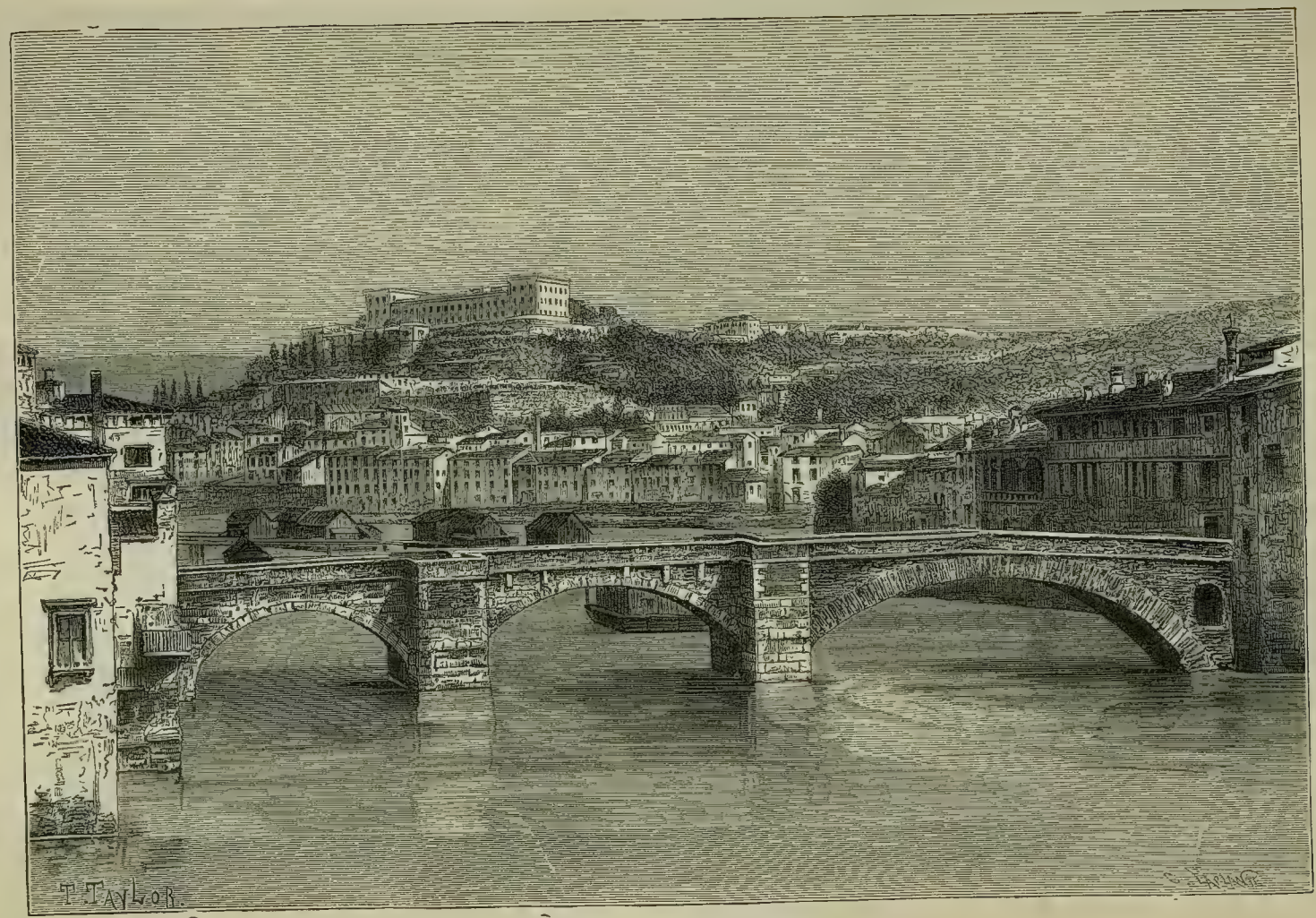
За исключеніемъ Генуи, которая по своему спекулятивному духу походитъ на большіе порты сѣверной Европы и вмѣстѣ съ сосѣдними городами владѣетъ тремя четвертями всего національнаго торговаго флота, огромная часть итальянскихъ судовъ служитъ только для небольшихъ рыболовныхъ экспедицій и для каботажной торговли Средиземнаго моря, и лишь относительно весьма немногіе итальянскіе корабли отваживаются пускаться въ открытый океанъ. Флагъ Италіи не показывался въ Тихомъ океанѣ до 1845 г., да и въ наше время его рѣдко можно увидѣть въ моряхъ дальняго Востока, что составляетъ предметъ безпокойства для патріотовъ, которые ведутъ дѣятельную пропаганду, чтобы заставить купцовъ вступить въ непосредственныя дѣловыя сношенія съ заморскими странами. Правда, благодаря своему положенію въ центрѣ Средиземнаго

моря, Италія имѣетъ то вѣрное преимущество, что можетъ получать себѣ долю отъ всей торговли, какая производится между противоположными берегами ея бассейна: она непремѣнно будетъ выигрывать отъ всякаго увеличенія населенія, отъ всякихъ промышленныхъ успѣховъ, совершающихся въ Африкѣ, отъ Египта до Марокко; но за то сухопутныя дороги, которыя идутъ вовсе не по ея территоріи, лишатъ ее весьма важнаго торговаго элемента. Можно утверждать безошибочно, что желѣзная дорога изъ Калэ и Антверпена въ Салоники и Константинополь, т. е. великая будущая чрезъ-европейская дорога, отниметъ у итальянскихъ портовъ значительную часть ихъ торговли. Считая съ 1876 г., паровой флотъ Италіи почти удвоился, считая по его вмѣстимости, и однако подъ національнымъ флагомъ производится лишь одна треть ихъ внѣшней торговли. Моряки и корабли, считая съ тонны и съ человѣка, даютъ незначительное количество того труда, который они давали бы въ другихъ мѣстахъ.

Большое морское движеніе вокругъ итальянскихъ береговъ можетъ дать ложное представленіе о дѣйствительномъ торговомъ движеніи на полуостровѣ. Продолговатая форма Италіи, горные валы, мѣшающіе сообщенію съ внутренностью, недостатокъ водяныхъ сообщеній—отбросили торговлю на прибрежье, а благодаря именно оживленности портовъ, отдаленныя отъ моря дороги остаются безъ движенія. Но этотъ недостатокъ торговаго равновѣсія между берегомъ и внутренними мѣстностями постепенно сглаживается, и географія Италіи, подъ вліяніемъ политическихъ событій и промышленнаго труда, совершенно видоизмѣняется: черты рельефа и контуровъ полуостововъ приняли другое значеніе, и роль, которую они должны играть въ настоящее время, совершенно отлична отъ той роли, которая принадлежала имъ въ исторіи прошедшихъ вѣковъ.

Главными агентами этого новаго географическаго порядка были обыкновенныя и желѣзныя дороги. Итальянцы съ большимъ смысломъ назвали одну свою, самую многолюдную, провинцію по имени проходящей во всю ея длину дороги: значеніе большихъ дорогъ въ историческомъ развитіи народовъ до такой степени капитально, что Эмилія, можетъ быть, на самомъ дѣлѣ обязана своимъ благосостояніемъ Эмиліевой дорогѣ. Всѣ ея большіе города, отъ Адріатическаго моря до По, получаютъ жизнь, благодаря этой, соединяющей ихъ другъ съ другомъ, артеріи; а въ сѣверной Италіи исторія крѣпости Вероны и окружающихъ ее полей битвъ не свидѣтельствуетъ ли также о томъ громадномъ значеніи, которое имѣетъ въ судьбахъ народовъ простая дорога?

Важнѣйшій географическій переворотъ, совершенный внутри полуострова путями сообщенія,—это покореніе Апеннинъ, точно также какъ



ВИДЪ ГОРОДА ВЕРОНЫ.

самый значительный фактъ для сношеній Италіи съ Европою составляетъ прорытіе Альпъ [1]). Апеннины, раздѣлявшія нѣкогда Италію на множество отдѣльныхъ бассейновъ, имѣвшихъ различные исходные пункты для торговли и различную политическую судьбу, составляютъ теперь весьма ничтожное препятствіе между двумя склонами полуострова. Кромѣ большихъ конныхъ дорогъ, Апеннины пересѣкаются уже восемью желѣзными дорогами: между Туриномъ и Савоною, Миланомъ и Генуею, Болоньею и Флоренціею, Анконою и Римомъ, Аквилой и Терни, Термоли и Беневентомъ, Неаполемъ и Фоджіею, Тарентомъ и Салерно, а въ недалекомъ будущемъ и другія, подвигающіяся съ обѣихъ сторонъ, желѣзныя дороги соединятся другъ съ другомъ въ подземныхъ галлереяхъ или на горныхъ проходахъ. Этимъ-то рельсовымъ путямъ и вызываемымъ ими новымъ условіямъ Италія обязана своимъ великимъ политическимъ развитіемъ больше, чѣмъ генію своихъ государственныхъ людей. Отечество образовалось тогда, когда всѣ итальянцы: ломбардцы, пьемонтцы, генуэзцы, флорентинцы, римляне и романьольцы перестали раздѣляться другъ отъ друга матеріально и получили возможность поселяться въ любомъ городѣ полуострова, какъ дома. Инженеры создали единство Италіи, связавъ другъ съ другомъ желѣзныя дороги изъ Чивита-Веккіи, Неаполя, Анконы и Флоренціи въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ римляне проложили нѣкогда свои большія мощеныя дороги.

Большое измѣненіе въ географіи полуострова произвела также желѣзная дорога, идущая вдоль Адріатическаго берега изъ Римини въ Бриндизи и Отранто, и составляющая часть торговаго пути изъ Лондона въ Суэцъ и Бомбей. Живою половиною полуострова была до сихъ поръ западная сторона Италіи, которая обладаетъ Арно, Тибромъ и Гарильяно, которая богата заливами, портами, архипелагами, на которой находились значительные рынки, богатые города, центры цивилизаціи, мѣста столкновенія иностранцевъ. И вотъ, желѣзная дорога разомъ перенесла ось торговли на восточную сторону полуострова. Перворазрядные города на ней еще не родились, но это уже одна изъ главныхъ дорогъ древняго міра, и тысячи кругосвѣтныхъ путешественниковъ ѣдутъ по ней, не сворачивая съ своего пути для посѣщенія Неаполя, Рима или Флоренціи, по другую сторону Апеннинъ.

За послѣднее время континентальныя дороги Италіи совершенно ясно раздѣлились на двѣ самостоятельныя сѣти: Средиземную и Адріати-

---

[1]) Торговля Италіи съ Австро-Венгріею:

1861 г.	67.000,000 фр.
Средняя годовая цифра съ 1875 по 1882 г. .	394.316,000 »

ческую, отдѣленныя одна отъ другой Апеннинами. Сѣти Сардиніи и Сициліи представляютъ также двѣ группы. Изъ всѣхъ желѣзнодорожныхъ итальянскихъ пунктовъ важнѣйшимъ является Миланъ, затѣмъ Генуя, Туринъ и Римъ.

Пути сообщенія Италіи представляются въ такомъ видѣ:		
Каналы и судоходныя рѣки	2,900	килом.
Большія государственныя и провинціальныя дороги.	140,000	„
Желѣзныя дороги (1 янв. 1885 г.). .	9,925	„
Основные капиталы къ 1 янв. 1884 г.	2.852.000,000	франк.
Валовой доходъ въ 1883 г. . . .	206.136,000	„
Чистый „ „ „ . . .	57.810,000	„
Пассажировъ	36.817,000	челов.
Грузъ въ тоннахъ	11.905,000	
Телеграфная линія къ 1 янв. 1883 г.	27,778	килом.
Число телеграммъ (1882 г.). . . .	6.454,942	
„ писемъ „	177.034,688	

Въ совокупности, торговля Италіи, какъ сухопутная, такъ и морская, считая при этомъ и транзитное движеніе, приноситъ среднимъ числомъ до двухъ съ половиною милліардовъ франковъ, т. е. по 90 франковъ на душу. Торговый прогрессъ весьма великъ, такъ какъ съ 1870 года торговое движеніе увеличилось на цѣлую треть, но въ сравненіи съ другими европейскими націями остается сдѣлать еще многое: по торговой дѣятельности Италію превосходятъ не только Англія, Франція, Германія, Австро-Венгрія и Россія, но даже страны незначительной величины, какъ Бельгія и Голландія. До трети торговыхъ операцій Италія ведетъ съ Франціею, около половины—съ Англіею, Австро-Венгріею и Швейцаріею, остальное распредѣляется весьма неравномѣрно между различными другими странами. Такъ торговыя сношенія Италіи съ Испаніею почти ничтожны, между тѣмъ какъ они довольно дѣятельны и быстро увеличиваются съ Турціею и бывшими варварійскими государствами. Недавно еще итальянскія суда, ходившія за Гибралтаръ, осмѣливались плавать только въ лиманъ Ла-Платы, а теперь они уже знаютъ дорогу въ Соединенные Штаты и даже замѣняютъ американскія суда въ международной торговлѣ; посланные городомъ Генуею естествоиспытатели и купцы изслѣдовали Новую Гвинею, Молукскіе острова и ближайшіе къ нимъ архипелаги для открытія новыхъ торговыхъ рынковъ, кромѣ того открыты сношенія съ Абиссиніей и Чермнымъ моремъ. Статистическія таблицы

полуострова показываютъ, что въ торговыхъ сношеніяхъ Италіи съ отдаленными странами съ каждымъ годомъ совершаются весьма большіе успѣхи.

Внѣшняя торговля Италіи представляется въ такомъ видѣ:

	Ввозъ. франки.	Вывозъ. франки.	Итого. франки.
1862	830.029,350	577.468,350	1.407.497,700
1873	1.286.700,000	1.133.100,000	2.419.800,000
1883	1.380.288,140	1.199.927,190	2.580.215,330
„ (съ транзитомъ).	1.468.517,730	1.288.156,790	2.756.674,520

Участіе различныхъ странъ въ итальянской торговлѣ въ 1883 г.:

Франція	366.600,000 фр.	505.900,000 фр.
Англія	297.600,000 „	92.600,000 „
Австро-Венгрія . . .	207.200,000 „	137.300,000 „
Германія	113.900,000 „	88.600,000 „
Швейцарія	64.900,000 „	124.400,000 „
Соединенные Штаты . .	58.500,000 „	59.100,100 „
Турція, Сербія и Румынія.	28.100,000 „	16.800,000 „
Итого . .	1.380.288,000 фр.	1.199.927,000 фр.

Бичъ Италіи составляетъ нищета, подавляющая милліоны ея земледѣльцевъ даже среди самыхъ плодородныхъ полей, какъ въ Ломбардіи и приморской Базиликатѣ. Крестьяне, лишенные принадлежащей имъ земли и неувѣренные въ слѣдующей имъ платѣ, живутъ въ ужасныхъ лачугахъ, въ которыя даже воздухъ проникаетъ грязнымъ. Если счесть все, что могутъ получить въ самый благопріятный годъ отецъ, мать и дѣти, то оказывается, что выручки недостаточно даже на насущный хлѣбъ, будутъ-ли они ѣсть каштаны, маисовую поленту или хлѣбъ изъ испортившейся муки. На платье, на меблировку или украшеніе хижины, на часто необходимыя лѣкарства не остается ничего! А между тѣмъ англійская болѣзнь и всѣ недуги, причиняемые недостаткомъ питанія, весьма распространены и смертность между дѣтьми значительна. Масса мелкихъ землевладѣльцевъ не въ состояніи выплачивать пошлинъ и налоговъ и подвергаются фиску. Поэтому выселеніе, лишающее полуостровъ такого множества его сыновъ, отправляющихся въ Ла-Плату, въ Перу, въ Соединенные Штаты, во Францію, Швейцарію, въ Алжиръ и Тунисъ, въ Турцію и въ Египетъ, является двойнымъ благодѣяніемъ. Оно даетъ хлѣбъ отправляющимся, а послѣдніе своими письмами и присылаемыми деньгами поддерживаютъ надежду въ остающихся. Говорятъ, что изъ милліона

итальянцевъ, находящихся заграницею, добрая сотня тысячъ занимается въ той или другой формѣ искусствомъ, либо въ качествѣ музыкантовъ, живописцевъ и скульпторовъ, либо въ качествѣ уличныхъ пѣвцовъ и шарманщиковъ. Запасшись кой-какими сбереженіями, они въ большинствѣ случаевъ возвращаются на родину.

Невѣжество, обычный спутникъ нищеты, еще очень велико почти во всѣхъ провинціяхъ полуострова. Степень образованія въ различныхъ странахъ, конечно, нельзя измѣрить иначе, какъ числомъ школъ и людей, умѣющихъ читать и писать; но останавливаясь только на этомъ поверхностномъ признакѣ, вы рискуете сильно ошибиться, такъ какъ, благодаря преимуществамъ долгой цивилизаціи, передаваемой по наслѣдству, тоскапскіе и неаполитанскіе земледѣльцы, которымъ неизвѣстна никакая азбучная тарабарщина, тѣмъ не менѣе имѣютъ гораздо больше ума и умѣнія жить, чѣмъ, относительно, образованные крестьяне сѣвера. Во всякомъ случаѣ, это большое несчастіе Италіи, что незнаніе грамоты ставитъ столь значительную часть ея населенія внѣ всякой борьбы за умственный прогрессъ. Хотя число неграмотныхъ за десятилѣтіе 1871—1881 и уменьшилось на 8%, все же въ таинства азбуки проникло меньше половины всѣхъ взрослыхъ людей: три четверти женщинъ принадлежатъ къ числу *analfabeti* (безграмотныхъ), и хотя, по закону, во всякой общинѣ непремѣнно должна быть школа, однако между ними есть тысячи такихъ, которыхъ еще не посѣщалъ учитель. Вмѣсто нормальнаго отношенія 1 жителя, посѣщающаго школу, на 6 или на 7 непосѣщающихъ, является лишь отношеніе 1 къ 14. Пьемонтъ и Ломбардія—единственныя провинціи, въ которыхъ число *alfabeti* (грамотныхъ) превышаетъ число неграмотныхъ.

Вотъ почему продолжаютъ еще существовать старые нравы насилія и убійства. По сообщеніямъ современной статистики, въ годъ бываетъ среднимъ числомъ по 5,000 убійствъ, по 4,000 вооруженныхъ кражъ, по 50,000 дракъ съ пораненіемъ. Болѣе 200,000 итальянцевъ принадлежатъ къ числу *ammoniti*, т. е. подвергнутыхъ или приговоренныхъ къ ссылкѣ на поселеніе.

Состояніе общественнаго образованія въ Италіи:

Первоначальныхъ школъ, правительств. и частныхъ въ	1872 г.:	41,713 въ нихъ:	1.722,947 дѣтей.
Первоначальныхъ школъ, правительств. и частныхъ въ	1882 „	47,220 „ „	1.976,135 „

Число общественныхъ школъ въ 1882 г.: 41.423, въ нихъ 1.850,619 учениковъ и 48,155 наставницъ. Лицеевъ и гимназій въ 1882 г. (считая и частные) : 1,057, посѣщ. 55,101 учен. Школъ и институтовъ техническихъ : 514, въ нихъ 33,509 учащихся. Университетовъ (4 частныхъ) въ 1882 г. : 21, въ нихъ 12,190 учащихся. Книгъ издано въ 1877 г.: 5,743. Газетъ и журналовъ въ 1883 г. : 1,378 (изъ нихъ 145 ежедневныя).

Число неграмотныхъ рекрутъ въ 1881 г. 47,7 на 100.
„ „ новобрачныхъ „ „ „ 48 муж., 70 женщ. на 100
„ „ въ 1871 году 72,96%
„ „ „ 1881 „ 67,26%
„ „ „ „ „ (не считая дѣтей до 5 лѣтъ) 62,80%

Число осужденныхъ въ 1882 г. (уголовн. преступл.):

Мировыми судами	234,022	или 82	на 10,000
Исправительными судами	64,871	„ 22,76	„ „
Уголовными „	6,144	„ 2,15	„ „

Число *„ammonizioni“* съ 1874 по 1883 г. 201,438
Средняя цифра за годъ 22,382

Одною изъ главныхъ причинъ остановки и замедленія въ развитіи итальянскаго народа является постоянное разстройство въ государственныхъ финансахъ и, послѣдствіе его, тяжесть принудительныхъ налоговъ. Правда, по сравненію съ Франціею, всякій національный долгъ можетъ показаться некрупнымъ, но долгъ Италіи доходитъ до 12 милліардовъ, что составляетъ уже громадную сумму, тѣмъ болѣе что она постоянно увеличивалась въ теченіи, по крайней мѣрѣ, одного поколѣнія, сверхъ того, къ ней присоединяется ежегодный дефицитъ, колеблющійся между 120 и 500 милліоновъ франковъ. Доходы теперь впрочемъ увеличиваются и даже были случаи нѣсколькихъ бездефицитныхъ лѣтъ. Налогъ на помолъ отмѣненъ, кредитные билеты дошли до *al-pari* съ серебромъ. Тѣмъ не менѣе дефицитъ, вслѣдствіи экстраординарныхъ расходовъ на армію и флотъ, не покрывается ни увеличеніемъ таможенныхъ пошлинъ, ни налогами на потребленіе, ни лотереею, столь вредно вліяющей на народную нравственность, ни продажею церковныхъ имуществъ.

Вотъ данныя о финансовомъ положеніи Италіи:

Расходъ государств. въ 1874 г.	1.329,165,000 фр.	Въ 1882 г. . .	1.559,685,000 фр.
Доходъ „ „ „ „	1.293,759,000 „	„ „ „ „	1.569,677,000 „
Дефицитъ „ „ „ „	35,406,000 фр.	Остатокъ . .	9,782,000 фр.
Долгъ „ „ „ „	9,787,743,000 „	Въ 1883 г. . .	11.969,768,000 „
% по долгу „ „ „ „	455,536,000 „	„ „ „ „	525.310,000 „

Бюджетъ 1884—1885 г. (предположит. смѣтный).

Приходъ	1.562.975,000 фр.
Расходъ.	1.555.676,000 „

Доходъ съ 8,297 общинъ въ 1877 г.	502.100,000 фр.
„ „ 4,787 „ „ „ „	свободны отъ долговъ.
„ „ 3,510 „ „ „ „	701.263,144 фр., изъ которыхъ 450.000,000 приходится на долю 9-ти наиболѣе значительныхъ городовъ Италіи.

Долги областные къ 1 янв. 1881 г.	102.229,000 фр.
„ общинъ „ „ „ „ „	724.105,000 „

Доходъ съ государств. лоттереи въ 1874 г.	75.000,000 франк.
Продажа церковныхъ имуществъ съ 26 окт. 1867 по 31 дек. 1883 г. дала.	579.393,989 „

Папа, который могъ прежде считать себя „солнцемъ между земными лунами“, т. е. императорами и королями, потерялъ всякую политическую власть въ своихъ бывшихъ государствахъ. Онъ живетъ въ Ватиканѣ не какъ монархъ, а какъ гость, и деньги, которыя предлагаетъ ему итальянское правительство и отъ которыхъ онъ не переставалъ еще отказываться,—уже не дань, а подарокъ. Тѣмъ не менѣе, папа, хотя и безоружный, не совсѣмъ еще безвластенъ, и одно уже его присутствіе составляетъ значительное препятствіе къ прочному установленію Итальянскаго государства. Лишеніе духовнаго монарха свѣтской власти вовсе не признано еще огромнымъ большинствомъ католиковъ, которые, какъ на самомъ полуостровѣ, такъ и во всей Европѣ и въ цѣломъ мірѣ, протестуютъ противъ этого и не упускаютъ случая порицать новый порядокъ вещей. Политическая Европа оказывается такимъ образомъ слишкомъ заинтересованною во внутреннихъ дѣлахъ Италіи, чтобы не позволять себѣ въ нихъ частыя вмѣшательства:—вотъ опасность, отвратить которую быть можетъ не удастся всѣмъ дипломатическимъ тонкостямъ. Этотъ уголокъ земли, этотъ дворецъ, этотъ садъ, которые еще остаются у ихъ владыки, сравниваются ревнителями папства съ тою твердою точкою, которую искалъ Архимедъ, и которой, говорятъ они, достаточно для опоры рычагу, который перевернетъ весь міръ. Какъ бы то ни было, борьба будетъ, и перипетіи столкновенія произойдутъ не на одномъ полуостровѣ.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что рано или поздно Италія выйдетъ изъ того ложнаго положенія, которое сдѣлало изъ ея столицы центръ независимаго государства и въ то же время мѣстопребываніе теократическаго правительства, которому повинуются всѣ католики въ

мірѣ. Это противорѣчіе должно исчезнуть, тѣмъ болѣе, что, среди большихъ европейскихъ агломерацій, Италія принадлежитъ именно къ числу такихъ, которыя силою самихъ вещей сохранятъ всего дальше свою національную индивидуальность. Присоединясь поздно къ составу централизованныхъ народовъ, итальянцы тѣмъ болѣе привязаны къ своему отечеству, что они создали его еще недавно; оно составляетъ для нихъ завоеваніе, которое они не захотятъ выпустить изъ рукъ, особенно пока оно не будетъ окончено и пока многія итальянскія земли не присоединятся къ группѣ соединенныхъ провинцій. Исключительная опредѣленность географическихъ очертаній полуострова поможетъ итальянцамъ сохранить свое національное чувство во всей его силѣ. Альпійская стѣна останется въ ихъ глазахъ знаменательною еще долго послѣ того, какъ желѣзныя и другія дороги пройдутъ надъ нею или подъ нею чрезъ всѣ значительные проходы. Но потому самому, что итальянская національность рѣзко ограничена и имѣетъ всѣ шансы держаться съ большею стойкостью, чѣмъ другія національности, съ не столь опредѣленными границами, она имѣетъ меньше возможности къ расширенію. Если исключить эмиграціонное движеніе въ страны Ла-Платы, то роль Италіи остается исключительно средиземною: ея движеніе на внѣшній склонъ Альпъ почти ничтожно, а за Суэцъ и Гибралтаръ—еще меньше. Итальянскій языкъ въ Тунисѣ и въ Египтѣ, представляемый различными его нарѣчіями, можетъ пріобрѣстьнѣ которое преобладаніе, но имѣетъ весьма мало шансовъ бороться съ англійскимъ, французскимъ, испанскимъ, нѣмецкимъ и русскимъ. Прекрасный языкъ Данта, конечно, не будетъ міровымъ языкомъ народовъ.

X.

ПРАВИТЕЛЬСТВО и АДМИНИСТРАЦІЯ.

По основному статуту королевства, обнародованному въ мартѣ мѣсяцѣ 1848 г., Италія есть наслѣдственная, представительная монархія. Конституціонная хартія была введена первоначально только въ государствахъ короля Сардинскаго, а потомъ, съ каждымъ новымъ увеличеніемъ королевства, постепенно распространилась на Ломбардію, Тоскану, Эмилію, на Мархіи, Неаполитанскую область, Сицилію, на Венецію и, наконецъ, на Римъ и его провинцію.

Статутъ, какъ и большая часть подобныхъ документовъ, гаранти-

руетъ всѣмъ итальянскимъ „уроженцамъ“ равенство передъ закономъ, индивидуальную свободу и неприкосновенность домашняго очага. Печать свободна. но „законъ обуздываетъ ея злоупотребленія“. Право собраній признано, за исключеніемъ „сходокъ въ публичныхъ мѣстахъ“; всѣ граждане одинаково пользуются гражданскими и политическими правами и допускаются на всѣ гражданскія и военныя должности, „кромѣ исключеній, опредѣленныхъ закономъ“.

Король облеченъ исполнительною властью, но всѣ законы и всѣ правительственные акты должны имѣть непремѣнно подпись министра. Король, какъ глава государства, командуетъ сухопутными и морскими силами, объявляетъ войну, заключаетъ мирные, союзные и торговые трактаты, съ единственнымъ условіемъ—давать о нихъ отчеты палатамъ, „когда позволятъ интересы и безопасность государства“; между тѣмъ какъ трактаты, влекущіе за собою отягощеніе финансовъ или касающіеся территоріальныхъ измѣненій, не имѣютъ силы безъ согласія палатъ. Король назначаетъ на всѣ государственныя должности, въ томъ числѣ и сенаторовъ королевства, и распускаетъ палату депутатовъ; его именемъ отправляется правосудіе; онъ имѣетъ право помилованія и смягченія наказаній. Онъ пользуется всѣми имуществами короны и можетъ распоряжаться своимъ частнымъ родовымъ имѣніемъ, какъ при жизни, такъ и по завѣщанію, не стѣсняясь правилами гражданскихъ законовъ, ограничивающихъ право распоряженія. Содержаніе, назначаемое ежегоднымъ бюджетомъ націи королю и принцамъ королевской фамиліи, превышаетъ двадцать милліоновъ франковъ.

Число сенаторовъ не ограничено. Король избираетъ ихъ изъ духовныхъ, гражданскихъ и военныхъ сановниковъ, изъ чиновниковъ всѣхъ классовъ, богатыхъ лицъ, платящихъ государству болѣе 3,000 франковъ налога, и изъ всѣхъ тѣхъ, кто, по его мнѣнію, оказалъ отечеству важныя заслуги. Чтобы занимать мѣсто въ сенатѣ, надо имѣть не менѣе сорока лѣтъ. Депутаты палаты представителей должны имѣть не менѣе тридцати лѣтъ; они въ числѣ 508, избираются на пять лѣтъ, но ихъ полномочіе прекращается, если палата распущена до истеченія этого срока. Какъ и сенаторы, они не получаютъ никакого вознагражденія, чѣмъ и объясняется въ нѣкоторой мѣрѣ недостатокъ усердія въ большей части сенаторовъ и представителей для исполненія своихъ обязанностей: между ними есть и такіе, которые ни разу не бывали въ засѣданіи. А такъ какъ постановленія считаются дѣйствительными только тогда, когда они поставлены собраніемъ при наличности половины плюсъ одного члена, то иногда проходятъ цѣлыя недѣли, прежде чѣмъ возможно бываетъ рѣшить

КАСТИЛЬСКІЕ ТИПЫ. КРЕСТЬЯНЕ ИЗЪ ОКРЕСТНОСТЕЙ ТОЛЕДО.

окончательно какой нибудь важный вопросъ. Что касается до второстепенныхъ законовъ, то они, вопреки статуту, постановляются большею частью простымъ меньшинствомъ.

Не всѣ граждане бываютъ политическими избирателями: по закону 1882 г., ихъ считается только немного болѣе 2.000,000, которые и раздѣляются на 135 избирательныхъ коллегій. Они должны имѣть не менѣе двадцати одного года, умѣть читать и писать и, кромѣ того, платить не менѣе 20 франковъ налога. Всѣ чины академій, профессора университетовъ и коллегій, всѣ занимающіеся свободными искусствами, всѣ осѣдлые и имѣющіе какой нибудь патентъ купца и всѣ государственные пенсіонеры, получающіе болѣе 600 франковъ, считаются избирателями по праву. Вообще, политическіе избиратели въ Италіи не выказываютъ особенной торопливости въ съѣздахъ на баллотировки, и число вотирующихъ вообще бываетъ меньше 40 на 100 записанныхъ.

Въ административномъ отношеніи всякая провинція Италіи считается „моральною личностью“, имѣющею право владѣть собственностью безъ разрѣшенія центральнаго правительства и пользующеюся извѣстною автономіею. Провинціальный совѣтъ заключаетъ въ себѣ отъ двадцати до шестидесяти членовъ, назначаемыхъ на пять лѣтъ муниципальными избирателями, и возобновляется по пятой части. Этотъ совѣтъ засѣдаетъ обыкновенно одинъ разъ въ годъ и занимается почти исключительно мѣстными матеріальными интересами и утвержденіемъ дополнительныхъ налоговъ. Временно онъ передаетъ свои полномочія провинціальной депутаціи, которая и представляетъ совѣтъ при префектѣ, дѣйствія котораго она контролируетъ.

Организація муниципальнаго города весьма похожа на организацію провинціи. Совѣтъ состоитъ изъ 15—20 членовъ, избирается также прямо на пять лѣтъ и возобновляется по пятой части. Муниципальныхъ избирателей больше чѣмъ политическихъ; они могутъ пользоваться своими правами съ двадцати одного года, но должны имѣть цензъ и платить налога отъ 5 до 25 франковъ, смотря по значительности общины; къ избирателямъ по цензу присоединяются избиратели „по правоспособности“: профессора, чиновники, военные кавалеры орденовъ и всѣ итальянцы, занимающіеся свободными профессіями. Муниципальный совѣтъ собирается обыкновенно два раза въ годъ и занимается сведеніемъ счетовъ, утвержденіемъ бюджета и повѣркою общиннаго состоянія; засѣданія его публичны, если того потребуетъ большинство. Совѣтъ самъ избираетъ муниципальную юнту (*giunta*), возобновляющуюся по половинѣ въ годъ и состоящую изъ 2—12 собственниковъ, смотря по значительности об-

щины; она обязана вести текущія дѣла и служитъ представителемъ совѣта при мерѣ или *sindaco*, который, какъ и провинціальный префектъ, утверждается правительствомъ, но всегда долженъ быть выбранъ изъ среды муниципальнаго совѣта.

Крупныя территоріальныя части Италіи: Пьемонтъ, Ломбардія, Венеція, Эмилія, Лигурія, Тоскана, Мархіи, Умбрія и Римъ, Неаполитанская область, Сицилія, Сардинія, раздѣляются на 69 провинцій, которыя въ свою очередь, подраздѣляются на 284 уѣзда или округа (*circondarii*), называемые въ венеціанскихъ и мантуанскихъ провинціяхъ дистриктами (*dictretti*). Округа подраздѣляются на 1,779 приказовъ (*mandamenti*), представляющихъ дѣленіе чисто судебное, и на 8,259 общинъ, пространство которыхъ вдвое, а населеніе втрое больше общинъ французскихъ. Въ каждой провинціи центральная власть представляется префектомъ и его префектурнымъ совѣтомъ; въ округахъ дѣйствуетъ съ подобнымъ же кругомъ вѣдомства—подпрефектъ; наконецъ *sindaco*, который считается представителемъ своихъ согражданъ при правительствѣ, есть въ то же время выборная власть въ общинѣ. Это почти та же самая административная система, которая почти всегда преобладала въ новѣйшей Франціи.

Судебная іерархія была установлена въ 1865 г., какъ и организація провинцій и общинъ. Первая степень—это мировой судъ. Въ каждой общинѣ есть по крайней мѣрѣ одинъ мировой судья, назначаемый правительствомъ на три года, по представленію муниципальнаго совѣта. Въ главныхъ мѣстахъ „приказовъ“ судитъ преторъ; это судья первой инстанціи; при немъ состоитъ одинъ или нѣсколько вице-преторовъ, обязанности которыхъ подобны обязанностямъ мироваго судьи. Надъ преторами стоятъ судьи 151 гражданскихъ и исправительныхъ судовъ, а за ними слѣдуютъ судьи 23 апелляціонныхъ и 4 кассаціонныхъ судовъ, во Флоренціи, въ Неаполѣ, въ Палермо и Туринѣ, которые произносятъ окончательныя рѣшенія. Королевство раздѣляется на 86 округовъ ассизныхъ судовъ и на 25 коммерческихъ, которые точно также подчинены юрисдикціи апелляціонныхъ и кассаціонныхъ судовъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ имѣетъ право административной высылки безъ объясненія, суда и обжалованья. Главнѣйшими мѣстами ссылки являются острова Понца, Трелити, Устика, Сан-Стефано и Пантеллярія.

Всякій итальянецъ 21-лѣтняго возраста несетъ военную службу и не можетъ занимать никакой должности, пока не отбылъ воинской повинности или не изъятъ отъ нея по закону. Контингентъ раздѣляется на двѣ категоріи: на контингентъ постоянной арміи и контингентъ резерва,

Первая категорія раздѣляется еще на службу спеціальную и службу провинціальную. Первая продолжается девять лѣтъ и въ ней состоятъ карабинеры, или жандармы, ружейные мастера, музыканты, отборные стрѣлки, воспитанники военныхъ школъ и унтеръ-офицеры. Въ провинціальную службу идутъ всѣ другіе рекруты первой категоріи; она продолжается 11 лѣтъ, изъ которыхъ 5—дѣйствительной службы и 6—безсрочнаго отпуска. Что касается до людей резерва, то они учатся въ теченіе пятидесяти дней въ первый годъ службы, а затѣмъ отправляются въ отпускъ и съ 26-ти лѣтняго возраста уже не считаются принадлежащими къ войску. Въ мирное время, по *Annuario Statistico* за 1885 г.—всѣ военныя силы простираются до 183,280 чел., а съ созывомъ резервовъ доходитъ до 750,765 чел. Если считать, такъ называемую, milice mobile, то образуется до 1.092,000 чел. Третья категорія—территоріальная милиція исчисляется въ 1.021,954 человѣка. Такимъ образомъ Италія въ случаѣ особой опасности можетъ выставить подъ ружье до 2 милліоновъ людей. Но всѣ эти цифры вѣрны лишь на бумагѣ, на самомъ-же дѣлѣ онѣ значительно ниже.

Послѣ Вероны, составляющей великій оплотъ долины По, главными крѣпостями Италіи являются: Мантуа, Пескіера, Леньяго, которыя, со всѣми своими передовыми фортами и оборонительными предмостными укрѣпленіями, составляютъ часть „четырехугольника“, достигшаго такой знаменитости въ періодъ австрійскаго господства. Венеція, дополняющая на материкѣ фортъ Мальгеру, представляетъ также весьма укрѣпленный городъ, который героически защищался противъ австрійцевъ въ 1849 г. Пальма, или Пальмануова, охраняетъ границу между заливомъ Тріестскимъ и валомъ Юлійскихъ Альпъ. Рокка д'Анфо, уединенная на своей горѣ, къ сѣверу отъ Гардскаго озера, господствуетъ разомъ надъ ущельями Адижа и Кіезы. Пиччигетоне на Аддѣ не имѣетъ большаго стратегическаго значенія съ тѣхъ поръ, какъ четырехсторонникъ принадлежитъ Италіи; но Александрія, при сліяніи Таларо и Бормиды, всегда составляетъ стратегическій пунктъ по преимуществу для Пьемонта и замѣчательнѣйшій плацъ-д'армъ въ Европѣ. Казале—передовая крѣпость По, и Генуя, на Средиземномъ морѣ—защищаютъ Апеннинскіе проходы. Плезанца и Феррара обѣ господствуютъ надъ переправою чрезъ По въ весьма важной части его теченія. Римъ, съ его пятнадцатью фортами, также представляетъ собою солидное укрѣпленіе. Другіе укрѣпленные города королевства суть: Анкона—въ средней Италіи, Порто-Ферайо—на островѣ Эльбѣ, Гаэта, Капуа, Тарентъ—въ южной Италіи, Мессина—въ Сициліи. Всѣ альпійскія дефилэ старательно защищены фортами.

Военный флотъ, къ 1882 году, состоялъ изъ 72 паровыхъ судовъ, изъ которыхъ 12 броненосцевъ, прекрасно вооруженныхъ. Въ ней кромѣ того имѣлось до 40 канонерокъ и тому подобныхъ лодокъ. Число экипажа—15,000 человѣкъ. Срокъ обязательной службы въ мирное время —4 года; остальное время до сороковаго года проходитъ въ отпуску, за исключеніемъ военнаго времени. Замѣстители и избравшіе морскую службу, вмѣсто сухопутной, служатъ во флотѣ 8 лѣтъ. Главныя морскія станціи суть: Спеція, Генуя, Неаполь, Кастелламаре ди Стаббія, Венеція, Анкона и Тарентъ. Маддалена, со своими двумя входами и бассейномъ, окруженнымъ островами и мысами, чрезвычайно удобна для защиты и самою природою предназначена быть военнымъ портомъ Тирренскаго моря. Еще недавно Италія не имѣла ни одной значительной колоніи — не полная владычица своихъ собственныхъ земель, она не могла и думать о пріобрѣтеніяхъ въ чужихъ краяхъ. Теперь же, создавъ себѣ внушительный флотъ, она рѣшила принять участіе въ дѣлежѣ Африки, затѣянномъ европейскими державами.

По первому параграфу основнаго статута, единственною государственною религіею считается религія римско-апостолическо-католическая; всѣ другія вѣроисповѣданія—только терпимы. Впрочемъ, антагонизмъ между гражданскою властью и папствомъ давалъ возможность легкаго введенія всякой религіи, несогласной съ государственною, если бы этого пожелали итальянцы; но за исключеніемъ жителей ваатландскихъ долинъ и иностранцевъ, поселившихся въ большихъ городахъ, въ Италіи, можно сказать, нѣтъ протестантовъ; еврейскія общины также, сравнительно, немногочисленны. Вообще, населеніе, взятое въ цѣломъ, состоитъ изъ, урожденныхъ католиковъ, большая часть которыхъ принадлежитъ, правда къ числу враговъ Церкви, или составляетъ часть огромнаго стада индифферентныхъ.

Какъ резиденція папы, Италія занимаетъ въ мірѣ совершенно исключительное положеніе. Римъ является мѣстопребываніемъ двухъ правительствъ, правительства короля и правительства духовнаго монарха. Не имѣя въ настоящее время никакой политической власти, въ принципѣ, папа представляетъ независимѣйшаго монарха. Онъ не отвѣчаетъ за свои дѣйствія ни передъ кѣмъ: какъ только онъ избранъ своими соединенными въ конклавъ товарищами—кардиналами—въ преемники св. Петра и въ „намѣстника Іисуса Христа“,—для него нѣтъ ни парламента, ни совѣта, ни собранія вѣрныхъ, съ которыми бы онъ обязанъ былъ совѣтоваться; если онъ и спрашиваетъ мнѣнія священной коллегіи, когда дѣло идетъ о какихъ нибудь важныхъ рѣшеніяхъ, то онъ обязанъ къ этому только обы-

чаемъ. Все что онъ думаетъ и дѣлаетъ, считается божескимъ. Онъ не только единственный человѣкъ въ мірѣ, обладающій силою непогрѣшимости, но можетъ по своей волѣ разрѣшать грѣхи другимъ: онъ „связываетъ и развязываетъ", „въ его рукахъ ключи", т. е. онъ открываетъ двери ада и рая, и его власть надъ людьми простирается даже за предѣлы жизни.

Высшими сановниками этого правителя душъ являются кардиналы. Они назначаются папою въ секретной консисторіи, большею частію изъ итальянцевъ, а также и изъ другихъ націй, но имена ихъ не всегда объявляются тотчасъ по назначеніи. Число ихъ со временъ Сикста V ограничивается 70-ю, въ воспоминаніе древняго Израиля и учениковъ Іисуса, впрочемъ, коллегія рѣдко бываетъ въ полномъ составѣ, ибо большая часть кардиналовъ, избираемыхъ почти всегда изъ престарѣлыхъ священниковъ, пользуются своимъ званіемъ не долго. Они раздѣляются на три класса: кардиналовъ-епископовъ, живущихъ въ Римѣ, числомъ 6; кардиналовъ священниковъ, составляющихъ большинство въ Римѣ и заграницею, числомъ 50, и 14 кардиналовъ-дьяконовъ. Кардиналъ-камерлингъ, называемый такъ потому, что предсѣдательствуетъ въ апостолической камерѣ, или палатѣ финансовъ, долженъ замѣнять временно папу, когда престолъ остается вакантнымъ; онъ принимаетъ тогда отъ имени палаты въ свое владѣніе дворецъ и получаетъ „кольцо рыболова"—символъ власти, данный св Петру и его послѣдователямъ; старѣйшій кардиналъ, избираемый изъ самыхъ престарѣлыхъ кардиналовъ-епископовъ, пользуется также многими преимуществами. Въ исключительныхъ обстоятельствахъ, кардиналы трехъ класовъ, архіепископы, епископы, генералы монашескаго сословія, аббаты съ епископскою юрисдикціею могутъ быть созваны на вселенскій соборъ, для обсужденія интересовъ Церкви и разрѣшенія догматическихъ вопросовъ. Когда папскій престолъ становится вакантнымъ, то коллегія кардиналовъ соединяется въ конклавъ и назначаетъ новаго первосвятителя изъ кандидатовъ, имѣющихъ болѣе 55 лѣтъ; но для окончательнаго избранія еще недостаточно двухъ третей голосовъ, а нужно согласіе правительствъ Франціи, Австріи, Испаніи и Неаполитанскаго, нынѣ Итальянскаго королевства. Только тогда новоизбранный объявляется и получаетъ *pallium* (омофоръ) и тіару (папская корона).

Какъ монархъ, папа имѣетъ своихъ представителей у многихъ государствъ Европы и Новаго Свѣта. Въ силу повторяемой такъ часто со временъ Кавура формулы „свободная церковь въ свободномъ государствѣ", папа облеченъ всѣми королевскими правами, созываетъ по своему желанію капитулы и соборы, назначаетъ на всѣ духовныя должности, имѣетъ свой телеграфъ, свою почту, свою придворную и швейцарскую гвардію,

пользуется всякою собственностью, не платя палога, Ватиканткимъ и Латеранскимъ дворцами, а также виллою Кастель Гандольфо, на берегу озера Альбано. Наконецъ, итальянскій бюджетъ отягощается въ его пользу неотъемлемымъ приношеніемъ болѣе чѣмъ въ 3 милліона франковъ. Хотя по настоящее время онъ отказывается отъ этого содержанія, но получаетъ по крайней мѣрѣ вдвое болѣе значительную сумму, называемую „динаріемъ святаго Петра“ и доставляемую ему благочестивыми вѣрующими. Впрочемъ за послѣднее время приношенія эти уменьшились.

Въ религіозномъ отношеніи Италія раздѣляется на 47 архіепископствъ, подраздѣляемыхъ на 206 независимыхъ епископствъ и прелатствъ. Духовное населеніе составляютъ около 100,000 священниковъ. Въ 1866 г., когда были упразднены монастыри и ихъ имущества присоединены къ государству въ замѣнъ пенсій, монаховъ и монахинь считалось приблизительно отъ 32,000 до 44,000. Клерикальная армія простиралась, слѣдовательно, до 180,000 человѣкъ, т. е. равнялась арміи въ мирное время.

Слѣдующая таблица показываетъ территоріальныя области и провинціи Италіи, съ ихъ пространствомъ и населеніемъ по переписи 1881 года

Территоріальныя области.	Провинціи.	Пространство. Территоріальныя области.	Пространство. Провинціи.	Населеніе. Территоріальныя области.	Населеніе. Провинціи.
Пьемонтъ	Новара	29,004 11	6,543 50	3.070,250	675,926
	Туринъ (Торино)		10,269 53		1.029,343
	Александрія (Алессандр.)		5,005		729,710
	Кони (Кунео)		7,136 08		635,400
Ломбардія	Сондріо	23,532 83	3,259 81	3.680,615	120,534
	Комо		2,717 26		515,050
	Бергамъ (Бергамо)		2,660 38		390,775
	Миланъ (Милано)		2,992 54		1,114,991
	Брешія		4,620 74		471,563
	Павія		3,329 51		469,831
	Кремона		1,736 21		302,138
	Мантуа (Монтова)		2,216 38		295,728
Лигурія	Порто Маурицію	5,323 87	1,210 34	892,373	132,251
	Генуя (Генова)		4,113 53		760,122
Венеція	Верона	23,657 09	2,854 02	2.814,173	394,065
	Виченца		2,696 02		396,349
	Беллуно		3,270 68		174,140
	Падуа (Падова)		2,086 32		397,762
	Ровиго		1,688 53		217,700
	Тревизо		2,431 36		375,704
	Удина		6,430 70		501,745
	Венеція		2,199 47		356,708
Эмилія	Піаченца	20,527 34	2,499 78	2.183,391	226,717
	Парма		3,239 67		267,306
	Реджіо		2,288		244,959
	Модена		2,502 25		279,254
	Феррара		2,616 23		230,807
	Болонья		3,603 80		457,474
	Равенна		1,922 32		225,764
	Форли		1,855 29		251,110

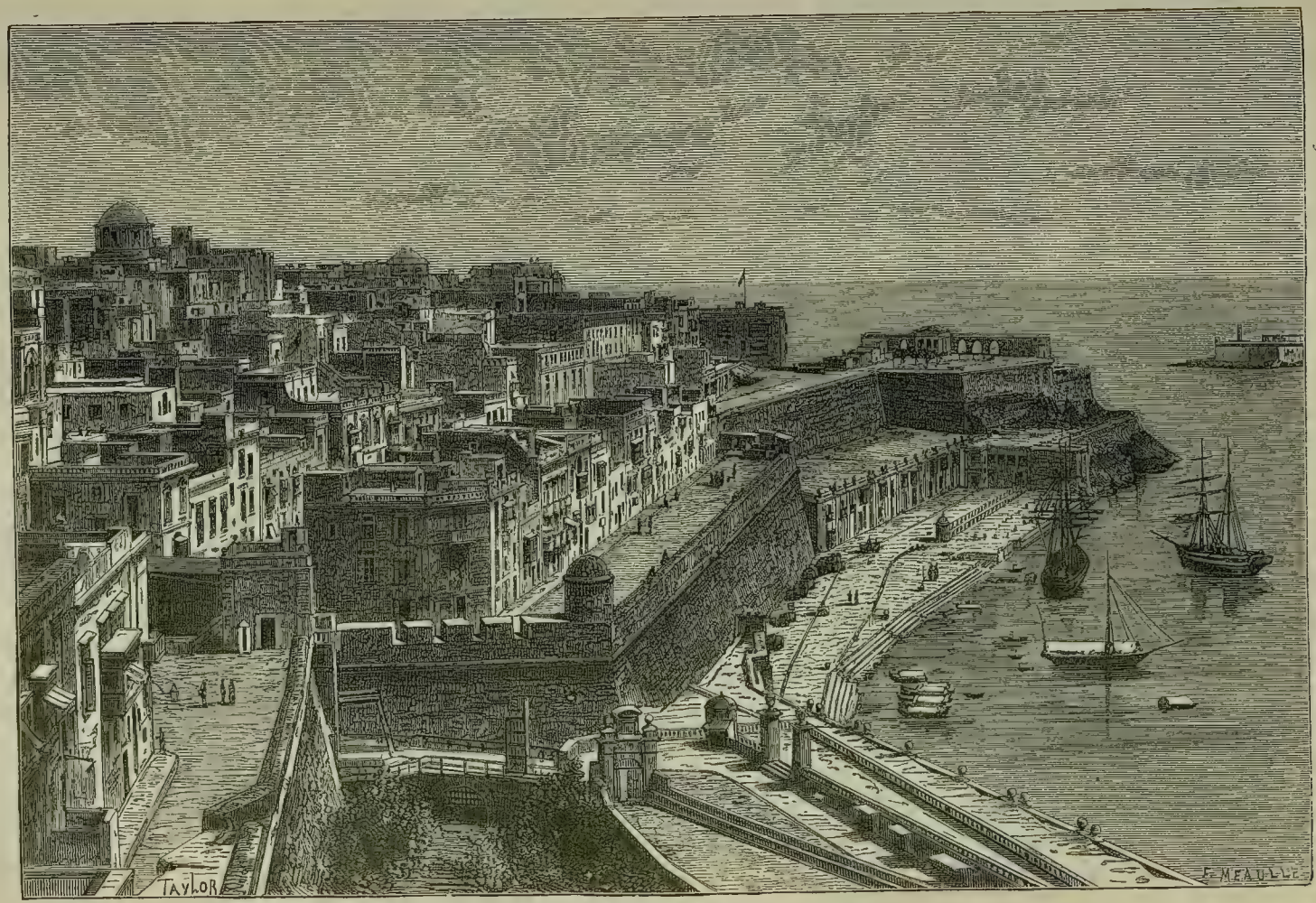
Мархіи	Пезаро и Урбино	9,714 25	2,965 31	939,279	233,043
	Анкона		1,916 36		267,338
	Мачерата		2,736 81		239,713
	Асколи Пичено		2,095 77		209,185
Умбрія	Умбрія (Перуза или Перуджія)	9,632 86	9,632 86	572,060	572,060
Тоскана	Масса и Каррара	24,031 09	1,740 46	2.208,869	169,469
	Лукка		1,493 64		284,484
	Флоренція (Фиренце)		5,861 32		790,776
	Ливорно		325 67		121,612
	Пиза		3,056 08		283,210
	Ареццо		3,305 91		238,744
	Сіена		3,793 42		205,926
	Гроссето		4,434 59		114,295
Римъ	Римъ (Рома)	11,790 16	11,790 16	903,472	903,472
Абруццы и Молиза	Терамо	17,289 74	3,324 74	1.317,215	254,806
	Аквила		6,499 60		353,027
	Кіети		2,861 46		344,048
	Молиза (Кампобассо)		4,603 94		365,434
Кампанья	Терра ди-Лаворо (Капуа)	17,966 98	5,974 78	2,896,577	714,131
	Беневенто		1,751 51		238,425
	Неаполь (Наполи)		1,110 52		992,398
	Салерно		5,480 97		550,159
	Авеллино		3,649 20		392,619
Апулія	Капитанато (Фоджія)	22,119 58	7,652 18	1.589,064	356,267
	Терра ди-Бари (Бари)		5,937 52		678,148
	Терра д'Отранто (Лекке)		8,529 88		553,298
Базиликата	Базиликата (Потенца)	10,675 97	10,675 97	524,504	524,836
Калабріи	Козенца	17,257 33	7,358 04	1.257,883	451,309
	Катанцаро		5,975		433,975
	Реджіо		3,924 29		372,623
Сицилія	Мессина	29,240 24	4,578 89	2.927,901	460,924
	Палермо		5,086 91		699,151
	Трапани		3,145 51		283,873
	Кальтанидетта		3,768 27		265,930
	Джирдженти		3,861 35		312,487
	Катана (Катанія)		5,102 19		563,440
	Сарикузы		3,697 12		343,036
Сардинія	Сассари	24,250 17	10,720 26	682,002	261,367
	Кальяри		13,529 92		420,635
		296,013 62		28.459,628	

ГЛАВА X.

МАЛЬТА И ГОЦЦО.

Хотя Мальтійскій архипелагъ политически и принадлежитъ Великобританіи, но составляетъ, неоспоримо, часть итальянскаго міра, такъ какъ находится на томъ-же подводномъ пьедесталѣ, какъ и Сицилія. Километровъ на сто къ западу находятся глубочайшія бездны Средиземнаго моря, гдѣ зондъ можетъ опуститься на три и на четыре тысячи метровъ, но сѣвернѣе, къ берегамъ Сициліи, слой воды имѣетъ незначительную толщину; въ этомъ-то, именно, мѣстѣ море разрыло бывшій соединительный перешеекъ. Для геологовъ очевидно, что земля, остатки которой составляютъ Мальта и Гоццо, занимала нѣкогда значительное пространство. Между самыми недавними ископаемыми въ известковыхъ скалахъ найдены слоны различныхъ породъ и другія животныя континентальныхъ странъ. Еще и въ наше время Мальта уменьшается мало-по-малу: высокія прибрежныя скалы ея южныхъ береговъ, совершенно изрытыя пещерами, называемыми по туземному *ghar*, разрушаются волнами то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ и превращаются въ песокъ, который разносится водою по прибрежнымъ отмелямъ.

Находясь въ центрѣ Средиземнаго моря, въ узкомъ пространствѣ, отдѣляющемъ Тунисъ отъ Сициліи, Европу отъ Африки и обладая лучшими портами, чѣмъ въ Пантелляріи, Мальтійскій архипелагъ не могъ не сдѣлаться важною торговою станціею для всѣхъ народовъ, наслѣдовавшихъ поочередно владычество надъ великимъ внутреннимъ моремъ. Мальтою владѣли финикіяне, кореагеняне, римляне и греки, но еще и до нихъ страна эта была населена другими народами аутохтонами, или завоевателями; о долгомъ пребываніи здѣсь этихъ неизвѣстныхъ людей свидѣтельствуютъ вырытыя въ скалахъ многочисленныя пещеры, башни „гигантовъ“ и нѣкоторые остатки тѣхъ странныхъ памятниковъ, которые походятъ на сардинскіе нураги и даже на буддистскіе дагобы. Можетъ быть,



ЛАВАЛЕТТА НА ОСТРОВѢ МАЛЬТА.

отъ этихъ-то первобытныхъ древнихъ народцевъ и произошло мальтійское населеніе, къ которому примѣшано теперь столько различныхъ элементовъ. Но какъ-бы то ни было, оно сильно арабизировалось во время господства сарацинъ. Самъ итальянскій языкъ, весьма испорченный, заимствовалъ свой словарь изъ всѣхъ языковъ и нарѣчій береговъ Средиземнаго моря, но главнымъ образомъ изъ арабскаго [1]).

Великая, военная роль Мальты началась съ тѣхъ поръ, какъ здѣсь поселились рыцари св. Іоанна Іерусалимскаго, по изгнаніи ихъ въ 1522 г. изъ Родоса, которые сдѣлали изъ него оплотъ христіанскаго міра противъ турокъ и варварійцевъ. Перейдя въ руки англичанъ, въ началѣ нынѣшняго вѣка, Мальта служитъ имъ военнымъ арсеналомъ и провіантскимъ складомъ и обезпечиваетъ за ними преобладаніе въ Средиземномъ морѣ. Они сдѣлали изъ нея также обширное торговое складочное мѣсто, пунктъ соединенія всѣхъ ихъ пароходныхъ линій и центральную станцію подводной телеграфной сѣти. Мальта — это сторожевая башня, съ которой англичане надзираютъ за моремъ отъ Гибралтара до Смирны и Саида. И исполненіе этой, разомъ торговой и военной, роли, которую играетъ островъ Мальта въ Средиземномъ морѣ, въ особенности облегчаетъ для нея Ла-Валетскій портъ. Этотъ портъ двойной, и каждая изъ его вѣтвей развѣтвляется еще на нѣсколько второстепенныхъ портовъ; въ немъ могутъ найти убѣжище цѣлыя эскадры, цѣлые флоты, а для защиты ихъ со всѣхъ сторонъ возвышаются безчисленныя крѣпости, стѣны, башни, бастіоны и цитадели. Три столѣтія идетъ непрерывная работа, чтобы сдѣлать Мальту неприступною. Сверхъ того, торговля находитъ здѣсь всевозможныя удобства для склада товаровъ и починки судовъ. Мальтійскій портъ представляетъ огромнѣйшій во всемъ мірѣ бассейнъ для килеванія кораблей. Торговля острова въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ упятерилась и ея огромное значеніе обусловливается главнымъ образомъ привозимыми на корабляхъ изъ Чернаго моря хлѣбами Россіи и Румыніи, которые принимаютъ здѣсь на англійскія суда [2]).

---

[1])	Поверхность.	Населеніе въ 1885 г. (безъ арміи).	Число жит. на 1 кил.
Мальта.	275 кв. кил.	157,130 человѣкъ	426 человѣкъ.
Гоццо и Комино. . .	94 „ „		

[2]) Портовое движеніе въ 1881 году:

Было судовъ. . . .	4,228	вмѣст. въ	4.675,230 тон.
Въ 1885 г.	5,805	„ „	5.269,488 „

На сумму:

Импортъ	453.931,575 фр.
Экспортъ.	435.225,725 „
Итого. . .	889.157,300 фр.

Городъ Ла-Валетта, который, съ предмѣстьями, заключаетъ въ себѣ около половины всего населенія острова, сохранилъ свою живописную оригинальность, не смотря на стѣсняющія его стѣны и правильность улицъ. Высокіе, бѣлые дома, украшенные выдающимися балконами и стеклянными клѣтками съ цвѣтами, идутъ амфитеатромъ по склону холма, куда подымаются лѣстницы съ ступенями изъ широкихъ плитъ; со всѣхъ улицъ видно голубое море, на которомъ стоятъ неподвижно большіе корабли и кишатъ, какъ въ муравейникѣ, мелкія суда. По поверхности воды скользятъ гондолы, которыя смотрятъ на путешественника своими нарисованными на кормѣ большими глазами, по набережнымъ тяжело катятся странныя кареты, у которыхъ колеса какъ будто отдѣляются отъ кузова. По улицамъ двигается пестрая толпа мальтійцевъ, англійскихъ солдатъ и матросовъ всѣхъ странъ. По временамъ пробирается вдоль стѣны скорыми шагами какая нибудь женщина: она, какъ христіанка Востока, покрыта *faldett'*ою — нѣчто въ родѣ чернаго домино, подъ которымъ скрывается часто пышный нарядъ, и которымъ она можетъ то закрывать, то кокетливо открывать свое лицо; но отъ безпрестаннаго тренія ея волосъ объ матерію она преждевременно становится безволосою. Ла-Валетта обладаетъ богатѣйшею библіотекою.

Но за городомъ, Мальта, — „островъ меда“ — представляетъ унылый видъ. Поля ея, подымающіяся постепенно въ направленіи къ югу къ Читта-Веккіи и холмомъ Бенъ-Джеммы, усѣяны сѣрыми каменьями, а произрастенія ихъ покрыты тонкою пылью; деревни съ ярко-бѣлыми отъ солнца стѣнами, такъ противорѣчащими чернымъ тѣнямъ, походятъ на каменоломни. Не видно никакихъ деревьевъ, кромѣ апельсинныхъ садовъ, знаменитыхъ своими превосходными мандаринами. Но эти фруктовые сады рѣдкіе оазисы. Постоянно текущей воды нѣтъ. Земля какъ будто сожжена, такъ что удивляешься, какимъ образомъ она даетъ такіе прекрасныя жатвы хлѣба и кормовъ, производитъ такіе луга клевера *sulla*, выростающаго почти въ ростъ человѣка, и съ изумленіемъ созерцаешь весной эту скатерть волнующейся подъ вѣтромъ зелени и алыхъ цвѣтовъ. Но мальтійскіе крестьяне, небольшіе, суровые, сухіе и мускулистые люди, отличаются въ обработкѣ земли удивительнымъ искусствомъ: они взрываютъ землю до самыхъ каменистыхъ склоновъ и гдѣ нѣтъ растительной почвы, тамъ они приготовляютъ ее, искусственно перетирая камень; они выпрашиваютъ ее даже у сицилійцевъ, и каждый корабль обязанъ былъ прежде привезти въ видѣ балласта нѣкоторое количество земли. Они съ величайшею заботою ухаживаютъ за этою драгоцѣнною субстанціею и на бокахъ скалъ строятъ стѣны, чтобы вѣтеръ и дождь

не уносили ея. И не смотря на этотъ чудовищный трудъ, земледѣльцы Мальты, Гоццо и Комино, названнаго такъ по имени пилина, составляющаго вмѣстѣ съ хлопкомъ, главный продуктъ архипелага, собираютъ такъ мало продуктовъ, что ихъ едва хватаетъ на содержаніе населенія въ теченіе пяти мѣсяцевъ въ году и часть ежедневнаго продовольствія привозится въ Валетту каботажными судами изъ Сициліи. Мальтійцы, весьма многочисленные по отношенію къ небольшому пространству ихъ территоріи, присуждены прибѣгать къ каботажу и рыбной ловлѣ для пополненія своихъ заработковъ, необходимыхъ для ихъ скромнаго существованія. И въ этотъ трудъ они вносятъ то же увлеченіе и терпѣніе, что и въ воздѣлываніе своихъ садовъ. Въ Гоццо есть отвѣсныя скалы, съ которыхъ рыбаки спускаются на веревкахъ и закидываютъ свои сѣти въ шумящее подъ ними море. Но какъ ни воздержны и ни работящи мальтійцы, они все-таки умерли-бы съ голоду на своей скалѣ, называемой ими такъ нѣжно „Цвѣткомъ міра“, если бы избытокъ населенія не расходился бы по всѣмъ берегамъ Средиземнаго моря: въ Сицилію, въ Италію, въ Египетъ, въ Тунисъ и, особенно, въ Алжиръ, въ провинцію Константины, гдѣ они отличаются, какъ и вездѣ, своею изворотливостью и жадною страстью къ наживѣ.

Зимою—эмиграціонное движеніе частію прибытіемъ многочисленныхъ англійскихъ семействъ, являющихся на Мальту паслаждаться ея сухимъ и теплымъ климатомъ, который такъ не похожъ на климатъ ихъ туманной родины. Въ февралѣ мѣсяцѣ Мальта бываетъ во всей весенней красѣ и блистаетъ зеленью; но лѣтній жаръ быстро изсушаетъ поля. Небольшая желѣзная дорога, доставляющая Валеттѣ легкое и постоянное сообщеніе съ Читта-Веккіею, съ бухточками берега и небольшими фортами противъ Гоццо, помогаетъ устройству дачъ и купаній въ этихъ пріятнѣйшихъ частяхъ Мальты.

Съ политической точки зрѣнія, Мальта не простое владѣніе Англіи: у ней есть,— по крайней мѣрѣ, для виду, —своя особая администрація и законодательство. Назначаемый Великобританіею гражданскій и военный губернаторъ предсѣдательствуетъ въ верховномъ совѣтѣ. Въ каждомъ округѣ живетъ лордъ-лейтенантъ, избираемый изъ благородныхъ мальтійцевъ; всякая деревня управляется депутатами, назначенными высшею властью. Правосудіе отправляется обыкновенными судами и высшими трибуналами; въ объясненіяхъ и судебныхъ актахъ употребляется итальянскій языкъ, но въ высшемъ судѣ съ 1823 года введено употребленіе англійскаго языка.

Бюджетъ острова, представляющій ежегодно около $5^1/_2$ милліоновъ

франковъ, далеко не достаточенъ на военные расходы, но англійское правительство пополняетъ его изъ національной казны. Государственный долгъ въ 1881 году равнялся 9.092,000 франковъ.

Главное вѣроисповѣданіе — католическое. Жители религіозны въ высшей степени. Не считая обычныхъ денежныхъ пожертвованій, церкви принадлежитъ почти четверть земельнаго дохода. Мальтійскій епископъ, который въ то же время носитъ титулъ архіепископа Родосскаго, назначается папою и получаетъ въ годъ 100,000 франковъ содержанія; выборъ же большей части приходскихъ духовныхъ властей принадлежитъ англійскому правительству.

ГЛАВА XI.

КОРСИКА.

Кирносъ древнихъ грековъ, или Корсика латинянъ, древнихъ туземцевъ и итальянцевъ, вмѣстѣ съ болѣе значительною землею Сардиніею, составляетъ совершенно отдѣльную группу, какъ бы отдѣльный міръ. Нѣкогда, какъ мы знаемъ, она соединялась съ сосѣднимъ островомъ непрерывнымъ горнымъ хребтомъ, но изъ двухъ близнецовъ французская нынѣ Корсика является наиболѣе итальянскою, какъ по своему географическому положенію, такъ и по историческимъ своимъ преданіямъ. При одномъ взглядѣ на карту уже очевидно, что Корсика составляетъ естественную принадлежность итальянскаго полуострова. Отдѣляясь отъ береговъ Прованса морскими безднами болѣе 1,000 метровъ глубины, она соединяется съ болѣе близкими берегами Тосканы посредствомъ подводнаго плато и мелкаго усѣяннаго островами порога. Ея климатъ и естественныя произведенія—итальянскія; по ея древнимъ лѣтописямъ и по языку жителей она принадлежитъ также Италіи. А потому этотъ островъ Тирренскаго моря слѣдуетъ описать непосредственно послѣ омываемаго тѣми же водами полуострова. Купленная у генуэзцевъ, а потомъ завоеванная у туземцевъ, лѣтъ болѣе ста тому назадъ, обыкновенными насильственными средствами, Корсика отдалась впослѣдствіи добровольно Франціи, и храбрѣйшій защитникъ независимости острова, Паскаль Паоли, явился при рукоплесканіяхъ передъ Національнымъ собраніемъ. Отечество было дѣломъ свободнаго выбора, и корсиканцы, хотя итальянскаго племени, но связанные съ французами общею судьбою уже въ теченіе трехъ поколѣній, считаютъ себя членами той же націи, какъ и ихъ сограждане на материкѣ.

Имѣя вдвое меньшее пространство, чѣмъ Сардинія, Корсика является все-таки довольно значительною землею, такъ какъ она гораздо больше

средней величины французскаго департамента; она занимаетъ четвертое мѣсто между островами Средиземнаго моря.

Поверхность Корсики	8,748 кв. километровъ.
Длина съ сѣвера на югъ	853 кил.
Средняя ширина.	48 „
Наибольшая ширина съ запада на востокъ.	84 „
Длина берега	485 „

Почти равняясь по пространству Кипру, но значительно превосходя его по своему нынѣшнему значенію, Корсика уступаетъ по населенію и богатству только Сициліи и Сардиніи. Это прекрасная страна. Ея горы, имѣющія болѣе 2,500 метровъ высоты, бываютъ въ теченіе полугода покрыты снѣгомъ; ихъ круто спускающіеся къ морю склоны даютъ возможность обнимать однимъ взглядомъ и скалы, и пастбища, и лѣса, и нивы. Долины большею частію весьма обильны водою, и со всѣхъ сторонъ сверкаютъ водопады. Старинныя, построенныя на мысахъ, генуэзскія башни защищали нѣкогда отъ сарацинъ входъ каждой бухты; теперь же большая часть ихъ служитъ только для украшенія пейзажа.

Главная горная группа, Ніоло, возвышается на сѣверо-западѣ острова, почти доходитъ до идеальной линіи постоянныхъ снѣговъ и составляетъ нѣчто въ родѣ гранитной крѣпости, верхнія долины которой дѣйствительно служили корсиканцамъ укрѣпленіями во время всѣхъ ихъ войнъ за независимость. Съ окружающихъ вершинъ, въ ясную погоду, видна вся береговая окраина материка отъ Прованскихъ Альпъ до Тоскапскихъ Апеннинъ. Къ югу отъ Ніоло, главный горный хребетъ, состоящій сплошь изъ первозданныхъ горныхъ породъ, идетъ рядомъ вершинъ къ проливу Бонифачіо, слѣдуя почти параллельно западному берегу. Послѣднюю его большую вершину съ южной стороны составляетъ могучая гора, называемая по своей формѣ Наковальнею (*Incudine*). Къ сѣверу отъ Ніоло слѣдуютъ другія горы, сѣверное и сѣверо-восточное направленіе которыхъ обозначается линіею береговъ при ихъ подошвахъ, и которыя соединяются съ не столь высокою цѣпью мыса Корсо. Эта цѣпь, идущая параллельно меридіану, образуетъ настоящій спинной хребетъ на всемъ полуостровѣ Бастіи и продолжается на югъ восточнѣе бассейна Корте; прежде она служила барьеромъ для внутреннихъ озеръ, но ея известковыя скалы уступили наконецъ давленію воды, и теперь черезъ нее текутъ въ восточное море Голо, Тавиньяно и другія рѣки. Вообще, внутренность острова представляетъ такой лабиринтъ горъ, что изъ деревни

въ деревню пельзя пройти иначе какъ по *scale*, уступчатымъ тропинкамъ, подымающимся изъ области маслинъ къ пастбищамъ. Большая дорога острова, изъ Аячіо въ Бастію, поднимается на 1,100 метровъ высоты, и даже дороги, которыя идутъ вдоль самаго многолюднаго, западнаго берега, представляютъ ничто иное, какъ рядъ спусковъ и подъемовъ, огибающихъ безчисленные прибрежные мысы. Вотъ въ чемъ заключается причина, заставившая Корсику отстать отъ своего близнеца, Сардиніи, въ постройкѣ желѣзныхъ дорогъ. Постройка желѣзной дороги между двумя столицами острова еще не была закончена въ 1886 году.

Горы и главные проходы Корсики суть:

Монте Чинто, главная вершина. .	2,707	метр.
„ Ротондо	2,624	„
„ Палья Орба, или Вальорба .	2,525	„
„ д'Оро	2,391	„
„ Инкудине	2,063	„
Проходъ Виццавона (дорога изъ Аячіо въ Бастію)	1,145	„
Проходъ Верджіо (дорога изъ долины Голо къ заливу Порта). . . .	1,532	„

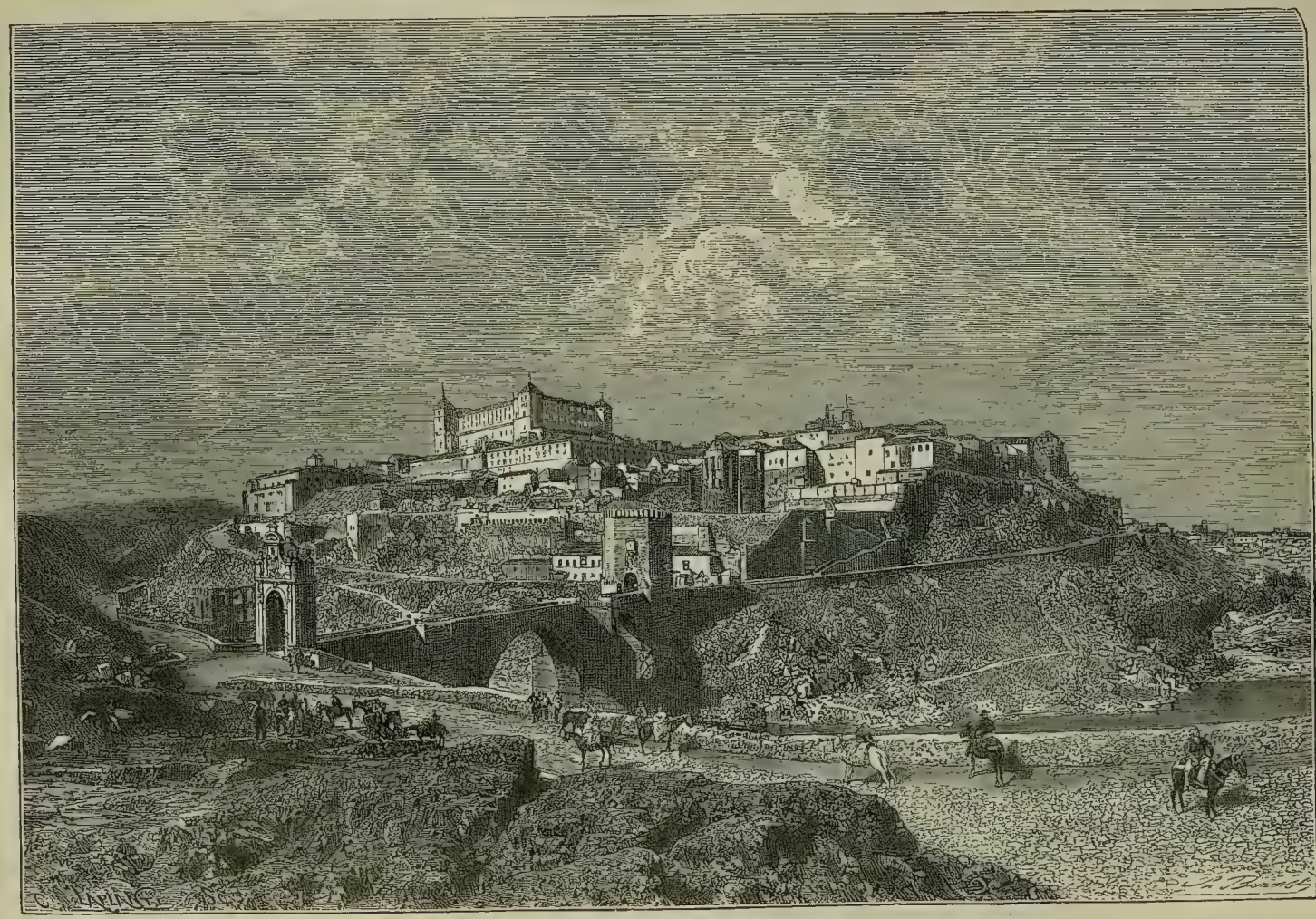
Съ западной стороны островъ глубоко изрѣзанъ заливами, развѣтвляющимися въ бухты, къ которымъ спускаются горныя долины; нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ при входѣ до четырехъ сотъ метровъ глубины. Заливы эти походятъ частію на загроможденные уже наносами фіорды и можетъ быть дѣйствительно они сохраняли свою первоначальную форму, благодаря существованію ледниковъ; разбросанныя по высокимъ горнымъ котловинамъ озера указываютъ, повидимому, на бывшее дѣйствіе льдовъ. Это одинъ изъ интереснѣйшихъ геологическихъ вопросовъ, который предстоитъ разрѣшить будущимъ наблюдателямъ. Восточный склонъ, обращенный къ Италіи, т. е. „по сю сторону“ (*di Quá*), понижается легче, рѣки здѣсь шире и спокойнѣе, хотя всѣ несудоходны, общій видъ мѣстности не такъ неровенъ; его называютъ иногда *Banda di Dentro*, т. е. „внутренній поясъ“, въ отличіе отъ западныхъ береговъ, называемыхъ *Banda di Fuori*, т. е. „внѣшній поясъ“. Гранитныя породы восточнаго склона острова покрыты мѣловыми формаціями и новѣйшими наносами, надъ которыми тамъ и сямъ возвышаются порфировыя и серпентиновыя горы. Берегъ, уравненный движеніемъ волнъ, стелется длинными и низменными отмелями, окружающими лагуны, которыя были нѣкогда морскими заливами. Эти низменныя прибрежья,—

которыя, судя по ихъ уступчатости надъ волнами и вышедшимъ изъ воды банкамъ изъ раковинъ, были, повидимому, какъ и прибрежья Сардиніи, слегка приподняты въ теченіе новѣйшаго періода, — весьма нездоровы вслѣдствіе разложенія выбрасываемыхъ на берегъ водорослей; надъ нѣкоторыми болотами міазмы образуются въ такомъ изобиліи, что нависшій надъ водою бѣлый пологъ, въ лѣтніе дни, принимаетъ ржавый цвѣтъ. Лихорадки также господствуютъ на этихъ берегахъ, и пребываніе здѣсь не менѣе опасно, чѣмъ и на берегахъ болотъ Кальяри и Ористано, въ Сардиніи. Главную причину этой лихорадочности климата, кромѣ горизонтальности прибрежья и существованія лагунъ, составляетъ еще недостатокъ вентиляціи въ атмосферѣ, въ соединеніи съ сильнымъ лѣтнимъ зноемъ и частыми и продолжительными засухами.

Средняя температура въ Бастіи . . .	19°,24	по Кадэ.
„ „ „ Аяччіо . . .	17°,38	„ Герину.
Среднее количество дождей	0м,580	„ Кадэ.

Возвышающійся на западѣ полукругъ высокихъ горъ останавливаетъ какъ западные и юго-западные вѣтры, такъ и очищающій воздухъ мистраль. Морской же бассейнъ, простирающійся къ востоку отъ Корсики, почти совершенно отдѣленъ отъ остальнаго Средиземнаго моря окружающими его землями; безвѣтріе здѣсь чаще, чѣмъ въ открытомъ морѣ, а смѣняющіеся вѣтры, вообще, слабѣе и перемѣнчивѣе; поэтому висящіе надъ берегами Корсики тяжелые пары рѣдко разгоняются сильными морскими вѣтрами, а потому и дышать ими въ жаркое время года въ высшей степени гибельно. Отъ Бастіи до Порта-Веккіо, на самомъ берегу, нѣтъ ни города, ни деревни, и съ первой половины іюля почти всѣ земледѣльцы равнины спѣшатъ на высоты, чтобы не схватить лихорадки, такъ что въ смертельной полосѣ остается лишь нѣсколько сторожей, чиновниковъ и несчастныхъ обитателей исправительнаго дома Казабіанды, около пруда Діаны. Нѣтъ ничего унылѣе и печальнѣе этихъ равнинъ, которыя когда-то были очень населены, но покинуты человѣкомъ, не смотря на ихъ богатую зелень и чрезвычайное плодородіе, какъ и этрусскія мареммы и римскіе поля. Недавно нѣсколько плантацій эвкалиптій положили начало дѣлу обновленія страны.

Значительная, по отношенію къ пространству, высота горъ Корсики даетъ возможность замѣтить почти также хорошо, какъ на Этнѣ, правильность расположенія поясовъ климата и растительности. Вдоль береговъ и на нижнихъ склонахъ, до высоты, измѣняющейся смотря по положенію почвы, растенія имѣютъ подтропическій характеръ и при-



ВИДЪ ГОРОДА ТОЛЕДО.

дают странѣ такой же видъ, какъ въ Сициліи, южной Испаніи и на алжирскомъ берегу. Нѣкоторыя счастливыя, по естественному плодородію своихъ земель, мѣстности могутъ считаться прекраснѣйшими мѣстами изъ всѣхъ береговъ Средиземнаго моря. Таково *Campo dell'Oro* (или *Campo l'Oro*),—„Золотое поле", окружающее городъ Аяччіо, съ изгородями изъ крупнаго, какъ деревья, кактуса, которыми обнесены обыкновенные и фруктовые сады. Таковы также воздѣланныя мѣста мыса Корсо, по обѣимъ сторонамъ гористаго полуострова, выдвигающагося въ море къ сѣверу отъ Бастіи: это страна душистыхъ цвѣтовъ и вкусныхъ плодовъ, апельсиновъ, лимоновъ, миндаля и винограда Масличныя деревья покрываютъ цѣлыми лѣсами низкіе холмы побережья и своею серебристою листвою рѣзко отличаются отъ темной зелени каштановъ, растущихъ выше на горахъ и дальше внутрь страны. Самая знаменитая маслинами мѣстность—это Баланья, спускающаяся къ Кальви, на сѣверо-западномъ склонѣ острова: деревья этого кантона, въ которомъ возвышается высокій пикъ съ деревнею, называемою Бельгодере, считаются самыми лучшими въ средиземныхъ странахъ и всего упорнѣе противустоятъ холоду. Другая долина, на противуположномъ склонѣ горы, со стороны Бастіи, обладаетъ одною изъ самыхъ большихъ рощей Корсики съ высочайшими стволами и густою листвою. Каштаны составляютъ главную пищу бандитовъ, а во время различныхъ опустошавшихъ острова междуусобныхъ и иноземныхъ войнъ, они давали возможность побѣжденнымъ сопротивляться въ теченіе долгаго времени. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ острова они составляютъ главнѣйшій элементъ прокормленія и избавляютъ довольно лѣнивыхъ по природѣ туземцевъ отъ трудной обработки хлѣбныхъ полей. Нѣкоторые экономисты имѣли мысль уничтожить въ Корсикѣ всѣ каштаны, чтобы такимъ образомъ принудить жителей къ труду и, дѣйствительно, въ концѣ восемнадцатаго вѣка, въ теченіе двухъ лѣтъ было запрещено разводить деревья этого рода.

Растительные поясы маслинъ и каштановъ достигаютъ слѣдующихъ высотъ:

Маслина.	отъ берега	до	1,160 метр.
Каштанъ.	„ 580	„	1,950 „

Что касается до покрывавшихъ нѣкогда весь средній поясъ горъ и плоскогорій острова, отъ каштановыхъ рощей внизу и до верхнихъ пастбищъ вверху, дѣвственныхъ лѣсовъ, то они большею частію исчезли вслѣдствіе пожаровъ, производимыхъ часто пастухами и бандитами: во многихъ мѣстахъ не остается ничего, кромѣ *macchie* (маки), которые кажутся „пятнами" на каменистыхъ крутизнахъ. Впрочемъ, въ нѣкото-

рыхъ горныхъ мѣстностяхъ сохранились еще древніе лѣса различныхъ породъ, между которыми преобладаетъ самое красивое въ Европѣ хвойное дерево — лиственница (*pinus altissimus*): мѣстами еще и теперь встрѣчаются великолѣпные стволы отъ 40 до 50 метровъ вышиною; но нужно торопиться смотрѣть этихъ гигантовъ растительнаго міра, потому что здѣсь не ограничиваются только рубкою стволовъ на корабельныя мачты, а пущены въ ходъ паровыя лѣсопильни, на которыхъ эти великолѣпныя деревья распиливаются на доски для сахарныхъ бочекъ въ Марсель и для мыльныхъ ящиковъ. По оффиціальнымъ статистическимъ даннымъ, въ Корсикѣ было 125,000 гектаровъ лѣсу, т. е. болѣе одной седьмой всей поверхности острова; но эти цифры ошибочны, потому что обширныя пространства, значущіяся подъ лѣсами, на самомъ дѣлѣ покрыты только кустарникомъ. Теперь существуютъ только три группы дѣйствительно прекрасныхъ лѣсовъ: въ верхней Баланьѣ, на сѣверо-западѣ, въ Вальдоньелло и Айтонѣ, на западныхъ склонахъ группы Монте-Ротондо, и въ Барелла, въ горахъ, возвышающихся къ западу отъ Сартены.

Надъ поясомъ лѣсовъ простираются обнаженныя пастбища, гдѣ лѣтомъ пасутся овцы и козы, и возвышаются скалы, на которыхъ водится еще муфлонъ, — удивительно бойкое животное, встрѣчающееся также въ Сардиніи и на островѣ Кипрѣ. Пастухи замѣтили, что кабанъ, вообще довольно распространенный въ горахъ Корсики, никогда не встрѣчается въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ водится муфлонъ; что касается волка, то онъ неизвѣстенъ на островѣ, а медвѣдь исчезъ уже болѣе вѣка тому назадъ. Фауну корсиканскихъ лѣсовъ дополняютъ лисицы, которыя бываютъ весьма большаго роста, и олени, которые, напротивъ, мелки и низки на ногахъ. Паукъ *malmignata*, укушеніе котораго бываетъ иногда смертельно, представляетъ вѣроятно ту же породу, что въ Сардиніи и Тосканѣ; на островѣ встрѣчается также неаполитанскій тарантулъ; но ядовитый муравей, называемый *innafantato*, составляетъ спеціальную принадлежность фауны острова.

Неизвѣстно, какого происхожденія были древніе жители Корсики: лигуры, иберы, или сиканы. На островѣ нѣтъ нурагъ, какъ въ Сардиніи, нѣтъ также и такого множества идоловъ и различныхъ вещей, по которымъ можно было бы распознать во мракѣ прошедшаго нравы и обычаи, и опредѣлить до извѣстной степени родство древнихъ жителей страны. но есть, въ сосѣдствѣ съ Сартеною и въ другихъ частяхъ острова, нѣсколько дольменовъ, или *stazzone*, друидскихъ камней, или *stantare*, и даже остатковъ аллей изъ сложенныхъ камней, которыя похожи на встрѣ-

чаемыя въ Бретани и Англіи, но не столь граціознаго вида. Поэтому совершенно естественно полагать, что памятники эти, какъ на островѣ, такъ и на материкѣ и въ Великобританіи, воздвигались людьми одного и того же происхожденія. Имъ же приписываютъ названіе корсиканскихъ мѣстностей, которыя не могутъ быть производимы отъ латинскаго.

Конечно, къ центрѣ острова племя должно было сохраниться въ своей первобытной чистотѣ; жители Корты и гордые горцы Бастелики хвалятся въ особенности тѣмъ, что они корсиканцы по преимуществу. Удаляясь отъ Бастіи, гдѣ типъ совершенно итальянскій, вы удивляетесь, что вамъ начинаютъ рѣже встрѣчаться крупныя черты и продолговатыя лица. У корсиканца центральныхъ мѣстностей, по Мериме, лицо широкое, мясистое, носъ маленькій, неимѣющій особенно характеристической формы, цвѣтъ кожи свѣтлый, волосы чаще каштановаго, чѣмъ чернаго цвѣта. На берегахъ первоначальный типъ сильно измѣненъ иноземными переселенцами. За еокеянами и римлянами, а потомъ за сардинцами, которые были изгнаны отсюда окончательно только въ одиннадцатомъ вѣкѣ, пришли итальянцы и французы. Кальви и Бонифачіо были генуэзскими городами; около Аяччіо, въ Каргезе, есть даже колонія греческихъ майнотовъ, которые должны были покинуть Пелопонезъ въ концѣ семнадцатаго вѣка, подъ предводительствомъ нѣкоего Комнена Стефанополи, и которые говорятъ теперь на трехъ языкахъ, по-гречески, по-итальянски, и по-французски. Но, не смотря на эти смѣшенія, корсиканцы, какъ почти и всѣ островитяне, сохранили, въ цѣломъ, большую однородность характера. „*I Corsi meritano la furca e la sanno sofrire*“ (корсиканцы заслуживаютъ висѣлицы и умѣютъ ее выдерживать),—говорила генуэзская пословица, которую съ нѣкоторою гордостью любилъ приводить шутя Паоли. Исторія свидѣтельствуетъ объ ихъ патріотизмѣ, храбрости, презрѣніи къ смерти, объ уваженіи клятвы, но она разсказываетъ также объ ихъ безумной гордости, о ревнивомъ соперничествѣ, объ ужасахъ мести. Въ срединѣ прошлаго столѣтія, царившая въ семействахъ изъ поколѣнія въ поколѣніе *vendetta* каждый годъ стоила Корсикѣ тысячи ея сыновъ и обезлюживала цѣлыя деревни; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ всякій крестьянскій домъ становился зубчатою крѣпостію, въ которой мужчины были всегда на-сторожѣ, а женщины, подъ покровительствомъ обычая, свободно выходили и занимались полевыми работами. Ужасны были погребальныя церемоніи, когда въ семью приносили тѣло убитаго родственника. Вокругъ трупа бѣсновались женщины, потрясая окровавленнымъ платьемъ убитаго, между тѣмъ какъ какая нибудь молодая дѣвушка, часто сестра покойника, испускала крикъ

*

злобы, ужасное воззваніе къ отмщенію. Эти *voceri* смерти составляютъ лучшія пѣсни, произведенныя народною поэзіею корсиканцевъ. Но, благодаря смягченію нравовъ, число жертвъ *vendett'*ы уменьшается мало-по-малу съ каждымъ годомъ. Многочисленность сценъ убійства прошедшихъ вѣковъ должно отнести въ особенности къ потерѣ національной независимости: генуэзское нашествіе принесло въ результатѣ рознь семей. Сверхъ того, увѣренность не найти у поставленныхъ силою чиновниковъ справедливости — заставляла туземцевъ прибѣгать къ собственной расправѣ: они и пришли къ самой элементарной формѣ права — воздаянію „око за око, зубъ за зубъ".

Корсиканскій народъ, изъ котораго вышелъ одинъ властелинъ Франціи, былъ однако же въ сущности народомъ республиканскимъ, какъ по своимъ нравамъ, дикой независимости, такъ и по горной природѣ населяемой ими страны. Римлянамъ трудно удавалось сдѣлать изъ нихъ рабовъ. Съ десятаго вѣка, т. е. гораздо раньше, чѣмъ освободилась Швейцарія, большая часть Корсики составляла уже, подъ именемъ *Terra del Commune*, конфедерацію самостоятельныхъ общинъ. Населеніе каждой долины составляло *pieve* (*plebs*), т. е. одновременно гражданскую и религіозную группу, которая сама выбирала себѣ *podestá* и „отцовъ общины". Послѣдніе, въ свою очередь, назначали „капрала", спеціальная обязанность котораго состояла въ томъ, чтобы защищать народъ противъ всего и всѣхъ. Собраніе мэровъ съ своей стороны выбирало „двѣнадцать", которые должны были составлять великій совѣтъ конфедераціи. Такова была конституція Корсики, которая не переставала держаться въ большей или меньшей силѣ въ продолженіе всѣхъ среднихъ вѣковъ, не смотря на вражескія нашествія и завоеванія. Въ восемнадцатомъ вѣкѣ, во время войнъ, которыя героически вела Корсика съ Генуею и съ Франціею, она два раза, въ 1735 и 1765 г., давала себѣ совсѣмъ иное республиканское правленіе, чѣмъ въ Швейцаріи, принимая за точку отправленія абсолютное равенство всѣхъ гражданъ. Эти-то учрежденія „свободнаго народа" возбудили въ Руссо, правда, еще неоправдавшееся предчувствіе, что „этотъ маленькій островъ когда нибудь изумитъ Европу". Но впослѣдствіи, открытая наполеоновскою эрою перспектива честолюбія и алчности имѣла, повидимому, послѣдствіемъ пониженіе характеровъ и заставила забыть историческія преданія о свободѣ.

Корсиканское самоуправленіе не лишено страстей: зачастую сессія общаго собранія разстраивается потому только, что одинъ какой-нибудь членъ отказывается занять свое мѣсто рядомъ съ какимъ-нибудь другимъ, непріятнымъ ему членомъ.

Хотя населеніе острова со средины прошлаго вѣка удвоилось, однако же оно еще сравнительно рѣдко, и Корсика въ этомъ отношеніи является однимъ изъ послѣднихъ департаментовъ Франціи. Впрочемъ, тутъ сказывается до нѣкоторой степени вліяніе эмиграціи, весьма сильно развитой. Любимые эмиграціонные пункты: Марсель и Алжиръ.

Населеніе въ 1740 году	. . . .	120,300 чел.
» » 1801 »	. . . .	164,000 »
» » 1876 »	. . . . .	262,700 »
» » 1881 »	. . . . .	272,640 »
» на километръ	. . . .	31 »

Замѣчательно, что самый широкій, самый плодородный и прежде самый населенный восточный склонъ Корсики—нынѣ относительно пустыненъ, и жизнь перенеслась на западную сторону. Прежде островъ смотрѣлъ къ Италіи, а нынѣ повернулся къ Франціи. Это притяженіе жителей къ западному морю объясняется здоровостью воздуха и превосходствомъ портовъ. Древняя римская колонія Маріана, на восточномъ берегу, уже не существуетъ, а эмпоріумъ Алерія, еокійскаго происхожденія, недавно представлялъ лишь одинокую ферму на нездоровомъ прудѣ. Часто повторялось, что этотъ городъ имѣлъ нѣкогда до 100,000 жителей, но пространство, покрытое остатками римской глиняной посуды, не позволяетъ полагать, чтобы Алерія, хотя она была расположена очень хорошо въ устьѣ долины Тавиньяно, главной рѣки острова, и почти на срединѣ всего восточнаго берега, могла имѣть когда-либо большее населеніе, чѣмъ который нибудь изъ главныхъ городовъ нынѣшней Корсики: Бастіа и Аяччіо. Алерія существовала еще въ концѣ тринадцатаго вѣка, значитъ: тогда лихорадка не успѣла еще изгнать всѣхъ жителей. Впрочемъ, при необыкновенномъ плодородіи окружающей земли, населеніе здѣсь легко возстановится, когда осушеніе стоячихъ водъ возвратитъ мѣстному климату его первоначальную здоровость; но это дѣло совершится по всей вѣроятности еще не скоро.

Корсиканцы пользуются репутаціею людей лѣнивыхъ, и, конечно, большая часть ихъ заслуживаетъ ея, судя по тому, какъ мало они дорожатъ огромными богатствами страны. Первобытные промыслы рыбной ловли и скотоводства идутъ у нихъ лучше всего. Во многихъ мѣстностяхъ почти всѣ земледѣльческія занятія ввѣрены итальянскимъ поденщикамъ, которыхъ называютъ *Lucchesi*, т. е. „луканцами“, потому что всѣ они являлись прежде изъ луккскихъ деревень. Эти временные переселенцы, число которыхъ достигаетъ иногда 20,000 чел., исполняютъ всю тя-

желую работу полотья, сбора и жатвы, и возвращаются съ своимъ труднымъ заработкомъ домой, а землевладѣльцы платятъ имъ деньги и сидятъ сложа руки. Впрочемъ, благодаря вліянію Франціи, здѣсь начинаютъ серьезно заниматься разработкою природныхъ богатствъ Корсики. Масла, которыя могутъ соперничать съ лучшими маслами Прованса, и вина, которыя до сихъ поръ были весьма посредственны, начинаютъ приготовляться тщательнѣе и становятся предметомъ довольно значительной торговли; но и здѣсь многое губитъ филоксера. Сухіе плоды вывозятся также въ большемъ количествѣ и способствуютъ развитію морской торговли, которая въ цѣломъ равняется уже торговлѣ третьеразряднаго французскаго порта, такъ что въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ этотъ большой островъ Средиземнаго моря, произведенія котораго тѣ же, что и въ Провансѣ, сдѣлается для умѣренной Франціи ея колоніальнымъ дополненіемъ, такъ сказать, островнымъ Алжиромъ. Пчеловодство развито слабо, хотя цвѣты каждой „*macchia*“ могутъ прокормить сотни ульевъ.

Корсика, какъ и сосѣдняя Сардинія, обладаетъ многими металлоносными залежами, но ея жилы серебра, мѣди, свинца, желѣза и антимоніи, повидимому, не такъ богаты, какъ въ сардинскихъ горахъ. Желѣзная руда недавно была единственнымъ предметомъ серьезной эксплоатаціи и разработывалась для значительныхъ заводовъ около Бастіи и Порто-Веккіи; теперь же разработываютъ мѣдь въ Кастифао, въ Кортскихъ горахъ, и сереброносный свинецъ—въ Арджентеллѣ, около Иль-Русса. Нѣкоторая работа производится также въ каменоломняхъ краснаго и синяго гранита, порфира, алебастра, серпентина и мрамора, составляющихъ одинъ изъ важнѣйшихъ элементовъ будущаго богатства Корсики. Наконецъ, минеральные источники, которые бьютъ большею частію въ мѣстахъ соприкосновенія первозданныхъ скалъ съ другими формаціями, ежегодно привлекаютъ во внутреннія долины нѣкоторое число посѣтителей и больныхъ; но европейскую извѣстность пріобрѣлъ до сихъ поръ только одинъ источникъ Орецца, текущій въ прекрасной, живописной мѣстности Кастаньиччіа. Онъ струитъ въ большомъ изобиліи желѣзистую и въ то же время газовую воду, которая содержитъ до двухъ литровъ угольной кислоты на одинъ литръ воды, ее пьютъ въ Корсикѣ вмѣсто обыкновенной воды; медики же приписываютъ ей самую дѣйствительную силу противъ множества болѣзней.

Но кромѣ богатствъ, заключающихся въ почвѣ Корсики и еще болѣе значительныхъ богатствъ, которыя могутъ быть производимы трудомъ человѣка, островъ пользуется еще большими преимуществами своего климата для привлеченія къ себѣ иностранцевъ и для возвышенія, такимъ

образомъ, своего значенія въ общей экономіи Европы. Городъ Аяччіо, деревня Ольмето, обращенная къ берегамъ Сардиніи, и другія мѣстности Корсики представляютъ такія же зимнія резиденціи, какъ Ницца, Канны и Ментонъ. Хотя посѣтители и рискуютъ подвергаться качкѣ и бурямъ, однако-же они являются сюда въ нѣкоторомъ числѣ ежегодно и способствуютъ къ ознакомленію съ этою любопытною страною Европы, гдѣ природная красота пейзажей соединяется съ необыкновенною оригинальностію нравовъ населенія.

Главный городъ Корсики, который не носитъ нынѣ названія столицы,—Бастіа, названная такъ по генуэзскому замку, построенному въ концѣ четырнадцатаго вѣка, неподалеку отъ деревни Кардо. Какъ столица, она наслѣдовала Бигульѣ, которая, въ свою очередь, сама была наслѣдницею города Марія—Маріаны. Мѣсто древняго города неизвѣстно; сохранилось только одно преданіе, что древняя столица была расположена на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ старинная, оставленная церковь, около устья Голо. Бигулья не совсѣмъ еще перестала существовать, но теперь это—жалкая деревушка, въ которую приносятся вѣтромъ міазмы обширной лагуны, составляющей остатокъ залива, въ которомъ пизанцы ставили свои галеры. Бастіа, расположенная въ нѣсколькихъ километрахъ къ сѣверу отъ обѣихъ этихъ древнихъ столицъ, имѣетъ тѣ же выгоды географическаго положенія: она стоитъ въ ближайшей части Корсики къ острову Эльбѣ, Ливорно и Генуѣ, и километровъ на двадцать ближе Аяччіо, къ французскому порту Ниццѣ. Изъ всѣхъ городовъ острова, только одна Бастіа имѣетъ удобное сообщеніе съ противуположнымъ склономъ, такъ какъ заливъ Санъ-Флоренъ, въ 10 километрахъ къ западу, глубоко врѣзывается въ землю при основаніи полуострова, мыса Корсо. Наконецъ, жители этой части острова, благодаря частымъ сношеніямъ съ сосѣднею Италіею, принадлежатъ къ числу самыхъ цивилизованныхъ и промышленныхъ, и лучше всѣхъ обработываютъ свои земли. Маленькій портъ Бастіи, хотя по природѣ и принадлежитъ къ числу наименѣе безопасныхъ портовъ острова, тѣмъ не менѣе является самымъ оживленнымъ: торговля его вдвое больше, чѣмъ во всей Корсикѣ. Недавно его пришлось расширить и взорвать при его входѣ, для устройства мыса, красивую скалу, имѣвшую форму льва. Городъ, построенный на холмахъ живописнымъ амфитеатромъ, постепенно расширяется и теряетъ мало-по-малу свою генуэзскую физіономію, пріобрѣтая новѣйшій видъ и раскидываясь по окружающимъ садамъ все болѣе и болѣе многочисленными виллами. Въ Бастіи находится и лицей округа, число учениковъ въ которомъ доходитъ до 700.

Санъ-Флоренъ, ближайшій въ Бастіи портъ, на западномъ берегу острова, по своему географическому положенію и превосходству гавани, долженъ былъ-бы, казалось, вести довольно значительную торговлю, но воздухъ его лагунъ смертеленъ, и потому главный рынокъ Баланьи оказывается южнѣе, въ весьма здоровой и плодородной мѣстности—именно Иль-Руссѣ, названномъ такъ, благодаря находящемуся неподалеку подводному рифу. Его основалъ Паоли, въ 1758 г. для уничтоженія оставшагося вѣрнымъ генуэзцамъ города Кольви:—и цѣль его частью была достигнута. Иль-Руссъ, ближайшій къ Франціи портъ, отправляетъ въ въ большомъ количествѣ произведенія Баланьи: масло, шерсть и плоды, между тѣмъ какъ Кольви, построенный на склонахъ бѣловатой скалы, не смотря на свое названіе главнаго города округа, представляетъ безжизненное мѣстечко, въ которомъ иногда свирѣпствуетъ лихорадка и которое уступаетъ въ богатствѣ и населеніи деревнѣ Коленцанѣ, расположенной въ одной внутренней долинѣ. Вся береговая полоса къ югу отъ Кальви до залива Порто—почти совершенно пустынна; но надо надѣяться, что новая дорога, высѣченная въ скалахъ мысовъ, поведетъ къ заселенію и обработкѣ этой мѣстности, такъ какъ природное плодородіе земли могло бы сдѣлать изъ нея вторую Баланью и не одинъ заливъ берега не представляетъ такой глубины и безопасности, какъ заливъ Порто.

Сагонскій заливъ, который открывается далѣе къ югу и въ который изливается Ліамонъ, омываетъ также безлюдные берега и отъ всего города Сагоны, подверженнаго лихорадкѣ, остается только одна башня да развалины церкви. Портъ этого залива потерялъ своихъ жителей и торговлю, между тѣмъ какъ портъ Аяччіо, врѣзывающійся въ берегъ къ югу отъ мыса, который продолжается далеко въ море, въ видѣ красныхъ гранитныхъ глыбъ Сангвинерскихъ острововъ, получилъ все болѣе и болѣе усиливающееся значеніе. Аяччіо, бывшій прежде просто приморскимъ предмѣстьемъ Костельвеккіо, возвышающагося на холмѣ внутри острова, уже въ серединѣ прошлаго вѣка считался самымъ лучшимъ и самымъ пріятнымъ городомъ Корсики; нынѣ онъ надѣется вскорѣ сдѣлаться соперникомъ Бастіи, а быть можетъ и превзойти его по населенію и по торговому движенію. Сверхъ того, онъ пользуется выгодами главнаго города острова въ административномъ отношеніи, къ которымъ присоединялось еще покровительство знаменитѣйшаго изъ его сыновъ, Наполеона Бонапарте, и всѣхъ связанныхъ съ его судьбою могущественныхъ фамилій. Всѣ зданія и улицы Аяччіо напоминаютъ какими нибудь признаками оба періода имперіи. Спеціальными промыслами жителей являются рыбная ловля и уходъ за богатыми, окружающими городъ, фруктовыми сада-

УЩЕЛЬЕ ТАГО ВЪ ГВАДАЛАХАРѢ.

ми. Съ нѣкотораго времени они пользуются также выгодами, которыя доставляютъ посѣщенія многочисленныхъ больныхъ или здоровыхъ иностранцевъ, пріѣзжающихъ сюда насладиться здѣшнимъ климатомъ, удивительнымъ видомъ залива и чудными прогулками по садамъ и окрестнымъ косогорамъ.

Другіе города Корсики представляютъ небольшія и незначительныя мѣстечки. Такъ, Сартенъ, хотя и главный городъ округа, есть не болѣе, какъ простое село и вся дѣятельность дистрикта сосредоточивается въ небольшомъ портѣ Пропріано, въ заливѣ Валинко, куда пристаютъ флотиліи неаполитанскихъ ловцовъ коралла. Кортъ, другой главный городъ округа, знаменитый въ исторіи Корсики, какъ акрополь и родина героевъ независимости, едва-ли многолюднѣе Сартена. Порто-Веккіо, хотя и обладаетъ самою безопасною гаванью въ Корсикѣ, но посѣщается только нѣсколькими каботажными судами; наконецъ, Бонифачіо, бывшая союзная Генуѣ республика, имѣетъ значеніе только по своимъ укрѣпленіямъ. Городъ очень живописенъ, занимаетъ совершенно уединенное положеніе на вершинѣ бѣловатой известковой скалы, богатой пещерами, которыя на половину завѣшены гирляндами ліанъ и въ которыхъ исчезаютъ морскія волны. За водами пролива и его архипелага гранитныхъ острововъ и рифовъ, гдѣ погибло столько кораблей, рисуются въ небѣ очертанія высокихъ горъ Лимбары. И теперь еще памятно крушеніе фрегата Némillante въ 1855 году, съ которымъ погибло около тысячи человѣкъ. Опасаться втораго такого несчастія теперь нѣтъ основаній, благодаря прекрасному маяку, возвышающемуся на скалахъ Лавецци, на серединѣ пролива.

Въ административномъ своемъ дѣленіи Корсика подчинена общимъ правиламъ французскаго департамента. Она дѣлится на 5 округовъ, подраздѣленныхъ на 62 кантона и 365 коммунъ. Находится она въ вѣдѣніи втораго Тулонскаго морскаго под-округа, 7-й дорожной инспекціи и Гренобльскаго минералогическаго округа. Мѣстопребываніе префекта—Аяччіо, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и мѣстопребываніе Корсиканскаго епископа. Въ Бастіи имѣется апелляціонный судъ.

Населеніе главныхъ городовъ Корсики въ 1881 году:

Бастіа	20,100 чел.	Бастелика . . .	3,195 чел.
Аяччіо	18,000 „	Бонифачіо . . .	3,115 „
Сартенъ	5,740 „	Порто-Веччіо . .	2,650 „
Корта	5,135 „	Каленцана . . .	2,640 „

Кальви . . . 2,020 чел.

Какъ департаментъ, Корсика дѣлится на:

Округа.	Кантоны.	Общины.	Поверхность.	Населеніе въ 1881.	Населеніе на 1 кил.
Аяччіо . . .	12	80	205,403 гектар.	72,609	35
Бастіо. . . .	20	95	136,209 „	78,842	58
Кальви . . .	6	35	100,284 „	24,371	25
Корта. . . .	16	108	248,509 „	59,060	24
Сартенъ . . .	8	47	184,336 „	37,757	20
	62	365	874,741 „	272,639	сред 31

ГЛАВА XII.

ИСПАНІЯ.

I.

ОБЩІЙ ВЗГЛЯДЪ.

„Съ высоты Пиренеевъ открывается величественная Испанія. Это голова Европы. Ея слава и могущество подвергались многочисленнымъ революціямъ; но сила, хитрость и непостоянство судьбы не могли ни уничтожить, ни запятнать благородныя сердца ея гражданъ“ [1]). Къ многочисленнымъ народностямъ, населяющимъ полуостровъ и соперничающимъ другъ съ другомъ въ доблести и благородствѣ, слѣдуетъ причислить также соплеменниковъ Камоэнса, такъ какъ Иберійскій полуостровъ, т. е. Испанія и Португалія, долженъ быть разсматриваемъ какъ географическое цѣлое. Раздѣленіе полуострова на два отдѣльныя государства, хотя оно и оправдывается различіями почвы, климата, языка и внѣшнихъ отношеній, не мѣшаетъ Испано-Лузитаніи быть однимъ недѣлимымъ членомъ европейскаго организма. Это одна и та же земля, одного и того же происхожденія, имѣетъ одну и ту же геологическую исторію, образуя одно цѣлое, какъ по строенію горъ и плоскогорій, такъ и по циркуляціонной сѣти рѣкъ и потоковъ.

Пространство полуострова безъ Балеарскихъ острововъ.	584,301 кв. кил.
„ Испаніи „ . . .	494,926 „
„ Португаліи безъ Азорскихъ острововъ .	89,355 „
„ Испаніи и Португаліи съ Балеарскими островами.	589,778 „
Средняя высота, по Лейпольдту	701 метръ.

[1]) Камоэнсъ. Луизіада, III.

По сравненію съ двумя другими полуостровами южной Европы, съ Италіею и полуостровомъ Гемуса и Пинда, Иберійская страна наиболѣе точно ограничена и представляетъ наиболѣе островной характеръ. Перешеекъ, соединяющій Испанію съ континентальнымъ тѣломъ, составляетъ лишь около одной восьмой всей окружности полуострова и пересѣченъ стѣною Пиренеевъ, которая составляетъ восточное продолженіе океаническихъ береговъ къ Балеарскому морю. Въ сравненіи съ Италіею и Греціею, Испанія отличается массивностью своихъ очертаній. Берега Пелопонеза изрѣзаны бухтами и заливами въ родѣ листьевъ, между мысами Италіи море описываетъ полукруги. Берегъ же Испаніи изрѣзанъ легкими выемками дугообразныхъ бухтъ, которыя слѣдуютъ другъ за другомъ съ извѣстною ритмичностію, въ видѣ цѣпей, перекинутыхъ съ одного столба на другой.

Окружность полуострова составляетъ . . .		3,243	километра.
Пиренейскій перешеекъ		418	„
Длина берега:	океанійскаго . . 1,675	2,825	„
	средиземнаго . . 1,150		

Говорятъ давно и весьма справедливо, что „за Пиренеями начинается Африка“. Дѣйствительно, по тяжести формъ, по малочисленности прибрежныхъ острововъ и приморскихъ равнинъ, Испано-Лузитанія походитъ на африканскій материкъ; но эта Африка въ миніатюрѣ, въ пятьдесятъ разъ меньше материка, послужившаго ей, повидимому, моделью. Впрочемъ ея океанійскій склонъ: Астурія, Галиція, Беира, по климату, по обилію водъ и по растительной природѣ, носитъ еще совершенно европейскій характеръ; нѣкоторое совпаденіе флоры этихъ мѣстностей съ флорою Британскихъ острововъ заставляло даже предполагать, что въ предшествовавшія времена Иберія составляла съ этой стороны продолженіе сѣверо-западной Европы. Истинно африканская Испанія начинается на внутреннихъ голыхъ плоскогорьяхъ, и въ особенности на берегахъ Средиземнаго моря: вотъ гдѣ переходный поясъ между двумя материками. По своему общему виду, по флорѣ, фаунѣ и по своему населенію, эта часть Испаніи принадлежитъ къ промежуточному поясу, заключающему въ себѣ всѣ варварійскія страны до самой пустыни Сахары. Сіерра-Невада и Атласъ, которые смотрятъ другъ на друга съ разныхъ материковъ,—родныя сестры, и отдѣляющій ихъ проливъ — ничто иное, какъ простая случайность въ экономіи планеты.

Весьма незначительна та противоположность Испаніи съ двумя другими полуостровами Средиземнаго моря, что первая является существенно

континентальною землею, не смотря на то, что почти совершенно окружена морскими водами. За исключеніемъ португальской равнины Таго и прекрасныхъ долинъ андалузскаго Гвадалквивира, внутренность Иберійскаго полуострова не имѣетъ легкихъ сообщеній съ моремъ. Большая часть страны состоитъ изъ весьма возвышенныхъ плоскогорій, которыя оканчиваются надъ морскимъ берегомъ обрывистыми скатами и даже горными гребнями, которые можно сравнить съ наружными валами крѣпости. А вслѣдствіе этого происходитъ то, что даже берега съ хорошими портами посѣщаются кораблями рѣже, чѣмъ можно было-бы ожидать при видѣ ихъ богатства и плодородія. Береговая полоса слишкомъ узка для поддержанія значительной торговли, а жителямъ плоскогорій слишкомъ затруднительно заботиться объ участіи въ ихъ торговлѣ. Эти причины всегда отнимали у Испаніи значительную часть торговаго движенія, которое должно было бы, повидимому, принадлежать ей по ея положенію въ океанѣ при самомъ входѣ въ Средиземное море; въ лучшія времена своего морскаго могущества, она должна была широко пользоваться помощію иностранныхъ мореплавателей.

Со времени открытія великихъ путей чрезъ океанъ въ Америку и къ мысу Доброй Надежды, океанійская сторона полуострова, т. е. сторона Гвадалквивира и Таго, имѣетъ бо́льшее значеніе въ торговомъ движеніи и въ міровой исторіи, чѣмъ средиземная сторона, обращенная къ Риму и Франціи. Этотъ фактъ на первый взглядъ можетъ показаться страннымъ, но было ошибочно видѣть здѣсь дѣйствіе воображаемаго закона, который толкалъ будто бы человѣчество, роковымъ образомъ, отъ востока на западъ. Причина тутъ заключается просто въ общемъ расположеніи иберійскаго плоскогорья. Испанія, какъ и полуостровная Италія, обращена къ востоку спиною и смотритъ къ западу. Вся страна постепенно склоняется къ океану, и съ этой именно стороны текутъ параллельныя рѣки: Миньо, Дуэро, Таго, Гвадіана, Гвадалквивиръ, при чемъ линія водораздѣла, почти вездѣ совпадающая съ высшимъ гребнемъ Иберіи, идетъ отъ Тарифы къ Теруэлю, находящемуся въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Средиземнымъ моремъ. Эта береговая стѣна прерывается узкою и опасною для доступа судовъ брешью устьевъ Эбро, но непосредственно за нею снова начинаются береговыя горныя цѣпи. Такимъ образомъ, почти вся масса Испаніи скрывалась отъ мореплавателя какъ за экраномъ. Поэтому „Земля Запада“, какъ обозначаетъ данное Испаніи греками названіе Гесперіи, прилагавшееся раньше къ Италіи, была такъ далека отъ восточныхъ полуострововъ, какъ будто находилась на нѣсколько градусовъ далѣе въ Атлантическомъ океанѣ.

Если первое населеніе Испаніи, было-ли оно иберійскимъ, или какимъ нибудь другимъ, не было первобытно-мѣстнымъ, чего, при нынѣшнемъ состояніи нашихъ знаній, нельзя ни отрицать, ни утверждать, то оно должно было заселить полуостровъ или черезъ границу Пиренеевъ, или чрезъ морской проливъ Геркулесовыхъ Столбовъ. Поселенцы могли придти съ океанійскаго берега развѣ только въ ту эпоху, когда Ирландія была ближе къ Испаніи и соединялась можетъ быть съ какою нибудь Атлантидою. Не менѣе трудно было заселеніе и со стороны Средиземнаго моря, по крайней мѣрѣ пока не было открыто искусство плаванія въ открытомъ морѣ. Когда же по Средиземному морю стали свободно плавать греческіе, массиліотскіе, финикійскіе и карѳагенскіе мореплаватели, то они, вслѣдствіе крутизны горныхъ скатовъ, образующихъ край испанскихъ плоскогорій, могли населить только береговую полосу. Какое бы значеніе ни имѣли ихъ колоніи въ исторіи, онѣ все-таки оставались уединенными и имѣли весьма слабое участіе въ этнологическомъ смѣшеніи внутренняго населенія.

Нынѣшнюю основу испанской націи составляетъ главнымъ образомъ иберійское племя. Большею частію полуострова владѣли баски, оттѣсненные нынѣ въ верхнія долины западныхъ Пиренеевъ. Объ ихъ пребываніи и господствѣ почти во всей странѣ, отъ Гасконскаго залива до Гибралтарскаго пролива, свидѣтельствуютъ названія горъ, рѣкъ и даже многихъ городовъ. Кельтскія племена, прійдя изъ-за Пиренейскаго порога, мѣстами поселились, въ неизвѣстное время, чисто-племенными группами, а мѣстами смѣшались съ первобытными жителями и составили съ ними народы, извѣстные подъ составнымъ именемъ кельто-иберовъ. Эти смѣшанные народы жили преимущественно на плоскогорьяхъ, которыя нынѣ извѣстны подъ названіемъ Кастилій; чистые же кельты, судя по названіямъ мѣстъ, занимали Галицію и большую часть Португаліи. Главнымъ мѣстомъ цивилизаціи иберовъ были южныя части полуострова; они подвигались далеко по плоскогорьямъ, населяли болѣе плодородныя мѣстности средиземной окраины, долину Эбро, оба склона Пиренеевъ, проникали въ Галлію до Гаронны и подошвы Севеннъ, затѣмъ тянулись вдоль берега Ліонскаго и Генуэзскаго заливовъ и пускали свои послѣднія отрасли за Апеннины; много иберійскихъ именъ встрѣчается даже къ Тессинскихъ Альпахъ.

Къ этимъ первоначальнымъ элементамъ присоединились колонисты торговыхъ городовъ Средиземнаго моря: Кадиксъ и Малага—города финикійскаго происхожденія; Картагена — наслѣдница Карѳагена; Сагунтъ—былъ основанъ выходцами Закинѳа; Розасъ—родосская колонія;

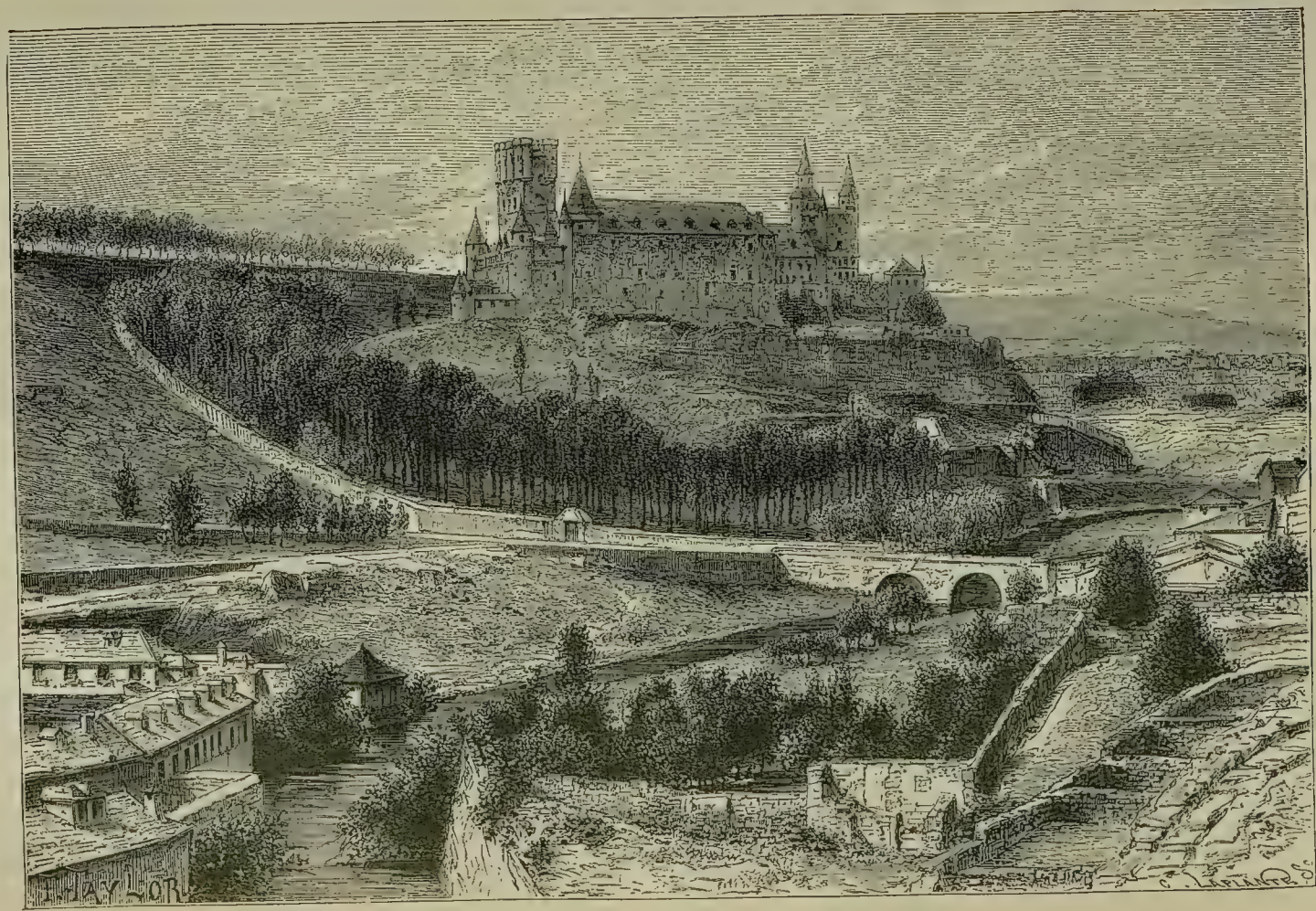
развалины Ампуріаса напоминаютъ Эмпоріумъ массиліотовъ, тройной городъ, въ которомъ, по Титу-Ливію, жили отдѣльно иберы, греки и римляне. Но старыя иберійская и кельтская основы должны были глубоко измѣниться лишь вслѣдствіе вліянія Рима. Послѣ вѣковой войны, грубые легіонеры овладѣли наконецъ полуостровомъ, и латинскіе колонисты могли безопасно селиться около всякаго города, около всякаго укрѣпленнаго мѣста. Итальянская культура распространилась мало-по-малу отъ берега и долины Бетиса (Гвадалквивира) до самыхъ многолюдныхъ ущелій плоскогорій, и языкъ побѣдителей сдѣлался языкомъ побѣжденныхъ, за исключеніемъ жителей горъ, населенныхъ и въ наше время басками. Поэтому участіе римлянъ въ образованіи испанскаго народа было весьма велико: не смотря на свое иберійское и кельтское происхожденіе, народъ испанскій сдѣлался одною изъ латинскихъ націй, какъ по языку, такъ и по образу мыслей.

Когда паденіе Римской имперіи привлекло со всѣхъ концовъ міра людей, ищущихъ добычи, Испанію опустошали поочередно свевы, аланы, вандалы и визиготы. Но, погибая отъ своихъ собственныхъ побѣдъ, равно какъ отъ перемѣны климата и образа жизни и тѣснимые слѣдовавшими за ними народами, эти первые завоеватели скоро исчезли, не оставивъ по себѣ значительныхъ слѣдовъ. Кочующіе аланы затерялись среди лузитанскихъ народовъ или были истреблены другими ордами; свевы, племя чистой тевтонской крови, слились мало-по-малу съ населеніемъ Галиціи; вандалы покинули богатые Бетійскіе города, гдѣ они жили нѣсколько лѣтъ, и отправились завоевывать себѣ эфемерное королевство въ Африкѣ. Но визиготы, пришедшіе позднѣе и въ большемъ числѣ, а также быть можетъ одаренные большею твердостью характера, прочно утвердились на завоеванной почвѣ и имѣли такое вліяніе на самую расу, что оно чувствуется и теперь въ языкѣ, нравахъ и духѣ испанцевъ. Быть можетъ пышная важность кастильца унаслѣдована частію отъ визиготовъ. Типъ этихъ скандинавскихъ побѣдителей сохранился еще до нынѣ въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, а именно въ Старой Кастиліи, Астуріи и Галиціи, гдѣ встрѣчается значительное число свѣтловолосыхъ.

За сѣверною Европою и Африка должна была излить свою долю новыхъ народовъ въ населеніе этого географически независимаго отъ обѣихъ частей полуострова. Въ началѣ восьмаго вѣка прочно укрѣпились на гибралтарской скалѣ мусульмане Мавританіи, арабы и берберійцы, и въ нѣсколько мѣсяцевъ завоевали всю Испанію. Въ теченіе семи вѣковъ Геркулесовъ проливъ омывалъ съ обѣихъ сторонъ „Сарацинскія“ земли, и никакое препятствіе не останавливало проѣзда купцовъ, коло-

нистовъ и промышленниковъ, принадлежащихъ ко всѣмъ племенамъ Сѣверной Африки и даже Азіи. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что вліяніе этихъ переселенцевъ на первоначальное населеніе полуострова было громадно: обыкновенный типъ его измѣнился вслѣдствіе продолжавшихся многіе вѣка смѣшеній, и это достаточно доказываютъ черты лица жителей южныхъ мѣстностей. Правда, инквизиція изгнала или отвела въ рабство сотни тысячъ, а можетъ быть и милліонъ мавровъ, но такъ обращались только съ мусульманами или подозрительными переселенцами; значительная масса населенія, называвшагося испанскимъ, тѣмъ не менѣе носила въ своихъ жилахъ порядочную долю берберійской и семитской крови: около самаго Мадрита, между Толедо и Аранхуэцемъ, указываютъ одну деревню, Вилласэку, которая населена, говорятъ, потомками мавровъ. И, дѣйствительно въ пользу такого происхожденія говорятъ темный цвѣтъ и черные волосы его жителей, а также обычай, по которому женщина никогда не показывается на рыночной площади. Самый кастильскій языкъ показываетъ, до какой степени велико было вліяніе сарацинъ: въ немъ гораздо болѣе арабскихъ словъ, принесенныхъ маврами, чѣмъ заимствованныхъ изъ германскаго нарѣчія визиготовъ; въ кастильскомъ языкѣ до сихъ поръ существуетъ около двухъ тысячъ семитическихъ терминовъ, обозначающихъ по преимуществу предметы и понятія, которыя свидѣтельствуютъ о прогрессивномъ состояніи цивилизаціи и напоминаютъ періодъ промышленнаго и научнаго развитія, начатый въ Европѣ арабами Гренады и Кордовы. Многіе писатели думаютъ, что горловой звукъ буквы *j* (*jota*) также арабскаго происхожденія; но кажется, что это не такъ, ибо это придыханіе гораздо сильнѣе въ нарѣчіяхъ тѣхъ провинцій, куда арабы никогда не проникали, а въ языкѣ португальцевъ, которые были порабощены магометанами, кастильской *іоты* совсѣмъ нѣтъ: слѣдовательно, она, вѣроятно, мѣстнаго происхожденія и сохранилась въ испанскомъ языкѣ, не смотря на вліяніе латинскаго.

Одновременно съ маврами, на испанской почвѣ особенно благоденствовали евреи, которыхъ, по нѣкоторымъ писателямъ, до эпохи преслѣдованій, жило на полуостровѣ до 800,000 чел. При свойственной большей части ихъ соотечественниковъ ловкости, они служили обоимъ лагерямъ, какъ посредники въ торговлѣ между христіанами и мусульманами; они обогащались, устраивая дѣла тѣхъ и другихъ и доставляя имъ необходимыя деньги для войны и истребленія другъ друга. Для веденія дважды святой войны креста и полумѣсяца, приходилось выжимать народъ, и дѣло это было возложено на агентовъ казны,—евреевъ. Когда же христіанская вѣра восторжествовала и короли, въ вознагражденіе себя за



АЛЬКАЗАРЪ ВЪ СЕГОВІИ И ДОЛИНА ЭРЕЗМА.

издержки крестоваго похода, объявили второй крестовый походъ противъ евреевъ, то народъ обратился противъ нихъ съ настоящимъ остервенѣніемъ и, по словамъ Мишеле, преслѣдовалъ ихъ такою „непримиримою злобою, которой не могли утолить ни огонь, ни желѣзо, ни пытки, ни костры". Безъ сомнѣнія, нѣкоторыя семьи евреевъ, обратившихся изъ страха въ католицизмъ, успѣли спасти свое существованіе и вошли путемъ смѣшенія въ общую массу испанскаго народа, но все-таки израильскій элементъ въ населеніи полуострова теперь весьма ничтоженъ: это племя не только преслѣдовалось, но и искоренялось.

Счастливѣе евреевъ были цыгане, или цингары, называемые *Gitanos*, т. е. египтяне, которые въ Испаніи настолько многочисленны, что нѣкоторымъ кварталамъ большихъ городовъ сообщаютъ особенную физіономію. Сопровождающія ихъ презрѣніе и готовность, съ которою они исповѣдуютъ національную религію, сдѣлали ихъ вездѣ терпимыми; инквизиція, сжигавшая столько евреевъ, мавровъ и еретиковъ, не погубила ни одного гитано, а предоставляла ихъ преслѣдованіе, какъ обыкновенныхъ преступниковъ и бродягъ, полиціи Святой Германдады. Они могли жить спокойно, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣлались гражданами, имѣющими постоянное жительство и постоянный заработокъ; тѣмъ не менѣе число ихъ уменьшается, вѣроятно, вслѣдствіе смѣшеній, втягивающихъ ихъ въ общую массу населенія. Кровь у нихъ далеко не чистая, потому что цыгане нерѣдко женятся на испанкахъ, но, наоборотъ, сами они часто запрещаютъ своимъ дочерямъ выходить замужъ за иностранцевъ. Говорятъ, что осѣдлые цыгане, вспоминая, по инстинкту и по преданію, кочующую жизнь своихъ предковъ, выражаютъ величайшее почтеніе тѣмъ изъ своихъ собратій, которые шляются еще свободно по лѣсамъ и равнинамъ, послѣдніе же, съ своей стороны, гордясь своимъ титуломъ *viandantes*— „бродячихъ", смотрятъ съ нѣкоторымъ презрѣніемъ на своихъ несчастныхъ братьевъ, набившихъ собою вонючія городскія лачуги. Въ дунайскихъ странахъ, наоборотъ: осѣдлые цыгане—считаются въ нѣкоторомъ родѣ аристократіею, почти другою расою. Впрочемъ, кажется доказано, что всѣ испанскіе цыгане происходятъ отъ предковъ, жившихъ въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній на Балканскомъ полуостровѣ, такъ какъ языкъ ихъ содержитъ въ себѣ нѣсколько сотенъ словъ славянскихъ и греческихъ, свидѣтельствующихъ о долгомъ пребываніи ихъ среди народовъ восточной Европы. Это подтверждается изслѣдованіями Миклошича.

Г. Бургоингъ, въ сочиненіи своемъ объ Испаніи, замѣчаетъ, что испанскіе типы представляютъ такую противоположность, что портретъ галиційца больше походитъ на овернца, чѣмъ на каталонца, а портретъ

андалузца походитъ на гасконца; въ различныхъ провинціяхъ Испаніи —тѣ же противорѣчія, что и во Франціи. Среди всѣхъ противорѣчій, происходящихъ отъ почвы, расы, климата и нравовъ, трудно говорить объ общемъ типѣ, представляющемъ всѣхъ испанцевъ. Однако у большинства жителей полуострова есть нѣкоторыя общія черты, которыя сообщаютъ всей націи извѣстную индивидуальность среди народовъ Европы. Хотя въ каждой провинціи свой особенный типъ, но эти типы со многихъ сторонъ такъ сходны между собою, что можно представить себѣ извѣстный идеалъ испанца, въ которомъ галиціецъ сливается съ андалузцемъ, а арагонецъ — съ кастильцемъ. Національное дѣло было долго дѣломъ общимъ, особенно въ эпоху вѣковыхъ войнъ съ маврами, а изъ этой общности дѣйствія, въ связи съ родствомъ происхожденія, исходятъ нѣкоторыя черты, свойственныя всѣмъ частямъ полуостровнаго населенія.

Вообще, испанецъ небольшаго роста, но крѣпокъ, мускулистъ, необыкновенно живъ, неутомимъ въ ходьбѣ и выносливъ ко всѣмъ лишеніямъ. Воздержность иберійца неизвѣстна. „Оливки, салатъ и редиска — вотъ кушанья рыцаря“, говоритъ древняя національная поговорка. Сила физическаго терпѣнія въ нихъ кажется просто чудомъ; едва понятно, какимъ образомъ конквистадоры могли выдерживать такіе труды подъ убійственнымъ климатомъ Новаго Свѣта! При всѣхъ своихъ матеріальныхъ качествахъ, хорошо руководимый испанецъ является первымъ солдатомъ въ Европѣ, какъ это, впрочемъ, доказано и исторіею: отвага у него южнаго человѣка, сила сѣвернаго, но при этомъ онъ не нуждается, какъ послѣдній, въ обильномъ питаніи.

Нравственныя качества испанца не менѣе замѣчательны и должны были бы, повидимому, обезпечить націи большее благосостояніе, чѣмъ выпавшее ему долю. Каковы бы ни были провинціальныя различія испанскаго характера, испанецъ, при своей безпечности въ обыденной жизни, отличается отъ массы другихъ народовъ духомъ спокойной рѣшимости, стойкимъ мужествомъ и неутомимою тягучестью, которыя, смотря по ихъ хорошему или дурному употребленію, приводили то къ славѣ, то къ бѣдствію націи. Придворный человѣкъ и скептическій чиновникъ могутъ служить цинически тому, кто имъ платитъ; но если испанецъ изъ народа возьмется за что-нибудь, то это уже на жизнь и на смерть, и, пока въ немъ есть еще дыханіе жизни, нельзя сказать, что онъ побѣжденъ; и послѣ него будутъ бороться его дѣти съ тѣмъ же ожесточеніемъ, какъ и отецъ. Отсюда—эта продолжительность національныхъ и гражданскихъ войнъ. Отвоеваніе Испаніи у мавританскихъ завоевателей продолжалось почти безъ отдыха семь вѣковъ, завоеваніе Мексики, Перу и всей Анд-

ской Америки было долгою, вѣковою битвою. Война за независимость съ войсками Наполеона представляетъ также такой примѣръ коллективнаго самоотверженія и патріотизма, какихъ мало въ исторіи, и испанцы могутъ сказать съ гордостью, что французы не нашли между ними ни одного шпіона. Креолы Новаго Свѣта, достойные сыны своего отечества, вели съ кастильянцами войну за освобожденіе — двадцать лѣтъ, и теперь часть жителей Большихъ Антильскихъ испанскихъ острововъ, именно населеніе Кубы, благодаря безпрестаннымъ схваткамъ и сраженіямъ, добились нормальнаго порядка жизни десять лѣтъ тому назадъ. Наконецъ, гдѣ были возможны, кромѣ Испаніи, обѣ карлистскія войны? Сколько разъ удары казались рѣшительными, но врагъ, побѣжденный вчера, поднимался снова сегодня,—и война возобновлялась съ новою энергіею.

Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что, сознавая себѣ цѣну, испанецъ, даже униженный судьбою до послѣдней степени, говоритъ о себѣ съ нѣкоторою гордостью, которая у всякаго другаго показалась бы высокомѣріемъ. „Испанецъ—тотъ же гасконецъ, сказалъ одинъ французскій путешественникъ, но гасконецъ трагическій“. Дѣло у него слѣдуетъ за словомъ. Онъ хвастунъ, но если кто можетъ имѣть къ тому основаніе, то это именно испанецъ. Въ испанцѣ есть такія качества, которыя у другихъ народовъ часто исключаютъ другъ друга. Не смотря на всю свою гордость, онъ простъ и пріятенъ въ манерахъ; онъ очень уважаетъ самого себя, но, тѣмъ не менѣе, онъ предупредителенъ для другихъ; онъ очень проницателенъ и весьма удачно угадываетъ странности и недостатки ближняго, но никогда не унизится до презрѣнія къ нему. Даже когда онъ проситъ милостыню, онъ сохраняетъ благородную осанку. Изъ-за пустяковъ онъ разольется цѣлымъ потокомъ звучныхъ словъ; но коснись дѣло чего-нибудь важнаго—ему довольно одного слова, одного жеста. Онъ имѣетъ часто важный и торжественный видъ, въ немъ много серьезнаго, онъ обладаетъ рѣдкою твердостью характера, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ всегда добродушно-веселъ. Испанецъ (но не старо-кастилецъ) имѣетъ то громадное, неоцѣнимое преимущество надъ большею частію другихъ европейцевъ, что онъ бываетъ обыкновенно счастливъ. Его не безпокоитъ ничто, онъ приспособляется къ всему, онъ ведетъ жизнь философски, т. е. живетъ какъ живется; нищета его не страшитъ, напротивъ: онъ съ необыкновенною изобрѣтательностію умѣетъ даже извлекать изъ нея удовольствія и выгоды. Какой герой романа имѣлъ болѣе превратностей въ жизни и былъ въ то же время веселѣе Жиль-Блаза, въ которомъ такъ легко узнавали себя испанцы? Хотя это было во времена инквизиціи, но Святое Судилище не мѣшало веселью. „Первая степень

*

счастія, говоритъ пословица, жить на берегахъ Мансанареса; вторая степень—быть въ раю, но съ условіемъ, чтобы въ слуховое окно неба видѣть Мадридъ".

Всѣми этими странными для насъ противоложностями хвастовства и мужества, низости и величія, важнаго достоинства и искренней веселости и объясняются тѣ видимыя противорѣчія, тѣ капризныя странности въ поведеніи, которыя такъ удивляютъ иностранца, и которыя испанецъ называетъ шутя *cosas de Espana*, какъ будто только для него одного возможно было проникнуть въ ихъ секретъ. И, дѣйствительно, какъ объяснить, что въ этомъ народѣ существуетъ столько слабости, рядомъ съ его высокими качествами, столько предразсудковъ и невѣжества рядомъ съ яснымъ здравымъ смысломъ и тонкою ироніею, иногда столько жестокости съ природнымъ великодушіемъ, бѣшеной мстительности съ спокойнымъ забвеніемъ оскорбленій, столь простое и достойное равенства обхожденіе и такое насиліе въ притѣсненіяхъ? Не смотря на страсть и фанатизмъ, вносимые испанцами во всѣ ихъ дѣла, они съ величайшею рѣшимостію подчиняются тому, чего не могутъ устранить. Въ этомъ отношеніи они совершенные мусульмане. Они не повторяютъ, какъ арабы: „Что написано, то написано"!—но они не менѣе философски говорятъ: „чему быть, тому не миновать" (*Lo que ha de ser no puede faltar*),—и, драпируясь въ свой плащъ, смотрятъ съ достоинствомъ на несущуюся мимо нихъ волну событій. „Испанцы кажутся умнѣе, чѣмъ они есть", сказалъ уже три вѣка тому назадъ канцлеръ Бэконъ. Они всѣ почти обладаютъ страстію въ игрѣ, и всегда заранѣе бываютъ одинаково готовы какъ къ выигрышу, такъ и къ проигрышу. И сколько неисправимыхъ золъ повлекла за собою эта фаталистическая невозмутимость испанца!

Можно было опасаться, замѣчаетъ Камоэнсъ, чтобы къ числу этихъ золъ не присоединилось и безвозвратное паденіе цѣлой націи. Дѣйствительно, смотря на эти, нагроможденныя на почвѣ Испаніи, развалины, видя битвы, увѣковѣчивающія себя на этой окровавленной землѣ, историки, не имѣвшіе яснаго представленія о солидарности, связывающей одни народы съ другими, говорили уже объ испанцахъ, какъ о совершенно павшемъ народѣ. Это конечно, ошибка; но удивительное паденіе кастильскаго могущества за послѣдніе триста лѣтъ объясняетъ, какъ легко было впасть въ подобную ошибку. Даже въ сосѣдствѣ большихъ городовъ и столицы есть много нѣкогда обработанныхъ полей, которыя своими именами *despoblados* и *dehesas* напоминаютъ насильно изгнанныхъ мавровъ или отступавшихъ передъ опустошенною пустынею христіанъ! Сколько городовъ и деревень, постройки которыхъ, красотою своей

архитектуры и богатствомъ орнаментовъ, свидѣтельствуютъ, что цивилизація прошлыхъ вѣковъ была гораздо выше, чѣмъ нынѣ! Жизнь какъ будто бѣжала отъ этихъ, нѣкогда одушевленныхъ камней! Да не развалина-ли и сама Испанія, какъ политическая держава, въ сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ она была во времена Карла Пятаго?

Бокль, въ знаменитомъ своемъ сочиненіи „*Цивилизація*“, старается объяснить долгій упадокъ испанскаго народа различными причинами, исходящими или изъ климата и свойствъ почвы, или изъ историческаго движенія. Сухость большей части территоріи, суровые вѣтры, смѣняющіеся на плоскогорьяхъ необыкновенными жарами, частыя землетрясенія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ—вотъ главныя причины матеріальнаго порядка, которыя способствовали развитію въ испанцахъ предразсудковъ и лѣности духа, но главнѣйшею и роковою причиною были продолжительныя и религіозныя войны, которыя они вели съ сосѣдями. Съ самаго начала монархіи, визиготскіе короли съ ожесточеніемъ защищали аріанизмъ отъ франковъ; потомъ, когда испанцы, сдѣлавшись, въ свою очередь, католиками, не имѣли болѣе основанія воевать съ другими христіанами за вѣру, на полуостровъ нахлынули мусульмане, и исторія націи превратилась въ исторію нескончаемой войны; религіозныя войны, длившіяся въ теченіе двадцати поколѣній, у другихъ народовъ были бы исключительными событіями, у испанцевъ же составляли обыкновенный порядокъ вещей. Въ результатѣ изъ этого вышло, что патріотизмъ племени и языка почти совершенно отождествился съ абсолютнымъ повиновеніемъ приказаніямъ священниковъ. Всѣ сражавшіеся, отъ королей до послѣднихъ стрѣлковъ, были больше бойцами за вѣру, чѣмъ защитниками родной земли, а слѣдовательно ихъ первою обязанностію было подчиненіе распоряженіямъ духовенства. Послѣдствія этого долгаго порабощенія мысли были неизбѣжны. Духовенство завладѣло лучшею частію завоеванныхъ у невѣрныхъ земель, скупило всѣ драгоцѣнности для украшенія церквей и монастырей и, что еще важнѣе, благодаря устройству трибуналовъ, овладѣло управленіемъ и контролемъ надъ всѣмъ обществомъ. Съ средины тринадцатаго вѣка, въ Аррагонскомъ королевствѣ дѣйствовало „Святое Судилище“ инквизиціи, и, когда мавры были окончательно изгнаны изъ Испаніи, этотъ верховный трибуналъ сдѣлался всемогущимъ, такъ что передъ нимъ трепетали даже сами короли.

Между тѣмъ, пока эти продолжительныя религіозныя войны вели къ умственному и нравственному упадку испанцевъ всѣхъ провинцій, дѣйствовали и другія причины, и дѣйствовали въ обратномъ направленіи, т. е. развивая всѣ прогрессивные элементы. Этой-то сложной стороны во-

проса въ исторіи Испаніи — Бокль и не выяснилъ. Для поддержанія борьбы съ мусульманами и для сохраненія хотя призрака власти надъ своими воинственными вассалами, короли должны были уважать и покровительствовать льготамъ своего народа, цѣною которыхъ война только и могла быть національною. Города сдѣлались свободными и принимали въ борьбѣ широкое участіе; они одни рѣшали вопросъ о деньгахъ, и, въ большей шей части кортесовъ, ихъ представители не позволяли даже сидѣть рядомъ съ собою представителямъ дворянства и духовенства. Съ начала одиннадцатаго вѣка, т. е. за двѣсти пятьдесятъ лѣтъ до первыхъ упоминаній о представительныхъ учрежденіяхъ въ Англіи, существовали уже, какъ говоритъ исторія, въ Леонскомъ, Кастильскомъ и Аррагонскомъ королевствахъ, города, которые управлялись сами собою и формулировали свои обычаи въ видѣ закона: старинные документы показываютъ намъ, что нѣкоторые монархи признавали себя не вправѣ входить въ города безъ согласія муниципалитета. Благодаря этой автономіи, дававшей испанцамъ неоцѣнимыя преимущества надъ большею частію другихъ народовъ Европы, города полуострова быстро шли впередъ въ промышленности, торговлѣ и цивилизаціи; степень совершенства, которой достигли въ великую эпоху національнаго процвѣтанія литература и искусства, свидѣтельствуетъ, какъ могуча была живучесть всѣхъ этихъ испанскихъ общинъ, въ которыхъ было столько прекрасныхъ зданій и изъ которыхъ вышло столько замѣчательныхъ людей. Города начали даже освобождаться изъ подъ ига церкви; еще задолго до Лютера, они предоставляли себѣ право не допускать къ обнародованію индульгенцій иначе, какъ удостовѣрившись въ ихъ сообразности и цѣли. Кромѣ того, муниципальныя вольности способствовали развитію того спокойнаго достоинства, того взаимнаго уваженія и того благородства манеръ, которыя кажутся какъ бы врожденною привилегіею испанской расы.

Между этими противуположными силами, изъ которыхъ однѣ домогались индивидуальной свободы, другія же, напротивъ, стремились совершенно подавить ее для выгоды церкви и монархической централизаціи, не могла не разразиться рано или поздно открытая борьба. И дѣйствительно, какъ только было окончено христіанами завоеваніе Испаніи, и религіозное рвеніе, вѣрность государямъ и мѣстный партіотизмъ уже не имѣли цѣли,—началась внутренняя война. Она скоро окончилась въ пользу королевской власти и церкви: кастильскіе comuneros, сдѣлавшіеся защитниками мѣстныхъ и областныхъ вольностей, стали терять поддержки или даже встрѣтили противниковъ въ жителяхъ другихъ провинцій, Астуріи, Аррагоніи, Андалузіи; даже мавры Альпухарры помогали подавленію

народа; генералы Карла Пятаго избивали народъ при помощи португальскаго и американскаго золота, и вскорѣ въ когда-то оживленныхъ и веселыхъ городахъ полуострова воцарилась тишина.

Открытіе Новаго Свѣта, совершившееся именно тогда же на пользу испанской монархіи, было для народа, можетъ быть, еще большимъ несчастіемъ. Удаленіе изъ родины всѣхъ храбрыхъ молодыхъ людей, всѣхъ отважныхъ искателей приключеній, отправившихся на завоеваніе Эльдорадо за Атлантическимъ океаномъ, наиболѣе способствовало ослабленію Испаніи. Отправлялись самые смѣлые; оставались же дома лишь люди слабые, боявшіеся смерти. Родина лишилась такимъ образомъ мало по малу самыхъ твердыхъ своихъ сыновъ. Вся ея доблесть, весь духъ предпріимчивости, пошли на завоеваніе Новаго Свѣта, и, упоенная своею заморскою славою, Испанія безъ сопротивленія допустила своихъ господъ повергнуть себя въ бездну глубочайшаго позора. Корабль, слишкомъ обремененный парусами, рискуетъ опрокинуться при малѣйшей бурѣ; такъ и Испанія: слишкомъ слабая для своихъ обширныхъ колоній, подавила сама себя.

Громадное количество золота и денегъ, доставленное рудниками Новаго Свѣта казнѣ метрополіи, было также могучимъ элементомъ обѣднѣнія и деморализаціи. Въ два вѣка, съ 1500 по 1702 г., присылавшіеся колоніями драгоцѣнные металлы достигли суммы 54 милліоновъ франковъ. Такія суммы, получаемыя безъ труда и расточаемыя, главнымъ образомъ, на дѣло развращенія, должны были повести къ чрезмѣрному развитію природной лѣности испанца. Получая золото безъ усилія, онъ пересталъ его зарабатывать; вмѣсто того, чтобы производить всѣ предметы потребленія, ихъ стали покупать, и вскорѣ всѣ сокровища ушли за границу. Впослѣдствіи, когда колоніи перестали кормить свою метрополію, всѣ, привыкшіе къ лѣности, должны были жить нищенствомъ, уличнымъ или, еще болѣе низкимъ и развращающимъ,—бюрократическимъ. Быть можетъ, Испанія единственная страна въ Европѣ, гдѣ рабочіе оставляютъ свой обычный трудъ, отправляясь за полученіемъ порцій при раздачѣ нищимъ милостыни, въ извѣстные дни недѣли.

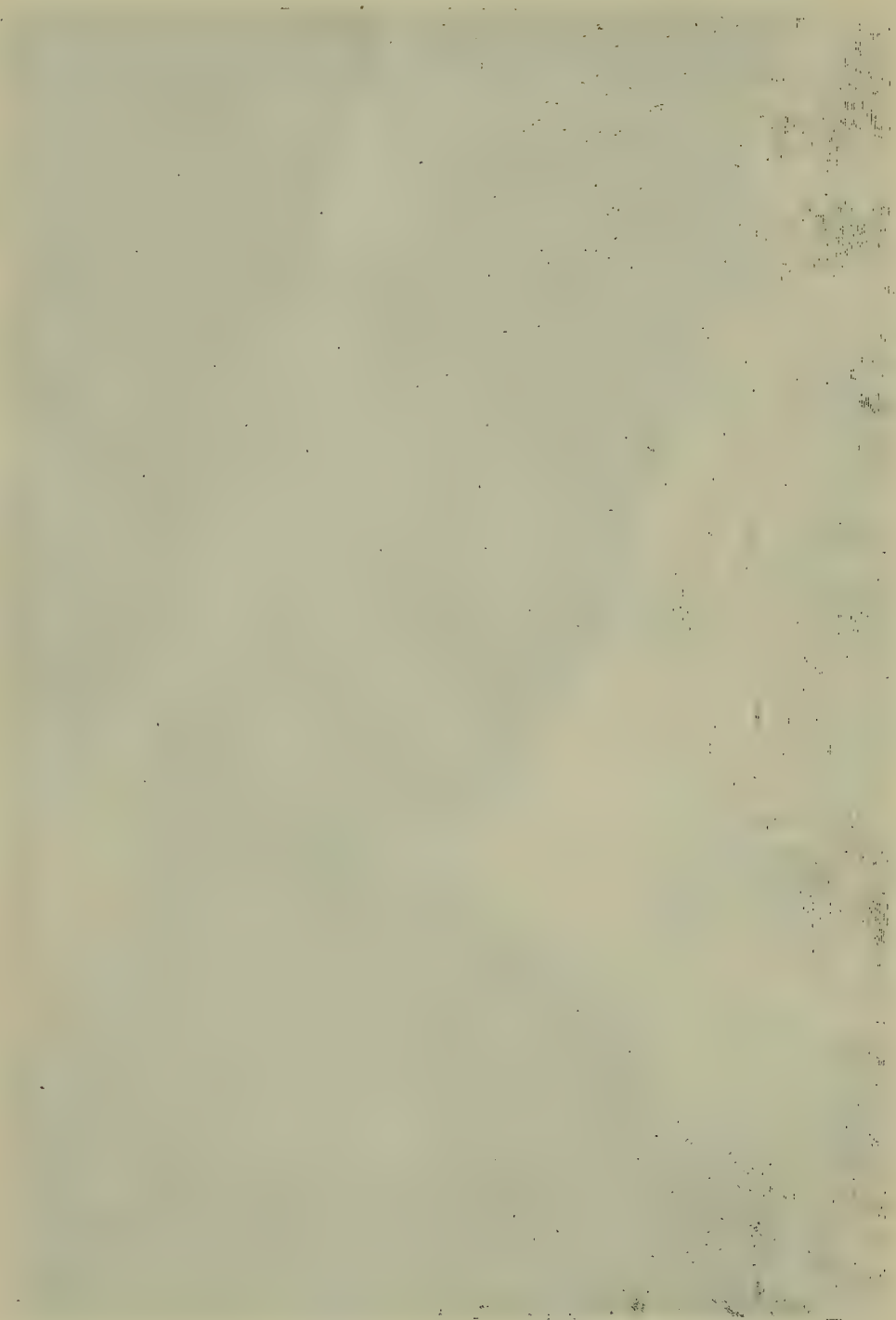
Нація пала для міра съ безпримѣрною быстротою не вслѣдствіе внѣшнихъ нападеній, а вслѣдствіе внутренняго упадка. Съ изгнаніемъ самыхъ промышленныхъ гражданъ страны, мавровъ, въ Испаніи угасла мало по малу всякая дѣятельность. Мастерскія закрывались тысячами даже въ промышленныхъ нѣкогда городахъ, каковы—Севилья и Толедо. Ремесленныя производства прекратились за неимѣніемъ мастеровъ, предоставленная монополіи торговля покинула рынки и порты; рудники и

каменоломни перестали разрабатываться; поля Наварры, какъ говорятъ хроники того времени, часто оставались бы незапаханными даже около самыхъ деревень, если бы только не являлись для посѣва и жатвы беарнскіе поселяне. Молодые испанцы цѣлыми толпами поступали въ монахи, чтобы пользоваться привилегіею праздности,—и въ различныхъ частяхъ королевства было основано болѣе девяти тысячъ мужскихъ монастырей, поля которыхъ обработывались на счетъ остальной Испаніи. Въ школахъ и университетахъ прекратилось всякое серьезное занятіе; по сильному выраженію Сенъ-Симона „наука была преступленіемъ, глупости и невѣжество—первою добродѣтелью". Страна безлюдѣла: дѣтей рождалось недостаточно для восполненія умирающихъ. Испанцы пали такъ низко, что потеряли столь заслуженную ими славу доблести. По водвореніи Бурбонской династіи, для занятія высшихъ должностей приглашались толпами иностранцы, французы, итальянцы, ирландцы, и это потому именно, что сами туземцы, отвыкшіе отъ всякаго труда и лишенные всякой иниціативы, стали неспособны къ дѣлу.

Безпристрастный наблюдатель, сравнивая настоящую Испанію съ тѣмъ, что она была въ эпоху продолжительнаго безмолвія подъ властью инквизиціи, поражается совершившимися въ ней всякаго рода успѣхами. Одна весьма несправедливая поговорка говоритъ: „Счастливы народы, не имѣющіе исторіи"; — какъ будто мертвецы имѣли ее когда нибудь! Напротивъ, только живя полною, даже безпокойною и шумною жизнью, народы выражаютъ свое существованіе въ человѣчествѣ имѣющими историческое значеніе дѣяніями и приносимыми ими современникамъ услугами. Хотя возрожденная съ начала нынѣшняго вѣка Испанія жила всегда, такъ сказать, среди пламени,—но она сдѣлала больше для наукъ, искусствъ и промышленности и, въ лицѣ нѣкоторыхъ своихъ сыновъ, дала больше высокихъ свѣдѣній, чѣмъ въ теченіе двухъ вѣковъ угрюмаго молчанія, протекшихъ со временъ Филиппа II.

Во всякомъ случаѣ, очевидно, что если бы жизнь Испаніи не тратилась въ такой сильной степени на междуусобныя войны, и если бы она прилагалась вся къ дѣламъ коллективнаго интереса, то польза иберійскаго народа для остальнаго міра была бы весьма значительна. Но оказывается, что именно географическія условія полуострова мѣшали до сихъ поръ свободному соединенію жителей въ одно плотное и твердое національное тѣло. Хотя въ цѣломъ европейскаго организма Испано-Лузитанія представляетъ большое единство очертаній и формъ, тѣмъ не менѣе, внутри ея, благодаря горамъ и плоскогорьямъ, существуетъ необыкновенная разнохарактерность, которая отъ природы сообщилась и

УЩЕЛЬЕ ДЕСПЕННАПЕРОСЪ.



жителямъ. Можно сказать, что всѣ выпуклости и впадины гористаго плоскогорья Иберіи отразились на самомъ ея населеніи. На океанійской и Средиземной окраинѣ соединились всѣ выгоды: климатъ тамъ самый пріятный, плодородная земля покрыта богатѣйшею растительностью, легкость сообщеній манитъ человѣка къ путешествіямъ и торговлѣ; поэтому-то въ прибрежной области и тѣснятся земледѣльцы, купцы и моряки, и тутъ же основана большая часть большихъ городовъ. Внутри же страны, напротивъ — безплодныя плоскогорья, голыя скалы, дикія тропинки, ужасныя зимы и отсутствіе разнообразныхъ произведеній дѣлаютъ жизнь обитателей тяжелою, почему молодые люди, привлекаемые счастливыми равнинами, простирающимися при подошвѣ ихъ дикихъ горъ, часто выселяются отсюда въ значительномъ числѣ. Вслѣдствіе этого испанское населеніе раздѣляется по плотности кольцеобразными полосами. Всего болѣе оживлена прибрежная полоса полуострова, въ которую входятъ берега Каталоніи, Валенціи и Мурціи, Малага, Кадиксъ и долина Гвадалквивира, нижняя Португалія и морской склонъ западныхъ Пиренеевъ;—здѣсь совершается движеніе людей и мысли. Съ другой стороны, столица королевства, занимающая господствующее положеніе въ геометрическомъ центрѣ страны и въ срединѣ сѣти дорогъ, не могла не сдѣлаться также жизненнымъ центромъ; но она окружена малолюдными пространствами, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже настоящими пустынями.

Эта неравномѣрность населенія въ низкихъ равнинахъ побережья и на внутреннихъ плоскогоріяхъ, а еще болѣе—это раздвоеніе цивилизаціи полуострова на внѣшній поясъ и центръ, имѣли чрезвычайно важныя послѣдствія въ общей исторіи Испаніи. Каждая изъ приморскихъ провинцій, сознавая свою собственную жизненность и одушевленная достаточною энергіею для самоуправленія, стремилась отдѣлиться отъ остальныхъ частей Испаніи и жить самостоятельною жизнью. Въ теченіе семисотлѣтняго господства мавровъ, общая всѣмъ государствамъ племенная и религіозная ненависть могла поддерживать нѣкоторое единство между различными христіанскими королевствами Иберіи и облегчить образованіе единой монархіи; но, для сохраненія этого искусственнаго единства, правительство должно было прибѣгать къ самой ловкой системѣ терроризма и давленія, какихъ не испытывалъ ни одинъ другой народъ. Между тѣмъ Португалія, отдѣльная роль которой опредѣлялась ея положеніемъ на океанѣ, значительностью торговли и громадными колоніальными завоеваніями, не могла выносить ненавистнаго господства кастильцевъ даже въ теченіе одного вѣка—и отдѣлилась отъ Испаніи, какъ отрывается новый лоскутъ отъ платья, сшитаго изъ разныхъ кусковъ. Подъ пати-

скомъ внѣшнихъ событій, чуть было не погибла и сама Испанская монархія. Напрасно королевская власть отупляла и разоряла народъ, истощая повидимому его умственныя силы: безпрестанныя революціи и войны въ различныхъ провинціяхъ ясно показывали, что и подъ общимъ давленіемъ сохранялась сильная индивидуальность каждой естественной группы населенія. Правда, благодаря возростающей легкости передвиженій и торговлѣ, постепенной замѣнѣ однимъ языкомъ провинціальныхъ нарѣчій, невольному сближенію, которое влекутъ за собою усвоеніе однѣхъ и тѣхъ же идей и образованіе политическихъ партій, связь политическаго единства между различными народами становится годъ отъ году сильнѣе; но андалузцы и галиційцы, баски и каталонцы, аррагонцы и мадриленосы все еще весьма далеки отъ сліянія въ одну національность.

Поэтому временное федеральное устройство, данное Испаніи республикою, вполнѣ оправдывалось географическою формою страны и исторіею ея жителей. Провинціальная автономія, которой управители не хотѣли освятить миромъ, не можетъ быть установлена и гражданской войною: насиліе не можетъ осуществить то, чего не могло сдѣлать доброе согласіе. Такова непримиримость, или карлизмъ, который вмѣстѣ съ другими элементами гражданскаго раздора, составляетъ великую причину революцій, волновавшихъ Испанію въ послѣдніе годы. Населеніе ищетъ себѣ естественнаго равновѣсія, и однимъ изъ главныхъ условій этого равновѣсія является уваженіе границъ, проведенныхъ между провинціями, различіями почвы и климата, равно какъ и вытекающими изъ нихъ различіями нравовъ. Поэтому каждую естественную область Испаніи необходимо изучать отдѣльно, принимая въ соображеніе тотъ фактъ, что политическія дѣленія не соотвѣтствуютъ вполнѣ ни водораздѣламъ между бассейнами, ни границамъ различныхъ языковъ населенія.

II.

ПЛОСКОГОРЬЯ КАСТИЛІЙ, ЛЕОНА И ЭСТРЕМАДУРЫ.

Центральное плоскогорье полуострова, между долинами Эбро и Гвадалквивира, вполнѣ ограничено самою природою: съ сѣвера, съ востока и съ юга его окружаетъ полукруглая стѣна — отъ Кантабрскихъ Пиренеевъ до Сіерра-Морены. Съ западной стороны, правда, общій склонъ плоскогорья спускается къ Португаліи и Атлантическому океану, но и тамъ горныя группы и особенно крутизны рѣч-

ныхъ ущелій, по которымъ нужно спускаться, чтобы попасть въ нижнія долины, составляютъ настоящій и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ непроходимый барьеръ. Поэтому возвышенная область, въ которой развиваются верхнія теченія Дуэро, Таго и Гвадіаны, представляетъ отдѣльное географическое цѣлое, опоясанное вокругъ сплошною полосою земель съ морскимъ склономъ; ее можно сравнить съ меньшимъ полуостровомъ, заключеннымъ въ большій и соединеннымъ съ французскими Пиренеями посредствомъ узкаго перешейка баскскихъ провинцій. Дѣйствительно, если бы вода поднялась вдругъ на 600 метровъ, то кастильскія плоскогорья, изрѣзанныя разнообразными заливами, отдѣлились бы отъ остальной Испаніи. Значительность ихъ пространства, составляющаго около половины всей страны, заранѣе обезпечивала имъ важнѣйшую историческую роль; благодаря своему господствующему положенію, кастильцы присоединили къ своему владѣнію, составляющему и безъ того уже болѣе двухъ пятыхъ всей Испаніи, почти всѣ окружающія ихъ земли.

	Поверхность.	Насел. въ 1883 г.	Насел. на кил.
Бассейнъ Дуэро, Леонъ и Старой Кастиліи безъ Логроньо и Сантандера. . .	94,773 кв. кил.	2.179,330	23 чел.
Бассейнъ Таго и Гвадіаны	115,819 „	2.419,850	21 „
	210,592 кв. кил.	4.599,180	22 чел.

Кастилія, т. е. Испанія по преимуществу, вовсе не красивая страна, или, по крайней мѣрѣ, ея торжественная и грозная красота не понятна для большей части путешественниковъ. Обширныя пространства плоскогорья, какъ напримѣръ Тіера де Камносъ, къ сѣверу отъ Вальядолида, представляютъ собою бывшія озерныя ложа съ весьма плодородною почвою, но, по недостатку разнообразія въ воздѣланныхъ земляхъ и отсутствію всякой лѣсной растительности, отличаются чрезвычайною монотонностью; почва выставляетъ на-показъ свою глину и песокъ, переходящіе въ сѣрый, синій, красноватый и кроваво-красный оттѣнки. Дороги, по которымъ тянутся вереницы муловъ, вздымающихъ клубы пыли, сливаются съ окружающею землею. Другія, гораздо болѣе неровныя части плоскогорья, взгорблены каменистыми, желтѣющими отъ солнца холмами, съ полосами нивъ, гдѣ къ хлѣбамъ примѣшиваются чертополохъ и другія колючія растенія. Мѣстами, какъ напримѣръ къ востоку отъ Мадрида, плоскогорье принимаетъ гористый видъ: горизонтъ со всѣхъ сторонъ окруженъ буграми и вершинами, одѣтыми тощею травою, а мѣстами открываются темныя, прорытыя водами ущелья съ

каменными стѣнами. Мѣстами же, какъ въ нижней Эстремадурѣ, стелятся луга, которые теряются изъ виду при подошвахъ отдаленныхъ горъ, и въ этихъ равнинахъ, похожихъ на нѣкоторыя мѣста американскихъ пампасовъ, не видно ни одного деревца. Въ округѣ Бадахосѣ, около ста лѣтъ тому назадъ, совершенно необработанныя, хотя отъ природы весьма плодородныя, земли занимали пространство болѣе 5,000 квадратныхъ километровъ;—въ этой степи могли бы жить въ довольствѣ полмилліона человѣкъ.

Смотря на ужасную наготу большей части этихъ равнинъ, нельзя вѣрить, что равнина Кастиліи въ XIV вѣкѣ представляла изъ себя сплошной лѣсъ, гдѣ медвѣдей, оленей и кабановъ было больше, чѣмъ людей. Съ половины прошлаго вѣка существуетъ указъ Кастильскаго Совѣта, предписывающій каждому деревенскому жителю посадить по крайней мѣрѣ пять деревъ; но указъ этотъ остался мертвой буквой. Обезлѣсеніе совершалось съ большимъ усердіемъ, чѣмъ разведеніе лѣсовъ. Поселяне предубѣждены противъ деревьевъ: они говорятъ, что листва деревьевъ вредитъ тѣмъ, что защищаетъ мелкихъ птицъ отъ хищныхъ, и, такимъ образомъ, отдаетъ ихъ урожаи на добычу зерноядныхъ пернатыхъ, почему, не довольствуясь уничтоженіемъ всѣхъ птичекъ, кромѣ ласточекъ, они такъ ревностно уничтожаютъ лѣса, что во многихъ мѣстахъ деревья есть только въ отдаленныхъ отъ человѣческаго жилья пустыняхъ: можно пройти цѣлые дни и не увидѣть ни одного дерева. Нагота полей доходитъ до такой степени, что, по пословицѣ, „жаворонокъ“, перелетая Кастиліи, долженъ нести съ собою кормъ“. Даже среди обработанныхъ полей вы чувствуете себя какъ въ пустынѣ, особенно когда послѣ жатвы остается только засохшая солома. Лачуги изъ сѣрой глины или изъ камня издали сливаются съ окружающею землею, и самые города, окруженные своими проломанными желтоватыми стѣнами, походятъ на изрытыя скалы. На большей части плоскогорья воды нѣтъ, какъ въ африканскихъ пустыняхъ. Многіе города и деревни, въ которыхъ есть какой-нибудь источникъ воды, уже своимъ названіемъ радостно возвѣщаютъ, что они обладаютъ такимъ богатымъ сокровищемъ. Черезъ рвы идутъ огромные мосты, стоившіе строителямъ не малаго труда, между тѣмъ какъ въ ихъ каменистыхъ ложахъ не видно ни капли воды въ теченіе большей половины года.

Центральное плоскогорье Испаніи наклонено не только къ западу, къ Лузитанской части Атлантическаго океана, но спускается, хотя и весьма неровнымъ склономъ, отъ основанія Кантабрскихъ Пиренеевъ къ сѣверному краю долины Гвадалквивира. Между тѣмъ какъ верхній бас-

сейнъ Дуэро склоняется отъ востока къ западу отъ 1,000 до 700 метровъ средней высоты, Новая Кастилія и Ла-Манча, въ бассейнахъ Таго и Гвадіаны, имѣютъ не болѣе 600 метровъ высоты. Вообще, возвышенныя земли центральной Испаніи можно сравнить съ двумя ступенями разной высоты, отдѣленными одна отъ другой стѣною съ брешами. Эта стѣна, служащая общею границею двумъ террасамъ плоскогорья, и есть сіерра-де-Гвадаррама, западное продолженіе которой составляетъ сіерра-де-Гредосъ. На сѣверѣ воды, текущія въ Дуэро, орошаютъ провинціи Леонъ и Старую Кастилію, а на югѣ бассейны Таго и Гвадіаны составляютъ провинціи Новую Кастилію, Ла-Манчу и Эстремадуру.

Въ третичную эпоху оба эти плоскогорья, какъ надо полагать, были заняты большими озерными бассейнами, причемъ эти высокія озера Иберіи соединялись другъ съ другомъ рѣками съ водопадами, похожими на тѣ отточные капалы, которые изливаютъ въ Атлантическій океанъ кападскія средиземныя воды. Одно изъ нихъ, очертанія котораго обозначаются геологическими границами, состоящими изъ слоя оторванныхъ отъ окружающихъ горъ песчаныхъ, глинистыхъ и известковыхъ обломковъ, вытекло чрезъ ущелья нижняго Дуэро. Нѣкогда оно было заперто съ этой стороны кристаллическими горами Португаліи, и избытокъ воды изливался вѣроятно въ бассейнъ Эбро съ сѣверо-востока, чрезъ брешь Панкорбо, чрезъ которую нынѣ идетъ желѣзная дорога изъ Бургоса въ Витторію. Кромѣ того, верхнее озеро, дно котораго составляетъ Старую Кастилію, соединялось, посредствомъ широкаго пролива, обходившаго съ востока Гвадаррамскія горы, съ нижнимъ озеромъ, мѣсто котораго занимаютъ нынѣ равнины Новой Кастиліи и Ла-Манчи. Судя по протяженію третичныхъ земель, оставленныхъ водами въ удостовѣреніе своего пребыванія, оба озера вмѣстѣ занимали пространство въ 76,000 квадратныхъ километровъ, т. е. около восьмой части всей поверхности нынѣшняго полуострова. Значитъ, Иберійскій полуостровъ, въ сравненіи съ нынѣшнимъ, былъ въ тѣ времена нашей планеты чѣмъ-то въ родѣ необросшаго еще мясомъ остова; гранитныя группы и древнія скалы, соединяясь другъ съ другомъ буграми тріасскихъ, юрскихъ и мѣловыхъ земель, составляли какъ-бы двойное кольцо горъ, ограниченныхъ снаружи солеными, а изнутри прѣсными водами. Заливы снаружи и озера внутри одновременно наполнялись осадочными слоями, которые узнаются теперь по ихъ ископаемымъ, которыя съ одной стороны морскаго происхожденія, а съ другой—прѣсноводнаго. Этотъ геологическій періодъ продолжался долгое время, потому что слои озерныхъ земель во многихъ мѣстахъ имѣютъ болѣе 300 метровъ толщины. Міоценовые слои, составляющіе поверх-

ностную часть обоихъ кастильскихъ бассейновъ, принадлежатъ совершенно къ той же самой эпохѣ Земли, потому что въ нихъ встрѣчаются ископаемые скелеты большихъ животныхъ, мегатеріевъ, мамонтовъ, гипаріоновъ.

Сѣверо-западная и сѣверная часть горнаго пояса Леона и Старой Кастиліи образуются системою Кантабрскихъ Пиренеевъ; но непосредственно къ востоку отъ высшей группы этихъ горъ, узла Пена-Лабра, отдѣляются продолговатые бугры, которые, направляясь къ юго-востоку, составляютъ водораздѣлъ между бассейномъ Дуэро и истоками Эбро. Эти бугры, извѣстные подъ различными названіями, образуютъ прежде всего *paramos* Лоры, наклоненныя слегка къ южному плоскогорью, но круто обрывающіяся къ Эбро, который течетъ по дну рва въ нѣсколько сотъ метровъ глубины. На востокѣ, водораздѣльная линія, высотою болѣе 1,000 метровъ, продолжается довольно правильно до горной группы Брухула, чрезъ проходъ которой, на протяженіи 934 метровъ, проложена желѣзная дорога; путешественники, вводимые въ заблужденіе погонщиками муловъ, считали прежде эту горную группу высочайшею точкою полуострова. Но за нею бугры эти, называемые ошибочно горами Ока, постепенно повышаются и соединяются съ группами уже настоящихъ горъ, съ основою изъ кристаллическихъ горныхъ породъ, называемыхъ сіерра Деманда, надъ которыми господствуетъ пикъ Санъ-Лоренцо. Къ юго-востоку отъ нихъ слѣдуетъ другая горная группа, опирающаяся, какъ и предъидущая, на могучія предгорья, надъ которою возвышается высокая вершина Пико де-Урбіонъ, дающая начало Дуэро. Цѣпь, называемая сіерра Цеболлера, составляетъ правильное продолженіе линіи водораздѣла и, понижаясь постепенно, развѣтвляется различнымъ образомъ въ обоихъ бассейнахъ Дуэро и Эбро. Наконецъ, эта часть стѣны плоскогорья оканчивается третьею горною группою, Монкайо, которая состоитъ, какъ и Санъ-Лоренцо, изъ кристаллическихъ породъ и достигаетъ еще болѣе значительной высоты. Затѣмъ цѣпь совершенно исчезаетъ и замѣняется широкими буграми съ волнистыми склонами, которые не представляютъ никакого препятствія къ проведенію дорогъ и которыми безъ труда воспользовались для проведенія желѣзной дороги изъ Мадрида въ Сарагосу. Но къ югу отъ Цеболлеры и Монкайо, параллельно этимъ большимъ горнымъ массамъ, идутъ различныя небольшія цѣпи, которыя, наполняя собою восточный уголъ бассейна Дуэро, заставляютъ рѣку описать большой крюкъ чрезъ ущелье Сорія. Въ этихъ-то горахъ, не подалеку отъ вершины раздѣла трехъ склоновъ Эбро, Таго и Дуэро, стояла крѣпость Нуманція, героическая борьба которой съ чу-

жеземнымъ непріятелемъ послужила примѣромъ для многихъ другихъ городовъ полуострова.

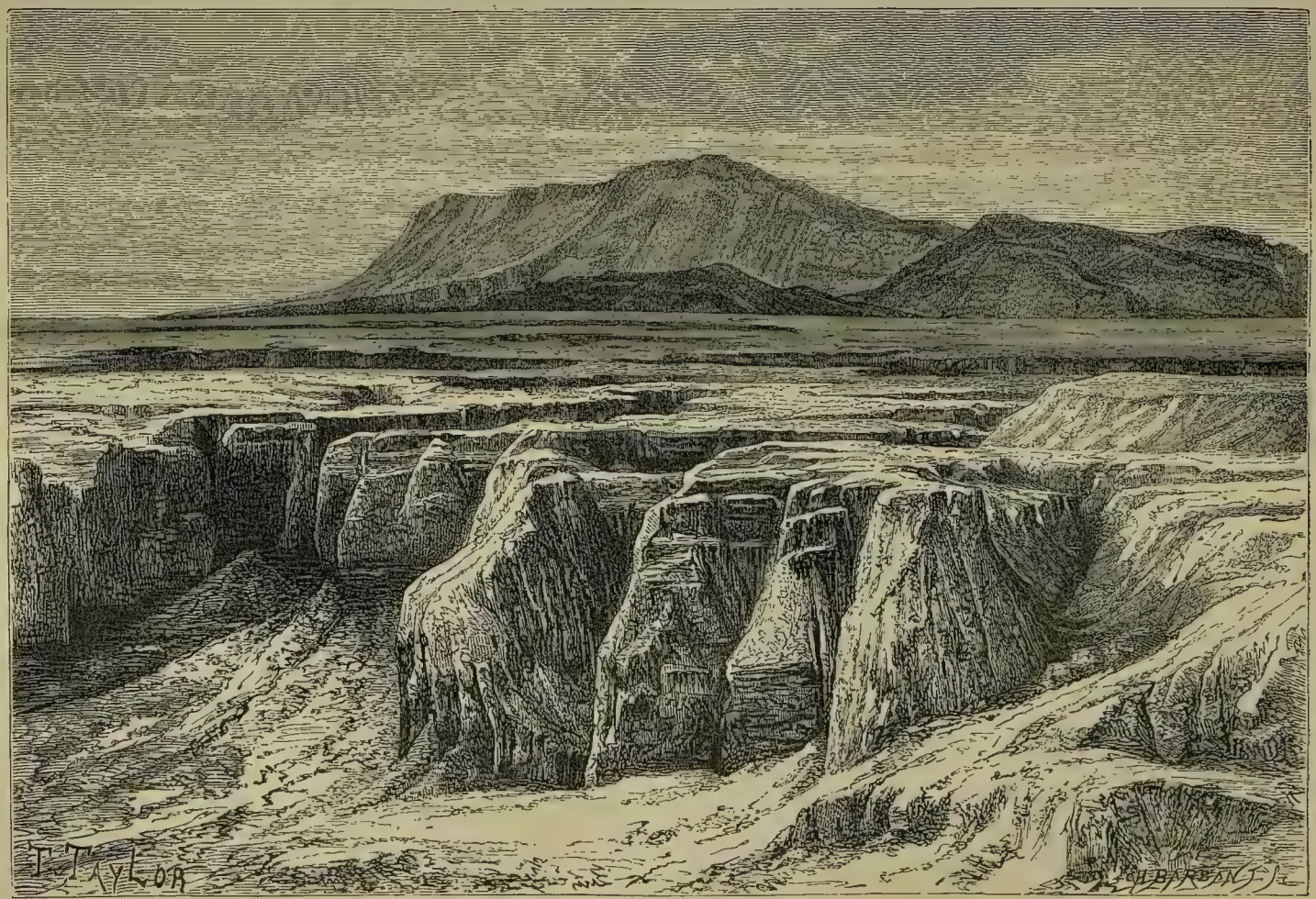
Водораздѣльная линія между бассейнами Дуэро и Таго вообще выше и правильнѣе, чѣмъ въ сѣверо-восточной части Старой Кастиліи. Едва обозначаясь первоначально слабыми развѣтвленіями въ сотню метровъ, на огромномъ пьедесталѣ возвышенныхъ земель, цѣпь вздымается мало-по-малу въ западномъ и юго-западномъ направленіи и вскорѣ образуетъ знаменитую сіерра Гвадарраму, систему Карпето-Ветоникскую Бори Сенъ-Винцентскую: это самая извѣстная цѣпь во всей центральной Испаніи, не потому, что она выше всѣхъ, а потому, что ограничиваетъ мадридскій горизонтъ величественнымъ полукругомъ своихъ гранитныхъ скалъ. Гребень этой цѣпи, составляющей настоящую стѣну между Кастиліями, довольно узокъ, а склоны съ обѣихъ сторонъ круты, такъ что здѣсь не безъ труда можно было построить дороги, ведущія къ проходамъ Сомосіерры, Навачеррады и Гвадаррамы. Фердинандъ VI, гордясь проведенною чрезъ горы, въ его царствованіе, дорогою, приказалъ поставить на одной изъ высочайшихъ вершинъ статую льва съ грандіозною надписью, гласящею: „Король побѣдилъ горы“. Что касается сѣверо-испанской желѣзной дороги, то она должна была обойти сіерру съ западной стороны чрезъ Авилинскую выемку, по полямъ, покрытымъ кучами гранита, но все-таки идетъ на двадцать метровъ выше такъ называемой Монъ Сенисской желѣзной дороги и вообще выше всѣхъ альпійскихъ желѣзно дорожныхъ линій. Естественный валъ, образуемый горами Гвадаррамы на сѣверѣ мадридской равнины, составляетъ для этого города въ высшей степени важную стратегическую линію: здѣсь происходили кровавыя битвы, изъ которыхъ одна была за обладаніе проходами сіерры.

Къ юго-западу отъ пика Пеньялара, составляющаго высшую точку Карпето-Ветоникскаго хребта, горы быстро понижаются, и вскорѣ, у пика Чіерва, цѣпь раздѣляется на двѣ вѣтви. Сѣверная вѣтвь, направляющаяся къ западу и затѣмъ описывающая полукругъ вокругъ равнины Авилы, образуетъ водораздѣльную линію между притоками Дуэро и притоками Таго, и во многихъ мѣстахъ представляетъ скорѣе выпуклость почвы, удлиненный бугоръ, чѣмъ настоящую цѣпь. Южная вѣтвь выше и правильнѣе, какъ горная система, и составляла бы естественную соединительную цѣпь между сіерра Гвадаррамою и сіерра Гредосъ, если бы не была перерѣзана надвое ущельемъ, вырытымъ рѣкою Альберчъ, при выходѣ ея изъ верхней долины, идущей между двумя параллельными горными стѣнами. Какъ будто для симметричности, примѣровъ которой довольно много встрѣчается въ различныхъ странахъ земли, Альберчъ, притокъ Таго, и

Тормесъ, притокъ Дуэро, какъ будто перемѣшались своими истоками: рѣка, которая течетъ къ сѣверу, беретъ начало съ южной стороны горы, а которая течетъ къ югу—съ сѣверной.

Сіерра де-Гредосъ, составляющая продолженіе орографической системы Испаніи, къ западу отъ ущелья Альберча, представляетъ высочайшія вершины послѣ Гренадской Сіерры Невады и Пиренейскихъ горъ. Вершина, носящая прекрасное имя Плаца дель-Моро-Альманзоръ, возвышается на 2,650 метровъ, т. е. до совершенно полярнаго пояса, гораздо выше границы лѣсовъ. Голые гребни кристаллическихъ скалъ, бѣлѣющихъ снѣгомъ большую половину года, высятся надъ пустынными склонами, надъ громадными каменными обвалами и цирками, съ бассейнами голубой воды. Сіерра де-Гредосъ—одна изъ наименѣе изслѣдованныхъ и наиболѣе трудныхъ горъ для путешествія, по отсутствію деревень съ какимъ-нибудь комфортомъ, но за то и одна изъ самыхъ красивыхъ областей полуострова. Южный склонъ ея, ограниченный теченіемъ Тіетара,—очаровательнъ; эта мѣстность называется Вера. Прозрачные ручьи, красивыя группы раскинутыхъ по склонамъ деревьевъ, цвѣтущіе или зеленѣющіе фруктовые сады, въ которыхъ прячутся деревни, дѣлаютъ эту часть Испаніи второю Швейцаріею: Карлъ V показалъ, что у него былъ вкусъ, удалившись подъ конецъ своей жизни въ монастырь св. Юста, представляющій одну изъ пріятнѣйшихъ мѣстностей страны. Прежде у подошвы Сіерра-де-Гредосъ было гораздо больше движенія, такъ какъ непосредственно на западѣ ея проходила большая стратегическая и торговая дорога римлянъ,—*via Lata* (Широкая дорога), называемая нынѣ *Camino de la Plata*, которая соединила долину Таго съ долиною Дуэро, проходя черезъ проходъ, называемый Пуэрто де-Баньосъ. Но срединная артерія полуострова перемѣстилась:—Толедо и Мадридъ перенесли ее къ горамъ Гвадаррамы, между тѣмъ какъ римскій городъ Мерида удерживалъ ее прежде на западѣ отъ сіерры де-Гредосъ.

Въ общемъ, всѣ черты географическаго рельефа этой части Испаніи имѣютъ видимо параллельное расположеніе. Отъ ущелья Альберча до холмовъ Плаценціи и Пуэрто де-лосъ-Кастаньосъ, около Таго, сіерра де-Гредосъ развивается въ юго-западномъ направленіи; южнѣе —небольшая цѣпь Санъ-Винцентъ и общая выпуклость гранитныхъ плоскогорій, расположенныхъ къ сѣверу отъ Таго, слѣдуютъ тому же направленію; притоки Таго: Альберчъ, въ своемъ нижнемъ теченіи, Тіетаръ, Хертъ и нижній Алагонъ, направляются точно также къ юго-западу; горная группа Трампалъ отдѣляетъ отъ себя длинный побочный хребетъ Трасъ ла-Сіерра—въ томъ же направленіи къ Плаценціи; лощина, въ которой про-



ВИДЪ ГОРЪ СІЕРРА НЕВАДА.

легала широкая римская дорога, расположена такимъ же образомъ; наконецъ сіерра де-Гата, возвышающаяся съ другой стороны къ границамъ Португаліи, и, далѣе, цѣпи, возвышающіяся въ самыхъ предѣлахъ Лузитаніи, вытягиваютъ свои вершины въ направленіи съ сѣверо-востока къ юго-западу, слѣдуя направленію общаго склона полуострова къ Атлантическому океану.

Сіерра де-Гата еще суровѣе и неизвѣстнѣе, чѣмъ сіерра де-Гредосъ. Она начинается при истокахъ Алагона подъ именемъ Панна Гудина, затѣмъ, поднимаясь до высоты болѣе 1,800 метровъ, принимаетъ названіе Пенья де-Франціа (Скала Франціи), которымъ она обязана, вѣроятно, существованію капеллы французской Богоматери, построенной однимъ запиренейскимъ рыцаремъ, на одной изъ самыхъ крутыхъ вершинъ. Въ ущельяхъ этихъ горъ находится дикая долина Батуэкасъ, которая долго оставалась почти неизвѣстною. Первый „ключъ“, образуемый поперечною цѣпью, которую Алагонъ долженъ былъ прорвать постепенно силою своихъ водъ, открываетъ входъ въ эту трудно доступную для жителей равнины область; выше входъ въ долину охраняетъ другое ущелье: жители здѣсь заперты, какъ въ крѣпости съ двойною стѣною. Другая долина, ласъ-Гурдесъ, къ юго-западу отъ Батуэкасъ, точно также хорошо защищена валами отроговъ, оставляющихъ водамъ весьма узкій проходъ къ Алагону. Здѣсь собственно горный хребетъ принимаетъ свое спеціальное названіе сіерра де-Гата, которое и сохраняетъ до вступленія своего на португальскую территорію.

Высота горъ и проходовъ между Эбро и Таго, по Франсиско Коэлло, слѣдующая:

Къ сѣверу отъ Дуэро.	Парамосъ де-Лора	1,088 метровъ.
	Проходъ Брухула	980 „
	Пикъ Санъ-Лоренцо (сіерра Деманда)	2,303 „
	Пикъ Урбіонъ	2,246 „
	Сіерра Цебольера	2,145 „
	Пикъ Монкайо	2,346 „
Сіерра Гвадарама.	Проходъ Сомосіерра	1,428 „
	Пикъ Пеньяляра	2,400 „
	Проходъ Навачеррады	1,778 „
	Проходъ Гвадарамскій	1,533 „
	Перевалъ желѣзной дороги	1,359 „
	Альто дела-Чіерва	1,837 „

Плаца дель-Моро Альманзоръ (сіерра де-Гредосъ) . . . . . 2,650 метровъ.
Пенья де-Франціа (сіерра де-Гата) . 1,734 „

На большей части старыхъ картъ и даже во множествѣ новыхъ—на востокѣ Новой Кастиліи значатся высокія горныя цѣпи, которыхъ въ дѣйствительности не существуетъ; здѣсь просто вся мѣстность представляетъ громадную горбовину въ тысячу триста или даже въ тысячу четыреста метровъ высоты, гдѣ на могучемъ пьедесталѣ замѣтно только нѣсколько рядовъ небольшихъ холмовъ: водораздѣлъ въ этой части Испаніи составляютъ простые пригорки съ весьма отлогими склонами. Впрочемъ, потоки, вырывшіе себѣ весьма глубокія русла въ легко подающихся земляхъ плоскогорья, придаютъ ему во многихъ мѣстахъ видъ настоящихъ горъ съ изрытыми стѣнами; окрашенные въ различные цвѣта, породы песчаника, слои глины и тріасскіе или юрскіе слои известняка прорыты на нѣсколько сотъ метровъ въ глубину плоскогорья и даютъ поводъ считать мѣстность весьма гористою, между тѣмъ какъ если бы сравнять промытые рвы, то вся возвышенная равнина обратилась бы въ слабо волнистую однообразную пустыню.

Въ одной изъ такихъ частей плоскогорія, представляющихъ наибольшее сходство съ горными группами, именно—въ сѣверо-восточномъ углу Новой Кастиліи, возвышается Муэла де-Санъ-Хуанъ, т. е. „коренной зубъ“ Св. Іоанна; эти высоты можно считать главною гидрографическою границею полуострова между склонами разныхъ рѣчныхъ бассейновъ, такъ какъ по ихъ глубокимъ тѣснинамъ, съ дикими скалами африканскаго вида, стекаютъ въ нижнія равнины многія рѣки. Здѣсь, съ одной стороны, беретъ начало Таго, рѣка, раздѣляющая Испанію на двѣ почти равныя части; съ другой стороны текутъ Хукаръ и Гвадалавіаръ, которые также являются средними рѣками средиземнаго прибрежья; наконецъ, одинъ изъ главныхъ притоковъ Халона принимаетъ здѣсь на сѣверѣ направленіе Эбро. Можетъ быть, по этому-то расхожденію водъ по всѣмъ направленіямъ, рядъ вершинъ, идущихъ къ востоку отъ Муэлы, и называется „Всемірными Горами“ (*Montes Universales*). Другая небольшая цѣпь, расположенная восточнѣе, въ округѣ Албаррацина и называемая сіерра дель-Тремедаль, подвергается, говорятъ, частымъ вулканическимъ потрясеніямъ; изъ взбросовъ въ политовыхъ скалахъ, именно въ соприкосновеніи ихъ съ чернымъ порфиромъ и базальтовыми скалами, вырываются иногда сѣрные газы. Нѣкоторыя тріасскія высоты окрестностей Куэнцы также весьма любопытны по своимъ залежамъ каменной соли: самыя извѣстныя копи—Мингланильскія, въ которыя проникаютъ по

подземнымъ галереямъ со стѣнами изъ прозрачной соли. Эти широкіе, высѣченные въ кристаллѣ ходы считались прежде однимъ изъ великихъ чудесъ полуострова.

Выпуклость восточнаго плоскогорья продолжается къ югу, параллельно берегу Валенціи, между водами, текущими въ Средиземное море, и водами, образующими рѣки Таго и Гвадіану. Водораздѣлъ принимаетъ видъ горной цѣпи только между истоками Гвадіаны, Сегуры и Гвадалимара: тутъ возвышаются первыя вершины сіерры Морены, образующей, на протяженіи около 400 километровъ, естественную границу между Ламанчею и Андалузіею. Впрочемъ, сіерра Морена, равно какъ и всѣ высоты, заканчивающія съ востока плоскогорья Новой Кастиліи, заслуживаютъ названія цѣпи только со стороны наружнаго края полуострова. Съ плоскогорій, по которымъ текутъ первыя воды Гвадіаны, сіерра Морена кажется рядомъ невысокихъ холмовъ, простою закраиною съ узкими прорѣзами. Напротивъ, съ низкихъ равнинъ Андалузіи путешественникъ видитъ на сѣверѣ настоящую горную цѣпь съ профилемъ вершинъ, съ крутыми склонами, предгорьями, глубокими долинами и дикими ущельями. Поэтому сіерра Морена съ ея западными развѣтвленіями, сіерра Араценою и сіерра Ароче, должны быть разсматриваемы какъ географическая принадлежность скорѣе Андалузіи, чѣмъ Кастильскаго плоскогорья. При этомъ надо добавить, что, по административнымъ границамъ, къ южной провинціи Испаніи относится большая часть маріанійской системы и даже нѣкоторыя однообразныя части плоскогорья по ту сторону хребта.

На западѣ, общій склонъ почвы, указываемый теченіемъ Таго и Гвадіаны, казалось, долженъ былъ бы слить, постепенными переходами, возвышенныя земли внутренней Испаніи съ низкими равнинами Португаліи, но въ дѣйствительности ничего подобнаго нѣтъ. Большую часть Эстремадуры занимаетъ одна изъ самыхъ значительныхъ въ западной Европѣ массъ гранитныхъ скалъ. Этотъ поясъ первозданныхъ земель, гранитовъ, гнейсовъ, метаморфическихъ сланцевъ заключаетъ въ себѣ все пространство, ограниченное съ сѣвера сіеррами де-Гредосъ и де-Гата, а съ юга—сіеррою д'Ароче; встрѣчающіяся въ этой области, тамъ и сямъ, новыя земли представляютъ лишь слои незначительной толщины, отложенные на горныхъ породахъ древняго происхожденія. Нѣкогда, какъ мы видѣли, эта масса гранитовъ Эстремадуры сдерживала прѣсныя воды, собравшіяся въ озера въ восточныхъ равнинахъ, и только послѣ многовѣковой геологической работы древніе оттоки съ водопадами превратились въ правильно проточенныя въ камнѣ рѣчныя ложа. Горы, которыя возвышаются среднимъ числомъ до пяти сотъ метровъ между Таго и Гвадіаною, пред-

*

ставляютъ лишь менѣе разрушенные дѣйствіемъ воды остатки древней горной массы: ихъ называютъ Оретанскою цѣпью, или Толедскими горами. На границѣ Кастиліи и Эстремадуры онѣ образуютъ группу сіерра де-Гвадалупе, которая стала знаменита по своему, нѣкогда часто посѣщавшемуся, мѣсту богомолья и по чудотворной Дѣвѣ, которую такъ почитаютъ эстремены и принявшіе христіанство индѣйцы испанской Америки. Западное продолженіе этихъ горъ, т. е. сіерра де-Санъ-Педро, сливается въ Лузитаніи съ высотами Алентехо.

Другую, совершенно отдѣльную съ геологической точки зрѣнія, горную группу образуютъ холмы, *campo*, де Калатрава, на краю бывшаго Ла-Манчскаго озера. Это группа потухшихъ вулкановъ, занимающая по обѣ стороны Гвадіаны, отъ востока къ западу, пространство около 100 километровъ. Эти вулканы, какъ и большая часть огнедышащихъ горъ, открывались около воды, на берегу внутренняго моря, замѣщеннаго нынѣ равнинами Ла-Манчи. Обширный полукругъ, открытый съ восточной стороны, былъ окаймленъ огнедышащими кратерами, изъ которыхъ явились покрывающіе теперь равнину трахиты, базальты и золы, или *negrizales*. Единственнымъ свидѣтельствомъ внутренней дѣятельности служатъ теперь теплыя воды, насыщенныя углекислотою.

Различныя высоты въ бассейнахъ Таго и Гвадіаны суть:

Церро де-Санъ Филипе (Муэла де Санъ Хуанъ) . . .	1,800 метровъ.
Перевалъ желѣзной дороги изъ Мадрида въ Аликанте .	710 „
Виллуэркасъ (сіерра до Толедо)	1,559 „
Холмы кампо де Калатрава.	695 „

Рѣки обѣихъ Кастилій имѣютъ гораздо меньшее географическое значеніе, чѣмъ можно было бы подумать при видѣ тѣхъ длинныхъ извилистыхъ линій, которыя онѣ описываютъ чрезъ большую половину полуострова. Уже одной высоты, на которой текутъ эти рѣки въ своихъ верхнихъ частяхъ, и дикихъ ущелій, чрезъ которыя онѣ прорываются къ морю, достаточно, чтобы сдѣлать невозможнымъ всякое серьезное судоходство. Кромѣ того, количество падающей на ихъ бассейны дождевой воды не настолько значительно, чтобы сдѣлать ихъ подобными другимъ рѣкамъ западной Европы. Влажность дождливыхъ вѣтровъ, останавливаемая Кантабрскими Пиренеями, горами Галиціи и гранитными массами Португаліи и испанской Эстремадуры, осаждается почти вся на испанскихъ зубьяхъ горъ, такъ что для кастильскихъ плоскогорій остается ея весьма незначительное количество. Вообще, дождь бываетъ въ этихъ областяхъ только въ теченіе шестидесяти дней въ году, и сумма дождей колеблется

между пятою и десятою того количества, которое выпадаетъ на наружномъ склонѣ горъ. Сверхъ того, выпавшіе дожди весьма дѣятельно испаряются отъ солнца и вѣтра; вся влага, полученная жаждавшею въ лѣтніе мѣсяцы землею, вскорѣ снова возвращается въ атмосферу, и если главныя рѣки еще и текутъ въ это время года, то это только потому, что остатокъ зимнихъ дождей продолжаетъ выступать на поверхность посредствомъ глубокихъ источниковъ. Но сколько здѣсь высохшихъ рѣкъ, сколько широкихъ рѣчныхъ руслъ, на голышахъ и пескѣ которыхъ по цѣлымъ мѣсяцамъ не видно ни капли воды! Если бы дожди за цѣлый годъ, вмѣсто того, чтобы уходить въ землю и выходить затѣмъ въ видѣ ключей или быстро стекать по рвамъ и рѣчнымъ русламъ, разлились бы сплошною массою по плоскогорью, то они совершенно испарились бы въ теченіе двухъ или трехъ мѣсяцевъ; такъ, по крайней мѣрѣ, думали прежніе изслѣдователи, хотя, по наблюденіямъ новѣйшихъ метеорологовъ, сравненіе это должно считаться нѣсколько преувеличеннымъ.

Количество дождя въ Мадридѣ въ 1868 г.	Въ годъ	0,231 м.;	съ апрѣля по августъ	0,085 м.
„ Саламанкѣ „	„	0,320 „	„	0 054 „
„ Вальядолидѣ „	„	0,545 „	„	0,109 „
Поверхностное испареніе воды въ Мадридѣ (12 лѣтъ наблюденія)			„	1,845 „
Среднее количество дождей „	(4 года „	)	„	0,273 „

Изъ трехъ большихъ рѣкъ—Дуэро, Таго и Гвадіаны—послѣднія двѣ самыя маловодныя, такъ какъ онѣ протекаютъ по бассейну, который отдѣленъ отъ моря и его дождливыхъ вѣтровъ дополнительнымъ валомъ цѣпей Гвадарамы и Гредосъ. Но какъ ни слаба въ настоящее время сила воды этихъ рѣкъ, тѣмъ не менѣе совершенная ими въ доисторическія времена геологическая работа—громадна. Выпивъ всю воду древнихъ озеръ плоскогорья, каждая изъ этихъ трехъ рѣкъ скрывается въ извилистой рытвинѣ, глубоко уходящей въ землю скалы и, опускаясь все болѣе и болѣе книзу отъ краевъ плоскогорья, роетъ себѣ полуподземное ложе, чтобы попасть въ низкія равнины Португаліи.

Такъ, Дуэро, увеличенная уже всею широкою сѣтью своихъ притоковъ, каковы: Пизуэрга съ Карріономъ, Адаха, Эсла, вступаетъ въ узкую расщелину плоскогорья, которая, какъ препятствіе къ сношеніямъ, справедливо избрана границею двухъ сосѣднихъ государствъ. Главнѣйшій притокъ Дуэро, Тормесъ, питаемый снѣгами сіерры де Гредосъ, Іельтесъ, Агведа, составляющая въ нижнемъ своемъ теченіи границу Португаліи, точно также текутъ въ глубинахъ дикихъ ущелій, которыя можно было бы назвать *cañones*, какъ глубокіе рытвины рѣкъ американскаго Запада. Тѣ же явленія представляетъ и Таго. Принявъ въ себя Альберчъ, сжатый между предгорьями сіерры де Гредосъ и сіер-

ры Альтамиры, рѣка течетъ, то ровная какъ стекло, то стремясь удлиненными волнами, между тѣсными стѣнами, съ обѣихъ сторонъ которыхъ выдаются соотвѣтственно углы и выступы; у самой границы, въ Сальто дель Гитано, она низвергается съ высоты 8 метровъ. Тіетаръ, Альмонтъ, Алагонъ, Эльхасъ, при соединеніи своемъ съ главною рѣкою, текутъ точно также въ узкихъ желобахъ гранитной скалы. Что касается рѣки Гвадіаны, то она прорывается чрезъ выходной „клюзъ“ плоскогорья только на португальской территоріи.

Истоки и верхнее теченіе этой послѣдней рѣки были предметомъ утрированныхъ разсказовъ всякаго рода, которые передаютъ пастухи съ такою гордостью, какъ будто ихъ рѣка единственная въ мірѣ. Тѣмъ не менѣе, гидрографія верхней Гвадіаны весьма любопытна. Первыя воды бассейна родятся на югѣ плоскогорья Куэнцы, въ тѣхъ мѣстахъ съ неопредѣленнымъ наклономъ, гдѣ ручьи еще блуждаютъ и ищутъ себѣ пути: во многихъ мѣстахъ довольно было бы одной плотины, чтобы отвести воды либо къ западу, къ Гвадіанѣ, либо къ востоку, къ Хукару или Сегурѣ, либо даже къ югу, къ Гвадалимару или Гвадалквивиру. Мѣстами на этой кровлѣ встрѣчаются даже временныя лагуны стоячей солоноватой воды. Во всей западной Европѣ Испанія—единственная страна, представляющая подобное явленіе: это еще новое сходство ея съ африканскимъ материкомъ.

Два ручья могли бы претендовать по длинѣ теченія на честь быть истоками рѣки — Зигуэла и Занкара, но они несутъ такое ничтожное количество высыхающей въ лѣтніе жары воды, что началомъ настоящей рѣки по справедливости считались постоянные источники, называемые „глазами“ *(ojos*, арабское *aïn)* Гвадіаны или Вильярубіа, чистыя, отражающія небо воды которыхъ совершенно естественно было жителямъ этихъ безводныхъ странъ сравнить съ глядящими въ пространство глазами. Три группы этихъ источниковъ даютъ воды до трехъ кубическихъ метровъ въ секунду. Такая значительная для плохо орошенной страны масса воды идетъ очевидно издалека и представляетъ стокъ обширнаго пространства. Общее мнѣніе таково, что въ видѣ „глазъ“ Гвадіаны является прекрасный ручей Руидера, который течетъ изъ лагуны въ лагуну чрезъ рядъ пороговъ и живописныхъ водопадовъ, съ высотъ около 100 метровъ. Дѣйствительно, масса его воды почти такая же, общій склонъ почвы позволяетъ подземнымъ водамъ принять направленіе источниковъ. Руидеру часто называютъ Гвадіана-Альто, какъ будто гипотеза о скрытомъ ихъ сообщеніи неопровержима, между тѣмъ нѣкоторые географы, какъ напр. Коэлло, сомнѣваются въ томъ, чтобы верхній ручей

достигалъ низкаго бассейна рѣки. Избытокъ его водъ, послѣ сильныхъ дождей, стекаетъ въ Занкару по каменистому руслу, обыкновенно же для поглощенія достаточно одного испаренія. Большой притокъ Гвадіаны, Хабалонъ, орошающій кампо де Калатрава, точно также питается обильными источниками, именно „глазами“ Монтіеля.

Большая, сравнительно, сухость кастильскихъ плоскогорій сообщаетъ климату существенно континентальный характеръ. Главные вѣтры въ Испаніи—тѣ же самые, что и во всей западной Европѣ; господствующій токъ воздуха здѣсь, какъ и въ Португаліи, во Франціи и въ Англіи, представляетъ влажный югозападный вѣтеръ, которому эти страны и обязаны умѣренною температурою холода и жара, и все-таки высокіе бассейны Дуэро, Таго и Гвадіаны представляютъ такую смѣну временъ года и такія внезапныя перемѣны температуры, что напоминаютъ климаты африканскихъ и азіятскихъ пустынь. Зимніе холода здѣсь бываютъ очень сильны, лѣта знойны, причемъ дѣйствительныя ихъ температуры еще болѣе усиливаются въ томъ или въ другомъ направленіи свободно дующими по большимъ голымъ равнинамъ вѣтрами. Зимою, *norte*, пройдя надъ снѣгами и льдами Пиренеевъ сіерры Урбіонъ, Монкайо и Гвадарамы, свиститъ сквозь кустарники и проникаетъ во всѣ щели жалкихъ крестьянскихъ жилищъ. Лѣтомъ же, напротивъ, дуетъ опасный *solano*, который, пройдя черезъ проливъ и врываясь на плоскогорье сквозь бреши сіерры Невады и сіерры Морены, давитъ природу тяжелою атмосферою, которая жжетъ растительность, бѣситъ животныхъ и дѣлаетъ человѣка нервнымъ и угрюмымъ. Подъ вліяніемъ этихъ различныхъ метеорологическихъ причинъ, большая часть кастильскихъ городовъ, типомъ которыхъ можно считать Мадридъ, имѣютъ климатъ весьма непріятный, котораго справедливо боятся иностранцы.

Средняя температура въ Мадридѣ, по Гаррига . . .	14°,37	Ц.
Высшая » » . . .	40°	»
Низшая » » . . .	10°	»

Воздухъ хотя чистъ, но обыкновенно слишкомъ сухъ, слишкомъ остръ и рѣзокъ, особенно зимою, отчего и сложилась извѣстная поговорка: „Воздухъ въ Мадридѣ не гаситъ свѣчи, но убиваетъ человѣка“! Люди слабонервные и слабогрудые сильно страдаютъ отъ такого свойства атмосферы и въ первое время акклиматизаціи должны бываютъ подвергаться серьезнымъ опасностямъ. „Три мѣсяца зимы и девять мѣсяцевъ ада“, говоритъ другая поговорка, указывающая на подавляющій лѣтній зной. Правда, говорятъ, что во времена Карла Пятаго Мадридъ пользо-

вался превосходнымъ климатомъ; быть можетъ, потому, что тогда еще равнина была покрыта богатыми лѣсами, но, быть можетъ, такая репутація была дѣломъ низкой лести къ властелину, который выбралъ этотъ городъ своей резиденціею.

Разнообразіе растеній между самыми низкими частями плоскогорій и вершинами господствующихъ надъ ними горъ—весьма велико, но общій видъ флоры представляетъ чрезвычайное однообразіе. Число растеній, способныхъ выносить сильный холодъ и сильный жаръ, конечно ограниченно; но вслѣдствіе отсутствія влажности и вслѣдствіе сухости климата Кастиліи, растительность, по необходимости, должна чахнуть; поэтому въ нѣкоторыхъ округахъ вы можете пройти десятки и сотни километровъ, не замѣтивъ видимой перемѣны во внѣшнемъ видѣ страны. Господствующими растеніями, придающими природѣ свой однообразный тонъ, являются большею частію низкія растенія и полукустарники. Заросли верхняго бассейна Дуэро и плоскогорій, идущихъ къ востоку отъ Таго и Гвадіаны, состоятъ преимущественно изъ тимьяна, лавенды, розмарина, иссопа и другихъ ароматическихъ растеній; на южномъ склонѣ Кантабрскихъ горъ преобладаютъ надъ другими породами верески съ розовыми цвѣточками; обширныя пространства на высокихъ верхахъ горъ Куэнцы поросли испанскимъ дрокомъ съ цѣпкими жилками, а скалы соляныхъ формацій окрестностей Альбацетты населены солянками. Эти мѣста, называемыя часто кастильскими степями, заслуживали бы скорѣе названія пустынь, такъ какъ вслѣдствіе свойствъ почвы и незначительнаго количества дождей страна остается въ своей первобытной наготѣ. Степь эта, мѣстами совершенно горизонтальная, мѣстами взволнованная однообразными буграми, простирается на обширныя голыя пространства краснобураго цвѣта на тріасскихъ породахъ и сѣраго или бѣлаго на гипсовыхъ формаціяхъ. Вокругъ мѣстечка Санъ-Клементо, на пространствѣ нѣсколькихъ миль, не видно ни ручья, ни источника, ни деревца. Къ западу степь продолжается нескончаемыми равнинами Ла-Манчи „изсушенной земли“ арабовъ; хлѣбныя поля, виноградники и пажити перемѣшиваются здѣсь съ огромными чертополохами, изъ-за которыхъ едва виднѣются вѣтряныя мельницы; воздѣланныя мѣстности Ла-Манча часто посѣщаются грозами и саранчей. Эстремадура и склоны сіерры Морены одѣты главнымъ образомъ различными породами ладонниковъ: съ нѣкоторыхъ горъ на всемъ горизонтѣ не видно ничего, кромѣ ковра *jarales* то синевато-зеленаго, то бураго цвѣта, смотря по времени года; весною земля блистаетъ бѣлыми цвѣтами, какъ недавно выпавшимъ снѣгомъ.

Что касается деревьевъ, то лѣса ихъ, или, скорѣе, рѣденькія рощи,

УЩЕЛЬЕ ЛОСЪ-ГАЙТАНОСЪ.

замѣтны только на горныхъ склонахъ. Въ нижнемъ поясѣ встрѣчаются каштаны и въ особенности дубы: дубы *tauzens*, пробковые, малорослые, дубы съ двойными желудями и другихъ породъ, — составляющіе остатки древнихъ лѣсовъ страны. Выше, до предѣла древесной растительности, растутъ сосны различныхъ видовъ, изъ которыхъ одинъ встрѣчается только въ центрѣ Европы и въ Сибири; онѣ составляютъ еще обширные лѣса на буграхъ плоскогорья Куэнцы. Обширныя пространства сыпучаго песку, простирающіяся къ сѣверу отъ Гвадарамской цѣпи, въ провинціяхъ Авилѣ, Сеговіи и Вальядолидѣ, точно также покрыты соснами. Земли эти, похожія на французскіе ланды, не поддаются легко никакой обработкѣ, кромѣ разведенія сосны,— дерева, которое доставляетъ по крайней мѣрѣ дрова и смолу.

Въ покрывающихъ горы остаткахъ лѣсовъ водятся еще дикіе звѣри. На южномъ склонѣ Кантабрскихъ горъ и въ сіерра Демандѣ лѣтъ сто тому назадъ были многочисленны медвѣди; волки, рыси, дикія кошки и лисицы водятся вдали отъ человѣческаго жилья въ зарослях Гвадарамы, Гредоса и Гата; здѣсь встрѣчаются даже каменные бараны, или муфлоны. Охотники стрѣляютъ здѣсь также оленя, лань, зайца и всякую дичь западной Европы. Кабанъ водится въ дубовыхъ лѣсахъ, гдѣ онъ достигаетъ удивительнаго роста и силы; но домашняя свинья, которая почти такъ же дика, какъ и его сродникъ, и пасется оборваннымъ пастухомъ, напоминающимъ древнихъ дикарей, часто оспариваетъ желуди у свободнаго еще животнаго. Въ былое время, послѣ торжества христіанъ надъ магометанами, считалось весьма похвальнымъ держать большія стада свиней. Путешественникъ, странствующій вдали отъ городовъ въ провинціяхъ Леонѣ, Вальядолидѣ и верхней Эстремадурѣ, можетъ убѣдиться, что старинное повѣрье не исчезло еще и теперь, такъ какъ на опушкахъ дубовыхъ лѣсовъ онъ встрѣтитъ часто цѣлыя орды свиней, имѣющихъ не особенно успокоительный видъ. Черныя свиньи окрестностей Трухильо и Монтанчеза знамениты во всей Испаніи превосходными окороками, доставляемыми на рынки полуострова.

Обширность пастбищъ сдѣлала пастушескій трудъ главнымъ занятіемъ населенія Кастилій и, естественно, разведеніе овецъ и крупнаго скота увеличило пространство пастбищъ въ ущербъ лѣсамъ и обработаннымъ землямъ. Нѣкоторыя мѣстности обѣихъ Кастилій удивительно удобны для воздѣлыванія хлѣбныхъ растеній, и въ среднемъ даютъ весьма обильные урожаи. Такова, въ бассейнѣ Дуэро, Тіерра де Кампосъ, въ которой текутъ Карріонъ и Пизуэрга, и которые оплодотворяются посредствомъ капиллярности подводными водами, находящимися на ничтожной глубинѣ

подъ поверхностью земли; таковы также *mesa* въ Оканѣ и другихъ округахъ верхнихъ бассейновъ Таго и Гвадіаны, которыя только кажутся сухими, а на самомъ дѣлѣ питаются скрытою влажностью. Безплодныя и каменистыя земли, обработанныя благоразумно, могутъ производить превосходный виноградъ, который, даже предоставленный заботамъ одной матери-природѣ, даетъ крестьянамъ вино прекраснаго качества. Тѣмъ болѣе можно то же сказать о маслинѣ, составляющей богатство кампо де Калатрава. Поэтому, земледѣліе, вмѣстѣ съ возстановленіемъ лѣсовъ, представляетъ для жителей Кастилій вѣрныя выгоды; но матеріальная и духовная лѣность, господство рутины, существованіе болѣе или менѣе видоизмѣненныхъ феодальныхъ обычаевъ, а иногда и производимое долгими засухами уныніе— поддерживали старинный порядокъ кочевой жизни, почему обширныя пространства превосходныхъ земель, которыя могли бы поддерживать существованіе сотень тысячъ земледѣльцевъ, служатъ не болѣе какъ простыми пастбищами; они оживляются стадами только на одинъ сезонъ, а затѣмъ до слѣдующаго года остаются угрюмыми пустынями.

Большая часть стадъ мериносовъ, составленныхъ каждое штукъ тысячъ изъ 10, раздѣляющихся на группы отъ 1000 до 1200 головъ, проходятъ для прокормленія около половины всей Испаніи. Этотъ отрядъ овецъ направляетъ отъ стоянки до стоянки *mayoral*, при которомъ состоятъ столько *rabadanes*, сколько отдѣльныхъ стадъ, и каждый *rabadan* начальствуетъ, въ свою очередь, надъ небольшою группою подчиненныхъ. Лучшіе пастухи, говорятъ, — въ округѣ Балія, въ провинціи Леонѣ, гдѣ и животныя отличаются самою тонкою шерстью. Въ началѣ апрѣля мериносы оставляютъ пастбища Андалузіи, Ла-Манчи или Эстремадуры и поднимаются на сѣверъ, идя чрезъ страну широкою полосою, по которой пыль подымается густыми тучами. Ширина дороги, которую могутъ занимать овцы при своемъ странствіи на горные выгоны, опредѣлена закономъ въ 80 метровъ, но животныя безпрестанно сбиваются то направо, то налѣво, въ особенности при ночныхъ привалахъ. Лѣто одни стада проводятъ въ горахъ Сеговіи, Авилы, Пуэрто де Баносъ, другія идутъ до плоскогорья Куэнцы, до Монкайо, Урбіона и Кантабрскихъ горъ; а затѣмъ, въ концѣ сентября, путешествіе начинается снова, и скотъ направляется вновь въ „крайнюю“ страну, т. е. Эстремадуру. Не считая неизбѣжныхъ поворотовъ дороги и безпрестанныхъ перемѣщеній на мѣстѣ пастьбы, пространство, проходимое ежегодно нѣкоторыми стадами, составляетъ больше тысячи километровъ. Цѣлая территорія, можно сказать, предоставляется опустошеніямъ барана, животнаго, которое одинъ экономистъ называетъ „свирѣпымъ“ по преимуществу. Прежде оно было

еще опаснѣе, потому что всѣ четыре или пять милліоновъ овецъ принадлежали одной могущественной корпораціи *mesta*, располагавшей съ седьмаго вѣка истинною королевскою властью. Большіе княжескіе дома и религіозныя общества, соединявшіеся для общаго пользованія пастбищами Испаніи, присвоивали себѣ въ то же время чрезвычайныя привилегіи на земли другихъ, доходившія до власти запрещать распахиваніе земли. Ихъ пастухи образовывали предъ собою пустыню. Только въ 1836 г. была отмѣнена *mesta*, и собственники *estremenos* получили право воздѣлывать свои земли или отдавать ихъ подъ пашню съ большею для себя выгодою.

Между тѣмъ, не смотря на всѣ выгоды, предоставленныя пастушеской промышленности природою и обычаями, породы животныхъ вырождались. Испанія, которая въ срединѣ восемнадцатаго вѣка доставляла остальной Европѣ прекраснѣйшихъ барановъ мериносовъ, кончила тѣмъ, что сама должна была ввозить заграничныя породы для подновленія своего овечьяго хозяйства. Точно также и лошаки, которые по силѣ и вѣрности шага почти необходимы на каменистыхъ и горныхъ дорогахъ Кастилій, происходятъ не исключительно изъ провинціи Леона и Андалузіи, а большею частію приводятся изъ Франціи, главнымъ образомъ отъ заводчиковъ Пуату, которые содержатъ въ своихъ стойлахъ чистокровнѣйшихъ производителей. Что касается введенныхъ въ Испанію иноземныхъ животныхъ, верблюда, ламы, кангуру, то число ихъ никогда не было настолько значительно, чтобы сказать, что они акклиматизировались на почвѣ полуострова. По своей какъ домашней, такъ и дикой фаунѣ, равно какъ и по культурнымъ и растущимъ на свободѣ растеніямъ, кастильскія плоскогорья сохраняютъ тотъ же характеръ однообразія, какой они имѣютъ по своему общему рельефу и геологическому виду.

Сами жители страннымъ образомъ походятъ на населяемую ими землю. Люди въ Леонѣ и Кастиліяхъ важны, кратки въ разговорѣ, величественны въ походкѣ, ровны въ расположеніи духа; даже веселясь, они всегда держатъ себя съ достоинствомъ, и тѣ изъ нихъ, кто сохраняетъ преданія доброй старины, до самыхъ малѣйшихъ движеній держатся стѣснительнаго и монотоннаго этикета. А между тѣмъ они любятъ въ свое время и повеселиться, и манчегосы, т. е. жители Ла-Манчи, приводятся въ примѣръ особенной живости танца и веселой звучности пѣсни. Кастилецъ, хоть онъ и равнодушенъ, но гордецъ изъ гордецовъ. „*Yo soy Castellano*!“ — для него замѣняетъ всякую клятву; требовать больше — значитъ оскорблять его. Слово *hombre*, которое кастильцы, а по ихъ примѣру и всѣ испанцы, употребляютъ для вопроса, не обозначаетъ ни под-

чиненія, ни превосходства, а произносится всегда съ гордымъ и достойнымъ удареніемъ, какъ то принято между людьми равными. Всѣ иностранцы, которые попадаютъ въ толпу въ Мадритѣ или въ какомъ нибудь другомъ городѣ Кастиліи въ первый разъ, удивляются той естественной непринужденности, съ которою разговариваютъ вмѣстѣ богатые и бѣдные, франты и лоскутники, безъ спѣси съ одной стороны и безъ униженія—съ другой. Въ подтвержденіе этихъ нравовъ равенства можно привести маленькій городокъ Казаръ, недалеко отъ Качереса, гдѣ недавно еще существовалъ обычай, подобнаго которому не представляетъ ни одна европейская страна. Жители его, въ числѣ около 5,000, считались всѣ совершенно равными по достоинству, по положенію и по званію, и съ величайшею заботою слѣдили, чтобы это равенство никогда не нарушалось какимъ нибудь внѣшнимъ знакомъ почестей и отличій.

Хотя кастильцы, благодаря своей упорной храбрости и занимаемому ими центральному положенію, сдѣлались хозяевами надъ остальною Испаніею, тѣмъ не менѣе, по странному противурѣчію, они не господствуютъ въ столицѣ своей собственной страны. Мадридъ, этотъ центръ притяженія всего полуострова, представляетъ кастильскій городъ только съ географической точки зрѣнія, а говорятъ въ немъ всего громче не мѣстные жители. Въ немъ встрѣчаются массами галиційцы и кантабрійцы, аррагонцы и каталонцы, жители Мурціи и Валенціи, и преимущественно андалузцы, которые замѣтны по своимъ жестамъ, одушевленію и блестящему краснорѣчію. Только ихъ и видно, и слышно, и поэтому ихъ иногда принимаютъ за истинныхъ представителей испанскаго характера и такимъ образомъ рискуютъ надѣлать въ своихъ сужденіяхъ большіе промахи. Эти люди юга во многихъ отношеніяхъ не сходятся со своими сосѣдями сѣвера. Конечно, если они и не имѣютъ всѣхъ качествъ кастильцевъ относительно силы и достоинства характера, то ихъ нельзя обвинить и въ сходствѣ съ ними по духовной тупости и апатичности!

Наводненіе Мадрида и Кастиліи провинціалами всей Испаніи происходило не только вслѣдствіе административной, политической и торговой централизаціи, а также и вслѣдствіе рѣдкости жителей на плоскогорьѣ Кастиліи. Населеніе представляетъ пробѣлы, которые только и могутъ пополнить эмигранты изъ болѣе богатыхъ людьми мѣстностей. Кастильянцы не способны сами пользоваться богатствами своей страны, а потому должны допустить къ поселенію среди себя колонистовъ. Вообще, можно сказать, что галиційцы, баски и каталонцы съ Пиреней и Балеарскимъ острововъ занимаются въ Мадридѣ матеріальнымъ дѣломъ,

между тѣмъ какъ южане заняты преимущественно умственнымъ трудомъ. Сами же кастильцы негодны ни къ тому, ни къ другому роду занятій. Ростъ населенія плоскогорій должны были останавливать уже, какъ мы видѣли, сравнительная суровость климата и скудость почвы, но къ этимъ естественнымъ причинамъ присоединяются еще и другія—историческія. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы жителямъ Кастилій не пришлось подчиниться этому экономическому и политическому порядку, которому они подчинены въ дѣйствительности, то они, конечно, лучше воспользовались бы богатыми землями, орошаемыми Дуэро, Таго и Гвадіаною. Если плотность населенія въ нѣкоторыхъ кастильскихъ провинціяхъ едва равняется 13 человѣкамъ на квадратный километръ, то въ этомъ надо винить не природу, а человѣка.

Хотя у историковъ нѣтъ никакой точной статистики относительно прошлаго Испаніи, но нѣкоторые переданные писателями документы даютъ возможность утверждать, что область кастильскихъ плоскогорій была прежде гораздо населеннѣе, чѣмъ нынѣ. Долина Таго и равнины Гвадіаны были покрыты городами, которые теперь обратились въ мѣстечки; рѣка эта была судоходна отъ моря до Толедо, потому-ли, что несла болѣе значительное количество воды, или потому, что лучше содержались ея ложе и берега. Эстремадура, которая нынѣ составляетъ одну изъ самыхъ опустошенныхъ провинцій Испаніи, и которая, по отношенію къ своему протяженію, кормитъ наименьшее количество людей и кормитъ ихъ наиболѣе скудно, во времена римлянъ была населена весьма густо: въ ней находился самый значительный на полуостровѣ городъ, колонія Августа-Эмерита. Во время господства мавровъ страна эта продолжала занимать одно изъ первыхъ мѣстъ между областями Иберіи; ея столь плодородныя равнины, которыя теперь почти безполезны для человѣка, отличались тогда изобиліемъ продуктовъ.

Никто не сомнѣвается, что одною изъ великихъ причинъ запустѣнія центральныхъ провинцій Испаніи и особенно Эстремадуры было истребленіе и изгнаніе мавровъ; но, кромѣ общихъ причинъ упадка, для всего полуострова были и причины различнаго рода, способствовавшія къ обезлюденію плоскогорій. Многочисленность замковъ (*castillos*), сообщившихъ свое имя центральнымъ провинціямъ, необезпеченность труда, захватъ земли крупными королевскими вассалами, религіозныя и военныя общины, каковы: Алькантара, Калатрава и другія, имѣли роковымъ послѣдствіемъ отвращеніе земледѣльца къ своему дѣлу и удаленіе его отъ земли; поля запустѣли, нищета стала всеобщею, города и деревни обезлюдѣли. Впослѣдствіи же, когда Кортецъ, Пизарро и другіе конквиста-

доры, уроженцы Эстремадуры, совершили свои чудовищные подвиги въ Новомъ Свѣтѣ, за ними увлеклась вся отважная молодежь страны. Воображеніе разгоралось, жителями овладѣлъ общій духъ отваги, мирный земледѣлецъ сталъ подвергаться презрѣнію, и тысячи людей, которые не могли отправиться въ Америку, шли искать счастья въ города и въ войско. Естественнымъ послѣдствіемъ этой эмиграціи было то, что обширныя пространства въ странѣ оказались обратившимися въ пастбища, которыми завладѣли крупные владѣльцы скота, и сорокъ тысячъ, никогда не женатыхъ и постоянно странствующихъ пастуховъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе отвлекались отъ полевой работы и отъ возобновленія семей. Такимъ образомъ, быть можетъ, лучшіе изъ всѣхъ испанцевъ, *Estremeños* (земледѣльцевъ) превратились, какъ ихъ называютъ, въ *los Indios de la nacion* (бродягъ).

Уменьшаясь въ числѣ, населеніе плоскогорій теряло и въ пріобрѣтенномъ имъ умственномъ развитіи; бывши въ нѣкоторыхъ промыслахъ учителемъ Европы, оно стало не въ состояніи даже и подражать ей. Наибольшій упадокъ торговли и промышленности изъ всѣхъ частей Испаніи, послѣ Эстремадуры, совершился въ королевствѣ Леонъ и Старой Кастиліи, гдѣ населеніе быстрѣе всѣхъ возвратилось къ первобытному варварству. Всѣ эти мѣстности, изъ которыхъ движеніе, естественно, должно было бы направляться къ Лиссабону, политической границею отрѣзаны отъ сообщенія съ Атлантическимъ океаномъ, куда впадаютъ рѣки. Нѣкоторые округа Новой Кастиліи, какъ напримѣръ, Толедо, конечно также пали очень низко, но самый печальный упадокъ оказался въ долинѣ Дуэро, именно тамъ, гдѣ установилось могущество христіанской Испаніи. Область, занимающая сѣверный склонъ сіерры Гвадарамы, три вѣка тому назадъ, была богатѣйшею въ мануфактурномъ отношеніи на всемъ полуостровѣ; шерстяныя издѣлія и сукно Авилы, Медины дель Кампо и Сеговіи пользовались извѣстностію во всей Европѣ, фабрики одного только послѣдняго изъ этихъ городовъ занимали 34,000 рабочихъ; Бургосъ и Аранда дель Дуэро были городами съ весьма оживленною торговлею и промышленностью; въ Мединѣ де Ріе-Секо были столь важныя по своимъ оборотамъ ярмарки, что ее называли „Маленькою Индіею“, *India Chica*. Но подъ тяготѣвшимъ надъ ними тяжелымъ давленіемъ духовныхъ трибуналовъ, казны и крупной собственности, жители верхнихъ равнинъ Дуэро должны были оставить всякую иниціативу и сдѣлались совершенно негодными бороться съ иностранною конкурренціею. Такимъ образомъ, тѣ мѣстности Испаніи, откуда не приходилось изгонять мавровъ, обѣднѣли еще гораздо больше, чѣмъ округа, наиболѣе промышлен-

пые, жители которыхъ изгонялись толпами; цѣлыя деревни исчезли и отъ большихъ и недавно богатыхъ городовъ, какъ Бургосъ, „оставалось только одно имя“, какъ говоритъ одинъ писатель семнадцатаго вѣка. За отсутствіемъ евреевъ, подбирать оставшіяся въ разоренной странѣ крохи явились каталонцы. Для объясненія общаго упадка надо прибавить еще, что мѣстной промышленности должны были наносить чрезвычайный вредъ отсутствіе сообщеній и недостатокъ въ топливѣ, тѣмъ болѣе, что жизнь стремилась все сильнѣе и сильнѣе съ одной стороны къ столицѣ, съ другой — къ торговымъ городамъ побережья, находящимся въ сношеніяхъ съ заграницею.

Обезлюженіе и матеріальный упадокъ были бы еще второстепеннымъ несчастьемъ, если бы не сопровождались прогрессивнымъ отупѣніемъ жителей. Знаменитый Саламанкскій университетъ и другія школы сдѣлались мало по малу коллегіями умственнаго растлѣнія. Еще наканунѣ французской революціи профессора „Матери наукъ“ отказывались говорить о тяготѣніи небесныхъ свѣтилъ и кровообращеніи; открытія Ньютона и Гервея считались рѣдкими, слыхавшими о нихъ, кастильскими „учеными“ — ужаснѣйшею ересью; они во всѣхъ отношеніяхъ держались системы Аристотеля, „какъ единственно согласной съ возвышенною религіей“. Испанецъ Торресъ разсказываетъ, что, проучившись въ Саламанкѣ пять лѣтъ, онъ совершенно случайно узналъ, что существуетъ ученое общество по имени математическое. Если таково было положеніе университетовъ, то что же можно сказать о глубокомъ невѣжествѣ, о жизни животныхъ галлюцинацій, въ которой должны были коснѣть жители отдаленныхъ мѣстностей, куда даже путешественники не заносили никогда отголоска дальняго міра!

Именно въ провинціи Саламанкѣ, почти въ шестидесяти километрахъ отъ этого „средоточія“ знаній, среди суровой долины Батуэкасъ, подъ скалами Пена де Франціа, живетъ еще населеніе, считающееся „дикимъ“ и которое, какъ говорятъ, очевидно ошибочно, не знаетъ даже временъ года. Недавно еще объ этомъ народцѣ разсказывали разныя легенды; такъ говорили, что они до самаго послѣдняго времени были вовсе неизвѣстны своимъ сосѣдямъ, и были открыты ими нечаянно двумя бѣжавшими любовниками. Документы утверждаютъ положительно, что съ конца одиннадцатаго вѣка батуэки были данниками одной сосѣдней церкви, а впослѣдствіи принадлежали монастырю, построенному на той же долинѣ, а между тѣмъ, если вѣрить разсказамъ путешественниковъ, жители долины не знали даже, какого они вѣроисповѣданія. Далѣе къ югу, округъ де ласъ Гурдъ, на восточномъ склонѣ сіерры де-Гаты, почти такъ-

же недоступный, какъ и округъ батуэковъ, населенъ точно также крестьянами, обратившимися въ состояніе какого-то одичанія.

Впрочемъ, во всѣхъ гористыхъ и удаленныхъ отъ большихъ дорогъ мѣстностяхъ Кастилій сохраняется населеніе, если не варварское, то, во всякомъ случаѣ, живущее далеко внѣ того, что называется новою цивилизаціею. Для примѣра можно привести *charros* въ Саламанкѣ и особенно знаменитыхъ *maragatos* въ Асторгскихъ горахъ; это — большею частію погонщики муловъ, извощики, вожаки скота, чрезъ руки которыхъ идетъ значительная часть испанской торговли. Они брачатся только между собою, и вѣроятно не безъ основанія считаются потомками какого-то древняго иберійскаго народца; между тѣмъ, по какой-то странной игрѣ словъ, изъ нихъ хотѣли сдѣлать „мавро-готовъ“, т. е. визиготовъ, которые слились съ маврами и усвоили ихъ нравы. Они ничѣмъ не напоминаютъ мусульманъ. Ихъ старинное одѣяніе вовсе не мавританское. Мавроготы носятъ широкіе оттопыренные штаны, какіе-то суконные штиблеты, подвязанные выше колѣнъ, короткую и узкую куртку, кожаный поясъ, оттопыренную фрезу вокругъ шеи и войлочную шляпу съ широкими полями. Они бываютъ обыкновенно крупны и здоровы, но сухи и угловаты. Они молчаливы, вовсе не смѣются и не поютъ дорогою, погоняя своихъ вьючныхъ животныхъ. Они трудно приходятъ въ гнѣвъ, но коль скоро раздражатся, то становятся свирѣпы. Честность ихъ абсолютна: имъ можно безъ опасенія повѣрить самыя драгоцѣнныя вещи — и они доставятъ ихъ вамъ съ одного конца Испаніи на другой, и будутъ защищать ихъ отъ всякаго нападенія, потому что они храбры и владѣютъ оружіемъ съ замѣчательною ловкостью. Мужчины странствуютъ по большимъ дорогамъ, женщины обработываютъ землю, но почва суха и камениста и даетъ жалкіе урожаи.

Не смотря на большую оригинальность Кастилій и ихъ населеніе, въ нихъ замѣчается, какъ и во всей остальной Испаніи, одно явленіе, совершающееся хотя весьма медленно, но непрерывно: это уравненіе людей и вещей. Подъ вліяніемъ исторической среды, кастильцы сѣвера и юга, земель гористыхъ и ровныхъ, становятся все болѣе и болѣе похожими на другихъ испанцевъ, точно такъ же, какъ послѣдніе приближаются къ остальнымъ европейцамъ. Богатства страны, извѣстныя лучше иностранцамъ, чѣмъ мѣстнымъ жителямъ, извлекаются серьезнѣе, промышленность возрождается, но въ другихъ мѣстахъ и въ новой формѣ, смотря по мѣстамъ сбыта, представляемымъ желѣзными дорогами, по измѣняющимся потребностямъ человѣка и по изобрѣтаемымъ имъ способамъ производства. Поэтому и населеніе распредѣляется сообразно новымъ зако-

АНДАЛУЗСКІЕ ТИПЫ. КРЕСТЬЯНЕ ОКРЕСТНОСТЕЙ КОРДОВЫ.

намъ ихъ группировки, причемъ центрами притяженія служатъ уже не тѣ города, что были прежде.

Благодаря историческимъ превратностямъ и въ особенности непрерывному состоянію войны, въ которомъ жила Испанія, со временъ мавровъ многіе города Кастилій имѣли временную честь носить титулъ столицы. Поочередность остановокъ въ движеніяхъ побѣдъ или пораженій, а иногда капризъ короля, раздѣлъ его владѣній между нѣсколькими сыновьями: — вотъ причины, доставлявшія многимъ провинціальнымъ городамъ Леона и Кастилій временное первенство и дававшія имъ мѣсто въ исторіи крупныхъ событій Испаніи.

Древняя Нуманція, вся слава которой заключается въ ея развалинахъ, уже не существуетъ; неизвѣстно даже, представляютъ-ли собою развалины, находящіяся въ нѣсколькихъ километрахъ отъ скучнаго города Соріа, бывшаго лена Дюгесклена, остатки тѣхъ самыхъ стѣнъ, которыя были разрушены Сципіономъ Эмиліаномъ. Но не мало есть весьма древнихъ городовъ, сохранившихъ нѣкоторое значеніе до настоящаго времени. Таковъ, напримѣръ, Леонъ, столица одного изъ бывшихъ испанскихъ королевствъ, главная квартира одного римскаго легіона *(septima gemina)*, испорченное названіе *(Legio)* котораго послужило поводомъ къ помѣщенію въ гербѣ города львовъ. Это первый значительный городъ, отвоеванный христіанами у мавровъ; его стѣна, въ которой нѣкоторые ряды камней состоятъ частію изъ крапленаго мрамора, на-половину разрушена, а соборъ его, который былъ еще недавно однимъ изъ лучшихъ на всемъ полуостровѣ, превращенъ въ кубъ довольно массивныхъ размѣровъ. Асторга, „великолѣпный городъ“, Астурика Августа римскихъ временъ, находится въ большемъ упадкѣ, чѣмъ Леонъ, между тѣмъ какъ другой его соперникъ, Палланція, новая Паленція, обязанъ своимъ нѣкоторымъ благосостояніемъ счастливому положенію при узлѣ плодородныхъ долинъ и нѣсколькихъ торговыхъ дорогъ. Главный памятникъ его, какъ въ Асторгѣ и Леонѣ, — пышный средневѣковой соборъ; но самый городъ обновляется, благодаря выгодамъ, доставляемымъ ему развѣтвленіемъ желѣзныхъ дорогъ во всѣхъ направленіяхъ. Паленція и сосѣдняя станція, Вента де Баньосъ, находятся какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ главная линія Мадридской дороги отдѣляетъ вѣтви въ Галицію и Астурію, Сантандеръ, Бильбао, Ирэнъ и во Францію. Здѣсь же сливаются различныя рѣки, которыя образуютъ Писуэргу и своими весьма обильными водами двигаютъ машины многихъ шерстяныхъ фабрикъ.

Бургосъ, сохранившій нѣкоторое преобладаніе, какъ бывшая столица Старой Кастиліи, находится въ большомъ упадкѣ по сравненію съ прош-

лымъ блескомъ; въ немъ нѣтъ и пятой части прежняго населенія; его улицы и площади почти пусты, и та толпа, которая въ извѣстные часы тѣснится передъ церквами и отелями или на станціи желѣзной дороги, состоитъ большею частію изъ нищихъ. Но Бургосъ все-таки гордый городъ: онъ съ гордостью показываетъ свою площадь „Plaza Mayor“, бывшую свидѣтелемъ столькихъ аутодафэ, свою башню и въ особенности соборъ, готическій памятникъ тринадцатаго вѣка, который имѣетъ немного соперниковъ въ Европѣ по скульптурной отдѣлкѣ и по легкости шпицевъ и колоколенокъ. Въ этой, расчеканенной, какъ игрушка, церкви, масса мощей; особенно знаменитъ Христосъ, одѣтый частію человѣческою кожею, обагренной кровью; здѣсь можно видѣть также знаменитый ларецъ, который Сидъ подарилъ евреямъ, наполнивъ его пескомъ и „золотомъ слова“. Бургосъ, благородный изъ благородныхъ, хвалится тѣмъ, что онъ обладаетъ прахомъ Сида Кампеадора, который, по легендѣ, родился неподалеку отсюда, въ деревнѣ Биваръ. Историческіе монастыри его окрестностей, Картуха де Мирафлоресъ, Санъ Пердо де Кардена, ласъ Гуэльгасъ, представляютъ собою зданія, которыя хотя и потеряли большую часть своихъ сокровищъ искусства, но остаются весьма интересными по своимъ архитектурнымъ деталямъ.

Вальядолидъ, бывшій временно столицею всей Испаніи, расположенъ гораздо лучше Бургоса. Находясь ниже послѣдняго на 180 метровъ, онъ пользуется лучшимъ климатомъ и стоитъ въ той самой равнинѣ, гдѣ оканчивается верхнее теченіе Дуэро соединеніемъ ея съ своими восточными рѣками бассейна, Сегою, Адахою, Писуэргою съ Арланцономъ, Карріономъ и Эсгуэвою. Вальядолидъ, древній Беладъ-Уалидъ, хотя также оживленъ до нѣкоторой степени, но, во всякомъ случаѣ, меньше чѣмъ въ тѣ времена, когда онъ былъ населенъ арабами; въ немъ много фабрикъ, устроенныхъ каталонцами, и есть даже университетъ. Впрочемъ, „благородный“ Вальядолидъ имѣетъ, какъ и Бургосъ, интересные памятники и историческія воспоминанія. Въ немъ показываютъ домъ, въ которомъ умеръ Колонъ; домъ, въ которомъ жилъ Сервантесъ; богатый фасадъ монастыря Санъ-Пабло, гдѣ жилъ монахъ Торквемада, который, говорятъ, произнесъ болѣе ста тысячъ обвинительныхъ приговоровъ и погубилъ огнемъ и желѣзомъ восемь тысячъ еретиковъ. Въ окрестностяхъ Вальядолида, неподалеку отъ сліянія Дуэро съ Писуэргою, возвышается замокъ Симанкасъ, въ которомъ существуетъ драгоцѣнное хранилище испанскихъ архивовъ.

Продолжая спускаться по теченію Дуэро, вы встрѣчаете Торо, а затѣмъ Замору, называвшуюся прежде „хорошо огражденною“, благо-

даря стѣнамъ, о которыя долго разбивалась вся сила мавровъ. Замора, весьма знаменитая пѣснями *romancero* о ея прошедшей славѣ и промышленнымъ значеніемъ въ новой Испаніи, теперь представляетъ нѣчто въ родѣ глухаго закоулка, и хотя ей и предназначено стоять когда нибудь на великой линіи, которая будетъ соединять городъ Порто съ западною Европою, но съ португальскою границею она соединяется только плохими дорогами для ѣзды на мулахъ; дороги эти извиваются по бокамъ горныхъ выступовъ и по каменистымъ ущельямъ потоковъ. Знаменитая Саламанка, расположенная такъ хорошо на Тормесѣ, противъ переднихъ выступовъ сіерра де Гата, обладаетъ не лучшими путями сообщенія съ Португаліею: природа съ этой стороны противуставляетъ людскимъ сношеніямъ еще всю суровость своего первобытнаго рельефа. Теперь этотъ городъ соединенъ желѣзной дорогою съ гаванью Монбего.

Саламанка, древняя Сальмантика римлянъ, какъ мѣстопребываніе университета, наслѣдовала Паленціи; романъ „Жиль-Блазъ“ прославилъ ее. Въ эпоху Возрожденія она была не только „матерью всѣхъ добродѣтелей, наукъ и искусствъ“, но и „маленькимъ кастильскимъ Римомъ“, и, можно сказать, она заслуживаетъ еще этого послѣдняго прозванія по своему великолѣпному мосту изъ семнадцати арокъ, воздвигнутому Траяномъ, и по прекраснымъ зданіямъ пятнадцатаго и шестнадцатаго вѣковъ, которыя отличаются рѣдкимъ изяществомъ и относительною сохранностью, такъ мало извѣстною въ другихъ городахъ Испаніи. Что касается умственнаго превосходства, то Саламанка не имѣетъ уже права претендовать на него съ тѣхъ поръ, какъ она, привязавшись упрямо къ преданіямъ прошедшаго, отстала отъ всѣхъ своихъ университетскихъ соперниковъ остальной Европы. Удивительно, что въ этой странѣ кастильцевъ, гдѣ нѣкогда господствовали мавры, сохранилось такъ мало арабскихъ названій деревень и городовъ; причина этому та, что побѣдители христіане съ остервенѣніемъ жгли и разрушали убѣжища невѣрныхъ; все было уничтожено, не исключая и памяти прошлаго, и старыя названія были замѣнены новыми.

Къ востоку отъ Саламанки, богатое мѣстечко Аревало и нѣкогда знаменитый городъ Медина дель Кампо, сожженный баронами во время войны съ общинами, важны какъ земледѣльческіе рынки для сбыта хлѣбовъ, производимыхъ плодородными окрестными полями; впрочемъ, Медина пріобрѣтаетъ исключительную важность какъ узелъ схожденія пяти желѣзныхъ дорогъ; относительно путей сообщенія городъ этотъ также хорошо обставленъ, какъ и Мадридъ. Южнѣе, среди горъ, выдвигающихся къ сѣверу отъ сіерры де Гредосъ, на берегу стремительной Адахи, на

*

уединенномъ холмѣ, окруженномъ гранитными выступами, стоитъ городъ Авила, который гораздо любопытнѣе всѣхъ городовъ хлѣбной равнины, отличающихся сбитыми изъ глины домами скучнаго вида. Авила и теперь еще представляетъ ни сколько неизмѣнившееся укрѣпленное мѣсто пятнадцатаго вѣка. Стѣны стариннаго города удивительно сохранились; съ нѣкоторыхъ мѣстъ кажется, что эта громадная стѣна съ круглыми гранитными башнями и девятью воротами построена очень недавно. Соборъ представляетъ также настоящую крѣпость и, кромѣ того, чудо архитектуры; онъ весь полонъ вещами самой тончайшей работы. Эти произведенія искусства составляютъ странный контрастъ съ скульптурными изображеніями животныхъ, высѣченными изъ гранита грубыми мастерами, принадлежавшими вѣроятно къ древнимъ первобытнымъ племенамъ. Этихъ изваяній существуетъ много въ окрестностяхъ Авилы, гдѣ называютъ ихъ „быками Гвизандо“, т. е. по имени одной деревни въ сіеррѣ де Гредосъ, въ которой они встрѣчаются часто. Вѣрные какому-то преданію своихъ предковъ, кастильянцы приходили сюда принимать присягу на вѣрность своимъ королямъ.

Сеговія съ „осторожными людьми“ имѣетъ нѣкоторое сходство съ Авилою. Какъ и послѣдняя, она расположена въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ горами, близъ одного притока Дуэро Построенная нѣкогда Геркулесомъ, какъ говоритъ легенда, она всегда имѣетъ видъ неприступной крѣпости. Опоясанная стѣнами съ башнями, она высится на крутомъ утесѣ, который, по словамъ мѣстныхъ жителей, имѣетъ форму корабля, корма котораго обращена къ востоку, а носъ—къ западу. Спереди корабля, надъ сліяніемъ Кламореса съ Эрезмою, возвышаются остатки мавританскаго Альказара съ большою четыреугольною башнею, усаженною башенками; соборъ же, расположенный въ центрѣ города, изображаетъ мачту. Для продолженія этого морскаго сравненія, можно было бы сказать, что великолѣпный римскій водопроводъ съ двойнымъ рядомъ арокъ, несущій въ Сеговію чистую воду съ сіерра Гвадарамы, представляетъ мостъ, перекинутый съ берега къ кораблю. Это лучшій памятникъ своего рода, какой только завоеватели Иберіи оставили послѣ себя на полуостровѣ. Другія посѣщаемыя около Сеговіи сооруженія на первыхъ лѣсистыхъ склонахъ сіерры принадлежатъ по вкусу къ низшей эпохѣ: это королевскіе дворцы Санъ Ильдефонсо, или Гранха, одинъ изъ мадридскихъ Версалей; постройки здѣсь не красивы, но тѣнь прекрасна и вода течетъ и бьетъ изъ земли въ изобиліи.

Къ югу отъ поперечной стѣны, образуемый сіеррами Гвадарамы, Гредосъ и Гаты, самый знаменитый въ исторіи городъ—Толедо, древній

Толетумъ, *Ciudad Imperial*, „мать городовъ“, которую знаменитѣйшій изъ ея сыновъ Хаунъ де-Падилья называлъ „вѣнцомъ Испаніи и свѣтомъ міра“. Онъ построенъ еще задолго до того времени, говоритъ легенда, когда Геркулесъ проходилъ здѣсь, идя основывать Сеговію, и потомъ королями у него была цѣлая династія героевъ и полубоговъ. Онъ построенъ, разумѣется, какъ Римъ, на семи холмахъ, которые узнаются, болѣе или менѣе сбивчиво, въ буграхъ подъ покрывающими ихъ памятниками. Но, независимо отъ приписываемыхъ ему національными историками фиктивныхъ достоинствъ, Толедо отличается дѣйствительною красотою, которую придаютъ ему его положеніе на красноватомъ выступѣ, у подножія котораго протекаетъ Таго, его ворота, башни и зданія какъ мусульманской эпохи, такъ и христіанскихъ вѣковъ, содержимыя въ плачевномъ видѣ. Его соборъ, дворецъ примаса Испаніи и монастырь Санъ-Хуанъ де-лосъ Рейесъ ослѣпляютъ своимъ богатствомъ, которое такъ рѣзко противорѣчитъ съ бѣдностью окружающихъ домовъ. Городъ, который во времена мавровъ вмѣщалъ до 200,000 жителей, теперь въ большомъ упадкѣ; въ ту эпоху его школы были „разсадникомъ знанія“ и его мастерскія давали лучшія издѣлія промышленности. Неизвѣстно, что сталось съ фабрикаціею оружія съ тѣхъ поръ, какъ мастерскія вольныхъ мастеровъ занялись правительственнымъ заводомъ, а клинки стали носить казенное клеймо. Многія окрестныя, прежде весьма многолюдныя, мѣстечки представляютъ теперь только развалины. Исчезли даже остатки древняго дворца визиготскихъ королей, и только случайно, въ 1858 г., открытъ былъ въ Фуэнтэ Гварразанѣ, подъ неровными бороздами поля, погребъ, въ которомъ висѣли девять королевскихъ коронъ любопытной работы; онѣ перевезены въ Парижъ. Въ Толедо говорятъ на лучшемъ кастильскомъ нарѣчіи.

Ниже Толедо, по теченію Таго, съ которымъ соединяется Альберчъ, находится Талаверо де-ла-Рейна, соединяющаяся съ лѣвымъ берегомъ рѣки посредствомъ моста въ 400 метровъ; городъ сохранилъ нѣкоторые остатки своей шелковой и фаянсовой промышленности. Далѣе къ низу, Пуэнте дель Арзобиспо и другіе прибрежные города по Таго представляютъ лишь незначительныя мѣстечки. Трехсотлѣтній мостъ Альмаразъ, который перекинутъ черезъ рѣку двумя арками на высотѣ, производящей головокруженіе, далекъ отъ всякаго людnаго города. Знаменитый мостъ Альконетаръ, чрезъ который шла когда-то римская дорога изъ Эмериты въ Сальмантику и который, говорятъ, былъ построенъ на тридцати аркахъ бѣлаго мрамора, уже не существуетъ: — отъ него остались только слабые слѣды. Алькантара, что значитъ по-арабски собственно „мостъ“, который перекинутъ черезъ Таго недалеко отъ португальской границы,

представляетъ образцовое произведеніе среди римскихъ построекъ въ Испаніи; имя архитектора, построившаго мостъ, какъ говоритъ надпись, „съ божескимъ искусствомъ“, было испанское—Лацеръ. Мостъ былъ оконченъ въ 105 г., въ царствованіе Траяна и реставрированъ въ 1543 г.; въ послѣднее полустолѣтіе онъ представлялъ изъ себя не болѣе, какъ развалины; недавно онъ снова возстановленъ. Съ высоты его шести арокъ, надъ которыми въ самой срединѣ возвышается тріумфальная арка, видны на большой глубинѣ быстронесущіяся воды Таго, который, смотря по времени года, то возвышается, то опускается въ своемъ каменномъ коридорѣ отъ двадцати до тридцати метровъ, средній уровень воды—на 50 метровъ ниже моста.

Не смотря на длину теченія и относительную многоводность, испанскимъ Таго пользуются такъ мало для орошенія и судоходства, что всѣ значительные города Эстремадуры расположены вдали отъ его береговъ. Плаценція возвышается своими старинными башнями километрахъ въ тридцати къ сѣверу отъ рѣки, на покрытомъ садами холмѣ, съ котораго открывается широкій видъ, съ одной стороны, на высокія, часто покрытыя снѣгомъ, горы, съ другой—на прекрасныя бугристыя зеленѣющія равнины. Касересъ, отличающійся здоровымъ воздухомъ,—почти на такомъ же разстояніи отъ рѣки. То же самое надо сказать и о полуразрушенномъ городѣ Трухильо, въ который завоеватели Перу отправляли громадныя сокровища, и который теперь долженъ обогащаться только стадами свиней и мелкаго скота. Въ той части Эстремадуры, которая орошается Гвадіаною, города Бадахозъ, Мерида, Меделлинъ и Донъ Бенито—пользуются нѣкоторымъ значеніемъ, благодаря своему болѣе счастливому положенію, ибо они стоятъ на берегу этой рѣки.

Бадахозъ находится въ нѣсколькихъ километрахъ отъ маленькаго ручья, отдѣляющаго Испанію отъ Португаліи. Въ виду лузитанской крѣпости Эльвасъ, онъ охраняетъ испанскую границу, и его соборъ, который долженъ быть убѣжищемъ на случай осады, представляетъ въ то же время и крѣпость, и не боится бомбъ. Но военное значеніе Бадахоза уменьшилось съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ служить главнымъ торговымъ посредникомъ между двумя націями, а единственная, пересѣкающая границу, желѣзная дорога сдѣлала его торговымъ складочнымъ мѣстомъ между Лиссабономъ и Мадридомъ. Мерида расположена на той же желѣзной дорогѣ, но она значительно утратила свое бывшее благосостояніе и теперь представляетъ просто развалину въ сравненіи съ прежнимъ. Изъ всѣхъ городовъ Испаніи Мерида сохранила наиболѣе памятниковъ римской эпохи, какъ-то: тріумфальную арку, водопроводъ, отъ

котораго остаются высокіе гранитные и кирпичные столбы, амфитеатръ съ семью рядами ступеней, навмахію, мощеныя дороги, бани и наконецъ удивительный мостъ въ 800 метровъ длины, на двадцати четырехъ гранитныхъ аркахъ. Бадахозскій мостъ, пользующійся также достойною знаменитостью, имѣетъ не болѣе полу-километра; онъ относится къ концу седьмаго вѣка.

Хотя Мерида гораздо извѣстнѣе по своимъ памятникамъ прошедшаго, но далеко не такъ богата и многолюдна, какъ другой городъ Эстремадуры, расположенный вверхъ по теченію Гвадіаны, при выходѣ изъ обширной равнины Серены: это Донъ Бенито, почти совсѣмъ незнакомый ни легендѣ, ни исторіи. Онъ основанъ въ шестнадцатомъ вѣкѣ бѣглецами, изъ которыхъ одни покидали свои деревни для спасенія отъ наводненія рѣки, а другіе—отъ жестокостей господствовавшаго въ Меделлинѣ графа. Какъ и сосѣдка его Вильянуева, Донъ Бенито пользуется большими выгодами, доставляемыми ему плодородіемъ окружающихъ земель; его фрукты и особенно арбузы цѣнятся весьма высоко. Равнины, простирающіяся по другую сторону Гвадіаны и поднимающіяся къ сіеррѣ де Монтанчецъ и Гваделупѣ, богаты фосфорнокислою солью извести, составляющей настоящее сокровище для удобренія истощенныхъ полей. Нѣкоторое количество этихъ солей вывозилось уже въ Англію и во Францію, но громадные запасы ея для будущихъ землевладѣльцевъ, можно сказать, едва только початы.

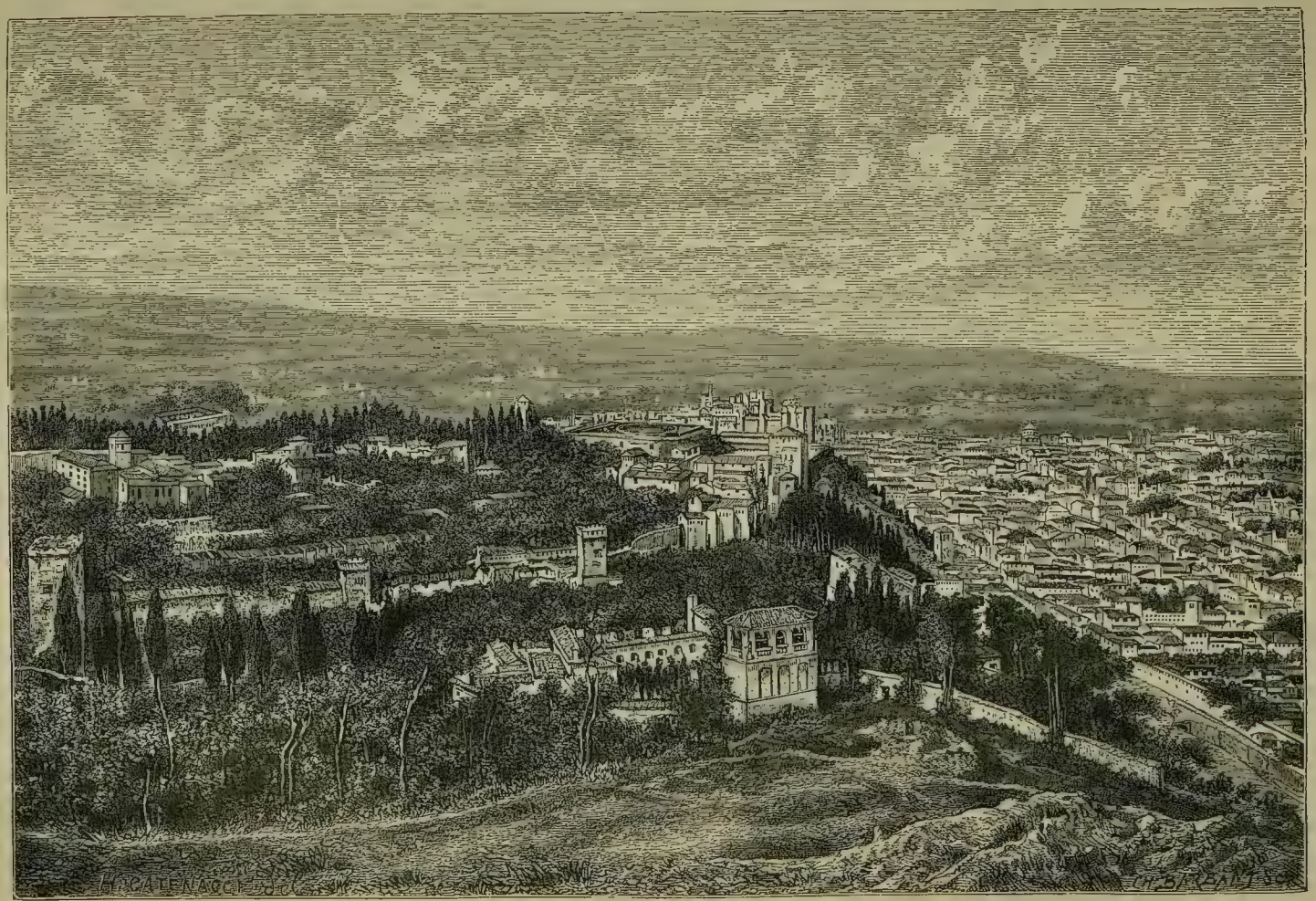
Города Ла-Манчи, въ верхнемъ бассейнѣ Гвадіаны, не богаче Донъ Бенито историческими памятниками, а обладаютъ только рѣдкими средневѣковыми постройками. Ціудадъ-Реаль, отличавшаяся прежде значительною промышленностью; Альмагро—обогащенный производствомъ кружевъ; Дайміель, около котораго находится главный замокъ ордена Калатравы; Манцанарецъ, гдѣ раздвояются желѣзныя дороги Андалузіи и Эстремадуры; Валь де-Пеньясъ при каменистыхъ холмахъ, всѣ получаютъ главное значеніе отъ своихъ складочныхъ мѣстъ, въ которыхъ складываются мѣстные хлѣба и вина. Валь де-Пеньясъ далъ названіе большинству сортовъ столовыхъ винъ, употребляемыхъ въ Испаніи. Альмаденъ по-арабски рудникъ, расположенный въ одной изъ длинныхъ долинъ силурійскихъ скалъ, идущихъ къ сѣверу отъ сіерра Морены, замѣчателенъ киноварными рудами, которыми пользовались еще римляне для приготовленія краски и которыя въ теченіи трехъ вѣковъ доставляли Новому Свѣту всю ртуть, необходимую для обработки золотыхъ и серебряныхъ рудниковъ; еще и нынѣ добывается ртути ежегодно среднимъ числомъ отъ 1000 до 1,200 тоннъ. Рабочіе занимаются по двадцати дней въ мѣсяцъ,

а въ остальное время обработываютъ свои поля. Съ 1564 по 1875 г. въ рудникахъ Альмадена добыто болѣе 620 милліоновъ килограммовъ металла, представляющихъ стоимость въ полтора милліона франковъ. Горное училище, основанное въ Альмаденѣ въ 1777 г., въ 1836 г. было переведено въ Мадридъ.

Странно, хотя и не исключительно въ исторіи то обстоятельство, что Ла-Манча знаменита больше по роману, чѣмъ по дѣйствительнымъ событіямъ. Гордые рыцари Калатравы, замки которыхъ еще возвышаются тамъ и сямъ, забыты, но вы всегда вспомните рыцаря „Печальнаго Образа“, созданнаго геніемъ Сервантеса. Тобозо, поля Монтіеля, Аргамазилья де-Альба, вѣтряныя мельницы, махающія своими огромными крыльями надъ сжатыми нивами, воскрешаютъ въ мысли безсмертный типъ человѣка, который поддается обману и котораго преслѣдуетъ насмѣшливая судьба и сарказмы тѣхъ, кому онъ посвятилъ себя.

Восточная Кастилія, при ея слишкомъ суровомъ климатѣ и слишкомъ неровной и изрытой рвами землѣ, не въ состояніи прокармливать болѣе густое населеніе, чѣмъ Ла-Манча и Эстремадура. Поэтому сколько-нибудь значительныя скученія людей въ ней такъ многочисленны и даже самая ея столица, Куэнца, представляетъ не болѣе, какъ третьеразрядный провинціальный городъ; она, какъ и Толедо, имѣетъ только воспоминанія о бывшей промышленности и пользуется живописнымъ положеніемъ на изрѣзанной площадкѣ скалы надъ глубокими тѣснинами, въ которыхъ текутъ Гуэкаръ и Хукаръ. Другаго мѣстечка, заслуживающаго названія города, вы не найдете до верхняго бассейна Таго. Тамъ на берегахъ Генареса, слѣдуетъ, одинъ за другимъ, два древніе города: Гвадалахара—съ римскимъ дѣйствующимъ водопроводомъ и Алькала—родина Сервантеса, университетскій городъ, въ которомъ число студентовъ доходило до 10,000. Если-бы королевская фантазія избрала резиденціею вмѣсто Мадрида одинъ изъ этихъ городовъ, то они достигли бы такого же благосостоянія, какъ и нынѣшняя столица Испаніи, такъ какъ они пользуются не менѣе счастливымъ географическимъ положеніемъ относительно всего полуострова.

При первомъ взглядѣ казалось бы, что Мадридъ принадлежитъ къ числу такихъ столицъ, которыя обязаны своимъ существованіемъ преимущественно капризу, и которые, если-бы онѣ не служили мѣстопребываніемъ двора, всегда оставались бы маленькими городами, не имѣющими большаго значенія. Не имѣя рѣки, такъ какъ Мансанаресъ—простой ручей, наполняющійся внезапно водою зимою и весною, не пользуясь ни благопріятнымъ климатомъ, ни благопріятною почвою, Мадридъ пред-



ВИДЪ АЛГАМБРЫ И ГРЕНАДЫ.

ставлялъ конечно меньше выгодъ, чѣмъ старинный римскій и визиготскій городъ Толедо; но коль скоро разъ уже онъ избранъ столицею, онъ не могъ не пріобрѣсти постепенно преобладанія даже съ торговой и промышленной точки зрѣнія.

Дѣйствительно, благодаря своему центральному положенію, Мадридъ пользуется естественнымъ превосходствомъ предъ всѣми другими городами Испаніи, расположенными внѣ верхняго бассейна Таго. По преданію, математическая средина полуострова приходилась въ незначительномъ разстояніи къ югу отъ Мадрида, въ маленькомъ мѣстечкѣ Пинто, названіе котораго производится, говорятъ, отъ латинскаго *punctum*, т. е. центральная точка по преимуществу. Точныя тріангуляціонныя исчисленія покажутъ намъ, насколько испанцы ошиблись въ своемъ приблизительномъ измѣреніи, но уже при простомъ взглядѣ на карту, видно, что ошибка не должна быть значительна: центра всей фигуры Иберіи надо искать въ главной равнинѣ къ сѣверу отъ сіерры Гвадарамы. Всякій разъ, какъ различныя провинціи Испаніи пытались сгруппироваться въ одно политическое тѣло, или когда онѣ должны были подчиниться централизаціонной власти, отношенія должны были связываться именно въ этой области и отсюда должно было исходить вліяніе правительства. Здѣсь же долженъ былъ совершиться матеріальный фактъ перекрещиванія столь важныхъ въ исторіи націи большихъ дорогъ.

Въ римскую эпоху великимъ перекресткомъ дорогъ, главнымъ военнымъ пунктомъ Испаніи и общею сокровищницею, куда скоплялись продукты рудниковъ до отправленія ихъ въ Италію, сдѣлался Толедо, положеніе котораго не такъ центрально, какъ положеніе Мадрида. Но въ то время Испанія была только колоніею и притяженіе императорскаго Рима имѣло послѣдствіемъ перемѣщеніе центра политической и торговой жизни къ берегамъ Средиземнаго моря. Съ окончательнымъ отдѣленіемъ отъ Рима, Испанія, которая уже свободно могла искать своей естественной средины, нашла ее въ городѣ Толедо: тамъ собирались соборы, тамъ установилась направляющая власть церкви; тамъ же поселились вестготскіе короли. Двѣсти лѣтъ Толедо былъ религіозною и политическою столицею королевства, и когда эта „цитадель Испаніи“ пала предъ властью мавровъ, вскорѣ сдалась и вся остальная страна вплоть до Пиренейскихъ и Астурійскихъ горъ.

Раздѣлъ полуострова между двумя непрерывно воевавшими расами и религіями быстро измѣнилъ историческое значеніе верхней долины Таго: изъ центральной области она сдѣлалась пограничною полосою, спорною „мархісю“ между войсками; столицы должны были перемѣ-

щаться превратностью сраженій. Но какъ только мавры были изгнаны изъ Кордовы, Испанія, какъ и во времена вестготовъ, послѣдовала опять къ естественному центру тягогѣнія—на югъ отъ сіерры Гвадарамы. Сперва монархи колебались между Толедо и его сосѣдомъ, маленькимъ городкомъ Мадридомъ, гдѣ кортесы уже нѣсколько разъ собирались въ свои засѣданія и гдѣ уже живали короли Кастиліи. Толедо имѣлъ большія преимущества; онъ былъ богатъ дворцами и великолѣпными остатками прошедшаго, стоялъ на берегу, въ мѣстѣ, укрѣпленномъ и искусствомъ, и природою; онъ обладалъ, кромѣ того, тѣмъ обаяніемъ, которое придавали ему его бывшее могущество и званіе примасскаго города Испаніи; но онъ принималъ участіе въ возстаніи общинъ противъ Карла Пятаго, а Мадридъ былъ мѣстомъ военныхъ операцій противъ возмутившихся согражданъ. Вотъ что рѣшило вѣроятно взаимную судьбу обоихъ городовъ. Король, придворные и чиновники нашли единодушно, что пребываніе въ Мадридѣ пріятнѣе, тѣмъ болѣе что этотъ открытый городъ давалъ дѣйствительную возможность распространяться въ равнинѣ. Въ 1561 году, Филиппъ II окончательно порѣшилъ съ упраздненіемъ двухъ бывшихъ столицъ: Вальядолида и Толедо; послѣдній сохранилъ только часть королевскаго достоинства—какъ мѣстопребываніе Инквизиціоннаго Суда. Напрасно Филиппъ III старался возвратить Вальядолиду значеніе столицы:—естественное центральное притяженіе снова привлекло дворъ въ Мадридъ. Съ того времени, заведеніе школъ, музеевъ, большихъ общественныхъ учрежденій, фабрики, заводы всякаго рода и въ особенности стеченіе обыкновенныхъ и желѣзныхъ дорогъ доставили растущему городу такую преобладающую роль, что, при нынѣшнихъ условіяхъ, ея не можетъ отнять у него никакая сила. Преимущество, доставляемое Мадриду легкостью его слишкомъ медленно установлявшихся сношеній съ оконечностями полуострова, вознаградило наконецъ всѣ неудобства почвы и климата. И въ умственномъ отношеніи Мадридъ долженъ былъ занять первое мѣсто, которое даетъ ему употребленіе благороднаго кастильскаго языка, сдѣлавшагося общедоступнымъ. Правда, въ Толедо говорятъ на прекрасномъ языкѣ Сервантеса и Эспронцеды, „который кажется всегда идущимъ изъ рупора“. Но на практикѣ Мадридъ видоизмѣняетъ, смягчаетъ и обновляетъ языкъ; онъ пользуется журналами и газетами для низведенія остальныхъ діалектовъ полуострова въ состояніе провинціальныхъ говоровъ и для наложенія на всѣ умы своей кастильской печати. Пуэрта дель Соль, обширная, расположенная полукругомъ площадь Мадрида, къ которой сходятся десять главныхъ улицъ города, была мѣстомъ, гдѣ слагалось общественное мнѣ-

ніе испанцевъ, происходили выборы министровъ, гдѣ пріобрѣталась слава и извѣстность.

Если Мадридъ опередилъ давно всѣ другіе города полуострова въ своей политической дѣятельности, равно какъ въ промышленномъ трудѣ и торговомъ движеніи, то онъ далеко остается ниже Толедо, Сеговіи и Саламанки по красотѣ памятниковъ Съ тѣхъ поръ, какъ онъ началъ разростаться, ему приходилось переживать періоды безвкусія и художественнаго безразличія, во время которыхъ строители считали единственною заслугою постройку огромныхъ зданій, бросающихся въ глаза своею тяжелою величественностью; таковъ, напр., Палеройяль, возвышающійся надъ садами Манзанареса, съ своимъ длиннымъ фасадомъ, съ своими террасами и перекрещивающимися лѣстницами. Тѣмъ не менѣе, нѣкоторыя повѣйшія постройки города отличаются дѣйствительной красотою. Но за то Мадритъ обладаетъ неоцѣненными сокровищами искусствъ. Его музей картинъ—одинъ изъ самыхъ богатѣйшихъ во всемъ мірѣ:—это собраніе великихъ произведеній. Въ немъ считаются дюжинами удивительныя картины съ именами Веласкеца, Мурильо, Рибейры, Цурбарана, Тиціана, Веронеза, Рафаэля, Дюрера, Ванъ-Дика, Рубенса. "L' Armeria" со своимъ богатымъ собраніемъ оружія всѣхъ эпохъ, флаговъ и знаменъ, свидѣтельствующихъ о бывшихъ знаменитыхъ сраженіяхъ, можетъ какъ перворазрядный музей оружія, соперничать съ арсеналомъ Турина. Родина Лопе де ля Вега (домъ, въ которомъ онъ жилъ, можно видѣть еще и теперь), Кальдерона и Барка, Мадридъ есть по преимуществу городъ наукъ и высшихъ школъ; въ немъ—національная библіотека, содержащая до 440,000 томовъ, академіи, многочисленныя ученыя общества; въ его университетѣ обучается до семи тысячъ молодыхъ людей. Будучи городомъ роскоши и мѣстопребываніемъ многочисленныхъ сановниковъ и государственныхъ лицъ, Мадридъ не имѣетъ своей спеціальной промышленности, но какъ большой городъ, онъ, тѣмъ не менѣе, послужилъ мѣстомъ для развитія значительнаго труда. Удивительное зрѣлище представляютъ берега Манзанареса во время мелководія, когда воды въ немъ еле достаточно для мытья бѣлья: это набережная полувысохшаго потока на протяженіи одного километра отъ одного конца города до другаго.

Населеніе главныхъ городовъ Кастильскихъ плоскогорій:

Мадридъ. (1884 г.)	391,830	человѣкъ.
Старая Кастилія:		
Вальядолидъ. (1884 г.)	51,510	„
Бургосъ „	28,840	„

Саламанка	(1884 г.)	17,740 человѣкъ.
Паленція	(1877 г)	14,500 „
Замора.	„	13,650 „
Леонъ	„	11,500 „
Сеговія.	„	11,300 „
Авила.	„	9,200 „
Новая Кастилія:		
Толедо.	(1884 г.). . .	20,410 „
Валь де Пеньясъ	(1877 г.) . .	13,875 „
Ціудадъ-Реаль	„ . . .	13,600 „
Алькаля де Генаресъ	„ . . .	12,320 „
Талавера де ла Рейна.	„ . . .	10,050 „
Дайміэль.	„ . . .	9,650 „
Мансанаресъ.	„ . . .	8,850 „
Альмагро.	„ . . .	8,650 „
Гвадалахара.	„ . . .	8,600 „
Куэнца.	„ . . .	8,200 „
Альмаденъ.	„ . . .	7,150 „
Эстремадура:		
Бадахозъ.	(1884 г.).	22,390 „
Кацересъ.	(1877 г.).	14,800 „
Донъ Бенито	„	14,700 „
Волланувэва де ля Серена	(1877 г.).	10,700 „
Трухильо.	(1877 г.).	9,450 „
Мерида.	„	7,400 „
Плаценція.	„	7,100 „

„Салонъ Прадо“, который нѣкогда ограничивалъ городъ съ восточной стороны, нынѣ представляетъ только площадь, и новые кварталы города разрослись къ сѣверо-востоку до самаго начала Энсанче; тѣмъ не менѣе, городъ имѣетъ прекрасныя мѣста прогулокъ: къ востоку паркъ Буэнъ-Ретиро и къ западу, по другую сторону Манзанареса, „каза дель Кампо“.

Непосредственно за мѣстами мадридскихъ прогулокъ начинаются безплодныя и слабо населенныя пространства: „городъ окруженъ огнемъ“, говоритъ одна пословица, намекающая на разбросанный по окрестнымъ полямъ кремневый булыжникъ. Пространства эти кажутся весьма унылыми путешественникамъ, которые не посѣтятъ Аранхуэца съ его удивительными садами, гдѣ лѣниво течетъ Таго, его амфитеатра дикихъ скалъ, съ громаднымъ зданіемъ Эскоріала построеннаго Филиппомъ II и пред-

ставляющаго изъ себя вмѣстѣ церковь, монастырь, библіотеку, дворецъ и гробницу королей, съ такимъ большимъ количествомъ реликвій, что ими можно было-бы наполнить цѣлое кладбище, и наконецъ дачныхъ дворцовъ, въ лѣсистыхъ долинахъ сіерры Гвадарамы и ея предгорій. Эти тѣнистыя мѣста, доставляющія Мадриду чистую воду своихъ водопроводовъ и фонтановъ, противопоставляютъ еще шумному городу свободную и дикую природу. Недавно еще тамъ была даже одна такая мѣстность, жители которой считали себя независимыми отъ Кастилій. Одинъ изъ небольшихъ боковыхъ бассейновъ долины Торрелагуны больше тысячи лѣтъ обладалъ если не силою, то по крайней мѣрѣ титуломъ королевства. Во время нашествія мавровъ, въ эти удобныя для защиты горы забралось довольно значительное число жителей равнины Харамы, которые жили тамъ такимъ образомъ, что о нихъ вовсе забыли. Они называли сами себя Патонами. Избранный ими предводитель, или король, достоинство котораго было наслѣдственно въ мужскомъ родѣ, по изгнаніи мавровъ, призналъ верховность королей Кастиліи, но сохранялъ свой титулъ, который и признавался, вѣроятно благодаря той забавной роли, которую игралъ бѣдный королекъ при королевскомъ тронѣ. Послѣднему изъ этихъ королей, жившему еще въ половинѣ восемнадцатаго вѣка и занимавшемуся ремесломъ посильщика дровъ, титулъ этотъ наконецъ надоѣлъ, и онъ вручилъ свой жезлъ королевскому офицеру. Съ тѣхъ поръ Патоны состоятъ въ вѣдомствѣ Уседы.

III.

АНДАЛУЗІЯ.

Не считая небольшихъ неправильностей очертанія, Андалузія, древняя Бетика, въ цѣломъ представляетъ совершенно отдѣльную отъ остальной Испаніи естественную область и, по своему рельефу и климату, имѣетъ совершенно спеціальный характеръ. Рѣзко отличаясь отъ кастильскихъ плоскогорій и крутыхъ склоновъ Средиземнаго моря и при-атлантическихъ провинцій, она образуетъ большую, равномѣрно наклоненную между двумя горными склонами и широко открытую къ морю долину Бассейнъ Эбро, на другомъ концѣ полуострова, представляетъ повтореніе бассейна Гвадалквивира, но повтореніе весьма несовершенное, вслѣдствіе горъ, отчасти заграждающихъ входъ въ долину. Рѣка Андалузіи, отъ Велезскихъ горъ и до песчаныхъ береговъ Кадикскаго залива, течетъ параллельно Средиземному морю съ совершенною правильностью, а горные

хребты, по обѣ ея стороны, отступаютъ отъ дна долины на одинаковое разстояніе. Внѣ же этого большаго рѣчнаго бассейна приходится лишь незначительная часть андалузскихъ провинцій, воды которыхъ изливаются или въ Гвадіану, или въ лиманъ Гуэльвы, или прямо въ Средиземное море.

Бассейнъ Гвадалквивира занимаетъ 55,892 кв. кил. по Стрельбикому.
Андалузскія провинціи . . . . 87,867 » » »
Населеніе въ 1883 году . . 3.363,220 чел. По 38 ч. на кв. килом.

Горы на португальской границѣ, составляющія часть маріанской системы, т. е. системы сіерры Морены, хотя и не высоки, но весьма безпорядочны и представляютъ настоящій лабиринтъ, изрытый потоками. Съ гранитными скалами въ нихъ перепутываются громадныя вулканическія массы порфира и серпентиннаго мрамора, образуя неправильныя группы, въ которыхъ воды находятъ себѣ проходъ къ Гвадіанѣ, Гвадалквивиру, Одіелю и Ріо-Тинто, только описывая длинные извороты. Изъ горъ этой мѣстности всего болѣе подходятъ къ формѣ отдѣльныхъ горныхъ цѣпей: сіерра де Арацена—къ сѣверу отъ области рудниковъ Ріо-Тинто, сіерра де Арочъ, возвышающаяся среди настоящей пустыни на границахъ Португаліи, и сіерра де Тудія, воды которой текутъ къ югу, къ Севильѣ.

Къ востоку отъ послѣдней горной группы орографическая система, въ которой перепутываются различнымъ образомъ притоки Гвадалквивира и Гвадіаны, понижается, переходя въ длинные бугры и вовсе не представляя горнаго вида, хотя существованіе ихъ подземнаго продолженія указываютъ нѣкоторыя небольшія второстепенныя цѣпи, идущія большею частію въ направленіи съ запада къ востоку, каковы: сіерра де лосъ Сантосъ и горы, въ которыхъ возвышается вершина Пелайо, около Бельмеза и его небольшаго каменноугольнаго бассейна. Въ цѣломъ вся эта часть водораздѣла Гвадіаны и Гвадалквивира образуетъ нѣчто въ родѣ плоскогорья, оканчивающагося съ южной стороны лѣстницею ступеней, которыя съ равнины и особенно изъ окрестностей Кордовы кажутся настоящими горами; но съ сѣверной стороны идутъ почти такія же ровныя и однообразныя пространства, какъ верхняя Манча, между Альбацетою и Манзанаресомъ. Таковы Лосъ Педрочесъ, представляющія настоящую равнину, если не по высотѣ, то по крайней мѣрѣ по общему виду земли.

Непосредственно къ востоку отъ этого мало-бугристаго плоскогорья начинается собственно сіерра Морена (Черная гора), названная такъ по темной зелени покрывающихъ ея склоны сосенъ; въ этомъ мѣстѣ она носитъ также мѣстное названіе сіерры Мадроны; съ сѣверо-западной стороны она примыкаетъ къ Альмаденскимъ горамъ. Прерываясь мно-

гочисленными брешами, чрезъ которыя текутъ воды южнаго склона Ла-Манчи. цѣпь эта, которую можно считать просто краемъ Кастильскаго плоскогорья, представляетъ весьма неодинаковую высоту; но на восточномъ концѣ ея, именно тамъ, гдѣ она, подъ именемъ сіерры Алькаразъ, пускаетъ отъ себя послѣдніе отроги, замирающіе въ равнинахъ Альбацеты, возвышается высшая вершина всей цѣпи Пунта Альменара. Второстепенная цѣпь Лома де Чиклана, понижающаяся съ юга къ Гвадалквивиру, раздѣляетъ другъ отъ друга два верхніе притока этой рѣки.

Отъ береговъ Гвадіаны до Альбацетскаго плоскогорья, сіерра представляетъ ту замѣчательную черту, что вовсе не составляетъ водораздѣла между двумя смежными бассейнами. Сланцевыя массы цѣпи, пронизанныя мѣстами вулканическими породами, не могли противустоять дѣйствію воды, и боковые притоки и рѣки Гвадалквивира протекаютъ именно чрезъ ось сіерры Морены. Воды, рождающіяся на сѣверномъ склонѣ сіерры Арацены, по примѣру самой Гвадіаны, открывающей себѣ проходъ сквозь продолженіе сіерры Морены, прорываются сквозь тѣснину и спускаются въ поля Андалузіи. Далѣе къ востоку, то же самое дѣлаютъ Віаръ, Бембезаръ и Гвадіато, а еще болѣе Пуэртоллано и Френедасъ, берущіе начало въ горахъ Калатравы, соединяются вмѣстѣ и, до впаденія своего въ Гвадалквивиръ выше Андухара, подъ именемъ Хандулы, пересѣкаютъ четыре горныя цѣпи, а затѣмъ сіерру Мадрону и другіе второстепенные хребты. Тѣ же самыя явленія представляютъ Румбларъ, Маганья, Гуаризасъ, Гвадаленъ и Гвадалимаръ. А такъ какъ подобныя же геологическія явленія произошли и во многихъ другихъ мѣстахъ, то оказывается, что раздѣльная линія между расходящимися въ разныя стороны водами вовсе не совпадаетъ съ линіею соединенія горныхъ вершинъ, а водораздѣлъ идетъ по Ла-Манчскому плоскогорью, параллельно хребту сіерра Морена и на среднемъ разстояніи отъ него—20 километровъ къ сѣверу.

Понятно, что при такомъ расположеніи склона, явленія протачиванія горъ водою должны были создать въ горахъ поразительно эффектныя ущелья. Самое знаменитое изъ нихъ—ущелье Деспеньяперосъ, или „кладбище собакъ“, чрезъ которое идутъ большая и желѣзная дороги изъ Ла-Манчи въ Андалузію, проходящія по ряду мостовъ, перекинутыхъ съ одной береговой скалы на другую. Грозное ущелье, со дна котораго слышится гулъ потока, кажется тѣмъ прекраснѣе, что оно ведетъ изъ унылаго и голаго плоскогорья въ богатую равнину. Случается, что путешественники, проѣхавъ всю Европу, находятъ ущелье Деспеньяперосъ самымъ плѣнительнымъ мѣстомъ, какое имъ удавалось видѣть. Составляя

переходъ между долиною Гвадалквивира и центромъ Испаніи, оно не могло не получить и первостепеннаго военнаго значенія. Во время всѣхъ опустошавшихъ страну междоусобныхъ и иноземныхъ войнъ, было главнымъ дѣломъ—обезпечить себѣ свободный проходъ чрезъ ущелье Деспеньяперосъ. Въ 1212 г., при подошвѣ этого прохода происходила ужасная битва при Навасъ де Толоза, въ которой, по хроникѣ, избито 200,000 мусульманъ.

Высоты горъ и проходовъ сіерры Морены, по Коэльо, суть слѣдующія:

Сіерра де Арацена	1,676 метр.
Виллягарція (дорога изъ Бадахоза въ Кордову)	569 „
Сіерра де лосъ Сантосъ	760 „
Сіерра де Кордоба	466 „
Поцо-Бланко (Педрочесъ)	503 „
Деспеньяперосъ (перевалъ)	745 „
Пунта Альменара	1,800 „

Восточная часть стѣны андалузскаго бассейна состоитъ также изъ горъ, перерѣзанныхъ водами на отдѣльныя группы. Первую группу, ограниченную съ сѣвера впадиною, по которой текутъ съ одной стороны притокъ Гвадалквивира Гвадалимаръ, съ другой — притокъ Сегуры Мундо составляетъ короткая цѣпь Каларесъ. Немного юго-западнѣе идетъ вторая группа, метровъ на полтораста выше первой, надъ которою господствуетъ Эльмо де Сегура съ расходящимися къ западу отрогами, которые переходятъ въ цѣпь холмовъ, весьма искривившихся между верхними рѣками андалузской равнины: Гвадалимаромъ, собственно Гвадалквивиромъ и Гвадіаною Меноръ. Наконецъ, еще болѣе высокая третья горная группа, сіерра Сагра, служитъ предѣломъ юговосточной части бассейна. По своимъ горнымъ породамъ и географическому положенію, эта группа напоминаетъ Муэлу де Санъ-Хуанъ, возвышающуюся между бассейномъ Таго и склономъ Средиземнаго моря; видомъ она похожа на Пюи-де-Домъ. Она образуетъ одинъ изъ важнѣйшихъ водораздѣловъ и окружена плоскогорьями, въ которыхъ рѣки вырыли ущелья отъ 300 до 350 метровъ глубиною, дикая красота которыхъ такъ рѣзко отличается отъ монотонности окружающихъ верхнихъ земель.

Высоты восточныхъ горныхъ группъ бассейна Гвадалквивира суть:

Каларъ дель Мундо	1,657 метровъ.
Эльмо де Сегура	1,806 „
Сіера Сагра	2,398 „

КРЕСТЬЯНЕ МУРЦІИ.

Хребты, возвышающіеся къ югу отъ этого угловаго плоскогорья Испаніи, строго выдерживаютъ одно и то же направленіе отъ востока къ западу и начинаютъ служить границею южной части Бетійскаго бассейна. Сіерры де Маріа и де лосъ Эстанціасъ, а также сіерра де лосъ Филабресъ, знаменитая своими горами бѣлаго мрамора, слѣдуютъ другъ за другомъ съ сѣвера къ югу параллельными валами, обойденными съ запада притоками Гвадалквивира. Съ востока онѣ рѣзко отдѣляются другъ отъ друга рѣками, впадающими въ Средиземное море; но съ запада двѣ самыя южныя цѣпи сближаются и сливаются въ одну группу, сіерра де База, которая, посредствомъ невысокаго перешейка съ обрывистыми склонами, соединяется съ высокою горною цитаделью сіерра Невады, составляющею высочайшую точку на полуостровѣ.

Эта громадная масса, состоящая большею частію изъ сланцевъ, сквозь которые проходятъ серпентиновыя и порфирныя скалы, кажется тѣмъ выше, что стоитъ на небольшомъ основаніи; съ востока къ западу, отъ Монте Негро до Церро Кабалло, она имѣетъ только 90 километровъ длины, а ширина ея отъ сѣвера къ югу, отъ одной равнины до другой, не достигаетъ и 40 километровъ. Горы, какъ будто вскинутыя однимъ взмахомъ, представляютъ со всѣхъ сторонъ трудныя для доступа крутизны, и вездѣ можно видѣть правильно смѣняющіеся по склонамъ поясы растительности до области постоянныхъ снѣговъ, въ которую входятъ три вершины: Мулагаценъ, Пикачо дела Велета и Альказаба. За первыми подгорьями, одѣтыми виноградомъ и маслинами, слѣдуютъ отлогости, покрытыя мѣстами орѣховыми деревьями и каштанами, затѣмъ различными породами дубовъ, подъ которыми виднѣется блѣдная зелень луговъ, покрытыхъ въ теченіе полугода снѣгомъ. Кучи снѣга, въ хорошо защищенныхъ рытвинахъ, въ особенности на сѣверномъ склонѣ, образуютъ естественные ледяные погреба, которые нанимаютъ жители Гренады и посылаютъ туда *neveros* для запаса снѣгу на лѣто; снѣга эти называются *ventisqueros*, вслѣдствіе вихрей, или *ventisca*, которые часто крутятъ цѣлыя кучи снѣжныхъ иглъ. Одна изъ такихъ кучъ, напоминающая циркъ, или *corral* Велеты, между двумя вершинами Мулагаценъ и Пикачо обратилась въ настоящій ледникъ отъ 60 до 100 метровъ толщины и вся окаймлена моренами. Это ледяное поле, дающее начало главному источнику Гениля, есть самое южное въ Европѣ и быть можетъ единственное во всей полуостровной Испаніи къ югу отъ пиренейской цѣпи; нѣкоторыя мелкія озера, разбросанныя тамъ и сямъ на высотѣ 3,000 метровъ, свидѣтельствуютъ о существовавшихъ и исчезнувшихъ въ неизвѣстное время древнихъ ледникахъ. Благодаря тающимъ снѣгамъ сіерра Невады, поля

долинъ и окружающихъ равнинъ отличаются необыкновеннымъ богатствомъ растительности. Ихъ журчащимъ ручьямъ обязана воспѣтая всѣми поэтами Вега де Гренада своею роскошною зеленью, блескомъ цвѣтовъ и превосходными фруктами. Вслѣдствіе того же обилія водъ еще лучшая долина Лекринъ, при основаніи южныхъ склоновъ Пикачо и Велеты, носитъ названіе „Долины веселья“ и „Рая Альпухарры“.

Всякое названіе, всякая легенда въ этихъ горахъ напоминаютъ о пребываніи мавровъ. Главная вершина, Мулагаценъ, носитъ имя одного изъ ихъ князей (Мулей Гасанъ); на вершинѣ Пекачо дела Велета они зажигали сигнальные огни, извѣщавшіе мусульманское населеніе Андалузіи о приближеніи христіанъ; Альпухарра, или Гора Пастбищъ, представляетъ совокупность южныхъ отроговъ горъ, гдѣ они пасли своихъ овецъ. Галиційскіе и астурійскіе переселенцы, получившіе завоеванныя у мавровъ земли, по изгнаніи или истребленіи ихъ въ кровавую войну, продолжавшуюся до конца шестнадцатаго вѣка, остаются съ тѣхъ поръ большею частью въ состояніи настоящаго варварства. Они ничѣмъ не выше обращенныхъ мавровъ, которые получили за деньги право оставаться въ столицѣ Альпухарры—Ухихарѣ. Ни тѣ, ни другіе не пользовались богатствами этихъ прекрасныхъ горъ, окруженныхъ поясомъ *despoblados*, а ограничивались только опустошеніемъ лѣсовъ. Правда, сіера Невада во многихъ отношеніяхъ не можетъ сравниться ни съ Альпами, ни даже съ Пиренеями, потому что она хотя и выше послѣднихъ, но, по ограниченности занимаемаго ею пространства, не можетъ представлять того разнообразія скалъ, климатовъ и пейзажей. Но она отличается красотою своихъ низменныхъ долинъ и дикимъ видомъ врѣзавшихся во всю толщину скалъ ущелій Альпухарры, которыя представляютъ особенно дивное зрѣлище, если на нихъ смотрѣть съ горныхъ вершинъ.

Чудная картина открывается передъ глазами путешественниковъ, когда они взибираются по западнымъ странамъ сіерры по дорогѣ въ Альпухарру; за взгромоздившимся же на дикую скалу Альгендиномъ открывается то самое мѣсто, куда, по словамъ легенды, вернулся изгнанникъ Абу-Абдала, или Баобдилъ, чтобы взглянуть послѣдній разъ и оплакать прекрасныя поля Веги, башни и дворцы Гренады, всю эту чудную картину городовъ, нивъ и горъ, которая была его безвозвратно утраченнымъ королевствомъ: таково происхожденіе названія „Послѣдній Вздохъ мавра“ (*Ultimo Suspiro del Moro*) или „Берегъ Слезъ“ (*Cuesta de las Lagrimas*), которое дано испанцами Альгендинскому проходу. Но сколько еще болѣе грандіозныхъ и широкихъ зрѣлищъ открывается съ высоты горныхъ вершинъ! Съ Пикачо де ла Велеты видъ можетъ быть такъ же прекрасенъ,

какъ съ вершины Этны. Подъ ногами у васъ весь югъ Испаніи, съ ея роскошно орошенными долинами, дикими скалами, затянутыми туманною далью красноватыми пустынями, черною стѣною горъ Эстремадуры и сіерра Морены, окаймляющихъ центральное плоскогорье. Съ юга, выступаютъ, какъ изъ бездны, другія горы, но взглядъ стремится къ зеленѣющей каймѣ прибрежья, къ великому морю и къ туманнымъ горамъ Берберіи, къ островку Альборану и высокому маррокскому мысу Тресъ Форкасъ, которые, какъ остатки перешейка, какъ будто связаны съ материкомъ Европы. Иногда, при южномъ вѣтрѣ, ясно слышится шумъ бушующихъ волнъ. Мулагаценъ представляетъ одну изъ тѣхъ горныхъ вершинъ Испаніи, которыя были соединены съ горами Алжира при помощи свѣтовыхъ фонарей, съ цѣлью измѣренія меридіана.

Всѣ горы, составляющія свиту гренадскаго колосса, имѣютъ болѣе умѣренную высоту и покрыты мѣстами блуждающими каменьями, принесенными ледниками сіерра Невады. Къ сѣверу, между долиною Гениля, Гвадіаны Меноръ и Гвадалквивира, они высятся въ безпорядкѣ на рвистомъ плоскогорьѣ, причемъ одни изъ нихъ похожи на скалистые острова, какъ Хабалконъ де База, другіе расположены цѣпями, направляющимися большею частію съ востока на западъ и съ сѣверо-востока къ юго-востоку, параллельно берегу Средиземнаго моря и оси долины Гвадалквивира; таковы, на равнинахъ Хаэна сіерра Хабалкуцъ и сіерра Мажина, а южнѣе цѣпь Альта-Колома, пересѣкаемая Хаэно-Гренадскою дорогою въ ущельѣ Пуэрто де Аренасъ, которое по своимъ угрюмымъ скаламъ, по грудамъ обвалившихся каменныхъ глыбъ, по почти отвѣснымъ крутизнамъ, ужаснымъ пропастямъ, походитъ на Деспеньяперосъ. Наконецъ надъ самою Гренадою тянутся верхи сіерра Сузаны, составляющей западное продолженіе Парапанды, барометра земледѣльцевъ Веги.

Почти всѣ горы этой области разсѣчены потоками на отдѣльныя группы и носятъ имена расположенныхъ на нихъ городовъ или деревень: какъ группы человѣческихъ жилищъ, такъ и сосѣднія вершины, называются одними и тѣми же именами.

Къ югу отъ сіерра Невады и сіерра-де-лосъ Филабресъ, которую можно разсматривать какъ восточное продолженіе большой гренадской группы, горы представляютъ то же отрывочное расположеніе. Юговосточный уголъ полуострова занятъ совершенно отдѣльною горною группою, сіерра де-Гата, съ потухшими вулканами, изъ которыхъ одинъ, Морронъ де лосъ Геновезесъ, имѣетъ истинно-величественный видъ. Мысъ де-Гата, обозначающій входъ въ находящійся къ западу отъ него заливъ Средиземнаго моря, состоитъ изъ базальта, между тѣмъ какъ во многихъ дру-

гихъ мѣстахъ побережья встрѣчаются трахиты и слои пуццолана, обсидіана и пемзы. Между этими остывшими лавами и Филабрскими горами, отъ залива Веры къ заливу Альмеріи, тянется небольшая цѣпь Альгамилья съ различными невысокими отрогами; спускающіеся съ нея ручьи съ песчаными берегами такъ богаты кристаллами гранатъ, что онѣ употребляются охотниками вмѣсто крупной дроби. Прерываясь рѣкою, горы снова начинаются на западѣ и, надъ самымъ берегомъ Средиземнаго моря, образуютъ величественную сланцевую сіерру де-Гадоръ, которая, въ свою очередь, также пересѣчена потокомъ, текущимъ съ Альпухарры. Такимъ образомъ, горныя группы тянутся съ разрывами вдоль берега до Тарифы, образуя полукруглый, то простой, то сложный валъ съ глубокими брешами, который продолжается и въ Африкѣ прибрежными цѣпями.

Та часть этого вала, которая отдѣляетъ Средиземное море отъ склона Альпухарры, извѣстна подъ именемъ Контравіезы и сіерры де-Лухаръ и представляетъ со стороны моря такіе крутые склоны, что овцы могутъ взбираться по нимъ только подъ предводительствомъ указывающаго имъ путь барана. То же самое надо сказать и о сіеррѣ де-Альмихара, начинающейся по другую сторону узкой долины Гвадалфео и соединяющейся съ сіеррою де-Алхама, которая также называется сіеррою Техедой. За проходомъ д'Альфарнатъ, или де-лосъ-Алазоресъ, гора эта представляетъ простой край нѣкогда озернаго плоскогорья, которое съ сѣвера ограничивается бугроватою выпуклостью, называемою сіерра де-Эгуасъ. Южный край плоскогорья, въ томъ мѣстѣ, гдѣ чрезъ него проходитъ дорога изъ Малаги въ Антекверу, извѣстенъ подъ названіемъ Торкала. Это одно изъ самыхъ любопытныхъ мѣстъ полуострова. Мѣловыя скалы съ краснова-тымъ оттѣнкомъ вслѣдствіе содержанія значительнаго процента окиси желѣза, разбросаны въ самомъ страшномъ безпорядкѣ и нѣкоторыя изъ нихъ, надвигаясь другъ на друга или помѣщаясь на вершинѣ крутыхъ пирамидъ, представляютъ удивительные примѣры равновѣсія; но по своему профилю онѣ кажутся фантастическимъ городомъ, съ постройками всевозможныхъ стилей, съ неровными и извилистыми улицами, въ которыхъ какія-то чудовищныя окаменѣвшія животныя. Гора эта, на вершинѣ которой находятъ много котловинъ, носящихъ еще слѣды древнихъ озеръ, доставляетъ прекрасный строительный камень, который употребляютъ для построекъ въ Антекверѣ. Не подалеку отъ Торкала археологи нашли нѣсколько долменовъ и чрезвычайно интересныхъ построекъ, возведенныхъ доисторическими жителями Иберіи.

Къ западу отъ долины Малаги, орошаемой рѣкою Гвадалхорсомъ, снова начинаются суровыя горы. Цѣпи сходятся другъ съ другомъ и въ

сіерра де-Толоксъ, или де-ласъ Ніевесъ достигаютъ высоты около 2,000 метровъ, при чемъ пары Средиземнаго моря отлагаются на нихъ въ видѣ снѣговъ, сохраняющихся во всю зиму. Группа де-Толоксъ представляетъ горный узелъ, отъ котораго расходятся во всѣхъ направленіяхъ горныя цѣпи, которыя обращаютъ южную оконечность Испаніи какъ бы въ модель всего полуострова. Сіерра Бермеха, идущая къ юго-западу, продолжаетъ тѣсниться къ морю и окаймлять его крутыми мысами; къ западу, дикая «серранія» де-Ронда соединяется съ группою Санъ Кристобаль, которая сама опирается, въ свою очередь, на многочисленные отроги и различныя развѣтвленія; извиваясь между маленькими рѣчными бассейнами, горы оканчиваются наконецъ южными мысами Иберіи: Санъ Рокомъ, Трафальгаромъ и Тарифою. Что касается до Гибралтарской скалы, вздымающейся такъ гордо надъ внутреннею дверью Средиземнаго моря, то съ геологической точки зрѣнія она представляетъ настоящій островокъ; ея крутые известковые скаты, опирающіеся на рифы силурійскаго сланца, высятся среди воды и только двойная прибрежная отмель, нанесенная волнами, соединяетъ гордый мысъ съ материкомъ.

Высоты горъ и проходовъ между Гвадалквивиромъ и моремъ, по Фр. Коэлло, суть:

	Сіерра де-Маріа.	2,039	метровъ.
	Тетика де-Бакаресъ (Филабресъ) . . .	1,915	»
Сіера Невада.	Мулагаценъ	3,554	»
	Пикачо де ла Велета	3,470	»
	Альказаба.	2,314	»
	Суспиро дель Моро.	1,000	»
	Хабалконъ де-База	1,498	»
	Сіерра де-Гадоръ.	2,323	»
	Контравіеза	1,895	»
	Сіерра Техеда (Альхама)	2,134	»
	Проходъ д'Альфарантъ	830	»
	Торкалъ	1,286	»
	Сіерра Бермеха.	1,450	»
	Серранія де-Ронда..	1,550	»
	Сіерра де-Санъ Кристобаль.	1,715	»
	Пеньонъ де Гибралтаръ.	429	»

Эти гористыя мѣстности Андалузіи часто подвергались землетрясеніямъ. За послѣднее столѣтіе, насчитываютъ десять большихъ землетрясеній, изъ которыхъ самое сильное было 25 декабря 1884 г. Болѣе 12,000

домовъ было совершенно разрушено и около 6,000 болѣе или менѣе попорчено; больше всего несчастій обрушилось на деревню Аренасъ дель Рей, гдѣ, на 1,500 жителей, было вытащено изъ-подъ развалинъ 135 труповъ и 253 раненыхъ. Центральная точка землетрясенія находилась близъ соединенія сіерра Техеды съ сіерра Альмехарою, и волны распространялись вдоль горъ главнымъ образомъ къ югу въ сторону Гибралтара, слѣдуя направленію большихъ прожилокъ между геологическими слоями. Однако сама почва не сильно пострадала отъ землетрясенія: только мѣста съ рыхлымъ грунтомъ дали кое-гдѣ трещины, и замѣчено было небольшое измѣненіе температуры источниковъ.

Различныя горныя группы, занимающія пространство между бассейнами Гвадалквивира и моремъ, разорваны и искажены водами, какъ и сіерра Морена, такъ что черта высокихъ вершинъ вовсе не совпадаетъ съ линіею водораздѣла. Рѣка Алмерія, простой потокъ, въ которомъ лѣтомъ иногда вовсе не бываетъ воды, принимаетъ въ себя временные притоки съ обоихъ склоновъ сіерры Невады; Адра прорываетъ себѣ путь сквозь горную цѣпь, отъ которой остаются только два отрѣзка, сіерра де-Гадоръ и Контравезіа, Гвадалфео такимъ же образомъ отдѣлилъ Контравезію отъ Альмехары; Гвадалхорсъ, различные притоки котораго начинаются на плоскогорьѣ Антекверы, перерѣзываетъ гору узкимъ ущельемъ Гайтанъ или де-лосъ Гайтанесъ, составляющимъ одно изъ самыхъ дикихъ и грандіозныхъ ущелій на полуостровѣ, гдѣ поѣзды желѣзной дороги проходятъ одинъ за другимъ семнадцать туннелей и внезапно являются среди апельсиновыхъ рощей Алоры; наконецъ Гвадіаро беретъ свое начало также на сѣверномъ склонѣ прибрежныхъ горныхъ хребтовъ. Крутость покатостей, внезапность прибыли и убыли воды даютъ всѣмъ рѣкамъ, текущимъ по средиземному склону Андалузіи характеръ бурныхъ потоковъ. Рѣки съ правильнымъ теченіемъ встрѣчаются только на сторонѣ, обращенной къ Атлантическому океану, и изъ нихъ одна, а именно: Гвадалквивиръ, имѣетъ важное значеніе, какъ по огромному количеству воды, заключающейся въ немъ, такъ и по удобству, которое онъ представляетъ для судоходства.

Рѣка Бетики, выходящая изъ сіерра Сагра, отличается, какъ мы видѣли, отъ рѣкъ, берущихъ начало съ нагорныхъ равнинъ Кастиліи, своею обширною долиною. Между тѣмъ какъ Дуэро, Таго и Гвадіана разстилаются сначала по горнымъ террасамъ и затѣмъ сбѣгаютъ въ долины по узкимъ расщелинамъ, проложеннымъ ими въ скалахъ плато, Гвадалквивиръ, гораздо дальше ихъ ушедшій въ своей геологической исторіи, уже расчистилъ направо и налѣво, по своему теченію, стѣсняв-

шія его препятствія и низвелъ свою долину среднимъ числомъ на 400 метровъ ниже соотвѣтствующихъ областей рѣчныхъ бассейновъ обѣихъ Кастилій. Паденіе его постепенно развивается, начиная отъ истока до морскаго лимана, и въ своемъ общемъ очертаніи представляетъ правильную параболу. Русло рѣки имѣетъ вообще весьма незначительную покатость; воды, вслѣдствіе медленнаго ихъ теченія, скопляются, распространяясь въ ширину и разбрасываясь направо и налѣво длинными, широкими излучинами; отсюда имя Уэдъ-эль-Кэбиръ, „Большой рѣки", которое арабы дали древнему Бетису.

Чтобы достичь этой правильности теченія, аналогичной съ теченіемъ рѣкъ Франціи и Германіи, Гвадалквивиръ и его притоки должны были выполнить трудную и упорную работу разъѣданія горныхъ массъ. Всѣ маленькіе ручейки, берущіе начало съ плато Ла Манчи, проложили себѣ дорогу сквозь сіерру Морену; всѣ озера, помѣщавшіяся на высокихъ горныхъ равнинахъ, между различными перекрещивающимися или параллельными между собою каменными громадами, совершенно осушились, вылившись узкими проходами, проложенными ими въ скалахъ: осталось лишь небольшое число лужъ безъ стока. Всѣ притоки, сбѣгающіе съ горъ,—Гвадалимаръ, болѣе длинный, хотя и не столь обильный водою, какъ Гвадалквивиръ, Гвадаленъ, Гвадіана Меноръ, болѣе обильный водою, чѣмъ ниже впадающій притокъ того же названія,—всѣ они прорвали, такимъ образомъ, плотины верхнихъ водоемовъ; но кто выполнилъ самую значительную работу,—такъ это Гениль Грепады, главный данникъ рѣки. Прорѣзываемая имъ плодоносная равнина, которая прославилась подъ именемъ Веги, была частію залита водами озера, которому преграждала выходъ горная стѣна, по сосѣдству съ Лоха. Это препятствіе было преодолѣно и кончилось тѣмъ, что, послѣ многихъ прорѣзовъ въ горахъ, воды сіерры Невады соединились съ водами, насыщающими сіерру Сагру и сіерру Морену.

Остатки, приносимые съ горъ, непрестанно подмывающимъ ихъ теченіемъ, мало-по-малу наполнили Атлантическій лиманъ, куда выливались воды. Немного повыше Севильи, тамъ, гдѣ перекинутъ черезъ рѣку, достигающую не менѣе 200 метровъ ширины, послѣдній мостъ, приливъ начинаетъ задерживать теченіе рѣки; еще ниже онъ ее заставляетъ мѣняться и въ томъ, и въ другомъ направленіи. Гвадалквивиръ, извивающійся между холмами находящимися какъ на правомъ, такъ и на лѣвомъ берегу, раздѣляется на два рукава, изъ которыхъ одинъ былъ вырытъ искусственно, для сокращенія плаванія; потомъ, соединивъ свои воды въ одномъ каналѣ, онъ развѣтвляется еще разъ и

образуетъ два большихъ, болотистыхъ острова. Безъ сомнѣнія, морской лиманъ доходилъ въ новѣйшую эпоху до этого мѣста долины, отодвинутаго въ настоящее время на 50 километровъ дальше. Вдоль обоихъ береговъ, но главнымъ образомъ—съ южной стороны, разстилаются низменныя земли, такъ называемыя *marismas*, расположенныя подъ прибывающими водами. Въ періодъ бездождія, эти болотистыя страны представляютъ на всемъ своемъ протяженіи, отъ 10 до 12 километровъ, лишь сплошную пыльную поверхность сѣраго цвѣта, съ которой поднимаются въ воздухъ густыя облака пыли копытами полудикихъ быковъ, предназначаемыхъ для бойни на аренахъ; при малѣйшемъ же дождѣ онѣ становятся непроходимыми трясинами. Тамъ и сямъ пробиваются соляные ключи, теряясь въ пескахъ, или въ грязяхъ, смотря по времени года. Ни одна деревня, ни одинъ поселокъ не могли основаться на этихъ наносныхъ земляхъ, мѣстами переработанныхъ въ своемъ наслоеніи неприступными чащами тростниковъ. Въ болѣе значительномъ разстояніи отъ рѣки, пески, уже совершенно сухіе, покрываются малорослыми пальмами. На югѣ равнины, среди этихъ пустынь, выдвигаются, наподобіе мысовъ, нѣсколько возвышенностей третичной формаціи и своими виноградниками, оливковыми рощами, группами своихъ пальмъ и причудливо разбросанными живописными деревеньками хотя нѣсколько облегчаютъ взоръ, утомленный однообразіемъ пустыни, разстилающейся у ихъ подножій.

Подобно тому, что мы видимъ на многихъ другихъ рѣчныхъ устьяхъ, и старый засыпанный лиманъ Гвадалквивира въ своихъ наружныхъ предѣлахъ обозначается съуженіемъ наносной долины. На лѣвомъ берегу возвышается Санъ-Люкаръ де Баррамеда, городъ, имѣющій чисто восточную физіономію, а между моремъ и низменною мѣстностью праваго берега идетъ цѣпь песчаныхъ холмовъ, лежащихъ на слоѣ раковинъ новѣйшей формаціи и продолжающихся подъ водою, въ видѣ песчаной отмели, которую суда средней вмѣстимости проходятъ съ большимъ трудомъ при входѣ въ рѣку. Эти дюны, извѣстныя подъ именемъ *Arenas Gordas*, или „Большихъ песковъ“, служатъ естественною границею, воздвигнутою самимъ моремъ между соленою водою Атлантическаго океана и прѣсными внутренними водами. По величинѣ несравненно ниже дюнъ и ландъ Гаскони, онѣ едва достигаютъ вышины тридцати метровъ; на склонѣ, обращенномъ къ морю, онѣ еще и теперь передвижныя, но на восточной сторонѣ, во всю историческую эпоху, напротивъ, были всегда устойчивы: сосновый лѣсъ сплотилъ почву по отлогостямъ изъ бѣлаго кварца. На менѣе возвышенныхъ дюнахъ, окружающихъ Санъ-Люкаръ, огородники

ПАЛЬМОВЫЙ ЛѢСЪ ЭЛЬХЕ.

докопались до сыраго слоя подпочвы и вырыли глубокія ямы, называемыя *navasos*, гдѣ разбили прекрасные сады, дающіе сборы по нѣскольку разъ въ году.

Гвадалквивиръ — единственная изъ всѣхъ рѣкъ Испаніи, имѣющая преимущество быть судоходною на довольно значительное разстояніе отъ океана; суда, вмѣстимостью во 100 и 200 тоннъ, которыя миновали благополучно песчаную отмель, доходятъ до самой Севильи, удаляясь отъ моря, такимъ образомъ, на разстояніе ста километровъ. При содѣйствіи коммерческихъ привилегій и даже положительныхъ монополій по отношенію къ торговлѣ, этотъ рѣчной портъ могъ сдѣлаться нѣкогда главнымъ складочнымъ мѣстомъ заморскихъ продуктовъ и главнымъ мѣновымъ рынкомъ; въ настоящее же время онъ потерялъ свое значеніе, и мѣсто его занялъ превосходный портъ Кадиксъ. Но каботажныя суда все таки заходятъ въ него нагружаться мѣстными товарами, а пароходы легко ходятъ вверхъ и внизъ по Гвадалквивиру, между Севильею и Санъ-Люкаромъ. Что же касается до другихъ рѣкъ Андалузіи, впадающихъ въ Атлантическій океанъ, то онѣ всѣ не судоходны. Гвадалета, вливающаяся въ бухту Кадикса, неглубокая рѣка, медленно текущая по низменной болотистой равнинѣ; Одіэль и Тинто, впадающія въ Гуэльвскій лиманъ, просто-на-просто быстрые потоки, мало-по-малу заносящіе приносимыми остатками судоходные каналы у выхода въ море. Точно также былъ занесенъ и портъ Палосъ, изъ котораго отправились корабли Колумба для открытія Новаго Свѣта: жалкія хижины маленькой деревеньки, неопредѣленныя очертанія низменнаго прибрежья, которое волны поочедно то заливаютъ, то вновь открываютъ, — вотъ что представляетъ собою знаменитое мѣсто, гдѣ совершилось одно изъ важнѣйшихъ событій, которыми открывается исторія новѣйшихъ временъ!

Но что значатъ всѣ эти маленькія геологическія измѣненія, произведенныя рѣчными наносами, въ сравненіи съ переворотомъ, происшедшимъ на югѣ Андалузіи и измѣнившимъ границы самого океана! Несомнѣнно, что, по общей формѣ своего бассейна, Средиземное море находится въ большей зависимости отъ восточныхъ морей, чѣм отъ Атлантическаго океана. Оно отдѣляется отъ Краснаго моря, то-есть, отъ Индійскаго океана, лишь низменными странами и уступами недавняго происхожденія, гдѣ новѣйшая изобрѣтательность, безъ слишкомъ большаго труда прорывъ перешеекъ, устроила связующій проливъ. На сѣверо-востокѣ оно отдѣляется отъ Ледовитаго океана материкомъ Азіи во всю его ширину; но это огромное пространство покрыто еще въ нѣкоторой своей части солеными и солодковатыми водами, составляющими остатки древ-

няго моря; тутъ нигдѣ поверхность не представляетъ ряда горъ и холмовъ, подобныхъ тѣмъ, которые, начинаясь отъ Алмеріи въ Испаніи и кончая Мелилла въ Марокко, опоясываютъ западный рукавъ Средиземнаго моря. И, однако, эта преграда была разрушена, между тѣмъ какъ восточные перешейки выступали мало-по-малу изъ лона моря.

Кто же этотъ геологическій Геркулесъ, мощь котораго преодолѣла препятствіе и открыла проходъ? Ноздреватая природа скалъ въ обоихъ конечныхъ полуостровахъ Марокко и Андалузіи, конечно, въ сильной степени облегчила дѣло разъѣданія, въ особенности если Средиземное море, вслѣдствіе болѣе быстраго испаренія своихъ водъ, очутилось вдругъ на болѣе низкомъ уровнѣ противъ Атлантическаго океана. Въ этомъ случаѣ, трещины камней должны были весьма быстро расшириться подъ вліяніемъ океаническихъ теченій; каменныя перегородки, задерживавшія послѣднія, могли быть снесены даже и тогда, если землетрясенія нисколько не способствовали сломкѣ. Огромная масса воды, извергаемая непрерывно Атлантическимъ океаномъ въ Средиземное море, — съ наименьшею скоростью четырехъ съ половиною километровъ и съ наибольшею десяти километровъ,—позволяетъ намъ судить о силѣ, съ которою дѣйствовалъ океанъ, какъ только образовавшаяся разсѣлина дала ему возможность устремиться между двумя материками. Настоящій раздѣльный пунктъ между океаномъ и Средиземнымъ моремъ находится вовсе не въ самой широкой части Гибралтарскаго пролива,—на югѣ укрѣпленнаго острова Тарифы. Онъ помѣщается ближе къ западу, у самаго входа въ проливъ, продолжая, отъ мыса Трафальгаръ до мыса Спартель, правильную дугообразную линію океаническихъ береговъ Испаніи и Марокко. Гребень этой подводной возвышенности довольно неровенъ и мѣстами доходитъ отъ 100 до 550 метровъ вышины, такъ что средняя его высота не превышаетъ 275 метровъ, между тѣмъ какъ съ восточной стороны морское дно понижается постепенно къ Тарифѣ и Гибралтару болѣе чѣмъ на 900 метровъ. Такимъ образомъ, весь проливъ составляетъ уже часть большой средиземной впадины, и подводный склонъ къ востоку прямо противоположенъ направленію покатостей сосѣднихъ материковъ.

Увеличилась ли ширина пролива въ теченіе исторической эпохи? Это не допускаетъ сомнѣнія, если принимать во вниманіе свидѣтельства древнихъ. Размѣры, которые придаются ими „Устьямъ Кальпе“, гораздо меньше тѣхъ, которые опредѣляются моряками нашего времени. Сцилакъ де Варіанде считалъ проливъ Колоннъ не шире Босфора, и со временъ этого географа, т. е. въ теченіе 2400 лѣтъ ширина пролива, согласно указаніямъ ученыхъ, постепенно растетъ; въ настоящее время

ширина въ самомъ узкомъ мѣстѣ опредѣляется въ 1,000 метровъ. Во всякомъ случаѣ, всѣ исчисленія греческихъ и римскихъ географовъ не отличались точностью, и ошибка всегда могла произойти отъ оптической иллюзіи, по причинѣ высоты и крутаго профиля противоположныхъ мысовъ. Два Геркулесовы столба, или „Гадиридскія ворота“, все еще возвышаются съ той и съ другой стороны средиземнаго прохода: на сѣверѣ —великолѣпная гора Кальпе; на югѣ—длинный, крутой Абиликсъ. Притомъ же, съ тѣхъ поръ, какъ скала Гибралтаръ сдѣлалась одною изъ самыхъ неприступныхъ позицій материка, не было никѣмъ замѣчено, чтобы берегъ ея отступалъ передъ моремъ, поддаваясь силѣ теченія.

Хотя гора Кальпе, Гибралтаръ, или Джебель Тарифъ — на языкѣ мавровъ, не самый южный мысъ Иберійскаго полуострова, и хотя она даже не много отступаетъ къ материку по отношенію ко всей береговой линіи пролива, но она обязана красотѣ своего мѣстоположенія и своему стратегическому значенію, что проливъ былъ названъ ея именемъ и что ее считаютъ сторожемъ вратъ между двумя морями. Для мореплавателей и путешественниковъ она есть грань по преимуществу между безбрежнымъ океаномъ и внутреннимъ моремъ, между водами, ведущими въ Новый Свѣтъ—съ одной стороны, и въ Левантъ и въ Индію—съ другой. Ея бѣловато-известковыя скалы съ фундаментомъ изъ силлурійскаго сланца, съ остроконечными верхушками, вырѣзывающимися на почти всегда голубомъ небѣ, представляютъ для тѣхъ, которые плывутъ у ихъ подножія, непрестанно измѣняющійся видъ вслѣдствіе разнообразія уступовъ, отлогостей, террасъ и обваловъ; но съ какой стороны вы ни взглянете на нихъ, они всюду смотрятъ величественно и во многихъ мѣстахъ принимаютъ тѣ дивныя и рѣзкія очертанія, которыя привели къ сравненію Гибралтара со львомъ, лежащимъ на стражѣ у вратъ двухъ морей. Скала въ особенности крута со стороны Средиземнаго моря; здѣсь едва осталось достаточно мѣста подъ крутизнами и нагроможденными одна на другую массами для того, чтобы могло пріютиться кое-гдѣ нѣсколько домиковъ и деревьевъ; между тѣмъ, какъ на противоположной сторонѣ, на выступахъ и на отлогихъ склонахъ расположился и самый городъ и безчисленныя укрѣпленія съ плацъ д'армами. Доказано также что песчаная полоса земли, или *linea*, соединяющая скалу съ материкомъ Испаніи, представляетъ, со стороны Средиземнаго моря, несравненно болѣе крутой спускъ, чѣмъ въ Алжезирасской бухтѣ. Съ востока приносятся теченіемъ землистые остатки, которые и служатъ главнымъ образомъ къ созиданію плотины; на противоположномъ же углѣ пески обваливаются, разстилаясь по морскому прибрежью весьма слабаго наклона.

Въ многочисленныхъ пещерахъ Гибралтарской скалы, изслѣдованныхъ Рамзеемъ, Гейкеемъ и другими учеными, между остатками скелетовъ львовъ, пантеръ и гіенъ, были найдены также кости людей типа долихоцефала, принадлежащія къ каменному періоду. Эти пещеры совершенно тождественны по своему наружному виду и содержанію съ тѣми, которыя расположены по берегамъ Далмаціи и на Іоническихъ островахъ. Какъ ни отдалены въ настоящее время эти различныя страны другъ отъ друга морями, островами и полуостровами, тѣмъ не менѣе онѣ принадлежатъ къ одной эпохѣ и къ одной и той же геологической фармаціи.

Гибралтаръ, естественная принадлежность Испаніи, сдѣлался, въ силу завоеванія, англійскою крѣпостью. Та же фикція морской державы, которая побудила Великобританію завладѣть Мальтою, Кипромъ, Перимомъ, Сингапуромъ, Гонъ-Конгомъ и портомъ Гамильтона, не могла позволить англичанамъ оставить такую сильную позицію, какъ Гибралтаръ, въ рукахъ ея естественныхъ и законныхъ обладателей, и они сдѣлали изъ него достойную удивленія цитадель, страшныя укрѣпленія и вооруженія которой не лишены своего рода „кокетства“. Дѣло въ томъ, что стратегическое значеніе Гибралтара находится въ непосредственной связи съ его огромною важностью въ движеніи мѣновой торговли. Между мысами Европы и Африки ежегодно проходятъ десятки тысячъ судовъ, вмѣщающихъ милліоны тоннъ разнаго рода товара, и тѣмъ же проходомъ пользуются въ то же время и многочисленныя военныя суда, отправляясь въ какую нибудь далекую страну съ цѣлью заявить о своей силѣ, или просто сдѣлать какую либо демонстрацію. Морскія сраженія, происходившія въ самой Гибралтарской бухтѣ и у западныхъ подходовъ къ проливу, при Трафальгарѣ и мысѣ Сентъ-Винцентѣ, свидѣтельствуютъ о той значительной роли, которую играли въ военной исторіи міра врата двухъ морей. Поэтому неудивительно, что въ ту эпоху, когда никто не признавалъ за народностями ихъ права располагать собою по своей волѣ, Англія завладѣла пунктомъ такой важности. Испанцы смотрятъ на это, какъ на обиду, и, конечно, всякій отнесся бы къ нимъ сочувственно, если бы они сами не удерживали за собою по другую сторону пролива городъ и территорію Цеуты. Слѣдовательно, англичане, взявши у нихъ одинъ изъ Геркулесовыхъ столбовъ, поступили точно по такому же праву, по какому они завладѣли другимъ.

Частыя историческія сношенія Андалузіи съ варварійскимя странами объясняются не только сосѣдствомъ этихъ земель, раздѣленныхъ моремъ, но, кромѣ того, и сходствомъ ихъ климатовъ. Южная Испанія находится относительно температуры, влажности и воз-

душныхъ теченій точно въ такихъ же условіяхъ, какъ и Марокко. Южная Андалузія, Мурція, Аликантэ,—суть, за немногими мѣстными исключеніями въ Сициліи, Греціи и въ Архипелагѣ, такія страны Европы, въ которыхъ средняя температура доведена до максимума. Таблицы сравнительной температуры, составленныя Коэлло, Вилькоммомъ и другими географами, позволяли даже думать, что изотермъ въ 20 градусовъ проходитъ въ этой части Испаніи. Новѣйшія наблюденія не подтверждаютъ этой гипотезы. Средняя температура доходитъ лишь отъ 17 до 18 градусовъ въ Гибралтарѣ и Тарифѣ.

Какъ бы то ни было, поясъ самаго сильнаго жара обнимаетъ, на нѣкоторое разстояніе въ глубь страны, прибрежныя мѣста португальской Альгарвы и провинціи Гуэлвы, потомъ заходитъ въ равнину Гвадалквивира, проходя черезъ Севилью, Кармону, Эчиха (Есіја), такъ называемую „Печку“, или „Горнило“ Испаніи, и спускается затѣмъ къ юго-западу, подходя къ берегу у Санъ Люкара де-Баррамеда. Эта область тѣмъ замѣчательна, что она образуетъ уголъ наибольшаго жара, тѣсно ограничиваемый со всѣхъ сторонъ поясами болѣе умѣренной температуры.

На югѣ большой, относительно прохладной по климату, площади, образуемой бухтою Кадикса и всѣмъ гористымъ округомъ южной оконечности, гдѣ свободно дуетъ *virazon*, или океанійскій вѣтеръ, область сильнаго жара начинается съ городовъ пролива; она захватываетъ Алжезирасъ и Гибралтаръ и, доходя до различныхъ высотъ, распространяется по склонамъ всѣхъ горъ, которыя тянутся на востокѣ до мыса Гата, и затѣмъ, по ту сторону Картагены и Аликантэ, до самаго мыса Нао. Въ этой приморской области, холода, такъ сказать, совершенно неизвѣстны; средняя температура менѣе жаркаго изъ мѣсяцевъ все-таки достигаетъ 12 градусовъ по стоградусному термометру. Островъ Мадера, лежащій на 500 километровъ ближе къ экватору, имѣетъ далеко не столь жаркое лѣто, какъ Гибралтаръ и Малага, хотя и обладаетъ драгоцѣннымъ преимуществомъ въ отношеніи болѣе равномѣрнаго чередованія между холодомъ и жаромъ. Самыя знойныя части Андалузіи на берегу Средиземнаго моря—суть вовсе не тѣ мысы, которые сильно выступаютъ по направленію къ югу; напротивъ, это суть тѣ полукруглыя бухты, которыя образовались сѣвернѣе. Совершенно защищенныя отъ всѣхъ холодныхъ вѣтровъ, онѣ доступны только атмосферическимъ теченіямъ съ африканскаго материка и, вслѣдствіе этого, средняя степень жара въ нихъ чрезвычайно возрастаетъ. По той же причинѣ всѣ прибрежныя мѣста Средиземнаго моря въ общемъ ихъ составѣ отличаются климатомъ несравненно болѣе тропическимъ, чѣмъ городъ Кадиксъ и сосѣдніе города, расположенные

по берегу Атлантическаго океана. Между тѣмъ какъ къ послѣднимъ имѣетъ западный вѣтеръ свободный доступъ, берега Испаніи, развертывающіеся внутри пролива, совершенно лишены этого освѣжающаго дуновенія. Гибралтарскія ворота естественно представляютъ то мѣсто, въ которомъ сталкиваются и борются между собою воздушныя теченія. Вѣтры тутъ всегда очень сильны, въ особенности въ серединѣ пролива, а въ теченіе зимы тутъ часто свирѣпствуютъ бури. Морскіе шквалы бываютъ чаще въ самомъ проливѣ и у мыса Трафальгара; они появляются вдругъ, безъ всякихъ предвѣстниковъ, и возникаютъ обыкновенно въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ берегъ сразу измѣняетъ направленіе. Преобладающія направленія вѣтровъ суть западное зимою и восточное—лѣтомъ; первое приноситъ съ собою часто сильные дожди, выпадающіе въ меньшемъ количествѣ начиная отъ Кадикса къ Гибралтару; восточные же вѣтры, напротивъ, предвѣстники хорошей погоды. Двѣ огромныя скалы, возвышающіяся одна противъ другой въ проливѣ, на африканскомъ и на европейскомъ берегахъ, служатъ для мореплавателей отличными метеорологическими указателями. Когда онѣ заволакиваются густыми облаками или закутываются туманами, иногда столь же непроницаемыми, какъ въ Лондонѣ,—начинаетъ дуть восточный вѣтеръ; когда же онѣ отчетливо вырѣзываются на фонѣ голубаго неба,—это вѣрный знакъ, что откроется западный вѣтеръ.

Температура и влажность нѣкоторыхъ городовъ въ описываемой части Испаніи, по Коэлло, суть слѣдующія:

	Гренада.	Севилья.	Гибралтаръ.
Температура	18°,9	20 (?)	20°,7 (?)
Годовая влажность	1,232 м.	0,664 м.	0,735 м.
Дожди съ октября до марта. . . .	1,023 „	0,588 „	0,516 „
Дожди съ апрѣля до сентября . . .	0,209 „	0,076 „	0,219 „

Полутропическій климатъ нижней Андалузіи часто совершенно подавляетъ сѣверныхъ европейцевъ, сухость атмосферы становится для нихъ подъ конецъ невыносимою. Въ равнинѣ и на морскомъ прибрежьѣ, лѣто почти всегда проходитъ безъ дождя: съ іюня по сентябрь рѣдко упадаетъ съ неба нѣсколько капель. Въ глубинѣ боковыхъ долинъ, гдѣ воздухъ не обновляется теченіями, жаръ часто можно едва вынести; на открытой равнинѣ такой же палящій зной, вслѣдствіе того, что пассатные вѣтры, освѣжающіе атмосферу подъ тропическими широтами, не дуютъ вовсе въ бассейнѣ Гвадалквивира. Даже въ Кадиксѣ, который однако окруженъ водами, континентальный вѣтеръ, извѣстный подъ именемъ *medina*, такъ какъ онъ пробѣгаетъ по пустыннымъ владѣніямъ Мединъ Сидонія, при-

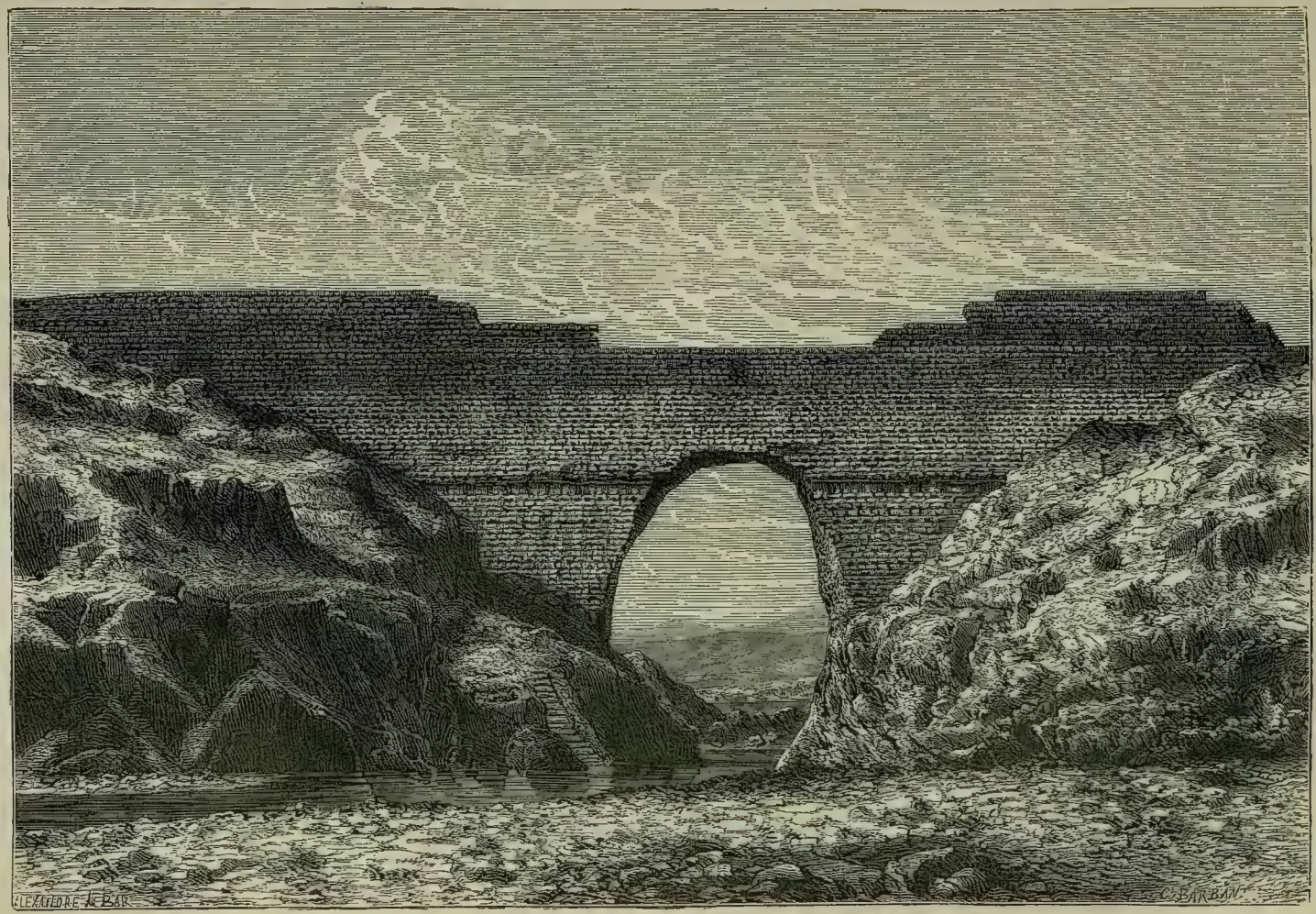
носитъ съ собою удушливый воздухъ, невыносимый для людей съ слабыми нервами. Говорятъ, что подъ вліяніемъ этого вѣтра буйные и свирѣпые поступки, ссоры и убійства происходятъ гораздо чаще, чѣмъ при всякомъ другомъ состояніи атмосферы. Что касается до нижняго берега, то здѣсь самый опасный вѣтеръ есть такъ называемый *solano*, или *levante* Когда онъ начинаетъ дуть, атмосфера становится какъ бы раскаленною печью. Можно подумать, что находишься въ центрѣ Сахары. На южномъ небосклонѣ подымается и стоитъ въ воздухѣ паръ. иногда красноватый, всего же чаще бѣлаго цвѣта и неизслѣдованный еще по своей природѣ, называемый *calina*; знойное дуновеніе подымаетъ на дорогахъ, на поляхъ даже, цѣлые вихри пыли, осаждающейся на листву деревьевъ и способствующей ея увяданію; часто случается, что если вѣтеръ свирѣпствуетъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней, птицы падаютъ на землю мертвыми какъ бы отъ задушенія.

Тогда какъ въ умѣренномъ поясѣ Европы лѣто есть время года, когда растительность достигаетъ пышнаго развитія, когда деревья покрываются листьями и цвѣтами, въ Андалузіи, напротивъ, оно есть періодъ засухи и смерти. За исключеніемъ полей и садовъ, которые поливаются и воздѣлываются искусственно и удерживаютъ свой блескъ и свою яркость во все продолженіе жаровъ, вся остальная растительность сгараетъ, свертывается и принимаетъ сѣроватый оттѣнокъ, сливающійся съ цвѣтомъ почвы. Но въ эпоху ливней осенняго равноденствія, ниспадающимъ дождемъ на низменныя мѣста и снѣгомъ на гористыя, растенія выпрямляются и снова оживаютъ; они наслаждаются вторичною весною. Въ февралѣ все цвѣтетъ и благоухаетъ. Мартовскіе дожди, притомъ довольно неправильные и почти всегда сопровождаемые грозами, поддерживаютъ сначала это богатство флоры, но затѣмъ жары и засухи берутъ верхъ, и природа снова увядаетъ.

Климатъ Андалузіи, разсматриваемый въ его общихъ чертахъ, безъ сомнѣнія, не доставляетъ почвѣ достаточной влажности. Нѣкоторыя части страны совершенно безводныя степи, безъ всякой древесной растительности, безъ человѣческихъ жилищъ. Самая обширная изъ этихъ безплодныхъ равнинъ занимаетъ берега низменной долины Гениля, между Агвиларомъ, Эчиха, Осуна и Антеквера; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она достигаетъ не менѣе 48 километровъ ширины, и на этомъ обширномъ пространствѣ нигдѣ нельзя найдти прѣсной воды, кромѣ какъ только въ самомъ Генилѣ. Мѣстность покрыта маленькими озерами съ солодковатою и соленою водою, съ глинистыми берегами, бѣлѣющими лѣтомъ отъ осѣвшей на нихъ соли: можно подумать, что находишься въ пустынѣ Алжиріи

или на персидскихъ нагорныхъ плоскостяхъ. Культура тутъ невозможна; она появляется только у подножья ручьевъ, дающихъ свои названія окрестнымъ деревенькамъ Агвадульче, Поцо, Анчо, Фуэнтезъ. Другая значительная степь, называемая „королевскимъ рукавомъ", простирается на востокъ отъ Хаэна, по восточному склону гренадскихъ террасъ, и примыкаетъ къ различнымъ безплоднымъ мѣстностямъ, надъ которыми возвышаются сіерры Сагра, Марія, де-ласъ Эстанціасъ, съ которыхъ сбѣгаютъ соленые ручьи. По склонамъ Андалузіи къ Средиземному морю, пустыня еще болѣе расходится въ ширину, чѣмъ въ бассейнѣ Гвадалквивира. Такимъ образомъ, вся юго-восточная оконечность Испаніи, загроможденная базальтовыми и порфировыми массами хребта Гата, совершенно безплодна и тутъ не видишь другихъ сооруженій, кромѣ крѣпостей для обороны, выстроенныхъ въ далекомъ другъ отъ друга разстояніи на выдающихся мысахъ. Прибрежные солончаки, перемежающіеся съ хорошо воздѣланными искусственно полями, имѣютъ весьма скудную растительность, состоящую почти единственно изъ видовъ крестоцвѣтныхъ; болѣе чѣмъ одна пятая часть изъ всего числа видовъ суть чисто африканскаго происхожденія. Эти солончаки служатъ только къ воздѣлыванію, или скорѣе къ собиранію, растенія, пепелъ котораго идетъ на приготовленіе соды.

Но обыкновенно, имя Андалузіи не приводитъ на память мысль о безплодныхъ мѣстностяхъ. Скорѣе приходятъ на умъ апельсинныя рощи Севильи, роскошная растительность гренадской Вега, вспоминаются названія Елисейскихъ полей и Гесперидскаго сада, которыя были даны древними долинѣ Бетиса. Даже по своей флорѣ Андалузія заслужила названіе „Испанской Индіи", по ко всѣмъ своимъ азіатскимъ и африканскимъ произрастеніямъ, требующимъ почти тропическаго климата, эта страна, настоящая теплица Европы, умѣла присовокупить огромное число акклиматизированныхъ видовъ, вывезенныхъ съ востока и изъ Новаго Свѣта. Вмѣстѣ съ финиками, бананами и бамбуками произрастаютъ каучуковыя и драконовыя деревья, магноліи, синецвѣтные ясени; клещевина, дурманъ разростаются огромными кустами; кошенильные кактусы растутъ какъ на Канарскихъ островахъ, орхидныя растенія какъ на Сенегалѣ; бермудскій картофель, хлопчатникъ и кофейное дерево даютъ правильный сборъ заботливому хозяину, а въ защищенныхъ мѣстностяхъ привольно поднимается сахарный тростникъ. Страна, простирающаяся на югъ отъ гренадскихъ горъ, а именно—отъ Мотриля до Малаги, есть единственный уголокъ въ Европѣ, гдѣ это растеніе имѣетъ дѣйствительное экономическое значеніе. Торроксъ, близь Велецъ Малага—городъ,



ЛОРСКАЯ II ЛОТИНА.

напоминающій своими плантаціями ближе всего плантаціи по берегу Кубы. Во время арабскаго господства, сахарные заводы были разбросаны въ большомъ количествѣ по всему берегу Средиземнаго моря до самой Валенціи; въ настоящее время ихъ опять много въ равнинѣ Малаги. Исчисляютъ, что сахарное производство приноситъ малагцамъ до полмилліона франковъ чистаго барыша.

Фауна Андалузіи, также какъ и ея флора, хотя и въ меньшей степени, имѣетъ африканскую, или, по крайней мѣрѣ, берберійскую физіономію. Всѣ типы моллюсковъ, встрѣчающихся въ настоящее время въ Марокко, принадлежатъ равнымъ образомъ и Андалузіи. Ихневмонъ попадается на правомъ берегу нижняго теченія Гвадалквивира, а также и въ другихъ частяхъ бассейна; хамелеонъ встрѣчается очень часто; особенная порода каменнаго барана, живущаго, какъ говорятъ, въ гористыхъ мѣстностяхъ Марокко, существуетъ одинаково въ сіеррѣ Невада и ея окрестныхъ чащахъ. Наконецъ, общепризнанный фактъ, что африканская обезьяна (*Inuus sylvanus*) долго водилась, а можетъ-быть живетъ и до сихъ поръ на Гибралтарской скалѣ. Была ли она завезена, какъ нѣкоторые предполагаютъ, англійскими офицерами? Не есть ли она, поэтому, такой же пришлецъ, какъ верблюды Фронтеры, близъ Кадикса, и какъ андалузскія лошади, конечно берберійскаго происхожденія? Или же, дѣйствительно, она есть исконный обитатель горы Кальпе и, такимъ образомъ, свидѣтельствуетъ о существованіи, въ доисторическую эпоху, соединительнаго перешейка между Европою и Африкою. Различные авторы расходятся во мнѣніяхъ касательно этого вопроса, такъ что ничего нельзя сказать утвердительно; но одно, что дѣйствительно вѣрно, это то, что обезьяна нашла себѣ, на скалахъ европейскихъ мысовъ, среду, которая также для нея удобна, какъ и горы противоположнаго берега.

Въ самомъ началѣ нашей европейской исторіи, племена, населявшія страны, извѣстныя нынѣ подъ именемъ Андалузіи, были по большей части иберійскаго происхожденія, то есть, весьма вѣроятно, одной отрасли съ современными басками. Бастулы, бастарны и бастетаны, населявшіе гористыя мѣстности склоновъ къ Средиземному морю, турдетаны и турдулы, жившіе въ долинѣ Бетиса, всѣ они носили евскарійскія имена; равнымъ образомъ, названія ихъ городовъ обозначались словами, которыя объясняются баскскимъ языкомъ нашего времени. Тѣмъ не менѣе, во всей его совокупности, населеніе было и тогда, безъ всякаго сомнѣнія, очень смѣшанно. Кельтскія племена занимали гористую мѣстность на сѣверо-западъ отъ Бетиса, по направленію къ Лузитаніи.

Турдетаны — относительно весьма цивилизованные, ибо имѣли свои

лѣтописи, поэмы, писанные законы, приняли на свою территорію финикійскія, карѳагенскія и греческія колоніи; потомъ они облатынились; забыли свой языкъ, и города ихъ сдѣлались маленькими Римами. За исключеніемъ Италіи, немногія страны были болѣе римскими, чѣмъ ихъ земля, и они болѣе прочихъ народовъ раздѣляли общія судьбы имперіи. Въ Малагѣ, и позднѣе въ Осунѣ (Colonia Julia Genetiva), были найдены тексты муниципальныхъ конституцій временъ Юлія Цезаря и Домиціана: эти документы доказали, что города этихъ провинцій пользовались почти абсолютною мѣстною автономіею.

Разрушеніе римскаго міра привело въ южную Испанію новые языческіе элементы: вандаловъ, византійскихъ грековъ, западныхъ готовъ, за которыми послѣдовали арабы и берберійцы, сопровождаемые жидами. Названіе Андалузіи производятъ отъ вандаловъ, жившихъ въ ней нѣсколько лѣтъ въ началѣ пятаго столѣтія. Правда, что испанскіе лѣтописцы не давали никогда старой Бетикѣ названіе „Вандалузіи“, и названіе Андалу является впервые во времена арабовъ; но тогда оно примѣнялось ко всему полуострову, равно какъ и къ долинѣ Гвадалквивира; оно сдѣлалось исключительнымъ названіемъ одной настоящей Андалузіи лишь въ ту эпоху, когда арабы потеряли всѣ прочія испанскія провинціи. Очень легко можетъ быть, что дѣйствительно, какъ предполагаетъ г-нъ Вивьенъ де Сенъ-Мартенъ, жители сѣверной Африки дали это названіе всей Испаніи со времени завоеванія ихъ страны вандалами: страна, которую они видѣли по другую сторону моря, имѣла потому лишь значеніе въ ихъ глазахъ, что изъ нея вышли ихъ повелители.

Сами мавры, то есть смѣшанныя народонаселенія сѣвера Африки, арабы, и въ особенности берберійцы, содѣйствовали несравненно болѣе племенъ германскаго происхожденія образованію андалузскаго народа. Будучи владѣтелями страны въ теченіе семи столѣтій, находясь въ огромномъ числѣ въ большихъ центрахъ, обработывая вездѣ поля бокъ о бокъ съ прежними жителями страны, они вошли съ ними въ самыя близкія сношенія, и позднѣе, когда былъ обнародованъ указъ объ изгнаніи всей ихъ расы, самыя лица, которыя его произносили и которыя обязаны были приводить его въ исполненіе, имѣли въ своихъ жилахъ большую дозу мавританской крови. Въ нѣкоторыхъ районахъ андалузскихъ провинцій, а именно: въ долинахъ Альпухарры, гдѣ мавры оставались независимыми до конца шестнадцатаго вѣка, народонаселеніе сдѣлалось настолько африканскимъ, что лишь религіозный обрядъ, а не цвѣтъ кожи, служилъ отличительнымъ признакомъ христіанъ отъ мусульманъ. Андалузское нарѣчіе еще болѣе кастильскаго приблизилось къ арабскому акцентомъ, словами и оборотами

рѣчи; названіе мѣстъ семитическаго происхожденія гораздо многочисленнѣе во многихъ округахъ названій иберійскихъ и латинскихъ; праздники, церемоніи, нравы сохранили свои мавританскія черты. Въ городахъ почти всѣ замѣчательныя зданія суть альказары или мечети, и даже новѣйшія постройки имѣютъ оттѣнки арабскаго стиля, измѣненнаго римскими традиціями. Всѣ богатые дома Андалузіи, вмѣсто того, чтобы быть обращенными передними фасадами наружу, какъ въ прочихъ европейскихъ странахъ, обращены къ внутреннему двору (patio), вымощенному бѣлыми или разноцвѣтными мраморными плитами: тамъ собирается обыкновенно семейство, чтобъ подышать воздухомъ около фонтана, струя котораго непрестанно падаетъ въ шлифованный бассейнъ.

Со временъ арабовъ, никакой новый языческій элементъ, сколько нибудь значительный, не примѣшивался къ первобытнымъ народонаселеніямъ. Правда, что во второй половинѣ восемнадцатаго столѣтія деревни, населенныя большею частью нѣмецкими колонистами, устроились въ нѣкоторыхъ округахъ (*despoblados*) Андалузіи, въ Королинѣ, по дорогѣ изъ Деспеньяперроса къ Гвадалквивиру, въ Карлотѣ и Фуэнтэ Пальмерѣ, между Кордовою и Севильею, но эти колоніи, дурно содержанныя, не процвѣли. Огромное число жителей вымерло, другіе возвратились на родину; менѣе чѣмъ въ одно поколѣніе иностранцы слились съ остальнымъ народомъ. Немногіе негоціанты изъ иностранцевъ, поселившіеся въ андалузскихъ портахъ, имѣли несравненно болѣе серьезное вліяніе.

Часто было говорено, что андалузцы суть испанскіе гасконцы. Они вообще очень граціозны, станъ у нихъ гибкій, манеры обворожительныя, рѣчь краснорѣчивая, физіономія и жесты полны выраженія. Они очаровательны, но этою чарующею силою они пользуются лишь для достиженія самыхъ ничтожныхъ цѣлей: вообще они мелочны; подъ всею ихъ блестящею внѣшностью и звучными рѣчами скрывается пустота и отсутствіе мысли. Хотя андалузцы не лишены храбрости, но они чрезвычайно склонны къ фанфаронству и хвастовству, любятъ выставлять свое достоинство въ ущербъ истинѣ, любятъ выставлять на показъ не только тѣ качества, которыя имѣютъ, но даже и тѣ, которыхъ не имѣютъ совсѣмъ, и желаніе ихъ блистать заставляетъ ихъ часто лгать. Но эта склонность къ выставкѣ, эта живость и избытокъ воображенія тѣмъ хороши, что андалузецъ видитъ въ вещи лучшую ея сторону; онъ счастливъ, если только производитъ шумъ или слышитъ его; разоренный, безъ всякихъ матерьяльныхъ средствъ, онъ не утрачиваетъ ни игривости своего ума, ни своей веселости; онъ эгоистъ, но эгоистъ добродушный, такъ какъ онъ хочетъ не только быть самъ счастливъ, но видѣть также и другихъ счаст-

*

ливыми и довольными. Впрочемъ, въ Андалузіи, какъ и во всей остальной Испаніи, горные жители отличаются отъ жителей низкихъ мѣстностей движеніями и походкою болѣе медленными и плавными, а равно и болѣе сдержанною рѣчью. Такъ горцы Хаены (хаетаносъ) извѣстны подъ именемъ „андалузскихъ галиціянъ“. Красота горныхъ женщинъ, а также обитательницъ высокихъ долинъ—болѣе строгая и благородная, чѣмъ красота уроженокъ низменныхъ равнинъ. Сравнительно съ очаровательными гадитанками, съ прелестными *majos* Севильи, женщины Гренады, Гвадикса и Базы имѣютъ болѣе гордыя и благородныя черты лица.

Хотя въ Бетикѣ встрѣчаются дѣятельные и трудолюбивые работники, въ особенности въ горныхъ районахъ и въ рудокопныхъ округахъ, однако вообще нельзя сказать, чтобы трудолюбіе было главною добродѣтелью андалузцевъ. И потому огромные источники богатства страны, которые могли бы быть для остальной Европы теплицею почти тропическихъ продуктовъ, приносятъ весьма мало пользы. Но было бы несправедливо обвинять въ этомъ только жителей; причина заключается также и въ условіяхъ землевладѣнія. Нижняя Андалузія, болѣе еще чѣмъ Кастиліи, есть страна крупной поземельной собственности. Тамъ княжескія владѣнія суть настоящія государства. Во времена побѣды надъ маврами, когда королевская власть сильная давностью традиціи и укрѣпленная побѣдою, дошла до полнѣйшаго презрѣнія къ народу, кастильскіе вельможи размежевали страну на огромные участки и раздѣлили ее между собою. Множество такихъ владѣній, состоящихъ изъ превосходныхъ земель, расположенныхъ подъ однимъ изъ самыхъ благодатныхъ климатовъ міра, превратились мало по малу въ пастбища, остающіяся почти безъ всякаго употребленія. Подобно тому, какъ въ Сициліи и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Италіи, здѣсь почти нѣтъ деревень, и еще менѣе селъ и отдѣльныхъ фермъ. Поля воздѣлываются плохо и преимущественно городскими рабочими, которые изъ разныхъ мѣстъ стекаются въ деревни ко времени посѣва, жатвы и уборки хлѣба. Громадныя имѣнія поглощаютъ все, лишая крестьянъ, садовниковъ и пастуховъ ихъ собственности и средствъ къ жизни; послѣдніе не могутъ имѣть ни садика, ни куска поля, ни маленькаго луга, ни птичьяго двора, въ придачу къ безплоднымъ солончакамъ, такъ что не въ состояніи ничѣмъ обезпечить себя на время безработицы и дороговизны. На пространствѣ нѣсколькихъ миль не встрѣчается ни одного жилища, ни одного фруктоваго сада и ни малѣйшихъ слѣдовъ человѣческаго труда. „Владѣлецъ этихъ пустынь, говоритъ г. Бургоинъ, царствуетъ тамъ, какъ будто левъ въ лѣсахъ, удаляющій всякое живое существо, которое могло бы приблизиться къ нему“.

Въ горныхъ районахъ земля также раздѣлена на крупныя владѣнія, но эти владѣнія распредѣлены между многочисленными мызниками, платящими владѣльцу треть продуктовъ и стадъ. Ихъ положеніе лучше положенія жителей равнины, но ихъ способъ обработки одинъ изъ самыхъ первобытныхъ.

Великолѣпные апельсинные сады Севильи и Санъ-Люкара, Кармоны, Эстепы, Утреры, оливковые, фруктовые сады и виноградники Малаги и другихъ городовъ Андалузіи—доставляютъ торговлѣ значительное количество фруктовъ; богатыя жатвы хлѣбныхъ растеній сдѣлали изъ страны одну изъ главныхъ житницъ Испаніи, но вина составляютъ единственную отрасль земледѣльческой производительности Андалузіи, имѣющую важное экономическое значеніе въ міровой торговлѣ. Хересскія поля, на востокѣ Кадикской бухты, производятъ громадное количество вина, которое, подъ именемъ шерри, хереса, происшедшимъ отъ названія сосѣдняго города, отправляется въ огромномъ количествѣ на всѣ англійскіе рынки. Болѣзнь винограда, опустошавшая всѣ европейскіе виноградники, долго обходила лозы Хереса, и это одна изъ причинъ, наиболѣе содѣйствовавшихъ вывозу хереса, впрочемъ значительное ограниченіе правъ, выбаллотированное англійскимъ парламентомъ, содѣйствовало этому еще болѣе. Большая часть виноградниковъ находится въ рукахъ англійскихъ землевладѣльцевъ; масса негоціантовъ и фабрикантовъ той же націи занимается смѣшиваніемъ продукта этихъ разнородныхъ виноградовъ съ тяжелыми винами Чиклана, Роты и Санъ-Люкара и вообще всѣми операціями, законными или незаконными, составляющими принадлежность этого рода торговли. Нѣкоторыя вина перваго разряда, подслащенная *tintilla* Роты, *manzanilla*, молодое вино, подлежащее еще смѣшенію, которое пьется изъ особеннаго стакана, *pajarete*, фабрикованное изъ винограда особеннаго рода, высушиваемаго до кладки его подъ прессъ, составляютъ настоящую монополію нѣсколькихъ владѣльцевъ и могутъ сохранять свою подлинность, тогда какъ столовыя и прочія вина низшаго достоинства подвергаются усиленной фальсификаціи. Всѣ эти промышленности вмѣстѣ распространили въ странѣ привычку къ работѣ, которой не существовало прежде. Изъ порта Санта-Маріа, въ бухтѣ Кадикса, вывозится наибольшее количество винъ. Со времени появленія филоксеры, виноградники Малаги и другихъ андалузскихъ городовъ уменьшились и ихъ, подобно тому, какъ и во Франціи, стараются обновлять пересадкою американскихъ лозъ.

Такъ называемая собственно промышленность, бывшая въ такомъ цвѣтущемъ состояніи въ мавританскія времена, когда андалузскіе сукна,

кожи, шелки славились во всей Европѣ и въ мастерскихъ одной Севильи работали, говорятъ, 100,000 рабочихъ, въ настоящее время осталась лишь тѣнью того, чѣмъ была тогда; но разработка рудниковъ если не вполнѣ производится такъ же успѣшно, какъ въ былыя времена, то, по крайней мѣрѣ, стала опять замѣтно подниматься и пріобрѣтать хотя часть своего прежняго значенія. Во времена Страбона, Турдетанія или главная часть долины Бетиса, „пользовалась въ такой степени этою двойною привилегіею плодородія и богатства рудниковъ, что никакое выраженіе не могло дать вѣрнаго понятія о дѣйствительности. Нигдѣ не находили золота, серебра, мѣди, желѣза въ такомъ изобиліи и въ такомъ чистомъ состояніи, какъ тамъ“, „а каждая гора, каждый холмъ Иберіи, говорилъ Посидоній съ своею обыкновенною напыщенностью, говоря о той же странѣ турдетановъ, представляется кучею матеріала, приготовленною щедрою фортуною для чекана монеты... Для иберійцевъ не богъ ада, но богъ богатства, не Плутонъ, но Плутусъ царствуетъ въ подземныхъ глубинахъ“.

Сравнительно съ рудоносными районами Австраліи и Новаго Свѣта, южная Испанія не заслуживаетъ болѣе этихъ преувеличенныхъ похвалъ, но, тѣмъ не менѣе, она обладаетъ очень значительными богатствами, которыми умѣетъ пользоваться современная промышленность. Огромное препятствіе къ систематической эксплоатаціи дознанныхъ мѣстъ нахожденія минераловъ заключается въ недостаткѣ путей сообщенія. Высчитано, что нужно около ста ословъ для транспорта того количества руды, которое можетъ вмѣститься въ одномъ вагонѣ желѣзной дороги. А потому всякое мѣсторожденіе желѣза, находящееся на разстояніи болѣе двухъ или трехъ километровъ отъ желѣзной дороги или отъ порта, не можетъ быть эксплоатировано и представляетъ цѣнность лишь въ будущемъ. Мѣстонахожденія болѣе драгоцѣнныхъ металловъ, какъ свинецъ, мѣдь или серебро, могутъ быть эксплоатированы съ пользою, находясь на разстояніи, болѣе отдаленномъ отъ точки отправленія сухопутнаго или водянаго пути сообщенія; но и эта граница скоро будетъ достигнута, и жители страны должны довольствоваться увѣренностью, что въ сосѣднихъ скалахъ находятся сокровища въ запасѣ для ихъ потомковъ. Вотъ причины, которыя, при недостаткѣ воды и горючаго матеріала, при несовершенствѣ работъ, при раздорахъ между землевладѣльцами, при требованіяхъ государственной казны и жадности исполнителей закона, парализируютъ эксплоатацію андалузскихъ рудниковъ. Въ Англіи подобныя мѣстонахожденія металловъ были бы источникомъ несмѣтнаго дохода.

Самые производительные рудоносные округа южной Испаніи нахо-

дятся единственно въ горныхъ районахъ. Въ юговосточномъ углу полуострова, сіерра Гадоръ, говоритъ пословица, „заключаетъ въ себѣ болѣе металла, чѣмъ горнокаменной породы“; въ нѣдрахъ сіерръ: Гвадикса, Базы, Алмеріи открыты сотни рудныхъ колодцевъ, въ которыхъ также добывается желѣзо, мѣдь и тотъ же серебородный свинецъ, какъ и въ сіеррѣ Гадоръ. Высокая долина Гвадалквивира имѣетъ близъ Линареса богатые рудники также серебоносные, производящіе, говорятъ, первый свинецъ въ мірѣ по своему качеству; между этими рудниками показываютъ колодцы и галлереи карѳагенянъ и римлянъ; около начала восемнадцатаго столѣтія эксплоатація была возобновлена, но большія работы добыванія стали производиться только съ открытіемъ желѣзной дороги: тогда образовались англійскія, французскія и нѣмецкія компаніи и прибыли иностранные инженеры, которые вырыли свои двѣсти колодцевъ и измѣнили видъ страны [1]). Линаресскіе рудокопы извѣстны за самыхъ отважныхъ изъ рудокоповъ всей Испаніи, но чахотки, лихорадки и свинцовыя колики, причиняемыя ихъ родомъ занятій, производятъ между ними страшныя опустошенія, и эквалиптіи, или „лихорадочныя деревья“, разсаженныя въ огромномъ количествѣ въ странѣ, очистили только снаружи воздухъ, но не въ рудникахъ. Замѣчено, что ни лошади, ни собаки, ни кошки, ни куры не могутъ выносить атмосферы свинцовыхъ рудниковъ, но на крысъ она не производитъ вреднаго дѣйствія. Въ 15 километрахъ отъ Линареса, не далеко отъ развалинъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Палацуекосъ или „маленькія чашки“ находится древній рудникъ, одна изъ шахтъ котораго носитъ названіе шахты Ганнибала. Въ рудникѣ найдены остатки колоннъ и барельефъ, изображающій древнихъ рудокоповъ съ инструментами въ рукахъ.

Болѣе на западъ въ районахъ сіерры Морены, отдѣляющей Эстремадуру отъ провинціи Севильи, находятся другіе, нѣкогда не менѣе знаменитые серебряные рудники въ Константина и Гвадальканала; они эксплоатируются съ перемежками, работы въ нихъ то прекращаются, то возобновляются опять, смотря по богатству руды, которую находятъ въ нихъ, и по условіямъ рынка.

Бассейны каменноугольныхъ копей Бельмеца и Эспьела, расположенные на сѣверъ отъ Кордовы, въ сосѣдствѣ весьма богатыхъ мѣстъ нахожденія желѣза и мѣди, лучше снабженныхъ дорогами, чѣмъ константиновскіе и гвадальканальскіе рудники, представляютъ также большія сокровища для современной промышленности и въ будущемъ могутъ имѣть важное значеніе. Эти залежи простираются подъ землею далѣе

[1]) Произведеніе линаресскихъ рудниковъ, въ 1872 г., по Роза: 210,000 тоннъ свинца.

видимыхъ и эксплоатируемыхъ границъ; существуетъ даже предположеніе, что, съ одной стороны, онѣ тянутся до входа въ долину Гвадалквивира, а съ другой — до нагорной равнины Эстремадуры. Топливо, которое онѣ доставляютъ, сухое или „жирное“, превосходно, однакоже, не смотря на это, различныя компаніи, эксплоатирующія этотъ бассейнъ, добываютъ не болѣе 200,000 тоннъ, такъ какъ сбытъ весьма ограниченъ вслѣдствіе недостатка потребителей въ юго-западной части Испаніи. Самыя богатыя копи въ деревнѣ Пенья Ройя получили названіе „ужасныхъ“, вслѣдствіе часто бывающихъ тамъ взрывовъ газа; средняя глубина колодцевъ отъ 100 до 200 метровъ. Нѣкоторыя каменноугольныя копи въ горахъ, расположенныхъ на сѣверъ отъ Севильи, отправляютъ еще свои произведенія на спинахъ лошаковъ; естественно, что при такихъ условіяхъ работа можетъ производиться только самыми варварскими способами.

Изъ всѣхъ рудниковъ Испаніи наиболѣе дѣятельно разработываются копи провинціи Гуэльва, на южномъ склонѣ маріаникской системы. Силурійскіе сланцы этой страны представляютъ, при соприкосновеніи съ порфировыми и діоритовыми скалами, которыя прошли чрезъ нихъ, необыкновенно могущественныя рудныя жилы колчедана и мѣди: во всемъ мірѣ не найдется, быть можетъ, столь громадныхъ формацій. Рудники Ріо-Тинто, расположенные, къ несчастію, въ 80 километрахъ отъ моря и на высотѣ 500 метровъ, поражаютъ глазъ своими размѣрами. Спускаясь въ ихъ бездны, выточенныя въ камнѣ, наполненныя полунагими рабочими, или проникая въ ихъ галлереи, расположенныя ярусами, вездѣ представляется взорамъ только колчеданъ; груды окалинъ поднимаются настоящими холмами; на сѣверѣ долины Дегеза, находится громадный столъ изъ желѣзистыхъ срастеній, называемый *„mesa de los Pinos“* и представляющійся кучею сплавленнаго металла, вышедшаго изъ печи. Остатки зданій вѣроятно финикійскихъ и римскихъ гробницъ и въ особенности огромныя пещеры, вырытыя древними рудокопами, свидѣтельствуютъ о продолжительности работъ эксплоатаціи во времена, предшествовавшія вторженію варваровъ; монеты, которыя находятъ въ галлереяхъ, заставляютъ предполагать, что рудники разрабатывались весьма дѣятельно во время Гонорія, и что появленіе вандаловъ внезапно прервало работы, которыя возобновились лишь въ 1730 г., но и то весьма слабо. Рудокопы энергически принялись за дѣло только въ наше время. О громадныхъ сокровищахъ, остающихся въ запасѣ для будущей промышленности, можно судить по тому факту, что два главныя мѣстонахожденія Ріо-Тинто содержатъ въ себѣ болѣе 300 милліоновъ тоннъ руды; одна эксплоатиро-

КРЕСТЬЯНЕ ИЗЪ ОКРЕСТНОСТЕЙ ХЕРЕСА.

ванная рудная жила оцѣнивается въ 19 милліоновъ тоннъ, несмотря на огромныя раскопки, сдѣланныя тамъ прежними рудокопами. Мѣстонахожденія Ѳарзиса, въ которомъ нѣкоторые археологи узнаютъ древнюю „*Thartesis Baetica*“ римлянъ, весьма ничтожны въ геологическомъ отношеніи сравнительно съ рудными жилами Ріо-Тинто, такъ какъ въ нихъ содержится руды всего 14 милліоновъ тоннъ; но, благодаря сосѣдству моря и меньшей высотѣ, построена желѣзная дорога прямо отъ рудниковъ къ Гуэльвскому порту. Ѳарзисскіе рудники представляютъ удивительное зрѣлище: рудникъ подъ открытымъ небомъ въ 900 метровъ длиною походитъ на большой амфитеатръ, окруженный дикими и красноватыми скалами съ уступами, въ видѣ лѣстницъ. Голубой слой сѣрнистой смѣси желѣза и мѣди, на которомъ двигаются толпы рабочихъ, имѣетъ не менѣе 138 метровъ толщины; чтобы истощить его, нужно было бы срыть самую гору; вѣроятно, къ этимъ огромнымъ залежамъ относятся слова Страбона, что мѣдь въ нѣкоторыхъ мѣстонахожденіяхъ представляла четверть извлеченной массы земли; есть рудные пласты, содержащіе въ себѣ дѣйствительно до 12 и даже до 20 процентовъ чистой мѣди. Въ окрестностяхъ ямы, въ особенности съ восточной стороны, почва покрыта на пространствѣ, теряющемся изъ вида, кучами осколковъ, наслоившихся въ разные вѣка. Сотни очаговъ, въ которыхъ расплавляютъ руду, горятъ тамъ и сямъ, отравляя атмосферу своими сѣрными парами, отъ которыхъ гибнетъ вся растительность въ окрестностяхъ; болѣе 130 тоннъ сѣры улетучивается такимъ образомъ ежедневно въ дымѣ. Рѣки уносятъ также огромное количество металлическихъ веществъ. Послѣ сильныхъ дождей воды Одіеля, Ріо-Тинто, обязаннаго своимъ названіемъ цвѣту руды, становятся желѣзистыми и отравляютъ всѣхъ рыбъ и раковинныхъ животныхъ, заплывшихъ въ нихъ изъ моря; желтоватая охра ложится на берега, тогда какъ ниже, на берегахъ лимана, металлъ, смѣшиваясь съ сѣрою морскихъ разложившихся организмовъ, превращается въ черноватую тину. Хотя Ѳарзисскій рудникъ эксплоатируется и болѣе дѣятельно, чѣмъ всѣ прочіе, однако онъ далеко не содержитъ въ себѣ такихъ богатствъ, какъ рудники Ріо-Тинто. Высчитано, что около пятой доли мѣди, добываемой на всемъ земномъ шарѣ, происходитъ изъ Ѳарзисскаго рудника, и что болѣе половины, 500,000 тоннъ сѣрной кислоты, фабрикуемой въ Шотландіи, происходитъ изъ того же источника.

Продукція Ріо-Тинто въ 1883 г.: 1.099,973 тоннъ руды и 12,000 тоннъ мѣди.

Какъ ни пуста Андалузія сравнительно съ тѣмъ, чѣмъ бы она могла быть, если бы средства ея были утилизированы, какъ слѣдуетъ, она одна-

коже по красотѣ и славѣ своихъ городовъ можетъ назваться второю Италіею. Имена Гренады, Кордовы, Севильи, Кадикса,—одни изъ тѣхъ, которыя воспѣвались наиболѣе поэзіею и которыя пробуждаютъ въ умѣ самыя пріятныя и веселыя идеи. Историческія воспоминанія еще болѣе чѣмъ великолѣпіе монументовъ сдѣлали эти старые мавританскіе города общимъ достояніемъ не только испанцевъ, но и всѣхъ людей, интересующихся жизнью человѣчества и развитіемъ наукъ и искусствъ. Города Андалузіи, хотя падшіе по большей части, занимаютъ однако не послѣднее мѣсто между прочими городами Испаніи, ибо изъ восьми агломерацій, состоящихъ болѣе чѣмъ изъ 50,000 жителей, четыре находятся въ одной провинціи Гвадалквивира; впрочемъ, каково бы ни было въ настоящемъ или будущемъ экономическое значеніе этихъ андалузскихъ городовъ, они будутъ всегда привилегированными мѣстами пилигримства для людей, желающихъ обучаться по памятникамъ прошлаго.

Большіе города Андалузіи имѣютъ всѣ природныя выгоды положенія, объясняющія ихъ настоящее или прошлое процвѣтаніе. Кордова, Севилья имѣютъ богатыя долины Гвадалквивира, прелестной рѣки, которая омываетъ ихъ; имѣютъ дороги, спускающіяся съ переваловъ сосѣднихъ горъ; Гренада имѣетъ свои обильныя воды и богатыя поля; Гуэльво, Кадиксъ, Малага, Альмерія имѣютъ свои порты на океанѣ или Средиземномъ морѣ; Гибралтаръ имѣетъ свою гавань между двумя морями. Другіе города, менѣе важные въ торговомъ отношеніи, имѣли нѣкогда большое стратегическое значеніе. Хаенъ (уаен), Антеквера, Ронда стерегутъ дороги, связывающія долины Гвадалквивира и Гениля прямо съ моремъ.

Между этими городами, имѣющими историческое значеніе, благодаря своему расположенію на пути, ведущемъ отъ одного склона къ другому, слѣдуетъ также упомянуть находящіеся на востокъ отъ Гренады: Кадиксъ, на равнинѣ Гвадіаны Меноръ; Велецъ Рубіо и Велецъ Бланко, расположенные уже на отлогости Средиземнаго моря, одинъ въ долинѣ, другой на крутизнѣ утесовъ; Кулларъ де База съ подземными домами, вырытыми въ гипсовыхъ слояхъ на западномъ склонѣ *Vertientes*, или „вершинъ раздѣла“; Гуэскаръ, наслѣдникъ древняго карѳагенскаго города; База, окруженный превосходно воздѣланными полями окрестной долины, называемой рвомъ, или „*hoya*“. База былъ нѣкогда маленькою Гренадою; высокія стѣны, или зубчатыя башни, господствующія надъ нимъ, свидѣтельствуютъ о важномъ военномъ значеніи, которое онъ имѣлъ во времена мавровъ; но съ тѣхъ поръ какъ испанскіе завоеватели сдѣлали его христіанскимъ городомъ, онъ имѣетъ видъ развалинъ. Подъ деревьями, осѣняющими его мѣста прогулокъ, показываютъ еще пушки,

изъ которыхъ бомбардировали, за два года до взятія Гренады, его укрѣпленія.

Самая Гренада, хотя и празднуетъ танцами и криками годовщину дня, когда арміи Фердинанда и Изабеллы вошли въ ея стѣны, стала несравненно ниже того, чѣмъ она была нѣкогда. Бывши болѣе чѣмъ въ теченіе двухъ столѣтій столицею королевства, она заключала въ своихъ стѣнахъ до шестидесяти тысячъ домовъ и до 400,000 жителей. По прошествіи славныхъ дней Кордовы, она сдѣлалась самымъ оживленнымъ, самымъ промышленнымъ и богатымъ городомъ полуострова, и немногіе изъ европейскихъ городовъ могли сравняться съ нею. Въ настоящее время еще число ея народонаселенія составляетъ шестую часть народонаселенія всей Испаніи;—но увы! между ея жителями встрѣчается масса бѣдняковъ, несчастныхъ въ лохмотьяхъ, живущихъ вмѣстѣ къ свиньями въ самыхъ ужасныхъ логовищахъ! Между ея зданіями встрѣчается множество развалинъ, въ которыхъ узнаются остатки древнихъ дворцовъ! Около самаго предмѣстья Альбецины, прежняго убѣжища бѣжавшихъ изъ Баезы, пресмыкается цѣлое народонаселеніе, состоящее въ особенности изъ цыганъ и неимѣющее другаго убѣжища, кромѣ вонючихъ, ужасныхъ пещеръ, выточенныхъ въ камнѣ!

За исключеніемъ этого живописнаго предмѣстья Альбецины, на сѣверѣ Гренады, собственно въ городѣ, не осталось ни одного зданія мавританской постройки: фанатизмъ національныхъ и религіозныхъ ненавистей все истребилъ, и пестрые дома сохранили изъ арабскаго стиля лишь нѣкоторыя архитектурныя подробности, перешедшія по наслѣдству отъ предковъ. Но внѣ города великолѣпные памятники свидѣтельствуютъ еще о славѣ прежнихъ владѣтелей Испаніи: на одномъ холмѣ, на которомъ, какъ говорятъ, были построены первыя зданія города, поднимаются „Алыя башни“; гораздо восточнѣе и господствуя одинаково надъ водами Дарро, находится Генералифъ съ своими удивительными садами, залитыми водою, которая то бьетъ фонтанами, то падаетъ, сверкая каскадами, то разливается въ бассейнахъ. Между Алыми башнями и Генералифомъ, на пространствѣ около километра, возвышается надъ громадною массою стѣнъ, бастіоновъ, выдвинувшихся впередъ башенъ, дворецъ Альгамбра, массивный снаружи, но очаровательный внутри. Карлъ V, въ припадкѣ глупаго каприза, велѣлъ выстроить рядомъ съ этимъ дворцомъ претенціозное зданіе, оставшееся, впрочемъ, неоконченнымъ, которое представляетъ жалкій контрастъ съ обиталищемъ магометанскихъ повелителей, этимъ чудомъ человѣческаго искусства, однимъ изъ тѣхъ совершеннѣйшихъ произведеній архитектуры, которыя служатъ типами для вкуса артистовъ

и образцами, которымъ подражаютъ болѣе или менѣе удачно въ зданіяхъ, воздвигаемыхъ во всѣхъ странахъ міра.

Внутренность Альгамбры хотя и лишена большей части своихъ сокровищъ и украшеній, утомляетъ посѣтителя безконечнымъ разнообразіемъ своихъ залъ, дворовъ, портиковъ, перемѣшанныхъ съ садами, осѣняемыми очаровательною тѣнью. Въ особенности восхитительны—Львиная зала, зала Посланниковъ и ворота башни Инфантовъ; но всѣ стѣны безъ исключенія представляютъ одинаковую роскошь гипсовыхъ арабескъ, разнообразныхъ перевивокъ, полныхъ гармоніи въ своемъ разнообразіи, разноцвѣтныхъ фаянсовъ, покрытыхъ глазурью и составляющихъ очаровательные рисунки, тексты корана, вырѣзанные рельефомъ въ верху колоннъ; взоръ очарованъ всѣми этими орнаментами, такъ искусно перемѣшанными; воображеніе устаетъ слѣдовать за ихъ безконечнымъ сплетеніемъ. Во времена арабовъ слоновая кость и золотые листья своимъ контрастомъ увеличивали красоты рисунковъ, украшающихъ все зданіе. Это именно тотъ дворецъ, „который геніи украсили какъ сонъ, какъ мечту!“

Съ высоты башни Вела и другихъ, господствующихъ надъ крѣпостью, наслаждаешься однимъ изъ тѣхъ чудныхъ зрѣлищъ, видъ которыхъ составляетъ эпоху въ жизни человѣка. Внизу Гренада, со своими щетинистыми башнями, съ своими кварталами, вдающимися въ долины ея двухъ рѣкъ, съ своими холмами, усѣянными бѣлыми домами, сіяющими сквозь зелень. Дарро, текущій между своими тѣнистыми берегами, выходитъ изъ „Райской долины“ и стремится соединиться съ Генилемъ, спускающимся изъ „Адской долины“ и угрожающимъ Гренадѣ наводненіемъ, выступая часто изъ своихъ береговъ. Эти двѣ рѣки, соединившись, орошаютъ роскошныя поля Веги, ихъ серебристыя волны сверкаютъ то тутъ, то тамъ, посреди громаднаго плодоваго сада, который сравнивался такъ часто христіанскими и арабскими поэтами съ изумрудомъ, обдѣланнымъ въ сафиръ. Голубыя горы, господствующія надъ этою зеленѣющею долиною, служившею театромъ столькихъ сраженій, слѣдуютъ одна за другою до крайняго горизонта и придаютъ всей этой картинѣ торжественно-величественный видъ. На югѣ поднимаются исполинскія массы сіерры Невады; на востокѣ и сѣверѣ—менѣе возвышенныя горы, но также дикія и обнаженныя, своими красноватыми и изрытыми склонами внезапно ограничиваютъ поля, покрытыя густою растительностью. Почти изолированная вершина, гора Эльвира, вдающаяся мысомъ въ средину долины, напоминаетъ своимъ извращеннымъ именемъ иберійскій городъ Или-Берри (Новый городъ), одинъ изъ городовъ Гренады.

Контрастъ дикихъ горъ съ плодородною долиною, обрывистыхъ утесовъ съ изящнымъ, миловиднымъ городомъ придаетъ особенную прелесть этому чудному пейзажу Гренады. Мавры, у которыхъ встрѣчается подобный же контрастъ,—наружная неподвижность и внутреннее пламя,—были влюблены въ этотъ андалузскій городъ. Для нихъ онъ былъ и „царемъ городовъ", „западнымъ Дамаскомъ", „частицею неба, упавшей на землю". Испанскія пословицы также не менѣе похвалъ расточаютъ ему: „*Quien no ha visto Granada,—no ha visto nada*" (Кто не видалъ Гренады,—не видалъ ничего)! „Хорошенькая" Гренада, какъ ее называютъ, дѣйствительно одинъ изъ прелестнѣйшихъ уголковъ міра, особенно въ лѣтній сезонъ, когда всѣ города нижнихъ равнинъ сожжены сухостью. Тогда-то именно воды, спускающіеся изъ сіерры Невады, текутъ съ наибольшею силою и распространяютъ вокругъ себя плодородіе, изобиліе и радость. Гренада рѣшила обзавестись университетомъ: она вспомнила, что во времена мавровъ обладала 50 высшими школами и 70 библіотеками.

Другіе города генильскаго бассейна имѣютъ также виноградники, оливковыя и плодовыя деревья, прядильныя и хлѣбныя растенія, но ни одинъ изъ нихъ не можетъ сравниться съ богатою Гренадою, даже самый Лоха съ своими свѣжими водами, этотъ „цвѣтокъ между терніями", какъ его называютъ, этотъ оазисъ среди дикихъ скалъ и ущельевъ. Впрочемъ Хаенъ почти достоинъ этого сравненія. Этотъ старый городъ, бывшій столицею арабскаго королевства и выдержавшій борьбу съ своею могущественною южною соперницею, расположенъ у сліянія многихъ источниковъ, игриво стремящихся къ Гвадалквивиру. Въ окружности его возвышается до тысячи башенъ. Берега источниковъ, господствующіе надъ городомъ, покрыты развалившимися стѣнами, между которыми пробивается богатая растительность; у подножья этихъ возвышенностей разстилаются поля, обильно орошаемыя и покрытыя богатою растительностью и тѣнистыми плодовыми деревьями; мѣстами поднимаются высокія, стройныя пальмы, распускающія свои вѣерообразные листья надъ густою листвою другихъ деревьевъ. Посреди этой долины, имѣющей восточный характеръ, Хаенъ сохранилъ свою средневѣковую мавританскую физіономію: его выбѣленные известкою дома имѣютъ весьма немного отверстій, какъ будто въ нихъ живутъ еще жены мусульманъ, ревниво охраняемыя отъ всякаго посторонняго взгляда.

Въ высокой долинѣ Гвадалквивира города тѣснятся одинъ возлѣ другаго. Вотъ Баеца—„Королевское Соколиное гнѣздо"; въ его стѣнахъ заключалось 150,000 жителей въ эпоху его процвѣтанія подъ

владычествомъ мавровъ; но война опустошила его въ пользу Гренады, наполнивъ переселенцами предмѣстье Альбецины; онъ не забылъ еще своего прошлаго и гордится имъ; его процессіи могутъ поспорить въ блескѣ и великолѣпіи съ процессіями Севильи. Въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ нимъ находится городъ Убеда, бывшій также нѣкогда большимъ мусульманскимъ центромъ и который казался бы, если бы измѣненіе костюмовъ не разрушило иллюзіи, городомъ, населеннымъ маврами. Выше, на горѣ, находится рудокопный городъ Линаресъ, едва могущій вмѣщать въ себѣ 8,000 жителей, хотя и даетъ нынѣ убѣжище 30,000 пришельцамъ; спускаясь ниже по теченію рѣки, встрѣчается Андухаръ, знаменитый своими *алькарразасами* и извѣстный путешественникамъ, какъ одно изъ самыхъ удобныхъ мѣстъ для переправы чрезъ Гвадалквивиръ. Километровъ въ тридцати оттуда, ниже города Монторо, находится Альколейскій мостъ, построенный на двадцати аркахъ изъ чернаго мрамора и сдѣлавшійся знаменитымъ вслѣдствіе сраженія двухъ армій, оспаривавшихъ другъ у друга обладаніе имъ.

Иберійская, римская, арабская Кордова заняла мѣсто въ испанской исторіи одновременно съ испанскою цивилизаціею. Она была во всѣ времена знаменитою и могущественною, и потому родовая испанская аристократія любитъ связывать свое начало съ началомъ Кордовы; преимущественно тамъ находится источникъ *„голубой крови“*, которая, по мнѣнію испанскаго дворянства, течетъ въ его благородныхъ жилахъ. Апогея своего величія Кордова достигла въ мавританскую эпоху; съ девятаго вѣка до конца двѣнадцатаго она заключала въ своихъ стѣнахъ около милліона жителей, и ея двадцать два предмѣстья простирались далеко въ равнину и въ боковыя долины. Богатство ея мечетей, дворцовъ, ея частныхъ домовъ было удивительно; но высшая ея слава заключалась въ томъ, что она заслуживала названіе „кормилицы наукъ“. Во времена великаго Маймонида, медика, философа и переводчика Аристотеля, она была первѣйшимъ городомъ во всемъ мірѣ для пріобрѣтенія научнаго образованія; ея школы, ея коллегіи и свободные университеты сохранили и развили научныя традиціи Аѳинъ и Александріи: безъ нея ночь среднихъ вѣковъ была бы еще темнѣе Кордуанскія библіотеки не имѣли себѣ подобныхъ въ мірѣ; одна изъ нихъ, основанная сыномъ перваго Абдерахмана, заключала въ себѣ болѣе 600,000 томовъ, каталогъ которыхъ состоялъ изъ сорока четырехъ томовъ. Но междоусобныя войны, вторженіе иностранцевъ и фанатизмъ уничтожили всѣ эти сокровища. Завоеванная испанцами полустолѣтіемъ ранѣе Гренады, Кордова низошла мало по малу на степень второстепеннаго города. Хотя она находится

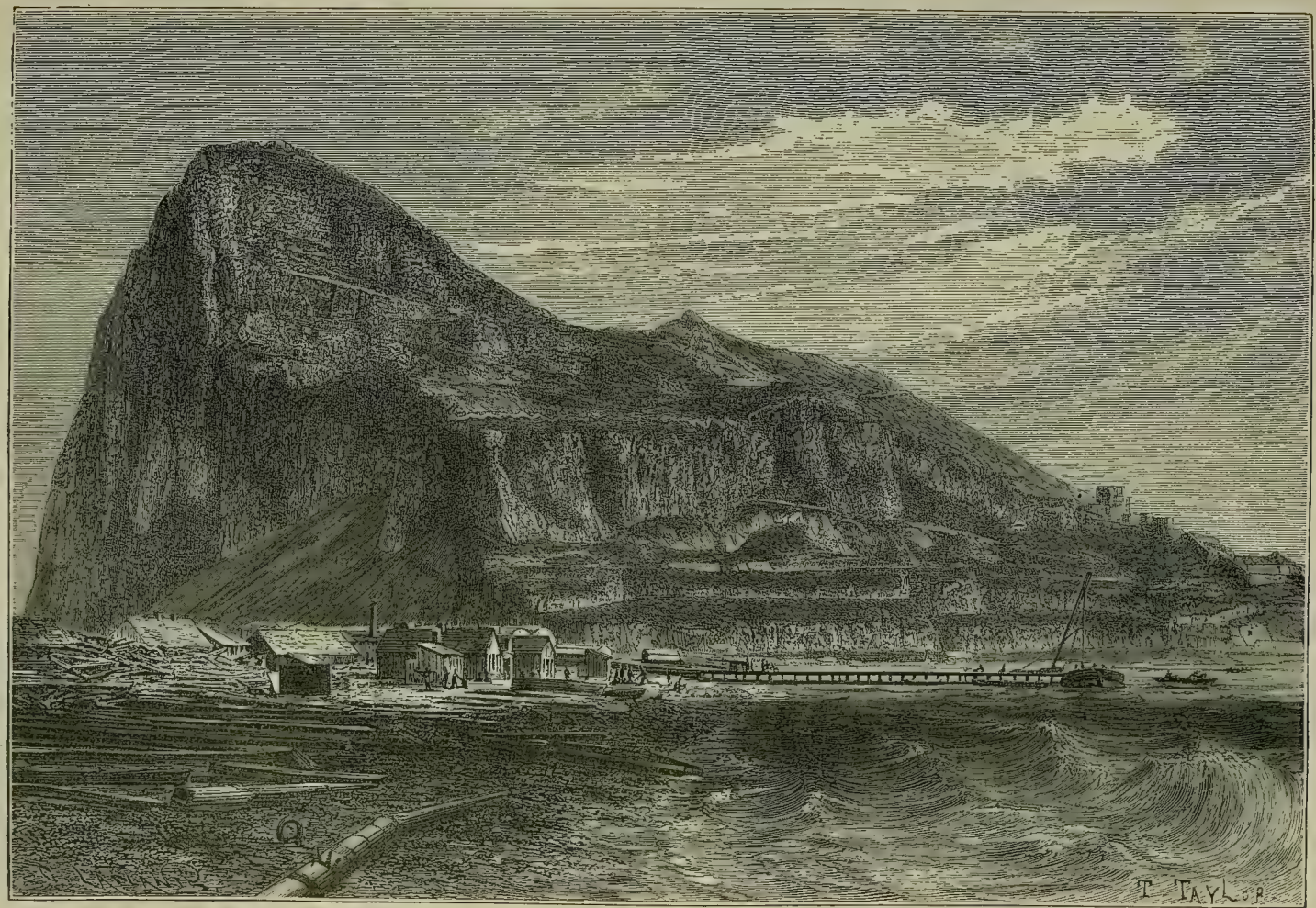
въ центрѣ Андалузіи, однако же со времени изгнанія мавровъ она сдѣлалась гораздо ниже Севильи, Малаги, Кадикса и Гренады.

Она сохраняетъ еще арабскую физіономію, придаваемую ей ея узкими переулками, въ которые никогда не проникаетъ прямой солнечный лучъ. Большая часть ея памятниковъ погибла, но она сохранила свою знаменитую мечеть (*mezquita*), ничего подобнаго которой нѣтъ во всемъ мірѣ. Въ Гренадѣ находится великолѣпнѣйшій дворецъ мусульманъ, въ Кордовѣ же ихъ великолѣпнѣйшій храмъ. Это зданіе, чудо арабскаго архитектурнаго искусства, было построено въ началѣ восьмаго вѣка Абдерахманомъ и его сыномъ; при видѣ его спрашиваешь себя съ удивленіемъ, какимъ образомъ въ продолженіе одного поколѣнія могла быть воздвигнута такая исполинская постройка? При входѣ въ него, взорамъ представляются убѣгающія вдаль перспективы колоннъ, какъ будто сосны въ темномъ лѣсу; арки съ своими изгибами въ два яруса одинъ надъ другимъ, самыхъ разнообразныхъ формъ, кажутся въ полусвѣтѣ храма гигантскими, переплетенными вѣтвями. Хотя большая часть колоннъ, можетъ быть, половина, была уничтожена для очищенія мѣста для клироса и католическихъ капеллъ, однако же ихъ остается еще восемьсотъ шестьдесятъ штукъ, не считая колоннъ портика и колокольни; аллеи колоннъ, или нёфы, находятся въ числѣ девятнадцати въ ширину и пересѣкаются двадцатью девятью другими аллеями, или улицами (*calles*), какъ ихъ называютъ испанцы, отличая ихъ одну отъ другой конечными капеллами. Колонны, происходящія изъ всѣхъ римскихъ храмовъ Андалузіи, остальной Испаніи, мусульманской Галліи, Мавританіи и изъ числа которыхъ сто сорокъ были присланы въ подарокъ изъ Византіи, представляютъ почти полную коллекцію самыхъ драгоцѣнныхъ матерьяловъ: зеленаго египетскаго гранита, краснаго и зеленаго античныхъ мраморовъ, крапленаго мрамора разныхъ цвѣтовъ; „однѣ изъ нихъ желобчатыя и, витыя, другія шероховатыя, какъ пальмы, узловатыя, какъ бамбукъ, или гладкія, какъ бананъ“. Коринѳскія, дорическія или арабскія принадлежатъ къ самымъ разнообразнымъ стилямъ; также и арки имѣютъ различныя формы: однѣ сдѣланы въ видѣ дуги, большая же часть въ видѣ подковы въ три, пять, семь или даже въ девять и одиннадцать долей такъ, что образуютъ каменную ленту. Нигдѣ не встрѣчается утомительной симетріи; архитекторы сохранили вездѣ великую свободу фантазіи. Вездѣ также они щедро расточали самые роскошные орнаменты; нёфы были вымощены серебромъ, алтари украшены золотыми бляхами съ драгоцѣнными каменьями, чернымъ деревомъ и слоновою костью. Можно судить, какова была роскошь мечети, проникая въ *мирабъ*, гдѣ была нѣкогда „святая

святыхъ“ и гдѣ сохраняли копію книги, написанной собственноручно Османомъ. Мозаика мираба, византійской работы, и арабески, недавно очищенныя отъ тѣхъ орнаментовъ, которыми ихъ закрыли христіанскіе архитекторы, великолѣпнѣйшія во всемъ мірѣ.

Самые богатые округа окрестностей Кордовы суть не тѣ, которые омываются Гвадалквивиромъ, а расположенные болѣе внутри, въ особенности въ бассейнѣ Гвадахоца, при подошвѣ сіерра Хаена, находящіеся въ самыхъ плодородныхъ и богатыхъ земледѣльческихъ центрахъ. Монтилла замѣчателенъ великолѣпными винами; Агвиларъ, мѣстныя вина котораго извѣстны въ торговлѣ тоже подъ именемъ *монтилла*, уступаетъ сосѣду лишь очень мало въ достоинствѣ своихъ произведеній; Баена, Кабра Пріего де Кордоба, Алькала ля Реаль и Мартосъ производятъ тоже въ изобиліи вина, масла, хлѣба; Люцена пользуется, между прочимъ, извѣстною промышленною дѣятельностью. Вообще-же во всей равнинѣ Гвадалквивира, между Кордовою и Севильею, на разстояніи около 150 километровъ по извилинамъ рѣки, нѣтъ ни одного большаго города; даже Пальма-дель-Ріо, расположенный въ оазисѣ апельсинныхъ деревъ, при сліяніи Гвадалквивира съ Генилемъ, представляется только слабо населеннымъ городкомъ, извѣстнымъ, лишь какъ мѣсто сбыта товаровъ изъ окрестностей города Эциха, построеннаго въ области степей нижняго Гениля. Берега рѣки, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, болотисты, а деревни опустошены лихорадкою.

Севилья, настоящая королева Гвадалквивира, одинъ изъ самыхъ многолюдныхъ городовъ Андалузіи, отличается также по части архитектуры; въ городѣ есть Альказаръ съ „вышитыми стѣнами“, не уступающій въ красотѣ Альгамбрѣ гренадской, и еще болѣе замѣчательный своими садами, пропитанными запахомъ апельсиновъ; затѣмъ богатый соборъ, весьма высокій и эффектный на видъ, и дворецъ, названный Каза-де-Пилатосъ, домъ Пилата, въ коемъ стиль Возрожденія соединенъ удивительнымъ образомъ съ мавританскимъ стилемъ. По замѣчанію Эдгара Кине, возрожденіе въ архитектурѣ въ Севильѣ было арабское, тогда какъ въ остальной Европѣ было греческое и римское. Изъ всѣхъ монументовъ Севильи, самый извѣстный *Гиральда*, „флюгеръ“, названный такъ по бронзовой статуѣ, вертящейся на верху колокольни. Севильцы очень гордятся этою мавританскою башнею и считаютъ ее покровительницею города. Но не Гиральда, не другіе монументы Севильи, не ея сокровища искусствъ и не прекрасныя картины Мурильо послужили поводомъ прозвать Севилью „очаровательницею“ и повторять часто пословицу:



ВИДЪ ГИБРАЛТАРА.

«Quien no ha visto Sevilla,
No ha visto maravilla».
(Кто не видѣлъ Севильи
Не видѣлъ чудесъ!)

Отличительная черта этого города во всей Испаніи заключается въ образѣ жизни, танцахъ, празднествахъ и въ безпрестанной оживленной веселости населенія. Бой быковъ въ Севильѣ самый замѣчательный на всемъ полуостровѣ; но школы тавромахіи, гдѣ изучали „философію быковъ“, уже не существуетъ; но всякому уличному мальчишкѣ извѣстно преданіе о ней. Университетъ Севильи принадлежитъ къ числу самыхъ многолюдныхъ. Въ Севильѣ же находится драгоцѣнное сокровище, „Индійскій архивъ“.

Севилья считается испанскимъ городомъ съ половины XIII вѣка; сдѣлавшись независимою республикою, она геройски сражалась противъ войскъ короля Кастиліи, но наконецъ изнемогла, и, разсказываютъ, что 300,000 ея жителей, т. е. почти все населеніе, должны были искать убѣжища въ берберійскихъ владѣніяхъ и въ мусульманской Испаніи. Такимъ образомъ древній Гиспалисъ римлянъ, Избалія мавровъ, сдѣлался Севильею Кастиліи. Въ продолженіе двухъ съ половиною вѣковъ, арабскій элементъ сосредоточивался въ королевствахъ восточной Андалузіи, тогда какъ Севилья населялась преимущественно христіанскими эмигрантами. Только предмѣстье Тріана, находящееся на правомъ берегу Гвадалквивира и которое желѣзный мостъ соединяетъ съ Севильею, сдѣлалось главнымъ кварталомъ цыганъ полуострова; тамъ они собираются для тайныхъ совѣщаній и, между прочимъ, стараются не входить ни въ какія столкновенія съ гражданскими или духовными властями. Недалеко отъ Тріана, къ сѣверу, на берегу Гвадалквивира, находятся, возлѣ деревушки Сантипонце, остатки прекраснаго амфитеатра „Италика“, древняго соперника Севильи, и отечество Силія Италика и императоровъ Траяна, Адріана и Ѳеодосія. Корія, другой римскій городъ, который въ средніе вѣка имѣлъ право чеканить монеты, находится на другой сторонѣ Севильи, также на правомъ берегу рѣки; но это не болѣе какъ деревня.

Благодаря прекрасной рѣкѣ, допускающей свободное сообщеніе съ поморьемъ и моремъ, Севилья пріобрѣла значеніе промышленнаго города; въ ней заслуживаютъ вниманія большіе фаянсовые заводы, особенно въ Тріанѣ; но фабрики шелковыя и другихъ матерій, ткани золотыя и серебряныя не въ состояніи выдержать иностранной конкурренціи. Торговая монополія, которою пользовался прежде Севильскій портъ въ ущербъ другимъ испанскимъ городамъ, подверглась неизбѣжнымъ послѣдствіямъ, которыя влечетъ за собою каждая привилегія: она не допустила развиться промышленности и, когда пришла минута дѣйствовать наравнѣ съ другими

городами, то результатъ оказался злополучный. Главная отрасль промышленности въ Севильѣ все-таки осталась въ рукахъ правительства: это фабрикація табаку. Огромное зданіе фабрики, какъ говорятъ, стоило до 10 милліоновъ франковъ и даетъ занятіе нѣсколькимъ тысячамъ работниковъ. На одномъ изъ мысовъ, господствующихъ къ югу надъ равниною Гвадалквивира, возвышается маленькій городокъ Алкала-де-Гвадайра, или де-лосъ-Панадеросъ, съ мавританскими укрѣпленіями, который можно считать обширною житницею, потому что въ немъ заготовляется большая часть хлѣба, потребляемаго жителями Севильи; приготовляемое здѣсь тѣсто до того хорошо, что хлѣбъ отправляется и въ Мадридъ, и въ Барцелону, и даже въ Португалію. Алкала снабжаетъ Севилью не только хлѣбомъ, но доставляетъ также и воду, которая сбѣгаетъ съ холма безчисленными и свѣтлыми ключами. Приведя въ движеніе нѣсколько мельницъ, вода эта вступаетъ въ Севилью длиннымъ водопроводомъ изъ болѣе чѣмъ четырехъ сотъ сводовъ, извѣстнымъ подъ названіемъ Аркосъ-де-Кармона. Названіе это происходитъ оттого, что онъ расположенъ параллельно дорогѣ, ведущей сквозь виноградники и оливковыя деревья къ старинному римскому городу Кармона (Carmo), господствующему съ высоты своего холма надъ окрестностями.

Къ югу отъ Севильи, старинные города нижней Бетики, густо населенные во времена мавровъ, нынѣ не имѣютъ почти никакого значенія. Утрера, самый значительный и притомъ даже красивый городъ, имѣетъ то рѣдкое въ Испаніи преимущество, что онъ лежитъ на перекресткѣ четырехъ линій желѣзныхъ дорогъ, а именно: въ немъ соединяется главный путь Андалузіи съ моронскою желѣзною дорогою, по которой привозится прекрасный мраморъ сіерры, и съ путями, ведущими въ Озуну и Мархену, города, къ которымъ на востокѣ прилегаетъ степь. Утрера извѣстенъ своими aficionados вслѣдствіе боевыхъ быковъ, пасущихся къ западу отъ его территоріи, въ болотистыхъ мѣстахъ Гвадалквивира. Лебриха, окруженный старинными стѣнами и гордящійся своею церковною башнею, построенною по примѣру Гиральды, находится еще ближе чѣмъ Утрера къ болотамъ, которыя начинаются почти непосредственно у подошвы его косогора и тянутся къ юго-западу до устья Гвадалквивира. Въ Лебрихѣ родился Жуанъ Діацъ-де-Солисъ, мореплаватель, открывшій Ріо-де-ла-Плата.

Санлукаръ-де-Баррамеда съ бѣлыми и розовыми домами, отѣненными пальмами, стоящій стражемъ въ устьѣ рѣки, не служитъ уже, какъ во времена арабовъ, большимъ отправочнымъ портомъ долины Гвадалквивира: его каботажныя суда, также какъ и суда маленькой гавани Бонанца,

лежащей немного выше по рѣкѣ, въ мѣстности, гдѣ прозрачныя морскія волны сливаются съ желтоватою водою рѣки, служатъ только для перевозки мѣстныхъ товаровъ. Санлукаръ, населеніе котораго обвиняли прежде, справедливо или нѣтъ, въ жестокости и буйствѣ, выпустилъ изъ своей гавани, въ 1519 году, три корабля Магеллана и, три года спустя, видѣлъ возвращеніе перваго судна, обошедшаго вокругъ свѣта. Но, вопреки своему значенію въ мірѣ коммерческомъ, Саплукаръ, воды котораго очень удобны для купанья, считается скорѣе дачнымъ мѣстомъ, чѣмъ пунктомъ морской торговли. Болѣе оживленнымъ торговымъ пунктомъ между Севильею и Кадиксомъ считается Хересъ-де-ла-Фронтера, находящійся въ другомъ рѣчномъ бассейнѣ, на берегу Гвадалеты, можетъ быть Леты древнихъ. Вокругъ этого города расположены обширные погреба, или *бодегасъ*, въ которыхъ хранятся бочки съ драгоцѣнными винами. Репутація винъ Хереса началась съ начала XVIII вѣка и съ того времени она все возрастаетъ, и въ настоящее время хересъ, вмѣстѣ съ портвейномъ, наполняютъ большею частію погреба Англіи. Поднимаясь къ живописному городу Аркосъ-де-ла-Фронтера, построенному на вершинѣ бѣловатой отлогости, глазамъ представляется богатая равнина Гвадалеты, въ которой приготовляется дорогой напитокъ. Небольшое возвышеніе посреди виноградниковъ означаетъ, по преданію, мѣсто знаменитаго сраженія испанцевъ съ мусульманами.

Бухта Кадикса, хорошо защищенная отъ вѣтра и зыби удлиненною флешью, которая начинается у острова Леонъ, окружена со всѣхъ сторонъ гаванями, городами и деревнями, образующими вмѣстѣ какъ бы большой морской городъ. Близъ сѣвернаго угла бухты, который кажется остатками древняго прибрежья, оторваннаго напоромъ волнъ, старинная ограда циклопическаго вида окружаетъ городъ Рота, мѣсто свиданія рыбаковъ, населенный сборщиками винограда, которые хотя пользуются репутаціею беотійцевъ, но тѣмъ не менѣе умѣютъ приготовлять одно изъ лучшихъ винъ Испаніи. Затѣмъ послѣ непрерывнаго ряда бухточекъ и мысовъ открывается лиманъ Пуэрто де Санта-Маріа, гдѣ Гвадалета вливается въ Атлантическій океанъ, мѣсто, откуда торговцы виномъ, магазины коихъ расположены вдоль набережныхъ, отправляютъ за границу почти всѣ произведенія Хереса. Во всѣ времена мѣновая торговля производилась черезъ этотъ портъ, болѣе удобный, чѣмъ Кадиксъ, вслѣдствіе соединенія въ одной точкѣ всѣхъ путей сообщенія, идущихъ изъ внутренности страны. Говорятъ даже, что жители Буэносъ-Айреса обязаны своимъ именемъ Портеньосъ, *Porteños*, многочисленнымъ андалузскимъ эмигрантамъ, которыхъ доставилъ ему портъ Санта-Марія. Знаменитый

*

флорентинецъ, именемъ котораго названъ Новый Свѣтъ, Америго Веспуччи, отправился также съ бара Гвадалеты. Пуэрто Реаль, древній *Portus Gaditanus*, расположенный въ срединѣ лабиринта, гдѣ прѣсная вода безпрестанно смѣняется соленою, служитъ въ настоящее время просто пристанью; сосѣднія верфи, извѣстныя подъ именемъ Трокадеро, или „мѣста обмѣна“, и которыя напоминаютъ собою событія изъ французской экспедиціи 1823 г., большею частью пустынны, и часто каррак-скій арсеналъ, его доки, обширные амбары, укрѣпленія съ казематами бываютъ населены только ссыльными, гарнизономъ и тюремнымъ начальствомъ. Къ востоку и югу тянутся соляныя копи, гдѣ добывается до 150,000 тоннъ соли, лучшей для соленій.

Санъ Карлосъ, къ югу отъ внутренней бухты Кадикса,—одинъ изъ прибрежныхъ городовъ, представляющій изъ себя видъ острова. Судоходный каналъ Санти Петри или Санъ Педро, глубиною отъ 7 до 8 метровъ при половодіи и пересѣченный между прочимъ проѣзжею и желѣзною дорогами, отдѣляетъ городъ отъ континента и косогоровъ, на которыхъ построены увеселительные дома и гостинницы Чиклана, города, извѣстнаго своими купальнями и считающагося мѣстомъ рожденія и школою знаменитыхъ тореро Андалузіи. Санъ Карлосъ составляетъ только предмѣстье Санъ Фернандо, называемаго также *la Isla*, въ которомъ находится морская обсерваторія, откуда испанскіе астрономы проводятъ свой первый меридіанъ. За новымъ каналомъ начинается скалистый и покрытый отчасти пескомъ скалистый выступъ Аррецифъ, который можно сравнить со стеблемъ, распустившимся цвѣткомъ котораго будетъ Кадиксъ; на корнѣ-же этого стебля когда-то находилась высокая финикійская башня, служившая пьедесталомъ бронзовой статуѣ бога, простирающаго правую руку къ неизвѣстнымъ морямъ запада. Минуя укрѣпленія насыпи и рвы Кортадуры, вырытые жителями Кадикса въ 1810 г., мы видимъ затѣмъ, какъ берегъ, по мѣрѣ приближенія къ морю, становится болѣе и болѣе отлогимъ. Налѣво, въ открытомъ морѣ, перевозчики показываютъ наивнымъ путешественникамъ мнимые остатки храма Геркулеса, поглощеннаго волнами. Но такъ или иначе, въ историческое-ли время, какъ утверждаютъ моряки, или еще раньше, но вѣрно только то, что вся мѣстность значительно осѣлась. Бары, линія прибоя которыхъ вдается въ море на 3 или 4 километра, параллельно нынѣшнему морскому берегу, суть не болѣе какъ остатки прежняго берега. Правда, что повышеніе почвы предшествовало осажденію; это доказывается тѣмъ, что полуостровъ, на которомъ расположенъ городъ Кадиксъ, состоитъ весь изъ остатковъ раковинъ, устрицъ и окаменѣлыхъ моллюсковъ.

Наконецъ, пройдя послѣднюю линію укрѣпленій, мы входимъ въ знаменитый Кадиксъ, потомокъ древняго Гадира финикійцевъ, Гадиры грековъ, Гадеса римлянъ. Въ первые вѣка иберійской исторіи этотъ городъ пользовался первенствомъ между всѣми городами полуострова, первенствомъ, переходившимъ, затѣмъ, поочередно къ Таррагонѣ, Меридѣ, Толедо, Кордовѣ, Гренадѣ, и, наконецъ, три вѣка тому назадъ, доставшимся Мадриду. Въ исторіи мы встрѣчаемъ Кадиксъ то на верху славы, то въ сильномъ упадкѣ; но, благодаря своему счастливому географическому положенію, онъ всегда быстро возрождался, на-перекоръ разнымъ политическимъ переворотамъ и постановленіямъ правительства. Онъ обладаетъ не только превосходнымъ рейдомъ, или, лучше сказать, нѣсколькими соединенными въ одну гаванями, но находится также близъ выхода изъ широкой рѣчной равнины, рядомъ съ проливомъ, соединяющимъ воды океана съ Средиземнымъ моремъ, и недалеко отъ конечной точки всего континента. Кадиксъ служитъ натуральнымъ грузовымъ пунктомъ для Новаго Свѣта и не уступитъ никакому большому порту Таго, считающемуся главнымъ центромъ для всего европейскаго континента при плаваніяхъ по южному Атлантическому океану.

Когда нѣсколько кораблей, вышедшихъ изъ небольшаго порта Палосъ, расположеннаго на берегу лимана Ріо-Тинто, открыли Вестъ-Индію, то Кадиксъ на долгое время завладѣлъ всею торговлею съ этою страною, торговлею, которая получила особенное развитіе съ 1720 года, когда судебныя мѣста Индіи перенесены были изъ Севильи въ Кадиксъ. Въ 1792 году жители Кадикса отослали товаровъ на 67 милліоновъ франковъ и получили продуктовъ и цѣнныхъ матерій на сумму 175 милліоновъ. — Правда, что вскорѣ послѣ этого въ Испаніи, послѣ трехъ столѣтій торговой монополіи, послѣдовалъ почти внезапный перерывъ въ сношеніяхъ съ Новымъ Свѣтомъ, и Кадиксъ потерялъ, такимъ образомъ, большую часть своихъ доходовъ; ему въ это время оставались только рыбные промыслы, какъ-то: вывозъ скумбры и сардинокъ, доставляемыхъ изъ Роты, Айямонте и съ острова Христины въ гавань Гвадіаны, и еще — соляныя копи Фернандо, которыя всегда разрабатывались лучше другихъ копей Испаніи; но счастье ему снова улыбнулось — и опять корабли начали толпиться у его пристаней.

Вывозъ соли изъ Кадикса: 225,000 тоннъ, стоимостью въ 2,500,000 франковъ.

Въ этой части испанскаго прибрежья, между Алгарвою португальскою и проливомъ, Кадиксъ — единственный городъ, имѣющій дѣловыя сношенія съ цѣлымъ свѣтомъ; Гуэльва, значительная прежде, въ

настоящее время ведетъ только спеціальную торговлю рудами, отправляемыми на заводы Англіи.

По своей торговлѣ и значительному населенію, Кадиксъ занимаетъ, сравнительно, очень небольшую площадь; прибрежье залива считаетъ до 200,000 жителей, одна треть которыхъ не находитъ себѣ мѣста въ городѣ. Правда, къ востоку, внѣ „Воротъ Земли", находятся мѣста, которыя можно бы увеличить, оградивъ плотиною отмели залива; но инженеры не дозволяютъ тамъ строить большихъ строеній, и кварталъ поэтому не имѣетъ никакого значенія. „Кадиксъ серебряное блюдо, положенное на воду", говоритъ испанская пословица. Окруженная со всѣхъ сторонъ водою, эта „испанская Венеція" вознаградила недостаточность своей площади высотою построекъ; пяти и шести-этажные дома имѣютъ еще бельведеры, откуда представляется глазу весь городъ, опоясанный водою, и хотя мѣстъ для прогулки почти вовсе нѣтъ по, тѣмъ не менѣе, Кадиксъ имѣетъ веселый видъ: дома, выкрашенные въ свѣтлый цвѣтъ, пріятный для глазъ; жители, извѣстные своею любовью къ удовольствіямъ, своею живостью, находчивостью и наконецъ изяществомъ, достойнымъ креоловъ, заслужили вполнѣ названіе своего города „веселый Кадиксъ"; но, между согражданами Испаніи, они имѣютъ еще и другія преимущества: во всѣ времена они высказывали духъ независимости, и вотъ изъ среды этихъ-то людей и возродилась нынѣшняя Испанія, когда кортесы, собравшіеся на островѣ Леонъ, представляли отечество, возставшее противъ чужеземнаго завоевателя. Въ Кадиксѣ родился математикъ и ботаникъ Мутизъ, котораго безсмертное имя, по словамъ Линнея, не будетъ никогда забыто.

На берегу Средиземнаго моря, въ Андалузіи, есть другой портъ, который въ прежнее время былъ вторымъ Кадиксомъ въ отношеніи торговли: это Альмерія. Въ эпоху, когда оба противуположные берега были заселены народомъ, говорившимъ на одномъ языкѣ и исповѣдывавшимъ одну религію, не было ни одного порта, который былъ-бы удачнѣе расположенъ, чѣмъ Альмерія, для сношенія между обоими берегами, потому что въ этомъ мѣстѣ начинается проливъ Средиземнаго моря, и путешественники избавлялись-бы такимъ образомъ какъ отъ морскихъ опасностей, такъ и отъ длиннаго обхода черезъ Гибралтарскій проливъ. Преданіе о древнемъ величіи Алмеріи сохранилось и понынѣ въ странѣ, и по этому поводу повторяются слѣдующіе стихи:

«Cuando Almeriae ra Almeria,
Granada era su alqueria».

Когда Альмерія—была Альмеріею, то Гренада была ея мызою.

Но испанцы взяли на себя трудъ положить конецъ этому благоденствію, завоевавъ городъ съ помощью генуэзцевъ и пизанцевъ, въ XII вѣкѣ, и наложили свою руку на эту „священную чашу“ *(sacro catino)*, которую легенда называетъ *Saint-Graal*, мистическою вазою, завоеваніе которой стоило большихъ трудовъ рыцарямъ Круглаго Стола. Хотя и побѣжденные, однако Альмерія и другіе окрестные города остались еще надолго мавританскими, каковы они и донынѣ по происхожденію своихъ жителей. Имъ часто приходилось также защищаться противъ набѣговъ варварійцевъ, и соборъ въ Альмеріи, начатый въ XVI вѣкѣ и очень похожій на крѣпость, ясно показываетъ, какимъ опасностямъ подвергались жители. Что касается до бѣловатыхъ домовъ съ террасами, кривыхъ улицъ и старой *kasbah*, вмѣщающей въ себѣ до 20,000 человѣкъ, то все это сохранило вполнѣ арабскую физіономію: сквозь открытыя двери можно всегда видѣть женщинъ, сидящихъ, по восточному обычаю, на пяткахъ и вяжущихъ цыновки. Съ тѣхъ поръ какъ Алжирія получила большое значеніе въ качествѣ страны, колонизованной испанцами. Альмерія возобновила свои прежнія торговыя сношенія съ Мавританіею и наравнѣ съ отсылкою своихъ рудъ въ Англію и Францію она поддерживаетъ также безостановочное сообщеніе съ алжирскимъ портомъ Ораномъ. Къ востоку и сѣверо-востоку идутъ мельніе города Нихаръ, Вэра, Куэвасъ де-Вэра и Уэркалъ-Овэра.

Къ западу отъ Альмеріи идутъ города, принадлежащіе по климату и произведеніямъ къ тропическимъ. При выходѣ изъ равнины ріо Гранде д'Альпухарра, находится портъ Адра, черезъ который идутъ товары изъ городовъ Берха и Даліасъ; послѣдній вполнѣ оправдываетъ свое арабское названіе „Виноградная бесѣдка“ производствомъ отборнаго винограда; это былъ, говорятъ, первый осѣдлый пунктъ арабовъ, пришедшихъ изъ Африки. Затѣмъ слѣдуютъ два небольшихъ порта Мотриль, Кала Хонда и Барадеро; далѣе Альмуньекаръ, Велецъ-Малага и Малага—„очаровательница“, окруженная фруктовыми садами, орошаемыми водами Гвадальмедины.

Малага, финикійскаго происхожденія, какъ и большая часть другихъ прибрежныхъ портовъ, есть самый населенный и преимущественно торговый городъ Андалузіи; менѣе богатый въ отношеніи прекрасныхъ арабскихъ памятниковъ, чѣмъ Гренада, Кордова и Севилья,—такъ какъ онъ обладаетъ лишь разрушенными дворцами,—менѣе знаменитый въ отношеніи историческихъ событій, чѣмъ Кадиксъ, соперничествующій съ нимъ на берегу Атлантиды, городъ Малага обязанъ своему превосходному порту и чрезвычайной производительности своихъ окрестностей тѣмъ, что онъ превзошелъ всѣ другіе города южной Испаніи числомъ и дѣятельностью

своихъ жителей; по значительности цифры ежегоднаго обмѣна, его превосходитъ во всей Испаніи лишь одна Барцелона. Малага имѣетъ передъ Кадиксомъ то преимущество, что она не есть только простое складочное мѣсто. Всѣ товары, вывозимые изъ нея, какъ-то: вино, апельсины и фрукты различныхъ родовъ, но, въ особенности, изюмъ (*pasas* и *lechos*),—все это выходитъ изъ ея непосредственнаго округа, чудесно орошаемаго искусственными каналами и осушеннаго въ настоящее время отъ всѣхъ болотъ, которыя нѣкогда покрывали эту мѣстность. Малага имѣетъ, чтобы поддерживать свою торговлю, даже то, чего не имѣетъ и Кадиксъ, а именно: она имѣетъ промышленныя заведенія, огромные мыловарни, литейные и тростниково-сахарные заводы. Говорятъ, что весьма обширному, но плохо защищенному отъ южнаго вѣтра, порту Малаги угрожаетъ современемъ уменьшеніе въ объемѣ, вслѣдствіе подпятія уровня его дна; но завоеванія берега слѣдуетъ лишь объяснять тѣми остатками, которые уносятся потомкомъ Гвадальмедины; передъ набережными на прежнихъ водахъ образовалась широкая полоса сухой земли. Соборъ, видный съ моря и возвышающійся надъ портомъ, кажется почти столь же огромнымъ, какъ и остальная часть города; но, помимо домовъ, сгруппированныхъ у подножія холма, и крѣпости Гибралфаро, слѣдовало бы счесть тоже принадлежащими къ городу и безчисленныя виллы, разсѣянныя по склонамъ окружающихъ холмовъ и въ долинахъ Гвадальгорце и Гвадальмедины. Города съ сѣрнистыми водами и другіе, которые разбросаны тамъ и сямъ въ самыхъ живописныхъ уголкахъ сосѣднихъ горъ, въ Алорѣ, Большомъ Алгоринѣ, Карратрака и даже въ Альгамѣ, на сѣверномъ склонѣ сіерры Альгамы, всѣ они могутъ быть разсматриваемы, какъ зависящіе главнымъ образомъ отъ Малаги, такъ какъ эти мѣста оживляются въ продолженіе лѣта преимущественно жителями Малаги, куда они стекаются для дачной жизни и для пользованія лѣчебными водами. Альгама была частью разрушена землетрясеніемъ въ 1884 г. Говорятъ, что источники Альгамы были такъ посѣщаемы во времена мавританскихъ королей, что они приносили имъ ежегодно 500,000 дукатовъ. Воды Ланхаронъ, въ долинѣ Лекринъ, отличаются, говорятъ, большими достоинствами, чѣмъ воды Виши, а помимо этого имѣютъ преимущество находиться въ „Раю“ Альпухарры, посреди самой величественной и прекрасной мѣстности. Жители считаются одними изъ самыхъ красивыхъ на всемъ полуостровѣ. „Нѣтъ въ Испаніи красавца, кромѣ ланхаронца!“ говоритъ пословица.

Города Антеквера и Ронда, вдавшіеся нѣсколько въ глубь страны, оба принадлежатъ къ бассейну Средиземнаго моря, такъ какъ первый расположенъ на Гвадальгорце, впадающемъ въ море немного западнѣе

Малаги, а другой помѣщается на бассейнѣ Гвадіаро, воды котораго омываютъ восточные склоны холмовъ Санъ-Рока, сѣвернѣе Гибралтара. Антекверa иберійская и римская,—одинъ изъ самыхъ древнихъ городовъ Испаніи; она служитъ пунктомъ обмѣна, производящагося непосредственно между Малагою и долиною Гвадалквивира; кромѣ того, изобилуетъ земледѣльческими продуктами своей замѣчательной веги, одной изъ самыхъ плодородныхъ во всей Андалузіи. На одномъ изъ окрестныхъ холмовъ возвышается огромный долменъ въ шесть метровъ длиною, весьма замѣчательный по своему географическому положенію въ равномъ разстояніи отъ мегалитовъ Галліи и сѣверной Африки: онъ носитъ названіе *Cueva del Mendal*. Что же касается до Ронда, еще совершенно арабскаго города, то онъ не можетъ имѣть значенія Антекверы, какъ пункта мѣновой торговли, уже потому, что находится въ самомъ сердцѣ неровной *serrania*, помѣщаясь на двухъ скалахъ, раздѣленныхъ между собою огромнымъ перерѣзомъ, такъ называемымъ Тахо, глубиною въ 160 метровъ и шириною отъ 35 до 70 метровъ. Въ верхней части этого прохода, оба берега соединяются мостомъ, который считаютъ римскаго происхожденія; другой мостъ, ведущій свое начало отъ арабовъ, перекинутъ черезъ дефиле на 40 метровъ выше Гвадалевина; наконецъ, три, одна на другую положенныя арки новѣйшаго моста соединяютъ обѣ выдающіяся центральныя части противуположныхъ скалъ. Приводя къ окончанію это гигантское сооруженіе въ продолженіе сорока восьми лѣтъ, съ 1740 по 1788 г., архитекторъ Альдегуэла ознаменовалъ его открытіе грустнымъ образомъ, упавъ самъ въ пропасть, надъ которою парятъ орлы и коршуны. Съ наклонныхъ площадокъ и висячихъ террасъ открывается восхитительный видъ на долину Гвадалевина и на сіерру де-Санъ-Кристобаль; но самое поразительное зрѣлище представляется взору, когда, спустившись со скалы, по которой извивается арабская лѣстница, высѣченная изъ камня, вы доходите до самаго основанія таинственнаго ущелья, видите вокругъ водопады Гвадалевина, а надъ головою деревья, башенки и высокія арки, вырѣзывающіяся на фонѣ лазурнаго неба. Тихій ручеекъ, вытекающій изъ расщелинъ скалы, смѣшиваетъ свою прозрачную воду съ ревущимъ потокомъ.

Какъ укрѣпленный пунктъ, Ронда прекрасно охраняла проходъ въ горѣ между долинами Гениля и Гвадіаро и, во время войнъ, она была всегда важнымъ стратегическимъ пунктомъ. Хотя она была завоевана за семь лѣтъ до покоренія Гренады, — окрестные жители защищали еще свою мавританскую національность противъ испанскихъ христіанъ вплоть до самаго 1570 года. *Rondeños*, то-есть жители Ронды, весьма искусны

въ выѣздкѣ мѣстныхъ лошадей, легко и сильно взбирающихся по крутымъ гористымъ тропинкамъ; кромѣ того, они доставляютъ торговому движенію большое число дѣятелей, не фигурирующихъ, впрочемъ, въ рядахъ сословій, признаваемыхъ оффиціальною статистикою: трудъ ввоза въ Андалузію бумажныхъ тканей, табаку и другихъ товаровъ, сложенныхъ въ магазинахъ Гибралтара, главнымъ образомъ принимаютъ на себя контрабандисты изъ Ронды. Порты Марбелла и Эстепона, на берегу Андалузіи, прилежащемъ къ Средиземному морю, а съ другой стороны европейскаго мыса, хорошенькій городокъ Альжезирасъ также участвуетъ въ этой контрабандѣ. Часто пытались сдѣлать изъ Альжезираса соперника Гибралтару въ отношеніи мѣновой торговли; но какъ могло бы это осуществиться? Гдѣ промышленные города, которые могли бы снабжать своими продуктами альжезирасскій рейдъ? Нѣкоторые патріоты предлагали преобразовать Альжезирасъ въ крѣпость, изъ которой можно было бы обстрѣливать рейдъ, препятствуя этимъ приближенію кораблей и вынуждая, такимъ образомъ, англичанъ покинуть Гибралтаръ.

Что-же касается до узкой скалы, которою завладѣли англичане въ 1704 году и которую они пробуравили на нѣсколько километровъ проѣзжими дорогами, унизали со всѣхъ сторонъ жерлами тысячи пушекъ, съ цѣлью защитить, какъ только можно лучше, входъ въ проливъ, то, надо сказать, что они съумѣли изъ нея сдѣлать не только неприступную крѣпость, но также и чрезвычайно оживленное складочное торговое мѣсто.

Торговое движеніе въ Гибралтарѣ въ 1881 г. было:

7.633,246 тоннъ, изъ которыхъ 7.231,622 тоннъ приходится на паровыя судна.

Въ 1885 г. въ Гибралтаръ вошло: 6 146 кораблей, вмѣстимостью въ 4.610,630 тоннъ.

За исключеніемъ нѣкоторыхъ фруктовъ, выспѣвшихъ въ садахъ, заслоненныхъ каменными откосами, Гибралтаръ самъ ничего не можетъ производить. Тангеръ снабжаетъ всѣмъ свою европейскую сосѣдку: мясо и хлѣбъ вывозятся въ большинствѣ съ африканскаго берега пролива, и множество городскихъ негоціантовъ, по своему происхожденію, суть жители Марокко, занимающіеся на Гибралтарѣ выгоднымъ сбытомъ принадлежащихъ имъ жизненныхъ припасовъ. Но если англійскій городъ страдаетъ отсутствіемъ собственныхъ рессурсовъ, за то онъ съ избыткомъ вознаграждаетъ себя тѣми выгодами, которыя онъ извлекаетъ изъ своей контрабанды съ Испаніею, главнымъ образомъ табачной и отъ непрестаннаго прохода военныхъ и торговыхъ судовъ. Важность Гибралтара какъ порта, значительная уже сама по себѣ, хотя не настолько, какъ

можно бы заключить изъ чрезвычайно сильнаго движенія навигаціи, возвысилась бы еще больше, если бы гавань не была открыта южнымъ и юго-западнымъ и даже восточнымъ вѣтрамъ. Когда стоитъ перемѣнная погода, суда, стоящія близъ Гибралтара, также какъ у Альжезираса, бываютъ вынуждены подвинуться къ сѣверо-восточной оконечности залива, въ маленькую бухточку Пуэнте Майорга. Не всѣ суда, плывущія мимо, а именно лишь одна четвертая часть ихъ заходитъ въ Гибралтаръ; другія же хотя и пристаютъ сюда на время, но не приступаютъ ни къ какимъ торговымъ операціямъ. Пароходы, число которыхъ увеличивается годъ отъ года, по причинѣ быстроты и правильности движенія, столь необходимыхъ для торговли, заходятъ въ Гибралтаръ лишь за тѣмъ, чтобы взять изъ его магазиновъ потребное имъ количество угля, а парусныя суда заходятъ въ пристань въ ожиданіи приказаній судохозяевъ или перемѣны вѣтра. Изъ общей чудовищной суммы тоннъ судовъ, пристающихъ въ Гибралтаръ, около пяти шестыхъ ея принадлежатъ Англіи; Италія и Франція оспариваютъ другъ у друга второе мѣсто, а испанскій флагъ, развѣвающійся совсѣмъ близко въ виду береговъ отечества, занимаетъ лишь четвертое мѣсто.

Не смотря на живописную красоту его скалы и вида на рейдъ, Гибралтаръ составляетъ не особенно пріятное мѣстопребываніе, по причинѣ нездоровыхъ испареній, поднимающихся съ болотистыхъ мѣстностей острова и еще болѣе того вслѣдствіе господствующаго тутъ чисто военнаго управленія. Только одни англійскіе подданные имѣютъ право основываться здѣсь и пріобрѣтать собственность. Сотни испанцевъ, являющихся каждый день на рынокъ, должны заручаться письменнымъ дозволеніемъ, чтобы попасть въ городъ, и должны выйдти изъ крѣпостныхъ стѣнъ до вечерней пушки. Съ другой стороны, англичане, живущіе въ Гибралтарѣ, которыхъ называютъ въ шутку „ящерицами скалы“ (*lizards of the rock*), чувствуютъ себя нѣсколько стѣсненными на ихъ знойномъ уголкѣ и, вслѣдствіе этого, каждый городъ, каждая окрестная деревня получаютъ отъ нихъ свою колонію. Санъ Рокъ въ особенности походитъ на англійскую колонію, вслѣдствіе большаго числа эмигрантовъ изъ Гибралтара, пріѣзжающихъ туда лѣтомъ подышать болѣе свѣжимъ воздухомъ чѣмъ тотъ, которымъ они дышатъ на своемъ мысѣ. Съ открытіемъ охотничьяго сезона, мѣстныя горы, богатыя дичью, оглашаются ружейными выстрѣлами охотниковъ, живущихъ на дачѣ.

Вѣроятныя цифры населенія главныхъ городовъ Андалузіи суть слѣдующія:

Севилья (1884 г.)	132,850	жит.
Малага „	113,450	„
Гренада „	78,820	„
Хересъ де ля Фронтера (1884 г.)	64,330	„
Кадиксъ (1884 г.)	57,810	„
Кордова „	49,030	„
Альмерія „	39,850	„
Санъ Фернандо (1884 г.)	25,830	„
Антеквера „	25,120	„
Эчиха „	25,075	„
Линаресъ „	24,730	„
Велецъ-Малага „	24,710	„
Санлукаръ де Баррамеда	22,700	„
Хаенъ (1884 г.)	22,180	„
Пуэрто Санта Марія (1884 г.)	22,125	„
Куэвасъ де Вэра (1884 г.)	20,650	„
Люцена „	19,880	„
Ронда „	19,420	„
Гибралтаръ „	18,381	„
Лоха „	18,250	„
Убэда „	18,150	„
Осуна „	17,650	„
Кармона „	17,420	„
Мотриль „	16,660	„
Аркосъ де ля Фронтера	16,500	„
Алькала ля Реаль (1884 г.)	15,900	„
Пріэго де Кордоба „	15,673	„
Берха „	15,600	„
Уэркалъ-Овера „	15,220	„
Утрера „	15,100	„
Моронъ де ля Фронтера (1884 г.)	14,880	„
Мартосъ	14,650	„
Баэца	14,375	„
Марчена	13,760	„
Кабра	13,750	„
Нихаръ	13,660	„
Баэна	13,350	„

Монторо (1884 г.)	13,300	жит.
Монтилья	13,200	„
Уэльва	13,175	„
База	13,000	„
Лебриха	12,860	„
Альгецарасъ	12,450	„
Медина Сидонія	12,400	„
Тарифа	12,250	„
Андухаръ	11,975	„
Гвадиксъ	11,800	„
Агвиларъ	11,700	„
Чиклана	11,650	„
Адра	11,320	„

IV.

СКЛОНЪ ГЛАВНАГО ПЛАТО КЪ СРЕДИЗЕМНОМУ МОРЮ, МУРЦІЯ И ВАЛЕНЦІЯ.

Возвышенности внутренней Испаніи и горы, которыя тянутся по ея окраинамъ, опускаются къ Средиземному морю такими покатостями, что климатъ мѣняется почти безпрестанно; изъ мѣстностей неплодородныхъ, гдѣ, при сѣверномъ вѣтрѣ, бываютъ сильные холода, спускаешься въ области, согрѣваемыя постоянно солнцемъ. Вмѣсто рѣкъ, уносящихъ свои воды въ далекій сѣверный Атлантическій океанъ, мы видимъ предъ собою блестящія волны Средиземнаго моря. Отлогости, обращенныя къ африканскому морю, узкія долины, разстилающіяся у ихъ подножія, бастіоны мысовъ, которые служатъ имъ точкою опоры:— все это вмѣстѣ взятое характеризуетъ природную область, совершенно отличную отъ остальной Испаніи. Правда, что административныя границы Мурціи, и Валенціи не всегда точно согласуются съ границами природными; Мурція, напримѣръ, занимаетъ часть возвышенностей, принадлежащихъ центральной Испаніи, а съ другой стороны, аррагонская провинція Теруэль захватываетъ рѣчныя равнины, воды которыхъ разливаются на территоріи Валенціи. Что-же касается до населенія, то оно сосредоточилось въ сосѣдствѣ прибрежья, тогда какъ верхніе откосы почти совсѣмъ необитаемы. Вообще населеніе обѣихъ провинцій точно опредѣляется наглядным географическимъ рельефомъ.

	Поверхность.	Насел. въ 1883 г.	Насел. на 1 кв. кил.
Мурція	27,063 кв. кил.	692,810 жит.	28
Валенція. . . .	23,042 „	1.426,060 „	62
	50,105 кв. кил.	2.118,870 жит.	42

Къ сѣверу отъ сіерры де Гата, образующей юго-восточный уголъ полуострова, звенья горъ, принадлежащихъ къ системѣ сіерры Невады, опускаются ступенями, по мѣрѣ приближенія къ морю, и оканчиваются извилистою линіею горъ и неровныхъ холмовъ, раздѣленныхъ оврагами, *ramblas*, почти всегда сухими. Нормальное направленіе этихъ звеньевъ идетъ отъ запада къ востоку и отъ юго-запада къ сѣверо востоку.

Сіерра де лосъ Филабресъ, пересѣкаемая долиною, въ которой по временамъ появляются воды Альманзоры, снова выступаетъ въ видѣ небольшой прибрежной цѣпи и, подъ именемъ сіерры Альменара, тянется между Лоркою и Картагеною; полуостровъ, въ формѣ серпа, далеко вдающійся въ море мысомъ Палосъ, можно разсматривать какъ отдаленный отрогъ этой цѣпи, которая, въ свою очередь, служитъ продолженіемъ сіерры Невады. Хребетъ Эстанціасъ, понижающійся въ ущельѣ Велецъ Рубіо, затѣмъ пересѣкаемый ущельемъ Сангонера, въ верховьѣ Лорки, далѣе къ сѣверу присоединяется къ сосѣднимъ высотамъ сіерры Эспунья. Сіерра Эспунья, возвышающаяся болѣе чѣмъ на 1,500 метровъ надъ равнинами Мурціи, въ свою очередь, присоединяется къ сіеррѣ Маріи посредствомъ кряжа, называемаго „Исполиномъ“, *el Gigante*. Наконецъ, сіерра де Сагра и сіерра дель Мундо также пускаютъ къ сѣверо-востоку длинные отроги, которые на далекія разстоянія огибаютъ верхніе притоки Сегура. Одна только сіерра Алькаразъ, возвышаясь въ видѣ „Скалъ“, или Пеньясъ де Санъ Педро, остается уединенною отъ горъ Шиншильи равнинами, почти лишенными возвышенностей.

На лѣвомъ берегу Сегура, разныя сіерры, какъ-то: Шиншилья, Кабрасъ, Карче, Пила, Кревильенте, слѣдуютъ по тому-же среднему направленію; затѣмъ, соединившись въ одинъ запутанный узелъ, самая высокая вершина котораго, Монкабреръ, возвышается надъ Алькуа въ видѣ значительной горы,—всѣ эти цѣпи понижаются, образуя мысъ, идущій на встрѣчу Балеарскимъ островамъ и превосходно гармонирующей съ береговымъ ландшафтомъ полуострова. Гора, заканчивающая цѣпь на мысѣ Санъ Антоніо, знаменита въ исторіи геогнозіи:—это Монго, природная обсерваторія, гдѣ Мешэнъ, Біо, Араго работали надъ измѣреніемъ меридіана. Съ развалинъ хижины изъ дикаго камня, украшающихъ вершину горы, открывается великолѣпный видъ на море, заключающій группу Ба-

леарскихъ острововъ и весь берегъ Испаніи, отъ дельты Эбро до мыса Палосъ. Одна изъ высотъ, сосѣднихъ Монго, Пеньонъ де Гифакъ, соединенная съ берегомъ лишь очень узкимъ перешейкомъ, происхожденія вулканическаго. По сосѣдству есть много другихъ признаковъ, свидѣтельствующихъ о дѣятельности древнихъ трещинъ почвы.

Горы, господствующія надъ долинами Хукара и его притоковъ, представляютъ, повидимому, лишь части большой плоской возвышенности, которая подымается на западѣ. Вершины съ склонами, изрытыми водою, расщеленные кряжи, неровные, спутанные отроги, покрывающіе покатость къ Средиземному морю, почти всѣ гораздо ниже массивнаго западнаго хребта, отъ котораго они были оторваны разъѣдающимъ дѣйствіемъ водъ; лишь нѣкоторыя ихъ вершины, именно: Пико Ранера, сіерра Мартесъ имѣютъ видъ настоящихъ горъ. Въ бассейнѣ Гвадалавіара самостоятельныя сіерры болѣе высоки и величественны. Около Муэла де Санъ Хуапъ, центральнаго водораздѣла рѣчныхъ бассейновъ, различные передовые кряжи, какъ-то: сіерра Альбарацинъ, сіерра Вельдемека, „Всемірныя горы“, все еще на-половину сливаются съ толщею плоской возвышенности; но далѣе къ востоку кряжъ съ закругленными очертаніями, съ пирамидальною вершиною Хаваламбръ, имѣющій болѣе двухъ километровъ высоты, представляетъ вполнѣ горный характеръ. Къ сѣверу отъ этого кряжа и рѣчки Михаресъ, часто высыхающей, возвышается другая господствующая горная группа, Пеньяголоза, соединяющаяся на западѣ посредствомъ гористаго плато съ сіеррою Гударъ, сѣверные склоны которой принадлежатъ уже къ бассейну Эбро.

Отъ Пеньяголоза до большаго поворота рѣки, всѣ кряжи, носящіе каталонскія названія, именно: Муэла де Аресъ, Тозаль де з'Энкападесъ, Бошъ де ла Эспина и другіе, менѣе значительные, расположены въ видѣ прибрежной цѣпи, параллельной берегу Средиземнаго моря. У ихъ подошвы, при самомъ морѣ, выступаютъ двѣ маленькія цѣпи, мѣстами прорѣзанныя заливными долинами и массами камней, по которымъ струятся потоки; эти цѣпи идутъ параллельно другъ другу, оставляя между собою промежутокъ, въ которомъ проведены обыкновенныя и желѣзныя дороги. Сіерра Монтзіа живописно заканчиваетъ эту двойную цѣпь на самомъ берегу Эбро. Прежде чѣмъ Эбро прорвалъ каменную преграду, задерживавшую его въ видѣ озера въ Арагонской равнинѣ, маленькая прибрежная цѣпь, равно какъ и самая высокая сіерра внутри страны, продолжалась правильно къ Пиренеямъ.

Высоты горъ средиземноморскаго склона, по Коэлло, суть:

Исполинъ (el Gigante)	1,499	метровъ.
Морронъ де Эспунья	1,582	„
Монкабреръ	1,385	„
Пикъ де Хаваламбръ	2,002	„
Пеньяголоза	1,811	„
Муэла де Аресъ	1,318	„
Тозаль де з'Энканадесъ	1,392	„
Сіерра Монтзіа	762	„

Вообще горы Средиземнаго склона центральной Испаніи представляютъ весьма обнаженный видъ; кустарники являются издали въ формѣ темныхъ пятенъ на ослѣпительно блестящихъ скалахъ. Здѣсь, подобно тому какъ въ Греціи и Провансѣ, ясно обозначаются гребни вершинъ, причемъ вѣчно голубое, яркое небо придаетъ особенную прелесть этому дикому пейзажу. Вслѣдствіе чрезвычайной прозрачности воздуха, область Мурція названа *Reïno Serenissimo*, „Наияснѣйшая область". По той-же причинѣ горы этой мѣстности получили поэтическое прозвище *montes de Sol y Aire*, „горы Солнца и чистаго Воздуха". Климатъ бассейна Сегура, еще болѣе чѣмъ Андалузіи, можно назвать вполнѣ африканскимъ. Весны и осени, какъ временъ года, здѣсь не существуетъ; подобно тропическому поясу, бываетъ періодъ жаровъ и зимній, продолжающійся съ октября до января. Но, къ счастью, рѣзкіе переходы временъ года умѣряются лѣтомъ мистралемъ, спускающимся съ плоскихъ возвышенностей, а зимою—правильными вѣтрами, дующими съ сосѣдняго моря. Въ мартѣ мѣсяцѣ вѣтры чаще всего переходятъ въ ураганы.

Прибрежная растительность, особенно въ Мурціи, представляетъ смѣсь произведеній тропическаго и умѣреннаго поясовъ. Большая часть деревьевъ сохраняетъ листья цѣлый годъ, а другія теряютъ ихъ зимою. Рядомъ съ пшеницею, рисомъ, маисомъ, маслиною, апельсинами и виноградомъ южной Европы, произрастаютъ: хлопчатникъ, сахарный тростникъ, пататъ, индійская смоковница, агава, финиковая пальма. Многочисленныя степи этой страны напоминаютъ не только вообще Африку, но даже области Сахары. Тропическія болѣзни также хорошо прививаются къ климату юговосточной Испаніи. Желтая лихорадка, занесенная американскими кораблями, много разъ свирѣпствовала на средиземноморскомъ берегу Испаніи; даже Барцелона, сосѣдняя французскимъ берегамъ, еще помнитъ опустошенія этого бича человѣческаго. Холера тоже посѣщаетъ эту мѣстность. Берега Валенціи, подобно другимъ прибрежнымъ обла-

стямъ Средиземнаго моря, страдаютъ также отъ дурныхъ испареній, особенно послѣ внезапныхъ наводненій, когда гніющія вещества отлагаются на поляхъ. Смѣсь прѣсной и соленой воды въ прибрежныхъ лагунахъ, или *albuferas*, также заражаетъ воздухъ и порождаетъ опасныя лихорадки. Напротивъ, вполнѣ соленыя озера, которыя тянутся близъ берега, къ югу отъ Сегуры, и большая внутренняя бухта Маръ Меноръ, отдѣленная отъ открытаго моря одною только песчаною стрѣлкою въ двадцать километровъ, не оказываютъ никакого вреднаго вліянія на климатъ.

Юго-восточный край Испаніи представляетъ часть полуострова, наименѣе орошаемую дождями [1]). Между Альмеріею и Картагеною среднее количество выпадающаго дождя едва достигаетъ двадцати сантиметровъ; въ окрестностяхъ Аликанте и Эльха дожди будутъ нѣсколько обильнѣе; Мурція, расположенная у подошвы горъ, задерживающихъ дождевыя облака, и Валенція, находящаяся въ глубинѣ залива, обращеннаго къ востоку и сѣверо-востоку, лучше орошается; но среднее количество влаги въ полметра незначительно для климата почти тропическаго, тѣмъ болѣе, что часть выпавшей воды тотчасъ же испаряется; лишь очень небольшой излишекъ влаги пробирается къ морю по трещинамъ каменистой почвы. Такое количество воды, если его распредѣлить по всей поверхности средиземноморскаго склона, окажется вполнѣ недостаточнымъ: воздухъ, жадно впитывающій водяные пары, поглотилъ-бы его безъ остатка. Если воздѣлываніе почвы и возможно, и даже даетъ превосходные результаты въ нѣкоторыхъ прибрежныхъ странахъ, то единственно потому, что онѣ расположены по теченіямъ рѣкъ, хранящихъ остатки дождевой воды, или, какъ Каркаженте или Альцире,—по сосѣдству съ подземными хранилищами воды, которую можно добывать при помощи паровыхъ насосовъ. За то сколько земель, плодородныхъ по своимъ составнымъ частямъ, лежатъ пустырями за недостаткомъ необходимой влаги. Между Картагеною и Мурціею крестьяне воздѣлываютъ поля, дающія жатву среднимъ числомъ черезъ каждые три года вслѣдствіе рѣдко выпадающихъ дождей. Съ обѣихъ сторонъ прибрежнаго пояса Сегура простираются настоящія степи, области съ солончаковою почвою; за недостаткомъ промывающей и оплодотворяющей воды окрестности Картагены, по выраженію одного путешественника, имѣютъ „растительность известковыхъ ямъ“. На протяженіи приблизительно въ 500 километровъ, по направленію всѣхъ бе-

	Мурція.	Аликанте.	Валенція.
[1]) Средняя температура, по Коэлло	(?)	20°,7(?)	18°,5
Среднее количество дождя въ метрахъ	0,362	0,427	0,446
Число дождливыхъ дней	63	48	45

реговыхъ изгибовъ отъ Альмеріи до Виллахоіоза, всѣ прибрежные *campos*'ы безплодны и обнажены, кромѣ рѣдкихъ оазисовъ и береговъ постоянныхъ или временныхъ потоковъ: у подошвы скалъ тріаса, гдѣ находятся значительныя залежи каменной соли, собираются соляные или магнезіальные источники въ видѣ озеръ, высыхающихъ лѣтомъ и оставляющихъ на поверхности почвы бѣлый кристаллическій слой; таково озеро Петрола, или „Горькой соли", послѣ котораго лѣтомъ остается пластъ сѣрнокислой магнезіи. Равнымъ образомъ, приморскіе водоемы окрестностей Оригуэля, снабжающіе превосходною солью провинціи средиземноморскаго прибрежья, покрываются въ августѣ мѣсяцѣ столь толстою корою розовой соли, что ее рубятъ топорами.

Благодѣтельныя рѣки, воды которыхъ даютъ соки растительности *huertas* или садовъ, расположенныхъ на ихъ берегахъ, суть: Сегура, Виналапо, Хукаръ, Гвадалавіаръ, называемый также въ нижнемъ теченіи Туріа, Михаресъ и другія второстепенныя рѣчки. Всѣ эти маленькія рѣки замѣчательно сходны между собою угрюмымъ характеромъ ихъ высокихъ долинъ и дикимъ, страшнымъ видомъ ущелій. Сегура пересѣкаетъ многія горныя цѣпи до входа въ равнину Мурціи, спускаясь съ одного уступа на другой и проходя черезъ столько-же горныхъ тѣснинъ, съ средней высоты отъ трехъ до четырехъ сотъ метровъ; главный притокъ ея, Ріо-Мундо, начинается, подобно амфитеатру Гаварни, изъ трехъ послѣдовательныхъ пороговъ; затѣмъ, какъ и Сегура, онъ долженъ былъ прорѣзать себѣ русло въ горахъ и надъ самымъ мѣстомъ впаденія въ главную рѣку проходитъ въ узкомъ ущельѣ (*cañon*) красныхъ, вертикальныхъ скалъ величественнаго вида. Хукаръ, Гвадалавіаръ (Уэдъ-эль-Абіадъ), или „Бѣлая рѣка", протекаютъ съ меньшими препятствіями, вслѣдствіе простоты орографическаго профиля; но многія изъ ущелій этихъ рѣкъ поражаютъ своею красотою даже въ Испаніи, столь богатой дикими утесами и глубокими ущельями. Наиболѣе живописными на всемъ полуостровѣ считаются клюзы, пробитые потоками, спускающимися съ Муэла де Санъ Хуанъ и горъ Альбаррацинъ. Хукаръ въ началѣ течетъ, направляясь къ Таго, затѣмъ поворачиваетъ къ югу и юго-востоку и, послѣ цѣлаго ряда остановокъ, достигаетъ бассейна Средиземнаго моря. Что касается Гвадалавіара, то онъ беретъ начало на восточномъ склонѣ Кастильской плоской возвышенности; при входѣ въ равнину Валенціи черезъ проходъ Кулилла, онъ спускается съ высоты 140 метровъ чрезъ множество пороговъ.

Рѣки средиземноморскаго склона, плохо питаемыя и истощаемыя испареніями, приносятъ въ низменныя равнины незначительное коли-

чество воды. Поэтому прибрежные земледѣльцы, по крайней мѣрѣ въ провинціи Валенціи, гдѣ они промышленнѣе своихъ соотечественниковъ Мурціи, тщательно сберегаютъ рѣчную воду. Въ устьяхъ всѣхъ долинъ постоянныя и временныя воды, приносимыя потоками, удерживаются при помощи плотинъ въ бассейнѣ, или *pantano*, и затѣмъ до послѣдней капли разливаются по полямъ посредствомъ дренажныхъ каналовъ. Многіе притоки до-суха вычерпываются для искусственнаго орошенія прежде, чѣмъ достигнуть своей главной рѣки, да и сами рѣки, отводимыя то направо, то налѣво, достигаютъ моря лишь послѣ внезапныхъ, обильныхъ дождей. Если орошаемыя поля не вполнѣ издерживаютъ драгоцѣнную влагу, то остатокъ воды, наполненный землею и нечистотами, изливается близъ моря въ какой нибудь бассейнъ и въ рѣдкихъ случаяхъ имѣетъ силу, достаточную для проложенія пути къ морю.

Цифровыя данныя для главныхъ рѣкъ Мурціи и Валенціи суть слѣдующія:

	Поверхность бассейна.	Длина теченія.
Сегура.	22,000 кв. километр.	350 килом.
Хукаръ.	15,000 » »	511 »
Гвадалавіаръ . . .	8,000 » »	300 »

Благодаря питающей водѣ, растительность орошенныхъ полей отличается роскошнымъ ростомъ и представляетъ пріятный контрастъ съ *campos*'ами и землями, обработываемыми безъ искусственнаго орошенія. Послѣднія производятъ хлѣба, виноградъ и другія, употребляемыя въ пищу растенія, а въ годы, обильные дождями, даютъ богатый сборъ; но, тѣмъ не менѣе, они пустынны и бѣдны въ сравненіи съ садами, оживляемыми журчаніемъ ручейковъ, скрытыхъ въ тѣни деревъ.

Самый знаменитый изъ садовъ Испаніи тотъ, деревья котораго наполовину скрываютъ стѣны и башни Валенціи. Весьма вѣроятно, что искусственное орошеніе примѣнялось на обоихъ берегахъ Гвадалавіара еще со временъ римскимъ завоевателей; но систематическія работы по орошенію несомнѣнно введены арабами. При помощи восьми главныхъ каналовъ, подраздѣленныхъ на многочисленные и второстепенные канальцы, или *acequias*, они преобразовали всю окрестность Валенціи въ настоящій райскій садъ. Влажная почва, производительности которой помогаетъ удобреніе, собираемое трудолюбивыми земледѣльцами не только въ хлѣвахъ, но даже на улицахъ, даетъ сборы, не требуя отдыха, и притомъ въ замѣчательномъ изобиліи. Въ садахъ встрѣчаются стебли маиса въ 5, 6 и даже въ 8 метровъ высоты; тутовое дерево даетъ три и четыре сбора

листьевъ въ годъ; отъ четырехъ до пяти жатвъ различныхъ растеній производятся на одномъ кускѣ земли; сѣнокосъ бываетъ отъ девяти до десяти разъ. Вся эта скороспѣлая растительность, правда, водяниста и не представляетъ прочнаго строенія; отсюда происходитъ поговорка у окрестныхъ недоброжелателей Валенціи:

«...En Valencia
La carne es yerda, la yerda agua,
Los hombres mujeres, las mujeres nada»!

(Въ Валенціи мясо изъ травы, а трава изъ воды;
Мужчина—женщина, а женщина—дрянь.)

Драгоцѣнная вода, питающая такое огромное количество сельскохозяйственныхъ растеній и обогащающая поля Валенціи, не замедлила сдѣлаться предметомъ частыхъ споровъ между пограничными землевладѣльцами. Поэтому необходимо было ограничить пользованіе водою строгими правилами. Каждая община имѣетъ для этой цѣли свои опредѣленные часы; сигналъ къ поднятію и замыканію шлюзовъ оросительныхъ каналовъ дается съ соборной колокольни въ Валенціи. Особая водяная судебная коммисія разбираетъ всѣ вопросы по орошенію, возникающіе между земледѣльцами; эта коммисія состоитъ изъ восьми старшинъ—восьми *acequias*,—простыхъ землепашцевъ, выбраннымъ себѣ равными, только не за способности къ крючкотворству, а за здравый умъ и честность. Честь основанія этого судилища приписываютъ одному мусульманскому владѣтелю, Аль-Гакемъ-Аль-Мостанзиръ-Билахъ; однако весьма вѣроятно, что оно чисто народнаго происхожденія и не потребовало для своего учрежденія никакихъ хартій и грамотъ, въ которыхъ не нуждается и для поддержанія своего существованія. Все движимое имущество коммисіи заключается въ простомъ суконномъ диванѣ, которымъ снабдила судей соборная дума, унаслѣдовавшая обязанности священнослужителей мечети. Каждый четвергъ, въ полдень, господа судьи торжественно возсѣдаютъ на диванѣ, помѣщенномъ на свѣжемъ воздухѣ, передъ одною изъ дверей собора. Челобитчики являются передъ ними безъ „бумагъ и адвокатовъ“. Каждый излагаетъ свою жалобу, судъ разспрашиваетъ, обсуждаетъ и затѣмъ постановляетъ приговоръ. Не было примѣра, чтобы виновные отказались уплатить штрафъ, или даже уступить часть своей земли или воды, въ вознагражденіе за нанесенные ими убытки. Они очень хорошо знаютъ, чего имъ будетъ стоить обратиться къ судамъ неотвѣтственнымъ, члены которыхъ выбраны не ими.

Сады береговъ Хукара не такъ знамениты, но богаче, если только это возможно, чѣмъ сады Валенціи, съ которыми они связываются не-

прерывнымъ рядомъ плантацій. Хукаръ, задерживаемый плотинами, которыя подымаютъ его надъ уровнемъ окружающихъ рѣкъ, разливается тысячами каналовъ среди садовъ. Здѣсь преобладаетъ апельсинное дерево: около однихъ только городовъ Альцира и Каркагенте ежегодный сборъ превышаетъ двадцать милліоновъ апельсиновъ, и значительная часть этихъ плодовъ доставляется въ марсельскую гавань; они продаются подъ названіемъ „валентокъ“ (*valences*) на всѣхъ французскихъ рынкахъ. Въ хорошій годъ сборъ въ садахъ Каркагенте простирается до 48 тоннъ съ одного гектара. Другіе сады, не менѣе обильные, чѣмъ альцирскіе и притомъ болѣе живописные разнообразіемъ утесовъ, занимаютъ юго-восточныя террасы въ долинахъ горъ, которыхъ крайніе выступы образуютъ мысы Св. Антонія и Нао. Въ низменной области, простирающейся по другой сторонѣ Хукара, на прибрежныхъ лагунахъ Валенціи, вода употребляется преимущественно для искусственнаго орошенія рисовыхъ плантацій, которыя даютъ обильную жатву, но заражаютъ воздухъ.

Оазисы большой пустыни, такъ сказать, африканской части Испаніи, между горами Алькуа и Алмеріа, не такъ плодородны, какъ въ бассейнѣ Хукара и Гвадалавіара, вслѣдствіе меньшаго изобилія воды; но и они имѣютъ свой особенный характеръ. Сады Аликанте орошаются водами Кастала, собираемыми въ бассейнъ Тиби, знаменитый въ цѣлой Испаніи высотою и прочностью плотинъ. Садъ Эльхе, на берегахъ малаго Виналапо, большею частью занятъ пальмовымъ лѣсомъ, единственнымъ въ Европѣ, такъ какъ съ нимъ не могутъ сравниться рощицы Бордигьеры, на берегахъ Лигуріи, и группы финиковыхъ пальмъ, разсѣянныхъ мѣстами по прибрежью Средиземнаго моря. Это растеніе составляетъ главное богатство жителей Эльхе, доставляя плоды, вывозимые даже во Францію, и еще болѣе потому, что даютъ листья, отправляемые въ Италію и внутрь Испаніи во время праздника вербнаго воскресенья. Культура этого дерева требуетъ постояннаго, тяжелаго ухода, финиковую пальму необходимо не только поливать и очищать окружающую ее почву, но часто взбираться по шероховатому стволу, чтобы осмотрѣть цвѣты и плоды, повернуть ихъ къ солнцу, связать листья въ пучки и исправить безпорядокъ, причиненный вѣтромъ. Вѣроятно всѣмъ этимъ трудностямъ ухода слѣдуетъ приписать постепенное уменьшеніе пальмовыхъ рощъ; въ концѣ прошлаго столѣтія въ округѣ Эльхе насчитывалось еще 70,000 пальмъ, какъ въ большомъ оазисѣ Сахары; теперь ихъ осталась едва половина. Финиковыя пальмы, какъ оказывается, очень любятъ соленую почву; воду, которою ихъ поливаютъ, старательно всегда смачиваютъ. Въ 1882 году были разведены между мысомъ Хуэртасъ и Ріо-Монегро пальмовыя плантаціи.

Деревья принялись прекрасно. Не оттого-ли, что корни ихъ встрѣтили здѣсь соленую почву?

Садъ нижняго Сегура, около города Оригуэла, не представляетъ живописной оригинальности лѣса Эльхе, за то болѣе производителенъ; здѣсь, апельсинныя, лимонныя деревья, въ смѣси съ миндальными, гранатовыми и тутовыми деревьями, защищаютъ отъ солнца низкую растительность и сами мѣстами укрываются въ тѣни пальмовыхъ коронъ. Хлѣбныя растенія Оригуэла даютъ лучшую муку и лучшій хлѣбъ во всей Испаніи. Мѣстная поговорка, которую можно перевести такъ:

„Дождь или вёдро
Жатва всегда хороша!“

приписываетъ такое плодородіе почвы столько-же умѣнію и трудолюбію воздѣлывателей, сколько доброкачественности земли и превосходнымъ свойствамъ воды Сегура. Выше по берегамъ той-же рѣки, жители Мурціи, которыхъ природа надѣлила тѣми-же преимуществами, далеко не пользуются ими съ такимъ усердіемъ и практичностью. Ихъ сады, въ которыхъ живетъ треть всего населенія провинціи, конечно, очень богаты, но не могутъ сравниться съ садами, воздѣлываемыми ихъ сосѣдями. Равнымъ образомъ, окрестности Лорка, живописныя сами по себѣ, значительно уступаютъ въ красотѣ окрестностямъ Оригуэла; правда, что въ 1802 г. онѣ были страшно опустошены наводненіемъ, которое всегда одинаково угрожаетъ всѣмъ садамъ средиземноморскаго прибрежья: нѣсколько плотинъ, спускавшихся одна за другою съ высоты болѣе 400 метровъ, прорвались подъ напоромъ воды одного изъ бассейновъ для орошенія; жидкая масса, перемѣшанная съ увлеченными ею обломками, ринулась въ городъ; предмѣстье въ шестьсотъ домовъ было снесено, многія деревни увлечены потокомъ съ тысячами жителей. Внезапное наводненіе произвело значительныя опустошенія даже въ городѣ Мурціи до самыхъ садовъ Оригуэла, на 100 километровъ внизъ отъ опустѣвшаго бассейна. Одна изъ прорванныхъ плотинъ и теперь еще возвышается надъ равниною, подобно тріумфальной аркѣ въ 110 метровъ высоты.

Въ 1879 году, 14 октября, новый ураганъ разразился въ верхней долинѣ Гвадалентина, принимающаго въ нижнемъ теченіи имя Сангоньеры, и опустошилъ сады Мурціи. Потокъ, съ силою 212 куб. метр. въ секунду, поднялся и на 3 метра выше уровня наводненія 1802 года, прорвалъ Ларкскую плотину. Камень, съ надписью пятнадцатаго столѣтія, говорящей, что если онъ будетъ смоченъ наводненіемъ, то это будетъ разрушеніемъ Мурціи,—камень этотъ былъ совершенно покрытъ бушующимъ потокомъ. Въ одной лишь „vega“ Мурціи 2,612 домовъ были совершенно

разрушены; наводненное пространство было никакъ не меньше 3,810 кв. километр. и общую потерю, — не беря въ разсчетъ поправки разрушенныхъ плотинъ, надо считать въ 56 милліоновъ франковъ, если только не больше.

Страна, состоящая изъ столь рѣзкихъ контрастовъ, какъ обнаженное, холодное плоскогорье, и роскошная оживленная долина, пустыня и сады, представляетъ, конечно, столь-же оригинальное разнообразіе въ физической и нравственной физіономіи своихъ обитателей. Происходя отъ однихъ предковъ, иберовъ и кельтовъ, финикіянъ, карѳагенянъ, массиліотовъ и римлянъ, визиготовъ, арабовъ и берберовъ, жители безлѣсныхъ пространствъ значительно отличаются отъ населяющихъ вѣчно зеленѣющія рощи. Съ перемѣною мѣстности мѣняется и само народонаселеніе.

Жители провинціи Мурціи находятся въ болѣе непосредственныхъ сношеніяхъ съ враждебною имъ природою, съ обнаженными скалами, сухими вѣтрами, пыльною, лишенною влаги атмосферою; поэтому они, какъ слышно, наименѣе способны пользоваться почвою, воздухомъ и климатомъ; съ чисто восточнымъ фатализмомъ они предаются волѣ судьбы, довольствуются всѣмъ въ томъ видѣ, какъ оно имъ представляется, не стараясь произвести никакихъ улучшеній по собственной иниціативѣ. Очень любятъ они безпечность и покой, и готовы отдыхать во всякое время; даже въ часы бодрствованія они задумчиво-серьезны, какъ бы преслѣдуя какую-то внутреннюю мысль. Рѣдко они бываютъ веселы; у нихъ нѣтъ даже танцевъ, не смотря на сосѣдство ихъ съ танцорами андалузцами и жителями Ла Манчи, пѣвцами *seguidillas*. Въ то-же время они склонны къ злобѣ и часто съ дикою ненавистью отстаиваютъ свои предразсудки. Какъ-бы ни были строги сужденія, высказываемыя насчетъ жителей Мурціи ихъ сосѣдями и даже нѣкоторыми уроженцами ихъ страны, нельзя сомнѣваться въ томъ, что въ общественной дѣятельности Испаніи эта провинція до сихъ поръ имѣла самое ничтожное значеніе. Она доставила наименьшее число способныхъ людей; ея сыны не могутъ выдержать даже отдаленнаго сравненія съ каталонцами, наварцами и галиційцами.

Валенсійцы, напротивъ, хорошіе работники. Они не только воздѣлываютъ и орошаютъ свои равнины съ замѣчательнымъ стараніемъ и успѣхомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ находятъ возможнымъ окружать свои горы фруктовыми садами въ видѣ террасъ и добывать жатву изъ скалъ, едва прикрытыхъ тонкимъ слоемъ принесенной ими земли. Живя среди природы болѣе веселой, чѣмъ въ Мурціи, они и сами веселѣе своихъ сосѣдей; они поютъ отъ чистаго сердца; ихъ танцы знамениты; Валенція

славится тѣмъ, что доставляетъ Испаніи первыхъ артистовъ по части танцевъ. Но говорятъ, что къ этой веселости примѣшиваются нерѣдко дикіе инстинкты; одна пословица, болѣе чѣмъ преувеличенная, гласитъ: „рай Гуэрты населенъ демонами“. Дѣло въ томъ, что человѣческая жизнь мало цѣнится въ Валенціи. Этотъ городъ и его округъ въ прежнія времена пользовались весьма незавидною честью доставлять наемныхъ убійцъ для высокихъ особъ мадридскаго двора. Многочисленные кресты на самыхъ стѣнахъ, окружающихъ главную площадь, напоминаютъ о частыхъ убійствахъ, совершавшихся во время случайныхъ ссоръ. Впрочемъ, надо замѣтить, что въ Валенціи, какъ и въ большей части Испаніи дуэли на ножахъ нельзя считать преступнѣе дуэлей на шпагахъ въ извѣстныхъ слояхъ французскаго общества. У валенсійцевъ есть свои рыцарскія преданія, и въ безумномъ рискѣ жизнью своей и постороннихъ усматривается благородство расы. Вмѣстѣ съ тѣмъ никто не обращаетъ вниманія на послѣдствія, связанныя съ такими понятіями о чести. Убіеніе человѣка считается несчастіемъ, но никто не видитъ въ этомъ преступленія; самъ убійца имѣетъ видъ человѣка, выпившаго стаканъ воды; онъ вытираетъ ножъ концомъ пояса и, минуту спустя, рѣжетъ имъ свой хлѣбъ.

Главная причина, создавшая для жителей Валенціи репутацію болѣе дурную, чѣмъ они того заслуживаютъ, заключается въ замѣчательно оригинальномъ характерѣ, отличающемъ ихъ отъ всѣхъ народностей Испаніи; а всякое выдѣленіе изъ окружающей среды, какъ извѣстно, не остается безнаказаннымъ. По одному уже костюму, котораго валенсійцы придерживаются съ страннымъ упорствомъ, они скорѣе стоятъ ближе къ маврамъ, чѣмъ къ испанцамъ: въ этомъ отношеніи они, вѣроятно, очень мало отличаются отъ своихъ мусульманскихъ предковъ. Ихъ широкія бѣлыя шаровары поддерживаются краснымъ или лиловымъ поясомъ; бархатный жилетъ украшенъ серебряными монетами; изъ подъ бѣлыхъ шерстяныхъ штиблетъ выглядываетъ загорѣлая кожа ихъ колѣнъ и ногъ, обутыхъ въ эспадрили; ихъ бритыя головы покрыты яркихъ цвѣтовъ фуляромъ, на которомъ надѣта низкая шляпа съ завороченными полями, украшенная разными лентами и бантами. Пестрый плащъ съ длинною бахромою дополняетъ костюмъ; онъ или драпируется на плечѣ, или заворачивается около бюста, придавая послѣднему нищему оттѣнокъ благородства и изящную осанку. По обычаямъ, нравамъ, образу мысли и дѣйствій валенсійцы также значительно отличаются отъ своихъ сосѣдей высокихъ плоскогорій, кастильцевъ. Валенція, съ давнихъ поръ присоединенная къ Арагонскому королевству, а черезъ Арагонію къ Кастиліи, тѣмъ не

менѣе сохранила свое самоуправленіе до начала восемнадцатаго столѣтія; у нея были свои особенные законы, свои муниципальныя права, свои кортесы, раздѣлявшіе законодательную власть съ сюзереномъ. Для лишенія валенсійцевъ ихъ обширнаго самоуправленія потребовалась ожесточенная война, во время которой были истреблены цѣлыя населенія; всѣ жители Хатива, за исключеніемъ нѣсколькихъ женщинъ и священниковъ, были избиты и самый городъ превращенъ въ груды пепла. Воспоминаніе объ этихъ ужасахъ еще живо въ народѣ и можетъ служить, во время междоусобныхъ войнъ, причиною уничтоженія насильственно-созданной связи между Мадридомъ и прибрежною провинціею. Валенсійцы, кромѣ того, отличаются отъ кастильцевъ языкомъ, представляющимъ чистое провансальское нарѣчіе. Нарѣчіе Валенціи, хотя и содержитъ значительную примѣсь арабскихъ словъ, ближе чѣмъ каталонское къ языку древнихъ трубадуровъ. Оно пріятно для слуха, особенно въ устахъ женщины.

Кромѣ земледѣлія, составлявшаго во всѣ времена главное занятіе населенія, въ Мурціи и Валенціи развита до извѣстной степени и промышленность. Прежде всего множество рабочихъ рукъ занято приготовленіемъ колоніальныхъ товаровъ, масла, винъ и фруктовъ всѣхъ сортовъ. Тонкія вина Аликанте, простыя темныя вина Винароца и Беникарло, получаемыя на границахъ Каталоніи, требуютъ дѣятельной разливки и перевозки; изюмъ, добываемый изъ виноградниковъ Деніа, Хвеа, Гандіа, между долиною Хукара и мысомъ Нао, подвергается довольно сложному процессу выщелачиванія; наконецъ испанскій дрокъ, или espartos (stipe tenacissima), растущій въ изобиліи на солнечныхъ склонахъ Альбацеты и Мурціи, служитъ для выдѣлки множества предметовъ: сандалій, цыновокъ, корзинъ. Во времена римлянъ, разсказываетъ Плиній, это растеніе примѣнялось для всевозможныхъ хозяйственныхъ потребностей: изъ него дѣлали кровати, мебель, одежду, башмаки, даже огонь домашняго очага поддерживался испанскимъ дрокомъ. Но въ наше время это растеніе, подобно алжирскому alfa, цѣнится весьма высоко, благодаря прочности его волоконъ; англичане находятъ его превосходнымъ для выдѣлки бумаги, основы ковровъ и другихъ тканей, и съ 1856 г., когда начался вывозъ, жители такъ усердно стараются удовлетворить огромному спросу на дрокъ, что холмамъ и равнинамъ, на которыхъ онъ произрастаетъ, вскорѣ угрожаетъ полное опустошеніе. Во многихъ округахъ производилось по два сбора ежегодно, съ цѣлью воспользоваться возрастающими цѣнами, которыя учетверились въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ; однако никто не занимается сѣяніемъ и пересадкою этого растенія, потому что

надо ждать отъ восьми до пятнадцати лѣтъ, пока листъ пріобрѣтетъ волокна, годныя для продажи. Между тѣмъ было-бы очень желательно, чтобы испанскій дрокъ разсаживался на всѣхъ утесистыхъ склонахъ внутри страны, потому что это одно изъ растеній, наиболѣе выдерживающихъ сухость почвы и воздуха: оно растетъ на каменистыхъ скалахъ, даже въ пескѣ; но никогда не встрѣчается на глинистой почвѣ.

Металлоносныя жилы, изслѣдованныя и прежде разработывавшіяся, насчитываются сотнями въ прибрежныхъ горахъ Мурціи и Валенціи; но единственныя, въ настоящее время имѣющія важное экономическое значеніе, эксплоатируются англійскими, французскими и бельгійскими компаніями въ холмахъ Герреріасъ, въ небольшомъ разстояніи къ востоку отъ Картагены, кромѣ того, груды шлаковъ, оставленныя римлянами и находимыя по склонамъ холмовъ подъ тонкимъ слоемъ растительной земли, содержатъ нѣкоторое количество свинца, который легко извлечь недорогими способами. Сребросвинцовыя копи, которыя двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ разработывались въ Картагенѣ 40,000 работниковъ, на счетъ Римской республики, представляли одну изъ главныхъ статей государственныхъ доходовъ; недавно еще, во время войны областныхъ провинцій съ центральнымъ правительствомъ, рудники Герреріасъ доставляли защитникамъ Картагены финансовыя средства для продолженія борьбы. Въ годы промышленной дѣятельности, предшествовавшіе междоусобнымъ смутамъ, около минъ Герреріасъ групировалось до 25,000 человѣкъ. Мѣсторожденія цинка, не разработываемыя до 1861 г., съ этого времени получили довольно важное промышленное значеніе; спросъ со стороны Бельгіи простирается среднимъ числомъ до 10,000 тоннъ въ годъ. Горные инженеры нашли, что въ этой области диритическія скалы сопровождаются мѣдью, а свинецъ всегда залегаетъ въ трахитахъ. Когда удобныя для сообщенія дороги соединятъ прибрежье со всѣми, внутри лежащими высохшими долинами, тогда представится возможность разработывать мѣсторожденіе мѣди, свинца, серебра, ртути, которыя столь же богаты, какъ и въ окрестностяхъ Картагены; кромѣ того, эксплоатація цѣлыхъ горъ каменной соли позволитъ вовсе покинуть или преобразовать въ рыболовныя тони и годную къ обработкѣ землю, соляныя болота прибрежья Аликанте и Эльхе.

Мануфактурная дѣятельность, въ настоящемъ значеніи этого слова, сосредоточивается почти вся въ наиболѣе промышленной изъ двухъ разсматриваемыхъ провинцій Валенціи. Альбацета, расположенный на плоскогоріи Мурціи, имѣетъ, правда, свои фабрики ножей, производящія страшные *navajas*; Мурція имѣетъ свои шелковыя прядильныя фабрики,

— остатокъ нѣкогда процвѣтавшей промышленности; въ Картагенѣ находятся канатныя мастерскія и другія фабрики, необходимыя для поддержанія флота; въ Хативѣ, гдѣ арабы ввели изъ Китая фабрикацію бумаги, и теперь есть нѣсколько писчебумажныхъ фабрикъ; но главный центръ мануфактурной промышленности сосредоточивается около Валенціи и другаго города той же провинціи, Алькуа. Валенція приготовляетъ плащи, употребляемые мѣстными крестьянами, шерстяныя и шелковыя матеріи, фаянсовыя издѣлія, разукрашенныя фанерки или *azulejos*, служащія для обшивки домовъ. Алькуа также производитъ фаянсовыя издѣлія, имѣетъ шелковыя фабрики и красильни; но главную отрасль промышленности, доставившую Алькуа популярность до самыхъ крайнихъ предѣловъ Испаніи, составляетъ приготовленіе папиросной бумаги. Для удовлетворенія громаднаго потребленія на полуостровѣ этого, повидимому, ничтожнаго продукта, Алькуа изготовляетъ его и высылаетъ сотнями бочекъ. Въ настоящее время Франція также отправляетъ въ Испанію большое количество этой бумаги.

Приморскіе порты Мурціи и Валенціи служили прежде только для вывоза колоніальныхъ товаровъ и туземныхъ произведеній и для ввоза предметовъ мѣстнаго потребленія; но съ окончаніемъ желѣзныхъ дорогъ, связывающихъ прибрежные города съ Мадридомъ, эти порты, кромѣ того, получили національное значеніе, какъ пункты мѣновой торговли полуострова. Именно, чрезъ Аликанте столица Испаніи имѣетъ ближайшій путь къ морю, слѣдовательно черезъ этотъ городъ мадридскіе негоціанты могутъ съ выгодою сплавлять свои товары, избѣгая значительныхъ издержекъ продолжительной сухопутной перевозки. Во время междоусобной войны, опустошавшей Испанію, случилось, что желѣзная дорога изъ Мадрида къ средиземноморскимъ портамъ одна только бывала свободна на всемъ своемъ протяженіи и служила сообщеніемъ съ Франціею и всею континентальною Европою.

Сосѣдство береговъ Алжира, простирающихся съ юго-запада на сѣверо-востокъ, почти параллельно прибрежью Картагены и Аликанте, также содѣйствуетъ дѣятельному участію въ міровой торговлѣ этой части полуострова. Пароходы совершаютъ частые рейсы отъ одного берега къ другому. Испанцы, десятками тысячъ, пользуются этими судами для своихъ дѣловыхъ сношеній съ городомъ Ораномъ; ежегодно извѣстное число жителей Оригуэла, Деніа и береговъ Хукара, видя себя стѣсненными въ слишкомъ густо населенныхъ садахъ, отправляются искать новаго отечества на алжирской территоріи. Такимъ образомъ, по проше-

ствіи многихъ вѣковъ, возобновились родственныя узы между христіанскими потомками мавровъ и ихъ мусульманскими родичами.

Значительные города средиземноморскаго склона Испаніи должны были основываться и могли возрастать или на какомъ-нибудь береговомъ пунктѣ, благопріятномъ для торговли, или на берегу рѣки, снабжающей въ изобиліи водою для орошенія, или наконецъ въ мѣстѣ соединенія нѣсколькихъ торговыхъ путей. Города Альбацета и Альманза обязаны своимъ значеніемъ въ исторіи полуострова именно этому послѣднему положенію. Въ самомъ дѣлѣ, Альбацета расположенъ на восточной окраинѣ ламанчскаго плоскогорія, въ томъ мѣстѣ, гдѣ начинается средиземноморскій склонъ и гдѣ наиболѣе сближены двѣ высокія долины Сегура и Хукара: здѣсь во всѣ времена была главная станція путешественниковъ и самый обширный торговый рынокъ между центральными городами Испаніи и городами юго-восточнаго прибрежья; неподалеку отсюда начинаются развѣтвленія линіи желѣзной дороги, идущей отъ Мадрида къ Средиземному морю. Такія же мѣстныя условія составили значеніе Альманза. Этотъ городъ расположенъ къ западу отъ горнаго кряжа Алькуа и господствуетъ надъ двумя путями: отъ Валенціи къ сѣверу, и отъ Аликанте и Мурціи къ югу. Изъ остальныхъ Геллинъ, Моратала, Каравана, Мулья, Чіеза, Джумилья, Экла и Реквена являются наиболѣе населенными. Въ Джумильѣ находятся богатыя залежи фосфата.

Города обѣихъ провинцій, имѣющіе дѣйствительно важное значеніе по ихъ самостоятельной промышленной дѣятельности, всѣ расположены по берегу или по сосѣдству съ нимъ, не далѣе 40 километровъ отъ моря. Наиболѣе южный изъ этихъ городовъ, Лорка, весьма живописно расположенъ по склонамъ и у подножія холма слоистаго сложенія, увѣнчаннаго развалинами старинной мавританской цитадели. Подобно всѣмъ военнымъ поселеніямъ, превратившимся современемъ въ промышленные торговые города, Лорка долженъ былъ необходимо спуститься съ утесовъ и расположиться на равнинѣ, среди плодородныхъ полей, орошаемыхъ Гвадалентиномъ. Остатки древнихъ арабскихъ дворцовъ, возвышающіеся среди лабиринта извилистыхъ горныхъ улицъ, были предоставлены цыганамъ, а новый городъ, съ прямыми улицами, выстроенъ на ровной мѣстности, въ долинѣ. Торговое значеніе Лорка пополняется прекрасною дорогою, соединяющею его съ маленькими приморскими городами Агвиласъ и Мазарономъ, гавани которыхъ, къ сожалѣнію, неудобны и не безопасны.

Слѣдуя, если не по водамъ, которыхъ часто не бываетъ, то по крайней мѣрѣ по руслу Гвадалентина, то влажному, то высохшему, путешественникъ встрѣчаетъ два города: Тотана, главное мѣстопребываніе цы-

ганъ, и Алгаму, теплые источники котораго прежде часто посѣщались маврами; далѣе тянутся тутовыя и апельсиновыя рощи, окружающія главный городъ провинціи. Этотъ садъ не менѣе прекрасенъ, чѣмъ сады Андалузіи, только усѣянъ домиками весьма жалкой наружности. Сама Мурція, раскинутая на большомъ пространствѣ, не имѣетъ вида большаго города; ея улицы мало оживлены и зданія не красивы: послѣ знаменитой соборной башни, на которую всходятъ не по лѣстницѣ, а по спиральной наклонной плоскости, наиболѣе замѣчательны тѣнистыя аллеи вдоль берега Сегура и дренажные каналы, прорѣзанные на склонахъ горъ, среди желтовато-бѣлыхъ утесовъ и легкихъ покатостей, покрытыхъ садами, въ которыхъ солнце совсѣмъ исчезаетъ въ густой зелени. Не смотря на свой титулъ главнаго города „Наияснѣйшаго Царства", Мурція не такъ интересна, какъ сосѣдъ ея, портъ Картагена, и не можетъ сравниться съ нимъ по историческому значенію.

Новый Картагена предназначался, въ замыслахъ его финикійскихъ основателей, сдѣлаться другимъ старымъ Карѳагеномъ. Когда главный центръ морской торговли находился на сѣверномъ берегу африканскаго континента, на юго-восточномъ берегу Иберійскаго полуострова само собою опредѣлилось мѣсто для мѣноваго рынка; притомъ-же никакая гавань не представляла такихъ удобствъ, какъ маленькое внутреннее море, превосходно защищенное обнаженными, мрачными скалами нынѣшней Картагены. Это морское значеніе финикійской колоніи еще увеличилось съ тѣхъ поръ, какъ серебряные рудники въ ближайшихъ окрестностяхъ стали доставлять свои сокровища. Какъ сильный стратегическій пунктъ, Новый Карѳагенъ былъ однимъ изъ важныхъ римскихъ городовъ Иберіи. Въ разныя времена, властители Испаніи старались возвратить ему прежнее стратегическое значеніе помѣщеніемъ въ немъ главной стоянки національнаго флота, постройкою складочныхъ магазиновъ, арсеналовъ, верфей, литейныхъ заводовъ и особенно размѣщеніемъ укрѣпленій на высотахъ, господствующихъ надъ портомъ и гаванью. Такимъ образомъ, испанскіе властители, какъ это доказалъ недавній эпизодъ междоусобной войны, достигли того, что Картагену можно взять не иначе, какъ голодомъ или измѣною; однако состояніе хроническаго дефицита, въ которомъ находится испанскій бюджетъ, не позволяетъ удовлетворять обширнымъ требованіямъ арсеналовъ и флота, такъ что грандіозныя кораблестроительныя учрежденія Картагены представляютъ жалкія развалины; народонаселеніе города едва достигаетъ трети того, которое было въ половинѣ восемнадцатаго столѣтія. Что касается мирной торговли колоніальными и другими товарами, то она, какъ извѣстно, не прививается въ мѣстахъ

воинственныхъ, въ сосѣдствѣ съ пушками; поэтому торговая дѣятельность избѣгаетъ картагенскаго порта. Кромѣ того, и географическое положеніе этого города можетъ способствовать торговымъ сношеніямъ полуострова развѣ только съ Алжиромъ; большіе торговые пути идутъ главнымъ образомъ черезъ Барцелону, Малагу, Кадиксъ. Поэтому „спартанскій“ Карѳагенъ остается совершенно въ сторонѣ съ своею мѣстною торговлею *stipa*, цыновками, фруктами и металлами.

Аликанте, хотя и не столь щедро одаренный природою, гораздо промышленнѣе, благодаря плодородію садовъ Эльхе, Оригуэла, Алькуа и желѣзной дорогѣ, соединяющей его непосредственно съ Мадридомъ. Аликанте расположенъ у подножія скалы съ длинными откосами и остатками разрушенной крѣпости; у его набережныхъ и за его молами толпится множество мелкихъ судовъ, а большіе корабли должны бросать якорь въ открытомъ морѣ по причинѣ мелководья, и быть на-готовѣ къ бѣгству съ приближеніемъ бури или опасныхъ вѣтровъ. Другіе города валенційскаго прибрежья, Деніа, имя котораго напоминаетъ о культѣ Діаны, Куллера, расположенный на изолированной приморской скалѣ, представляютъ еще болѣе опасныя пристани, но тѣмъ не менѣе часто посѣщаются каботажными судами, благодаря богатству и промышленности прибрежныхъ областей. До устройства искусственнаго порта *(Grao)* Валенціи, близъ устья Гвадалавіара, парусныя суда, проходившія зимою въ заливъ Валенціи, должны были принимать серьезныя предосторожности и спѣшить укрыться гдѣ нибудь въ другихъ мѣстахъ, потому что восточные и особенно сѣверо-восточные вѣтры, которые гонятъ къ берегу, дуютъ иногда съ чрезвычайной силой; когда они разражаются бурею, гибель судна, не успѣвшаго укрыться въ *(Grao)* рейдѣ, почти неизбѣжна, тѣмъ болѣе что берегъ скрывается тогда густою завѣсою тумана, и заливъ съ песчанымъ фарватеромъ не представляетъ ни одной природной бухточки для убѣжища. Остовы разбитыхъ судовъ свидѣтельствуютъ объ опасностяхъ плаванія въ этомъ страшномъ заливѣ. Къ счастью, молы порта Валенціи и его аванъ-порта построены такимъ образомъ, что могутъ защитить отъ всѣхъ вѣтровъ и представить легкій входъ судамъ во время бури.

Всѣ города обширнаго сада Хукара и Гра̀далавіара, Онтеніента, доблестная Хатива, Каркадженте, Альцира, Альджемези, Лиріа имѣютъ одинъ общій центръ въ „великой“ Валенціи, третьемъ городѣ Испаніи по народонаселенію, первомъ по роскоши своихъ плантацій. Не смотря на будничный видъ новыхъ построекъ въ коммерческихъ улицахъ, Валенція все-таки не лишена нѣкоторой оригинальности во внѣшности,

равнымъ образомъ и въ ея жителяхъ. „Городъ Сида“ сохранилъ свои зубчатыя стѣны, свои башни, бойницы, узкія, извилистыя улицы, бѣлые дома, украшенные балконами, свои драпировки и камышевыя цыновки, свѣшивающіяся съ оконъ, полотна, растянутыя надъ улицами для защиты прохожихъ отъ солнечныхъ лучей. Среди многочисленныхъ городскихъ зданій, одно наиболѣе замѣчательно, именно *Lonja* de Seda, „Шелковый Кошель“, грандіозный памятникъ конца пятнадцатаго столѣтія, состоящій изъ обширнаго кузова, поддерживаемаго рядами витыхъ колоннъ; изъ готической двери въ глубинѣ зданія открывается видъ на лимонный и апельсинный садъ. Вообще сады, аллеи, усаженныя деревьями, и рощи составляютъ славу и очарованіе Валенціи. Аламеда, идущій вдоль берега Гвадалавіара, представляетъ, можетъ быть, лучшее городское гулянье въ цѣлой Европѣ; тутъ тропическія растенія, каковы: бананы, бамбуки, пальмы, чередуются съ европейскими деревьями, вязами, тополями, платанами. Виллы, окруженныя прекрасными тѣнистыми садами, разсѣяны повсюду въ предмѣстьѣ города и особенно близъ рейда, посѣщаемаго купающимися и моряками.

Къ сѣверу отъ Валенціи, незначительная ширина годнаго къ обработкѣ пояса земли, идущаго по берегу моря, у подножія горъ, не допустила основаться и развиться здѣсь значительнымъ городамъ. Кастеллонъ де-ла Плана, построенный на равнинѣ (plana), отъ которой заимствовалъ свое названіе, у подножія холма, на которомъ помѣщалось старинное укрѣпленіе, обязанъ своимъ значеніемъ положенію при устьѣ долины Михаресъ; онъ значительно населенъ и представляетъ главный городъ одной изъ провинцій Валенціи; сосѣдніе съ нимъ города, являющіеся въ сущности его предмѣстьями: Виллареалъ, Бурріана богаты и оживлены, но далѣе всѣ мѣстечки, тянущіяся до границы Каталоніи, какъ-то: Алкала де Хіесвертъ, Беникарло, Винароцъ — суть не болѣе какъ мѣста скопища рыбаковъ и виноградарей. Въ прежнія времена, возвышенные пункты, господствующіе надъ приморскими тѣснинами этой части береговой полосы, были защищены укрѣпленными замками, или *atalayas*, живописныя развалины которыхъ теперь густо поросли кустарникомъ; главная оборонительная крѣпость находится при самомъ входѣ въ эти испанскія Ѳермопилы, въ томъ мѣстѣ, гдѣ дорога покидаетъ широкую равнину Валенціи и извивается между горами и моремъ. Это укрѣпленное мѣсто, основаніе котораго древніе историки приписываютъ закинѳскимъ грекамъ, былъ Сагунтъ, заслужившій извѣстность упорною осадою, выдержанною имъ противъ Аннибала. Римскія развалины, отъ которыхъ онъ заимствуетъ свое настоящее названіе Мурвіердо, или „Старыхъ Стѣнъ“, не

представляютъ ничего особенно грандіознаго: развалины храмовъ, разрушенныя стѣны перемѣшиваются съ обломками каменныхъ глыбъ и кучами лачугъ новѣйшей постройки; говорятъ, что римскій Сагунтъ обязанъ своимъ паденіемъ скорѣе природѣ, чѣмъ людямъ. Берегъ, вѣроятно, постепенно возвышался, море отступало, гавань такимъ образомъ обмелѣла — и городъ утратилъ свое торговое значеніе и свое населеніе.

Главные города средиземноморскаго склона между мысомъ Гатта и Эбро.

Валенція (1884 г.)	144,050 чел.	Геллинъ (1877 г.)	13,650 чел.
Мурція „	93,550 „	Реквена „	13,550 „
Картагена „	77,980 „	Виллареаль „	12,900 „
Аликанте „	35,410 „	Каркажентъ „	12,100 „
Алькуа „	32,820 „	Онтеніенте „	11,750 „
Лорка „	28,420 „	Виллена „	11,425 „
Ля-Уніонъ (1877 г.)	23,400 „	Моратала „	11,300 „
Оригуэла „	20,950 „	Кульера „	11,050 „
Эльчъ „	19,650 „	Мацарронъ „	11,000 „
Альбацетъ „	18,330 „	Чьеза „	10,900 „
Альцира „	16,150 „	Пуэбло Нуево дель-Маръ	10,500 „
Каравана „	15,000 „	Бурріана	10,500 „
Джатива „	14,550 „		
Джумилья „	13,900 „		

V.

БАЛЕАРСКІЕ ОСТРОВА.

Группа Балеарскихъ острововъ имѣетъ подводную связь съ испанскимъ полуостровомъ. Какъ по условіямъ географическаго положенія, такъ и по историческому развитію, она представляетъ естественную принадлежность Валенціи и Каталоніи. Отъ мыса Нао до Ибизы отъ Ибизы до Маіорки и Минорки тянется между пропастями Средиземнаго моря возвышенное плато, указывающее, повидимому, на когда то существовавшую въ этомъ мѣстѣ соединенную полосу суши. Направленіе этого подводнаго перешейка вполнѣ совпадаетъ съ направленіемъ горъ Мурціи и Валенціи; рядъ острововъ развивается съ юго-запада къ сѣверо-востоку, причемъ ихъ высокія вершины, въ общемъ, слѣдуютъ той же главной оси. Съ другой стороны, маленькій полуостровъ Бана, соединенный

ТИПЫ ЖИТЕЛЕЙ БАЛЕАРСКИХЪ ОСТРОВОВЪ.

съ низовьями дельты Эбро, продолжается въ морѣ въ видѣ скалистыхъ отмелей, направляющихся къ Ибизѣ. Группа островковъ возвышается вершинами своихъ холмовъ среди этого подводнаго землянаго языка: это вулканическіе острова группы Колумбретъ; ихъ наивысшая остроконечная вершина, Монте Колибре, съ полуразрушеннымъ кратеромъ въ формѣ подковы, который можетъ свидѣтельствовать о присутствіи въ этомъ мѣстѣ подземнаго огня, содѣйствующаго, между прочимъ, медленному поднятію Балеарскихъ острововъ. Всѣ скалы Колумбретъ, вмѣстѣ взятыя, не представляютъ поверхности и половины квадратнаго километра. Говорятъ, что тамъ водится много змѣй и само названіе островковъ, взятое съ латинскаго *Colubralia*, означаетъ островокъ Ужей.

По пространству, Балеарскіе острова не составляютъ и сотой части испанскаго полуострова. Они не имѣютъ того исключительнаго географическаго положенія, которое обусловливаетъ столь важное значеніе такихъ острововъ, какъ Сицилія и даже маленькая Мальта; Балеарскіе острова лежатъ въ сторонѣ отъ большихъ судоходныхъ путей, и моря, ихъ окружающія, подвержены столь частымъ бурямъ, что коммерческія суда стараются обогнуть ихъ съ юга, для достиженія безопасной стоянки. За то Балеарскіе острова отличаются красотою мѣстоположенія, мягкостью климата и плодородіемъ почвы. Эти острова, щедро одаренные природою, древніе называли Эвдемонами, т. е. „Островами Добрыхъ Геніевъ“, и Афродизіадами, или „Страною Любви“. Эти лестныя названія, конечно, свидѣтельствуютъ прежде всего о стремленіи находить прекрасное во всемъ отдаленномъ и трудно досягаемомъ; впрочемъ, Балеарскіе острова, въ сравненіи съ испанскимъ полуостровомъ и большинствомъ прибрежныхъ странъ Средиземнаго моря, дѣйствительно могутъ похвалиться своею счастливою звѣздою. Они, правда, не избѣгли многочисленныхъ вражескихъ вторженій; война, чума и другіе бичи рода человѣческаго часто ихъ опустошали; однако всѣ эти бѣдствія ничтожны, если взять во вниманіе безконечныя несчастія, поражавшія Испанію. Такимъ образомъ, въ настоящемъ столѣтіи, Балеарскіе острова не страдали непосредственно отъ междоусобицъ, свирѣпствовавшихъ на полуостровѣ. Народонаселеніе могло тамъ безпрепятственно умножаться и обогащаться земледѣліемъ и торговлею. На томъ же пространствѣ земли число жителей Балеарскихъ острововъ вдвое больше, чѣмъ въ Испаніи; оно было-бы еще значительнѣе, если-бы большинство обширныхъ помѣстій, обремененныхъ залоговыми долгами, не обработывалось крестьянами, которые подчинены почти феодальной системѣ управленія.

Пространство и населеніе этихъ острововъ слѣдующее:

		Пространство.	Населеніе въ 1883 г.	Населеніе на 1 кв. кил.
Питіузскіе о-ва.	Ибиса.	572 кв. кил.		
	Форментера . .	96 » »		
Балеарскіе о-ва.	Маіорка. . . .	3,395 » »	302,152	63
	Кабрера. . . .	20 » »		
	Минорка . . .	734 » »		
		4,817 кв. кил.		

Острова, по ихъ естественному положенію, дѣлятся на двѣ группы: западную, или Питіузскіе острова, названные такъ въ древности по причинѣ сосновыхъ лѣсовъ, покрывающихъ тамъ всѣ горы, и Гимнезійскіе, или собственно Балеарскіе острова. Названіе Гимнезійскихъ, недавно введенное въ учебники географіи, но совершенно неизвѣстное въ народѣ, напоминаетъ о варварскихъ временахъ, когда народъ жилъ въ первобытномъ состояніи. Что-же касается названія Балеарскихъ, то единодушное свидѣтельство древнихъ авторовъ приписываетъ его ловкости туземцевъ въ искусствѣ метанія пращи. Страбонъ разсказываетъ, что родители совершенствовали своихъ дѣтей въ этомъ искусствѣ, выставляя имъ для мишени хлѣбъ, приготовленный къ обѣду: молодые стрѣлки получали пищу не прежде, какъ пробивъ ее камнемъ. Метеллъ „Балеарскій“, прежде чѣмъ высадиться на Гимнезійскіе острова, позаботился обтянуть палубу каждаго корабля кожами, чтобы предохранить экипажъ отъ камней пращниковъ. На островѣ Миноркѣ, гдѣ долго сохранялись древніе нравы, какъ слышно, дѣти и теперь еще упражняются въ искусствѣ метанія пращи.

Климатъ Балеарскихъ острововъ мало отличается отъ климата испанскихъ береговъ, лежащихъ подъ тою-же широтою. Онъ только мягче и ровнѣе, кромѣ того, болѣе влаженъ, благодаря чисто морскому воздуху, который питаетъ ихъ дождями, особенно весною и осенью, при перемѣнѣ временъ года. Сильные вѣтры часты въ этихъ мѣстахъ и по временамъ являются страшные смерчи. Эти водяные метеоры загубили не мало судовъ; разсказываютъ случаи, когда большіе корабли исчезали безъ всякаго слѣда.

Балеарскіе острова были обитаемы даже внѣ исторической эпохи. Маіорка усѣяна постройками, называемыми *talayots*, т. е. маленькими *atalayes*, или „сторожевыми башенками“, которыя похожи на *nuraghi* въ Сардиніи и, какъ полагаютъ, были сооружены колѣнами одного и того же племени. Минорка еще богаче памятниками этого происхожденія: са-

мый большой изъ нихъ, возвышающійся на одномъ холмикѣ въ южной части острова. Впрочемъ, каково-бы ни было происхожденіе первоначальныхъ обитателей Балеарскихъ острововъ, они вполнѣ измѣнились съ начала историческихъ временъ, подъ вліяніемъ пришельцевъ многочисленныхъ племенъ, говорившихъ на всевозможныхъ языкахъ: финикіянъ и карѳагенянъ, грековъ и массиліотовъ, римлянъ и латинизированныхъ иберійскихъ поселенцевъ, готовъ и вандаловъ, арабовъ и берберовъ, генуэзцевъ, пизанцевъ, арагонцевъ, каталонцевъ и провансальцевъ. Въ виду такого племеннаго смѣшенія, попытка причислить балеарцевъ къ тому или другому племени, на основаніи ихъ родственнаго сходства съ первобытными обитателями, была-бы болѣе чѣмъ отважна. По языку они каталонцы, однако ихъ нарѣчіе болѣе чисто и скорѣе подходитъ къ старинному лимузинскому говору, чѣмъ къ языку жителей Барцелоны.

Маіоркцы и ихъ сосѣди мелкихъ острововъ большею частью сухощавы и хорошо сложены. Въ нѣкоторыхъ округахъ, именно въ округѣ Соллеръ, женщины замѣчательно красивы; даже въ тѣхъ случаяхъ, когда лицо не отличается правильностью чертъ, оно оживлено выразительнымъ взглядомъ и улыбкою. Подобно всѣмъ сельскимъ жителямъ, крестьяне острововъ разсудительны, осторожны, жадны къ деньгамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ они относительно честны, вѣжливы, любезны, радушны, гостепріимны. Ихъ широкія шаровары, поясъ, стройно охватывающій талію, суконный или пестрый полотняный жилетъ, придаютъ имъ весьма изящную наружность, значительно отличающую ихъ отъ неуклюжихъ поселянъ сѣверной Европы. Вечеромъ, по возвращеніи съ работъ, они являются въ костюмахъ изъ козьей кожи шерстью вверхъ, съ хвостомъ, болтающимся подъ тактъ шаговъ, и граціозно танцуютъ подъ звуки гитары или флейты, на которой одинъ наигрываетъ. Такъ, по всей вѣроятности, жили ихъ предки до карѳагенскаго нашествія.

Ибиза, большій и ближайшій отъ континента изъ Питіузскихъ острововъ, отстоитъ отъ полуострова всего на 85 километровъ. Онъ состоитъ изъ массы холмовъ неправильной формы, повсюду прорѣзанныхъ равнинами, гдѣ зимою протекаютъ бѣшеные потоки, скоро высыхающіе съ приближеніемъ большихъ жаровъ. На сѣверной оконечности острова возвышаются горныя вершины около 400 метровъ высоты, надъ берегомъ мало приступнымъ и усѣяннымъ крутыми выступами. Острова и многочисленные островки разсѣяны близъ берега, особенно къ западу отъ Пормани (Портъ-Мань, или Великій-Портъ), который глубоко врѣзывается въ часть берега, обращенную къ заливу Валенціи. Въ южный берегъ острова также вдается большая бухта, гдѣ останавливается флотилія рыбаковъ; на бере-

*

говыхъ склонахъ этой бухты живописно расположился маленькій главный городокъ, древняя карѳагенская колонія, съ его домами, башнями и старинными стѣнами. Подобное-же расположеніе береговъ представляетъ островъ Форментера, соединенный съ однимъ изъ мысовъ Ибизы цѣпью островковъ и рифовъ, аналогичныхъ съ знаменитымъ „Адамовымъ мостомъ“ Цейлона; онъ также раздѣляется на двѣ части заливами, на сѣверѣ Плайа де ла Трамонтана, на югѣ — Плайа дель Медіодіа. Пространство между Форментерою и Ибизою представляетъ превосходную стоянку для большихъ судовъ.

Климатъ Питіузскихъ острововъ замѣчательно здоровый. Островитяне, пока еще незнакомые съ законами распространенія породъ, приписываютъ совершенное отсутствіе змѣй и всѣхъ другихъ пресмыкающихся на ихъ островѣ чистотѣ атмосферы: никакой ядъ, говорятъ они, не можетъ привиться къ ихъ благословенной странѣ. Вообще всѣ Балеарскіе острова, какъ и большинство острововъ, удаленныхъ отъ континента, обладаютъ фауною бѣднѣйшею, чѣмъ на большомъ материкѣ. По Страбону, даже зайцы, въ настоящее время до того размножившіеся, что два островка этой группы получили названіе Конильера и Конейера, не были извѣстны на островахъ и введены туда только при римлянахъ. Подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій, нѣкоторые изъ видовъ животныхъ образовали здѣсь явственныя разновидности. Такъ напримѣръ, на островѣ Форментера водится фазанъ, который по оперенію можетъ считаться отличнымъ отъ фазановъ континентальныхъ. Борзая собака Балеарскихъ острововъ также отличается отъ своихъ европейскихъ родичей: она великолѣпнаго сложенія и, говорятъ, не очень вѣрна.

Не смотря на плодородіе почвы и превосходный климатъ, оба Питіузскіе острова слабо населены и имѣютъ лишь посредственное экономическое значеніе для метрополіи. Ихъ гавани, даже гавань Ибизы, имѣютъ тотъ недостатокъ, что вовсе не защищены отъ вѣтровъ, и суда всегда рискуютъ быть выброшенными на берегъ волнами восточной части Средиземнаго моря. Вмѣсто того, чтобы привлекать суда въ свои гавани, Ибиза, напротивъ, пугаетъ ихъ своими рифами и быстрыми потоками. Моряки издалека замѣчаютъ островъ, но рѣдко пристаютъ къ нему: множество островковъ океана, расположенныхъ на противуположномъ концѣ, гораздо чаще посѣщаются.

Еще недалеко то время, когда варварійскіе пираты крейсировали по Средиземному морю, и опасеніе внезапныхъ нападеній способствовало прекращенію всякой торговли и промышленности на Питіузскихъ островахъ и держало населеніе въ постоянномъ страхѣ. Сторожевыя башни,

исполнявшія свое назначеніе еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія, возвышаются на всѣхъ мысахъ острововъ; каждая деревня имѣетъ свою крѣпостцу, куда народъ укрывался при малѣйшей тревогѣ. Впрочемъ жители Ибизы пользуются репутаціею людей весьма храбрыхъ; привыкнувъ въ опасностямъ въ теченіе вѣковъ, они отличаются мужествомъ своихъ предковъ. Благодаря отдаленности и относительно ничтожному значенію острововъ, жители также пользуются драгоцѣннымъ преимуществомъ — быть почти предоставленными самимъ себѣ центральнымъ правительствомъ и сохранили значительную часть административной самостоятельности. Они очень этимъ довольны и дурно принимаютъ всякое вмѣшательство континентальныхъ властей.

Маіорка, или Большой Балеарскій островъ, Маллорка по-испански, единственный изъ всей группы, имѣющій настоящую горную цѣпь, настоящую сіерру. Сѣверо-западный берегъ, слегка выгнутый и тянущійся съ возвышеннаго пункта Ребазада, или скорѣе отъ острова Драгонера до мыса Форменторъ, параллельно берегу Каталоніи, повсюду загроможденъ крутыми отрогами цѣпи; снизу видны уступы скалъ, склоны, покрытые лѣсомъ и кустарникомъ; громадныя вершины порфировыхъ, діоритовыхъ утесовъ высятся одни надъ другими, исчезая въ далекой синевѣ неба. Первая вершина, близъ западной оконечности цѣпи, сразу вытягивается на высоту около 1,000 метровъ; затѣмъ къ сѣверо-востоку тянется рядъ болѣе высокихъ гребней, надъ которыми господствуютъ двѣ вершины, Маіоръ и Торрелла. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ цѣпь, понижаясь, состоитъ изъ однихъ только холмовъ, она продолжается въ море въ видѣ узкаго скалистаго полуострова, оканчивающагося мысомъ Форменторъ; одинъ изъ зубцовъ этого гребня, извѣстный подъ именемъ Агуйеро, имѣетъ сквозное отверстіе, черезъ которое видѣнъ свѣтъ съ открытаго моря. Въ цѣломъ, эта горная группа, обрывистая со стороны моря, обращеннаго къ Каталоніи, и полого со стороны склона къ африканскому берегу, можетъ считаться богатѣйшею въ свѣтѣ по количеству великолѣпныхъ пейзажей. Тѣнистыя долины, развертывающіяся въ глубинѣ цѣпи, Соллеръ, Валльдемоза, красивы и сами по себѣ, и видами, съ нихъ открывающимися. Къ сѣверу море такъ близко подходитъ къ берегу, что съ уступовъ террасъ, прикрытыхъ перепутанными вѣтвями сосенъ, рискуешь упасть въ необъятную морскую бездну. Къ югу, напротивъ, взору представляются пространныя равнины, слегка волнообразныя, покрытыя яркою зеленью или желтѣющія хлѣбами и усѣянныя городами и многочисленными селами. И здѣсь вдали видно море, только въ формѣ серебристой ленты, окаймляющей чудную картину. Островокъ Конейера и,

еще дальше, маленькій островъ Кабрера, на которомъ погибло множество плѣнныхъ французовъ во время войнъ Имперіи, кажутся плавающими на горизонтѣ въ видѣ прозрачныхъ пятенъ тумана.

Сіерра въ тѣсномъ значеніи слова, имѣющая мѣстами настоящій альпійскій характеръ и гдѣ, въ сосновыхъ лѣсахъ, среди лабиринта скалъ, и теперь еще водятся, по словамъ крестьянъ, муфлоны, представляетъ незначительную ширину. Нѣкоторые изъ ея отроговъ, имѣющихъ бѣлый и розовый цвѣтъ въ эпоху цвѣтенія ладанниковъ, надвигаются маленькими цѣпями внутрь острова; но наибольшая часть пространства Маіорки состоитъ изъ равнинъ метровъ въ пятьдесятъ высоты, на которыхъ безпрестанно попадаются уединенные церковь, дачный домъ или укрѣпленный замокъ. Одна изъ этихъ возвышенностей, Пигъ де Ранда, откуда видѣнъ обширный коверъ равнины, развертывающійся вокругъ склоновъ, служила нѣкогда центромъ для богомольцевъ всего острова и съ высоты ея священники благословляли жатву. Холмы группируются въ настоящій горный кряжъ только въ восточномъ углу острова, у мыса, до сихъ поръ носящаго арабское названіе Ферруткъ (Ferrutx); нѣсколько къ югу находится обширный гротъ Арта, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ въ Европѣ по богатству и разнообразію сталактитовъ: галлереи этого грота спускаются подъ уровень моря.

Самая узкая часть равнины находится между вырѣзами въ очертаніяхъ острова. Два залива, одинъ съ юго-запада, другой съ сѣверо-востока, врѣзываются въ берега острова, какъ-бы раздѣляя его на двѣ половины. Первый изъ нихъ представляетъ обширную полукруглую бухту Пальма, заканчивающуюся маленькою искусственною гаванью главнаго города. Второй есть двойной заливъ Алькудіа, Пуерто Маіоръ и Пуерто Меноръ, раздѣленный живописнымъ полуостровомъ мыса Пинаръ.

Высоты Майорки, по Виллькому, суть:

Пигъ ден'Галацо . .	1,200 метр	Ущелье Соллеръ . .	562 метр.
Пигъ ден'Торрелла .	1,445 „	Мысъ Ферруткъ . .	568 „
Пигъ Маіоръ . . .	1,500 „	Островъ Драгонера. .	320 „

Что касается сѣвернаго берега, то онъ слишкомъ крутъ и потому не имѣетъ удобныхъ гаваней: корабли могутъ приставать здѣсь только въ одной скалистой бухточкѣ Соллеръ, знаменитой въ наше время по вывозу апельсиновъ и извѣстной въ легендахъ, какъ мѣсто, откуда святой Раймондъ де Пенафоръ поплылъ на своемъ плащѣ въ Барцелону.

Пигъ ден'Торрелла и другія вершины сіерры, хотя и лежатъ значительно ниже линіи вѣчныхъ снѣговъ, тѣмъ не менѣе въ углубленіяхъ,

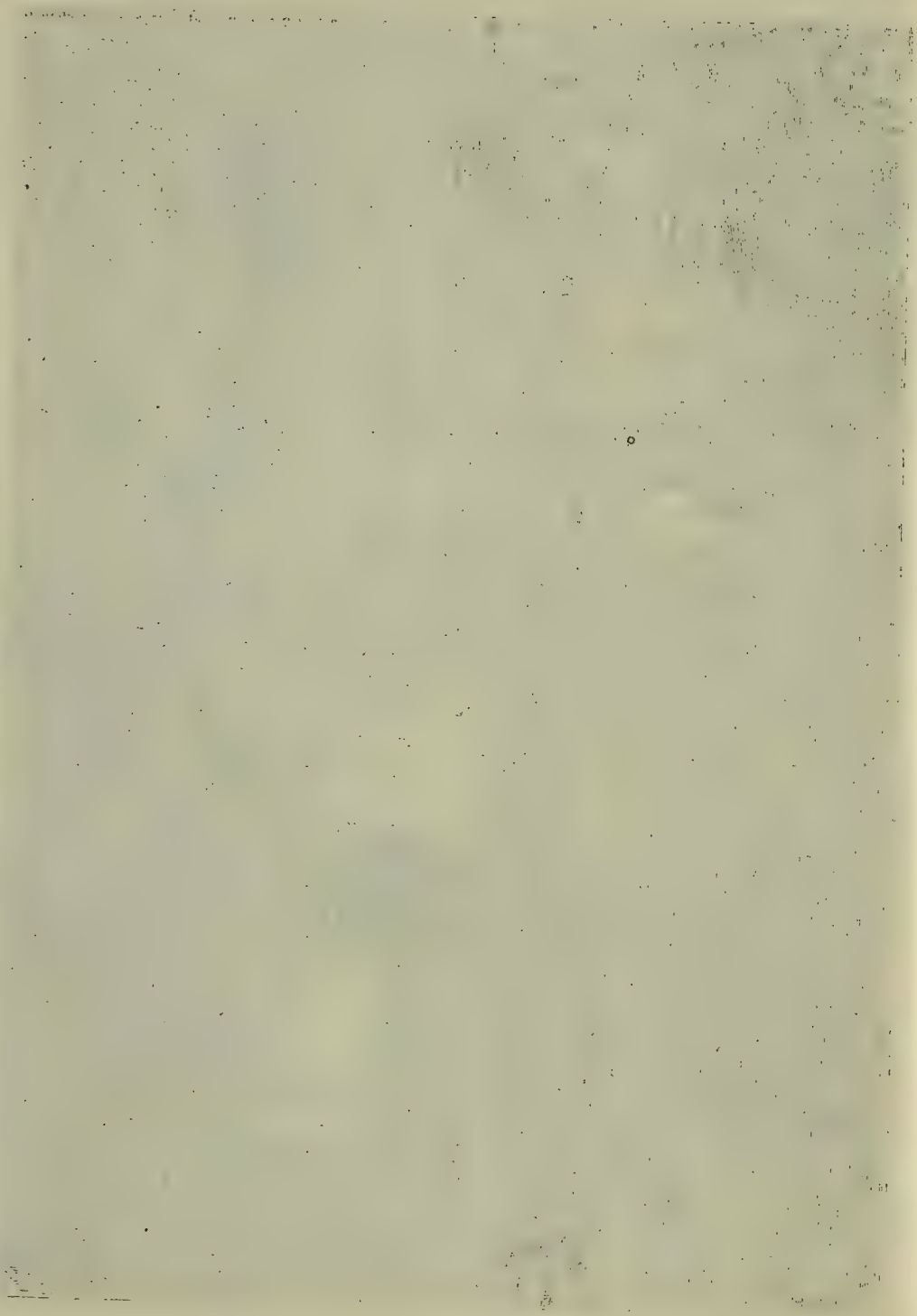
ближайшихъ къ высокимъ частямъ, содержатъ довольно значительныя количества снѣга, потребляемаго жителями Пальмы во время лѣтнихъ жаровъ. Кромѣ того, горы питаютъ временные потоки, которые иногда, послѣ большихъ дождей, разливаются по прибрежнымъ мѣстамъ, покрываютъ воздѣланныя поля пескомъ и камнями, и разрушаютъ зданія. Такъ, напримѣръ, Ріера, впадающій въ Средиземное море близъ Пальмы, часто причинялъ городу больше зла, чѣмъ осада или эпидемія: говорятъ, что наводненіе 1403 г. разрушило около двухъ тысячъ домовъ и погубило до 6,000 человѣкъ. Но обыкновенно эти потоки, которыхъ одинъ маіоркскій писатель насчитываетъ, будто-бы, болѣе двухсотъ, едва въ состояніи доставить достаточное количество плодотворной воды для *acequias*, или каналовъ арабскаго происхожденія, развѣтвляющихся по всѣмъ полямъ и лугамъ острова. Между тѣмъ Маіорка чувствуетъ настоятельную потребность въ обильномъ орошеніи. Островъ, вполнѣ защищенный сіеррою отъ сѣверо-западныхъ вѣтровъ, дующихъ съ Пиренеевъ и долины Эбро, повороченъ къ Африкѣ и расположенъ подобно тепличной шпалерѣ для согрѣванія всею силою солнечныхъ лучей.

Pageses, или маіоркскіе крестьяне, всегда пользовались репутаціею превосходныхъ земледѣльцевъ, насколько позволяло имъ пристрастіе къ рутинѣ и замѣчательная скупость, когда дѣло касается издержекъ на улучшенія. Вообще земля Маіорки несравненно лучше эксплоатируется, чѣмъ въ остальной части Испаніи. Правда, заслугу столь хорошаго содержанія земли нельзя приписывать однимъ только островитянамъ. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, когда иноземная война опустошала полуостровъ, и затѣмъ, когда христиносы, карлисты и бойцы другихъ партій спорили за обладаніе Испаніею, множество трудолюбивыхъ каталонцевъ переселилось на острова, ища мира и благосостоянія: они заняли преимущественно центральную часть Маіорки, въ окрестностяхъ Инки. Именно этимъ колонистамъ островъ обязанъ значительною частью своихъ террасъ, выровненныхъ съ большими издержками по склонамъ горъ, своихъ оливковыхъ рощъ, хорошо содержимыхъ виноградниковъ, своихъ прекрасныхъ померанцевыхъ и миндальныхъ садовъ. Всѣ экономическія усилія направлены къ тому, чтобы отвоевать на скалѣ или на болотѣ клочекъ земли, тотчасъ-же подвергаемый обработкѣ. Однако, не смотря на промышленный духъ жителей, поверхность пахатной земли недостаточна для скученнаго на ней населенія, и избытокъ его долженъ выселяться. Маіоркцы, равно какъ ихъ сосѣди съ Минорки, превосходные садовники „магонцы“, встрѣчаются во множествѣ въ городахъ средиземноморскаго прибрежья, въ Алжирѣ и на испанскихъ Антильскихъ островахъ.

Впрочемъ, „золотой“ островъ обладаетъ весьма разнообразными источниками богатствъ и никогда не рискуетъ быть въ бѣдѣ, въ случаѣ неудавшейся жатвы. На немъ, правда, нѣтъ другихъ минеральныхъ источниковъ, кромѣ соленыхъ озеръ, близъ мыса Салинасъ, противъ острова Кабреры; за то, кромѣ хлѣбныхъ растеній, доставляющихъ превосходный „Маллоркскій хлѣбъ“, извѣстный во всей Испаніи, островитяне воздѣлываютъ чудесныя вина Бенизалема, вывозимыя на континентъ, масло, потребляемое преимущественно въ Англіи и Голландіи, овощи, для которыхъ главнымъ рынкомъ служитъ Барцелона, наконецъ, всевозможные фрукты, вывозимые во Францію. Долина Соллеръ, слава Маіорки, большею частью покрыта апельсиновыми рощами, произведенія которыхъ вывозятся массами въ Эгъ-Мортъ, въ портъ Агдъ, въ Марсель; къ сожалѣнію, растительная болѣзнь, которой не удалось еще уничтожить, произвела большія опустошенія на плантаціяхъ, и садовники въ теченіе долгаго времени имѣли основаніе опасаться утраты одной изъ важнѣйшихъ статей ихъ дохода. Маіоркцы занимаются также разведеніемъ животныхъ: для крупнаго скота у нихъ недостаетъ пастбищъ, за то кухонные и растительные остатки, корни, плоды — позволяютъ откармливать множество свиней, отправляемыхъ въ Барцелону. Наконецъ маіоркцы до извѣстной степени занимаются и мануфактурною промышленностью. Ихъ фабриканты обуви заготовляютъ свои издѣлія какъ за границу, такъ и для самаго острова. Маіоркцы вывозятъ шерстяныя и полотняныя матеріи, плетеныя корзины и вазы изъ пористой глины; однако они утратили монополію на фаянсовыя издѣлія, столь славившіяся въ эпоху Возрожденія и до сихъ поръ сохранившія названіе *majolica* (маіоликъ) — итальянскій переводъ слова Маіорка. Мѣстныя женщины по сихъ поръ считаются лучшими вышивальщицами въ мірѣ. Онѣ доводятъ свое искусство до вышиванія цѣлыхъ картинъ шелками и золотомъ.

Нынѣшній главный городъ острова, Пальма, населенъ и оживленъ. Съ моря онъ кажется живописнымъ съ его домами, построенными амфитеатромъ, съ его стѣнами, усаженными бастіонами, старинnымъ укрѣпленнымъ замкомъ Белльверъ, каѳедральнымъ соборомъ, расположеннымъ на холмѣ, съ „башнею Ангела“, весьма красивой и смѣлой архитектуры. Жители Пальмы гордятся своими постройками и утверждаютъ, что ихъ *Lonja* съ четырьмя восьмиугольными башенками по угламъ, по характерности архитектуры, гораздо выше валенційской. Отдавая честь патріотизму островитянъ, нельзя не замѣтить, что полумавританскій стиль старинныхъ маіоркскихъ архитекторовъ эпохи Возрожденія отличается изящностью и замѣчательною легкостью. Колонны чернаго и сѣраго мрамора, поддер-

ВХОДЪ ВЪ ИВИЗСКІЙ ПОРТЪ.



живающія готическія окна, удивительно тонки, сравнительно съ длиною: ихъ можно принять за желѣзные шесты или бамбуковые стволы.

Постоянный наплывъ негоціантовъ и матросовъ содѣйствовалъ смѣшенію кореннаго населенія Пальмы, гдѣ, впрочемъ, хотя одинъ этническій элементъ сохранился отъ всякой помѣси: это крещеные евреи, отлично узнаваемые по ихъ характерному типу и извѣстные въ странѣ подъ именемъ *Chuetas*. Они и теперь занимаютъ отдѣльный кварталъ, сочетаются бракомъ только между собою, имѣютъ свои особыя школы. У нихъ есть также своя церковь, такъ какъ только цѣною крещенія они избавились отъ смерти или, по меньшей мѣрѣ, отъ изгнанія: единственная разница въ ихъ религіозномъ культѣ заключается въ томъ, что они выкрикиваютъ свои молитвы, вмѣсто того чтобы читать ихъ тихимъ голосомъ; это происходитъ конечно отъ того, что вначалѣ священники заставляли ихъ говорить громко, чтобы явственно слышать произносимое. Впрочемъ, не смотря на принятіе христіанской вѣры, хуэтасы не утратили своихъ меркантильныхъ способностей и, благодаря ремеслу ростовщиковъ, завладѣли большею частью помѣстій острова. Въ прежнія времена существовалъ удобный способъ препятствовать ихъ чрезмѣрному обогащенію: когда общественное мнѣніе, не смотря на нищенскую наружность евреевъ, подозрѣвало ихъ въ слишкомъ быстромъ наполненіи сундуковъ, немедленно составлялось обвиненіе въ богохульствѣ или ереси, ввергавшее ихъ въ темницу, а состояніе ихъ вскорѣ переходило въ другія руки. Документы пальмской инквизиціи свидѣтельствуютъ о страшныхъ преслѣдованіяхъ, которымъ подвергались эти несчастные крещеные. Даже въ послѣднее столѣтіе имъ всегда приходилось опасаться за свою свободу и жизнь.

Желѣзная дорога соединяетъ гавань Пальмы и восточный берегъ, проходя по округамъ Санта Марія и Бенизалемъ, богатѣйшимъ на островѣ послѣ мѣстностей, окружающихъ съ юга населенные города Манакоръ и Феланитксъ. Алькудіа нѣкогда оспаривала у Пальмы титулъ главнаго города, и если бы ей не приходилось страдать отъ дурнаго климата и недостатка хорошей воды, она, вѣроятно, поддержала-бы свое значеніе большаго города, потому что занимаетъ превосходное приморское положеніе. Съ вершины своего скалистаго холма она господствуетъ сразу надъ двумя заливами, ближе лежащими къ Испаніи и Франціи, чѣмъ заливъ Пальмы, и представляетъ удобное сообщеніе съ внутренними областями. Сѣверный заливъ, обыкновенно называемый Пуэрто Меноръ, или Полленца, можетъ вмѣщать суда съ глубокою посадкою, представляя хорошую стоянку, защищенную отъ всѣхъ вѣтровъ; тѣмъ не менѣе онъ мало посѣщаемъ; островъ слишкомъ малъ для двухъ большихъ мѣновыхъ

рынковъ. Надо надѣяться, что обширныя работы для очищенія воздуха и воздѣлыванія земли, предпринятыя къ югу отъ Алькудіи, возвратятъ этому древнему городу часть его прежняго значенія. Альбуфера, или болотистая равнина, занимающая около 2,800 гектаровъ, была по частямъ отвоевана у болотъ и лихорадокъ, благодаря промышленнымъ англичанамъ, которые занимаются эксплоатаціею этой мѣстности; въ настоящее время она представляетъ прекрасную равнину, пересѣкаемую широкими, прочными дорогами, осушенную паровыми машинами и орошаемую каналами чистой воды.

Города Маіорки и Ибизы съ ихъ населеніемъ:

Пальма (1884)	58,790	жителей.
Манакоръ (1877) . . .	14,925	„
Феланиткъ	11,000	„
Алухмаіоръ	8,850	„
Полленца (1877) . . .	8,550	„
Инка	6,825	„
Соллеръ	7,900	„
Ибиза	7,400	„

Минорка у французовъ, Менорка, или „Малый Балеарскій островъ“, съ поверхностью въ 78,000 гектаровъ, видимый съ Маіорки, такъ какъ отстоитъ отъ нея всего въ 37 километрахъ, продолжаетъ, повидимому, слегка выгнутую линію маіоркской сіерры сперва къ востоку, затѣмъ къ юго-востоку; но самъ по себѣ этотъ островъ мало гористъ и представляетъ лишь уединенныя горныя остроконечія. Самая высокая вершина гора Торо, въ 368 метровъ высоты, расположена почти въ центрѣ острова и господствуетъ надъ обширными, слегка холмистыми равнинами; растущія на нихъ деревья, не защищенныя отъ сѣверныхъ вѣтровъ, постоянно склоняютъ свои вѣтви въ сторону Африки; апельсинныя деревья могутъ расти только подъ прикрытіемъ балокъ, или *barrancos*, которыми изборождена равнина. Отсутствіе сіерры дѣлаетъ климатъ Минорки менѣе пріятнымъ и здоровымъ, чѣмъ на сосѣднемъ островѣ; почва также менѣе плодородна вслѣдствіе малаго количества источниковъ. Правда, что дожди здѣсь обильнѣе, чѣмъ на Маіоркѣ, но известковыя скалы пропускаютъ влагу сквозь поры, и поля всегда сухи. Вода собирается главнымъ образомъ въ глубокихъ гротахъ. Близъ Ціудаделы въ одной скалѣ находится цѣлый лабиринтъ пещеръ, изъ которыхъ одна сообщается съ моремъ.

Сравненіе климатовъ Маіорки и Минорки, по Каррера, съ Барцело и Комбиромъ:

	Пальма.	Магонъ.
Средняя температура	18°,1	17°,1
Температура самаго теплаго мѣсяца .	(?)	22°,4
„ самаго холоднаго мѣсяца .	(?)	9°
Среднее количество дождей.	0,436 м.	0,960 м.
Число дождевыхъ дней	67	82

Подобно Маіоркѣ и обоимъ Питіузскимъ о-вамъ, Ибизѣ и Форментерѣ, въ политической исторіи и торговлѣ Минорки замѣчается нѣкоторое колебаніе, благодаря портамъ, расположеннымъ на двухъ ея противоположныхъ оконечностяхъ. Островъ имѣетъ два главныхъ города, которые всегда спорили за право первенства, Ціудаделу и Портъ-Магонъ. Первый имѣетъ преимущество въ своемъ положеніи противъ Маіорки и двухъ заливовъ Алькудіи, но представляетъ дурную гавань съ болотистыми берегами. Второй, до сихъ поръ носящій имя своего карѳагенскаго основателя, обладаетъ превосходною природною гаванью, раздѣленною островками и полуостровами на бухты и второстепенные бассейны; въ этомъ рукавѣ моря соединены всевозможныя удобства. Между тѣмъ, при видѣ слабаго торговаго движенія въ портѣ, не трудно догадаться, что это та самая знаменитая гавань, которую Андрей Доріа восхваляетъ въ своей извѣстной шуткѣ, относящейся, впрочемъ, и къ карѳагенской бухтѣ: „іюнь, іюль и Магонъ суть лучшіе порты въ Средиземномъ морѣ“. Портъ-Магонъ значительно утратилъ свою торговую дѣятельность съ тѣхъ поръ, какъ англичане покинули его въ 1802 г., сдѣлавъ изъ него богатый, благоденствующій городъ. Для нихъ онъ служилъ второю Мальтою, во всякомъ случаѣ низшею по достоинству вслѣдствіе положенія среди открытаго, бурнаго моря, вдали отъ такихъ портовъ, которые обусловливаютъ сообщеніе между двумя морями и придаютъ столь важное значеніе Ла Валеттѣ, Мессинѣ, Гибралтару. Въ стилѣ построекъ Магона сохранилось нѣчто англійское; большая дорога, проходящая во всю длину острова, отъ Порта-Магона до Ціудаделы, также есть наслѣдство британскаго владычества, однако, дурно оцѣненное. Равнымъ образомъ, превосходная гавань Форнелльсъ, открывающаяся между двумя скалистыми полуостровами и могущая вмѣстить цѣлый флотъ, служитъ пристанищемъ для нѣсколькихъ рыболовныхъ судовъ.

Портъ-Магонъ имѣетъ . . 15,850 жителей, Ціудадела . . . 7,775.

VI.

ДОЛИНА ЭБРО, АРАГОНІЯ И КАТАЛОНІЯ.

Подобно бассейну Гвадалквивира, долина Эбро въ ея средней части совершенно отдѣлена отъ остальной Испаніи. Она представляетъ широкую ложбину между внутреннимъ плоскогоріемъ полуострова и системою Пиренейскихъ горъ. Если-бы воды Средиземнаго моря поднялись на 300 метровъ, то наполнили бы все треугольное пространство, по которому извивается Эбро, отъ Туделы до Меквиненца, и которое было прѣснымъ озеромъ, прежде чѣмъ рѣка пробилась сквозь Каталонскія горы. Къ сѣверу эта область ограничивается щитомъ Пиренеевъ, крѣпчайшимъ природнымъ оплотомъ, какой только существуетъ въ Европѣ; съ юга и юго-запада выступаютъ крутые откосы плоскогорья съ его гребнемъ горъ; эта граница въ особенности неопредѣленна и перемѣнчива, за то самая неудобная для перехода и помѣченная различіемъ въ климатахъ. На сѣверо-западѣ высокая долина Эбро переходитъ у Кантабрскихъ Пиренеевъ въ Арагонскую равнину. Слѣдовательно, съ этой стороны естественной границы не существуетъ; однако холмы, сходящіеся съ обѣихъ сторонъ, придаютъ этой мѣстности вполнѣ своеобразный характеръ. Кромѣ того, значительная часть описываемой области населена людьми другаго племени, съ инымъ языкомъ и обычаями, представляющими, слѣдовательно, живую стѣну для жителей равнины. И въ историческомъ отношеніи верхняя долина Эбро должна была играть роль совершенно отличную отъ Арагоніи. Тамъ именно находятся главныя мѣста прохода между порогомъ Пиренеевъ и Кастильскимъ плоскогоріемъ; тамъ во всѣ времена происходилъ приливъ и отливъ народовъ между Франціею и внутренними частями полуострова.

Какъ по ходу историческихъ событій, такъ и по условіямъ географическаго положенія, Арагонія и Каталонія образуютъ одну изъ естественныхъ областей Испаніи, менѣе обширную, чѣмъ Кастиліи, но едва-ли менѣе важную въ исторіи развитія націи и гораздо болѣе населенную сравнительно съ относительнымъ ихъ пространствомъ, которое выражается слѣдующими цифрами:

Области.	Пространство.	Нас. въ 1883 г.	Нас. на кв. кил.
Арагонія	46,565 кв. кил.	909,261	20
Каталонія.	32,330 „ „	1.781,067	55
	78,895 кв. кил.	2.690,328	34

Болѣе семи столѣтій Арагонія и Каталонія занимаютъ одинаковое политическое поприще и почти всегда защищали одни и тѣ-же интересы въ войнахъ и революціяхъ. Тѣмъ не менѣе, въ наружномъ видѣ, рельефѣ и климатѣ этихъ двухъ провинцій существуютъ рѣзкіе контрасты, и эти природные контрасты отразились на характерѣ и исторіи населенія. Арагонія, состоящая изъ равнинъ и окруженная со всѣхъ сторонъ горами, есть по преимуществу страна континентальная; жители ея, лишенные источниковъ промышленности и торговли, должны были главнымъ образомъ сдѣлаться пастухами, земледѣльцами или солдатами. Каталонія, напротивъ, страна горъ, долинъ, открытыхъ къ морю, богатая морскими прибрежьями и мысами, должна была населиться моряками и присоединить къ своимъ природнымъ богатствамъ продукты, доставляемые мѣновою торговлею. Кромѣ того, она должна была вступить въ тѣсныя сношенія съ смежными областями, омываемыми тѣмъ-же моремъ, особенно съ Руссильономъ и Лангедокомъ. Семь или восемь вѣковъ тому назадъ, каталонцы принадлежали даже болѣе къ провансальской группѣ народовъ, чѣмъ къ испанской. По національнымъ нравамъ и обычаямъ, также какъ и по языку, они тѣсно были связаны съ населеніемъ сѣверной части Пиренеевъ.

Причину перемѣны равновѣсія въ исторіи Каталоніи, отдавшаго эту страну въ добычу кастильцамъ, надо искать въ политической революціи, которой самою ужасною драмою была Альбигойская война. Пока провансальское общество удерживало свой природный центръ тяжести между Арлемъ и Тулузою, всѣ прибрежные народы средиземноморскаго побережья вплоть до Эбро и даже жители береговъ Валенціи и Балеарскихъ острововъ находились подъ вліяніемъ окружавшаго ихъ образованнаго общества и были, такъ сказать, увлечены его центромъ протяженія. Находясь между Провансомъ съ одной стороны и арабскими государствами—съ другой, христіанскіе обитатели полуострова и острововъ естественнымъ образомъ чувствовали себя ближе къ провансальцамъ, родственнымъ имъ по племени, религіи и языку; этимъ именно обстоятельствомъ объясняется преобладаніе такъ называемаго лимузинскаго нарѣчія съ его литературою въ Каталоніи и до самой Мурціи и Пальмы. Но послѣ того какъ жестокая война превратила многіе альбигойскіе города въ пустыни, послѣ того какъ сѣверные варвары уничтожили цивилизацію юга и область южнаго склона Севеннъ была силою низведена на степень политической составной части бассейна Сены, Каталоніи по необходимости пришлось искать другаго природнаго родства. Центръ тяжести быстро перемѣстился съ сѣвера къ югу: изъ южной Франціи на Пиренейскій полуостровъ. Кастилія

выиграла то, что утратилъ Провансъ. И вотъ провансальскій языкъ, нѣкогда распространившійся изъ Каталоніи и Тулузы по всей Арагоніи, былъ тамъ постепенно замѣненъ кастильскимъ. Впрочемъ мѣстныя нарѣчія защищаются съ удивительною энергіею: и теперь ежегодно до сотни произведеній издается по-каталонски и журналы на этомъ языкѣ акуратно появляются даже въ Америкѣ, Нью-Іоркѣ и въ Буэносъ-Айресѣ.

Сѣверный склонъ плоскогорій и горъ, окаймляющихъ съ юга бассейнъ Эбро, пробитъ многочисленными отверстіями, служащими для путей сообщенія. Постоянныя рѣки и временные ручьи изрѣзали возвышенныя мѣста на куски, отдѣленные другъ отъ друга, которые носятъ названіе *sierras*, если имѣютъ нѣкоторую длину, и *mullas* или „коренныхъ зубовъ“, если представляются въ видѣ обособленныхъ массъ. Это уцѣлѣвшіе „свидѣтели“ плоскогорій предшествовавшей геологической эпохи. Если представить себѣ вновь выполненными всѣ трещины, широкія равнины и ущелья, то можно мысленно возстановить прежній однообразный, слегка волнистый склонъ, постепенно спускавшійся отъ возвышеннаго центра Испаніи къ долинѣ Эбро. Съ самыхъ высокихъ выступовъ этого плоскогорья очень ясно видно, что верхніе фасады мнимыхъ сіерра составляютъ одно цѣлое и входили въ составъ одного наклоннаго плана. Такимъ образомъ, сіерра Санъ Жустъ, или Санъ Юсъ, отдѣленная высокою долиною Гвадалопа отъ сіерры Гударъ, представляетъ ни что иное какъ обломокъ. То-же можно сказать о сіеррахъ Сегура, Кукалонъ, Викоръ, Аглеренъ, Вирженъ, которыя продолжаются въ видѣ прорванныхъ валовъ до живописной скалы Манкайо. Сіера Альменара, возвышающаяся къ западу отъ этой цѣпи, на самомъ рубежѣ кастильскаго плато, также представляетъ остатокъ плоскогорья, высѣченный силами природы.

Гранитная масса Монкайо, или Кайо, несравненно болѣе прочная сравнительно съ мѣловыми утесами восточнаго плоскогорья, выдержала разрушительное дѣйствіе водъ и присоединяется къ высотамъ, откуда беретъ свое начало Дуэро, откуда начинаются первые гребни хребта Гвадаррамы. Монкайо, представляющій лабораторію, въ которой приготовляются грозы для арагонской равнины, вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ наблюдательнымъ пунктомъ, откуда кастильцамъ видна долина Эбро. Въ самомъ дѣлѣ, эта угловатая пирамида, весьма крутая на сѣверномъ склонѣ и легко доступная по южнымъ откосамъ, тѣмъ самымъ составляетъ естественную часть кастильскихъ владѣній; при помощи этой скалистой громады кастильцы получили возможность спуститься въ верхній бассейнъ Эбро и достигнуть у берега этой рѣки границъ Наварры. Арагонцы, напротивъ, обязаны многочисленнымъ проломамъ восточнаго плоскогорья

возможностью подняться по его склону далеко за свои естественныя границы. Чрезъ долины Гвадалона, Мартена, Хилока, они заняли всю верхнюю площадь Теруэля, именно область Маэцтрацго, столь важную въ стратегическомъ отношеніи, вслѣдствіе ея господствующаго положенія между бассейнами Эбро, Михареса, Гвадалавіара, Хкара и Таго. При всѣхъ междоусобныхъ войнахъ занятіе этого возвышеннаго пункта и его укрѣпленныхъ мѣстъ составляетъ главный предметъ стремленій сражающихся сторонъ, такъ какъ крутизна утесовъ и недостатокъ дорогъ до чрезвычайности затрудняютъ въ немъ преслѣдованіе непріятельскихъ силъ. Но по той же причинѣ почти невозможно эксплоатировать средствъ страны. Близъ Теруэля огромная сточная яма, глубиною до 200 метровъ, служитъ убѣжищемъ для милліоновъ дикихъ голубей, прилетающихъ туда вечеромъ и затѣмъ перпендикулярно упадающихъ въ это черное отверстіе. Сотнями тысячъ бочекъ опредѣляютъ гуано, которое вмѣщаетъ дно этой пропасти.

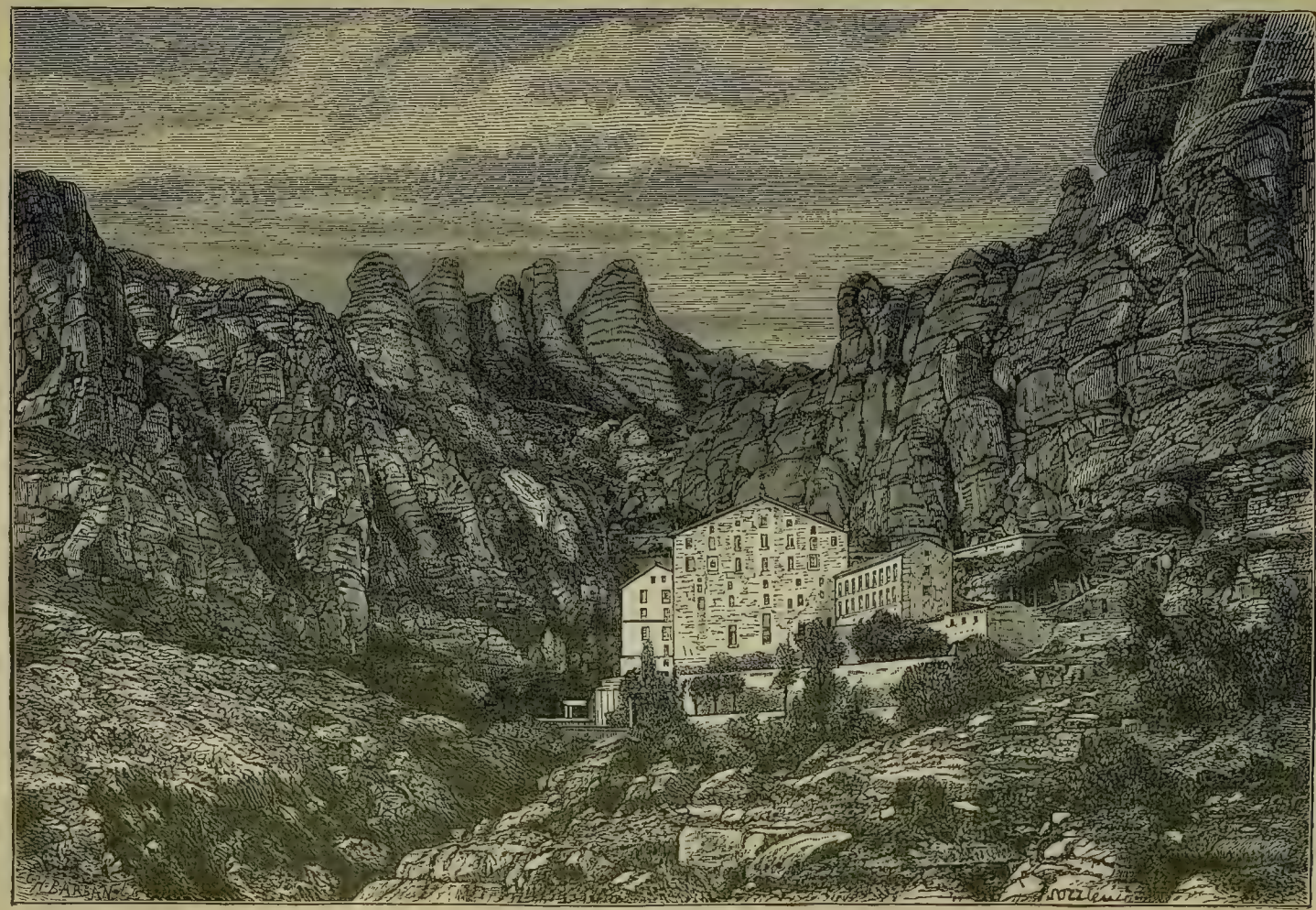
Къ сѣверу отъ Эбро и его притоковъ тянется высокій снѣжный гребень Пиренеевъ, отдѣляющій Испанію отъ остальной Европы. Сѣверный ея склонъ гораздо населеннѣе и лучше извѣстенъ, благодаря удобнымъ коннымъ и желѣзнымъ дорогамъ, связывающимъ его купальные города съ остальною Франціею. Но самую значительную часть пиренейской системы составляетъ южная часть или испанская, о величинѣ которой можно судить по огромному четыреугольному хребту, вдающемуся въ предѣлы Франціи лишь сѣверо-западною конечностью и представляющему видъ разрѣзанныхъ туръ и остроконечныхъ верхушекъ горъ. Это въ Испаніи, что поднимаются наиболѣе высокія вершины, отъ Монъ-Пердю до Монъ-Моди, и тянутся самыя обширныя плоскогорья съ преобладающими на нихъ конусами и турами, имѣющими еще отъ 2,500 до 2,900 метровъ вышины. Въ глубинѣ этого плоскогорья начинаются долины въ формѣ ущелій, огромные разрѣзы которыхъ главнымъ образомъ располагаются параллельно пиренейской оси, т. е. отъ сѣверо-запада къ юго-востоку. Всѣ испанскіе Пиренеи, подобно ледникамъ, перерѣзаны отдѣльными вѣтвями съ правильными переломами. Орологическое расположеніе совсѣмъ не представляетъ того вида, который ему недавно придавали сравненіемъ этой цѣли съ листомъ папоротника или еще со стволомъ, снабженнымъ боковыми вѣтвями. Это ясно доказано изслѣдованіями г. Шрадера и другими графистами.

На югѣ собственно Пиренеевъ, нѣкоторые кряжи являются совершенно изолированными. Первый рядъ независимыхъ высотъ, остатокъ древнихъ разрушенныхъ плоскогорій, возвышается непосредственно

къ сѣверу отъ рѣки и мѣстами имѣетъ тоже почти вполнѣ горный характеръ. Этотъ кряжъ, мѣстами прорываемый долинами пиренейскихъ рѣкъ, начинается довольно скромно противъ гиганта Монкайо маленькими холмами, размытыми, безплодными, покрытыми папоротникомъ и кое-гдѣ группами елей. Это Барденасъ Реалесъ. Къ востоку отъ Арбы эти высоты продолжаются въ видѣ параллельной цѣпи Кастелляръ по всему округу Цинко Виллась, затѣмъ, прерванные теченіемъ Галлего, снова подымаются, образуя сіерру Алькубіерръ, которая спускается во всѣ стороны широкими террасами по направленію къ долинамъ почти пустыннымъ, извѣстнымъ на югѣ и востокѣ подъ именемъ Монегросъ. Хребетъ Алькубіерръ, расположенный въ самомъ центрѣ древняго арагонскаго озера, сохранилъ свой островной характеръ: порогъ, посредствомъ котораго онъ соединяется съ горами Хуэски, поднимается не болѣе 380 метровъ надъ уровнемъ моря.

Наконецъ, въ срединѣ пространства, отдѣляющаго прибрежные холмы Эбро и главный гребень Пиренейскимъ горъ, возвышается настоящая горная цѣпь, которая въ цѣломъ растетъ съ нѣкоторою правильностью въ направленіи отъ запада къ востоку; она, по всей вѣроятности, представляетъ остатокъ горной системы, гребни которой тянулись параллельно Пиренеямъ, но были различнымъ образомъ прорваны и мѣстами снесены дѣйствіемъ водъ. Мѣловыя скалы, составляющія главную массу этихъ горъ, не представляли непреодолимаго препятствія для пиренейскихъ водъ, сбѣгающихъ въ изобиліи по очень крутому склону. Однако сопротивленіе горъ было все-таки настолько велико, что принудило рѣки къ многочисленнымъ изгибамъ и во множествѣ мѣстъ оставило для нихъ узкіе проходы въ родѣ горныхъ щелей.

Самая знаменитая и высочайшая изъ этихъ второстепенныхъ горныхъ цѣпей, тянущихся параллельно Пиренеямъ, — это сіерра де ла Пена; въ сѣверной ея части, въ глубокой долинѣ, протекаетъ Арагонъ, рѣка, именемъ которой называется Арагонское королевство. На восточной оконечности этой цѣпи, господствующей надъ старинымъ городомъ Хака (Jaca), возвышается великолѣпная песчаниковая гора въ формѣ пирамиды, Пена де Ороель, съ которой открывается пространный видъ на горы и долины, отъ Пиренеевъ до Монкайо. Дикая мѣстность, отчасти покрытая буковымъ и сосновымъ лѣсомъ и составляющая центръ этой грандіозной панорамы, есть знаменитая страна Собрарбъ, почитаемая испанскими патріотами почти наравнѣ съ астурійскими горами Ковадонга. Это мѣсто для нихъ священно: тутъ со стороны Пиренеевъ, началась война, вырвавшая Испанію изъ рукъ мавровъ. По словамъ легенды,



ВИДЪ МОНСЕРАТА.

нѣсколько человѣкъ, избавившись отъ власти арабовъ, жили нѣсколько лѣтъ въ пещерахъ и лѣсахъ сіерры; число ихъ постепенно увеличивалось недовольными и, въ концѣ восьмаго столѣтія, одинъ изъ предводителей толпы, баскъ по имени Ариста, аттаковалъ мавровъ, жившихъ въ той мѣстности, и разбилъ ихъ на-голову. Иберійское названіе новаго королевства Собрарбъ, почти латинской формы, подало поводъ хроникерамъ придумать легенду о чудесномъ деревѣ, видѣнномъ Аристою во снѣ и покрывавшемъ своею тѣнью всѣ страны, завоеванныя его мечемъ. Верхнія долины Арагона, Галлего, Цинка до сихъ поръ слывутъ на мѣстномъ языкѣ за округи Собрарба. Въ одной небольшой лѣсистой долинѣ, открывающейся къ западу отъ Пена де Ороель, существуетъ, между прочимъ, гротъ, въ которомъ, будто бы, происходило видѣніе чудеснаго дерева. Надъ пещерою находится старинный монастырь; въ одной изъ его залъ, богато отдѣланной мраморомъ, покоятся останки древнихъ королей Арагоніи.

Къ югу возвышаются безъ всякаго порядка остроконечія горной цѣпи, не такъ правильно расположенной, какъ сіерра де ла Пена, и соединенныя съ нею возвышеннымъ порогомъ: это сіерра Санто Доминго, боковые уступы которой понижаются террасами въ холмистую равнину Цинко Виллась. Къ востоку, узкій проходъ, по которому протекаетъ Галлего, отдѣляетъ цѣпь Санто Доминго отъ естественно продолжающихъ ее горъ, идущихъ до рѣки Цинка подъ разными названіями, но въ цѣломъ ихъ можно обозначить именемъ сіерры де Гуара; другія второстепенныя цѣпи или размытые остатки хребтовъ слѣдуютъ параллельно главному гребню Гуара и вмѣстѣ съ нимъ останавливаются на берегу Цинка. По ту сторону этого потока параллельные выступы почвы перепутываются и перекрещиваются съ оконечностями пиренейскихъ отроговъ; однако въ нихъ все-таки можно еще различить общее направленіе отъ запада къ востоку. Далѣе это среднее направленіе горъ опять дѣлается вполнѣ явственнымъ. Монсехъ, названный такъ за сухость своихъ известковыхъ размытыхъ склоновъ, тянется до Сегра правильно, какъ крѣпостной валъ, хотя и разсѣкается подъ прямымъ угломъ двумя Ногерами: Рибагорцаною и Палларезою. Къ сѣверу отъ Монсеха, еще болѣе высокая цѣпь, но гораздо менѣе правильная, обозначается живописными гребнями Санъ Гервасъ и сіерры Буморъ. Весьма вѣроятно, что въ предшествовавшую геологическую эпоху всѣ воды, собиравшіяся въ верхнихъ долинахъ южнаго склона Пиренеевъ, были задерживаемы въ видѣ озеръ поперечнымъ оплотомъ этихъ второстепенныхъ горъ. Слѣды разрыва, произведеннаго выводными протоками, видны еще въ нижней

части этихъ *conques*; нѣкоторыя ущелья такъ узки, такъ неправильно пробиты и исчерчены пропастями, какъ будто вода древнихъ озеръ, едва успѣвъ прорвать гору, наводнила равнины Эбро.

Одно изъ такихъ ущелій, гдѣ Сегръ, хотя и обильный водою, протекаетъ въ трещинѣ, которую можно перейти однимъ скачкомъ, представляетъ единственный перерывъ, раздѣляющій предгорье сіерры Буморъ отъ сіерры Кади. Послѣдняя цѣпь съ геологической точки зрѣнія должна быть разсматриваема, какъ особая система, независимая отъ Пиренеевъ въ тѣсномъ смыслѣ. Косая борозда, образуемая со стороны Испаніи долиною Сегра, со стороны Франціи ущельемъ Першъ и теченіемъ Тэ, представляетъ линію раздѣла между обѣими группами горъ. Пиренеи оканчиваются огромнымъ собраніемъ скалъ, окружающихъ долину Андорры, и горами Карлитты на обширныхъ обвалившихся плоскогоріяхъ; Кади принадлежитъ этой, не менѣе грандіозной цѣпи, на французской оконечности которой находится великолѣпная пирамида Канигу. Исполинъ испанской части цѣпи, Кади, вѣроятно, равенъ этому колоссу по высотѣ; съ главной вершины, испещренной рытвинами и бороздами, всегда наполненными снѣгомъ, видны, разстилающіяся подъ ногами, всѣ горы Каталоніи.

Отъ сіерры Кади и ея восточнаго отрога отдѣляется къ югу большое число подобныхъ вѣтвей, которыя постепенно понижаются и въ разныхъ мѣстахъ смѣшиваются съ горами каталонскаго прибрежья. Эта область, очень трудно доступная по причинѣ проходящихъ по ней параллельными стѣнами возвышенностей, весьма богата обнаженіями силлурійской геологической формаціи и содержитъ въ изобиліи желѣзныя, мѣдныя руды и даже золото; эти рудныя мѣсторожденія отчасти разработываются и могли-бы имѣть существенное значеніе, если-бы удобныя конныя и желѣзныя дороги проникали въ верхнія долины. Наиболѣе разработываемую рудную область представляетъ каменноугольный бассейнъ Санъ Хуанъ де ласъ Абадезасъ, занимающій, близъ истоковъ Тера, пространство болѣе 32 квадратныхъ километровъ посреди красноватаго цвѣта горъ, съ закругленными очертаніями. Эти залежи топлива не составляютъ богатства одной Каталоніи: на западномъ склонѣ Кади другія мощныя залежи каменнаго угля ожидаютъ своей очереди для разработки.

Знаменитыя соленосныя скалы Сольсона и Кардона находятся въ той же области, среди отроговъ горъ, служащихъ фундаментомъ хребту Кади. Одинъ изъ этихъ холмовъ, къ востоку отъ Кардоны, принадлежитъ къ числу достопримѣчательностей Испаніи по относительной чистотѣ составляющей его соли. Соляная скала, возвышающаяся метровъ на сто

надъ поверхностью земли, до такой степени исполосована и разбита дождями на пирамиды, остроконечія, трещины, лощины, что имѣетъ видъ ледника. Атмосферныя явленія поработали надъ уменьшеніемъ ея объема несравненно дѣятельнѣе рудокоповъ; тѣмъ не менѣе, громадная масса уцѣлѣвшей соли могла бы еще въ теченіе вѣковъ снабжать Испанію: содержаніе въ ней соли опредѣляется приблизительно въ 300 милліоновъ кубическихъ метровъ.

Большое разнообразіе металловъ, заключенныхъ въ скалахъ этой мѣстности, произошло, быть можетъ, отъ сосѣдства съ подземнымъ резервуаромъ лавъ. Единственныя вулканическія горы сѣверной части полуострова находятся въ верхнемъ бассейнѣ Флувіи, непосредственно къ востоку отъ долины Тера, и какъ-разъ на прямой линіи, соединяющей утесы мыса Гата, вершины Гифакъ и островковъ Колумбретъ съ вулканомъ Агдъ, на французскомъ берегу. Каталонскіе вулканы, вообще невысокіе и прорѣзанные кратерами, частью обвалившимися и поросшими остатками лѣсовъ, разсѣяны вокругъ Оло и Санта По, на пространствѣ около 800 квадратн. километровъ. Могучіе потоки базальтовой лавы, вышедшіе изъ четырнадцати кратеровъ, надвигаются въ видѣ возвышенностей въ долины, поверхъ скалъ, отложившихся въ этой мѣстности въ третичную эпоху: одинъ изъ такихъ потоковъ, на которомъ стоитъ городъ и старыя стѣны Кастель-Фоллитъ, поднимается высокимъ валомъ, при самомъ сліяніи Флувіи съ другою рѣкою; черныя, неявственно очерченныя колоннады этого потока; кустарникъ, растущій въ трещинахъ базальта; голубая вода, подмывающая основанія столбовъ; мулы, которые тянутся длинными караванами, переходя въ бродъ и взбираясь по крутымъ дорогамъ, высѣченнымъ въ скалахъ:—все это представляетъ очаровательную картину. Вулканы этой мѣстности, вѣроятно, потухли задолго до исторической эпохи, хотя историки неопредѣленно упоминаютъ объ изверженіяхъ, происходившихъ, будто-бы, въ концѣ пятнадцатаго столѣтія. Во всякомъ случаѣ, достовѣрно, что въ тѣ времена сильное землетрясеніе опрокинуло городъ Оло и потрясло всю область восточныхъ Пиренеевъ до Перпиньяна и Барцелоны. Теченія теплаго воздуха, являющіяся мѣстами въ трещинахъ скалъ и извѣстныя въ странѣ подъ названіемъ *bufadors*, отчасти свидѣтельствуютъ о работѣ, продолжающейся внутри огненной лабораторіи.

Система горъ каталонскаго прибрежья служитъ точнымъ продолженіемъ системы береговъ Валенціи: очертанія рельефа съ каждой стороны ложбины Эбро согласуются между собою по общей формѣ, направленію и геологическому составу. На протяженіи болѣе 50 километровъ въ ши-

рину, отъ морскаго берега до внутреннихъ равнинъ, называемыхъ Льаносъ дель Ургель, мѣстность всюду очень гориста; однако скалы съ настоящимъ горнымъ характеромъ начинаются только съ верховьевъ Тортозы. Первая цѣпь съ крутыми склонами, обращенными къ югу и омываемыми съ востока Эбро, тянется параллельно берегу; вторая, затѣмъ третья цѣпь съ „Святою Горою“ (Моунтъ-Сантъ) и сіеррою Прадесъ, наконецъ еще четвертый гребень возвышаются съ запада, по ту сторону голубой долины Ціурана. Къ сѣверу эти возвышенности малозамѣтно прерываются ущельемъ Франколи, по которому протекаетъ потокъ того-же имени и проведена конная и желѣзная дорога отъ Таррагоны къ Леридѣ; затѣмъ горы снова поднимаются, образуя кряжъ съ вершиною Монтагю. Другая борозда, по которой течетъ Нойа, притокъ Льобрегата, еще разъ прорѣзываетъ каталонскія горы и граничитъ съ запада и юга съ прекраснымъ хребтомъ Монсерратъ, который съ прочихъ сторонъ отдѣляется Льобрегатомъ, Кардонеромъ и ущельемъ Калафъ, являясь, такимъ образомъ, во всемъ своемъ величіи.

Монсерратъ относительно не высокъ, хотя пользуется гораздо большею извѣстностью въ Испаніи, чѣмъ пикъ Мульгаценъ и Нету, почти въ три раза превосходящіе его высотою и достигающіе области снѣговъ и постоянныхъ ледниковъ; за то на „Горѣ-Пилѣ“, на одной изъ ея площадокъ, повисшей въ видѣ балкона на вертикальномъ утесистомъ склонѣ, находятся остатки монастыря, одного изъ самыхъ знаменитыхъ въ христіанскомъ мірѣ. Кардиналы, даже сами папы, лично посѣщали его, а Лойола сложилъ въ немъ свой мечъ. Въ сундукахъ монастырской ризницы заключались несмѣтныя сокровища, часть которыхъ весьма кстати послужила для уплаты расходовъ во время войны за независимость. Въ наше время Монсерратъ отчасти утратилъ свое значеніе святыни, за то для геологовъ представляетъ типъ горъ весьма интересныхъ для изученія по ихъ формѣ и природѣ скалъ. Монсерратъ, хотя уединенный самъ по себѣ, находится на самой точкѣ встрѣчи трехъ горныхъ осей: на юго-западѣ и сѣверо-востокѣ онъ соединяется съ каталонскими горами, идущими параллельно берегу; на западѣ онъ продолжается въ видѣ вздутія почвы безъ опредѣленныхъ очертаній, примыкающаго къ Монсеху и сіеррѣ Гуара; наконецъ, на сѣверѣ скалы и береговыя цѣпи, принадлежащія, подобно ему, къ нуммелитовымъ образованіямъ, связываютъ его съ сіеррою Кади. Монсерратъ сложенъ изъ известковыхъ, сланцевыхъ и гранитныхъ конгломератовъ, связанныхъ красноватою глиною и происшедшихъ изъ разрушенныхъ потоками древнихъ горъ; галлереи и залы, прорытыя водою въ толщѣ горы, обнаруживаютъ громадныя глыбы, нагроможден-

ныя безъ всякаго порядка и, повидимому, въ самомъ неустойчивомъ равновѣсіи. Съ юго-запада и юга къ подошвѣ Монсеррата примыкаютъ многочисленныя мелкія скалы; но на сѣверѣ сразу поднимается страшная стѣна, усаженная остроконечіями и изборожденная вертикальными трещинами. Прежде эта гора, конечно, была значительно выше, но дожди, вѣтры, солнце и морозъ нарѣзали въ ней безчисленные зубцы и „увѣнчанныя колонны“, которыя и теперь еще покрыты на концахъ камнями, въ формѣ капителей. Съ самой высокой вершины, называемой Санъ Іеронимо, открывается чудная панорама: отсюда можно обозрѣвать пространство въ 350 километровъ, отъ большихъ хребтовъ Пиренеевъ до Балеарскихъ острововъ.

Съ другой стороны оврага, образуемаго у подошвы могучей стѣны долиною Льобрегата, возвышенности тянутся до Монзена, гранитнаго утеса, приподнявшаго окрестные мѣловые пласты; эта возвышенность значительнѣе Монсеррата. За исключеніемъ Ампурданскихъ болотъ, древняго залива, наполненнаго аллювіальными наносами, весь этотъ крайній уголъ Каталоніи, между моремъ и Альбересомъ, покрытъ холмами въ формѣ цѣпей и утесовъ; на крутыхъ склонахъ самыхъ высокихъ изъ нихъ, между прочимъ, на Мадре дель Моунтъ, также находятся церкви, часто посѣщаемыя богомольцами. Рядъ холмовъ, расположенныхъ цѣпью, тянется вдоль берега, съ обѣихъ сторонъ Барцелоны, и своими выступами и песчаными, выходящими на морской берегъ долинами, придаетъ всему прибрежью чрезвычайно живописный видъ. Послѣдній изъ этихъ мелкихъ хребтовъ представляетъ гранитный выступъ, образующій восточный конецъ Испаніи и южную границу Ліонскаго залива: это сіерра Розасъ, нѣкогда почитаемая греками. Здѣсь, на самой видной вершинѣ, находился храмъ Венеры, впослѣдствіи замѣщенный монастыремъ Санъ Педро де Рода; въ немъ уже нѣтъ монаховъ, но матросы всегда издали салютуютъ ему, съ цѣлію усмирить произволъ вѣтровъ. Наиболѣе выдающійся утесъ хребта, мысъ Креусъ на нашихъ картахъ есть древній Афродизіонъ, съ рифами, населенными коралловыми полипами.

Разныя высоты бассейна Эбро, къ югу отъ Пиренеевъ суть:

Къ югу отъ Эбро:

Сіерра Санъ Юстъ	1,513	метровъ.
Пико де Херрера	1,306	„
Пико де Альменара	1,429	„

Между Эбро и Сегромъ:

Котіелла	2,910	„
Пена де Орое	1,769	„

Между Сегромъ и моремъ:

Сіерра Кади	2,900	метровъ. (?)
Монсантъ	1,071	„
Монтагю	840	„
Монсерратъ	1,237	„
Монсенъ	1,608	„
Мадре дель Моунтъ	1,224	„

Въ цѣломъ бассейнъ Эбро принадлежитъ къ числу самыхъ геометрически правильныхъ, какіе существуютъ на земной поверхности. Онъ имѣетъ форму треугольника, основаніе котораго покоится на Каталонскихъ горахъ, а вершина находится близъ Атлантическаго океана, въ кантабрскихъ Пиренеяхъ. Слегка извилистые хребты, ограничивающіе со всѣхъ сторонъ это пространство, занимающее болѣе 80,000 квадр. километровъ, имѣютъ весьма различную высоту, но представляютъ общее сходство въ томъ, что состоятъ изъ гранитнаго ядра, на которомъ постепенно отлагались, по мѣрѣ выполненія внутренняго моря, позднѣйшія образованія, вплоть до новѣйшихъ аллювіальныхъ наносовъ. Эбро извивается въ глубинѣ срединной впадины бассейна и, не смотря на свои изгибы, придерживается строго перпендикулярнаго направленія къ берегу Средиземнаго моря, куда впадаетъ; почти неизмѣнною правильностью своего теченія рѣка вполнѣ соотвѣтствуетъ геометрической формѣ бассейна. Но съ приближеніемъ къ преградѣ, представляемой каталонскими горами, Эбро необходимо долженъ былъ образовать многочисленныя излучины, прежде чѣмъ найти выходъ къ морю.

Три истока Фонтибра, „Фонъ Иберъ“ или „Фонъ Эбро“, находящіеся въ одной высокой долинѣ Кантабрскихъ Пиренеевъ, величественно начинаютъ собою рѣку, изливая значительную массу воды, къ которой примѣшиваются растаявшіе снѣга Пена Лабра, сіерры Изаръ и другихъ горъ. Впрочемъ настоящій источникъ не есть Фонтибръ; въ 16 километрахъ отъ верховьевъ рѣки, съ покатостей Пена Лабра низвергается рѣка, много болѣе сильная, чѣмъ „Фонъ Эбро“: теченія этого потока и питаютъ значительную часть ея истоковъ. Близъ Рейноза Эбро, повидимому, колеблется въ своемъ теченіи; низкій порогъ, который прежде, можетъ быть, служилъ для него русломъ въ сторону Гасконскаго залива, направленъ къ сѣверу, а рѣка, круто поворачивая къ югу, затѣмъ къ востоку, пересѣкаетъ въ разныхъ мѣстахъ, отъ одного ущелья къ другому, горныя массы, нѣкогда проходившія поперегъ его долины. Рѣка растетъ въ своемъ теченіи изъ многихъ рукавовъ, посылаемыхъ Пиренеями, сіеррою Деманда,

утесами Урбіона; но характеръ настоящей рѣки Эбро принимаетъ лишь по выходѣ изъ равнины Наварры, гдѣ Цидако и Альгама съ южной стороны, Эга и Арагонъ, подкрѣпляемый Аргою съ сѣверной, соединяютъ свои воды въ общемъ руслѣ. По этому поводу сложилась поговорка:

Arga, Ega, Aragon
Hacen al Ebro varon.

Этими притоками и составляется рѣка. Отсюда Эбро становится столь могучъ, что можетъ въ изобиліи снабжать водою побочные каналы, которые питаются здѣсь внизъ отъ Туделы. Съ лѣвой стороны каналъ Таусте распространяетъ плодородіе на прежде безплодныхъ поляхъ, простирающихся у подножія Барденасъ; справа Императорскій каналъ, служащій одновременно для судоходства и орошенія полей, сопровождаетъ рѣку до Сарагоссы: обыкновенно онъ несетъ не менѣе 14 кубич. метровъ воды въ секунду; это почти половина количества воды, приносимой Гвадалквивиромъ въ „постное“ время. Къ сожалѣнію, значительная часть какъ этой воды, такъ и находящейся въ судоходномъ каналѣ, вырытомъ ниже Сарагоссы, теряется въ трещинахъ известковой почвы.

Въ самыхъ равнинахъ Арагоніи Эбро принимаетъ справа и слѣва другіе притоки, наполняющіе дренажные каналы. Съ южнаго склона плоскогорій впадаютъ Халонъ, Хилока, Хуерва, Агуазъ, Мартенъ, Гвадалопе; съ сѣвера, съ пиренейскихъ предгорій спускается Арба, а съ самихъ большихъ Пиренеевъ низвергается Галлего; однако изъ всѣхъ рѣкъ бассейна самая значительная Сегръ, соединенный съ Цинкою. Вообще Эбро, истощенный частыми займами прибрежныхъ плантаторовъ, содержитъ гораздо меньше воды, чѣмъ упомянутый притокъ, въ который собирается весь избытокъ дождевой воды, выпавшей на южномъ склонѣ Пиренеевъ, между группою горы Пердю и Карлитты. Во время ежегодныхъ половодій волны Сегра совершенно останавливаютъ теченіе Эбро и заставляютъ его воду стремиться противъ теченія. Если бы Сегръ занималъ осевую часть Арагонской равнины, то онъ по справедливости могъ бы дать свое имя общему стволу рѣки; но вслѣдствіе особенной распланировки, характеризующей этотъ треугольный бассейнъ съ прямолинейными боками, Сегръ изливается, какъ разъ, въ правый уголъ центральной впадины равнины и идетъ вдоль самой подошвы горъ, образующихъ одну изъ сторонъ главной геометрической фигуры.

Непосредственно ниже мѣста сліянія, соединенные Сегръ и Эбро пролагаютъ свой путь черезъ параллельныя цѣпи Каталонскихъ горъ. Отъ мѣста сліянія до моря общій наклонъ равняется 56 метрамъ на пространство болѣе 150 километровъ, однако рѣка сравняла свое русло такъ,

что на ней не встрѣчается ни водопадовъ, ни пороговъ. Матерьялы, оставшіеся послѣ столь громадной работы разрушенія, отложились въ морѣ внѣ нормальной береговой линіи. Дельта Эбро выходитъ на 24 километра въ Средиземное море; его низовья, покрытыя солончаками, лагунами, болотными рѣками, занимаютъ около 400 квадр. километровъ. Впрочемъ, съ южной стороны аллювіальные осадки Эбро находятъ точку опоры на отмели, тянущейся къ группѣ Колумбретскихъ острововъ: осадки, несомые теченіемъ, направляющимся къ югу и юго-западу, отлагаются преимущественно съ этой стороны; такимъ путемъ образовалась песчаная стрѣлка, соединяющая съ болотистою дельтою высокій островъ Пунта ла Бана и прикрывающая портъ Альфакъ. Въ этотъ портъ, находящійся на сѣверной оконечности дельты и отличающійся иловатымъ грунтомъ, подобно „Пуэрто дель Фангалъ“, выходитъ искусственное устье Эбро, состоящее изъ канала Санъ Карлосъ де ла Рапита, прорытаго въ низовьяхъ; каналъ имѣетъ 14 километровъ длины и сила его паденія ослаблена тремя шлюзами. Тщетно старались приспособить его для большаго плаванія. Боковыя плотины, построенныя при устьѣ, не могли помѣшать образованію отмели, которая задерживаетъ суда при входѣ. Равнымъ образомъ и природныя устья, окружающія островокъ Буда, недоступны для судовъ вслѣдствіе переносныхъ отмелей, покрытыхъ неглубокою водою.

Если-бы геологическія изслѣдованія дельты Эбро были полны, если-бы былъ точно опредѣленъ объемъ аллювіальныхъ наносовъ до ихъ скалистаго основанія и было-бы вполнѣ извѣстно ежегодное приращеніе осадка,—тогда представилась-бы возможность для приблизительнаго опредѣленія числа вѣковъ, прошедшихъ съ того дня, когда внутреннее озеро начало изливаться въ море черезъ Эбро. Впрочемъ, наносы дельты будутъ уменьшаться съ каждымъ годомъ, и съ начала нынѣшняго столѣтія они уже уменьшились пропорціонально успѣхамъ земледѣльцевъ въ орошеніи ихъ полей. Среднее приращеніе наноса Эбро, по Антоніо де ла Меза, составляетъ только половину прежняго и не перестанетъ уменьшаться, если осуществятся всѣ проектированныя улучшенія. И теперь большую часть года многіе изъ притоковъ Эбро до-суха исчерпываются каналами для орошенія и не достигаютъ главнаго рѣчнаго русла; но большіе пиренейскіе водоемы вмѣщаютъ еще значительныя массы воды, которая теряется въ морѣ и которая могла-бы произвести богатыя жатвы въ прибрежныхъ степяхъ. Арга могла-бы оплодотворить почву Барденасовъ и округъ Цинко Вилласъ; Арагонія проходитъ по высокимъ долинамъ, которыя легко было бы превратить въ питательные резервуары; изобильныя воды Галлего, Изуэлы, Цинка, повидимому, предназначены для того, что-

ВИДЪ ГОРОДА БАРЦЕЛОНЫ.

бы окружить сіерру Алькубіерръ сѣтью плантацій; въ особенности Сегръ скрываетъ въ своихъ бурныхъ водахъ будущее плодородіе Льаносъ дель Ургель, далеко не вполнѣ воздѣланныхъ. Громадные капиталы, порученные безчестнымъ спекулянтамъ, были поглощены различными предпріятіями въ этомъ родѣ; однако, не смотря на неудачи, придется снова взяться за работу, чтобы воспользоваться слабымъ избыткомъ дождевой воды, остающейся безъ употребленія въ бассейнѣ Эбро. Рано или поздно, большая рѣка, а вмѣстѣ съ нею и другіе резервуары воды въ Каталоніи, Ллобрега, Теръ, Флувіа будутъ походить на рѣки Валенціи, каждая капля которыхъ примѣняется къ дѣлу и превращается въ растительные соки.

Поверхность бассейна Эбро составляетъ . .	99,922 кв. килом.
Среднее количество дождей въ бассейнѣ на метръ поверхности	0м,500
Расходъ въ половодье.	5,000 куб. метр.
„ средній	100 „ „
„ въ мелководье	50 „ „
Среднее количество истеченія на метръ поверхности	0м,037
Отношеніе количества истеченія къ скорости.	114(?)

Чрезмѣрная роскошь орошенныхъ полей свидѣтельствуетъ о доброкачественности почвы въ Каталоніи и Арагоніи. Даже земли, естественно насыщенныя солеными веществами, какъ напр. въ окрестностяхъ Сарагоссы, превращены въ чудесные сады, доставляющіе овощи и особенно превосходные фрукты. На каталонскомъ прибрежьѣ, тропическія растенія, агава, кактусы, и къ югу отъ Барцелоны нѣсколько пальмъ, простирающихъ свои вѣерообразныя верхушки у подножія скалъ, напоминаютъ о прекрасныхъ пейзажахъ южной части полуострова. Въ бассейнѣ Эбро происходитъ постепенный переходъ отъ почти африканской природы Мурціи и Валенціи къ суровому климату плоскогорій и горъ; но нигдѣ, за исключеніемъ развѣ самыхъ рѣчныхъ береговъ, воды нѣтъ здѣсь въ достаточномъ количествѣ. Въ нѣкоторыхъ горныхъ областяхъ встрѣчаются на высокихъ утесахъ дома краснаго цвѣта потому что известка для штукатурки разводилась на винѣ: послѣ хорошаго сбора винограда гораздо экономичнѣе достать изъ погреба необходимую жидкость, чѣмъ идти отыскивать гдѣ-нибудь въ глубокой долинѣ и по дурнымъ дорогамъ драгоцѣнную воду, которая съ большею пользою можетъ быть употреблена для орошенія полей. Западные вѣтры, задерживаемые горами и наклонными плоскогорьями Кастилій, не приносятъ никакой влаги въ яму, на днѣ которой протекаетъ Эбро; влажные сѣверо-западные вѣтры,

дующіе съ Кантабрскаго моря, также отчасти задерживаются горами Наварры. Что касается вѣтровъ съ Средиземнаго моря, то они орошаютъ только восточный склонъ Каталонскихъ горъ и входятъ въ арагонскія равнины лишь черезъ небольшое число ущелій.

Такой недостатокъ дождевой воды представляетъ большія невыгоды для нѣкоторыхъ областей бассейна Эбро. Тамъ встрѣчаются настоящія пустыни ничѣмъ не лучше африканскихъ: въ нихъ нѣтъ ни текучей воды, ни воздѣланныхъ полей, ни луговъ, ни лѣсовъ. Большая часть Барденасовъ, между Арагоніею и Арбою; Монегросъ, ограничиваемый Эбро, Сегромъ и Цинкою; террасы Каланды, къ югу отъ Эбро и на западѣ отъ Гвадалопы, представляетъ самыя обширныя и необитаемыя изъ этихъ пустынь. Въ названныхъ пустынныхъ областяхъ, и въ нѣкоторой степени во всемъ углубленіи арагонскихъ равнинъ, климатъ крайне непостояненъ: онъ то слишкомъ холоденъ, то слишкомъ жарокъ, не только при переходѣ отъ лѣта къ зимѣ, но и въ теченіе одного и того-же времени года; не смотря на сосѣдство моря, климатъ здѣсь вполнѣ континентальный. Рѣдкая растительность, бѣловатый цвѣтъ поверхности земли, отражающій дневную теплоту, и близость снѣжныхъ горъ дѣлаютъ зиму особенно суровою; лѣтніе жары, напротивъ, часто бываютъ невыносимы; въ этой впадинѣ можно окончательно задохнуться, потому что морскіе вѣтры проникаютъ туда очень рѣдко, неравномѣрными дуновеніями; а ослѣпительныя скалы со всѣхъ сторонъ отражаютъ солнечные лучи. Вѣтеръ, дующій на берегахъ Каталоніи, теплый, гибельный для растительности, нездоровый для людей, не тотъ, который идетъ изъ Африки: это вѣтеръ, пришедшій черезъ раскаленныя равнины Арагоніи.

Каталонія пользуется климатомъ гораздо лучшимъ чѣмъ Арагонія, благодаря водамъ Средиземнаго моря, омывающимъ ея берега, морскимъ вѣтрамъ, приносящимъ дожди, солистому воздуху и равномѣрности температуры Въ этомъ заключается одинъ изъ контрастовъ, который, вмѣстѣ съ другими географическими различіями и разницею происхожденія, сношеній, торговли, обусловливаетъ характерныя индивидуальныя особенности обѣихъ пограничныхъ странъ.

Средняя температура и измѣненія температуры вообще въ Арагоніи и Барцелонѣ выражаются слѣдующими цифрами:

	Сарагосса.		Барцелона.	
Средняя температура . . .	16°		17°,20	
Крайняя степень жара . . .	41°	Разница 48°,8	31°	Разница 30°,9
„ „ холода . . .	—7°,8		0°,1	
Количество дождей.	0,м347		0,м400	

Не стараясь узнавать невозможное, именно происхожденіе коренаго населенія и иностраннаго элемента, населявшихъ въ доисторическія времена долину Эбро и горы Каталоніи, можно сказать съ достовѣрностью, что населеніе приморской области составилось изъ наиболѣе разнородныхъ элементовъ. Море должно было привозить сюда переселенцевъ отъ всѣхъ мореходныхъ народовъ, между тѣмъ какъ другіе посѣтители, какъ враждебные, такъ и мирные, могли приходить съ юга по природной дорогѣ на морскомъ прибрежьѣ, или съ сѣвера по невысокимъ ущельямъ Альбересъ. Такимъ образомъ, карѳагеняне и финикіяне, греки и массиліоты, римляне, арабы, норманы, французы, провансальцы могли послѣдовательно смѣшиваться съ жителями Каталоніи. Арагонія, страна континентальная, неизвѣстная морякамъ и защищенная отъ переселеній съ сѣвера оплотомъ скалъ и снѣговъ, должна была въ гораздо большей степени сохранить относительную неприкосновенность своихъ народовъ но за то побѣдители, которымъ удавалось завладѣть этою страною, могли прочно утвердиться въ ней, не опасаясь быть вытѣсненными новыми пришельцами. Когда мавры овладѣли Арагоніею, они долгое время оставались въ ней. Барцелона уже три столѣтія пользовалась свободою, между тѣмъ какъ сарацины продолжали удерживать Сарагоссу. Въ сравненіи съ подвижною, перемѣнчивою Каталоніею, Арагонія представляетъ нѣчто солидное, твердое.

Вообще жители долины Эбро отличаются немного нахальною гордостью, холоднымъ, презрительнымъ высокомѣріемъ и большою, такъ сказать, неповоротливостью мысли: они рутинеры; но вмѣстѣ съ тѣмъ обладаютъ замѣчательною силою воли и своимъ мужествомъ дѣлаютъ честь ихъ предкамъ кельтиберамъ. Мужчины—красивый, широкоплечій народъ; слѣдуя за своими ослами, съ головою, повязанной шелковымъ платкомъ, и стянутые въ таліи лиловымъ поясомъ, они всегда готовы къ бою. Не далѣе какъ въ концѣ прошлаго столѣтія между деревнями или общинами было въ обычаѣ вступать въ рукопашную, единственно ради удовольствія драться и выказывать свою отвагу: такого рода битва, никогда не кончавшаяся безъ смертныхъ случаевъ, называлась *rondalla*,—слово, употребляемое теперь для названія концертовъ уличныхъ пѣвцовъ. Въ малыхъ вещахъ арагонцы такъ же горячи, какъ и въ великихъ. По этому поводу сложилась поговорка, что они „забиваютъ гвозди своими головами“. Такая рѣшимость характера отражается въ мужественно рѣзкихъ чертахъ мужчинъ и женщинъ, въ чертахъ, соединенныхъ большею частью съ классическою красотою.

Первые вѣка борьбы арагонцевъ съ маврами представляли безпре-

рывную войну, во время которой каждый горецъ доблестно жертвовалъ своею жизнью. Короли были тогда не болѣе, какъ „первые между равными“, при чемъ принимались самыя тщательныя мѣры для того, чтобы власть государя всегда была контролирована. Великій народный судья, самъ лицо отвѣтственное, наблюдалъ за королемъ и заставлялъ его сохранять привилегіи своихъ подданныхъ. Многіе, по справедливости, восхищались гордою рѣчью, которую великій арагонскій судья обязанъ былъ произносить передъ колѣнопреклоненнымъ королемъ, когда послѣдній приносилъ клятву управлять по законамъ: „Мы, которые равны съ вами по достоинству и могущественнѣе васъ, мы избираемъ васъ нашимъ королемъ и господиномъ съ тѣмъ, чтобы вы охраняли наши права и преимущества. Въ противномъ случаѣ вы не король!“ Затѣмъ, мало по малу, судья начиналъ говорить уже не отъ имени народа, а въ качествѣ представителя „богатыхъ людей“. Преимущества, которыя король клялся поддерживать, превратились въ привилегіи знати. Когда въ купцахъ, ремесленникахъ и землепашцахъ не было больше надобности для веденія войны, они остались внѣ всякихъ правъ; у нихъ не было никакихъ привилегій, которыя уважались бы королемъ, судьями или знатью, а если и удостоивали иногда входить въ ихъ интересы, то не прямо, а черезъ посредство „университетовъ“ или муниципальныхъ властей.

И такъ, хотя конституція Арагонскаго королевства далеко не имѣла республиканскаго характера, тѣмъ не менѣе она контролировала королевскую власть съ такою назойливостью, что властители нерѣдко старались всѣми мѣрами избавиться отъ нея. Наконецъ Филиппу II удалось тайно провести войска въ Арагонію; великій судья былъ внезапно арестованъ, и голова его упала на плахѣ на Сарагосской площади, передъ глазами изумленной толпы. Этимъ дѣло не кончилось: король, пользуясь общимъ смятеніемъ, велѣлъ собраться среди своей арміи, расположившейся въ Тарацонѣ, мнимому государственному совѣту, который провозгласилъ смертную казнь каждому, кто будетъ „кричать о правахъ“. Остатки прежнихъ мѣстныхъ учрежденій были окончательно уничтожены въ началѣ восемнадцатаго столѣтія, и Арагонія утратила всякую самостоятельность, превратившись въ „генералъ-капитанство“ кастильской короны. Центральная власть могла поздравить себя съ такимъ результатомъ; но самъ народъ, лишенный всякой самодѣятельности, былъ такимъ образомъ осужденъ пребывать въ умственной загрубѣлости. Въ настоящее время Арагонія во многихъ отношеніяхъ, даже въ матерьяльномъ благосостояніи, отстала отъ тринадцатаго вѣка, великой эпохи ея политическаго преобладанія въ бассейнѣ западной части Средиземнаго моря.

Каталонцы не менѣе довольны собою, чѣмъ арагонцы; какъ жители плоскогорій, они по преимуществу пастухи, которымъ старинныя преданія приписываютъ знатность рода; они любятъ гордиться своимъ происхожденіемъ, но ихъ гордость близка къ чванству, потому что они большіе болтуны. Они столь-же говорливы, насколько молчаливы ихъ сосѣди; они много кричатъ, охотно бранятся, но рѣдко дѣло доходитъ до рукопашной. Въ ихъ характерѣ, какъ слышно, меньше положительности, чѣмъ у арагонцевъ; тѣмъ не менѣе, они еще дольше отстаивали свои мѣстныя права. Находясь дальше отъ кастильскаго плоскогорья, будучи болѣе многочисленны и, слѣдовательно, болѣе увѣрены въ своихъ силахъ, притомъ же закаленные въ опасностяхъ плаваніемъ по бурному морю, они не могли выносить власти презираемыхъ ими кастильцевъ. Мало найдется городовъ, которые выдержали бы столько осадъ, какъ Барцелона; немногіе, даже въ героической Испаніи, защищались съ большимъ мужествомъ; нерѣдко этому городу удавалось заставлять снимать осаду однѣми своими силами Междусобныя войны, часто подъ разными знаменами обагрявшія кровью улицы Барцелоны и ея предмѣстій, а также и ущелья окрестныхъ горъ, всѣ почти происходили изъ-за стариннаго инстинкта каталонской независимости, которую вовсе не хочетъ уважать мадридское правительство. Недавно у кастильскихъ ветерановъ было въ ходу безчестное прозвище для ихъ соотечественниковъ на сѣверѣ Эбро: они называли ихъ „мятежными каталонцами“; но тѣ принимали это прозвище не за безчестье, а за геройскій титулъ.

Каталонцы приписываютъ себѣ еще одно достоинство, котораго никто не станетъ у нихъ оспаривать, — большую ревность къ труду. Они не только обратили въ прекрасно орошаемые сады обращенныя къ морю долины, но забрались на обнаженные склоны горъ, и изъ размельченныхъ камней, смѣшанныхъ съ землею, принесенною изъ равнинъ, составили плодородную почву для виноградниковъ, маслинъ, зерновыхъ хлѣбовъ. Отсюда сложилась поговорка: „Каталонецъ умѣетъ дѣлать хлѣбъ изъ камня“. Но такъ какъ одно земледѣліе не могло пропитать слишкомъ многочисленнаго народонаселенія, то каталонцы дѣятельно занялись промышленностью. Барцелона, ея предмѣстья, окрестные и сосѣдніе города имѣютъ многочисленныя мануфактурныя заведенія, въ которыхъ приготовляются бумажныя, шерстяныя и другія ткани, обработывается желѣзо, дерево, кожи и различные химическіе препараты. Хлопчатобумажная промышленность утвердилась въ Каталоніи полстолѣтія тому назадъ, и съ тѣхъ поръ Барцелона сохранила за собою первенство и почти монополію въ этой отрасли національной дѣятельности.

Провинція Барцелоны обладаетъ двумя третями всѣхъ паровыхъ машинъ, находящихся на полуостровѣ; она заслужила названіе испанскаго Ланкашира. Впрочемъ, междуусобная война только замедлила производительность, но не прекратила ея; Барцелона осталась обширною мастерскою, снабжающею Испанію продуктами современной промышленности. Посредническая роль, принадлежавшая населенію Каталоніи до альбигойской войны, возвратилась къ нему только въ другой формѣ. Прежде оно распространяло въ Испаніи провансальскій языкъ и цивилизацію; теперь оно передаетъ ей промышленное движеніе сѣвера Европы. Благодаря Барцелонѣ, проникло на полуостровъ большинство новѣйшихъ открытій, паръ, газъ и электричество. Поэтому тѣмъ болѣе удивительно, что Барцелона не имѣетъ скорыхъ сообщеній съ пограничнымъ государствомъ, для сношеній съ Франціей. Она пользуется все тѣмъ же „мокрымъ путемъ“ по морю и единственною большою сухопутною дорогою, которая часто бываетъ недоступна во время разлива прибрежныхъ ручьевъ. Послѣдствія централизаціи окончательно сдѣлали обитателей двухъ пиренейскихъ скатовъ почти чуждыми другъ другу. Даже тамъ, гдѣ эти холмы и утесы значительно ослабляются, внутренняя стѣна между Пиренеями еще существовала.

Каталонцы, живущіе на полуостровѣ, подобно балеарцамъ, охотно выселяются; жадные къ деньгамъ и ловкіе въ умѣньѣ обращаться съ ними, они расходятся по разнымъ провинціямъ Испаніи, съ цѣлью воспользоваться тѣми источниками благосостоянія, которыми не умѣютъ пользоваться сами жители этихъ провинцій: во всѣхъ городахъ внутреннихъ плоскогорій живутъ каталонцы, пробующіе составить себѣ состояніе и почти всегда успѣвающіе въ этомъ. Во множествѣ испанскихъ провинцій слово „каталонецъ“ есть синонимъ купца, лавочника, промышленнаго человѣка. На Филиппинскихъ островахъ, Пуэрто-Рико, Кубѣ, каталонскіе колонисты также встрѣчаются въ значительномъ числѣ, отличаясь замѣчательнымъ усердіемъ къ обогащенію. Поэтому бѣлые и черные креолы, видящіе въ нихъ своихъ соперниковъ и властителей, относятся къ нимъ съ чувствомъ глубокаго отвращенія. Между прочимъ, изъ среды каталонцевъ была навербована большая часть тѣхъ „волонтеровъ за свободу“, которые бились съ такимъ ожесточеніемъ, иногда съ яростью, для удержанія кубанцевъ въ состояніи политическаго рабства, а черныхъ — въ невольничествѣ.

Города Арагоніи и Каталоніи представляютъ тотъ же контрастъ, какой замѣчается въ ихъ жителяхъ. Арагонскіе города, рѣже расположенные, имѣютъ важный, торжественный, даже мрачный видъ; каталон-

скіе, расположенные большею частью живописнѣе, вообще дѣятельнѣе и оживленнѣе. Новыя постройки являются въ нихъ гораздо чаще; онѣ принадлежатъ къ современному міру, а ихъ арагонскіе родственники все еще служатъ представителями среднихъ вѣковъ.

Царагоца, колонія Цезараугуста римлянъ, Сарагосса у французовъ, занимаетъ одно изъ наивыгоднѣйшихъ естественныхъ положеній. Она находится почти въ геометрическомъ центрѣ арагонской равнины, при сліяніи Эбро съ двумя притоками, изъ которыхъ одинъ, весьма значительный, Галлего, приноситъ сюда студеную воду непосредственно изъ источниковъ горы Пердю, которою иногда пользуются сарагосцы въ хорошую погоду. Километрахъ въ двадцати вверхъ по теченію, Эбро принимаетъ Халонъ, самую обильную рѣку южнаго склона, открывающую доступъ къ кастильскому плоскогорью и бассейнамъ Хукара и Гвадалавіара. Такимъ образомъ Сарагосса лежитъ въ точкѣ пересѣченія всѣхъ естественныхъ дорогъ въ странѣ, а искусственные пути, по неволѣ должны были сойтись сюда же.

Подобно городамъ Андалузіи, Сарагосса имѣетъ свой мавританскій альказаръ, Алхаферіа, который недавно былъ дворцомъ инквизиціи, а теперь обращенъ въ казарму. Другой любопытный памятникъ представляетъ знаменитая наклонная башня, относящаяся къ началу шестнадцатаго столѣтія; она наклонна болѣе чѣмъ на 3 метра, почти столько же, какъ и пизанская башня, и, по изящной архитектурѣ, легкости, красотѣ отдѣлки, можетъ считаться красивѣйшимъ зданіемъ въ этомъ родѣ, хотя и реставрированная въ основаніи постройкою подпорнаго подножія. Сарагосса славится также своимъ мѣстомъ прогулки Козо и тѣнистыми аллеями, идущими вдоль трехъ ея рѣкъ; однако жители, какъ изрядные честолюбцы, въ особенности отстаиваютъ честь названія Сарагоссы „Геройскаго города“ и имѣютъ на то полное основаніе. Осада, выдержанная городомъ въ 1808 и 1809 гг., противъ цѣлой французской арміи, служитъ вѣчнымъ памятникомъ доблести сарагосцевъ. Впрочемъ они не только защищали тогда свои очаги, но вмѣстѣ съ тѣмъ спасали и патронессу города, „Столбоносную Богородицу“ (Virgen del Pilar), статуя которой, роскошно украшенная, помѣщается въ каѳедральномъ соборѣ на массивномъ серебряномъ столбѣ.

„Привилегированный городъ Маріи“ защищался въ каждой улицѣ, въ каждомъ домѣ, съ ожесточеніемъ, какое рѣдко можно встрѣтить въ лѣтописяхъ народовъ. И теперь еще ежегодно бываетъ бой быковъ въ честь Столбоносной Богородицы. Сарагосса одинъ изъ университетскихъ городовъ Испаніи.

Въ столицѣ Арагоніи въ лабиринтѣ старыхъ извилистыхъ переулковъ, проложено нѣсколько новыхъ прямыхъ улицъ и широкихъ бульваровъ; но другіе города арагонскихъ провинцій сохранили свою прежнюю наружность. Въ высокой долинѣ Арагона, между Пиренеями и сіеррою де ла Пена, расположена Хака съ сѣрыми, обвалившимися домами, и теперь еще окруженная высокими стѣнами съ квадратными башнями и цитаделью; прежде она была столицею королевства Собрарбъ, а теперь представляетъ незначительное мѣстечко, которое было бы совсѣмъ забыто, если бы не находилось при устьѣ Сомпорта и знаменитыхъ монастырей Пены. У подошвы первыхъ горныхъ высотъ лежитъ Хуэска, главный городъ провинціи, древній Оска, имя котораго напоминаетъ названіе французскаго города Ошъ и древнее господство Осковъ или Эвскаріевъ. Этотъ городъ сохранилъ нѣкоторое значеніе, благодаря обширной, искусственно орошаемой равнинѣ, окружающей холмъ, на которомъ онъ стоитъ; въ немъ находится богатый каѳедральный соборъ, замѣнившій мечеть, опустѣлые монастыри, дворецъ арагонскихъ королей, превращенный въ университетъ, и развалины городской стѣны, имѣвшей прежде девяносто девять башенъ. Барбастро, расположенный аналогично Хуэскѣ, неподалеку отъ Цинки, остался, подобно Хакѣ, средневѣковымъ городомъ; въ настоящее время онъ сообщается съ Франціею посредствомъ проѣзжей сомпортской дороги, къ которой должна присоединиться въ скоромъ времени желѣзная дорога.

Въ южной части бассейна Эбро, ниже сліянія Халона и Хилоки, расположенъ Калатайюдъ (городъ Жидовъ), второй городъ Арагоніи по торговлѣ и наслѣдникъ Бильбилиса иберовъ, который возвышался на склонѣ сосѣдней горы; имѣетъ наклонную башню подобно Сарагоссѣ; при городѣ есть предмѣстье, состоящее сплошь изъ мазанокъ и вонючихъ подваловъ, въ которыхъ живетъ цѣлое населеніе голодныхъ нищихъ. Въ продолженіи всего времени, когда онъ былъ городомъ арабскимъ, Калатайюдъ фабриковалъ въ соперничествѣ съ Малагою глиняную посуду цвѣта золота, съ отсвѣтомъ металлическимъ, которую разыскиваютъ любители. Теруэль, главный городъ Маецтрацго, господствующій надъ Гвадалавіаромъ, съ его зубчатыми стѣнами, башнями, крѣпкими воротами, имѣетъ видъ средневѣковаго укрѣпленія: можно подумать, что видишь Авилу или Толедо. Арабская башня на церкви этого города представляетъ одну изъ главныхъ достопримѣчательностей „неизвѣстной Испаніи“; его водопроводъ шестнадцатаго столѣтія, проходящій по долинѣ по мосту изъ 140 арокъ, можетъ считаться замѣчательнымъ сооруженіемъ.

Многіе города внутренней части Каталоніи также имѣютъ весьма

УЩЕЛЬЕ ПОНКАРБО.

старинную наружность; между ними есть совсѣмъ развалившіеся, которые останутся въ такомъ состояніи, пока не будутъ вновь соединены удобными путями сообщенія съ остальною Испаніею. Такъ напр., „Гордая Пуицерда", которая съ высоты холма, лежащаго по самой границѣ Франціи, господствуетъ надъ прекрасною равниною, прежде болотистою, орошаемою Сегромъ, представляетъ собраніе лачугъ, окруженныхъ валомъ. Сеу д'Ургель, построенный также на берегу Сегра, въ плодороднѣйшей долинѣ, орошаемой, кромѣ Сегра, Эмбалирою, выходящею изъ Андорской долины, представляетъ весьма важный стратегическій пунктъ, потому что крѣпость этого города господствуетъ надъ окружающими долинами, однако его грязныя улицы, ветхіе дома, глиняныя, размытыя дождемъ стѣны производятъ весьма непріятное впечатлѣніе. До сихъ поръ ни одна проѣзжая дорога не проведена по нижнимъ ущельямъ, по которымъ уходятъ воды Сегра къ Балагеру и Леридѣ.

Этотъ послѣдній городъ, происхожденіе котораго древнѣе самой испанской исторіи, находясь въ рукахъ римлянъ, арабовъ или христіанъ, всегда игралъ важную роль вслѣдствіе своего стратегическаго положенія на Сегрѣ, при входѣ въ Арагонскую равнину, при выходѣ изъ пиренейскихъ долинъ и проходовъ въ Каталонскія горы. Поэтому сосѣднія съ нимъ равнины часто были театромъ кровавыхъ битвъ между арміями, споривши ми за обладаніе долиною Эбро, и стѣны городской крѣпости подвергались многочисленнымъ приступамъ. На вершинѣ его холма, въ группѣ зданій церковныхъ и военныхъ, стоитъ замѣчательный соборъ тринадцатаго вѣка, стиля византійскаго и готическаго. Въ настоящее время Лерида служитъ посредникомъ въ торговлѣ между Сарагоссою и Барцелоною; кромѣ того, великолѣпные окрестные сады даютъ этому городу собственныя средства для мѣновой торговли съ остальною Испаніею; но другихъ источниковъ благосостоянія онъ не имѣетъ; онъ ждетъ, чтобы чрезпиренейская желѣзная дорога, проходящая по ущелью Сала, сдѣлала его однимъ изъ главныхъ складочныхъ пунктовъ международной торговли и однимъ изъ жизненныхъ центровъ полуострова.

Живописная Тортоза, послѣдній городъ, омываемый водами Эбро до его впаденія въ Средиземное море, представляетъ лишь тѣнь того, чѣмъ она была прежде, въ качествѣ столицы арабскаго государства. Подобно Леридѣ, она имѣла прежде важное стратегическое значеніе, какъ пограничный городъ Каталоніи и Арагоніи и какъ укрѣпленное мѣсто, господствующее надъ выходомъ къ Эбро. Она есть также складочный торговый пунктъ между Барцелоною и Валенціею, и если бы обладала хорошею гаванью, то безъ сомнѣнія снова начала бы процвѣтать. Но тинистые за-

ливы, открывающіеся съ обѣихъ сторонъ дельты Эбро, вовсе не пригодны для устройства пристаней и моловъ, необходимыхъ для обмѣна товаровъ. Гавань де лосъ Альфакъ представляетъ, конечно, превосходную стоянку для судовъ, застигнутыхъ бурею, но, къ сожалѣнію, они не могутъ подходить къ низменнымъ берегамъ и искусственный портъ Санъ Карлосъ де ла Рапита, сообщающійся съ Эбро посредствомъ канала, прорытаго рукою человѣка, но весьма дурно содержимаго, доступенъ только для мелкихъ судовъ.

Подобно тому какъ Марсель представляетъ настоящее торговое устье Ронской долины, равнымъ образомъ Таррагона, бывшій рынокъ финикіянъ, затѣмъ карѳагенянъ, сдѣлалась обширнымъ морскимъ рынкомъ бассейна Эбро; благодаря своему положенію противъ Рима, на другой сторонѣ Средиземнаго моря, она сдѣлалась также главною точкою опоры латинскаго могущества на Иберійскомъ полуостровѣ; она обладала прекрасными памятниками, цирками, амфитеатрами, дворцами, храмами, водопроводами. Населеніе ея состояло изъ нѣсколькихъ сотъ тысячъ человѣкъ, можетъ быть, изъ милліона; городская стѣна имѣла, какъ надо полагать, болѣе шестидесяти километровъ въ окружности, а маленькій портъ Салу, лежащій теперь въ двухъ часахъ хода на юго-западѣ, принадлежалъ, вѣроятно, къ древнему Таррако римлянъ. Современный городъ, „весь желтый на сѣрой скалѣ“, почти цѣликомъ построенъ изъ обломковъ разрушенныхъ зданій; надписи, античные барельефы вмазаны въ разныхъ мѣстахъ въ грубо сложенныхъ постройкахъ; циклопическія стѣны и памятники временъ доисторическихъ свидѣтельствуютъ о глубокой древности Таррагоны. Массивный каѳедральный соборъ, высокія средневѣковыя башни, полуразрушенныя стѣны, нѣсколько пальмъ, выдающихся изъ темной зелени апельсинныхъ садовъ, водопроводъ, частью римскій, пересѣкающій равнину, покрытую превосходными садами: вотъ что представляетъ Таррагона въ наши дни. Ея археологическій музей, обогатившійся въ послѣднее время открытіемъ подвизалища и теплыхъ римскихъ бань, обладаетъ прекрасною коллекціею статуй, бюстовъ, мозаикъ, надписей, вазъ, посуды, медалей и другихъ предметовъ, найденныхъ на пустопорожнемъ мѣстѣ древней латинской части города. Таррагона дополняется мануфактурнымъ городомъ Реусомъ и земледѣльческимъ городомъ Вальсомъ, которые находятся въ нѣкоторомъ разстояніи внутри страны и быстро разрослись съ начала нынѣшняго вѣка. Кромѣ того, въ сосѣдствѣ находится монастырь Побле, въ которомъ покоятся остатки арагонскихъ королей.

Между Таррагоною, древнею метрополіею, и Барцелоною, новымъ

главнымъ городомъ долины Эбро и вторымъ городомъ въ Испаніи, населеніе скопляется большими массами. Послѣ роскошныхъ полей Панадесъ и слѣдующей за ними не менѣе плодородной долины, орошаемой красноватыми волнами Льобрегата, гдѣ города чередуются съ селами, начинаются предмѣстья Барцелоны, римскій Барцино, быть можетъ, карѳагенскій городъ Барка, основанный Гамилькаромъ, быть можетъ, фокейская колонія Баркинонъ. Самъ главный городъ расположенъ на берегу моря, у восточнаго основанія крутаго утеса Монхуихъ, усѣяннаго грозными укрѣпленіями, которыя чаще обстрѣливали самихъ барцелонцевъ, чѣмъ ихъ непріятеля. Недавно цитадель, впрочемъ безъ стратегическаго значенія, защищала городъ съ восточной стороны; она была срыта и преобразована въ гулянье. Между тѣмъ городъ смотритъ очень веселымъ у подножія своихъ баттарей, которыя могли бы превратить его въ пепелъ. Барцелона славится въ Испаніи, какъ первое мѣсто веселья и разныхъ удовольствій. Значительно уступая Мадриду по числу жителей, она соперничаетъ со столицею своимъ большимъ театромъ, драматическими и музыкальными обществами. Широкое мѣсто прогулки, Рамбла, или „Рытвина“, названное такъ потому, что находится въ руслѣ потока, пересѣкавшаго городъ и отведеннаго въ сторону; затѣмъ набережная порта, или „морская стѣна“, окаймленная главнымъ фасадомъ города; древесныя аллеи, отдѣляющія Барцелону отъ цитадели и предмѣстья Барцелонетты:—суть главныя мѣста прогулокъ, и въ прекрасный вечеръ, при шумной толпѣ народа, тѣснящейся подъ платанами и у роскошныхъ кафе, онѣ представляютъ по истинѣ очаровательную картину; другая аллея, называемая „Ансаншъ“ или „Расширеніе“, потому что находится внѣ старинныхъ стѣнъ города, соединяя старую Барцелону и его предмѣстье Грацію, не менѣе оживлена, чѣмъ Рамбла. По своимъ удовольствіямъ Барцелона, безъ сомнѣнія, тотъ „единственный городъ“, о которомъ говорилъ Сервантесъ; она вмѣстѣ съ тѣмъ есть „мѣстопребываніе самаго утонченнаго общества и отечество доблестныхъ людей“, но было бы слишкомъ смѣло утверждать, что она, кромѣ того, заслуживаетъ названіе „общаго центра всѣхъ симпатій“. Для ученія она одинъ изъ первыхъ городовъ Испаніи; ея университетъ очень посѣщаемъ; кромѣ того она обладаетъ различными техническими училищами и многочисленными учеными обществами. Въ числѣ жителей города считается до 30 тысячъ французовъ, людей почти все промышленныхъ и коммерсантовъ.

Барцелона главнымъ образомъ представляетъ самый торговый городъ полуострова; даже во время междоусобной войны, когда люди бьются въ ея предмѣстьяхъ, она сохраняетъ свое преобладаніе надъ остальными

испанскими портами. Передъ ея набережными сосредоточивается болѣе четверти всѣхъ національныхъ мѣновыхъ товаровъ; Малага, приморскій городъ, непосредственно слѣдующій за Барцелоною по своему значенію, не представляетъ и половины торговаго движенія каталонскаго рынка. Торговое движеніе барцелонской гавани въ 1883 г.:

Входъ	4.305	кораблей съ измѣреніемъ	1.747,292 тоннъ.
Выходъ	4.148	„ „ „	1.722,883 „
Итого . .	8.453	кораб. съ измѣреніемъ	3.470,175 тоннъ.
Доля испанскаго флага	6.435	„ „ „	1.198,905 „

Приходы барцелонской гавани въ 1870 г. . . . 581.963 франк.
„ „ „ „ 1882 „ . . . . 1.500,000 „

Недавно гавань Барцелоны, отлично защищенная съ запада, сѣвера и востока, была открыта южнымъ вѣтрамъ, и именно съ этой стороны, при входѣ въ портъ, находился опасный рифъ, вмѣщавшій въ себѣ два милліона кубическихъ метровъ грязи; кромѣ того, глубина почти всего бассейна была недостаточна. Обширныя работы, исполненныя въ послѣдніе годы подъ управленіемъ мѣстнаго комитета или junta, смѣнившаго въ 1868 году государственное управленіе гаванью, окончательно исправили ея недостатки. Въ настоящее время Барцелона, по срытіи морской стѣны и увеличеніи набережныхъ, представляетъ превосходно защищенную гавань, въ которой большія суда встрѣчаютъ глубину 8 метровъ; броненосцы, подъ защитой восточной плотины, имѣютъ якорное мѣсто отъ 10 до 12 метровъ. Другіе порты побережья Матаро, Аренисъ-дель-Маръ, еще менѣе защищены, чѣмъ барцелонскій, но есть возможность укрыть ихъ отъ вѣтровъ и волнъ открытаго моря постройкою волнорѣзовъ на рифахъ, которые тянутся параллельно берегу. Эти длинные подводные утесы суть, вѣроятно, остатки прежняго опустившагося берега.

Барцелона, какъ большой торговый городъ и мѣсто съѣзда моряковъ, промышленниковъ и иностранцевъ всѣхъ частей Европы, не замедлила постепенно утратить свой характерный архитектурный стиль. Въ настоящее время она представляетъ другой Марсель съ большими бульварами, окаймленными правильными рядами домовъ; нѣкоторые изъ ея кварталовъ, именно нездоровая Барцелонетта, построенная къ востоку отъ порта на частью искусственно насыпанномъ мысѣ, по однообразію не уступаетъ американскимъ городамъ. За исключеніемъ рѣдкихъ римскихъ и арабскихъ развалинъ, стараго дворца торговли или Каза Лонья, въ Барцелонѣ нѣтъ другихъ интересныхъ памятниковъ, кромѣ неоконченнаго каѳедральнаго собора, Ла Сео, съ высокимъ, мрачнымъ готическимъ нефомъ,

да древняго инквизиторскаго дворца съ его мрачными тюрьмами. За то въ окрестностяхъ города, вокругъ его предмѣстій, состоящихъ изъ заводовъ и рабочихъ зданій, настроено множество чудесныхъ виллъ среди зеленѣющихъ балокъ долинъ и на крутыхъ склонахъ горъ. Барцелона, сама веселая, посѣяла свои сѣмена довольства на всѣхъ косогорахъ, берегахъ и долинахъ своего округа. Высоты Монкада, той же Сарріи, покрыты изящными замками, въ которыхъ живетъ элегантное общество. Въ Испаніи нѣтъ другаго мѣста очаровательнѣе приморскаго берега, который тянется къ сѣверу отъ Барцелоны и Бадалоны съ его многочисленными заводами, разсѣянными среди густой зелени, и затѣмъ продолжается къ Мазну, Матаро и рѣкѣ Тордера. Горы выходятъ въ море отрогами, вершины которыхъ покрыты соснами; на склонахъ воздѣланы виноградники, а мѣстами, на высокихъ гребняхъ, гнѣздится какой-нибудь старый замокъ или укрѣпленный городокъ съ зубчатыми стѣнами; каждая изъ промежуточныхъ долинъ представляетъ сплошной садъ, окруженный изгородью изъ алоэ; города и села, въ видѣ непрерывнаго предмѣстья, занимаютъ все полукружіе низменнаго берега, гдѣ, на отмеляхъ, стоитъ множество лодокъ, на которыхъ сушатся рыбачьи сѣти. Желѣзная дорога идетъ сначала вдоль берега, затѣмъ проходитъ чрезъ одинъ изъ городовъ, пересѣкаетъ апельсинную рощу, прорѣзаетъ въ туннели скалистый мысъ и опять выходитъ на поляну, покрытую зеленью и фруктовыми садами. Картина, постоянно мѣняясь, всегда остается прекрасною и весьма поучительною съ исторической точки зрѣнія. Однимъ взглядомъ можно обозрѣвать на вершинахъ холмовъ деревушки, боязливо окруженныя стѣною, какъ-бы все еще опасающіяся нападеній корсаровъ, а на берегу моря — свободно раскинувшіяся современныя поселенія съ ихъ дѣятельною торговлею. Такимъ образомъ, населеніе раздвоилось во многихъ мѣстахъ: на утесахъ помѣщаются старыя орлиныя гнѣзда, *de alt* или *d'amount*, на прибрежьѣ живетъ современное общество, *de baix* или *de mar*.

Въ провинціи Барцелоны почти всѣ города подражаютъ метрополіи въ мануфактурной дѣятельности: 120.000 работниковъ ткутъ 250 милліоновъ метровъ матерій для Испаніи и ея колоній. Игуалада, надъ которою съ сѣверо-востока возвышаются скалистыя громады Монсеррата; Сабадель, лежащій въ долинѣ, наполненной заводами; Тарраза, древній римскій городъ, близъ котораго находятся знаменитыя минеральныя воды Пуда; Манреза, съ домами, расположенными по склону, у подножія котораго протекаетъ ручей Кардонеръ; Вихъ, старинная столица примаса Каталоніи; Матаро, съ его предмѣстьями, раскинутыми по песчаному

прибрежью: — каждый изъ этихъ городовъ занимается спеціально приготовленіемъ суконъ тонкихъ и грубыхъ, полотенъ, шелковыхъ и хлопчатобумажныхъ тканей, нитокъ, лентъ, кружевъ, кожаныхъ издѣлій, шляпъ, фаянса, стеклянной посуды, и бумаги. Мануфактурная промышленность распространилась также въ провинціи Герона, именно въ городѣ Оло, окруженномъ вулканами. Однако сосѣдство французской границы, привычка къ контрабандѣ, вторженія войскъ, присутствіе значительныхъ гарнизоновъ въ крѣпостяхъ Героны и Фигуерасъ помѣшали промышленной дѣятельности развиться здѣсь въ полной силѣ. Живописная Герона, Жеронь у французовъ, обладающая нѣкоторыми интересными памятниками, въ числѣ которыхъ находится ея каѳедральный соборъ и монастырь съ остатками мавританскихъ бань, особенно славится многочисленными осадами, которыя ей пришлось выдержать; нынѣ вокругъ ея оплотовъ, старинныя канавы обращены въ огородные сады. Фигуерасъ, или Фигьеръ, первый испанскій городъ, построенный на равнинѣ Муга, при выходѣ изъ ущелья Пертусъ, также часто переходилъ изъ однѣхъ рукъ въ другія, хотя и обзавелся съ начала нынѣшняго столѣтія огромною цитаделью, въ два съ половиною километра въ окружности, способною вмѣстить болѣе 20,000 гарнизона съ провіантомъ на два года. Маленькій укрѣпленный портъ Розасъ, пріобрѣвшій извѣстность въ морскихъ войнахъ, представляетъ теперь деревню, окруженную обвалившимися стѣнами. Но по крайней мѣрѣ въ немъ хоть что-нибудь сохранилось, а отъ древняго греческаго города Эмпоріона, лежавшаго на другой сторонѣ бухты, не осталось и слѣда. Развалины этого „Города-Рынка“, въ которомъ, какъ говорятъ, жило болѣе 100,000 человѣкъ, были совершенно покрыты аллювіальными осадками Флувіи и морскими наносами. Берегъ, гдѣ городъ находился, сохранилъ названіе Ампуріасъ, и вся страна Ампурданъ носитъ имя уже несуществующаго города.

Главные города Арагоніи и Каталоніи съ приблизительнымъ числомъ жителей суть слѣдующіе:

	жителей.
Въ Арагоніи:	
Сарагосса (Царагоца) (1884) . .	80.710
Хуэска (1877)	14.000
Калатайюдъ (1877)	11.500
Теруэль (1877)	9.500
Въ Каталоніи (Каталуна):	
Барцелона (1884).	247.190
„ съ своими предмѣстьями	400.000

Реусъ (1884)	27.540
Тортоза (1884)	24.050
Таррагона (1877)	23.150
Лерида (1877)	20.350
Сабеделль (1877)	18.120
Матаро (1877)	17.400
Манреза „	16.525
Герона „	15.000
Бадалона „	13.750
Вилланова-Гельтрю (1877)	13.600
Валльсъ (1877)	13.250
Вихъ (1877)	12.500
Игуалада (1877)	11.900
Фигуерасъ „	11.750
Тарреза „	11.200

Верхній гребень Пиренейскихъ горъ составляетъ большею частію своего протяженія границу между Испаніею и Франціею; здѣсь дипломатическія соображенія провели линію, которая, смотря по распоряженіямъ, выходящимъ изъ Парижа или Мадрида, раздѣляетъ то добрыхъ друзей и союзниковъ, то смертельныхъ враговъ. Но, во всякомъ случаѣ, межевая линія не всегда придерживается гребня горъ. Въ очень многихъ мѣстахъ ея извилины спускаются то на одинъ, то на другой склонъ, отдѣляя то для Испаніи, то для Франціи луга и лѣса, которымъ, повидимому, слѣдовало бы принадлежать не той странѣ, которой они достались. На восточной Пиренейской цѣпи Испанія надѣлена гораздо выгоднѣе; она обладаетъ всею долиною Бидассоа, на французскомъ склонѣ. На другой оконечности Пиренеевъ Франція вознаградила себя, завладѣвъ всѣмъ хребтомъ Канигу и верхнею долиною Сегра, на южномъ склонѣ горъ Карлитты. Однако въ общей массѣ Франція обижена захватами Испаніи, что, впрочемъ, весьма понятно, потому что склонъ болѣе покатый и, слѣдовательно, болѣе доступный, обращенъ къ югу. Пастухи арагонскіе и баскскіе, болѣе многочисленные и привыкшіе къ жизни въ горахъ, захватывали, при всякомъ удобномъ случаѣ, пастбища на сѣверномъ склонѣ, и за тѣмъ международные договоры должны были освятить требованія болѣе сильныхъ.

Долина Арана, въ самомъ центрѣ орографической системы Пиренеевъ, есть результатъ одной изъ тѣхъ побѣдъ, которыя Испанія одержала надъ Франціею безъ пролитія крови. По направленію теченія рѣки, эта долина должна-бы, повидимому, скорѣе принадлежать Франціи, по-

тому что обѣ Гаронны берутъ въ ней начало и соединяются въ одну рѣку; однако выходное ущелье весьма узко и легко можетъ быть заперто; всюду въ другихъ мѣстахъ горы поднимаются въ видѣ четырехугольнаго вала, покрытаго снѣгомъ большую часть года. До восемнадцатаго вѣка аранцы имѣли такъ называемое „pas pleiniér“, т. е. право свободной торговли съ пограничною страною; кромѣ того, они пользовались полною административною самостоятельностью. Вообще говоря, двѣнадцать тысячъ горцевъ Арана, изолированные отъ всей остальной Европы, имѣютъ еще болѣе правъ, чѣмъ всякій другой европейскій народъ на образованіе независимой республики. Въ скоромъ времени международный желѣзный путь пройдетъ по сосѣдству этого кантона, недавно столь отдаленнаго; желѣзная дорога изъ Тулузы въ Санъ-Жеронъ продолжится на югъ по ущелью Сала, одному изъ самыхъ узкихъ пороговъ горной цѣпи, и дойдетъ въ Испаніи до Лериды по долинѣ Ногуера Палареза.

Другая горная страна, лежащая къ востоку отъ Арана, не столь ясно разграниченная и широко открытая въ сторону Испаніи, по крайней мѣрѣ по имени представляетъ республику: — это Андорская долина. Эта маленькая территорія, въ родѣ итальянской республики Санъ-Марино, занимаетъ пространство около 600 квадр. километровъ съ населеніемъ до 6,000 человѣкъ. Кромѣ пастбищъ Солана, расположенныхъ на французскомъ склонѣ, на лѣвомъ берегу верховьевъ Аріежа, воды всей Андорской области изливаются въ живописный потокъ Эмбалиру, или Валиру, который самъ впадаетъ въ Сегръ, въ красивой долинѣ Сео д'Ургель. Почти всѣ горы этой страны сдѣлались безплодны, и андорцы стараются, чтобы окончательно лишить ихъ остатковъ производительной земли; дровосѣки уничтожаютъ повсюду на горныхъ склонахъ послѣдніе еловые и дубовые лѣса. Такимъ образомъ, древнія морены, лишенныя укрѣплявшихъ ихъ лѣсовъ, обрушились; одна изъ нихъ, лежавшая близъ мѣстечка Андоры, завалила въ 1865 г. хижину, стоявшую у ея подножья.

Преданія, вовсе не подтверждаемыя исторіею, связывали происхожденіе Андорской республики съ одною побѣдою Карла Великаго, или Людовика Благочестиваго надъ сарацинами, и до сихъ поръ показываются сооруженія, несправедливо имъ приписываемыя. Дѣло въ томъ, что до французской революціи Андорская долина вовсе не была независимымъ государствомъ. При началѣ феодальной системы андорская территорія представляла вассальную область графства Ургель, и, слѣдовательно, королевства арагонскаго. Послѣ переходовъ по наслѣдству, тяжебныхъ дѣлъ и войнъ, въ 1278 г. было рѣшено, что долина, съ политической точки зрѣнія, останется простымъ леномъ, управляемымъ на

равныхъ правахъ епископами Сеу и графами Фуа: эти факты найдены изысканіями г. Бладе. Въ 1793 г. французская республика отказалась отъ обычной дани, которая и не собиралась до 1806 г., за тѣмъ, въ 1810 г. испанскіе кортесы уничтожили феодальную систему. Такимъ образомъ, Андора получила явственную самостоятельность и сдѣлалась маленькимъ государствомъ съ собственнымъ управленіемъ, „souveraineté extérieure". Жители, предоставленные самимъ себѣ, все-таки не перестали управляться сообразно стариннымъ феодальнымъ обычаямъ, какихъ не можетъ допустить ни одна республика, образовавшаяся въ наше время. Вся территорія принадлежитъ исключительно небольшому числу семействъ. Законъ о маіоратѣ въ полной силѣ; старшіе въ родѣ представляютъ начальниковъ, а ихъ младшіе братья, не пользующіеся почти никакими преимуществами надъ простыми рабочими, обязаны повиноваться главѣ семейства и пользуются его гостепріимствомъ не иначе, какъ съ условіемъ работать для него. Десятинный налогъ существовалъ еще въ 1842 г.; для его уничтоженія необходимъ былъ примѣръ монархической Испаніи. Въ дѣйствительности, свобода андорскихъ горцевъ ограничивается тѣмъ, что они не отбываютъ подушной повинности, не платятъ обычныхъ податей и могутъ безнаказанно заниматься контрабандою. Главное богатство страны составляетъ тайный ввозъ на испанскіе рынки французскихъ товаровъ и табаку. Главная законная промышленность Андорской долины заключается въ скотоводствѣ; андорскіе пастухи сгоняютъ на зиму большую часть стадъ въ равнины, называемыя Льаносъ дель Ургель, на лѣвомъ берегу Сегра. Кромѣ того, республика имѣетъ небольшіе желѣзодѣлательные заводы и одну фабрику для изготовленія матерій, построенные на сѣрнистыхъ водахъ Эскалдасъ. Однако эта незначительная промышленность и торговля недостаточны для прокомленія андорцевъ; многіе изъ нихъ покидаютъ родину, съ надеждою или безъ всякой надежды на возвращеніе.

Андорская республика признаетъ двухъ сюзереновъ, епископа Ургельскаго и французское правительство, собирающіе оба вмѣстѣ ежегодную дань свыше тысячи франковъ. Представителями власти являются два земскихъ судьи; одинъ, французъ, назначается отъ Франціи на неограниченное время; другой, андорецъ, избирается Испаніею на три года; кромѣ того, военный губернаторъ Сеу д'Ургельскій исполняетъ обязанности вице-короля. Уголовную юстицію вѣдаютъ исключительно только одни земскіе судьи и судятъ окончательно, даже въ случаяхъ, касающихся тяжкихъ наказаній; они начальствуютъ мѣстными войсками и назначаютъ уѣздныхъ судей; они предписываютъ также временные законы въ ожи-

даніи собранія кортесовъ, гдѣ засѣдаютъ сами съ апелляціоннымъ судьею, назначаемымъ поперемѣнно обоими сюзеренами, и съ двумя *rahonadors*, или защитниками андорскихъ привилегій. Во главѣ каждаго прихода находятся первый и второй консулъ, взятые изъ разряда caps grossos или „умныхъ головъ“, при которыхъ состоятъ двѣнадцать совѣтниковъ, избираемыхъ старшинами семействъ. Главный совѣтъ, засѣдающій въ селѣ Андора, состоитъ изъ консуловъ и столькихъ-же уполномоченныхъ отъ шести приходовъ; онъ избираетъ себѣ президента, синдика, родъ начальника власти исполнительной, обязанности котораго пожизненны. Политическія страсти довольно сильны въ этой маленькой республикѣ, имѣющей также свою правительственную сторону и парламентскую оппозицію. Въ эти послѣдніе годы разражались жестокія столкновенія между двумя партіями французской и ургельской. Однако, не смотря на всѣ аттрибуты независимости, Андора, принимающая въ оффиціальныхъ актахъ названіе „Долинъ и Государства Андоры“, въ сущности лишена независимости, и карабинеры, безъ всякихъ стѣсненій, захватываютъ территорію мнимой республики. Впрочемъ и неудивительно, что андорцы находятся въ большей зависимости отъ Испаніи, чѣмъ отъ Франціи, потому что по языку, даже оффиціальному, по костюму и обычаямъ,— они каталонцы и въ теченіе полугода остаются вполнѣ отдѣленными отъ бассейна Аріежа, между тѣмъ какъ черезъ долину Эмбалиры всегда могутъ имѣть сообщеніе съ Ургелемъ, ихъ главною епархіею. Впрочемъ, огромное преимущество никогда не тревожиться войною позволило населенію превзойти своихъ испанскихъ сосѣдей въ умственномъ развитіи и благосостояніи. Вообще андорцы очень смышлены и ловки, даже слишкомъ ловки, потому что ихъ непрочная свобода и занятіе контрабандою развили въ нихъ чрезмѣрную хитрость. Они отличаются особымъ оцѣпенѣніемъ, когда ихъ интересы еще въ ходу и не опредѣлились. Ловко вывернуться изъ бѣды или разставить ловушку, называется въ сосѣднихъ долинахъ „андорскою шуткою“.

Главный городъ Андора представляетъ довольно опрятное селеніе, расположенное ниже сліянія Массаны, или Валира дель Нортъ, при самомъ выходѣ ея изъ „grau“, или дикаго ущелья, съ Валира дель Оріенъ, въ которую впадаетъ минеральный сѣрный и желѣзистый источникъ ласъ Эскалдасъ. Но главное селеніе долины есть Санъ Хуліа де Лоріа, простымъ ручьемъ отдѣляющееся отъ испанской границы: это огромный складъ контрабандныхъ товаровъ.

VII.

БАСКСКІЯ ПРОВИНЦІИ, НАВАРРА И ЛОГРОНЬО.

Провинціи Басковъ и бывшее королевство Наваррское по пространству представляетъ лишь незначительную, едва тридцатую часть испанской территоріи. Эти области, кромѣ того, не суть страны, географически обособленныя отъ остальной части полуострова: занимая гребень западныхъ Пиренеевъ, онѣ принадлежатъ какъ къ бассейну Гасконскаго залива, такъ и къ бассейну Эбро; кромѣ того, ихъ политическія границы проведены неровными, излучистыми линіями по долинамъ и горамъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эти границы еще усложняются чрезполосными землями. Тѣмъ не менѣе, земля Басковъ и Наварра должны разсматриваться какъ отдѣльная страна въ общемъ составѣ Испаніи. Большая часть ея населена особымъ племенемъ, сохранившимъ свое странное нарѣчіе, свои нравы и политическіе обычаи. Въ исторіи эта страна играла совершенно спеціальную роль, не только вслѣдствіе особеннаго характера ея жителей, но также благодаря ея положенію на границахъ Франціи въ томъ мѣстѣ, гдѣ горы понижаются, оставляя проходъ для переселенія народовъ и передвиженія войскъ. Кромѣ того, народы Бискайи и Наварры могли существовать своими собственными средствами и развить вполнѣ самостоятельно экономическую сторону быта, благодаря природнымъ богатствамъ страны. Слѣдовательно, въ этнологическомъ и историческомъ отношеніяхъ эти области представляютъ вполнѣ обособленную страну, къ которой можно еще присоединить провинцію Логроньо, политически принадлежащую къ Кастиліи, но расположенную на сѣверномъ склонѣ большаго плоскогорья, въ бассейнѣ Эбро.

Пространство и населеніе описываемыхъ областей суть слѣдующія:

Области.	Пространство.	Населеніе въ 1883 г.	Населеніе на 1 кв. килом.
Баскскія провинціи: Гвипуцкоа	3,122 кв. кил.	176,476 жит.	57 жит.
Баскскія провинціи: Алава	3,185 „ „	96,392 „	51 „
Баскскія провинціи: Вискайо	2,198 „ „	196,923 „	90 „
Наварра	10,478 „ „	312,136 „	30 „
	18,983 „ „	781,927 „	44 „
Логроньо	5,037 „ „	176,319 „	35 „
	20,420 „ „	958,246 „	42 „

Въ провинціяхъ Васконгадскихъ и Наваррѣ, различныя системы горъ, раздѣленныя въ нижней части долинами Арагона, сближаются и перекрещиваются, образуя лабиринтъ горъ и холмовъ, связывающій, подобно неразрывному узлу, Пиренейскія горы съ Кастильскимъ плоскогорьемъ. Здѣсь весьма трудно различить направленіе главныхъ хребтовъ, вслѣдствіе ихъ незначительнаго возвышенія надъ второстепенными хребтами и вслѣдствіе множества ущелій и долинъ, разсѣкающихъ горную массу на безчисленные зубцы. Если смотрѣть съ вершины одной изъ горъ, откуда видъ открывается на далекое пространство, то мѣстность представляется чрезвычайно похожею на море, взволнованное противными вѣтрами: всюду, до самыхъ краевъ горизонта, вздымаются и перекрещиваются между собою волны разной величины, какъ будто на поверхности кипящей воды.

Средняя цѣпь Пиренеевъ въ этой области своего протяженія уже не имѣетъ вида большихъ горъ; ея высота не превышаетъ, среднимъ числомъ, тысячи метровъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ цѣпь оставляетъ французскую границу и вступаетъ въ испанскую Наварру, вершина Ицтербегуи и другія округленныя высоты, выдающіяся на юго-западномъ углу французской долины Альдюдъ, орошаемой Нивою, представляетъ не болѣе какъ высокіе холмы, при чемъ покрывающая ихъ растительная земля не разсѣкается ни однимъ скалистымъ утесомъ. Эта часть Пиренейскаго хребта сначала тянется довольно правильно по направленію къ западу, затѣмъ, прерываясь глубокимъ ущельемъ Ацпирозъ, она утрачиваетъ свое названіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, то нормальное развитіе, которое характеризуетъ Пиренейскія горы: въ этомъ мѣстѣ оканчивается цѣпь въ собственномъ значеніи слова. Горы, неопредѣленно продолжающія по другую сторону пиренейскую горную систему, называются сіеррою Араларъ, затѣмъ слѣдуютъ совершенно мѣстныя названія. Эти горные выступы, не болѣе 600 метровъ средней высоты, соединяютъ оба склона, позволяя коннымъ и желѣзнымъ дорогамъ свободно проходить отъ береговъ моря къ долинѣ Эбро. Два самыхъ западныхъ хребта этой неявственно очерченной горной массы, соединяющіе французскія Пиренеи съ Кантабрскими, суть Пена Горбеа, гдѣ растетъ въ дикомъ состояніи черная смородина,—и сіерра Сальвада. Они возвышаются,—первый на востокѣ, второй на западѣ, надъ котловиною Ордуна, въ которой беретъ свое начало Нервіонъ и извивается крутыми спусками и подъемами желѣзная дорога изъ Бильбао въ Миранда де Эбро.

Малыя цѣпи, отходящія отъ этой горной массы Пиренеевъ къ Гасконскому заливу, также представляютъ весьма неправильный видъ.

Большая часть изъ нихъ соединены между собою поперечными хребтами, параллельными пиренейской оси, такъ что потоки съ трудомъ находятъ себѣ выходъ. Такъ напр., Бидассоа, служащій своею нижнею частью границею между Франціею и Испаніею, сначала течетъ къ югу, черезъ долину Бацтанъ затѣмъ, послѣ длиннаго изгиба, возвращается къ сѣверу и смѣшивается съ солеными водами лимана Фонтараби. Такимъ образомъ онъ отдѣляетъ отъ Пиренеевъ явственно очерченный хребетъ, одна изъ главныхъ вершинъ котораго есть знаменитая гора Рюнъ, на французской границѣ. Многія другія прибрежныя вершины точно также уединены и по высотѣ равняются вершинамъ, расположеннымъ на оси горной цѣпи. Между этими господствующими высотами можно упомянуть о Мендаурѣ, возвышающемся на западъ отъ долины Бидассоа, о Гайѣ, или горѣ Трехъ-Коронъ, служащей со стороны равнинъ Адура живописнымъ началомъ испанскаго материка. Далѣе заслуживаетъ вниманія гора Оицъ, окруженная красивымъ поясомъ тѣнистыхъ долинъ, и горы, заканчивающіяся, между Бильбао и Гверникою, крутыми скалами мыса Махихако. Не менѣе уединенная гора возвышается на сѣверѣ равнины Ирунъ, между устьемъ Бидассоа и бассейномъ лосъ Пасажесъ, узкимъ ущельемъ между скалами, періодически затопляемымъ и осушаемымъ морскими приливами. Это Хэцквибель, Эазо древнихъ, вершина съ закругленными покатыми склонами, поросшими кустарникомъ; отсюда открывается превосходная панорама, образованная горами и долинами земли Басковъ, Адуромъ, французскими ландами и океаномъ. Конечный выступъ Хэцквибеля, мысъ Хигуэръ или Фигюэ, представляетъ крайній уголъ кантабрскаго прибрежья и лежитъ противъ двухъ скалъ св. Анны, подымающихся въ открытомъ морѣ, по другую сторону залива Бидассоа; это южныя границы французскаго берега.

Въ этомъ узкомъ поясѣ баскскаго склона находятся представители многочисленныхъ геологическихъ формацій: гранита и порфировъ съ юрскими и мѣловыми известняками и съ аллювіальными наносами, осѣвшими изъ рѣкъ. Благодаря такому разнообразію геологическихъ пластовъ, давшему начало множеству трещинъ, баскскія провинціи обладаютъ богатыми рудными мѣсторожденіями, которыя всегда имѣли нѣкоторое экономическое значеніе, но рано или поздно упрочатъ за этою страною весьма важную роль въ міровой промышленности. Мѣдь, и свинецъ встрѣчаются здѣсь въ изобиліи, но по сіе время главное богатство заключается въ желѣзныхъ рудахъ всѣхъ сортовъ, пригодныхъ для всѣхъ возможныхъ чугунныхъ и стальныхъ издѣлій. Желѣзо „глазурованное“, или „замороженное“, доставляемое рудникомъ Мондрагонъ, въ холмахъ Гвипуцкоа,

употреблялось прежде для выдѣлки знаменитой стали для толедскихъ клинковъ. Въ настоящее время сосѣднія съ этимъ рудникомъ копи даютъ часть стали, употребляемой для крупповскихъ пушекъ. Цѣлыя горы въ этой странѣ до-того наполнены желѣзистыми пластами, что горнозаводскія компаніи покупаютъ ихъ цѣлыми массами не съ цѣлію разработывать ихъ цѣликомъ, а съ намѣреніемъ лишить соперничествующія компаніи превосходныхъ рудниковъ. Рудное мѣсторожденіе, если не самое обширное, то по крайней мѣрѣ наиболѣе извѣстное одновременно по дѣятельной его разработкѣ и по кровавой битвѣ, тамъ происходившей во время послѣднихъ корлистскихъ войнъ—есть Соморростро, къ западу отъ рейда Бильбао. Это мѣсторожденіе, занимающее пространство въ 20 квад. километровъ, состоитъ изъ желѣзистыхъ массъ, заключенныхъ въ залежахъ слюдянаго песчаника, очень легко расплавляемыхъ и дающихъ чрезвычайно ковкій металлъ. Когда разработка рудниковъ не остановлена междоусобною войною, вся страна окрашивается цвѣтомъ ржавчины: „поля, дороги, дома и даже кожа людей. Минеральная пыль покрываетъ всѣ предметы однообразнымъ красноватымъ цвѣтомъ, на которомъ выдѣляется яркая зелень маиса и большихъ каштановыхъ деревъ“. Недавно другія мѣсторожденія, жилы галмейнаго камня получили огромную экономическую важность: возможно, что постепенное истощеніе Старой Горы будетъ имѣть результатомъ предоставленіе сѣверной Испаніи рынка для сбыта цинковой руды.

Сіерры, проходящія въ Арагоніи параллельно оси Пиренеевъ, продолжаются также въ Наваррѣ и Васконгадскихъ провинціяхъ, но при этомъ во многихъ мѣстахъ сливаются съ боковыми вѣтвями главнаго горнаго хребта. Сіерра де ла Пена продолжается на западъ отъ рѣки Арагона двумя хребтами, изъ которыхъ одинъ соединяется съ пиренейскими вѣтвями и проходитъ къ сѣверу отъ Памплуны подъ именемъ горъ Санъ Кристобаль; другой, сіерра дель Пердонъ, тянется довольно правильно къ западу и возвышается, образуя Хига де Монреаль, гору, знаменитую въ легендахъ и представляющую лучшій обсерваціонный постъ, съ котораго видна вся Наварра. Къ западу отъ Памплуны и Арги сѣверная цѣпь разстилается въ гористое, усѣянное вершинами, плоскогорье: это сіерра Андіа, продолжающаяся до Эбро въ видѣ горъ Виторіа; ея отроги, перепутываясь между собою, образуютъ область Амецкуасъ, столь благопріятную для партизанскихъ дѣйствій. Вторая цѣпь, вначалѣ не столь явственная, граничитъ на югѣ съ Каррaскалемъ или „страною зеленыхъ дубовъ“, областью столь-же дикою, какъ и Амецкуасъ, и столь же часто бывшею поприщемъ кровавыхъ междоусобныхъ войнъ. По другую сторо-

ну этихъ горъ главный хребетъ образуетъ горы Кантабріо; эти послѣднія, нѣкогда, до открытія ущелій Эбро, соединялись съ горами Обаренесъ, представляющими зубчатую кайму, которая, на южномъ берегу рѣки, ограничиваетъ кастильское плоскогорье; въ этихъ же горахъ находятся знаменитыя ущелья Панкорбо. Такимъ образомъ, замыкаются всѣ горныя системы страны Басковъ. Пиренеи соединяются съ сіеррою Андіа горнымъ порогомъ Альзазуа, гдѣ проходитъ желѣзная дорога изъ Виторіи въ Памплуну, и сами нижне-пиренейскія горы связываются съ горными цѣпями кастильскаго плоскогорья. Что касается провинціи Логроньо, то всѣ, проходящія по ней небольшія цѣпи представляютъ внѣшніе выступы того-же плоскогорья: на западѣ онѣ состоятъ изъ вѣтвей хребта Деманда; на востокѣ онѣ образованы двумя цѣпями: Камеро Нуево и Камеро Віехо, понижающимися отъ сіерры Цеболлеры къ равнинамъ Эбро.

Высоты Наварры и страны Басковъ суть:

Ущелье Велатъ	868	метровъ.
„ Ацпирозъ	567	„
Гора Эцкорри	1,535	„
Ущелье Арлабанъ	617	„
Пена Горбеа	1,537	„
Гора Мендауръ	1,132	„
Гора Хайа	987	„
Хэцквибель	583	„
Сіерра Андіа.	1,454	„
Ущелье Альзазуа	596	„
Виторіа	513	„
Памплуна (Памплона) . .	420	„

Обширный лабиринтъ баскскихъ и наваррскихъ горъ представляетъ во многихъ округахъ, главнымъ образомъ на склонѣ Эбро, пейзажи вполнѣ кастильскаго характера по дикости и обнаженности горныхъ склоновъ: безчеловѣчное уничтоженіе лѣсовъ, которымъ занимаются хозяева желѣзныхъ заводовъ, способствовало утратѣ природной красоты и обѣдненію страны. Южная Наварра представляетъ даже настоящія пустыни, переходящія въ печальныя ланды арагонскихъ Барденасовъ; между Капаррозо и Вальтіеррою путешественникъ встрѣчаетъ одни только гипсовые и соляные холмы, почти безъ всякой растительности. Но въ баскской землѣ и западной Наваррѣ, гдѣ дожди выпадаютъ въ изобиліи, всѣ возвышенности, сохранившія зелень, представляютъ чудные ландшафты. Буковые лѣса, каштановыя и дубовыя рощи, покатые луга долинъ, рѣчки,

сверкающія подъ тѣнью ольхъ, представляютъ живописный контрастъ съ вертикальными песчаными или известковыми утесами, выдающимися среди зелени. Въ долинахъ, на холмахъ, по склонамъ горъ, разсѣяны, среди виноградниковъ, бѣлые домики деревень. Безчисленное множество яблонь, во время цвѣтенія, придаетъ зимній видъ весеннему ландшафту.

Влажные сѣверо-западные вѣтры, очень часто дующіе съ Гасконскаго залива, поддерживаютъ въ этой мѣстности умѣренную, весьма равномѣрную температуру. Дожди здѣсь весьма обильны, особенно при перемѣнѣ временъ года; впрочемъ, ни одно время года не лишено дождей. На атлантическомъ склонѣ горъ, ежегодное количество дождей равняется, по меньшей мѣрѣ, метру съ половиною, т.-е. втрое болѣе, чѣмъ на равнинахъ Арагоніи. Поэтому и климатъ въ этой мѣстности вовсе не имѣетъ африканскаго характера, преобладающаго на внутреннихъ плоскогоріяхъ и средиземноморскихъ берегахъ; онъ гораздо болѣе походитъ на климатъ Ирландіи и Голландіи, чѣмъ на климатъ Валенціи и Мурціи. Благодаря вліянію сосѣдняго океана, страна не страдаетъ отъ сильныхъ лѣтнихъ жаровъ; ей нечего также опасаться и зимнихъ холодовъ, потому что они умѣряются морскимъ вѣтромъ, а передовыя Пиренейскія горы задерживаютъ суровые сѣверные и сѣверо-восточные вѣтры. Если бы страна Басковъ не страдала отъ излишка сырости, она обладала бы однимъ изъ пріятнѣйшихъ климатовъ на земномъ шарѣ; но климатъ ея, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ самыхъ здоровыхъ. Кромѣ того, онъ принадлежитъ къ числу наиболѣе благопріятныхъ для земледѣлія. Въ мирное время Наварра, Баскскія провинціи и Ріоха, лежащая на лѣвомъ берегу Эбро, могутъ быть причислены къ самымъ богатымъ въ Испаніи областямъ по количеству хлѣбовъ, вина, масла и скота; Наварра снабжаетъ южную Францію разнаго рода мясомъ, Баскскія провинціи отправляютъ въ Англію и даже въ Германію ихъ излишекъ хлѣба и маиса, и во время междоусобной войны арміи, проходившія по этимъ деревнямъ, не истощили ихъ. Во время первой большой войны, карлисты, почти постоянно запертые между Эбро и Пиренеями, всегда имѣли обильный запасъ провіанта; не смотря на недостатокъ рабочихъ рукъ и грабежи, которые влекли за собою битвы, осады, приступы, почва всегда могла прокормить сражающихся, а подпочва доставляла въ изобиліи желѣзо для войны.

Равномѣрность температуры и влажность почвы весьма способствуютъ, между прочимъ, быстрому развитію древовидной растительности. На атлантическомъ склонѣ, весьма многочисленное населеніе пользуется этими преимуществами климата для воздѣлыванія множества разновидностей фруктовыхъ деревъ, особенно яблонь, изъ которыхъ сидръ, или

zagardua, представляетъ напитокъ, весьма распространенный во всѣхъ трехъ провинціяхъ. Въ пиренейскихъ долинахъ Наварры, гдѣ населеніе еще довольно рѣдко, лѣса сохранили свой первоначальный однообразный видъ; они, тѣмъ не менѣе, однако прекрасны. Долина Ирати, куда можно проникнуть не иначе какъ чрезъ узкія ущелья и крутыя горы, одна изъ самыхъ грандіозныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ одна изъ наиболѣе уединенныхъ въ той области, которая тянется къ югу отъ французскихъ Пиренеевъ, между пикомъ Ани и Альдудесами. Болѣе къ западу, лѣса, смежные съ долиною Карлосъ (Валькарлосъ) или долиною Карла Великаго, и съ знаменитымъ Ронсевальскимъ ущеліемъ или Ронсево, можетъ быть, и не такъ грандіозны, за то значительно привѣтливѣе, вслѣдствіе разнообразія пейзажа, и интереснѣе, благодаря историческимъ воспоминаніямъ и отголоскамъ старинныхъ преданій. Судя по сказаніямъ легенды, этотъ горный проходъ представляется страшнымъ ущельемъ между крутыми скалистыми утесами, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности онъ представляетъ пологую долину. Знаменитая гора Альтабискаръ, возвышающаяся къ востоку, имѣетъ форму небольшой покатости, на которой розовые цвѣты вереска перемѣшаны съ золотисто-желтымъ дрокомъ и дикимъ терномъ, а *playa* Андресъ Царо, гдѣ произошло великое побоище, есть ничто иное, какъ веселая равнина, въ которой журчатъ ручейки подъ тѣнью ольхъ. На широкой проѣзжей дорогѣ изъ Памплуны стоитъ старинный монастырь, окруженный зубчатыми стѣнами и нѣсколькими хижинами; далѣе, къ Франціи, живописная тропинка, въ родѣ аллеи парка, скользитъ въ тѣни буковъ и поднимается, съ легкимъ уклономъ, къ ущелью, покрытому зеленью, гдѣ находится часовня Ибанета. Эта привѣтливая мѣстность и есть злополучный Ронсеваль. Здѣсь не видно ни одной скалы, откуда баски могли бы скатывать каменныя глыбы въ нахлынувшихъ къ нимъ франковъ; тщетно ищетъ глазами пропасти, на днѣ которой Роландъ въ послѣдній разъ затрубилъ въ свой костяной рогъ. Горцы выиграли побѣду надъ арміею Карла Великаго, благодаря своему мужеству и хитрости, а не крутизнѣ ущелій Альтабискара. На противуположномъ склонѣ, собственно въ долинѣ Карлоса, дно этой долины, гдѣ теперь проходитъ прекрасная дорога, гораздо тѣснѣе и недоступнѣе.

Кто этотъ древній народъ, непобѣдимое мужество котораго прославляютъ преданія и который и въ наше время давалъ многочисленныя доказательства своего геройскаго духа? Гдѣ его первоначальное происхожденіе? Какое его родство съ другими народами Европы и всего міра?— Все это вопросы, на которые невозможно отвѣтить. Баски—это племя

самое загадочное. Они единственные въ своемъ родѣ среди массы другихъ народовъ. У нихъ нѣтъ никакихъ родичей.

Нельзя даже сказать съ достовѣрностью, что всѣ эскарійцы, или баски имѣютъ одно общее происхожденіе, потому что они не представляютъ между собою никакого сходства. Типа басковъ не существуетъ. Большая часть мѣстныхъ жителей, правда, отличается строгою красотою чертъ, блескомъ и твердостью взгляда, гордою, граціозною осанкою; но за то сколько разнообразія въ ростѣ, формѣ черепа и чертахъ лица! Среди басковъ существуютъ такія же рѣзкія различія, какъ между испанцами, французами и итальянцами. Между ними встрѣчаются и рослые, и малорослые, брюнеты и блондины, длинноголовые и короткоголовые; нѣкоторые преобладаютъ въ одномъ округѣ, другіе—въ другомъ. Рѣшеніе загадки становится все болѣе затруднительнымъ, потому что если баски дѣйствительно и составляютъ одно племя, то постоянно утрачиваютъ свой первоначальный типъ черезъ смѣшеніе съ другими народами. Очень можетъ быть, что во времена до-историческія, въ описываемой странѣ соединились народы различнаго происхожденія или посредствомъ переселеній или завоеваній, и что языкъ наиболѣе образованнаго изъ нихъ сдѣлался господствующимъ. Бытъ каждаго народа изобилуетъ фактами въ этомъ родѣ.

Оставивъ въ сторонѣ различія и даже рѣзкіе контрасты, существующіе между басками испанскихъ провинцій и французской Наварры, можно сказать вообще, что большинство басковъ отличается широкимъ лбомъ, прямымъ, крупнымъ носомъ, рѣзко очерченнымъ ртомъ и подбородкомъ, пропорціональнымъ, весьма изящнымъ сложеніемъ. Ихъ физіономія крайне подвижна. Женщины въ особенности отличаются чистотою очертаній; хороши ихъ большіе глаза, тонкій, улыбающійся ротъ, гибкій станъ. Даже въ городахъ и деревняхъ, часто посѣщаемыхъ иностранцами, отъ Байонны до Витторіи, гдѣ, слѣдовательно, типъ племени наиболѣе пострадалъ отъ скрещиванія, всякій поражается красотою большей части женщинъ и ихъ природною граціею. Въ нѣкоторыхъ отдаленныхъ округахъ безобразіе представляетъ рѣдкій феноменъ. Двѣ мѣстности Гвипуцкои: Ацпеитіа и Ацкоитіа, близъ которыхъ находится знаменитый монастырь Лойолы, въ особенности славятся красотою жителей, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ. Говорятъ, что тамъ трудно встрѣтить дѣвушку, которая не была бы образцомъ для художника.

Кромѣ физической красоты, баски отличаются также благородствомъ осанки. Они горделиво расхаживаютъ въ камзолѣ, накинутомъ на лѣвое плечо, широкомъ красномъ поясѣ, стягивающемъ стройный станъ, и бе-

ретѣ, надѣтомъ слегка на бекрень. Встрѣчая путешественника, они привѣтливо кланяются ему, но какъ равному себѣ, не опуская взгляда. Женщины, почти всегда скромно одѣтыя въ темные цвѣта, отличаются столь же благородною осанкою. Онѣ высоко держатъ голову и, не смотря на торопливую походку, представительны, какъ богини. Привычка носить тяжести на головѣ, вѣроятно, придаетъ имъ эту горделивую осанку; замѣчательное равновѣсіе, къ которому онѣ должны пріучаться для того, чтобы сходить и подниматься по склонамъ горъ, не роняя своихъ кувшиновъ, развиваетъ въ ихъ членахъ самоувѣренность и стойкость, которая рѣдко встрѣчается у женщинъ сосѣднихъ областей. Ихъ шея и плечи въ особенности отличаются чистотою очертаній—качество, рѣдко встрѣчающееся у крестьянокъ, привыкшихъ къ черной работѣ.

Баски сами себя называютъ эскальдунаками, или эскарійцами, а свой языкъ—эскара, или эскуара. До сихъ поръ точно не извѣстенъ смыслъ этого слова; но, по всей вѣроятности, оно просто значитъ „рѣчь“. Слѣдовательно, эскарійцы можно перевести „говорящіе люди“. Точно также славяне и многія другія племена называютъ свои нарѣчія. Этотъ „особенный“ языкъ, которымъ говорятъ баски и благодаря которому они дѣйствительно составляютъ единственную въ своемъ родѣ націю среди всѣхъ племенъ Европы и цѣлаго міра, этотъ языкъ до сихъ поръ не имѣетъ себѣ подобнаго по конструкціи словъ и оборотамъ фразъ. Онъ долженъ былъ заимствовать много терминовъ изъ языковъ сосѣднихъ народовъ; всѣ предметы, съ которыми баски познакомились при помощи сношеній съ иностранцами, всѣ новыя идеи, доходившія къ нимъ съ временъ доисторическихъ, конечно, получали названія, не принадлежащія къ первоначальному коренному нарѣчію; для отысканія первоначальной чистоты баскскаго языка пришлось бы, вѣроятно, возвратиться къ каменному вѣку, до распространенія домашнихъ животныхъ, потому что всѣ эскарійскія названія этихъ животныхъ, равнымъ образомъ и металловъ, происхожденія арійскаго, финскаго или семитическаго. Но, какъ бы ни были многочисленны всѣ эти заимствованія въ языкѣ, тѣмъ не менѣе достовѣрно, что баскскій языкъ вовсе не арійскій, подобно почти всѣмъ остальнымъ индо-европейскимъ нарѣчіямъ. Онъ принадлежитъ къ періоду болѣе древняго человѣчества, чѣмъ тотъ, изъ котораго родились всѣ прочіе европейскіе языки. Если онъ долженъ былъ бы войти въ группу извѣстныхъ въ настоящее время категорій, то его скорѣе всего слѣдовало причислить къ „аглюнативымъ“ нарѣчіямъ алтайскихъ народовъ. Антуань д’Аббади находитъ въ немъ характеры африканскіе и относитъ его къ роду „гамитическому“; другіе имѣли мысль, мало правдоподобную, при-

числять его къ „полисинтетической“ системѣ сѣверо-американскихъ діалектовъ. Съ своей стороны, баскскіе патріоты заявляютъ, что ихъ „рѣчь“ гораздо выше всѣхъ нынѣ существующихъ: по мнѣнію нѣкоторыхъ авторовъ, первый человѣкъ на землѣ говорилъ языкомъ эскуара; туземные патріоты возвели это произведеніе фантазіи въ непреложную истину, и дурной пріемъ ожидаетъ путешественника, если онъ усомнится въ этомъ фактѣ первобытной исторіи человѣческаго рода. Впрочемъ, въ настоящее время филологи могутъ разбирать этотъ вопросъ, потому что, не считая цѣлой библіотеки сочиненій, посвященныхъ языку эскуара, различныя нарѣчія этого языка имѣютъ свою литературу, къ тому же почти вполнѣ кастильскую или французскую по духу и происхожденію, пѣсни, комедіи, переводы, сдѣлавшіеся доступными для ученыхъ.

Пока сравнительное изученіе языковъ всѣхъ народовъ не объяснитъ намъ, дѣйствительно ли эскарійское нарѣчіе независимо отъ всѣхъ остальныхъ, мы должны смотрѣть на басковъ, не имѣющихъ родичей на континентахъ, какъ на совершенно особую націю, какъ на остатки древняго народа, разбитаго нахлынувшими со всѣхъ сторонъ волнами болѣе современнаго намъ человѣчества. Нѣтъ недостатка въ доказательствахъ, что эскальдунаки были нѣкогда многочисленнымъ народомъ, занимавшимъ большое пространство земли. Если до сихъ поръ не удалось еще розыскать на краяхъ свѣта корней баскскаго языка, за то его находятъ, такъ сказать, въ ископаемомъ состояніи, въ странахъ, окружающихъ бассейнъ западной части Средиземнаго моря. Ни одинъ письменный документъ не свидѣтельствуетъ о томъ, что эти страны, составляющія одну нераздѣльную географическую область, были заняты народами, родственными по происхожденію; за то, вмѣсто преданій, легендъ или пѣсней, сохранились названія горъ, рѣкъ и городовъ, заявляющія послѣ многихъ тысячелѣтій о могуществѣ первобытныхъ жителей. Въ восточной части страны, гдѣ въ настоящее время живутъ остатки баскскихъ народовъ, въ пиренейскихъ долинахъ французскаго Бастана, Арана, Андоры, Квероля, эскарійскія имена встрѣчаются въ изобиліи. То же самое находимъ въ равнинахъ, простирающихся къ сѣверу отъ горъ до Гаронны; городъ Ошъ, древній Льиберри (новый городъ), напоминаетъ еще своимъ именемъ о пребываніи въ немъ осковъ или эскарійцевъ; къ востоку отъ Пиренеевъ, Эльнъ и Кольуръ, изъ которыхъ одинъ расположенъ въ недалекомъ разстояніи отъ Ліонскаго залива, а другой на самомъ берегу, были также Льиберріи, какъ свидѣтельствуютъ о томъ испорченныя названія обоихъ современныхъ городовъ, наконецъ, между множествомъ другихъ испанскихъ городовъ съ эскарійскими названіями, можно указать на третій

Льиберри, сосѣдній съ Гренадою, надъ которымъ возвышается гора, названная, по имени его, Эльвирою. А сколько еще древнихъ городовъ, построенныхъ тѣми же народами, должны были предшествовать этимъ „новымъ городамъ“!

Большая часть писателей, занимавшихся Испаніею, допускаютъ, съ весьма большою вѣроятностью, что эти древніе народы, говорившіе эскарійскимъ языкомъ, были иберы, о которыхъ упоминаютъ древніе писатели и которые нѣкогда занимали большую часть полуострова. Такимъ образомъ, нынѣшніе баски суть прямые потомки иберовъ; они, говоритъ Мишле, должны быть „остатки міра, предшествовавшаго кельтическому и который исторія застала въ эпоху упадка“. Весьма понятно, что предкамъ басковъ не задумались приписать и различныя надписи на памятникахъ и монетахъ неизвѣстными письменами, *letras desconocidas*, открытыя въ Испаніи и южной Франціи; и которыя г. Бударъ старался истолковать какъ бы за дѣйствительно принадлежащія эскарійскому языку. Теперь почти не допускается никакихъ сомнѣній въ полномъ тождествѣ между иберами и басками. Слѣдовательно, въ древности этотъ пиренейскій народецъ не имѣлъ такого замкнутаго существованія. Подъ именемъ васконцевъ онъ занималъ югъ Франціи; разныя иберійскія и кельтиберійскія колѣна его населяли Испанскій полуостровъ. Эскальдунаки распространялись и по ту сторону Геркулесовыхъ Столбовъ, до самыхъ склоновъ Атласа, такъ какъ древніе авторы упоминаютъ и здѣсь о нѣсколькихъ мѣстностяхъ, названія которыхъ вполнѣ баскскія; одинъ изъ народовъ, перечисляемыхъ Страбономъ, носитъ даже вполнѣ эскарійское имя Мутуръ-Горри (красныя лица), которое произошло, вѣроятно, отъ загорѣлаго цвѣта кожи этого племени. Наконецъ римскіе авторы единодушно свидѣтельствуютъ, что иберы колонизировали большіе острова Средиземнаго моря; многія племена, населявшія берега Италіи, принадлежали, вѣроятно, къ тому же корню.

Многіе не понимали, какимъ образомъ баски могли существовать въ видѣ отдѣльной націи, говорящей своимъ языкомъ, именно въ той части Пиренеевъ, гдѣ горы слишкомъ низки, для того чтобы служить оплотомъ противъ вторженія войскъ, и пропускали кочевыя племена то съ одной, то съ другой стороны. Но прежде всего надо припомнить, что западныя Пиренеи наиболѣе удалены отъ Рима, и слѣдовательно легче могли избѣжать вліянія народа-властилина; вмѣстѣ съ тѣмъ малый подъемъ горъ также помогалъ эскарійцамъ сохранить ихъ взаимную національную связь, нравы и языкъ. Въ другихъ частяхъ горъ, иберійскія племена, раздѣленныя снѣжными, трудно проходимыми хребтами, были

отброшены врагами въ узкія боковыя долины и не могли помогать другъ другу въ случаѣ общей опасности. Баски, напротивъ, имѣли то преимущество, что жили въ странѣ, представлявшей въ одно и то же время и серьезное препятствіе иноземному нашествію, и удобное сообщеніе для туземцевъ черезъ параллельные невысокіе хребты. Народы различныхъ пиренейскихъ долинъ, сѣверныхъ и южныхъ, могли такимъ образомъ сплотиться въ могущественное племя среди націй, которыя окружали ихъ и одна за другою, по собственной волѣ или по принужденію, должны были войти въ составъ латинизированнаго міра.

Неизвѣстно, какъ велико было, послѣ римской эпохи, территоріальное пространство, занятое народами, говорившими баскскимъ языкомъ, но весьма вѣроятно, что это пространство мало измѣнилось, потому что съ тѣхъ поръ эскарійцы всегда были сами себѣ господа и никакая превосходная сила не могла заставить ихъ отречься отъ своего языка и принять языкъ сосѣдей, которыхъ они презирали. Со стороны Франціи нынѣшняя граница распространенія эскарійскаго діалекта довольно хорошо изслѣдована; со стороны Испаніи она опредѣлена съ меньшею точностію. Она вовсе не соотвѣтствуетъ границамъ административнымъ и политическимъ. Нынѣшняя область распространенія баскскаго языка начинается къ западу отъ долины Нервіонъ, ниже Бильбао; граница этой области окружаетъ городъ Бильбао, который сдѣлался почти вполнѣ испанскимъ, и къ югу проходитъ черезъ ущелье Ордуна, затѣмъ направляется по склонамъ Пена де-Горбеа и проходитъ на нѣкоторой высотѣ по южному склону Пиренеевъ, оставляя въ сторонѣ всѣ города, расположенные въ долинѣ Алавы. По ту сторону Сальватіерры граница спускается, затѣмъ восходитъ по склонамъ сіерры Андіа и присоединяетъ къ землѣ басковъ всю долину, по которой проходитъ желѣзная дорога изъ Альзазуа въ Памплуну; однако послѣдній городъ, древній Ирунъ иберовъ, принадлежитъ эскарійцамъ лишь по историческимъ воспоминаніямъ, и далѣе, къ востоку, по-баскски говорятъ только въ верхнихъ долинахъ Ронсеваля, Орбецеты, Охагавіи, Ронкаля, между тѣмъ какъ на югѣ уже одни названія деревень, Бэгорри, Мендивиль, Сансоэнъ, Лацагуріа, напоминаютъ о прежнемъ нарѣчіи. Пикъ Анія, составляющій со стороны Франціи границу баскскаго языка, служитъ тѣмъ же и со стороны Испаніи. Такимъ образомъ, изъ четырехъ эскарійскихъ провинцій одна только Гвипуцкоа цѣликомъ входитъ въ составъ области древняго нарѣчія; кромѣ того, два города, Ирунъ и Санъ-Себастьянъ, образуютъ оазисы кастильскаго нарѣчія Весь южный поясъ областей, политически составляющихъ часть Наварры и Васконгадскихъ провинцій, съ незапамятныхъ временъ, былъ

наводненъ латинскими діалектами, и населеніе этой мѣстности говоритъ кастильскимъ языкомъ, смѣшаннымъ съ нѣкоторыми терминами эскарійскаго происхожденія. По увѣренію крестьянъ, которое однако не подтверждено пока ни однимъ подлиннымъ документомъ, баскскій языкъ встрѣчался въ Олитѣ и Пуэнте ла Рейна, расположенныхъ на значительномъ разстояніи къ югу отъ нынѣшней области эскарійскаго языка. Въ этомъ перемѣщеніи языковъ, существованіе котораго требуетъ еще доказательствъ, г. Брока видитъ весьма естественное слѣдствіе тѣснаго сближенія баскскаго языка съ нарѣчіемъ, обладающимъ административнымъ превосходствомъ и вліяніемъ литературнымъ, общественнымъ и религіознымъ. Къ югу отъ Пиренеевъ баскскій языкъ не въ состояніи преодолѣть испанскаго, между тѣмъ какъ къ сѣверу отъ Пиренеевъ ему не угрожаетъ даже патуа беарнцевъ.

Испанскій языкъ — съ одной стороны, французскій — съ другой, стремятся вытѣснить баскскій языкъ, но не насильственнымъ натискомъ, а посредствомъ медленнаго перерожденія. Баскскій языкъ иберовъ, уже раздѣленный на семь нарѣчій, измѣненный словами и оборотами, противными его натурѣ, все болѣе старается приспособиться къ понятіямъ иностранцевъ, поселяющихся въ странѣ; онъ постоянно утрачиваетъ свой первоначальный характеръ и преобразовывается въ патуа. Каждая большая дорога, проникающая въ баскскую территорію, въ то же время производитъ перемѣну въ языкѣ. Всякій прогрессъ, особенно въ образованіи народа, является роковымъ для эскарійскихъ нарѣчій; полмилліона басковъ, замкнутые въ настоящее время въ тѣсномъ горизонтѣ холмовъ и горъ, едва-ли могутъ разсчитывать на продолжительное существованіе языка ихъ предковъ.

Приблизительное число жителей, говорящихъ баскскимъ языкомъ, въ 1875 г. было слѣдующее.

Нижніе Пиренеи	(Франція) . . .	116,000
Баскскія провинціи	Гвипуцкоа . . .	170,000
	Вискайя	120,000
	Алава	50,000
	Наварра . . .	100,000
		556,000

Страбонъ говоритъ о кантабрцахъ, прямыхъ предкахъ басковъ, съ уваженіемъ, смѣшаннымъ съ ужасомъ. Ихъ отвага, любовь къ свободѣ, презрѣніе къ жизни казались ему качествами столь нечеловѣческими, что онъ видѣлъ въ нихъ нѣчто въ родѣ свирѣпости или животной ярости.

Онъ съ ужасомъ разсказываетъ, что, во время войны съ римлянами за независимость, кантабрцы убивали другъ друга, чтобы не отдаться въ плѣнъ; матери умерщвляли своихъ дѣтей, желая избавить ихъ отъ позора и бѣдствій рабства; плѣнники, распятые на крестахъ, не переставали пѣть побѣдныя пѣсни. Силіусъ Италикусъ говоритъ съ своей стороны, что кантабрцы, потерявшіе способность воевать, убивали себя, кидаясь съ высоты скалы, чтобы не томиться въ старости, которую они считали позорящей. Въ эту эпоху иберы предупреждали внезапныя несчастія, всегда нося съ собою ядъ, который приготовлялся изъ одного растенія, похожаго на дикую петрушку, и убивалъ безъ страданій. Распоряжаясь своею жизнью, они ничего не боялись; они, не задумываясь, шли на смерть, особенно когда приходилось защищать друга.

Ихъ мужество, много разъ испытанное со времени борьбы съ римлянами, никогда не ослабѣвало; но, кромѣ мужества, они отличаются другими похвальными качествами. Исторія и постановленія пиренейскихъ федерацій свидѣтельствуютъ о превосходствѣ, которое имѣли баски надъ сосѣдями, благодаря своей правдивости, великодушію и уваженію къ свободѣ человѣка. Жалкіе рабы, окружавшіе ихъ, воображая, въ своемъ уничиженіи, что свобода есть привилегія знатныхъ, видѣли въ баскахъ людей благороднаго происхожденія. Всѣ жители Гвипуцкоа и собственно Бискайи были знатны даже въ силу испанской іерархіи, между тѣмъ какъ въ Алавѣ и Наваррѣ, гдѣ нѣкоторое время господствовали мавры и затѣмъ почувствовалось кастильское вліяніе, утвердилась владѣтельная знать съ ея обычною свитою вассаловъ и оброчныхъ крестьянъ. Однако всѣ провинціи съ прежнимъ ревнивымъ усердіемъ охраняли свои мѣстныя права и заставляли своихъ сюзереновъ буквально исполнять условія союза. Синдикъ Викторіи клялся ножемъ, который долженъ былъ ему отсѣчь голову, если онъ не выполнялъ своей обязанности. Когда европейская исторія представляла послѣдовательный рядъ побоищъ, баски почти всегда жили среди глубокаго мира; ежегодно общины, занимавшія противуположные склоны горъ, клялись въ вѣчной дружбѣ, и ихъ послы поочередно, съ большою торжественностью, клали символическій камень на пирамиду, воздвигнутую ихъ предками посреди луговъ ущелья. Всѣ эти маленькія республики, которыя, благодаря разъединенію, сдѣлались легкою добычею завоевателей, были связаны братскими узами въ одну большую федерацію; каждый обязывался „жертвовать имуществомъ и жизнью“ для поддержанія „права и закона“ въ общемъ отечествѣ. На ихъ знамени изображены три соединенныя руки: *Irurak bat*, „три составляютъ одно“:—вотъ прекрасный девизъ Васконгадскихъ провинцій.

ВХОДЪ ВЪ БУХТУ „ПОХОДЪ“.

Обстоятельство, свидѣтельствующее, насколько эскарійское общество, не смотря на его многочисленность, превосходило по цивилизаціи сосѣдніе народы, заключается въ томъ уваженіи, которое оказывалось у нихъ къ личности человѣка. Каждый баскъ былъ совершенно неприкосновененъ въ своемъ домѣ: никто не могъ лишить его лошади или обезоружить. Когда другіе иберы, свободные, подобно ему, обвиняли его въ чемъ нибудь передъ совѣтомъ, его домъ все-таки оставался священнымъ для всѣхъ; если надо было отвѣчать на обвиненіе, онъ выходилъ гордо и величаво, съ беретомъ на головѣ и тростью въ рукахъ, и съ достоинствомъ являлся подъ дубомъ, гдѣ засѣдали судьи. Въ національныхъ собраніяхъ всѣ имѣли одинакое право голоса. Въ нѣкоторыхъ долинахъ и женщины пользовались этимъ правомъ. Древнія хартіи Алавы оффиціально предоставляютъ женщинамъ мѣсто въ совѣщательныхъ „братчинахъ“ Арріаги. Однако женщины, обыкновенно, не садились за однимъ столомъ съ *etchecojaina* (хозяиномъ дома) и его сыновьями; онѣ обѣдали стоя у очага; даже и теперь этотъ старинный обычай не исчезъ изъ деревень, и сила преданія такъ велика, что женщина сочла-бы безчестьемъ для себя сѣсть рядомъ съ мужемъ во всякое другое время, кромѣ дня свадьбы. Равнымъ образомъ, кромѣ общественныхъ праздниковъ, женщины держатся всегда въ сторонѣ: онѣ танцуютъ между собою, а мужчины предаются своимъ, болѣе шумнымъ удовольствіямъ.

Но если оставить въ сторонѣ эти остатки первобытныхъ обычаевъ, то забавы басковъ могутъ служить непосредственнымъ выраженіемъ ихъ природныхъ качествъ. О народѣ, говорятъ, лучше всего можно судить по его играмъ, потому что человѣкъ, предаваясь какому-нибудь удовольствію, забываетъ наблюдать за собою; въ такомъ случаѣ эскарійцевъ слѣдуетъ посмотрѣть именно въ дни ихъ праздниковъ; тогда они безъ конца любезны, обходительны и ведутъ себя съ достоинствомъ. Ихъ игры всегда представляютъ упражненія въ физической силѣ и ловкости. На мягкихъ лугахъ долинъ молодые баски упражняются въ прыганіи, танцахъ, бѣганіи, игрѣ тяжелыми камнями. Игра въ мячъ составляетъ честь и славу націи; она почитается, какъ одно изъ лучшихъ постановленій. Главныя партіи въ игрѣ распредѣляются и возвѣщаются заблаговременно, и баски собираются со всѣхъ сторонъ на мѣсто ристалища съ такимъ же рвеніемъ какъ греки нѣкогда собирались въ Дельфы и на олимпійскія игры. Вмѣстѣ съ тѣмъ, подобно эллинамъ, эскарійскій народъ заботится не объ однихъ только тѣлесныхъ упражненіяхъ; у него существуютъ также болѣе утонченныя, умственныя удовольствія. Баски разыгрываютъ на чистомъ воздухѣ мистеріи и пасторали; у нихъ есть свои актеры и поэты.

Не слѣдуетъ однако думать, что эскарійскія племена во всѣхъ отношеніяхъ превосходятъ своихъ сосѣдей. Каждая медаль имѣетъ свою оборотную сторону. Въ настоящее время главное несчастіе басковъ происходитъ отъ ихъ старинныхъ національныхъ привилегій. Они хотятъ придерживаться преданій прошлаго, потому что это прошлое было героическою эпохою, хотятъ замкнуться въ узкихъ предѣлахъ ихъ отечества, потому что оно было свободно среди рабскихъ племенъ; они не желаютъ участвовать въ историческомъ движеніи европейскихъ народовъ, такъ какъ они считаютъ ихъ ниже себя по благородству происхожденія. По странному стеченію обстоятельствъ, баски, защищая свои народныя права, сдѣлались поборниками абсолютизма относительно другихъ провинцій; они хотятъ, чтобы ихъ „фуэросы“ оставались неприкосновенны, и съ этою цѣлію стараются не допустить своихъ сосѣдей освободиться изъ оковъ. Отсюда происходятъ самыя странныя несообразности и недоразумѣнія, главная причина которыхъ заключается въ невѣжествѣ басковъ. Впрочемъ Алавансъ и Наварра отличаются своимъ относительнымъ образованіемъ; съ начала 1794 года, обученіе было объявлено обязательнымъ для наварскихъ дѣтей обоего пола.

До закона, изданнаго кортесами въ 1876 году, *fueros* или привилегіи басковъ, соблюдались въ той же степени, какъ въ 1332 году, когда депутаты провинцій представлялись въ Бургосъ для предложенія титула „государя“ кастильскому королю, Альфонсу Правосудному. Въ силу заключеннаго договора, иностранный государь не имѣлъ права строить или владѣть ни крѣпостью, ни деревнею, ни домомъ на эскарійской территоріи. Баски обязаны были сражаться только за свое отечество; они не были подвержены испанскому рекрутскому набору и держали своихъ солдатъ, или „микелетовъ“, въ предѣлахъ ихъ провинцій. Во время войны баски, правда, обязаны были нести воинскую повинность, однако на извѣстныхъ условіяхъ. Въ собственной Бискайѣ войска, безъ особаго разрѣшенія жителей, не могли быть уводимы далѣе извѣстныхъ пограничныхъ предѣловъ, и въ послѣднемъ случаѣ они имѣли право на особую плату; подобныя формальности соблюдались и въ Алавѣ; но провинція Гвипуцкоа не могла отказывать въ наборѣ моряковъ для королевскаго флота. Подати налагались и распредѣлялись всегда провинціальными юнтами; почти всѣ собираемыя пошлины шли на покрытіе мѣстныхъ расходовъ, а государству предлагалась часть въ видѣ добровольнаго приношенія. Торговля была свободнѣе, чѣмъ въ остальной Испаніи; монополій не существовало. Наконецъ, всѣ мѣстныя власти были вполнѣ независимы; онѣ имѣли своихъ представителей въ лицѣ алька-

довъ, членовъ *ayuntamiento* и „великихъ старшинъ“ или *parientes-mayores*, которые сами распоряжались своимъ бюджетомъ.

Однако, какая масса крайностей, контрастовъ и отсталаго феодализма въ этой организаціи общинъ и провинцій, повидимому, вполнѣ демократической! Одно мѣстечко представляетъ независимую республику; другое, съ извѣстнымъ числомъ деревень, образуетъ самодержавный „университетъ“; третье—опять состоитъ изъ черезполосицъ. Въ одной деревнѣ муниципальныя власти избираются своими предшественниками; въ другой онѣ назначаются избирателями изъ податнаго сословія или дворянами извѣстной категоріи, или даже мѣстнымъ владѣтелемъ или его представителемъ. Провинціальныя юнты избираются также весьма разнообразными способами, слѣдуя самымъ разнорѣчивымъ традиціямъ. Подача голосовъ, считаемая среди современной демократіи правомъ всякаго свободнаго человѣка, у басковъ все еще составляетъ привилегію и предоставлена не всѣмъ гражданамъ. Кромѣ того, исполненіе этой привилегіи сопровождается ребяческими формальностями и строгимъ этикетомъ: всѣ уставы предсѣдательства „подъ дубомъ правосудія“ соблюдаются съ такимъ же усердіемъ, какъ при дворѣ королевы англійской. Понятно, что при такихъ учрежденіяхъ, въ которыхъ феодальныя традиціи перемѣшаны съ старинными племенными убѣжденіями, баски сдѣлались ярыми сторонниками древней испанской монархіи. Баски сообщили католической церкви ея вдохновляющую силу, они дали ей настоящаго вождя въ лицѣ Игнатія Лойолы.

Наварра, съ 1839 г., сравнена съ остальною Испаніею въ отношеніи военной службы, податей, состава муниципальныхъ властей. Даже въ самой странѣ басковъ реформы совершены безостановочно. Законъ историческій неизбѣженъ: если потомки эскарійцевъ не хотятъ пользоваться свободою вмѣстѣ съ прочими жителями полуострова, то напрасно будутъ искать ея для однихъ себя. Война дважды уже сломила ихъ; но миръ какъ и война ведутъ ихъ къ утратѣ національной индивидуальности и къ принятію участія въ политической жизни остальныхъ испанскихъ племенъ. Современная промышленность, при содѣйствіи торговли и путешествій, измѣняетъ мѣстные нравы, научаетъ языку сосѣдей, уничтожаетъ старинныя преданія. Баски не суть только „народъ, который пляшетъ на высотахъ Пиренеевъ“, какъ говорилъ Вольтеръ: они, кромѣ того, народъ работящій,—и именно эта работа произведетъ сліяніе націи съ прочими испанцами.

Сами баски какъ будто стремятся сгладить свою индивидуальность среди другихъ народовъ: они массами переселяются, оставляя пустыя

мѣста, которыя занимаютъ ихъ сосѣди. Тѣ изъ нихъ, которые населяютъ долины, отчасти покрываемыя снѣгомъ зимою, сотнями спускаются внизъ при наступленіи холоднаго времени года и временно занимаются какимъ-нибудь прибыльнымъ ремесломъ въ городахъ равнины; другіе, увлекаемые страстью къ приключеніямъ, которая у нихъ традиціонна и выростила изъ ихъ предковъ замѣчательно отважныхъ китолововъ, уѣзжаютъ, не думая о возвращеніи. Прежде баски выселялись въ гораздо меньшемъ числѣ, чѣмъ ихъ французскіе собратья по національности, изгоняемые изъ отечества страхомъ воинской повинности; но въ настоящее время баски массами слѣдуютъ данному имъ примѣру, причемъ большинство переселенцевъ состоитъ изъ людей самыхъ энергичныхъ, лучшихъ въ народѣ. Въ республикахъ Ла-Платы, куда почти всѣ они отправляются искать счастія, ихъ племя, какъ вполнѣ обособленное, должно исчезнуть еще быстрѣе, чѣмъ въ Европѣ; тщетно нѣкоторые эскарійскіе патріоты мечтаютъ объ основаніи новой кантабрской республики въ американскихъ пампасахъ.

Правда, что, вдали отъ родины, баски тщательно сохраняютъ духъ солидарности, придающій имъ такую силу у себя дома. Въ Мадридѣ и другихъ городахъ собственной Испаніи, равнымъ образомъ въ Бордо, Монтевидео и Буэносъ-Айресѣ они помогаютъ другъ другу, поддерживаютъ одинъ другаго въ несчастіи, соединяются противъ соперниковъ, и такимъ образомъ живутъ гораздо лучше другихъ племенъ, относительно болѣе многочисленныхъ; однако, какъ бы ни была велика эта солидарность, она можетъ только отсрочить, но не измѣнить ожидающую ихъ участь. Пройдетъ немного поколѣній — и баскскій языкъ будетъ вычеркнутъ изъ списка живыхъ европейскихъ языковъ, какъ это случилось съ *корнискимъ* и *кревинскимъ*, какъ случится съ *эрскимъ*, *манкскимъ*, *вендскимъ*, *литовскимъ*, *эстонскимъ*, — и еще прежде языка исчезнутъ старинные нравы и политическія учрежденія.

Васконгадскія провинціи и Наварра имѣютъ немного городовъ, да и тѣ большею частію населены иностранцами. Эскаріецъ, подобно астурійцу и жителю Галиціи, любитъ природу: онъ избѣгаетъ городовъ и большихъ населенныхъ мѣстъ. Исключая торговыхъ и промышленныхъ округовъ, дома эскарійскіе стоятъ уединенно на возвышенностяхъ, по склонамъ холмовъ или по берегамъ ручьевъ; передъ домомъ обыкновенно разстилается лужайка, усаженная дубами, гдѣ каждый вечеръ, послѣ дневныхъ трудовъ, молодежь отдыхаетъ, занимается танцами и пѣніемъ. Такой выборъ мѣстъ для жилищъ приписывали созерцательному уму и склонности къ уединенной жизни басковъ и ихъ сосѣдей въ западныхъ Пиренеяхъ:

однако, въ этомъ можно видѣть прямое слѣдствіе того обстоятельства, что баски были народъ свободный, не опасавшійся своихъ сосѣдей. Племена остальной части Испаніи, Франціи, Италіи и почти всѣхъ странъ Европы принуждены были, для спасенія отъ воинственныхъ набѣговъ и грабежей, укрываться въ крѣпостяхъ или городахъ, защищенныхъ стѣнами; а баски всегда жившіе въ мирѣ между собою и съ сосѣдями, могли спокойно хозяйничать на принадлежавшихъ имъ поляхъ.

Бильбао, самый большой городъ баскскихъ провинцій, съ наиболѣе оживленнымъ портомъ, вовсе не эскарійскій городъ; занимаясь издавна торговлею съ отдаленными колоніями Новаго Свѣта, онъ представляетъ природное мѣсто вывоза кастильскихъ хлѣбовъ и прежде служилъ мѣстопребываніемъ первыхъ коммерческихъ тузовъ Испаніи. И теперь еще Бильбао, хотя и лишенъ прежнихъ правъ монополіи и расположенъ далеко не такъ выгодно для торговли, какъ многіе другіе испанскіе города, все-таки соперничаетъ по мѣновой торговлѣ съ Валенціей, Сантандеромъ и Кадиксомъ; онъ сдѣлался третьимъ портомъ на полуостровѣ по суммѣ оборотовъ, благодаря сосѣднимъ желѣзнымъ и цинковымъ мѣсторожденіямъ, соединеннымъ кускомъ желѣзной дороги съ гаванями рейда; песчаная мель Нервіона, въ которой глубина воды была только въ 1,$^{м.}$ 14 въ 1878 г., была углублена и корабли съ осадкою въ 4 метра могутъ ее проходить. Бильбао жилъ совсѣмъ иною жизнью, чѣмъ баскскіе народы окрестныхъ горъ. Сдѣлавшись вполнѣ испанскимъ городомъ, онъ былъ во время карлистскихъ войнъ много разъ осаждаемъ жителями своихъ-же предмѣстій. Прекрасная долина, среди которой расположены городскія зданія, крутыя горы, окаймляющія городъ въ видѣ полукруга, воды Нервіона, несущія торговыя суда въ гавань Португалеты и въ море, не разъ обагрялись кровью. Передъ стѣнами Бильбао знаменитый баскскій генералъ, Цумалакареги, получилъ въ 1835 г. смертельную рану.

Самый населенный городъ Гвипуцкоа—Санъ-Себастьянъ, также испанскій. Представляя торговый портъ, подобно Бильбао, и въ то-же время укрѣпленное мѣсто съ кастильскимъ гарнизономъ, онъ, какъ по наружному виду, такъ и по языку жителей, сравнялся съ городами внутренней части полуострова. Утесъ ла Мотта, или Монте Оргулло, въ 130 метровъ надъ уровнемъ моря, со склонами, усѣянными крѣпостными башнями, возвышается къ сѣверу отъ города; къ западу,—„раковина“, или заливъ прозрачной голубой воды, омываетъ прекрасный низменный берегъ, гдѣ прогуливаются купающіеся; къ востоку отъ крѣпости протекаетъ рѣка Урумеа, безпрестанно борющаяся съ пѣнистыми волнами моря; тѣнистыя мѣста для прогулки, амфитеатръ зеленѣющихъ, усѣянныхъ селами хол-

мовъ, которые съ юга окаймляютъ горизонтъ—весь этотъ чудесный пейзажъ дѣлаетъ изъ Санъ-Себастьяна одно изъ наиболѣе посѣщаемыхъ мѣстъ, гдѣ тѣснится самое разнообразное населеніе людей отдыхающихъ и праздныхъ; въ нѣкоторые годы, число купающихся, пользующихся морскимъ берегомъ Конка, превышаетъ 50,000. Впрочемъ, самъ городъ вполнѣ утратилъ свой оригинальный характеръ; въ 1813 г. онъ былъ сожженъ своими союзниками, англичанами, которыхъ завистливость по ремеслу побудила къ уничтоженію всѣхъ промышленныхъ учрежденій, и былъ заново отстроенъ съ однообразно правильнымъ расположеніемъ; теперь новый городъ, отдѣленный отъ стараго прекрасными аллеями, продолжается далеко на югъ между Урумеа и Конка. Санъ-Себастьянъ имѣетъ также предмѣстье съ заводами, водяными, паровыми, стеклянными и лабораторіями химическихъ продуктовъ. Его портъ, довольно часто посѣщаемый каботажными судами, мало безопасенъ и не глубокъ; тѣмъ не менѣе въ него ежегодно входитъ до четырехсотъ кораблей, съ измѣреніемъ въ 40,000 тоннъ, для вывоза желѣзной руды для Германіи и Англіи, свинца, кожи, асфальта и цемента для Франціи. Важною гаванью этой области должна-бы быть прекрасная бухта „Проходъ“, открывающаяся болѣе къ востоку, со стороны французской границы. Она отлично защищена, потому что съ нея не видно даже моря, съ которымъ она сообщается посредствомъ узкаго прохода, удобнаго для защиты. Въ предшествовавшіе вѣка, когда баски еще занимались добычею китоваго уса „гасконскаго“, въ эту бухту проникали большія суда, останавливаясь у города Лезо, нынѣ разрушеннаго: по берегамъ внутренняго залива существовали дѣятельно работавшія верфи; однако разливы Ойярзуна и другихъ рѣчекъ, благодаря нерадивости жителей, засорили часть бассейна; впрочемъ маленькія каботажныя суда останавливаются въ бухтѣ, и „Проходъ“ съ нѣкоторыхъ лѣтъ сдѣлался складочнымъ пунктомъ по отправленію винъ изъ Наварры и Ріоха.

Живописная Фонтарабія, Ондаррабія басковъ, съ раскрашенными домами, также отдѣлена отъ моря порогомъ, опаснымъ для мореходовъ; своимъ настоящимъ нѣкоторымъ значеніемъ этотъ городъ обязанъ морскимъ купаньямъ и сосѣдству съ Франціею, къ которой онъ обращенъ съ высоты терассы своими стѣнами, пробитыми ядрами. Ирунъ также былъ-бы незначительнымъ городомъ, если-бы не находился по близости Франціи во главѣ линіи испанскихъ желѣзныхъ дорогъ и не представлялъ стратегическаго ключа всей этой мѣстности. Толоза, окруженная бумажными и другими мануфактурными фабриками, носитъ громкій титулъ главнаго города Гвипуцкои; Цароцъ имѣетъ свои морскіе берега, посѣ-

щаемые купающимися; Гветарія, родина Эль Кано, который, болѣе счастливый чѣмъ его начальникъ Магелланъ, совершилъ первый кругосвѣтное плаваніе; Леквейтіо и Бермео замѣчательны морскими купаньями и рыбными ловлями, на которыхъ работаетъ болѣе тысячи моряковъ; Цумайя, расположенная въ устьѣ долины Урола, обладаетъ гипсовыми ломками, доставляющими превосходный цементъ; Эйбаръ фабрикуетъ драгоцѣнности, продающіяся даже за границей; Вергара, нѣкогда славившаяся оружейными заводами, замѣчательна многочисленными желѣзными источниками, протекающими въ ея окрестностяхъ, знаменитою коллегіею, основанною въ 1776 г. баскскимъ обществомъ, и воспоминаніемъ о достопамятной конвенціи, положившей конецъ, въ 1839 г., первой карлистской войнѣ. Дуранго, равнымъ образомъ, представляетъ городъ, имя котораго часто раздавалось во время междоусобицъ на сѣверѣ Испаніи. Гверника, расположенная въ Бискайѣ, замѣчательна дворцомъ „судилищнымъ“ и знаменитымъ дубомъ, подъ которымъ и теперь собираются мѣстные законодатели; но, подобно всѣмъ остальнымъ баскскимъ городамъ, Гверника, въ сущности, представляетъ не болѣе какъ селеніе.

На южномъ склонѣ Пиренейскихъ горъ также немного многолюдныхъ селеній; это объясняется, между прочимъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что здѣсь народонаселеніе втрое рѣже, чѣмъ на атлантическомъ склонѣ. Виторія, главный городъ Алавы, расположенный при желѣзной дорогѣ изъ Парижа въ Мадридъ, городъ промышленный и торговый; онъ есть складочный пунктъ мѣновой торговли между провинціями баскскими и кастильскими; она тоже „умственная столица“ баскскихъ провинцій и имѣетъ даже географическое и ученое общество. Памплуна, или Памплона, имя которой напоминаетъ ея возобновителя Помпея, есть по преимуществу городъ укрѣпленный, выдерживавшій частыя осады, часто попадавшій въ руки непріятеля, теперь окруженный укрѣпленіями, дѣлающими изъ него стратегическій пунктъ; его каѳедральный соборъ одинъ изъ богатѣйшихъ и наиболѣе интересныхъ въ Испаніи. Тафалла, „цвѣтъ Наварры“ (*la flor de Navarra*), древняя столица королевства, сохранила лишь остатки своего дворца; строитель его, донъ Карлосъ Благородный, хотѣлъ, какъ говорятъ, соединить его галлерею въ милю длины съ дворцомъ Олитъ, расположеннымъ также въ долинѣ Цидако. Пуэнте ла Рейна знаменитъ винами. Эстелла,—одинъ изъ самыхъ оживленныхъ городовъ Наварры, господствуетъ надъ нѣсколькими ущельями, въ которыхъ проходятъ дороги изъ Кастиліи и Арагоніи, и поэтому представляетъ важное жизненное значеніе для страны. Во время послѣдней войны, карлисты преобразовали его въ сильную крѣпость, защищая горную часть Амецкуаза. Въ погра-

ничной провинціи, входящей въ составъ Старой Кастиліи, находится Тудела, замѣчательная винами; Калагорра, отчизна Квинтиліана, и Логроньо,—съ мостомъ, построеннымъ въ одиннадцатомъ столѣтіи, также представляютъ довольно важные стратегическіе пункты, потому что господствуютъ надъ проходами Эбро. Калагорра, усвоившая гордый девизъ: „я превозмогла Карѳагенъ и Римъ“, служила оплотомъ для Серторіуса противъ Помпея; но она дорого поплатилась за свой героизмъ. Граждане ея, осажденные римлянами, почти всѣ погибли съ голода; защитники города принуждены были питаться мясомъ своихъ женъ и дѣтей. Калагорра, древній Калагорри иберовъ, хотя и расположенъ внѣ области распространенія эскарійскаго языка, среди роскошныхъ равнинъ Ріохи, тѣмъ не менѣе тѣсно связывается съ исторіею васконгадскихъ провинцій, потому что фуэросы Алавы, принятые въ 1332 г. сюзереномъ Альфонсомъ Правосуднымъ, составлены на основаніи древнихъ законовъ Калагорры.

Число жителей главныхъ городовъ баскскихъ провинцій, Наварры и Логроньо въ 1884 г.:

Бискайя (Вискайя).

Бильбао	33,510	жит.

Гвипуцкоа.

Санъ-Себастьянъ	21,350	„
Толоза (1877)	7,500	„

Алава.

Виторіа	17,639	„

Наварра.

Пампелуна (Памплона)	24,979	„
Тудела (1877)	10,100	„

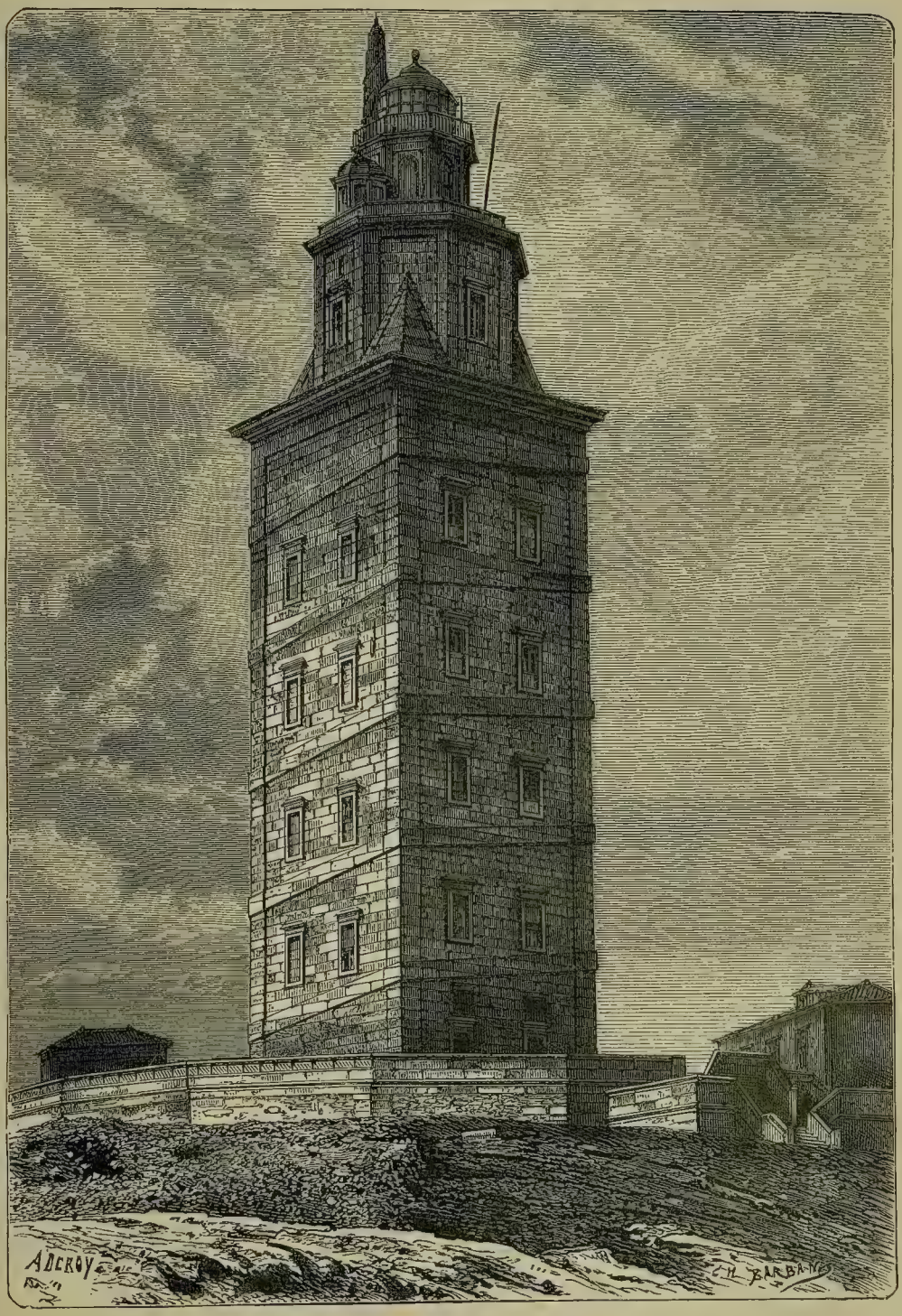
Логроньо.

Логроньо (1877)	13,400	„
Калагорра „	8,150	„

VII.

САНТАНДЕРЪ, АСТУРІЯ И ГАЛИЦІЯ.

Океаническій склонъ Кантабрскихъ Пиренеевъ, къ западу отъ васконгадскихъ провинцій, представляетъ область, до того отличную отъ остальной Испаніи, что ее скорѣе можно сравнить съ французскою Бретанью, даже съ Англіею и Ирландіею, чѣмъ съ областями кастильскаго плато и особенно съ средиземноморскимъ склономъ полуострова. Повсюду



МАЯКЪ НА БАШНѢ ГЕРКУЛЕСА.

горы, холмы, долины, текучія воды, лѣса и воздѣланныя земли смѣняются въ безконечномъ разнообразіи; повсюду берегъ крутой, окаймленный высокими мысами и перерѣзанными лиманами, куда впадаютъ быстрые потоки водъ; повсюду климатъ влажный и здоровый. По исторіи населяющихъ ее народовъ, иберійскаго и кельтическаго, эта часть Испаніи также представляетъ замѣчательное единство; она почти всегда избѣгала большихъ переворотовъ, постигавшихъ другія провинціи полуострова, и потому населеніе въ ней стало очень многочисленно относительно пространства воздѣлываемой почвы. Тѣмъ не менѣе, не смотря на большую аналогію всѣхъ областей кантабрскаго склона, не смотря на сходство земель, климата, исторіи и нравовъ народа, эта страна, слишкомъ узкая сравнительно съ длиною, раздѣлена на множество отдѣльныхъ участковъ съ точки зрѣнія политической географіи. На западѣ, въ сѣверо-западномъ углу Испаніи, пріютилось древнее королевство Галиція съ его четырьмя провинціями, образуя большой, почти правильный четырехугольникъ между Атлантическимъ океаномъ, границами Португаліи и вѣерообразными отрогами верхнихъ Кантабрскихъ Пиренеевъ; Астуріи въ собственномъ смыслѣ, стѣсненныя между горами и водами Гасконскаго залива, раздѣлились на двѣ части: съ одной стороны находится Астурія Овіедо, съ другой — Сантиллана, которыя въ настоящее время отчасти соединены въ административномъ отношеніи; наконецъ, на востокѣ, на границахъ Баскской земли, находится округъ, извѣстный прежде на языкѣ народа подъ названіемъ „Горъ Бургоса и Сантандера“, или просто „Горъ“. Кастильцы сдѣлали изъ него свою провинцію; но въ географическомъ отношеніи Сантандеръ представляетъ естественный переходъ отъ страны Басковъ къ Астуріи.

Пространство и населеніе этихъ частей суть слѣдующія:

	Пространство.	Населеніе въ 1883 г.	Населеніе на 1 кв. килом.
Сантандеръ . . .	5,471 кв. кил.	238,870 жит.	44
Астуріи (нынѣшнія).	10,596 „ „	579,690 „	54
Галиція	29,379 „ „	1.881,000 „	64
	45,446 кв. кил.	2.699,560 жит.	59

Къ западу отъ сіерры Сальвада и углубленія, извѣстнаго подъ именемъ долины Мена, начинается упомянутая область „Горъ“, которая занимаетъ всю провинцію Сантандеръ своими кряжами и изгибистыми отрогами, изборожденными горными потоками. Въ этой части, Кантабрскія Пиренеи, если можно назвать этимъ именемъ безпорядочную массу вы-

сотъ, въ сущности имѣютъ только одинъ склонъ, именно къ Гасконскому морю; съ южной стороны онѣ опираются на возвышенности, съ которыхъ начинается Эбро. Такъ напр., ущелье, или *puerto* Эскудо, разсѣкающее горы, прямо на югъ отъ Сантандера, имѣетъ около 1,000 метровъ высоты надъ берегомъ, между тѣмъ какъ южный склонъ, до плоскогорья Вирга, имѣетъ всего 140 метровъ. Далѣе къ западу находится ущелье Рейноза, которымъ воспользовались для проведенія желѣзной дороги изъ Мадрида къ порту Сантандеръ; это ущелье представляетъ еще болѣе любопытный образчикъ здѣшней формы горнаго рельефа. Въ этомъ мѣстѣ плоскогорія раздѣлены почти непроходимымъ порогомъ, спускающимся въ видѣ лѣстницы къ кантабрскому берегу; стоитъ только прорыть здѣсь каналъ въ 2 километра длины и 18 метровъ глубины, чтобы отвести воды Эбро въ рѣку Бесайа, которая унесла-бы ихъ въ Атлантическій океанъ, къ порту Санъ-Мартинъ де Суансъ. Неудивительно, что этотъ горный порогъ, находящійся въ томъ мѣстѣ, гдѣ Эбро не представляетъ никакихъ затрудненій для переправы, и гдѣ путешественники, спустившись съ высокихъ равнинъ Дуэро, могутъ легко достичь приморскаго склона, сдѣлался большою дорогою для кастильцевъ къ Кантабрскому морю. Здѣсь они нашли естественный выходъ для ихъ торговли, и потому провинція Сантандеръ показалась имъ законною добычею съ точки зрѣнія административной и политической. Подобно тому, какъ каждый народъ, живущій по берегамъ рѣки, старается завладѣть ея устьемъ, населеніе плоскогорій стремится пріобрѣсти наиболѣе удобные пути для сообщенія съ моремъ.

Но, непосредственно къ западу отъ ущелья Рейноза, горы принимаютъ другой видъ и поднимаются высокими кряжами, представляющими и съ южной стороны значительной высоты утесы. Вершины болѣе 2,000 метровъ высоты достигаютъ пояса продолжительныхъ зимнихъ снѣговъ. Пена Лабра господствуетъ надъ первымъ изъ кряжей, откуда спускаются рѣки по всевозможнымъ направленіямъ; къ востоку — Эбро, къ югу — Пизуэрга, къ сѣверу Нанза, или Тина Меноръ, къ сѣверо западу — потокъ, впадающій въ лиманъ, или *ria* Тина Маіоръ. Далѣе къ западу находится Пена Пріета, превосходящая высотою два съ половиною километра и питающая своими снѣгами Карріонъ и Эслу; это одна изъ значительныхъ пирепейскихъ вершинъ. Она со всѣхъ сторонъ опирается на мощные отроги и связывается на сѣверѣ посредствомъ соединительнаго хребта съ кряжемъ, еще болѣе высокимъ, носящимъ странное названіе, можетъ быть, эскарійскаго происхожденія, Picos de Europa, или „Европейскихъ вершинъ“. Гора Торре де Черредо представляетъ главную вер-

шину этой группы, третью въ Испаніи по высотѣ, потому что ее превышаютъ только гиганты сіерры Невады и центральныхъ Пиренеевъ. Въ углубленіяхъ лощинъ, обращенныхъ къ сѣверу, собираются массы затвердѣлаго снѣга, похожія на настоящіе ледники, питаемые обильными снѣгами, приносимыми зимою морскими вѣтрами. Это замѣчательный примѣръ важнаго вліянія влажности на образованіе ледниковъ, такъ какъ въ горахъ, даже болѣе сѣверныхъ, на той же высотѣ не замѣчается ледяныхъ полей.

Долина Ліебана, или Потъ, лежащая, въ видѣ огромнаго котла, у восточнаго подножія „Европейскихъ вершинъ“, можетъ считаться самою замѣчательною на полуостровѣ, по своей относительной глубинѣ и воронкообразной формѣ. Съ запада, юга и востока она окружена утесами, гребень которыхъ достигаетъ или даже превышаетъ 2,000 метровъ; съ сѣвера, поперечная цѣпь, оставляющая для водъ Ліебаны очень узкій проходъ, соединяетъ кряжъ Пена Сагра съ „Европейскими горами“. Крутизна внутреннихъ откосовъ столь значительна, что деревня Потъ, расположенная на днѣ этой, можно сказать, пропасти, находится все-таки на высотѣ 300 метровъ надъ уровнемъ моря. Горный поясъ Сантандера и Астурій, еще явственнѣе чѣмъ въ странѣ Басковъ, представляетъ множество цѣпей, параллельныхъ общей пиренейской оси и берегу Кантабрскаго моря; второстепенныя цѣпи горъ, тріасовой, юрской, мѣловой эпохъ, располагаются въ видѣ стѣнъ передъ высокими горами, состоящими изъ силурійскихъ сланцовъ, приподнятыхъ гранитами. По этой причинѣ здѣшнія рѣки имѣютъ теченіе весьма неровное, извилистое. По выходѣ изъ верхнихъ долинъ, гдѣ эти рѣки образуютъ живописные водопады, онѣ бросаются направо и налѣво и направляются вдоль подошвы горъ, ища себѣ выхода: нѣкоторыя изъ нихъ, между прочимъ Азонъ, протекающій между Бильбао и Сантандеромъ, уходятъ въ пещеры отъ задерживающихъ ихъ преградъ, и появляются съ другой стороны, совершая болѣе или менѣе длинный подземный путь.

По ту сторону „Европейскихъ горъ“ хребетъ понижается, представляя проходы иногда ниже 1,500 метровъ. Двѣ долины, въ формѣ пропастей, именно Вальдеонъ и Сахамбръ, сходныя съ долиною Ліебаны, хотя и не столь большія, открываются между собственно пиренейскою сіеррою и параллельною ей маленькою цѣпью, отходящею съ сѣвера отъ „Европейскихъ вершинъ“. Эта послѣдняя цѣпь пересѣкается бурными потоками, низвергающимися въ Астурійское море; однако средняя ея высота весьма значительна и ея дикія верхнія долины весьма основательно присоединены къ провинціи Леонъ, съ которою онѣ представляютъ болѣе

легкое сообщеніе, чѣмъ съ низменною частью ихъ же собственнаго рѣчнаго бассейна. Къ западу отъ этихъ природныхъ горныхъ укрѣпленій, хребетъ Кантабрскихъ Пиренеевъ вновь пріобрѣтаетъ довольно значительную правильность, подобно французскимъ Пиренеямъ. Удаляясь постепенно отъ берега, цѣпь, съ нѣкоторыми вершинами болѣе 2,000 метровъ высоты, мало по малу уклоняется къ юго-западу до границъ Галиціи, гдѣ принимаетъ южное направленіе, образуя концентрическій изгибъ съ морскимъ берегомъ. Здѣсь она вполнѣ утрачиваетъ характеръ правильной сіерры; развѣтвляется по всѣмъ направленіямъ на большое число вторичныхъ цѣпей и отроговъ, которые, подъ разными названіями, заканчиваются на приморскихъ мысахъ или соединяются съ другими горными системами. Въ общемъ, эти хребты постепенно понижаются по мѣрѣ приближенія къ Галиціи. Только къ югу отъ Силя и Миньо горы снова являются въ видѣ большихъ кряжей, Пена Негра, Пена Тревинка, Кабеца де Манцанеда и другихъ, которыя соединяются съ португальскими горами.

Астурійскія горы, особенно возвышающіяся между Овіедо и „Европейскими вершинами“, пользуются большимъ почетомъ у всѣхъ испанскихъ патріотовъ. Онѣ чрезвычайно живописны: ихъ передніе склоны покрыты тѣнистыми каштановыми рощами, орѣшникомъ, дубами, а на верхнихъ склонахъ буковые и клещевинные лѣса перемѣшиваются съ лугами. Такія красоты природы поражаютъ народное воображеніе тѣмъ болѣе, что эти горы служили оплотомъ для христіанъ въ первое время нашествія мавровъ. Подобно тому какъ въ Арагоніи славится Пена де Ороэль, близъ котораго основалось королевство Собрарбъ, здѣсь показываютъ: гору Ансена, гдѣ бѣжавшій Пелагій скрывался съ войскомъ; лѣса Вердойянта, гдѣ онъ совершалъ свои походы; аббатство Ковадонга, напоминающее о его первыхъ побѣдахъ надъ исламомъ. „Достославныя горы“,—это ихъ оффиціально признанное названіе,—извѣстны не одними своими историческими воспоминаніями, своими живописными деревушками съ разбросанными долинами, своими стадами и роскошною зеленью: онѣ, кромѣ того, заключаютъ въ своихъ нѣдрахъ богатыя копи каменнаго угля, составляющія главный источникъ благосостоянія Астуріи.

Возвышенности Галиціи, разсѣянныя безъ всякаго порядка, изрытыя со всѣхъ сторонъ потоками, представляютъ незначительное число мелкихъ цѣпей, или *cordales*, и не могутъ быть связаны въ одну правильную систему. Это массы первобытныхъ утесовъ, большею частью закругленныхъ, расположенныхъ маленькими плоскогорьями различныхъ размѣровъ; надъ этими плоскогорьями мѣстами высятся холмы, достигающіе,

среднимъ числомъ, до сотни метровъ надъ общею поверхностью страны. Однако здѣшнія цѣпи все-таки слѣдуютъ почти по одному направленію съ самыми берегами, причемъ однѣ изъ нихъ направляются съ запада на востокъ, продолжая васконгадскіе берега, другія спускаются съ сѣвера на югъ, къ португальскому берегу. Параллельно цѣпи Ранадуаро, которую можно считать естественною границею Галиціи и Астуріи, тянется на западѣ сіерра Меира; далѣе, по ту сторону большой долины Миньо, идетъ горная группа, которой южные отроги заканчиваются въ Эстака де Варъ, главнымъ угловымъ мысомъ Галиціи, и мысомъ Ортегаль или Сѣвернымъ (Norte-Gal), неподалеку откуда виднѣется высокая пирамида Квадрамонъ. На западѣ, поперечно идущія горы, въ томъ-же направленіи, какъ и Кантабрскія Пиренеи, образуютъ знаменитые мысы Торинана и Финистерре, или „Конецъ земли“. Послѣдній мысъ, который моряки прежде считали самымъ западнымъ на Иберійскомъ полуостровѣ, повидимому, не безъ основанія можетъ назваться концомъ свѣта, подобно равнозначущимъ ему мысамъ во Франціи и Англіи. Представляя узкій, скалистый полуостровъ, вдающійся въ открытое море къ западу отъ большой бухты, онъ возвышается своими крайними уступами, подобно алтарю, воздвигнутому среди необозримой водной поверхности. Въ этомъ мѣстѣ находился храмъ языческихъ боговъ, замѣненный впослѣдствіи церковью въ честь Богоматери.

Разныя высоты Астуріи и Галиціи суть:

Горы Сантандера.

Пуэрто де Эскудо	988	мет.
„ де Рейноза	847	„
Пена Лабра	2,002	„

„Европейскія вершины“ (Picos de Europa).

Пена Пріста	2,529	мет.
Торре де Черредо	2,678	„
Деревня Потъ	299	„
„ Кэпъ (Вальдеопъ)	466	„

Западныя Кантабрскія горы.

Пена Убина	2,300	„
„ Рубіа	1,930	„
Пикъ Миравалесъ	1,939	„
„ Квина	1,936	„
Ущелье Пахаресъ	1,363	„
„ Пьедрафита	1,085	„
Квадрамонъ	1,019	„
Фаро	1,155	„
Кабеца де Манцанеда	1,776	„

Астурійскій берегъ, на видъ довольно правильный, изрѣзанъ множествомъ маленькихъ бухтъ, или *rias*, съ крутыми скалистыми берегами, въ которыя впадаютъ бурныя рѣки, сходящія съ Кантабрскихъ Пиренеевъ. Малая ширина прибрежнаго пояса не допускаетъ эти лагуны заходить далеко внутрь страны; многія изъ нихъ имѣютъ видъ слегка расширенныхъ рѣчныхъ устьевъ. Берега Галиціи имѣютъ совершенно иную наружность. Они изрѣзаны извилистыми, вѣтвистыми заливами, которые своими многочисленными извилинами, глубиною воды и крутыми берегами напоминаютъ шотландскіе *firths* или фіорды Скандинавіи, Исландіи и Лабрадора. Это морскія долины, широко впадающія въ океанъ, который въ ста километрахъ отъ берега имѣетъ не менѣе 1,800 метровъ глубины.

Интересно происхожденіе этихъ *rias*. Можно-ли считать ихъ, подобно фіордамъ, руслами ледниковъ, не успѣвшими еще засориться рѣчными наносами во время нынѣшняго геологическаго періода? И не были ли эти ламаны, какъ во Французской Бретани, первоначально прорыты морскими водами, проникавшими въ гранитъ чрезъ трещины, которыя онѣ мало по малу расширяютъ, и затѣмъ развѣтвляютъ боковыми проломами. Во всякомъ случаѣ, существованіе въ столь южныхъ широтахъ заливовъ, сходныхъ съ заливами береговъ, близкихъ къ полярному полюсу, представляетъ весьма интересный геологическій феноменъ. Кромѣ замѣчательнаго сходства въ климатѣ, эти страны отличаются также одинаковостью почвы. Другая, не менѣе интересная аналогія, заключается въ томъ, что бухта Виго, вѣроятно и другія *rias* Галиціи,—эти шотландскіе заливы, попавшіе на Иберійскій берегъ, — обладаютъ морскою фауною, напоминающею гораздо болѣе формы животныхъ великобританскихъ, чѣмъ лузитанскихъ: изъ двухсотъ видовъ ракообразныхъ, собранныхъ здѣсь г. Макъ Андрью, только восьмая часть не принадлежитъ великобританской фаунѣ. Присутствіе въ южномъ морѣ такого множества сѣверныхъ видовъ, вмѣстѣ съ родственностью растеній астурійскихъ горъ и Ирландіи, въ значительной степени поддерживаетъ гипотезу Форбса о существованіи, до послѣдняго ледниковаго періода, перешейка между Азорскими островами, Ирландіею и Галиціею: перешеекъ исчезъ, но его оконечности сохранились.

Какъ бы то ни было, климатъ сѣверо-западныхъ областей Иберіи, особенно всего внѣшняго склона Кантабрскихъ Пиренеевъ и примыкающихъ къ нимъ горъ, весьма сходенъ съ великобританскимъ. Дожди, приносимые морскими вѣтрами, изъ которыхъ одни дуютъ съ юго-запада, съ контръ-пассатами, другіе — съ сѣвера, съ полярными теченіями, болѣе

или менѣе уклонившимися отъ первоначальнаго направленія, падаютъ въ значительномъ количествѣ на внѣшніе склоны Астурійскихъ горъ: съ одной стороны этихъ горъ вода изобилуетъ, между тѣмъ какъ у основанія другаго склона, лишеннаго влаги, простираются сухія равнины Леона и Кастиліи. До сихъ поръ еще не опредѣлено точными измѣреніями, которая изъ долинъ Кантабрскихъ Пиренеевъ обильнѣе орошается; однако извѣстно, что нѣкоторыя мѣстности Астуріи получали въ годъ болѣе четырехъ съ половиною метровъ дождевой воды. И такъ, атлантическій склонъ Иберійскаго плоскогорья по количеству водъ равенъ, если не превосходитъ западный склонъ швейцарскихъ и норвежскихъ горъ и южную покатость Швейцарскихъ Альповъ. Названіе Астурія, означающее, по мнѣнію знатоковъ эскарійскаго языка, „Страну Потоковъ“, вполнѣ оправдывается климатическими условіями этой страны. Если Тессино представляетъ самую обильную рѣку въ Европѣ относительно своего бассейна, то потоки, выходящіе изъ спѣговъ „Европейскихъ вершинъ“, выносятъ въ море наибольшую массу горныхъ водъ.

Дожди падаютъ въ астурійскихъ Пиренеяхъ во всѣ времена года. Продолжительныя засухи — здѣсь явленіе весьма рѣдкое; впрочемъ, иногда, именно въ концѣ лѣта, выпадаютъ недѣли вовсе безъ дождей. Осеннее равноденствіе всегда сопровождается ливнями, причемъ очень часто происходятъ столкновенія воздушныхъ теченій, производящія бури въ Гасконскомъ заливѣ: немного найдется морей, которыя были бы такъ опасны въ это время года; морскія лѣтописи повѣствуютъ объ ужасныхъ драмахъ, происходившихъ въ Гасконскомъ заливѣ. Эти бури престнавляютъ самый важный недостатокъ кантабрскаго климата; за то эта страна имѣетъ неоцѣнимое преимущество надъ прочими частями Испаніи, за исключеніемъ васконгадскихъ провинцій: именно она пользуется довольно умѣренною морскою температурою, относительно теплою зимою и прохладнымъ лѣтомъ. Здѣсь нѣтъ „постоянной весны“, которою хвастаются туземцы; но перемѣны временъ года не представляютъ такихъ рѣзкихъ переходовъ. Берега астурійскіе и англійскіе, раздѣленные Британскимъ и Гасконскимъ морями, на протяженіи семисотъ или восьмисотъ километровъ, представляютъ замѣчательное сходство въ климатѣ; однако, Девонширъ и Корнваллисъ, обращенные къ югу, обладаютъ равномѣрною среднею температурою, между тѣмъ какъ мѣстности, лежащія у подошвы Кантабрскихъ Пиренеевъ, хотя и обращены къ сѣверу, но, благодаря ихъ положенію въ южной широтѣ, имѣютъ болѣе высокую температуру.

Сходство климатовъ обнаруживается также въ изобиліи паровъ, скользящихъ по поверхности почвы въ видѣ густыхъ тумановъ, какими

отличаются Британскіе острова: такая форма образующихся облаковъ очень часто встрѣчается въ Галиціи и Астуріи; ихъ называютъ *bretimas*. Эти метеорологическія явленія, столь отличныя отъ всѣхъ происходящихъ въ остальной Испаніи, не могли остаться безъ вліянія на суевѣрное воображеніе галлегоцевъ. Народъ представляетъ себѣ особыхъ волшебниковъ въ образѣ *nuverios*, или облачныхъ рыцарей, которые носятся въ буряхъ, то вытягиваясь въ тучи, то сжимаясь въ маленькія облака, то появляясь или улетучиваясь по произволу. Эти духи любятъ путешествовать преимущественно по ночамъ. Иногда тѣни мертвыхъ, съ факелами въ рукахъ, переносятся туманами отъ одной могилы къ другой: эти страшныя ночныя процессіи извѣстны подъ именемъ *estadeas* или *estadinhas*.

Климатъ Галиціи и Астуріи по наблюденіямъ въ 1858 г.:

	Средняя температура.	Максимумъ.	Минимумъ.	Количество дождей.
Овіедо (228 метр.)	15,°25	27,°8	—4,°5	2,^{м}064
Сантьяго (220 „)	15,°04	35,°0	—2,°0	1,^{м}084

Не смотря на изобиліе текущихъ водъ, кантабрскія провинціи не имѣютъ судоходныхъ рѣкъ. Въ Астуріи береговой поясъ слишкомъ узокъ и покатъ, такъ что потоки не могутъ развиться въ рѣки съ спокойнымъ теченіемъ. Астурійскіе потоки: Азонъ, Безайя, Нанза, Селла, могучій Налонъ д'Овіедо, Навіа, Эо, спустившись съ горъ, вскорѣ исчезаютъ въ Кантабрскомъ заливѣ. Рѣки Галиціи: Тамбръ и Улла, болѣе тихія вслѣдствіе меньшаго наклона почвы, переходятъ при устьяхъ въ широкія *rias*, причемъ трудно опредѣлить, гдѣ кончается теченіе рѣки и начинается морской заливъ. Единственная настоящая рѣка Галиціи Миньо, называемая португальцами Минхо, въ нижней части ея теченія, служитъ политическою границею между обоими государствами полуострова.

Воды Миньо собираются сразу съ двухъ склоновъ Пиренеевъ. Самъ Миньо получаетъ всѣ свои притоки изъ долинъ, обращенныхъ къ океану, а Силь, главный рукавъ рѣки, беретъ свое начало къ югу отъ Пена Рубіа, на откосахъ Кантабрскихъ горъ, обращенныхъ къ равнинамъ Леона. Испанская пословица говоритъ, что „Миньо носитъ имя, а Силь — воду". Кромѣ того, и по направленію русла Силь заслуживаетъ названія настоящей рѣки; но географическая номенклатура, какъ извѣстно, сообразуется съ требованіями населенія, а древніе галлеги и нынѣшніе галиційцы удержали названіе Миніуса, или Миньо, за рѣкою, которая вся протекаетъ по ихъ территоріи, между тѣмъ какъ Силь выходитъ съ дру-

гой стороны горъ, изъ страны, населенной племенами инаго происхожденія и защищенной непроходимыми горными ущельями.

Передъ выходомъ изъ провинціи Леонъ, Силь протекаетъ по широкому бассейну Віерцо, окруженному со всѣхъ сторонъ горами; отъ этого бассейна теперь осталось прекрасное маленькое озеро Карручедо. Подлѣ самаго озера начинается угрюмое ущелье. Силь, принявъ Кабреру, спускающуюся съ Пенья Тревинка, вступаетъ въ другой бассейнъ съ озерами, гораздо меньшій Віерцо, затѣмъ проходитъ подъ утесами Монте Фурадо (Пробитая гора), въ руслѣ, прорытомъ римлянами, съ цѣлію облегчить предпринятую ими эксплоатацію рудниковъ; остатки этихъ рудниковъ до сихъ поръ видны въ разныхъ мѣстахъ. По другую сторону этого замѣчательнаго тоннеля, Силь извивается въ одномъ изъ самыхъ дикихъ ущельевъ Испаніи: откосы горъ, поднимающихся съ сѣвера и юга и служившихъ нѣкогда соединительнымъ звеномъ между Кантабрскими Пиренеями и португальскою цѣпью Герецъ, вздымаются надъ рѣкою, сжатою между крутыми утесами и иногда вертикальными стѣнами до 300 и 400 метровъ вышины. Тотчасъ за сліяніемъ Силя и Миньо, рѣка сжимается въ новомъ ущельѣ; затѣмъ соединенныя воды, увеличиваемыя по времепамъ мелкими притоками, впадаютъ въ море широкимъ устьемъ. Берега Миньо прелестны, и эта область самая красивая Иберіи: чистая вода, омывающая острова и мысы гладкихъ скалъ, деревни съ бѣлыми домами, утопающими въ зелени, луга, поля, рощи деревъ, виноградники, расположенные бесѣдками на рядѣ гранитныхъ колоннъ, сосновые лѣса, покрывающіе покатости, горы зеленыя у основанія и—лазуревыя у вершины, представляютъ непрерывный рядъ восхитительныхъ картинъ. Подъ городомъ Туи Миньо дѣлается судоходною на протяженіи тридцати километровъ; но входъ въ рѣку загороженъ опаснымъ рифомъ, и маленькая гавань Гвардіа находится внѣ лимана, у подошвы горы Санта Текла. Камина, на берегу португальскомъ, хотя имѣетъ нѣсколько сотъ гребныхъ судовъ, но они исключительно служатъ только для рыбной ловли. Хотя Миньо имѣетъ ничтожное значеніе для судоходства, тѣмъ не менѣе изъ восьми большихъ рѣкъ Иберійскаго полуострова она несетъ наибольшую массу воды сравнительно съ объемомъ своего бассейна; абсолютнымъ среднимъ количествомъ воды она уступаетъ одному только Дуэро.

Приблизительныя цифры для сравненія рѣкъ полуострова суть:

	Поверхность бассейна.	Длина главной рѣки.	Среднее количество дождей.	Средній приходъ.	Выходъ сравнит. съ дождями.
Миньо съ Силемъ. .	25,000 кв.кил.	305	1,^{м}200	500 (?)	50 на 100
Дуэро	100,000 „	815	0,^{м}500	650 (?)	40 „ —

	Поверхность бассейна.	Длина главной рѣки.	Среднее количество дождей.	Средній приходъ.	Выходъ сравнит. съ дождями.
Таго	75,000 кв.кил.	895	0,м400	330 (?)	33 на 100
Гвадіана съ Занкарою	60,000 „	890	0,м350	160 (?)	25 „ —
Гвадалквивиръ (Гвадалимаръ). . . .	55,892 „	560	0,м480	260 (?)	30 „ —
Сегуръ	22,000 „	350	0,м300	20 (?)	10 „ —
Хукаръ	21,790 „	511	0,м320	25 (?)	15 „ —
Эбро	99,922 „	750	0,м450	200 (?)	20 „ —
Всего на полуостровѣ	584,300 кв. кил.		0,м400	3,000 (?)	33 %

Такая масса воды, которая представляла-бы неоцѣненное богатство во всѣхъ частяхъ Испаніи, расположенныхъ къ югу отъ Пиренейской цѣпи, не приноситъ никакой пользы ни для кантабрскаго земледѣлія, ни для перевозки товаровъ: это могла-бы быть, главнымъ образомъ, движущая сила промышленности, такъ какъ дождевая вода, проникающая въ почву, вполнѣ достаточна для развитія роскошной растительности. Астурія и Галиція, подобно Англіи, изобилуютъ превосходными темнозелеными лугами. Впрочемъ, здѣшняя флора, въ общемъ, носитъ характеръ болѣе южный, чѣмъ въ странахъ, расположенныхъ по другую сторону Гасконскаго залива и Французскаго моря. Въ садахъ здѣсь встрѣчаются апельсинныя деревья съ яблонями, каштанами, орѣшникомъ, а въ одномъ изъ садовъ Овіедо произрастаютъ даже могучія финиковыя пальмы на открытомъ воздухѣ. Однако, при достаточно теплой температурѣ, избытокъ влажности не позволяетъ нѣкоторымъ растеніямъ развиться до серьезнаго промышленнаго значенія. Такъ, напр., разведеніе шелковичнаго червя идетъ посредственно, не смотря на изобиліе тутовыхъ деревъ; даже виноградъ, исключая нѣкоторые округа, доставляетъ терпкое, непріятное на вкусъ вино; напротивъ того, астурійскій сидръ славится во всей Испаніи и даже вывозится въ Америку.

Астуры, или астурійцы, какъ извѣстно, хвастаютъ своимъ происхожденіемъ отъ людей свободныхъ, никогда не носившихъ мусульманскаго ига; нѣкоторыя горныя племена, дѣйствительно, сохранили независимость, и даже завоеванные арабами округи, при первомъ вторженіи, вскорѣ отнимались у нихъ христіанами; городъ Овіедо получилъ названіе „Столицы Епископовъ“, благодаря множеству бѣглыхъ прелатовъ, которые поселялись здѣсь и соборно обдѣлывали свои дѣла. Галиційцы также весьма энергично сопротивлялись мавританскому нашествію, и потомки ихъ съ гордостью указываютъ на нѣкоторыя горы, гдѣ было сломлено могущество африканцевъ. Какъ бы то ни было, достовѣрно то,

что Галиція, вмѣстѣ со всѣми пиренейскими областями, въ продолженіе всѣхъ среднихъ вѣковъ, съ небольшимъ перерывомъ, принадлежала политически къ тому европейскому міру, часть котораго она составляетъ по климату и географическому положенію. Поэтому племя, населяющее эту область Испаніи, происхожденія кельтическаго, сохранилось въ относительной чистотѣ. Астурія и Галиція, расположенныя внѣ главныхъ путей завоевателей и переселенцевъ, съ самаго начала писанной исторіи весьма рѣдко посѣщались иноземцами, если не считать портовъ, въ которыхъ утвердились каталонцы; кровь астурійцевъ и галиційцевъ не измѣнилась въ такой степени, какъ въ другихъ частяхъ полуострова. Ни мавры, ни евреи не смѣшивались съ этимъ первобытнымъ народомъ, и цыгане весьма рѣдко встрѣчаются въ здѣшнихъ мѣстахъ. Нѣкоторые астурійскіе народцы даже сохранили, почти безъ измѣненія, свои нравы и обычаи со временъ римскаго владычества. Между прочимъ, совершенно къ особому племени причисляются горные пастухи Лейтаріегоса, въ томъ мѣстѣ кряжа, гдѣ сіерра Рападуаро отходитъ отъ Кантабрскихъ Пиренеевъ. Ихъ названіе *vaqueros*, или „пастуховъ коровъ“, означаетъ не одинъ только ихъ промыселъ: оно, въ то-же время, служитъ какъ-бы именемъ цѣлаго племени. Перекочевывая съ своими громадными стадами, они живутъ всегда отдѣльно отъ остальныхъ астурійцевъ; они вступаютъ въ браки только между собою. Въ этихъ странахъ говорятъ еще старинпымъ патуа. На кантабрскомъ берегу крестьяне говорятъ своимъ *bable*; въ Галиціи они употребляютъ разныя нарѣчія, которыя мѣняются даже въ каждой деревнѣ. Можно сказать вообще, что *gallego*, особенно на берегамъ Миньо, скорѣе португальскаго, чѣмъ испанскаго корня. Впрочемъ лузитанецъ съ трудомъ понимаетъ галиційцевъ, вслѣдствіе ихъ страннаго говора на-распѣвъ. Даже жители различныхъ долинъ не всегда понимаютъ другъ друга.

Хотя описываемая страна относительно густо населена, однако большія поселенія въ ней рѣдки. Многія главныя селенія состоятъ, въ сущности, изъ церкви, ратуши да кабака, несмотря на то, что община состоитъ изъ 10,000, а иногда и болѣе 20,000 жителей; остальныя зданія разсѣяны въ окрестностяхъ въ тѣни и подъ прикрытіемъ большихъ деревъ. Слѣдуетъ-ли видѣть въ этомъ обычаѣ астурійцевъ и галиційцевъ слѣдствіе инстинктивной любви къ природѣ, или, подобно тому, какъ у сосѣдей басковъ, это уединеніе среди природы является результатомъ глубокаго мира и спокойствія, среди котораго почти всегда жили кантабрскіе обитатели. Благодаря уединенной жизни, жители сѣверо-западной Испаніи пользовались счастливымъ преимуществомъ между ихъ со-

отечественниками, именно — отсутствіемъ какъ внѣшнихъ, такъ и междоусобныхъ войнъ. Астурія и Галиція, какъ гористыя страны, расположенныя при „концѣ свѣта“, внѣ большихъ завоевательныхъ путей, избавились отъ наплыва разныхъ угнетателей; кромѣ того, мирный характеръ туземцевъ удерживалъ ихъ отъ всякихъ междоусобицъ: они стремятся достигнуть благосостоянія усидчивымъ, терпѣливымъ трудомъ. Типъ испанскаго „головорѣза“ появился не въ этихъ странахъ. Галлего, преданный своимъ мирнымъ занятіямъ, не имѣетъ той врожденной свирѣпости, которая привилась къ крови остальныхъ испанцевъ вслѣдствіе безпрерывныхъ войнъ. Ни въ одномъ изъ сѣверо-западныхъ городовъ не существуетъ цирковъ для боя быковъ; они не чувствуютъ, подобно ихъ сосѣдямъ, кастильцамъ, варварскаго удовольствія любоваться тѣмъ, какъ быки пропарываютъ лошадей, топчутъ людей и наконецъ сами падаютъ, пораженные мѣткимъ ударомъ шпаги.

Впрочемъ, въ уединеніи и мирной жизни кантабрскихъ обитателей были и свои невыгоды. Въ средніе вѣка мѣстные властители пользовались мирнымъ характеромъ земледѣльцевъ, порабощая ихъ, лишая всякой собственности и всякихъ правъ свободныхъ людей. Въ остальной Испаніи общая опасность принуждала знатныхъ, священниковъ, мѣщанъ и простой народъ дѣлать взаимныя уступки и пріучала ихъ къ равноправности. Совсѣмъ иное происходило въ Астуріи, за исключеніемъ части ея, примыкающей по Васконгадскимъ провинціямъ. Въ послѣдней части крестьяне, дѣйствительно, считались не ниже дворянъ, подобно ихъ сосѣдямъ, эскальдунакамъ; ихъ общины пользовались такими-же преимуществами, какъ и въ Баскайѣ; но въ „Достославныхъ горахъ“ и во всей собственно Астуріи земледѣльцы играли роль животныхъ; согласно съ древними постановленіями, ихъ можно было закладывать и продавать, какъ всякій товаръ. Еще въ началѣ нынѣшняго вѣка всѣ помѣстья обѣихъ Астурій находились въ рукахъ восьмидесяти фамилій и монастырей: за исключеніемъ весьма немногихъ земледѣльцевъ, большая часть крестьянъ находилась въ крѣпостной зависимости. То же самое, хотя въ меньшихъ размѣрахъ, было и въ Галиціи: и здѣсь народъ не имѣлъ почти никакой собственности, и большая часть земель принадлежала дворянамъ, церквамъ и монастырямъ.

Съ начала нынѣшняго столѣтія это положеніе вещей понемногу измѣнилось. Обѣднѣніемъ помѣщиковъ и уничтоженіемъ монастырей воспользовались промышленные астурійцы и галиційцы: они вымѣниваютъ на земли свое, съ трудомъ добытое состояніе, и, такимъ путемъ, продажею и куплею, совершается важный переворотъ въ странѣ. Разсказыва-

ютъ также, что прежніе ленные владѣльцы самымъ безцеремоннымъ образомъ обошли феодальныхъ собственниковъ. Въ прежнія времена вассалы и монастыри, получавшіе отъ королей права собственности, имѣли обыкновеніе отдавать часть земли на временное пользованіе земледѣльцамъ, обязывая ихъ къ подчиненности и уплатѣ оброковъ; такое пользованіе помѣщичьею землею, смотря по округамъ, продолжалось не долѣе періода царствованія двухъ или трехъ королей; въ другихъ мѣстахъ право крестьянина-собственника оканчивалось черезъ сто лѣтъ; въ Галиціи оно продолжалось, согласно мѣстному обычаю, 329 лѣтъ. Однако эти договоры подавали поводъ къ различнымъ недоразумѣніямъ: каждый объяснялъ ихъ въ свою пользу, и, по смерти двухъ или трехъ королей, по прошествіи одного или трехъ столѣтій, крестьяне отказывались возвращать землю. Они кончили тѣмъ, что завладѣли ею.

Прибрежные галиційцы занимаются земледѣліемъ и рыбною ловлею. Въ эпоху ловли, болѣе 20,000 человѣкъ, съ тремя или четырьмя тысячами судовъ, растягиваютъ свои заколы и другіе меньшихъ размѣровъ сѣти въ заливахъ Коронья, Муросъ, Ароза, Понтеведра, Виго, изобилующихъ сардинками. Пойманная рыба свозится въ береговыя заведенія для соленія, гдѣ женщины и дѣти, нанимаемыя владѣльцами тоней, наполняютъ прессованными сардинками до 35,000 боченковъ въ годъ. Мѣстное потребленіе рыбы громадно и, кромѣ того, въ обыкновенный годъ, одна Америка требуетъ въ портѣ Коронья до 17,000 тоннъ сардинокъ.

Распредѣленіе земли между наибольшимъ числомъ рукъ и правильная эксплоатація морскихъ богатствъ безусловно необходимы для того, чтобы Галиція могла, какъ слѣдуетъ, прокормить свое значительное населеніе, превосходящее по плотности всѣ остальныя части Испаніи. Такъ напр., провинція Понтеведра, при равной поверхности, въ три раза населеннѣе всей территоріи государства, и даже на одну треть превосходитъ Мадридскую провинцію. Но при всемъ томъ въ Галиціи нѣтъ ни большихъ городовъ, ни многочисленныхъ, хорошо проведенныхъ дорогъ, ни богатыхъ мануфактуръ. Сосѣдство моря, легкость рыбной ловли, умѣренность и равномѣрность климата недостаточны для поддержанія столь значительнаго избытка народонаселенія. Если-бы астурійцы и галиційцы не выселялись массами, съ цѣлію искать въ чужихъ краяхъ хлѣба, котораго недостаетъ на родинѣ, то голодъ не замедлилъ-бы уменьшить ихъ численность и такимъ образомъ возстановить равновѣсіе между количествомъ припасовъ и потребителями. Цѣлыя семьи отправляются въ Лисабонъ, Мадридъ и другіе большіе города Португаліи и Испаніи. Гали-

ційцы — это Оверицы полуострова. Будучи охотниками до барышей, весьма экономными съ заработанными деньгами, поддерживая другъ друга съ чисто сословною ревностью, они овладѣваютъ нѣкоторыми отраслями промышленности, и весьма многіе изъ нихъ богатѣютъ, начавъ карьеру поденщиками или разносчиками воды.

Тѣ изъ нихъ, которые возвращаются къ своимъ очагамъ почти всегда болѣе состоятельными, чѣмъ при отъѣздѣ, или по крайней мѣрѣ болѣе опытными и наученными, являются настоящими просвѣтителями этихъ отдаленныхъ областей, населеніе которыхъ еще недавно коснѣло въ безграничномъ невѣжествѣ и грубой нищетѣ. Вѣроятно, вслѣдствіе крайней нечистоты въ хижинахъ, а также преобладанія рыбной пищи, Галиція, одна между испанскими провинціями, до сихъ поръ еще не избавилась отъ простой и слоновой проказы. Послѣдняя изъ этихъ болѣзней въ особенности ужасна; не такъ давно, законъ обязывалъ сжигать трупы несчастныхъ, пораженныхъ слоновою проказою, и разбрасывать ихъ пепелъ по вѣтру. Всеобщій предразсудокъ приписываетъ заразительную способность даже трупамъ жертвъ, которые, будто-бы, сообщаютъ свою болѣзнь сосѣдямъ.

Наиболѣе существеннымъ улучшеніемъ матеріальнаго быта страны послужило-бы окончательное соединеніе Галиціи и Астуріи съ Мадритомъ и съ остальною частью полуострова удобными дорогами. Въ половинѣ прошлаго столѣтія была построена изъ Мадрида въ Коронью прекрасная военная дорога, которая, по остроумному замѣчанію, была вымощена серебромъ: такъ дорого обошлась она казнѣ; однако этой дороги оказывается недостаточно, и теперь явилась настоятельная потребность пересѣчь сіерру Леонъ и различныя конечныя развѣтвленія Кантабрскихъ Пиренеевъ желѣзною дорогою, которая могла-бы наконецъ достичь до океана. Постройка этой линіи, замедлявшаяся политическими и финансовыми соображеніями, была наконецъ окончена въ 1883 году. Слѣдующій затѣмъ годъ былъ посвященъ постройкѣ дороги, соединяющей Леонъ съ Овіедо и Гихономъ по каменноугольному бассейну Міереса. Что-же касается соединительныхъ путей, которые должны будутъ когда-нибудь связать оконечности лучеобразно-расходящихся линій, слѣдуя по окружности полуострова, то эти пути пока только проектированы. Отъ Понтеведра до Короньи еще долго придется довольствоваться простою конною дорогою; часть прибрежья, обращенная къ кантабрскому берегу, отъ Ферроля до Сантандера, не имѣетъ даже и такой дороги. Во многихъ мѣстахъ надо пробираться вдоль берега по узкой опасной тропинкѣ, извивающейся между утесами; въ долинахъ, орошаемыхъ потоками, тро-

пинка замѣняется гатями, гдѣ приходится перепрыгивать съ камня на камень.

Вслѣдствіе незначительной ширины кантабрскаго прибрежья, превосходныхъ портовъ и значительныхъ доходовъ, доставляемыхъ рыбною ловлею, большая часть главныхъ астурійскихъ поселеній сосредоточена на берегу моря. Непосредственно къ западу отъ Васконгадскихъ провинцій расположены приморскіе городки: Кастро-Урдіалесъ, Ларедо, Сантонья, служившіе сборными пунктами для флотилій во время междоусобицъ, которыя происходили въ Бискайѣ. Гавань Сантонья, славящаяся своею превосходною рыбою, представляетъ одну изъ наиболѣе удобныхъ и защищенныхъ гаваней полуострова. Когда Наполеонъ отдалъ Испанію своему брату, Іосифу, онъ удержалъ одну только Сантонью и началъ укрѣплять этотъ портъ, надѣясь преобразовать его во французскій Гибралтаръ. Впослѣдствіи подобный-же проектъ былъ предпринятъ испанскимъ правительствомъ; однако онъ не осуществленъ и на-половину.

Сантонья, представляя весьма важный стратегическій пунктъ, и въ мирное время могла-бы служить дѣятельнымъ торговымъ центромъ; однако все движеніе мѣновой торговли въ странѣ привлекъ къ себѣ городъ Сантандеръ; портъ его также представляетъ прекрасную якорную стоянку и, кромѣ того, въ его новыхъ кварталахъ, построенныхъ на высушенныхъ отмеляхъ бухты, находятся, внутри самого порта, всѣ необходимыя хозяйственныя сооруженія, какъ-то: доки, верфи, магазины.

Служа естественнымъ портомъ Кастиліи, Сантандеръ пользуется настоящею торговою монополіею по вывозу муки изъ Вальядолида и Паленціи, также шерстяныхъ тканей, называемыхъ *sorianas* и *leonesas*— по тѣмъ странамъ, изъ которыхъ онѣ получаются. Кромѣ того, Сантандеръ получаетъ изъ Кубы и Пуэрто-Рико большое множество колоніальныхъ товаровъ, которыми снабжаетъ центральную Испанію при помощи желѣзной дороги, идущей по узкому проходу Реноза, и его негоціанты ведутъ постоянныя дѣловыя сношенія съ Франціею, Англіею, Гамбургомъ и Скандинавіею. Сантандеръ оспариваетъ у Бильбао, Валенціи и Кадикса третье мѣсто по заграничной торговлѣ.

Торговое движеніе въ немъ въ навигацію 1881 г. было: 3,001 судно, съ измѣреніемъ въ 1.095,537 тоннъ; въ остальныхъ же портахъ Сантандера: 462 судна, съ измѣреніемъ въ 85,631 тоннъ.

Въ верхней оконечности бухты находятся верфи, имѣвшія прежде важное значеніе; но потомъ ихъ дѣятельность прекратилась, и теперь онѣ превращены въ фабрики сигаръ, которыхъ въ городѣ Сантандерѣ заготовляется наибольшее количество. Изъ числа причинъ, способствовавшихъ

процвѣтанію порта, слѣдуетъ указать на одну, которою не можетъ похвалиться Испанія: эта причина заключается въ частыхъ междоусобныхъ войнахъ, опустошившихъ Васконгадскія провинціи и принудившихъ торговое движеніе между Испаніею и Франціею сдѣлать значительный обходъ къ западу отъ страны басковъ. Странно, что Франція, не смотря на свою пограничную линію болѣе четырехсотъ километровъ длины, кромѣ средиземноморскихъ путей, имѣла одинъ свободный доступъ въ Испанію, именно чрезъ Сантандеръ. Лѣтомъ сотни семействъ пріѣзжаютъ изъ Мадрида и другихъ внутреннихъ городовъ брать морскія ванны на берегу Сардинеро, къ сѣверу отъ полуострова Сантандеръ. Кромѣ того, въ горахъ, расположенныхъ къ югу, протекаютъ часто посѣщаемые теплые источники, сѣрные и щелочные: Альцеда, Онтанеда, ласъ Кальдасъ де-Безайя.

По ту сторону порта Сантандера, на пространствѣ 150 километровъ, до самаго Гихона, встрѣчаются лишь незначительныя приморскія деревни: Санъ Мартинъ де-ла Арена, портъ ничтожнаго городка Сантиллана, Санъ Виченте де-ла-Баркера, Льянесъ, Ривадезелла, Ластръ. Гихонъ, построенный на мѣстѣ римскаго города, и прежде былъ городомъ незначительнымъ, хотя и былъ резиденціею Пелагія и столицею всей Астуріи, онъ имѣетъ берега обильно посѣщаемые лѣтомъ купающимися табачную мануфактуру, на которой работаетъ болѣе 1000 человѣкъ, и различныя фабрики, пользующіяся каменнымъ углемъ, получаемымъ по Лангреоской желѣзной дорогѣ. Онъ служитъ, вмѣстѣ съ городкомъ Авилесъ, лежащимъ на другой сторонѣ Кабо де Пеньясъ, приморскимъ предмѣстьемъ Овіедо, расположеннымъ въ 25 километрахъ оттуда, въ одной долинѣ, воды которой собираются въ Налонъ. Подобно всѣмъ остальнымъ астурійскимъ городамъ, и главный городъ Овіедо не имѣетъ важнаго торговаго значенія. Въ немъ есть нѣсколько большихъ фабрикъ, одинъ изъ десяти испанскихъ университетовъ, вѣроятно наименѣе важный въ Европѣ, прекрасный готическій соборъ, который считается богатѣйшимъ въ свѣтѣ по количеству мощей и разныхъ предметовъ, „изготовленныхъ ангелами и апостолами“. Эта церковь построена на мѣстѣ другой, болѣе старинной, вокругъ которой сгруппировались всѣ городскія зданія. Овіедо, защищенный горами Наранко отъ сѣверныхъ вѣтровъ, пользуется однимъ изъ самыхъ здоровыхъ климатовъ Испаніи: въ немъ есть также цѣлебные минеральные источники. Въ окрестностяхъ встрѣчается множество любопытныхъ мѣстностей, съ одной стороны къ западу, по направленію къ плодоноснымъ долинамъ Кангасъ де-Тинео; съ другой—къ востоку, на пути къ Кангасъ де-Онисъ, знаменитой деревнѣ, которая была первою

столицею королевства Пелагія. Близъ этой деревни, въ долинѣ, орошаемой каскадами и отѣненной каштанами, буками и дубами, находится посѣщаемая пилигримами пещера Ковадонга, въ которой покоятся останки Пелагія; это мѣсто наиболѣе почитаемое испанскими патріотами.

Западные астурійскіе порты, Кудильеро, Луарка, Навіа, основаніе которой ея жители приписываютъ Хаму, Ноеву сыну,—затѣмъ Кастрополь, съ стариннымъ греческимъ названіемъ, далѣе, на противуположномъ берегу того-же лимана—Галиційскій Рибадео, Ортигуэра—всѣ они суть ничто иное, какъ маленькія рыбачьи поселенія; чтобы видѣть настоящіе города, надо отправиться къ прекраснымъ *rias* берега, обращеннаго къ Атлантическому океану. Первый изъ этихъ городовъ, Ферроль, есть произведеніе новѣйшей эпохи: въ половинѣ восемнадцатаго столѣтія онъ представлялъ рыбачью деревушку; но потомъ правительство поняло, какъ велико можетъ быть военное значеніе феррольской гавани для постройки судовъ, снабженія и защиты флота. На высотахъ, господствующихъ надъ рейдомъ, соорудили укрѣпленія; на обоихъ берегахъ входнаго канала, находящагося въ 6 километрахъ отъ города, поставили сильныя баттареи, и наконецъ воздвигли цѣлый военный городъ по всѣмъ правиламъ искусства, съ пристанями, верфями и огромными магазинами. Смотря по состоянію испанскихъ финансовъ и значенію морскихъ силъ государства, населеніе Ферроля то увеличивается, то уменьшается; иногда онъ слишкомъ тѣсенъ для множества рабочаго люда, иногда бываетъ почти пустъ, и улицы въ немъ заростаютъ травою.

Населеніе Короньи (Коруньи) гораздо постояннѣе, чѣмъ въ Ферролѣ, потому что этотъ городъ не исключительно военный; въ немъ процвѣтаетъ торговля, рыбная ловля и даже мануфактурная промышленность занимаетъ большое количество жителей. Двойной городъ Коронья расположенъ амфитеатромъ на склонѣ холма, между укрѣпленными высотами и островомъ съ старинною башнею, называемою Геркулесовою и построенною, быть можетъ, римлянами, а можетъ быть финикіянами или карѳагенянами; это одинъ изъ живописнѣйшихъ городовъ атлантическаго прибрежья Испаніи; вмѣстѣ съ тѣмъ, ему, повидимому, предназначена великая будущность, благодаря его счастливому положенію въ углу полуострова, на одномъ изъ главныхъ торговыхъ путей Испаніи и притомъ противъ Сѣверныхъ Соединенныхъ Штатовъ, но въ настоящее время Коронья производитъ почти всю торговлю исключительно съ Англіею; англійскія суда, спеціально построенныя для этой цѣли, нагружаются здѣсь десятками тысячъ головъ скота. Испанское правительство имѣетъ въ Короньѣ одну изъ

громаднѣйшихъ табачныхъ фабрикъ полуострова. Аресъ и Бетанцозъ, извѣстные своими хлѣбопекарнями, расположены на двухъ *rias* того же имени, представляющихъ второстепенныя бухты большаго залива, откуда нѣкогда выступила великая Армада; эти города состоятъ всего изъ нѣсколькихъ улицъ и не могутъ сравниться съ своими сосѣдями, Ферролемъ и Короньей. Соляные источники Артейхо и сѣрные Карбалло, расположенные на юго-западъ отъ Короньи, очень цѣнятся купающимися.

Каждый изъ ріасовъ южной Галиціи также имѣетъ по нѣскольку портовъ. Портъ Коркубіонъ защищенъ съ запада полуостровомъ мыса Финистерре, изогнутымъ въ формѣ крючка; лиманъ Нойа омываетъ городки Нойю и Муросъ; Ароза служитъ якорною стоянкою для судовъ съ переселенцами, отправляющимися въ республики Ла-Платы изъ портовъ Падрона и Карриля, главныхъ посредниковъ города Сантъ-Яго; Ріа-Понтеведра гонитъ свои волны приливныя въ рѣку Ведра, до города, имя котораго онъ носитъ; наконецъ, далѣе къ югу, на южномъ берегу другаго большаго лимана, представляющаго прекрасную, глубокую гавань, защищенную съ моря островами, которые назывались древними островами Боговъ, расположены города Редондела, Виго и Байона. Если берегъ Галиціи не былъ столь богатъ превосходными портами, Виго служилъ-бы главнымъ торговымъ рынкомъ; но на этомъ берегу хорошая якорная стоянка не представляетъ ничего особеннаго, и Виго, не смотря на всѣ его удобства для мореплаванія, есть не болѣе какъ небольшой каботажный и рыболовный портъ; теперь онъ служитъ большимъ пароходамъ нѣкоторыхъ морскихъ линій гаванью для захода. Виго не столь замѣчателенъ своею слабою торговлею и ничтожною промышленностью, какъ сокровищами, погибшими въ глубинѣ его порта, гдѣ, въ 1702 г. англійскіе и голландскіе корсары потопили бочки съ перуанскимъ золотомъ. Общества водолазовъ, снабженныя всевозможными снарядами новѣйшаго изобрѣтенія, тщетно старались разъискать эти погибшія сокровища.

Три города внутренней Галиціи, заслуживающіе упоминанія, расположены на берегахъ Миньо; это: Луго, Орензе и Туи. Древній римскій Луго (Lucus Augusti), опоясанный своими средневѣковыми стѣнами, обладаетъ сѣрными минеральными источниками, замѣчательными по цѣлебнымъ свойствамъ; о нихъ упоминаютъ еще латинскіе писатели. Орензе, съ прекраснымъ мостомъ черезъ Миньо, происхожденія, можетъ быть, римскаго, также знаменитъ своими фонтанами теплой воды, или *burgas*; эти источники, какъ говорятъ, столь обильны, что чувствительно повышаютъ среднюю зимнюю температуру на равнинѣ. Ими пользуются не

только для лѣченія больныхъ, но вообще для всѣхъ домашнихъ хозяйственныхъ потребностей; само названіе Орензе, по объясненію, не подтвержденному и не опровергнутому исторіею, есть нѣмецкое прозвище *Warmse* (теплое озеро), данное свевами, въ эпоху переселенія варваровъ. Туи, расположенный на правомъ берегу рѣки, противъ португальскаго города Валенца, замѣчателенъ какъ пограничный постъ; но окрестности его восхитительны.

Древняя столица всей Галиціи, знаменитый Сантьяго (Сантъ-Ягo), построенный на холмѣ, у подножья котораго извивается рѣчка Саріа, остался самымъ населеннымъ городомъ сѣверо-западной Испаніи. Мѣстоположеніе города, хотя и очаровательное, однако не представляетъ ничего такого, что могло-бы привлекать жителей; но за то здѣсь находится „Поле звѣздъ“, или Кампостелла (*Campo Stelle*), гдѣ въ началѣ девятаго вѣка были обрѣтены мощи апостола Якова, привлекавшія въ средніе вѣка милліоны богомольцевъ. Теперь, когда исчезъ прежній религіозный жаръ, трудно представить себѣ всю силу вѣры, сдѣлавшую изъ Кампостелле второй Римъ и выводившую изъ Франціи, Нидерландовъ, изъ глубины Германіи и Польши огромные караваны, которые погибали въ дорогѣ отъ усталости и болѣзней. Но это путешествіе окружало богомольцевъ ореоломъ святости въ родѣ того, какъ это бываетъ у мусульманскихъ хаджи; кромѣ того, во время богомолья, они избавлялись отъ юридическаго преслѣдованія за долги и обыкновенные проступки. Одно время Млечный путь считался народомъ за чудесное отраженіе пути св. Якова, по которому шли на землѣ пилигримы и извѣстный еще въ странѣ подъ именемъ „французской дороги“. Святилище наполнялось разнаго рода богатыми приношеніями. Въ часовнѣ съ мощами всюду виднѣлись золотыя статуи, серебряные орнаменты, брилліантовое и жемчужное шитье. Въ этомъ святомъ городѣ все объяснялось чудесами, и университетъ не противорѣчилъ имъ. Неподалеку отъ Сантьяго, по дорогѣ къ Нойѣ, находится церковь Ангеловъ, построенная самими ангелами, которые, между прочимъ, перенесли по воздуху церковь въ Лорето. Церковь Ангеловъ стоитъ на золотой опорѣ, которая входила въ составъ небеснаго свода и простирается подъ землею до собора Кампостелло. Замѣчательные города Кантабріи:

Кастилія.

Сандандеръ (1884)	34,745	жителей.

Астурія.

Овіедо (1877)	34,450	„
Гихонъ „	30,600	„

*

Льянесъ (1877)	18,650	жителей:
Лангрео „	12,850	„
Кудильеро „	10,100	„

Галиція.

Коронья (Корунія) (1884) . .	34,030	„
Сантьяго	24,200	„
Ферроль (ель Ферроль) (1884) . .	23,970	„
Понтеведра (1884).	20,270	„
Луго (1877)	18,900	„
Ортигуера (1877)	17,400	„
Виго „	13,400	„
Орензе „	12,600	„
Туи „	11,700	„
Карбалло „	11,450	„
Редондела „	11,075	„
Монфортъ де Лемосъ (1877) . .	10,950	„

IX.

НЫНѢШНЕЕ СОСТОЯНІЕ ИСПАНІИ.

Въ современной Испаніи существуетъ великій безпорядокъ. Правительства различныхъ партій, смѣнявшихся въ Испаніи, существовали самымъ жалкимъ образомъ: они тщетно старались скрыть банкротство разными измышленіями бюджета, и часто бѣдные чиновники оставались въ напрасномъ ожиданіи жалованья.

Впрочемъ, не смотря на видимый упадокъ страны, въ ней замѣтенъ существенный прогрессъ. Чтобы безошибочно судить о современной Испаніи, надо вспомнить, что не прошло еще столѣтія со времени свирѣпства инквизиціи. Въ 1780 г. одна женщина изъ Севильи, „уличенная въ колдовствѣ“, была осуждена на сожженіе живою, и этотъ приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе. Въ ту же эпоху большая часть Испаніи была занята народомъ, не имѣвшимъ права располагать своими имѣніями, и только общая нерадивость мѣшала эксплоатировать такимъ-же образомъ и все остальное. Невѣжество было самое грубое, особенно въ университетахъ и школахъ, гдѣ господствовала формалистика вопреки всякому здравому смыслу.

Со времени событій, ознаменовавшихъ девятнадцатый вѣкъ, испанцы,

стряхнувъ съ себя оцѣпенѣніе, жили въ безпрерывной борьбѣ, какъ бы среди пламени. Однако страна, не смотря на временный упадокъ, несомнѣнно выиграла въ населенности, промышленности и богатствѣ. Точныя статистическія свѣдѣнія здѣсь, правда, не многочисленны: эфемерныя правительства, смѣнявшія другъ друга, публиковали ложныя или весьма неопредѣленныя цифры. Для знакомства съ общимъ положеніемъ испанскихъ дѣлъ, необходимо тщательное разслѣдованіе частныхъ свѣдѣній. Прежде всего, населеніе увеличилось; съ 1861 по 1883 г.г., число жителей возросло на полтора милліона; вѣроятно это увеличеніе продолжалось и во время междоусобной войны; но оно имѣло замедленіе въ 1884 и 1885 г.г., во время эпидемій холеры. Переселеніе отнимаетъ ежегодно только слабую часть этого излишка. Число испанцевъ, отправляющихся искать счастія въ другія страны, опредѣляютъ въ 25,000. Это преимущественно баски, отправляющіеся въ Аргентинскую республику, галиційцы, переселяющіеся въ Португалію, и каталонцы, уѣзжающіе въ Кубу и другія отдаленныя владѣнія, прибрежные жители, изъ Мурзіи въ Малагу, поселяющіеся въ Оранiи.

Вообще трудъ началъ цѣниться гораздо болѣе, чѣмъ прежде; по мѣрѣ того какъ закрываются монастыри, наполняются мастерскія. Правда, что инiціатива труда явилась сюда изъ другихъ странъ, благодаря промышленной и торговой солидарности современныхъ народовъ. Испанія въ значительной степени обязана Франціи, Англіи и Бельгіи развитіемъ ея матерьяльнаго благосостоянія. Она не только получала инженеровъ, химиковъ, массы рабочаго народа, но и милліарды денегъ прилагались остальными европейскими націями для эксплоатаціи ея различныхъ доходныхъ статей. Одна только Бельгія и Франція ссудили Испанiи болѣе полутора милліарда франковъ, въ надеждѣ на выгодныя предпріятія, которыя осуществились въ весьма слабой степени, но, тѣмъ не менѣе, надолго обогатили страну и подвинули ее къ промышленному уровню остальныхъ государствъ западной Европы: виноградныя мѣста Испанiи уже соперничаютъ съ Франціею и рудники съ Англіею. Англичане дали живой толчекъ земледѣлію, требуя у андалузцевъ ихъ превосходныя вина, у валенцевъ—деревянное масло и апельсины, у кастильцевъ—зерновой хлѣбъ и муку, у галиційцевъ—скотъ; кромѣ того, англичане дѣятельно способствовали возстановленію горнозаводской промышленности въ Испанiи, эксплоатируя богатыя металлоносныя руды округовъ: Гуэльвы, Линареса, Картагены, Соморростро и другихъ приморскихъ и рѣчныхъ областей.

Земледѣльческое производство Испанiи: 2.000.000,000 (?) франковъ.

Сборъ хлѣбныхъ злаковъ (средній съ 1861 по 1878 гг.):

Пшеница	61.000,000 гектолитровъ.
Ячмень	27.800,000 „
Рожь	11.600,000 „
Овесъ	6.700,000 „
Маисъ	13.200,000 „
Сборъ картофеля:	18.330,000 гектолитровъ.
„ маслъ	2.500,000 „
„ винъ	25.000,000 „

Домашнія животныя:

Лошади	700,000
Ослы и мулы	2.500,000
Быки и коровы	3.000,000
Бараны	23.000,000
Козы	4.500,000
Свиньи	4.500,000
Верблюды	3.000
Разная эксплоатація	200.000,000 франковъ.
Промышленное производство	1.600.000,000 „
Хлопчатая мануфактура	1.835,000 кипъ.

Относительно собственно мануфактурной промышленности, она находится въ большой отсталости, за исключеніемъ Каталоніи и сѣверныхъ провинцій; французы были самыми дѣятельными помощниками Испаніи, основали и поддерживали своими капиталами многочисленныя фабрики въ Каталоніи, Валенціи и Баскскихъ провинціяхъ, изготовляли значительную часть промышленныхъ приспособленій для другихъ провинцій и вывозили вина изъ Арагоніи и Наварры, даже изъ Маецтразго, чтобы частью пополнить потери, причиненныя Франціи филоксерою. Вывозъ испанскихъ винъ во Францію въ 1886 году доходилъ до 5.600,000 гектолитровъ стоимостью 250.000,000 франковъ. Наконецъ капиталистамъ и инженерамъ всѣхъ странъ Европы Испанія обязана многочисленными пароходами, окружающими длинною гирляндою все побережье, и сѣтью желѣзныхъ дорогъ, пока еще не оконченною, но уже значительно густою; желѣзныя дороги теперь расходятся изъ Мадрида къ шестнадцати городамъ полуострова: Барцелонѣ, Таррагонѣ, Валенціи, Аликанте, Картагенѣ, Малагѣ, Кадиксу, Гуельвъ, Лисабону, Порто, Виго, Короньѣ, Гихону, Сантандеру, Бильбао и Санъ-Себастьяну, но желѣзнодорожная вѣтвь переходитъ пока стѣну Пиренеевъ только въ двухъ концахъ, въ Фонтара-

біи и Церберѣ; вскорѣ она еще переступитъ горную цѣпь собственно у Сомпора и прохода Салу, что на нѣсколько часовъ сократитъ путь между Парижемъ и Мадридомъ. Много линій поперечныхъ не достаетъ еще и въ будущемъ остается многаго желать. Въ числѣ городовъ побережья, Алмерія осталась внѣ желѣзнодорожной сѣти и изъ Аликанте до Картагена до сихъ поръ ѣздятъ въ дилижансахъ, чтобы не дѣлать огромныхъ поворотовъ чрезъ плоскогорья. Желѣзнодорожныя компаніи жалуются, что направленіе питательныхъ вѣтвей къ желѣзнымъ дорогамъ весьма мало согласно съ общимъ движеніемъ торговли края.

Развитіе желѣзныхъ дорогъ въ концѣ 1885 г.	9,185 килом.
Движеніе желѣзныхъ дорогъ въ 1880 г. . . .	14.813,000 пасс.
Перевезенные товары	8.088,000 тоннъ.
Валовой доходъ желѣзныхъ дорогъ (1883 г.) . .	173.264,000 франк.
Развитіе телеграфныхъ линій въ 1882 г.	21,094 килом.
Депеши въ 1882 г.	2.425,335
Перевезенныя письма въ 1882 г.	95.705,000.

Впрочемъ, благодаря поддержкѣ своихъ европейскихъ сестеръ, испанская нація могла восторжествовать надъ всѣми этими матерьяльными преградами, которыя раздѣляли провинціи полуострова между собою и обусловливали для нихъ совершенно различные интересы, служившіе неизбѣжною причиною междоусобицъ. Даже маленькіе внутренніе города начинаютъ мѣнять свою наружность. Недавно они напоминали о продолжительномъ усыпленіи націи своимъ мрачно важнымъ видомъ; путешественникъ могъ подумать, что онъ попалъ въ средневѣковой городъ: тѣ-же площади, улицы, тѣ-же дома съ узорчатою рѣзьбою — ничто не измѣнилось. Но въ настоящее время происходитъ постепенное преобразованіе подъ вліяніемъ экономическихъ условій и совершенно иныхъ правовъ и идей. Франція и Великобританія оспариваютъ другъ у друга первенство въ движеніи обмѣна съ Испаніей; но принимая во вниманіе торговлю, не прошедшую чрезъ таможни, которая производится чрезъ Пиренеи, по всему вѣроятію, Франція выступаетъ первая по важности своего торговаго движенія.

Торговое движеніе различныхъ странъ въ испанской торговлѣ въ 1882 году:

	Ввозъ.	Вывозъ.	Всего.
Франція . .	220.800,000 фр.	309.700,000 фр.	350.500,000 фр.
Великобрит. .	170.800,000 „	235.100,000 „	405.900,000 „
Соедин. Шт.	91.500,000 „	27.900,000 „	119.400,000 „
Куба . . .	23.300,000 „	67.700,000 „	91.000,000 „

	Ввозъ.	Вывозъ.	Всего.
Германія . .	82.700,000 фр.	7.000,000 фр.	89.400,000 фр.
Бельгія . . .	32.300,000 „	6.900,000 „	39.200,000 „
Скандинавія .	24.400,000 „	3.500,000 „	27.900,000 „
Россія. . .	21.400,000 „	2.900,000 „	24.300,000 „
Италія. . .	18.400,000 „	4.700,000 „	23.100.000 „

Коммерческій флотъ въ 1887 г.:

1450 парусныхъ судовъ съ измѣреніемъ	.	269,578 тоннъ.
356 пароходовъ	„ .	399,577 „
Всего: 1806 судовъ, съ измѣреніемъ	. . . .	669,155 „

Испанская навигація въ 1882 г.:

	Суда.			Измѣреніе.		
	испан.	иностр.	всего.	испанск.	иностранн.	всего.
Входъ. .	8,727	10,338	19,565	620,820	2.060,749	2 681,569
Выходъ .	8,096	11,829	19,925	860,462	5.374,371	6.234,833
Всего. .	16,823	22,167	39,490	1.481,282	7.435,120	8.916,402

Внѣшняя торговля Испаніи въ 1882 г.:

Привозъ	816.625,000 франковъ.
Вывозъ	765.370,000 „
Всего . .	1.582.000,000 франковъ.

Главные предметы ввоза въ 1882 г.:

Виноградные напитки.	335.300,000 франковъ.
Минералы и металлы	166.300,000 „
Сѣмена, фрукты и травы	76.200,000 „
Привозъ мануфактурныхъ предметовъ . . .	207.100,000 „
„ хлѣбныхъ злаковъ	101.100,000 „

Въ умственномъ отношеніи прогрессъ въ Испаніи шелъ быстрѣе. Конечно, невѣжество еще велико въ этой странѣ, особенно на кастильскихъ плоскогорьяхъ, учебныя заведенія здѣсь довольно плохи, во многихъ населенныхъ городахъ нѣтъ даже книжнаго магазина; катехизисы и альманахи составляютъ всю литературу въ провинціяхъ. Однако то участіе, которое Испанія приняла въ развитіи наукъ и искусствъ въ нынѣшнемъ столѣтіи, въ достаточной степени доказываетъ, что родина Сервантеса и Велацкеца можетъ снова занять мѣсто, которое подобаетъ ей среди другихъ странъ Европы. По части собственно наукъ испанцы наиболѣе отстали. Надо замѣтить, что испанскіе христіане, не смотря на ихъ пониманіе вещей и значительное вліяніе на остальной міръ, доставили для дѣла цивилизаціи только одного представителя, ара-

ТИПЫ КРЕСТЬЯНЪ ВАЛЕНЦІИ.

гонца Михаила Серве, научныя произведенія котораго составили эпоху въ исторіи прогресса. Но если кастильцы и прочіе испанцы принесли не большую пользу для развитія человѣческихъ знаній, за то гвадалквивирскіе арабы долгое время были настоящими руководителями въ этомъ отношеніи. Въ продолженіе нѣсколькихъ поколѣній они были учителями и воспитателями Европы по астрономіи, математикѣ, механикѣ, медицинѣ, философіи: одна только неблагодарность и нерасположеніе могли не признать ихъ заслугъ. Испанскій арабъ Альгаценъ открылъ явленіе атмосферной рефракціи и уменьшеніе плотности воздуха пропорціонально высотѣ; кордуанскіе физіологи знали многіе факты изъ естественной исторіи, которые съ удивленіемъ нашли въ ихъ сочиненіяхъ уже послѣ того, какъ они недавно вновь были открыты; изобрѣтательный геній испанскихъ мусульманъ, можетъ быть появится когда-нибудь въ ихъ потомкахъ: пора проснуться послѣ многихъ столѣтій усыпленія!

Населеніе особенно нуждается въ первоначальныхъ познаніяхъ, даваемыхъ народнымъ образованіемъ. Школы, весьма слабо поддерживаемыя государствомъ и содержимыя почти вполнѣ на средства общинъ и частныхъ лицъ, принимаютъ еще только десятую или девятую часть народонаселенія, тогда какъ нормальная величина этого пріема должна бы доходить до одной пятой. Число дѣвочекъ, посѣщающихъ школы, значительно менѣе мальчиковъ.

Народное образованіе Испаніи въ 1880 г.:

	Число учениковъ. мальчиковъ.	дѣвочекъ.	всего.
23,132 народ. школъ . .	849,312	593,910	1.443,222
6,696 частн. „ . .	150,257	176,123	326,380
29.828 школъ	999,569	770,033	1.769,602

Статистика второстепеннаго образованія въ 1878 г.:

Обученіе духовное . .	58 епархіальныхъ семинарій	съ 45,676 учен.
„ гражданское .	61 государств. институтовъ	„ 18,903 „
„ „ .	128 частныхъ школъ .	„ 6,385 „
Всего . .	189 заведеній	„ 25,188 учен.

Образцовыя учительскія школы: 48 съ 2.289 учениками.
„ для наставницъ: 29 „ 970 „

Высшее обученіе: 10 университетовъ, посѣщаемыхъ 16,889 студентами, изъ которыхъ 40 изъ 100 на медицинѣ, 37—по праву, 64 школы спеціальныхъ, профессіональныхъ и военныхъ, съ 9,102 учениками.

Желательно также, чтобы умственный прогрессъ сопровождался смягченіемъ нравовъ. Игра въ мячъ, столь уважаемая басками и другими ис-

панцами, не единственная, которая увлекаетъ толпу. Грустно видѣть, что „благородная наука тавромахіи“ имѣетъ еще столькихъ приверженцевъ, и лучшимъ праздникомъ считается рѣзня животныхъ, причемъ сила ощущеній увеличивается гибелью, грозящею искуснымъ мясникамъ. Что бы ни говорили любители „своеобразности нравовъ“, однако бои быковъ, также драки пѣтуховъ, которыми увлекаются андалузцы, забавы, во всякомъ случаѣ, низкаго разбора, и гордой Испаніи слѣдовало-бы ихъ стыдиться: нельзя безъ стыда видѣть госпитали, какъ напр. въ Валенціи, учрежденные для облегченія страдающаго человѣчества и эксплоатируемые цирками, изъ которыхъ выносятъ раненыхъ или убитыхъ бойцовъ на окровавленныхъ носилкахъ. Пора исчезнуть этимъ варварскимъ развлеченіямъ, какъ исчезли „дѣла вѣры“, обрекавшія людей на сожженіе и на которыя толпа сбѣгалась какъ на праздникъ. Впрочемъ, не смотря на журналы, спеціально посвященные благородной наукѣ *torreo*, это „великое искусство“, повидимому, ослабѣваетъ; *torreros* уже не почитаются на подобіе боговъ; школа тавромахіи, основанная въ Севильѣ въ 1830 г., не могла существовать несмотря на то, что въ этомъ городѣ иногда бываетъ до семи журналовъ, занимающихся разъясненіемъ вопросовъ, касающихся этого искусства; изъ сотни аренъ, большинство изъ нихъ, за исключеніемъ мадридскихъ, открывается всего два, три раза въ годъ. Уваженіе къ жизни животныхъ, безъ котораго и жизнь человѣка мало цѣнится, повидимому дѣлаетъ успѣхи между испанцами; за то какіе встрѣчаются дикіе повороты къ войнѣ съ ея грабежами и поголовнымъ избіеніемъ.

Испанія имѣла счастіе, со времени одного или двухъ поколѣній, освободиться отъ одной изъ важныхъ причинъ ея матерьяльнаго и нравственнаго упадка: она лишилась своей громадной имперіи въ Новомъ Свѣтѣ. Аргентинцы, чилійцы, перувіанцы, колумбійцы, мексиканцы сбросили съ себя невыносимое ярмо кастильской монополіи; они составили независимыя республики. Метрополія избавилась, такимъ образомъ, отъ обязанности „составлять счастье своихъ заморскихъ народовъ“; она не должна была болѣе содержать у нихъ инквизиціи, поддерживать рабства, торговой монополіи, кастъ и привилегій: се избавили отъ содержанія тамъ арміи и собиранія податей. Прежнія колоніи, сдѣлавшись самостоятельными, должны были, правда, выдержать страшный кризисъ революцій и контрреволюцій; переходъ отъ колоніальнаго образа правленія къ республиканскому совершился съ большимъ трудомъ во многихъ изъ новыхъ республикъ; однако, въ сущности, онѣ сдѣлали огромные успѣхи въ численности населенія, обогащеніи, торговой дѣятельности и эконо-

мическомъ значеніи, съ тѣхъ поръ какъ сами начали заботиться о своей будущности. Мать-Испанія и ея дѣти-колоніи одинаково выиграли, разорвавъ соединявшую ихъ насильственную связь. Впрочемъ Испанія не безъ задней мысли признала освобожденіе своихъ старыхъ владѣній въ Новомъ Свѣтѣ; можно даже сказать, что въ принципѣ продолжается все еще духъ вражды между Испаніею и этими новыми республиками Южной Америки. Съ той минуты, какъ ея флотъ былъ отброшенъ фортами Кальяо, война прекратилась немедленно, но мирнаго договора никакого заключено не было. Вслѣдствіе этого происходитъ, что, не смотря на общность происхожденія, языка и нравовъ, Иберійскій полуостровъ не имѣетъ почти прямыхъ сношеній съ испанскою Америкою; это чрезъ посредство англичанъ, сѣверныхъ американцевъ, французовъ, что испано-американцы входятъ въ сношеніе со страною ихъ предковъ.

Къ сожалѣнію, для нѣкоторыхъ колоній и для самой Испаніи, трансатлантическое могущество Иберійскаго полуострова еще не вполнѣ исчезло.

Эти колоніальныя земли, именно Куба и Филиппинскіе о-ва, обыкновенно считались источниками богатства для Испаніи. Дѣло заключается въ томъ, что, послѣ временнаго освобожденія отъ ига метрополіи, во время войнъ Имперіи, островъ Куба могъ доставлять ежегодно значительныя суммы мадридскому правительству. Благодаря привилегіямъ, которыми пользовались испанцы, въ ущербъ всѣмъ туземцамъ, испанскіе эмигранты могли быстро обогащаться и дѣлаться господами; особенно должностныя лица высшаго разряда имѣли легкую возможность скорой наживы, и многіе испанцы съумѣли возстановить свои расшатанные финансы посредствомъ продажи своей благосклонности за хорошую цѣну кубанскимъ плантаторамъ и негро-торговцамъ всѣхъ націй. Антильскихъ „намѣстничествъ“ добивались съ такимъ же усердіемъ, какъ въ прежнія времена проконсульствъ въ римскихъ провинціяхъ и съ тою-же цѣлію постыдныхъ барышей. Но если испанскія колоніи доставляютъ возможность нѣкоторымъ лицамъ обогащаться, честными или нечестными путями, это обогащеніе отзывается на самомъ населеніи. Благодаря своему колоніальному устройству, Куба, недавно воздѣлываемая руками невольниковъ, не уравняла еще черныхъ въ гражданскихъ правахъ съ бѣлыми, потому что освобожденные остались подъ „покровительствомъ“ государства. Даже бѣлые жители острова находятся въ полной административной подчиненности; каждый испанецъ, пріѣхавшій изъ Барцелоны или Кадикса, принимаетъ на себя роль властителя. Неизбѣжныя послѣдствія всѣхъ этихъ несправедливостей наконецъ обнаружились; съ 1868 по 1878 гг.

междоусобная война опустошила страну: съ одной стороны – поборники республиканской независимости острова и освобожденные черные, съ другой – испанскіе эмигранты и рабовладѣльцы при помощи регулярныхъ войскъ оспаривали обладаніе островомъ.

Въ Пуэрто-Рикѣ также происходили частыя возстанія, хотя мѣстность этого острова далеко не выгодна для войны противъ регулярныхъ войскъ. Населеніе Филиппинскихъ о-вовъ, состоящее изъ различныхъ племенъ, враждебно настроенныхъ другъ къ другу, благодаря рутинной политикѣ всѣхъ побѣдоносныхъ правительствъ, вообще было очень послушно своимъ властителямъ, хотя рабство тяжело отзывалось на нихъ; но, по мѣрѣ того какъ эти народы обучаются и цивилизуются, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ китайцевъ, они становятся менѣе покорны и составили даже заговоры, грозные для будущаго. Если Испанія не примѣнитъ къ этимъ колоніямъ политики, подобной Великобританской, и не предоставитъ имъ полной административной свободы, она, безъ сомнѣнія, потеряетъ остатки своихъ колоніальныхъ владѣній, послѣ тщетныхъ усилій удержать ихъ за собою.

И такъ весьма желательно, въ интересахъ самой-же Испаніи, чтобы она не тратила своихъ силъ на поддержаніе за моремъ устарѣлой политики Карла Пятаго и Филиппа II, и признала право народовъ располагать своею судьбою. Она-же первая съ выгодою воспользуется этою перемѣною, потому что тогда будетъ въ состояніи сосредоточить всю дѣятельность на своемъ внутреннемъ развитіи. Впрочемъ, надо сознаться, что вліяніе народовъ Иберійскаго полуострова на остальной міръ не исчезнетъ еще въ продолженіе многихъ вѣковъ. Талантливая Испанія увѣковѣчила себя прочностью своихъ созданій въ тѣхъ странахъ, гдѣ она господствовала въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго историческаго періода Въ Сициліи, Неаполитанской области, Сардиніи, даже въ Ломбардіи архитектура и нравы жителей свидѣтельствуютъ о могуществѣ прежнихъ властителей. Въ латинской Америкѣ множество городовъ, хотя населенныхъ преимущественно индійцами и метисами, до такой степени напоминаютъ Испанію, какъ-будто они находятся среди ровныхъ долинъ Эстрамадуры, а не въ лѣсахъ Новаго Свѣта; можно подумать, что это кварталы, отдѣлившіеся отъ Бадахоца или Вальядолида. Сами племена американскія, ацтеки, квихуасы и арауканцы, объиспанились по языку, нравамъ, образу мыслей Громадное пространство земли, въ два раза превышающее Европу, которое когда-нибудь будетъ прокармливать сотни милліоновъ народа, принадлежитъ племенамъ кастильскаго происхожденія, уравновѣшивающимъ народы, говорящіе англійскимъ языкомъ, сгруппирован.

ные въ Сѣверной Америкѣ. Изъ всѣхъ европейскихъ націй одни испанцы могутъ въ настоящее время оспаривать у англичанъ и русскихъ будущее преобладаніе въ распространеніи живаго языка. Однимъ словомъ, имъ принадлежитъ значительная доля участія въ общихъ міровыхъ вопросахъ, благодаря ихъ замѣчательной типичности, твердому характеру, благородству и правдивости.

X.

ПРАВЛЕНІЕ И АДМИНИСТРАЦІЯ.

Со времени революціи въ сентябрѣ 1868 г., низвергнувшей правительство королевы Изабеллы II, въ Испаніи послѣдовалъ цѣлый рядъ политическихъ переворотовъ; она выдержала диктатуру генерала Прима; потомъ регента Серрано; затѣмъ было провозглашено королевство, и кортесы избрали государемъ Амедея, сына короля итальянскаго. Амедей, попавъ въ безъисходное положеніе, неспособный бороться противъ своей непопулярности, какъ иностранецъ, долженъ былъ отказаться отъ престола и предоставить Испанію самой себѣ. Страна преобразилась въ федеральную республику, измѣнившуюся позднѣе въ республику унитарную; затѣмъ вспыхнувшее въ войскѣ возстаніе изгнало кортесовъ изъ мѣста ихъ засѣданій, провозгласивъ диктаторомъ Серрано; но второе *pronunciamento* немедленно изгнало диктатора, предоставивъ свободный престолъ молодому Альфонсу XII, сыну Изабеллы. Такимъ образомъ, повидимому, закончится циклъ революцій. Недавно королевство мадридскаго государя ограничено съ сѣвера другимъ королевствомъ, границы котораго часто мѣнялись сообразно съ поворотами военнаго счастья и которое недавно еще занимало почти всѣ баскскія провинціи, половину Наварры, часть Арагоніи и Каталоніи. По странной насмѣшкѣ судьбы, вполнѣ, впрочемъ, объясняемой исторіею Испаніи, монархъ милостью Божіею, неограниченный властитель, „отвѣтственный лишь передъ своею совѣстью“, собиралъ депутатовъ своего народа и клялся соблюдать его *уставы* и права, между тѣмъ какъ король конституціонный болѣе года обходился безъ всякой конституціи и управлялъ по усмотрѣнію своихъ совѣтниковъ. Нынѣ при регентурѣ королевы-чужестранки, партіи наблюдаютъ перемиріе, признаваемое всѣми какъ временное. Нынѣшній правительственный механизмъ состоитъ изъ двухъ камеръ. Согласно конституціи 1876 года, члены камеры депутатовъ, по одному на 35,900 жителей, избираются на пять лѣтъ народными корпораціями, тогда какъ сенатъ въ большинствѣ состоитъ изъ

членовъ, не подчиняемыхъ избранію. Извѣстное число принцевъ, испанскихъ грандовъ, высокихъ должностныхъ лицъ и людей богатыхъ съ годовымъ доходомъ въ 60.000 франковъ, назначаются сенаторами по закону; другіе пожизненно назначаются монархомъ; наконецъ 130 избираются корпораціями и тѣми подданными, которые платятъ наибольшіе налоги. Король назначаетъ президента и вице-президентовъ сената. Онъ можетъ распустить, одновременно или по частямъ, камеру депутатовъ и половину членовъ сената, съ условіемъ приступить къ новымъ выборамъ въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ. Онъ имѣетъ право отказать въ утвержденіи законовъ, вотированныхъ парламентомъ. Министерство составляется изъ восьми членовъ.

Правительственные перевороты, безпрерывно слѣдовавшіе, служили для націи не болѣе какъ перемѣною декорацій, потому что дѣятельность, какъ республиканскихъ, такъ и монархическихъ „канцелярій“ мало измѣнилась въ періодъ политическаго кризиса. Не смотря на всѣ ухищренія бюджета, казна находится въ состояніи безпрерывнаго банкротства; для уплаты государственнаго долга недостало бы всѣхъ ежегодныхъ доходовъ, и недавно одни военные расходы превышали весь приходъ. Налоги увеличены; тысячи маленькихъ недвижимостей не выдержали и проданы для покрытія недоимокъ; рекрутскій наборъ, столь ненавистый испанцамъ, потребовалъ болѣе людей, чѣмъ прежде.

Между тѣмъ какъ для уплаты процентовъ требовалось въ 1875 году около 235 милліонъ въ франковъ, оставшихся неуплаченными, военные расходы превзошли 275 милліоновъ.

Испанскій бюджетъ въ 1884 году:

Доходы	880.318,000 франковъ
Вся сумма долга, приблизительно .	14.000.000,000 „
Проценты съ долга	274.000,000 „

Раздѣленіе политическое и административное осталось въ томъ видѣ, какъ оно было опредѣлено декретомъ 1841 г. Испанія раздѣляется на 49 провинцій, со включеніемъ Канарскихъ острововъ. Каждая изъ этихъ провинцій управляется гражданскимъ губернаторомъ и подраздѣляется на округи, отъ 6 до 7 среднимъ числомъ въ каждой провинціи. Общины управляются алькадами (*alcades*) или мэрами, при содѣйствіи муниципальныхъ совѣтовъ, или *ayuntamientos*, состоящихъ отъ 4 до 28 членовъ, смотря по значенію общины, и вновь избираемыхъ каждые два года. Въ большихъ городахъ алькады управляютъ при содѣйствіи намѣстниковъ (*alcades tenientes*). Судебная администрація устроена по образцу Франціи:

судебная іерархія состоитъ изъ 9.400 мировыхъ судовъ, по одному на общину, около пятисотъ судовъ первой инстанціи, 15 апелляціонныхъ судовъ и одного верховнаго суда, находящагося въ Мадридѣ. Однако междоусобная война и осадное положеніе, въ которомъ, оффиціально или нѣтъ, находится вся Испанія, придаютъ раздѣленію страны въ военномъ отношеніи гораздо большее значеніе, чѣмъ въ гражданскомъ и судебномъ. Континентальная часть государства раздѣляется на 12 генералъ-капитанствъ: Новую Кастилію, Каталонію, Арагонію, Андалузію, Валенцію и Мурцію, Галицію, Гренаду, Старую-Кастилію, Эстремадуру, Бургосъ, Наварру и Васконгадскія провинціи. Балеарскіе, Канарскіе о-ва, Куба, Пуэрто-Рико и Филиппинскіе о-ва образуютъ пять отдѣльныхъ генералъ-капитанствъ. Генералъ-капитанства подраздѣляются на военные округа. Главныя крѣпости континентальной Испаніи составляютъ города, Санъ-Себастьянъ, Сантонья (Сантандеръ), въ Бискайской губѣ; Ферроль, Коронья, Виго на гіаs Галиціи, Ціудадъ-Родриго на португальской границѣ; Кадиксъ и Тарифа при входѣ въ проливъ; Малага, Алмерія, Картагена, Аликанте, Барцелона на Средиземномъ морѣ; Фигуэрасъ, Памплуна и Сарагосса у выходовъ пиренейскихъ дорогъ. Большая часть древнихъ крѣпостей, сооруженныхъ маврами или христіанами во времена ихъ столѣтнихъ распрей, нынѣ обращено въ административныя бюро или казармы. Сеговія, Авила, Толезо и города юга имѣютъ каждый свой альказаръ (al-kasr), господствующій надъ низкими домами своими треснувшими башнями, грамадной величины. Всѣ испанцы обязаны служить въ арміи, за исключеніемъ тѣхъ, которые предъявятъ за себя охотника; казна, почти всегда пустая, не могла пренебречь откупомъ отъ службы для удовлетворенія своихъ самыхъ настоятельныхъ потребностей. Ежегодный наборъ мѣняется сообразно съ ходомъ политическимъ; по уставу, онъ не долженъ превышать 30,000 человѣкъ, однако доходилъ до 90,000; декретами было созвано подъ знамена даже до 100,000 человѣкъ.

Наличная дѣйствительность испанской арміи въ 1880 году:

Пѣхота	60,000	человѣкъ.
Кавалерія	10,000	„
Артиллерія	10,000	„
Инженеры	3,000	„
Разнаго рода . . .	7,000	„

Правда, что число бѣглыхъ, откупившихся и больныхъ уменьшало эту цифру почти до половины; съ другой стороны офицеровъ пѣхоты и кавалеріи болѣе чѣмъ потребовалось бы для увеличенія въ три раза числа баталіоновъ и эскадроновъ, составляющихъ испанскую армію.

Число офицеровъ въ испанской арміи въ 1880 году:

Генераловъ	462
Полковниковъ	465
Подполковниковъ	813
Маіоровъ	2,281
Капитановъ	4,806
Поручиковъ	5,910
Прапорщиковъ	4,807
Всего	19,544

Въ Испаніи, какъ и въ Неаполитанской области, время призыва рекрутъ всегда совпадаетъ съ увеличеніемъ разбойничества. Взятый по неволѣ, солдатъ охотно вступитъ во всякое pronunciamento и будетъ драться противъ правительства, принудившаго его вступить въ службу. Время службы продолжается семь лѣтъ въ кавалеріи и артиллеріи, а въ пѣхотѣ восемь лѣтъ, изъ которыхъ пять лѣтъ служатъ въ линейныхъ войскахъ, а три года въ провинціальной милиціи. Въ арміи полуострова считается всего 200,000 человѣкъ; 90,000 служащихъ въ дѣйствующей арміи и около 110,000 въ резервѣ. Прежде армія Кубы состояла по меньшей мѣрѣ изъ 60,000 человѣкъ, изъ которыхъ ежегодно погибала четвертая часть на войнѣ и отъ болѣзней; въ 1884 году потери эти доходили до 25,650 человѣкъ. Гарнизоны Пуэрто-Рико и Филиппинскихъ острововъ простираются обоюдно отъ 3,300 до 7,870 солдатъ.

Испанскій военный флотъ силенъ: онъ состоялъ въ 1883 году изъ 124 пароходовъ, въ 28,000 лошадиныхъ силъ, имѣющихъ около 500 пушекъ, при 10,000 матросовъ или морскихъ пѣхотинцевъ. Флотъ, какъ и армія, снабженъ огромнымъ персоналомъ старшихъ офицеровъ, цѣлымъ безполезнымъ штабомъ. Въ Испаніи насчитывается до 2,500 флотскихъ офицеровъ, въ запасѣ или на дѣйствительной службѣ, по одному на шесть матросовъ. Главные арсеналы составляютъ Картагена, Ферроль и Коронья.

Дворяне не пользуются никакими служебными привилегіями. Они, вѣроятно, относительно многочисленнѣе, чѣмъ въ остальныхъ странахъ Европы, потому что цѣлыя племена, напр. въ Баскскихъ провинціяхъ, въ Астуріи увѣряютъ, что въ ихъ жилахъ течетъ „благородная“ кровь. Въ 1787 г. въ королевствѣ насчитывалось 480,000 дворянъ, кромѣ женщинъ и дѣтей, такъ что если это отношеніе сохранилось съ тѣхъ поръ, то въ настоящее время три милліона испанцевъ могутъ быть

hiba gos, или „сыновьями не простыхъ“. Испанскихъ грандовъ, которые, по обычаю, остаются съ покрытою головою въ присутствіи короля, около 1,500 человѣкъ; изъ нихъ 200 перваго класса; однако не всѣмъ имъ этотъ титулъ принадлежитъ по рожденію. Многіе разночинцы, пользуясь бѣдностью казны или жадностью министровъ, получали званіе грандовъ. Орденъ „Золотаго Руна“, учрежденный Филиппомъ Добрымъ, представляетъ знакъ отличія, котораго болѣе всего добиваются европейскіе принцы и дипломаты.

Религія государства есть католическая, апостольская и римская; прелаты пользуются здѣсь большими привилегіями. Въ большихъ городахъ исповѣданія не-католическія болѣе или менѣе терпимы, благодаря вмѣшательству иностранныхъ державъ; по церемоніи строго ограничены и всякое приглашеніе участвовать на нихъ третьему лицу считается незаконнымъ; по одному изъ параграфовъ конституціи, „нація обязывается поддерживать богослуженіе и служителей римско-католической религіи“. Число испанскихъ протестантовъ доходило въ 1883 году до 6,650. Надзоръ за школами принадлежитъ исключительно церкви, и цензура театральныхъ пьесъ производится духовенствомъ. Число священниковъ около 40,000; однако, хотя со времени реставраціи монархіи, монастыри были также возстановлены, но количество монашескихъ орденовъ весьма ограниченно. Прежде Испанія была страною по преимуществу монаховъ и монахинь, сравнительно съ числомъ свѣтскихъ лицъ. Въ концѣ прошлаго вѣка духовенства въ королевствѣ было болѣе 250,000 душъ, изъ которыхъ 71,000 монаховъ и 35,000 монахинь; въ 1787 году, число инквизиторовъ, обязанныхъ наблюдать за чистотою вѣры и наказывать ересь, простиралось до 2,705. Въ ту же эпоху число купцовъ не превышало 34,000, слѣдовательно въ семь разъ меньше числа служителей церкви. Въ 1835 г. революціи, войны и общественныя реформы значительно умепьшили число духовныхъ; однако населеніе монастырей все еще было свыше 50,000 душъ. Затѣмъ послѣдовала первая мѣра для уменьшенія числа монашествующихъ, причемъ было закрыто около тысячи монастырей. Въ слѣдующіе годы были изданы болѣе радикальные законы противъ монастырей и для уничтоженія закона о наслѣдствѣ духовенствомъ выморочныхъ имѣній; въ 1869 г. въ Испаніи не было ни одного монаха; послѣдніе изъ нихъ, именно изъ монастыря Шартрезъ въ Гренадѣ, должны были оставить страну. По странной игрѣ судьбы, они пріютились въ Бельгіи, въ той самой странѣ, гдѣ три столѣтія тому назадъ испанцы силою водворили господство прелатовъ. Съ возстановленіемъ монархіи, духовныя конгрегаціи начинаютъ расцвѣтать въ странѣ.

Административная іерархія въ Испаніи состоитъ изъ 9 архіепископовъ и 43 епископовъ. Архіепископства находятся: въ Толедо, резиденціи примаса Испаніи, Бургосѣ, Гренадѣ, Сантьяго, Сарагоссѣ, Севильѣ, Таррагонѣ, Валенціи и Вальядолидѣ.

Слѣдующая таблица, составленная по новѣйшимъ приблизительнымъ статистическимъ даннымъ, представляетъ численность населенія различныхъ испанскихъ провинцій, собранныхъ въ естественные районы:

Провинціи.	Пространство провинцій въ квадратныхъ киллометрахъ	Народонаселеніе провинцій въ 1883 г.	Населеніе километрическое по провинціямъ.
Кастилія, Леонъ, Эстремадура.			
210,592 3 квадратныхъ километр.; 4.590,187 жителей; 22 жителя на квадратный километръ.			
Мадридъ	7,762 4	590,072	76
Авила	7,722 1	187 211	24
Бадагоцъ	22,499 8	446,966	20
Бургосъ	14,635 1	337,110	23
Кацерсъ	20,754 5	318,125	15
Піудадъ-Реаль	20,305 0	277,738	14
Куэнка	17,418 9	241,103	14
Гвадалахара	12,610 8	203,924	16
Леонъ	15,971 2	355,523	22
Паленція	8,097 2	192,937	24
Саламанка	12,793 7	290,901	23
Сеговія	7,027 7	152,516	22
Соріа	9,935 5	156,137	16
Толедо	14,467 7	341,924	24
Вальядолидъ	7,800 2	251,950	32
Замора	10,710 5	255,050	24
Андалузія.			
87,867 5 квадратныхъ километр.; 3.363,217 жителей; 38 жителей на квадратный километръ.			
Алмеріа	8,852 9	360,392	41
Кадиксъ	7,323 5	423,362	60
Кордова	13,726 6	399,419	30
Гренада	12,787 5	485,991	38
Гуэлва	10,676 4	215,324	20
Хаэнъ	13,426 1	433,718	32
Малага	7,312 9	519,911	71
Севилья	14,061 0	52.,100	37
Валенція и Мурція.			
50,105 3 квадратныхъ километр.; 2.118,865 жителей; 42 жителя на квадратный километръ			
Альбацета	15,465 9	225,782	15
Аликанте	5,434 3	423,445	80
Кастеллонъ дела Плана	6,336 4	299,352	47
Мурція	11,597 1	467,026	40
Валенція	11,271 6	703,260	62
Балеарскіе острова.			
4,817 4 квадратныхъ километр.; 302,152 жителя; 63 жителя на квадратный километръ.			
Балеары	4,817 4	302,152	63
Каталонія и Арагонія.			
78,895 0 квадратныхъ километр.; 2.690,328 жителей; 34 жителя на квадратный километръ			
Барцелона	7,731 4	853,586	110
Герона	5,883 8	301,536	51
Гуэска	15,224 1	255,305	17
Лерида	12,365 9	286,041	23
Таррагона	6,348 8	339,904	58
Теруэль	14,229 0	249,372	18
Сарагосса	17,112 0	404,584	24

Провинціи.	Пространство провинцій въ квадратныхъ киллометрахъ.	Народонаселеніе провинцій въ 1883 г.	Населеніе километрическое по провинціи.
Наварра, Бискайя и Логроньо.			
22,719 9 квадратныхъ километровъ; 958,246 жителей; 42 жителя на квадратный километръ.			
Алава	3,121 7	96,392	30
Гвипуцкоа	1,884 8	176,476	93
Логроньо	5,037 5	176,319	35
Наварра	10,478 0	312,136	30
Бискайя	2,197 9	196,932	90
Сантандеръ, Астурія и Логроньо.			
45,426 квадратныхъ километровъ; 2.699,570 жителей; 59 жителей на квадратный километръ.			
Коронья (Корунья)	7,973 2	613,474	77
Луго	9,808 4	421,822	43
Орензе	7,092 8	388,534	55
Овіедо	10,595 8	579,693	55
Понтеведра	4.504 5	457,178	101
Сантандеръ	5,471 5	238,869	44
Во всей Испаніи	500,443	16,731 565	33

Испанскія колоніи находятся во всѣхъ частяхъ свѣта. Не считая Канарскихъ острововъ, которые сравнены съ континентальными провинціями, и presidios или тюремъ каторжниковъ на марокскомъ берегу, Куба „Перлъ Антильскихъ острововъ“ и его сосѣдъ Пуэрто-Рико остались во власти испанскаго правительства; наконецъ въ другихъ мѣстахъ океана, Испанія владѣетъ островами Фернандо-По и Аннобона близъ береговъ Гвинеи, и на востокѣ въ Азіи, Филиппинскими, Паласскими, Маріанскими и Каролинскими, которые Германія пробовала недавно похитить у нея. Она требуетъ обратно также Сахару западную, гдѣ кочуетъ нѣсколько племенъ варварійскихъ и арабскихъ.

Материкъ.	Колоніи.	Пространство	Народонаселеніе		Населеніе километрическое.
		квадр. килом.	Жители.		Жители.
Америка.	Куба	118,833	Въ 1881 г.:	1.521,680	13
	Пуэрто-Рико	9,315	„ 1880:	754,310	80
	Канарскіе острова	7,624	„ 1883:	300,870	39
Африка.	Сахара западная	120,000	„ 1887:	25,000	1/5
	Фернандо-По	2 088	„ 1883:	35,000	16
	Аннобопъ				
	Владѣн. въ Гвинеѣ	20,000	„ 1877:	100,000	5
	Геута и Пресидіосъ	20	„ 1877:	10,000	500
Океанія.	Филиппинскіе о-ва, Соулу	300,000	„ 1880:	6.300,000	21
	Каролинскіе и Паласкіео-ва	1,450	„ „	36 000	25
	Маріанскіе о-ва	1,140	„ „	8,600	7
		580,470		9.091,520	15

ГЛАВА XIII.

ПОРТУГАЛІЯ.

I.

ОБЩЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Португалія представляетъ одну изъ самыхъ малыхъ европейскихъ державъ, хотя въ продолженіе короткаго историческаго періода она была могущественнѣйшимъ государствомъ. По пространству, она меньше многихъ губерній Европейской Россіи и даже, при столь незначительномъ протяженіи, довольно скудно населена, если не считать ея сѣверной части, принадлежащей къ наиболѣе тѣсно населеннымъ странамъ континента.

Пространство Португаліи безъ острововъ.	Народонаселеніе въ 1881 г.	Населеніе на 1 квад. километръ.
89,355 квад. кил. (по Стрельбицкому).	4.306,550 жит.	48

Съ перваго взгляда можетъ показаться, что Португалія, по своимъ географическимъ условіямъ, непремѣнно должна была войти въ составъ одного иберійскаго государства, заключающаго всѣ запиренейскія области; однако Португалія почти всегда существовала независимо отъ Испаніи, и это обстоятельство не зависитъ ни отъ игры случая, ни отъ хода историческихъ событій. Прежде всего надо замѣтить, что португальская часть берега почти прямолинейна; она отличается крайнимъ однообразіемъ очертаній и совершенно разнится отъ испанскихъ береговъ. Направленія вѣтровъ, теченія, климатъ, фауна и растительность одинаковы на всемъ лузитанскомъ берегу, и потому народы, ихъ населявшіе, должны были привыкнуть къ одному образу жизни, одинаково мыслить и, конечно, сплотиться въ одно политическое тѣло. Португалія поне-

многу соединилась въ одно независимое государство изъ частей лузитанскаго прибрежья; королевство формировалось послѣдовательно, отъ одной рѣчной долины до другой, отъ Дуро, —Дуэро испанское—до Минхо и Таго, отъ Таго и Гвадіаны, „со ступеньки на ступеньку“, по выраженію географа Коля; затѣмъ государство португальское было мгновенно уничтожено и опять возстановилось тѣмъ-же путемъ. Эта ровная полоса земли, отдѣлившаяся отъ общей массы Иберійскаго полуострова и подчинившаяся общей участи прибрежныхъ странъ, была заранѣе обособлена характеромъ почвы и климатическими условіями. Въ цѣломъ, лузитанское прибрежье образовано склонами испанскихъ плоскогорій, понижающихся уступами къ берегу океана. Естественная граница обильныхъ дождей, приносимыхъ западными вѣтрами на холмы и горы Португаліи, точно совпадаетъ съ границею между обоими государствами: съ одной стороны атмосфера влажна, дожди часты, лѣса въ изобиліи; съ другой—безоблачное небо надъ высохшею землею, обнаженныя скалы, безлѣсныя равнины. Изобиліе дождей на португальскомъ океанѣ столь же рѣзко повышаетъ значеніе рѣкъ, спускающихся съ внутреннихъ плоскогорій: въ Испаніи—это слабыя рѣки, загроможденныя камнями; въ Португаліи онѣ являются многоводными, даже судоходными. Естественныя границы судоходности рѣкъ Миньо, Дуро, Таго, Гвадіаны, полагаемыя ущельями и порогами, находятся близъ политической границы. Всѣ эти условія въ достаточной степени объясняютъ, почему Португалія, отдѣлившись отъ Испаніи, приняла форму правильнаго четырехугольника. Подобно тому какъ кристаллъ, выдѣляясь изъ раствора, ограничивается правильными, опредѣленными ребрами, такъ и Португалія отдѣлилась отъ остальной части полуострова, приявъ почти прямолинейныя границы. Превосходно расположенный портъ Лисабона служилъ, такъ сказать, ядромъ этого кристалла. Въ немъ развилась особая сила, независимая отъ той, которая притягивала къ Толедо или Мадриду весь остальной полуостровъ. Живая, дѣятельная часть огромнаго иберійскаго тѣла вырвалась изъ тяжелой массы Испаніи, которая была слишкомъ медленна для того, чтобы поспѣть за ея движеніемъ.

Какъ нерѣдко случается съ пограничными народами, подвластными разнымъ законамъ и часто вооружаемыми другъ противъ друга по капризу ихъ государей, большая часть португальцевъ и испанцевъ долго ненавидѣли одни другихъ. Объ отвращеніи, еще недавно раздѣлявшемъ оба сосѣдніе народа, можно судить по вывѣскѣ „Убійца Кастильцевъ“, встрѣчавшейся, по словамъ путешественниковъ, на очень многихъ португальскихъ гостиницахъ. Кромѣ того, первый лузитанскій домъ, по

переѣздѣ черезъ границу, всегда украшенъ статуэткою, выражающею презрѣніе къ испанцамъ. Пѣсни, легенды, поговорки и сама исторія свидѣтельствуютъ о враждебной силѣ страстей, существовавшей между этими сосѣдями. Въ этой слѣпой ненависти, португалецъ, какъ болѣе слабый, воодушевленный болѣе горячимъ патріотизмомъ, выказываетъ и болѣе глубокую ярость; испанецъ, какъ сильнѣйшій, относится съ большимъ презрѣніемъ. *Portugueses pocos y locos*! — „Сумасшедшій маленькій народецъ", говоритъ про португальцевъ кастильская поговорка. Когда иберійскій союзъ, желаемый въ настоящее время небольшимъ числомъ людей, принятый сперва холодно, сдѣлается неизбѣжнымъ вслѣдствіе экономическихъ интересовъ, когда торговля и промышленность восторжествуютъ надъ границами, — этотъ политическій союзъ совершится не безъ борьбы и столкновеній ненависти. Португалія была, конечно, обитаема еще во времена до-историческія — найденные Рибейрой и Беллучи обдѣланные кремни указываютъ, что человѣкъ здѣсь поселился еще въ каменномъ вѣкѣ. Во всякомъ случаѣ учеными положительно доказано, что къ началу слѣдующаго за третичнымъ періода въ странѣ существовала раса людей, *долихоцефаловъ*, какъ берберы Африки. Эта раса, къ которой позднѣе примѣшалась другая, брахицефальная, имѣла крайне слабое развитіе. Оставленные ею кремни не имѣютъ ни той тонкости въ выдѣлкѣ, ни того разнообразія, какъ остатки каменнаго періода во Франціи и Бельгіи.

По свидѣтельству древнихъ писателей, первоначальный этнологическій элементъ, составляющій португальское населеніе, почти тотъ-же, что въ пограничныхъ испанскихъ провинціяхъ; нѣкоторые корни словъ свидѣтельствуютъ также о существованіи здѣсь народовъ, родственныхъ племенамъ Бретани. Древняя Лузитанія была населена кельтическими и иберійскими племенами, которыя долго успѣшно боролись противъ римскихъ войскъ. Однако эти племена, по берегамъ, должны были измѣниться подъ вліяніемъ колонистовъ греческихъ, финикійскихъ и карѳагенскихъ; гораздо сильнѣе повліяли на нихъ римляне, которые ввели свой языкъ, свою администрацію, правительственныя и судебныя формы. Латинское давленіе было наиболѣе продолжительно, особенно въ сѣверныхъ областяхъ; сравнительно съ этими завоевателями, сѣверные варвары, свевы и вестъ-готы, оставили по себѣ лишь слабые слѣды. Магометане различныхъ происхожденій, въ свою очередь, завладѣвшіе страною, также содѣйствовали значительному измѣненію въ крови и нравахъ обитателей. Именно въ Алгарвѣ, гдѣ владычество мусульманъ удержалось до половины тринадцатаго столѣтія, населеніе на-половину мавританское. Мно-

гочисленныя крѣпости, виднѣющіяся на вершинахъ холмовъ, старинныя охранныя стѣны напоминаютъ, за одно съ легендами, объ ожесточеніи племенной борьбы, существовавшемъ до объединенія правленія и религіи.

Подобно испанскимъ королямъ, португальскіе государи, по навѣтамъ инквизиціи, изгнали изъ своей страны всѣхъ подданныхъ не католиковъ. Противъ мавровъ карательныя мѣры были неумолимы; въ преслѣдованіи евреевъ были періоды отдыха. Тысячи испанскихъ евреевъ, рискуя рабствомъ и смертью, поселились въ Португаліи, близъ испанской границы, и, благодаря наружному обращенію въ христіанство, образовали въ изгнаніи значительныя общины. И теперь существуетъ множество слѣдовъ древняго израильскаго населенія, особенно, какъ говорятъ, въ окрестностяхъ Браганцы и на всемъ Трасъ-осъ Монтесъ, хотя всѣ некрещенные евреи, племя, надо сказать, энергичное и разумное, выселились изъ страны и распространили свою промышленность, предпріимчивость и познанія въ различныхъ частяхъ Европы и Востока. Всѣмъ извѣстна дѣятельность, которою отличались и теперь еще отличаются португальскіе евреи въ Голландіи, Франціи, Великобританіи. Въ эпоху изгнанія, они были писателями, врачами, законовѣдами, равно какъ и замѣчательными дѣятелями въ Португаліи; они основали въ Лисабонѣ академію, откуда выходили образованнѣйшіе люди королевства; первая книга въ Португаліи была напечатана евреемъ. Спиноза, этотъ честный, великій мыслитель, былъ родомъ португальскій еврей.

Въ составъ португальскаго типа входятъ не одни только арабскій, варварійскій и еврейскій элементы: въ немъ замѣчается также весьма сильная примѣсь негритянскаго элемента, особенно въ Альгарвѣ и большихъ городахъ. Прежде чѣмъ черные изъ Гвинеи стали вывозиться во множествѣ на американскія плантаціи, торговля ими уже была весьма дѣятельна; тогда африканскіе невольники продавались въ южныхъ портахъ Испаніи и Португаліи. Португальскій историкъ Даміанусъ а Гоэсъ опредѣляетъ число негровъ, ввезенныхъ въ Лисабонъ въ теченіе шестнадцатаго вѣка, отъ двѣнадцати тысячъ ежегодно, не считая мавровъ. Въ каждомъ буржуазномъ домѣ прислуга состояла изъ негровъ и негритянокъ. Въ концѣ прошлаго столѣтія цвѣтные жители составляли еще пятую часть населенія Лисабона; когда они отправлялись процессіею въ церковь ихъ покровительницы, Атарайской Богоматери, построенную на холмѣ противуположнаго берега Таго, путешественникъ могъ подумать, что онъ находится въ Африкѣ. Мало по малу въ составъ португальскаго населенія вошли всѣ эти этнологическіе элементы разнообраз-

нѣйшихъ племенъ тропической Африки. Многочисленныя свидѣтельства говорятъ, что большая смертность, постигавшая африканцевъ, вывезенныхъ въ Европу, и отвращеніе одной расы къ другой дѣлали сближенія между нами очень рѣдкими. Большая часть помѣсей, которыя затѣмъ совершились, были вызваны совершенно иными причинами. Города португальскіе имѣютъ многочисленныя колоніи бразильцевъ и португальцевъ, давно переселившихся въ Бразилію. Предубѣжденіе расъ не имѣетъ мѣста въ юго-американской Лузитаніи и смѣшеніе кровей повсемѣстно: это непосредственно чрезъ Бразилію, что совершается все большее и большее соединеніе одной расы съ другой. Впрочемъ португальцы, благодаря ихъ южному климату, съ легкостью недоступной для колонистовъ остальной Европы очень скоро привыкаютъ къ полуденному климату Бразиліи, Индіи и австралійской Африки. Воздержность португальскихъ колонистовъ составляетъ, повидимому, главную причину ихъ легкой акклиматизаціи.

Въ настоящее время изъ чужеземцевъ—галиційцы оказываютъ наибольшее вліяніе на населеніе; они приходятъ въ большомъ числѣ въ Лисабонъ и другіе португальскіе города, и дѣлаются булочниками, носильщиками, сторожами, мажордомами, лакеями. Изъ всѣхъ испанцевъ они болѣе всѣхъ похожи по происхожденію на португальцевъ. Вообще они мало смѣшиваются съ остальными обитателями, тѣмъ болѣе что надъ ними насмѣхаются за ихъ грубый языкъ и неотесанность; колоніи безпрерывно разростаются и, вмѣстѣ съ тѣмъ, увеличивается ихъ вліяніе на окружающіе народы; кромѣ того, довольство, которымъ они всегда пользуются, благодаря ихъ воздержности и экономіи, заставляетъ забывать объ ихъ происхожденіи. Смѣшеніе всѣхъ этихъ разнообразныхъ элементовъ не произвело красиваго племени. Тѣмъ не менѣе между португальцами встрѣчается очень мало убогихъ и разслабленныхъ, и большинство женщинъ отличается красотою цвѣта лица, блескомъ глазъ, обиліемъ волосъ, малостью и изяществомъ ноги, живостью физіономіи, любезностью манеръ. Наиболѣе красивыя португалянки—женщины Авейро и сосѣднихъ деревень, встрѣчаемыя тысячами въ Лисабонѣ и занимающіяся соленіемъ и продажею рыбы; особенно восхищаются ихъ гордою осанкою, изяществомъ походки, благородствомъ поступковъ.

Путешественники очень хвалятъ хорошее обхожденіе, услужливость и природную доброту португальскихъ поселянъ, еще неиспорченныхъ привычками торговыхъ людей; хотя за границею они слывутъ за варваровъ, по воспоминанію объ ихъ поступкахъ въ завоеванныхъ странахъ Индіи и Новаго Свѣта, тѣмъ не менѣе большинство португальцевъ отли-

ТИПЫ ПОРТУГАЛЬСКИХЪ КРЕСТЬЯНЪ.

частся сочувствіемъ къ страждущимъ. Они любятъ игру, но никогда не ссорятся; любятъ также бой быковъ, однако всегда насаживаютъ пробки на рога быковъ, такъ что животное сохраняется для слѣдующаго примѣрнаго боя. Въ противоположность своимъ сосѣдямъ, испанцамъ, португальцы хорошо обращаются съ домашними животными и даже отличаются искусствомъ приручать дикихъ звѣрей. На берегахъ Гвадіаны они воспитываютъ каменную куницу, которая употребляется вмѣсто кошки противъ крысъ и змѣй. Въ сношеніяхъ между собою португальцы кротки, предупредительны, вѣжливы: сказать лузитанцу, что онъ „не деликатенъ“,—значитъ оскорбить его самымъ чувствительнымъ образомъ. Многіе удивляются также изящной формѣ ихъ разговорной рѣчи, хотя и слишкомъ церемонной; до послѣдняго времени ихъ катихизисъ дополнялся книгою привѣтствій и познаній дѣтской и добронравной учтивости. Португальскіе крестьяне, выгодно отличаясь въ этомъ случаѣ отъ галиційцевъ, говорящихъ труднопонятнымъ патуа, отличаются вообще замѣчательною чистотою произношенія и легкостью выраженія для столь мало образованнаго народа. Хотя они большіе говоруны, даже болтуны, однако всегда слѣдятъ за своими выраженіями. Португалія произвела великихъ ораторовъ, и одинъ изъ ея поэтовъ, Камоэнсъ, стоитъ на ряду съ самыми знаменитыми Однако сомнительно, чтобы страна могла когда-нибудь произвести артистовъ, въ тѣсномъ смыслѣ слова, потому что, кромѣ миѳическаго Гранъ Васко, котораго и національность даже неизвѣстна, въ Португаліи не было ни живописцевъ, ни скульпторовъ, ни архитекторовъ. Камоэнсъ самъ въ этомъ признается: „Наша нація, говоритъ онъ, первая по своимъ достоинствамъ. Наши жители болѣе герои, чѣмъ всѣ остальные; наши женщины прекраснѣе всѣхъ другихъ женщинъ; мы отличаемся всякаго рода искусствами мирными и военными, кромѣ искусства живописи“.

Языкъ португальскій очень похожъ на кастильскій по корнямъ и общей конструкціи, но онъ не такъ богатъ и звученъ. Слова очень часто „обдираются“ выпусканіемъ согласныхъ л, х, н *(l, j, n)* между двумя гласными; кромѣ того, они притупляются въ окончаніяхъ, нерѣдко оканчиваются носовыми звуками и усложняются свистящими, къ которымъ иностранцы съ трудомъ привыкаютъ. За то у португальцевъ нѣтъ гортанныхъ звуковъ испанскаго языка. Историки высказали мнѣніе, что французскій языкъ принималъ значительное вліяніе въ образованіи португальскаго. По ихъ предположенію, герцогъ Бургундскій, получившій Португалію въ ленное владѣніе въ концѣ двѣнадцатаго столѣтія, и французскіе рыцари, помогавшіе ему въ войнахъ противъ мавровъ, передали

народу свое иностранное произношеніе и обороты рѣчи. Трудно найти гипотезу, столь мало вѣроятную, тѣмъ болѣе что въ округѣ Порто, именно тамъ, гдѣ утвердились французы, португальское произношеніе наиболѣе подходитъ къ испанскому. Причину той или другой формы языка надо искать въ умственномъ движеніи, происходящемъ въ среди самого народа. Впрочемъ косвенное вліяніе французскаго языка было значительно, вслѣдствіе тѣсныхъ отношеній, существовавшихъ между Франціею и Португаліею, до тѣхъ поръ пока испанская политика Людовика XIV обратила эту страну противъ Франціи. Въ теченіе многихъ столѣтій португальцы имѣли обыкновеніе посылать въ французскія школы тѣхъ молодыхъ людей, которыхъ они впослѣдствіи полагали сдѣлать учителями собственныхъ школъ. Такимъ образомъ большое число студентовъ посѣщало французскія школы, и въ 1526 году была учреждена португальская школа, присоединенная къ школѣ Святой Варвары. Наконецъ, вліяніе современной журналистики и обычай пользоваться исключительно при преподаваніи французскими руководствами ввели въ португальскій языкъ цѣлыя сотни французскихъ словъ. Что касается португальскихъ словъ, вошедшихъ въ французскій языкъ, то г. Франциск Мишель таковыхъ насчитываетъ только пять, но они встрѣчаются десятками въ европейскомъ патоа въ Сенегамбіи и Пондишери. Арабскія слова, употребляемыя, исключительно для обозначенія предметовъ, введенныхъ въ страну маврами, и для фактовъ, перешедшихъ отъ нихъ же, не такъ многочислены въ португальскомъ языкѣ, какъ въ испанскомъ; но лузитанцы, подобно испанцамъ, продолжаютъ клясться, не сознавая того, мусульманскимъ богамъ: *Oxalà (Ojala);* „да будетъ угодно Аллаху!“ часто говорятъ они. Быть можетъ также, что нѣкоторыя фаталистическія народныя поговорки перешли отъ старыхъ властителей Португаліи. Изъ бразильскихъ нарѣчій перешли сотни словъ въ языкъ португальскихъ завоевателей и проникли также въ европейскій лузитанскій языкъ.

Португальцы, представляя незначительный по численности народъ въ сравненіи съ сотнями милліоновъ людей, населяющихъ Европу, въ настоящее время имѣютъ ничтожное значеніе въ судьбахъ міра. Въ одинъ историческій моментъ они были первыми по торговлѣ; своею предпріимчивостью они превосходили всѣ остальные народы. Испанцы, правда, раздѣляли съ португальцами славу великихъ открытій пятнадцатаго столѣтія; однако португальцы первые, послѣ венеціанцевъ и генуэзцевъ, сдѣлали возможными эти открытія, усовершенствовавъ мореплаваніе; они перестали плавать около береговъ и пустились въ открытое море; точно также, одинъ португалецъ, Магалайесъ, первый предпринялъ кругосвѣт-

ное плаваніе, окончившееся лишь послѣ его смерти. Подобное первенство болѣе не повторится Народныя силы балансируются; стремленіе къ уравненію географическаго значенія странъ производится въ различныхъ областяхъ вслѣдствіе возрастающей легкости средствъ для мѣновой торговли и сообщеній. Поэтому Португаліи нечего надѣяться снова занять то мѣсто, которое она занимала нѣкогда среди другихъ націй; но вмѣстѣ съ тѣмъ правильная эксплоатація ея природныхъ богатствъ и значительныя выгоды ея положенія при оконечности континента достаточны для обезпеченія за нею въ будущемъ одного изъ наиболѣе почетныхъ мѣстъ.

II.

СѢВЕРНАЯ ПОРТУГАЛІЯ, ДОЛИНЫ МИНГО, ДУРО И МОНДЕГО.

Португальскія горы присоединяются къ орографической системѣ остальной части полуострова; однако онѣ не представляютъ простыхъ предгорій, постепенно понижающихся къ морю; онѣ являются вполнѣ обособленными кряжами съ характерными формами и своеобразными очертаніями. Индивидуальность Португаліи выражается въ рельефѣ ея горъ, также какъ и въ исторіи ея народовъ. Въ цѣломъ, горныя группы, возвышающіяся въ сѣверо-восточномъ углу Португаліи, къ югу отъ долины Минго, могутъ быть разсматриваемы, какъ внѣшняя плотина древняго озера, нѣкогда занимавшаго всѣ верхнія равнины Старой Кастиліи. Отъ Пиренеевъ до сіерры Гаты горы шли непрерывною массою, и ихъ раздробленіе на отдѣльныя цѣпи произошло въ относительно недавній періодъ времени отъ разрушающаго дѣйствія потоковъ. Однако главное ущелье, именно Дуро, не могло быть проложено безъ громадныхъ усилій. Рѣка, ниже своего сліянія съ Эслою, встрѣчаетъ стѣну португальскихъ плоскогорій и принуждена на сотню километровъ идти вдоль ея основанія, прежде чѣмъ отыскать слабый пунктъ, сквозь который она могла вырваться къ Атлантическому океану.

Самый сѣверный кряжъ Португаліи, находящійся между теченіемъ Минго и Лимы, удачно выбранъ политическою границею между двумя націями, такъ какъ гора Гавіарра, или *Outeiro Maior*, „Большой Холмъ“, съ ея крутыми утесами, возвышающимися надъ иноземною областью, господствуетъ какъ надъ сіеррою Пеньягашъ, лежащею къ востоку со стороны Испаніи, такъ и надъ португальскими высотами, заканчивающимися на западѣ косогорами Санта Луціа. Непосредственно къ югу отъ

ущелья, чрезъ которое Лима проходитъ при выходѣ изъ Испаніи, возвышается другой утесистый горный кряжъ, гребень котораго, направленный съ юго-запада къ сѣверо-востоку, служитъ границею между обоими государствами: это серра Герецъ, горная область, до того запутанная, что подобной ей въ этомъ отношеніи нѣтъ на всемъ полуостровѣ, кромѣ знаменитой серраніа де-Ронда. Хотя эта сіерра ниже Гавіарры, тѣмъ не менѣе ее можно считать продолженіемъ главной вѣтви Кантабрскихъ Пиренеевъ; гранитныя скалы, ее составляющія, и протяженіе различныхъ группъ вершинъ, слѣдующихъ въ рядъ къ сѣверо-востоку, черезъ провинціи Орензе и Луго, до пика Миравалесъ, ясно доказываютъ, что серра Герецъ составляетъ продолженіе большой Пиренейской цѣпи; всѣ остальныя горныя группы, которыя, подъ различными названіями, вѣтвятся лабиринтомъ въ провинціи „За-горной“, *Tras los Montes*, представляютъ высоты втораго разряда въ сравненіи съ серрою Герецъ. Впрочемъ, онѣ кажутся еще ниже, чѣмъ на самомъ дѣлѣ, потому что лежатъ на плоскогорьи отъ 700 до 800 метровъ средней высоты: во многихъ мѣстахъ ихъ можно принять за простые холмы. Гранитныя вершины ихъ, почти всѣ круглыя, не имѣютъ тѣхъ изящныхъ формъ, которыя принимаютъ песчаники и сланцы. трахиты и базальты. Живописность Минго не заключается въ величественномъ видѣ горъ, но скорѣе въ прелести долинъ съ ихъ прозрачными источниками и кристальными ручьями.

Большія пограничныя горы, Гавіарра, Герецъ, Ларуко походятъ на Галиційскія горы по разнообразію встрѣчающихся на нихъ растеній, которыя, повидимому, не должны бы произрастать въ одномъ поясѣ. По склонамъ этихъ горъ ботаники находятъ странную смѣсь растительности французской и даже нѣмецкой съ пиренейскою, бискайскою и равнинъ португальскихъ. Самыя южныя вершины, именно серра Марайо, вдаются выступомъ между рѣкою Дуро и ея большимъ притокомъ Тамегою, защищая Порто съ его округомъ отъ сѣверо-западныхъ вѣтровъ, слишкомъ холодныхъ зимою и слишкомъ жаркихъ лѣтомъ; эти высоты почти лишены древовидной растительности, такъ какъ ихъ склоны повсемѣстно обнажены. Равнымъ образомъ, сланцеватыя плоскогорья, которыя тянутся къ востоку, господствуя надъ долиною верхняго Дуро, утратили свои лѣса: здѣсь, между виноградниками, виднѣются лишь темныя массы вывѣтрившихся утесовъ. Древняя фауна дикихъ животныхъ частью исчезла изъ этихъ странъ, подобно жившей флорѣ; но волки еще довольно многочисленны и составляютъ предметъ ужаса для пастуховъ; они наиболѣе встрѣчаются въ части горъ собственно серра Амарелла или „Жел-

той сіерры". Горная коза (*carpa aegagrus, hispanica*) встрѣчалась стадами въ серра Герецъ въ концѣ прошлаго столѣтія; современные путешественники говорятъ, что она еще не вывелась. Вѣроятно, присутствію этихъ дикихъ козъ обязаны своимъ названіемъ серра Кабрера, горы, откуда вытекаетъ Авъ, къ сѣверо-востоку отъ Браги и Гвимарайеса

Если серра Герецъ можно разсматривать какъ оконечность пиренейской системы, то живописная серра Эстрелла, возвышающаяся между Дуро и Таго, можетъ считаться западнымъ продолженіемъ ряда цѣпей, образующихъ серединный хребетъ полуострова между двумя кастильскими плоскогорьями. Но, подобно сьеррамъ Гвадарама, Гредосъ, Гата и „горы Звѣзды" (Эстрелла) ясно обособлены и связываются съ остальною частью системы однимъ только горнымъ порогомъ, глубоко изрытымъ дождями. Сіерра Гата, проникая въ Португалію на подобіе плоскогорья, принимаетъ на этомъ основаніи названіе *las Mesas* (Столовъ)и возвышается неявственными цѣпями серры Гардунга, серры Морадель, между Зезерою и Таго. Длинный рядъ гранитныхъ утесовъ Эстреллы, болѣе уединенной и болѣе грандіозной, чѣмъ всѣ эти второстепенные кряжи, подымается покато надъ холмистою областью, на которой беретъ свое начало Мондего и различные притоки Таго и Дуро. Съ этой стороны доступъ къ горамъ не труденъ: это *serra mansa*, „кроткая гора"; напротивъ, съ южной стороны, надъ долиною Зезеры, склоны круты и малодоступны: это *serra brava*, „дикая гора". По сосѣдству съ главною вершиною Мальгайо или Шара, встрѣчаются живописныя озера, расположенныя уступами, подобно пиренейскимъ „озеркамъ" и „морскимъ глазамъ" Карпатовъ. Эти озера,—называемыя также Ольгасъ Марингосъ,—доставляютъ матерьялъ для различныхъ легендъ, къ которымъ присоединяютъ имена маврскихъ Эмировъ, а также Виріатуса, сдѣлавшаго изъ серры Эстреллы свой послѣдній оплотъ противъ римлянъ: эти озера находятся въ сообщеніи съ моремъ, участвуютъ въ его приливахъ и буряхъ и, подобно ему, скрываютъ громадныя сокровища въ своихъ водахъ. Озера и водопады подали поводъ къ названію „рукомойниками" многихъ горъ этого хребта: дѣйствительно, они представляютъ резервуары источниковъ, постоянно наполняемые западными вѣтрами, всегда дождливыми.

Высшіе склоны серра Эстрелла покрыты снѣгомъ въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ въ году, и нѣкоторыя глубокія впадины сохраняютъ его даже лѣтомъ. Серра Лузайо, продолжающая къ юго-западу Эстреллу, получаетъ зимою столько снѣга, что снабжаетъ имъ лисабонскія кафе. Послѣдними выступами Лузайо заканчивается орографическая система Эстреллы. Высоты и холмы Эстремадуры, тянущіеся на юго западъ, при-

падлежатъ къ особой геологической формаціи; они состоятъ главнымъ образомъ изъ юрскихъ пластовъ, одѣтыхъ съ сѣвера и юга мѣловыми слоями. Вообще всѣ эти мелкія серрасъ и тѣ, которыя возвышаются на плоскогорьѣ Бейра Альта, къ югу отъ глубокой впадины, гдѣ протекаетъ Дуро, могутъ быть лишь въ самыхъ общихъ чертахъ причислены къ „карпето-ветоническому“ хребту полуострова.

Высоты различныхъ горъ Португаліи, къ сѣверу отъ Таго суть:

Утейро Маіоръ (Гавіарра)	1,441	метр.
Серра Герецъ	1,442	„
Ларуко	1,580	„
Серра Марайо	1,422	„
Мальхайо да серра (Серра Эстрелла) .	1,993	„
Браганца	684	„
Ламего.	1,514	„
Кастелло Бранко.	1,468	„

Горы Бейра и промежуточныя между Дуро и Минго получаютъ ежегодно весьма значительное количество влаги, потому что находятся подъ вліяніемъ морскихъ вѣтровъ и противу-пассатовъ, наполненныхъ парами экваторіальныхъ морей. Дожди падаютъ въ изобиліи на склоны этихъ, горъ, но не внезапными, сильными грозами, какъ въ тропическихъ странахъ, а продолжительными ливнями. Облака падаютъ дождемъ чаще всего зимою и весною; однако дожди идутъ и въ другія времена года. Кромѣ того, въ устьяхъ долинъ и по прибрежью до широты Коимбра, часто бываютъ туманы. Встрѣчалось, что въ этомъ городѣ ежегодное количество дождевой воды достигало нѣсколькихъ метровъ подобно западнымъ берегамъ Шотландіи и Норвегіи. Однѣ только нѣкоторыя тропическія страны въ Индіи и Новомъ Свѣтѣ орошаются такими обильными ливнями. Кромѣ того, нужно замѣтить, что на востокѣ Лузитанскихъ горъ: Эстреллы, Монтемура, Марайо, Гереца, климатъ значительно суше прибрежнаго и скатовъ, обращенныхъ къ морю Воздухъ океана теряетъ, на самомъ дѣлѣ, значительную часть своей первоначальной сырости, подымаясь во всю длину горъ, чтобы затѣмъ спуститься на противоположныя долины. Въ узкой долинѣ трансмонтаскаго Дуро, въ которой дожди менѣе обильны чѣмъ въ Порто, большая сухость воздуха немедленно замѣчается на измѣненіи въ растительности: дубы съ твердыми листьями смѣняются — тощими и вновь появляется лѣсистость, столь характерная сухихъ областей юга Таго.

Температура сѣверной Лузитаніи

Коимбра (по Коэлло):

Средняя 16°,68, 15°,22 (Пери)	Зима	11°,24
	Весна	17°,25
	Лѣто	20°,50
	Осень	17°,40
Мѣсяцъ самый холодный (январь)		10°,7
„ „ жаркій (іюль)		20°,8

Порто (по Пери).

Средняя 15°,66.	Зима	10°,6
	Весна	14°,8
	Лѣто	21°,0
	Осень	16°,2
Мѣсяцъ самый холодный (январь)		10°,1
„ „ жаркій (августъ)		21°,3

Средняя дождей: Порто 1,523 милим. въ 115 дней дождя; Лисабонъ 769 милим. въ 138 дней.

Это огромное количество влаги въ воздухѣ, эта паровая ванна, въ которую погружена сѣверная Португалія, обусловливаетъ значительную равномѣрность климата. Въ Коимбрѣ разность между самымъ теплымъ и самымъ холоднымъ мѣсяцами едва достигаетъ 10 градусовъ. Сильныя стужи бываютъ только на плоскогоріяхъ, гдѣ дуетъ сѣверный вѣтеръ, а почти невыносимые жары — въ глубокихъ впадинахъ, гдѣ воздухъ не имѣетъ свободнаго движенія: такова, напр., лощина, на днѣ которой протекаетъ верхній Дуро; у подошвы скалъ, отражающихъ солнечные лучи, человѣкъ чувствуетъ себя какъ въ печи. Но если не брать во вниманіе этихъ исключительныхъ температуръ, то въ общей сложности климатъ сѣверной Лузитаніи вполнѣ умѣренный. Вообще, судя по виду лѣсовъ, луговъ и полей, сѣверная Португалія принадлежитъ болѣе къ полосѣ центральной Европы, чѣмъ Средиземноморской. Пальма вовсе не растетъ въ Португаліи къ сѣверу отъ долины Таго, развѣ въ садахъ, для забавы; за то маслина, апельсинное дерево, кипарисъ представляютъ здѣсь пріятный контрастъ съ деревьями Франціи.

Отличительное дерево сѣверной области составляетъ морская сосна, встрѣчающаяся во всѣхъ значительныхъ прибрежныхъ лѣсахъ до южной границы Садо, отдѣляющей двѣ метереологическія области. Дѣйствительно, на югѣ этой рѣки климатъ слишкомъ сухъ для произрастанія сосны, требующей извѣстной сырости; въ Сетюбалѣ, производящемъ отличную

мѣстную соль, по словамъ Барро Гомъ, испареніе, на одинаковой поверхности, въ восемь разъ значительнѣе испаренія, измѣреннаго на соловарняхъ Авейро, въ центрѣ сосноваго пояса.

Другимъ слѣдствіемъ крайней влажности воздуха и часто выпадающихъ дождей является изобиліе текущихъ водъ. Камоэнсъ и за нимъ множество другихъ поэтовъ прославляли красоту окрестностей Коимбры, орошаемыхъ Мондего, прелесть водопадовъ прозрачность источниковъ, струящихся по скаламъ, покрытымъ коврами зелени. Къ сѣверу отъ Мондего, Вуга, впадающая въ приморскіе пруды Авейро, затѣмъ различные притоки Дуро, а по другую сторону этой рѣки, Ава, Кавадо, Нейва, Лима протекаютъ также среди роскошнѣйшихъ полянъ, гдѣ красота пейзажа увеличивается горными утесами. Лима не единственная рѣка этой страны, которая, по разсказамъ Тита-Ливія, могла заставить римскихъ солдатъ позабыть объ ихъ отечественныхъ рѣкахъ и заслужить отъ нихъ названіе греческаго источника Леты. Всѣ остальныя рѣки сѣверныхъ провинцій имѣютъ столь живописные берега, что, если-бы не слишкомъ частые дожди, тамъ пріятно было-бы и жить и умереть. Лима, называемая испанцами Лиміа, находится еще въ періодѣ геологическаго развитія. Другія рѣки уже опустошили свои озера на плоскогорьяхъ, гдѣ собиралась вода ихъ верховьевъ. Лима, которую съ запада задерживала скалистая плотина, еще не осушила вполнѣ своего обильнаго родника: огромное болото, именно лагуна Беопъ или Антела, напоминаетъ то время, когда середина горъ выполнялась обширнымъ внутреннимъ бассейномъ, въ родѣ Женевскаго озера.

Среднее паденіе португальскихъ рѣкъ слишкомъ значительно, а пороги, загораживающіе ихъ устья, слишкомъ опасны, такъ что эти рѣки не могли пріобрѣсти большаго значенія для судоходства. Всѣ онѣ, правда, имѣютъ свои гавани; однако кромѣ Дуро, шестой рѣки на Иберійскомъ полуостровѣ, ни одна изъ этихъ гаваней не можетъ служить мѣстомъ вывоза для обширныхъ внутреннихъ округовъ, и потому ни одна не имѣетъ серьезнаго значенія для общей торговли страны Берегъ всей сѣверной Португаліи, значительно отличаясь отъ прибрежья Галиціи, исчерченнаго заливами, *rias*'ами и безчисленными безопасными бухтами, тянется длинными отмелями, весьма опасными, когда дуетъ морской вѣтеръ; моряки не безъ основанія боятся этихъ отмелей. Отъ устья Минго до мыса Карвоейро, на пространствѣ около 300 километровъ, прибрежная отмель походитъ на берега французскихъ ландъ, между устьемъ Гаронны и подошвою Пиренеевъ. Кромѣ мыса Мондего и нѣсколькихъ уединенныхъ возвышенностей, у подножія торыхъ стелятся пески, весь

ВИДЪ ГОРОДА ПОРТО.

берегъ представляетъ длинныя отмели съ правильными изгибами; всѣ первоначальныя береговыя неровности, всѣ разнообразныя бухты, входившія глубоко между основаніями горъ, прикрылись полосою песку, постоянно возобновляемою волнами, которыя собираютъ матерьялъ, приносимый рѣками, и сами добываютъ его изъ гранитныхъ скалъ Галиціи. Въ концѣ ледниковаго періода, преобразовавшаго западную Европу въ другую Гренландію, долины Португаліи ужь давно освободились отъ своихъ ледниковъ, между тѣмъ какъ берега Галиціи и Астуріи еще были ими наполнены; точно также и аллювіальные осадки успѣли отложиться на югѣ, а на сѣверѣ они далеко еще не кончены. Общій характеръ страны свидѣтельствуетъ, что вся глубокая долина Вуга была нѣкогда заливомъ, развѣтвлявшимся глубоко внутрь страны; но съ одной стороны морскія отложенія, съ другой—рѣчные наносы выполнили большую часть древняго внутренняго моря. Съ геологической точки зрѣнія, бассейнъ Авейро представляетъ огромное сходство съ бассейномъ Аркашона. Эта рѣка, подобно всѣмъ рѣкамъ побережья, чрезвычайно обильна рыбою; Дуро представляетъ самую южную европейскую рѣку, въ которую заходитъ лосось. Въ нѣкоторыхъ частяхъ испанскаго Дуро животная жизнь до того изобильна, что, по пословицѣ, въ немъ течетъ „не вода, а уха“. Губа Дуро и мѣста сѣверныхъ береговъ кишатъ тысячами морскихъ раковъ, покупаемыхъ крестьянами или которыхъ они сами ловятъ для удобренія своихъ земель.

Подобно прибрежью ландъ, прямолинейный берегъ Бейра-маръ большею частію окаймленъ дюнами, нанесенными морскимъ вѣтромъ. За этими дюнами, внутреннія прѣсныя воды мало-по-малу замѣняютъ соленыя воды древнихъ заливовъ, собираясь въ видѣ прудовъ, вредныхъ для здоровья жителей; ихъ берега, подобно берегамъ стоячихъ водъ юго-западной Франціи, покрыты верескомъ, папоротникомъ, ежевикою, великолѣпнымъ дрокомъ, отъ 6 до 10 метровъ вышиною, между тѣмъ какъ сосѣдніе лѣса состоятъ изъ пробковаго дуба и сосенъ. Благодаря однородности геологическихъ формацій, вся растительность носитъ одинаковый характеръ. Въ прежнія времена португальскія дюны были подвижны и надвигались на воздѣланныя внутреннія поля, но мысль укрѣпить эти дюны посредствомъ растеній явилась въ Португаліи еще раньше, чѣмъ во Франціи. Со временъ короля Диниза „Земледѣльца“, съ начала четырнадцатаго вѣка, песчаные холмы перестали двигаться: они были укрѣплены сосновыми лѣсами. Дюны Авейро соперничаютъ въ вышинѣ съ такими же въ Гасконіи; одна изъ нихъ только на 3 метра ниже Трюкской, самой высокой изъ всѣхъ дюнъ европейскихъ. Фактъ еще не-

разъясненный геологами составляетъ существованіе большихъ камней въ пескахъ нѣкоторыхъ португальскихъ дюнъ, тѣхъ именно, которыя болѣе находятся на югѣ между Віейра и Педрогано: онѣ содержатъ въ настоящихъ „гнѣздахъ“ отрубки кварцитовъ толщиною въ кулакъ или даже въ голову. Какъ эти тяжелые предметы могли быть перенесены съ движущимися песками, на высоту до 35 метровъ.

Населеніе воздѣлываемой части бассейновъ Минго и Дуро весьма многочисленно, сравнительно съ пространствомъ земли. Въ провинціи, заключающейся между обѣими рѣками, населеніе даже чаще, чѣмъ въ сосѣдней провинціи Понтеведра, многолюднѣйшей въ цѣлой Испаніи. Если бы Франція имѣла такую-же относительную населенность, какъ провинція Минго, то въ ней было-бы около 75 милліоновъ жителей. Для того, чтобы прокормиться на столь тѣсномъ пространствѣ, сѣверные португальцы должны работать очень усердно; и дѣйствительно, ихъ провинція самая воздѣланная на полуостровѣ. Это послѣднее обстоятельство объясняется весьма просто еще тѣмъ, что большая часть земледѣльцевъ собственники или, по меньшей мѣрѣ, *foreiros*, т. е. пожизненно пользующіеся доходами съ земли посредствомъ уплаты помѣщику подати въ нѣсколько франковъ. Почти всѣ крестьяне лично заинтересованы въ эксплоатаціи земли и могутъ передавать свои участки одному изъ дѣтей, которое вознаграждаетъ своихъ братьевъ и сестеръ извѣстною суммою денегъ, установленною закономъ.

Благодаря такому распредѣленію земли, почти всѣ низменныя части сѣверной Лузитаніи воздѣланы, какъ одинъ садъ. Линкъ доказалъ, что съ прошлаго столѣтія число зажиточныхъ крестьянъ сдѣлалось обратно пропорціонально роскоши монастырей и объему большихъ помѣстій: въ Минго нерѣдко можно встрѣтить крестьянокъ, которыя, подобно фрисландкамъ и богатымъ сербскимъ женщинамъ, носятъ на себѣ цѣлый ларецъ драгоцѣнностей, преимущественно золотыя ожерелья въ мавританскомъ стилѣ Въ 1846 году, во время возстанія, вызваннаго увеличеніемъ податей, одна энергическая женщина Маріа де Фонте, встала во главѣ горцевъ, и вскорѣ все народонаселеніе сѣвера было во всеоружіи. Жители этой страны придумываютъ самые остроумные способы для орошенія верхнихъ склоновъ скалистыхъ холмовъ; во многихъ мѣстахъ сооруженія для розысковъ ключевой воды представляютъ цѣлыя подземныя галлереи. Многія горы, изрѣзанныя террасами, слѣдуя преданіямъ арабовъ, орошаются самымъ тщательнымъ образомъ и превращаются въ искусственные луга. Эта замѣчательная любовь къ труду соединяется у сѣверныхъ португальцевъ съ высокими нравственными достоинствами. По всеобщему

свидѣтельству, жители этихъ странъ—лучше всѣхъ португальцевъ по мягкости характера, веселому нраву и радушію; неудивительно, что Педро Иво, Бенто Морено и другіе новѣйшіе разказчики избирали ихъ для типовъ и героевъ Исторій деревни"; Жиль Висенте, Антоніо Престесъ и другіе комическіе авторы также искали вокругъ Эстреллы и на берегахъ Мондего типовъ и лицъ для уясненія національнаго характера во всемъ томъ, что составляетъ наиболѣе пріятнаго. Относительно танцевъ и пѣнія, они, по выраженію одного писателя, настоящіе Ѳеокритовы пастухи. Нерѣдко какой-нибудь молодой человѣкъ состязается въ стихахъ съ товарищемъ, и тотъ отвѣчаетъ ему импровизованными риѳмами. Говорятъ, что прежде эти крестьяне отправляли еще духовныя мистеріи. Г. Кравфордъ полагаетъ, что у туземцевъ этихъ областей проявляется наружность и нравы восточныхъ народовъ.

Въ настоящее время самая важная отрасль земледѣльческой промышленности въ сѣверныхъ провинціяхъ есть разведеніе винограда и приготовленіе винъ, извѣстныхъ подъ общимъ названіемъ винъ Порто (портвейнъ). Въ горныхъ странахъ сѣвера виноградную лозу разводятъ только въ огороженныхъ плетняхъ и аллеяхъ, гдѣ она обвиваетъ свои вѣтви вокругъ дубовъ, виргинскихъ тополей и каштанниковъ; сперва ее поддерживаютъ посредствомъ latadas, сѣрыхъ гранитныхъ столбовъ, придавая имъ форму длинныхъ колоннадъ, схожихъ съ размѣреніемъ Карнака. Вино, добываемое изъ этихъ лозъ, слишкомъ прикрытыхъ, остается „зеленымъ", т. е. кислымъ, и въ народномъ нарѣчіи получало названіе „дурнаго скрипача" или ragsante. Главная область виноградниковъ, обыкновенно называемая *Paiz do Vinho*, занимаетъ обнаженные, некрасивые склоны холмовъ къ сѣверу отъ Дуро, между двумя большими его притоками, Тамегою и Туа; эти холмы, состоящіе изъ черноватыхъ, вывѣтрившихся сланцевъ, лѣтомъ подвержены всей силѣ солнечныхъ лучей, а зимою охлаждаются суровыми сѣверными вѣтрами и иногда бываютъ покрыты снѣгомъ; и кромѣ этой области, производящей тонкія вина, на всемъ протяженіи страны воздѣлываются виноградники обширными участками, дающими вина низшаго качества. Лучшія вина страны добываются между Корго и Туа. Въ концѣ семнадцатаго столѣтія округъ верхняго Дуро былъ очень мало обработанъ, и жители его слыли за самыхъ недостаточныхъ; всѣ вина, такъ называемыя Порто, получались тогда съ береговъ нижняго Корго. Англичане не успѣли еще оцѣнить винъ этихъ областей, и Лисабонъ сбывалъ имъ въ изобиліи всѣ вина туземнаго издѣлія, которыя до тѣхъ поръ приходились имъ очень по вкусу. Виноградники Дуро получили нѣкоторое значеніе лишь послѣ

*

договора, заключеннаго лордомъ Метуэномъ въ 1703 г. Съ тѣхъ поръ слава сухихъ винъ Порто не переставала возрастать; общество, основанное маркизомъ Помбаль и нѣсколько разъ мѣнявшееся, занялось продажею и гарантіею выдѣлываемыхъ винъ; городъ Поцо де Регоа, расположенный на берегу Корго въ воронкообразномъ углубленіи между высокими холмами, извѣстными своими винами, сталъ знаменитъ ярмарками, на которыхъ минутными сдѣлками обогащались и разорялись негоціанты; наконецъ, на лѣвомъ берегу рѣки, противъ холма, на которомъ расположенъ Порто, возникъ цѣлый городъ, состоящій изъ погребовъ и складочныхъ магазиновъ. Портвейнъ, какъ настоящій, такъ и фабрикованный и притомъ всегда значительно разбавленный спиртомъ, подобно *sherry* (хересъ), въ продолженіе болѣе ста лѣтъ составляетъ одно изъ неизбѣжныхъ винъ каждаго англійскаго стола. Поэтому почти весь сборъ виноградниковъ Дуро отправляется или прямо въ Англію, или въ британскія колоніи и Соединенные Штаты; до 1852 г. лучшіе сорта винъ, такъ называемыя „вина факторіи“ *(vinhos de feitoria)*, могли быть отправляемы только въ Англію. Капская колонія, англійскія владѣнія въ Индіи, Гонконгъ, Австралія, Новая Зеландія получаютъ значительный запасъ этихъ винъ черезъ Англію, между тѣмъ какъ Франція, покупающая за послѣдніе годы много вина изъ Бейра и Эстремадуры, непосредственно вывозитъ отъ 7 до 8,000 гектолитровъ порто наиболѣе низшаго. Бразильцы и бразильскіе португальцы, послѣ англичанъ, первые потребители порто; Германія занимаетъ третьестепенное мѣсто по важности покупокъ. Надо замѣтить, что португальскіе виноградники производятъ весьма незначительную часть напитка, извѣстнаго подъ названіемъ портвейна: высчитано, что въ годы плохаго сбора винограда потребленіе, такъ называемаго, „Опорто“ въ пятьдесятъ или шестьдесятъ разъ превосходило его дѣйствительное производство.

Производительность португальскихъ виноградниковъ, до мильдіу (1853 г.) была. . .	4.800,000 гектолитровъ.
Альто Дуро, въ 1884 г., послѣ мильдіу и филоксеры	828,665 „
Стоимость	5.000,000 франковъ
Вывозъ въ Англію въ 1882 г. . . .	143,283 гектолитровъ.
„ „ Бразилію въ 1882 г. . . .	137,620 „
„ „ Германію въ 1882 г. . .	12.955 „
„ всего въ 1882 г. (моремъ). . .	316,950 „
„ средній итогъ съ 1872 по 1882 гг.	294,178 „

Въ эти послѣдніе годы филоксера произвела значительныя опустошенія въ области Дуро. Поверхность приблизительно въ 15,000 гектаровъ потеряла виноградники; во всякомъ случаѣ, вслѣдствіе распространенія, которое приняло разведеніе виноградной лозы, съ появленіемъ этого бича, продолжающаго распространяться, общее производство виноградниковъ значительно возросло и Порто отправляетъ нынѣ болѣе винъ чѣмъ прежде. Между тѣмъ важной перемѣнѣ подвергается торговля этого мѣста. Тогда какъ прежде Англія и Бразилія ежегодно покупали старыя вина и высшаго качества, нынѣ торговля по преимуществу обращена на покупку простыхъ винъ.

Разведеніе муловъ, которымъ успѣшно занимаются горцы Трасъ осъ Монтесъ, также представляетъ источникъ значительныхъ доходовъ для сѣверныхъ провинцій; равнымъ образомъ какъ и откармливаніе рогатаго скота, замѣчательно красивыхъ животныхъ, которыя вывозятся въ пограничныя испанскія провинціи для дальнѣйшаго отправленія въ Англію. Вывозъ животныхъ изъ Порто въ Англію, въ 1882 году, доходилъ до 22,415 штукъ. Кромѣ того, португальцы занимаются разведеніемъ скороспѣлыхъ плодовъ для рынковъ лондонскихъ и даже Ріо-Жанейро. Что касается собственно мануфактурной дѣятельности, особливо мелкой, то она пріобрѣла значительное развитіе въ этой части Португаліи, начиная съ среднихъ вѣковъ; присутствіе множества англичанъ, умѣющихъ искусно пользоваться доходными источниками страны, значительно подвинуло впередъ фабричную промышленность. Состояніе мануфактурной дѣятельности въ области Порто въ 1881 году было: 556 заведеній, занимающихъ 63,104 человѣкъ. Стоимость производствъ: 57.208,765 франковъ. Порто имѣетъ много прядильныхъ хлопчато-бумажныхъ, шерстяныхъ и шелковыхъ фабрикъ, металлургическихъ и сахарныхъ заводовъ; его ювелиры и сосѣдняго города, Кондомаръ, золотые мастера и перчаточники пользуются извѣстностью. Однако воздѣлываніе земли, промышленность, законная торговля и наконецъ контрабанда, производимая въ обширныхъ размѣрахъ на границахъ округа Браганца, недостаточны для прокормленія всего населенія; страна, слишкомъ густо населенная, должна высылать ежегодно тысячи переселенцевъ, которые, подобно ихъ сосѣдямъ галлегосамъ, отправляются искать счастья въ Лисабонъ, или даже по ту сторону океана, въ Пару, Пернамбуко, Багію, Ріо-Жанейро, на бразильскія плоскогорья. Благосостояніе Бразиліи составлено и поддерживается смѣлыми колонистами, выходящими главнымъ образомъ съ бассейна Минго и Дуро: хотя бразильцы косо смотрятъ на нихъ, однако они суть истинные производители богатствъ американской Португаліи.

Большая часть эмигрантовъ изъ Минго и Трасъ осъ Монтесъ, отправляющихся въ Бразилію въ числѣ отъ десяти до двѣнадцати тысячъ ежегодно, выѣзжаетъ или изъ Виго или Лисабона. Самъ же Порто имѣетъ самую незначительную важность для эмиграціи. Недавно, когда путешествіе еще не было облегчено желѣзными дорогами, сѣверные португальцы, останавливавшіеся въ Лисабонѣ, шли многочисленными артелями, подъ предводительствомъ старшины, или *capataz*, слѣдуя, отъ гостинницы до гостинницы, по проторенному пути. Жители округа Віанна ходятъ преимущественно въ качествѣ штукатурщиковъ и каменьщиковъ. Нѣкоторые округи населены почти исключительно женщинами; половина мужчинъ на отхожихъ промыслахъ.

Жители верхнихъ провинцій не только пользуются привилегіею безпрерывно возобновлять расу южныхъ португальцевъ и ихъ заморскихъ родичей, — они же составили и политическое положеніе государства. Именно Порто Кале, бывшій на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится предмѣстье Вилланова де-Гайя, противъ города Порто, сообщилъ свое названіе всѣмъ португальскимъ областямъ, вмѣстѣ взятымъ; въ Ламего, расположенномъ на возвышенности, господствующей съ юга надъ глубокою долиною Дуро, кортесы провозгласили въ 1143 г. Португальское королевство, судя по преданію, болѣе или менѣе вѣроятному. Порто былъ первоначально столицею новаго государства, какъ Брага нѣкогда была столицею свевскихъ королей; когда, послѣ короткаго владычества испанцевъ, страна вновь пріобрѣла политическую независимость, на престолъ были избраны герцоги Браганцскіе, изъ Трасъ осъ Монтесъ, жившіе по большей части въ ихъ замкѣ Вилла Вицоза въ Алемтейо. Хотя прекрасное мѣстоположеніе Лисабона и его центральное положеніе обезпечиваютъ за нимъ выдающуюся роль, тѣмъ не менѣе, въ случаѣ какихъ нибудь переворотовъ, иниціатива дѣйствій часто выходитъ изъ Порто. Замѣтно, что успѣхъ національной революціи и отдѣльныхъ партій особенно зависитъ отъ образа дѣйствій энергичныхъ сѣверныхъ жителей. Они вполнѣ самостоятельны и не повинуются Лисабону, не обсудивъ предварительно его распоряженій; поэтому Порто получилъ названіе „мятежнаго города“. Если вѣрить самимъ *Portuenses*, то они стоятъ гораздо выше своихъ соперниковъ *Lisbonenses* по энергіи и нравственнымъ силамъ; они одни достойны быть потомками тѣхъ португальцевъ великаго вѣка, которые путешествовали по морямъ, отыскивая неизвѣстные народы; во всякомъ случаѣ, они отличаются отъ жителей столицы болѣе рѣшительною поступью, короткою рѣчью и открытымъ взглядомъ. Въ народномъ языкѣ жители Порто и Лисабона получили не совсѣмъ благо-

звучныя прозвища *tripeiros* (пожиратели внутренностей) и *alfasinhos* (пожиратели овощей).

Порто или Опорто, т. е. „Портъ", представляетъ естественную метрополію всей Лузитаніи и второй городъ Португаліи по торговлѣ и населенности; въ промышленномъ отношеніи онъ занимаетъ первое мѣсто; треть его жителей приблизительно живетъ промышленностью. Съ береговъ Дуро, имѣющаго въ этомъ мѣстѣ не болѣе 200 метровъ, Порто является роскошно раскинутымъ двумя амфитеатрами. Два холма, на которыхъ онъ расположенъ, раздѣлены узкою долиною, наполненною зданіями; надъ холмами возвышаются съ одной стороны соборъ, съ другой — высокая, изящная колокольня *dos Clerigos* (священниковъ), служащая путеводнымъ пунктомъ для моряковъ, которые подходятъ съ океана къ устью порта. Внизу разстилаются широкія щеголеватыя улицы, вытянутыя по прямымъ линіямъ, но очень худо вымощенныя; прекрасныя площади, похожія на существующія во всѣхъ современныхъ торговыхъ городахъ, прорѣзываютъ правильными четыреугольниками этотъ торговый и промышленный городъ; по склонамъ холмовъ тянутся къ верхнимъ кварталамъ крутыя, извилистыя улицы и даже лѣстницы. Порто имѣетъ нѣсколько большихъ школъ наукъ и искусствъ, музеевъ, библіотекъ и ученыхъ обществъ. Студентовъ, находившихся въ разныхъ школахъ, политехнической, медицинской и проч. въ 1883—1884 г. было 879. Въ промышленномъ институтѣ въ томъ же году 1,223 ученика. По лѣвому берегу рѣки тянется, въ видѣ длиннаго предмѣстья, городъ фабрикъ и складочныхъ магазиновъ,—Гайя; въ его погребахъ, какъ говорятъ, находится среднимъ числомъ до восьмидесяти тысячъ пипъ, т. е. четыреста тысячъ гектолитровъ вина. Оба города, прежде соединенные маленькимъ висячимъ мостомъ, теперь связаны другъ съ другомъ желѣзною аркадою съ отверстіемъ въ 172 слишкомъ метра. Эта удивительная арка, одна изъ замѣчательнѣйшихъ построекъ новѣйшей техники, поддерживаетъ два моста, меньшій раздвижной, соединяющій обѣ набережныя на 12 метровъ надъ отливомъ, который она держитъ на желѣзныхъ рейкахъ, и другой большой, перекинутый съ одного холма на другой: этотъ высокій промежутокъ имѣетъ 391 метр. длины и проходитъ на 62 метра надъ рѣкой. Въ двухъ километрахъ съ верховьевъ рѣки по желѣзной дорогѣ изъ Лисабона въ Порто проходитъ другой желѣзный мостъ, подобной же конструкціи, построенный нѣсколько лѣтъ ранѣе и немного меньше. По берегамъ рѣки и ихъ террасамъ находятся прекрасныя мѣста для гулянья, откуда видна живописная панорама рѣки съ ея длинными извилинами, съ плывущими по ней судами и рядами дачъ, голубоватые фасады кото-

рыхъ отражаются въ зеркальной поверхности воды. Вдали, на холмахъ, виднѣются старинные монастыри, сторожевыя башни, деревни, полускрытыя въ зелени; къ такимъ деревнямъ относится небольшое селеніе Авинтесъ, расположенное на высотѣ южнаго берега Дуро, къ юго-востоку отъ Порто, и славящееся красотою своихъ женщинъ; какъ рыбачки, онѣ отправляются ловить рыбу въ открытое море. Онѣ ежедневно приносятъ въ городъ *bróa*, или маисовый хлѣбъ, broya Беарнисъ, играющій важную роль въ пищѣ жителей Порто: обыкновенный хлѣбъ получается изъ Валлонго, лежащаго километрахъ въ пятнадцати къ сѣверо-востоку отъ Порто.

Со стороны моря, оба родственные города, Порто и Гайя, продолжаются въ видѣ предмѣстій по направленію къ устью, котораго, можетъ быть, когда нибудь достигнутъ, если только мѣстные источники промышленности не перестанутъ развиваться и новые пути сообщенія съ внутреннею Испаніею будутъ доставлять на рынки нижняго Дуро болѣе значительный матерьялъ для торговли. Устье Дуро весьма опасно. При низкомъ стояніи воды входъ въ рѣку имѣетъ не болѣе 4 метровъ глубины; кромѣ того, устье очень узко, а сосѣднія скалы угрожаютъ опасностью проходящимъ судамъ. Наконецъ, въ самой рѣкѣ суда отъ четырехсотъ до пятисотъ топнъ, идущія къ пристанямъ Порто и Гайя, должны остерегаться еще одной опасности, именно—половодья; послѣ сильныхъ дождей, когда рѣка вздувается въ своемъ узкомъ руслѣ, часто лопаются канаты и тонутъ якоря. Слѣдовательно, портъ Дуро, торговое движеніе котораго все возрастающее доходитъ до 100 милліоновъ, соперничаетъ въ торговой дѣятельности съ Портомъ Таго при гораздо болѣе невыгодныхъ условіяхъ.

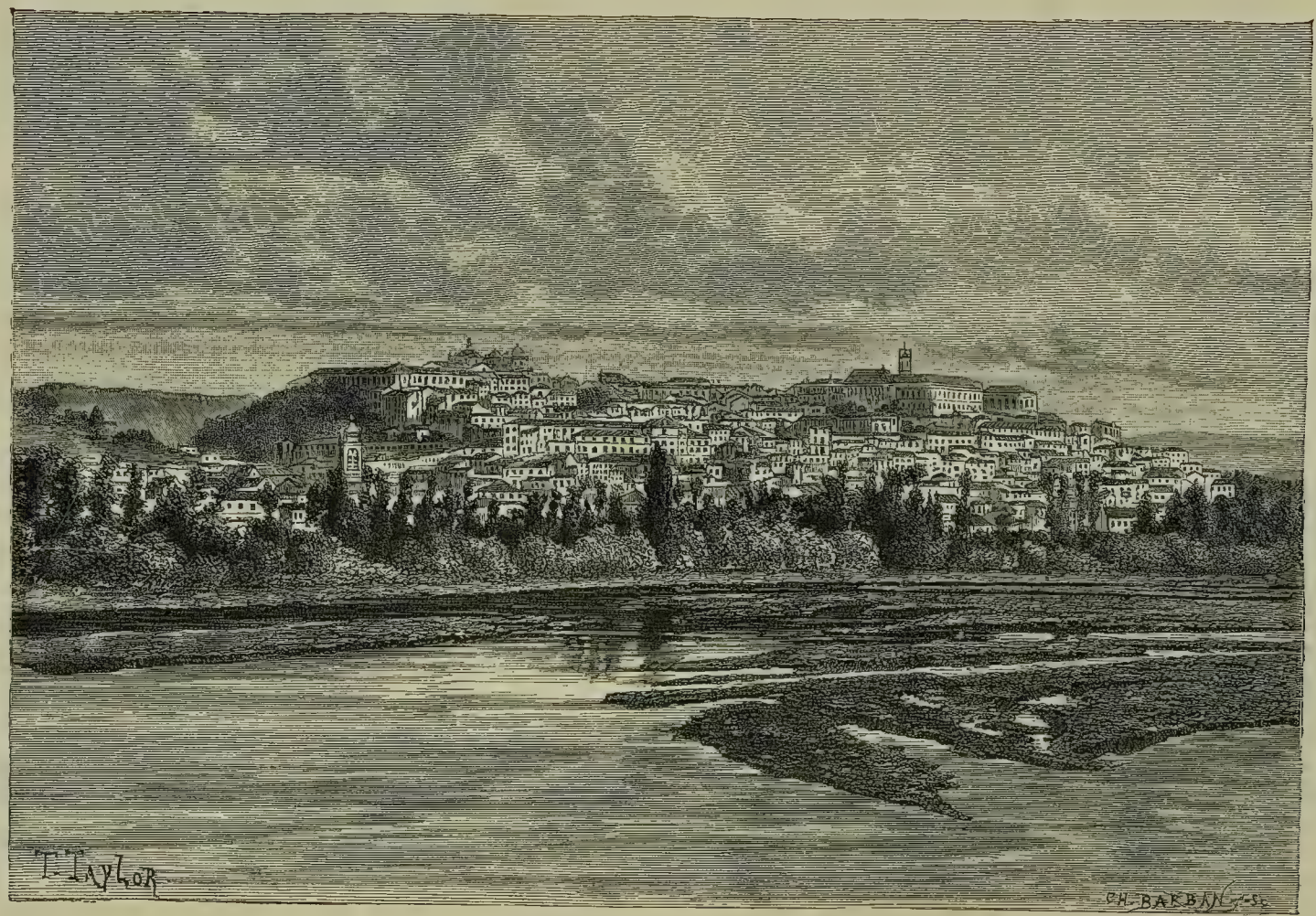
Внѣшняя торговля Порто въ 1885 г. была:

Ввозъ	58.763,750 франковъ.
Вывозъ	45.421,960 „
Всего . .	104.185,710 франковъ.

Движеніе порта въ 1882 году:

Входъ:	859	судовъ	съ грузомъ,	вмѣстимостью	266,848 тоннъ.
Выходъ:	607	„	„	„	205,262 „
Всего	1,466	судовъ	съ грузовъ,	вмѣстимостью	472,110 тоннъ.

Съ 1884 года занимаются постройкою порта на берегу, непосредственно на западѣ Порто, противъ деревни Лейксоенсъ. Поверхность порта обнимаетъ пространство въ 96 гектаровъ, при глубинѣ болѣе чѣмъ достаточной для большихъ кораблей, отъ 7 до 15 метровъ, и ограничено



ВИДЪ ГОРОДА КОИМБРЫ.

къ югу насыпью въ 1,151 метровъ, и къ сѣверу и сѣверо-западу плотиною въ 1,546 метровъ, которая опять соединяется съ рядомъ подводныхъ камней.

Городокъ Сайо Жоайо да Фоцъ, незначительная крѣпость котораго сторожитъ устье рѣки, имѣетъ маякъ, предупреждающій объ опасности подходящія суда; но въ самомъ городкѣ нѣтъ никакого торговаго движенія; подобно своей сосѣдкѣ Лесѣ, посѣщаемой преимущественно благодаря красотѣ его окрестностей, чистотѣ воздуха и сосѣдству сосновыхъ лѣсовъ; лѣтомъ съ каждымъ поѣздомъ пріѣзжаетъ сюда множество жителей изъ Порто; она все болѣе и болѣе дѣлается предмѣстьемъ большаго города. Дачники отправляются также въ большомъ числѣ на пески Эспинхо, красивую деревню, населенную еще въ 1840 году лишь одними рыбаками, промышляющими ловлею сардинокъ. Множество маленькихъ гаваней побережья, тянущихся къ сѣверу, до испанской границы, подобно Сайо Жоайо, обязаны своимъ торговымъ движеніемъ болѣе посѣтителямъ, пріѣзжающимъ купаться, чѣмъ торговымъ судамъ. Во всѣхъ остальныхъ рѣчныхъ портахъ сѣверной Португаліи еще меньше воды въ устьяхъ, чѣмъ въ Дуро, а потому въ нихъ производится лишь незначительная каботажная торговля. Въ Минго самый глубокій проходъ имѣетъ не болѣе 2 метровъ при низкой водѣ, по которому тѣмъ не менѣе ходятъ сотни рыбачьихъ судовъ; при его устьѣ стоитъ португальскій часовой, маленькій укрѣпленный городокъ Каминха и, кромѣ того, находится „островокъ“, или Insua, замѣчательный источникомъ ключевой воды. При устьѣ Лимы, представляющемъ, пожалуй, еще болѣе затруднительный доступъ, расположенъ городокъ, имѣющій однако нѣсколько большее значеніе, чѣмъ городъ Минго, именно кокетливая Віанна до Кастелло, изящно пріютившаяся среди плодородной поляны, усѣянной дачами. При устьѣ Кавадо лежитъ другой маленькій портъ, городъ Эспоценде; затѣмъ на Авѣ расположена Вилла до Конде, отчасти оживленная работою на верфяхъ. Здѣсь еще недавно строились узкія, быстрыя на ходу суда для торга невольниками; кромѣ судовъ для большихъ экспедицій съ цѣлью открытій, увѣнчавшихъ славою Португалію, всѣ лучшія суда были построены плотниками Вилла до Конде. Свевскія народонаселенія, едва смѣшанныя съ туземнымъ, удержались внутри странъ, удаленныхъ отъ портовыхъ береговъ. Особенно считаются германскими двѣ деревни де Соажо и Сао-Мигуэль, близъ города Аркосъ де Валь де Веца, лежащія въ небольшихъ долинахъ Лима, открывающихся по сосѣдству горнаго хребта серра де Герецъ. Высокіе и здоровые жители имѣютъ глаза голубые, волосы свѣтлые, какъ ихъ предки, сохранивъ въ своемъ португаль-

скомъ патоа нѣсколько словъ тевтонскихъ. Сажо была маленькая республика, управляемая homens bons, избираемыми всеобщею подачею голосовъ; должностныя лица, назначаемыя правительствомъ, не имѣли никакого вліянія: всѣ рѣшенія принимались и исполнялись именемъ коммуны „хорошими людьми“. Даже въ случаѣ совершенныхъ преступленій, обыкновеннымъ судомъ доводилось рѣдко тамъ судить: ни одинъ коммунецъ не выдавалъ другаго. „Кто совершилъ преступленіе?“ спрашивали у нихъ. „Мы всѣ его совершили!“ кричали они хоромъ. Они сами наказывали виновнаго штрафомъ или изгнаніемъ. Послѣдній не имѣлъ права болѣе находиться въ коммунѣ; никто не хотѣлъ его знать, ему не отвѣчали на его слова: хотя его не изгоняли, но оставленный всѣми, ему оставалось только бѣжать. Вслѣдствіе отдаленности небольшихъ селеній, въ коммунѣ Сао-Мигуэль, равно какъ въ Брителло, сохранились еще частью эти старые обычаи, но они исчезнутъ съ появленіемъ первой большой дороги въ эти деревни. Soajenses, уже въ большомъ количествѣ переселяющіеся въ города, сами собою разрушаютъ эту общественную жизнь.

Изъ числа городовъ, расположенныхъ внутри провинціи Энтре-Дуро и Минго, Понте де Лима съ римскимъ мостомъ о тридцати одномъ сводѣ издавна знаменитъ красотою своихъ окрестностей; Барчеллосъ, родина Жиль Виценте, такъ сказать, виситъ на утесахъ, господствующихъ надъ Кавадо и ея тѣнистыми берегами; Амаранге, знаменитый своими винами и рыбною ловлею, гордится своимъ прекраснымъ мостомъ чрезъ Тамегу. Наиболѣе замѣчательныя воды въ странѣ Кальдасъ де Герецъ, или „Тхермесъ“ де Герецъ, температура которыхъ достигаетъ 63 стоградусныхъ градусовъ, бьютъ ключомъ въ одной долинѣ Кавадо, у подошвы утесистыхъ горъ, покрытыхъ буками и соснами. Въ окрестностяхъ Гвирамайесъ находятся также сѣрныя воды, очень посѣщаемыя, которыя были извѣстны еще римлянамъ подъ названіемъ Aquae Levae. Но два города, имѣющіе дѣйствительное значеніе по населенности, промышленности и богатству, составляютъ два сосѣдніе города, Брага и Гвимарайесъ; оба они живописно расположены на холмахъ, откуда открывается видъ на роскошныя поляны. Брага *(Bracaraugusta)*, бывшая римская колонія, столица каллаикесовъ или галиційцевъ, затѣмъ свевовъ, резиденція древнихъ португальскихъ королей и примаса всего полуострова, замѣчательна не одними только историческими воспоминаніями: она представляетъ также торговый и дѣятельный промышленный пунктъ; здѣсь изготовляются шляпы, шерстяныя издѣлія, оружія, разныя работы изъ слоновой кости и дерева, филиграновыя издѣлія чистой,

изящной работы для Португаліи, Бразиліи и Гвинейскихъ колоній. Недалеко отъ Брага, на горѣ Сао-Ромао, г. Сарменто открылъ citania,— родовое имя, данное въ странѣ приримскимъ постройкамъ,—Цитанія Бритеіросъ, занимающая около одного квадратнаго километра и въ которой отрыли дома, площади, улицы, кругообразныя стѣны, памятники со скульптурой и надписями, родъ Помпеи кельтическаго, какъ полагаютъ, происхожденія, что доказываютъ остатки посуды, одинаковые съ тѣми, которые отыскиваютъ въ жилищахъ послѣднихъ; впрочемъ многіе остатки Цитанія, обитаемой еще въ римскую эпоху, даютъ возможность предполагать и финикійское происхожденіе. Гвимарайесъ интересенъ не менѣе Браги своими памятниками и средневѣковыми легендами; въ старинномъ замкѣ, возвышающемся надъ городомъ и его башнями, родился Аффонзо, основатель португальской монархіи. Здѣсь показываютъ у паперти одной церкви священную маслину, выросшую изъ палки или скорѣе varapáu, палки крѣпкой и легкой, съ набивными мѣдными концами вверху и внизу; оружіе наступательное и оборонительное, которое португальскій крестьянинъ любитъ не менѣе баска. Когда Вампа былъ еще земледѣльцемъ, онъ воткнулъ въ землю свой варапау, пустившій немедленно корень и почки, и съ тѣхъ поръ вновь зеленѣя изъ столѣтія въ столѣтіе даетъ ежегодно плодъ простосердечный символъ работящаго народа, вкоренившагося въ землю, прицѣпившагося къ утесамъ и живущаго также долго, какъ и священная маслина. Кромѣ того, Гвимарайесъ весьма промышленный городъ; въ немъ находятся фабрики ножевыя, разныхъ мелкихъ мѣдныхъ и желѣзныхъ издѣлій, мастерскія столоваго бѣлья, кожевенныя, консервовъ; англичане всегда запасаются здѣсь коробочками сливъ, оригинально изукрашенными.

Города Трасъ осъ Монтеса, подобно городамъ Беира Альта, къ югу отъ долины Дуро, расположены по большей части въ областяхъ слишкомъ гористыхъ и слишкомъ удалены отъ большихъ торговыхъ дорогъ, и потому не многолюдны; Вилла Реаль, на Корго, представляетъ самую торговую мѣстность Трасъ осъ Монтеса, благодаря окрестнымъ виноградникамъ и имѣетъ настоящіе дворцы:

Производство виноградниковъ въ области де Вилла Реаль въ 1884 году доходило до . . . . . 223,745 гектолитр.

Поверхность виноградниковъ въ томъ же году:

14,460 гектаровъ, производящихъ . . . . . 297,432 гектолитр.

Шавесъ, близъ испанской границы, есть древняя крѣпость, сохранившая, на Тамегѣ, одинъ изъ мостовъ, прославившихъ вѣкъ Траяна; во

времена римлянъ городъ былъ знаменитъ минеральными источниками (50° до 56°), имя которыхъ (Aquae Flaviae) сохранилось, въ искаженной формѣ, въ названіи города Видаго. Вишн португальское очень посѣщаемо. Браганца, главный городъ древней провинціи Трасъ осъ Монтесъ, съ прекрасною цитаделью, занимаетъ въ сѣверо восточномъ углу королевства весьма важное положеніе для торговли законной или контрабандной; сообразно съ колебаніями таможеннаго тарифа, Браганца отправляетъ тѣмъ или другимъ способомъ матеріи и другіе товары изъ своихъ складочныхъ магазиновъ; она представляетъ самый важный пунктъ Португаліи по производству шелка-сырца. Къ югу отъ Дуро расположенъ живописный городъ Ламего, надъ рѣкою, противъ области обширныхъ виноградниковъ; онъ извѣстенъ своею ветчиною; Альмеида, наблюдающій за границею и держащій на-сторожѣ испанскій гарнизонъ Ціудада Родриго, нѣкогда оспаривалъ у города Эльваса мѣсто первой крѣпости Португаліи; Визеу, знаменитый подвигами лузитанца Виріатуса въ эпоху римскаго владычества, представляетъ важное мѣсто прохода между долиною Дуро и Мондего. Его мартовскія ярмарки самыя многолюдныя въ цѣлой Португаліи. Въ соборѣ его находится самая замѣчательная картина Португаліи, мастерское произведеніе, приписываемое одному живописцу Гранъ Васко, самое существованіе котораго остается загадочнымъ. Пастухи окрестностей Визеу красивые и сильные мужчины, съ обнаженною головою и голыми ногами, они имѣютъ весьма дикій видъ, хотя, подобно всѣмъ своимъ соотечественникамъ, весьма вѣжливы и держатся съ достоинствомъ.

Коимбра, древній *Aetipium* и преемница римской Конимбрики, расположенная въ Бейра-маръ, есть самый замѣчательный и населенный городъ, послѣ двухъ метрополій — Лисабона и Порто. Коимбра особенно замѣчательна какъ университетскій городъ; тысяча или пятьсотъ школьниковъ и студентовъ, число которыхъ прежде было вдвое болѣе, профессора въ длинныхъ мантіяхъ, и цѣлый отдѣльный школьный міръ, напоминающій университетскія республики среднихъ вѣковъ, придаютъ городу особенный характеръ. Въ университетѣ Коимбра въ 1883 — 1884 г. было 1,154 студента, библіотека состояла изъ 100,000 экземпляровъ. Здѣсь говорятъ самымъ чистымъ португальскимъ языкомъ. Коимбра отличается также красотою окрестностей, апельсинными рощами, дачами, разсыпанными въ зелени, своимъ прекраснымъ ботаническимъ садомъ, въ которомъ тропическія растенія живописно чередуются съ растительностью умѣреннаго пояса. На берегу прозрачнаго Мондего, откуда виденъ весь городъ, живописно расположенный амфитеатромъ по склону холма, нахо-

дится *quinta das Lagrimas* (домъ Слезъ), въ которомъ была умерщвлена прекрасная Инеса де Кастро, впослѣдствіи столь жестоко отмщенная своимъ мужемъ, Петромъ Правосуднымъ. Надъ тѣломъ Инесы, русалки Мондего проливали слезы, превратившіяся въ источникъ чистой воды: такъ гласитъ легенда, написанная, можетъ быть, прекрасными стихами Камоэнса и высѣченная на камнѣ, въ тѣни большихъ кедровъ.

Въ Европѣ не много найдется мѣстностей столь очаровательныхъ, какъ поляны Бейра-маръ, орошаемыя Мондего, этою „рѣкою Музъ", которая тѣмъ болѣе дорога португальцамъ, что вся протекаетъ на ихъ территоріи. Одна изъ деревень, расположенныхъ между Коимброю и моремъ, носитъ вполнѣ заслуженное названіе Формозелга; сосѣдній съ нею городъ называется Кондеса Нова, который, по одному переводу, вѣроятно неправильному, производится отъ Кондейкса, что значитъ „Корзина Плодовъ"; трудно придумать удачнѣе названіе для этого города: его апельсины превосходны и составляютъ одинъ изъ главныхъ предметовъ торговли для Коимбры; его прекрасно воздѣланные сады съ роями пчелъ замѣчательны своею зеленью, цвѣтами и фруктами. На югѣ, Миранда де-Корво и Соуре имѣютъ также прекрасные плодовые сады. Къ сѣверу, въ живописной горной группѣ расположенъ, замѣчательный по красотѣ, древній монастырь Буссако, построенный на террасѣ среди величественнаго лѣса, состоящаго изъ кипарисовъ, кедровъ, дубовъ, вязовъ; особенно замѣчательны кедры: одна изъ папскихъ буллъ грозила духовными наказаніями каждому повредившему черенки, вывезенные монахами Сито изъ Либанъ. Широкая дорога, ведущая къ монастырю, преобразованному теперь въ дачи для богатыхъ жителей Коимбры, извивается крутыми заворотами въ тѣни густыхъ аллей. У подошвы горы струятся минеральные источники Лузо, которые въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ начали привлекать многочисленныхъ посѣтителей, въ особенности благодаря красотѣ окружающей мѣстности. Пихты Гоа и другія экзотическія деревья въ первый разъ въ Европѣ были посажены въ лѣсу Буссако.

Портъ города Коимбры, Фигуэйра да Фоцъ, изъ всѣхъ портовъ побережья наилучше защищенный, подобно всѣмъ рѣчнымъ гаванямъ сѣверной Португаліи, имѣетъ одно важное неудобство: входъ въ него загроможденъ подвижною песчаною отмелью. Тѣмъ не менѣе въ устье Мондего, на югѣ котораго находятся посѣщаемыя купальни Лавосъ, заходитъ довольно значительное количество каботажныхъ судовъ за фруктами и другими растительными продуктами этой продородной страны: всѣ вина округа Барраида, добываемыя на равнинахъ между Мондего и Вугою, даже получили названіе „Фигуэйрскихъ винъ" отъ порта ихъ отправленія,

и подъ этимъ именемъ очень цѣнятся въ Бразиліи. Желѣзная дорога соединяетъ теперь этотъ портъ съ Коимброй и чрезъ Саламанку съ европейскою сѣтью. Это самый ближайшій португальскій портъ къ Парижу. На сѣверѣ, Мира имѣетъ только одинъ опасный берегъ. Два другіе, наиболѣе дѣятельные порта въ странѣ, городъ Оваръ и Авейро, расположены въ „португальской Голландіи“, на берегахъ бассейновъ, отдѣленныхъ отъ моря прибрежными дюнами; пробовали ослаблять эти морскіе насосы насажденіями евкалиптуса. Въ средніе вѣка и въ періодъ великихъ открытій, при посредствѣ этихъ двухъ городовъ производилась весьма обширная мѣновая торговля и рыбная ловля. Авейро имѣлъ до ста шестидесяти судовъ, употреблявшихся для рыбной ловли въ большихъ размѣрахъ. Однако, наростаніе песчаной отмели положило конецъ этому благосостоянію Берегъ, покрытый пескомъ, не выдерживалъ напора волнъ, и перемѣщался-бы послѣ каждой бури, если-бы жители не старались укрѣпить входъ въ гавань рядами свай, къ основанію которыхъ наносятся теченіемъ груды ила; однако всѣ эти укрѣпляющія средства не всегда достаточны и фарватеръ часто перемѣщается Старинный проходъ, называемый Барра да Вагейра, находился у южной оконечности длиннаго внутренняго лимана. Въ настоящее время онъ лежитъ прямо противъ Авейро; здѣсь провозится соль, хлѣбъ и фрукты, сплавляемые изъ внутреннихъ областей по рѣкѣ Вугѣ, снабженной каналами. Varinos или Vareiros, моряки Овара, Авейро и сосѣднихъ съ ними Ильгаво, Муртоца, главнымъ образомъ занимаются сборомъ водорослей, ловлею сардинокъ, разведеніемъ устрицъ и имѣютъ обширныя заведенія для соленія рыбы; они пользуются репутаціею наиболѣе храбрыхъ береговыхъ моряковъ. Превосходно сложенные, отличные ходоки, значительное число ихъ эмигрируетъ въ Лисабонъ, гдѣ они, образуя твердую колонію, дѣлаются грузильщиками судовъ, солельщиками и торговцами рыбы.

Города Португаліи на сѣверѣ Серра Эстреллы, имѣвшіе болѣе 5,000 жителей въ 1878 году:

Порто.	108,350 жит.
Авекъ Га и сосѣднія деревни	170,000 „
Брага.	20,260 „
Коимбре (Коимбра). . .	16,550 „
Повоа де-Варцимъ . . .	11,000 „
Оваръ.	10,450 „
Віанна де Кастелло. . .	9,250 „
Муртоца	9,150 „

Ильгаво	8,600 жит.
Ламего	8,400 „
Гвимараэсъ	8,200 „
Визеу	7,250 „
Авейро	7,170 „
Мира	6,554 „
Шавесъ	6,524 „
Соуре	6,219 „
Миранда де-Ковро	5,855 „
Вилла Реаль	5,525 „
Браганца	5,495 „

Моряки Авейро, сосѣдняго съ нимъ Ильгаво и города Овара, пользуются репутаціею самыхъ предпріимчивыхъ изъ прибрежныхъ жителей. Они занимаются главнымъ образомъ ловлею сардинокъ и разведеніемъ устрицъ; на берегу моря у нихъ построены обширныя заведенія для соленія рыбы.

III.

ДОЛИНА ТАГО, ЭСТРЕМАДУРА.

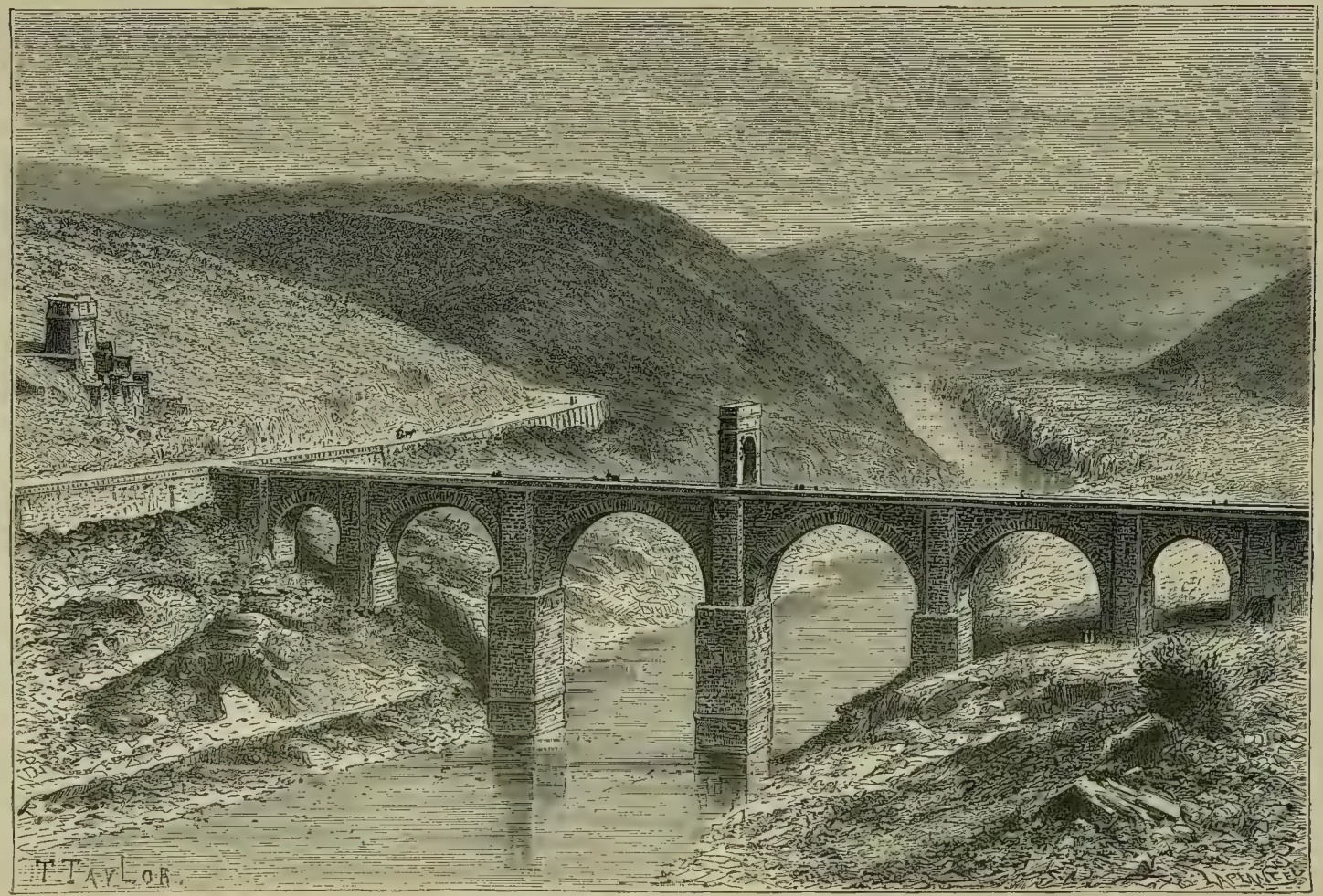
Таго своимъ нижнимъ теченіемъ раздѣляетъ Португалію на двѣ неравныя части, весьма различныя по общему виду, почвѣ и климату. Долина этой рѣки представляетъ естественный переходъ отъ сѣверной Португаліи къ южной; здѣсь, при великолѣпномъ лиманѣ, возникла столица государства и одинъ изъ значительнѣйшихъ городовъ вселенной.

При входѣ въ Португалію, ниже грандіознаго Алькантарскаго моста, Таго, образующій вначалѣ границу между обоими государствами, все еще порожистъ, быстръ и непригоденъ ни для торговаго движенія, ни для орошенія прибрежныхъ плоскогорій; онъ протекаетъ около 140 метровъ выше уровня моря и долженъ еще пройти черезъ цѣпь утесовъ, сквозь ущелье Вилла Велха де Родайо. По другую сторону горъ рѣчная долина понемногу расширяется; здѣсь Таго принимаетъ Понсуль, проходящій у подножія холма, на которомъ стоитъ древній городъ форте де Кастелло Бранко, затѣмъ соединяясь съ Зезерою, берущею начало въ серра Эстреллѣ, въ верховьѣ Ковильчіа, мѣняетъ направленіе, направляясь къ юго-западу въ руслѣ, усѣянномъ островами и песчаными банками. Въ этой части теченія спокойныя воды Таго судоходны во всѣ вре-

мена года. Ниже селенія Сальватерра начинается настоящая дельта; главное русло идетъ, съ правой стороны, вдоль основанія холмовъ, а второстепенное русло принимаетъ слѣва двѣ рѣки, Соррайю и Санто Эстевайо, и окаймляетъ съ восточной стороны большой низменный островъ Лезиріасъ, почти необитаемый и прорѣзанный болотистыми каналами. Два рукава, окружающіе островъ съ южной стороны, содержатъ уже морскую воду; морской приливъ два раза въ сутки расширяетъ эти рукава и разливается на далекое разстояніе по низменнымъ берегамъ. Рѣка теряется въ обширномъ лиманѣ Лисабона, шириною въ 15 километровъ, за которымъ сохранилось названіе Таго; однако онъ представляетъ настоящій заливъ съ болѣе или менѣе соленою водою, смотря по тому, бываетъ-ли половодье или низкое стояніе воды; уже близъ самой сѣверной оконечности обширнаго бассейна, между Сакавемомъ и Альгандрою, берегъ окаймленъ солеварнями. Граница между моремъ и рѣчною водою ясно обозначается: съ одной стороны являются глубокія воды, подымающія суда; съ другой — видно быстрое теченіе по песчаному руслу, которое во время засухи крестьяне переходятъ въ бродъ, и очищается потокомъ во время половодій.

Таго принадлежитъ къ числу рѣкъ, самымъ яснымъ образовъ доказывающихъ, направленіемъ своего теченія, стремленіе текучихъ водъ сѣвернаго полушарія размывать ихъ правые берега. Прежде Таго несъ огромную массу воды, которая смыла часть прибрежныхъ земель въ низовьѣ области. При этомъ, по очертаніямъ почвы, видно, также отчетливо какъ на картѣ вертикальнаго разрѣза, что потоки пронеслись потопомъ по полянамъ лѣваго берега и сравняли всѣ выступы, потому что они безпрерывно надвигались вправо, т. е. къ сѣверу, протекая у подножія горъ и холмовъ системы Эстреллы. Оба берега Таго представляютъ столь-же рѣзкій контрастъ, какъ берега сибирскихъ рѣкъ: лѣвый берегъ, или за Тагскій (Алемъ-Тейхо) — низовый; правый, напротивъ, крутой, верховый; съ этой стороны встрѣчаются отвѣсные, утесистые склоны иногда въ нѣсколько сотъ метровъ высоты, которые, по ихъ величественному виду, можно даже сравнить съ горами.

Небольшая неправильная горная цѣпь, образующая хребетъ полуострова, заключеннаго между Таго и океаномъ, соединяется съ горами Эстреллы изборожденнымъ порогомъ, черезъ который проходитъ желѣзная дорога изъ Сантарема въ Порто и гдѣ собираются источники обоихъ склоновъ. Къ югу отъ Лейріи, холмы болѣе высокіе служатъ предгорьями господствующей вершины, Серра до Аире, или „Горы вѣтра“, откуда виднѣются, въ видѣ громаднаго узорнаго ковра, зеленѣющія поляны, оро-



РИМСКІЙ МОСТЪ ВЪ АЛЬКАНТАРѢ.

шаемыя Таго, и желтыя ланды Алемтейхо. На югъ возвышается Монте Хунто (Junto), другая выдающаяся вершина горъ Эстремадуры; къ западу отъ нея отдѣляется боковая вѣтвь, образующая треугольный береговой выступъ и соединяющаяся посредствомъ низменнаго берега съ скалистымъ островомъ мыса Карвоейро. На этомъ островѣ, не столь грандіозномъ, какъ Арженгаро и Чирчелло итальянскихъ береговъ, но не менѣе интереснымъ въ геологическомъ отношеніи, находится крѣпость и городокъ Пенишъ, гдѣ женщины, почти совершенно уединенныя отъ остальнаго міра, занимаются плетеніемъ кружевъ. Маленькая пещера (Furninhà), лежащая въ известковыхъ утесахъ, на которыхъ построенъ Пенишъ, доставила большое количество остатковъ каменнаго вѣка, въ числѣ которыхъ найдено было много костей намѣренно изломанныхъ. Это послѣднее обстоятельство, подтвердившееся во многихъ другихъ португальскихъ пещерахъ, какъ бы указываетъ, что жители пещеръ каменной эпохи были антропофаги. Мысъ Карвоейро соединяется подводною мелью съ островомъ Берлинга, окруженнымъ скалами, опасными для моряковъ. На островѣ Берлингѣ, надъ маленькою рыбачьею бухтою, возвышается живописный укрѣпленный замокъ, служащій тюрьмою.

Полуостровъ, съуженный между лиманомъ Лисабона и моремъ, образуетъ не болѣе какъ лабиринтъ невысокихъ холмовъ, представляющихъ, однако, большія затрудненія для сообщеній, вслѣдствіе узкихъ долинъ и ихъ ломанныхъ очертаній. Въ этомъ лабиринтѣ Веллингтонъ, во время войны на полуостровѣ, размѣстилъ свои знаменитыя Торресъ-Ведрасскія линіи, преобразовавшія весь лисабонскій округъ въ одинъ обширный укрѣпленный лагерь. Къ югу отъ этихъ холмовъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ свой редутъ, возвышаются другіе холмы. Вся страна повышается до живописныхъ горъ Чинтры, воспѣтыхъ Байрономъ въ Child Harold, столь извѣстныхъ своими дворцами, тѣнистыми долинами, съ цвѣтущими на нихъ голубыми и розовыми гортензіями, фукціями, камеліями, достигающими нѣсколькихъ метровъ вышины, чуднымъ климатомъ и историческими воспоминаніями. Часть этихъ горъ, вмѣстѣ съ возвышенностями, идущими отъ Лисабона до Сакавема, на сѣверномъ берегу лимана, состоитъ изъ базальтовыхъ скалъ, выброшенныхъ древними вулканами, по всему вѣроятію подъ болота, потому что слои мергеля, ихъ покрывающіе, содержатъ большое количество разнообразныхъ земныхъ ископаемыхъ. Въ продолженіе нынѣшней геологической эпохи ни одинъ новый потокъ лавы не вылился изъ трещинъ этихъ горъ, но весьма вѣроятно, что страшныя землетрясенія 1531 и 1755 годовъ произошли отъ волненія расплавленныхъ массъ и газовъ, заключенныхъ въ поверхностныхъ горныхъ

слояхъ. Первый рядъ подземныхъ толчковъ продолжался восемь дней и разрушилъ множество зданій. Что касается послѣдняго землетрясенія, то его страшныя послѣдствія всѣмъ извѣстны; кажется, ни одно разрушительное явленіе природы не производило такого сильнаго впечатлѣнія на умы европейскихъ народовъ. Съ перваго же подземнаго удара, продолжавшагося не болѣе четырехъ или пяти секундъ, большая часть Лисабона лежала въ развалинахъ; болѣе пятнадцати тысячъ жителей, даже до тридцати и сорока тысячъ, по словамъ нѣкоторыхъ историковъ, были раздавлены развалинами 3,850 зданій; минуту спустя, волна въ двѣнадцать метровъ высоты ринулась съ моря и затопила бѣгущихъ, столпившихся на набережной. Одинъ только кварталъ, Альгама, или Мураріа, древнее мѣстопребываніе мавровъ, избѣгнулъ гибели. Пожаръ, возникшій изъ развалинъ, уничтожилъ тысячи домовъ, уцѣлѣвшихъ отъ землетрясенія; среди развалинъ маркизъ Помбаль велѣлъ соорудить висѣлицу, съ цѣлію воспрепятствовать грабежамъ: безъ энергичной помощи этого человѣка, весь дворъ готовъ былъ бѣжать и перевести резиденцію правительства въ Ріо-Жанейро. Отъ центра землетрясенія, находившагося, вѣроятно, подъ самымъ Лисабономъ или гдѣ-нибудь по близости, колебанія почвы распространились на огромное пространство, различно опредѣляемое историками ужасной катастрофы; во всякомъ случаѣ, оно занимало не менѣе трехъ милліоновъ квадратныхъ километровъ. Порто былъ наполовину разрушенъ; гавань Альворъ, въ Альгарвіи, обмелѣла; стѣны Кадикса рушились; утверждаютъ также, что всѣ большіе города Мароко пали отъ сотрясенія.

Очертанія берега и горъ „Лисабонской скалы“, на мысѣ Эспикель, позволяютъ предполагать, что въ геологической древности наружный видъ страны претерпѣвалъ еще бо́льшія измѣненія. Замѣчательно правильный береговой изгибъ, начинающійся у входа въ лисабонскую гавань, имѣетъ одинъ общій контуръ, раздѣленный на двѣ части устьемъ лимана. Самый проливъ, правильнѣе прорѣзанный, чѣмъ Гибралтарскій, имѣетъ видъ прямолинейнаго ущелья, на подобіе „корридора“, между океаномъ и внутреннимъ лисабонскимъ моремъ; онъ походитъ на лощину между горами Цинтра и уединеннымъ хребтомъ Аррабида, который къ сѣверу граничитъ съ бухтою Сетубалъ и главная масса котораго состоитъ изъ мѣловыхъ утесовъ, подобныхъ утесамъ сѣверной части полуострова. Весьма вѣроятно, что обѣ группы высотъ составляли часть одной и той же горной системы, и Таго, вливающійся въ настоящее время въ море черезъ лисабонскій лиманъ, прежде соединялся съ нимъ посредствомъ

лимана Садо, проходя по обширнымъ равнинамъ третичнаго происхожденія, составляющимъ почву Алемтейхо.

Отъ землетрясенія прошлаго столѣтія остались лишь незначительные слѣды; столица Португаліи, хотя и въ-половину менѣе населенная чѣмъ въ началѣ шестнадцатаго столѣтія, вполнѣ возстала изъ развалинъ. Даже центральные кварталы, которые были разрушены до основанія, замѣнились рядами правильныхъ зданій, если и не отличающихся архитектурными красотами, то, по меньшей мѣрѣ, имѣющими тотъ холодно-величественный видъ, который придается симметричностью очертаній и длинною перспективою. Древній городъ Олиссипо, основанный, по классическому преданію, хитроумнымъ Улиссомъ, занимаетъ въ настоящее время пространство около семи километровъ на берегу Таго, но если считать заодно съ столицею ея предмѣстья, идущія къ востоку и западу вдоль берега, то пространство, занимаемое городомъ, будетъ не менѣе 14-ти километровъ, отъ Посо до-Биспо до Башни Беллемъ. Съ внутренней стороны Лисабонъ, который сравнивается съ Римомъ и считается также построеннымъ на семи холмахъ, заполняетъ впадины долинъ и взбирается по холмамъ до высоты отъ 2 до 3 километровъ; кромѣ того, городъ разросся въ сторону лимана, послѣ осушенія и укрѣпленія насосовъ, покрывавшихъ мелкое дно моря, и теперь занимаются планомъ улучшенія порта, которое значительно расширитъ его набережныя. На мѣстѣ зловонныхъ болотъ находится теперь прекрасное мѣсто для гулянья, Атерро де-Бойа Виста, которое тянется отъ Лисабона къ Беллему на пространствѣ болѣе трехъ километровъ. Панорамою города удобнѣе всего любоваться съ лимана Таго или, еще лучше, съ южныхъ холмовъ. Отсюда Лисабонъ, съ его башнями, куполами, бульварами, представляетъ дѣйствительно очаровательное зрѣлище, особенно украшаемое картиною рѣки, съ ея противнымъ теченіемъ, шквалами, флотами на якорѣ, парусными и паровыми судами, проходящими по всему порту. При видѣ этой удивительной картины вспоминаютъ испанскаго поэта Эспронседа, бросившаго въ Таго послѣднія имѣвшія у него су. „Не будетъ сказано, что дворянинъ входитъ какъ нищій въ такой славный городъ“.

Кто не видалъ Лисабона, тотъ не видалъ ничего прекраснаго!

Внутренность живописной метрополіи, впрочемъ очень нездоровый городъ, въ которомъ средняя смертность съ 1881 по 1885 г. по оффиціальнымъ таблицамъ была 33,65 на 1.000 жителей, не соотвѣтствуетъ ея внѣшней красотѣ. Раздѣленный на двѣ части долиною или „низиною“, перпендикулярною къ Таго, Лисабонъ имѣетъ, въ концѣ ея, большую площадь, называемую Праса до Коммерчіо или Террейро до Пасо; ши-

*

рокія очень оживленныя улицы соединяютъ эту площадь съ Роціо или центральною площадью, позади которой открываются прелестныя аллеи, постепенно подымающіяся подъ высотами. Это—самая великолѣпная часть города. Кромѣ того въ Лисабонѣ находятся всѣ зданія, входящія въ составъ организма столицы и большаго торговаго порта, какъ то дворцы, церкви и соборъ, биржа и таможня, академія наукъ, библіотеки (публичная съ 300,000, академіи наукъ съ 75.000 и Айуда съ 20,000 экземплярами), музеи, ботаническій и зоологическій сады, школа и театры; но въ городѣ нѣтъ особенно замѣчательныхъ зданій, и только знаменитая часовня Сайо Джоайо Баптиста, въ церкви Сайо Рокъ, какъ исключеніе, представляетъ одно изъ великолѣпнѣйшихъ зданій. Она была вполнѣ отстроена въ Римѣ и выставлена на время въ базиликѣ св. Петра, откуда ее перевезли по частямъ; колонны, алтарь, полъ въ этой часовнѣ сдѣланы изъ мрамора, порфира, яшмы, сердолика, лазуреваго камня. Единственная грандіозная постройка, находящаяся внѣ города и, по справедливости, знаменитая, есть водопроводъ, осъ Аркосъ дасъ Агоасъ Ливресъ, который снабжаетъ городъ чистою водою изъ окрестностей Белласа, километрахъ въ пятнадцати къ сѣверо-востоку. Большую часть пути вода проходитъ подъ землею, но, ближе къ Лисабону, она протекаетъ надъ долиною по великолѣпному мосту съ 127 остроконочными арками, изъ которыхъ одна, переходя ручей Алькантера и всю долину, имѣетъ 65 метровъ высоты. Этотъ мостъ былъ построенъ въ царствованіе Джоайо (Іоаннъ) V, *Rei Edificador*, въ первой половинѣ восемнадцаго столѣтія. Землетрясеніе 1755 г. не причинило ему никакого вреда. Водяная башня, лежащая на холмѣ къ сѣверу отъ Лисабона и кончаясь террасой, съ которой виденъ весь городъ, получаетъ одновременно приливъ изъ „Агоасъ Ливресъ“ и съ 1881 года еще изъ другаго водопровода, дающаго ежедневно до 30,000 кубическихъ метровъ воды: это Алвіелла, ключи или „глаза“ которой являются на сѣверѣ Сантаремъ. Воды „вольныя“, которыя должны были быть доставлены безплатно всему народонаселенію, нынѣ оплачиваются потребителями. Нѣкоторыя лисабонскія кладбища представляютъ, какъ водяная башня, удивительную панораму: на англійскомъ кладбищѣ почіетъ прахъ романиста Фіельдинга.

Лисабонъ относительно бѣденъ интересными памятниками, за то онъ пользуется неоцѣненными преимуществами, данными ему природою. Подобно тому, какъ доброкачественность почвы и климата объясняютъ главнымъ образомъ историческое развитіе Португаліи, такъ и исторія Лисабона тѣсно связана съ его географическимъ положеніемъ. Во-первыхъ, этотъ городъ лежитъ почти въ самой серединѣ португальскаго прибрежья,

въ томъ пунктѣ, около котораго могли наиболѣе сосредоточиться всѣ силы страны. Кромѣ того, Лисабонъ обладаетъ превосходною гаванью, доступною для самыхъ большихъ судовъ, потому что глубина входнаго канала всюду превышаетъ 30 метровъ; она отлично защищена отъ опасныхъ юго-западныхъ вѣтровъ и продолжается болѣе десяти километровъ выше города, суда проходятъ въ нее съ приливомъ и выходятъ съ отливомъ. Эта гавань представляетъ лиманъ и устье одной изъ рѣкъ полуострова, наиболѣе годныхъ для торговыхъ передвиженій въ нижней части теченія; барки съ мѣстными продуктами страны и большія суда сходятся здѣсь на одномъ рейдѣ. Флотъ, сосредоточенный въ лисабонскомъ портѣ, не только безопасенъ отъ бурь, но, благодаря счастливому совпаденію въ очертаніи береговъ, онъ легко можетъ быть защищенъ отъ внѣшнихъ нападеній. Съ обѣихъ сторонъ берега выдаются въ видѣ мысовъ, оставляя для судовъ узкій проходъ, окаймленный живописными холмами; ширина этого прохода варьируетъ отъ одного до трехъ километровъ; берега его обнесены бастіонами и фортами. При самомъ входѣ въ проливъ находятся два укрѣпленія, дающія перекрестный огонь: одно на сѣверномъ мысѣ, крѣпость Сайо Джіоайо (Санъ Джульяно), другое на островкѣ, находящемся въ южной оконечности, Туръ до Буджіо.

Впрочемъ, географическое положеніе Лисабона лишь въ незначительной степени объусловливаетъ его значеніе относительно остальной Португаліи; этимъ значеніемъ онъ обязанъ главнымъ образомъ положенію, занимаемому имъ въ отношеніи къ Европѣ и всему свѣту. Пока великое историческое движеніе не перешло бассейна Средиземнаго моря, именно въ грекоримскій періодъ и въ теченіе почти всѣхъ среднихъ вѣковъ, Лисабонъ еще не стоялъ на одной изъ большихъ народныхъ дорогъ, и потому, очевидно, не могъ выйти изъ мрака неизвѣстности. Но когда Геркулесовы Столбы перестали задерживать мореплавателей; когда итальянскіе моряки передали свое искусство португальцамъ, прекрасный портъ Таго сдѣлался однимъ изъ главныхъ пунктовъ отправленія судовъ для разныхъ открытій. Лисабонъ пріобрѣлъ значеніе настоящей европейской обсерваторіи для изслѣдованія морей Атлантическаго океана. Ни одинъ изъ городовъ не представлялъ, по своему положенію, такихъ удобствъ для изслѣдователей, которые желали посѣтить Азорскіе острова, Мадейру, Канарскіе острова; которые намѣревались плавать вдоль береговъ Мароко, представляющихъ естественное продолженіе португальскаго прибрежья къ югу, и которые стремились, отъ одного мыса къ другому, обогнуть африканскій континентъ. Всѣмъ извѣстно, съ какимъ успѣхомъ лисабонскіе мореплаватели произвели свои открытія новыхъ странъ: они

пріобрѣли отечеству громадныя пространства земли, представлявшія значительно большее береговое протяженіе, чѣмъ окружность всего земнаго шара. Земли, считавшіяся принадлежностью маленькой Португаліи въ Африкѣ, Америкѣ, Азіи и на островахъ крайняго востока, занимали необозримое пространство, о которомъ никакой географъ не можетъ составить точнаго представленія. Подобныя побѣды встрѣчаются только въ области эпическихъ сказаній; чтобы воспѣть ихъ, необходимъ былъ Камоэнсъ; онѣ образовывали то государство, которое солнце видѣло первымъ рождаясь, опять видѣло посреди полушарія и оставляло послѣднее.

Эта эпоха славы недолго продолжалась. Гордый Лисабонъ, названный восточными народами „столицею Франковъ", какъ будто онъ былъ столицею Европы, утратилъ свое первенствующее значеніе въ концѣ шестнадцатаго столѣтія. Лисабонъ, уничтоженный страшнымъ царствованіемъ Филиппа II, кромѣ того, испорченный избыткомъ роскоши, ослабленный пренебреженіемъ труда, порожденнымъ ввозомъ невольниковъ, долженъ былъ уступить значительную часть своей торговли испанскимъ соперникамъ; а голландскіе мореплаватели отняли у него самыя богатыя колоніи въ Америкѣ и Индіи: монополія, которою онъ пользовался болѣе полу-столѣтія, была навсегда утрачена. Однако, не смотря на всѣ эти невзгоды, не смотря на страшное землетрясеніе, Лисабонъ всегда игралъ видную роль среди торговыхъ городовъ. Конечно, гавань его далеко не такъ оживлена, какъ въ Марсели, Ливерпулѣ или Нью-Іоркѣ и лѣсъ мачтъ въ немъ далеко не такъ обширенъ, какъ во времена его процвѣтанія, но она вошла въ періодъ новаго возрастанія.

Главный городъ Португаліи сдѣлался центромъ, въ которомъ сходятся многіе пути большихъ трансатлантическихъ судовъ; кромѣ того, онъ находится во главѣ сѣти европейскихъ желѣзныхъ дорогъ. Непосредственный соединительный путь чрезъ Саламанку во Францію и остальную Европу сокращаетъ на 480 километровъ разстояніе между Лисабономъ и Парижемъ. Возрастающее значеніе Бразиліи, съ которою Португалія сохранила самыя дружескія отношенія, не замедлитъ благопріятно отозваться на благосостояніи бывшей метрополіи. Когда колонія избавилась отъ узъ монополіи, Лисабонъ, лишенный своей исключительной торговли, счелъ себя окончательно разореннымъ; однако онъ можетъ ожидать отъ Бразиліи свободной гораздо большихъ выгодъ, чѣмъ получалъ отъ Бразиліи порабощенной. Эта заморская страна есть лучшій кліентъ Португаліи, потому что въ нее уходитъ половина всѣхъ вывозимыхъ изъ Лисабона товаровъ; относительно ввоза Бразилія занимаетъ второе мѣсто; ее значительно превосходитъ въ этомъ случаѣ Англія.

Торговля Лисабона въ 1872 году доходила до 13.000,000 франковъ.

„ „ „ 1885 году

Ввозъ	100.985,000 франковъ.
Вывозъ	93.233,000 „
Всего . . .	194.218,000 франковъ.

Движеніе навигаціи въ 1883 году:

Входъ . .	3,371	судовъ вмѣстимостью	1.802,331 тоннъ.
Выходъ . .	3,347	„ „	1.812,836 „
	6,718	судовъ вмѣстимостью	3.615,167 тоннъ.

Съ Испаніею, которая, между прочимъ, граничитъ съ Португаліею на протяженіи около 1,000 километровъ, Лисабонъ не ведетъ, собственно говоря, никакой морской торговли; а по желѣзной дорогѣ изъ Испаніи провозятся только рыба и алемтехскія свиньи. Недавно еще, между Лисабономъ и Испаніею существовали самыя слабыя сношенія, даже простыя сосѣднія; но послѣднія междуусобныя войны принудили выселиться въ Лузитанію столь значительное число кастильскихъ семействъ, что отъ ихъ наплыва измѣнились даже мѣстные нравы. Прежде на лисабонскихъ улицахъ видны были только одни мужчины, португальскія женщины сидѣли почти взаперти, какъ во времена мусульманскаго владычества; но примѣръ общительныхъ испанокъ нашелъ многочисленныхъ подражательницъ, отчего наружность Лисабона много выиграла.

Города, окружающіе столицу, столь-же знамениты красотою мѣстоположенія, какъ сама португальская метрополія своимъ торговымъ и историческимъ значеніемъ. Португальская Эстремадура, находясь въ счастливой области, недосягаемой для полярныхъ холодовъ и не страдающей отъ засухъ и безконечныхъ тумановъ, представляетъ одну изъ европейскихъ странъ, климатъ которой наиболѣе подходитъ къ климату „Счастливыхъ острововъ“ и „благословенныхъ Антильскихъ о-вовъ“; къ сожалѣнію, колебанія температуры бываютъ здѣсь иногда очень рѣзки. Снѣгъ такъ рѣдко выпадаетъ въ Лисабонѣ, что его называютъ тамъ *chuva branca*, или „бѣлый дождь“; обыкновенно онъ виденъ вдалекѣ блестящею пеленою на вершинахъ серры Эстреллы и серры Лузайо; но когда снѣгъ, въ исключительныхъ случаяхъ, выпадаетъ на побережьѣ, жители видятъ въ этомъ явленіи дурное предзнаменованіе. Еще въ прошломъ столѣтіи обильно падавшій снѣгъ до того пугалъ жителей Лисабона, что они прятались въ церкви, воображая, что наступаетъ конецъ міра.

Другое важное преимущество климата городовъ въ окрестностяхъ Лисабона заключается въ правильной смѣнѣ береговыхъ вѣтровъ. Начиная

съ мая мѣсяца, въ продолженіе всего лѣта, вѣтеръ дуетъ съ суши при восходѣ солнца; около полудня онъ дѣлается южнымъ; вечеромъ дуетъ съ запада и сѣверо-запада, а ночью превращается въ сѣверный вѣтеръ; этотъ вращающійся береговой вѣтеръ, которому приписываютъ самое благодѣтельное вліяніе на климатъ, производитъ полный оборотъ въ продолженіе двадцати четырехъ часовъ; его называютъ vento rodeiro или „вертящимся вѣтромъ". Что касается главныхъ вѣтровъ, то они далеко не такъ правильны. Такъ напр., полярные вѣтры, задерживаемые поперечными серрами, не могутъ слѣдовать своему нормальному пути; они дуютъ прямо съ сѣвера вдоль берега, или-же превращаются въ восточный вѣтеръ, проходя по всѣмъ плоскогорьямъ внутренней Испаніи. Это тѣ атмосферическіе вѣтры пришедшіе съ востока, которые приносятъ тяжкія жаркія лѣта. Въ Лисабонѣ термометръ доходитъ до 38 градусовъ; въ 1798 г. онъ подымался даже до 40 градусовъ; сравнительныя наблюденія доказываютъ, что хотя средняя температура выше въ Ріо-Жанейро, за то въ Лисабонѣ жаркіе дни наиболѣе чувствительны въ дни каникулярные.

Средняя температура Лисабона. . . .	15°,65
Высшая „	39°
Низшая „	—2°,5
Число безоблачныхъ дней	150
Дожди	769 миллиметр.

Смѣшеніе сѣвернаго и южнаго климатовъ въ этой благословенной странѣ обусловливаетъ двоякій видъ растительности. Финиковая пальма начинаетъ появляться въ садахъ нижней Эстремадуры; пальма chamerops растетъ свободно по прибрежью; мексиканская агава, съ великолѣпною кроною цвѣтовъ, до-того обыкновенна, что положила основаніе особой промышленности, именно плетенію кружевъ изъ „нитокъ агавы"; здѣшнія камеліи красивѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ странахъ Европы; индійская смоковница, подобно ракетамъ, вооруженнымъ дротиками, растетъ вокругъ полей, какъ въ Сициліи и Алжирѣ. Всѣ фруктовыя деревья средиземноморскихъ странъ произрастаютъ здѣсь въ изобиліи; даже манговое дерево Антильскихъ о-вовъ, недавно перевезенное, акклиматизировалось въ Португаліи. Апельсины на многихъ нарѣчіяхъ и даже въ Египтѣ заслужили названіе *portogalli*, какъ будто въ Лузитаніи люди въ первый разъ увидѣли это золотое яблоко. По объясненію нѣкоторыхъ филологовъ, названіе апельсиновъ во многихъ частяхъ Индустана, *chintarah*, или *chantarah*, есть испорченное Чинтра. Португальцы, въ эпоху ихъ коммерческаго преобладанія въ Индіи, такъ хорошо отрекомендовали роскошь и плодо-

ВИДЪ ГОРОДА ЛИССАБОНА.

родіе своихъ великолѣпныхъ садовъ, что жители Гоа до сихъ поръ помнятъ объ этомъ. Лисабонъ центръ богатаго земледѣльческаго пояса злаковъ и винъ. По обширности виноградниковъ Лисабонская область занимаетъ первое мѣсто; производство винъ доходило въ ней въ 1884 году до 967.818 гектолитровъ.

Изъ всѣхъ городовъ этой мѣстности, окруженныхъ *quintas*'ами или парками, Белемъ (Виѳлеемъ) самый близкій къ Лисабону; онъ отдѣленъ отъ послѣдняго лишь небольшимъ ручьемъ, получившимъ столь общее въ географической терминологіи арабовъ названіе Алькантара отъ находящагося на немъ мавританскаго моста. Белемъ расположенъ передъ столицею, на самомъ берегу устья лимана, защищенъ батареями, скаты валовъ которыхъ покрыты лѣтомъ красными цвѣтами мезембріантетума. Впереди батарей красуется превосходная четыреугольная башня, отчасти въ арабскомъ стилѣ, мощная по своей массивности и отличающаяся изящною скульптурою. Близъ этой башни, законченной въ 1520 году, находится мѣсто откуда Васко де Гама предпринялъ достопамятную экспедицію, открывшую португальцамъ путь въ восточную Индію: великолѣпный монастырь Іеронимитовъ, построенный Мануэлемъ „Счастливымъ“, „государемъ завоеваній, судоходства и торговли въ Эфіопіи, Аравіи, Персіи и Индіи“, напоминаетъ о легендарныхъ временахъ минувшей славы Португаліи. Это зданіе, куда были перенесены въ 1880 году останки Веско до Гама и Камоэнса, обращено въ учебное заведеніе для сиротъ.

Оэйрасъ, расположенный при устьѣ рѣчки, сходящей съ высотъ Чинтры, защищаетъ сѣверный входъ въ лиманъ Таго своимъ фортомъ Санъ Жуліано; далѣе лежитъ Каркавеллосъ, извѣстный превосходными винами; затѣмъ, на берегу открытаго моря, расположенъ городъ Каскаесъ, небольшой портъ котораго защищенъ крѣпостью. Близъ Каскаесъ, въ пещерахъ Поцо Вельго, Карлосъ Рибейро открылъ человѣческіе скелеты, кости животныхъ, морскія раковины и большое количество предметовъ каменнаго вѣка. Другая сторона берега пустынна; только мѣстами, по берегамъ отмелей и утесовъ, стоятъ сторожевыя башни. Напротивъ того, крутые склоны Чинтры, возвышающіеся на сѣверѣ этой части прибрежья, представляютъ одну изъ самыхъ населенныхъ областей полуострова и наиболѣе оживленныхъ множествомъ путешественниковъ. Если подыматься отъ Лисабона къ высотамъ Чинтры, въ этомъ мѣстѣ или по желѣзной одноколейной дорогѣ. то справа и слѣва виднѣются замки и виллы Бомфика, королевскій дворецъ Квелуцъ, дачи Белласъ съ минеральными источниками. Сама Чинтра окружена городками, состоящими изъ гостиницъ и садовъ, напр.: Санъ-Педро, Аррабальде, Санта Эстефіана. Къ югу отъ

этихъ селеній возвышается холмъ съ великолѣпнымъ и оригинальнымъ замкомъ Пенья; это фантастическій дворецъ, представляющій смѣсь индійскаго, персидскаго, итальянскаго и готическаго стилей и убранный тѣнистыми деревьями и гирляндами цвѣтущихъ ліанъ. Многочисленные посѣтители Чинтры обыкновенно взбираются на холмъ, гдѣ находятся развалины стариннаго мавританскаго замка, и проникаютъ въ пещеры „пробковаго монастыря“, названнаго такъ потому, что его стѣны были покрыты пластинками пробки для предохраненія отъ сырости. Со всѣхъ этихъ возвышенностей открываются великолѣпные виды; ландшафтъ особенно грандіозенъ съ высоты береговыхъ утесовъ, заканчивающихся знаменитымъ „Квенуль,“ или *Roca*, который названъ моряками „Лисабонскою скалою“: это самый западный мысъ на европейскомъ континентѣ. Волны Атлантическаго океана разбиваются въ мелкія брызги объ основаніе этой скалы и, превращаясь въ пѣну, съ ревомъ забиваются въ береговыя пещеры, въ которыхъ кружатся стаи морскихъ птицъ. На сѣверныхъ откосахъ мыса разстилается одна изъ прекраснѣйшихъ долинъ полуострова, долина Колларесъ, знаменитая своими садами и апельсинными рощами:— это португальскій „Санъ-Ремо“.

Городъ Мафра, расположенный болѣе къ сѣверу, недалеко отъ морскихъ купаній Эричейры, на безплодномъ, однообразномъ плоскогоріи, также обладаетъ громаднымъ замкомъ, Эскуріаломъ королей Браганцскаго дома; этотъ замокъ преобразованъ въ настоящее время въ военную школу. Для окончанія этого грандіознаго сооруженія, состоящаго изъ церквей, часовенъ, келій и покоевъ для духовенства, Іоаннъ V истратилъ всю португальскую казну; за то онъ получилъ отъ римской куріи титулъ „Христіаннѣйшаго“. Послѣ его смерти въ казнѣ не осталось денегъ для того, чтобы отслужить обѣдню за упокой его души. Гораздо интереснѣе громаднаго казарменнаго зданія Мафры, съ его тысячью покоями и 5,500 окнами, другія зданія, основанныя королями и находящіяся въ сотнѣ километровъ къ сѣверу, у западной подошвы серра до Айръ, близъ знаменитыхъ термъ Кальдасъ да Райнга и стариннаго мавританскаго города Обидоса. Заброшенный монастырь Алькобаса, построенный въ половинѣ двѣнадцатаго вѣка въ память побѣдъ надъ маврами, представляетъ прекрасный памятникъ строго-готическаго стиля, который имѣетъ особенную прелесть, придаваемую развалинами всякой архитектурѣ. Баталга, другой монастырь, въ память пораженія кастильцевъ на равнинѣ Альхубаррота, въ 1385 г., гораздо богаче скульптурными украшеніями. Орнаменты портиковъ, монастырскаго зданія, часовни, называемой „недодѣланною“, потому что она была не окончена королемъ Мануэлемъ, до та-

кой степени изобилуютъ всякаго рода скульптурными работами, что кажутся увѣшанными кружевами. Всѣ почти путешественники утверждаютъ, что онъ построенъ изъ бѣлаго мрамора, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности матерьяломъ для его постройки служилъ известковый песчаникъ, весьма похожій на тотъ, изъ котораго жители строятъ свои хижины.

Городъ Лейріа, въ округѣ котораго находится Баталга, самъ по себѣ городъ старинный и интересный; онъ расположенъ въ очень живописной мѣстности, при сліяніи двухъ рѣкъ, Лица и Лены, у основанія холма, на которомъ стоитъ древній мавританскій дворецъ. Нѣкогда этотъ городъ былъ резиденціею „короля-земледѣльца“, того самаго, который развелъ *pinhal* Лейріи, лучшій лѣсъ въ Португаліи, хотя деревья и находятся во многихъ мѣстахъ растущими на дюнахъ. Послѣ продолжительнаго упадка, эта часть страны снова оживилась; въ окрестностяхъ города, въ Маринга-Грандѣ, находится большой стеклянный заводъ, сообщающійся желѣзною дорогою съ портомъ, имѣющимъ почти кругообразную форму и называемымъ Конка де-Санъ-Мартино, прежде рейфомъ морскихъ построекъ.

На восточномъ склонѣ горъ, господствующихъ надъ равнинами Батгала и Алькобаса, расположенъ Томаръ, городъ, нѣкогда славившійся своимъ монастыремъ; это резиденція тѣхъ рыцарей Христа, которые, черезъ португальскихъ королей, захватили исключительное право завоеваній и эксплоатаціи отдаленныхъ странъ Индіи и Новаго Свѣта; послѣ громкихъ подвиговъ эти рыцари сдѣлались главными виновниками упадка отечества, благодаря ихъ жадности въ торговлѣ и немилосердной монополіи. Въ настоящее время Томаръ, омываемый со всѣхъ сторонъ водами, подобно Венеціи, городъ фабричный; но городъ самой промышленной области, „Манчестеръ португальскій“ составляетъ городъ Ковильгіа, лежащій въ высокой долинѣ Зезера, на восточной покатости серра Эстеллы; пять тысячъ человѣкъ работаетъ на суконныхъ мануфактурахъ. Кастелло-Бранко большой рынокъ для шерстяныхъ товаровъ и маслъ. Торговая дѣятельность перешла главнымъ образомъ въ прибрежныя области Таго, именно въ историческій городъ Сантаремъ, замѣчательный своими лошадьми, и въ Торресъ Новахъ, гдѣ выдѣлываются камчатныя издѣлія. Со склоновъ горъ, называемыхъ „Чудомъ“, открывается видъ на извилисто протекающую рѣку, ея зеленѣющіе острова и холмистую область Алемтейхо; мостъ въ 1,200 метровъ переброшенъ черезъ рѣку. Въ настоящее время Сантаремъ и его сосѣдъ, укрѣпленный городъ Абрантесъ, занимаются пре-

имущественно снабженіемъ Лисабона овощами и фруктами. Ихъ окрестности покрыты цѣлыми лѣсами маслинъ.

Къ югу отъ лимана Таго незначительная глубина моря, песчаный грунтъ, болота, окаймляющія ручьи, представляютъ большія препятствія для возникновенія значительныхъ городовъ; это низменное прибрежье представляло-бы, по всей вѣроятности, пустыни, если-бы Лисабонъ не имѣлъ надобности строить на этомъ берегу мастерскія, магазины, верфи, пристани. Такимъ образомъ, послѣ Альмады, дачнаго города, расположеннаго при самомъ входѣ въ лиманъ, многія селенія Капарика, Сейксаль, Баррейро, Альдеа Галлега, Алькокетъ, Аррентелла, знаменитая по своимъ суконнымъ фабрикамъ, сдѣлались предмѣстьями столицы. Напротивъ того, портъ Сетубалъ, связанный съ Баррейро желѣзною дорогою, пользуется преимуществами перваго разряда, какъ мѣсто вывоза продуктовъ богатой долины; его портъ хорошо защищенъ утесистою горною цѣпью, возвышающеюся на сѣверо-западѣ, и длиннымъ песчанымъ мысомъ, изгибающимся къ юго-западу; большая бухта, открывающаяся между двумя мысами, Эспикелемъ и Синесомъ, можетъ служить гостепріимнымъ пристанищемъ для моряковъ; но Лисабонъ слишкомъ близокъ. Португалія не такъ богата, чтобы обезпечить торговлю двухъ городовъ, расположенныхъ въ незначительномъ разстояніи другъ отъ друга. Сецимбра, лежащая къ западу отъ Сетубала, на крутомъ берегу, заканчивающемся мысомъ Эспикелемъ, небольшой портъ, откуда отправляютъ рыбу въ Испанію; наконецъ Троя, или Сетобрига (Сетобра, Сеторбе), предшествовавшій Сетубалу, какъ торговый рынокъ лимана Садо, лежитъ теперь на песчаныхъ дюнахъ; недавно предпринятыя раскопки открыли въ немъ нѣсколько римскихъ мозаикъ, куски тесаннаго мрамора и цѣлую улицу, проложенную, можетъ быть, финикіянами. Ботаникъ Линкъ, видѣвшій остатки города въ концѣ прошлаго столѣтія, нашелъ въ немъ развалины дворовъ, въ родѣ тѣхъ, которые находятся внутри каждаго мавританскаго дома.

Сетубалъ, хотя гораздо менѣе оживленный сравнительно съ своимъ сильнымъ соперникомъ береговъ Таго, тѣмъ не менѣе, ведетъ довольно значительную торговлю своими мускатными винами, превосходными апельсинами и особенно солью, весьма цѣнимою въ сѣверной Европѣ; это драгоцѣнный грузъ для судовъ. Сетубалская соль считается, и притомъ не въ одной Португаліи, „лучшею въ свѣтѣ“ для соленія рыбы. Сетубалскіе солевары могли бы получать соль нѣсколько разъ въ мѣсяцъ, но они добываютъ ее только два раза въ годъ; кромѣ того, они никогда не вычерпываютъ маточнаго разсола, остающагося въ камерахъ ихъ солончаковъ, и оста-

вляютъ на днѣ покровъ водорослей, отдѣляющихъ поваренную соль отъ другихъ хлористыхъ соединеній и способствующій образованію почти химически чистыхъ кристалловъ. Тростниковые покровы предохраняютъ камеліи противъ перемѣнчивости погоды.

Добыча соли въ Португаліи	320,000 тоннъ.
„ въ округѣ Сетубала	184,000 „

Въ моряхъ сосѣднихъ съ Сетубаломъ и Сецимброю, водится, кромѣ того, громадное количество рыбы разныхъ породъ. Изслѣдованія Travailleur также ихъ подверждаютъ. Воды, омывающія Португалію, чрезвычайно богаты животною жизнью, безъ сомнѣнія, вслѣдствіе встрѣчи у этихъ береговъ морскихъ теченій, изъ которыхъ каждое имѣетъ свою особенную фауну. Изъ всѣхъ этихъ водъ Сетубалскія, пожалуй, самыя богатыя; въ сравненіи съ ними Средиземное море и Гасконскій заливъ можно назвать безжизненными. Рыбаки занимаются добычею своихъ морскихъ богатствъ съ особеннымъ прилежаніемъ. За много вѣковъ то того времени, когда ученые вздумали изслѣдовать дно морей для изученія живущихъ тамъ организмовъ, когда большинство зоологовъ утверждало, что въ мрачныхъ глубинахъ океана даже невозможна никакая животная жизнь, сетубалскіе моряки вылавливали на глубинѣ отъ 500 до 600 метровъ огромныхъ акулъ, не встрѣчающихся въ высшихъ слояхъ воды: эти акулы, вытащенныя на палубу рыболовнаго судна, готовы, повидимому, лопнуть: до такой степени онѣ наполнены внутренними газами, служащими для сопротивленія верхнихъ слоевъ морской воды. Что касается породъ рыбъ, живущихъ близко къ поверхности, то ихъ ловятъ міріадами. Сардинки ловятся такими огромными массами въ водахъ Сецимбры, что народъ не только самъ употребляетъ ихъ въ пищу, но откармливаетъ ими свиней. Во времена своего торговаго процвѣтанія, Поргугалія снабжала рыбою значительную часть Европы, она пользовалась даже отчасти монополіею въ продажѣ трески; португальскіе купцы вывозили эту рыбу до самой Норвегіи. Въ концѣ четырнадцатаго столѣтія городъ Лисабонъ пріобрѣлъ, по договору, право рыбной ловли у англійскихъ береговъ. Теперь странно подумать, что прежде португальцы были промышленными двигателями у народовъ Великобританіи.

Населеніе городовъ Эстремадуры и Бейра Баякса, въ 1878 г.

Лисабонъ	203,700 жителей.
„ съ предмѣстями присоединенными	274,000 „
Сетубалъ	15,600 „
Ковильгіа	11,000 „

Сантаремъ	9,400 жителей.
Торресъ Новасъ	8,300 „
Кастело Бранко	7,460 „
Торресъ Ведрасъ	7,270 „
Капарика	6,930 „
Сецимбра	6,815 „
Палмела	6,540 „
Абрантесъ	6,380 „
Картакео	5,650 „
Алдеа Галлега	5,550 „
Томаръ	5,200 „

IV.

ЮЖНАЯ ПОРТУГАЛІЯ, АЛЕМТЕЙХО И АЛГАРВІЯ.

Горы, лежащія за Таго, въ очень немногихъ мѣстахъ имѣютъ видъ правильныхъ цѣпей; большею частью онѣ представляютъ небольшіе выступы надъ обширными плоскогорьями съ основаніями, изрытыми водою. Въ общемъ эта мѣстность лишена рельефности и крайне однообразна; всюду встрѣчается одинъ и тотъ-же пейзажъ. Вся область между Таго и горами Алгарвіи самая неживописная въ Португаліи. За исключеніемъ серры Аррабида, возвышающейся между Лисабонскимъ и Сетубалскимъ лиманами, повсюду видны низменныя равнины, холмы съ однообразными склонами, лѣса, кустарникъ, обнаженныя ланды, среди которыхъ разсѣяны рѣдкія поселенія, какъ острова среди моря. Низменныя земли, окаймляющія лѣвый берегъ Таго и морское побережье, образованы мощными пластами тонкаго песку, который покоится на плотной глинѣ и кое-гдѣ поросъ лѣсами морской сосны и рощами пробковаго дуба (*azinheiras*), остатками древнихъ лѣсовъ, покрывшихъ всю эту мѣстность. Выше тянутся обширныя ланды, или *charnecas*, съ ихъ безконечнымъ разнообразіемъ кустарниковъ и вѣчно-зеленыхъ низкорослыхъ деревъ. Здѣшняя растительность состоитъ изъ различныхъ верескообразныхъ породъ, изъ которыхъ нѣкоторыя достигаютъ двухъ метровъ высоты, таковы: ладанникъ, можжевельникъ, розмаринъ, мирта и ползучій дубъ, котораго густая блѣдно-зеленая листва незначительно выдается надъ ковромъ остальныхъ растеній. Однако разнообразіе растительныхъ видовъ, покрытыхъ розовыми и бѣлыми цвѣтами до самой середины зимы, не измѣняетъ скучнаго,

однообразнаго характера страны, вслѣдствіе почти полнаго отсутствія культуры. На болѣе высокихъ холмахъ, почти сплошь состоящихъ изъ слюдяныхъ сланцевъ, природа становится даже мрачною; вся поверхность этихъ холмовъ покрыта ладанникомъ (*cistus ladoniferus*) съ смолистыми листьями. Эта мѣстность представляетъ западное продолженіе пояса *jarales*, который занимаетъ тысячи квадратнымъ километровъ въ сіеррѣ Моренѣ и другихъ горныхъ областяхъ Испаніи.

Наиболѣе высокій хребетъ южной Лузитаніи находится на самой португальской границѣ, между долинами Таго и Гвадіаны; это серра Санъ Мамеде, параллельная серрѣ Порталегре: ея цѣпи, состоящія изъ гранитныхъ утесовъ, окружаютъ узкія долины, въ которыхъ протекаютъ то къ сѣверо-западу, то къ юго-востоку, притоки двухъ вышеназванныхъ рѣкъ; эти горныя цѣпи достигаютъ многихъ сотъ метровъ высоты надъ поверхностью плоскогорья, а самая высокая вершина имѣетъ болѣе 1,000 метровъ средней высоты. Къ югу отъ широкой впадины, въ которой проложена желѣзная дорога отъ Лисабона въ Бадахоцъ, появляется другой, менѣе высокій, гранитный хребетъ, возвышающійся на плоскогоріи подобно крѣпости со множествомъ бастіоновъ; видъ этихъ горъ довольно грандіозенъ съ береговъ Гвадіаны, протекающей у ихъ восточнаго основанія: это серра Осса, извѣстная также подъ названіями различныхъ городовъ, лежащихъ въ сосѣдствѣ съ нею, именно: Эльваса, Эстремоца, Эворы. Она соединяется высокими буграми плоскогорья съ различными *serras*, окаймляющими берега Гвадіаны и Садано и однообразныя равнины, извѣстныя подъ названіемъ Кампо де Беха. Эти равнины продолжаются къ югу въ видѣ знаменитаго „Урикскаго поля“, гдѣ, въ половинѣ двѣнадцатаго столѣтія, двухсот-тысячное войско мавровъ, предводимое пятью королями, потерпѣло страшное пораженіе, дозволившее португальскимъ принцамъ основать монархію. Именно послѣ этого сраженія и послѣдовавшихъ за нимъ грабежей равнины, расположенныя къ югу отъ Таго, превратились въ пустыни.

Всѣ горныя высоты, занимающія южную часть Алемтейхо, принадлежатъ къ системѣ испанской сіерры Морены. Предгорія сіерры Арокъ и сіерры Арацены, богатыя мѣдными рудами, перемѣшиваются между собою лабиринтомъ холмовъ въ части Португаліи, расположенной на лѣвомъ берегу Гвадіаны, въ формѣ неправильнаго трехугольника. Рѣка не представляетъ для нихъ препятствія; сжатая между прорытыми ею утесами, она во многихъ мѣстахъ съуживается до объема канала, и даже въ ущельѣ *Pulo do Lobo*, „Волчій Прыжокъ“, она перебрасывается порогами съ одного утеса на другой. И только ниже этого ущелья, у города Мер-

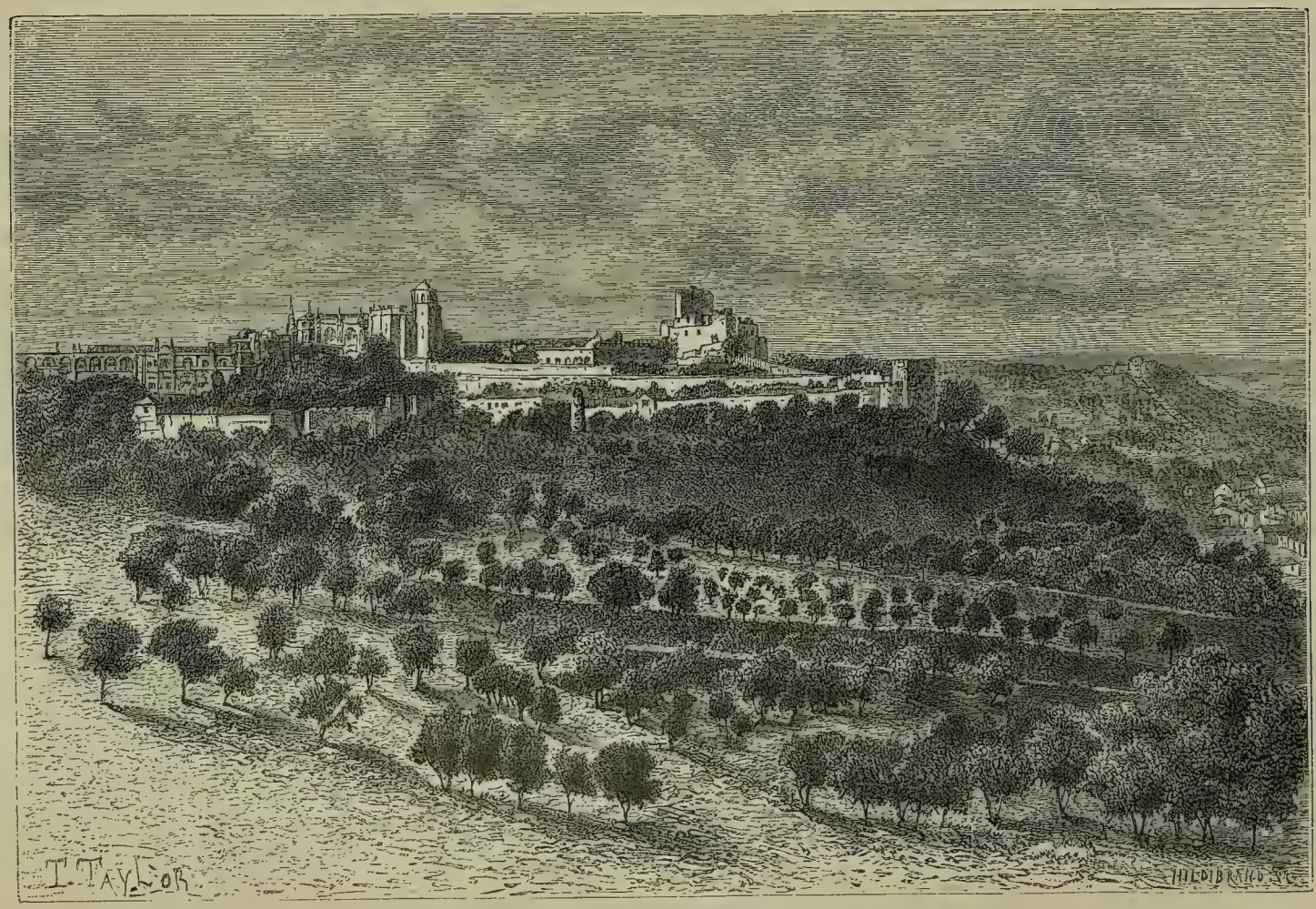
тола, Гвадіана становится судоходною для мелкихъ судовъ; эта большая рѣка не болѣе какъ на протяженіи шестидесяти километровъ можетъ служить для перевозки мѣстныхъ продуктовъ.

Къ западу отъ Гвадіаны, горы маріанской системы продолжаются параллельно морскому берегу. Сначала онѣ довольно низки, представляя простые „земляные холмы“, или *cimeadas*, затѣмъ возвышаются до 500 метровъ въ серра Мальхао и въ серра Мецквита. Плоскогорье, изрытое верхними потоками Миры, соединяетъ эти хребты съ серрою Кальдейрано, или „Котломъ“, названною такъ въ Португаліи, какъ говорятъ, отъ находящагося въ ней кратера вулкана, и съ другой цѣпью, оканчивающеюся къ сѣверу отъ мыса Синеса вершиною Атарайа, или „Сторожевою горою“. Другое плоскогорье, по которому должна пройти желѣзная дорога отъ Алгарвіи въ Лисабонъ, служитъ продолженіемъ главной системы и образуетъ основаніе живописной группы серра Монхико, угловаго хребта Португаліи. По другую сторону этихъ горъ, остроконечный кряжъ, называемый „Собачьимъ хребтомъ“, тянется по крайнему южному полуострову Португаліи, между западнымъ и южнымъ морями, и соединяется съ утесами мысовъ: Св. Винцента и Сагресъ, нѣкогда „священнымъ“, откуда онъ и заимствовалъ свое настоящее названіе.

Высоты португальскихъ горъ къ югу отъ Таго суть:

Серра Санъ Мамеде	1,025	метровъ.
„ Осса	649	„
Фойа Монхико.	903	„
Аталайа	325	„
Беха (Кампо де Беха)	252	„
Урикъ (Кампо де Урикъ)	222	„

Для древнихъ народовъ Священный мысъ представлялъ „водорѣзъ европейскаго корабля“. По старинным сказаніямъ, тѣмъ, которые ходили смотрѣть оттуда на заходящее солнце, оно казалось въ сто разъ большимъ, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, причемъ можно было слышать шипѣніе громадной планеты, погасавшей въ волнахъ океана Страбонъ даетъ себѣ трудъ оспаривать и опровергать этотъ народный предразсудокъ, вполнѣ, впрочемъ, согласный съ представленіями необразованныхъ грековъ о границахъ міра: подобно западнымъ мысахъ въ странахъ Каллаиковъ и Арморикцевъ, Священный мысъ казался „Концомъ земли“; только онъ заканчивалъ континентъ не со стороны тумановъ и морозовъ, а съ теплаго полудня. „Боги, говоритъ Артемидоръ, отдыхали по ночамъ на этомъ мысу послѣ своихъ трудовъ и путешествій по свѣту“. Въ началѣ



МОНАСТЫРЬ „РЫЦАРЕЙ ХРИСТА“ ВЪ ТОМАРѢ.

новой исторіи, Генрихъ Мореплаватель, знаменитый инфантъ, основалъ на Священномъ мысѣ гидрографическую школу, подъ управленіемъ Жакамо Маіорскаго; отсюда онъ лично наблюдалъ за возвращеніемъ экспедицій, посылавшихся для открытія острововъ и ознакомленія съ отдаленными краями. Немного найдется мѣстностей, которыя имѣли-бы такой интересъ для географа-историка, какъ этотъ конечный пунктъ европейскаго материка. Многолѣтнія стремленія отыскать отсюда прямой морской путь въ Индію имѣютъ для Священнаго мыса, повидимому, большее историческое значеніе, чѣмъ кровопролитное морское сраженіе, извѣстное подъ именемъ битвы Св. Винцента, происшедшее у его береговъ въ 1797 г. и окончившееся, въ пользу англичанъ, уничтоженіемъ испанскаго флота.

Холмы Сагреса, подобно высотамъ Таго, происхожденія вулканическаго; но подземная дѣятельность въ нихъ, повидимому, совершенно прекратилась. Одинъ только геологическій феноменъ на южномъ берегу Алгарвіи можетъ отчасти свидѣтельствовать о медленной подземной дѣятельности въ этой области Португаліи. Значительная часть альгарвскаго берега окаймлена песчаными стрѣлками, представляющими вторичный берегъ впереди главнаго и образующими нѣчто въ родѣ морской аллеи, защищенной отъ вѣтровъ съ открытаго моря и очень удобной для мелкихъ судовъ. Этотъ валъ, построенный волнами въ открытомъ морѣ, тѣмъ болѣе интересенъ, что идетъ параллельно берегамъ гористой мѣстности: почти во всѣхъ остальныхъ частяхъ земнаго шара, гдѣ происходитъ явленіе прибрежныхъ валовъ, они всегда тянутся по низменнымъ берегамъ равнинъ, уходящихъ на необозримое пространство внутрь страны. Кромѣ того, замѣчено, что большая часть прибрежныхъ валовъ окаймляютъ тѣ именно берега, которые подвержены общему медленному опусканію: въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ берега постепенно погружаются, волны, безпрерывно ударяющія въ берегъ, уносятъ песчаные обломки и собираютъ ихъ въ длинныя отмели, часто указывающія на прежнюю форму береговыхъ очертаній. Геологи еще не доказали непосредственными наблюденіями явленія пониженія суши въ португальской Алгарвіи; но существованіе прибрежныхъ песчаныхъ стрѣлокъ служитъ замѣчательнымъ на то указаніемъ: оно придаетъ большую вѣроятность мнѣнію тѣхъ, которые полагаютъ, что берегъ между мысомъ Сагресъ и устьемъ Гвадіаны находится въ состояніи пониженія. Преданія, болѣе или менѣе неопредѣленныя, относящіяся къ обваливанію береговъ Кадикса и разрыву Геркулесова перешейка, превратившагося въ Гибралтарскій проливъ, отчасти подтверждаютъ эту гипотезу о колебаніяхъ Лузитанскаго берега.

Путешественникъ, достигшій вершины одной изъ горныхъ цѣпей, служащихъ южною границею однообразнымъ равнинамъ Алемтехо, поражается рѣзкимъ контрастомъ между сѣвернымъ склономъ и южными откосами Алгарвіи. Съ одной стороны простираются обширныя, почти пустынныя пространства; съ другой—виднѣются каштановые лѣса, мѣстами на горныхъ террасахъ появляются деревни, а на берегу моря бѣлѣютъ города; по голубымъ волнамъ плаваютъ флотиліи рыбачьихъ лодокъ. Къ сѣверу, до самыхъ границъ горизонта, тянутся мертвыя поляны; къ югу слѣдуютъ однѣ за другими разнообразныя, живописныя мѣстности до самаго моря. Контрастъ столь же значителенъ и въ образѣ жизни обитателей обѣихъ провинцій. Обитатели Алемтехо самые степенные изъ всѣхъ португальцевъ; они не любятъ даже танцевъ. Они очень рѣдко разселены по своимъ ландамъ, причемъ одни занимаются земледѣліемъ, другіе ведутъ отчасти кочевую жизнь, слѣдуя за стадами свиней и овецъ. Пастухи бродятъ въ лѣсахъ *azinheiras*'овъ, гдѣ ихъ свиньи откармливаются желудями; лѣтомъ переходятъ черезъ Таго и удаляются на верхнія пастбища горъ Бейры; въ концѣ осени они возвращаются къ югу и пасутъ свои стада въ чащѣ ладанника, покрывающаго значительную часть Алемтехо. Жители Алгарвіи, въ три раза многочисленнѣе относительно занимаемаго ими пространства, принуждены болѣе тщательно обработывать почву: они воздѣлываютъ хлѣба, виноградъ, фруктовые сады, и хотя земля обильно вознаграждаетъ ихъ трудъ, тѣмъ не менѣе они кромѣ земли, добываютъ себѣ пищу изъ обильнаго рыбою моря.

Слабая относительная населенность Алемтехо объясняется отчасти тѣмъ обстоятельствомъ, что большинство войнъ происходило на ея слегка холмистыхъ равнинахъ; она объясняется также преобладаніемъ въ этой провинціи обширныхъ помѣщичьихъ угодій; крестьянинъ здѣсь вовсе лишенъ земли; онъ воздѣлываетъ ее безъ всякой охоты; а влажная почва порождаетъ лихорадки. Во времена римскаго владычества эти области были густо населены, что доказывается множествомъ каменныхъ глыбъ съ надписями, найденныхъ на поверхности земли.

Разница въ высотахъ и расположеніи обѣихъ провинцій необходимо влечетъ за собою рѣзкое различіе въ климатахъ. Равнины Алемтехо имѣютъ несомнѣнно африканскій характеръ уже по одной ихъ монотонности и общему виду флоры, состоящей изъ низкихъ растеній и кустарниковъ; Алгарвія, съ ея масличными рощами, финиковыми пальмами, напоминаетъ тропическія страны. Средняя температура этой провинціи весьма высока, не ниже 17° по стоградусному термометру. Защита, представляемая серра Монхико и другими горами противъ сѣверныхъ и сѣ-

веро-западныхъ вѣтровъ, и, кромѣ того, преграда, образуемая во многихъ мѣстахъ песчаными валами свободному проходу морскихъ вѣтровъ, содѣйствуютъ усиленію лѣтнихъ жаровъ. При восточномъ, или „испанскомъ вѣтрѣ“ жары дѣлаются невыносимы и часто сопровождаются міазмами, порождающими лихорадку: *De Espanha nem bom vento, nem bom casamento* („Изъ Испаніи ни хорошаго вѣтра, ни семейнаго счастья“) говоритъ пословица.

Вилланова де Портимано, лежащій къ югу отъ серра Монхико, долгое время считался первымъ въ Европѣ городомъ по высотѣ средней температуры. Впослѣдствіи было доказано, что многія другія мѣстности въ Испаніи могутъ поспорить съ нимъ въ этомъ отношеніи; тѣмъ не менѣе, берегъ Алгарвіи, вмѣстѣ съ областью нижняго Гвадалквивира и средиземноморскихъ береговъ Андалузіи и Мурціи, принадлежитъ къ полосѣ Европы, отличающейся самыми жестокими жарами. Эта часть Лузитаніи не безъ основанія получила отъ арабовъ то-же названіе, какъ и марокскій берегъ, обращенный къ Атлантическому океану и позднѣе также завоеванный на короткое время португальцами: обѣ части обширнаго полукружія, образованнаго этими берегами, были у арабовъ двѣ страны Гхарбъ (Гарбъ), двѣ Алгарвіи, или „западныя области“, расположенныя внѣ внутренняго моря. Португальская Алгарвія, или д'Аквемъ-Маръ (по эту сторону моря), сдѣлавшаяся христіанскою, все-таки сохранила свое арабское названіе; равнымъ образомъ и ея населеніе, бывшее мусульманскимъ по половины тринадцатаго вѣка, и теперь еще, не смотря на иной языкъ, заключаетъ въ себѣ элементы варварійскій и семитическій.

Въ верхнемъ Алемтехо, весьма рѣдко населенномъ, города немногочисленны и не имѣютъ важнаго значенія: они остались-бы большими деревнями, если-бы не сосѣдство Испаніи и не транспортная торговля, въ которой эти города служатъ посредниками. Крато въ настоящее время представляетъ главную станцію желѣзной дороги, соединяющей Таго и Гвадіану, подобно тому, какъ его сосѣдъ, Порталегро, служилъ промежуточною станціею на конной дорогѣ; Кастелло-де-Видъ вывозитъ шерсть и копченую свинину. Кампо-Майоръ имѣетъ значеніе, какъ оживленный рынокъ. Далѣе къ югу расположенъ Эльвасъ, откуда виденъ прекрасный мавританскій водопроводъ съ четырьмя рядами арокъ; этотъ городъ построенъ амфитеатромъ на склонахъ горы, среди садовъ, славящихся сливами, и увѣнчанъ укрѣпленіями, которыя въ прошломъ столѣтіи считались образцовыми произведеніями военной архитектуры; укрѣпленія Эльваса обращены къ испанскому городу Бадахоцу и къ укрѣпленному мѣстечку Оливенца, которое вѣнскими трактатами оффиціально причисля-

лсоь къ Португаліи, но Испанія ни зачто не хотѣла его уступить. На одной изъ горъ серра Оссы лежитъ Эстремоцъ, извѣстный во всей Португаліи своими *pucaros*, глиняными кувшинами изящной работы, распространяющими пріятный ароматъ. Монтеморъ съ старинными развалинами, съ высоты одной изъ горныхъ вершинъ, господствуетъ надъ обширными пространствами ландъ и однообразными лѣсами. Эвора, въ центрѣ провинціи, также выдается съ высоты холма надъ пространными равнинами; *Ebora*, или *Ebora Cerealis*, нѣкогда расположенная на большой римской дорогѣ, соединявшей бассейнъ Гвадіаны съ лиманомъ Лисабона, была многолюднымъ городомъ; въ средніе вѣка она служила второю резиденціею королей и мѣстомъ собранія кортесовъ; теперь отъ прежняго величія города остался прекрасный реставрированный римскій водопроводъ, развалины храма Діаны съ коринѳскими колоннами, да остатки феодальныхъ сооруженій.

Беха, древній *Pax, Julia* или *Colonia Pacensis*, въ настоящее время есть не болѣе, какъ развалина прошлаго; за то на полуостровѣ, образованномъ Гвадіаною и Шанцою, недавно еще вовсе неизвѣстная деревушка, Санъ-Домингосъ, превращается въ дѣятельный, торговый городъ. Залежи мѣднаго колчедана и другихъ металловъ, встрѣчающіяся въ изобиліи въ окрестныхъ горахъ, составляющихъ западное продолженіе горъ Ріо-Тинто и Тарсиса, весьма усердно разрабатываются промышленными англичанами и, съ 1859 г., ежегодно доставляютъ болѣе 100,000 тоннъ рудъ; онѣ могли бы доставлять даже вдвое больше; впрочемъ, главное промышленное примѣненіе этихъ рудъ основано на содержащейся въ нихъ сѣрѣ, изъ которой получается сѣрная кислота. Рудники Санъ-Домингосъ съ ихъ магазинами, мастерскими и желѣзными дорогами считаются образцовыми сооруженіями въ этомъ родѣ. Они сообщили свою дѣятельность нижней Гвадіанѣ, которая защищена у входа Кастро Маримомъ, древнимъ стратегическимъ пунктомъ, гдѣ собирались экспедиціи противъ мавровъ, и Вилла Реаль де-Санто Антоніо, которая недавно была простымъ селеніемъ рыбаковъ. Ежегодно пятьсотъ судовъ проходятъ въ устье Гвадіаны, къ Виллѣ Реаль за грузомъ рудъ. При сліяніи Гвадіаны и Шанцы лежитъ деревня Помарано, къ которой примыкаетъ желѣзная дорога изъ Санъ-Домингосъ и которая сдѣлалась обширнымъ рынкомъ и дѣятельнымъ торговымъ портомъ, вопреки своему нездоровому климату. На сѣверѣ наиболѣе замѣтные города: Мура и Серпа.

Главный городъ европейской Алгарвіи во время мавровъ, городъ Сильва, въ настоящее время потерялъ всякое значеніе; онъ расположенъ внутри страны, вдали отъ торговой дѣятельности. Фаро, нынѣшній глав-

ный городъ, имѣетъ, по крайней мѣрѣ, ту выгоду, что построенъ на берегу моря и обладаетъ хорошо огражденнымъ, но не глубокимъ портомъ, откуда мелкія каботажныя суда вывозятъ всякаго рода фрукты, тунцовъ, сардинки, устрицы, составляющія мѣстное богатство. Ольхана, Тавира, также защищенныя отъ волнъ и вѣтровъ съ открытаго моря прибрежнымъ валомъ, имѣютъ такія же удобства для торговли и мѣстные продукты, какъ и главный городъ Тавира—это самый красивый городокъ Алгарвіи. Луле, расположенный среди живописной внутренней долины, городъ весьма красивой наружности; когда лѣчащіеся, которые стремятся въ настоящее-время въ Ницу, Канны, Алжиръ, Мадеру, узнаютъ путь въ Алгарвію, тогда Луле Лагосъ и другія сосѣднія селенія несомнѣнно превратятся въ „города для зимняго сезона“ чающихъ выздоровленія. Теплые источники или Кальдасъ Монхико и теперь пользуются громкою извѣстностью не только по цѣлебной силѣ ихъ водъ, но также вслѣдствіе мягкости климата и красоты мѣстоположенія. Здѣсь, какъ говорятъ, произрастаютъ лучшіе португальскіе апельсины.

Главные города Алемтехо и Алгарвіи суть:

	человѣкъ.		человѣкъ.
Луле	14,860	Эстремацъ	7,575
Эвора	13,460	Ольхано	7,510
Тавира	11,650	Сильвесъ	7,020
Эльвасъ	11,200	Вилла-Новаде-Партимано	6,425
Порталегре	7,220	Серпа	5,905
Фаро	8,670	Манчикъ	6,160
Беха	8,500	Мура	5,650
Лагосъ	7,880	Кампо Майоръ	5,280

V.

СТАТИСТИКА ПОРТУГАЛІИ.

Маленькое королевство Португаліи въ настоящее время уже не можетъ, какъ въ концѣ пятнадцатаго столѣтія, дѣлиться странами свѣта съ своими сосѣдями, испанцами; теперь оно удерживаетъ въ своей власти, и то съ большимъ трудомъ, нѣкоторыя ничтожныя части прежней колоніальной имперіи. Для сохраненія исключительнаго права на открытыя земли португальское правительство съ чрезвычайною строгостью хранило ихъ въ тайнѣ: за вывозъ изъ государства всякой морской карты, съ указаніемъ пути въ Калькутту, назначалась смертная казнь; но такія мѣры при-

несли вредъ самимъ же португальцамъ. Соблюдая въ строгой тайнѣ свои открытія, тщательно охраняя свои архивы, они кончили тѣмъ, что забыли эти открытія и не допускали себя къ пользованію ими: множество морскихъ путей, впервые пройденныхъ португальскими кораблями, должны были снова разыскиваться и притомъ мореплавателями другихъ націй. Кромѣ того, грандіозная роль завоевателей и колонизаторовъ, которую приняли на себя португальцы, оказалась не по силамъ маленькому народу, лишенному свободы. Силы націи вскорѣ истощились, и другіе дѣятели: голландцы, англичане, французы, выступили на обширное міровое поприще, которое португальцы хотѣли удержать за собою. Въ настоящее время они, правда, владѣютъ, внѣ европейскаго материка, землями въ сорокъ разъ превосходящими по пространству ихъ отечество; но что значатъ эти земли въ сравненіи съ тѣми, которыя они потеряли? Потомки Васко де Гамы и Альбукерка владѣютъ ничтожнымъ клочкомъ земли въ той самой Индіи, куда они впервые открыли морской путь. Гоа, Сальсетта, Бардецъ, Дамано, Діу занимаютъ пространство не болѣе 3,300 квадратныхъ километровъ и принадлежатъ Португаліи только благодаря доброму расположенію Англіи. Макао, лежащій при устьѣ рѣки Кантона, недавно еще былъ рынкомъ человѣческаго мяса, откуда торговцы невольниками вывозили „наемныхъ“ китайцевъ на плантаціи Перу. Группа острововъ, связывающая Азію съ австралійскимъ континентомъ и представлявшая самыя цѣнныя владѣнія португальцевъ, въ настоящее время вся почти находится въ другихъ рукахъ, а прежнимъ завоевателямъ принадлежитъ только часть острова Тимора и островокъ Камбингъ. Въ Африкѣ, земли, которыя принадлежатъ Португаліи, правда, весьма обширны; если судить по оффиціальнымъ документамъ и недавнему договору съ Германіей, то цѣлый поясъ, во всю ширину африканскаго континента, отъ Анголы и Моссамедеса до Мозамбика и Софали слѣдуетъ считать португальскимъ; однако большая часть этихъ странъ еще не изслѣдована, и лица, занимающіяся ихъ изслѣдованіемъ, вовсе не португальцы: географія обязана англичанину Ливингстону научнымъ завоеваніемъ этихъ странъ. Единственныя поселенія, о принадлежности которыхъ Португаліи можно говорить съ увѣренностью, находятся въ западной части Африки, къ югу отъ Конго. Тутъ имѣются болѣе или менѣе оживленные коммерческіе порты, соединяющіеся съ внутренностью страны сносными дорогами, здѣсь приступаютъ даже къ постройкѣ желѣзныхъ дорогъ Весьма возможно, что эти колоніи, такъ долго игнорировавшіяся, сдѣлаются современемъ африканской Бразиліей. Нѣсколько километровъ земли къ сѣверу отъ Конго, Бисса-

госкій архипелагъ и часть сосѣдняго берега, извѣстнаго подъ именемъ Гвинеи, дополняютъ, съ островами Св. Ѳомы, Принцевъ и архипелагомъ Зеленаго мыса, португальскія владѣнія въ Африкѣ; кромѣ того, Дагомейское королевство состоитъ подъ протекторатомъ Португаліи. Что касается Бразиліи, богатой колоніи Новаго Свѣта, то она полстолѣтія живетъ самостоятельною жизнью и значительно превосходитъ свою большую метрополію по населенности и богатству. Наконецъ земли въ Атлантическомъ океанѣ, Мадера и Азорскіе о-ва, первыя завоеванія лисабонскихъ мореплавателей, составляютъ непосредственную часть Португаліи и раздѣляются на провинціи, одинаковыя по правамъ съ провинціями на твердой землѣ Эти владѣнія далеко не изъ бѣдныхъ, и послѣ короткаго неблагопріятнаго періода, когда болѣзни уничтожали населеніе, а филоксера виноградники, они снова начинаютъ приходить въ благосостояніе

Португальскія колоніальныя земли суть:

		Поверхность.	Населеніе.
Атлантич. ок.	О—ва Азорскіе	2,388 кв. кил.	269,401 ч. въ 1881 г.
	Мадейра и др.	815 „ „	133,955 „ „ 1882 „
Африка.	О—ва Зеленаго мыса	3,851 „ „	107,026 „ „ 1883 „
	Сенегамбія (Гвинея)	42,000 „ „	150,000 „ „ 1885 „
	О—ва Св. Ѳомы и Принцевы.	1,080 „ „	21,035 „ „ 1879 „
	Аюда, портъ Дагомей	35 „ „	4,500 „ „ 1875 „
	Ландана и Кабинда	1,500 „ „	30,000 „ „ 1886 „
	Ангола, Бенуэла, Моссамедесъ.	809,400 „ „	1.000,000 „ „ 1880 „
	Мозамбикъ, Софала и др.	991,150 „ „	1.350,000 „ „ „ „
	Внутреннія земли	1.700,000 „ „	20.000,000 „ „ 1886 „
Азія.	Гоа, Сальсета и др.	3,270 „ „	420,868 „ „ 1881 „
	Дамано	80 „ „	47,988 „ „ „ „
	Діу	30 „ „	2,611 „ „ „ „
	Половина Тимора и Камбинга.	16,300 „ „	300,000 „ „ 1880 „
	Макао и др	11 „ „	68,085 „ „ 1878 „
	Всего	3.571,910 кв. кил.	29.915,469 ч.

Когда Португалія, съ потерею Бразиліи, утратила единственную часть своего колоніальнаго могущества, доставлявшую ей существенное значеніе среди другихъ націй, маленькій европейскій народецъ дошелъ, дѣйствительно, до жалкаго состоянія. Истощенный иноземною войною, онъ продолжалъ еще въ теченіе многихъ лѣтъ бороться съ внутренними неурядицами. Его финансы окончательно истощились; притомъ отсутствіе сообщеній съ внутренними частями страны и путей для сношеній съ заграницею не позволяло возстановить благосостоянія страны посредствомъ вывоза мѣстныхъ продуктовъ. Португалія могла окончательно исчезнуть, и никто не понесъ бы отъ этого чувствительныхъ потерь, кромѣ нѣсколь-

кихъ англійскихъ негоціантовъ, владѣющихъ виноградниками Дуро, да испанскихъ пограничныхъ контрабандистовъ. Еще въ 1851 г. въ цѣлой Португаліи существовала только одна проѣзжая дорога, отъ Лисабона къ Чинтрѣ, если только можно назвать дорогою простую аллею для гулянья между двумя королевскими дворцами. Кромѣ того, состояніе умственнаго развитія народа столько же оставляетъ желать, какъ и экономическое. Невѣжество, въ которомъ пребывали лузитанцы въ половинѣ нынѣшняго столѣтія, почти можно сравнить съ необразованностью ихъ сосѣдей Мароко, живущихъ къ югу отъ залива Алгарвіи. Въ сѣверныхъ округахъ: Віаннѣ, Брагѣ, Браганцѣ, молодая дѣвушка, умѣющая читать, считалась какимъ-то чудомъ. Число безграмотныхъ велико и теперь, — десять лѣтъ тому назадъ это число составляло 75% населенія. Впрочемъ, эти невѣжественные португальцы значительно отличаются отъ большинства крестьянъ сѣверной Европы, грамотныхъ и притомъ все-таки грубыхъ; португальцы спорятъ, не горячась, говорятъ изящнымъ языкомъ, даже импровизируютъ стихи, въ которыхъ есть и размѣръ, и неподдѣльная поэзія [1]).

Во время послѣдняго поколѣнія образованіе весьма распространилось въ Португаліи; значительная часть пространства, отдѣлявшаго португальцевъ отъ прочихъ европейскихъ націй, съ точки зрѣнія практическаго образованія, теперь пополнилась, и съ каждымъ днемъ замѣтны новые успѣхи. Въ этомъ случаѣ достаточно привести одинъ примѣръ, свидѣтельствующій вообще о прогрессѣ въ экономическомъ отношеніи: именно страна покрылась сѣтью желѣзныхъ дорогъ, всѣ главныя линіи которыхъ черезъ нѣсколько лѣтъ будутъ вполнѣ закончены. Лисабонъ не только въ скоромъ времени будетъ соединенъ со всѣми второстепенными городами Португаліи, даже съ городами Алгарвіи, Трасъ-осъ-Монтесъ, но и теперь онъ уже начинаетъ заводить торговыя сношенія съ внутренними частями обѣихъ Кастилій черезъ различные пограничные пункты на Минго, Дуро

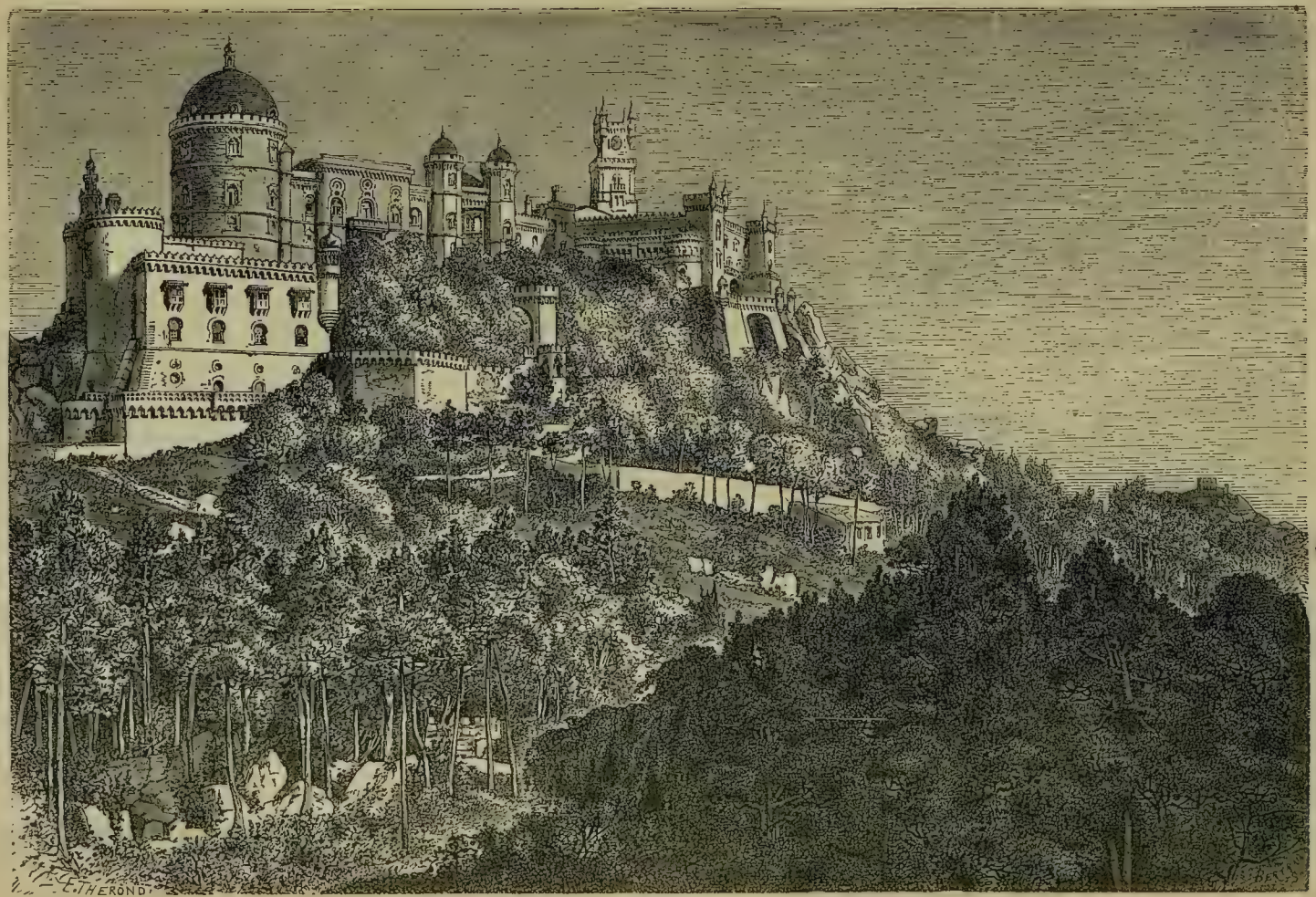
---

[1]) Статистика народнаго образованія въ Португаліи (безъ о—въ Азорскихъ и Мадеры) за время школьнаго года 1884—85:

Образованіе элементарное: 5,200 школъ съ 24,000 учениковъ.
» среднее: 17 лицеевъ (не считая коллегій)—10,000 учениковъ.
» высшее: 9 школъ, 2,400 учениковъ.
» спеціальное: 19 школъ, 2,600 учениковъ.

Число безграмотныхъ въ 1884 году:

Женщинъ	89%
Мужчинъ	75%
Среднее число	82,5%



ЗАМОКЪ ПЕНЬЯ ДЕ ЧИНТРА ВЪ ПОРТУГАЛІИ.

и Гвадіанѣ. Движеніе мѣновой торговли замѣтно возрасло во время междоусобныхъ войнъ, когда испанскіе порты, расположенные у Средиземнаго моря, нерѣдко находились въ осадномъ положеніи: Лисабонъ и Порто даже отчасти замѣнили эти торговые города, снабжая иностранными товарами внутреннія части полуострова. Кромѣ того, въ таможенныхъ отчетахъ значится только часть всей дѣйствительной торговли; на огромномъ протяженіи гористой границы, въ 800 километровъ, весьма трудно услѣдить за контрабандою, и португальцы, подобно испанцамъ, хвалятся умѣньемъ обманывать карабинеровъ. Сухопутная таможня стоитъ правительству гораздо больше, чѣмъ приноситъ [1])

Внѣшняя торговля Португаліи болѣе, чѣмъ утроилась съ половины нынѣшняго столѣтія, благодаря пароходамъ, составляющимъ около четырехъ пятыхъ всего количества тоннъ торговыхъ судовъ. Большая часть этихъ торговыхъ сношеній производится съ Великобританіею, которая недавно пользовалась даже почти полною монополіею во внѣшней торговлѣ съ Лузитаніею. Нетрудно понять, даже съ географической точки зрѣнія, столь значительное вліяніе Англіи на Португалію. Португальскій берегъ находится на самомъ пути англійскихъ судовъ въ Средиземное море, Бразилію, на мысъ Доброй Надежды, въ Индію; ни одинъ морской путь не посѣщается такъ часто англичанами. Порто и Лисабонъ служатъ для нихъ мѣстами привала и запаса съѣстными продуктами. Понятно, что англійская торговля, съ ея громадными рынками, завладѣла португальскою производительностью, и постаралась укрѣпить свое вліяніе разными политическими комбинаціями. Помощь, оказанная Англіею Португаліи во время войны полуострова, доставила ей благовидный предлогъ для пріобрѣтенія въ этой странѣ почти власти сюзерена и покровителя, и нерѣдко она злоупотребляла своимъ вліяніемъ. Но въ настоящее время Англія пользуется лишь превосходствомъ своей торговли, и если англійское золото играетъ существенную роль въ оборотахъ португальскихъ рынковъ, то единственно благодаря громадной закупкѣ винъ и всякихъ фруктовъ, которая производится лондонскими негоціантами.

---

[1]) Пути сообщенія Португаліи къ 30 іюня 1884 года:

Большія дороги	4,175	килом.
Другія дороги	4,980	»
Желѣзныя дороги къ 1887 г.	1.749	»
Общій доходъ жел. дорогъ въ 1884 году	8,232	франк.
Телеграфныя линіи въ 1885 году	4,978	килом.
Число телеграммъ въ 1883 году	1.727,293	
» писемъ въ 1883 году	20.000,000	

Торговля и судоходство Португаліи:

Стоимость товаровъ въ 1842 г. . . .	100.408,000	фран.
„ „ „ 1856 г. . . .	203.185,000	„
„ „ „ 1877 г. . . .	316.175,010	„
Импортъ „ „ 1882 г. . . .	203.431,000	„
Экспортъ „ „ „ „ . . .	138.580,000	„
Въ общемъ	342.011,000	„

Торговля съ Англіей въ 1881 г. . .	164.958,000	фран.
„ „ Бразиліей „ 1880 г. . .	45.382,000	„
„ „ Испаніей „ 1882 г. . .	43.344,000	„

Движеніе судоходства въ 1885 г.:

21.240 судовъ, вмѣстим. въ 8.546,310 тоннъ, изъ которыхъ 7.169,960 тоннъ приходится на паровыя суда.

Коммерческій флотъ (не считая мелкихъ кабот. судовъ) въ 1886 г.: 469 суд., изъ нихъ 20 паров., вмѣстим. 120.000 тоннъ.

Возрастающее значеніе торговли Португаліи съ Бразиліею, соединенныхъ въ настоящее время подводнымъ телеграфомъ черезъ океанъ, также есть необходимое слѣдствіе относительной близости обѣихъ странъ и ихъ родственныхъ связей, общности преданій, связывающихъ эти два народа. Всѣ экономическіе успѣхи Бразиліи отразятся на ея прежнемъ отечествѣ; и теперь уже нетрудно предвидѣть будущее благосостояніе народовъ, населяющихъ Лузитанію Новаго Свѣта; когда исчезнетъ невольничество, когда рѣки бассейна Амазонки будутъ окаймлены плантаціями и желѣзныя дороги соединятъ долины боливійскихъ Андовъ съ портами Атлантическаго океана, Лисабонъ и Порто будутъ посредниками между Бразиліею и Европою по вывозу массы колоніальныхъ и мануфактурныхъ товаровъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, не трудно понять, что, не смотря на родовую ненависть и разногласіе династическихъ интересовъ, между рынками Португаліи и Испаніи должна установиться самая тѣсная торговая солидарность. Въ концѣ концовъ обѣ пограничныя націи не могутъ не слиться въ одинъ народъ, какъ это случилось съ арагонцами и кастильцами, андалузцами и манчегосами. Это, конечно, вопросъ будущаго; однако нельзя сомнѣваться въ томъ, что общность промышленной и общественной жизни непремѣнно возьметъ перевѣсъ и поведетъ за собою политическую федерацію. Остается только пожелать, чтобы это будущее слiяніе произошло мирнымъ путемъ, безъ несправедливыхъ притѣсненій, безъ

насилій правъ каждой націи на соблюденіе своихъ собственныхъ интересовъ. Португальцы, равные испанцамъ по ихъ величію въ прошломъ, по роли, которую они играли въ эпическую эпоху начала новой исторіи, могутъ смѣло, по своимъ нравственнымъ достоинствамъ, стать на-ряду съ своими сосѣдями.

VI.

ПРАВЛЕНІЕ И АДМИНИСТРАЦІЯ.

Португалія есть монархія наслѣдственная и конституціонная. По государственному уложенію 1826 г., называемому Carda de ley и пересмотрѣнному въ 1852 г., правительство составляется изъ четырехъ властей: правительствующей, законодательной, исполнительной и судебной; изъ этихъ различныхъ властей первая принадлежитъ исключительно коронѣ; дворъ, кромѣ того, раздѣляетъ законодательную власть съ двумя камерами и ни въ какихъ случаяхъ не подлежитъ отвѣтственности. Содержаніе двора обходится болѣе 33.000,000 франковъ; кромѣ того, король пользуется коронными помѣстьями и обладаетъ замѣчательными драгоцѣнностями, изъ которыхъ знаменитый „браганскій брилліантъ“ — первый въ свѣтѣ по величинѣ. Король носитъ титулъ „Христіаннѣйшаго“ и по-прежнему титулуется „Королемъ Алгарвіи, государемъ Гвинеи и всѣхъ покоренныхъ странъ“. За неимѣніемъ наслѣдника мужескаго пола престолъ могутъ занимать женщины. Министры государя, въ числѣ семи, несутъ отвѣтственность за королевскія постановленія: они могутъ быть привлечены къ суду камерою депутатовъ, и должны тогда явиться передъ камерою пэровъ, высшею судебною инстанціею. Всѣ дѣла, касающіяся администраціи, разсматриваются королемъ въ присутствіи государственнаго совѣта, состоящаго изъ шестнадцати членовъ, избираемыхъ пожизненно. Наслѣдный принцъ постоянный членъ этого совѣта и принимаетъ участіе въ засѣданіяхъ съ восемнадцати-лѣтняго возраста.

Камера пэровъ состоитъ, начиная съ 1878 года, изъ 153 членовъ по назначенію короля. Изъ членовъ одни наслѣдственны, другіе назначены пожизненно, и всѣ они избираются изъ высшей знати, изъ крупныхъ собственниковъ и даже промышленниковъ, если они платятъ не менѣе 7,840 фр. пошлинъ. Принцы королевскаго дома, архіепископъ и епископы имѣютъ право засѣдать въ камерѣ пэровъ. Изъ нихъ обыкновенно избираются президенты и вице-президенты. Камера депутатовъ, избираемая

общею подачею голосовъ, спеціально уполномочена обсуждать и вотировать государственный бюджетъ. По закону 1878 года, избирателемъ является каждый глава семейства и всѣ тѣ, кто умѣетъ читать и писать. Цензъ существуетъ лишь для избираемыхъ.

Территорія Португаліи раздѣлена на 112 избирательныхъ округовъ,—96 для континента, 4 для прилежащихъ острововъ и 12 для остальныхъ колоній. Эти округа, чрезвычайно неравные по численности, избираютъ 1, 2, 3, 4 даже до 6 депутатовъ каждый, общее число избираемыхъ—169. Періодъ выборной службы продолжается четыре года, а нормальный срокъ засѣданій три мѣсяца. Президентъ камеры назначается королемъ изъ списка пяти кандидатовъ, избираемыхъ депутатами.

Судебная власть въ Португаліи распредѣлена по разнымъ степенямъ, отъ приходскаго „выборнаго судьи“ (juizeleito) и до членовъ высшаго судебнаго учрежденія, засѣдающихъ въ Лисабонѣ. Страна раздѣляется на два большихъ судебныхъ округа, Лисабонскій и Порто, которые, въ свою очередь, подраздѣляются на судебныя вѣдомства, соотвѣтственно территоріальному раздѣленію. О-ва Азорскіе образуютъ третій округъ, Мадера отнесена къ Лисабонскому. Судъ присяжныхъ занимается процессами гражданскими и уголовными, но прокуратура имѣетъ право кассировать эти рѣшенія, какъ неправильныя. Португальскіе судебные законы частью заимствованы изъ французскаго свода, частью изъ старинныхъ мѣстныхъ уставовъ, заключающихся въ эдиктахъ „альфонсійскихъ“, „мануэлійскихъ“ и „филипповскихъ“. Коммерческія дѣла подлежатъ особымъ коммерческимъ судамъ, съ выборнымъ изъ коммерсантовъ-же жюри.

Господствующая религія въ государствѣ римско-католическая: другія вѣроисповѣданія терпимы при условіи, что для отправленія обрядовъ они будутъ выбирать дома, не имѣющіе по наружному виду схода съ храмами. Духовное вѣдомство подчинено патріарху лисабонскому, двумъ архіепископамъ, брагскому и эворскому, и четырнадцати епископамъ. Инквизиція уничтожена съ 1821 г., и ея доходы, равнымъ образомъ и доходы 750 мужскихъ монастырей, большею частію закрытыхъ въ 1834 г., присоединены къ государственному бюджету; послѣднія монастырскія общины, мало по малу сокращающіяся вслѣдствіе запрещенія принимать послушниковъ, возвращаются къ гражданской дѣятельности.

Армія, численность которой въ военное время и въ періодъ междуусобныхъ войнъ полагается въ 125,000 человѣкъ, а въ мирное 38,000, въ дѣйствительности представляетъ двѣ трети нормальнаго состава; въ ней числится однако не менѣе 2,500 офицеровъ. Недавно, благодаря исключеніямъ изъ службы и возможности замѣщеній, вся тяжесть рекрут-

ской повинности падала на бѣдное населеніе; но законъ о воинской повинности былъ измѣненъ въ послѣднее время по прусскому образцу, съ цѣлію болѣе равномѣрнаго распредѣленія повинностей и укрѣпленія оборонительныхъ силъ страны. Армія состоитъ изъ 51 полка—инфантеріи, такъ называемыхъ chasseur'овъ, кавалеріи, конной артиллеріи и саперныхъ войскъ. Срокъ службы—12 лѣтъ, изъ нихъ 3 подъ знаменами, 5 въ первомъ и 4 во второмъ. Крѣпости въ Португаліи многочисленны: но немногія изъ нихъ хорошо укрѣплены; важнѣйшія изъ нихъ суть; Эльвасъ, Абрантесъ, Валенца—на испанской границѣ; а со стороны моря: фортъ Санъ-Жуліано и крѣпость Пепишъ. Флотъ уже не имѣетъ теперь тысячи кораблей, какъ въ то время, когда король Себастьянъ готовился въ походъ на Мароко; онъ состоитъ изъ 60-ти небольшихъ судовъ; изъ нихъ 40 пароходовъ. Экипажъ заключаетъ около 3,000 матросовъ.

Ежегодный бюджетъ съ 1834 г. постоянно балансировался дефицитомъ; государственный долгъ простирается до 2 съ половиною милліардовъ—цифра, по истинѣ поразительная для такой маленькой страны: это составитъ около 500 франковъ на каждаго португальца. Проценты по долгу зачастую не выплачиваются, хотя въ 1852 г. королевскій декретъ и обязался вносить ихъ въ размѣрѣ 3%. Однако доходы страны, съ присоединеніемъ продажи общественныхъ имуществъ и монополіи на табакъ, возрасли быстрѣе дефицита, и съ 1875 г. правительство могло избавиться отъ печальной необходимости спекулировать на деньги, удерживаемыя изъ жалованья служащихъ въ размѣрѣ отъ 5 до 30%. Кредитъ португальскаго правительства, окончательно упавшій, мало по малу поднялся, и его фонды стоятъ теперь въ половину номинальной стоимости.

Оба старинныя „королевства", Португалія и Алгаврія раздѣляются въ административномъ отношеніи на 17 округовъ, или провинцій, хотя прежнія историческія области Минго, Трасъ-осъ-Монтесъ, Беира, Эстремадура, Алемтехо, Алгарвія и теперь существуютъ въ неоффиціальномъ языкѣ. Округи, въ свою очередь, раздѣляются на *concelhos*, или „совѣты", которые гораздо обширнѣе французскихъ общинъ, потому что содержатъ среднимъ числомъ тринадцать приходовъ, или *freguezias*, представляющихъ подраздѣленія религіозныя и вмѣстѣ гражданскія.

ОКРУГА.	Поверхность округовъ въ квадратныхъ километрахъ	Населеніе округовъ въ 1881 г.	Число жителей на 1 километръ
Минго.			
7,213 квадратныхъ километр.; 1.014,768 человѣкъ.			
Брага	2,602	336,248	125
Порто	2,304	466,981	203
Віанна до-Костелло	2,216	211,539	100

ОКРУГА.	Поверхность округовъ въ квадратныхъ километрахъ.	Населеніе округовъ въ 1881 г.	Число жителей на 1 километръ
Трасъ-осъ-Монтесъ.			
11,033 квадратныхъ километр.; 396,676 человѣкъ.			
Браганца	6,644	171,586	26
Вилла-Реаль	4,369	225,090	51
Алемтехо.			
24,294 квадратныхъ километр.; 367,169 человѣкъ.			
Беха	10,841	149,187	14
Эвора	7,053	112,735	16
Порталегре	6,400	105,247	16
Бейра.			
23,891 квадратныхъ километр.; 1.377,432 человѣка.			
Авейро	2,919	270,266	95
Коимбра	3,862	307,426	80
Визеу	969	387,208	78
Гуарда	5,540	234,368	42
Кастелло-Бранко	6,596	178,164	27
Эстремадура.			
17,958 квадратныхъ километр.; 946,472 человѣка.			
Лейріа	3,463	199,645	58
Лиссабонъ	7,599	518,884	68
Сантаремъ	6,816	227,947	33
Алгарвія или Паро.			
4,834 квадратныхъ километр.; 204,037 человѣкъ; 42 человѣкъ на 1 квадратный километръ.			
Континентальная Португалія.			
89,143 квадратныхъ километр.; 4.306,554 человѣка; 48 человѣкъ на 1 квадратный километръ.			
Португалія съ Мадерою и Азорскими островами.			
92,346 квадратныхъ километр.; 4.708,178 человѣкъ; 51 человѣкъ на 1 квадратный километръ.			

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

А.

Абетоне, 322
Абидосъ, 143.
Абиликсъ, 587.
Абиссинія, 118.
Абрантесъ, 779.
Абруцци, 352, 382.
Ава, 749, 752, 761.
Авантюра, 455.
Авекъ, 766.
Авелино, 385, 409, 414, 421.
Авентинскій холмъ, 374.
Аверза 414, 421.
Авернское оз., 392.
Авейро, 735, 738, 752, 753, 765, 767, 798.
Авила, 543, 553, 564
Авилесъ, 720.
Авлона, 168, 169.
Аволо, 446.
Агвадульче, 592.
Агведа, 549.
Агвиларъ, 608, 620.
Агдъ, 648, 659.
Агіолю, 182.
Аглеренъ, 654.
Агоасъ-Ливресъ, 772.
Агосто, 433, 447.
Агригентъ (Джирдженто), 431, 435, 448, 451.
Агриніопъ, 102.
Агуазъ, 663.
Агуленицъ, 772.
Агуйеро, 645.
(Адамо дамелло), 254, 255, 257, 265.
Адамовъ мостъ, 644.
Адаха, 549, 562.
Аддо, 255, 260, 263, 277, 293.
Аденъ, 41.
Адерно, 445, 451.
Адиге, 281.
Адижъ, 254, 260, 263, 277, 293.
Адра, 582, 615, 620.
Адріано, 431.
Адріанополь (Эдирнэ), 144, 152, 178, 181.
Адріатика, 29, 117, 157, 253.
Адрія, 281, 305, 334.
Адуръ, 685.
Азелью, 262.
Азинара, 460, 480.
Азіаго, 290.
Азонъ, 707, 712.
Азовское море, 29.
Азорскіе о-ва, 791.
Акарнанія, 48, 50, 111.
Аквемъ-Маръ, 786.
Акви, 250, 300.
Аквилея, 269, 270, 273, 306, 382.
Аквино, 416.
Акро-Керонія, 156, 164.
Акрокоринѳъ, 71.
Акрополь, 68.
Актэ, 147.
Акціумъ, 167.
Алава, 683, 694, 703, 738.
Алагонъ, 544, 550.
Алазоресъ, 580.
Алалкомеласъ, 98.
Аланья (Olen), 290.
Алассіо, 314.

Алатри, 369, 378.
Албанія, 115, 152, 157.
Албаррацина, 546.
Албенга, 315.
Албенья, 328.
Алвіелла, 772.
Александрія, 43, 114, 152, 220, 296, 300, 499.
Алексинацъ, 227, 237.
Алемтейхо, 758 768, 769, 771, 783.
Алентехо, 548.
Аленто, 418.
Алерія, 517.
Алессіо, 164.
Алжезирасъ, 587, 618.
Алжиръ. 43.
Аликанте, 726, 727, 735, 738.
Аликуди, 453, 455.
Алкамо, 440, 444, 580.
Аллеге, 272.
Алоръ, 582, 616.
Алута (Ольто), 199.
Алфея (Руфія), 77, 82.
Алфей, 435.
Альба-Лонга, 357, 378.
Альбано, 355, 357, 377, 502.
Альбанононъ, 168.
Альбарацинъ, 623.
Альбаро, 320.
Альбацета, 552, 574, 738.
Альберга 312.
Альбересъ, 661.
Альберчъ, 543, 549.
Альбецина, 603.
Альбонтъ, 550.
Альборанъ, 579.
Альбуферъ, 650.
Альворъ, 770.
Альгама (Мураріа), 616, 663, 770.
Альгамбра, 403.
Альгамилья, 580.
Альгандра, 768.
Альгарва, 589, 613.
Альгарвія, 770, 785.
Альгендинъ, 578.
Альгерія, 348.
Альгеро, 465, 471, 480.
Альгецарасъ, 621.
Альдеа-Галлега, 780.
Альдіодъ, 684.
Альдудесы, 689.
Альзазуа, 687
Альказаба, 577.
Альказаръ, 564, 608.
Алькала, 568.
Алькала де Гвадейра, 610.
„ ля-Реаль, 608, 620.
Алькантара 424, 557, 565.
Алькантера, 772.
Алькаразъ, 622.
Алькобазъ, 778.
Алькокетъ, 780.
Альконстаръ, 565.
Алькуа, 622.
Алькубіерръ, 656.
Алькудіа, 646, 649.
Альмагро, 567, 572.
Альмада, 780.
Альмаденскія горы, 574.
Альмаденъ, 567.
Альманзоръ, 622.
Альмарозь, 565.
Альменада, 654, 661.
Альменда, 764.
Альмерія, 582, 586, 614, 620, 727, 735, 738.
Альмихара, 580.
Альпухарра, 534, 578.
Альмуньекаръ, 615.
Альпы, 10, 2 4, 257.
„ Приморскія, 11.
„ Скандинавскія, 14.
„ Трансильванскія, 12.
Альтабискаръ, 689.
Альта Колома, 579.
Альтамира, 549.
Альтамура, 419.
Альтаръ, 311.
Альтиссимо, 344.
Альто-дела-Чіерва, 515.
Альфакъ, 664, 674.
Альфарнатъ, 580.
Альфольдъ, 226.
Альцеда, 720.
Амаксики, 96.
Амальфи, 402, 412.
Амаранге, 762.
Амарелла, 748.
Амбеланія, 63.
Аменано, 427.
Аментса, 421.
Амецкуасъ, 686, 703.
Аміата, 355.
Амо, 40.
Аморгосъ 92.
Ампурданъ, 661, 678.
Ампуріасъ, 527, 678.
Амфиктонія, 51.

Анавуло (Дами), 76.
Анадоли-Ковакъ, 141.
Анапусъ, 433, 447.
Анатолико, 60.
Ангола, 790.
Андалузія (Бетика), 573, 735.
Андіа, 686, 687.
Андорра, 658, 681, 692.
Андосъ. 182.
Андресъ-Царо, 689.
Андріа, 417, 421.
Андросъ, 88, 90, 92, 102, 112.
Андухаръ, 575, 607, 620.
Анзаскъ, 293.
Ани, 689.
Аніо (Аньена, Теверона), 366.
Анія, 694.
Анкона, 247, 350, 380, 499.
Анконскія Апеннины, 351.
Анконскій мысъ, 351.
Анконскій холмъ (Монте Комеро), 351, 354.
Анксуръ (Таррачино), 368.
Аннобонъ, 739.
Ансанто, 395.
Ансена, 708.
Антеквера, 580, 591, 602, 616, 620.
Антелао, 256, 257.
Антивари, 241.
Антильское море, 18.
Антимилосъ, 88, 92, 95.
Антипаксосъ, 100.
Антипаросъ, 86, 92.
Анти-Ріумъ, 67.
Антэ, 96.
Анціумъ. 368.
Анчо, 532.
Аньяно, 391.
Аоста, 287, 299.
Апеннины, 11, 253, 257, 350, 385.
Аппіева дорога, 362.
Апро-Потамосъ, 56.
Апуанскія Альпы, 321, 322, 485.
Апулія, 246, 386, 397, 406, 482.
Арабъ-Табіа, 220.
Аравія, 118.
Аравійскій зал. 35.
Арагонія, 652, 735.
Арагонъ, 656, 663.
Араларъ, 684.
Аральское оз., 8, 28.
Аранда делъ-дуэро, 558.
Аранхуэцъ, 528, 572.
Аранъ, 679, 692.
Арацена, 783.
Арба, 656, 663.
Арборея, 479.
Арга, 686.
Аргамазилья-де-Альба, 568.
Аргиро-Кастро, 165, 169.
Арголида, 50, 73, 83, 111.
Аргосскій зал., 48, 80.
Аргостели, 97, 102.
Аргосъ, 76, 83, 102, 111.
Ардьежъ, 224.
Аревало, 563.
Аренисъ-дель-Маръ, 676.
Аресъ, 722.
Аретуза, 77, 98, 435.
Ареццо, 341.
Аржантьеро, 299.
Ариминумъ (Римини), 296.
Ариччіа, 377.
Аріано, 416.
Аріежъ, 680, 682.
Аркадія, 48, 81, 106, 111.
Аркосъ де Валь-де-Веца, 761.
„ де-Кармонъ, 610.
„ де-ла Фронтера, 611, 620.
Арлабонъ, 687.
Арланцонъ, 562.
Арлъ, 653.
Армерина, 436.
Арно, 298, 322.
Ароаньенскія горы, 71, 73.
Ароза, 144, 717, 722.
Арокъ, 783.
Арпинумъ, 416.
Аррабальде, 777.
Аррабида, 770, 782.
Аррентелла, 780.
Аррецифъ, 612.
Аррона, 356.
Арсакліонъ, 108.
Арта, 44, 55, 56, 59, 67, 112, 157, 167.
Артемизія, 71.
Артейхо, 722.
Архипелагъ, 45, 81, 117, 122.
Аскифо, 124.
Асколи-Пичено, 381, 503.
Аспромонте, 388, 421.
Аспрониди, 89, 90.
Аспросъ, 60.
Ассизи, 379.
Астезанъ, 258.
Астерія, 97.
Асти, 292, 300.

Астипалея, 127, 178.
Асторга, 561.
Асторгскія горы, 560.
Астрони, 391.
Астропалея, 127.
Аструй, 363.
Астурія, 524, 705, 739.
Астурійское море, 707.
Атарайя, 784.
Атерно, 352, 382.
Атерро-да-Бойа Виста, 771.
Атласъ, 554.
Атріо дель-Кавалло, 395.
Аттика, 45, 49, 68, 70, 103, 111.
Афродизіады, 641.
Афродизіонъ, 661.
Афроесса, 89.
Ахайя 79, 111.
Ахелой, 56, 59.
Ахмедіэ, 136.
Ацисъ, 427.
Ацицирче, 125.
Ацконтіа, 690.
Ацпентіа 690.
Ацпиросъ, 684, 687.
Ачи-Реале 425, 437, 445.
Ачи-Трезы, 425.
Аэтосъ, 98.
Аюда (Айуда), 772, 791.
Аяччіо, 511, 515, 518, 520.
Аөинскій зал., 48.
Аөины, 54, 69, 102, 107.
Аөонъ, 86, 129, 147, 148.
Айдона, 146.
Айносъ, 96, 97.
Айръ, 778.
Айтона, 541.
Айуда (Аюда), 772, 791.
Айямонте, 613.

Б.

Бабадагъ, 221, 224.
Багаріа, 443.
Бадалона, 677, 679.
Бадахосъ (Бадахуцъ) (Вальядолидъ), 540, 566, 572, 732, 738, 783.
Бадино, 363.
База, 596, 602, 621.
Базиликато, 396, 405.
Базили-Потамо, 76.
Базилуццо, 455.
Бакау, 221.
Баккильоне, 283.
Баку, 224.
Балагеръ, 673.
Баланья, 513.
Балеарскіе о-ва, 16, 735.
Балеарское море, 30.
Балія, 554.
Балканы, 12.
Балканскій полуостровъ, 23.
Балта, 140.
Балтійское море, 16.
Балуй, 319.
Бана (Эмине), 189.
Баната, 253.
Бани, 227.
Баньи ди Лукка, 326.
Баньи Санъ Джульяно, 346.
Баньо, 347.
Баньореа, 356.
Баньяры, 400.
Бараганская цѣпь, 201.
Барадеро, 612.
Барбастро, 672.
Барбизесъ, 140.
Барбоши, 219.
Барденасъ, 663.
Барденасъ Реалесъ, 656.
Бардецъ, 790.
Барелла, 514.
Бари (Терра ди Бари), 418, 421, 503.
Баригаццо, 258.
Барка, 43, 675.
Баркинокъ, 675.
Барлеттъ, 401, 417.
Барра да Вагейра, 766.
Барранда, 765.
Баррейро, 780.
Барромейскіе о-ва, 233, 267, 286.
Барцеллона (Поццо-ди Готто), 451, 669, 675, 678, 726, 735, 738.
Барцелонетта, 675.
Барцино, 675.
Барчеллосъ, 762.
Бассано, 258, 289.
Бастелика, 515.
Бастія, 510, 519.
Баталга, 778.
Бати, 98.
Батошаны, 219.
Батумъ, 8.
Батуэкасъ, 545.
Бацтанъ (Бастанъ), 685, 692.
Баэка, 608, 620.

Базца, 603, 605, 620.
Байона, 722.
Бебейское море, 61.
Безарджитъ, 180, 181.
Беира, 524, 786.
Беира Альта, 750.
Беланджиретъ, 289.
Белладжіо, 267.
Беласъ, 772, 777.
Беллато, 152.
Беллемъ, 771, 777.
Беллуно, 258, 306.
Беллунъ, 272. 285.
Бельверъ, 648,
Бельгодеро, 513.
Бельмецъ, 599.
Бембезаръ, 575.
Бенако, 265.
Бендеры, 206.
Бенъ-Джеммы, 506.
Беневенто, 385, 401, 416, 421.
Бенизалемъ, 648.
Бенуэлла, 791.
Беонъ (Антела), 752.
Беотія, 49, 53, 57, 68, 111.
Бератъ, 168, 169.
Бергамо, 303.
Бергамъ, 288.
Берда (Брда), 238.
Беричи, 258
Берлингъ, 769.
Бермео, 703.
Бермеха, 581.
Берника, 255.
Берхна, 615, 620.
Берхъ, 615.
Бесайа, 706, 712.
Бетанцозъ, 721.
Бетика (Андалузія), 573, 582.
Бетисъ (Гвадалквивиръ), 525, 527, 593.
Беха, 784, 788.
Бешкиды, 12.
Бейра-Баяксъ, 781.
Бейра маръ, 753.
Биваръ, 561, 684.
Бидассоа, 679, 685.
Бильбао, 561, 684, 701, 726.
Бильбилисъ, 672.
Бискайя, 683, 739.
Биссагоскій арх., 794.
Бисчелье, 418, 421.
Битако, 418.
Битонто, 421.
Бичорра, 256.
Біанко, 281.
Біелла, 486.
Біентина (Сеста), 327, 331.
Бобосъ, 155.
Бова, 400.
Богасъ-Дере, 187, 189.
Боза, 462.
Бола, 333.
Болгарія, 117.
Болонья (Фальзина), 249, 258, 274, 276, 286, 304, 306, 334.
Бользена, 355.
Большія Карпаты, 12.
Большой Парадизъ, 254, 257, 259, 277.
Бомбей, 247.
Бомфикъ, 777.
Бонанцъ, 610.
Бонифаціо (Бонифачіо), 37, .459, 510, 515, 522.
Борбаджіа, 471.
Борго Санъ-Лореццо, 347.
Боргофорте, 278.
Бордигьера, 315.
Бормида, 296, 311, 313, 499.
Боско Монтелло, 258.
Боско-Реале, 414.
Боско Тре Казе, 414.
Боскійскія Альпы, 153.
Босфоръ, 29, 81, 114, 132, 135.
Ботъ де ла Эспина, 623.
Бояна (Бойяна), 152, 169, 241.
Бра, 299.
Брага, 749, 762, 766, 792, 797.
Браганца, 743, 750, 764, 767, 792.
Браиловъ, 205, 220.
Браччіано, 356.
Бреннеръ, 296.
Бреннэ, 309.
Брента, 255. 260, 272, 273, 283.
Брентонъ, 273.
Бресчіа, 285, 303.
Бривіо, 264.
Бриндичи (Бриндизи), 69, 149, 418.
Британскіе о-ва, 9, 18, 23.
Брителло, 762.
Бріанца-де Комо, 256, 284.
Бріянцы, 264.
Брондоло, 267, 281.
Бронте, 440, 445.
Брухула, 545.
Брюноне, 257.
Бугъ, 199.

Бузео, 200, 220.
Букарешти, 219.
Буковина, 197.
Буморъ, 657.
Бурано, 309.
Бурайкосъ, 71.
Бургасъ (Пиргосъ), 144, 150, 182.
Бургаскій заливъ, 179.
Бургосъ, 541, 558, 561, 698, 735, 738.
Буссако, 765.
Бутринто, 95, 156, 167.
Бухарестъ, 202, 216.
Буэнъ-Ретиро, 572.
Буюкъ-Дере, 140.
Быстрица, 200, 207.
Бьелма, 299, 301.
Бѣлградскій лѣсъ, 141.
Бѣлопавличка, 243.
Бѣлыя горы, 124.
Бэгорри, 694.

В.

Валаамо, 64.
Валандія, 48.
Валахія, 158, 197.
Валенція, 621, 726, 735, 738.
Валинко, 521.
Валира-дель-Оріенъ, 682.
Валіево, 237.
Валломброзо, 324.
Валлонго, 760.
Валльсъ 674, 679.
Валтосъ, 111.
Вадь-дель Бове, 424.
Вальдемоза, 645.
Вальдсонъ, 707.
Валь-де-Пеньясъ, 567, 572.
Вальдоббіа, 256.
Вальдоньелло, 514.
Вальдьери, 299.
Валькарлосъ (Карлосъ), 689.
Вальорба (Монте-Палья-Орба), 511.
Валь-Телина, 256, 264, 286, 293, 303.
Вальтіерри, 687.
Вальцея, 224.
Вальядолидъ, 539, 553, 562, 570, 738.
Вандра-Портъ, 32.
Варанта, 277, 290.
Варассова, 56.
Вардарская дол. 149, 150.
Вардаръ, 153, 173.
Вардуссія, 56.
Варезе, 262, 263, 265.
Варна, 196.
Варохъ, 290.
Васконгадъ, 684, 735.
Васлюй, 224, 237.
Васто, 382.
Ватиканскій хол., 375.
Вего де Гренада, 578.
Ведра, 722.
Везюби, 311.
Веи, 333.
Вела, 604.
Велабръ, 373.
Велатъ, 687.
Велезскія горы, 573.
Велецъ-Бланко, 602.
» Малага, 615, 620.
» Рубіа, 602, 622.
Великобританія, 23.
Велино, 358, 365.
Веллетри, 377.
Велуки, 56.
Вельделика, 623.
Венгрія, 197.
Венетико, 72.
Венеція, 25, 40, 246, 249, 267, 273, 286, 307, 498, 499.
Вента-де-Баньясъ, 561.
Вентимилья, 316.
Вентотене (Пандатарія), 394, 415.
Вера, 544, 615.
Вербано, 262, 263, 265.
Вергара, 703.
Верджіо, 511.
Вердоянта, 708.
Верзаска, 263.
Верна, 324.
Верели, 378.
Верона, 257, 306, 499.
Верріа, 151, 152.
Верхняя Албанія, 153.
Верчелли, 300, 301.
Ветторе, 352.
Виверонъ, 262.
Вигенецъ, 258.
Виго, 710, 717, 722, 726, 735.
Видаго, 764.
Виддинъ, 115, 196.
Виджевано, 302, 303.
Виджіано, 405.
Видъ, 184.
Визеу, 764, 767, 798.
Визо, 13, 253, 257, 277, 299.

Вико, 356.
Викоръ, 654.
Викторія, 309.
Вилла-Велхо де Родайо, 767.
» Вицоза.. . . . 758.
» Горція . . . . 576.
» до-Конде . . . 761.
Вилланова . . 304, 567.
» Гельтріо, 679.
» де Гайа. 758.
» де-Партимано, 787.
Вилла-Реаль, 763, 767.
» » де-Санто Антоніо. 788.
Виллуэркасъ, 548.
Вилорези, 283, 284.
Вильярубія, 550.
Виминальскій холмъ, 374.
Винадіо, 296.
Виппахъ, 271.
Вирга, 706.
Вирженъ, 654.
Вискардо, 98.
Вистрица, 56.
Витербо, 378.
Витохъ, 184.
Витошъ, 189.
Витторія, 446, 541, 686, 703.
Вихъ, 677, 679.
Виццавона, 511.
Виццини, 447.
Виченца, 285, 306.
Виши, 764.
Виѳинскій Олимпъ, 135.
Via Egnatia (Via Egnatia), 167.
Віанна, 792, 797.
Віанно до-Кастелло, 761, 766.
Віареджіо, 332.
Віаръ, 575.
Віерцо, 713.
Віестъ, 417.
Віетри, 413.
Віейра, 754.
Віотія (Беотія), 68.
Віюза, 56.
Влашки, 224.
Водо Балканы, 180.
Волестина, 64.
Воллануэва до-ля Серена, 572.
Воло, 44, 61, 102, 112.
Волчья пасть, 61.
Вольтерра, 342.
Вольтри, 319.
Вольтурно, 385, 415.
Воница, 111.
Востица (Эгіумъ), 82, 102.
Восточная Румелія, 117, 166, 176.
Вратица, 196.
Всемірныя горы (Mortes Universales), 546.
Вуга, 752, 753.
Вулканелло, 453.
Вулкано, 89, 453.
Вультуръ, 387, 395.
Вургарисъ, 62.

Г.

Габесскій заливъ, 31.
Габесъ, 37.
Габрово, 192.
Гавіарра (Outeiro Maior), 747.
Гавріонъ, 90.
Галіо-Румели, 124.
Гагіонъ-Оросъ, 147, 148.
Гагіосъ-Петросъ (Парнонъ), 71, 73.
Гагіосъ-Эвстратіосъ, 131.
Гадесъ, 47.
Гадоръ, 580.
Гадрамаутъ, 118.
Галаксиди, 67.
Галатъ, 135.
Галацо, 646.
Галацъ (Галати), 220.
Галиція, 524, 735.
Галлего, 663.
Галлиполи, 142, 143, 152, 400, 420.
Галлія, 246.
Галлура, 459, 472.
Галуццо, 347.
Гамзиградъ, 226.
Гараклея, 272.
Гардское озеро, 256, 260, 261, 265, 296.
Гардъ, 255, 258.
Гардунга, 749.
Гаривате, 289.
Гаривьяно, 358, 378, 415.
Гаронна, 526, 680.
Гарфаньяна, 328, 343.
Гарфаньянская цѣпь, 322.
Гаскіой, 181.
Гасконскій заливъ, 662, 683.
Гастуни (Пеней), 77.
Гата, 579, 659, 747, 749.
Гаудо, 123.
Гауріасъ, 71, 73.

Гаэта, 388, 415, 499.
Гаэтскій заливъ, 393.
Гвадалахара, 568, 572, 738.
Гвадаленъ, 575.
Гвадалета, 585, 611.
Гвадалимаръ, 547, 575.
Гвадалквивиръ (Бетисъ), 525, 527, 582.
Гвадалопе, 663.
Гвадалупе, 548.
Гвадалфео, 580, 582.
Гвадалхорсъ, 582.
Гвадальгорце, 616.
Гвадаль-Каналъ, 599.
Гвадаррама, 541, 543.
Гвадахоцъ, 608.
Гвадиксъ, 621.
Гвадіана, 525, 539, 549, 582, 783.
Гвадіана-Меноръ, 576
Гвадіаро, 582.
Гвадіато, 575.
Гвардіа, 713.
Гвасталла (Гуасталла), 267, 280.
Гверника, 685, 703.
Гветарія, 703.
Гвимарайесъ, 749, 763, 767.
Гвинея, 791.
Гвипуцкоа, 683, 685, 739.
Геджасъ, 118.
Гелла, 155.
Геллеспонтъ, 32, 51, 142.
Геликонъ, 57.
Гелосъ, 79.
Геласскій портъ, 74.
Гелюсъ, 186.
Гемусъ, 157, 172, 184.
Генаресъ, 568.
Генералифъ, 603.
Гениль, 577, 583.
Генуэзскій заливъ, 286.
Генуя, 25, 246, 249, 298, 314, 315, 487, 499, 500.
Георгій, 89.
Гептастадъ, 422.
Гераклея, 420.
Геранея, 58.
Герецъ, 703, 748.
Геркуланумъ, 411.
Геркулесовскіе столбы, 47.
Геркулесовъ проливъ, 527.
Герміонисъ, 111.
Гермуполисъ, 91, 102.
Герона, 678, 679, 758.
Герцеговина, 241.
Гессу, 299.
Гетто, 376.
Геута, 739.
Гибла, 435.
Гибралтарскій проливъ, 28, 30, 41, 43.
Гибралтаръ, 505, 588, 618, 620.
Гибралфаро, 616.
Гидра, 102.
Гилиса, 66.
Гималайя, 259.
Гиметъ, 58, 69.
Гимнезійскіе о-ва, 642.
Гинокрены, 57.
Гиппарисъ, 446.
Гиральда, 608, 610.
Гирканское море, 28.
Гирсова, 220, 224.
Гитіонъ, 111.
Гифакъ, 659.
Гиціумъ (Мараѳонизи), 80.
Гихонъ, 718, 720, 726.
Гіаро, 468.
Гіерскіе о-ва, 38.
Гіура (Гіаросъ), 92.
Глиба, 153.
Глинчи, 189.
Глинчиское ущелье, 187.
Гнаціа (Фазано), 418.
Гоа, 777, 790.
Говерноло, 278.
Голо, 510, 519.
Голубиная гора, 56.
Гольфолину (Гонфолину), 325.
Гольфстремъ, 18.
Гомулджина, 152.
Гонесса, 476.
Горбеа, 687.
Горгона, 347.
Горджіу, 224.
Гордоласкъ, 263, 311.
Горица, 169.
Горы, 705.
Готардъ, 298.
Гоццо, 123, 507.
Гравина, 419.
Градъ, 269, 273.
Гранде д' Альпухарра, 615.
Гранмикеле, 447.
Гранъ-Сассо д' Италія, 352, 354.
Гранха (Ильдефонсо), 564.
Грасо, 72.
Грахово, 241.
Гренада, 528, 603, 620, 735, 738.
Греція, 44, 112.
Гривола, 254.

Гроссето, 330, 332, 503.
Гротъ-Сузаки, 73.
Гуара, 657.
Гуардъ, 798.
Гуаризасъ, 575.
Гударъ, 623.
Гуельвъ, 726.
Гумрукчалъ, 189.
Гуссинійская территорія, 166.
Гуши, 221, 224.
Гуэкаръ, 568.
Гуэльва, 574, 589, 600, 613, 725, 738.
Гуэльгасъ, 562.
Гуэска, 738.
Гуэскаръ, 602.
Гхарбъ (Гарбъ), 787.

Д.

Дагомея, 791.
Дакаръ, 293.
Дакія, 206.
Даліосъ, 615.
Дамано, 790.
Дарданеллы, 29, 32, 114, 133, 142, 143.
Дарро, 603.
Дарфуръ, 118.
Дасколіонскій рифъ, 98.
Даттило, 455.
Дайміэль, 567, 572.
Девалъ, 154.
Девно, 186.
Дегезъ, 600.
Деде-Агачъ, 146.
Дели-Орманъ, 186.
Делосъ, 91.
Дельфы, 51, 57, 60, 135.
Демандъ, 662, 687.
Дембовица, 209, 224.
Демиръ-Коту, 189.
Демотика, 145, 152.
Деспеньяперосъ, 575.
Деспото Дагъ, 117, 180, 188.
Джебель, 587.
Дженарджento, 460.
Дженнаро, 353.
Джерондо, 267.
Джигантино, 460.
Джильо, 327, 347, 355.
Джирдженти (Агригентъ), 431, 435, 448, 451.
Джіарре, 445, 451.
Джіови, 312.
Джуббіо, 380.
Джуліа (Фердинандеа), 431, 456.
Дибра, 168.
Дибрэ, 168, 169.
Диктэ, 124.
Диннамаре, 430.
Диразіумъ, 167.
Діафорти (Лицей), 72, 73.
Діу, 790.
Днѣпръ, 32, 134, 199.
Днѣстръ, 32, 134, 199.
Добруджа, 194, 197.
Догорой, 221.
Додонскій лѣсъ, 155.
Додонъ, 155.
Доине (Анавуло), 76.
Долье, 224.
Домассо, 265.
Домнія, 220.
Домоконъ, 64.
Домусъ-Новасъ, 460.
Донъ, 32, 134.
Донъ Бенито, 566, 572.
Дора, 262.
Дора-Балтеа, 260, 255, 277.
„ -Рипейра, 259, 277.
Дорисъ, 111.
Дормиторъ, 153, 227, 239.
Дофине, 291.
Драва, 260.
Драгонеръ, 645.
Драма, 146.
Дреново, 154.
Дрина, 152, 163, 169, 225, 228.
Дубница, 188.
Дульчиньо, 166, 241.
Дунай, 14, 134, 197, 202.
Дуранго, 703.
Дуро, 747, 749, 753, 792.
Дуэро, 525, 539, 549, 582, 713.
Дьякова, 168.
Дьяковица, 168.

Е.

Европейскія вершины, 707, 709.
Евфратъ, 118.
„Единственный“ (Монемвазія), 82.

Ж.

Жамильяно, 342.
Желѣзныя ворота, 198.
Женевръ, 259, 298.
Женерозо, 256, 257.
Журжа, 224.

З.

Заборъ, 160.
Загора, 165.
Закинѳъ (Занте), 99, 102, 112.
Зами, 112.
Замора, 562, 572, 738.
Занкара, 550.
Занкле, 444
Занте, о-въ, 99, 100.
Занте (Закинѳъ), 99, 102, 112.
Зарцана, 323, 344.
Зайчаръ, 226, 237.
Зезера, 744, 767, 779.
Зеландія, 16.
Зеленый мысъ, 791.
Земужъ (Землинъ), 234.
Зета. 238.
Зетская планина, 238.
Зигуэла, 550.
Зиммеритъ, 298.
Зимница, 202.
Золотой Рогъ, 132, 133, 134, 140.

И.

Ибанетъ, 689.
Ибаръ, 227.
Иберія, 17, 19, 245, 525.
Ибиза, 641, 642, 650.
Иврея, 260, 299.
Иглезіасъ, 458, 476, 481.
Игуальда, 677, 679.
Ида, 123.
Идро, 265.
Изанцо, 259, 270, 274, 281.
Изео, 260, 265.
Изеранъ, 255.
Изерніа, 385.
Измаилъ, 203.
Или-Берри, 604.
Иліа, 111.
Иліонъ. 114.
Илія Св., 129.
Иллирійскія Альпы, 117.
Иллиссусъ, 60, 70.
Ильгаво, 767.
Иль-Руссъ, 520.
Имброзъ, 129, 178.
Имола, 274, 305.
Инголла, 325.
Индже-Карасу, 62, 149, 150.
Индъ, 114.
Индѣйскій океанъ, 36, 42.
Инеболи, 31.
Инка, 647, 560.
Икаундине (Монтс Инкундине), 511.
Инсуа (*Insua*), 761.
Ипекъ. 168, 169.
Ипсаріо, 129, 131.
Ирати, 689.
Ири-Эвротасъ, 76.
Ирландія, 19.
Ирунъ, 685, 694, 702.
Ирэнъ, 561.
Исакча, 205, 224.
Искеръ, 179, 184.
Искія, 393, 412.
Исландія, 23.
Испанія, 523.
Испика, 448, 449.
Испомелъ, 624.
Истрія, 198, 253, 282.
Истрійскій пол., 38.
Итака, 98, 100, 107, 112.
Италика, 352.
Италія, 25, 244.
Итальянскій пол., 11.
Итилосъ, 111.
Итомея, 71, 72, 79.
Ихтиманъ, 184, 187.
Ихтіосъ, 77.
Ицтербегуи, 684.

І.

Іези, 382.
Іельтесъ, 549.
Іеменъ, 118.
Іеропотамо, 123.
Insua, 761.

Іоническіе о-ва, 54, 93, 103.
Іоническое море, 16, 30, 46, 154.
Іонія, 46, 246.

К.

Кабеца-де-Манцанеда, 708, 709.
Кабинда, 791.
Кабо де-Пеньясъ, 720.
Кабра Пріега де-Кордова, 608, 620.
Кабрера, 642, 646, 713.
Кабросъ, 622.
Кава, 413.
» де Тиррена, 421.
Кавадо, 752, 761.
Кавала, 146, 152.
Кавдинскія ущелья, 385.
Кавидуера, 310.
Кавказскій хреб., 8.
Кавріана, 261.
Кавуръ, 258, 283.
Кади, 658, 662.
Кадибона, 311.
Кадиксъ, 526, 585, 589, 597, 602, 613, 620, 726, 735, 738.
Кадимаре, 313.
Кады-Кіой, 134.
Казабіада, 512.
Каза-Гунисы, 53.
Каза де-Пилатосъ, 608.
Казале, 300, 499.
Каза-Лонья, 676.
Казамиччіола, 393.
Казанлыкъ-Чаталъ, 181, 185.
Казаръ, 556.
Казеллина, 347.
Казерта, 414, 421.
Какавуни, 72.
Калабрія, 246, 250, 387, 396, 482.
Калаврата, 111.
Калагорра, 704.
Каламата, 81, 82, 102.
Каламерія, 150.
Каланда, 666.
Каларази (Стирбей), 220, 223.
Каларашъ, 224.
Калардель-Мундо, 576.
Каларешъ, 576.
Калатафими, 444.
Калатайлодъ, 672, 678.
Калатрава, 548, 557, 568.
Калафъ, 660.
Калашэ, 111.
Каллидромосъ, 65.
Калогеросъ, 150.
Калоре, 416.
Калоферъ, 181, 187.
Калубаро, 228.
Калумбретъ, 641.
Калхандео, 168.
Кальдасъ да-Райнга, 778.
» де-Герецъ, 762.
» Монхико, 789.
Кальпе, 586.
Кальтаджироне, 446.
Кальтаницетта, 442, 446.
Кальтафано, 429.
Кальяри, 458, 476, 478.
Камальдуле, 323, 325, 396.
Камальдульскіе холмы, 389.
Каманика, 255.
Камарина, 435.
Кама-Контъ, 615.
Камбингъ, 790.
Камеро-Віехо, 687.
» Нуево, 687.
Камина, 713.
Каминха, 761.
Каммаки, 81.
Камо, 260, 263, 265.
Камолья, 314, 320.
Кампанелла, 385, 412.
Кампанья, 360, 389.
Кампи-Бизенціо, 347.
Кампидано, 460, 479.
Кампи-Палентина, 358.
Кампо-Бассо (Молиза), 402, 410, 414, 421, 503.
Кампо-Біанка, 453.
» де-Беха, 783.
» де-Сангве, 417.
» Майоръ, 787.
Кампорагена (Garfagnana), 323.
Кампостелла, 723.
Кампу-Лунгу, 221.
Камчакъ, 186.
Камъ, 153.
Канарскіе о-ва, 735.
Кангасъ де-Пинео, 720.
» де-Онисъ, 720.
Канделяро, 386.
Кандія, 178, 262.
Канея, 125.
Канигу, 658, 679.
Каникати, 446, 451.
Канны, 417.

Кантабріо, 637.
Кантабрскіе Пиренеи, 538, 652, 704.
Кантона, 790.
Каорлійскія болота, 267, 269.
Капанскія горы, 347.
Капаннори, 343.
Капаоникъ, 227.
Капарика, 780.
Капитаната (Фоджія), 416, 421, 503.
Капитолійскій холмъ, 374.
Капо ди-Монте, 408.
Капо ди-Понте, 272.
Капэ Либери, 348.
Капоретто, 270.
Каппорозо, 687.
Капрайя, 347.
Капрера, 459, 467.
Капри (Монте Солара), 334, 385, 388.
Капуа (Терра-ди-Лаворо), 334, 361, 388, 414, 499, 503.
Карабурунъ, 186.
Каракалъ, 224.
Караколасъ-Дагъ, 180.
Каракорумъ, 259.
Каралисъ, 468.
Карановацъ, 227.
Карапелла, 417.
Карасу, 146.
Карбалло, 722, 724.
Карбонаро, 459.
Карвоейро, 752, 769.
Карге. 622.
Кардето, 400.
Кардица, 64.
Кардо. 519.
Кардонъ, 658.
Каржица, 112.
Каринтійскія Альпы, 289.
Каринтія, 11, 259.
Каристія, 112.
Каріе, 148.
Карія, 48.
Каркавеллосъ, 777.
Каркаръ, 311.
Карлита, 658, 679.
Карловъ, 181.
Карлосъ (Валь-Карлосъ), 689.
Карлота, 529.
Карло-Форте, 462, 476, 478.
Карлукъ Балканъ, 180.
Карманьола, 299. 301.
Кармона, 589, 597, 620.
Карнабадъ, 182, 187.
Карніольское плоскогорье, 239.
Каролина, 595.
Каролинскіе о-ва, 739.
Карпаты, 11, 13, 197.
Карпензи, 56.
Карпето-Ветоникскій хребетъ, 543.
Каррара, 344
Карраскаль, 686.
Карратрока, 616.
Карриль, 722.
Карріонъ, 549, 553, 562, 706.
Карручедо, 713.
Карсо, 289, 510.
Картагена, 526, 622, 725, 727, 735.
Картакса, 782.
Картона, 341.
Картуха де-Мираделоресъ, 562.
Карчезе, 515.
Карѳагенъ, 40.
Касересъ 566, 572.
Каскаесъ, 777.
Каспій, 8, 18.
Кассино. 378.
Кастальскій источникъ, 57.
Кастаньиччіа, 518.
Кастелламаре ди-Стабіа, 409, 411, 421, 500.
Кастелло Бланко, 750, 767.
„ Бранко, 779.
„ де Видъ, 787.
Кастеллонъ дела-Плана, 738.
Кастелляръ, 656.
Кастельветрано, 444, 447, 451.
Кастель-Гандольфо. 502.
Кастельнуово, 344.
Кастельфидардо, 382.
Кастель-Фоллитъ. 659.
Кастилія, 539, 738.
Кастильоне (Приліусъ), 297, 330.
Кастифао, 518.
Касторія, 62, 168.
Кастро, 131.
„ Джіовани (Энна), 446, 451.
„ Мариморъ, 788.
Кастрополь, 721.
Кастро-Урдіалесъ, 719.
Касчино, 346.
Катавотра, 56.
Катаколонъ, 82, 105.
Каталонія 31, 652, 735.
Катана, 425, 435, 437, 445.
Катанцара, 426.
Катенайскіе Альпы, 322.
Каттаро, 238, 240.
Каттарскій зал., 239.

Каттоликъ, 432.
Катунска, 243.
Кафиксъ, 16.
Каффа, 317.
Качересъ, 556, 738.
Каѳеронъ, 45.
Кайдельрано, 784.
Кайменипетро, 73.
Квадрамонъ, 709.
Кварто, 320, 479.
Квелуцъ, 777.
Квенулъ, 778.
Квероль, 692.
Кверцала, 259.
Квина, 709.
Квиринальскій холмъ, 374.
Кельмосъ, 71.
Кефала, 429, 450.
Кефалонія, 96, 100, 102, 112.
Кизиль-Ирмакъ, 134.
Килія, 204, 224.
Килленъ (Цирія), 71, 73.
Киллійскій рукавъ, 204.
Кимажоре, 346.
Кинурія, 111.
Кипарисси, 48.
Кипръ, 43, 118.
Киренаика, 123.
Кири, 99.
Киркъ-Килиссія, 145, 152.
Киссовъ, 55.
Киферонъ, 57.
Кіавари, 320.
Кіавенна, 288.
Кіана, 325, 329, 359, 364.
Кіеприли, 168.
Кіери (Кариньяно), 300.
Кіети, 382.
Кіоджіо, 267, 273, 309, 317.
Кіона, 56.
Кіузи, 342.
Клагенфуртъ, 260.
Кламоресъ, 564.
Клапье, 311.
Клитумнусъ, 365.
Кломуци (Кларенца *или* Кастель-Торпецъ), 78.
Клюзонъ, 277, 290.
Кноссъ-Ретимо, 125.
Княжевацъ, 226, 237.
Ковадонгъ, 656, 708, 721.
Ковильчіа, 767, 779, 781.
Ковурици, 224.
Кочера, 302.
Кодранпо, 271.
Козенца, 420.
Коимбра, 750, 764, 766, 798.
Коккино, 66.
Коленцана, 520.
Колизей, 571.
Колларесъ, 778.
Коломбронъ, 328.
Кольви, 513, 515, 520.
Колоннъ, 69, 586.
Кольуръ, 692.
Кома, 239, 256.
Комаккіо, 268, 274, 279, 287, 327.
Комарга, 38.
Комизо, 446, 451.
Комино, 507.
Коммабіо, 262.
Конго, 790.
Кондалуни, 156.
Кондера-Нова, 765.
Кондія, 125.
Кондомаръ, 755.
Кондофури, 400.
Конейра, 644.
Кони (Куньо), 299.
Конильера, 644.
Конка, 702.
» де Санъ-Мартино, 779.
Константина, 599.
Константинополь, 41, 114, 132, 139, 152, 178.
Константинопольскій проливъ, 9, 32.
Констанца (Кюстенджіэ), 220.
Контравиза, 580, 582.
Коньяриды, 119.
Копаисъ, 65.
Коппаро, 305.
Коранскій заливъ, 72.
Корасу, 173.
Корато, 417, 421.
Корго, 755, 763.
Кордевала, 272.
Кордоба, 576.
Кордова, 528, 595, 606, 620, 738.
Кордонеръ, 660, 677.
Коринѳскій заливъ, 46, 50, 67.
Коринѳъ, 68, 71, 79, 81, 91.
Корица, 168.
Корія, 609.
Коркубіонъ, 722.
Корлеоне, 446.
Корлосское озеро 61.
Корнето-Тарквіана, 378.
Корнильяно, 319.

Коронъ, 81.
Коронья, 717, 721, 726, 735, 739.
Корсика (Кирносъ) 16, 248, 459, 509.
Корсини, 305.
Кортадура, 612.
Кортачъ, 147, 148.
Корте, 510, 515.
Кортелаццо, 269.
Кортъ, 521.
Корфиніумъ, 352.
Корфу 54, 97, 100, 102, 107, 112, 154.
Коссіонскія горы, 55.
Коссово, 157, 178.
Коссово поле, 168, 227.
Костельвеккіо, 520.
Косъ, 87.
Котельонъ (Палеокоркеро), 72.
Котіелла, 661.
Котрона, 420.
Коцитъ, 155, 392.
Крагуевацъ, 228, 237.
Кранея, 112.
Краниди, 102.
Красное море, 41.
Крати, 387, 420.
Крато, 786.
Крайна, 163, 237.
Кревильенте 622.
Кремона, 258, 267, 287, 302.
Кресноть, 94.
Креусъ, 37, 661.
Критъ, 16, 85, 117, 122, 125, 178.
Кронэ, 80.
Кругія, 168.
Кручево, 168.
Крушевацъ, 229, 237.
Ксерокоріонъ, 112.
Ксеромеросъ, 58, 111.
Куадарола, 385.
Куба, 670, 731, 735.
Кубань, 32.
Кудильеро, 721.
Кукалонъ, 654.
Кулларъ де-База, 602.
Кумы, 87, 392, 399, 411.
Кунео, 259.
Куртея-Ордрена, 220.
Кустендили, 196.
Кустенджіэ, 224.
Кучайна, 226.
Кучка, 243.
Кучукъ-Балканы, 180.
Куэвасъ де-Вэра, 615, 620.
Куэнка, 738.
Куэнца, 546, 568.
Кэнъ (Вальдеонъ), 709.

Л.

Лаббро, 325.
Лабикумъ, 333.
Лабшистасъ, 154.
Ла Валетта, 506.
Лаванья, 320.
Лавецци, 521.
Лавиніумъ, 333.
Лавріонскій рудникъ, 103.
Лавосъ, 765.
Лагонегро, 387.
Лагосъ, 789.
Лагуелья, 314.
Лади, 267, 285, 302
Ладонъ, 77.
Лакедемонъ 105, 111.
Лакмонъ, 154, 156.
Лаконія, 80, 72, 111.
Лаконскій зал. (Маконити) 74.
Лакусъ, 125.
Ла-Манча, 511, 548, 568.
Ламаншъ, 25, 149.
Ламбро, 264.
Ламійскій заливъ, 45, 64.
Ламія, 70, 102.
Лампедуза, 457.
Лампіоне, 25, 457.
Лангедокъ, 653.
Ландада, 791.
Ланхаронъ, 616.
Лапчіано, 382.
Ларедо, 719.
Ларисса, 64, 83, 102, 112.
Ларіо, 263, 265.
Ларуко, 748.
Ла-Сео, 676.
Лассити, 124.
Ластръ, 720.
Ласъ-Гурдесъ, 545.
Ласъ-Кольдасъ-де-Безайя, 720.
Латера, 355.
Лацагуріа 694.
Лаціумъ, 356, 378.
Лашего, 750, 758, 764, 767.
Лебрихо, 610, 621.
Левкада 96, 100, 102, 112.
Левкатры, 48, 70.
Лезиріасъ, 768.

Лезо, 702.
Лейкменсъ, 760.
Лейрія, 768.
Лейтріегосъ, 715.
Леквейтіо, 703.
Лекке (Терра де-Отрано), 420, 503.
Леккіо, 204.
Лекринъ, 578, 616.
Лемносъ, 130, 148, 178.
Лена, 779.
Леньяго, 297, 499.
Лентини (Леніуцмъ), 430, 435, 447.
Леовъ, 206.
Леонфорте, 442.
Леонъ, 554, 561, 572, 611, 713, 718, 738.
Лепантъ, 67.
Лерида, 660, 673, 679, 738.
Леричи, 321.
Лернское ущелье, 76.
Леса, 761.
Летрини, 102.
Летъ, 65.
Лечче, 421.
Лешъ, 164.
Лейріа, 779, 798.
Ливади, 111.
Ливадія, 65, 70.
Ливенца, 271, 282.
Ливійская пустыня, 28.
Ливія, 43.
Ливорно (Ливурно), 327, 330, 345.
Лигурійскія Апеннины, 253, 259.
Лигурія, 31, 310, 498.
Лидо, 273, 274, 309.
Ликата, 446, 451.
Ликодія-ди-Виццини, 447.
Локостамская, 61.
Ликсури, 102.
Лилибеумъ, 444.
Лимбарра, 460, 521.
Лима, 747, 752.
Лимузянъ, 14.
Линаресъ, 599, 606, 620, 725.
Линоза, 457.
Липари, 452.
Липарскіе (Эолійскіе) о-ва, 388, 429, 451.
Липини, 363.
Липинскія горы, 358.
Лири, 358.
Лирисъ, 416.
Лиска-Біанка, 455.
Лиссабонъ, 17, 558, 726, 741, 770, 775, 781.
Лихасъ, 65.
Лихнидосъ, 153.
Лицей (Діафортія), 51, 72.
Лицъ, 779.
Ліамонъ, 520.
Ліебана (Потъ), 707.
Ллобрега, 665.
Лоано, 315.
Ловета, 187.
Ловница, 189.
Логроньо, 683, 704, 734.
Локарно, 263.
Локрида, 45.
Локрисъ, 111.
Локры, 246, 420.
Лома, 186, 194.
Лома де-Чиклана, 575.
Ломбардія, 257, 260, 295, 498.
Ломбардская равнина, 285.
Ломеллина, 283.
Ломъ, 196.
Ломъ-Паланка, 187.
Лонато, 297.
Лонгула, 333.
Лора, 542.
Лоретто, 382, 723.
Лорка, 622.
Лосница, 237.
Лосъ-Пердочесъ, 574.
Лоха, 583, 605, 620.
Луарка, 721.
Лугано, 260, 262, 265.
Луго, 305, 722, 739, 748.
Лузайо, 749, 775.
Лузинанскія горы, 760.
Лузитанскій океанъ, 35.
Лукка, 322, 343.
Лукринъ, 392.
Луле, 789.
Луни, 313.
Луниджіана, 344.
Луниджіанскія горы, 322.
Лукине Альпы (Alpi della Luna), 365.
Лурнаго, 289.
Лухаръ, 580.
Лухмаіоръ, 650.
Лучера, 417.
Льиберри, 693.
Льобрегатъ, 660, 675.
Льянесъ 720
Льяносъ дель-Ургель, 660, 665, 681.

Лѣшанско, 243.
Любатринъ, 153.
Люцена, 608, 620.

М.

Мавританія, 527.
Мавропотамосъ, 155.
Магадино, 263.
Маганья, 575.
Магнетія, 55, 63.
Магра, 313, 316.
Маддалена 459, 478, 500.
Маддалона, 414.
Мадера, 589, 791.
Маджіо, 263.
Маджіоре, 260, 262, 265.
Маджоре, 256.
Мадонія, 429, 446.
Мадре-дель-Моунтъ, 661.
Мадридъ, 528, 538, 568, 738.
Мажина, 579.
Мазну, 677.
Маіори, 412.
Маіорка, 642, 645.
Маіоръ, 645.
Макао, 790.
Македонія, 45, 54, 108, 131, 149.
Маккалуби, 432.
Макра, 277, 299.
Малага, 526, 589, 676, 726, 735, 738, 615, 620.
Малальберго, 287.
Маламокко, 273, 274, 309.
Мале (Малія), 71.
Малео (Артемизія), 71.
Малая Азія, 46, 116.
Малая Стура, 277.
Малевенто, 416.
Маликъ, 154.
Малойа, 298.
Малыя Карпаты, 12.
Мальвазія, 81.
Мальгайо, 749.
Мальгеро, 499.
Мальта, 28, 30, 43, 456, 504.
Мальхао, 784.
Манакоръ, 649.
Манреза, 677, 679.
Мантинея, 80, 111.
Мантинейское поле, 75.
Мантуа, 258, 260, 297, 303, 334, 499.
Мантуанскія озера, 267.
Мандфредонія 386, 399, 417.
Манчикъ, 789.
Манычъ, 8.
Маньяваккіа, 294.
Мараѳонизи (Лаконскій заливъ) 74.
Мараѳонское поле, 57.
Мараѳонъ, 48, 70.
Марайо, 748.
Марбелла, 618.
Маргина, 460.
Мареккіа, 365.
Маремма, 332.
Маренго, 289.
Марина-ди-Катанцаро, 421.
Маринга-Брандо, 779.
Марино, 377.
Марица, 143, 145, 173, 179.
Маріано, 379, 517, 519.
Маріанскіе о-ва, 739.
Марія, 592.
Мармонато, 254.
Марокко, 43.
Маррувіумъ, 358.
Марсала, 440, 443.
Марсель, 149.
Марта, 356.
Мартезана, 283, 302.
Мартенъ, 655, 663.
Мартесъ, 623.
Мартосъ, 608, 620.
Мархена, 610.
Мархія, 351, 483, 498.
Марчіана, 348.
Масса-Каррараро, 323.
» Маритима, 326.
Массана (Валира дель Норте), 682.
Массико, 388.
Матапанъ, 72.
Матаро, 676, 679.
Матезе, 385, 387, 416.
Матера, 163.
Мати, 260.
Мафра, 778.
Махихако, 685.
Махмудіэ, 224.
Мацаро, 443, 456.
Мачерато, 382.
Мачинъ, 224.
Маэцтрацго, 655, 672.
Майданнекъ, 226.
Майелло, 352, 354, 382.
Майна, 52, 106.
Мегалеполисъ, 77, 111.
Мегало-Кастронъ, 125.

Мегалосъ-Потамосъ 130.
Мегара, 102, 111, 435, 447.
Мегарскій перешеекъ, 58.
Мега Спиліонъ, 71.
Мегединци, 224.
Меджидіо, 224.
Меделлинъ 566.
Медико, 455.
Медина дель-Кампо, 558, 563.
» де-Ріо-Секо, 558.
» Сидонія, 590, 624.
Медунъ, 271.
Мези, 112.
Мезія, 184.
Меира, 709.
Меквиненцъ, 652.
Мекдивиль. 694.
Мела, 66.
Мелидони, 127.
Мелилла, 586
Мелорія, 346.
Мена, 705.
Меналь, 72.
Мендаура, 685, 687.
Ментона, 315
Меотійскія бол. 47.
Мера, 263.
Мергоццо, 263.
Мерида, 544, 566, 572, 613.
Мерлера, 95.
Мертвая Дорь, 262.
Мертола, 784.
Мескіо, 272.
Мессара, 123, 126.
Мессенія, 111.
Мессенскія горы, 72.
Мессина, 111, 435, 444, 451, 499.
Мессинія, 76, 82.
Мессинскій проливъ, 31, 41.
Мессонги, 94.
Места, 180.
Мета, 385, 388.
Металла, 476.
Метана, 73, 87.
Метаморфотисъ, 150.
Метапонте, 419.
Метеоръ, 64.
Мецквита, 784.
Мецовъ, 154, 158, 169.
Меццала, 264.
Меццано, 294.
Мидія, 145.
Мизенскій мысъ, 392.
Мизиври, 182, 186.
Микены, 83, 98.
Миконосъ, 88.
Микра-Каймени, 89.
Миланъ, 248, 283, 288, 297, 301, 486
Милановацъ, 237.
Миллацо, 440, 444.
Милетто, 385, 388.
Милителло, 447.
Милосъ, 88, 112.
Мингланиллскія копи, 546.
Минго, 747, 754, 761.
Минео, 447.
Минорка, 642.
Миносъ 112, 127.
Минтурнскія болота, 415.
Минчіо, 266, 277, 296, 303.
Миньо, 525, 708, 712.
Мира, 767, 684.
Миравалесъ, 709, 748.
Миранда де-Корво, 765, 767.
» » -Эбро, 684.
Мирандала, 279.
Мирдита, 164.
Мирдитея, 164.
Мирина, 131.
Миссолунги, 56, 59, 67, 69, 102, 111.
Мистра, 84.
Митилена, 131.
Михаресъ, 623.
Міересъ, 718.
Мнемозина, 65.
Модена, 258, 274, 276, 298, 306, 323.
Модика, 446.
Модонъ, 81.
Мозамбикъ, 790.
Мозихосъ, 130.
Мохомеръ, 468.
Мола ди-Гаэта (Форміа), 415.
Молдава, 200.
Молдавія, 158, 197.
Молиза (Кампобассо), 402, 410, 414, 421, 503.
Мольфетта, 418, 421.
Монастырь (Monastir), 168, 178.
Монбего, 563.
Монго, 622.
Мондего, 749, 752.
Монджибелло, 424.
Мондови 299, 301.
Мондрогонъ 685.
Монегросъ, 656, 666.
Монемвазія 82.
Монкабрезъ. 622.
Монкади, 677.

Монкайо, 542, 654.
Моннемуръ, 750.
Монополи, 400.
Монотепере (Аиносъ, Элатосъ), 58.
Монпильери, 425.
Монреаль, 442, 451.
Монсанаресъ, 532, 567.
Монсантъ, 662.
Монсепъ, 662.
Монсерратъ, 660, 677.
Монсехъ, 657.
Монсуммано, 322.
Монтагю, 610.
Монтанчеза, 553.
Монте Албано, 322.
» Амміата, 325.
» Арджентаро (Арджентаріо) 327, 354.
» Бальдо, 256, 260.
» Балька, 257.
» Барбаро, 406.
» Велино, 352, 354, 365.
» Венере, 356.
» Ветторе, 354.
» Веччіо, 476.
» Винчіо, 374.
» Вирджине, 414.
» Гаргано, 351, 386.
» делла Гуардія, 452.
» » Дисграція, 255, 257.
» » Кастанья, 453.
» д'Оро, 511.
» Инкудине, 511.
» Каво, 356.
» Кальво, 386, 388.
» Карсино, 312.
» Кассино, 416.
» Катрія, 351, 354.
Монтеккіо, 265.
Монте-Колибре, 641.
» Комеро (Анконскіе холмы), 351, 354.
» Кристо, 327, 347.
Монтеморъ, 788.
Монте-Муджелло, 322.
» Негро (Черногорія), 230, 577.
» Нероне, 351, 354.
» Нуово, 391.
» Орландо, 415.
» Палья-Орба (Вальорба), 511.
» Пеллегрино, 429.
» Пони, 476.
» Пульчіано, 329, 342, 347.
» Ротондо, 511, 514.
Монте-Санто, 147.
» Санъ-Джуліоно, 451.
» Солара (Капри), 334, 385, 388.
» Сомма, 394.
» Ферру, 465.
» Фурадо, 713.
» Челіо (Целіусъ), 374.
» Чимино, 357.
» Чимоне, 322.
» Чинто, 511.
Монтзеа, 623.
Монти-Катини, 322, 326, 342.
Монтилла, 608, 621.
Монти-Росси, 426.
Мантіель, 551, 568.
Мантіери, 326.
Монтора, 606, 621.
Монфальканская бухта, 271.
Монфальканскій заливъ, 271.
Монферратъ, 258, 262, 292, 300.
Монфортъ де-Лемосъ, 724.
Монхико, 784.
Монхуихъ, 675.
Монца, 302.
Монъ-Бланъ, 11, 254, 277.
» Визо, 257.
» Моди, 655.
» Пердю, 655.
» Роза, 11, 257, 277.
» Сенисскъ, 543.
Морава, 153, 227.
Морадель, 749.
Морача, 238.
Морачка, 243.
Морея (Пелопонезъ), 54, 70, 102.
Моріенскія горы, 290.
Морносъ (Морнопотамосъ), 60.
Морронъ дела Фронтера, 620.
» де-лосъ-Геновезецъ, 579.
Мортара, 355.
Моссамедесъ, 790.
Мотриль, 615, 620.
Мотта (Монте Оргулло), 701.
Моттероне, 256.
Моунтъ Сантъ, 660.
Мраморное море, 29, 132, 141.
Муга, 678.
Мука-Ори, 124.
Мулагаценъ, 577.
Мульгаценъ, 660.
Мундо, 622.
Муничка, 69.
Мура, 788.
Мурано, 309.

Мурарга (Альгама), 770.
Мурдулія, 385.
Мурзія, 725, 735.
Муросъ, 717, 722.
Муртоца, 766.
Мурція, 738, 621.
Муцца, 283.
Мучель, 224.
Муэла де-Аресъ, 623.
» » Санъ Хуанъ (Церро де Санъ Филипе), 546, 548, 623.
Мѣетъ, 152.
Мюравера, 476.

Н.

Наваринъ, 80.
Наварра, 299, 486, 536, 683, 699, 735, 739.
Навасъ де-Толоза, 576.
Навачеррада, 543.
Новильо-Гранде, 283.
Навіа, 712, 721.
Навпаксія, 111.
Навпакто, 67.
Навплія, 80, 105, 111.
Навплійскій зал., 75.
Нагара, 143.
Наксосъ (Назосъ), 54, 86, 91, 112, 435.
Налонъ, 720.
Налонъ д'Овіедо, 712.
Нанза (Тина Меноръ), 706, 712.
Нараико, 720.
Нарни, 380.
Натиссона, 270.
Нафта (Паличи), 431.
Неа-Каймени, 89.
Неаполитанскія горы, 352.
Неаполитанскій заливъ, 385, 498.
Неаполь, 247, 390, 398, 407, 421, 498, 500.
Негатонъ, 237.
Негрипонъ (Негрипонте), 87.
Неда, 78.
Немея, 83.
Неми, 357.
Нео-Коринѳь, 81.
Нера (Наро), 352, 365.
Нерви, 315, 320.
Нервіанъ, 624, 634, 701.
Нерикосъ, 96.
Нерита, 431.
Нерито, 98.
Неритонъ, 100.
Нетту, 362, 378.
Неттуно, 660.
Нейва, 752.
Нива, 684.
Нидерланды, 23.
Низиросъ, 73.
Низита (Низида), 390.
Никестро, 400.
Никея, 114.
Никозія, 436, 446.
Николози, 425.
Никомидія, 114.
Никомидійскій зал. 135, 140.
Никополь, 167.
Никшицъ, 239.
Нилъ, 28.
Нильскій басейнъ, 118.
Нимфъ гротъ, 98.
Нинфо, 364.
Нирано, 259.
Нисваро, 147.
Нихаръ, 615, 620.
Ницца, 314.
Нишъ, 234, 237.
Ніевесъ, 581.
Ніоло, 510.
Новая Кастилія, 735.
Нови, 300.
Ногуера-Палареза, 680.
Номали, 100.
Нора, 414, 468.
Ното, 446, 451.
Ночера, 413, 657.
Нойа, 660, 722.
Нубія, 118.
Нуманція, 542, 561.
Нуоро, 461, 472.
Нурра, 460.
Ньеволе, 343.
Нямцу, 224.

О.

Обаренесъ, 64.
Оберландъ, 11.
Обидосъ, 778.
Обода, 238.
Обская губа, 8.
Оваръ, 766.
Овернскія горы, 14.

Овіего, 712, 714, 739.
Одіель, 574, 585.
Озимо, 382.
Озіери, 461.
Озуно, 610, 620.
Оицъ, 685.
Окана, 554.
Оккіале, 447.
Окрида, 153, 169.
Оксусъ, 22.
Оленъ (Аланья), 290.
Оливенца, 787.
Олимпія, 111.
Олимпъ, 45, 60, 117, 131, 150.
Олинѳъ, 149.
Олиссипо, 771.
Олита, 695, 703.
Оліо, 260, 277.
Оло, 659, 678.
Олона, 302.
Ольгасъ-Маринговъ, 749.
Ольмето, 519.
Ольто (Алуто), 199, 224.
Ольфавъ, 224.
Ольхано, 789.
Ольястра, 474.
Омброна, 325.
Онеинскія горы, 70.
Онелья, 320.
Ононосъ (Эриманто), 71, 73.
Онтанеда, 720.
Оппидо, 396.
Оравица, 226.
Оранъ, 43, 615.
Орбелосъ, 188.
Орбетелло, 327, 332.
Орбецета, 694.
Орвіетто, 356, 380.
Ордуна, 684.
Орензе, 722, 739, 748.
Орестія, 145.
Орето, 433.
Ореццо, 518.
Ористано, 460, 479, 481.
Орко, 277.
Оробіа, 257.
Орозеа, 461.
Оросъ, 112.
Орронъ, 61.
Орсайо, 322.
Орта, 262.
Ортегань или Сѣверный мысъ (Norte-Gal), 709.
Ортенесъ, 254.
Ортигія, 435, 447.
Ортигуэра, 721.
Ортона, 382.
Орхоменъ, 65, 70.
Оска, 672.
Осса, 783.
Оссо, 45, 151.
Остилья, 278, 280.
Остія, 247, 362, 367.
Острова, 62.
Осуна, 591.
Отрантскій проливъ, 30.
Отрантъ, 406, 420.
Отрисъ, 45, 56, 60.
Оттоано, 414.
Офанто, 387, 417.
Охагавія, 694.
Охрида, 189.
Охридское озеро, 168.
Оціери, 481.
Ошъ (Льиберри), 692.
Оэйрасъ, 777.

П.

Павія, 249, 283, 303.
Пагани, 413.
Падронъ, 272.
Падуа, 258, 276, 306.
Падуза, 268, 276.
Паксосъ (Пакси), 95, 100, 112.
Палагонія, 431.
Паласскіе о-ва, 739.
Палатинскій холмъ, 374.
Палатинъ, 373.
Палаццоло, 449.
Палеа Каймени, 89.
Палезина, 305.
Паленція, 738.
Палеовуна, 58.
Палеокастро (Котильонъ), 72.
Палермо, 412, 429, 436, 442, 451, 498.
Палестина, 118.
Палестрина, 378.
Пали, 112.
Паличи (Нафта), 431, 447.
Палланца, 82, 267, 286.
Палланціа (Паленція), 561, 563, 738.
Паллареза, 657.
Палмела, 782.
Пало, 378.

Палосъ, 585, 613, 622.
Палотта, 294.
Пальма, 646, 648, 650.
Пальма дель Ріо, 608
Пальмаіола, 347.
Пальманова, 306.
Пальмарія, 320.
Пальми (Пальмануова), 400, 414, 499.
Памизосъ (Пирнацъ), 76.
Памплелуна (Памплона), 686, 687, 735.
Панадеросъ, 610.
Панадесъ, 675.
Панарія, 453, 455.
Панге, 146, 148.
Пандатарія (Вентотене), 394.
Панкорбо, 541, 687.
Панна-Гудина, 545.
Панталика, 449.
Пантелларіа, 431, 456, 498.
Пантеонъ, 52.
Пантократоръ, 95, 100.
Паоло, 421.
Пара, 167.
Паралимни, 66.
Парамосъ де Лора, 545.
Парапанда, 579.
Парма, 274, 276, 304, 306.
Парназисъ, 111.
Парнасъ, 45, 57.
Парнесъ, 58.
Парнонъ (Гагіосъ-Петросъ), 71, 73.
Паро (Алгарвія), 798.
Паросъ, 86.
Партиника, 444, 451.
Парфеніонъ, 71.
Пассажесъ, 685.
Патерно, 432, 445.
Патрасскій зал., 95.
Патрасъ, 71, 82, 102, 111.
Патрія, 392.
Патти, 444.
Пахарсъ, 709.
Педроегано, 754.
Педрогесъ (Поццо-Бланко), 576.
Пезарра, 381.
Пелагоза, 387.
Пелагосъ, 59.
Пелисъ, 290.
Пеліонъ, 45, 151.
Пеллегрино, 443.
Пелличи, 290.
Пелопонезъ, 48, 51, 70, 159.
Пелоръ, 429.
Пельи, 319.
Пемматъ, 290.
Пена, 656, 686.
» Гордеа, 684, 694.
» де Ороель, 656, 661.
» Лабра, 542, 662, 706, 709.
» Негра, 708.
» Пріета, 706, 709.
» Тревинка, 708, 713.
Пеней (Гастуни), 55, 60, 78.
Пенишъ, 769.
Пеннинскія Альпы, 259.
Пентеликонъ, 58.
Пеньонъ де Гибралтаръ 581.
» » Гифакъ, 623.
Пенья, 778.
Пеньягашъ, 747.
Пеньяголоза, 623.
Пенья де Франція, 545.
Пеньяларъ, 543, 545.
Пенья-Ройя, 600.
Пеньясъ-де-Санъ-Педро, 622.
Пера, 134.
Пера-Копея, 58.
Пергуза (Энна), 430.
Пердонъ, 686.
Перимъ, 41, 188.
Перистери, 56.
» Вуна, 154.
Пертусъ, 678.
Перуджіа (Тразиментское озеро), 341, 351, 358, 365.
Перуза, 379.
Пескара, 352, 382.
Пескіера, 499.
Пескіерскія горы, 266.
Пестумъ, 412.
Песчіа, 343.
Петросское ущелье, 56.
Пецца, 272.
Пигосъ, 156.
Пигъ де-Рондо, 646.
» Маіоръ, 646.
Пиза, 317, 326, 345.
Пизанино, 323.
Пизанскія горы, 327.
Пизатидо, 82.
Пизуэрга, 549, 553, 561, 706.
Пикача дела Велета, 577.
Пикерлійскія пещеры, 58.
Пико де Урбіонъ, 542.
» Ранеро, 623.
Пила, 622.
Пилавъ-Тепе, 146, 148.
Пиліа, 111.

Пилосъ, 80, 105.
Пинаръ, 646.
Пиндъ, 13, 48, 55, 115, 117, 154, 157, 198.
Пинероль (Пиньероль), 296, 299.
Пинея, 272.
Пинна, 358.
Пинто, 569.
Пиперска, 243.
Пиргосъ (Бургосъ), 102, 105, 182.
Пиренеи, 14, 684.
Пиренейскій полуост. 18.
Пирей, 69, 85, 102.
Пиротъ, 191, 237.
Пистойя, 322, 342.
Писчіателло, 275.
Питіузскіе о-ва, 642.
Питтильяно, 356.
Пиццо, 421.
Пиччигонтоне, 499.
Піава, 306.
Піаве, 255, 260, 267, 271, 274, 282.
Піана-де-Греки, 437.
Піанеццо, 261.
Піаноза, 347, 387.
Піацца, 436.
Піаченца, 258, 274, 296, 303, 306.
Піетра, 221.
» Марина, 323.
Піомбино, 327, 332, 347.
Піудадъ-Реаль, 738.
Піурана, 660.
Піяца-Армерина, 446, 451.
Планиница, 239.
Платани, 430.
Платаники, 48.
Платаносъ, 48.
Платея, 48, 70.
Плаца-дель-Моро Альманзоръ, 544.
Плаценція, 544, 566.
Плайа дела-Трамонтана, 644.
» дель-Медіодіа, 644.
Плевна, 196.
Плезанца, 499.
Плейстосъ, 67.
Плоешти, 202, 209, 220.
Плумбея, 476.
По, 14, 28, 253, 258, 274, 276, 283.
По-Веккіо, 280.
Повоа-де-Варцимъ, 766.
Поджіо ди-Монтіери, 325.
По ди-Горо. 281.
» » -Леванте, 281.
» » -Маэстро (Венеціанскій По), 281.
По ди-Примаро, 281.
Подринье, 237.
Пожаревацъ, 235.
Позилипо, 390.
Полезина ди-Ровиго, 281.
Поликоро, 420.
Полла, 313.
Полленца, 649, 650.
Поллестія, 333.
Поллино, 387.
Польша, 23.
Помарано, 788.
Помеціа, 362.
Помпея, 411.
Понente, 319.
Понсуль, 767.
Понтебба, 298, 306.
Понтеведра, 717, 739.
Понте-де-Лима, 762.
Понтедера, 330.
Понте Лагоскуро, 278.
Понтикопея, 47.
Понтійскія (Помптійскія) болота, 353, 362.
Понтремоли, 312, 323.
Понтъ Эвксинскій, 28, 32, 141, 145, 150, 317.
Понца, 394, 415, 498.
Пополи, 382.
Популонія, 327, 334.
Порденона, 271.
Поросъ, 102.
Порталегри, 783, 787, 798.
Портичи, 411.
Порто (Опорто), 305, 511, 563, 726, 748, 756, 759, 766, 770, 797.
Порто Веккіо, 512, 521.
» Венере, 312, 320.
» Груаро, 272.
» д'Анціо, 362, 367, 378.
» Кале. 758.
» Конте, 480.
» Лангоне, 348.
» Маурицio, 320.
» Павоне, 390.
» Скузо, 476.
» Торресъ, 478, 480.
» Феррайо, 348, 499.
» Фино, 314.
Портъ-Ванда, 32.
» -Магонъ, 651.
» -Мань, 643.
» -Саидъ, 40, 43.
Посо до-Биспо, 771.

Постумійская дорога, 276.
Потенца, 387, 396, 410.
Потидея, 149.
Потъ, 709.
Поццо, 592.
» Бланко (Пердючесъ), 576.
» Вельго, 777.
» ди-Готто (Барцеллона), 451.
Поццуоли, 391, 411.
Прадесъ, 660.
Прасо до-Коммерчіо, 771.
Прато, 322, 342.
» Маньо, 322.
Прахова, 224.
Превеза, 157, 167, 169.
Пренеста, 378.
Пресбу, 154.
Пресидіозъ, 739.
Призренъ, 168.
Прилипъ, 168.
Приліусъ (Кастильоне), 330.
Приморскія Альпы, 11, 429.
Принцевы о-ва, 791.
Принчипо, 134.
Пристина, 168.
Прованскія Альпы, 510.
Провансъ, 19, 25, 310.
Продано, 81.
Пропилеи, 69.
Пропонтидо, 143.
Пропріано, 521.
Прогида, 392, 412.
Прутъ, 198.
Псилорити (Ида), 123.
Пуату, 555.
Пуда, 677.
Пуицерда 673.
Пуло-до-Лобо, 783.
Пунта-Альменара, 576.
» ла-Бана, 644.
» Хлориза, 460.
Пунта, 224.
Пуццолла, 368, 409.
Пуэнте дель-Арзобисно, 565.
» ла-Рейна 695, 703.
» Майоръ, 619.
Пуэрто де Аренасъ, 579.
» » Баньосъ, 544.
» лосъ-Кастаньосъ, 544.
» дель-Соль, 570.
» » Фангалъ, 664.
» де-Санта-Марія, 611, 620.
Пуэртоллано, 575.
Пуэрто-Маіоръ, 646.
Пуэрто-Меноръ, 646.
» -Рико, 670, 732, 735.
Пьедрафита, 709.
Пьемонтскій зал., 270.
Пьемонтъ, 255, 257, 283, 292, 295, 299, 498.
Пьеріа, 153.
Пьетра-Мала-Поррето, 258.
Пьетра Санта, 344.
Пюи де-Домъ, 576.

Р.

Равелло, 412.
Равенна, 248, 268, 304.
Рагуза, 476.
Радикофини, 326.
Разградъ, 196.
Раи, 272.
Рамбла, 675.
Рапалло, 320.
Рассова, 220.
Райдаццо, 445.
Райнадуаро, 706, 715.
Реаль, 612.
Ребазадъ, 645.
Ревера, 278, 280.
Реджало, 358.
Реджіо, 259, 304, 306, 398, 400, 421.
Редондела, 722, 724.
Резегонъ, 264.
Резина, 411.
Рейнозъ, 662, 706,709.
Рейнъ, 14.
Реканати, 382.
Рекко, 320.
Рено, 274, 283.
Ретимносъ, 125.
Ретимо, 126.
Реусъ, 674, 679.
Рибогорцана, 657.
Ривадезелла, 720.
Риволи, 297.
Риворолo, 319.
Рило-Дагъ, 188.
Римани, 274, 306, 350, 383.
Римъ, 25, 247, 370, 498.
Риполи, 347.
Рипосто, 445.
Рифосъ, 131, 134, 178.
Ріа-Понтеведра, 722.
Ріера, 647.

Ріети, 380.
Ріо, 348.
Ріо-Жанейро, 770.
Ріонъ, 32, 134, 685.
Ріо-Тинто, 574, 600, 788.
Ріоха, 688.
Ріумъ, 67.
Ріэта, 365.
Рода, 661.
Родопъ, 144, 180.
Родосто, 143, 145, 152.
Родосъ, 31, 131, 134, 178, 505.
Роза, 253.
Розалпейское ущелье, 187.
Розалита, 189.
Розасъ, 526, 661, 678.
Рокка д'Анфо, 499.
Рокка Манфина, 388, 396, 415.
Роккофортъ-дель-Греко, 400.
Романешти, 224.
Романъ, 221, 224.
Романья, 305.
Рона, 14, 28.
Ронда, 581, 602, 616, 620.
Ронкаль, 694.
Ронсеваль (Ронсево), 689.
Россано, 420.
Россіа, 23.
Рота, 597, 611.
Роціо, 772.
Ройя, 312.
Ртань (Ртанія), 227.
Рубиконъ, 274.
Рубіа, 709.
Руво, 417.
Ругона, 275.
Рудникъ, 228, 237.
Рулдера, 550.
Румбларъ, 575.
Румелія, 119.
Руминъ-Казакъ, 141.
Румынія, 197.
Руссильонъ, 653.
Руфія (Алдея), 77.
Рущукъ, 196.
Рымникъ-Саратъ, 224.
Рѣчка, 243.
Рюджица, 180.

С

Сабадель, 677.
Сабеделль, 679.
Сабинскія высоты, 353, 360, 365.
Сава, 225.
Савиньяно, 275, 299.
Савона, 298, 311, 319, 332.
Сагона, 520.
Сагра, 582, 622.
Сагресъ, 784.
Сагунтъ, 526.
Саджакъ Новобазарный, 178.
Садано, 783.
Садо, 751, 770, 780.
Сазено, 168.
Саидъ, 505.
Саидъ-Портъ, 40, 43.
Сакавемъ, 768, 769.
Сакко, 361, 363, 369, 378.
Сала, 673.
Саламанка, 559, 563, 738.
Саламбрія, 56, 60.
Саламинъ, 70.
Салапія, 417.
Салема, 444.
Салерно, 348, 412, 421.
Салернскій заливъ, 385.
Салина, 453, 455.
Сало, 303.
Салона, 607.
Салоники, 108, 152, 178.
Салоникскій заливъ, 153.
Салонъ-Прадо, 572.
Салу, 674.
Сальведа, 684, 705.
Сальватера, 768.
Сальватерра, 694.
Сальмантика, 565.
Сальпи, 417.
Сальсетта, 790.
Сальсо, 430.
Сальто, 358.
Сальто-дель-Гитано, 550.
Салюсъ, 253, 258, 299.
Самаковъ, 192.
Самолако, 263.
Самосъ, 134.
Самофраки, 95.
Самоѳракія, 139, 147, 178.
Санъ-Анжело, 386, 452.
Санъ-Антоніо, 622.
Санъ-Винцентъ, 544.
Санъ-Вито, 444.
Санъ-Виченте-де-ла-Баркера, 720.
Сангвинетто, 359.
Санъ-Гервасъ, 657.
Сангонеръ, 622.

Сангро, 385.
Санъ-Джермано, 415.
Санъ Джорджіо, 220, 307.
Санъ-Джуліано, 326, 329, 450, 773, 777.
Санъ-Домингосъ, 788.
Санъ Жеронъ, 680.
Санъ-Ильдефонсо (Гранха), 564.
Санъ-Іеронимо, 661.
Санъ-Калогеро, 442.
Санъ-Карлосъ, 612.
Санъ-Карлосъ-де-ла-Рапита, 664, 674.
Санъ-Клементо, 552.
Санъ-Коломбано, 258, 277, 292.
Санъ-Кристобаль, 581, 611, 686.
Санъ-Леоне, 476.
Санъ-Лоренцо (Сіерра-Деманда), 542, 515.
Санъ-Люкаръ, 597.
Санъ-Люкаръ-де-Баррамеда, 587, 589, 610, 620.
Санъ-Мамеде, 783.
Санъ-Марино, 383.
Санъ-Мартинъ-де-Суансъ, 706
Санъ-Миніато, 341, 346.
Санъ-Пабло, 562.
Санъ-Педро, 548, 612, 661, 777.
Санъ-Педро-де-Кардена, 562.
Санъ-Пьеръ-д'Арена, 319, 321.
Санъ-Пьетро-дель-Градо, 328.
Санъ Ремо, 313.
Санъ-Рокъ, 581, 619.
Санъ-Россоре, 328.
Санъ-Себастьянъ, 694, 701, 726, 735.
Санъ-Севера, 417, 421.
Санъ-Северино, 381, 414.
Санходнъ 694.
Санъ-Стефано, 394, 498.
Санъ-Феличе, 354.
Санъ-Фернандо, 612, 620.
Санъ-Флоренъ 519.
Санъ-Фрателло, 436.
Санъ-Хуанъ-де-ласъ-Абадезасъ, 658.
Санъ-Хуанъ-де-ласъ Рейесъ, 565.
Санъ-Хума-де-Лоріа, 682.
Санта-Венера, 445.
Санта-Евфиміа 387, 421.
Санта-Кроче 389.
Санта-Луціа, 747.
Санта-Мавра, 96, 97, 112.
Санта Марія, 649.
Санта-Марія-ди-Капуа-Ветера, 414.
Санта По, 659.
Санта-Текла, 713.
Санта-Эстедгіана, 777.
Сантандеръ, 561, 719, 726, 735, 739.
Сантаремъ, 768, 779.
Сантерно, 305.
Сантиллана, 705, 720.
Сантипонце, 609.
Санто-Доминго, 659.
Санто-Стефано, 247.
Санто-Эстевайо 768.
Сантонья 719, 735.
Санторемъ, 772, 798.
Санторикъ (Св. Ирина), 50, 73, 89, 90, 102, 103.
Сантосъ, 576.
Сантъ Марча, 597, 611.
Сантьяго (Сантъ-Яго) 712, 722, 723.
Сао-Мигуэль, 761.
Сао-Ромео, 762.
Сапіенца, 72.
Сарагосса (Царагосса), 663, 671, 678, 735, 738.
Сарандопоросъ, 55.
Саранта-Экклезія, 145.
Сардики, 184.
Сардинія, 248, 458, 498.
Саріа 723, 738.
Сарно, 413, 414.
Саросъ, 143.
Сартена, 514, 521.
Сассарійское море, 460.
Сассари, 461, 479.
Сассуало, 259.
Сахамаръ, 707.
Сахара, 28.
Сайо-Джайо-Бантисто, 782.
„ „ да-Фацъ, 761.
„ Рокъ, 772.
Св. Анны, 685.
Св. Винцентъ, 588, 784.
Св. Илья, 72.
Св Мавры о-въ, 61.
Св. Юстъ (Санъ Жюстъ), 544, 654.
Св Ѳомы о-въ, 791.
Святыя горы, 123, 142.
Священный мысъ, 784.
Сгуардо, 341.
Сдобба, 271.
Себино, 265.
Севенна, 526.
Севенны, 14.
Севилья, 17, 535, 585, 608, 620, 735.
Севліево, 196.
Сега, 562.
Сегеста, 449.
Сеговія, 553, 558, 564, 735, 738.

Сегръ, 663, 673.
Сегура, 547, 654.
Сегуръ, 622.
Сезія, 277, 300.
Секкія, 274, 279.
Селе, 387.
Селинтуна, 433.
Селинусъ, 435, 449.
Селла, 712.
Семендрія, 235.
Сенегамбія (Гвинея), 791.
Сенегалъ, 293.
Сенигалія, 381.
Сенисъ, 13, 259, 299.
Сенъ-Бернардъ, 299.
„ Луи, 263.
Сербія, 117, 225.
Сервенъ, 255.
Сересъ, 152.
Серетъ, 198.
Серино, 409.
Серифосъ, 87, 92.
Серіо, 303.
Серкіо, 322, 327.
Сермида, 297, 278.
Серпо, 788.
Серро-до-Анре, 768.
Серраніа-де-Ронда, 748.
Сесса, 415.
Сесто-(Біентина), 327, 331.
Сесто-Фіорентино, 347.
Сестри-ди-Леванта, 330.
Сестри де-Понente, 319.
Сатобрига (Сетобра, Сеторбе), 780.
Сетюбаль, 751, 770, 780.
Сетту, 32.
Сеу-д'Ургель, 680.
Сецимбра, 780.
Сейксаль, 780.
Сибарисъ, 397, 407, 420.
Сибаритъ, 246.
Сивиллинскія горы, 352.
Сидарисъ, 140.
Сидонъ, 40.
Сизикскій заливъ, 135.
Сикіонъ, 78.
Сиктія, 124.
Сила, 306, 388.
Силистрія, 196, 202.
Силлакскій гротъ, 86.
Силъ, 274, 282.
Силь (Шилъ), 200, 708, 712.
Сильво, 788.
Симанкасъ, 562.
Симето, 424, 429, 430, 450.
Симонъ-Делле-Пала, 255.
Симопетра, 148.
Симплегадскія скалы, 141.
Симплонъ, 260, 298.
Синесъ, 780.
Синунтумъ, 399.
Сира (Сиросъ), 85, 90, 91, 102.
Сиракузы, 28, 433, 440, 447.
Сирія, 31, 40.
Сирійское море, 35.
Сирмія, 228, 229.
Сирнъ, 118.
Сиросъ, 112.
Сиртскій заливъ, 28.
Систово, 196.
Сито, 765.
Сифносъ, 88.
Сицилія (Тренакрія), 16, 30, 246, 248, 422, 498.
Сицилійское море, 301.
Сіева, 322.
Сіенна, 341.
Сіерра Алацена, 547, 574.
Сіерра Ароче, 547.
Сіерра-де-База, 577.
Сіерра-де-Гата, 545.
Сіерра Годаръ, 599.
Сіерра-де-Градесъ, 544.
Сіерра Деманда (Санъ-Лоренцо), 542, 545.
Сіерра-де-Маріа, 577.
Сіерра-де-Монтанчецъ, 567.
Сіерра-Морена, 538, 547, 574, 783.
Сіерра-Невада, 524, 544, 577.
Сіерра-дель-Тремедаль, 546.
Сіерра де-Тудія, 574.
Скадра, 168.
Скандинавія, 16, 18, 261.
Скандинавскій полуостровъ, 23.
Скандинавскія Альпы, 14.
Скаръ, 153, 183.
Скардусъ, 153.
Скафати, 413.
Сквилаче, 387, 421.
Скинари, 100.
Скиросъ, 86, 90.
Скифія, 116.
Скоглитти, 451.
Скодра, 152.
Скадры Дульцинье, 167.
Скопелосъ, 92, 112.
Скопія, 131.
Скопліа, 168.

Скопосъ 100.
Скропонери, 66.
Скуляны, 267.
Скутари (Скадра), 119, 134, 135, 152, 163, 178, 238.
Славонія, 51.
Слатина, 224.
Сливница, 179, 185.
Сливно, 173, 182.
Сливны, 187.
Смедерево, 234, 235.
Смирна, 108, 134, 505.
Смолика, 154, 156.
Соажо, 761.
Собрарбъ, 656, 672.
Солмона, 382.
Соллеръ, 643, 645, 650.
Солофра, 414.
Солунто, 448.
Сольсонъ, 658.
Сольфатаръ, 358, 390.
Сольферино, 261, 297.
Соморростро, 686, 725.
Сомма-Кампанья, 261.
Сомосіерра, 543.
Сомпоръ, 727.
Сомпорта, 672.
Сондріо, 293, 303.
Сонціусъ, 270.
Соракть, 353, 354, 360, 368.
Сорія, 542, 561.
Соррайю, 768.
Сорренто, 393, 398, 409.
Соулу, 739.
Соуре, 765, 767.
Софали, 790.
Софія, 115, 184, 196.
Спаккафорно, 446.
Спарта, 76, 83.
Спартель, 33, 586.
Спелло, 379.
Сперкіусъ, 64.
Спершіусъ, 56, 70.
Спеція, 102, 111, 298, 312, 320, 500.
Спиньяно, 355.
Спица, 241.
Сплюгена, 254, 298.
Сполетто, 379.
Спорады, 37, 51, 86, 131.
Спорадскіе о-ва, 54, 112.
Средиземное море, 27, 43.
Средняя гора, 180.
Стабія, 411.
Сталать, 227.
Ста-Лименъ, 130.
Стамбулъ, 134.
Стампалія, 127.
Старая Кастилія, 735.
Старо-Загора, 182.
Старца, 391.
Стельвіо, 260, 298.
Стенимахо, 180.
Степи Манычъ, 8.
Стиксъ, 71.
Стимфала, 75.
Стирбей-Каларачи, 220.
Столъ, 229.
Страмбино, 262.
Страндчъ, 144.
Странча, 145.
Стратіо, 131.
Стривали островки, 100.
Стримона, 146.
Стромболи, 453.
Стромболуццо, 453.
Строна, 263.
Строфады, 100.
Струмо, 146.
Стура, 299.
Суб-Апеннины, 324.
Суб-Апеннинскія цѣпи, 353, 368.
Субіако (Сублаквеумъ), 378.
Сугана, 273.
Суданъ, 118.
Су-Дому-С'Орку, 469.
Судъ, 125.
Суза, 261, 296, 299.
Сузана, 579.
Суккизо, 322.
Сули, 155.
Сулина, 203.
Сулинъ, 205.
Сумадія, 228.
Сумадійскія горы, 228.
Суни, 58.
Суспиро-дель-Моро, 581.
Сучава, 219, 224.
Суэцкій каналъ, 81.
Суэцкій перешеекъ, 28, 149.
Суэцъ, 43.
Сфактіотскія долины, 126.
Сфактерія, 82.
Сцикли, 446.
Сцилла, 397.
Счіакка, 449, 451.
Счіакко, 433.
Сыръ, 40.
Сэнъ-Тропеца, 37.

Т

Таборъ, 259.
Таверона (Аньена, Аніо), 363, 366.
Тавиньяно, 510, 517.
Тавиро, 789.
Таго, 525, 539, 546, 549, 582, 613, 714, 749, 768.
Таджіа, 312.
Тазаль-де з'Энканадесъ, 623.
Талаверо-де-ла-Рейна, 565, 572.
Таланди (Аталантскій заливъ), 66.
Тальаменто, 255, 260, 265, 271, 282, 285.
Тамбръ, 712.
Тамега, 748.
Танаисъ, 47.
Танаро, 258, 259, 274, 277, 288, 296, 300, 311, 313, 499.
Тангеръ, 618.
Танжеръ, 47.
Таорминъ, 449.
Тарацона, 668.
Тарентъ, 246, 400, 419, 421, 499.
Тарентійскій заливъ, 246, 387.
Тарифа, 525, 580, 586, 735.
Таро, 274.
Тарragона, 674, 679, 726, 738.
Тарраза, 677.
Таррако, 674.
Тарреза, 679.
Тарросъ, 468.
Тарсисъ, 788.
Тартари, 358.
Татра, 12.
Тауро, 421.
Тауете, 663.
Тафелла, 703.
Тайгетъ (Пентедактилосъ), 48, 57, 72.
Тайгетскій полуостровъ 106.
Тегей, 80.
Тегеризее, 290.
Текиръ-Дагъ, 142, 144.
Текучъ, 224.
Телеорманъ, 224.
Темпейская долина, 60.
Темпейское ущелье, 61.
Темпіо, 461, 480.
Тенаръ, 72.
Тенде, 253, 259, 296, 292, 298, 311.
Теразія, 50, 89.
Терамо, 382.
Терапія, 140.
Термини, 429, 442, 457.
Термини-Имерезе, 457.
Термино, 414.
Термія (Цитносъ), 86.
Терни, 365, 380.
Террагона, 613.
Терро-ди-Бари (Бари), 418, 421, 503.
Терро-ди-Лавора (Капуа), 334, 361, 368, 414, 499, 503.
Терра-д'Отрено (Лекке), 420, 503.
Терранова, 430, 442, 446, 478, 480.
Террачине, 362, 368, 378.
Террейро-до-Пасо, 771.
Теруэль, 525, 621, 655, 672, 678, 738.
Теръ, 658, 655.
Тессина, 255, 283.
Тессинскія Альпы, 526.
Тестакіо, 374.
Тетика-де-Бакаресъ, 581.
Техеда, 580.
Тибръ, 247, 298, 322, 353, 356, 365, 368.
Тиволи, 358, 366, 377.
Тимаво, 270.
Тимберіо, 412.
Тимокъ, 225.
Тиморъ, 790.
Тиморрестъ, 56.
Тина Маіоръ, 706.
Тингисъ, 47.
Тиндарисъ, 449.
Тине, 311.
Тиносъ, 91, 112.
Тинто, 585.
Тира, 112.
Тиранна, 163, 168.
Тирговишта, 220.
Тиринѳъ, 83.
Тирренское море, 30, 31, 246, 287, 298, 353, 387.
Тирсо (Фіуме д'Ористано), 462
Тиръ, 40.
Титанъ, 383.
Титареза, 62.
Титаресская долина, 55.
Тичино, 260, 263, 277, 302.
То, 38.
Тобозо, 568.
Тоди, 379, 380.
Толедо, 528, 535, 564, 569, 738.
Толезо, 735.
Толеріа, 333.

Толоза, 702.
Толоксъ, 581.
Тольмейнъ, 270.
Тольмеццо, 285.
Тольфа, 353.
Томаръ, 779.
Томоръ, 54, 156.
Тональ, 255.
Топино; 365.
Топлица, 237.
Тополіасъ, 65.
Тордеръ, 677.
Тори, 347.
Торинана, 709
Торкала, 580.
Тормесъ, 544, 549.
Торо, 650.
Торре-дель-Аннунціата, 412, 421.
Торро-дель-Греко, 396, 409, 412, 421.
Торре-де-Черредо, 706, 709.
Торрелагуна, 573.
Торрелла, 645, 646.
Торресъ-Ведрасъ, 782.
Торресъ Новасъ, 779.
Торрита, 344.
Торроксъ, 592.
Тортоза, 660, 673, 679.
Тортоли, 478, 480.
Тортонъ, 300.
Тоскана, 310, 322, 336, 498.
Тосканскія Апеннины, 322.
Тотона, 301.
Точе, 263, 302.
Травна, 192.
Тразименское озеро (Перуджіо), 341, 358, 359.
Трампалъ, 544.
Трани, 410, 421.
Трансильванія, 197.
Трансильванскія Альпы, 12.
Трапани, 437, 441, 443.
Трасъ ла-Сіерра, 544.
Трасъ осъ-Монтесъ 743, 757, 763, 792.
Трафальгаръ, 581, 586, 588.
Траяновъ валъ, 205.
Траяновы ворота, 187.
Треббія, 274, 288.
Тревиза, 276, 306.
Треза, 263, 359.
Трезена, 111.
Трелити, 498.
Тремити, 387.
Тресъ-Форкасъ, 579.
Тридоллія, 111.
Трикала, 64, 102, 105, 112.
Триконисъ, 59.
Трикорно (Триглава), 292.
Тринакрія (Сицилія), 422, 498.
Триполи, 43, 118.
Триполисъ (Триполица), 81, 102.
Трифилія, 48.
Трихонія, 111.
Тріанъ, 609.
Тріестъ, 82, 108, 149.
Тріестскій заливъ, 267.
Трокадеро, 612
Тронто, 350, 381.
Трофонія, 70.
Трухильо, 553, 566, 572.
Туа, 713, 722, 755.
Тудела, 652, 663, 704.
Тулуза, 653.
Тунджа, 144, 179.
Тунисъ, 30, 43, 118.
Турдетонія, 598.
Туринъ, 249, 258, 283, 288, 297, 298, 300, 319, 498.
Турнавосъ, 62, 64.
Турнусса-Мегурели, 224.
Турція, 113, 117.
Туръ-до-Божіо, 773.
Тускулумъ, 377.
Тырново, 185, 191, 196.

У

Убэда, 606, 620.
Убина, 709.
Удина, 285, 292, 306.
Ужица, 228, 237.
Улла, 712.
Умбертида (Фратта), 380.
Умбрія, 352, 359, 379, 483, 498.
Уралъ, 18.
Уральскія горы, 8.
Урбино, 381.
Урбіонъ, 545, 663.
Ургона, 275.
Урикъ, 783.
Урикское поле, 784.
Уролъ, 703.
Урумеа, 701.
Устика, 455.
Утейро-Маіоръ (Гавіарра) 750.
Утрера, 597, 610, 620.
Ухихаръ, 578.

Уэдъ-эль-Кэбиръ, 583.
Уэльва, 621.
Уэркалъ-Овэра, 615, 620.

Ф.

Фавильяна, 456.
Фаджіа, 410.
Фазано (Гнаціа), 418.
Фалера, 69.
Фальзина (Болонья), 306, 334.
Фальтишени, 219.
Фальчи, 224.
Фано, 95, 351, 381.
Фаральони, 425.
Фаръ, 422.
Фаросъ, 479.
Фарсалъ, 56, 64.
Фарсальская позиція, 55.
Фаэнца, 305, 306.
Феликуди, 453, 455.
Фенагори, 131.
Фенеосъ, 75, 77.
Фенестрелла, 296.
Фенетръ, 311.
Фердинандеа (Джуліа), 431.
Ферентино, 378.
Фермо, 382.
Фернандо, 613.
Фернандо-По, 739.
Феррара, 258, 274, 281, 287, 304, 306, 499.
Ферроль, 718. 721, 735.
Ферруткъ (Ferrux), 646.
Фивиццано, 347.
Фигуерасъ (Фигьеръ), 678, 679, 735.
Фигуэйра да Фоцъ, 765.
Фигюэ (Хигуэрсъ), 685.
Фидены, 365.
Фикароло, 281.
Филабрасскія горы, 580.
Филабресъ, 577, 579, 622.
Филиппія, 146.
Филиппинскіе о-ва, 670, 731, 735, 739.
Филиппополь, 180, 181.
Финатерре, 709, 722.
Финстерааргона, 259.
Фипалей, 84.
Фіезоле, 339, 347.
Фіонія, 16.
Фіора, 332.
Фіорито, 365.
Фіумальбо, 323.
Фіуме д'Ористано (Тирсо), 462.
Фіумичино, 274, 367, 378.
Фламиніева дорога, 296.
Фландрія, 23.
Флоренція, 25, 246, 249, 336, 49[illegible].
Флувія, 659, 659, 678.
Фоджіа (Капитаната), 416, 421, 503.
Фонтана-Конжіадо, 461.
Фонтарабія (Ондаррабія), 685, 702, 727.
Фонтибръ, 662.
Фонъ Эбро, 662.
Форкія-Арпайя, 385.
Форли, 306.
Форментера, 642, 644.
Форменторъ, 645.
Формиксъ, 327.
Форміа (Мола ди Гаэта), 415.
Формозелга, 765.
Форумъ, 372.
Фоссато, 354
Фразина, 281.
Франколи, 660.
Фраскати, 377.
Фратта (Умбертида), 380.
Френедасъ, 575.
Фріула (Фріули, Фурланея), 289.
Фронтера, 593.
Фтіотида, 111.
Фтіотисъ, 111.
Фузаро, 392.
Фулиньо, (Фолиньо), 365, 379.
Фумайоло, 351.
Фута, 322.
Фучеккіо, 330.
Фучино, 358.
Фуэнтезъ 592.
Фуэнто-Гварразана, 565.

Х.

Хабалконъ-де База, 579.
Хабалонъ, 551.
Хаваламръ, 623.
Хаенъ, 596, 602, 605, 620.
Хака (Іака), 652, 672.
Халкедонія, 140, 147.
Халкедонъ, 114.
Халонъ, 545, 663.
Халидика, 131.

Халцисъ, 87, 102, 112.
Хандула, 575.
Харама, 573.
Хаэна-сіерра-Хабалкуцъ, 579.
Хаэнъ, 592, 738.
Хайя, 687.
Хелонатасъ, 78.
Хересъ, 597.
Хересъ де-ла-Фронтера, 611, 620.
Херонея, 70.
Херрера, 661.
Херсонесъ, 142.
Херсонесъ Ѳракійскій, 142.
Хертъ, 544.
Хиблея, 435.
Хига-де-Монреаль, 686.
Хигуэръ (Фигюэ), 685.
Хидриллисъ, 204.
Хилока, 663.
Химера, 435.
Химера-Мала, 156.
Хіосъ, 91, 131.
Хкаръ, 655.
Хризо, 130.
Христина, 613.
Хуерва, 663.
Хукаръ, 568.
Хунто (Junto), 769.
Хуэска, 656, 678.
Хэцквибель (Эазо), 685, 687.

Ц.

Цагора, 55.
Цапноне, 394.
Цароцъ, 702.
Цеа, 69, 112.
Цеболлера, 542, 587.
Целіусъ (Монте-Челіо), 374.
Целлинъ, 271.
Цербера, 727.
Церре, 333.
Церро-де-Санъ Филипе (Муэла-де-Санъ-Хуанъ), 546, 548.
Церро-Кабалло, 577.
Цетиньи, 239.
Цеута, 30, 33, 588.
Цефизъ, 65.
Цейтуни (Ламія), 70.
Цигосъ, 56, 154.
Цидако, 663, 703.
Цикладскіе о—ва, 54, 103.
Циклады, 29, 37, 50, 68, 90, 112, 122.
Цинко-Вилласъ, 656, 657.
Цинтра, 770.
Цирія (Килленъ), 71, 73.
Цитапія, 763.
Цитеро (Чириго), 85, 93, 111, 122.
Цитносъ (Термія), 86.
Цумайя, 703.
Цѣпь Херсонеса Ѳракійскаго, 130.

Ч.

Чараковичъ, 155.
Чевита-Веккіа, 247.
Чезена, 276, 306.
Чента, 312.
Ченто, 305.
Ченторби, 432.
Ченгуринъ (Ченторби), 450.
Черболи, 347.
Червія, 268, 287.
Черезіо, 265.
Чериго (Цитера), 85, 122.
Чериготто, 85.
Черонъола, 417, 421.
Черна-Рѣка, 237.
Черная, 152.
Черная Гора, 180.
Черпая-Дрина, 153, 154.
Черница, 243.
Черновода, 220.
Черногорія (Монтенегро), 117, 136.
Черное море, 8, 29, 114.
Черные-Капоты, 53.
Чечина, 325.
Чечона, 325.
Чивита, 272.
Чивита Веккіо, 353, 378.
Чикланъ, 612.
Чиливани, 479.
Чинголи, 382.
Чинтра, 769, 777.
Чиро, 421.
Чирпанъ, 181.
Чирчелло, 354.
Читоріо, 374.
Читрелло, 419.
Читро, 419.
Читта-ди-Кастелло, 380.
Читтаново, 272.
Чіерва, 543.

Чупрійо, 228, 237.
Чьена д'Азино, 354.

III.

Шабацъ, 235.
Шавесъ, 763, 767.
Шанца, 788.
Шато-Дофинъ, 296.
Шилъ, (Силь), 200.
Шипка, 189.
Шипкинскіе Балканы, 181.
Шкипери, 152.
Шкумба, 156, 166.
Шпицбергенъ, 261.
Шумла, 187, 194.

Э.

Эазо (Хэцквибель), 685.
Эбро, 526, 541.
Эвбея, 31, 51, 53, 65, 87, 92, 112.
Эвганейскія горы, 258, 281, 305.
Эвдемонье, 641.
Эвксинскій понтъ, 28.
Эвора, 783, 788, 798.
Эворратъ, 114.
Эвпилійское озеро, 264.
Эврипійскій проливъ, 31, 87.
Эвританія, 111.
Эвріэлумъ, 448.
Эвротасъ, 78, 83.
Эга, 663.
Эгады, 455.
Эгалея, 72.
Эгейское море, 16, 29, 46, 49, 67, 81, 86, 114, 117, 149.
Эгилія, 111.
Эгина, 70, 111.
Эгіонъ, 102.
Эгіумъ (Востица), 82.
Эгуасъ, 580.
Эгъ-Мортъ, 648.
Эдирнэ, 144.
Элада, 46.
Элатея, 58.
Элатосъ (Айносъ или Монтенеро), 96.
Элаѳонизи, 72.
Элевзисъ, 70.
Элея, 413.
Элида, 48, 50, 79, 111.
Элисъ, 111.
Эллеро, 313.
Эльба, 16, 327, 347, 485.
Эльбассонъ, 168, 169.
Эльвасъ, 764, 783, 798.
Эльвира, 693.
Эльза-Вива, 325.
Эльке, 315.
Эльмо-де-Сегура, 576.
Эльнъ, 692.
Эльхасъ, 550.
Эмбалира, 673, 680, 682.
Эмерита, 565.
Эмилія, 275, 295, 296, 351, 488, 498.
Эмилійская дорога, 306.
Эмпедокла, 449.
Эмполи, 341.
Эмпоріона, 678.
Эмпоріумъ, 527.
Эникальскій прол., 32.
Эніада, 60.
Энна (Пергуза), 430.
Энна (Китро-Джіовани), 446.
Эносъ, 59.
Энотрія, 434.
Энтре-Дуро, 762.
Энца, 274, 277.
Эо, 712.
Эолійскіе о-ва (Липарскіе), 388, 429, 451.
Эпидавра, 83.
Эпидауросъ, 111.
Эпиполесъ, 448.
Эпиръ, 55, 152, 159.
Эпомео, 393.
Эразиносъ, 76, 435.
Эргастирійскій заводъ, 103, 104.
Эргина, 145.
Эрезма, 564.
Эретрія, 87.
Эрехтейонъ, 69.
Эриданъ, 288.
Эриксъ, 429.
Эриманта (Олоносъ), 71, 72, 73, 77.
Эричейра, 778.
Эркенъ, 142.
Эршеника, 142, 145.
Эсгуэва, 562.
Эскальдасъ, 681, 682.
Эсквилинскій холмъ, 374.
Эскоріалъ, 572.
Эскудо, 706, 709.
Эсла, 549, 706, 747.

Эспикель, 770, 780.
Эспинхо, 761.
Эспоценде, 761.
Эстака-де-Варъ, 709.
Эстанціасъ, 577, 592.
Эстелла, 703, 779.
Эстрелла, 749, 775.
Эстремадура, 540, 547, 579, 735, 749, 775.
Эстремоца, 783, 787.
Эта, 45, 48, 56, 65.
Этолико, 60, 67.
Этолія, 48, 49, 106, 111.
Этна, 378, 422.
Этро, 169.
Этрурія, 313, 322.
Эфесскій храмъ, 136.
Эцкори, 687.
Эчиха, 589.
Эйбаръ, 703.

Ю.

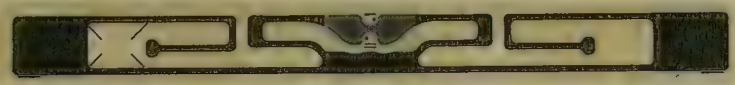
Юж. Видекъ, 202.
Юлійскія Альпы, 499.
Юльеръ, 298.
Ютландія, 16.

Я.

Ягодина, 237.
Яломица, 201, 220.
Ямболи, 182, 187.
Яникульскій холмъ, 374.
Янина, 154, 168, 178.
Янинское озеро, 155.
Янтра, 185.
Яссы (Яши), 237.

Ѳ.

Ѳазапуло, 128.
Ѳазосъ, 101, 128, 146.
Ѳарзисъ, 601.
Ѳеаки, 98.
Ѳера, 89, 90.
Ѳеррагія, 90.
Ѳермопильское ущелье, 45.
Ѳессалія, 45, 51, 55, 112.
Ѳивы, 45, 70, 111.
Ѳракія, 45, 51, 108, 114, 131, 179.



КАРТОГРАФИЧЕСКОЕ ЗАВЕДЕНІЕ А. ИЛЬИНА въ С.ПЕТЕРБУРГѢ.

15p.

۱۵۷۰